

S 104
217

ПРОЦЕСС

КОНТРЕВОЛЮЦИОННОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
МЕНШЕВИКОВ

СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

1931

МОСКВА

ПРОЦЕСС КОНТРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МЕНЬШЕВИКОВ

(1 марта — 9 марта 1931 г.)

~~22~~
S 104
217

СТЕНОГРАММА
СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА,
ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ
И П Р И Г О В О Р

МОСКВА — „СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО“ — 1931

Общая редакция проку-
рора при НКЮ РСФСР
Г. И. Иваненко

1-ый квартал 1931 года

Техредактор Я. Я. Бычков

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
От издательства	3
Состав суда	7
Обвинительное заключение	9
Стенограмма судебного процесса	49
1 марта. Вечернее заседание	51
2 марта. Утреннее заседание	55
Вечернее „	89
3 марта. Утреннее заседание	121
Вечернее „	155
4 марта. Утреннее заседание	191
Вечернее „	223
5 марта. Утреннее заседание	254
Вечернее „	289
6 марта. Вечернее заседание	324
Речь государственного обвинителя т. Крыленко	324
7 марта. Утреннее заседание	361
Речи защиты	361
Защитительные речи подсудимых	371
Вечернее заседание	392
8 марта. Утреннее заседание	432
Последнее слово подсудимых	456
Приговор	46

Поступила в производство 13 марта; вышла из печати 28 марта 1931 г.

Главлит № А 90161

6634.

Тираж 50.000.

Типо-литография им. Боровского, ул. Дзержинского, 18

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Мы печатаем стенограмму процесса так называемого «Союзного Бюро социал-демократов меньшевиков». Этот документ должен будет занять определенное место в будущих исторических исследованиях по истории классовой борьбы, какую вела и ведет мировая буржуазия против СССР.

Политика «социалистического наступления по всему фронту», коренная реконструкция экономики нашего Союза как в области промышленности, так и сельского хозяйства и реальные успехи нашего социалистического Союза, которые больше нельзя ни отрицать, ни замалчивать, удесятирили ненависть к нам мировой империалистической буржуазии извне и буржуазных классовых группировок, еще не изжитых внутри, и придали ей наиболее обостренные формы. Кулацкий террор и кулацкие контрреволюционные выступления в деревнях, контрреволюционная агитация по самым разнообразным мотивам, вредительство, проникшее почти во все поры нашего государственного аппарата, подготовка диверсионных актов и террористических покушений со ставкой на вооруженную интервенцию империалистических банд с точным назначением сроков интервенции, выработкой стратегических планов и точными подсчетами необходимых для этого вооруженных сил, — вот наиболее типичные формы, какие приняла классовая борьба за последние годы, в связи с все более расширяющейся пропастью между растущим и крепнущим и строящим социализм Союзом ССР, с одной стороны, и разлагающимся империалистическим миром — с другой. В этой общей сумме враждебных сил и враждебных действий нашла свое место и «российская социал-демократическая рабочая партия меньшевиков». Меньшевики оказались в едином блоке с наиболее откровенными сторонниками контрреволюционной фашистской диктатуры буржуазии — оказались агентами махрово-черносотенной буржуазии, продавшими ей за деньги свое социалистическое имя.

Историческое крупнейшее политическое содержание процесса заключается как раз в том, что он вскрыл в наглядной форме судебного процесса историческую эволюцию меньшевизма и выявил настоящее, действительное лицо меньшевиков, как контрреволюционной

буржуазной организации во всей реальной исторической правде и реальной исторической неприглядности этого меньшевизма, такого «как он есть».

В этом крупнейшее историческое значение процесса, далеко выходящее за рамки отображения только одного из моментов классовой борьбы мировой буржуазии против пролетарской диктатуры СССР. С этой точки зрения публикации этого документа мы придаем крупнейшее значение.

Историческую обреченность меньшевизма — вот что, помимо прочего, выявил процесс. Содержание меньшевистских признаний, имевших место на процессе, лучше всего характеризует этот факт. Большевики рассказали сами, «как они дошли до жизни такой» и почему, исходя из основных установок меньшевизма, как оппортунистического течения в рабочем классе вообще и как мелкобуржуазного течения по существу, и исходя из основных установок своей платформы 1924 года, они и не могли не прийти к той политической позиции, которую они заняли в конце концов и которую выявил процесс.

Под этим углом зрения построена, в частности, обвинительная речь тов. Крыленко. Конечно, рамки судебного процесса, обязанность, лежавшая на нем, оперировать прежде всего и раньше всего судебным материалом, не уходить от этого материала, иметь дело прежде всего с данными конкретными 14 людьми и тем, что они сделали и что им, выражаясь старым языком, «вменялось в вину», — не позволяли ему развернуть с достаточной полнотой и развить эту основную идею, как она подсказывалась историей классовой борьбы в нашей стране и историей меньшевизма. Тем не менее вводная часть речи выражает ее с достаточной полнотой и на нее, в частности, мы считаем необходимым обратить внимание читателей публикуемой стенограммы.

Еще большее значение имел процесс меньшевиков с другой точки зрения. На процессе фигурировали письмо гр. Эмиля Вандервельде в Совнарком СССР по поводу процесса меньшевиков и статья Дана в «Интернациональ Информацион» по поводу процесса «Промпартии» от декабря 1930 года. В обоих этих документах Вандервельде, как руководитель II Интернационала, и Дан, как руководитель заграничного контрреволюционного центра меньшевиков, — оба признали свою солидарность (политическую) с той борьбой, которую вели против соввласти «Промпартия», с одной стороны, и меньшевистское «Союзное бюро» — с другой.

«Мы не сажали II Интернационала на скамью подсудимых, — сказал тов. Крыленко в обвинительной речи, — II Интернационал добровольно сел на эту скамью вместе с подсудимыми, пусть же он понесет и всю тяжесть ответственности и всю тяжесть презрения трудящихся масс за вредительскую и предательскую работу подсудимых».

В разоблачении двурушнической политики II Интернационала — второе крупнейшее историческое значение процесса и значение публи-

куемой стенограммы судебного следствия, обвинительной речи и приговора, представляющего собой конденсированную сводку обвинительного материала в этом отношении.

Борьба против интервенции — на словах и подготовка ее — на деле, подготовка путем контрреволюционной агитации среди русских рабочих против коммунистической партии и соввласти (см. воззвание II Интернационала к русским рабочим), путем закулисных, секретных соглашений с интервенционистскими кругами буржуазии, в частности путем соглашения русских меньшевиков с «Торгпромом», путем торгашества английской, французской, бельгийской секций II Интернационала между собой об интервенции, — об этом рассказал обвиняемый Тейтельбаум, — и, наконец, путем систематической обработки общественного мнения рабочих за интервенцию, выставлением в качестве зачинщика будущей войны СССР и обвинением его в «красном империализме», в пропаганде, в оккупации нефтяного района Баку, — все эти методы политического двурушничества, предательства и лицемерия II Интернационала вскрыл процесс меньшевиков. С этой точки зрения изучение процесса должно будет дать богатейший агитационный материал в руки коммунистических партий Европы по разоблачению этого двурушничества и предательства.

Оппортунистическая двурушническая политика русских меньшевиков в их полемике с Каутским также прошла красочным эпизодом на процессе и нашла отражение в обвинительной речи. И с этой точки зрения материал должен быть использован в борьбе против подготавливаемой интервенции и в разоблачении меньшевиков.

Наконец, третье, что было установлено процессом и приговором, — тесная связь меньшевиков российских с заграничными меньшевиками и через них со II Интернационалом, с одной стороны, и с «Промпартией» и через нее с «Торгпромом», а через последнего с французским генштабом и правящими кругами империалистической французской буржуазии — с другой, в одном деле подготовки вооруженного свержения соввласти и вооруженного же восстановления капитализма в СССР. Усвоению всех вытекающих политических выводов из этого факта широчайшими массами рабочего класса Западной Европы — этой цели должно служить опубликование стенограммы. В одной шеренге сплотились против нас все эти враги — Пуанкаре и Черчилль, Бриан и Чемберлен, французские и русские генералы и полковники, Жуанвиль и Ришар, и Лукомский, и Миллер, иностранные и «отечественные» промышленники и капиталисты — Детердинг и Нобель, Рябушинский и Лесли Уркварт, Денисов и Манташев — вся белогвардейская эмигрантщина, начиная от бывших великих князей и княжен и кончая последним захудалым гусарским подпоручиком. На ряду с ними — профессора и литераторы, Рамзины и Федотовы, Громаны и Сухановы, Кондратьевы и Чайановы, бывшие революционеры Якубовичи и Шеры и заклеенные взяточники Ситнины и Очкины, Петунины и Берлацкие, бывшие кадеты Некрасовы и Басовы, Желудковы и французские разведчики и английские соглядатаи, бывшие капитали-

сты и мелкие жулики и др. Все они объединились в одном лагере и всех их в непосредственной взаимной связи и взаимной договоренности выявил и показал процесс.

Это объединение в едином политическом блоке против нас всех контрреволюционных сил на данном этапе классовой борьбы, отраженное в чеканных формулах судебного приговора, также отображают публикуемые документы.

В целях их соответствующего использования на дело революции мы их публикуем как дополнительное оружие в руках пролетариата для борьбы за свое окончательное освобождение.

Состав Специального судебного присутствия Верховного суда СССР по делу контрреволюционной организации „Союзного бюро“ ЦК РСДРП (меньшевиков):

Председатель—*Н. М. Шверник*

Ч л е н ы: *В. П. Антонов-Саратовский*
М. К. Муранов

Государственные обвинители:

Н. В. Крыленко

Г. К. Рогинский

З а щ и т а: *И. Д. Брауде*

Н. В. Коммодов

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу меньшевистской контрреволюционной организации Громана, Шера, Икова, Суханова и других

Процесс «Промпартии» вскрыл перед всем миром реальную опасность интервенции, под угрозу которой поставлен Союз ССР и рабочий класс всего мира. Процесс «Промпартии» вскрыл одновременно связь этой контрреволюционной организации с другими такими же контрреволюционными организациями и с империалистской буржуазией в европейских странах, ставящей те же цели вооруженной интервенции. Выражавшая классовые интересы кулачества эсеровско-кулацкая группа Чайнова-Кондратьева («ТКП») была одной из таких организаций. Не претендуя на социалистические ярлыки, обе эти контрреволюционные группировки — и группа Рамзина и группа Чайнова-Кондратьева — ставили перед собой задачу восстановления капиталистического строя путем вооруженного вторжения иностранных империалистских банд в СССР.

Те же цели ставила себе третья контрреволюционная организация — группа российских социал-демократов-меньшевиков, руководимая так называемым «Союзным бюро» центрального комитета РСДРП(м). Эта контрреволюционная организация, сложившаяся из осколков прежних меньшевистских организаций и вновь вернувшихся к политической деятельности отдельных меньшевиков, окончательно оформившаяся к началу 1928 г., наладила старые связи с загранично-эмигрантским меньшевистским центром (группа Дана-Абрамовича-Гарви), вступила в такой же прямой политический-организационный и материальный (в области получения денежных средств) блок с «Промпартией», как и группа Чайнова, но в отличие от последней продолжала на словах прикрываться социалистической фразеологией, продолжала для виду фальшиво отмежевываться от интервентов.

Платформой, на которой объединились

все эти контрреволюционные группировки, было:

- а) восстановление капиталистических отношений в СССР, как общая им всем цель контрреволюционного переворота;
- б) ставка на интервенцию, как на единственно возможный и наиболее быстро приводящий к цели путь к низвержению советской власти;
- в) вредительство, как основной метод контрреволюционной работы внутри СССР, и дезорганизаторская работа в армии;
- г) получение материальных средств в определенной части из одного источника — «Торгпрома»;
- д) организационная связь с правящими кругами западной буржуазии, в частности у меньшевиков с руководящими кругами II Интернационала.

В этом факте прямого идейного и организационного блока социал-демократов-меньшевиков с контрреволюционными организациями промышленной буржуазии («Промпартии») и эсеровско-кулацкой группой (Кондратьева-Чайнова) и их готовности помощью вооруженной силы международных империалистов раздавить первое в мире пролетарское государство и задуть социалистическую революцию сказалось все буржуазное существо нынешней социал-демократии, продолжавшей на словах двурушническую политику — отрицание интервенции, а на деле принимавшей прямое участие в подготовке интервенции вместе с империалистской буржуазией за границей и ее агентами в СССР.

На основании постановления Президиума ЦИК Союза ССР от 15 февраля 1931 г. прокуратура РСФСР направляет дело о буржуазной контрреволюционной центральной организации российских меньшевиков — так называемом «Союзном бюро» центрального комитета РСДРП — на рассмотрение Специального присутствия Верховного суда Союза ССР.

ОБРАЗОВАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ БУРЖУАЗНОЙ КОНТРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ-МЕНШЕВИКОВ

Разбитая в открытой политической борьбе, которую она вела против советской власти в первые годы гражданской войны, скатившаяся окончательно на почве принципиального отрицания каких бы то ни было возможностей социалистического строительства в СССР к программе реставрации капиталистических отношений, партия российских меньшевиков-социал-демократов следующим образом в основном формулировала в 1924 г. свои программные и тактические установки в выпущенной ею «Платформе РСДРП».

Исходя из того, что «производственные отношения в России объективным ходом развития все больше и больше перестраиваются на капиталистических основаниях и что в результате большевистского хозяйствования частный капитал, русский и иностранный, неизбежно будет занимать одну позицию за другой» (стр. 52 «Платформы»), что вообще «действительное социалистическое преобразование общества... возможно для пролетариата... лишь в рамках последовательного демократического государственного строя» (стр. 47), — меньшевистская платформа требовала:

а) в области внутренне-политической — республиканско-демократического порядка с допущением лишь в качестве переходной ступени советского строя на основе «свободных» перевыборов советов;

б) в области промышленности — сохранения в руках государства лишь предприятий монопольного характера и крупнейших предприятий в основных отраслях производства, с оговоркой «поскольку ведение этих предприятий посылно для государства», с возвращением остальных бывшим собственникам;

в) в области сельского хозяйства — фактической денационализации земли на основе «предоставления отдельным домохозяйствам права свободного распоряжения находящейся в их владении землей» и лишь «при сохранении за органом местного самоуправления преимущественного права на приобретение отчуждаемой земли» и

г) денационализации торговли на основе свободы внутренней частной торговли при одновременном уничтожении монополии внешней торговли с заменой ее государственным регулированием и системой таможенных пошлин.

Эту откровенную программу восстановления капиталистических отношений меньшевистская социал-демократия, маскируя ее ссылками на объективную якобы невозможность социалистического строительства в СССР, предлагала про-

водить, с одной стороны, путем «соглашения всех групп, партий и их частей, способных в ходе развития твердо встать на почву революции» (стр. 50 «Платформы»), с другой — путем агитации и пропаганды среди рабочих в целях «собрать под своим знаменем передовые элементы рабочего класса и содействовать всеми силами политическому оформлению стихийного рабочего движения и усвоению ими» указанных выше «очередных требований» (стр. 49).

Так определила свои программные и тактические установки меньшевистская социал-демократия в 1924 г.

Жизнь опрокинула все эти установки. В результате социалистического строительства экономическое развитие СССР пошло по линии, прямо противоположной предсказаниям меньшевиков. Ростом валовой социалистической продукции промышленности, в два раза превысившим на рубеже второго года пятилетнего плана продукцию довоенной промышленности, строительством новых гигантов индустрии и наметкой угроения продукции по сравнению с довоенной в течение одного 1931 г., с утратой частным капиталом, русским и иностранным, какого-либо значения в общем балансе народного хозяйства — вот как ответил рабочий класс Союза ССР на буржуазно-меньшевистские предсказания в области промышленности.

Грандиозным ростом колхозного строительства, гигантским ростом совхозов, индустриализацией сельского хозяйства с помощью машинно-тракторных станций, охватом коллективизацией подавляющего большинства крестьянских хозяйств в основных зерновых районах и политикой ликвидации кулачества как класса на базе этой коллективизации, — вот как ответили бедняцко-середняцкие крестьянские массы на буржуазное пророчество меньшевиков в области сельского хозяйства.

В этих условиях для меньшевиков социал-демократов осталось одно из двух — либо признать политическую ошибочность их платформы и прекратить борьбу с советской властью, либо окончательно солидаризироваться с империалистской буржуазией и признать необходимость военной интервенции против СССР.

Эволюцию от «мирных» установок 1924 г. к установке на вооруженное восстановление внутри страны и вооруженную интервенцию извне представляет собой история развития меньшевистской социал-демократии за период от 1924 до 1930 г.

Организация вышеупомянутого «Союзного бюро» ЦК меньшевиков, перешедшего от методов политической агитации к методам вредительства и подготовке иностранной интервенции, явилась поворотным пунктом этой эволюции.

Член социал-демократической партии с 1901 г., никогда с партией меньшевиков

не порывавший и из нее не выходявший, непосредственно связанный с заграничным меньшевистским центром (Дан-Абрамович-Гарви) и «Союзным бюро», активный деятель контрреволюционной организации, привлеченный по делу меньшевиков — гр. Иков — так показывает об основных моментах, определивших эту эволюцию, и основных формах и методах контрреволюционной меньшевистской работы за это время:

«Годы 1924—1929 я провел в ссылке на Урале и в Туле, в Москву вернулся к началу 1929 г. по амнистии. Возобновляя растерянные за 4-летнее отсутствие связи и знакомства, я выяснил первоначально лишь, что в Москве в течение всех этих лет, несмотря на аресты и провалы, работает нелегальная партийная группа, возглавлявшаяся Т. Н. Кузнецовой, примерно с 1925 г. являвшейся агентом или «доверенным лицом» заграничной делегации РСДРП. Группа эта получала «Соц. вестник», вела сношения с заграничной, направляла туда корреспонденцию, снабжалась оттуда деньгами для партийных и «краснокрестовских» нужд и пр...».

Вместе с тем обвиняемый Иков наотказывался и на новые формы организации.

«...К 1929 г. для меня выясняется из рассказов названных лиц и чтения «Соц. вестника», в то время регулярно получавшегося в Москве, что между «подпольем» в тесном смысле слова и меньшевиками, работниками ряда экономических, плановых и хозорганов, занимающими там порой весьма ответственные места, имеется более или менее близкое соприкосновение и взаимодействие...».

Связь этих меньшевиков надпольных с меньшевиками подпольными оказалась при этом далеко не такой безобидной, как можно было предполагать первоначально.

«Первоначально я представлял себе, — продолжает Иков, — взаимоотношения «подполья» и этих меньшевиков — советских специалистов, как отношения между нелегальной активной организацией и недостаточно оформленным широким «легальным прикрытием», которое оказывает подполью те или другие, порой немаловажные, услуги. По мере вхождения в московскую жизнь и ознакомления с положением я понял, что это «легальное прикрытия» играет гораздо более крупную и активную роль, круг его воздействия неизмеримо шире, влияние больше, а цели идут дальше и глубже, чем у «подполья», и во всяком случае его пути значительно разнятся от последнего. Проникновение в советские учреждения ставило задачей овладение важнейшими экономическими центрами

страны и направление их деятельности по руслу воззрений и планов этого «легального» прикрытия...».

«...Если говорить о главных персонажах, это — Громан, Гинзбург, Штерн, Соколовский, Суханов...».

Вокруг них оседали целые группы единомышленников, которые, и не входя непосредственно в организацию, и по роду своей работы и по политическим настроениям были под воздействием и влиянием указанных лиц, исполнителями и проводниками их директив...».

(Показания Икова от 18 февраля 1931 г.).

В то же время эта группа легальных советских работников из меньшевиков находилась в непосредственной связи с заграничным центром.

Иков говорит:

«Возвращение весной 1929 г. в Москву из ссылки Ф. А. Череванина, близко стоявшего к Громан-Сухановской группе, и особенно встречи и беседы с приехавшим из-за границы для партийной работы представителем ЦК РСДРП Броунштейном-Валериановым установили отчетливо непосредственную связь между «загранцией», подпольной организацией меньшевиков и «Союзным бюро». Я не могу лишь определить точно, когда именно и как был формально образован тот центр, который принял название «Союзного бюро», так как не знал точно (да и не видел в этом особой нужды) полного его состава, так как не бывал на его заседаниях. По устной директиве Берлина, переданной через Дукера, было предложено, если нельзя войти лично в «Союзное бюро», то тесно с ним связаться...».

(Показания Икова от 18 февраля 1931 г.).

Это изменение внешних форм организации сопровождалось коренным изменением прежней тактики. Место политической пропаганды и агитации заняли совершенно другие методы.

Иков показывает:

«Политическая линия «Союзного бюро», выраженная на протяжении его деятельности за все годы, направлена была в сторону дезорганизации народнохозяйственной жизни страны, задержки и срыва ее социалистической реконструкции, всемерного снижения ее темпов. Обратной стороной этой тактики являлась ориентация на интервенцию, как пути, единственно возможного при данной внутренней и внешней политической обстановке и при данном соотношении общественных сил, интервенцию, которая, освобождая страну от диктатуры компартии, даст вместе с тем возможность и предпо-

сылки развертывания энергии русской демократии в ее борьбе за политическую свободу и социализм».

(Показания Икова от 18 февраля 1931 г.).

Показания других обвиняемых по делу шаг за шагом раскрывают отдельные моменты той же эволюции, отдельные этапы организационного характера, пройденные меньшевистской к.-р. группировкой до ее окончательного оформления, методы и конкретные формы вредительской работы, формы политического блока с контрреволюционными группировками буржуазии, равно как роль, которую в этой эволюции сыграли директивы заграничного меньшевистского центра, связанного, в свою очередь, со II Интернационалом, всегда солидарно выступавшим вместе с меньшевиками против диктатуры пролетариата и коммунистической партии.

Бывший член правления Госбанка, привлеченный по делу меньшевиков — Берлацкий, Борис Маркович — об этих первых моментах организационного оформления меньшевистской организации показывает:

«С 1928 г. руководящий центр с.-д. стал называться «Союзным бюро...».

«Союзное бюро» выделило президиум, в который входили: Шер, Громан, Гинзбург, Шгерн, Суханов, а также ряд комиссий — оргкомиссию, финансовую и программную. Возможно, что были еще комиссии, о которых я не знаю...».

(Показания от 19 февраля 1931 г.).

Более подробно передает историю этого первого периода развития к.-р. меньшевистских организаций с 1925 г. по 1928 г., т.-е. до момента образования «Союзного бюро», привлеченный по делу Шер, также старый меньшевик и главный организатор меньшевистских групп в СССР.

В. В. Шер показал:

«Я перешел на государственную службу в Главлеском, где работал вплоть до начала нэпа, когда получил предложение от группы Тарасова А. И. (Морозова) и Румянцева войти в состав будущего правления Всеколеса, который возникал, как новый вид промысловой кооперации. При этом мне было известно, что инициаторы дела — меньшевики и что возглавлявший эту группу А. И. Тарасов, живет по нелегальному паспорту и на самом деле Николай Гаврилович Морозов... Мое начало вступления в эту работу и явилось фактическим началом моего обращения к партийно-меньшевистской работе. Связующим звеном нашей ячейки с другими был Н. Г. Морозов, от него я слышал о наличии партийной ячейки в то время в инструкторском

отделе Центросоюза, других я в этот период не знал...».

«...Партийная работа этого периода вне Всеколеса сводилась к попытке восстановления меньшевистской ячейки среди печатников...».

Вообще эта работа по созданию рабочих ячеек меньшевиков успеха не имела.

Перейдя на работу в Госбанк, — продолжает Шер, — я продолжал свою партийную деятельность. Однако в первое время моей работы в банке успех ее крайне был ограничен...

Однако мною были заложены основы партийно-меньшевистской ячейки Госбанка, особенно после того как в состав правления вступил Берлацкий. С другой стороны я, пользуясь теми связями, которые давал Госбанк с другими учреждениями, принимал меры к созданию соответствующих ячеек в них...

Из ячеек других учреждений, созданных при моем участии, мне известны следующие лица: в Центросоюзе — Петунин, Гладышев, Швейцер; в Наркомторге — Залкинд, Якубович, других не знаю...

Ячейка в ВСНХ: Гинзбург, Соколовский, других не знаю. О создании ячейки я вел переговоры с Гинзбургом какется в 1925 г.

В Госплане СССР ячейка была организована Громаном В. Г., с которым я имел сношения, но состава и размера ее я не знал.

В аппарате Госбанка на местах были следующие меньшевистские организации: при моем участии была организована ячейка в нижегородской конторе Госбанка, которая руководилась старым меньшевиком, связанным со мной старой работой среди печатников — П. В. Беляевским, в нее входил, как мне известно, бухгалтер Добрынин, остальных фамилий не знаю. Состав ячейки был не более 10 чел.

В астраханском отделении Госбанка была небольшая ячейка в 3—5 чел.

О существовании меньшевистских ячеек в аппарате банка в Ленинграде и Чите я слышал от Берлацкого. Эти районы по работе банка также были у Берлацкого...».

(Показания от 30 ноября 1930 г.).

Более подробно Шер излагает и историю укрепления связи с заграничным ЦК (показание от 30 ноября 1930 г.):

«...Связь с заграничным ЦК до 1926 г. осуществлялась путем переписки, пользуясь адресами отдельных банкирских контор, пересылавшимися мне ЦК.

Этот путь связи не давал уверенности в правильности регулярной переписки. Поэтому возник вопрос о том, чтобы представительство ЦК перенести в Россию. Этот вопрос я просил Б. М.

Берлацкого обсудить с Даном и Абрамовичем, пользуясь его поездкой в Америку, во второй половине 1925 г. По возвращении его из поездки он передал мне, что виделся в Берлине с Даном и Абрамовичем и что они просили передать мне, что представительство ЦК возлагается на меня. Вместе с тем сообщил, что ЦК вполне одобрил нашу блокировку в работе с группами сельскохозяйственной кооперации, крайне недоволен темпом партийной работы и считает необходимым переход к прямой дезорганизаторской деятельности в работе в различных отраслях народного хозяйства СССР, поскольку мы имеем ячейки в руководящих кругах того или иного учреждения. Этот ответ сильно удивил меня, поскольку до тех пор дезорганизаторские действия не входили в программу деятельности меньшевиков... Я все же решил еще раз проверить правильность этого утверждения и поэтому воспользовался поездкой К. Г. Петунина за границу и дал ему пароль для знакомства с Даном: «Петр Петрович здоров, и все благополучно» и просил доложить о его работе в Центросоюзе (партийной). Это было осенью 1927 г. Петунин, возвратившись из-за границы, сообщил мне, что виделся с Даном, с которым встретился в кафе, и что содействие ему в этой встрече оказал работающий в представительстве Центросоюза в Берлине Шурыгин. Ответ Дана, переданный мне через Петунина, был тоже положительным, причем в смысле получения практических указаний Дан отсылал ко мне. Тогда и я, примерно с конца 1927 г., твердо стал на путь этот и стал давать соответствующие директивы и сам проводить их в жизнь в своей работе в Госбанке...».

Однако, окончательное оформление центра меньшевистской организации внутри СССР состоялось, по показаниям Шера, немного позже, в 1928 г., после новой поездки за границу Юровского, члена «ТКП», который привез устную и письменную санкции на образование такого центра.

Шер говорит в том же показании:

«...ЦК был составлен путем выделения и кооптации из основных московских ячеек, как-то: Госплан, ВСНХ, НКТ СССР и Госбанк... В результате ЦК был образован в следующем составе: Громан В. Г., Гинзбург, Якубович М. П., Залкинд Л. Б., Финн-Енотаевский А. Ю., Соколовский А. Л. и я — Шер. С образованием ЦК моя роль, как представителя ЦК, отпала... Руководящее ядро ЦК состояло из Громана, меня — Шера и первоначально Гинзбурга, впоследствии (с середины 1929 г.) замененного Залкиндом».

(Показания от 30 ноября 1930 г.).

Допрошенный по этому поводу Юровский показал 5 декабря 1930 г.:

«На пути из Москвы в Париж я остановился на несколько дней в Берлине и виделся здесь с проф. Леонтьевым В. В... Я узнал из разговоров с ним, что, живя в Берлине с 1926 г. или с начала 1927 г., он встречался с белыми эмигрантами и в частности с меньшевиками Абрамовичем, Далиным и, кажется, Даном... Накануне моего отъезда Леонтьев спросил меня, не возьму ли я с собой в Москву для передачи Шеру письмо, которое нельзя переслать по почте и для отправления которого в данный момент нет подходящей okazji. Когда я выразил согласие, он вручил мне в день моего отъезда письмо в конверте без адреса, сказав, что оно «от политических друзей Шера и Громана». Я считал, что оно исходит от заграничного меньшевистского центра. Сделав в углу конверта карандашом пометку «В. В. — В. Г.», я привез это письмо в Москву и передал Шеру, кажется, в НКФ, вскоре после моего возвращения...».

(Показания от 5 декабря 1930 г.).

Наконец, допрошенный по тому же поводу Петунин показывает:

«До организации «Союзного бюро» и установления заграничных связей мне было известно о наличии меньшевистских организаций в Центросоюзе, образовавшихся в 1925 г. в Госбанке; о последней я узнал от Шера в конце 1926 г. Кроме того, в том же 1926 г. образовалась инициативная группа в составе Шера, Громана и Гинзбурга. В состав меньшевистской организации в Центросоюзе входили Петунин, Гладышев и Швейцер; почвой объединения было чтение «Социалистического вестника», который доставлял Гладышев; другой более активной работы организация в этот период времени не вела...»

«...Я в дальнейшем узнал о существовании меньшевистских ячеек в Госплане, ВСНХ и Наркомторге.

Связь с заграничной делегацией РСДРП была установлена через Берлацкого в 1925 г., через которого делегация дала полномочия Шеру быть ее представителем в СССР... Связь с заграничной делегацией РСДРП была закреплена моей поездкой в Германию осенью 1927 г. В эту поездку я, имея поручение Шера встретиться с Даном, поручение выполнил и привез в конце 1927 г. директивы заграничной делегации Шеру, как ее представителю, по двум конкретным вопросам: 1) о поддержке троцкистов в борьбе против ВКП(б) и 2) об организации вредительской работы в экономической жизни страны и создании вредительских организаций с участием не-членов РСДРП. Одновременно Дан поручил

мне сообщить Шеру о том, что как партийная, так и вредительская работа будет финансироваться со стороны заграничной делегации».

(Показания от 19 февраля 1931 г.).

Подтверждает Петунин полностью сообщение Шера, Берлацкого, Икова и др. и об образовании «Союзного бюро»:

«...В начале 1928 г. было оформлено «Союзное бюро» ЦК РСДРП; руководящая роль в формировании бюро принадлежала инициативной группе в составе трех лиц — Громана, Шера и Гинзбурга. В состав бюро вошли все кооптированные этой тройкой члены инициативной группы, а именно: Залкинд, Петунин, Якубович, Штерн и Соколовский, сама тройка, а также Волков и Финн-Енотаевский, привлеченные вновь. Всего, таким образом, первоначальный состав бюро состоял из 10 лиц; в 1929 г. в состав бюро был введен Суханов; в 1930 г. за смертью вышел из состава бюро Штерн».

(Показания от 19 февраля 1931 г.).

Руководящие деятели «Союзного бюро» — Гинзбург и Громан — также целиком подтверждают те же сообщения.

Гинзбург показывает:

«...Еще в 1925 г. Шер получил полномочие от заграничной делегации РСДРП на представительство ее в СССР и это полномочие использовал в своей инициативной работе по восстановлению партийной организации. В дальнейшем заграничная делегация установила связь с союзной организацией через Громана, Штерна, меня, Петунина, а также путем присылки членов заграничной делегации в СССР...».

«...Получив поддержку со стороны заграничной делегации РСДРП, инициативная группа, успевшая к этому времени привлечь ряд новых участников (Штерна, Соколовского, Залкинда, Петунина), весной 1928 г. созвала совещание нижепоименованных лиц, на котором постановлено было организовать «Союзное бюро» ЦК РСДРП в составе присутствовавших Громана, Шера, Гинзбурга, Штерна, Соколовского, Волкова, Финн-Енотаевского, Залкинда, Якубовича, Петунина. С января 1929 г. в состав бюро вошел Суханов, с конца апреля 1930 г. вышел Штерн...».

Наконец, Громан говорит:

«...Начало моей контрреволюционной работы я отношу к началу 1926 г., когда, при встрече с Шером, последний мне сообщил, что он по полученным им полномочиям от заграничной делегации РСДРП (полномочия привез Берлацкий) является уполномоченным заграничной делегации по организации партийного меньшевистского центра внутри СССР. Сделанное мне Шером

предложение принять участие в этой организаторской работе я принял. По рекомендации Шера я имел беседу с Гинзбургом в Госплане, куда Гинзбург пришел на заседание конкурентного совета. Я ему сообщил о предложении Шера и информировал его, что это предложение исходит от заграничной делегации РСДРП, уполномочившей Шера на создание партийного центра (Берлацкий, привезший полномочия Шеру, по его предложению, имел в Берлине свидание с Даном). Гинзбург после свидания с Шером выразил желание принять участие в этой организационной работе. Таким образом, создалась инициативная тройка — Шер, Громан и Гинзбург, оформившаяся, путем кооптации новых членов, впоследствии в «Союзное бюро».

(Показания от 19 февраля 1931 г.).

Это изложение фактической стороны образования центральной организации меньшевистской группировки в лице «Союзного бюро» обвиняемые дополняют показаниями о новых тактических установках, которые легли в основу работы вновь организованного контрреволюционного центра.

Как это следует из показаний всех обвиняемых и документальных данных, очень скоро возобладали совершенно иные, чем формулированные в 1924 г. в «Платформе», тенденции как организационные, так и тактические, причем непосредственное руководство заграничных центров сыграло в этом отношении посредствующую роль.

Чрезвычайно важные показания по этому поводу дает Громан от 25 декабря 1930 г.:

«...Прежняя тактика мировой социал-демократии в борьбе с СССР, отрицавшая допустимость интервенции и не применявшая вредительства, как метода борьбы, базировалась: а) на уверенности в неудаче опыта построения социализма в СССР; б) на убеждении в быстром росте рационализирующегося и организующегося капитализма, которому мирными средствами удастся ассимилировать хозяйственно, а затем и социально-политически Советский Союз («не дубьем, а рублем»), как мотивировал в свое время Ллойд-Джордж переход от интервенции к торговому соглашению».

(Показания от 25 декабря 1930 г.).

Эта тактика сейчас резко изменилась. «...Со слов Броунштейна следовало, что Гарви является непосредственным инспирирующим всех последних явно-агрессивных выступлений Каутского против СССР, когда последний «вывил себя, как прямой сторонник интервенции. Как мне сообщил Броунштейн, эта точка зрения К. Каутского в последнее время завсегдатаем большого количества

сторонников среди руководящих лиц II Интернационала и ведущей его партии — германской социал-демократии, встречающей все растущие трудности в своей борьбе с германской компартией и Коминтерном...».

«...В том же 1927 г., когда я виделся в Берлине с меньшевиком Денике, я узнал от него, что он поддерживает активные связи с германскими социал-демократами и крайне право настроен...».

«...Он мне назвал Гильфердинга, как лицо, активно поддерживающее течение за интервенцию...».

«...В свете всех этих фактов меня уже не поразило сообщение Петунина о его беседе в Берлине с Даном, имевшее место в конце 1927 г. — сообщение, сделанное им «Союзному бюро» ЦК РСДРП(м). В этом сообщении Петунин приводил директивное указание Дана о принятии в связи с активной поддержкой троцкистской оппозиции новой тактики борьбы с ВКП(б) всеми средствами, вплоть до интервенции и дезорганизаторской работы...».

(Показания от 25 декабря 1930 г.)

Наконец, впоследствии, в 1928 г., указывает Громан:

«...Абрамович в беседах со мной и другими членами «Союзного бюро» ЦК РСДРП(м) подробно развивал и обосновывал изменение тактики борьбы. Тут же вопросы вредительства и интервенции ставятся им как делегацией ЦК РСДРП(м) с большей определенностью и настойчивостью. Абрамович при этом дал мне совершенно ясно понять, что этот поворот тактики одобряется как германской с.-д., так и II Интернационалом. Он указал на то, что перед его отъездом в СССР в Берлине состоялось секретное совещание с участием Абрамовича, Дана, Далина, Гильфердинга и Бройдшейда, на котором были окончательно вырешены в положительную сторону вопросы новой тактики, было принято решение об оказании финансовой поддержки и организационном содействии проведению нового тактического курса...».

(Показания от 24/25 декабря 1930 г.)

О том же показывает Суханов.

Суханов в своем показании от 19 февраля 1931 г. говорит:

«Для меня является совершенно ясной позицией заграничного ЦК РСДРП по вопросу об интервенции: как ЦК, так и II Интернационал стоят на определенно интервенционистской точке зрения, и это убеждение во мне сложилось как на основании прямых указаний, полученных «Союзным бюро» от заграничного ЦК РСДРП, так и на основании всей истории II Интернационала, особенно начиная с Марсельского конгресса 1925 г.».

Дальше Суханов показывает:

«В среде заграничных меньшевиков по вопросу об интервенции, несомненно, существуют различные оттенки мнений. Правая группа (Погресов, Церетели, Гарви) всегда активно поддерживала идею интервенции. Центральная группа, официально возглавляющая заграничную делегацию (Дан, Абрамович, Югов), официально не солидаризировалась с активными призывами к интервенции до последнего времени но фактически их политика, несомненно, является интервенционистской».

(Показания от 20 февраля 1931 г.)

Так, под непосредственным давлением заграничного ЦК меньшевиков и II Интернационала, формировала свои интервенционистские политические установки контрреволюционная меньшевистская организация внутри СССР, окончательно оформившаяся в «Союзное бюро» в начале 1928 г.

II

СОСТАВ, ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА И РУКОВОДЯЩАЯ КОНТРЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «СОЮЗНОГО БЮРО»

«Союзное бюро» русских с.-д. меньшевиков окончательно оформилось в начале 1928 г. По показаниям всех обвиняемых, дата образования «Союзного бюро» относится к февралю 1928 г., когда его состав в результате всей предварительной работы определился следующим образом: Громан, Шер, Штерна, Гинзбург, Соколовский, Волков, Петунин, Якубович, Залкинд, Финн-Енотаевский.

В начале 1929 г. Громаном был привлечен Суханов. В апреле 1930 г. из его состава выбыл вследствие смерти Штерна.

Таков был состав «Союзного бюро». Но на его заседаниях сплошь и рядом привлекались лица, которые не входили в состав бюро, но были осведомлены о существе его работы и помогали ему в той или другой форме. Среди таких лиц надлежит отметить в особенности Рубина и Базарова. Для руководства текущей деятельностью «Союзного бюро», организационной работой для подготовки пленумов, для сношения с заграничными ЦК меньшевиков и другими организациями «Союзное бюро» выделило руководящую пятерку в составе: Громана, Суханова, Шера, Гинзбурга и Штерна. «Союзное бюро» выделило также организационную группу, ведавшую сношениями с периферией, в составе: Штерна, Волкова, Петунина, Залкинда. Секретарские функции в бюро выполнял Шер. Наконец, была составлена программная комиссия для составления программы партии, в составе Базарова — председателя, Громана, Суханова, Гинзбурга и

Рубина. Наконец, финансовыми делами ведают: Громан, Штерн и Шер. Ведение техники было возложено на Штерна и затаем Якубовича.

(Показания от 12 февраля 1931 г.).

Громан указывает, что в организационную группу входил еще Соколовский и что, сверх того, велась военная работа, уполномоченными по которой были Шер и его помощником Якубович.

(Показания от 19 февраля 1931 г.).

Это организационное строение «Союзного бюро» согласно подтверждается всеми обвиняемыми.

По показаниям Шера, за все время существования «Союзного бюро» имели место три его пленума, состоявшиеся последовательно в 1928, 1929 и 1930 гг.

Первый пленум происходил весной, примерно в марте-апреле, и был на квартире у Штерна. Порядок дня сводился к следующим вопросам: 1) отношение к проектам пятилетки (доклад Громана); 2) отношение к смежным к.-р. организациям (доклад Громана вместе с содокладом Шера о крестьянском движении против соввласти) и 3) вопрос о дезорганизаторской деятельности, как для вежливости именовали меньшевики свою вредительскую работу. По всем этим докладам были приняты резолюции практического характера. Так, по первому — после общей оценки проекта пятилетки, как чрезвычайно важного способа укрепления советской власти, резолюция рекомендовала при предварительной проработке вопроса тормозить проведение пятилетки, «всячески подчеркивать затруднения, связанные с осуществлением плана, не останавливаясь перед тенденциозным подбором фактов и обработкой их».

(Показания Шера от 19 февраля 1931 г.).

По второму вопросу резолюция рекомендовала периферийным организациям следить за развитием крестьянского движения на местах и вступить в контакт с представителями «ТКП». Такой же характер носила резолюция по третьему вопросу. Дав общую установку о дезорганизаторской работе, пленум поручил «Союзному бюро» приступить к практическому осуществлению вредительства.

Второй пленум имел место осенью 1929 г., приблизительно в сентябре, и состоялся на квартире Громана. Обсуждались также три вопроса: 1) колхозное движение и его перспективы, 2) расхождение внутри ВКП(б) и использование правого уклона в интересах РСДРП, 3) отношение РСДРП к интервенции.

По первому пункту докладчиком был сам Шер, по третьему — Громан. Докладчика по второму пункту Шер не называет. Решения сводились к следующему: по первому пункту рекомендовалось усилить контакт с кулацко-эсеровской груп-

пой Кондратьева-Чаянова («ТКП»), в частности связаться в области практической работы, чтобы, как показывает Шер, оказать возможное содействие этой партии в деле организации крестьянских восстаний».

(Показания от 19 февраля 1931 г.).

По второму пункту рекомендовалось всячески использовать правый уклон, осуществляя по отношению к коммунистам тактику так называемого обволакивания; наконец, по третьему пункту была принята резолюция, «оценивавшая интервенцию, как неизбежный результат внутренней и внешней политики соввласти, причем интервенция, независимо от субъективной воли интервентов, расценивалась как положительное явление, заслуживающее поддержки и используемое со стороны РСДРП. Содокладчиком вместе с Громаном по этому вопросу был Суханов, стоявший на той же позиции».

Наконец, третий пленум состоялся в апреле 1930 г. на квартире И. Желудкова, в Петровском парке. Порядок дня был следующий: 1) победа генеральной линии внутри ВКП(б) и перспективы работы РСДРП, 2) использование затруднений при осуществлении пятилетки, 3) соглашение с «Промпартией» в свете предстоящей интервенции, 4) переименование РСДРП в Рабочую партию.

По первому пункту докладчиком был Суханов, причем резолюция констатировала необходимость в виду победы генеральной линии «усиление боевых методов борьбы РСДРП — дезорганизаторской работы и подготовки интервенции»; то же содержание, по существу, носила резолюция по второму пункту — по докладу Гинзбурга; по третьему пункту — по докладу Громана — резолюция, исходя из положительной оценки интервенции, санкционировала блок с «Промпартией». Наконец, по четвертому пункту предложение заграничной делегации о переименовании РСДРП в Рабочую партию единодушной поддержки не встретило, и практическое разрешение этого вопроса было признано преждевременным.

Содержание приведенных решений не оставляет сомнений в активной контрреволюционного характера деятельности «Союзного бюро» меньшевиков-социал-демократов.

По показаниям того же Шера, директивные решения

«...в дальнейшем принимались к исполнению «Союзным бюро» и его ячеек, причем до сведения местных ячеек и периферии «Союзного бюро» эти решения доводились либо в порядке рассылки резолюций, либо в порядке циркулярных писем, размножением которых ведали лица, занимавшиеся техникой..., а рассылкой — орггруппа...».

По вопросу о попытках организации меньшевистских ячеек в советских учреждениях, и в особенности попытках проникнуть в месткомы и фабзавкомы на предприятия, подсудимые показывают, что в этом отношении шансов на создание сильных организаций у меньшевиков не оказалось никаких, в результате чего, как признает Громан,

«...фактически состав партийных ячеек сложился из групп так называемых ответственных работников, что в значительной мере предопределило и тактику партийной работы... Социальная база меньшевистской организации оказалась крайне узкой и свелась к немногочисленной группе лиц, имеющих благодаря своим специальным знаниям, а отчасти и связям с членами ВКП(б) в период подпольной работы в царский период, положение ответственных работников в советском государственном аппарате...».

(Показания от 15 декабря 1930 г.).

В крестьянскую массу меньшевистская организация и не пыталась проникнуть.

По показанию Громана, «Союзное бюро» вынесло решение о том, что

«раскулачивание в виду якобы почти полного отсутствия кулацких эксплуататорских хозяйств фактически направляется на середняков с наиболее хорошо поставленным хозяйством, что коллективизация внедряется насильственно и создает нежизненные хозяйства, и поэтому необходимо поддерживать все протесты населения, волнения и восстания, используя их для борьбы с диктатурой пролетариата и соввластью...».

Практически, однако, меньшевистская организация решила

«не объявлять своей позиции и действовать не от имени меньшевистской организации, чем и объясняется,— заключает Громан, — что Суханов издал свою прокламацию от безыменной группы...».

Признание этой своей слабости и полной оторванности от масс не могло не заставить меньшевистскую организацию сосредоточить центр тяжести своей контрреволюционной работы на вредительстве, как наиболее доступном ей методе, что, впрочем, и она сама отчетливо сознавала.

Тот же Громан показывает:

«Состоит преимущественно из группы ответственных советских работников, как это обрисовано выше, они должны были свою тактику, свой метод борьбы строить, исходя из этой узкой социальной базы. Отсюда и вытекали методы борьбы: а) тенденциозные оценки положения хозяйства с подчеркиванием отрицательных моментов; б) «обволакивание» отдельных комму-

нистов; в) поддержка и изменение всех проектировок, исходящих от правой оппозиции ВКП(б); г) прямое проведение мероприятий, поддерживающих враждебные коммунизму силы: частные предприятия (путем кредита и использования иногда закона), кулацкие хозяйства путем нарушения жестких условий заготовок, для них установленных, и облегчения получения ими промтоваров, кредита, освобождения или облегчения налогового бремени, т. е. политика извращения классовой линии; д) нарушение и расстройство планов строительства, производства, снабжения и кредита путем торможения, уменьшения или даже сокрытия ресурсов, заведомо грубых приемов видимого выполнения — без учета необходимых усложняющих обстоятельств, преувеличение препятствий, якобы вынуждающих отклоняться от планов и т. д., т. е. все то, что должно быть названо дезорганизаторской тактикой и вредительством...».

(Показания от 15 декабря 1930 г.).

Совершенно понятна отсюда была легкость, с которой «Союзное бюро» пошло навстречу новым установкам заграничного ЦК на интервенцию.

По показаниям Громана:

«Когда из заграничного письма ЦК РСДРП стало известно, что он изменил свою позицию и считал интервенцию необходимой и что имеются шансы на сравнительно скорое наступление (Франция, Польша), то «Союзное бюро» признало, что интервенция является необходимым орудием борьбы с диктатурой пролетариата и соввластью, и это несмотря на образующийся фактический кордон вокруг Союза...».

Не менее характерное сообщение по организационным вопросам, рассматривавшимся уже первым пленумом, дает Залкинд.

Характерно, что он докладчиком по этому вопросу указывает Шера, который в своем перечне обсуждавшихся пленумом вопросов об этом своем докладе умолчал.

Залкинд показывает:

«По второму организационному вопросу с докладом выступал Шер. В качестве материала по этому вопросу на заседании пленума передвалось (в одном экземпляре) для ознакомления письмо заграничного ЦК, в котором он извещал всех членов РСДРП об организации «Союзного бюро», излагал задачи этого бюро и призывал к образованию местных организаций РСДРП.

Основные положения доклада Шера и прений по ним сводятся к следующему. Первый вопрос, на котором

остановился докладчик, был вопрос о социальной базе, на которую может рассчитывать в настоящее время РСДРП, так как только после разрешения этого вопроса можно подойти к выбору той или другой формы организации. При обсуждении этого вопроса были высказаны две точки зрения. Одна, которую разделяло большинство, состояла в том, что рассчитывать, хотя бы в какой-нибудь части, на рабочий состав РСДРП в настоящее время совершенно не приходится. Рабочая масса настолько полностью находится под авторитетом и влиянием ВКП(б), что надеяться на что-либо в этой области не приходится. Другая точка зрения по этому вопросу сводилась к следующему. В настоящее время в рабочей массе имеется прослойка, классово ей чуждая, но формально занимающая положение рабочего. Это — сельская буржуазия, городские торговцы, а в некоторых случаях и служащие, вынужденные в поисках заработка поступать на фабрики. На эти элементы РСДРП могла бы рассчитывать. В конце-концов, пленум пришел к заключению, что основная социальная база, на которую РСДРП в настоящее время может рассчитывать, это деклассированная мелкая буржуазия, в первую очередь — та часть служащих советского государства и кооперативного аппарата, которой корни связаны с прошлым и которая в настоящее время быстро вытесняется новой советской сменой. Развертывающаяся чистка советского аппарата привела эти элементы в такое состояние, что они представляют чрезвычайно благоприятный материал для привлечения в ряды РСДРП. Такой же благоприятный материал представляет и городская торговая мелкая буржуазия. В связи с такими специальными перспективами, на пленуме был поднят вопрос, не является ли целесообразным поставить вопрос о переименовании партии, в первую очередь, в смысле исключения в ее заголовке названия рабочей. Однако, вопрос о переименовании партии был оставлен открытым, главным образом, в виду связанности его с международным движением РСДРП по линии II Интернационала....

(Показания от 4 декабря 1930 г.)

В связи с этим пленум дал конкретные директивы по существу подлежащей проведению работы.

«Каждая партийная ячейка, — говорит Залкинд, — помимо чисто-партийной работы должна была стремиться в той или иной форме организовать вредительскую работу. В этих целях низовые ячейки партии должны были строиться по учреждениям. Следующим моментом, вытекавшим из этого же

положения, являлась необходимость установления тесной связи между клубной низовой ячейкой и вредительской организацией. Прима́т вредительства в функциях партийной ячейки должен был получить такое большое значение, что в необходимых случаях им было предоставлено право привлекать специалистов для консультации и подготовки вредительской работы в самую ячейку. Связь между отдельными партийными ячейками также должна была быть организована не по территориальному признаку, а по принципу общих моментов во вредительской работе...

Организация и реорганизация партийных ячеек на указанных основаниях была поручена в Москве по Госплану — Громану, по ВСНХ — Соколовскому, по Наркомторгу — Залкинду, по Центросоюзу — Петунину, по Госбанку — Шеру, по Наркомтруду — Минцу. Президиуму было поручено принять строгие меры к образованию областных комитетов, посыл на места специальных уполномоченных и используя старые связи...»

По показаниям Суханова, он принимал участие лично в 20—22 совещаниях, причем не менее 10 раз на этих совещаниях обсуждались тактические установки и практические директивы в области вредительства и в связи с вопросом об интервенции.

Суханов приводит следующий пример обсуждения конкретных форм и методов вредительства:

«Хлебозаготовительные трудности весны 1929 г. дали основание поставить вопрос об учете будущего сбора хлеба в целях возможно большего преуменьшения хлебозаготовительных планов на следующий 1929/30 г. Соответствующая директива была дана для проведения ее в ЦСУ. Проводил ее Громан в контакте с лицами, отчасти принадлежавшими к организации РСДРП, отчасти стоявшими вне ее, но единомышленными с нею в данном вопросе (Кондратьев, Огановский и Зелингер)».

Суханов говорит далее, что:

«Желательных результатов данный акт не имел. В августе 1929 г. вредительская установка в данном вопросе была разоблачена. Был распущен экспертный совет при ЦСУ, замененный новым составом. Хлебозаготовительный план был увеличен на треть и с успехом своевременно выполнен...».

(Показания от 22 января 1931 г.)

Это показывает, что практическую работу по вредительству «Союзное бюро», как руководящая организация, осуществляло систематически и широко, и в этом отношении роль его, как вредительского центра, достаточно сильно проникшего в руководящие планирующие органы СССР, может быть приравнена по

соответствующим отраслям планового строительства к вредительской работе «Промпартии». Крайне важные показания дает тот же Суханов и по вопросу о роли заграничного центра в направлении работы на рельсы вредительства и поддержки интервенции.

Суханов устанавливает непосредственную руководящую роль заграничных меньшевистских центров.

«В одном из первых совещаний, — говорит Суханов, — я обратил внимание на лежавший перед Шером документ, представлявший собою обыкновенного вида письмо, очень убористо написанное на бумаге большого почтового формата. Письмо начиналось словами: «Дорогие товарищи» и, кажется, не имело подписи. В углу бумаги синим карандашом было написано «Загран. делег.». Возможно, что это был не подлинник, а расшифрованная копия».

«На данном совещании этот документ не обсуждался, но я пробежал его. Его содержание вкратце таково. Надежды на ликвидацию большевистской диктатуры путем естественной эволюции и в результате внутреннего разложения ВКП(б) не оправдались до сих пор и все более меркнут. Между тем большевизм повернул на путь военного коммунизма, несущего с собой новые бедствия в стране, хозяйственную разруху и усиление террора. Заграничная делегация в создавшихся новых условиях вновь обсуждает вопросы партийной тактики, причем имеется течение не только сильное, но, может быть, преобладающее, в пользу того, чтобы оставить те мирные пути борьбы с большевистским режимом, которые культивировал русский меньшевизм до сих пор. Внутри II Интернационала уже давно зреет и крепнет мнение, что ликвидация большевизма вооруженными силами демократических государств неизбежна и в конечном счете окажется исторически более экономной в смысле бедствий и жертв, чем изжитие большевизма собственными силами страны. Социал-демократия до сих пор боролась против такого рода установок. Но ныне наступила пора пересмотреть тактику в направлении позиций дружественных партий II Интернационала. Отсюда должны вытекать и новые приемы борьбы социал-демократии с советской властью. В связи со сказанным, делегация усиленно обсуждала за последнее время вопросы тактики и поведения интеллигенции, советских служащих, находящихся в сфере влияния социал-демократии или способных стать объектами ее влияния. Противодействие разрушительным экспериментам большевиков в новый период политики становится жизненной необходимостью. Охрана форм хозяй-

ства, обрекаемых большевиками на слом грубой силой во имя утопических планов, становится действительной задачей ради будущего возрождения страны. С другой стороны, ослабление связей большевистского государственного и хозяйственного аппарата, при свете предстоящего вооруженного конфликта с Западной Европой, сыграет не отрицательную, а положительную роль, облегчая родовые муки истории. Отсюда перед социал-демократией встает задача организации служилых интеллигентских кадров для планомерного противодействия в государственных и хозяйственных учреждениях разрушительным планам и мероприятиям большевистской власти. Это должно быть возвратом к первоначальной тактике организованного саботажа и дальнейшего перехода к активным действиям, дезорганизующим систему вновь вводимого большевиками военного коммунизма. Против такого поворота в тактике говорит опасность смешения ее с корыстным вредительством того типа, который выявился на шахтинском процессе. В пользу же его говорят действительные интересы страны и необходимость применять тактику, способствующую наиболее безболезненному разрешению кризиса...».

(Показания от 22 января 1931 г.)

Этот документ, о котором говорит Суханов, был тем документом, исходя из которого, как из руководящей директивы, работали затем сам Суханов и «Союзное бюро» в 1929 г. и в 1930 г. Это категорически подтверждает сам Суханов:

«По существу, — говорит он, — это была директива относительно перехода к тактике вредительства и к поддержке интервенции. На мой вопрос мне было дано разъяснение, что этот документ уже довольно старого происхождения, что содержание его и во всяком случае его основные принципы уже были обсуждены на пленуме «Союзного бюро» 1928 г. с участием представителя заграницы, и эти принципы ныне лежат в основе тактики «Союзного бюро».

(Показания от 22 января 1931 г.)

Такова была организационная структура, формы деятельности и содержание преступной работы «Союзного бюро».

III

О ПОЛИТИЧЕСКОМ БЛОКЕ С ДРУГИМИ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Вопрос о вредительской работе и о военной работе точно так же, как и вопрос финансирования, тесно связывается с согласованной работой меньшевистской

к.-р. организации, с такой же работой других к.-р. организаций — «Промпартии» и эсеровско-кулацкой группы Кондратьева («ТКП»).

О блоке с другими к.-р. организациями мы имеем исчерпывающие показания обвиняемых, целиком подтверждаемые и к.-р. заговорщиками и «деятелями» «Промпартии» и «ТКП».

Громан в показаниях от 16 января 1931 г. по этому поводу говорит:

«Став на точку зрения подготовки переворота, приняв новую тактику заграничной делегации с ее признанием интервенции и рекомендацией «дезорганизаторской», т.-е. вредительской работы, «Союзное бюро» ЦК РСДРП искало союзников среди других политических группировок и организаций. Личное знакомство послужило техническим оружием завязывания политических связей, точно так же были использованы и служебные отношения».

«... Сношения носили характер политических «собеседований», в которых обменивались информацией, обсуждали хозяйственное и политическое положение как внутреннее, так и международное, намечали перспективы, оценивали степень устойчивости советского строя, положение внутри ВКП(б), средства и формы борьбы с совластью. Вся сумма вопросов, включая и вопросы организации борьбы, обсуждалась втроем: Сухановым, мною и Кондратьевым...».

«... Постепенно для меня и Суханова выяснилось, что кондратьевская группировка представляет собой широко разветвленную организацию с базой в органах Наркомзема, а частью и Наркомфина как в центре, так и на местах, с охватом всех видов кооперативной системы, особенно сельскохозяйственной и кредитной».

«... В политической области нас объединяли враждебное отношение к диктатуре пролетариата и стремление к буржуазно-демократической республике, при чем «ТКП» она мыслилась с парламентом, с земствами, с городскими думами и управами, а для членов «Союзного бюро», по крайней мере некоторых, рисовалась перспектива свободных «демократизированных» советов. В отношении переходной стадии договаривались об образовании временного правительства из представителей «Союзного бюро» ЦК РСДРП, «ТКП», и — возможно — «Инженерно-промышленного центра» (впоследствии «Промпартии»), а по мнению некоторых — и при участии отколовшихся от ВКП(б) членов правой оппозиции. Из членов «Союзного бюро» ЦК РСДРП назывались имена: мое, Суханова, Базарова, из членов «ТКП» — Кондратьева, Макарова, Юровского, Садырина, Чайнова; из

«Инженерно-промышленного центра» — Рамина, Осадчего.

Образование временного правительства мыслилось одними как результат вызванного политикой социалистического наступления и хозяйственным кризисом, усиленной вредительской работой, «народного движения», сопровождающегося восстаниями, организованными контрреволюционными партиями, — движения, поддержанного извне вооруженной интервенцией; другие центр тяжести надежд возлагали на интервенцию, которую надо поддерживать изнутри движением недовольных внутри Союза и вредительскими актами».

(Показания от 16 января 1931 г.)

О связи с «Промпартией» Громан показывает:

«...С «Инженерно-промышленным центром», впоследствии ставшим известным как «Промпартия», отношения «Союзного бюро» ЦК РСДРП заключались в следующем. В конце 1928 г. Кондратьев пригласил меня к себе, и я застал у него, кроме Макарова, двух представителей «Инженерного центра», из которых один был Рамина. Руководивший заседанием Кондратьев объяснил, что он организовал настоящее совещание из представителей трех группировок для того, чтобы обменяться мыслями о возможных совместных действиях в борьбе с советской властью. Сообщив сжато и в неопределенных выражениях о позиции своей группы, о наличии связей и ячейек в органах Наркомзема и Наркомфина на местах и в центре, о том, что благодаря этому является возможность влиять и на выработку и на исполнение планов и мероприятий в сфере сельского хозяйства в желательном (т.-е. вредительском) смысле, на связи с населением через опытные культурные хозяйства, насчитывающиеся десятками тысяч, он указывал на необходимость сговориться с группировками, влияющими на промышленность и на общеплановую работу. В качестве программного задания он указывал на свободу хозяйственных отношений, на компенсацию «пострадавших» капиталистов и на буржуазно-демократическую республику, подчеркивая, что возможна и вероятна поддержка извне в виде интервенции. Представители «Инженерно-промышленного центра» указали, что они также имеют разветвление организации по отраслям промышленности, благодаря чему они фактически располагают возможностью влиять на планы и на их осуществление, что в вопросе об интервенции они хорошо осведомлены и ставят ее во главу угла в борьбе с советским режимом, поэтому-то они считают необходимым

длительный период военной диктатуры, ничего не имея против того, чтобы при ней был и совет министров с участием и других антисоветских партий и групп, но что в хозяйственной области они настаивают на непосредственном возвращении капиталистам их владений. Я, указав глухо на то, что эта последняя точка зрения не разделяется моей группой, равно как и признание военной диктатуры, высказался за желательность пока лишь информационных связей. Сопровождение этим и закончилось».

(Показания от 16 января 1931 г.).

Последующие встречи носили уже более практический характер по вопросу вредительства и финансирования.

Вопрос о взаимоотношениях и о соглашении с «Промпартией», по показаниям Суханова,

«был поднят весной 1929 г. В этот период времени, опоздав на одно из совещаний членов «Союзного бюро», я застал обсуждение вопроса о «Промпартии». Сообщалось, что эта партия ищет связей и контакта с действующими в СССР организациями РСДРП. Сообщалось также, что «Промпартия» располагает большими денежными средствами, которыми она могла бы субсидировать «Союзное бюро». Я застал резкие прения и принял в них участие. С одной стороны, высказывались мнения, что социал-демократии в высшей степени свойственны контакт и сотрудничество с буржуазией; что по жертвованиями капиталистов все подпольные партии, представляющие рабочий класс, пользовались всегда, что социал-демократия шла против большевиков не только вместе с Керенским и Коноваловым, но и со сторонниками романовской монархии, генералом Красновым, поскольку конкретные цели и тактические приемы партии совпадали. С другой стороны, говорилось, что, вступив в соглашение с «Промпартией» и пользуясь ее финансовой поддержкой, социал-демократия становится прямой агентурой, а мы все становимся прямыми наемниками белогвардейской, фашистской, быть может монархической и шпионской организации и отдаем себя и свою партию на службу ее целям. Прения шли довольно долго. Вопрос был решен в пользу контакта и переговоров. Для переговоров были уполномочены Громан и я, уже осуществлявшие в этот период времени блок с «ТКП».

В ближайшем совещании членов «Союзного бюро» мне было предложено явиться в условленное место и время для переговоров по данному делу. Это было в конце марта или в начале апреля. Условленным же местом была квартира директора Теплотехнического

института Рамзина. Я должен сказать, что пришел от Михаила Ивановича Рамзина я застал одного. Громан, которого мы ждали около получаса, не явился: у него оказался припадок грудной жабы, но, возможно, были и другие причины. Мы стали беседовать один на один. Поднимать какие-либо вопросы о программных установках наших партий мы оба считали излишним и эти вопросы отвели. Речь шла о тактике, направленной к свержению диктатуры пролетариата. Рамзин интересовался тактическими установками и практической работой с.д. организации, в частности и в особенности работой в учреждениях, в плановых и оперативных органах. Само собой разумеется, что эта работа интересовала его с точки зрения дезорганизации аппарата и срыва планов в различных областях хозяйства. Я изложил Рамзину современные тактические принципы социал-демократии и описал характер нашей вредительской работы в учреждениях, давая собеседнику представление также об объеме наших связей и о степени нашего влияния среди экономистов и других специалистов госаппарата.

Во второй части беседы Рамзин указал, что в распоряжении его организации находятся довольно крупные средства, из которых «Промпартия» могла бы субсидировать «Союзное бюро» на цели вредительства; общие обеим партиям. Источники этих средств мне были ясны без пояснений. Рамзин сообщил, что размер субсидии, предназначенной для «Союзного бюро», определяется в 50.000 р. Я в ответ сообщил, что доведу обо всем сказанном до сведения своей организации. Поскольку же я буду вновь искать с ним, Рамзиным, свидания, постольку дело будет идти о конкретном получении денег. Рамзин согласился, прибавив, что сношения, раз начатые через мое посредство, он впредь, в силу необходимости строжайшей конспирации, хотел бы и продолжать только через меня. Так и было условлено. Я получил служебный телефон Рамзина... Через несколько дней я позвонил Рамзину, и он назначил мне свидание через два дня, опять у него на квартире. Свидание было очень кратко. Я получил от Рамзина конверт с 20.000 р. и указание, что остальные деньги могут быть переданы лишь после условленного телефонного звонка. В получении денег я выдал расписку за своей подписью.

«... Таким же порядком, предварительно улавленная с Рамзиным по телефону, я получил от него еще 15.000 р. в октябре 1929 г. и еще последние 15.000 в марте 1930 г.»

(Показания от 26 января 1931 г.).

Что касается «ТКП», то дело, по показаниям Суханова, обстояло так:

«В течение всего 1929 г. между Кондратьевым, Громаном и мной велись постоянные политические беседы, выявлявшие это единство установок. После решения вопроса в «Союзном бюро» эти беседы постепенно стали переходить в оформление единой платформы наших групп. С точки зрения программной эта платформа официально определялась как установление демократического строя (предполагавшего последующую буржуазную реставрацию), хотя бы на формальной основе свободно избранных советов. С точки зрения тактической платформа заострялась на идее неизбежности интервенции и на необходимости облегчить родовые муки истории, содействуя ликвидации большевизма хотя бы и таким путем, тающим в себе опасности величайших народных бедствий и раздела страны. Отсюда вытекали и общие установки на вредительство.

Такова и была платформа соглашения, одобренная центральными органами обеих групп».

«... О достигнутом соглашении с «ТКП» Громан сделал доклад в осеннем пленуме «Союзного бюро». Принятая резолюция одобрила предпринятые акты и достигнутые результаты...».

Показания Якубовича важны в том отношении, что он конкретно показывает, какое разделение труда было установлено между тремя контрреволюционными организациями.

Якубович говорит:

«В области согласования политической работы представителями трех партий было установлено, что каждая из них берет на себя организацию пропаганды и агитации в тех социальных слоях, на которые она по преимуществу опирается и в которых имеет наиболее разветвленные связи. В соответствии с этим «Промпартия» брала на себя задачу формирования политического самосознания технической интеллигенции и тех общественных групп, которые к ней тяготеют — врачей, защитников, профессуры, высшего состава РККА и т. п. «ТКП» ставила себе ту же цель в отношении крестьянства, Красной армии, деревенской интеллигенции, учителя, вузовской крестьянской молодежи и т. п. На долю РСДРП, естественно, должна была выпасть работа среди пролетариата, а также среди расположенных к восприимчивости меньшевистской идеологии кадров государственных служащих, пролетарского и мелкобуржуазного студентства, низшего технического персонала и т. п. Из других форм политической работы, являющейся подго-

товкой контрреволюционного переворота, на долю отдельных участников блока выпадали по соглашению между ними следующие задачи: «Промпартия» брала на себя через посредство эмигрантских центров российской буржуазии ведение предварительных переговоров с правительствами и генеральными штабами тех стран, которые предполагались в качестве непосредственных участников или закулисных руководителей и вдохновителей вооруженной интервенции; формирование летучих боевых отрядов из инженерских кадров с целью совершения диверсионных и террористических актов; организацию военных заговоров с участием отдельных лиц из высшего командного состава РККА, либо политически настроенных антисоветски, либо подкупленных, для привлечения в состав контрреволюционных организаций; «ТКП» брала на себя организацию крестьянских восстаний и беспорядков, используя влияние кулацких элементов и колебание известной части середняков в вопросах об отношении к коллективизации сельского хозяйства; работу по снабжению восставших оружием и боевыми припасами и по доставке их в районы предполагаемых восстаний; работу по разложению частей Красной армии, в особенности направленных для прекращения беспорядков в сельских местностях; РСДРП принимала на себя обязательство по подготовке организации в городах гражданской гвардии, которая могла бы явиться к моменту совершения контрреволюционного переворота орудием и средством захвата правительственных учреждений, первоначальной опорой нового контрреволюционного правительства и базой для создания городской милиции нового режима; кроме того, она должна была в лице своего заграничного центра принять меры через организацию Социалистического Интернационала к созданию благоприятной для интервенции морально-политической атмосферы в кругах рабочего класса и близких к нему слоев мелкой буржуазии в западно-европейских и заокеанских буржуазно-капиталистических странах. Наконец, особое место в контактировании контрреволюционной деятельности трех партий занимал вопрос о работе в области дезорганизации народного хозяйства, игравший исключительно крупную роль в жизни этих партий...».

Таковы были обязательства, взятые на себя договаривавшимися сторонами.

Каковы же были непосредственные организационные возможности для их осуществления контрреволюционной меньшевистской организации на периферии и что было конкретно сделано во исполнение этих обязательств?

В полном соответствии с указанными выше особенностями социальной базы периферийные ячейки были организованы главным образом в учреждениях из среды служилой интеллигенции.

Залкинд по этому поводу показывает:

«Партийная периферия сложилась в двух направлениях: первое — центральные наркоматские ячейки, второе — местные партийные ячейки. Наркоматские ячейки возглавлялись и организационно обслуживались соответственными членами «Союзного бюро», входившими от данной ячейки представителями в «бюро». Такие центральные ячейки в Москве мне известны следующие: в Госплане (возглавлял Громан), в ВСНХ (Гинзбург, Соколовский, Штерн), в Наркомторге (Залкинд, Якубович), в Центросоюзе (Петунин), в Госбанке (Шер), в Наркомторге и ВЦСПС (возглавляли не-члены «Союзного бюро» Рашин и Миц). На местах в основном были организованы партийные ячейки преимущественно лишь в областных центрах, причем строились они по тому же принципу, что и центральные ячейки, т. е. по учреждениям, и возглавлялись в целом областным уполномоченным. На областных уполномоченных лежала обязанность поддержания связи с центром в лице орггруппы «Союзного бюро».

(Показания от 20 февраля 1931 г.)

Конкретно об организации ячейки в Центросоюзе показывает Петунин:

«... я вовлек в организацию РСДРП при Центросоюзе представителей краевых потребсоюзов в Москве; северокавказского — Николаевского, северо-западного — Френкеля и уральского — Белицкого. Последние двое должны были перейти на работу в свои краевые центры и, таким образом, стать периферийной связью данной области или края с центром в Москве...».

«Кроме того мне было известно, что другие члены бюро также имеют связи с периферийными работниками. Эти сведения я имел от членов бюро из разговоров при встречах с последними. Так, я знал, что у Шера было 2 или 3 связи, у Якубовича — 1 или 2, у Волкова — 1 и 2; от последнего я знал, что Гинзбург имеет одну или две связи. Имена лиц, с которыми были связаны отдельные члены бюро, а также места их жительства, я припомнить не могу».

(Показания от 26 января 1931 г.)

Об организации по сети Госбанка показывает Берлацкий:

«В дополнение к тем связям, которые имел Шер в районах, находящихся в его ведении, мы начали устанавливать связь с районами, находящимися в моем ведении. В этих целях я связался с Левензоном, Е. Т. (Хабаровск,

Дальбанк), с-д. (он умер в 1928 г.), с Файгельсоном (Харьков) и с Новосибирском, — фамилию, к сожалению, сейчас вспомнить не могу.

Кое-куда Шер поехал лично (если мне память не изменяет, он поехал в Орел, Архангельск). Кое-куда был командирован Лежнев (Вологда, Поволжье). Каждый уезжающий брал с собой два — три номера «Социалистического вестника», каждый уезжающий должен был по возможности оставить в каждом пункте одного организатора. Последний должен был увязаться с местным партийным комитетом. Там, где такового не было, лицо, выбранное в организаторы, должно было по возможности заняться подготовкой городской организации вообще, небольшого бюро или комитета. Ему поручалось привлечь людей из других хозяйственных организаций. Предлагалось на данном этапе обращать внимание не на количество, а на качество, т. е. надо было привлечь людей, занимающих ответственные участки».

(Показания от 31 декабря 1930 г.)

Шер также конкретизирует сведения об областных ячейках:

«Относительно связи с периферией показываю следующее. Мне известны следующие периферийные ячейки. Нижегородская ячейка, организованная при моем содействии в конце 1927 г. и начале 1928 г., в которую входили Беляевский, П. В. и Добрынин, затем ячейка в Орле, возглавляемая зам. управляющего отделением Госбанка Рихтером; ячейка в Туле, которую возглавлял управляющий отделением Госбанка Шабров или Шаблов; в Астрахани — состава ее я не знаю, сносившись с нею через Ненастьева. Эти ячейки созданы при моем участии. Из других ячеек я имел сведения об ячейках в Харькове, Ростове-на-Дону, Саратове...».

В другом месте он дополняет:

«Связь с периферией ЦК («Союзным бюро») была вначале возложена на Гинзбурга, а с конца 1928 г., после приезда в СССР Абрамовича, эта работа была возложена на Залкинда.

Мне лично было известно о существовании организации РСДРП:

1) Верхнего и Нижнего Поволжья — руководимой в Верхнем Поволжье Беляевским и в Нижнем Поволжье — Ежовым;

2) харьковской (украинская организация);

3) северо-кавказской организации в Ростове-на-Дону; руководителей, являющихся связью с ЦК, я не помню;

4) северо-западной или ленинградская организация находилась в ведении Финн-Енотаевского».

(Показания от 30 ноября 1930 г.)

Иначе обстояло дело со связями среди рабочих. Показания почти всех обвиняемых по этому вопросу одинаковы.

Волков показывает:

«Массовая работа «Союзного бюро», насколько мне известно, не велась. Основная работа велась среди бывших меньшевистских кадров, которые в большинстве случаев находились в различных учреждениях. Непосредственно на предприятиях и на заводах старых меньшевиков, как общее правило, нет, а настроение рабочих в рассматриваемый период времени не давало надежды на сколько-нибудь благоприятный результат работы среди них в смысле утягивания их в организацию и вызова среди них сочувствия меньшевистскому движению...».

(Показания от 20 февраля 1930 г.)

Соколовский подтверждает то же самое:

«Массовая работа «Союзного бюро» была, таким образом, совершенно ничтожна, вернее, она отсутствовала. Попытки постановки и ведения подобной работы отсутствовали, что, несомненно, следует приписать, с одной стороны, той социальной базе, которая создавалась, как база нового меньшевизма, с другой стороны, тем увлечением дезорганизаторской работой, которая отодвигала на задний план все другие методы борьбы. Когда же дезорганизаторская работа стала связываться с интервенцией, то участие «Союзного бюро» в подготовке к интервенции и не могло идти по линии широкой массовой работы, так как «Союзное бюро» хорошо сознавало, что выступление открыто в качестве сторонников интервенции сразу не создаст атмосферы исключительно благоприятной для меньшевизма, особенно в рабочей среде...».

(Показания от 22 февраля 1931 г.)

Попытки агитационно-пропагандистской работы путем распространения соответствующей литературы, однако, делались. Такая происходила двумя путями — путем распространения литературы заграничного происхождения и путем распространения литературы, изготовляемой в СССР «Союзным бюро».

Последняя также разделялась на руководящие директивные документы и на непосредственно-агитационную литературу. По этому имеются следующие данные. Шер в показаниях от 7 января 1931 г. говорит:

«Материалы, исходившие от «Союзного бюро», сохранившиеся у меня в памяти, сводятся к следующему:

В 1928 г.:

1) Воззвание «к членам организации РСДРП» с изложением общих задач организации и перспектив борьбы в

условиях ликвидации нэпа. Воззвание, если не ошибаюсь, размноженное на ротаторе. 1 экземпляр получен мною от Соколовского, А. Л.

2) Циркулярные письма, выходявшие 1 раз в месяц — 1 раз в два месяца на ротаторе. Письма оглашали важнейшие решения «Союзного бюро», решения пленумов и предназначались для руководителей организации. В 1928 г. вышло таких писем около 6—8 номеров. По одному экземпляру получено мною от Соколовского. Хранились у меня.

В 1929 г.:

1) Циркулярные письма того же характера. Число вышедших номеров около 10. Получал по 1 экземпляру от Соколовского и хранил у себя.

2) Резолюции пленумов 1928 и 1929 гг. Отпечатаны на машинке, получал от Соколовского, передал, если не ошибаюсь, Громану и Рубину, И. И.

В 1930 г.:

Циркулярные письма того же характера. Число номеров 5. Получил от Соколовского по 1 экземпляру и хранил у себя. Те документы, которые хранились у меня, я сжег недели за две до ареста, опасаясь быть арестованным, так как я по приезду в Москву узнал об арестах членов «Союзного бюро». Судьба остальных документов мне неизвестна».

(Показания от 7 января 1931 г.)

По тому же вопросу о документах, исходивших от «Союзного бюро», показывает Громан от 11 января 1931 г.:

«Я помню следующие циркулярные письма:

1) Весна 1928 г. — о чрезвычайных мерах по заготовкам хлеба.

2) Осень 1928 г. — о пятилетке и правой оппозиции.

3) Весна 1929 г. — о продовольственных затруднениях и правой оппозиции («двухлетка»).

4) Осень 1929 г. — о массовой коллективизации и начале ликвидации кулачества, а также о капитуляции правых.

5) Весна 1930 г. — о положении, созданном письмом тов. И. В. Сталина о головокружении от успехов.

Письма составлялись: первое — Сухановым и мною, второе — Сухановым, мною, Базаровым и Шгерном, третье — Сухановым, мною, при участии Залкина и Якубовича, четвертое — мною и Сухановым, пятое — Сухановым.

Письма редактировались руководящей пятеркой — Шер, Громан, Базаров, Суханов, Гинзбург, подписывались — «Союзное бюро» ЦК РСДРП, должны были передаваться из рук в руки и уничтожаться у последнего адресата. Размножались они на машинке, и лишь

в некоторых случаях удалось воспользоваться множительными аппаратами».

(Показания от 11 января 1931 г.)

О такой же своей работе показывает Суханов:

«Исполняя возложенные на меня обязанности, я в следующее заседание «Союзного бюро» принес текст написанного мною воззвания на тему о причинах производственных затруднений, о несправильной и террористической политике ВКП(б) и о том, что эта политика представляет собою путь не к социализму, а к реакции. Не могу припомнить, обсуждался ли текст. Он был у меня взят Шером и Якубовичем. И затем я передал тем же лицам во время совещаний другие написанные мною листовки в количестве двух или трех. Они были размножены и распространены в течение 1929 г. и начале 1930 г.».

(Показания от 22 января 1931 г.)

Петунин по тому же вопросу показывает:

«За все время состояния в организации РСДРП я имел дело с 10—12 документами. Первый раз я получил от В. В. Шера в 1928 г. четыре документа — резолюцию пленума «Союзного бюро» ЦК РСДРП, состоявшегося в том же году. Каждый документ был в одном экземпляре и написаны они были на пишущей машинке через копировальную бумагу. Эти документы я получил от Шера по моей просьбе, после того, как узнал от него о состоявшемся пленуме и содержании принятых решений. Резолюции касались следующих вопросов:

- 1) об отношении РСДРП к троцкистам;
- 2) о мероприятиях РСДРП по дезорганизации хозяйственной жизни;
- 3) об использовании советской печати для осуществления задач РСДРП и
- 4) организационные вопросы.

Содержание резолюций мною освещено в показании о работе пленумов «Союзного бюро» ЦК РСДРП...».

(Показания от 6 января 1931 г.)

Что касается 1929 г., то тот же Петунин показывает:

«... я имел дело с резолюциями пленума «Союзного бюро» ЦК 1929 г. Я их получил от Громана по моей просьбе. Всего было четыре резолюции, а именно:

- 1) о разногласиях в ВКП(б) (правый уклон);
- 2) о коллективизации и использовании недовольства и волнений крестьянства на этой почве;
- 3) об отношении к другим политическим группировкам и
- 4) об интервенции.

Резолюции были написаны на пишущей машинке через переводную бумагу. К этому времени или вслед за ним

я получил согласие или обещание на участие в РСДРП со стороны трех представителей московских крайпотребсоюзов (Николаевского, Френкеля и Белицкого). Полученные резолюции я размножил каждую в количестве восьми экземпляров по два, а всего шесть, и передал упомянутым лицам, два же экземпляра оставлены были мною для ознакомления членов организации РСДРП в Центросоюзе. Николаевскому, Френкелю и Белицкому я дал по два экземпляра в предположении, что они могут понадобиться в случае, если они в скором времени завяжут связи с местами. Каждому из указанных лиц было дано указание уничтожить документы немедленно по использованию. Оставленные у себя экземпляры в обычном, установленном мною порядке поступили к Гладышеву для уничтожения после использования их для ознакомления.

Содержание резолюций пленума «Союзного бюро» ЦК РСДРП мною приведено в показании о работе пленума...».

(Показания от 6 января 1931 г.)

Помимо такого кустарного способа размножения и распространения литературы организация имела в своем распоряжении специальную технику.

Шер показывает:

«Попытки организовать размножение литературы типографским способом были мною предприняты по поручению ЦК в смысле использования существующих в Москве типографий, причем я эти попытки делал, обращаясь к старым рабочим, с которыми я был связан в прежнее время.

... Однако сочувствия я не встретил. Мне было отказано в каком бы то ни было содействии и указано вместе с тем на крайнюю опасность такого рода мероприятия, поскольку местные ячейки ВКП сейчас же заметят нелегальное печатание в своей типографии. О своих неудачах я докладывал ЦК, причем было решено отказаться от этих планов и не заводить собственную нелегальную типографию, так как материалы, подлежащие распространению, были крайне ограниченные.

Размножение циркулярных писем производилось на ротаторе, причем выполнение этой работы брал на себя чаще всего Петунин, иногда Громан. Что касается переписки тезисов на пишущей машинке, то эти же лица брали на себя и размножение тезисов».

(Показания от 30 декабря 1930 г.)

Приблизительно так же обстояло дело с распространением документов, получаемых из-за границы. Здесь достаточно указать лишь те документы, которые проходили через руки обвиняемых.

По показаниям Шера, ему известны были следующие документы:

«Известные мне документы, относящиеся к деятельности «Союзного бюро», сводятся к следующему:

В 1925 г. мною было получено от Дана, за его подписью, через Берлацкого письмо на машинке с полномочиями по представительству заграничного ЦК и с указанием на дополнительные устные указания Берлацкого; письмо это предьявлялось мною Громану, Гинзбургу, Штерну и вернулось ко мне. В 1928 г. — письмо заграничной делегации, санкционирующее образование «Союзного бюро» — в подтверждение устного сообщения Петунина. Письмо на машинке без подписи, с печатью. Получено мною от Громана и после ознакомления других членов бюро возвращено мне для хранения.

В 1928 г. — тезисы заграничной делегации по вопросу о пятилетке. Тезисы эти, печатанные на машинке, получены от Громана, были мною переданы Гинзбургу, ко мне не вернулись и были использованы Громаном в его докладе.

В 1928 г. — тезисы заграничной делегации по вопросу об отношении к буржуазии и мелкой буржуазии. Были получены мною от Громана и ему же возвращены. Напечатаны на машинке.

В 1928 г. — письмо заграничной делегации с оценкой решений 1-го пленума, в ответ на сообщение «Союзного бюро», писанное, насколько помню, от руки. Получено мною от Громана непосредственно или от Гинзбурга; передано, кажется, Залкинду и вернулось ко мне.

В 1928 г. — печатное воззвание «к трудящимся» по вопросу, насколько помню, об общих задачах организации РСДРП в обстановке Советского Союза. Получено мною от Лежнева, А. И., посланного мною за этим возванием. Остались ли у меня те два экземпляра, которые мне передал Лежнев, не помню.

В 1929 г. — воззвание, напечатанное на тонкой бумаге, за подписью ЦК РСДРП, посвященное колхозному строительству. Два или один экземпляр получены мною от Лежнева, получившего там же эти воззвания и доставившего их в банк. Это воззвание хранилось в одном экземпляре у меня.

В 1929 г. — тезисы заграничной делегации о колхозном строительстве и деревенской разрухе. Получены мною от Громана и хранились у меня. Печатано на машинке.

В том же году — тезисы о значении внутренних распрей в ВКП(б) (правый уклон и троцкизм). Получены от Громана и после ознакомления с ними переданы Гинзбургу. Вернулись ко мне и у меня хранились. На машинке.

В том же году — письмо, писанное от руки в ответ на отчет «Союзного бюро» о решениях 2-го пленума «Союз-

ного бюро». Письмо без подписи. Получено от Громана, и, насколько помню, ему же возвращено.

В том же году — письмо заграничной делегации в ответ на ее отчет о совместной работе с «ТКП» по поддержке крестьянских волнений. Письмо на машинке, без подписи. Получено от Громана, для ознакомления передано другим членом «Союзного бюро» и вернулось ко мне. Хранилось у меня.

В 1930 г. — тезисы об итогах осуществления пятилетнего плана, тезисы о взаимоотношении социал-демократии и буржуазных партий, тезисы о внутренних течениях в ВКП(б) и сталинской диктатуре, проект резолюции о переименовании РСДРП в Рабочую партию. Все эти материалы, полученные от Громана, вернулись от меня к нему и были им и другими членами «Союзного бюро» использованы для пленума. Ко мне эти материалы не вернулись.

В том же году — письмо в ответ на отчет о пленуме с указанием на необходимость блока с «Промпартией» и поддержки интервентов; письмо от руки, — кажется, без подписи. Письмо давал читать Громан мне и другим членам «Союзного бюро». Письмо было передано мне для хранения.

В том же году — письмо на ту же тему с изложением взглядов на интервенцию руководящих кругов немецкой социал-демократии и II Интернационала. Письмо на машинке, без подписи, со ссылкой на предыдущее письмо и на отчет «Союзного бюро», хранилось у меня.

По показаниям Шера, все документы, сохранившиеся у него, были им уничтожены.

Однако показания Шера об уничтожении им всех хранившихся у него документов не отвечают действительности.

По показаниям Рубина, также целиком признавшего свое участие в контрреволюционной организации меньшевиков, дело обстояло иначе. Подтвердив в показаниях от 21 февраля 1931 г. то, что ему известен был факт переплести заграничного меньшевистского центра с «Союзным бюро» и содержание пересылавшихся документов директивного характера, в том числе и касавшихся интервенции, он показывает:

«По вопросу о хранении мною документов показываю следующее: в конце января 1930 г. Штерн и Шер просили меня хранить некоторые партийные документы, которые требуются для текущей партийной работы иногда. В это время я работал в Институте Маркса и Энгельса в качестве зав. кабинетом политэкономии. В Институте же в это время работал и Шер (в архиве). Получив мое согласие, Шер принес мне всего шесть документов — из них три письма заграничной делегации (об ин-

тервенции, о коалиции с буржуазными партиями и о «ТКП») и три письма — тезисы и резолюции «Союзного бюро» (тезисы о победе сталинской линии, резолюции о внутреннем положении ВКП(б) и проект резолюции о переименовании РСДРП в Рабочую партию). Держать документы в моем кабинете мне было удобно и легко доставать. Хранил я эти документы до 11 декабря. В этот день, накануне ухода из Института вообще, я их вынул и русские документы вечером дома уничтожил, а документы зарубежной делегации, вложив в запечатанный конверт, передал Д. Б. Рязанову, сказав ему, что у меня хранятся некоторые документы, имеющие интерес для истории с.-д. партии и которые я прошу оставить на короткое время в Институте. Д. Б. Рязанов конверт с документами взял. Рязанова после ухода из Института с 14 декабря я не видел. Заграничные документы были на тонкой бумаге и начинались словами: «Дорогие товарищи».

(Показания от 21 февраля 1931 г.)

По вопросу о том, как получалась и распространялась заграничная литература, Шер показывает:

«Литература из-за границы шла через Ленинград. Получение ее там было организовано Финн-Енотаевским, но каким способом — я не знаю. В Москву литература получалась в большинстве случаев в виде багажа, направляемого большой скоростью со скорыми поездами. В некоторых случаях этот багаж привозился лично Финн-Енотаевским или лицами, которых он посылал. По прибытии литературы в Москву багаж снимался и поступал на одну из явочных квартир, из которых мне одна известна — в Петровском парке, по Петовскому пер., где багаж распаковывался и распределялся для нужд московских основных ячеек и ЦК («Союзного бюро») и для периферии.

Дальнейшим направлением по периферии ведал Залкинд. Насколько мне известно, литература рассылалась в конвертах со штампом государственных учреждений по государственным учреждениям в адрес отдельных меншевиков с личным указанием. Большое содействие в рассылке этой литературы оказывал Петунин, пользуясь своими связями с кооперативными организациями и частыми приездами кооперативных представителей в Москву. Оставшаяся в Москве литература распределялась между теми ячейками, о которых я упоминал выше. Для ячейки Госбанка литературу получал я. С моим уходом из банка — Берлацкий. Литературу для ячейки Госбанка я и Берлацкий распределяли среди членов ячейки или давали другим лицам для распределения. Чаще всего таким ли-

цом был Лежнев А. И. После ухода из Госбанка я иногда давал литературу Лежневу непосредственно.

Оставшаяся при распределении литература хранилась некоторое время на той же квартире».

(Показания от 30 ноября 1930 г.)

Гораздо интенсивнее была связь обвиняемых с заграницией в порядке послышки ими туда своей корреспонденции и печатания последней в «Социалистическом вестнике». Свое сотрудничество признают почти все обвиняемые.

Основной работой осталось, однако, вредительство.

IV

ВРЕДИТЕЛЬСКАЯ РАБОТА

Вредительская работа также переживала ряд этапов. Если вредительская работа рассматривалась «Союзным бюро» вначале как самостоятельное средство борьбы с советским правительством, то в последующем вредительство уже проводилось под углом помощи будущей интервенции и как необходимое условие для успешного ее осуществления.

Если 1-й пленум «Союзного бюро», состоявшийся в 1928 г., дал общую директиву об осуществлении вредительской работы, то пленум 1930 г. по докладу Суханова неразрывно увязывает дезорганизаторскую работу с подготовкой к интервенции.

Показывая об этапах развития вредительской работы, обвиняемый Якубович следующим образом описывает различные фазы дезорганизаторской деятельности и ее целевые установки:

«Вредительство проводилось «Союзным бюро» в направлении создания экономического кризиса — доведения явлений товарного дефицита до острых форм, чтобы они ощутительно ударили по широким слоям населения, в первую очередь по рабочему классу, и вызвали бы оформление недовольства советской властью.

«Союзное бюро» стояло на той точке зрения, что хотя вредительство ударит по рабочему классу, но это — неизбежная хирургическая операция, которая хотя и будет болезненной на данный короткий этап, но укоротит тот процесс, который связан с дальнейшим проведением политики советской власти. До 1928 г. проводилось в такой форме, чтобы воздействовать на правительство и заставить позернуть его на рельсы первых лет нэпа.

С начала 1928 г. вредительство перешло на новый этап: оно проводилось в более широких масштабах и имело своей целью уже не воздействие на правительство в смысле поворота политики, а создание контрреволюционных

настроений среди рабочих и подготовку контрреволюционного внутреннего восстания. С начала же 1929 г. вредительство переходит в третий этап: вредительская тактика своей целью имеет подготовку интервенции...»

Конкретно по отдельным учреждениям вредительская работа рисуется в следующем виде.

По Центросоюзу

Один из организаторов вредительства по системе Центросоюза Петунин так характеризует возникновение и работу вредительской группы в Центросоюзе:

«...в проведении вредительских установок РСДРП через работу Центросоюза я использовал свое служебное положение как член правления, которое в конкретных условиях работы в Центросоюзе само по себе давало большие возможности...»

Оформление произошло на совещании, состоявшемся в конце 1927 г. или в начале 1928 г. (точнее — последнее) в квартире у Некрасова, находившейся в доме на углу Денежного и Глазозского пер., в нижнем этаже. Совещание происходило вечером в промежуток времени примерно от 8 до 11 час... я рассказал участникам совещания о своей встрече с Даном и характере его разговора со мной. После этого Некрасов стал говорить о необходимости всячески содействовать развитию рыночных отношений, на почве которых могла бы развиться частная инициатива... что это возможно и уже есть некоторая организованность в других экономических органах и что нам также надо начать работу в Центросоюзе в указанном направлении. По его мнению, наша основная задача для осуществления указанной цели должна в основном состоять в том, чтобы задерживать и ограничить развитие кооперативного хозяйства, что должно привести к желательным результатам в смысле освобождения поля деятельности для развития частной инициативы и в конечном счете к общему укреплению позиций капиталистического сектора... После того как было установлено единодушие в вопросе о необходимости действовать, Некрасов предложил каждому из участников начать действия в подведомственных частях, а также привлечь к участию в организации сотрудников отделов. Предложение Некрасова было принято, и на этом совещание окончилось».

(Показания Петунина от 31 января 1931 г.).

Таким образом, организована была вредительская ячейка в Центросоюзе. В дальнейшем развитие деятельности вредительской ячейки шло по линии вовле-

чения в нее новых членов, так и в отношении развития методов вредительства и его объектов.

Распределение произведено было по служебному признаку и притом таким образом, чтобы главнейшие функциональные управления Центросоюза были охвачены вредительством.

Петунин показывает:

«Первоначально состав организации состоял из меня, Петунина, Некрасова, Басова и Швейцера. Роли между нами разделены были следующим образом: Некрасов ведет работу по промтоварным отделам, по финотделу, Швейцер — по продуктовым (рыбному и яично-масляному, которыми он ведал) и Басов в судостроительстве и рационализации. Постепенно нами были привлечены в организацию: мною — Гладышев и Сененко по финотделу и Некрасовым — Босяцкий, Лапин, Лютеранский и Мордкович — по промтоварным отделам...».

Допрошенный 24 января 1931 г. Швейцер подтвердил в основном показанное Петуниным:

«В начале 1928 г., — говорит Швейцер, — на квартире Некрасова Н. В. был заслушан доклад К. Г. Петунина о его поездке за границу, о встрече с Даном, о директивах заграничной делегации ЦК РСДРП(м), о дезорганизаторских мероприятиях в народном хозяйстве СССР. На этом собрании были: К. Г. Петунин, Н. В. Некрасов, я и П. С. Басов, который, как я понял, сочувствовал политической линии РСДРП(м), хотя формально в состав нелегальной ячейки не входил.

На этом совещании было положено основание дезорганизаторской (вредительской) работе в Центросоюзе. Мне известно, что на эту работу из-за границы были получены деньги, которые распределялись К. Г. Петуниным и Некрасовым...».

(Показания от 24 января 1931 г.).

Вредительская работа меньшевистской ячейки Центросоюза была направлена:

- 1) на преуменьшение имеющихся ресурсов и возможностей путем составления неверных расчетов;
- 2) на задержку капитальных работ (по строительству и рыбному хозяйству);
- 3) на извращение принципов распределения товаров;
- 4) на прямой саботаж — в мобилизации внутренних ресурсов, в развитии заготовок, в постановке наблюдения за движением спроса и остатков товаров и т. д.

Обвиняемый Петунин показывает:

«Основным моментом при проведении вредительских установок организация избрала плановые работы, преимущественно при проведении квартальных планов.

Сущность работы состояла в том, чтобы были взяты такие темпы, которые не требовали бы напряжения. С этой целью исчислялись преуменьшенные возможности материальных и финансовых ресурсов...

Вредительские установки по линии продовольственного снабжения направлены были к уменьшению заготовок. В частности это производилось в отношении астраханского рыбного хозяйства Центросоюза, развитие которого задерживалось под предлогом нерентабельности хозяйств. Работу эту вел непосредственно Швейцер. По линии политики цен по продовольственным продуктам установка сводилась к проведению понижения цен, что вело к невыполнению правительственной директивы по повышению реального уровня зарплаты. Конкретно это имело место по продуктам ично-масляного отдела. По рыбтоварам — долгое время отказывались брать от госпромышленности так называемые малосоли под предлогом неумения системы торговать этими товарами, вследствие чего эти сорта рыбы шли на частный рынок.

По линии промтоварного снабжения вредительская установка состояла в неправильном распределении товаров по районам потребления. Не нарушая общих норм распределения по районам, установленных правлением, члены организации должны были формально выполнять эти нормы таким образом, чтобы сезонные особенности отдельных районов не находили своего отражения в планах завоза. Сущность формального подхода состояла в том, чтобы товары сезонного спроса (исключительно зимние, исключительно летние) направлять одновременно в южные и северные районы, тогда как спрос в этих районах наступает в разное время. Точно так же распределение товаров по составу ассортимента должно было производиться по средним нормам, без учета особенностей состава населения. На основании такой практики завезены были, например, детские валенки на лесозаготовки.

Вредительские установки по промснабжению должны были осуществлять члены организации — каждый по своему отделу и товару. В результате проведения указанных выше установок по промтоварному снабжению получался недостаток товаров в наиболее нужное время в одних районах и избыток на известный период времени в других. Все это вело к образованию товарных залежей (например, на Сев. Кавказе весной этого года), уменьшению маневренной способности по товарному фонду, задержке товарооборота в целом и средств

в товарообороте. Неправильному распределению товарного фонда сопутствовало отсутствие учета спроса по районам и сезонам, что затрудняло возможность быстрой ликвидации товарных залежей, скопившихся в том или ином районе.

По линии финансовой работы вредительские установки сводились к уменьшению ресурсов системы, в частности размеров текущего накопления. Это делалось путем внесения в квартальные планы преуменьшенных размеров текущих доходов системы, что имело целью повышенное требование на кредит, а следовательно к уменьшению отпуска средств со стороны кредитной системы другим отраслям народного хозяйства.

По мобилизации внутренних ресурсов вредительская установка имела в виду дачу системе общих директив без конкретных заданий районам и в цифровом выражении которые должны были быть даны с опозданием. Такая установка ставила это дело в бесконтрольное положение, что и задерживало мобилизацию.

В отношении кредитной реформы вредительская установка преследовала цель отрыва финансового хозяйства потребкооперации от хозяйства всей страны, что уменьшило бы силу планирующего воздействия со стороны государства по потребкооперации. Эту работу вели я и Гладышев.

По линии капитального строительства общая установка состояла в том, чтобы вести работу «спокойными» темпами. В результате был прорыв в строительстве нефтехранилищ и опоздание в составлении проектов строительства».

Изложенные в процитированном показании обвиняемого Петунина методы и существо вредительской работы меньшевистской ячейки Центросоюза находят свое подтверждение и в показаниях другого члена вредительской организации Центросоюза — Швейцера.

Швейцер показывает:

«До июня месяца 1928 г. я ведал в Центросоюзе рыбным и ично-масляным отделами, с июня 1928 г. только одним ично-масляным отделом.

Моя дезорганизаторская (вредительская) работа по этим отделам выразилась:

а) по рыбному отделу я проводил линию на сокращение и свертывание рыбо-заготовительной работы Центросоюза в Астрахани, что, конечно, укрепляло частника;

б) не заострил проблему подготовки аппарата потребкооперации к проведению на рынок через кооперацию всего ассортимента рыбтоваров (малосоли и парные товары);

в) по яично-масляному отделу сознательно составлял преуменьшенные планы заготовок, хотя возможности Центросоюза и потребкооперации в отношении заготовок предоставляли большие заготовительные возможности. Эту дезорганизаторскую работу я проводил по директивам представителя «Союзного бюро» ЦК РСДРП К. Г. Петунина».

(Показания от 24 января 1931 г.).

Вредительство в Наркомторге и в Наркомснабе

Вредительской работе в Наркомторге, как органе, осуществляющем хлебные и сырьевые заготовки и регулирующем снабжение, «Союзное бюро» придавало огромное значение. Обвиняемый Соколовский по этому вопросу показывает:

«Особенно большое внимание во вредительской работе надлежало, по смыслу указанной директивы, сосредоточить по линии планирования товарооборота и главнейших видов заготовок хлеба, леса и разных видов сырья, а также распределения промтоваров и с.х. продукции между потребителями. По мнению Громана, меньшевики из Наркомторга и Центросоюза, осуществлявшие хлебные и сырьевые заготовки и снабжение, а также распределение промтоваров, должны вести свою работу в таком направлении, чтобы ограничить объем поступлений с.х. продукции в плановый фонд и чтобы известная часть продукции осталась в частном крестьянском секторе, а план распределения промтоваров строить таким образом, чтобы замедлять рост централизованных государственных ресурсов хлеба и сырья. Такая линия должна вести как к обострению промтоварного дефицита, так и к усилению затруднений продовольственного снабжения городов и сырьевого снабжения промышленности. Громан считал, что таким путем будет создана благоприятная почва для недовольства широких слоев населения и облегчена политическая агитация и борьба против большевистской диктатуры».

(Показания от 22 февраля 1931 г.).

Член «Союзного бюро» и один из организаторов вредительской меньшевистской ячейки в Наркомторге Якубович, подтверждая показания Соколовского, следующим образом описывает ту область вредительской работы в Наркомторге, которая была поручена ему, Якубовичу:

«Конкретная вредительская деятельность выполнялась мною в Наркомторге СССР: во второй половине 1927 г. и в начале 1928 г. в области распределения недостаточных промтоваров, а затем, в течение 1928 и 1929 гг., в сфере организации торговли. Планы рас-

пространялись на текстильные товары (хлопчатобумажные ткани, шерстяные ткани, готовое платье), кожтовары и обувь и металлотовары (кровельное, сорговое и оцинкованное железо). По планам IV квартала 1926/27 г. и I и II квартала 1927/28 г. мною было намечено такое распределение указанных промтоваров, которое составляло для снабжения городского рабочего населения слишком незначительное количество товаров по сравнению с тем, какое надлежало выделить на долю промышленных центров из имеющихся товарных ресурсов. При этом порайонное распределение завоза не было приведено в соответствие с темпом намечавшегося развертывания заготовок с.х. продуктов, и в первую очередь хлеба. Дополнительные затруднения в реализации планов должны были создаться вследствие не соответствующего потребностям получающих товары кооперативных организаций банковского их финансирования и неравномерности товарных отгрузок. Целью указанных дезорганизаторских действий было создание острого недовольства рабочих их недоснабжением при видимом недостатке предложения товаров на деревенском рынке. Недоснабжение рабочих центров в результате этого вредительства имело место, но проявления острого недовольства рабочих масс не наблюдалось, и намеченного воздействия на политику советского правительства оказать не удалось. Начиная с февраля 1928 г., я оставил должность начальника Управления промтоваров Наркомторга СССР и отошел от работы в области распределения промтоваров. Однако, вредительство в этой области продолжалось, с применением тех же методов, которые были установлены мною, но с подчинением его новым задачам, принятым к этому времени «Союзным бюро», т.е. подготовке контрреволюционного переворота. По своей новой должности заместителя начальника Экономического управления Наркомторга... содействовал задержке в производстве обследований частной торговли в деревне и в разработке статистических материалов, полученных в результате указанных обследований, чем затруднял выработку конкретных мероприятий по планомерному замещению частной торговли в деревне общественным сектором».

(Показания от 20 февраля 1931 г.).

Некоторые из методов вредительской работы подробно освещаются тем же Якубовичем в его показаниях от 17 декабря 1930 г.:

«По текстилю в основном она проводилась в следующих формах и преследовала такие задачи:

1) В основные хлебозаготовительные районы завозилось количество товаров,

превышающее действительную потребность хлебозаготовительных операций.

2) Внутри хлебозаготовительных районов в одни места направлялись огромные количества товара, — товарные кулаки, вызывающие затоваривание, — тогда как в другие пункты товар поступал в незначительном и явно недостаточном количестве, т.е. при фактическом перенасыщении района все же создавалось впечатление неудовлетворенного товарного голода.

3) Ассортимент районного завоза составлялся вне соответствия с установленным характером местного спроса.

4) Задолго до начала хлебозаготовок под предлогом накопления резервного товарного фонда для удовлетворения спроса в начале хлебозаготовительных операций задерживалась реализация товаров, которые при этом завозились на хранение не в те районы, где в первую очередь должны были начаться хлебозаготовки.

5) Финансирование системы потребительской кооперации строилось не в соответствии с потребностями проведения в короткий срок огромной массы такого дорогого товара, как текстиль, организациями хлебозаготовительных районов, которые были недохрождены при перекредитовании организаций других районов, текстиля не получавших. Это приводило к расстройству в деле продвижения товаров к потребителю и замедлению товарооборота, а в результате к необходимости дополнительного кредитования организаций потребкооперации за счет Госбанка, т.е. за счет увеличения эмиссии.

6) Из оставшихся после установления планов завоза в хлебозаготовительные районы товарных фондов для промышленных рабочих центров выделялось минимальное количество товаров в ассортименте преимущественно несезонном и не соответствующем интересам массового рабочего потребителя. Особенностью вредительской работы по кожобувным товарам было составление планов завоза, построенного на необходимости максимальных перевозок товара из одного района в другой и при составлении неполного ассортимента, не соответствующего характеру спроса населения данного района, обычно привыкшего к потреблению кожбувы производства определенной местности или даже завода и в высшей степени червозно и неохотно принимающего товар, выделанный в другом месте.

Главное же острое вредительства в данном случае заключалось в том, что при установлении планов снабжения, основанных на вывозе за пределы района продукции местной промышленности с компенсацией его инорайонной продукцией, фактически планы не соблюдались... В дело распределения кож-

товаров вносил такой хаос, что трудно было устано. ить фактическое положение вещей и контролировать действительное выполнение принятых планов.

По металлотоварам дело обстояло проще всего в виду ничтожного их количества, выделявшегося промышленностью для удовлетворения потребностей широкого рынка. Здесь в основном вредительство сводилось к несвоевременному, с точки зрения интересов заготовки хлеба и других сельскохозяйственных продуктов, завозу товаров в тот или другой район и в несоответствии распределения товарных фондов действительным порайонным коэффициентам хлебных заготовок».

(Показания от 17 декабря 1930 г.)

Один из основных вредителей в Наркомторге — Залкинд — в показаниях своем от 20 февраля 1931 г. дает картину вредительской работы, целиком согласную с тем, как ее описывал в своих показаниях Якубович:

«Эта вредительская работа должна быть разделена на две части: вредительская работа по плано-экономическим вопросам товарооборота и вредительская работа в области распределения протомтоваров. Поскольку я по своей службе был связан именно с планированием товарооборота, мое непосредственное участие и руководство во вредительской работе протекало в этой области; что касается распределения протомтоваров, то мое участие в этой области было лишь частичным, непосредственно ею ведали члены меньшевистской наркомторговской ячейки, по своим служебным обязанностям связанные с нею (Якубович, Рабинович, Шустер)...

Из конкретных следствий вредительской работы указанного порядка я приведу следующие факты.

В течение нескольких лет (в частности в 1926/27 и 1927/28 гг.) я при составлении конкретных цифр товарооборота настаивал на необходимости дополнительного расширения программы легкой промышленности в целях якобы необходимости поддержания рыночного равновесия, стимулирования сельскохозяйственных заготовок и достаточного обеспечения протомтоварами рабочего класса. При этом я сознательно замалчивал другие пути изжития недостатка протомтоваров в условиях классово-планового государства, которые в дальнейшем (з 1929 г. и 1930 г.) и стали проводиться на практике, а именно — классовое распределение протомтоваров в городе и деревне, ограничение потребления обеспеченных групп населения, дополнительное изъятие свободных денежных средств у этих же социальных групп... Один раз, кажется в 1926/27 г., был произведен даже до-

полнительный импорт сырья для ряда отраслей легкой промышленности, что не могло не сказаться на соответствующем замедлении развития тяжелой промышленности. В 1928/29 г. по пятилетнему плану должно было быть произведено снижение цен на промышленные изделия широкого рынка. Базируясь на наличии товарного дефицита, я добивался в докладе по контрольным цифрам на этот год стабилизации промышленных цен, аргументируя ее еще дополнительным соображением о произведенном повышении сельскохозяйственных цен и замалчивая тот классовой метод, который был в этой области применен в 1930 г., именно — распространение снижения цен только на городскую рабочую кооперацию. В вопросах политики сельскохозяйственных цен я настаивал как в своих конъюнктурах, так и в докладах по контрольным цифрам на повышении их, как на основном факторе к стимулированию производства и рыночности крестьянского хозяйства, игнорируя и возражая против социалистических методов воздействия на сельское хозяйство — контрактации, коллективизации средних и мелких хозяйств — и усиления государственно-классового воздействия на кулацкие элементы деревни. Под предлогом необходимости усиленного снабжения хлебозаготовок производился недостаточный завоз промтоваров в сырьевые и животноводческие районы, что приводило к невыполнению планов заготовок соответственных сельскохозяйственных продуктов и не могло не сказываться на увеличении затруднений как в снабжении промышленности сырьем, так и в снабжении городов продовольствием. Вредительское торможение и замедление классового распределения промтоваров в городе и деревне, в свою очередь, приводило к недоснабжению промтоварами рабочих масс в городе и бедняцких групп в деревне. Такова общая характеристика вредительской работы».

(Показания от 20 февраля 1931 г.)

Вредительство в ВСНХ

Вредительская работа в ВСНХ возглавлялась четырьмя членами «Союзного бюро» — Гинзбургом, Штерном (ныне умершим), Волковым и Соколовским. В работе вредительской организации в ВСНХ принимал участие и «деятель» «Промпартии» С. Д. Шейн. О возникновении этой организации и ее составе, о методах ее работы и о конкретных ее формах Гинзбург (бывш. консультант ВСНХ и профессор Плехановского института) показывает:

«...около 1926 г. сложилась вредительская организация в ВСНХ. В руководстве организации этой участвовали

следующие лица: я (Гинзбург), Шейн С. Д., Белоцетов В. А., Штерн А. Б., Соколовский А. Л. В рядовой состав организации входили: я, М. Гринцер, К. И. Рабинович, А. И. Рабинович, С. Д. Абрамович, В. И. Лавров, Ф. Г. Дубовиков, С. А. Кукель-Краевский, Н. Г. Чернобаев, Аркус Я. С., Улицкий, М. Б. Гальперин. Из них — меньшевики: М. Гринцер, К. И. Рабинович, А. И. Рабинович, А. Л. Соколовский, А. Б. Штерн и я. Перечисленные лица составляют мою часть вредительской организации, с другими руководящими лицами были связаны другие члены организации, фамилии коих мне неизвестны. Организация эта сложилась на почве длительных совместных отношений, в процессе которых выявились определенные общие установки в ряде вопросов. Контакт во вредительской работе достигался отдельными беседами с тем или иным членом организации. Я, Штерн и Соколовский действовали по установкам меньшевистской партии, Шейн и Белоцетов, насколько я знаю, были связаны с «Промпартией» и ее руководящими лицами.

Вредительская работа осуществлялась в следующих направлениях: я работал в области общих вопросов экономики (пятилетка, конъюнктура, научно-исследовательские работы), Штерн — в области финансов и политики снабжения, Соколовский — в области сырья, себестоимости и товарных балансов, Шейн — в области научно-технических вопросов. Белоцетов — в области энергетики. Общими для всех участников организации, выступавших каждый самостоятельно в области своей работы, было стремление дискредитировать взятые советской властью темпы развития промышленности, задержать развертывание социалистического наступления».

(Показания 20 февраля 1931 г.)

О своей конкретной вредительской работе Гинзбург показывает следующее:

«Моя работа по вредительству из двух возможных методов вредительства — чрезмерно максималистские и минимальные темпы развития — мною избран второй метод: метод минимальных темпов. Моя вредительская работа шла по следующим линиям:

1. Вредительство в составлении проекта пятилетки. Вредительство выразилось в том, что рост продукции всех отраслей производства, взятый в совокупном статистическом выражении, на протяжении пятилетки 1927/28—1931/32 гг. сознательно был запроектирован ниже, чем нужно и можно было, и ниже, чем он оказался в действительности, несмотря на наше вредительство. Так, рост продукции на 1927/28 г. по сравнению с 1926/27 г. был сознательно запроектирован меньше, чем нужно было, т. е. около 16,3%, в то время как, несмотря

на это вредительство, он составил 23—24%; рост продукции на 1928/29 г. по сравнению с 1927/28 г. был сознательно запроектирован меньше, чем нужно было, т.е. около 13%, в то время как, несмотря на это вредительство, он составил в действительности около 22%; рост продукции на 1929/30 г. по сравнению с 1928/29 г. был сознательно запроектирован меньше, чем нужно было, т.е. около 13,7%, в то время как, несмотря на это вредительство, он составил около 24%. Указанные выше запроектированные темпы при полном их осуществлении привели бы к обострению товарного и промышленного голода и подрыву обороноспособности Союза.

Рост продукции в ее суммовом статистическом выражении погодно был сознательно и вредительски запроектирован таким образом, что приросты почти из года в год должны были снижаться. Так, например, прирост продукции по годам составлял: 1927/28 г.—16,3%, 1928/29 г.—13,1%, 1929/30 г.—13,7%, 1930/31 г.—10,5%, 1931/32 г.—10%. Это обстоятельство должно было усилить товарное напряжение по мере роста хозяйства Союза, хотя приведенные в материалах по составлению пятилетнего плана развития промышленности на 1927/28—1931/32 гг. расчеты и говорят о перспективе смягчения товарного голода к концу пятилетия.

Особенно ярким фактом вредительства является произведенная мной при помощи вредительской организации проектировка по важнейшим отраслям народного хозяйства (металл, уголь, нефть, химия, электротехника), имеющим первостепенное значение с точки зрения материального снабжения Союза.

Так, например, по каменному углю размер добычи на конец пятилетия—1931/32 г.—был сознательно запроектирован в количестве 57 млн. тонн, хотя можно было и нужно было проектировать значительно выше; об этом свидетельствует тот факт, что в 1929/30 г. добыча составила около 47 млн. тонн, а плановое задание на 1930/31 г. установлено осенью 1930 г. в размере 75 млн. тонн.

По добыче сырой нефти на конец пятилетки—1931/32 г.—было сознательно запроектировано 19,7 млн. тонн, хотя можно было и нужно было проектировать значительно выше; об этом свидетельствует тот факт, что в 1929/30 г. добыча составила около 16—17 млн. тонн, а плановое задание на 1930/31 г. установлено осенью 1930 г. в размере около 25 млн. тонн.

По производству мартеновской стали сознательно запроектировано для конца пятилетия в 1931/32 г. 5,8 млн. тонн, хотя нужно и можно было запроекти-

ровать значительно выше. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1929/30 г. произведено примерно такое же количество стали, а плановое задание на 1930/31 г. установлено осенью 1930 г. в размере 7,5 млн. тонн.

Такое же вредительство допущено было в отношении отраслей, обслуживающих сельское хозяйство и его социалистические формы (с.-х. машиностроение, искусственное удобрение). Так, по производству с.-х. машин на конец пятилетки—1931/32 г.—сознательно был запроектирован контингент в сумме, близкой к 200 млн. руб. Между тем возможно и нужно было запроектировать значительно выше, о чем свидетельствует тот факт, что в 1929/30 г. производство с.-х. машин почти вдвое превысило контингент, установленный в пятилетке на 1931/32 г.

Такое же вредительство допущено при проектировке производства строительных материалов, в частности по цементу. Так, по цементу было сознательно запроектировано производство на конец пятилетия в 1931/32 г. 23 млн. бочек, хотя можно и нужно было запроектировать значительно выше, о чем свидетельствует тот факт, что в 1929/30 г. произведено то именно количество цемента, которое пятилеткой проектировалось для 1931/32 г.».

Вредительство в Государственном банке

Шер, являясь одним из основных организаторов «Союзного бюро», был и организатором и руководителем вредительской ячейки в Государственном банке.

Шер показывает:

«Задачей дезорганизаторской деятельности ячейки Государственного банка было расстройство денежного обращения. Это достигалось таким распределением кредитов по отдельным отраслям хозяйства, которое не соответствовало интересам данной отрасли хозяйства...

...Кредитование потребкооперации было поставлено в отношении распределения кредитов среди кооперативной периферии таким образом, что фактически этим распределением распоряжался не Госбанк в лице его местных филиалов, а правление Центросоюза в лице его финансового отдела. Госбанк определял контингент кредитов на год или квартал. Эта сумма утверждалась плановыми и руководящими советскими органами, затем распределение этой суммы по районам и по срокам предоставлялось Центросоюзу, формальный приказ которого санкционировал соответствующие распоряжения Госбанка своим местным филиалам. В случае протеста последних против чрезмерной, неосуществимой цифры снижения кредитов, я имел готовый ответ: зачем вы

стараются больше, чем сама кооперация; цифры, которые вам даны, утверждены самим Центросоюзом. Фактически же, кроме того, распределение этих кредитов осуществлялось главой меньшевистской ячейки Центросоюза Петуниным, который мог, таким образом, формально ссылаясь на Госбанк, поставить любое звено своей периферии в крайнее финансовое затруднение.

Однако основным методом дезорганизаторской работы был метод создания ряда затруднений при проведении кредитной реформы. Отсутствие должной подготовки к осуществлению реформы приводило к чрезмерной кредитной эмиссии, в результате чего являлась реальная угроза денежной инфляции. При осуществлении кредитной реформы в области промышленной кооперации... весьма сложный порядок был объявлен филиалам по телеграфу. Непонятный и не понятый циркуляр вызвал поток встречных телеграмм с мест, запрашивавших то или иное разъяснение, и создал большое замешательство на местах на первых же шагах по осуществлению кредитной реформы. Поэтому промышленная кооперация получила возможность, представляя непроверенные Госбанком планы свои предположения, использовать чрезмерные кредиты для своей деятельности...».

(Показания от 20 февраля 1931 г.).

В другом показании — от 7 декабря 1930 г. — Шер, объясняя существо вредительской работы, говорит:

«Основное заключалось в неправильном распределении кредитов, урезывании одних отраслей и преувеличении нужд других отраслей. Это осуществлялось путем неправильного составления планов, усложнения методов планирования, задержки кредитования наиболее острых нужд промышленности, ссылаясь на те или иные формальные причины. Основная часть вредительской работы началась с обсуждения подготовки кредитной реформы».

То же самое говорит обвиняемый Берлацкий:

«...директива «Союзного бюро» ЦК РСДРП о пассивности, о полнейшей неактивности в работе, а также известная директива о дезорганизации, дали в результате в статистике обстановку, при которой статистика снабжала банк неточными материалами, затрудняла наблюдение за хозорганами, за состоянием их задолженности. Такие материалы статистики ослабляли маневроспособность банка, его активность в борьбе с нарушителями плана. Начало такого состояния статистики относится к 1928 г. Непосредственными участниками это вре-

дительства являются: Лезнев, Касацкий, Мещеряков и другие лица... По главной бухгалтерии директива «Союзного бюро» до 1928 г. об ослаблении активности, о пассивности в работе и о дезорганизации выразилась в том, что с запозданием давались инструкции на места по отчетности и учету, не принимались меры к своевременным ревизиям состояния дел, отчетности и счетоводства, значительно запаздывали с выпуском отчетных материалов, не давались вовремя инструкции оперативным отделам. Это вредительство в результате ослабляло маневроспособность банка, затрудняя его работу как расчетного центра народного хозяйства СССР.

Во второй половине 1929/30 г. Шер выдвинул в банке мысль начать кредитную реформу с кустарно-промышленной кооперации. Промысловая кооперация была в ту пору в финансовом отношении и в плане очень слаба... Как мне сообщил Шер, считали, что целесообразно именно кустарно-промысловому сектору благоприятствовать как сектору, сближение с которым «Союзное бюро» связывало ряд перспектив. Подготовка была в банке проведена наспех, и в результате кустарно-промысловая кооперация получила в 3—4 месяца от банка миллионов в 30—40 (ориентировочно) больше, чем по плану банка было предусмотрено».

Вредительство в Госплане

Руководящий член «Союзного бюро» обвиняемый Громан был организатором и руководителем вредительской ячейки в Госплане.

Приводимые ниже показания Громана дают характерное описание методов вредительской работы в Госплане:

«Вредительство меньшевиков в Госплане СССР в сфере конъюнктурных наблюдений, контрольных цифр и перспективных планов, датируясь в своей последней фазе 1928 годом, осуществлялось мною, Громаном, и Базаровым, а также и примыкавшими к нам бывшими меньшевиками: Зелингером, Гухманом, Шубом, Пистраком, Бройтманом и беспартийным Вишневым, составлявшими контрреволюционную и вредительскую группу в Госплане СССР,—подготовлялось в течение предыдущего пятилетия (1923—1927 гг.)... Контрреволюционная госплановская группа, возглавляемая мною и Базаровым, начиная с 1928 г., осуществляла директивы новой вредительской тактики заграничного ЦК РСДРП(м) и сложившегося внутри Союза ССР «Союзного бюро» ЦК РСДРП(м), заключающиеся в следующем: в проведении в контрольных цифрах и в конъюнктурных обзорах

враждебных генеральной линии партии плановых построений и заведомо искаженных конъюнктурных оценок (сжатие темпов соцстроительства, искажение классового подхода, раздувание трудностей, недоучет ресурсов); в выдвигании признаков надвигающейся экономической катастрофы (Громан) или, что близко к тому, в признании шансов на успех осуществления партийной линии, направленной на социалистическое наступление, ничтожными (Базаров, Гухман); в выставлении при выработке перспективных планов примата генетической точки зрения над телеологической (Громан) или их равноправия (Базаров) вместо активной целевой установки на социалистическую переработку исторически данной среды; в такой трактовке сельскохозяйственной проблемы, рассматриваемой как узкое место в народном хозяйстве, которая дала базу для идеи двухлетки с с.-х. уклоном, противоречащей в корне плану социалистического преобразования отношений в СССР».

(Показания от 31 декабря 1930 г.).

В своем показании от 20 февраля 1931 г. Громан говорит:

«... с 1928 г. я и моя группа — Зелингер, Гухман, Бройтман, Шуб, Пристрак — б. меньшевик, к которым примыкали Базаров и беспартийный Вишневецкий, сознательно противопоставляли свои планы планам правительства и генеральной линии партии в целях извращения классового и хозяйственных установок, что достигалось тенденциозным освещением конъюнктурных процессов, выпячиванием трудностей... и пессимистическими прогнозами с целью отклонить советскую власть с принятого пути... То, чего не удавалось сделать при построении планов, проводилось при их осуществлении, пользуясь положением ответственных работников, и, таким образом, создавались условия для расстройств снабжения и вызывались политические недовольства населения».

(Показания от 20 февраля 1931 г.).

V

ФИНАНСИРОВАНИЕ «СОЮЗНОГО БЮРО»

Финансирование меньшевистской контрреволюционной организации имело два источника: средства заграничной делегации РСДРП и средства «Промышленной партии».

О получении денег из средств заграничной делегации Петунин условился с Даном в свою поездку в 1927 г.

«Дан указал мне, — показывает он, — что необходимые денежные средства им могут быть отпущены и что в

этом случае необходимо обратиться к Шурыгину».

Впоследствии, когда вредительская организация оформилась и вела работу, летом 1928 г. я написал письмо Шурыгину, отправленное вместе с другими бумагами Центросоюза с диппочтой в Берлин, где указал, что «кое-что из известного вам разговора делается». Этим я намекал на разговор с Даном.

Через полтора месяца после этого письма ко мне в кабинет в Центросоюз пришел управляющий Рижской конторой Центросоюза (умер осенью с. г.), который передал мне вместе с мелкими посылками и брошюрами пакет от Шурыгина со словами: «привет и письмо от Шурыгина». Я вскрыл пакет, в котором оказалось 20.000 р. червонцами и письмо от Шурыгина с указанием, что «деньги присланы из известного вам источника».

Деньги эти мною были распределены между следующими членами организации: Лапину — 6.000 р., Сененко — 2.000 р., Босяцкому — 6.000 р., Лютеранскому — 4.000 р. Лично мною израсходовано было рублей 400, а остальные я постараюсь вспомнить, кому были переданы».

(Показания от 20 февраля 1931 г.).

Член «Союзного бюро» и его секретарь, он же член финансовой комиссии «Союзного бюро», обвиняемый Шер дает более подробное показание об источниках финансирования «Союзного бюро», о методах и принципах распределения полученных денег:

«Финансирование «Союзного бюро» происходило в порядке получения средств, предназначенных на осуществление дезорганизаторской деятельности. По сравнению с этой статьей финансирования, средства, расходовавшиеся на чисто организационные задачи и нужды «Союзного бюро», были так ничтожны, что, не впадая в ошибку, можно утверждать, что все финансирование «Союзного бюро» предназначалось на дезорганизаторскую его деятельность. При этом не только члены «Союзного бюро», но и рядовые члены меньшевистских ячеек никаких средств за дезорганизаторскую деятельность не получали. Эти средства предназначались для тех беспартийных, которые были привлечены к дезорганизаторской работе и для которых, естественно, отсутствовали мотивы политической борьбы».

В общем итоге сумма, поступившая за время существования «Союзного бюро», составила что-то около 500.000 р., или, насколько я вспомню подсчеты на этот предмет финансовой комиссии, членом которой я состоял, 480.000 р. По годам сумма фи-

финансирования варьировала, примерно, так:

1928 г. — 120.000 р.
1929 г. — 200.000 р.
1930 г. — 160.000 р.

(Показания от 20 февраля 1931 г.).

Шер в дальнейшем своем показании устанавливает, как распределялись деньги между вредительскими периферийными ячейками (показания от 20 февраля 1931 г.).

«Насколько я могу вспомнить итоговые цифры, они выражаются в следующем:

Ячейка Наркомторга получила . . .	80.000 р.
„ Центросоюза „ . . .	80.000 „
„ ВСНХ „ . . .	70.000 „
„ Госбанка „ . . .	90.000 „
„ Госплана СССР, РСФСР и ЦСУ „ . . .	120.000 „
„ периферии „Союзного бюро“ „ . . .	40.000 „

В том же показании Шер говорит и об источниках получавшихся «Союзным бюро» денег:

«Все указанные суммы поступали частью от «Промпартии» (200.000 р.), частью—из-за границы (280.000 р.). Средства из-за границы поступали Громану через Финн-Енотаевского, но мне лично приходилось получать эти средства только от Громана. Источником поступления средств была заграничная делегация, которая, в свою очередь, получала, как мне приходилось слышать от Громана, а также от Абрамовича и Броунштейна, значительную долю средств от кругов, близких немецкой социал-демократии и II интернационалу. Из этих сообщений членов заграничной делегации я мог делать выводы, что источником получения средств являются отдельные, достаточно состоятельные лица, связанные с указанными организациями и в то же время осведомленные о той цели, на которую назначаются эти средства».

(Показания от 20 февраля 1931 г.).

Другой член финансовой комиссии, обвиняемый Громан, через которого проходили главные денежные средства, так описывает в своем показании от 11 января 1931 г. источники денежных средств:

«Финансирование «Союзного бюро» ЦК РСДРП производилось заграничной делегацией РСДРП, которая, в свою очередь, получала субсидии от германской социал-демократии, от II интернационала, а также от «Торгпрома». По соображениям конспирации финансирование производилось отдельными партиями («порциями»), пути передачи которых не разяснялись никому, кроме непосредственных

участников. Мне лично передавал деньги от заграничной делегации Финн-Енотаевский, который, как я мог догадаться из его слов, получил их через одно иностранное консульство в Ленинграде. Общая сумма, переданная им мне, достигла 200.000 р., которые я, в свою очередь, передал Шеру (до 150.000 р.) и Залкинду (50.000 р.). Также через меня получена была от «Промпартии», а именно от Ларичева, сумма в 200.000 р., из которых 180.000 руб. я передал Виноградскому, а 20.000 р.—Некрасову, при чем Ларичев указал мне, что это делается по приглашению «Торгпрома» с заграничной делегацией РСДРП.

Финансирование периферии производилось ведомственными меньшевистскими ячейками. Заведывал кассой «Союзного бюро» Шер, я в детали не входил».

(Показания от 11 января 1931 г.).

В своем показании от 24 декабря 1930 г. обвиняемый Финн-Енотаевский, подтверждая показания Громана о том, что он, Финн-Енотаевский являлся денежным передатчиком, показывает:

«Весной 1928 г., в бытность мою в Москве, В. Громан в беседе со мной у него на квартире сообщил, что, будучи в 1925 и 1927 гг. за границей, он виделся с Даном и Абрамовичем из заграничного ЦК(м) и имел с ними подробные беседы о положении дел в СССР. Он при этом мне сказал, что, как представитель ЦК(м) в СССР, он получает от них деньги и директивы руководящего характера. Вместе с тем он просил меня осуществлять связь между ним, Громаном, и заграничным ЦК в области финансирования и получения переписки. Для осуществления мной этой связи я указал Громану, что деньги и письма очень удобно пересылать через акционерное смешанное общество «Экспорт-Импорт», в лице директора-распорядителя Фридланда, которого я знал с 1906 г. как члена военной организации РСДРП и который находился в связи с меньшевиками и до последнего времени, хотя занимается с 1907 г. коммерческой деятельностью. Имея крупные средства, Фридланд финансировал меньшевистскую печать за границей и, по его словам, снабжал своими деньгами видных меньшевиков и в СССР после Октябрьской революции. Это доказывало, что Фридланд заслуживает полного доверия».

(Показания от 24 ноября 1930 г.).

Как явствует из дальнейших показаний Финн-Енотаевского, связь с Фридландом удалось наладить:

«... Я получил от Фридланда осенью 1928 г. (во время его пребывания в Ленинграде) первый раз 50 тыс. р...

Второй такой же пакет и такую же сумму денег (50 тысяч руб.) я получил от Фридланда в апреле 1929 г., когда был в Москве. Эти деньги и письма я тоже лично передал Громану. На этот раз Громан на мой вопрос, кто финансирует Дана и Абрамовича, сказал, что деньги, идущие к нему от Дана и Абрамовича, получают последними от германской социал-демократии через Гильфердинга... Так как я летом 1929 г. уезжал в научную командировку в Сибирь на 4 месяца и не мог быть в Москве в остальной части 1929 г., будучи связан преподаванием в вузе, то я условился с Фридландом и Громаном, чтобы все деньги и письма, которые будут получаться через посредство Фридланда на мое имя для передачи Громану, передавались впредь для избежания задержек Громану лично Фридландом.

От Фридланда, которого я видел в последний раз в феврале 1930 г., я узнал, что им было передано Громану лично за 1929 г. и начало 1930 г. 200 тыс. рублей и несколько пакетов. Получение такой суммы подтвердил мне и Громан.

Таким образом, общая сумма денег, переданных Громану от заграничного ЦК(м) мною и Фридландом, выразилась в 300 тысяч рублей.

(Показания от 24 декабря 1930 г.).

Обвиняемый Залкинд, подтверждая приведенные выше показания ряда обвиняемых об источниках финансирования, указывает:

«Основное финансирование деятельности «Союзного бюро» ЦК РСДРП базировалось на тех средствах, которые поступали от заграничной делегации РСДРП. Об этом финансовом источнике я узнал тотчас после моего вступления в «Союзное бюро» ЦК РСДРП от В. Г. Громана, а затем мне сообщил о нем Абрамович, когда я с ним в конце лета 1928 г. встретился в Москве. И тот и другой разъяснили мне, что заграничная делегация средства, необходимые для финансирования «Союзного бюро», подучает от заграничных с.-д. партий. В финансировании участвуют все крупные западноевропейские с.-д. партии, также II Интернационала, но в основном средства поступают от германской с.-д. партии, которая изъявила согласие широко финансировать партийную и в особенности вредительскую работу РСДРП. Помимо этого основного источника финансирования «Союзного бюро», согласились финансировать его работу, как мне говорил Шер, также «ТКП» и «Промышленная партия». Переговоры по этому вопросу велись по линии «ТКП» с

Юровским, а по линии «Промпартии» — с Ларичевым. «ТКП» согласилась отпустить средства в связи с заключенным с нею соглашением о контактной с нею военной работе и посылке представителя «Союзного бюро» Шера в военную комиссию «ТКП».

(Показания от 4 декабря 1930 г.).

Наконец, член «Союзного бюро» Якубович, не расходясь в своих показаниях относительно источников финансирования, сообщает о случаях субсидирования «Промпартией» конкретной дезорганизаторской работы меньшевистской вредительской ячейки в Наркомторге:

«Когда в конце 1927 г. стали применять впервые новые тактические методы РСДРП... и финансирование вредительской работы не было еще налажено... А. Б. Штерн вступил в соглашение с руководителями инженерского вредительского центра, в лице С. Д. Шейна, о позаймствовании у него некоторой суммы. На основе этого соглашения я получил от С. Д. Шейна, в несколько приемов, около 15.000 р., которые были мною распределены между участниками первых дезорганизаторских актов...».

VI

О СВЯЗЯХ «СОЮЗНОГО БЮРО» МЕНЬШЕВИКОВ С ЧЛЕНАМИ ЗАГРАНИЧНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ ЦК РСДРП С 1928 ПО 1930 ГОД.

Преступная антинародная работа проводилась контрреволюционной организацией меньшевиков на основе непосредственных указаний заграничного с.-д. меньшевистского центра. Выше уже было выяснено, что самое образование «Союзного бюро» было результатом организационного воздействия того же заграничного центра. Выше также было установлено, что как при принятии решений и директив, которые давались «Союзным бюро» по вредительской работе, так и при разрешении вопросов о блоке с «Промпартией» и «ТКП» решающую роль сыграли также прямые указания заграничного центра. Этим дело, однако, не ограничилось. За период деятельности «Союзного бюро» с февраля 1928 г. и по 1930 год имел место целый ряд свиданий отдельных членов «Союзного бюро» с руководящими деятелями заграничного ЦК меньшевиков, поддерживавшая все время систематическая письменная связь и наконец имел место непосредственный нелегальный приезд в СССР двух членов ЦК меньшевиков — лидера заграничного центра Абрамовича и члена меньшевистского ЦК Броунштейна. Оба эти лица, как установлено следствием, входили в не-

посредственную связь с членами «Союзного бюро», Абрамович же принимал участие в заседании «Союзного бюро» в СССР.

Установленные следствием данные по вопросу об этой связи сводятся к следующему.

Кроме поездок Берлацкого и Петунина, о которых говорилось выше, личные сношения с заграницей как до, так и после образования «Союзного бюро» поддерживали из членов «Союзного бюро» Громан, Гинзбург, Штерн и исполняли поручения по поддержанию связей Юровский, Гомбарг, Галлоп и Кауфман.

Кроме того, как было уже выяснено выше, систематически поддерживал связь с заграницей для финансирования меньшевистской организации в СССР Финн-Енотаевский. Он не был, однако, только связью по финансовым делам.

Финн-Енотаевский показывает:

«Со своей стороны Громан мне два раза (весною 1928 г. и весною 1929 г.) передал два пакета для пересылки их заграничному ЦК меньшевиков, что мною было отправлено через Фридланда... и кроме того запечатанный пакет от заграничного ЦК(м) на мое имя для передачи Громану, что мною вскоре было выполнено при проезде через Москву и Одессу к больной матери...».

(Показания от 24 декабря 1930 г.)

До 1929 г. личные связи с заграницей поддерживали Громан и Гинзбург.

Громан показывает:

«...мои связи с меньшевистской эмиграцией начались в 1923 г., когда я, будучи в Германии на курорте Наугейм, посетил Берлин и виделся там с отдельными меньшевиками—Бинштоком и Денике.

В 1925 г. встречался с Даном, Абрамовичем, Далиным и Юговым...

В том же 1925 г. я виделся в Берлине отдельно с Броунштейном, Бинштоком, Денике. В 1927 г. имел я в Берлине встречу с Денике, который в то время служил в берлинском полпредстве СССР, в информационном бюро...».

(Показания от 22 декабря 1930 г.)

О своих связях Гинзбург показывает:

«В числе поездок, использованных инициаторами «Союзного бюро» ЦК РСДРП для установления связи с заграничной делегацией РСДРП, была и моя поездка за границу, имевшая место во второй половине 1927 г. Проезжая через Берлин и встретив там А. Б. Штерна (в конце августа и в начале сентября 1927 г.), я узнал от него телефон Дана и позвонил последнему с просьбой назначить время и место встречи с ним и женой его Л. О. Канцель-Цедербаум... В беседе ознакоми-

Дана, Канцель, Гарви со своей работой в СССР... Дан и Гарви вполне одобрили наши попытки по созданию организации, оба они придавали большое значение тому обстоятельству, что организация создается людьми, занимающими определенное положение в советском аппарате... Дан и Гарви выразили пожелания, чтобы инициативные работники по созданию меньшевистской организации создали организацию всесоюзного масштаба, выразив уверенность, что если во главе станут люди, известные заграничной делегации, последняя признает руководящую группу в качестве «Союзного бюро» ЦК РСДРП. На обратном пути из Америки... я ограничился телефонным разговором с Даном, который сообщил, что виделся со Штерном накануне отъезда последнего в СССР в ноябре и что передал Штерну необходимые инструкции по вопросу о «Союзном бюро» ЦК РСДРП, в основном совпадающие с тем, что говорилось в беседе со мной».

(Показания от 25 января 1931 г.)

Поездки Штерна относятся к периоду после 1928 г., и роль их поэтому была гораздо значительнее.

По этому поводу Якубович показывает:

«А. Б. Штерн ездил в Германию ежегодно лечиться в Наугейм и проводил за границей по 2—3 месяца. Эти поездки начались, кажется, в 1925 г. Если и был им пропущен какой-либо год, то разве только один. При каждой поездке он останавливался в Берлине и виделся со всеми членами заграничного ЦК и присутствовал на его заседаниях. Кроме того, посещал виднейших деятелей германской социал-демократической партии. Знаю о его посещениях К. Каутского, Э. Бернштейна и Р. Гильфердинга. По поручению русского ЦК А. Б. Штерн подробно информировал заграничный центр и получал от него директивы и информации...».

(Показания от 18 января 1931 г.)

Что касается содержания всех этих директив и информаций, то, поскольку они касались конкретных вопросов контрреволюционной деятельности «Союзного бюро» меньшевиков, они уже освещены выше при анализе резолюции «Союзного бюро» меньшевиков, и дополнительно можно о них указать следующее.

Петунин показывает:

«В моей памяти хорошо сохранилось содержание директивы заграничного ЦК РСДРП относительно разногласий в ВКП(б), выраженное в письме, полученном мною в копии через Громана летом 1929 г. В этом письме, подписанном Даном и Абрамовичем,

давались оценки правому уклону в партии. В письме указывалось, что троцкисты, в результате борьбы с ЦК ВКП(б), по существу стояли на позиции социал-демократии, что, на основе этого примера и в силу логики борьбы, можно предвидеть, что и правоуклонисты в процессе борьбы неизбежно встанут на те же позиции. Чем сильнее будет борьба, тем вернее это произойдет, — говорится в письме, — поэтому нужно «подливать масла в огонь, чтобы сильнее горело пламя борьбы», рекомендуют авторы письма. Письмо ставит вопрос о разногласиях в ВКП(б) в центр внимания организации РСДРП. В заключение письмо призывает не падать духом и развивать энергичную работу, ибо «за нами и с нами (меньшевиками) вся международная социал-демократия». (Показания от 12 декабря 1930 г.).

По показаниям Громана, в развитие директивы об интервенции, приведенной Петуниным в письме, полученном Шером весной 1928 г., интервенционистская тактика...

«...мотивировалась по внешности противоположными аргументами, а именно указывалось на неустойчивость советского режима, на резкое недовольство крестьянства (а не кулацкой его верхушки) в связи с чрезвычайными мерами по хлебозаготовкам, и, таким образом, дезорганизаторская работа по поддержке интервенции, повторяю, замаскированная словами «неизбежности роста диспропорции, исторической необходимости интервенции» и т. п., мотивировалась уже долгом РСДРП политически оформить и возглавить начавшееся движение народных масс против советского строя. Благодаря предшествовавшей личной беседе Петунина с Даном, авторы письма — заграничная делегация — могли твердо рассчитывать, что их замаскированные директивы об активном вредительстве и действенной поддержке интервенции будут поняты адресатом, «Союзным бюро» РСДРП...».

«В ноябре 1928 г., — говорит дальше Громан, — я получил через Финн-Енотаевского, под видом частного письма, напечатанного на машинке, за условленной с Абрамовичем подписью «Ваш Ф.», директивное письмо заграничной делегации РСДРП, в котором подтверждался анализ положения, данный Абрамовичем, но подчеркивалось, что положение сгущается, что интервенция приближается и что необходимо форсировать дезорганизаторскую работу, так как назревающее недовольство в деревне и в городе, вследствие растущего несоответствия спроса и предложения с.-х. товаров и

промышленной продукции, несомненно, приближает кризис режима. Я огласил это письмо на совещании с Залкиндом, Петуниным и Якубовичем, кажется, в один из вечеров в моем кабинете в Госплане, и мы решили усилить вредительскую работу в сфере смычки города и деревни по линии промтоварного снабжения. Я показывал это письмо Финн-Енотаевскому, Шеру, хранил у себя, а ожидая ареста, уничтожил в июне 1930 г., после ареста Кондратьева, где я был во время обыска...».

Решающее значение в направлении работы «Союзного бюро» имел приезд двух членов ЦК: летом в 1928 г. Абрамовича и весной 1929 г. Броунштейна.

По этому поводу имеются показания всех обвиняемых.

О приезде Абрамовича Шер показывает:

«В 1928 г. приехал из-за границы Абрамович. О его предполагавшемся приезде мы, члены ЦК, были осведомлены ранее.

Мне лично об этом говорил Громан. За день до его приезда в Москву мне из Ленинграда позвонил Финн-Енотаевский и сказал, что завтра утром в Москву приедет «директор Севзаплеса» (насколько я помню, так). Это означало, что приезжает Абрамович.

На другой день я остался ожидать Абрамовича у себя на городской квартире. Абрамович мне позвонил с Октябрьского вокзала и приехал ко мне на городскую квартиру. Встреча у меня на квартире неудобств не представляла, так как квартира моя совершенно изолированная, и я жил один с прислужгой. На квартире у меня в разговоре со мной Абрамович сказал, что заграничный ЦК очень интересуется работой нашей организации, и он хочет от имени ЦК оформить наши полномочия. Тут же он выразил желание повидаться с отдельными товарищами: Громаном, Гинзбургом, Залкиндом и Петуниным. Тогда я дал Абрамовичу служебные адреса и №№ телефонов этих товарищей, ориентировал его, как туда пройти, и мы условились с ним, после того, как он побывает или свяжется с этими товарищами, встретиться к концу дня на Брянском вокзале, откуда приехать ко мне на дачу ст. Алабино, Брянской жел. д. Дав адреса товарищей, я позвонил Залкинду и Громану и сообщил им, что приехал Абрамович, назвав при этом, что «приехал из-за границы представитель Лесозэкспорта и будет у них по делам». К концу дня, около 5 часов вечера, я, как условился, встретился с Абрамовичем на вокзале, и мы уехали ко мне на дачу в Алабино. В разговоре уже там, на даче, Абрамович указывал

мне, что стремление нашей группы называться русским ЦК неправильно, что полномочия наши базируются на слишком узком круге организации и так как, с другой стороны, нет возможности сейчас устроить широкое совещание или съезд, то нет оснований нам отказываться от того, чтобы именоваться «Союзным бюро» ЦК меньшевиков, в чем я сомневался, так как не думал, что заграничный ЦК может передозировать часть своих функций и прав группы случайно сложившейся.

Вместе с тем Абрамович указывал на необходимость перенести центр тяжести работы на группы ответственных служащих, указывая вместе с тем, что это должно быть объединено с переходом на более решительный темп дезорганизаторской работы.

Далее он указывал на желательность более тесного объединения с группами, работающими среди крестьянства, имея в виду «ТКП». Тут же Абрамович сказал, что он по данным мною адресам виделся с Громаном, Залкиндом и, кажется, Петуниным и что следует устроить совещание нашей группы, при чем предварительно он хочет обехать некоторые города, где у него сохранились старые личные связи, в частности, он думает побывать в Белоруссии, в Минске, при чем так как его там хорошо знают, то он думает гримироваться. После этой беседы Абрамович уехал в Москву и в целях конспирации уезжал по другой железной дороге (Александровской), для какой цели я ему предоставил свой экипаж и лошадь доехать до ст. Голицыно. Отвозил его на станцию служащий сторожем при даче гр. Парфенов. Сам я пошел пешком на ст. Алабино и уехал по Брянской дороге в Москву. Ночевать в Москве Абрамович должен был у каких-то своих знакомых, но каких именно — мне он не говорил. Перед отъездом Абрамович обещал зайти ко мне на городскую квартиру, так как им были у меня там оставлены дорожные вещи. Через несколько дней мне позвонил по телефону Залкинд и сообщил о том, что он будет у меня в определенное время. Из этого сообщения я понял, что он будет вместе с Абрамовичем. Вечером в тот же день пришли Абрамович и Залкинд, явились они разновременно.

Беседа, имевшая место здесь, была на те же темы, что и у меня на даче. Здесь Абрамович категорически заявил, что он считает необходимым собрать совещание всех членов русского ЦК для обсуждения указанных вопросов, которое следует устроить по его возвращении из поездки по периферии. О времени приезда в Москву он сообщает телеграммой Залкинду и мне лично за несколько дней ранее по адресу, который я ему дал: п/отд. Полново

Новгородской губернии, куда я должен был уехать на охоту.

На другой день Абрамович уехал из Москвы. Я в конце июля уехал в Полново, на озеро Селлигер. Телеграмму, обещанную Абрамовичем, я не получил и вернулся в Москву в конце августа, где узнал от Залкинда, что Абрамович возвращался в Москву и созвонение уже состоялось. Он информировал меня, что на совещании было принято решение по затронутым, указанным выше, вопросам и решение совпадает с теми предложениями, которые делал Абрамович.

Где происходило это совещание, я у него не спросил, участвовали в нем бывшие в то время налицо в Москве товарищи из состава ЦК. После принятия на этом совещании решения о названии «Союзного бюро» ЦК, все же в разговорах мы продолжали именовать его иногда русским ЦК. На этом же совещании с участием Абрамовича, по словам Залкинда, Абрамович, делаясь впечатлениями от объезда периферийных организаций, указывал, что на местах работа построена старыми методами, стараются глазным образом вести работу среди рабочих, игнорируя служащих, и указывал, что необходимо на места дать соответствующие разъяснения...».

(Показания Шера от 5 декабря 1930 г.).

По показаниям Залкинда, приезд Абрамовича

«...имел целью внести окончательную ясность во все организационные, принципиальные и тактические вопросы деятельности «Союзного бюро» и согласовать всю работу «Союзного бюро» с установками заграничного ЦК. Во время приезда Абрамовича ряд членов «Союзного бюро», в том числе и я, имели с ним подробные отдельные беседы, и, кроме того, Абрамович выступил на заседании «Союзного бюро» с общим программным докладом. Как в беседах, так и в докладе Абрамович вполне определенно изложил те позиции, на которые окончательно стала заграничная делегация РСДРП по основным вопросам деятельности и тактики РСДРП. Основной базой деятельности и тактики «Союзного бюро» в дальнейшем, как указал Абрамович, должна явиться линия на свержение советской власти в СССР. Окончательно выявившаяся позиция ВКП(б) в вопросах экономического и социального строительства СССР привела к вызову заграничную делегацию, что между социал-демократическими путями переустройства капиталистического общества и линией ВКП(б) в области борьбы за социализм не может быть примирения, и только уничтожение основной базы международного коммунизма в лице ВКП(б) и советской власти в СССР может спасти

мировое социал-демократическое движение от краха и окончательной потери влияния в рабочих массах. И отсюда Абрамович делал вывод о необходимости перехода к активно-вредительским методам работы в различных областях советского народного хозяйства в целях внесения дезорганизации в советскую экономику и дискредитации советской экономической политики в глазах рабочих масс и крестьянства. Второй базой активной борьбы с советской властью, указал далее Абрамович, является военная интервенция, которая направляется против СССР. Заграничная делегация РСДРП стоит на точке зрения поддержки интервенции, как единственном серьезном практическом оружии свержения советской власти. В виду такого основного значения интервенции и экономически-вредительской работы, помимо своих прямых целей хозяйственной дезорганизации, должна служить подготовительной стадией к созданию благоприятной экономической обстановки внутри СССР для проведения интервенции. Далее Абрамович указал, что эта точка зрения заграничной делегации РСДРП базируется не только на ее собственной оценке положения в СССР, но опирается также и на мнение по этому вопросу II Интернационала и главнейших социал-демократических партий Западной Европы, и, в частности, руководящих органов германской социал-демократической партии. Конечно, официально и в дальнейшем как II Интернационал, так и германская с.-д. партия должны будут по целому ряду международных и внутрипартийных (отрицательное отношение к интервенции низовой рабочей массы) соображений сохранять отрицательную позицию к интервенции, но, по существу, позиция их совпадает с позицией по этому вопросу заграничной делегации РСДРП, а делегация РСДРП получила согласие от лидеров II Интернационала и германской социал-демократической партии на финансирование партийной и вредительской работы РСДРП, как подготовительной к интервенции. Указанная программа, развитая Абрамовичем и преподанная им как директива, и легла в основу деятельности «Союзного бюро» в продолжение всего дальнейшего периода...».

(Показания Залкина от 19 февраля 1931 г.).

Громан о приезде Абрамовича показывает:

«Член заграничного ЦК РСДРП Абрамович приезжал нелегально в СССР летом 1923 г. Его приезд был вызван решением заграничного ЦК окончательно оформить устраиваемую меньшевиками организацию внутри Союза ССР и настоит на изменении тактики. В период

его приезда я был серьезно болен и лежал в постели, после чего непосредственно по предписанию консултации профессоров Кремлевской больницы, которые меня и лечили, направился на курортное лечение в Кисловодск. Поэтому у меня с Абрамовичем могли состояться только кратковременные встречи; он более подробно высказывался о встречах с другими членами центральной организации, особенно с Шером, бывшим уже тогда уполномоченным заграничного ЦК РСДРП. Свои впечатления от бесед с Абрамовичем в передаче Шера, могу следующим образом формулировать его оценку политического положения и задачи, которые ставит себе заграничный ЦК, и те функции, которые он возлагает на меньшевистские организации внутри Союза ССР. Абрамович, как характерную базисную основу новой тактики, указывал, во-первых, на обострение в мировом масштабе борьбы между II и III Интернационалами и, во-вторых, на новый курс ВКП(б), на курс решительного социалистического наступления. Поэтому борьба с новым курсом ВКП(б) является деобходимой и с точки зрения всех социал-демократических партий других стран, вследствие чего положение заграничного ЦК РСДРП среди партий II Интернационала улучшается, интерес к «российской» социал-демократии растет, и ей обещана более активная помощь со стороны II Интернационала, в том числе и финансовая.

...В Германии назревает решительная борьба между социал-демократией и коммунистической партией, и потому первая всячески готова помочь «российской» с.-д. в ее борьбе с ВКП(б), так как успехи последней в огромной мере усиливают германскую компартию. Таким образом, понятно желание с.-д. Германии оказать всяческую помощь РСДРП.

...В борьбе этой РСДРП имеет мощных союзников: коалицию с.-д. в лице партий II Интернационала, формальную или фактическую, с буржуазией—вне СССР и недовольство крестьянства, интеллигенции и значительной, а возможно и большей части пролетариата—внутри СССР. Необходимо использовать обе эти силы, и потому заграничный ЦК пришел к выводам об изменении тактики в сторону, во-первых, допустимости, даже желательности, интервенции и, во-вторых, в направлении дезорганизаторской работы в советских учреждениях, предприятиях и в самой коммунистической партии путем всяческой поддержки правой оппозиции и развития ее тенденции в сторону поворота к социал-демократизму...».

(Показания от 17 декабря 1930 г.).

Шер по поводу приезда в СССР Броунштейна — представителя заграничного центра меньшевиков — говорит:

«О приезде в Москву Броунштейна, Михаила Адамовича, я узнал от его родственника, члена меньшевистской ячейки Госбанка А. И. Лежнева. Если мне не изменяет память, весной 1929 г. Лежнев сообщил мне, что в Москву приехал М. А. Броунштейн, который имеет какие-то поручения от заграничной делегации и желает повидать меня. Я извятил полную готовность повидаться с ним у себя на квартире, куда он и пришел однажды вечером после телефонного предупреждения Лежнева...».

«...Более подробно остановились мы в своей беседе на вопросах предстоящего пленума «Союзного бюро», в частности на вопросах контактной работы с «ТКП».

«...Я, как и другие члены «Союзного бюро», был склонен особенно остро ставить перед заграничной делегацией вопрос об интервенции и настаивать на форсировании этого вопроса.

Михаил Адамович, со своей стороны, передал мнение заграничной делегации о правильности нашей оценки контактной работы с «ТКП», которую он склонен был расценивать, как наиболее реальную и серьезную контрреволюционную силу в Союзе.

Что касается интервенции, то Михаил Адамович указал, что он лично примыкал к левой группировке заграничной делегации, долгое время был против интервенции, пока окончательно не убедился, что красный империализм соввласти много опаснее для интересов международного социализма, чем любое осложнение, связанное с интервенцией Франции или Англии...».

«С другой стороны, Михаил Адамович с особой настойчивостью обращал мое внимание на то, что при контактной работе с «ТКП» и при положительном решении вопроса об интервенции «Союзное бюро» совершает грубую ошибку, когда совершенно игнорирует работу среди пролетариата. Принципы нового меньшевизма нисколько не исключают пропаганды и агитации в рабочей среде, что ясно вытекает из практики заграничной делегации».

«...Михаил Адамович указывал, что он по поручению заграничной делегации хочет принять участие в органической работе «Союзного бюро» в качестве его равноправного члена, чтобы направить эту часть работы «Союзного бюро», использовать старые связи в рабочей среде, которые остались неразработанными, и установить связь между «Союзным бюро» и между меньшевиками, находящимися в ссылке, с тем, чтобы перебросить мост от нового к старому меньшевизму».

Так, непосредственно личным приездом и руководством, письменными и устными директивами и, наконец, деньгами подерживала и руководила «Союзным бюро» меньшевиков заграничная делегация РСДРП до самого последнего времени.

Впрочем, теснейшая непосредственная связь обеих организаций язвствует из целого ряда документальных данных, имеющихся в распоряжении следствия. Сюда относятся:

а) Изъятая при обыске у Икова переписка, касающаяся отношений заграничного центра к деятелям «Союзного бюро».

б) Непосредственное сотрудничество, признанное обвиняемыми, в «Социалистическом вестнике».

в) Позиция «Соц. вестника» по отношению к вредительству вообще, процессу «Промпартии» в частности.

г) Позиция, занятая в «Соц. вестнике» по поводу ареста Громана, Суханова и др.

д) Двусмысленная позиция по отношению к основной проблеме интервенции, проводимая тем же «Социалистическим вестником», в частности обвинение «Соц. вестника» СССР в красном империализме, что, как известно, является излюбленным коньком империалистической буржуазии Запада.

В изъятых у Икова при обыске письмах, полученных из-за границы и расшифрованных, находим следующее:

В письме от 25 августа 1930 г. от заграничного меньшевистского центра говорится:

«Дорогой Зигфрид, получили ли вы наше первое письмо (после перерыва)? Мы писали обычным образом по старому адресу. Будем писать и впредь по обоим адресам и обычными способами. Подтвердите получение и согласие на ключ».

Письмо кончается следующим образом:

«Ждем корреспонденций; после получения от вас подробного письма напишем ответ подробнее. Сердечный привет О».

В письме от 4 октября за № 4 говорится:

«Письмо № 2 получили. В связи с арестами подняли большую кампанию. Обратились ко всем соц. партиям и редакциям с особым письмом, в котором указываем на значение последних арестов. По делу Громана — Кондратьева призели в движение демократические круги Европы. Собираем подписи ученых и профессоров под протестом. Составили несколько статей о том, кто арестован и кто настоящий вредитель. Абрамович поместит статью в «Форвертсе», Дан — в австрийской печати, Югов — в ряде местных газет...».

Кончается письмо шифром.

В третьем письме за № 6 от 23 октября говорится:

«Сообщите нам все, что знаете о М. А. Броунштейне, в какой тюрьме он сидит, его здоровье. У нас все налажено для отправки «Вестника». Ждем адреса. Его будут доставлять в М. в 10 экз. Сердечный привет Оля...».

Допрошенный по этому поводу Иков показал:

«Предъявленные мне три письма из-за границы от 25 августа, 4 октября и 23 октября найдены у меня при обыске, представляют случайно сохранившуюся часть переписки с заграничной делегацией РСДРП. Написаны они тайнописью на бандеролях, присланных мне на мое имя по адресу службы, номеров немецких газет и журналов уже после арестов по делу «Союзного бюро»...
«Подпись — О. Доманевская, почти все время ведшая переписку со мной».

В распоряжении следствия находится, сверх того, номер газеты «Правда» от 9 января, изъятый из московского почтамта и направленный за границу в Берлин. В номере вклеено 2 листа папиросной бумаги с письмом, где находятся следующие абзацы:

«Надо готовиться к самому худшему. Крыленко вкуле с ГПУ, опираясь на донесения тайной и явной агентуры, комбинируя добровольные показания и записки сумасшедших, сумеют состряпать дельце не хуже шахтинского или рамзинского... Этому грязному замыслу мы наносим первый удар и предаем гласности весь чекистский заговор. Передаем дело в ваши руки, в твердой уверенности в нашей победе. «Подпись — «Московское бюро» ЦК РСДРП».

Письмо датировано 9 января 1931 г. и начинается словами:

«Дорогие друзья, нет никаких сомнений, как свидетельствует ряд фактов и из разных источников поступающие сведения, что против нашей партии задуман какой-то гнусный поход, исполнителей которого готовим в недрах ГПУ... Новый клеветнический процесс-монстр. Это будет, очевидно, дело ЦК РСДРП».

По предъявлении обвиняемому Икову этого документа последний показал:

«Предъявленное мне, написанное через копиру на двух листах папиросной бумаги обращение от 9 января 1931 г. за подписью «Московского бюро ЦК РСДРП», начинающееся словами «Дорогие друзья», вложенное в бандероль с газетой «Правда» от 9 января 1931 г. и адресованное в Берлин... составлено, написано и опущено в ящик мною...».

Эти документы лишней раз подтверждают прямую связь обвиняемых с заграничным центром с исчерпывающей ясностью.

Что касается «Соц. вестника» и сотрудничества в нем обвиняемых, то Якубович в показаниях от 13 декабря говорит:

«Подготовка материалов для «Социалистического вестника» и составление для него статей, сколько мне известно, ни на кого в русском ЦК официально возложено не было, но этим делом преимущественно занимались Н. Н. Суханов и А. Б. Штерн, в особенности первый. Писали также, сколько я знаю, систематически И. И. Рубин, А. М. Гинзбург, Л. Б. Залкинд, В. А. Базаров, В. В. Шер, В. Г. Громан, а из лиц, не входивших в ЦК, — Ф. А. Черезанин, П. П. Маслов. Я лично для «Социалистического вестника» обычно ничего не писал, но несколько раз составлял по поручению В. В. Шера информационную подборку по вопросам товарного и денежного обращения с таким расчетом, чтобы этот материал мог быть без больших редакционных изменений напечатан в «С. В.», либо мог быть использован посредством переработки и дополнения для руководящей статьи. Такой материал составлялся мной за все время раз 5 или 6. Один или два раза он, почти без всяких изменений, был напечатан без подписи или с поставленным редакцией инициалом в «С. В.», кажется, во второй половине 1929 г. или в самом начале 1930 г. Точного содержания этого материала не помню. Подобные же поручения или просьбы, исходившие как от В. В. Шера, так и от других членов ЦК, постоянно сотрудничавших в «С. В.», обращались иногда и к другим членам ЦК или же членам партии, не входившим в ЦК, на темы, им близко знакомые. Делалось это в порядке личной инициативы всех, кто чувствовал себя ближе стоящим к редакционной работе «С. В.».

(Показания от 13 февраля 1931 г.)

Из предъявленных ему №№ «Социалистического вестника» он признавал следующий составленный им материал:

1) В № 22 от 21 ноября 1929 г. отдел «По России» почти полностью взят из присланного мною информационного письма; вставлен только первый абзац и отдельные выражения в тексте, в моем письме не содержащиеся; 2) в № 11 от 14 июня 1930 г. в отделе «По России» содержится вставка из написанного мною информационного письма: абзац, начинающийся словами «надо отметить, что последнее время в деревне как будто бы намечаются признаки некоторого перелома в настроении»; 3) в № 9 от 4 мая 1929 г. в отделе «По России» второй и третий абзацы, начиная со слов: «положение с хлебом весьма тяжелое» и до слов: «паническое настроение захватывает»

также взяты из моего информационно-го письма...».

(Показания от 15 декабря 1930 г.)

В процессе предварительного следствия прокуратурой РСФСР были привлечены в качестве обвиняемых по ст.ст. 58^а, 58^б и 58^в Уголовного кодекса:

- 1) Громан, Владимир Густавович.
- 2) Шер, Василий Владимирович,
- 3) Суханов, Николай Николаевич,
- 4) Гинзбург, Абрам Моисеевич,
- 5) Якубович, Михаил Петрович,
- 6) Соколовский, Арон Львович,
- 7) Залкинд, Лазарь Борисович,
- 8) Волков, Иван Григорьевич,
- 9) Петунин, Кирилл Гаврилович,
- 10) Финн-Енотаевский, Александр Юльевич.
- 11) Берлацкий, Борис Маркович.
- 12) Иков, Владимир Константинович,
- 13) Тейтельбаум, Моисей Исаевич,
- 14) Рубин, Исаак Ильич.

Первые десять в качестве членов центральной контрреволюционной меньшевистской организации «Союзного бюро» РСДРП; Иков, Тейтельбаум и Берлацкий — в качестве лиц, хотя и не входивших в состав «Союзного бюро», но являвшихся активными деятелями контрреволюционной организации, непосредственно связанные с «Союзным бюро» и осуществлявшие связь с заграничным меньшевистским центром, и Рубин, как член контрреволюционной организации, также непосредственно связанный с «Союзным бюро» и использовавшийся для хранения конспиративных документов и переписки с заграничной делегацией РСДРП.

В отношении остальных членов меньшевистской к.-р. организации, привлеченных по настоящему делу органами ОГПУ, производство о таковых выделено.

Равным образом дело выделено и в отношении Броунштейна, уже осужденного постановлением коллегии ОГПУ.

Допрошенные в качестве обвиняемых перечисленные выше лица, дав обстоятельные показания, признали себя виновными в предъявленных им обвинениях.

На основании изложенного предаются суду Специального присутствия Верховного суда Союза ССР:

1. Громан, Владимир Густавович, 56 лет, сын домашнего учителя, получивший высшее образование, несудимый, по специальности экономист, бывш. член президиума Госплана, член РСДРП с момента ее образования до 1922 г. с перерывами, с 1926 г. по 1930 г. снова член РСДРП(м).

2. Шер, Василий Владимирович, 47 лет, получивший высшее образование, несудимый, бывш. член правления Государственного банка СССР с 1923 г. по 1930 г., член РСДРП.

3. Суханов, Николай Николаевич, 48 лет, сын служащего, получивший высшее образование, несудимый, по профессии литератор, член РСДРП(м) с 1917 по

1920 г. (группа Мартова), с 1929 г. член РСДРП(м).

4. Гинзбург, Абрам Моисеевич, 52 лет, сын купца, получивший высшее образование, несудимый, по профессии экономист, член РСДРП(м) с 1897 г. по 1921 г., а затем с 1926 по 1930 г.

5. Якубович, Михаил Петрович, 39 лет, происходящий из дворян, несудимый, получивший среднее образование, бывш. зам. нач. сектора снабжения Наркомторга СССР, член РСДРП(м) с 1908 г. по 1921 г. и с 1927 г. по 1930 г.

6. Соколовский, Арон Львович, 47 лет, из мещан, несудимый, получивший высшее образование, по специальности экономист, член ЦК объединенной еврейской соц. партии с 1906 г. по 1920 г. и с конца 1927 г. по 1930 г. член РСДРП(м).

7. Залкинд, Лазарь Борисович, 45 лет, сын служащего, несудимый, получивший высшее образование, по специальности экономист, член РСДРП(б) с 1903 по 1907 г. и член РСДРП(м) с 1917 по 1921 г. и с 1924 по 1930 г.

8. Волков, Иван Григорьевич, 47 лет, сын крестьянина, бывш. рабочий, несудимый, бывш. экономист ВСНХ СССР, с 1902 по 1905 г. член партии социалистов-революционеров, член РСДРП(м) с 1905 до 1920 г. и с 1928 до 1930 г.

9. Петунин, Кирилл Гаврилович, 46 лет, сын дерезенского портного, несудимый, по специальности бухгалтер, с 1922 г. бывш. член правления Центросоюза, член РСДРП(м) с 1905 г. по 1918 г. и с 1925 г. по 1930 г.

10. Финн-Енотаевский, Александр Юльевич, 58 лет, сын служащего, несудимый, получивший высшее образование, профессор политической экономии, член РСДРП(б) с 1903 по 1915 г. и член РСДРП(м) с 1928 по 1930 г.

11. Берлацкий, Борис Маркович, 41 года, из мещан, несудимый, получивший незаконченное высшее образование, бывш. член правления Госбанка СССР, член РСДРП(м) с 1904 по 1930 г. (с перерывами).

12. Иков, Владимир Константинович, 49 лет, из дворян, получивший незаконченное высшее образование, по профессии литератор, член РСДРП(м) с 1901 г.

13. Тейтельбаум, Моисей Исаевич, 54 лет, из мещан, несудимый, получивший незаконченное высшее юридическое образование, бывш. старший директор по стандартизации экспортных товаров НКТ СССР, член РСДРП(б) с 1900 по 1907 г. и член РСДРП(м) с 1925 по 1930 г.

14. Рубин, Исаак Ильич, 45 лет, профессор политэкономии. Член Бунда с 1904 по 1920 г., член Бунда и РСДРП(м) с 1920 по 1923 г., член РСДРП(м) с 1929 по 1930 г.

1. Первые 10 — по обвинению в том, что, поставив себе целью свержение советской власти в СССР и восстановление капиталистических отношений, —

1) образозали в начале 1928 г. контр-революционную организацию, руководимую «Союзным бюро» ЦК РСДРП(м), объединив под руководством последнего разновременно возникшие ранее, ими же созданные в отдельных учреждениях и наркоматах СССР контрреволюционные меньшевистские организации, продолжали создавать таковые и в дальнейшем и, руководя деятельностью последних, направляли их к той же цели свержения советской власти;

2) вошли путем посылки за границу отдельных лиц из своей среды, а также путем дачи поручений другим лицам, в сношениях с к.-р. организацией меньшевиков-социал-демократов за рубежом — «заграничной делегацией» ЦК РСДРП, согласовывали с последними свою деятельность, получали от них письменные руководящие указания и денежную помощь и участвовали в совместных заседаниях и совещаниях с приезжавшими из-за границы с к.-р. целью членами этой заграничной делегации Абрамовичем и членом ЦК меньшевиков Броунштейном и другими лицами;

3) в тех же целях вошли в соглашение тактического и программного характера с другими, действовавшими на территории СССР контрреволюционными организациями, а именно — центральным комитетом так называемой «Промышленной партии» и центральным комитетом так называемой «Трудовой крестьянской партии», соответственно договаривались с ними о разграничении сфер своей контрреволюционной работы и получали от последних, а через них от «Торгпрома», материальную и денежную помощь;

4) в пределах своей организации направляли работу, как свою собственную, так и руководимых ими ячеек в наркоматах и учреждениях, на осуществление вредительства в различных областях народного хозяйства, в частности в Госплане — в области планирования, в ВСНХ — по управлению промышленностью, в Наркомторге и Центросоюзе — по снабжению и распределению продукции и в Госбанке — в области денежного обращения, преследуя цели максимального затруднения в хозяйственной жизни страны, создания кризисного состояния в ней и срыва правительственных планов развития социалистической реконструкции народного хозяйства;

5) всю указанную выше контрреволюционную деятельность направляли в целях облегчения условий и обеспечения наибольшего успеха ожидавшейся ими вооруженной интервенции извне, со стороны империалистических, капиталистических государств, согласуя в этом отношении свою деятельность, с одной стороны, с «Промпартией» и «ТКП», входившими, в свою очередь, в непосредственный контакт с подготовлявшими интервенцию «Торгпромом» в Париже и империалистскими кругами правящей буржуа-

зии Запада и, с другой стороны, с заграничным меньшевистским эмигрантским центром, также подготовлявшим интервенцию вместе со стоявшими на точке зрения необходимости интервенции руководящими кругами II Интернационала;

6) распространяли агитационную литературу контрреволюционного содержания, как получаемую ими из-за границы, так и изготовляемую собственными средствами.

Описанные выше преступные действия предусмотрены ст.ст. 58¹¹, 58⁷ и 58⁴ Уголовного кодекса РСФСР.

II. Иков, Владимир Константинович — по обвинению в том, что, будучи активным членом контрреволюционной организации меньшевиков и войдя в сношения с центральной контрреволюционной организацией меньшевиков в СССР «Союзным бюро» ЦК РСДРП, состоявшим из упомянутых выше лиц, и согласуя с ними свою контрреволюционную деятельность, осуществлял с 1928 г. по день ареста контрреволюционную деятельность на территории Советского Союза в целях свержения советской власти под руководством заграничного центра меньшевиков-социал-демократов, поддерживал с ними систематически письменную связь, получая от него и распределяя денежные средства, и руководил местными подпольными меньшевистскими организациями, после ареста «Союзного бюро» принимал меры к воссозданию нового центра контрреволюционной меньшевистской организации и всю свою деятельность направлял согласно получаемых директив к подготовке условий, облегчавших успех интервенции.

Указанные действия предусмотрены ст.ст. 58¹¹, 58⁴ Уголовного кодекса.

III. Тейтельбаум, Моисей Исаевич — по обвинению в том, что, будучи членом контрреволюционной организации меньшевиков и состоя на службе за границей в торговых представительствах СССР в различных городах Зап. Европы, вошел в сношения с заграничным центром меньшевистской контрреволюционной организации, лично получал и передавал директивы последней контрреволюционным организациям меньшевиков внутри СССР — так называемому «Союзному бюро»; после возвращения своего в СССР продолжал поддерживать связи с последним, продолжал под его руководством свою контрреволюционную деятельность, что предусмотрено ст.ст. 58¹¹ и 58⁴ Уголовного кодекса.

IV. Берлацкий, Борис Маркович — по обвинению в том, что, по соглашению с Шером В. В., вошел в контрреволюционную меньшевистскую организацию в Госбанке СССР и осуществлял там под общим руководством центральной контрреволюционной меньшевистской организации «Союзного бюро» руководство вредительской работой в Госбанке, создавал

вредительские ячейки в подведомственных ему учреждениях и осуществлял вредительскую работу, непосредственно направляя последнюю на создание затруднений путем расстройств денежной системы СССР.

Принял и исполнил по предложению Шера поручение по установлению связи между контрреволюционной меньшевистской организацией внутри СССР и заграничным меньшевистским центром путем личных встреч с руководителем заграничного меньшевистского центра Даном и передачи от имени последнего устных и письменных директив в СССР членам «Союзного бюро».

Эти действия предусмотрены ст.ст. 58¹¹, 58⁷ и 58⁴ Уголовного кодекса РСФСР.

У. Рубин, Исаак Ильич — по обвинению в том, что, войдя в контрреволюционную организацию с.-д. меньшевиков и целиком разделяя их программные и так-

тические установки, принимал участие в контрреволюционной деятельности «Союзного бюро» РСДРП участием в заседаниях, в выработке соответствующих директив по руководству периферийными организациями меньшевиков, в частности принимал на себя поручения по переписке с заграничной делегацией меньшевиков; принял на хранение и укрыл директивные документы от заграничного центра с.-д. меньшевиков, что предусмотрено ст.ст. 58¹¹, 58⁴ и 58¹⁰ Уголовного кодекса РСФСР.

Настоящее обвинительное заключение, по согласованию с прокурором Верхсуда Союза ССР, утвердил

*прокурор Российской Социалистической
Федеративной Советской Республики*

Крыленко.

23 февраля 1931 г. Москва.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

1 марта

Вечернее заседание

Председатель. Судебное заседание Специального присутствия Верховного суда Союза ССР объявляется открытым.

Слушается дело контрреволюционной организации Громана, Шера, Суханова, Икова и др., именующей себя «Союзным бюро» ЦК РСДРП.

Товарищ комендант, все ли подсудимые налицо?

Комендант. Все налицо.

Председатель. Подсудимый Залкинд, ваше имя и отчество?

Залкинд. Лазарь Борисович.

Председатель. Социальное положение?

Залкинд. Служащий.

Председатель. К какой партии принадлежите?

Залкинд. К Российской социал-демократической рабочей партии.

Председатель. Какой партийный стаж?

Залкинд. С перерывами с 1903 г. С 1903 г. по 1907 г. я был членом РСДРП(б), затем с 1917 г. по 1921 г. я был в РСДРП(м) и с 1926 г. до дня ареста тоже член этой же партии.

Председатель. Ваше последнее место работы и должность?

Залкинд. Я был начальником статистическо-конъюнктурного сектора Народного комиссариата внешней и внутренней торговли СССР.

Председатель. Вы получили обвинительное заключение?

Залкинд. Получил.

Председатель. Подсудимый Волков. Ваше имя и отчество?

Волков. Иван Григорьевич.

Председатель. Социальное положение?

Волков. Бывший рабочий, теперь служащий.

Председатель. К какой партии принадлежите?

Волков. С 1902 по 1905 г. состоял в партии эсеров. С 1905 по 1920 г. — меньшевик и с 1928 г. до сих пор член РСДРП(м).

Председатель. Какой партийный стаж?

Волков. Всего с 1902 г.

Председатель. Ваше последнее место работы и должность?

Волков. В ВСНХ СССР, экономист.

Председатель. Получили обвинительное заключение?

Волков. Получил.

Председатель. Подсудимый Шер. Ваше имя и отчество?

Шер. Василий Владимирович.

Председатель. Социальное положение?

Шер. Служащий.

Председатель. К какой партии принадлежите?

Шер. РСДРП с 1905 г. по 1922 г. и с 1924 или 1923 г. — член РСДРП до дня ареста.

Председатель. Последнее место вашей работы и должность?

Шер. Институт Маркса и Энгельса, заместитель заведующего архивом, перед этим — член правления Госбанка СССР.

Председатель. Получили обвинительное заключение?

Шер. Получил.

Председатель. Подсудимый Громан. Ваше имя и отчество?

Громан. Владимир Густавович.

Председатель. Социальное положение?

Громан. Служащий.

Председатель. К какой партии принадлежите?

Громан. РСДРП.

Председатель. Партийный стаж?

Громан. С самого начала образования РСДРП я был ее членом (с перерывом) до 1922 г. С 1922 г. по 1926 г. — беспартийный, с 1926 г. вновь вступил в эту партию.

Председатель. Ваше последнее место работы и должность?

Громан. Консультант Союзасахара.

Председатель. Обвинительное заключение получили?

Громан. Получил.

Председатель. Подсудимый Якубович. Ваше имя и отчество?

Якубович. Михаил Петрович.

Председатель. Социальное положение?

Якубович. Служащий.
Председатель. К какой партии принадлежите?

Якубович. РСДРП.
Председатель. Партийный стаж?
Якубович. С 1908 г. по 1921 и с 1927 г. по 1930 г.

Председатель. Какое последнее место работы и должность?

Якубович. Народный комиссариат внутренней и внешней торговли, заместитель начальника сектора снабжения.

Председатель. Получили ли вы обвинительное заключение?

Якубович. Получил.

Председатель. Подсудимый Гинзбург. Ваше имя и отчество?

Гинзбург. Абрам Моисеевич.

Председатель. Социальное положение?

Гинзбург. Служащий.

Председатель. К какой партии принадлежите?

Гинзбург. К российской с.-д. рабочей партии. С 1907 г. по 1925 г. и с 1926 г. по 1930 г.

Председатель. Ваше последнее место работы и должность?

Гинзбург. Последнее место работы — ВСНХ, должность — консультант и профессор Института народного хозяйства им. Плеханова.

Председатель. Обвинительное заключение получили?

Гинзбург. Получил.

Председатель. Подсудимый Суханов. Ваше имя и отчество?

Суханов. Николай Николаевич.

Председатель. Социальное положение?

Суханов. Литератор.

Председатель. К какой партии принадлежите?

Суханов. С июня 1917 г. по декабрь 1920 г. и с начала 1929 г. по день ареста — к РСДРП.

Председатель. Ваше последнее место работы и должность?

Суханов. Последнее место работы — Институт монополии внешней торговли при Наркомторге РСФСР.

Председатель. Получили ли вы обвинительное заключение?

Суханов. Получил.

Председатель. Подсудимый Берлацкий. Ваше имя и отчество?

Берлацкий. Борис Маркович.

Председатель. Социальное положение?

Берлацкий. Служащий.

Председатель. К какой партии принадлежите?

Берлацкий. К РСДРП.

Председатель. Партийный стаж?

Берлацкий. Около 25 лет с перерывами.

Председатель. Где вы работали?

Берлацкий. Член правления Государственного банка.

Председатель. Получили ли вы обвинительное заключение?

Берлацкий. Получил.

Председатель. Подсудимый Иков. Ваше имя и отчество?

Иков. Владимир Константинович.

Председатель. Социальное положение?

Иков. Литератор.

Председатель. К какой партии принадлежите?

Иков. К РСДРП.

Председатель. С какого года?

Иков. С 1901 г. без перерывов.

Председатель. Ваше последнее место службы?

Иков. «Большая советская энциклопедия», помощник редактора отдела литературы, искусства и языкознания.

Председатель. Получили ли вы обвинительное заключение?

Иков. Да.

Председатель. Подсудимый Тейтельбаум. Ваше имя и отчество?

Тейтельбаум. Моисей Исаевич.

Председатель. Социальное положение?

Тейтельбаум. Служащий.

Председатель. К какой партии принадлежите?

Тейтельбаум. К РСДРП.

Председатель. Партийный стаж?

Тейтельбаум. С конца 1925 г. по день ареста.

Председатель. Ваше последнее место работы?

Тейтельбаум. Наркомвнешторг, старший директор по стандартизации экспортных товаров.

Председатель. Получили ли вы обвинительное заключение?

Тейтельбаум. Получил.

Председатель. Подсудимый Рубин. Ваше имя и отчество?

Рубин. Исаак Ильич.

Председатель. Социальное положение?

Рубин. Служащий.

Председатель. К какой партии принадлежите?

Рубин. К РСДРП.

Председатель. С какого года?

Рубин. С 1904 г. до 1920 г. я принадлежал к Бунду, затем перешел в РСДРП, с 1920 по 1923 г. и с 1929 по 1930 г. — член РСДРП.

Председатель. Ваше последнее место службы?

Рубин. Институт Маркса и Энгельса.

Председатель. Получили ли вы обвинительное заключение?

Рубин. Получил.

Председатель. Подсудимый Финн-Енотаевский. Ваше имя и отчество?

Финн-Енотаевский. Александр Юльевич.

Председатель. Социальное положение?

Финн-Енотаевский. Профессор.

Председатель. К какой партии принадлежите?

Финн-Енотаевский. С марта 1928 г. — член РСДРП.

Председатель. Ваше последнее место службы?

Финн-Енотаевский. Финансово-экономический институт в Ленинграде.

Председатель. Получили ли вы обвинительное заключение?

Финн-Енотаевский. Получил.

Председатель. Ваш партийный стаж?

Финн-Енотаевский. С 1903 года по 1915 год я был в РСДРП(б).

Председатель. А после 1915 г. не принимали участия?

Финн-Енотаевский. С 1915 до 1928 г. я был вне партии, а с марта 1928 г. — член РСДРП.

Председатель. Подсудимый Петунин, ваше имя и отчество?

Петунин. Кирилл Гаврилович.

Председатель. Социальное положение?

Петунин. Служащий.

Председатель. Какой партии?

Петунин. РСДРП.

Председатель. Ваш партийный стаж?

Петунин. С 1905 по 1918 и с 1925 по 1930 г.

Председатель. Последняя должность?

Петунин. Заместитель коммерческого директора строительства электро-машиностроительного завода-комбината на Урале. До этого — член правления Центросоюза.

Председатель. Получили ли вы обвинительное заключение?

Петунин. Получил.

Председатель. Подсудимый Соколовский, ваше имя и отчество?

Соколовский. Арон Львович.

Председатель. Социальное положение?

Соколовский. Служащий.

Председатель. К какой партии принадлежите?

Соколовский. Член РСДРП с конца 1927 г.

Председатель. Партийный стаж?

Соколовский. Член Объединенной еврейской социалистической партии с 1906 г. по 1920 г. и с конца 1927 г. по 1930 г. — член РСДРП.

Председатель. Ваша последняя должность?

Соколовский. Консультант ВСНХ СССР.

Председатель. Получили обвинительное заключение?

Соколовский. Получил.

Председатель. Объявляется состав суда: председательствующий — Шверник, члены — Муранов и Антонов-Саратовский; запасные члены — Артюхина и Прянишников, секретари — Смолицкий, Яковлев, Дубровский; государственное обвинение — прокурор РСФСР Крыленко и пом. прокурора РСФСР Рогинский; защита: Коммонов — защищает Финн-Енотаевского, Брауде — защищает Тейтельбаума и Волкова.

Государственное обвинение, имеются ли у вас заявления?

Защита, имеются ли у вас? (Нет).

Подсудимые, у вас?

Подсудимые. Нет.

Председатель. Имеется ли у сторон и подсудимых ходатайство о вызове свидетелей? Государственное обвинение?

Крыленко. Государственное обвинение ходатайствует о вызове 6 свидетелей. Для установления связи контрреволюционной организации меньшевиков-социал-демократов в лице подсудимых с контрреволюционной кулацко-эсеровской организацией Кондратьева-Чаянова. Обвинение ходатайствует вызвать свидетелем привлеченного по делу кондратьевско-чаяновской группы Николая Дмитриевича Кондратьева. Для установления связи с контрреволюционной организацией — «Промпартией» — данной контрреволюционной организации социал-демократов вызвать осужденного по делу «Промпартии» Рамзина, Леонида Константиновича. Для установления той же связи организационной и материально-финансовой вызвать осужденного по делу «Промпартии» Ларичева В. А. Для установления вредительской работы со стороны контрреволюционной организации социал-демократов в лице отдельных подсудимых и в целом со стороны руководящей организации, так называемого «Союзного бюро», вызвать Гвоздева, Константина Андреевича, Некрасова, Николая Виссарионовича, выделенных из данного дела. Для установления характера контрреволюционной работы по распространению агитационной литературы и созданию периферийных организаций, установлению явочных квартир и др. деталей контрреволюционной деятельности подсудимых — вызвать Желудкова, Ивана Захаровича. Что же касается других свидетелей, то государственное обвинение оставляет за собой право ходатайствовать дополнительно, во время процесса судебного следствия, в зависимости от того, будет или нет в этом необходимость в связи с прохождением и содержанием судебного следствия.

Председатель. У защиты есть ли какие-либо замечания по поводу ходатайства государственного обвинения?

Коммонов. Защита не возражает и заявлений других не имеет.

Председатель. У подсудимых есть ли какие-либо заявления?

Подсудимые. Нет.

Председатель. Обсудив ходатайство прокуратуры о вызове свидетелей, Специальное присутствие постановляет вызвать следующих свидетелей: Некрасова, Рамзина, Ларичева, Гвоздева, Кондратьева, Желудкова.

Прежде чем перейти к судебному следствию, суд разъясняет подсудимым, что им по закону предоставляется право задавать вопросы свидетелям и другим подсудимым во время их допросов и давать объяснения по поводу каждого обстоятельства дела или показания свидетелей или других подсудимых на всем протяжении судебного следствия.

Переходим к судебному следствию. Секретарь суда, огласите обвинительное заключение.

Секретарь суда оглашает обвинительное заключение.

Председатель. Подсудимый Залкинд, признаете ли вы себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Залкинд. Да, признаю себя виновным по всем пунктам обвинения, сформулированным на стр. 66—67 врученного мне обвинительного заключения и сейчас оглашенного.

Председатель. Подсудимый Волков, признаете ли вы себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Волков. Да, признаю.

Председатель. Подсудимый Шер, признаете ли вы себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Шер. Да, признаю.

Председатель. Подсудимый Громан, признаете ли вы себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Громан. Да, признаю.

Председатель. Подсудимый Якубович, признаете ли вы себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Якубович. Да, признаю.

Председатель. Подсудимый Гинзбург, признаете ли вы себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Гинзбург. Признаю.

Председатель. Подсудимый Суханов, признаете ли вы себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Суханов. Признаю.

Председатель. Подсудимый Берлацкий, признаете ли вы себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Берлацкий. Да, признаю.

Председатель. Подсудимый Иков, признаете ли вы себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Иков. Да, признаю.

Председатель. Подсудимый Тейтельбаум, признаете ли вы себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Тейтельбаум. Да, признаю.

Председатель. Подсудимый Рубин, признаете ли вы себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Рубин. Да, признаю.

Председатель. Подсудимый Финн-Енотаевский, признаете ли вы себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Финн-Енотаевский. Признаю.

Председатель. Подсудимый Петунин, признаете ли вы себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Петунин. Признаю полностью.

Председатель. Подсудимый Соколовский, признаете ли вы себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Соколовский. Да, признаю.

Председатель. Специальное присутствие полагает нужным установить следующий регламент: судебные заседания вести с 10 час. утра до 3 час. дня. Перерыв — от 3 до 6 час. Продолжение заседания — с 6 час. вечера до 11 час. (Возражений нет). Объявляется перерыв до завтрашнего дня.

2 марта

Утреннее заседание

ПОРЯДОК ВЕДЕНИЯ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ

Председатель. Заседание возобновляется. Перед нами стоит вопрос о порядке судебного следствия. Стороны, прошу высказаться. Государственное обвинение, ваше мнение.

Крыленко. Прокуратура предлагает следующий порядок ведения судебного следствия: выделить 4 основных вопроса и вокруг этих вопросов вести допрос подсудимых, придерживаясь фактического момента — то, что может каждый по данному эпизоду показать.

Первый эпизод или первый вопрос — оформление «Союзного бюро» и период контрреволюционной работы подсудимых до начала 1928 г. Организация первых ячеек в отдельных наркоматах и отдельных учреждениях, оформление этих ячеек, деятельность руководящей инициативной группы до момента, когда из всех этих отдельных ячеек, или опираясь на эти ячейки, создан руководящий центр в виде «Союзного бюро». В связи с этим организационная структура самого «Союзного бюро», форма его организации, подсобные органы при «Союзном бюро», финансовая комиссия, орггруппа, техническая группа, программная группа, президиум, техника, периферия. Вместе с этим устанавливаются те формы связи с заграничным центром и заграничными контрреволюционными организациями, которые имели место за этот период и обрисовывается эволюция от установки меньшевизма, которую можно назвать старым меньшевизмом, к неоменьшевизму или новому меньшевизму, представителями которого являются сейчас и обвиняемые и заграничный центр. Это — первый вопрос, первый эпизод.

Второй вопрос — это работа «Союзного бюро» по содержанию, т.е. материальному содержанию этой работы — планы, содержание их работ, расширенные совещания, деятельность руково-

дящей пятерки. Связь с границей за период с 1928 по 1930 г., программная и тактическая установка после 1928 г., кончая подробным анализом моментов прямого руководства со стороны заграничного контрреволюционного центра «Союзным бюро», и приезд Абрамовича и Броунштейна. Массовая работа, распространение литературы, попытки организации рабочих ячеек на предприятиях и выяснение социальной базы. Это — второй вопрос.

Третий вопрос, третий эпизод — блок с контрреволюционными организациями другого типа, в частности блок с «Промпартией» и блок с контратьевско-чаяновской группой, подробное выяснение «разделения труда», согласованного «разделения труда» между этими тремя контрреволюционными группировками, выяснение перспектив в результате свержения советской власти и интервенции, выяснение финансовой связи с этими организациями и такой же связи через эти организации с организациями промышленной буржуазии за рубежом, правящими кругами империалистической буржуазии Запада, одним словом — выяснение существа политического содержания их работы как наемников буржуазии, ее агентов, получавших за это материальные выгоды. Это — третий эпизод.

Четвертый эпизод — исполнение обязательств, т.е. вредительская работа. Конкретные акты вредительской работы в тех учреждениях, в которых работали подсудимые. Общие установки по вредительской работе. История этих установок и директивы по этим установкам со стороны заграничного центра меньшевиков. Конкретная работа по вредительству по Госбанку, Центросоюзу, ВСНХ, Госплану, Наркомторгу. Параллельно тут же полагал бы целесообразным допрос свидетелей, если показания будут необходимы.

И, наконец, последний — пятый вопрос: итоговый и приобщение документов, огла-

шение необходимых документов и объяснения по этим документам.

Такой порядок сконцентрирует внимание суда на четырех основных эпизодах — оформлении и работа «Союзного бюро» до 1928 г., блок с контрреволюционными организациями, финансирование, конкретная вредительская работа и итог. Вот схема.

По вопросу относительно того, как с таким эпизодическим, хронологическим порядком увязать право подсудимых на дачу объяснений, я полагал бы целесообразным предложить суду следующий метод работы: во избежание повторения приступить непосредственно к допросу подсудимых по этим эпизодам. За ними остается право давать объяснения по отдельным вопросам и отдельным моментам непосредственно в процессе допроса. За ними остается право, если в этом будет необходимость, после выяснения всех деталей, перед окончанием судебного следствия, дополнить тем, что им будет угодно, — фактическим материалом или мотивировкой своих действий. За ними остается право в защитительных речах (для тех подсудимых, которые отказались от защиты) дополнительно суммировать и выявить свое отношение к тем или иным актам политической жизни и своей работы. За ними остается право еще раз в последних словах дать дополнительно свои объяснения.

Такой порядок даст определенную экономию времени и ни в малой степени ни в чем не ограничит права подсудимых, предоставленные им по закону, и будет целесообразен.

Председатель. Защита, ваше мнение?

Коммодов. Мне хотелось бы слышать, в каком порядке предлагается допросить свидетелей. По эпизодам?

Крыленко. Да, по эпизодам.

Коммодов. А допрос подсудимых вести тоже по эпизодам?

Крыленко. Да.

Коммодов. Т.-е. всех подсудимых допросить по эпизодам?

Крыленко. Нет, не всех, а тех, которые относятся к эпизоду.

Коммодов. Защита не будет возражать против такого порядка.

Председатель. Подсудимые, ваше мнение? Возражений нет против такого порядка?

Подсудимые: Нет.

Председатель. Специальное присутствие Верховного суда СССР определяет: принять порядок судебного следствия, предложенный государственным обвинением.

Председатель. Тов. Крыленко, с кого из подсудимых вы считаете нужным начать допрос.

Крыленко. С Шера.

Председатель. Подсудимый Шер, пожалуйста.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ШЕРА

Крыленко. Будьте любезны ответить на два вопроса биографического характера, необходимые для ведения процесса судебного следствия. Мне важны два момента. В период Октябрьской революции где вы были?

Шер. В период Октябрьской революции я занимал должность начальника политического управления военного министерства при военном министре Верховском.

Крыленко. В Ленинграде или в Москве?

Шер. В Ленинграде. Сейчас же после начала Октябрьской революции в Ленинграде, затем переехал в Москву, где принимал активное участие в штабе полковника Рябцева.

Крыленко. Так что вы были в официальной должности?

Шер. Нет, я просто приехал из Ленинграда, сохраняя свою прежнюю должность.

Крыленко. Непосредственное участие против Октябрьского переворота вы принимали?

Шер. Да.

Крыленко. Тут, в Москве?

Шер. Я работал в штабе полковника, и вел от имени штаба переговоры с военно-революционным комитетом.

Крыленко. Значит, вы были в числе военных контрреволюционных руководителей, боровшихся против Октябрьского переворота? Дальше меня интересует второй момент: в период гражданской войны какую позицию вы занимали — политическую и практическую — по вопросу об интервенции?

Шер. Практически не занимал никакой позиции, ибо во время гражданской войны я никакого участия ни в военных делах, ни в политических не принимал. Я отошел в это время от меньшевизма, работал в Центросоюзе, но моя политическая позиция характеризуется теми тезисами, которые я выработал, — тезисами по хлебной торговле. Владимир Ильич, ознакомившись с ними в то время, назвал их контрреволюционными и колчаковскими...

Крыленко. Это по вопросу о хлебной торговле. А по вопросу об интервенции? Вы отошли от меньшевизма. В чем это выразилось — разошлись что ли?

Шер. Он не удовлетворял меня своей неопределенной позицией в момент гражданской войны и Октябрьской революции. Я стал искать новых союзников. Я искал их в кооперации. В частности, я работал вначале в Центросоюзе, затем в Сельскохозяйственном. Старый Центросоюз в свое время ориентировался, если не на интервенцию, то во всяком случае на буржуазный переворот, который должен иметь место. В соответствии с предполагаемым буржуазным переворотом силами

интервентов или внутренними и строилась политика старого Центросоюза...

Крыленко. Меня интересует ваша политическая позиция по отношению к интервенции. Как относились вы в момент гражданской войны к вопросу о необходимости, желательности, неизбежности интервенции или наоборот — необходимости борьбы против интервенции?

Шер. Я в различное время относился по-разному. Сначала относился положительно...

Крыленко. Когда это было?

Шер. Это был примерно 1917, 1918 г.

Крыленко. Какие расхождения у вас были по этому поводу с меньшевистской организацией? Ведь были различные оттенки ее.

Шер. Я в то время не состоял в меньшевистской организации.

Крыленко. Вы не состояли — сами ушли или были оттуда исключены?

Шер. Я ушел просто сам от работы в меньшевистской организации.

Крыленко. Но формально вы не были оттуда исключены?

Шер. Нет.

Крыленко. По вашим словам выходит, что, несмотря на то, что вы стояли за поддержку интервенции, вы состояли формально в меньшевистской партии и по этому вопросу никаких организационных мер не было принято.

Шер. Не было принято потому, что я никогда не выступал открыто с этим мнением.

Крыленко. Никогда не выступали открыто. А в вопросе относительно помощи тем или иным интервентам вы никаких конкретных шагов не предпринимали?

Шер. Конкретные шаги предпринимало правление Центросоюза, по указанию которого я работал.

Крыленко. В чем это конкретно выразилось?

Шер. Предполагалось организовать снабжение товарами те районы, которые будут заняты интервентами. С этой целью старое правление Центросоюза делигировало своих членов в разные районы России, предполагающиеся быть занятыми интервентами, — на юг, на север и т. д.

Крыленко. Конкретно в период гражданской войны вы работали в той организации, — пусть это будет Центросоюз, — которая свою практическую работу направляла на обслуживание интервентов, т. е. снабжала товарами те районы, которые предполагались быть заняты интервентами. Другими словами, она занималась осуществлением подготовки помощи интервентам. Вы конкретные шаги в этой плоскости какие-нибудь предпринимали?

Шер. Я был командирован правлением Центросоюза на север, в Вологду, вместе

с членом правления Кузнецовым. Предполагалось, что я буду помогать Кузнецову по работе в районе Вологды, так как север должен был быть оккупирован интервентами.

Крыленко. Знала ли меньшевистская организация об этом шаге?

Шер. Я об этом открытом шаге не докладывал.

Крыленко. Там не знали об этом?

Шер. Могли знать.

Крыленко. А после по этому поводу никаких суждений не было?

Шер. Это было после того, как я отошел от меньшевистской организации. Я не знаю, были ли по этому поводу суждения, или их не было. Я думаю, что их не было.

Крыленко. Вы себя продолжали считать членом организации?

Шер. Фактически я числился, но отошел от этой работы.

Крыленко. Вам не известны факты, когда организация предпринимала какие-нибудь организационные шаги?

Шер. Нет, не известны.

Крыленко. К какому году вы относите возобновление вашей партийной работы?

Шер. К 1921 г., к началу нэпа.

Крыленко. В чем выразилось возобновление вашей политической работы?

Шер. Я был приглашен Тарасовым (Морозовым), Иковым, Румянским принять участие в правлении Всеколес (Всероссийского кооперативного лесного союза), вновь образуемой отрасли промышленной кооперации. При этом мне было известно, что группа, которая возглавляет эту инициативную ячейку, является меньшевистской группой. Это — во-первых. Во-вторых, мне было известно, — об этом мы условились, — что работа кооперативной организации будет направляться в духе меньшевизма. В-третьих, мне было известно, что возглавляющий эту группу Алексей Иванович Тарасов на самом деле не Тарасов, а Николай Кириллович Морозов — человек, проживающий нелегально.

Крыленко. Эта группа должна была работать в меньшевистском духе. Скажите, почему Всеколес явился объектом для работы в меньшевистском духе?

Шер. Потому что мы предполагали развивать к началу нэпа или к началу капитализма, как мы себе представляли нэп, свою работу в кооперативной организации. Мы осуществляли это.

Крыленко. Как политически-пропагандистскую работу?

Шер. Не только политически-пропагандистскую, но и практическую работу. Мы поддерживали кооперацию в весьма условном смысле этого слова. Мы поддерживали крепкую кооперацию, коопе-

рацию кулацкую прежде всего, не стесняясь, не ставя перед собой каких-либо задач в смысле соблюдения классовых линий по отношению к группам и организациям в кооперации. Поэтому те инструкции, которые получал инструкторский отдел, те планы, которые строились, они связывались с планами постройки крепкой, так называемой кулацкой, крепкой кооперации.

Крыленко. Таким образом, в этот период вашей работы меньшевистская работа, как вы выражаетесь, выражалась в трех направлениях. С одной стороны — работа агитационно-пропагандистская, политическая...

Шер. Правильно.

Крыленко. С другой стороны — работа организационная...

Шер. Правильно.

Крыленко. Т.-е. закрепление и создание определенных ячеек?

Шер. Да.

Крыленко. Во всяком случае, та группа, о которой вы говорите, во Всеколесе была определенной единой ячейкой.

И третья — начало работы, по существу отвечающей вашим взглядам и воззрениям, а не тем требованиям и указаниям, которые давались со стороны руководящего центра.

Шер. Совершенно верно.

Крыленко. По существу эта работа была уже направлена по тому политическому руслу, которое можно определить начатками вредительства. Можно сказать таким образом?

Шер. Это не было вредительство в том смысле, какое значение это слово получило впоследствии. Но это было определенным образом искажение той линии, которая велась по отношению к кооперации.

Крыленко. Какой был юридический руководящий центр для Всеколеса?

Шер. Правление Всеколеса.

Крыленко. От кого оно зависело?

Шер. Оно зависело от Главкустпрома.

Крыленко. В этом Главкустпроме основная руководящая линия тоже была меньшевистской?

Шер. Там были меньшевики, но руководящая роль принадлежала Гаврилову. Он меньшевиком не был.

Крыленко. А еще кому?

Шер. Там был Сандомирский. Остальные сейчас не припомню.

Крыленко. Это — 1921 год?

Шер. Да.

Крыленко. Долго вы работали во Всеколесе?

Шер. Около двух лет, до 1923 г.

Крыленко. Успели создать что-нибудь, кроме ячейки непосредственно во Всеколесе?

Шер. Я пытался создать или содействовать созданию группы среди печатников,

пользуясь своими старыми связями и отвечая на те обращения, которые ко мне тогда поступали. В частности я имел тогда беседу, и довольно подробную, с Ильей Буксиным, старым работником печатного дела, меньшевиком, который вел тогда меньшевистскую работу.

Крыленко. Как фамилия?

Шер. Я вел тогда работу со старым меньшевиком Ильей Буксиным.

Крыленко. Какие результаты?

Шер. Результаты неудачные. Я убедился, что организация среди рабочих в то время уже успеха не имела.

Крыленко. Это в 1921—1923 гг.?

Шер. Да.

Крыленко. Какие-нибудь связи с другими организациями внутри СССР и внутри учреждений у вас в тот момент были?

Шер. Мне они не были подробно известны, потому что я такой организационной меньшевистской партийной работы в то время не вел, поскольку эта работа сосредоточивалась главным образом в руках Тарасова-Морозова. Я был председателем правления и ведал главным образом общим направлением дела, легальным направлением дела этой организации. Что касается создания меньшевистских ячеек, то я слышал, что имеется такая ячейка в инструкторском отделе Центросоюза.

Крыленко. Этот Тарасов не был связан или через него вы не были связаны с какими-нибудь московскими организациями меньшевиков?

Шер. Я просил его только известить о том, что я вновь приступил к работе. Он обещал это сделать и сказал, что сделал. О связях его более подробно я не знаю.

Крыленко. А с заграничной периферией?

Шер. Я просил его известить заграничные центры. Он сказал, что известит.

Крыленко. Вы лично никаких связей не поддерживали?

Шер. Нет.

Крыленко. Ни письменных, ни устных?

Шер. Нет.

Крыленко. Это — 1923 г. Затем?

Шер. В 1923 г. я получил предложение вступить в правление Госбанка и с января 1923 г. я был членом правления Госбанка до 1930 г. — 7 лет.

Крыленко. Была ли здесь какая-нибудь организационная база, пытались ли вы проводить в этом направлении работу?

Шер. Я пытался проводить эту работу в Госбанке, т.-е. создать меньшевистские ячейки и вести меньшевистскую работу. Но в течение первых двух лет эта работа не ладилась, ибо в правлении Госбанка и в его руководящем составе были влияния иного порядка, я бы сказал ка-

детского характера. Наиболее влиятельным руководителем был покойный Николай Николаевич Кутлер, затем — Садырин, Хрущов, т.е. лица, которые не имели никакого отношения ко мне и поддерживать меня не могли. Моя работа шла слабо, велась только предварительные беседы. Лишь начиная с 1925 г. мне удалось привлечь Берлацкого Б. М., и работа тогда несколько развернулась.

Крыленко. Из кого состояла ваша ячейка в 1925 г.?

Шер. Кроме Берлацкого были Лежнев, Тимофеев, Горнштейн.

Крыленко. Берлацкий — бывший меньшевик?

Шер. Да.

Крыленко. А Лежнев и остальные?

Шер. Лежнев — бывший эсер, Горнштейн — также, Тимофеев — кажется, беспартийный.

Крыленко. Эта группа сорганизовалась как меньшевистская группа?

Шер. Да.

Крыленко. Так что и эсеры туда перекочевали?

Шер. Да. Я считал тогда правильным привлечь к организации не только бывших меньшевиков. Эта точка зрения была подтверждена при создании «Союзного бюро» — привлечь всех лиц, согласных с платформой меньшевизма и подчиняющихся ее директивам.

Крыленко. Вам была тогда известна платформа 1924 г.?

Шер. В 1924 г. она была мне известна.

Крыленко. Там в платформе имеется абзац — он цитируется в обвинительном заключении: ставится задача объединить путем соглашения все группы, партии и их части, способные в ходе развития твердо стать на почву революции. Вовлечение в вашу организацию бывших меньшевиков, эсеров — это исполнение директивы?

Шер. Я бы сказал, что это было невыполнение директивы, в том смысле, что мы считали возможным не только «объединять», но и включать в свою организацию. В первую очередь мы обратились к бывшим меньшевикам, затем — ко всем лицам, состоявшим в социалистических организациях, это — эсеры, энесовцы и т. д. Избегали обращаться лишь к бывшим кадетам, т.е. к лицам, принадлежавшим к прежней кадетской группировке.

Крыленко. Но в практической работе у вас было соглашение и с ними?

Шер. Конечно, да. Блок с «Промпартией» это показывает.

Крыленко. Речь идет не о «Промпартии», я беру практическую работу с лицами типа Некрасова.

Шер. Да.

Крыленко. Эта организационная ячейка имела свою периферию?

Шер. В самом зачаточном состоянии.

Крыленко. Когда она зародилась?

Шер. Это было в 1928 г.

Крыленко. Имели ли вы какие-нибудь отношения к «братским» организациям?

Шер. Регулярных — нет.

Крыленко. Было известно?

Шер. Мне помнится, что мне было известно тогда об организации в ВСНХ.

Крыленко. Через кого?

Шер. Я слышал, что там принимает участие Гинзбург.

Крыленко. Каким образом вы лично связались?

Шер. С Гинзбургом я связался гораздо позднее, при организации «Союзного бюро».

Крыленко. А с Громаном?

Шер. С Громаном тоже с 1926 г.

Крыленко. «Союзное бюро» датируется с 1928 г.

Шер. Но начало было положено в 1926 г.

Крыленко. Одним словом, вы хотите сказать, что до организации формальной оно де-факто создалось в виде руководящей тройки или пятерки или четверки?

Шер. Сначала была руководящая тройка, потом стали прибывать новые лица.

Крыленко. Кто был?

Шер. Моя работа более активная относится к началу 1926 г.

Крыленко. В 1926 г. вы связались с Гинзбургом?

Шер. Сначала с Громаном, через него с Гинзбургом, и лично с Гинзбургом мы организовали инициативную группу втроем, которая начала связывать воедино работу всех меньшевистских ячеек, которые мы возглавляли, т.е. это были ячейки в Госбанке, в Госплане и в ВСНХ. Затем к нам примкнули Штерн и Петунин, которого я лично привлек. Затем Громан привлек Залкинда, и таким образом, в нашу группу вошло еще новых 3 человека. Таким образом, к концу 1926 г. группа уже насчитывала около 6—7 чел. Затем, в 1928 г., если не ошибаюсь, к группе примкнули Якубович и Соколовский и затем, постепенно, все те, которые вошли в нее, т.е. 10 человек минус Суханов и плюс Штерн.

Крыленко. Значит, после вашей работы в Госбанке, после первого периода работы оформления организации Берлацким и вами, во главе вас устанавливается связь с такими же организациями в ВСНХ и в Госплане в лице Громана и Гинзбурга. Постепенно затем привлекаются остальные — Петунин, Соколовский и т. д. и вся руководящая основная часть или весь состав «Союзного бюро» окончательно оформляется к началу 1928 г.?

Шер. Совершенно верно.

Крыленко. Теперь будьте любезны — относительно вашей попытки установления связи с границей через Берлацкого.

Шер. В 1925 г. Берлацкий поехал в Америку в служебную командировку.

Я воспользовался этим случаем и просил его повидаться за границей с Даном или Абрамовичем и сообщить им, во-первых, о нашей работе в Госбанке, о перспективах этой работы, поскольку Госбанк являлся центральным учреждением, связанным со всеми хозяйствующими наркоматами и учреждениями, и просить соответствующих инструкций.

Крыленко. До тех пор никаких связей не было?

Шер. Связи были случайные, очень плохо налаженные.

Крыленко. А именно?

Шер. Через адреса бакирских контор, которые мне пересылались.

Крыленко. Что вы получали через эти конторы?

Шер. Я мог лишь корреспондировать, это была связь в одну сторону, т.е. я мог писать туда.

Крыленко. Значит, в этот период, при помощи этой связи, заграничный центр знал о существовании вашей организации?

Шер. Знал.

Крыленко. Откуда вы сведений не имели?

Шер. Не имел.

Крыленко. Вы раньше занимали руководящее место в меньшевистских организациях?

Шер. Я был членом профессиональной комиссии при ЦК в свое время, в период 1907—1908 г.г.

Крыленко. А в 1918—1919 г.г.?

Шер. Нет, не был. Был членом ЦК в 1917 г., входил во фракцию.

Крыленко. Личные знакомства были со всеми основными работниками?

Шер. Да, я знал всех — и Дана, и Абрамовича, и Гарви.

Крыленко. Вы обратились к Берлацкому с чем?

Шер. Я дал ему поручение повидать Дана или Абрамовича и переговорить с ними относительно нашей работы в Госбанке, доложить о перспективах этой работы. Я просил о соответствующих инструкциях.

Крыленко. А какого рода инструкции вы хотели получить?

Шер. О тактике, т.е. в каком направлении нам работать.

Крыленко. А почему у вас такие вопросы возникли?

Шер. Передо мной ясно стояла, с одной стороны, полная невозможность работать в рабочей среде, тупик, в смысле массовой работы, и наоборот — широкие возможности влияния на политику советской власти в силу того служебного положения, которое я занимал и занимали другие лица, могущие быть привлеченными к организации. С одной стороны — тупик, а с другой стороны — путь широ-

кой организации, которую можно было развернуть.

Крыленко. А каких-нибудь сведений о существовании нелегальной группы в СССР у вас не было?

Шер. У меня лично не было.

Крыленко. Вы читали в обвинительном заключении показания гражданина Икова, где он показывал, что с 1925 г. или после 1925 г. существовала нелегальная группа, возглавлявшаяся специальными лицами, которые поддерживали связи с заграничным центром. Это было вне вашего поля зрения?

Шер. Это было вне моего внимания и моих знаний. Я не знал об этой группе и не был с нею связан и несколько пренебрежительно относился к нелегальной работе меньшевиков, потому что считал, что из этого никакого толка не выйдет.

Крыленко. Об этой работе вы не знали и не стремились знать?

Шер. Да.

Крыленко. Вы направили Берлацкого. Какие были гарантии того, что они встретятся?

Шер. Он мне говорил, что он лично знаком с Николаевским — лицом, близко стоящим к заграничному центру — Дану и Абрамовичу, что он может выполнить поручение. Результат был положительный. Берлацкий на обратном пути остановился в Берлине и виделся с Даном. Он привез от Дана соответствующие указания. Эти указания заключались, во-первых, в письменном документе, который был дан от имени заграничной делегации, где на меня возлагались полномочия по представительству ЦК в СССР, в Москве и если понадобится — по всему Союзу; во-вторых, в этом документе указывалось на то, что дополнительные указания по вопросу тактического характера будут даны устно подателем письма. И эти указания были даны. Они сводятся к тому, что необходимо сосредоточить свое внимание в настоящее время на организации ответственных служащих, и что нам нечего смущаться тем, что перспектива работы среди рабочих выглядит так мрачно. Нужно перенести центр внимания на организацию ответственных служащих, ответственным элементом среди которых мы являемся. В связи с этим было также указано, что мы должны принять все меры к возможности расширения и углубления нэпа, т.е., занимая те или иные командные высоты в ответственных учреждениях, надо принять все меры к тому, чтобы направить политику советской власти в сторону расширения и углубления нэпа, в сторону расширения и углубления буржуазных начал экономической политики.

Крыленко. (К председателю). Можно сразу вызвать гр. Берлацкого?

Председатель. Подсудимый Берлацкий.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО БЕРЛАЦКОГО

Крыленко. Расскажите относительно первого вашего участия в первых контрреволюционных ячейках Госбанка, относительно переговоров ваших с Шером о поездке за границу в 1925 г., о ваших встречах за границей и о том, что вы привезли.

Берлацкий. Я переехал с Дальнего Востока в Москву в 1924 г. Я не был тогда социал-демократом. Я выпел в начале 1923 г. из социал-демократической партии на Дальнем Востоке.

Крыленко. Почему вышли?

Берлацкий. Потому, что я был гораздо ближе тогда к коммунистическим настроениям, чем социал-демократическим.

Крыленко. Что вы делали на Дальнем Востоке?

Берлацкий. Я был министром финансов Дальне-восточной республики в коалиционном правительстве. До этого был заместителем председателя Приморского областного управления.

Крыленко. Значит, после того, как вы были министром финансов Дальне-восточной республики, вы приехали сюда членом правления Госбанка. Что — вы приехали с коммунистическими настроениями?

Берлацкий. Нет, с достаточно левыми социал-демократическими настроениями. Но я приехал вместе с тем с убежденностью, что вряд ли удастся коммунистической партии и рабочему классу своими собственными силами восстановить народное хозяйство Союза.

Крыленко. Вы приехали в Москву с настроениями неведения. Что вас толкнуло пойти в организацию?

Берлацкий. Когда я приехал в Москву, в Госбанк, я попал в сплошь интеллигентское окружение. С рабочей массой совершенно не было связи.

Крыленко. Кто вас вовлек?

Берлацкий. Шер.

Крыленко. На какой почве?

Берлацкий. Шер и все окружение, среди которого я жил, жили настроением, что без значительного углубления нэпа, без его значительного и дальнейшего расширения советское хозяйство восстановить не удастся, и что дальнейшее расширение нэпа неизбежно и что это в интересах рабочего класса. Вот эти настроения, эти доводы и доказательства, которые мне часто приходил Шер в беседах со мной о возвращении в социал-демократическую партию, и то окружение, в котором я жил, подготовило почву, чтобы я вернулся в социал-демократическую партию. Я считаю, что окончательное мое возвращение относится только к периоду отъезда за границу, ибо до отъезда за границу мое участие, фигурально выражаясь, в социал-демокра-

тической ячейке заключалось в том, что я вместе с Шером, Лежневым и Бернштейном, мы четвером собирались и обменивались мнениями по текущим вопросам экономики страны.

Крыленко. Мне неясно в ваших пояснениях одно: вы приехали в Москву, попали в интеллигентское окружение, разговаривали о трудностях для коммунистической партии в восстановлении народного хозяйства, пришли к убеждению о необходимости углубления нэпа, но от всего этого еще очень далеко до образования контрреволюционной организации в целях борьбы с советской властью. Вот где был переходный рубикон?

Берлацкий. Я свое первое участие в ячейке, свои первые шаги в этой ячейке не рассматривал так, что я участвую в оформленной контрреволюционной организации. Я просто считал, когда рассматривал это дело, так, что все те настроения, которые имеют место в интеллигентской среде, в значительной степени подтверждают мои сомнения, которые я вывез с Дальнего Востока, и что все это, вместе взятое, дает определенные социал-демократические установки, т.е. установки такого рода, что, вообще говоря, коммунистической партии несправедливо и что в результате социал-демократия права в своих установках на то, что нэп следует углублять и расширять. Я думал тогда, что в конечном итоге социал-демократия будет даже легализована, ибо я не видел разницы в тех настроениях, которые существовали здесь, с теми настроениями, которые существовали на Дальнем Востоке.

Крыленко. Еще одно уточнение — советская власть не справится, коммунистическая партия не справится, следовательно, что нужно здесь сделать: помочь или помешать?

Берлацкий. Конечно, помочь.

Крыленко. А вы что сделали?

Берлацкий. Я помешал.

Крыленко. Уточните — вы пришли к убеждению, о том, что нужно помешать советской власти, а из чего вы тут исходили? Шер исходил из определенных установок. Он — противник, враг, человек, который считает, что вообще ничего не выйдет, что правильный путь — это путь восстановления отношений экономических и политических иного порядка, чем те, которые проводила советская власть, и поэтому ей нужно мешать.

Для меня неясен момент — под влиянием ли Шера произошел у вас в этом вопросе перелом.

Берлацкий. Я считаю, что на мне сказались те противоречия, которые вообще заложены в меньшевизме. Они были заложены во мне и вообще в меньшевизме не в 1925 году, а значительно раньше, — противоречия, которые вытекали из

неверия в силы рабочего класса, из наших первичных компромиссных положений.

Крыленко. Ваш перелом относится к тому моменту, когда вы согласились пойти на то, чтобы встретиться за границей с руководящими деятелями контрреволюционной организации?

Берлацкий. Перелом в том смысле, о котором вы говорите, относится к гораздо позднему времени, а тогда я был совершенно искренне настроен в том духе, что, конечно, мы являемся правой группировкой в стране, но я расценивал эту группировку как группировку, которая подталкивает коммунистическую партию к уступкам, полагая, что эти уступки будут идти на пользу рабочему классу. Вот как я понимал эти установки, когда Шер долго убеждал меня взять поручение видеть кого-нибудь в Берлине. В конце концов перед самым отъездом за границу я согласился на это. Я понял, что задача моя сводится к тому, чтобы видеть кого-нибудь из заграничной делегации и проинформироваться об условиях, которые заграничные делегации занимают по этому вопросу.

Крыленко. Контрреволюционный характер вашей работы, вашей деятельности в момент, когда вы принимали предложение Шера, был для вас ясен или нет?

Берлацкий. Для меня сейчас он совершенно ясен.

Крыленко. А тогда?

Берлацкий. Я считал, что это — оппозиционное настроение.

Крыленко. Точнее — вы полагали, что у вас оппозиционное настроение, и поэтому вы виделись с Даном за границей по вопросу контрреволюционной организации.

Подсудимый Шер, скажите: для вас и для гр. Берлацкого был ясен антисоветский характер вашей работы?

Шер. Я думаю, что и для меня и для него этот характер был ясен.

Берлацкий. Я сказал, что мы строили антисоветскую организацию.

Крыленко. А теперь скажите, что вы сделали для того, чтобы построить эту антисоветскую организацию?

Берлацкий. Я медленно примыкал к этому делу. К середине 1925 г. относится мое вступление в эту ячейку. Тогда ячейка занималась тем, как я уже сказал, что она в то время обменивалась мнениями по текущим вопросам, политическим и экономическим, Советского Союза. Когда я поехал в Америку через Берлин, я получил поручение от Шера видеть кого-нибудь из делегации. Особенно ему хотелось, чтобы я видел Дана и Абрамовича.

В Берлине я через Литкенса, к которому я имел поручение семейного порядка от Шера, связался с членом ЦК РСДРП

Николаевским. Николаевский — мой старый близкий знакомый, и на второй день он пришел ко мне. Когда он пришел, он заявил, что Абрамовича нет в Германии, что Дан живет под Берлином и что заграничная делегация хотела бы, чтобы я или поехал к Дану, или, если это почему-либо невозможно, тогда Дан придет в Берлин. Я не мог сделать ни того, ни другого, потому что я торопился в Лондон. Тогда Николаевский заявил мне, что он уполномочен заграничной делегацией на официальные переговоры со мной от имени заграничной делегации и, прослушав мою информацию, в свою очередь меня информировал об установке заграничной делегации и дал предварительные директивы с тем, чтобы на обратном пути, если я поеду через Берлин, я снова созвонился, и тогда они дадут мне окончательно установку и, кроме того, дадут полномочия, если к этому времени делегация решит полномочия дать.

Если позволите, я перейду к установке.

Крыленко. Пожалуйста.

Берлацкий. Подробно?

Крыленко. Да.

Берлацкий. Заграничная делегация, — заявил мне Николаевский, — считает, что нэп в деревне должен быть значительно углублен и расширен...

Крыленко. Это была у вас первая беседа с Николаевским?

Берлацкий. Да. Николаевский — член ЦК.

Крыленко. Когда вы туда ехали, или обратно?

Берлацкий. Нет, когда ехал туда.

... без значительных уступок деревне нет оснований рассчитывать на мирное сожительство советской власти с крестьянством, что нет оснований рассчитывать, что крестьянство будет сдавать хлеб государству. Что касается нэпа в городе, то Николаевский мне заявил, что делегация считает, что хотя нэп в городе формально и достаточен в данное время, т.-е. в 1925 г., но что нужно принять меры к тому, чтобы нэп в дальнейшем был значительно расширен и углублен. Кроме того, делегация расценивает положение так, что нэп имеет место только в торговле, что социал-демократы должны принять меры к тому, чтобы нэп был распространен и на промышленность.

Крыленко. Это нам известно из программы 1924 г. Это было в 1925 г. А вот по существу организационной, конкретной работы. Давал ли вам Николаевский на эту тему какие-либо установки?

Берлацкий. Организационным и конкретным вопросом была эта установка. Затем он просил на обратном пути вновь заехать в Берлин и тогда снова связаться с ним.

Крыленко. К чему сводились результаты этой первой беседы в смысле практических директив?

Берлацкий. Практические директивы сзодились к тому, что социал-демократы должны продолжать не верить в то, что Советскому Союзу и советскому правительству удастся восстановить хозяйство своими собственными ресурсами и что в этих целях они должны принять меры с тем, чтобы Советский Союз шел медленно к перерождению.

Крыленко. Вторая половина ясна, а первая мне немного неясна: как это — принимать меры, чтобы заставить верить и т. д.? Что это значит и что вы должны были делать конкретно?

Берлацкий. Развивать социал-демократическую работу, строить ее в возможно большем количестве учреждений. Вот первая директива Николаевского. Но так как он считал, что я еще на обратном пути буду в Берлине и смогу увидеть других лиц, то его первая беседа касалась только установок общего порядка. На обратном пути, действительно, я снова увидел Николаевского, и не одного, а вместе с Даном...

Крыленко. Когда это было?

Берлацкий. Это было в конце или во второй половине ноября 1925 г. Дан подтвердил всю ту информацию о взаимоотношениях делегации со II Интернационалом, с руководством основных социал-демократических и социалистических партий Европы, ту информацию, которую дал Николаевский. Он, в свою очередь, остановился на вопросах нэпа, иностранного капитала и т. д. и закончил предложением передать Шеру, что заграничные делегации считают, что интересы развития народного хозяйства Союза, что интересы рабочего класса, что интересы единства пролетариата требуют, чтобы социал-демократы руководились в своей работе тем, что в Советском Союзе не удастся восстановить народное хозяйство без привлечения иностранного капитала и что Советскому Союзу придется пойти на значительные уступки и что в первую очередь заграничные делегации считают необходимым чем скорее, тем лучше, чтобы социал-демократы всячески активизировали социал-демократическую работу во всех учреждениях, во всех возможных и доступных местах, и в особенности они считают необходимым, чтобы социал-демократы расширили свою работу в кооперации и промышленности.

И, наконец, последнее, — что если они это считают необходимым для сохранения нэпа, то социал-демократам надо стать лично на путь ослабления своей деятельности и ослабления деятельности тех учреждений, где они работают или во главе которых они стоят. Таким образом, если социал-демократы думают, что для сохранения нэпа надо эту свою деятельность в учреждениях ослабить, то на этот путь они и должны стать.

Крыленко. На этом вопросе мы остановимся подробнее.

Товарищ председатель, разрешите мне несколько отступить от формальностей и непосредственно процитировать документ, который приобщен к делу. Я хочу процитировать из программы РСДРП 1924 г. один абзац, а затем в связи с этим просить пр. Берлацкого несколько разъяснить и уточнить то, что он сказал.

Председатель. Пожалуйста.

Крыленко. На 52-й странице, где дается перечисление требований, которые меньшевики-социал-демократы считали необходимым предъявить советской власти в сфере промышленности и транспорта, сказано: «Для того, чтобы в открывающийся период развития капиталистических отношений, неизбежно связанных с широкой децентрализацией промышленности и торговли, обеспечить демократическое государство некоторыми основными позициями, требуется» то-то и то-то. И раньше, в другом месте, говорится о том, что: «Социал-демократия, исходя из того, что действительное социальное преобразование общества возможно лишь в странах, где социально-экономические отношения достигли зрелости» (стр. 47). Вот из этих двух абзацев вытекает, что платформа социал-демократии исходила из факта неизбежности развития капиталистических отношений и, как в другом месте говорится, из того, что капиталы, иностранный и частный, будут завоевывать одну позицию за другой. Одно, — когда с этой неизбежной перспективой считаются как с печальным фактом, и другое — когда считают это не только неизбежным, но и желательным и в соответствии с этим направляют свою практическую работу на то, чтобы помогать этой «неизбежной эволюции в сторону восстановления капиталистических отношений». Об этой второй половине директивы несколько неуместно писать, немощно неприлично писать социалисту, но говорить и делать, видимо, некоторые социал-демократические группы считают и приличным и должным. Так вот вам в этой беседе на эту тему были даны какие-нибудь указания или нет?

Берлацкий. Дан мне заявил, что и он и делегация в целом стояли на позиции того, что если бы в интересах сохранения нэпа надо было стать лично на путь ослабления своей деятельности в учреждениях или ослабления деятельности учреждений, в которых работают социал-демократы, то он считает, что социал-демократы должны встать на этот путь. Однако, он мне заявил, что эту директиву он передает сюда, в Москву, нам на обсуждение, потому что она была совершенно ясна для делегации, но он не считал возможным дать ее, как окончательную директиву нам, живущим здесь. Поэтому я принял ее как директиву дискуссионного порядка. Вместе с тем он

заявил, что все директивы, которые он дает, согласованы им и сконтактированы с руководством II Интернационала, в частности он упомянул Вандервельде; с руководством германской социал-демократии — были упомянуты, в частности, Гильфердинг и Каутский и затем — с руководством других социалистических партий Европы. Из французской был упомянут Блюм.

Крыленко. Он дал вам директиву по вопросу о направлении работ, а вот относительно организационных форм?

Берлацкий. Относительно организационных форм я рассказывал, что он предложил всячески активизировать социал-демократическую работу во всех областях и во всех учреждениях, в частности и в особенности в кооперации и в промышленности.

Крыленко. По вопросу относительно связи центрального заграничного центра и СССР?

Берлацкий. Он просил всячески усилить и установить регулярную связь.

Крыленко. Вы что-нибудь получили от него, письменное, он что-нибудь вам дал?

Берлацкий. Да, получил. Дан дал мне письмо для Шера. Потом Дан тогда же предупредил, что это полномочия заграничной делегации для Шера, который является представителем ЦК РСДРП по социал-демократической работе в Советском Союзе. Это письмо я привез в Москву и передал Шеру.

Крыленко. Можно спросить гр. Шера?

Председатель. Подсудимый Шер.

Крыленко. Изложение, которое дано Берлацким, вы подтверждаете?

Шер. Да, с некоторыми уточнениями.

Крыленко. Какие уточнения вы считаете необходимым внести?

Шер. Во-первых, на тот вопрос, который вы поставили, основываясь на «платформе» 1924 г., ответ был дан положительный — нужно содействовать укреплению капиталистических начал. В этом смысле понималось расширение и углубление нэпа, ибо другого понимания расширения и углубления нэпа я не знал. Таким образом, здесь речь шла о содействии, и должен сказать, что я лично практически уже осуществлял еще до этой беседы по ряду вопросов по отношению к частному капиталу в Госбанке в выступлениях на совещаниях управляющих летом 1925 г. Что касается пути ослабления деятельности — как будто это вредительские директивы.

Антонов-Саратовский. Это саботаж?

Шер. Саботаж, но в неопределенной форме. Что значит ослабить деятельность? Это значит саботировать. Это было передано в дискуссионной форме. Я понимал, что это директива, которая не дается к прямому исполнению, но как директива, которую нужно обсудить. Что касается путей связи, то они не были

установлены, и после приезда Берлацкого связь на некоторое время прекратилась.

Крыленко. А относительно документа?

Шер. Такой документ я получил. Это было письмо, подписанное Даном.

Крыленко. На чье имя?

Шер. На мое имя. В письме никаких тактических указаний не давалось, а давались указания на то, что я уполномочен на создание организации в качестве представителя заграничной делегации.

Крыленко. У меня опять сомнение. Хорошо, вам даются полномочия на представительство заграничной делегации, на развитие и постановку организационной работы, на проведение определенной работы, а о связи с нелегальными группами не говорится?

Шер. Я здесь никаких определенных указаний не имел. Об этом указание были значительно позже от Броунштейна, в 1929 г., и он считал, что мы это дело упустили и что он восполнит в своей работе.

Крыленко (Берлацкому). В переговорах с Даном этот вопрос не освещался?

Берлацкий. Нет.

Крыленко. Главным образом ставился вопрос об использовании новых связей для организации?

Шер. Да, вопрос был по преимуществу о создании организации в учреждениях. В этом же смысле выразился и Берлацкий, сказав: «нужно активизировать работу в учреждениях», т.е. была мысль о создании ячеек из ответственных работников по учреждениям. В частности, здесь говорилось о кооперации и промышленности. Совершенно верно. Я это принял к исполнению.

Крыленко. Будет ли правильно или неправильно, если я так сформулирую общее положение вещей. Заграничный центр в лице Дана и других лидеров к.р. работы меньшевиков за границей, имеющих безусловно, — и мы об этом знаем, — связь с некоторыми группировками нелегального характера в СССР, встречается с приехавшим к ним организатором и представителем новой формы организации и новых методов работы, и новых возможностей к.р. деятельности и, как здесь говорилось, дает вам директиву обсудить вопрос об усилении этой работы, расширении этой организации, развитии этих новых методов к.р. деятельности. Такая постановка будет правильно или нет, — что это были первые шаги, первый опыт перестройки работы на этих основаниях? Этим объясняется и дискуссионный характер директивы?

Шер. Я думаю, правильно.

Крыленко. И тогда этим должно объясниться то, что вам не давалось директив о непосредственной связи с подпольными организациями?

Шер. Да.

Крыленко. А впоследствии были даны вам?

Шер. Да.

Крыленко. А подпольщикам не были даны указания связаться с вами?

Шер. Насколько мне известно, да.

Крыленко. А конкретно?

Шер. Связь эта осуществлялась через Икова.

Крыленко. Который не входил в вашу организацию?

Шер. Не входил, но был связан с подпольной организацией.

Крыленко. Так называемые ваши заграничные полномочия распространялись только на эти формы работы или...

Шер. Я понимал только как для этих новых форм работы.

Крыленко. А периферийную сеть вам было поручено расширять?

Шер. Специально об этом не говорилось, но имелось в виду, что учрежденские ячейки имеют возможность расширяться за пределами Москвы.

Крыленко. После возвращения Берлацкого вы уже потом связались с другими?

Шер. В 1925 г. поздно осенью вернулся Берлацкий, а в 1926 г. я связался с Громаном и предложил ему совместно вести работу. Получив согласие Громана, я просил его, в свою очередь, связаться с Гинзбургом, с которым был связан в старое время. Значит, предварительную работу вел Громан, а затем мне позвонил Гинзбург. Я понял, что предварительно с ним вел разговоры Громан, и понял так, что он хочет вести работу.

Крыленко. Значит, связь была создана с Громаном и Гинзбургом. Эта связь создалась до поездки Петунина?

Шер. Да, затем был привлечен Петунин.

Крыленко. До поездки Петунина было что-нибудь создано по Госбанку?

Шер. Да, было. Были заложены ячейки в Орле и Туле.

Крыленко. Вы непосредственно организовали?

Шер. Да, я.

Крыленко. А Берлацкий до поездки Петунина сделал что-нибудь?

Берлацкий. Да.

Крыленко. Что именно?

Берлацкий. Я связался с Хабаровском, с одним из социал-демократов, там работавшим. Он умер в 1928 г., и с тех пор связь прекратилась. Затем сделал попытку связаться с Сибирью, но там ничего не вышло. Затем я связался с Украиной, и там была создана ячейка в Харькове.

Крыленко. Методы работы в этот момент?

Берлацкий. Методы работы сводились к тому, что намечалось лицо для организации ячейки. Мы поручали ему в нашем учреждении, значит, в учреждении Госбанка, наметить лиц, которых бы он мог привлечь в социал-демократическую ячейку. Затем поручали ему связаться с

другими учреждениями, и если там есть социал-демократы, то договориться об организации социал-демократических ячеек и в других учреждениях. Если же такого рода ячейки уже существуют, — а я знаю, что были уже такого рода не ячейки, а по несколько человек социал-демократов в некоторых учреждениях, — то, связавшись с ними, в свою очередь создать тройки или бюро по управлению социал-демократической работой в этом городе, т.-е. по проведению общих социал-демократических установок и выполнению общей социал-демократической работы.

Крыленко. «Социалистический вестник» в это время получали?

Берлацкий. Я получил за 1926 г. раза два—три от Шера «Социалистический вестник». Что же касается 1927 г., то я получил только в конце 1927 г. «Социалистический вестник» от Шера только один раз.

Крыленко. Подсудимый Шер, откуда у вас были возможности в этот период получать «Социалистический вестник»?

Шер. Берлацкий ошибается. В 1926 г. я его не получал. Получение относится к позднему времени, к 1927 г., когда это получение было налажено через Штерна.

Крыленко. В этот период вы не получали?

Берлацкий. Мне кажется, что от Шера я получил в 1926 г. раза два «Социалистический вестник».

Крыленко. Вы говорите в своих показаниях, что каждый из тех, кто уезжал, получал «Социалистический вестник».

Берлацкий. Я получал и в свою очередь отправил в Хабаровск небольшой пакет, в котором было два номера «Социалистического вестника». Это относится к концу 1926 г.

Крыленко. Вы говорите, что вы получили его от Шера.

Берлацкий. В продолжение 1926 г. я получал «Социалистический вестник» два—три раза. Было ли это в первом квартале или во втором, я затрудняюсь сказать, но я утверждаю, что я получал «Социалистический вестник» два или три раза.

Крыленко. Гражданин Шер, а вы это не припоминаете?

Шер. Нет, не припоминаю.

Крыленко. Но вопрос о связи с заграницей, о получении литературы у вас стоял?

Шер. У меня связи лично не было. Впоследствии эта связь была налажена Штерном, но, насколько я помню, это относится к более позднему времени. Я сомневаюсь в том, что «Социалистический вестник» был получен через Штерна. Я лично его не получал.

Крыленко. Гр. Берлацкий, а от кого-нибудь другого вы не могли его получить?

Берлацкий. Я не был больше ни с кем связан.

Крыленко. Гр. Шер, вы не припоминаете точных данных?

Шер. Нет.

Крыленко. Скажите, пожалуйста, теперь, когда вы ездите в Хабаровск?

Берлацкий. В конце 1926 г. я поехал на Дальний Восток. Я был в Китае, в Японии, но в самом Хабаровске я не был. Я доехал до Читы, а через Читу как раз направлялся Левинсон в Хабаровск.

Крыленко. Еще где-нибудь связь на периферии вы не организовали в этот период?

Берлацкий. В этот период я сделал попытку организовать связь с Новосибирском, но из этого ничего не вышло. Я организовал связь с Харьковом — там была создана ячейка.

Крыленко. Вы имели связь с другими организациями, — скажем, с тем же Госпланом?

Берлацкий. Я не был ни с кем больше связан.

Крыленко. А вы знали в этот период Громана, Икова?

Берлацкий. Знал.

Крыленко. Знали ли вы, что они ведут работу такого же порядка, какой является ваша работа?

Берлацкий. Да.

Крыленко. Какую-либо дезорганизаторскую работу вы проводили тогда или нет?

Берлацкий. Дезорганизаторской работы в таком виде, в каком ее проводили социал-демократы с 1928 г., я тогда не проводил. Но, поскольку мы были социал-демократами, поскольку у нас был целый ряд установок, отличных от установок советской власти, то совершенно очевидно, что эти установки сказались и на нашей работе. Но я твердо помню, что директивы об ослаблении активности не проводили. Мы, наоборот, форсированно работали, но вместе с тем я должен искренне признать, что я голосовал и выступал на совещаниях банка и на иных заседаниях всегда за легкую промышленность, а не за тяжелую промышленность, за привлечение иностранного капитала, доказывая, что без этого нам не справиться.

Крыленко. Вредительской работы в ее специфической форме — форме разрушения, дезорганизации народного хозяйства, нанесения прямого ущерба народному хозяйству в целях его разрушения — вы в первый период не вели?

Берлацкий. Нет, не вел.

Председатель. А как же это так вы говорите, что на заседаниях вы выступали с определенными установками, — значит, практически вы такую работу вели?

Берлацкий. Да, я сказал, что на заседаниях я выступал с определенными уста-

новками. Как я уже сказал, я и другие социал-демократы обычно активно выступали с указанием, что надо сконцентрировать внимание на легкой промышленности, что надо пойти на целый ряд значительных уступок деревне, что незачем думать о том, что мы имеем возможность те ресурсы, которые имеются в распоряжении советского правительства, расходовать и на тяжелую и на легкую промышленность и проч. и проч. Вот к чему сводилась тогда наша работа по углублению нэпа. Более того: я думаю, что она сказалась еще и на том, что мы своеобразно (я могу говорить только о банковской ячейке, потому что другой работы я не знаю) толковали роль банка в советских условиях. Мы давали отличное от установки советского правительства толкование банка, Мы считали необходимым сохранить на особой высоте банковскую кассу по сравнению с пассивом, который был в банке. Мы по-иному подошли к вопросу ликвидности банка, по-иному расценивали вопрос мобильного и иммобильного актива. С точки зрения вредительства, которое было в 1928 г., это не вредительство. Но вместе с тем, поскольку наша установка иногда проходила через совещания, постольку тем самым мы, конечно, ослабляли участие советских средств в том или ином секторе народного хозяйства.

Крыленко. Политически проводили не ту линию, которую вам приказывали?

Берлацкий. Да.

Председатель. Что же это — вредительство или не вредительство по-вашему?

Берлацкий. Это была линия, отличная от линии советского правительства и тем самым...

Председатель. Ведущая...

Берлацкий. Ведущая к восстанвлению капиталистических отношений, совершенно очевидно. Мы тогда не приступали к дезорганизации, которая началась с 1928 г.

Шер. Я попробую ответить на это конкретным примером. Ведь можно добиваться цели восстановления капиталистических отношений путем доведения до логического абсурда, путем дезорганизации тех мероприятий, которые принимаются советской властью. Это есть прямой путь вредительства — так, как это сложилось потом. Можно действовать иначе. Можно доказывать влиятельным органам советской власти, что тот путь, который ею намечен, путь неправильный и что нужно этот путь изменить, смягчить или как-то иначе направить. Это не есть путь прямого вредительства, это есть именно путь углубления нэпа, как я его характеризую. Например, по вопросу об отношении к частному капиталу, об усилении его роли. Когда Госбанк сверстал свои кредитные планы, и оказалось, что средств Госбанка, эмиссионных средств не хватит для удовлетворения всех нужд хозяйства, то ставился вопрос

о том, откуда же эти средства добыть. Тогда я неизменно отвечал, что нужно расширить частную торговлю, привлечь частный капитал, что этим мы дадим возможность затратить меньше кредитных ресурсов на торговый сектор и таким образом добьемся возможности теми же эмиссионными средствами удовлетворить больше нужд народного хозяйства. Иногда этот путь встречал поддержку.

Таким образом, мне казалось в то время, что, становясь на этот путь, я мог до некоторой степени влиять на влиятельных лиц, стоящих во главе советской власти, в желательном для меня направлении. Вот к чему сводится этот путь. Это не путь прямого вредительства. Он может быть назван путем усиленного ведения линии, отличной от основной, коренной линии советской власти, и может быть охарактеризован как путь углубления и расширения нэпа.

Антонов-Саратовский. А как выполнялись в этот период директивы правительства, противоречащие вашей установке? Как вы их проводили — активно или пассивно?

Шер. Я не берусь сказать, что активно, но я не помню, чтобы мы в это время проявляли тот или иной саботаж. Саботажа тогда, по-моему, не было, в редких случаях мы проявляли только неактивность. Во всяком случае с начала организации «Союзного бюро» вопрос так не стоял. Мы не прибегали к этим методам до 1928 г. и только после поездки Петунина стали это практиковать.

Председатель. Но и активного проведения решений советской власти не было?

Шер. По-моему не было. Может быть, мы это проводили несколько формально, но активных мер противодействия мы не принимали.

Крыленко. Значит, можно резюмировать, что в этот период в конкретной и практической работе ваше противодействие советской власти выразалось в проведении не тех принципиальных установок, которые давались правительством?

Шер. Совершенно правильно.

Крыленко. И вы стояли на точке зрения необходимости расширения нэпа, внедрения частного капитала, расширения возможностей, как сказал Берлацкий, кредитования легкой индустрии, иной политики по отношению к деревне и что для вредительства не хватало только нанесения конкретных ущербов, конкретной дезорганизации в конкретных определенных уголках или областях?

Шер. Правильно.

Крыленко. Вы еще раз можете подтвердить, что те полномочия, которые были даны из-за границы, касались лишь представительства и этих новых методов работы, а лишь впоследствии поступило соответствующее установление связи с подпольными организациями?

Шер. Да.

Крыленко. Кого вы называли?

Шер. Я назвал Броуштейна и Икова.

Крыленко. Это когда было?

Шер. Это было в 1929 г.

Крыленко. А до этого не было никаких связей и вы развивали свою работу самостоятельно?

Шер. Да.

Крыленко. Затем вы узнали, что таких организаций и не существовало или если они существовали, то в самой зачаточной форме?

Шер. Я узнал, что они очень слабы, большей поддержки оказать не могут помимо технической связи с заграницей.

Крыленко. И эту связь вы использовали?

Шер. Эту связь мы затем использовали.

Крыленко. Так что такого рода установка, которую давал Дан, может быть объяснена и тем, что по существу связываться было не с кем?

Шер. Да.

Крыленко. И в силу этого удельный вес вашей работы будет больше?

Шер. Да.

Крыленко. К 1927 г. где у вас велась работа?

Шер. Это были следующие наркоматы и учреждения: Госбанк, Госплан, ВСНХ, Наркомторг и Центросоюз.

Крыленко. В центральных учреждениях и на периферии?

Шер. Да.

Крыленко. К 1927 г., значит, ваша организация уже достаточно оформилась?

Шер. Да, хотя трудно сказать, что она оформилась: не было ни техники, ни регулярных связей с периферией.

Крыленко. Но основные стержни были намечены?

Шер. Были намечены только основные стержни и руковожащая тройка.

Крыленко (к председателю). Можно попросить Громана и Гинзбурга?

Председатель. У меня еще есть вопрос к подсудимому Шеру.

Скажите, как широко была развита сеть меньшевистских ячеек в учреждениях, здесь, в Москве, и вообще по Союзу?

Шер. Об учреждениях в Москве я сказал — это 5 наркоматов и учреждений, которые я назвал. Этим ограничивался к этому времени вся организация.

Председатель. А по периферии?

Шер. По периферии мне вспоминаются ячейки Орла, Тулы, Астрахани и Нижнего. Это — организации, которые были созданы при моем содействии. Что касается Харькова, то мне казалось, что в Харькове организация была создана позднее, может быть в 1927 г., а может быть и позднее, это я затрудняюсь сказать.

Председатель. В количественном отношении что они представляли собой?

Шер. Это были в большинстве случаев небольшие учрежденческие ячейки.

Председатель. Ведь вы были представителем ЦК, очевидно у вас имеются сведения о том, сколько у вас членов в ячейках.

Шер. На это трудно ответить, потому что к этому времени организация была крайне не оформлена.

Председатель. Статистики не было?

Шер. Не было.

Председатель. Чем объяснить, что вы пошли исключительно по пути организации ячеек в советских учреждениях.

Шер. Это был путь наименьшего сопротивления, наиболее легкий путь, ибо для того, чтобы ясно осветить этот вопрос, нужно вспомнить ту социальную среду, с которой мы имели дело, это была социальная среда обеспеченных, поставленных в наилучшую обстановку высококвалифицированных служащих. Чтобы заставить этого служащего ходить куда-нибудь на завод или куда-нибудь на окраину для того, чтобы вести пропаганду в рабочих кружках, для этого не было никаких сил.

Председатель. Что же, они не хотели работать среди рабочих?

Шер. Естественное дело — человек солидный, осевший, имевший большую должность, с достаточным положением, такого человека направить в качестве прежнего агитатора-пропагандиста в рабочую ячейку — это было делом исключительно трудным. Поэтому у нас и не было агитаторов и, кроме того, рабочая среда не воспринимала нашей агитации, как я уже говорил про свою попытку работать среди печатников. Таким образом, в этом направлении наша работа была заморожена. Между тем как организация служащих, т.е. организация интеллигенции, как-то сжатой советской властью, недовольной этой властью и вместе с тем влиятельной, стремящейся все к большему и большему влиянию...

Председатель. Вы имеете в виду служащих наиболее лучше оплачиваемых, находящихся в исключительно благоприятных условиях?

Шер. Я говорю о высшем контингенте служащих, наиболее влиятельных и политически для нас наиболее интересных, как наиболее влиятельных проводников наших идей. Обращение к этой среде давало наибольший результат, и поэтому, естественно, с этой средой мы оперировали.

Муранов. Скажите, как это — наиболее обеспеченные в Советском Союзе вдруг оказались недовольными?

Шер. Не нужно быть наименее обеспеченным для того, чтобы быть наименее довольным. Наиболее обеспеченные бывают часто наименее довольными, потому что хотят быть еще более обеспечен-

ными и более влиятельными. (Смех в зале).

Председатель. Больше вопросов нет?

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ГРОМАНА

Председатель. Подсудимый Громан.

Крыленко. Скажите пожалуйста, вы сами личные связи и личные отношения с членами заграничного меньшевистского центра поддерживали раньше?

Громан. Да.

Крыленко. Когда приблизительно?

Громан. В 1923 г., при поездке на лечение в Германию, я виделся с Броунштейном, с Бинштоком, в 1925 г. я принял приглашение повидаться с Даном, с которым я был вместе в ссылке 3 года, и застал у него на квартире Абрамовича и Далина, а затем в 1927 г. я виделся с Денике и Броунштейном.

Крыленко. Так что это факты ваших личных встреч и личных связей?

Громан. Да.

Крыленко. Значит, в 1923 г. — с Броунштейном и Бинштоком?

Громан. Да.

Крыленко. 1925 год — Дан, Далин, Абрамович. 1927 год — Денике и Броунштейн?

Громан. Да.

Крыленко. Какого характера были эти встречи и эти связи?

Громан. В период 1923 и 1925 гг. я сознательно вышел из состава с.-д.: в 1921 г. — фактически и в 1922 г. — формально. Поэтому встречи были только встречами обмена сведениями или обмена мнениями.

Крыленко. Как старые знакомые?

Громан. Как старые знакомые. Я сходился тогда на оценке положения с Броунштейном, который занимал тогда крайне-левую позицию и расходился в оценке отношений, в частности, с «платформой» 1924 г., с Даном, Далиным и Абрамовичем.

Крыленко. В чем вы расходились?

Громан. Я находил, что их позиция шла далеко не в том направлении, что степень восстановления капитализма, даже в довоенный капитализм, трактуемая ими в «платформе» 1924 г., не соответствует вообще исторической эпохе. Я стоял тогда на той формуле, которая была принята еще Даном и по инициативе Мартова в 1921 г., что мы живем в эпоху войн и революций. Я не считал возможным строительство социализма в одной стране, но считал возможным, что результаты Октябрьской революции при наличии пролетарского движения и на Западе позволят нам здесь в значительной мере сохранить завоевания революции. Я стоял на сохранении национализации земли, на сохранении за государством не только отдельных предприятий, но и руководящей роли в крупной промышленности и на транспорте.

Крыленко И на этой почве вы разошлись?

Громан. Да, но это мне не помешало благодаря моей политической близости к ним в смысле отрицания диктатуры пролетариата и благодаря личным связям взять на себя преступное поручение — привезти шифрованную записку, даже не спросив содержания, которую я доставил.

Крыленко. Кому?

Громан. Я передал ее или сестре жены Дана, — она — сестра Мартова, Маргарита Осиповна, — или ее мужу Абраму Никифоровичу Оленникову, здесь.

Крыленко. А кроме этого у вас организационные связи в 1925 г. были?

Громан. Нет, я с ними разошелся и только принял это поручение из личных отношений, из ложного понятия политической свободы.

Крыленко. В 1925 г., расходясь с ними в основных установках принципиального характера и сходясь в основных установках на перспективе строительства социализма в одной стране — во-первых, отрицания диктатуры пролетариата — во-вторых, не поддерживая и не укрепляя никаких организационных связей, ограничились только передачей одного поручения, носившего для вас заведомо антисоветский и контрреволюционный характер?

Громан. Да.

Крыленко. Это было в 1925 г. А в 1927 г.?

Громан. В 1927 г. я, уже вступив в инициативную группу, тем не менее еще не потеряв своих надежд на то, что политика возврата к нэпу еще возможна, встретился с Броунштейном, который стоял тогда на левой позиции и говорил о том, что не вступает в коммунистическую партию только потому, что моральные соображения ему препятствуют, так как значительная часть товарищей сидит в тюрьме и находится в ссылке. С политическими вождями в 1927 г., летом, я видется не пожелал, зная, что повторится то же расхождение, которое у меня было уже в 1925 г.

Крыленко. Организационную работу уже вели?

Громан. Мы вели в эти моменты (1926 и 1927 гг.) энергичную работу в целях именно влияния на политику советской власти в смысле углубления и расширения нэпа, в смысле поворота назад к позициям 1923—1925 гг.

Крыленко. Мне неясно, к какому времени вы относите начало своей практической организационной работы по созданию меньшевистских ячеек?

Громан. К началу 1926 г.

Крыленко. Вами лично в этот момент в Госплане или где вы работали тогда что было сделано?

Громан. Два русла такой работы, которую я вел, пытаюсь влиять на экономическую политику. Она началась по существу с 1923 г., когда я сам, лично, в Госплане из числа моих ближайших сотрудников, а также из стоявших рядом со мной по работе, — я разумею Владимира Александровича Базарова, — создал группу лиц, которые, сговариваясь между собой, старались проводить в их конъюнктурных обзорах и контрольных цифрах вот ту линию, которую я характеризовал вам, т.е. линию возможного влияния на экономическую политику советской власти в направлении удержания позиции 1923—1925 гг. В 1926 г., когда после контрольных цифр, в составлении которых я принимал деятельное участие, в которых эта моя позиция выразилась целиком, когда настали чрезвычайные затруднения, которых я не предвидел, когда появились первые признаки отступления от нэпа в смысле осуществления лозунга наступления, что выразилось тогда по линии частного капитала как через финансовые органы, так и через административные органы, и когда Шер сообщил мне о поездке Берлацкого, о принятии им полномочия и предложил мне возобновить социал-демократическую работу, я это предложение не отверг.

И с 1926 года начинается возобновление социал-демократической работы. И в этот первый период — с 1926 и 1927 г. — цель была в консолидации тех сил, которые по своему положению и уровню своих знаний могут оказать влияние на экономическую политику для того, чтобы это влияние всемерно поддерживать.

Крыленко. Мне неясны два момента: во-первых, с 1926 г. начинается вами вместе с Базаровым, как вы говорите, и другими образование ячейки в Госплане, задачей которой является проведение определенной политики в области конъюнктурных и контрольных цифр и т. д. В это же время вами устанавливается организационная связь с Шером и возобновление социал-демократической работы. В этот же период вы имеете возможность поездки за границу в 1927 г., вы уже знаете о поездке Берлацкого в 1925 г., вы уже знаете полномочия, которые Шеру привез Берлацкий. Вот, будучи в 1927 г. за границей, вы говорите, что по мотивам того же принципиального расхождения, которое имело место в 1925 г., вы не поддерживали организационной связи.

Громан. Нужно отметить, что самое расхождение мое в сфере экономической политики уже не распространялось на расхождение во враждебном отношении к режиму диктатуры. Я опять в 1927 г. виделся с членом социал-демократической организации Броунштейном. Он был тогда человеком более левого толка, чем тот, который представлял собою Дан и Абрамович, с которыми я в то

см 69

время не солидаризировался в смысле их оценки коммунистической партии и тех формул, которые употреблял Дан, — что коммунистическое хозяйство — это регресс. Этих формул я еще тогда не разделял.

Крыленко. Вы хотели встречаться за границей с теми членами заграничного центра, которые, по вашему мнению, стояли ближе к той позиции, на которой вы стояли. С какой целью вы хотели с ними встречаться?

Громан. Надо иметь в виду здесь такой момент. Я проездом был в Берлине. Александр Борисович Штерн, также больной в то время, находился в Берлине продолжительное время. Он мне сказал о том, что он завязывает организационную связь. Я это завязывание организационной связи на себя не взял.

Крыленко. Вы хотели ограничиться информацией?

Громан. Взаимной информацией.

Крыленко. Для чего вы хотели завязать взаимную информацию — для того, чтобы из этой взаимной информации ничего не вышло или что-нибудь да вышло?

Громан. Из всякой информации выходит возможный контакт действий и оплодотворение деятельности суммой знаний, которую имеют. Я в своих показаниях указывал на то, что центр тяжести разговора с Броунштейном сводился именно к тому, что Гарви оказывает огромное влияние на германскую социал-демократию в лице, прежде всего, Каутского, являясь главным информатором того активно-враждебного, зверино-враждебного отношения, которое проявляется и в значительной степени является продуктом этого типа информации. Каждое затруднение, которое у нас встречалось, превращалось Гарви в характеристику неосуществимости самого замысла какого бы то ни было планового хозяйства, какого бы то ни было социалистического строительства.

Крыленко. Вопрос о Гарви оставим. Будем говорить по вопросу содержания связи с Броунштейном, содержания информации. Вы информировали о создании, о наличии организации Броунштейна.

Громан. Я рассказал о создании инициативной группы, о том, что имеются ячейки в различных учреждениях и что там проводят линию, о которой я говорил.

Крыленко. А что по этому поводу вам сказал Броунштейн?

Громан. Броунштейн выразил полное свое сочувствие.

Крыленко. Свое сочувствие или сочувствие организации?

Громан. Он подчеркнул, что он занимает крайне-левую позицию, отличную от позиции организации.

Крыленко. А какую позицию занимал Броунштейн?

Громан. Ту позицию, которую я пытался характеризовать одним словом, — что коммунистическое хозяйство есть регресс.

Крыленко. Можно формулировать это так: вы виделись с Броунштейном, информировали его о наличии организации, информировали о той точке зрения, на которой вы стоите, информировали его о своей работе, направленной к проведению иной политической установки и линии, чем линия и установки, которые проводятся советской властью, информировали его о необходимости и желательности связей, в частности тех, которые заводил Штерн; в ответ вы получили информацию Броунштейна о том, что он — крайне-левый, информацию Броунштейна о том, что остальные — крайне-правые в большинстве, информацию о том, чего это большинство, как руководящая организация, от вас требует, что предлагает, какова ее практическая установка, кроме слов о том, что коммунистическое хозяйство — регресс, в практическом отношении?

Громан. Все эти темы я в беседе с Броунштейном (была только одна беседа, я был проездом) не затрагивал, так как я знал, что Штерн ведет организационные разговоры уже с партийным центром.

Крыленко. Ваша поездка была до поездки Петунина или после?

Громан. Гораздо раньше.

Крыленко. Он был тоже в 1927 г.?

Громан. Он поехал поздней, осенью, в ноябре-декабре, а я в сентябре.

Крыленко. Вы виделись в то время только со Штерном?

Громан. Со Штерном, Броунштейном и Денике, который в то время еще служил в советском учреждении, в тогдашнем представительстве. Денике принадлежал к правой группе Гарви, также не к центру.

Крыленко. К чему сводились разговоры с Денике?

Громан. Я его даже не информировал о нашей организации. Я больше его расспрашивал о положении дел в Германии, которое он хорошо знает, при чем он мне сообщил, что Гильфердинг стоит на позиции правых, что он является сторонником возможности участия в интервенции II Интернационала и подготовки пролетариата мира к тому, чтобы он занял в этой интервенции положение не противобьющее. Это я впервые услышал из уст Денике.

Крыленко. Значит, разговоры с Денике носили характер информационной беседы, вне организационных вопросов?

Громан. Да.

Крыленко. При чем главным образом он вам дал сведения о позиции II Интернационала, в частности Гильфердинга, в

случае интервенции со стороны II Интернационала, как о сочувственной позиции?

Громан. Да.

Крыленко. Можно ли объяснить то, что вы в беседе с Броунштейном выясняли и ограничили такого рода информацией без разрешения конкретного вопроса, что делать, как делать организационно, тем, что этот вопрос был поручен Штерну, или чем-нибудь еще?

Громан. Мне трудно сказать, выступал ли я так, если бы я не знал, что Штерн заводит организационные связи...

Крыленко. Вот это и важно, что на вас, кроме информации, поручений организационного характера не было возложено.

Громан. Не возлагалось. Самая встреча носила личный характер.

Крыленко. И скорее случайный, чем предусмотренный организацией?

Громан. Я приехал без предупреждения, не предупредил берлинскую организацию и встречу организавал по приезде.

Крыленко. Мы пока установим два факта: это — ваши личные связи с целым рядом зарубежных деятелей, зарубежных центров — это первое; второе — что вы в переговорах с ними, в частности с Броунштейном, освещали о существовании организации, о направлении ее работы и т. д.

Громан. Да.

Крыленко. И от него получили информации о позиции заграничного большинства, как вы сказали правого большинства, и от Денике о позиции II Интернационала?

Громан. Да.

Крыленко. Вы считали, что организационная работа, как такая, ведется другими, в частности Штерном, и что она на вас не возложена?

Громан. Да.

Крыленко. Теперь по вопросу о вашей организационной работе внутри СССР — в чем она конкретно выражалась, не по существу (об этом вы уже говорили), а организационно, в течение 1926—27 г.?

Громан. По предложению Шера я Гинзбургу в Госплане, когда он пришел на очередное заседание Конъюнктурного совета, сказал, что у меня был Штерн, получивший полномочия от заграничной делегации, и что он поднял вопрос о воссоздании меньшевистского центра и обратился ко мне и рекомендовал обратиться к Гинзбургу. Я ему посоветовал переговорить непосредственно со Штерном, что он и сделал. В результате он мне об этом сообщил, и у меня собралась эта тройка. В этой тройке мы поставили вопрос, что раз идет речь о создании центра, то нужно брать людей с большим выбором, имеющих и политическое прошлое, и авторитет как государственных работников в советском аппарате, так как лишь в таком случае мы сумеем влиять на экономическую политику.

О существовании подпольных организаций мы предполагали, что они есть, но конкретно не знали и связи не поддерживали.

Таким образом, мы пытались создать инициативную группу из этого узкого социального кадра людей с определенной тактикой воздействия на экономическую политику государства. Я обратился к Залкинду, с которым я сблизился и значимость которого я определил, зная его как докладчика в Конъюнктурном совете. Гинзбург обратился к Штерну, после некоторых колебаний в 1926 г. он согласился на это принципиально. В наших беседах со Штерном мы намечали различные формы воздействия на экономическую политику, имея в виду ликвидацию попыток отступления от нэпа в связи с социалистическим наступлением. Затем внутри Госплана создалась ячейка, уже на почве деловой работы, в 1923—25 г.г. На нее была возложена задача разработки и подготовки всех вопросов, позволяющих мне выступать уже подготовленным в известной мере, в том духе, который я охарактеризовал.

Вот это была моя личная деятельность в течение 1926—27 г.

Крыленко. Значит, в 1926—27 г. ваша конкретная организационная работа свелась к группировке вокруг себя и в других учреждениях вместе с Залкиндом и Гинзбургом определенной группы лиц, которые практически свою работу направляли по вашим указаниям и директивам и, с другой стороны, вам подготовляли по вашим указаниям соответствующие материалы для отстаивания в законодательных органах той линии политики, которую вы считали правильной и которую хотели проводить...

Громан. Да.

Крыленко. ...хотя для вас отчетливо было ясно, что она резко расходится с линией политики советской власти. Это — первое. Затем, организационно в чем это выразилось?

Громан. Гинзбург и Штерн — в ВСНХ, Залкинд — в НКТорге.

Крыленко. И вы с Базаровым в Госплане?

Громан. Да.

Крыленко. Эти ячейки к 1927 г. оформились?

Громан. Да.

Крыленко. Состав был известен?

Громан. Мне было известно, что в ВСНХ вступил Соколовский, затем Волков, может быть уже к концу. Волкова надо отнести, возможно, к 1928 г. — точно я не могу сказать. В Наркомторге Залкинд привлек Якубовича.

Крыленко. В этот период в чем-нибудь выражалась руководящая роль тройки, она дирижировала этой работой?

Громан. Нет, мы собирались от случая к случаю, и методического руководства мы себе приписать не можем, но идеологическое руководство было. Несомненно, те беседы, которые были у нас, давали нам и тем, с кем мы говорили, руководящее направление.

Крыленко. А в чем другом может выразиться руководство?

Громан. Я говорю в смысле организационного руководства, идеологическое же было.

Крыленко. Может быть, вы считаете, что не было, потому что не было оформлено и записано?

Громан. Когда мы организовали «Союзное бюро», тогда было оформлено, и я это отметил как противопоставление предыдущему периоду.

Крыленко. О создании периферии вам было известно?

Громан. Шер сообщал о попытке устроить периферийную организацию, но ни состав, ни деятельность мне не были известны.

Крыленко. Связь с границей кроме вашей поездки, кроме поездок Штерна, который каждый год ездил, чем обеспечивалась? О поездке Берлацкого и Петунина вам было известно?

Громан. Поездку Петунина я считаю повторным пунктом в создании «Союзного бюро» и поворотом к новой тактике, а Штерн еще не привез этого поворота. Штерн, установивший организационную связь, вернулся сюда осенью 1927 г. Но ведь тут каждая неделя имела значение. Ведь это был период обостренной борьбы с троцкистской оппозицией, период созыва XV съезда ВКП(б), и, очевидно, и в заграничной делегации эти новые тактика и линия оформились под влиянием новых фактов, которые и сообщил Дан Петунину. Штерн не привез директив о переходе к новой тактике.

Крыленко. Теперь еще два вопроса. Сведения этого периода можно будет считать вами в достаточной степени исчерпанными. Для вас в этот момент ясен был уже происшедший де-факто перелом в смысле социальной базы меньшевизма или не был ясен в организационном отношении?

Громан. Да, было ясно. Для меня было ясно, что рабочие массы, кроме, может быть, совершенно отдельных персон, старых меньшевистских рабочих, которые еще кое-где остались как отдельные лица, что связь с рабочими массами, связь с этой средой успеха нам не обещает.

Крыленко. Это было ясно вам как факт или это было ясно как новая установка?

Громан. Это было ясно как факт, и осознание этого факта в конце концов привело к новой установке, уже исходящей из этой социальной базы.

Крыленко. В переговорах с Броунштейном вы этого вопроса не касались?

Громан. Нет.

Крыленко. А не казалось, что он сам собою вытекает?

Громан. Я был более эгоистичен в этой беседе. Я больше расспрашивал, что делается там, чем сообщал, что делается здесь, тем паче, что у нас мало было о чем говорить. Я сказал о создании пятачки, о привлечении лиц, об организации ячеек в учреждениях.

Крыленко. Для вас это было ясно как факт?

Громан. Да.

Крыленко. Который ведет к определенной установке?

Громан. Да.

Крыленко. Но окончательно не был оформлен в виде директивы построения тактики?

Громан. Я припоминаю, что Броунштейну я сказал, что мы с нелегальными ячейками связи не имеем. На это он сказал: «вам, конечно, и не следует этого делать прежде всего из конспиративных соображений». Он и не пытался входить в связь с нелегальными организациями.

Крыленко. По вашим сведениям, таковы были?

Громан. Он мне сообщил, что таковые есть, и жаловался на их очень небольшую значительность и тяжелые условия работы.

Крыленко. При этом он не говорил по поводу того, как нужно отнестись к новым образованиям, какой удельный вес нужно им придать?

Громан. В его формулировке не было придачи ему веса. Броунштейн еще в 1929 г. подчеркнул (лично я с ним не виделся, но через других членов слышал), что он упрекал организацию за оставление попытки связи с рабочими. Он лично стоял на этой позиции.

Крыленко. До начала 1928 г., еще до поездки Петунина, было ясно, что новая социальная база создалась, об этом сообщалось как о факте Броунштейну, об этом Броунштейн был осведомлен и сказал, что другие организации среди рабочих кое-где есть, но не надлежит с ними связываться из-за соображений конспирации, и, в конце концов, в вашем представлении было то, что у него осталась еще прежняя ориентировка на рабочие массы.

Громан. Осталась и прежняя и новая ориентировка на использование ответственных советских работников для возможности влияния на экономическую политику.

Крыленко. К этому периоду перед заграничным ЦК меньшевиков вопрос о новой ориентировке или, как я уже сказал, о новых методах борьбы, новых формах организации — встал?

Громан. Да, и дал элементы для его решения.

Крыленко. И были даны элементы для разрешения этого вопроса?

Громан. Да.

Крыленко. Теперь по вопросу об изменении тактической установки в смысле, с одной стороны, ставки на вооруженное свержение советской власти и с другой стороны — ставки на интервенцию.

Громан. Мы получили эту установку впервые от Пеллунина из его сообщения, которое произвело на меня и других чрезвычайно серьезное впечатление, как впечатление новое, впечатление поворота, а не логического развития...

Крыленко. Он узнал об этом из сообщения Денике?

Громан. Да, из информационного сообщения Денике.

Крыленко. О том, что этот поворот намечается?

Громан. Да, но мне подчеркнул, что официальная позиция и позиция большинства, — тогда говорили — Дан и Абрамович, — против интервенции.

Крыленко. А мотивировка вот этих правых?

Громан. Мотивировка правых такова, что большевистский эксперимент может привести только к крушению, к краху, что он вызовет дискредитирование социалистического движения, что он приведет к реакции. Вот та официальная мотивировка, которой держались правые.

Крыленко. И поэтому?

Громан. И поэтому еще ведь в 1919 г., когда центр в лице Мартова и Дана занял позицию совместной и под руководством большевиков борьбы с белыми.

Когда я был мобилизован партией, в это время были правые, которые были исключены из партии, которые уже тогда стояли на позиции подготовки интервенции и белой армии с лозунгом, что они объективно-прогрессивные.

Крыленко. Эта мотивировка установки на интервенцию со стороны группы правых, по информации Денике в 1922 г., сводилась к указанию, что при выборе из двух зол надо выбирать меньшее? Эта мотивировка была вам сообщена в 1922 г.?

Громан. Я и в 1919 г. слышал от правых, за что они были исключены.

Крыленко. Вы говорите, был исключен Гарви, а еще кто был исключен?

Громан. Затрудняюсь назвать. Была целая группа: Майский и др.

Крыленко. Шера в этой группе не помните?

Громан. Шера мы не считали исключенным потому, что он сам выбыл из партии, он сам уже себя исключил своим участием...

Крыленко. В поездке Центросоюза?

Громан. Да, и всем своим поведением.

Крыленко (к председателю). У меня больше вопросов нет.

Муранов (к подсудимому). Вы и Шер исходили из того, что нельзя построить социализм в одной стране. Ба-

зой вы избрали круги, наиболее обеспеченные в Советском Союзе. Ваша заграничная делегация и вы, с ней связанные, входящие во II Интернационал, считаете, что нельзя построить социализма у нас, а в других странах и совместно с нашей можно уже строить социализм и нужно. Так вот, что же они делают там, как и вы здесь, т.-е. вербуют наиболее обеспеченных и помогают рабочим строить социализм так, как и вы здесь помогали? Могут ли рабочие при таком положении когда-нибудь надеяться, что социализм будет построен?

Громан. Я должен вам ответить, что именно частью довоенная позиция правых и заключалась в том, что они консолидируют верхушечную часть рабочего класса и огромной доли интеллигенции, служащих, ставя принципом, что только путем последовательной демократии и путем постепенного осуществления возможен социализм. Конечно, он отдалается на неопределенное будущее.

Муранов. Я говорю о следующем — рабочие, не надеясь совершенно на такие группы и идя за коммунистической партией, ведут борьбу такими методами, которыми они вели здесь, у нас. Так вот — правильно ли рабочие поступают, исходя из той установки, которую *дал Шер: «кто получает много, хочет получить еще больше», — получив здесь советскую власть, свою власть, хотя, чтобы и в других странах рабочие точно так же поступали, не надеясь на таких как вы, на таких, которые находятся во II Интернационале? Правильно ли они поступают, когда хотят еще большего?

Громан. Совершенно правильно.

Муранов. У меня больше вопросов нет.
Председатель. Объявляю перерыв на 15 минут.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ГИНЗБУРГА

Председатель. Заседание возобновляется.

Крыленко. Можно подсудимого Гинзбурга?

Председатель. Подсудимый Гинзбург.

Крыленко. Сообщите, пожалуйста, факты вашей контрреволюционной работы в период до 1928 г., образование периферийных ячеек в учреждении, в котором вы работали, и о работе руководящей тройки в период до начала 1928 г.

Гинзбург. Я могу в основном подтвердить те показания, которые даны здесь Громаном и Шером в части, касающейся истории возникновения контрреволюционной организации, за участие в которой мы сейчас судимся. Подтверждаю также и характеристику той роли, которую я в этой работе по созданию контрреволюционных организаций играл. Конкретно

говоря, история сводится к тому, что в начале 1926 г. при одной из встреч моих с Громаном в Госплане на служебной почве Громан сообщил мне, что меня хотел бы видеть Василий Владимирович Шер, которого я знал по старой партийной работе в период 1905—07 г. Громан сказал, что он придает этому свиданию моему с Шером большое значение в виду того, что Шер действует в данном случае как уполномоченный заграничной делегации, и что он, Громан, будет внимательно следить за ходом моих переговоров с Шером и, вероятно, в ближайшее время встретится со мной еще раз по этому поводу. Он предложил мне позвонить Шеру по этому поводу в Госбанк. Действительно, примерно в конце февраля — в начале марта 1926 г. я позвонил Шеру в Госбанк, прося разрешения зайти к нему. Шер принял меня в Госбанке. Здесь разговор коснулся возможности и необходимости возобновления партийной работы.

Шер указывал в качестве политической предпосылки для начала работы на то обстоятельство, что советская власть со времени XIV съезда проводит новую линию экономической политики, которая заключается в ликвидации той нэповской политики, которая создавала известную почву для возможности работы меньшевиков в советском аппарате. Следовало ожидать, что линия эта будет проводиться достаточно последовательно и настойчиво и что вместе с уничтожением буржуазно-капиталистических отношений объективного порядка будет также ликвидироваться и та идеология, которая оправдала возможность сохранения этих буржуазных капиталистических отношений в советском строе, и что вместе с этим возникает невозможность для меньшевиков продолжать работу так, как они это делали до сих пор, стоя на линии сохранения и развития принципов нэпа. Шер указывал также и на то, что он имеет известные полномочия от заграничной делегации и для того, чтобы действовать здесь в качестве ее уполномоченного по собиранию меньшевистских сил.

Я в общем согласился с той оценкой положения, которую давал Шер. Я согласился с ним в том, что, весьма возможно, в связи с внутренними отношениями в ВКП(б), в связи с обострившимися разногласиями внутри ВКП(б), возможны значительные политические события и что необходимо, чтобы к моменту этих событий меньшевики имели определенное политическое лицо.

Поэтому я согласился с ним в необходимости начать работу по созданию меньшевистской организации. Я только подчеркивал, что, мне кажется, эта организация должна строиться не исключительно путем создания инициативной группы центрального порядка, но что

надо озаботиться созданием целого ряда ячеек на местах. Конечно, это создало целый ряд крупнейших затруднений принципиального порядка, о которых я скажу позже, но в основном я предложение Шера принял, и мы условились, что мы будем встречаться с ним по этим делам вдвоем, а то и втроем с Громаном.

Мы придавали большое значение участию Громана в этом деле, считая его одним из крупнейших экономистов и общественных работников. Мы думали, что эта организация будет иметь успех потому, что Громану удастся привлечь меньшевистские силы, находящиеся под его влиянием.

Мы условились с Шером продолжать наши встречи. Действительно, такие встречи имели место на протяжении 1926—27 г. и с ним и с Громаном. Собственно говоря, нашу тройку можно рассматривать как инициативную группу по созданию меньшевистской организации.

Крыленко. Где вами непосредственно была организована группа?

Гинзбург. В ВСНХ. К этому времени, примерно в начале 1926 г., на службу в ВСНХ перешел Штерн, который также был занят мыслью о необходимости партийной работы. Хотя у меня со Штерном был ряд разногласий по вопросу конкретного проведения экономической политики, тем не менее мы договорились относительно общих политических линий в работе.

Эту работу по созданию ячеек мы вели с ними вдвоем, пока к нам не присоединился Соколовский. В конце 1926 или в начале 1927 г., примерно в этот период, мы беседовали также и с другими работниками ВСНХ, из числа старых меньшевиков, ранее принадлежавших к РСДРП.

Крыленко. Таким образом,—вы, Штерн, Соколовский?

Гинзбург. Да.

Крыленко. А еще кто?

Гинзбург. Я привлек Рабиновича, Константина Исааковича, А. И. Рабиновича и Волкова.

Крыленко. Какого характера работу вела эта группа — ту, о которой говорил Громан, или еще какую-нибудь другую?

Гинзбург. Работу по созданию ячеек.

Крыленко. Ячейки создали, а дальше?

Гинзбург. Ячейка должна была работать новые линии, согласные линии в области экономической политики, прежде всего в той конкретной работе, которую нам пришлось вести, а затем содействовать созданию политической организации в общесоюзном масштабе.

Крыленко. Значит, было две линии: одна — общеполитическая, а другая — по линии создания организации в общесоюзном масштабе. Кроме этого в других наркоматах создавались ячейки, связь какая-нибудь была?

Гинзбург. Мной непосредственно не создавался, но я в качестве члена инициативной тройки был в курсе того, что делают другие члены этой тройки, что они предпринимают. В частности мне было известно, что Громан ведет такую работу в Госплане, Шер ведет в Госбанке. Конкретно они не всегда называли отдельные факты, конкретные лица, не всегда останавливались на том, что они ведут такую работу, но мне было известно и не только известно, а мы совещались о том, как более интенсивно и энергично эту работу вести.

Крыленко. Это относится к началу 1926 г.?

Гинзбург. Я отношу свою встречу с Шером или к концу февраля или началу марта.

Крыленко. Вы встречались с Шером, с Громаном, создали ячейку, привлекли некоторое количество других лиц. Меншевикско-партийный характер этой ячейки ясен был в то время для вас. Вы организовали ячейку социал-демократов меньшевиков или вообще ячейку оппозиционно-настроенных по отношению к советской власти людей?

Гинзбург. Мы организовали ячейку социал-демократов меньшевиков, относящихся оппозиционно к политике советской власти.

Крыленко. Если вы создавали социал-демократическую ячейку, то это увязывало вас с определенной политической линией, с определенным политическим центром. Как же вы увязывали в этот момент вашу работу в ВСНХ, т.-е. извлечение служебной работы, вообще этот новый характер работы с этими установками. По традиции, меньшевистская ячейка должна была вести политическую работу, агитацию и пропаганду, расширяя связь в рабочей среде и т. д., а тут вы повели сразу другую линию. Как это увязывалось? Объяснялось ли это объективной невозможностью той и другой работы, объяснялось ли это сознательно вами уже воспринятой установкой на другого типа работу, были ли по этому поводу беседы, разговоры в руководящей тройке, оформлялось ли это, осмысливалось ли новый поворот до решения заграничного центра и проч.?

Гинзбург. Этот поворот, о котором вы говорите, само собой разумеется, не мог произойти сразу, не было крутого перелома. Я лично считаю, что это изменение назревало в результате очень больших сомнений и больших колебаний с нашей стороны. Сомнения и колебания относились к тому, что, конечно, по старой традиции мы знали, что меньшевики равняются на создание массовой рабочей партии, но вместе с тем для нас выяснилась объективная невозможность в советских условиях создать сколько-нибудь солидную меньшевистскую организацию, которая базировалась бы на рабочих

массах, потому что мы знали в это время о том враждебном отношении, которое подавляющая часть рабочих имеет к меньшевистской агитации, к меньшевистской пропаганде. Поэтому мы, естественно, должны были притти к вопросу — или вовсе никакой социал-демократической работы, или работа, опирающаяся на другой общественный слой, чем до сих пор.

Крыленко. Это где-нибудь вами специально обсуждалось?

Гинзбург. Об этом говорилось много раз на тех совещаниях тройки, которые имели место. Об этом говорилось в переговорах с отдельными лицами, которые привлекали в состав организации.

Крыленко. А не была ли это линия наименьшего сопротивления?

Гинзбург. Она в конце концов образовалась как линия наименьшего сопротивления, потому что мы столкнулись с объективными невозможностями проводить старую линию.

Крыленко. Вам о поздке Берлацкого было известно?

Гинзбург. Я лично не знал, что именно Берлацкий. Шер не называл имени, но о том, что у него были сношения с заграницей, мне было известно.

Крыленко. Вам было известно, что он являлся официально уполномоченным лицом?

Гинзбург. Да, об этом он мне говорил.

Крыленко. Ставился здесь вопрос, что это официально уполномоченное лицо, представляя заграничный центр, должно или не должно работать в области старых форм?

Гинзбург. Вопрос ставился, но мы приходили к отрицательному решению в смысле практических возможностей проводить работу в этом направлении.

Крыленко. О Петунине вам было известно?

Гинзбург. Не было.

Крыленко. Раньше этот вопрос не обсуждался?

Гинзбург. Я уезжал за границу до того, как Шер послал Петунина за границу.

Крыленко. Вы уехали когда?

Гинзбург. Я уехал 20 августа 1927 г.

Крыленко. А до этого вы не ездили?

Гинзбург. Не ездил.

Крыленко. В 1927 г. куда вы ездили?

Гинзбург. В Америку через Германию и Австрию.

Крыленко. Кого вы видели за границей?

Гинзбург. Видел Дана и Гарви.

Крыленко. Когда это было?

Гинзбург. В сентябре 1927 г.

Крыленко. Эти встречи были обусловлены?

Гинзбург. Нашей тройкой не были вполне определенно обусловлены, потому что я выехал сравнительно без подготовки в короткий срок. Но я использо-

вал эту поездку для установления связи между заграничным центром и нашей организацией.

Крыленко. Какие были у вас встречи?

Гинзбург. Кроме этих?

Крыленко. Опишите эти встречи.

Гинзбург. Внешне эти встречи произошли по моей инициативе. Я приехал в Берлин и, узнав от Штерна, который там находился, телефон Дана, позвонил ему и его жене и просил выдаться, при чем сказал, что я очень тороплюсь, что мое время пребывания в Берлине является неопределенным в зависимости от того, как скоро удастся добыть американскую визу. Эта встреча произошла в одном из берлинских ресторанов.

Крыленко. Какой характер носила эта встреча?

Гинзбург. Мы, прежде всего, старые знакомые по прежней партийной работе, — во-первых, а во-вторых, — встреча носила характер сообщения с моей стороны о тех шагах, которые предпринимаются по созданию меньшевистской организации, в частности мною, и осведомлению о тех новых настроениях, которые имеются у заграничной делегации.

Крыленко. Что вам было сказано?

Гинзбург. Мне было сказано, что заграничная делегация очень приветствует нашу инициативу по созданию меньшевистской организации, что заграничная делегация придает большое значение тому факту, что в эту организацию вливаются люди, занимающие определенное положение в советском аппарате, и что в связи с этим может встать вопрос относительно перехода к новым тактическим линиям, что вопрос относительно необходимости активизации борьбы с советской властью ставится, недостаточность агитационной борьбы признается, но что заграничная делегация не имеет твердой установки в вопросе о новых тактических приемах. Что этот вопрос обсуждается и выясняются разногласия между отдельными членами бюро делегации, тем более, что вопрос относительно вредительства неразрывно связывается с вопросом относительно интервенции. К тому же у заграничной делегации нет единой установки, существуют различные мнения по этому вопросу. Было указано на то, что заграничная делегация в ближайшее же время постарается разработать форму этих вопросов, сообщить ее нам, сообщить ее в Интернационал. Затем указывалось на необходимость поддержки регулярных сношений между заграничным центром и союзным центром. Рекомендовалось установить известную связь с нелегальными ячейками, которые существовали и помимо нас в это время.

Крыленко. Но о поездках или полномочиях Шера говорилось в этот момент, о том, что вы связаны были с Шером?

Гинзбург. Да.

Крыленко. Так что ваша поездка носила характер информации или четкий характер установления организационной связи и получения директив?

Гинзбург. Она содействовала установлению этой организационной связи. По этой же линии находился Шер, который оставался больше времени, чем я, и было установлено, что Шер получит более конкретные указания по организационному вопросу.

Крыленко. Так что можно считать установленным, что в 1927 г., во второй половине 1927 г., тесная связь ваших, созданных вами инициативных троек и ячеек в отдельных учреждениях поддерживалась целым рядом лиц? Сюда входят Шер, вы, Громан и Петунин, который после вас приехал, и разница между поездкой Петунина, последующими периодами и этим периодом сводится к тому, что эти вопросы новой тактики, вопросы новых методов работы ставились перед вами еще как проблема, а к концу 1927 г. представились как решенный факт?

Гинзбург. Да, решения оформились в этом направлении, и с поездкой Петунина это оформление пошло дальше, чем в разговоре со мной.

Крыленко. С кем вы виделись?

Гинзбург. Виделся с Даном, Гарви, Канцель, Цедербаумом.

Крыленко. Эти встречи были одновременны или разновременны?

Гинзбург. Одновременно со всеми тремя.

Крыленко. Тут разница в установках уже была?

Гинзбург. Была, и это было одной из причин, по которой задержалась дача директив по тем практическим вопросам, о которых я говорил, потому что между Даном и Гарви существовали разногласия.

Крыленко. В процессе встречи в чем выражалось разногласие?

Гинзбург. Гарви занимал одну позицию в этом вопросе, у Дана была другая.

Крыленко. Вопрос шел об организационных формах. Тут все сходилось?

Гинзбург. То, что необходимо создать такого рода общесоюзный меньшевистский центр, признавалось всеми.

Крыленко. Необходимость организации ячеек в учреждениях не вызывала сомнений?

Гинзбург. Не вызывала.

Крыленко. И это поощрялось обоими?

Гинзбург. Да.

Крыленко. Характер работы, которая велась, вы выяснили?

Гинзбург. Я имел сведения относительно той работы, которую я проводил за время службы.

Крыленко. Которая сводилась к информации?

Гинзбург. К информации, что мы станем все более и более в оппозиционное положение в отношении советской экономической политики, поскольку мы стоим на почве необходимости сохранения буржуазно-капиталистических отношений, поскольку советская власть взяла твердую линию на искоренение этих буржуазно-капиталистических отношений; поэтому для нас работа сейчас сводится к тому, чтобы попытаться противопоставить советским отношениям свои, меньшевистские, отношения, примененные к конкретным условиям нашей практической работы.

Крыленко. Кто кого толкал: вас ли толкала заграничная делегация в беседе на расширение, углубление этой политики или вы толкали ее путем своей информации, передачи того, что делается вами и что делается в СССР, на то, что эта политика, эти методы работы, эти формы организации являются более целесообразными, скорее приводящими к цели, единственно возможными, теми, которые надлежит развивать?

Гинзбург. Я думаю, что положение можно характеризовать так: мы приступили практически к этой работе, и создали то объективное основание, которое позволило заграничной делегации оформить эту тактику, дать известное идеологическое оправдание и связать ее со старыми меньшевистскими методами.

Крыленко. Вы указали или развили конкретно эти формы и методы организационной работы и они пришли или приходили к этому, исходя из ваших информаций? Здесь устанавливались они, обсуждались контактно?

Гинзбург. Я думаю, что не только информации наши содействовали оформлению заграничной точки зрения, но этому содействовала та информация, которую они черпали из советской печати, черпали из информации различных людей, приезжающих, так или иначе связанных с меньшевистским аппаратом.

Я не думаю, чтобы инициатива создания тактики могла быть приписана исключительно нам. Мне кажется, что инициатива эта шла отсюда, поскольку это было известным идеологическим оправданием новому повороту, поскольку они имели в своих руках тот идеологический аппарат, которого мы были лишены, — имели печать.

Крыленко. Вы встретились с ними в 1927 г., и тогда уже была установлена организационная связь?

Гинзбург. Да.

Крыленко. Она была установлена с момента поездки Берлацкого в 1925 г. и в связи с теми полномочиями, которые были даны Шеру?

Скажите, вы встречались в 1927 г. только один раз с ними?

Гинзбург. Два раза.

Крыленко. А когда второй раз?

Гинзбург. Промежуток между первой и второй встречами составляет пять дней.

Крыленко. А вопросы тогда ставились те же самые?

Гинзбург. Я не могу хронологически разделить содержания этих бесед.

Крыленко. К каким конкретным выводам тактически-организационным пришли в результате этих бесед?

Гинзбург. Нам обещали прислать новую платформу; во-вторых, обещали поддерживать связь с нами как путем присылки своих людей, так и путем бесед с теми людьми, которые будут от нас приезжать туда; в-третьих, была обещана помощь литературой и в случае необходимости также и финансами.

Крыленко. Тактические пути тут не обсуждались?

Гинзбург. Со мной не обсуждались. Предполагал, что я на обратном пути остановлюсь, но я не остановился.

Крыленко. В результате ваших встреч в 1927 г., встречи Громана в 1927 г. и предыдущей встречи в 1925 г. взаимная информация была установлена, и были обусловлены, во-первых, организационная связь, во-вторых, обещание на основе этой взаимной информации фиксировать точно и ясно в качестве директив методы и пути работы. Обусловлена была литературная помощь, обусловлена была финансовая, материальная помощь и т. д. Это были подготовительные элементы новых форм работы, новых форм организации. Вы уехали в сентябре, ожидая дальнейших результатов. Вы об этом передали, когда приехали?

Гинзбург. Я уехал не в СССР оттуда, а в Америку, откуда вернулся только через 4½ месяца. За это время сюда, в СССР, вернулся Штерн, который позже меня останавливался в Берлине. Затем вернулись Громан и Петунин. Я на обратном пути не имел возможности встретиться, потому что я спешил. Я ограничился только телефонным разговором, в котором мне было сказано, что необходимые указания даны.

Крыленко. Когда вы возвращались, уже было сказано, что необходимые указания были даны. Через кого? Об этом не было сказано?

Гинзбург. Точно не было. Разговор был по телефону. Я спрашивал о Штерне потому, что о выезде Петунина мне не было известно, так как он уехал во время моего пребывания в Америке.

Крыленко. Вам было сказано, что необходимые указания даны. Кому — не было сказано? Штерну или Петунину?

Гинзбург. Я спросил, даны ли указания Штерну. Мне сказали, что да.

Крыленко. Вернувшись, вы приступили к дальнейшему проведению этой работы?

Гинзбург. Да.

Крыленко. Вами по созданию периферийных ячеек ничего не было конкретно предпринято?

Гинзбург. Лично я ничего не успел сделать.

Крыленко. А в дальнейшем?

Гинзбург. Я почти безвыездно жил в Москве, так что мне по этой линии очень мало удавалось сделать.

Крыленко. Этим ограничивался период работы, непосредственно совершенной вами. Из него, как один из главных моментов, можно установить два: во-первых, вы конкретно проводили работу непосредственно в ВСНХ, участвовали в совещаниях руководящей тройки, вместе с ними давали общую установку. И, во-вторых, вы непосредственно путем личных сношений с границей в период 1928 г., с Гарви и Даном принимали участие в обсуждении этих установок, взаимной информации и установлении дальнейшей организационной, материальной и идеологической связи с заграничным центром.

Гинзбург. Совершенно верно.

Крыленко. Последний вопрос из этой области: проблема интервенции стояла или не стояла?

Гинзбург. Говорилось о том, что этот вопрос обсуждается. Повидимому, интервенция становится все более и более неизбежной. Говорилось о том, что во II Интернационале имеются по этому поводу разногласия, что такие же разногласия имеются и в среде меньшевиков, входящих в заграничную делегацию, но еще решения как будто по этому поводу не было.

Крыленко. Бывают разногласия, которые раскалывают на два противоречивых лагеря за отсутствием общего языка. И бывают разногласия, которые сводятся к известному субъективному отношению к неизбежному факту, но все же к единым тактическим выводам.

Гинзбург. В то время для меня было неясно, к чему приведут эти разногласия внутри заграничной делегации, — приведут ли они к расколу или дадут возможность тогдашним меньшевикам, т.-е. сторонникам интервенции, стать большинством. В тот момент для меня было неясно.

Крыленко. Чем мотивировалась неизбежность интервенции? Как это вообще ставилось?

Гинзбург. Мотивировалось это прежде всего тем, что в последнее время, в 1927 г., в связи с оживленной деятельностью Коминтерна, отношения Коминтерна и II Интернационала резко заостряются. Во-вторых, это мотивировалось так называемым меньшевиками «красным империализмом», т.-е. стремлением будто бы советской власти вести политику империализма по отношению к другим государствам. Мотивировалось это также и тем, что социал-демократам в

разных странах, когда они приходят к власти, приходится участвовать в правительствах, приходится так или иначе принимать участие в определении национальной внешней политики данной страны. Здесь социал-демократам, поскольку они участвуют в коалиции с буржуазными партиями, поскольку многие из правительств являются правительствами коалиционными, приходится также оправдывать и внешнюю политику этих правительств, сводящуюся к более или менее откровенной поддержке военного вмешательства в дела СССР.

Крыленко. Но определенная положительная оценка была дана или нет в тот момент?

Гинзбург. Т.-е. в том смысле — признавали ли тогда необходимой эту подготовку?

Крыленко. Да.

Гинзбург. Нет, в тот момент.

Крыленко. Значит, только ставилась известная проблема?

Гинзбург. Да, и по этому вопросу имелись разногласия.

Крыленко. И обещали дать определенный ответ?

Гинзбург. Да.

Председатель. Кроме организации ячеек в ВСНХ, как было использовано вами ваше служебное положение в ВСНХ в смысле организации меньшевистских ячеек по линии крупных хозяйственных организаций?

Гинзбург. Каких-нибудь ячеек в разветвлениях ВСНХ я лично не могу назвать, определенных ячеек, но с отдельными меньшевиками, работавшими в этих разветвлениях, связи, разумеется, имелись.

Председатель. Сколько было таких групп в хозяйственных организациях, с которыми вы имели связь?

Гинзбург. Я был связан с такой большой периферией, что затрудняюсь вам сказать, сколько именно было таковых. Можно вообще сказать, что в разных главных управлениях, в трестах, синдикатах, конечно, имелись меньшевики. С этими меньшевиками отношения поддерживались.

Председатель. А будучи профессором Плехановского института, производили ли вы там какие-либо попытки в отношении организации ячеек?

Гинзбург. Нет, я это считал безнадежным, зная настроение студенчества.

Председатель. И попыток к организации ячеек в вузах у вас не было?

Гинзбург. Нет.

Председатель. А по линии организации ячеек на предприятиях?

Гинзбург. Вопрос об этом ставился, в частности придавалось значение работе Волкова, у которого, как у бывшего рабочего, сохранились отношения с некоторыми рабочими. Но, насколько я знаю, Волков также в этом не имел успеха.

Председатель. Чем вы это объясняете?

Гинзбург. Я объясняю это тем, что наша идеология, которой мы придерживались тогда, являлась идеологией чуждой теперешнему пролетариату. Поэтому мы не могли рассчитывать на какой-либо успех в этом направлении.

Председатель. Так что попытки были, но они окончились неудачей?

Гинзбург. Да.

Председатель. Затем эти попытки не возобновлялись?

Гинзбург. В массовом размере, во всяком случае, нет, т. е., если бы к этому встретились возможности, конечно, они были бы использованы, но, насколько я знаю, таких возможностей, во всяком случае у руководящих лиц, не было, поскольку они оторвались от рабочей среды и связи с ней не поддерживали, а явиться в рабочую среду с идеологией, основанной на проповеди вредительства и интервенции, было бы неразумным шагом.

Крыленко. Скажите, а обсуждался ли тогда вопрос о необходимости установления непосредственной живой связи в ближайший период путем посылки кого-либо из-за границы?

Гинзбург. Говорилось о том, что заграничная делегация примет меры к тому, чтобы прислать своих людей для сношения с нами и для ознакомления с работой в центре и на периферии, но конкретно лица не назывались.

Крыленко. А Канцель не говорила о возможности поездки?

Гинзбург. Она говорила о возможности своей личной поездки.

Крыленко. Зачем, в связи с чем и когда?

Гинзбург. Она говорила, что ведет переговоры с советской властью о возможности поездки в СССР в целях выдачи архива Мартова и о возможности остаться потом для работы.

Крыленко. А о возможности использования этой поездки в целях укрепления организационных связей и руководства не говорила?

Гинзбург. Я думаю, что это подразумевалось само собой. Если бы она приехала сюда с этими целями, о которых она мне говорила, думаю, что она не преминула бы использовать поездку и для организационной цели.

Крыленко. Значит, в результате ваших переговоров выяснилось, во-первых, обещание дать конкретную директиву по вопросу о методах интервенции, во-вторых, — обещание дать соответствующее идеологическое руководство — литературу и материальную помощь и, в-третьих, — обещание принять меры к тому, чтобы в ближайший период, т. е. в 1923 г., послать сюда специальное лицо для ознакомления с положением работы в центре и на периферии и конкретное практическое руководство работой здесь?

Гинзбург. Да.

Крыленко. Это были организационные итоги вашей поездки?

Гинзбург. Да.

Председатель. С кем велись переговоры относительно передачи архива Мартова?

Гинзбург. Не могу сказать конкретно — с кем.

Председатель. Больше вопросов нет? (Нет.) Подсудимый Петунин.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ПЕТУНИНА

Крыленко. К какому времени относится начало вашей контрреволюционной работы по созданию меньшевистской ячейки в Центросоюзе?

Петунин. Я отношу зарождение организации в Центросоюзе к 1925 г.

Крыленко. Конкретно, как это было сделано, кого вы вовлекли и что делали?

Петунин. Это было таким образом: там собралась группа сибиряков — я, Швейцер, Гладышев, все — бывшие старые меньшевики.

Крыленко. Три бывших меньшевика?

Петунин. Да, меньшевики, все работали в Центросоюзе, в прошлом сибиряки. Гладышев доставал где-то, не могу сказать точно — где, «Социалистический вестник». Этот «Социалистический вестник» мы читали более или менее систематически. В этом, в сущности, состояла вся деятельность, если так можно это назвать, организации РСДРП за 1925—26 г. Но все же я считаю, что это была организация, поскольку происходило чтение, иногда обмен мнениями и, наконец, знание друг друга и связь на этой почве. Позднее, именно в 1926 г., я познакомился с Шером на служебной почве. Вскоре, вероятно в конце 1926 г., я узнал, что он является уполномоченным заграничной делегации.

Крыленко. От него узнали?

Петунин. От него узнал и в свою очередь рассказал о наличии той ячейки в Центросоюзе, о которой я только что говорил. После этого Шер предложил мне войти в инициативную группу, в тройку, которая была тогда, может быть четверка, а я не могу сказать, четвертым или пятым я вошел. Это было в начале 1927 г., когда я вошел в состав инициативной группы.

За период времени от вхождения в состав этой инициативной группы до моей поездки за границу (это было в октябре 1927 г.) систематической работы, в моем представлении, с моим участием эта группа не вела, и вся роль ее, как роль полномочной заграничной делегации, сводилась главным образом к выявлению и к аккумуляции меньшевистских сил. За этот период выявилось пять ячеек, о которых здесь говорилось — Госбанк, Центросоюз, Наркомторг, Госплан и ВСНХ, в результате чего и назрела потребность в офор-

млении единой организацией, одним союзным центром. Об этом я скажу дальше. Затем, в октябре, Центросоюзом была снаряжена делегация в составе 30 человек в Германию для изучения организации и техники торговли. В состав этой делегации был включен и я — членом бюро. Возглавлял делегацию Молотин, в состав бюро входили Басов, представитель Украины, представитель МОСПО. Всех участников не помню.

Крыленко. Басов в это время входил в организацию?

Петунин. Басов членом РСДРП не был. Он принимал программу, был сочувствующим, но не входил в организацию.

Крыленко. В тот период?

Петунин. Да.

Крыленко. А впоследствии вошел?

Петунин. В организацию РСДРП не входил.

Крыленко. А вредительскую работу проводил?

Петунин. Вредительскую работу вел, будучи осведомлен о работе РСДРП.

Крыленко. В чем выражается разница в работе Басова и в вашей работе?

Петунин. По существу, разницы не было.

Крыленко. Басов был осведомлен о задачах, целях, методах и т. д.?

Петунин. Был осведомлен.

Крыленко. О существовании ячейки был осведомлен?

Петунин. Был.

Крыленко. Во вредительскую организацию входил?

Петунин. Входил.

Крыленко. А в ячейку не входил?

Петунин. Не входил.

Крыленко. Разницы, по существу, нет?

Петунин. Нет.

Крыленко. Скажите, пожалуйста, до поездки за границу конкретная работа выражалась только в чтении «Социалистического вестника» или еще в чем-нибудь?

Петунин. Конкретная работа ячейки выражалась только в чтении «Социалистического вестника». Здесь нужно признать, что в то же время, поскольку у меня лично и у других работников такого же порядка, как и я, возникали сомнения в правильности пути, по которому пошли большевики, мы пытались, будучи влиятельными работниками в своем хозяйстве, проводить на заседаниях, участвуя с решающими голосами, другие установки, которые сводились вообще к тому, чтобы задержать свертывание нэпа. Это носило характер совершенно легальной работы, характер официальных выступлений, и дальше выступлений и голосований в пользу своих предложений эта работа не шла.

Крыленко. Сознательных отступлений от установок, которые принимались, не проводили?

Петунин. В этот период времени не проводили.

Крыленко. И сознательного искажения работы тоже?

Петунин. Не проводили.

Крыленко. Кто были основные работники в Центросоюзе по вредительству?

Петунин. Основную группу составляли члены правления: я, Басов, Швейцер и Некрасов.

Крыленко. К какому времени относится разговор Некрасова относительно необходимости, по существу, проводить другую линию, независимо от установок?

Петунин. Совершенно конкретно относится к июлю 1928 г.

Крыленко. В этот период Басов в организацию не входил?

Петунин. Не входил.

Крыленко. Когда был привлечен и кем?

Петунин. В начале 1928 г.

Крыленко. Кем?

Петунин. На совещании, которое мы устроили и которое состоялось по моей инициативе, я сообщил результаты моей поездки за границу, и это послужило толчком.

Крыленко. Когда вы сообщили о результатах поездки, вы привлекли на это совещание Швейцера и Басова? Зачем их привлекли?

Петунин. В директиве, которая содержала указание относительно вредительства, имелось прямое указание, что во вредительскую организацию надо вовлекать особо как партийных, так и беспартийных, вовлекать в организацию лиц, которые близки более к установке и которые по своему влиянию могут оказать существенную помощь.

Крыленко. Некрасов по политическим убеждениям кто был?

Петунин. В прошлом — кадет.

Крыленко. Видный кадет, больше того. Какой пост он раньше занимал?

Петунин. В правительстве Керенского — министр.

Крыленко. Явный, открытый кадет, и раньше принимал открытое участие в Государственной думе. Кем он был?

Петунин. Членом Государственной думы.

Крыленко. И только?

Петунин. И заместителем председателя Государственной думы.

Крыленко. Вот, значит, кого вы считали необходимым вовлечь в эту вредительскую организацию. Но это, вы говорите, относится к периоду после вашей поездки, а до поездки велись беседы, вы пытались проводить в законодательных органах свою точку зрения, после неудач принимали к исполнению то, что вам прикажут. А отступления не проводили?

Петунин. Не проводили.

Крыленко. Вы начали проводить после?

Петунин. После 1927 г.

Крыленко. Расскажите, как вы ездили за границу, с кем вы там встречались и что делали.

Председатель. Вы говорите, что по директиве необходимо было организовать особую вредительскую организацию. Так это что же было — в порядке добровольности что ли вы создавали такую массовую организацию или это была узкая группа людей?

Петунин. Это должна была быть добровольная организация, находящаяся под руководством и влиянием меньшевиков. Директива была такая, чтобы вовлечь возможно широкие круги, но определенные категории лиц, могущие выполнить директиву и имеющие влияние.

Председатель. Много было таких добровольцев?

Петунин. Я назвал четырех. Из следующего звена я знал еще пять, — там была звеньевая система.

Председатель. Вы одним звеном руководили или были организатором и руководителем всех?

Петунин. Я имел общее руководство, имел связь с тремя, что я назвал: Швейцер, Басов, Некрасов; кроме того, непосредственное участие принимали еще двое: Гладышев и Семин; кроме того, я знал Васецкого, Лапина, Мордковича, Лапоранского.

Председатель. Кто первый был?

Петунин. Один заместитель заведующего и другой — заместитель заведующего.

Председатель. Партийный — меньшевик?

Петунин. Беспартийный. В прошлом — один эсер. Партийности Лапина в прошлом не знаю.

Крыленко. А Коробов кто был?

Петунин. Председатель правления Центросоюза.

Крыленко. Вы вместе с ним работали?

Петунин. Нет.

Крыленко. А Муравьев кто был?

Петунин. Муравьев был работником потребкооперации в Сибири.

Крыленко. Василий Артемевич?

Петунин. Да.

Крыленко. Вы работали вместе с ним?

Петунин. Да.

Крыленко. В сибирской кооперации?

Петунин. Да.

Крыленко. Когда?

Петунин. В 1918 г. когда он был председателем Алтайского союза.

Крыленко. А в 1922 г. кем он был?

Петунин. Членом правления Центросоюза.

Крыленко. С ним никаких разговоров об организации какой-нибудь группировки не было?

Петунин. Нет.

Крыленко. И собраний не было, на которых бы решался вопрос о работе, в котором сплочении этой группы лиц?

Петунин. В этот период с 1921 года, о котором я говорил, беспартийная часть

руководителей кооперации во время съездов и совещаний собиралась группой. На этих совещаниях велись разговоры вокруг работы кооперации, участия в органах управления кооперации. Все эти совещания были открытыми, публичными, санкционированными, согласованными с фракцией.

Крыленко. На какой предмет созывались эти совещания?

Петунин. Основная задача их была координироваться с фракцией в своей деятельности по участию в органах управления, руководства. Нам предоставлялось определенное количество мест, и нужно было заполнить эти места в органах руководства.

Крыленко. Это была своего рода беспартийная фракция?

Петунин. Совершенно правильно.

Крыленко. Что она делала по отношению к коммунистической фракции — торговалась насчет мест?

Петунин. Торговалась о местах.

Крыленко. Зачем?

Петунин. В этот период никаких других установок, кроме этой, не было.

Крыленко. Вы собирались для борьбы за руководство?

Петунин. Нет, не для борьбы за руководство.

Крыленко. Это был период, когда кооперация — Центросоюз — упорно отстаивала свою самостоятельность. Вы помните, тогда был большой процесс, где Коробов фигурировал в качестве обвиняемого. Шел вопрос о том, чтобы сорганизоваться для борьбы с коммунистической фракцией, за сохранение прежнего руководства, для того, чтобы удержать Центросоюз в своих руках. Так это было или нет?

Петунин. Вы совершенно правы. Только здесь были не те лица, о которых я говорю. Они стояли на позиции, противоположной позиции Коробову. Они вели борьбу с позицией Коробова.

Мы держались того мнения, что советская кооперация должна идти по советскому руслу, мы были совершенно советскими кооператорами. Такое настроение было, такая группировка была, но эта группировка была совершенно противоположна группировке Коробова.

Крыленко. Таким образом, было две беспартийных группировки — одна коробовская, а другая ваша?

Петунин. Совершенно правильно.

Крыленко. Группировка коробовская вела борьбу за руководство с коммунистической фракцией, за сохранение в своих руках руководства кооперацией, а ваша группировка как смотрела на это дело — в чьих руках должно было находиться это руководство?

Петунин. Мы пошли по призыву партии. Мы пошли навстречу партии. Наше участие в работе было таковым, что мы хотели установить полный альянс, пол-

ную солидарность с той политикой, которая осуществлялась в отношении кооперации советской властью.

Крыленко. Немножко не так вы говорите в ваших показаниях?

Рогинский. В эту группировку, о которой вы говорили, кто входил?

Петунин. В эту группировку входили, если говорить о руководителях, я, Швейцер, на Украине — Канатъев, Лейбович.

Рогинский. А Некрасов входил?

Петунин. Тут положение было особое.

Рогинский. Басов входил, Швейцер входил?

Петунин. Да, входили.

Рогинский. Ерофеев входил?

Петунин. Я бы не отнес его к этой группе.

Рогинский. Голубев входил?

Петунин. Входил.

Рогинский. Из них Некрасов — впоследствии член вредительской организации Центросоюза, Басов — член вредительской организации Центросоюза, Швейцер — член вредительской организации Центросоюза.

А из периферийных работников кто входил в эту группировку?

Петунин. Я уже упоминал, что на Украине входил Канатъев, на Северном Кавказе — Акодус, в Северо-Западном крае — Драже.

Рогинский. Скажите, пожалуйста, эта группа собиралась и имела определенное мнение по вопросу относительно политики советской власти по линии потребкооперации, обсуждала линию советской власти в отношении потребкооперации, направления советской власти в вопросах развития потребкооперации и т. д.?

Петунин. Поскольку группа была беспартийная, мы не входили в бюро. На бюро обсуждались вопросы, конкретно связанные с данной установкой.

Рогинский. Обвиняемый Петунин, во время обмена мнений линия советской власти принималась так, как она диктовалась соответствующими постановлениями, декретами советского правительства, или линия воспринималась иначе и высказывалось мнение, высказывалась точка зрения о противодействии этим директивам?

Петунин. Нет, в этот период мнений и предложений о противодействии в этой группе не было.

Рогинский. Разрешите, т. председатель, попросить огласить показания Петунина от 22 ноября 1930 г. по этому поводу.

Председатель. Пожалуйста.

Рогинский. Мы имеем следующие показания: «На следующем собрании уполномоченных в 1923 г. во время собрания было организовано бюро, группа для руководства работой беспартийных групп членов собрания. Это повторялось ежегодно при каждом собрании или сессии совета, при чем в бюро входили работающие в составе правления и ревизионной

комиссии, а также представители мест. Насколько мне припоминается, одновременно в состав бюро входили: я, Петунин, Некрасов, Басов, Швейцер, Ерофеев, Голубев». Вы уточнили, что Ерофеев не входил в эту группу?

Петунин. Нет.

Рогинский. Из постоянно работающих в Центросоюзе, а также представители с мест. Дальше вы перечисляете тех, о ком вы говорили. Подводите итоги и пишете: так складывалась организация. О какой организации идет речь?

Петунин. Я же разделяю свое поведение носило ли уже в той или иной степени. Это — совещание о технических средствах, которые впоследствии дали возможность завязать те или иные отношения.

Рогинский. Я спрашиваю: это совещание носило ли уже в той или иной степени антисоветский характер или этого еще не было?

Петунин. Я категорически утверждаю, что в этот период не было.

Рогинский. В первый год нэпа на совещании бюро обсуждались преимущественно вопросы, связанные с участием беспартийных в организации руководства и контроля. Параллельно происходил обмен информацией и обмен мнениями по текущим вопросам работы потребкооперации. При этом как в информации, так и в суждениях выражались оппозиционные настроения к ряду мероприятий, проводимых в отношении потребкооперации. Не подлежит сомнению, что эти настроения каждым из участников переносились впоследствии в практическую работу. Вот я и спрашиваю: эти оппозиционные настроения, как вы здесь пишете, были перенесены в практическую работу, иначе говоря, в практическую работу, которая проводилась лицами, участвовавшими в этой группе; было ли противодействие тем мероприятиям советской власти, которые проводились по линии потребкооперации, или эти ваши показания не точны?

Петунин. Я уточняю. Правильно, что были оппозиционные настроения в фактических отношениях к отдельным мероприятиям, на почве которых возникла эволюция в поведении. В первый период эта оппозиционность выражалась в том, что мы защищали каждый в своем учреждении, на своем месте, определенную установку, защищали голосованием, когда она проходила — проводили.

Рогинский. Можно сказать, что поведение в практической работе лиц, не входящих в эту группировку, аналогично поведению в практической работе лиц, входящих в ту же группировку, о которой нам здесь рассказывали Громан, Шер и др.?

Петунин. Совершенно верно.

Крыленко. Вывод отсюда ясен, что эта организация или эти группировки послу-

жили зародышем группировок будущей вредительской организации?

Петуниин. Да.

Крыленко. И тогда ясно, что организация этих первых группировок была не на почве борьбы с коробовской организацией вместе с коммунистическими группировками, а наоборот—на почве борьбы против коммунистических группировок вместе или параллельно с коробовской группой?

Петуниин. Теперь можно так ответить.

Крыленко. А теперь расскажите о заграничной поездке.

Петуниин. После того, как вопрос о поездке был решен...

Крыленко. Кем?

Петуниин. Правлением Центросоюза.

Крыленко. Формально был решен правлением Центросоюза?

Петуниин. Да, я уведомил Шера, что еду за границу. Шер считал необходимым воспользоваться этой поездкой для осуществления связи с заграничной делегацией. Он дал мне директиву повидаться с Даном, дал пароль.

Крыленко. Какой?

Петуниин. Он назвал какое-то имя, и нужно было сказать, что он или это лицо—жив, здоров и все благополучно. Он дал мне поручение повидаться с Даном, сделать ему информацию о состоянии партийных дел, насколько оно мне известно, и получить директивы, какие заграничная делегация считает необходимым дать сюда. В частности Шер подчеркнул необходимость выяснить вопрос о том, что конкретно и в каком направлении надлежит сделать в отношении влияния на экономическую политику, поскольку предыдущие директивы не давали таких конкретных мероприятий.

Эта директива была выполнена. Я с Даном встретился примерно в половине или в 20 числах ноября (точно даты не помню). Встретился я с ним в ресторане, беседа продолжалась около полутора часов.

Во время беседы я дал ему краткую информацию о наличии инициативной группы, о ячейках и о содержании их работы, как она была охарактеризована здесь мною и другими лицами. Он осведомился о положении сельского хозяйства и зарплатах. Я ему сообщил сведения, которые у меня имелись, официальные сведения. Надо заметить, что Дан выразил сомнение в их правильности и сказал, что у него имеется другая оценка этих цифр, в особенности усомнился он в отношении реального уровня зарплат. Это—в части информации.

Затем—в части директив. Конкретных директив, которые он просил передать Шеру, было две—именно в области борьбы троцкистов с ВКП и об экономическом вредительстве.

Крыленко. Вот первая директива—будьте любезны рассказать об этом де-

тальнее. Это был период особо острой борьбы с троцкистами—ноябрь. Какая была дана установка?

Петуниин. Правильно, это было в это время. Установка сводилась к тому, чтобы это движение поддерживать. Оно расценивалось как движение, которое ослабляет ряды партии и советского правительства и, следовательно, облегчает задачу социал-демократов меньшевиков в отношении давления, всяческого давления—борьбы. Поддержка должна была выражаться в солидарной критике с троцкистами партии и в поддержке требования демократизации.

Крыленко. В какой критике?

Петуниин. В солидарной критике и поддержке лозунга демократизации, поддержанном Даном в том отношении, что установление демократического принципа в партии—прецедент установления такого же принципа в советской жизни, как противоположности диктатуре. Левая часть программы, как он мне объяснял, это есть прикрытие, которое отпадет очень быстро; поэтому, по существу, с троцкистами у нас гораздо больше общего, чем с партией.

Крыленко. Получается так, что солидарная критика в целях ослабления и разложения ВКП?

Петуниин. Правильно.

Крыленко. Солидарная критика прежде всего организационных форм и методов жизни и быта, которые имеют место в ВКП?

Петуниин. Совершенно верно.

Крыленко. А что отпадает, у кого отпадает? У троцкистов?

Петуниин. Левая часть их программы.

Крыленко. Значит, программа троцкистов отпадает. Почему он так думал?

Петуниин. Он так оценил, что это есть прикрытие, что сама по себе позиция Троцкого, по мнению и оценке Дана, это есть показатель того, что мероприятия, осуществляемые партией, не могут быть осуществлены, что само по себе движение троцкистов есть искание новых путей, есть признак неверия в те пути, по которым идет партия, и, следовательно, это так оценивалось, что это нереально, что этим можно игнорировать, а остальное нужно поддержать.

Крыленко. Ваше дело—расшатывание?

Петуниин. Совершенно верно. Поддержка эта должна выражаться, как я уже говорил, в поддержке того, что говорят троцкисты о партии, а формы ее—это использование всякого рода историй, которые могут дать свои результаты, поддержка связи с отдельными троцкистами, отдельными лицами, так или иначе могущими это осуществить. Это—в первой части резолюции.

В части второй—директивы об экономическом вредительстве—было указание относительно новой тактики, которая формулировалась как форма активного

саботажа, в дальнейшей мотивировке было пояснено, в чем должна состоять эта форма. Поскольку со стороны Шера все же было желание получить разъяснение по этому пункту, постольку, с другой стороны, в процессе разговора с Даном я сделал несколько замечаний, выражавших мое сомнение относительно допустимости, главным образом последовательности и связности с остальной действительностью, и вот тогда Дан указал, что, во-первых, нужно рассматривать мероприятия, которые намечаются меньшевиками, не изолированно в отношении СССР, а в свете международной борьбы за социализм. Во-вторых, что эта форма борьбы может принести известный вред народному хозяйству, т.е. не правителям, а народу. Он согласился с таким моим замечанием, но что ради тех целей, которые стоят перед народным социалистическим движением, это нужно сделать, и, в-третьих, что такая форма рабочего движения известна, что в истории, мол, есть. Когда рабочие, борясь за улучшение своего положения, борются с предпринимателями, то они, саботируя, стараются не только меньше произвести, но даже ломают машины. По существу, эти машины могут быть, как народное достояние, принадлежностью всего народа. Отсюда следуют прецеденты и в этом ничего страшного нет.

Крыленко. А мотивы такой директивы, мотивы такой работы? Чем обуславливалась необходимость такой работы?

Петунин. Это — одна часть мотивов, а другая часть мотивов состояла в том, что я его осведомил относительно перспективы развития меньшевистской организации и не скрыл от него, как я оценивал сам положение, что надежд у нас на вовлечение в среду меньшевиков широкой и в особенности рабочей массы не имеется. Он указывал, что, поскольку нет в настоящее время почвы для чисто-политической агитации, вовлечения в среду меньшевиков широких рабочих масс, то нужно подготовить эту почву. Эта форма работы, это вредительство может содействовать созданию в широких слоях трудящихся недовольства, и уже на этой почве недовольства можно легко вести агитацию политического и организационного характера. С другой стороны, кадры, которые в данное время находятся в рядах меньшевиков, по своему составу не способны вести такой работы, так как прямого доступа к широким слоям трудящихся у этих наличных кадров пока нет.

Крыленко. Он дал эти мотивы и директивы уже как определенное решение?

Петунин. Да, как определенное решение.

Крыленко. Которое нужно проводить в жизнь?

Петунин. Да.

Крыленко. Следовательно, не так пере-

давали Гинбзург и Громан, которые поделились с Даном за несколько месяцев до вашей поездки; как дискуссионную, а не как директиву?

Петунин. Как директиву.

Крыленко. И мотивы сводились к тому, что, с одной стороны, другой базы нет, а с другой — быть может, других методов тоже нет?

Петунин. Совершенно правильно.

Крыленко. А еще какие методы?

Петунин. Это основные.

Крыленко. В чем конкретно вредительство должно выражаться?

Петунин. Совершенно конкретных форм он не дал, отослав в этом вопросе к Шеру, к нашей самодеятельности, но указал, что это должно быть направлено на то, чтобы уменьшить возможную продукцию как в области промышленных товаров, так и сельского хозяйства, распределять их таким образом, чтобы создавать кризисное явление, и, наконец, в сфере денежного обращения. Вот в общем те моменты, на которые он указывал, а более конкретно, как это делать...

Крыленко. Это, мол, ваше дело?

Петунин. Да. Это было передано Шеру и местной самодеятельности. Я эту директиву привез и докладывал.

Крыленко. Кому?

Петунин. Сначала Шеру, так как я ехал по его поручению, как уполномоченному лицу. Мне припоминается, в мае 1928 г. я это сообщение повторил на бюро. Уже тогда было организовано бюро.

Крыленко. А какие-нибудь новые формы организационной связи были установлены в результате поездки или были даны обещания?

Петунин. В связи с вредительством?

Крыленко. В связи с укреплением связи.

Петунин. В связи с вредительством было указано, на ряду с необходимостью развития работы по расширению ячейки, членов организации, вовлекать в эти организации и не-членов. Это — указание в смысле организационном. Засим было обещано содействие со стороныграничной делегации в финансировании.

Крыленко. Что конкретно было обещано по финансированию?

Петунин. Было конкретно обещано снабжать в том размере, который требуется.

Крыленко. Через кого?

Петунин. Масштаб работы тогда мне не представлялся ясным. Но тут же было условлено, что надлежит использовать ту связь, которая там возникла в процессе моей встречи с ним, — это заместитель директора конторы Центросоюза Шурыгин.

Крыленко. Кто Шурыгин в прошлом?

Петунин. В смысле партийном — я не знаю. Он беспартийный. По социальному положению — служащий.

Крыленко. Но когда вы приехали, вы обратились к Шурыгину?

Петунин. Это ведь произошло месяц спустя после моего приезда в Берлин. За этот период я с Шурыгиным очень хорошо познакомился на почве работы. Бывал у него несколько раз дома, и в процессе столкновений я установил в Шурыгине подходящую фигуру для такого рода содействия, которое мне нужно было, потому что я плохо ориентировался в заграничной жизни. Этот человек был достаточно антисоветским.

Крыленко. Значит, вы установили антисоветскую фигуру Шурыгина. Кто же называл его имя?

Петунин. Я.

Крыленко. Значит, когда шел вопрос об установлении организационной связи, его фамилию вы назвали?

Петунин. Да.

Крыленко. И было установлено его использовать?

Петунин. Да.

Крыленко. Значит, вы непосредственно принимали меры, будучи в Берлине, не только о встрече с Даном, не только к получению от него соответствующих директив, но даже к подысканию и назначению организационной связи на месте, через которую можно было бы в дальнейшем реализовать свои решения?

Петунин. Да.

Антонов-Саратовский. Вы товарищу прокурору говорили, что Дан выдвигал такую точку зрения, что новую тактику надо рассматривать не только в свете Советского Союза, но и в свете международных отношений. В чем суть аргументации Дана?

Петунин. Дан указывал, что поскольку пути большие, а пути большевизма неправильны, имеют они также международное значение, дезорганизуют международное...

Антонов-Саратовский. А II Интернационал здесь выдвигается?

Петунин. Я должен установить, что в связи со всеми вопросами — с директивами о вредительстве и т. д. — Дан все время ссылался на то, что заграничная делегация, т. е. русские меньшевики, во всех этих вопросах имеют поддержку международной социал-демократии. Более точного определения мне не было дано. Может быть, из-за осторожности или, может быть, там не было определенных решений, но именно термин «международная социал-демократия», ссылка на международную социал-демократию все время была.

Антонов-Саратовский. Вы писали в своих показаниях, что Дан говорил: «за нами стоит международная социал-демократия». Как это понимать? Как это вы понимали?

Петунин. Я это понял так, что директива, которая дается заграничной делегацией мне в лице Дана, есть директива,

которая одобрена руководством II Интернационала. Я только так и понял.

Председатель. Подсудимый Петунин, когда вы получили директиву от заграничной делегации об экономическом вредительстве, вы сказали, что допустили сомнения в правильности этой директивы и этих установок. Как один из аргументов вы привели то, что в истории рабочего движения имеются прецеденты, когда рабочие ломали машины и этим самым наносили ущерб народному хозяйству, в том числе и рабочему классу. Но ведь это было в капиталистических странах. А здесь имеется большая разница. Ведь в Советском Союзе все машины находятся в руках рабочих, и этот аргумент в какой мере вас мог убедить? Считали ли вы этот аргумент достаточно серьезным аргументом, чтобы начать вредительскую работу?

Петунин. В тот период меня было очень легко убедить по той причине, что я уже был готов воспринять позицию меньшевиков, — не только их тактику мирной борьбы, но и борьбы острой. Поэтому мне этот аргумент показался убедительным. Я стал на ту точку зрения, что большевики идут по неправильному пути и по этому пути они не придут к социализму. Этот аргумент в устах Дана мне казался убедительным. Но, вообще говоря, было бы правильно ставить вопрос о том, что сам по себе этот аргумент неправильный. Но тогда он был воспринят мною как понятие правильное, будучи понятием преступным.

Рогинский. На последний вопрос вы ответили, что вами было установлено лицо, через которое можно было реализовать те связи, о которых вы договорились с Даном. Этим лицом являлся Шурыгин. Скажите, практически вы использовали Шурыгина для получения финансовых средств?

Петунин. Использовал.

Рогинский. Когда это было?

Петунин. Это было во второй половине лета 1928 г., — после того как здесь была организована вредительская ячейка, вредительская работа. Я условился с Шурыгиным, как мне сообщать ему для того, чтобы он все сообщения передавал Дану. Через Шурыгина я получил и известную сумму денег.

Рогинский. Какую сумму денег вы получили?

Петунин. Я получил через Шурыгина от Дана 20 тысяч рублей.

Рогинский. Во второй половине 1928 г. вы получили от Дана через Шурыгина 20 тысяч рублей?

Петунин. Совершенно правильно.

Рогинский. Вы имели специальную цель — эти деньги должны были пойти на оплату вредительской работы в ячейке Центросоюза?

Петунин. Совершенно правильно.

Рогинский. Они соответствующим образом были распределены среди членов вредительской ячейки Центросоюза?

Петуний. Совершенно правильно.

Рогинский. А вы сообщили о получении этих денег в «Союзное бюро»?

Петуний. Я информировал об этом Шера и согласовал с ним вопрос об оставлении этих денег ячейке Центросоюза.

Крыленко. В отношении интервенции беседы были?

Петуний. Были.

Крыленко. Какого характера?

Петуний. Были в связи с информацией меня Даном о международном положении.

Крыленко. Конкретно о чем?

Петуний. Сообщалось, что, повидимому, в перспективе нужно считаться с возможностью интервенции, которая явится следствием политики советского правительства и Коммунистического Интернационала, что нужно считаться с такими перспективами в нашей работе и их учитывать, и что может быть или даже определено нужно рассматривать эти перспективы как неизбежность интервенции, и их нужно использовать.

Крыленко. Как? Что значит использовать?

Петуний. Если это будет сила, которая будет свергать советскую власть, то с этой силой, очевидно, нужно будет договориться, чтобы задачи, поставленные социал-демократами, осуществлялись.

Крыленко. Через кого же договориться?

Петуний. Я говорю, что это было в порядке информации. Это не была еще директива, которую нужно было сюда передать. Это была установка, которая принята заграничной делегацией.

Крыленко. Есть две установки. Одна, — мы принцип интервенции отвергаем; следовательно, мы напрягаем все усилия для борьбы против интервенции. Дается установка — борись. Другая установка: интервенция — неизбежный факт, интервенция свергает советскую власть. Следовательно, интервенция будет полезна, следовательно, не борись против интервенции, а даже помогай интервенции. Какая из этих двух установок была дана?

Петуний. Особенно точных формулировок в беседе не было.

Крыленко. По этому вопросу не было точных директив? Интервенция неизбежный факт, либо борись за нее, либо борись против.

Петуний. Я понял таким образом, что интервенция является приемлемой для заграничной делегации.

Крыленко. Это было проведено как решение?

Петуний. Мне было сообщено, что делегация так смотрит; но как директиву, которую надо как-то проводить и для нее что-то сделать, из этого не получал.

Крыленко. Директива, как ее проводить, вас не могла касаться. Что вы могли

конкретно тут сделать для организации интервенции, что вы могли сделать для помощи интервенции?

Петуний. Определенной директивы не было в этом отношении.

Крыленко. По вопросу относительно вашей вредительской работы и расшатыванию госорганизма?

Петуний. В этот период времени непосредственно не было.

Крыленко. Вопрос сводился к трем директивам: 1) поддерживай троцкистскую оппозицию для того, чтобы расшатывать внутри ВКП, 2) поддерживай и проводи дезорганизаторскую работу, чтобы разваливать хозяйственный аппарат и вызывать соответствующие результаты, 3) неизбежность интервенции. Считай, что интервенция приемлема.

Эти три основные установки были даны или не были?

Петуний. По третьему вопросу директивы не было.

Крыленко. А что же было?

Петуний. Была информация.

Крыленко. В каком смысле информация? Вы сказали, что информация в том смысле, что она была приемлема, или она не была приемлема?

Петуний. Я оценивал эту информацию, как факт, из которого я усмотрел, что делегация ее приемлет.

Крыленко. Такого рода были информация и конкретные директивы?

Петуний. Конкретных директив не было.

Крыленко. Впоследствии были такие директивы?

Петуний. Впоследствии были.

Крыленко. К какому периоду времени это относится?

Петуний. Если память мне не изменяет, я с этой директивой встретился в конце 1928 г.

Крыленко. А это был конец 1927 г.

Когда вы приехали, что вы сделали по этому поводу?

Петуний. Кроме доклада, о котором я уже рассказывал, я созвал совещание работников Центросоюза, именно Швейцера, Басова и Некрасова, для организации вредительской ячейки и работы в самом Центросоюзе. Поскольку привезенные мною директивы были Шером приняты к исполнению, они, в свою очередь, были мне преподаны для осуществления.

Крыленко. Можно попросить подсудимого Шера?

Председатель. Пожалуйста. Подсудимый Шер.

Крыленко. Гр-н Шер, будьте любезны, вы слышали показания Петунина?

Шер. Да, слышал.

Крыленко. Равным образом, по вопросу о том, каким образом посылались Петуний, зачем посылались, что он привез, какая ему давалась установка при поездке, какую установку он привез? Может быть,

вы внесете большую точность в некоторую часть его показаний?

Шер. Я могу в общем подтвердить то, что говорил Петунин, чтобы не затягивать, я буду вносить только те поправки и разъяснения, которые требуются. Разрешите?

Крыленко. Пожалуйста.

Шер. Действительно, Петунин, поехавши за границу, имел от меня директиву повидаться с Даном. Меня интересовали директивы заграничной делегации. Когда Петунин вернулся, он привез те директивы, о которых он говорил.

Нужно сказать, что директива о троцкистах казалась мне надуманной заграничной делегацией или эмигрантами, которые представляют себе, что здесь можно производить давление на общественное мнение путем каких-либо выступлений в печати или организационных собраний и т. п. Мне казалась эта директива нереальной, ибо с нашими установками вступать в организационную связь с троцкистами мне казалось невозможным. Льва Давыдовича Троцкого я достаточно хорошо знаю, и я не считал возможным с нашей платформой к нему подходить. Так что как бы далеко троцкисты ни отходили от партии, мне все же не представлялось реальным осуществить ту директиву, которая была дана. Я эту директиву положил под сукно, и мы ее в «Союзном бюро» не выполняли.

Что касается директивы о саботаже или экономическом вредительстве, то она, по моему мнению, заслуживала внимания. Мы подошли к необходимости вредительских действий по отношению к народному хозяйству. Это вытекало из той социальной базы, о которой я говорил; это вытекало из неудач нашего влияния на политику советской власти в сторону сохранения старых начал нэпа, в сторону углубления и расширения нэпа. Следовательно, оставался другой путь — путь доказательства от противного, т. е. доказательства, что политика советской власти приводит к абсурду. Аргументация, которую приводил Петунин, мне казалась убедительной только в некоторой части. Аргумент относительно саботажа я понимал в несколько ином смысле: поскольку саботаж во время борьбы рабочих приносит определенный материальный ущерб, который можно игнорировать, постольку в данном случае это приводится лишь в виде аналогий, т. е. указывается, что в данном случае народная масса будет терпеть ущерб, но этот ущерб будет меньше в конечном счете, чем тот ущерб, который испытывают те же массы, скажем, при осуществлении программы советской власти.

Так я понимал этот аргумент. Что касается «света международных отношений», то мне это представлялось в том смысле, что эта политика согласована лишь с руководящими кругами II Интер-

национала. Петунин не называл этих лиц, и мне они не были известны, но это были, несомненно, руководящие круги, а не весь II Интернационал. Мне было известно из сообщения Штерна и Громана, что по этому поводу имеются разногласия, но они утрясаются. Я представлял себе, что этот переход к активной вредительской работе может быть согласован и что он уже как-то согласован, что он связывается с интервенцией, что вопрос об интервенции ставится и вот, вот должен быть решен, повидимому положительно.

Но информация была настолько неопределенной и растяжимой, что нельзя было решить основной вопрос, который был поставлен Петунину здесь вами: интервенция неизбежна, но как надо к ней относиться: положительно ли и готовиться или отрицательно и бороться. Ответа на этот вопрос не было, насколько я понимал эту информацию.

Поэтому приходилось делать вывод, что этот вопрос остается вопросом, по которому последуют дальнейшие разъяснения.

Крыленко. Из допроса Громана, Гинзбурга, Берлацкого мы выяснили, что все встречи до этого момента, до поездки Петунина, все беседы, вся информация указывали на то, что в близком будущем подлежит разрешению вопрос о тактике?

Шер. Правильно.

Крыленко. Три вопроса висели в воздухе, требовали ответа. Во-первых, вопрос о дезорганизаторской работе, использовании хозяйственной связи, использовании ячеек в руководящих хозяйственных органах; во-вторых, вопрос об интервенции, где имеются разногласия, и, в-третьих, вопрос о самой базе, т. е. продолжать развивать, реставрировать старые формы организации или попытаться найти новые. На два вопроса он получил ответ, — мол, расширяйте, пожалуйста, ячейки, ведите такую работу, укрепляйте базу. Об этом говорит и Громан, и Гинзбург, и он. Директива ясная и четкая. По вопросу относительно содержания самой работы этих ячеек, о том, что дезорганизаторская работа, работа по использованию связей и положения в руководящих учреждениях равным образом должна быть поставлена, здесь тоже дана была точная и ясная директива. Ответ был получен.

Третий вопрос — вопрос об интервенции. Здесь все сообщают, что были разногласия, были споры, нужно было так или иначе решить этот вопрос. Спрашивается, Петунин по этому вопросу, по третьему вопросу привез ответ или нет?

Шер. Он не привез определенного решения, он все время оговаривался, что это не директива, и я понимал таким образом, что вопрос до сих пор не разрешен. Он был решен летом в 1928 г. с приездом Абрамовича. Я считаю, что

это дата решения вопроса для «Союзного бюро».

Крыленко. Значит, в этот момент вопрос был решен; а по информации Петунина вопрос не был решен, была лишь наметка на соответствующее решение?

Шер. На возможность соответствующего решения.

Крыленко. В области фактических сообщений Петунина подтверждаете ли вы указания на то, что вами была дана явка и пароль?

Шер. Подтверждаю.

Крыленко. Связь была вами дана или он сам искал?

Шер. Он искал через Шурыгина. Но тут связи не надо было. Я просто советовал повидаться с Даном, а Дана найти в Берлине не так трудно. Пароль был привезен Берлацким или Штерном — я не помню.

Крыленко. Относительно денег. Здесь была договоренность с вами?

Шер. Это результат вредительской директивы.

Крыленко. Это не было единственным способом получения денег?

Шер. Это была настолько случайная связь, что я в своих показаниях упустил ее из виду. Когда я подсчитал сумму денег, полученную «Союзным бюро», то я эти 20 тысяч, полученные от Петунина, упустил и указывал общую сумму в 480 тысяч рублей, хотя отметил, что в общем сумма была около полумиллиона рублей. Мне помнилось, что было около полумиллиона рублей получено, а эти 20.000 я упустил, поскольку это было случайное поступление средств.

Крыленко. Но эти 20.000 поступили для специальной цели, на оплату вредительской работы?

Шер. Правильно.

Крыленко. Кого оплачивать этими 20 тысячами вам приходилось?

Петунин. В дальнейшем были установлены принципы оплаты вредительской работы. По этим принципам оплачивалась только работа не-членов организации.

Крыленко. Не-членов меньшевистской партии, а остальных? Как они были использованы эти 20.000 рублей? Вы сами распределяли их или другое лицо?

Петунин. Эти 20.000 распределил я.

Крыленко. Кому и как?

Петунин. 6.000—Босяцкому, 6.000—Лапину — это не-члены организации. 2.000—Семенко, 4.000 — Лоторанскому — это члены организации. В моем представлении, по сведениям Некрасова, стояли лица, на которые опирались названные мною лица, вообще это второй этаж, который имел под собой третий.

Председатель. Почему вы изменили принципы оплаты за вредительскую работу, когда начали оплачивать членоз организации?

Петунин. Эти члены организации не имели права взять деньги себе, но они вели вредительскую работу не только своими силами, а и силами своих людей, и за сотрудничество платили.

Председатель. Они эти деньги получали для распределения дальше на периферию?

Петунин. Да, и, кроме того, на партийную работу.

Антонов-Саратовский. Это был первый задачок?

Петунин. По времени — это было первое получение.

Крыленко. Это было в ноябре 1927 г.?

Петунин. Нет, раньше.

Крыленко (Шеру). Он вам сообщил о поездке?

Шер. Сообщил мне, а потом «Союзному бюро» и, если я не ошибаюсь, и на пленуме «Союзного бюро».

Крыленко. Его поездка была решающей для организации «Союзного бюро» и в каком отношении?

Шер. Решающей в том смысле, что поставила «Союзное бюро» на путь вредительской работы.

Крыленко. Что послужило непосредственно толчком для образования самого бюро? Эта поездка или, сверх того, еще чья-либо поездка?

Шер. Я не помню этого вопроса.

Крыленко. Образование «Союзного бюро» в январе—феврале 1928 г. было результатом поездки Петунина или какого-нибудь указания и директивы из-за границы?

Шер. «Союзное бюро» образовалось в результате всей той предшествующей истории, которая на судебном следствии была изложена. Разумеется, не в результате директивы, которая была передана Петуниным, родилось «Союзное бюро». Рождение «Союзного бюро» происходило в течение 2-х лет. Тут нужно вести историю от Берлацкого и от тех предварительных указаний, которые он привез мне. Я являюсь инициатором образования «Союзного бюро» и в свое время полагал, что выполняю директиву союзной делегации, привезенную Берлацким, и осуществляю для того, чтобы создать центральную руководящую организацию меньшевиков. А поездка Петунина поставила точки над «и», над двумя из тех вопросов, о которых я говорил: социальная база остается та, которая наметилась в практической работе, и второе — мы приступаем к вредительской работе.

Крыленко. В этом содержании поездки Петунина?

Шер. Совершенно верно.

Крыленко. У меня больше вопросов нет.
Председатель. Подсудимые Шер и Петунин, садитесь.

Объявляется перерыв до 6 часов вечера.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ЗАЛКИНДА

Председатель. Заседание возобновляется.

Крыленко. Можно опросить Залкинда?

Председатель. Подсудимый Залкинд.

Крыленко. Будьте любезны сообщить о времени вашего вступления в инициативную группу, вообще в контрреволюционную социал-демократическую организацию и о вашей работе до 1928 г.

Залкинд. Мое включение в меньшевистскую работу в этот период шло по двум направлениям: с одной стороны, по линии саморганизации меньшевистских сил в самом Наркомторге, с другой стороны, — по линии включения меня в центральную инициативную группу, которая была образована фигурировавшей уже здесь тройкой, состоящей из Громана, Шера и Гинзбурга.

У нас в Наркомторге организация меньшевистских сил шла довольно своеобразным порядком, несколько отличным от организации меньшевистских сил в других экономических наркоматах, и, как мне кажется, это было результатом тех своеобразных условий, в которых в период нэпа протекала у нас организация товарооборота, в отличие от организации строительства других отраслей народного хозяйства.

Дело в том, что все основные элементы нэпа получили свое развитие практически, в сущности говоря, главным образом в товарообороте. И это совершенно было естественно и понятно, потому что советская власть застала в товарообороте разрушенную техническую базу, в то время как в промышленности техническая база все-таки сохранилась и речь шла о реконструкции этой технической базы; в области товарооборота приходилось говорить о создании вновь самой технической базы, о возобновлении самого товарного обращения, о возобновлении растерянных и уничтоженных рыночных связей в период империалистической и затем гражданской войн.

Поэтому, в сущности говоря, основные фритредеровские элементы новой экономической политики в первые два года нэпа получили основное развитие именно в применении к товарообороту.

Это обстоятельство для меньшевиков, работающих в Наркомторге, создавало в течение этого периода добавочные иллюзии о возможности перерождения новой экономической политики на капиталистических основаниях, потому что в первые 2—3 года в области товарооборота речь шла, главным образом, не о реконструкции, а о воссоздании, как я уже говорил, самой технической базы. Поэтому в первые 2—3 года работа наша в Наркомторге, в сущности говоря, ве-

лась совершенно согласованно с теми принципами, которые клялись в это время в основу политики товарооборота советским правительством, но зато мы быстрее других меньшевиков изжили наши меньшевистские иллюзии. В то время, как например, в области промышленности переход к реконструкции не был так резко замечен, потому что не было, я бы сказал, такого резкого спуска к фритредерству, как это было в области товарооборота, — мы первые в Наркомторге стали ощущать, что отступление кончилось и что начинается наступление. Мы начали это ощущать уже в 1925—26 году. Сделанный мной подсчет доли и силы частного капитала в Союзе в это время показал мне, что хотя в абсолютных размерах частный капитал продолжал увеличиваться — правда, уже в понижающихся темпах, — но относительно он стал уже падать. Затем целый ряд других признаков — например, усиление государственно-административного регулирования в области товарооборота, усиление планового начала в области распределения и т. д. и т. д., — нам, меньшевикам, работавшим в Наркомторге, показал этот поворот, знаменующийся уничтожением наших иллюзий. Но нам казалось, что даже и с большевистской точки зрения этот поворот происходил несколько рано. И вот на этой почве между меньшевиками, работавшими в Наркомторге, началось определенное сближение. Я, Якубович, который ведал тогда чрезвычайно важным оперативным управлением промтоваров, и затем его заместитель Рабинович, мы трое, владевшие довольно значительными кулаками в Наркомторге, собирались в кабинетах и делились впечатлениями по поводу тех новых направлений, которые мы стали замечать в области политики товарооборота. И вот эти совместные беседы привели нас к единодушной оценке и на этой почве началась самая организация меньшевистских сил. Мы тогда не оформились еще, как меньшевистская ячейка, просто потому, что мы не были связаны тогда с партией, как с таковой, у нас не было прямых связей, но уже внутри себя мы самоорганизовались на почве таких общих для нас меньшевистских оценок начавшегося наступления в области товарооборота. Это была одна линия — самоорганизация меньшевистских сил в Наркомторге.

Другая линия, с которой из меньшевиков Наркомторга я был связан уже один, шла по линии центральной тройки. Дело в том, что примерно в 1925—26 году мне по обязанностям своей службы пришлось стать одним из активнейших членов конъюнктурного совета в Госплане, руководимого Громаном. Так как в товарообороте сплетались все основные узлы экономической политики нэпа, то само собой по-

нятно, что конъюнктурный анализ был одним из основных и решающих моментов для оценки всей динамики народного хозяйства. Здесь, как в фокусе, обыкновенно уже происходило перекрещивание всех разнообразных стихийных сил и планов. Итоги товарооборота показывали, дает ли экономическая политика советской власти положительные или отрицательные результаты. Я в своих выступлениях в конъюнктурном совете не пошел в разрез с общими тенденциями последнего и после нескольких моих выступлений имел одну или две беседы с Громаном по поводу дальнейшей координации наших действий. Здесь я установил также полное единодушие в наших установках в области конъюнктурной оценки товарооборота. Это, следовательно, относится к концу 1925—26 г., к началу 1926—27 г. Я мыслю время хозяйственными годами, потому что наш экономический анализ идет в разрезе хозяйственным.

Крыленко. Следовательно, это вы отнесли к концу 1926 г., к началу 1927 г.

Залкинд. В сущности, к этому сводилась тогда основная установка в области товарооборота в тот момент. Я считаю целесообразным доложить о ней суду, так как это проливает свет уже по существу на оценку этой чрезвычайно важной отрасли народного хозяйства в тот период со стороны меньшевистских групп. Меньшевистские группы в этот период еще не организовались достаточно.

Так вот, первое и основное положение — это было единодушное наше признание рыночного равновесия, которое, как показало дальнейшее развитие советского товарооборота, в сущности являлось не прогрессивным методом развития товарооборота с точки зрения социалистических путей его развития, а скорее являлось регрессивным методом по отношению к советскому товарообороту. Это первое.

Второе — вопросы развития легкой индустрии, как следствие из теории рыночного равновесия. Дальше идут вопросы частного капитала, возможное сохранение и даже усиление позиции частного капитала в области товарооборота, затем сохранение рыночного метода товарооборота и возможное ограничение государственно-административного регулирования товарооборота. Наконец, в области сельского хозяйства — признание индивидуальной сельского хозяйства, как наилучшей хозяйственной формы, которая в тогдашних условиях советской России, с нашей точки зрения должна была дать максимальный эффект в области увеличения сельскохозяйственного производства и увеличения его товарности. И, наконец, вопросы политики сельскохозяйственных цен, здесь тоже между нами не было расхождения, мы стояли на точке зрения поднятия с. х. цен.

Крыленко. Конкретизируем. Итак, основные вопросы экономической политики, которые вас объединяли: политика цен в области сельского хозяйства в смысле поднятия цен, политика по отношению к легкой индустрии, сохранение рыночных форм, как главного регулирующего метода распределения, и затем покровительственная политика по отношению к частному капиталу. Это были моменты, на которых вы идеологически сошлись.

Залкинд. Да, идеологически сошлись и условились, что это будет той базой, теми идеями экономическими и социальными, которые будут проводиться в нашем конъюнктурном обзоре.

Крыленко. Кем?

Залкинд. Мною, в конъюнктуре того времени.

Крыленко. Значит, соответствующее конъюнктурное обоснование этой политики вами давалось в ваших выступлениях в конъюнктурных обзорах?

Залкинд. В моих выступлениях, а затем в общих докладах Громана, которые являлись вводными по отношению к частным выступлениям по народному хозяйству.

Крыленко. Обоснование этих выступлений или предложений целиком отвечало действительному положению вещей, как оно рисовалось в реальной хозяйственной жизни?

Залкинд. И в этот период нужно признать, что в наших конъюнктурных оценках был несомненно значительный элемент дезориентации советского общественного мнения в вопросах текущего хозяйственного развития.

Крыленко. Дезориентации?

Залкинд. В направлении преуменьшения сил государства.

Крыленко. А если сказать проще — был определенный момент подтасовки и фальсификации.

Залкинд. Да, вы правы. Тут было преувеличение затруднений и преуменьшение положительных достижений, но определенно должен подчеркнуть, что с моей точки зрения вредительские элементы в области наших конъюнктурных анализов все-таки целью своей имели не борьбу с совластью, как таковой, не борьбу с советским режимом в основном, а борьбу с советской линией, с тем, чтобы побудить советское правительство вернуться к тому периоду нэпа, который нас удовлетворял, т. е. к первому периоду нэпа.

Крыленко. Значит, эти методы составления конъюнктурных обзоров, которые вы характеризовали, имели целью не борьбу с совластью и низвержение ее или уничтожение, а изменение ее политики?

Залкинд. Да.

Крыленко. Эта тактика вами проводилась в результате ваших собственных установок или согласованно?

Залкинд. Я уже сказал, что у меня была одна или две беседы, в которых (хотя мы прямо не условились относительно совершенно организованных и каждый раз согласуемых полностью выступлений) мы наметили общие пути, которые не вносили бы дисгармонии в наши доклады. Собственно говоря, на этом была основана база нашей договоренности — избегать дисгармонии в наших докладах.

Крыленко. Чтобы не было разногласий?

Залкинд. Да, чтобы не было разногласия, которая хуже всего действует на тот объект, на который хочешь воздействовать.

Крыленко. Одним словом, чтобы не было разнобоя и чтобы был единый фронт?

Залкинд. Да, единый фронт. В дальнейшем это перешло и в более организованное соглашение, потому что через некоторый период времени я получил предложение от Громана вступить в качестве члена в инициативную меньшевистскую группу, в центральную меньшевистскую группу.

Как это произошло? Я точно не могу сейчас установить, когда это было, в конце ли 1926 года или в начале 1927 г., но во всяком случае не позже первой половины 1927 г., когда Громан сообщил мне об организации инициативной тройки, о задачах, которые она себе ставит, и о меньшевистском уже совершенно оформленном лице этой тройки. Он мог мне это прямо сказать, потому что, в сущности говоря, наши установки раньше тоже вполне совпадали. Он предложил мне вступить в состав этой инициативной группы, пополнив этим тройку. Я попросил время для размышления, сказал, что с моей стороны принципиальных возражений не встречается, но что я хотел бы посоветоваться со своими товарищами по Наркомторгу, так как у нас уже там существовала самоорганизация, поскольку мы уже сошлись на целом ряде политико-экономических установок. Между прочим, я ему тут же указал, что я рекомендую включить также в состав этой центральной группы и Якубовича, так как он ведает таким большим делом, как управление промтоварами. Он сказал, что этот вопрос будет обсужден, и действительно через несколько месяцев после меня в состав инициативной группы был включен также и Якубович.

В деятельности нашей наркомторговской ячейки я хотел отметить некоторые моменты...

Крыленко. Мы сейчас перейдем к наркомторговской ячейке, а пока зафиксируем, что этот момент характеризуется тем, что образовалась не тройка, а пятетка.

Залкинд. Даже шестерка, потому что Штерн тоже был включен в это время.

Крыленко. Товарищ председатель. Можно, в связи с этим, задать вопрос Громану?

Председатель. Пожалуйста.

Крыленко. Подсудимый Громан, вы слышали эту часть?

Громан. Слышал.

Крыленко. Подтверждаете ее в целом?

Громан. Да, подтверждаю.

Крыленко. Со всеми теми характеристиками, которые я делал?

Громан. Да.

Крыленко. Теперь, подсудимый Залкинд, перейдите к характеристике работы в Наркомторге.

Залкинд. То обстоятельство, что мы начали быстрее ощущать по сравнению с другими наркоматами и другими отраслями народного хозяйства начало наступления, привело к тому, что мы пришли к выводу о необходимости перехода к более активному вредительству ранее, чем это было сделано в других наркоматах. Тот факт, о котором я сейчас буду рассказывать, относится примерно к четвертому кварталу 1927 г., и, таким образом, он несколько опережает хронологически приезд Петунина из-за границы, откуда он привез соответствующие директивы. Был намечен переход от вредительства, выразившегося только еще в оппозиционных настроениях, к более активному вредительству, имеющему уже элементы дезорганизаторства. В чем же заключался тот факт, о котором я сейчас буду рассказывать? Мысль эта была нам подана Штерном, при чем в то время в Москве, в сущности говоря, из состава шестерки, которая в то время была, налицо было только четыре человека, а именно: Шер, Штерн, я и Якубович. Громан в то время уехал. Он был болен и уехал на 2—3 месяца лечиться. Гинзбург в то время, как мне помнится, был в заграничной командировке. По инициативе Штерна мы решили произвести опыт в области составления неправильных планов завоза промтоваров, пока только опыт, имея целью этим опытом добиться демонстрации следующего обстоятельства. Мы хотели показать советским правительственным органам, что усиление административных методов регулирования товарооборота приводит к отрицательным результатам. Этот опыт был произведен в небольшом размере, но дал соответствующий эффект и определенное отрицательное влияние на ход хлебозаготовок 1927/28 г. Между прочим, еще одна деталь: этот акт несколько опередил переход к такого рода тактике «Бюро», которая оформилась спустя 3—4 месяца после этого. Мы встретили затруднение с финансированием этого дела, и Якубовичу пришлось добывать через Штерна специальное финансирование на этот акт, каковое финансирование было проведено Шейном. Я хочу сделать из этого общий вывод, что вредительские тенденции, с

моей точки зрения, зародились и носились в меньшевистском воздухе не только за границей. Мне кажется, что здесь был встречный поток, что эти вредительские тенденции оформились также и у нас под влиянием нашего отношения к изменившемуся курсу советской политики в тот период и одновременно уже по ряду других причин они нашли плодотворную почву и возглавление в заграничном центре. Там были свои причины. Там был живой активный поток со стороны застоявшейся конюшни меньшевистского центра, с одной стороны, а с другой стороны, и активный «интерес» со стороны международного центра, который требовал таких действий.

Крыленко. Это четвертый квартал 1927 г.?

Залкинд. Да.

Крыленко. Составление контрольного плана вы рассматриваете как проведение первого сознательного вредительского акта, имевшего задачей не ослабление политики, а являвшегося искривлением ее, это должно было привести к определенному минусу в разрешении хлебозаготовительных заданий?

Залкинд. Который должен был привести к ущербу в области сельскохозяйственных заготовок, но в целях выпрямления в нашу сторону советской политики на данном участке народного хозяйства.

Крыленко. Это было сделано по инициативе Штерна?

Залкинд. Да, Штерна.

Крыленко. Может быть, кого-нибудь из живых?

Залкинд. Нет, была определенная инициатива Штерна. Думаю, что это подтвердят и другие участники.

Крыленко. В это время он за границей не был?

Залкинд. Может быть, после этого уехал. Не знаю, в какой период был здесь, но это была его инициатива и его идея. Это я должен подчеркнуть.

Крыленко. Вы это твердо устанавливаете?

Залкинд. Да.

Крыленко. А кто конкретно был исполнителем?

Залкинд. Наркомторговская ячейка—я, Якубович, Рабинович, ряд беспартийных участников, фамилии которых я полностью не могу назвать. Я думаю, что Якубович может по этому поводу более подробно рассказать.

Крыленко. Рабинович Константин?

Залкинд. Нет, Евгений Исаакович.

Крыленко. Вы говорите, что деньги вам пришлось специально добывать?

Залкинд. Да.

Крыленко. А на что?

Залкинд. На оплату беспартийных участников этого вредительского акта.

Крыленко. Кто добывал деньги?

Залкинд. Якубович через Штерна, а Штерн брал у Шейна.

Крыленко. Сколько?

Залкинд. Кажется, 15 тысяч.

Крыленко. А как было произведено распределение?

Залкинд. Не могу сказать. Распределение производил Якубович.

Крыленко. Для того, чтобы толкнуть непартийных членов вашей ячейки на такого рода деятельность, нужна была подготовительная работа?

Залкинд. Эта подготовительная работа, в сущности говоря, производилась еще до этого периода.

Поскольку в управлении товаров была довольно сильная меньшевистская головка, беспартийные специалисты, работавшие там, я бы сказал, были приручены уже до этого времени и с ними была, хотя и на словах, но достаточная солидарность в оценке линии экономической политики, в вопросах отношения к ней и т. д.

Крыленко. Машков входил?

Залкинд. Да.

Крыленко. К какой партии он принадлежал?

Залкинд. Беспартийный.

Крыленко. Он деньги получал?

Залкинд. Да.

Крыленко. А через кого?

Залкинд. В данном случае я сказать не могу.

Крыленко. Это шло через вас?

Залкинд. Через меня это не шло.

Крыленко. А когда вы стали этим заниматься?

Залкинд. Когда уже началось распределение средств «Союзного бюро», тогда это шло через меня.

Крыленко. Иоффе входил?

Залкинд. Иоффе был участником вредительской работы в области распределения товаров, но принимал ли он тогда участие — не знаю. Думаю, что принимал, потому что обойтись без представителя Текстильного синдиката было совершенно невозможно.

Крыленко. Скажите теперь, вы были осведомлены в то время уже от Громана или от кого-нибудь другого о наличии других ячеек в других учреждениях?

Залкинд. Я знал о существовании тех ячеек, о которых здесь упоминалось: знал о ячейке в Госплане, в Госбанке, правда, персонально не знал, кто именно входил, кроме Шера, и знал об организации ячейки в ВСНХ и в Центросоюзе.

Крыленко. Скажите, пожалуйста, а относительно заграничных связей вам было известно?

Залкинд. Было известно, потому что я был включен в шестерку или пятерку, из которой состояла инициативная группа. Меня информировали о тех формальных взаимоотношениях, которые существовали с заграничными меньшевистскими центрами. Поэтому я знал о поездке Берла-

кого за границу и знал, мне сказали, что предстоит поездка или уже поехал Петунин за границу. Но это уже было несколько позже.

Крыленко. Мы берем до 1 января. О поездке Берлацкого вы знали и о поездке Петунина также?

Залкинд. Я узнал, так сказать, задним числом, что поехал за границу Берлацкий и что в результате этой поездки он привез полномочия Шеру на представительство заграничных делегаций и на образование центральной организации здесь. А о поездке Петунина мне говорил Шер.

Крыленко. О поездке Громана и Гинзбурга вы не знали, поскольку это было в конце 1927 г.?

Залкинд. Да, поскольку эти поездки реальных результатов, результатов, я бы сказал, конституционного порядка, не имели.

Крыленко. Одним словом, эти две поездки не были организационными рычагами?

Залкинд. Да, это было больше в порядке информации, обмена впечатлений.

Крыленко. У вас лично по прошлой политической работе были тесные связи с основными деятелями заграничного центра?

Залкинд. С теми членами ЦК, которые к этому времени были за границей, я был сравнительно мало связан, потому что ЦК в период революции был, главным образом, в Ленинграде. В Москву он перекочевал только после Октября. Я был связан с московскими меньшевистскими деятелями и из этого состава я хорошо знал Югова, Далина, затем я достаточно знал Мартова, а как раз Абрамозича и Дана, как преимущественно ленинградских работников, я мало знал.

Крыленко. Теперь по следующему вопросу. Были ли обсуждения и в вашем присутствии, при вашем участии вопроса о том, на кого вы должны опираться в вашей работе, т.е. то, что мы называем в судебном следствии — обсуждение вопроса о социальной базе?

Залкинд. Этот вопрос, в сущности говоря, неоднократно обсуждался на предварительных совещаниях инициативной группы и окончательно он был оформлен на первом пленуме по специальному докладу по организационным вопросам, но, в сущности говоря, этот доклад оформил уже, я бы сказал, совершенно согласованную и установившуюся на этот счет точку зрения среди всех членов шестерки, и мнение наше было таково, что рассчитывать на рабочий класс мы можем только в будущем, в далеком будущем. Наша теперешняя единственная социальная база — это городская мелкая буржуазия, преимущественно служащие и интеллигенция.

Крыленко. Я этот вопрос ставлю затем, что мне важно выяснить вот что. Старые меньшевики, работавшие еще в пе-

риод борьбы с царизмом, люди, которые привыкли указывать на свое право представлять пролетариат, — не могли этого вопроса обойти. Но, спрашивается, отчетливо ли уже в это время в вашем представлении было сознание того, что вашей базой в советских условиях в этот период времени для этой работы не может быть рабочий класс?

Залкинд. Я могу сказать совершенно точно только о себе. Я к этому заключению пришел еще значительно ранее; с большим душевным прискорбием, но на основе фактов. Дело в том, что еще в период Октябрьской революции я, на основании объективных фактов, видел, что мы, меньшевики, уже в тот период утеряли социальную базу в рабочем классе.

Крыленко. Это верно. Мы не будем удаляться в историю. Тут вопрос к чему сводится? Важно сейчас выяснить вот этот факт — был ли он у нас установлен здесь, установлен в СССР на почве практической работы и отсюда перенесен за границу, или же он отсюда был вам подсказан, указан и т. д., или же это результат обоих факторов?

Залкинд. По поводу этой оценки, так же как и по поводу нарастания вредительских тенденций как определенного встречного потока, пришлось здесь стоять на почве фактов, а факты-то были здесь, внутри СССР, таковы, что мы были первыми свидетелями вот этого перерождения нашей социальной базы, а заграничные восприняли те факты, которые происходили внутри СССР.

Крыленко. Попыток с вашей стороны в этот период времени конкретной работы в области поисков другой базы не было?

Залкинд. Мы об этом все время гозорили.

При этом даже мы — часть наших, полагали, что возможно и имеются некоторые элементы рабочего класса, формально принадлежащие к рабочим, но социально по существу им чуждые, и мы можем на них опереться. Здесь речь шла как раз о тех новых слоях, которые в этот период входили в рабочий класс. Но мы решили, что, имея чрезвычайно ограниченные организационные силы, мы должны их направлять с максимальным эффектом. А этот максимальный эффект нам обещала работа в первую очередь среди служащих.

Крыленко. Конкретно попытки связаться или организовать, или узнать по крайней мере о существовании подпольной меньшевистской организации были или не были?

Залкинд. О таких попытках мне не известно, но попытки связаться с меньшевиками и рабочими были, например, из состава орггруппы Волков был специально выделен для того, чтобы установить связи со старыми меньшевиками-рабочими. Затем были некоторые попытки установить связи с участниками еврейского рабочего

движения, но эти попытки ни к чему не привели.

Крыленко. Это были только попытки, которые ни к чему не привели?

Залкинд. Они не дали, как мы и ожидали, результатов.

Крыленко. Это явилось некоторым теоретическим обоснованием этих неудач?

Залкинд. Созершенно верно.

Крыленко. Теперь, скажите, — организационно — оформление имело место в 1928 г., а вы вашу ячейку учредили в 1926 г.?

Залкинд. Наша ячейка явилась самоорганизующейся. Она еще партийно не была оформлена в виду отсутствия центра.

Крыленко. В вашем сообщении наиболее интересным является устанавливаемый вами факт о том, что конкретные шаги дезорганизаторской работы были проведены вашей группой до получения директив Петушина из-за границы в IV квартале 1927 г. при помощи Якубовича, вас и еще кого-то третьего, при помощи привлечения беспартийных, при помощи получения денег от Шейна. Откуда конкретно эти деньги идут, вы знали?

Залкинд. Мне было известно, что они идут от «Промпартии», но откуда конкретно, мне точно не было известно. Они шли через Штерна и через Якубовича.

Крыленко. У меня больше вопросов Залкинду нет. Разрешите перейти к Якубовичу.

Председатель. Подсудимый Якубович.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ЯКУБОВИЧА

Крыленко. Скажите, пожалуйста, подсудимый Якубович, о начале вашей партийно-политической работы. Каким годом это начало датируется? Я говорю о последнем времени.

Якубович. Оно относится к началу 1927 г.

Крыленко. А что вы делали в это время, где вы были?

Якубович. Я был в Наркомторге СССР начальником управления промтоварами.

Все изложенное обвиняемым Залкиндом в основном правильно, хотя в некоторых отдельных частях он, как мне кажется, забывал или передал недостаточно точно. Я буду поправлять его в тех частях, которые относятся лично ко мне. В данный момент я останавливаюсь на том вопросе, который вы поставили.

Я снова связался с социал-демократической партией, старым членом которой я был, не через Залкинда. Это верно, что мы с Залкиндом встречались и обменивались обыкновенно своими впечатлениями, мыслями по поводу нашей работы более или менее откровенно, но разговора с ним, который бы меня привлек к социал-демократической партии, я не помню. Более того, мне кажется, что Залкинд, не совсем ясно помнит то обстоятельство,

что я не знал о существовании социал-демократической меньшевистской группы до того, как он мне сказал. Я знал других людей, к которым я был гораздо ближе, чем к нему, не по своей служебной работе, а по своей старой партийной работе. Я имею в виду прежде всего Штерна и Шера, с которыми я больше был связан, чем с Залкиндом, и от которых я знал относительно той группы меньшевиков, которая начала складываться здесь в Москве, о которой рассказывал обвиняемый Шер.

Точно так же надо сказать, что вопрос относительно моего присоединения к социал-демократической партии был мною решен не с Залкиндом и не в таком порядке я был привлечен, что Залкинд возбуждал соответствующий вопрос перед инициативной группой. Вопрос этот был решен теми лицами, имена которых я называл.

Крыленко. А год какой?

Якубович. Этому присоединению предшествовал известный длительный процесс размышлений, сомнений и колебаний, но присоединился я в 1927 г., при чем я сначала участвовал в наркомторговской группе социал-демократов меньшевиков, не принимая в то время участия в работе центральной группы. Это относится к началу 1927 г., примерно к марту. В конце 1927 г., в октябре или ноябре, по предложению, исходившему от тех самых лиц, имена которых я называл, как своих старых товарищей и более или менее близких мне людей, по инициативе и по предложению их я вступил в состав той группы, которая называет себя центральной группой российской социал-демократической партии в Союзе.

Крыленко. Это относится к тому периоду. Теперь — практическая работа в тот период.

Якубович. Обвиняемый Залкинд дал совершенно правильную картину, хотя в некоторых отдельных деталях ему память несколько изменяет.

Прежде всего относительно первого акта, который я в своих показаниях называл и сейчас на суде повторяю, что это был вредительский акт. В то время те, которые его применяли, так на него не смотрели. Я хочу именно подчеркнуть, что когда мы сейчас рассматриваем все эти явления, то необходимо вспомнить, что в наших оценках имеются элементы известного ретроспективного взгляда.

Когда мы смотрим назад, то ряд оценок, которые мы даем, мы переносим из более позднего периода в более ранний. То, что мы называем вредительством, родилось не сразу и родилось не в порядке отдельных решений, которые созрели в голове одного человека или группы людей, и не пришло к нам из-за границы. Это складывалось постепенно и в головах отдельных исполнителей этих актов, и в головах членов партии, как тех

руководителей, которые сидели в Москве, так и тех, которые сидели в Берлине.

Здесь чрезвычайно правильно говорил обвиняемый Шер, который, характеризуя материалы, привезенные Берлацким, говорил, что была дискуссионная директива через Берлацкого. Я думаю, что обвиняемый Шер правильно сказал, что не было определенной директивы приступить к новой тактике, совершенно четко и отчетливо сформулированной, не было такого определенного предписания, а была дискуссионная директива, но директива, содержащая в себе ряд соображений, ряд мыслей, исходивших от заграничного центрального аппарата, не мыслей отдельных частных лиц, а мыслей, которые имеют значение известного рода директивы, и они были поняты в том смысле, что нельзя сейчас, что еще преждевременно переходить к развернутой новой тактике, к применению новых приемов политической борьбы, но что во всяком случае известные шаги в этом направлении предпринять следует.

Здесь правильно говорил обвиняемый Залкинд, когда он характеризовал все эти явления, как более сложные. Я хочу указать, что весь процесс перехода к новой тактике — это весьма сложное явление. Здесь было участие и заграничных работников и работников Союза.

Но я хочу подчеркнуть, что самый первый опыт, к которому было приступлено, самые первые шаги новой тактики, которые были сделаны, были сделаны только тогда, когда создалась уверенность в том, что эти шаги не расходятся с точкой зрения заграничного центра, а с ней созпадают, что эти шаги являются выполнением если не формально написанной директивы, то директивы, которая по существу передается как мысль, которая лежит в основе фактической директивы, фактического решения заграничного центра. И именно одним из этих первых опытов и был переход к новой тактике, к новым методам политической борьбы. И вот тут возникает другое обстоятельство, о котором сказал обвиняемый Громан и которое развил дальше обвиняемый Залкинд, а именно о характере той работы, которую они проводили в конъюнктурном совете.

Там по существу перед ними стояла задача составления докладов, а не составления определенных планов распределения или завоза промтоваров. Эта работа, более экономического порядка, также является предтечей той тактики, к которой мы перешли. В этой обстановке мы действительно и подошли к первому опыту новой тактики.

Правильно говорил обвиняемый Залкинд, что инициатива эта принадлежала покойному Александру Борисовичу Штерну. Однако, я считаю, что это не совсем точно, во всяком случае он недостаточно развернуто ответил на ваш вопрос, когда

вы ему поставили вопрос, что Штерн был инициатором этого дела. Я считаю, что так ответить нельзя было. Вероятно, обвиняемый Залкинд не был достаточно в курсе этих разговоров. Гораздо больше вел их со Штерном я, нежели он. Я считаю, что непосредственная инициатива нашего соучастия, Залкинда и моего, была инициативой Штерна. Совершенно правильно. Но не Штерн сам это выдумал, а он действовал на основании той дискуссионной директивы, которую имел Шер, на основании тех указаний, тех мыслей, которые шли из берлинского центра и которые ему были известны не только через Берлацкого, но и благодаря непосредственному соприкосновению в Берлине, из бесед с заграничными работниками и другими лицами заграничного бюро центра меньшевиков.

Крыленко. Штерн чаще других имел возможность встречаться?

Якубович. Я боюсь категорически сказать, но думаю, что чаще других потому, что по состоянию своего здоровья ему приходилось неоднократно ездить за границу летиться. Я только не берусь сказать о годах.

Крыленко. Из показаний видно, что он ездил каждый год.

Якубович. Я боюсь сказать, что каждый год, но во всяком случае ездил несколько раз за границу и бывал там более продолжительный срок, чем другие. Как сегодня утром отмечал обвиняемый Громан, пребывание Штерна было всегда более продолжительным в Германии и давало ему возможность гораздо более долгое время соприкасаться с руководителями берлинского меньшевистского центра и детально выяснять все вопросы, которые интересовали московский центр.

Крыленко. Конкретно в чем выражался этот шаг и каковы были его результаты?

Якубович. Здесь обвиняемый Залкинд уже указал, что это сводилось к тому, чтобы при составлении плана распределения промтоваров, который распределялся не на все промтовары, а преимущественно на главнейшие виды товаров, применять метод тенденциозный, т.е. составить таким образом, чтобы подчеркнуть те диспропорции, которые имелись в нашем народном хозяйстве, в товарообороте. Но я здесь должен внести существенную поправку в то понимание, которое было дано обвиняемым Залкиндом, поскольку он участвовал в этом деле не непосредственно, а скорее сбоку, как конъюнктурщик. Он не запоминал прямой цели. Это не преследовало цели срыва хлебозаготовок. Напротив, если рассматривать построение этого плана, то план был построен с перегибом в сторону переснабжения хлебозаготовительных районов и недоснабжения ряда районов, в первую очередь городских и промышленных. Целью представлялось, с одной стороны, срыв хлебозаготовок, а с дру-

той стороны, нарушение рыночного равновесия, так как в своих построениях наши товарищи теоретики исходили из теории рыночного равновесия. Они думали, что этого нужно достигнуть путем развития легкой индустрии. Не только легкая индустрия была методом, который применялся советским правительством в первые годы нэпа и за который мы держались, применялся еще импорт готовых товаров заграничного производства. Этот импорт несколько раз производился именно в таких условиях, когда обнаруживалась диспропорция, отсутствие рыночного равновесия. Когда в ходе хлебозаготовок не хватало товаров для хлебозаготовительных районов для того, чтобы выкачать все деньги из населения этих районов, несколько раз производился импорт, который у ответственных советских работников назывался Сокольниковским или Фрумкинским, в зависимости от того, кто был докладчиком в Совете Народных Комиссаров по этому вопросу. Наша мысль сводилась к тому, чтобы предложить импорт готовых изделий, поскольку легкая промышленность недостаточно развивалась, объем продукции не соответствовал спросу, который имелся в стране, платежному спросу, покрываемому наличием денежных знаков у населения. Имелось в виду добиться дополнительного импорта. Когда стали этого добиваться, пражительство не было склонно к этому. И здесь мы думали, что недоснабжение городов, оголение городов станет настолько кричащим фактом, что когда этот вопрос будет обсуждаться правительством, то оно вынуждено будет перейти к импорту готовых товаров, во-первых, а во-вторых, все усилия будут направлены в сторону развития легкой индустрии в полном соответствии с конъюнктурой.

Крыленко. Во всяком случае эта политика имела прямой целью изменение политики правительства.

Якубович. Совершенно верно.

Крыленко. И это изменение политики вами производилось сознательно?

Якубович. Да.

Крыленко. И говорить о том, что это было добросовестное исполнение тех указаний, которые были даны — неверно?

Якубович. Совершенно правильно.

Крыленко. Еще более уточню — это было сознательное извращение советской политики?

Якубович. Правильно.

Я это называл в своих показаниях со всей остротой — вредительством.

Крыленко. А конкретные результаты?

Якубович. Конкретные результаты были следующие: в хлебозаготовительных районах обнаружилось, по крайней мере, в ряде районов, затоваривание, которое в некоторых районах приняло кричащие формы. Например, в таком районе, как Крым, это приняло такой характер, что был издан специальный циркуляр, вернее

распоряжение, которое носило как будто бы безобидное название: «Об отмене норм при продаже промтоваров населению». Но эти нормы были не те нормы, которые применялись за последние годы. В то время частные торговцы на селе фактически скупали весь товар. Это и вызвало дачу этого распоряжения.

Крыленко. Фактически это привело к усилению частнокапиталистического сектора?

Якубович. Да, в ряде районов.

Крыленко. Этот метод усиления частного рынка за счет государственных фондов имел место в 1927 г.?

Якубович. Да.

Крыленко. Это был первый акт, который был проведен вашей группой по своей инициативе?

Якубович. Так, как я рассказывал, — по инициативе данной группы, в соответствии...

Крыленко. В соответствии с теми директивами, которые вы получали в результате заграничных указаний?

Якубович. Совершенно правильно.

Крыленко. Это было сознательное усиление развития нэпа?

Якубович. Правильно.

Крыленко. И затем это была до известной степени попытка реализации или проведения в жизнь платформы 1924 г.?

Якубович. Да.

Крыленко. Эти акты были единичными или вам еще известно о таких попытках в других учреждениях? Мы констатировали уже две области: конъюнктурный совет, где создавалось непосредственное представление о действительном положении экономики народного хозяйства — раз. Конкретная работа в области Наркомторга в IV квартале, в результате которой усиление частного сектора и срыв правительственной политики — два. А еще что вам было известно?

Якубович. В тесной связи с тем, о чем я рассказывал суду, были мероприятия, которые проводились по линии кредитной системы и потребителю кооперации. То, о чем я говорю, нельзя было провести вопреки потребкооперации. Это можно было провести только при ее некотором содействии и, по возможности, активном содействии. С другой стороны, это тесно соприкасалось с финансированием всего товарооборота. В частности эти операции по усилению завоза товаров в определенные районы вызвали потребность пересмотра кредитных планов. Если бы кредитные планы не были пересмотрены, то это могло вызвать и впоследствии вызвало (только не в IV квартале, а в следующем) расстройство в товарообороте, которое приводило к необходимости дополнительного кредитования за счет увеличения эмиссии, т.е. толкало на путь инфляции.

Крыленко. Вы работали в качестве управляющего в управлении промтоваров?

Якубович. Да, я работал там до февраля 1928 г.

Крыленко. А затем?

Якубович. Затем я перешел в экономическое управление Наркомторга как заместитель и работал в области организации торговли.

Крыленко. Торговая организация, организация торговой сети. Так что от этой работы по распределению товаров практически, непосредственно оперативно вы отошли?

Якубович. Да, в феврале 1928 г. отошел.

Крыленко. А в Наркомторге вы до каких пор продолжали работать — до ареста?

Якубович. Нет, не совсем. Я был арестован 18 августа, а ушел 8-го августа в результате постановления комиссии по чистке.

Крыленко. В этой части вашей работы в Наркомторге получили ли вы какую-нибудь группу лиц, на которую можно было опереться, или это была та же самая наркомторговская ячейка?

Якубович. В данном случае не совсем правильно, очень упрощенно ставят вопрос те, которые говорят о том, что та или иная меньшевистская ячейка проводила то или иное мероприятие. Конечно, меньшевистские ячейки играли тут огромную роль, они были насыщены этой самой идеологией, идеологией, которая постепенно выкристаллизовалась во вредительскую идеологию, они были ее носителями, и вокруг этих ячеек консолидировались силы, но ячейки, как таковые, никогда не руководили и не могли руководить вредительской деятельностью. Здесь нужны были лица, и это видно из того, что в зависимости от степени влияния того или иного лица, принадлежало ли оно к меньшевистской партии или нет, было и влияние меньшевистской ячейки на непосредственное вредительство. Мы знаем, что влияние партии было велико, но непосредственно она не руководила, а руководила в том случае, если один из участников тройки обладал известной суммой прав в Наркомторге. Так что в тех случаях, когда не стоит во главе меньшевик, тут выступает на первый план руководство со стороны лиц, не принадлежащих к партии. Тут приходится уже говорить о вредительской организации, о том, что организация группируется в том или ином случае или вокруг меньшевистской ячейки, если она непосредственно руководит и во главе стоит один из ее состава, или же вокруг какого-нибудь другого лица, не входящего в партию. Но неправильно говорили на предварительном следствии некоторые, когда рисовали дело таким образом, что вредительская организация это нечто вроде партии, — там дело происходит с заседаниями, постановлениями, с протоколами. Ничего подобного не было, по

крайней мере я не видал таких случаев. Одно лицо, которое брало на себя проведение определенных мероприятий в том-ли виде, как я рассказывал суду, или в том виде, как впоследствии уже оказалось на деле во вредительской организации, — в том и другом случае руководящее лицо привлекало одного-двух-трех сотрудников, когда это было нужно, в разных комбинациях. Иногда количество участников во вредительской организации было большое, но никогда они вместе не собирались, ни одного заседания не происходило.

Крыленко. Это нам известно из других дел. Теперь по отношению связи с Шейном. В этом случае, в области финансирования, что вам известно?

Якубович. Я точно боюсь сказать, потому что порядочно времени протекло, но мне кажется, что это было к концу четвертого квартала. Попробовали мы начать эту работу без всякого финансирования, попробовали начать в виду благоприятных условий, которые имелись налицо в Наркомторге, при моем положении в Наркомторге и при том авторитете, который я имел, а также и при том положении, что вокруг меня был ряд сотрудников, принадлежащих к социал-демократической партии, которые готовы были без всякого корыстного интереса принять в этом участие. Затем некоторые беспартийные были вовлечены к участию в этом акте, который не носил, как я вам рассказываю, открытого, яркого вредительского характера, а по смыслу был вредительским, — мы их решили привлечь к участию в этом акте в бесплатном порядке. Началось это дело без специального финансирования. Но по мере того, как это дело начало развиваться, выяснилось, что без финансирования вести его нельзя, выяснилось, что ряд сотрудников, которые были необходимы для участия в проведении этих мероприятий, — их невозможно привлечь без специальной заинтересованности в этом деле и что они представляют весьма ненадежный элемент. Тогда встал вопрос о том, что нужно финансировать. Этот вопрос я ставил перед Штерном, который предварительно ставил передо мной эту задачу. Штерн указывал, что, конечно, предварительно этот вопрос должен быть разрешен, но что придется пойти по пути кустарного разрешения этого вопроса и что он изыщет небольшую сумму для этой цели. По этому поводу он через некоторое время совершенно конкретно указал, что договорился с Шейном, который обещал предоставить некоторую сумму из средств, которыми располагает инженерский центр. Речь шла о 15 тысячах. Штерн договаривался об этой сумме, но фактически была получена несколько меньшая сумма. Я вспоминаю, что в первоначальных показаниях я точно установил, что было получено 10.500 рублей.

Крыленко. Деньги были получены кем от Шейна?

Якубович. Мною.

Крыленко. И вами непосредственно или при помощи кого-либо они были распределены?

Якубович. Я воспользовался помощью профессора Машкова, заведующего плановым отделом. Не для того, чтобы уменьшить свою вину в этом деле, но я должен сказать, что я тяготился необходимостью говорить о деньгах, распределять эти деньги, поскольку люди знали меня как социал-демократа, как политического деятеля. Им было приятнее разговаривать с лицом беспартийным, с которым у них была психологическая общность. Все деньги мною были переданы профессору Машкову, который их непосредственно распределил между участниками.

Крыленко. Связь с Шейном для вас была ясна, как связь с инженерным центром? Вам было известно о существовании инженерного центра?

Якубович. Я о нем узнал позднее. Сейчас трудно сказать когда, потому что очень много наслоилося последующих впечатлений. Я узнал о том, что существует инженерский центр в том смысле, в котором я его понимал несколько позднее. К этому времени я об этом не знал. Но во всяком случае о том, что эти средства исходят из мутного источника, я, если не знал, то обязан был догадываться. Я ведь не младенец, а политический деятель.

Крыленко. Для вас было ясно, что Штерн достал деньги у Шейна?

Якубович. Да.

Крыленко. Для вас было ясно, что поскольку деньги прямо идут на оплату контрреволюционной работы, то эти деньги идут из определенного источника?

Якубович. Да.

Крыленко. У вас по работе, по Наркомторгу связь с Центросоюзом в этот момент была? Вы знали о существовании в Центросоюзе ячейки?

Якубович. Знал. Я не могу сказать, к какому точно моменту относится организация действительной связи, потому что здесь может быть некоторая аберрация во времени. Я не могу точно установить, к какому моменту относится мое посещение Петунина и включение Петунина. Я здесь могу очень легко ошибиться, тем более, что деятельность, о которой я рассказывал, развивалась постепенно, даже в товарном разрезе. Она началась с текстиля, потом перешла на металл, потом на кожу. Я не помню, по какому квартальному плану она началась разворачиваться. Я не скажу, с какого момента вошли в работу центросоюзские работники. Но во всяком случае, кроме наркомторговских работников, здесь участвовали работники из Наркомторга РСФСР, из Текстильсиндиката, а затем из Цен-

тросоюза. Первая связь с работниками Центросоюза была установлена через Петунина, а может через Машкова, — я вспомнить точно не могу.

Крыленко. Сроки вам неизвестны?

Якубович. Я точно сейчас не припомню. Во всяком случае здесь имеются элементы ретроспективности, о которых трудно вспомнить.

Крыленко. Относительно поездки за границу Петунина и о результатах этой поездки вы были осведомлены?

Якубович. Да.

Крыленко. А относительно поездки других?

Якубович. То же самое.

Крыленко. К какому периоду относится ваше вступление в центр руководящей группы?

Якубович. К октябрю или ноябрю 1927 года.

Крыленко. Вы когда видели Залкина и Громана?

Якубович. Я знал семь человек: Громана, Шера, Гинзбурга, Штерна, Соколовского, Петунина и Залкина.

Председатель. Подсудимый Якубович, садитесь.

Подсудимый Волков.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ВОЛКОВА

Крыленко. Что бы не повторяться, я прошу только коротенько сказать дату вашего вступления в меньшевистскую ячейку и дату вашего вступления в руководящую группу и были ли вы осведомлены о заграничных связях. Вот три вопроса, которые меня интересуют.

Волков. Я вступил в ячейку и «Союзное бюро», примерно, в одно и то же время.

Это было приблизительно в 1928 г. В конце 1928 г. я переживал известный перелом. В этот период со мною вели переговоры по поводу моего вступления, с одной стороны, Штерн, а с другой стороны — Гинзбург, о чем он здесь говорил. Так что к моменту их разговора со мной я уже достаточно этот вопрос передумал для себя и решил, но все-таки формально мое вступление относится в 1928 г.

Крыленко. Приблизительно в одно время?

Волков. Разница была в один или два месяца.

Крыленко. Кто работал в ячейке и на периферии?

Волков. Штерн, Гинзбург, Соколовский.

Крыленко. По ВСНХ?

Волков. Да.

Крыленко. Кто конкретно включил вас?

Волков. Формально Штерн ввел в «Союзное бюро».

Крыленко. А в ячейку?

Волков. Штерн, который являлся моим непосредственным начальником, но одновременно я вел разговоры и с Гинзбургом, так что точно сказать кто — я ва-

трудняюсь, тем более, что формальной записи не было. Оба в достаточной степени работали. Я считаю, что формально ввел в «Союзное бюро» Штерна.

Крыленко. Кем вы были по должности?

Волков. Я был экономистом в секторе финансовой политики ВСНХ.

Крыленко. Вам приходилось участвовать в работе по составлению планов, обзоров и т. п.?

Волков. Да, я работал по составлению, главным образом, годовых планов, контрольных цифр по машиностроительной отрасли.

Крыленко. Касающейся металла, машиностроения?

Волков. Главным образом машиностроения в этот период.

Крыленко. С кем вы сталкивались?

Волков. Там я сталкивался с начальником Главного управления Глубовским и Фоминим.

Крыленко. Вам неизвестен был кто-либо из деятелей «Промпартии»?

Волков. В то время не было никого потому, что те лица инженерного персонала, которые вели плановую работу, в это время не работали в Главмашстрое. Они вели свою работу в Главметалле — Жданов, Кочин и проч. Так что в этот период по плановой работе такого рода инженеров я не знаю.

Крыленко. Вам все эти установки и история сношений с заграницей, история развития этой новой тактики (вы слышали эти показания) были известны?

Волков. В момент моего вступления все это было мне достаточно известно. Я с этим познакомился тогда, когда вошел в работу. Я знал, что до «Союзного бюро» работала инициативная тройка, что до нее работал Шер в качестве уполномоченного, все это я знал от Штерна.

Крыленко. Когда вы сами формально отошли от РСДРП в прежний период?

Волков. В 1920 году.

Крыленко. А затем снова вошли?

Волков. В конце 1927 г. я пришел к выводу о необходимости вновь вступить в организацию и начать активно работать.

Крыленко. Первое ваше вступление относится к какому году?

Волков. К 1905 году я вступил в социал-демократическую организацию и в 1902 г. — в эсеровскую. Я тогда просто находился в эсеровских кружках, будучи достаточно молодым, не совсем сознательным. Это относится к моей юности, мне тогда было 18 лет.

Крыленко. Вы работали раньше на заводе?

Волков. Да, я работал на Путиловском заводе.

Крыленко. И в то время?

Волков. Да.

Крыленко. В период революции вы тоже были на заводе?

Волков. Перед революцией тоже, но

очень немного работал на заводе. В 1910 г. я был секретарем союза металлистов и, преследуемый за эту работу, вынужден был уехать в Сибирь, где и занялся работой сначала в управлении, потом в кооперации. Затем, вернувшись в 1916 году, я снова работал на питерских заводах. Перед самой февральской революцией я был уволен с завода.

Крыленко. Чем объясняется ваше включение в центральную группу?

Волков. Здесь об этом уже говорили. Я думаю, что основная мысль инициаторов при включении меня в группу заключалась в том, что руководители и деятели организации желали через меня связаться с бывшими рабочими-меньшевиками. Поэтому, когда я вошел в «Союзное бюро», то меня включили в орггруппу и, по предложению Штерна, а отчасти Гинзбурга, возложили на меня обязанность собирать бывших рабочих меньшевиков, агитировать их, втягивать.

Крыленко. Включение вас имело целью организовать работу среди бывших рабочих-меньшевиков?

Волков. Я не могу этого точно сказать. Я так думаю. Мне этого не говорили. Мотивы моего вступления объяснялись лично мною тем, что я в то время считал необходимым приступить к активной работе в организации.

Крыленко. Почему у вас в этот период создалось такое антисоветское настроение, почему оно у вас сохранялось все время, чем оно акцентировалось в это время, чем объясняется это оживление антисоветского меньшевистского настроения?

Волков. Я работал в промышленности в период 1925/1926 г., когда она пережила некоторый кризис и, как мне казалось, одна из причин этого кризиса заключалась в недостаточном развитии илэпа, в отсутствии сырья и т. д. Так что мне казалось необходимым в этот период развернуть шире илэп, тем более, что я надеялся, что развитие илэпа приведет к ликвидации тех коммунистических преобразований, которые советская власть в то время проводила. Вместо этого как раз получилось наоборот. Это конечно сильно обострило мое личное отношение к политике советской власти.

Крыленко. Скажите, у вас резкое антисоветское настроение было в 1927 году, а до этого момента в период с 1920 по 1927 г.г.?

Волков. До этого момента такой резкости не было. Дело в том, что до илэпа, когда я отошел от организации, меньшевистский ЦК мобилизовал на активную борьбу с Колчаком и Деникиным всех своих членов. Я надеялся и предполагал, что это приведет к некоторому сближению и смягчению между большевиками и меньшевиками на почве общей защиты. Но этого не получилось. Как известно, в 1921 году произошел окончательный

разгром меньшевистских организаций. В это время я совершенно отошел от организации. Я не могу сказать, что я окончательно переменялся за этот период времени, но от работы я окончательно отошел.

Крыленко. А как вы относились в этот период к той политике, которую проводила советская власть и коммунистическая партия?

Волков. Трудно сказать. Если считать по некоторым вопросам, например, мое отношение к нэпу, то оно пожалуй будет таким, какое было у официальной меньшевистской организации. Это в отношении нэпа.

Что касается других вопросов, то в этот момент я был недостаточно в курсе всех вопросов, просто не следил и поэтому не знаю, какие изгибы получала меньшевистская практика и тактика за период 1923, 1924 и 1925 гг.

Крыленко. Вы вошли в орггруппу?

Волков. Да.

Крыленко. Вместе со Штерном?

Волков. Да.

Крыленко. У меня больше вопросов нет.
Председатель. Удалось вам организовать ячейки, помимо ячейки ВСНХ, в других хозяйственных организациях?

Волков. Я не был призван для того, чтобы организовывать ячейки. Я уже говорил, что моя основная задача заключалась в собирании бывших рабочих-меньшевиков, где бы они ни работали и независимо от того, в какие ячейки они входили, с ними устанавливал связь. Я был инициатором, который объединял их в одну ячейку.

Председатель. А каких успехов вы достигли в этом отношении?

Волков. Успехи я имел небольшие. 1928 г. вообще мне ничего не дал. Я только в 1929 г. по существу привлек нескольких бывших рабочих, которые, в свою очередь, привлекали других, в частности Гвоздева К. А. весной 1928 г., дальше он сам работал и привлекал бывших меньшевиков-рабочих, Кузьмина и других.

Антонов-Саратовский. Вы являлись организатором рабочих-меньшевиков?

Волков. Нет, я собирался объединить их вокруг себя, а на местах они должны были входить в свои ячейки.

Антонов-Саратовский. Они должны были входить в ячейки?

Волков. Да, если они работали в учреждении, то входили в ячейку учреждения, и обслуживались в общем порядке. Я параллельно имел сношения с ними, как бывшими меньшевиками, и должен был их интересам, как бывших меньшевиков, дать выход в этом направлении.

Председатель. У вас непосредственной задачи не было организовать ячейки на предприятиях?

Волков. Я с трудом извлек немного рабочих бывших меньшевиков, а где уж тут

до организации на предприятиях! Я не знаю даже, есть ли на предприятиях бывшие меньшевики.

Председатель. Но попытка у вас была?

Волков. За себя могу сказать, что связи с рабочими на предприятиях у меня не было и подступиться к ним чрезвычайно трудно.

Председатель. Даже несмотря на ваши знакомства в прошлом, рабочих вы не могли организовывать?

Волков. Нет. Я год проработал, набрал 5—6 меньшевиков, которые согласились работать.

Председатель. Это были старые меньшевики?

Волков. Да.

Председатель. А новых членов из рабочих вы не завербовали?

Волков. Нет.

Муранов. Вы говорили, что у вас нашлось 5—6 меньшевиков из старых рабочих. А в каком направлении вы ставили перед ними совместную работу?

Волков. В направлении общепартийном.

Муранов. Конкретно, вы им рассказали, что нужно заниматься вредительством или интервенцией? Вы, когда их завербовали, сказали им, что они должны заниматься вредительством?

Волков. Я сразу с этого не начинал, и со мной об этом сразу не говорили.

Муранов. Вы сами знали, что нужно вредить, и для чего их завербовали?

Волков. В процессе разговоров я ставил эти вопросы о вредительстве, интервенции, но не с такой остротой, с которой стали эти вопросы передо мной. Я не заострял на этом внимания.

Муранов. Не организация же ради организации?

Волков. Сначала задачей было собирать силы, а затем были поставлены перед ними все другие задачи, как интервенция, дезорганизация, вредительство. Но в части вредительства эти бывшие меньшевики мало могли что сделать, они занимают очень небольшое ответственное место.

Муранов. Можно быть на небольшом месте и навредить. Стрелочник переведет стрелку не туда куда нужно: поезд разобьется и будут человеческие жертвы.

Волков. Это, конечно, правильно.

Муранов. У меня больше вопросов к подсудимому Волкову нет.

Председатель. Еще вопросы к подсудимому Волкову есть? (Нет).

Крыленко. Можно просить вызвать Соколовского?

Председатель. Подсудимый Соколовский.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО СОКОЛОВСКОГО

Крыленко. Будьте любезны — дата вашего вступления в ячейку и в организацию?

Соколовский. Я вступил примерно в сентябре—октябре 1927 г. в ячейку ВСНХ.

Крыленко. Кто вовлек вас, с кем вы говорили, о чем?

Соколовский. Вовлекли меня в ячейку Гинзбург и Штерн. Я с ними был связан личной дружбой и, кроме того, у нас были тесные служебные связи. Нам часто приходилось обмениваться мнениями по разнообразным проблемам промышленного порядка, и в процессе обмена мнениями по этим вопросам они меня вовлекли. Таким образом, я попал в ряды меньшевистской группировки. До этого времени я в какой-либо организации не состоял, но, как я уже говорил раньше, я был членом ЦК объединенной еврейской социалистической рабочей партии с 1903 года. Поэтому для меня вступление в ряды меньшевистской организации РСДРП было известной идеологической революцией или поворотом.

Крыленко. Повторите, пожалуйста, членом какой партии вы были раньше?

Соколовский. Я был членом объединенной еврейской социалистической рабочей партии, которая в своем подавляющем большинстве в 1920 г. перешла в ряды коммунистической партии. Осталась лишь небольшая группа лиц, в том числе и я, которые не перешли, и вот с 1920 по 1927 год я ни к какой партии не принадлежал и не имел организационных связей ни с меньшевиками, ни с коммунистами, а занимался лишь вопросами экономики. В 1927 г., повторяю, я был вовлечен Штерном и Гинзбургом в ВСНХовскую меньшевистскую ячейку.

Крыленко. Как рисовалась в этот момент программа и тактика, что нужно было делать, зачем создавать...

Соколовский. Я считаю, что мое вступление являлось не единоличным, а отражало известные процессы, которые в это время происходили в социалистической интеллигенции, находившейся вне коммунистических рядов. Перелом начался с переходом в реконструктивный период. В восстановительный период, когда были надежды на то, что начало нэпа, начало, так сказать, капитализма означает, что советская власть постепенно вступает на путь экономического реализма, были надежды, что советская власть откажется от своей утопической экономической политики, тогда, мне казалось, в рядах этой интеллигенции ярко выраженных оппозиционных настроений в отношении советской власти не было. Интеллигенция эта более или менее добросовестно сотрудничала с советской властью в деле восстановления всего народного хозяйства. С переходом же в реконструктивный период, который, собственно, воплощает новый крутой поворот экономической политики и означает уже начало наступления (это видно было в 1926—1927 г.) на частнокапиталистические элементы, началось форсированное расширение сферы

социалистических отношений, началась ликвидация нэповской политики в деревне, — вот все эти моменты привели меня, как и большинство тех товарищей, с которыми я потом образовал ячейку, к убеждению или к мнению о том, что меньшевики в своей оценке, — что утопическая политика ВКП(б) ведет к безвыходным экономическим катастрофам, к резкому повороту и к неизбежному подрыву производительных сил страны, — были правы, что неизбежен разгром всех завоеваний революции, — это было убеждение, или, я бы сказал, первоначально это была полная растерянность, дезориентация, неподготовленность социалистической интеллигенции к восприятию реконструктивного периода, который, собственно, означал яркое выражение социалистической политики. В восстановительный период мы отошли, — т.-е. я говорю о тех, которые со мною вместе переживали все эти процессы, — мы отошли от меньшевистской идеологии, от того, что говорили все эти мрачные прогнозы, все эти мрачные предсказания меньшевиков о том, что большевикам не удастся восстановить народное хозяйство до довоенных размеров, что все это потерпело полное крушение, ибо надо сказать, что еще в 1918—19 г. идеолог и представитель течения международной социал-демократии, один из самых крупных теоретиков — Каутский — развивал эту мысль о том, что не удастся большевикам восстановить народное хозяйство до довоенных размеров в условиях диктатуры, — и эта мысль была полностью без всякой критики воспринята меньшевиками, это была самая распространенная идея, которая получила подтверждение в том документе, который вы сегодня цитировали — в платформе 1924 г. Эта мысль потерпела полное крушение, и мы, я считаю, добросовестно и дружно шли вместе с советской властью в деле восстановления народного хозяйства и в деле внедрения известных социалистических отношений, выражавшихся в национализации большей части промышленных предприятий, в национализации транспорта и в овладении известными командными высотами. Но когда дело перешло в реконструктивный период, когда началась социалистическая реконструкция, то тогда ожили меньшевистские опасения и экономические и политические.

Надо вам сказать, что ведь меньшевики (я говорю об этом потому, что меня преследовала эта мысль все время и она меня, пожалуй, толкнула к возвращению в ряды меньшевистской группы) были преследуемы все время, как тенью неотступно и неотвязно, призраком бонапартизма. Большевики все время утверждали, что союз между пролетариатом и крестьянством должен будет рухнуть, ибо после аграрной революции крестьяне уже не будут заинтересованы в союзе с пролета-

риатом, который являлся их главным союзником и авангардом в период аграрной революции. Большевики считали, что та политика, которая ведется в отношении деревни, в области неэквивалентного обмена, непосильных налогов, коллективизации и т. д.,—все это должно провалиться в эту трещину и из этого развала союза непременно должен появиться какой-нибудь Бонапарт или же бонапартизм. Надо сказать, что меньшевики все время делали здесь аналогию с революцией 1848 г., и эта мысль тоже была чрезвычайно распространена среди интеллигенции. Я вспоминаю, что и со Штерном, и с Гинзбургом, и с Громаном, и с Базаровым я имел неоднократные разговоры на эту тему, и все мы возвращались к этой аналогии, к тому, что Союз не выдержит и все это рухнет и будут сметены все завоевания революции и т. д.

Крыленко. Это совершенно ясно: они ожидали, что все рухнет, придет Бонапарт и т. д.! А что по сему поводу надо конкретно делать — вы знали?

Соколовский. По сему поводу надо вернуться и возобновить меньшевистскую работу.

Крыленко. Зачем?

Соколовский. Затем, чтобы, во-первых, как считали меньшевики в то время, первоначально спасти то, что можно спасти от революции, и затем, чтобы воздействовать на экономическую политику правительства и партии в смысле перевода ее на рельсы экономически реальные.

Крыленко. Как?

Соколовский. Для того, чтобы побудить партию и правительство отказаться от экономического утопизма, или—как некоторые, более оппозиционно настроенные, говорили,—даже от некоторого своеобразного экономического авантюризма, который советская власть уже начала проявлять в первый год реконструктивного периода.

Крыленко. Эту квалификацию мы уже слышали. Что же конкретного вы, как Соколовский, тут делали?

Соколовский. Тут было два периода. Я эти периоды переживал несколько медленнее, чем другие, потому что другие вступили в меньшевистскую работу или вернулись к меньшевистской работе еще в 1926 г. Поэтому я буду высказываться так, как сложилось в моей психике. Скажу о первом периоде. Мы, меньшевики, считали, что линия, которая была заложена Мартовым, линия тактики, которую я называю пропагандистско-пассивной линией, выжидательной линией, рассчитана на то, что советская власть, очутившись в безвыходных экономических противоречиях, сама добровольно откажется от своего экономического утопизма подобно тому, как советская власть и коммунистическая партия пришли к нэпу, т. е. она совершит крупное стратегическое отступление. Мы смотрели на это как

на спор, как на борьбу, на дискуссию между нами и большевиками, как на спор славян между собой, как на спор в среде пролетариата между двумя партиями. Это был период наивных мечтаний.

Крыленко. И наивного утопизма!

Соколовский. Совершенно верно, наивного утопизма. (Смех в зале). Тогда казалось, что сама советская власть и партия под давлением общественного мнения пролетариата, организованного меньшевиками, под давлением той агитации, которая якобы может быстро привиться к пролетариату, добровольно откажется от линии экономического утопизма и тогда, возможно, будет безболезненный переход на рельсы демократического устройства. При чем предполагалось, что в переходный момент будут свободно избраны советы, ибо меньшевики, как известно,—большие любители формул. Тогда существовала очень ходкая формула, что нет «власти советов», а есть советская власть». Этот парадокс, эта формула была чрезвычайно ходкой. Поэтому ею очень увлекались. Когда не имеешь твердой базы, то неизбежно должна быть формула, которая является спасительным талисманом. Большевики считали, что в переходный период будут свободно избраны демократизированные советы, которые будут проводить экономическую политику, государственную политику на тех началах, которые были прокламированы меньшевиками еще в 1903 г., тогда, когда состоялся раскол. Вот, собственно говоря, первый период.

Крыленко. А второй период?

Соколовский. Второй период относится к тому моменту, когда в тактике пассивно-выжидательной, в тактике, рассчитанной на пропаганду, в тактике, которую я бы назвал, как называют немецкие социал-демократы, тактикой вегетарианской в отношении советской власти, произошел резкий перелом, резкий поворот, выразившийся в стремлении к активизации борьбы с советской властью. Я лично датирую это этим моментом.

Председатель. Почему вы называете тактику вегетарианской?

Соколовский. Мартовская тактика некоторыми германскими социал-демократами в отношении советской власти была названа вегетарианской в том смысле, что она основана на агитации, что она является пассивно-выжидательной, рассчитанной на то, что советская власть, коммунистическая партия сами добровольно откажутся от своей политики. Но затем в этой тактике наступил перелом.

Председатель. А теперь ее так не называют?

Соколовский. Я не знаю. Я не могу сказать, насколько немецкие социал-демократы уже хорошо ориентируются в этой тактике. Как она определяется гер-

манской прессой, я об этом скажу позднее. Сейчас же скажу о втором периоде. Для меня момент активизации меньшевистской линии, перелом в этой линии в смысле более активной борьбы с советской властью за свои принципы против диктатуры датируется моментом доклада обвиняемого Петунина после его возвращения из-за границы, когда он привез с собой более или менее оформившиеся директивные решения ЦК, переданные ему Даном.

То, что мне передавал Шер А. Б., который еще до этого мне рассказывал о всех своих свиданиях с немецкими социал-демократами и русским ЦК и русскими и заграничными группами, и то, что мне передавал обвиняемый Громан, с которым я тоже был лично хорошо знаком,— я в этом еще пока не видел какой-нибудь оформленности, организованного решения, какой-нибудь авторитетной инстанции, я видел только, что это отражает ту борьбу, которая происходит в ЦК между правыми элементами, центристскими элементами и левыми элементами. А вот директива, которую привез Петунин, о необходимости перехода меньшевиков на дезорганизаторскую или, как правильно говорится в обвинительном заключении, что это есть фиговый листочек, прикрывающий переход на вредительскую работу,—это предложение ЦК перейти в интересах борьбы с советской властью, в интересах воздействия на линию экономической политики, в интересах использования того обстоятельства, что многие меньшевики занимали довольно крупные, ответственные посты в советском аппарате и представляют там влиятельных лиц, эту директиву я бы склонен был считать моментом перелома, моментом активизации меньшевистской линии в борьбе с советской властью.

Крыленко. Можно было бы правильное сказать: момент перелома и перехода от «вегетарианской» тактики пассивного ожидания и политической пропаганды на позицию вредительства и вооруженного восстания?

Соколовский. Да, что касается вооруженного восстания, я должен сказать, что торопиться не следует потому, что тут тоже была большая периодизация. Не сразу меньшевистская тактическая линия приняла те формы, в которых застал арест «Союзного бюро». Это было не сразу.

Крыленко. Это мы будем рассматривать потом.

Соколовский. Это была довольно большая эволюция, и я думаю, что мы переосмысливаем через ряд этапов, если говорим таким образом. Надо сказать, что активизация началась с момента рекомендации и предложения русским меньшевикам заняться вредительской работой в интересах постановки, развития и организации

партийной меньшевистской работы и в интересах воздействия на экономическую политику правительства в сторону изменения политики или перевода на рельсы экономического реализма.

Крыленко. Теперь будет вопрос еще более конкретный. Вам, по вашим служебным обязанностям, приходилось принимать участие в работе по конъюнктурам, в работе, которую характеризовали здесь, кажется, Гинзбург, потом Громан?

Соколовский. Я лично принимал участие почти во всех областях экономической работы, которую ведет и занимается ВСНХ СССР. Но естественно, что каждый из нас был специализирован в известной области экономической работы; на мне, главным образом, лежала задача в области сырьевой проблемы и в области издержек производства или снижения себестоимости. Кроме того, заведующим отделом торговой политики, я также занимался вопросами тозариобмена и товарооборота, а главным образом,—составлением товарного баланса, исчислением этих балансов. Таким образом, мне приходилось иметь дело с конъюнктуристами.

Крыленко. Приходилось вам использовать свое положение для того, чтобы своей работой давить на правительственную систему и правительственную политику в желательном вам направлении?

Соколовский. Я свою работу использовал в этом отношении, о чем я, если вы разрешите, сейчас, а если нет, то можно и потом, дам подробное показание, что я и в области сырья, и в области снижения себестоимости, в этой важной области экономической политики, проводил меньшевистскую, я это называю просто вредительскую установку.

Крыленко. Это до 1928 г.?

Соколовский. Начиная с 1928 г.

Крыленко. А до 1928 г.?

Соколовский. До 1928 г. я оказался среди тех, которые были абсолютно растеряны и дезориентированы в связи с переходом к реконструктивному периоду.

Крыленко. Так что здесь период до 1928 г. был для вас подготовительным периодом к вредительской работе в 1928 г.?

Соколовский. Я уже говорил, что до 1927 г. я считаю, что я был честным и добросовестным сотрудником советской власти в деле восстановления народного хозяйства и в деле его укрепления. Так что до 1927 г. я не могу рассматривать свою деятельность, как деятельность вредительскую. Можно сказать, что вся моя деятельность, начиная с момента рождения, была подготовкой к вредительству, поскольку я в 1928 г. начал заниматься этим делом.

Надо прямо сказать, что практическая работа началась с 1928 г., с момента вступления в «Союзное бюро» ЦК РСДРП, а до этого я считаю, что у меня в моей работе были чрезвычайно характерные

опять таки для меньшевистской идеологии и психологии ошибки, которые вам может быть будут интересны потому, что они действительно являются объективной подготовкой, идеологической, того, что мы называем вредительством. Ошибки состоят в том, что я применял широко буржуазную политэкономия, немного приправленную богдановщиной, шаблонизированную и перенесенную на базу своеобразного экономического отношения.

Крыленко. Одним словом, неправильная методологическая установка, которая вела к неправильной политической линии?

Соколовский. Да. В течение реконструктивного периода я не учитывал и недооценивал всех возможностей, заложенных в плановом хозяйстве, что было моей бедой, а стало в 1928 году моей виной. т.е. я это сделал орудием борьбы за ту политику, которую я проводил.

Крыленко. Сознательно уже? Какие замечки организации были известны?

Соколовский. Мне в 1927 г., когда я вступил, Штерн передавал, что уже имеется ячейка в Госплане. Эту ячейку я знавал, потому что я был лично знаком с Владимиром Густавовичем Громаном и его сотрудниками. Потом он мне говорил о ячейке Госбанка, возглавляемой Шером. Он же мне указал, что и в Наркомторге образована, организована ячейка, возглавляемая Залкиндом. Я не помню, называл ли он мне тогда Якубовича. Я за это поручиться не могу. Потом он мне указал, что и в Центросоюзе складывается и организовывается ячейка во главе с Петушиным. Это мне Штерн рассказывал, кажется, только в сентябре или октябре 1927 г., точно месяца и даты я не могу сказать, но примерно в это время.

Крыленко. У меня вопросов больше нет.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ФИНН-ЕНОТАЕВСКОГО

Председатель. Подсудимый Финн-Енотаевский.

Крыленко. Скажите, пожалуйста, когда вам стало известно об образовании меньшевистской ячейки того типа, который мы разбирали?

Финн-Енотаевский. Я имел сношения только с Владимиром Густавовичем Громаном, ни с кем из остальных не встречался и никто мне не был знаком кроме Суханова. Вся моя информация исходит от Громана. До марта 1928 г. по поводу финансовых дел беседовал с Громаном, но наши встречи носили чисто теоретический характер. Громан мне представлялся человеком советским и я считал, что он стоит в оппозиции, не разделяет тех или других взглядов, но что ориентация у него не на контрреволюцию или на анти-советские выступления, а ориентация на изменение советской экономической политики, так что наши обсуждения были чисто теоретические. Я приезжал сюда

не им вызванный, а будучи вызываем другими учреждениями, и редко бывал, так что наши встречи были побочны и кратковременны. К нему приходил Суханов, Базаров, Кондратьев, велись беседы на текущие политические и экономические темы: если наступала пятилетка, то говорили о пятилетке.

Крыленко. До какого года?

Финн-Енотаевский. До 1928 г. До 1928 г. наши встречи были просто собеседованиями, но обсуждения таких актуальных обостренных вопросов не имели места.

Крыленко. До 1928 г. у вас были встречи только с Громаном случайного характера, научного характера, в порядке личного знакомства?

Финн-Енотаевский. Да.

Крыленко. А коллективные собеседования начались с 1928 г.?

Финн-Енотаевский. Я должен сказать, что в 1928 г. они были только во время одного моего пребывания в Москве, именно весной 1928 года, когда я проезжал на юг, вызванный не им, а Госбанком для консультации, так что главное время было занято на консультацию в Госбанке. В свободное время встречались у Кондратьева—были у него на ужине два раза и тогда вопросы касались главным образом пятилетнего плана, освещения этих вопросов.

Крыленко. Встречи с Громаном, Сухановым и Кондратьевым относятся к 1928 г.?

Финн-Енотаевский. Да.

Крыленко. А такие встречи в 1927 г. были?

Финн-Енотаевский. В 1927 г. я был в Америке, так что этого не могло быть. В 1927 г. я приезжал два раза: один раз весной читал доклад о ценности золота, на котором присутствовал Кондратьев. Я с ним познакомился в 1926 г., он всегда выступал на моих докладах. Затем в декабре 1927 г. я вернулся из-за границы и читал доклад по поводу кредита. Тогда одновременно выступал с докладом Кондратьев по поводу цен. Меня просили выступить и по этому поводу, и я остался.

Крыленко. К какому периоду вы относите конкретное предложение примкнуть к меньшевистской организации и принять ряд конкретных функций?

Финн-Енотаевский. Такого случая не было, а было предложение мне оказать содействие в этом. Поэтому я и написал «фактическое» вовлечение, но обсуждения этого вопроса не было. Я считаю, что фактически я вошел в меньшевистскую организацию и примерно знаю дату моего вступления.

Крыленко. В одном из ваших показаний вы указываете, что вот личное знакомство, связи, совместное обсуждение вопросов привело к тому, что вы приняли предложение и примкнули к меньшевистской партии?

Финн-Енотаевский. Да, это так и было, раз я обсуждал эти вопросы, тем самым я принял предложение вступить в меньшевистскую партию. Поэтому я считаю датой своего вступления—март 1928 г., когда я выполнил это поручение.

Крыленко. После марта 1928 г. и в этот момент вы знали о существовании «Союзного бюро»?

Финн-Енотаевский. Нет, я узнал в 1929 г. потому, что в 1928 г. я был только проездом с вокзала на вокзал, каких-нибудь 15 минут, передал тогда деньги и письмо, о чем я скажу позже, а обсуждение различных вопросов относится к 1929 году.

Крыленко. Когда вы приняли участие в обсуждении?

Финн-Енотаевский. Теоретические обсуждения были в 1928 г., а вот это обсуждение могло начаться с весны 1930 г., когда я приехал сюда.

Крыленко. К марту 1928 г. относится принятие вами на себя поручений?

Финн-Енотаевский. Да, к 1928 г.

Крыленко. Для того, чтобы принять такое ответственное поручение, необходимыми предпосылками, каковые должны выражаться, во-первых, в идеологических установках и, во-вторых, в согласии использования на практической работе?

Финн-Енотаевский. Да, для этого необходимо было некоторое время.

Крыленко. Вот этот подготовительный период к какому времени вы относите и сколько времени по вашему он длился?

Финн-Енотаевский. Мое принятие и обращение ко мне? Я встречался с Громаном с 1906 г., так что различные разговоры, освещающие вопросы экономические и политические, у меня были с ним раньше. Известное сближение с меньшевиками я отношу к 1926 г.

Крыленко. Я хочу зафиксировать, что характер ваших разговоров и ваших встреч первоначально носил чисто научный характер, но мало по малу принял характер вашего более близкого ознакомления и с существующей организацией и с ее целями и установками, и в результате только этого могло быть получено вами предложение взять на себя исполнение ряда ответственных заданий.

Финн-Енотаевский. Я могу объяснить свои разногласия с большевиками. Но как я стал меньшевиком—этот скачок мне было трудно объяснить не потому, что я желал это скрыть сознательно, а потому, что я не мог себе логически объяснить эту историю, тут играли роль психологические моменты. Я с этого и начал. С Громаном я в 1926—1927 г. не разговаривал о той организации, которая выполняла определенно контрреволюционные, вредительские цели,— об этом тогда и речи не было.

Крыленко. Прекрасно. Мне важно узнать, что для того, чтобы принять ответственное поручение по установке связи с заграничным центром, по транспортиро-

ванию и передаче финансовых средств,— для этого необходимо было знать, что организация существует, что организации нужны деньги, что эти деньги некоторые учреждения и лица согласны отдать и что необходима связь и ваше согласие на это. Ведь для этого необходимо было время.

Финн-Енотаевский. Да, для этого необходимо было время.

Крыленко. Скажем, инкубационный период?

Финн-Енотаевский. Вот как обстояло дело. Я приезжал два раза в год с определенными научными заданиями, и это предложение, в виду моих отношений с Громаном, совершенно не требовало такого инкубационного периода, чтобы нужно было спрашивать об организации и т. д. О том, что он состоит в связи с Даном, это я знал, но из показаний Громана выяснилось, что до 1926 г. никакой организованной связи еще не было. Об этом мне, собственно, не было известно. Но в 1928 г. он мне сказал, что он является представителем ЦК, что он находится в связи с заграничным центром, что он получает деньги оттуда и просит меня оказать содействие, так как у него не все ладно в этом отношении. Вот эта фактическая сторона мне была известна, но о подробностях я не был осведомлен.

Крыленко. Но эта фактическая сторона совершенно достаточна, ибо она установила то, что вам Громан сказал, а именно что он является представителем и членом организации, что он связан с заграничным центром, что ему необходим определенный порядок в смыслеоставления технических, литературных связей, директивных связей и т. д.

Финн-Енотаевский. Литературные связи отпадают.

Крыленко. Это он вам сказал только, как предпосылку к предложению о том, чтобы вы ему помогли. Откуда это идеологическое и политическое родство возникло—сразу из разговоров о ценности золота или из чего-нибудь другого?

Финн-Енотаевский. Вопрос этот совершенно ясен, и я на него должен ответить. Вопрос сводится к следующему. Я признал и указал, что дата моего вступления в меньшевистскую организацию является моментом дачи согласия на оказание им содействия. Я указал этот момент—март 1928 г.

Задают вопрос, каким образом мне могли предложить вступление в организацию и каким образом я мог это дело выполнить. Конечно, это предложение предполагает длительное ознакомление со мною. Должны были знать мое настроение, мое направление и т. д. Знакомство этого рода было результатом наших прежних встреч. Я вас раньше не созсем понял.

Свой разногласия с большевиками я не скрывал. Я в своих трудах об этом высказывался.

Крыленко. Мне нужно знать, как создано единомыслие?

Финн-Енотаевский. Это единомыслие создано в отношении к известной экономической политике. Оно могло быть результатом исключительно экономического освещения положения вещей. Такого рода беседы были в 1928 году перед тем, как мне было сделано предложение. Одна беседа была у Кондратьева, другая у Громана, где освещались вопросы пятилетки, где освещалось положение вещей. Я был в этих случаях слушателем—вставлял известные замечания по освещению положения с мировым хозяйством.

Крыленко. Разрешите теперь формулировать. С 1928 г., с марта, имеют место неоднократные встречи с Громаном, беседы с Громаном, беседы с Кондратьевым и с кем-то еще, на которых, на почве одинакового отрицательного отношения к экономическим мероприятиям и к политике советской власти, установилось некоторое единомыслие по основным вопросам политики. В результате этого единомыслия нами было выражено согласие на принятие конкретных предложений по ответственным заданиям. Этим моментом вы датируете свое вступление в организацию?

Финн-Енотаевский. Кондратьевская точка зрения и позиция Громана совершенно различны. Вопросы практической политики и вопросы мероприятий абсолютно не обсуждались на этих собеседованиях. На них был Громан, был и Базаров, был и Суханов. Вопросы ставились чисто теоретического характера.

Крыленко. Но отрицательное отношение к политике советской власти у всех было общее?

Финн-Енотаевский. Совершенно не было речи о том, что нужно свергнуть советскую власть. Совершенно не было никакой речи о мероприятиях. Вопрос шел о том, на кого ориентируется Громан—он ориентировался исключительно на советскую власть.

Например, в 1927 г., когда я читал свой доклад в Госплане, самым большим противником выступил против меня Громан, который защищал ту точку зрения, что те приемы планирования, которые приложимы к Западу, не приложимы к нам.

Крыленко. Но эти беседы носили анти-советский характер.

Финн-Енотаевский. Я не могу сказать,— в каком смысле они могли носить анти-советский характер.

Крыленко. На почве отрицательного отношения к политике советской власти.

Финн-Енотаевский. Нет, этого не было.

Крыленко. Почему же вы тогда собирались? Зачем же тогда говорилось о связи с заграничной делегацией, о демократическом центре?

Финн-Енотаевский. Здесь нужно знать, какова была политика в этом отношении и как смотрел на вещи Громан. Нужно

знать, что меньшевистская организация не являлась какой-то стальной, объединенной одной мыслью, одними взглядами. Большевики не являлись оформленной организацией. Говорилось о том, чтобы влиять на советскую власть в известном направлении.

Крыленко. Мы слышали от Громана и от других, что практически принимался ряд шагов определенного давления на политику, указывалась определенная цель противодействия советской политике.

Финн-Енотаевский. Я знаю, но меня при вступлении об этом не информировали.

Крыленко. На какой почве создано это предложение?

Финн-Енотаевский. Об этом нужно спросить Громана.

Крыленко. Нет, нужно спросить вас; на какой почве он предложил, это ясно; на какой почве вы согласились принять, на это вы должны ответить.

Финн-Енотаевский. Этот вопрос меня ставит в очень затруднительное положение.

Крыленко. Согласен.

Финн-Енотаевский. Я искал этому психологическое объяснение. Ведь нужно сказать, что приехал я сюда, исходя из целого ряда психологических моментов. Почему Громан мне мог предложить, хотя я не был знаком со всеми деталями, со всеми целями и т. д. и у самого Громана тогда не было никаких контрреволюционных целей и вредительской организации, ничего этого не было. Об этом он не говорил. Я был здесь весной 1928 г., проездом из Ленинграда на Юг, я получил телеграмму, чтобы приехать сюда совершенно с определенной целью.

Крыленко. Я попрошу г-ра Громана.

Председатель. Подсудимый Громан.

Крыленко. Скажите, какие мотивы заставили вас предложить гражданину Финн-Енотаевскому исполнить некоторые ответственные задания по связи с заграничницей?

Громан. То общение, которое у нас было в течение нескольких лет, убедило меня в том, что Финн-Енотаевский так же, как и я, смотрит на то, что экономическая политика соввласти с 1926 г., с момента приступа к сдержке нэпа, затем к ликвидации, что эта политика приведет к народнохозяйственному кризису. Финн-Енотаевский разделял эти мои взгляды. Я ему говорил, что мы в нашей деятельности стремимся влиять на экономическую политику правительства в этом направлении. Говорить ему о зародившейся инициативной группе я в самом начале не хотел, возможно, именно потому, что, как я докладывал раньше и другие показывали, тогда решили очень строго быть с выбором и выбирать людей таких, на которых мы могли бы полагаться, как на активных деятелей. Финн-Енотаевский не раз говорил (повидимому, это подтверждается его образом жизни), что он

вполне ушел в кабинетную работу, сидит и тишет. В организации такой человек не нужен. Пишет он книги, а использовать его для писания каких-нибудь агитационных документов также не представлялось целесообразным. И вот, когда у нас стала складываться организация (я должен буду здесь сказать детально), когда те связи, которые завязал Штерн, связи организационные, в том числе и финансовые, о которых он по конспиративным соображениям не рассказывал (у него был принцип, что нужно рассказывать только то, что необходимо для дела, а раз для дела не нужно, то и рассказывать не следует) он мне не рассказывал, от кого он получает деньги и где, когда эта связь ослабела.

Чрезвычайные меры по хлебозаготовкам, обострение отношений II и III Интернационалов сгустили атмосферу и уже перед каждым поставили необходимость выбрать пути: или с большевиками, или уйти совершенно в сторону, или принять какое бы то ни было участие в противодействии. Насколько Финн-Енотаевский склонялся в эту сторону, я решил предложить ему оказать услугу.

Крыленко. В этот момент вы полагали, что Финн-Енотаевский целиком и полностью подготовлен для того, чтобы принять на себя обязательства по исполнению тех или других функций, конкретно направленных против советской власти.

Громан. То, что это делается для свержения советской власти, я ему не говорил.

Крыленко. Этого и не надо было говорить.

Громан. Для организации вредительской работы—я не говорил.

Крыленко. Но для организации социал-демократов?

Громан. Это я сказал.

Крыленко. Для нелегальной организации?

Громан. Сказал.

Крыленко. От нелегального заграничного центра, который ставил себе задачу борьбу с большевиками. Так что в этом отношении вы были вполне уверены, что встретите соответствующую поддержку. Это не было случайно?

Громан. Нет.

Крыленко. У меня больше нет вопросов. Можно просить Шера.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ШЕРА

Председатель. Подсудимый Шер.

Крыленко. Подсудимый Шер, мы уже сейчас по плану, который принят судом, подходим к рассмотрению «Союзного бюро» и его работы. До сих пор мы рассматривали весь предшествующий период и его организационную историю. Раньше чем перейти по плану, принятому судом, к рассмотрению существа работы организации бюро, вы изложите, если это вас не

затруднит, только чисто структурные вопросы, состав бюро, формы его работы, бюро, расширенные совещания пятерки и т. д. и группы, которые при нем были организованы, т. е. его рабочий аппарат. Этой стороной мы закончим весь период до 1928 г.

Шер. Я должен сказать, что вся структура оформилась в 1928 г., так что здесь мы подходим несколько к следующему периоду.

Крыленко. Да, мы подходим—это, так сказать, рубеж.

Шер. Структура «Союзного бюро» в 1928 г. была в достаточной степени оформлена. Это можно пояснить хотя бы состоянием того пленума, который собирался «Союзным бюро», был органом «Союзного бюро», который решал наиболее кардинальные и принципиальные вопросы. Пленум «Союзного бюро» не имел какой-либо постоянной структуры, определенного состава. В состав пленума входили, как приглашенные, специальные лица.

Крыленко. Прежде всего—его точный состав. Кто считался членом, сколько их было?

Шер. 10 человек.

Крыленко. Можно перечислить?

Шер. Громан, я, Штерн, Гинзбург, Петунин, Залкинд, Якубович, Волков, Соколовский и Финн-Енотаевский.

Крыленко. В дальнейшем произошли некоторые изменения?

Шер. Да.

Крыленко. А именно?

Шер. В дальнейшем Штерн умер, вступил Суханов, еще до смерти Штерна. Так что одно время состав был 11 человек, а затем снова стало 10 человек.

Крыленко. Таков значит был состав?

Шер. Да.

Крыленко. Теперь вы говорите—пленум. Что такое пленум?

Шер. Это—расширенное совещание «Союзного бюро».

Крыленко. Кто туда входил?

Шер. В состав пленума входили следующие лица, лица с определенным партийным прошлым, с определенными знаниями по тем вопросам, которые обсуждались, которые приглашались «Союзным бюро» для обсуждения тех вопросов принципиального характера, которые перед «Союзным бюро» стояли.

Крыленко. Это были все меньшевики?

Шер. Да.

Крыленко. Это были члены организации?

Шер. Это были в большинстве случаев члены организации.

Крыленко. Периферийные работники, ячейковые, руководящие?

Шер. Это были влиятельные в меньшевистской среде люди. Кроме того, приглашались члены периферийных организаций.

Крыленко. Сколько, приблизительно, приглашалось человек?

Шер. 5—6 человек.

Крыленко. 10 членов «Союзного бюро» плюс 5—6 членов периферийных организаций, итого человек 20?

Шер. Да.

Крыленко. Сколько таких пленумов было?

Шер. Таких пленумов было 3.

Крыленко. Когда?

Шер. Первый пленум относится к апрелю или марту 1928 г. Происходил он на квартире Штерна. Второй пленум относится к октябрю-ноябрю, вообще к поздней осени 1929 г. И третий пленум происходил на квартире у Громана. Третий пленум имел место ранней весной, кажется в апреле 1930 г., на квартире у Желудкова.

Крыленко. Какие функции были у пленума?

Шер. Решение ряда принципиальных вопросов, стоящих перед «Союзным бюро» и всей организацией.

Крыленко. Принципиальных вопросов?

Шер. Да.

Крыленко. Решения пленума считались обязательными для организации?

Шер. Да.

Крыленко. Кроме пленумов, что еще было?

Шер. Кроме этого, из состава «Союзного бюро» выделена была пятерка, которая одно время состояла из 4 человек, именовалась четверкой или пятеркой. Она брала на себя решение ряда вопросов перед пленумом, т.е. предварительную подготовку этих вопросов, выработку тезисов и осуществление тех вопросов, которые были на пленуме рассмотрены.

Крыленко. Текущая работа?

Шер. Да.

Крыленко. Административно-руководящего характера?

Шер. Я бы не сказал административная работа. Это была работа исполнительная — с одной стороны и руководящая — с другой.

Крыленко. Эту группу можно было бы назвать руководящей группой?

Шер. Да, в нее входили те лица, которые составляли инициативную тройку — Гинзбург, Громан и я. В эту группу вошел и Штерн и, наконец, в эту группу входил Суханов. Одно время было пять человек и было время — четыре человека. Затем была орггруппа.

Крыленко. Это уже подсобный аппарат. А само «Союзное бюро» в 10 человек собиралось?

Шер. Собиралось, но сравнительно редко, чаще собиралась эта пятерка.

Крыленко. Затем были пленумы и расширенные совещания. Какая разница между ними?

Шер. Очень трудно определить эту разницу. Я думаю, что это могут вспомнить и некоторые члены «Союзного

бюро». Разница стирается, но формальная разница была та, что пленум окончательно разрешал определенные вопросы, а совещания только подготавливали.

Крыленко. Какие группы у вас были?

Шер. Орггруппа, которая ведала сношениями с ячейками, главным образом, периферийного характера.

Крыленко. Кто туда входил?

Шер. Руководил Штерн, входили Залкинд, Петунии.

Крыленко. Мы слышали здесь от Волкова, что он входил?

Шер. Да, Волков и Соколовский, если я не ошибаюсь.

Крыленко. Функции какие?

Шер. Сношения с периферией.

Крыленко. Только сношения или и организационная работа на периферии?

Шер. И то и другое. Затем была военная группа при «Союзном бюро», — вернее говоря, «Союзное бюро» выделило уполномоченных по военной работе. Таким уполномоченным был я и заместителем Якубович.

Затем при орггруппе или параллельно с ней была техническая группа, т.е. были выделены технические функции. Эта группа занималась главным образом размножением тех материалов, которые требовались для «Союзного бюро». Этим ведали Штерн, Якубович и, наконец, Принцер, который и ранее ведал этим делом. Секретарские функции не в смысле генерального секретарства, не в смысле представительства, а чисто секретарские, технические функции, выполнял я.

Еще финансовая группа, которую, пожалуй, трудно назвать группой, поскольку источник получения денежных средств был в руках Громана, но как помощников можно назвать Штерна и меня.

Еще была создана программная комиссия под председательством Базарова в составе Рубина, Гинзбурга, Громана и, кажется, Суханова. Этой комиссии было поручено разработать программу РСДРП.

Крыленко. Это основные шупальцы, основные звенья. Теперь два вопроса, которые нужно выяснить в связи с этим: был ли состав «Союзного бюро» в его окончательно оформленном виде санкционирован заграничным центром?

Шер. Да.

Крыленко. Когда, через кого, каким образом, в какой форме?

Шер. Он был санкционирован окончательно в связи с приездом Абрамовича осенью 1928 г. Предварительно было получено через Юровского письмо от заграничного центра, который санкционировал вообще образование «Союзного бюро», но не входил в детали вопроса о личном составе. Что касается Абрамовича, то он интересовался этим вопросом досконально.

Крыленко. Это было потом, а в период первой половины 1928 г. с момента, когда сформировалось окончательно «Союзное

бюро», была ли получена письменная санкция?

Шер. Да, в июле.

Крыленко. Через кого?

Шер. Через Юровского.

Крыленко. От кого?

Шер. От заграничной делегации на образование всесоюзной организации, которая являлась бы руководящей организацией РСДРП в Союзе.

Крыленко. Скажите, пожалуйста, какое название в этот момент носила организация?

Шер. Чаще всего мы употребляли название «Русский ЦК», — мы себя так называли. С приездом Абрамовича это название было изменено, при чем, когда я буду касаться эпизода с приездом Абрамовича и подробного изложения переговоров, будет ясно, какой смысл вкладывается в новое название — «Союзное бюро» РСДРП.

Крыленко. Не можете ли вы об этом сказать сейчас, чтобы потом уже не возвращаться к этому вопросу.

Шер. Смысл такой, что «Союзное бюро» является организацией, зависящей до некоторой степени от заграничной делегации. Абрамович был в свое время против того, чтобы дать нам полномочия в виде ЦК РСДРП и назвать нас русским ЦК, противопоставляя заграничному ЦК. Поскольку устанавливалось название «Союзного бюро», постольку создавалась известная связь, известная зависимость от того центрального бюро, с которым мы были в связи. Таким образом, это название устанавливало известную зависимость, известную связь между заграничным ЦК или союзной делегацией за границей и между «Союзным бюро» в Союзе.

Крыленко. Значит, можно сказать так, что вы в начале 1928 г. претендовали на то, чтобы именовать себя русским ЦК?

Шер. Я бы сказал, что таких претензий в смысле требований и предъявления таких прав у нас не было. Мы назвали себя так просто на практике. Мы все-таки достаточно хорошо сознавали, что без съезда, без конференции хотя бы, созвать которую мы считали нецелесообразным и невозможным в тех условиях, в которых мы работали, мы не в праве называться ЦК. Когда этому было противопоставлено мнение заграничной делегации, то мы очень легко согласились на изменение этого названия.

Крыленко. Вы согласились на то, чтобы называться не «Союзным бюро», а «Российским бюро»?

Шер. Я не помню, чтобы мы назывались «Российским бюро». Мы назывались «Союзным бюро».

Крыленко. Это было после приезда Абрамовича. А вначале вопрос этот формально не ставился. А что, Юровский

привез только санкцию на образование центра?

Шер. Да.

Крыленко. При чем этот центр по этой санкции находился в какой-то зависимости от заграничной делегации?

Шер. Этот вопрос, насколько я помню, в том письме, которое я получил, совершенно не ставился.

Крыленко. Этот вопрос тогда не ставился?

Шер. Возможно, что он не ставился именно потому, что приезд Абрамовича в это время был уже намечен и предполагался, ибо письмо через Юровского было получено в июле 1928 г., а приезд Абрамовича был в июне-июле 1928 г., т.е. через очень короткое время, так что и надобности в уточнении этого вопроса не было.

Крыленко. Когда мы будем рассматривать беседу с Абрамовичем, мы подробно уясним себе окончательно эти мотивы и в частности те, по которым вы остановились на таком названии. Один дополнительный вопрос в связи с этим: в этой санкции вообще у вас в тот момент, когда уже окончательно сформировалось «Союзное бюро», вопрос о связях с нелегальными организациями, если таковой существовал, не ставился?

Шер. Нет, не ставился. Он был поставлен позднее, как я уже говорил, в связи с приездом Броунштейна.

Крыленко. В этот момент не ставился. Скажите, вам приходилось прибегать к некоторым типичным подпольным приемам и методам деятельности организации, например, иметь явочные квартиры, иметь явки, иметь пароль, иметь склады, иметь типографии и т. д.?

Шер. В гораздо меньшей степени, чем раньше, и потом это относится к более позднему периоду.

Крыленко. А все-таки?

Шер. 1928 год, 1929-й 1930-й.

Крыленко. А приходилось иметь?

Шер. Да, приходилось.

Крыленко. Когда вы их организовали, что вы организовали конкретно, сколько у вас было таких квартир?

Шер. Насколько я помню, было четыре квартиры.

Крыленко. Для приезда кого?

Шер. Главным образом периферийных работников.

Крыленко. Эти квартиры были квартирами кого-нибудь из членов организации?

Шер. Там было, собственно, 3 квартиры, и затем явка была в кабинете у Петунина.

Крыленко. Пароль был?

Шер. Я знаю один пароль по отношению к квартире не члена организации — Желудкова.

Крыленко. Он не был членом организации?

Шер. Нет. Он был привлечен мною для обслуживания организации в качестве лица сочувствующего.

Крыленко. Но у этого сочувствующего члена организации хранилась, например, литература?

Шер. Да, хранилась.

Крыленко. И техника хранилась?

Шер. Техника не хранилась.

Крыленко. Происходили на этой квартире совещания?

Шер. Да.

Крыленко. В одной из квартир специально хранилась техника?

Шер. В одной из квартир производилось печатание.

Крыленко. Можно поставить так вопрос, что в 1928-29 г. вам приходилось поневоле прибегать к старым техническим методам подполья. При этом положении контакт сам по себе с подпольными организациями встал или нет?

Шер. Настолько слабы были подпольные методы, настолько они были не развиты, что перед нами этот вопрос не вставал практически. Но когда явилась возможность позднее воспользоваться услугами подпольной организации после приезда Броунштейна, то возможность эту использовали.

Крыленко. Через кого?

Шер. Через Икова.

Крыленко. Конкретно, в чем это выразилось?

Шер. В сношениях с границей.

Крыленко. Он явился передаточным центром?

Шер. Да, передаточным звеном от «Союзного бюро» к границе.

Крыленко. Была у вас своя линия?

Шер. Была своя линия, но когда представлялась возможность с его стороны, то мы эту возможность использовали.

Крыленко. Другой формы связи с подпольными организациями он вам не представлял? Он встречался с Броунштейном. Могла быть другая форма контакта.

Шер. О другой форме контакта, о другой форме связи я не знаю.

Крыленко. Была у вас непосредственная связь с Иковым и через него связь с заграничным центром? Вы вели нелегальную работу, имели явочные квартиры, располагали своей техникой?

Шер. Да.

Крыленко. Можно просить Икова.

Председатель. Подсудимый Иков.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ИКОВА

Крыленко. Будьте любезны, скажите, пожалуйста, в каком состоянии вы нашли организацию меньшевиков, когда вернулись в Москву в 1928 г. и когда установилась связь, взаимоотношения между вами и надпольной организацией, как вы пишете?

Иков. Я это отношу к началу 1928 г., вернее к концу декабря 1927 г. Мои отношения с нелегальной организацией

установились не сразу. Они устанавливались постепенно, почти с самого начала после моего приезда в 1928 г. Тогда существовала одна функция связи — я получал «Социалистический вестник», но никакой практической работы в отношении сношения с ними или вхождения в какую-нибудь ячейку не было. В дальнейшем, с осени 1928 г., я взял на себя только одну функцию по нелегальной организации — это организация красно-крестной помощи, по оказанию помощи арестованным и высланным. Это была единственная форма моей работы вплоть до 1929 г., до приезда Броунштейна Михаила Адамовича. До 1929 г. у меня соприкосновений по нелегальной линии с представителями «Союзного бюро» не было.

Крыленко. Благодаря вашей оторванности от организации до 1929 г.?

Иков. Я должен сказать, что впервые вопрос о существовании «Союзного бюро» как органа ЦК для определенных функций партийной работы в новой форме отчетливо был поставлен Михаилом Адамовичем Броунштейном. До тех пор у меня было иное представление об этой организации, об этой группе, которая называлась группой Громана. Но о том, что она имела совершенно определенные и точно зафиксированные функции и полномочия центра, я не знал. Я не мог сказать, что это была за организация, с которой приходилось соприкасаться. С тем нелегальным лицом, которое возглавляло фактически организацию в тот момент, когда я приехал, мне не пришлось встретиться. Я имел связь с Т. Н. Кузнецовой и Либерманом. Я знал вторых персонажей организаций и о партийном центре мне не пришлось слышать.

Крыленко. По-вашему была связь с осколками или некоторыми остатками нелегальной организации меньшевиков до приезда Броунштейна и в личных отношениях не имели, не знали о существовании так называемого «Союзного бюро»?

Иков. Я знал, что существует организованная группа.

Крыленко. Вы знали, что существует группа?

Иков. Тесно связанная идеологически и практически. Я не знал всех лиц, но то, что они представляют из себя носителей известного права делегации ЦК, это я знал.

Крыленко. Так что в данном случае можно установить уже два факта. Во-первых, что таковые полномочия группе или «Союзному бюро» были даны и об этом вы узнали от Броунштейна?

Иков. Да, от М. А. Броунштейна.

Крыленко. Вместе с тем в период до приезда Броунштейна вы знали о существовании этой группы без юридического оформления?

Иков. Да.

Крыленко. Знали об ее существовании, как организации, как вы пишете — над-

полной, но организации идеологически определенной и практически связанной?

Иков. Да.

Крыленко. С заграницей или с меньшевиками вообще?

Иков. Характер связи с заграницей выяснился после приезда Броунштейна.

Крыленко. Может быть, тогда входящей в орбиту организацией?

Иков. Да.

Крыленко. Только вы не знали точно конкретно до 1929 г., и вернее знали понаслышке, а точно не знали ни состава, ни роли, т.е. вас не информировали работники подпольной организации об их связи, если бы она существовала.

Иков. Как одного нелегального центра с другим нелегальным центром. Персональные связи были, т.е. получались определенные средства. Красно-крестная миссия имела сборы.

Крыленко. Вопрос не в красно-крестной миссии.

Иков. Ну, скажем, я разговаривал с лицом, допустим с Шером. На какой почве мы разговариваем, — на почве того, что я получаю определенный взнос. Но о том, что им передавался «Социалистический вестник» или что через них велась переписка, об этом разговоров с нелегальными работниками не было.

Крыленко. Это объясняется вашей неосведомленностью об их более прочной организационной увязке, только вашей неосведомленностью, тем, что вы сравнительно далеко стояли до 1929 г. от практической подпольной работы, или тем, что этих крепких организационных связей не было.

Иков. Тут, мне кажется, есть три момента. С одной стороны я постепенно входил в организацию. Затем, если мне будет позволено дать подробные объяснения, я укажу, что эта нелегальная организация «Вера Ивановна» по существу была в настоящем смысле подпольной группой, что те работники, которые возвращались из ссылки, могли с большим трудом туда достучаться.

Крыленко. В силу большой законспирированности или отсутствия работы?

Иков. Я потом скажу подробно. Во-первых, она была законспирирована, а потом область работы была, в сущности говоря, мизерна, и третий момент, который я себе представляю, что в сознании заграничной делегации вопрос так и ставился — о существовании двух центров, которые могут быть между собой в том или другом контакте, но которые имеют разграниченные функции, они не должны быть слиты так тесно, чтобы, если будет провал, не пострадали обе.

Крыленко. Тут вопрос не только о провале, но вопрос идет о руководстве.

Иков. Разделение функций было. На нелегальную организацию возлагались

значительно отличные функции, с несколько другим объемом содержания, с несколько другим уклоном. В дальнейшем я укажу на мой разговор с Михаилом Адамовичем, как он рассматривал мое вхождение в организацию.

Крыленко. Во всяком случае, вы получили прямое указание от Броунштейна относительно того, чтобы войти в это?

Иков. Да. Здесь было совершенно точное и определенное указание связаться с определенным лицом.

Крыленко. Разрешите теперь точно сформулировать. Броунштейн кто был такой?

Иков. Он был член заграничной делегации, член ЦК РСДРП.

Крыленко. Первое: член заграничной делегации, член ЦК РСДРП вам сказал или вас информировал о существовании ячейки с определенными партийно-политическими полномочиями так называемого «Союзного бюро». Второе — это же лицо вас уполномочило тем или другим образом связаться и контактировать работу?

Иков. Да.

Крыленко. Равным образом, эта организация, в виде «Союзного бюро», получавшая определенные полномочия через Юровского в письменном виде, через вас наладила связь с заграницей?

Иков. Нет, не наладила.

Крыленко. Пыталась наладить?

Иков. Я скажу точнее. Я рассматривал себя, когда меня включили в контакт, как известный дополнительный канал сношений, на всякий случай.

Крыленко. Во всей той переписке, которая у вас была взята при обыске, упоминается тот Броунштейн, о котором мы с вами беседовали?

Иков. Да.

Крыленко. Заграничная делегация спрашивается о нем?

Иков. Да.

Крыленко. Если бы теперь в каком-либо официальном документе заграничной делегации было заявлено, что они не имеют ничего общего и знать не знают группы Шера, Абрамовича, Громана и т. д. и что таковые группы ничего общего не имеют с заграничной делегацией, будет ли это правдой или ложью?

Иков. Это будет неправда.

Крыленко. Это будет ложь?

Иков. Это будет ложь.

Крыленко. У меня вопросов больше нет.

Председатель. По первому циклу есть еще вопросы?

Крыленко. Я хочу только уточнить по поводу показаний Шера об этих группах, порядком вопросов тем лицам, которые стояли во главе этих групп.

Председатель. Кому вы хотите задать вопросы?

Крыленко. По очереди. Громану. Подсудимый Громан, тут говорилось о фи-

ансовой группе. Такая группа существовала?

Громан. Да, существовала, в составе меня, Штерна и Шера.

Крыленко. Функции этой группы?

Громан. Добывать средства и распределять средства.

Крыленко. В какой еще группе или подгруппе вы принимали участие?

Громан. В руководящей группе.

Крыленко. Это мы знаем.

Громан. В потерке и затем в программной комиссии.

Крыленко. Из кого последняя состояла?

Громан. Председатель — Базаров, членами были — я, Суханов, Гинзбург, Соколовский, Рубин.

Крыленко. Работу она какую-нибудь успела исполнить?

Громан. Она собралась один раз. Была намечена программа программной работы, распределены темы между отдельными лицами, но никто еще о результатах своей работы не доложил.

Крыленко. Можно параллельно вопрос к Суханову и Рубину?

Председатель. Подсудимый Рубин.

Крыленко. Известно вам что-нибудь относительно программной комиссии?

Рубин. Мне известно потому, что я входил в состав программной комиссии. Она состояла из следующих лиц: Громана, Суханова, Гинзбурга, Базарова и Соколовского и потом входил в нее покойник Штерн.

Крыленко. Какие были задачи у этой комиссии?

Рубин. Собрать подготовительный материал для выработки новой программы. Собственно говоря, предполагалось, что выработка программы есть задача трудная, могла быть произведена только по согласованию с заграничным центром и на программную комиссию была возложена задача собрать подготовительный материал, сделать сравнения программ иностранных социалистических партий, дать анализ эволюции программ II и III Интернационалов. Задачи были довольно широко теоретически поставлены, но выполнены не были, так как один только раз эта комиссия собралась в полном составе, а другой — по 2-3 человека собиралась.

Крыленко. Вы считали необходимым пересмотреть «платформу» 1924 года?

Рубин. Дело в том, что разговор о том, что нужна новая программа меньшевистской партии, начался уже с 1919—20 г. Одно время пользовались тезисами Мартова для платформы 1924 г. В связи с изменением тактики ставился вопрос о пересмотре. Большое впечатление произвела программа ВКП(б). Как выяснилось позднее, этот вопрос был поставлен несвоевременно.

Крыленко. Об этом поговорим в дальнейшем. Пока вопросов к Рубину у меня нет.

Председатель. Подсудимый Суханов.

Крыленко. Вам было известно о существовании программной комиссии?

Суханов. Да.

Крыленко. Вы были членом программной комиссии?

Суханов. Да.

Крыленко. Состав был тот же?

Суханов. Примерно, тот же, но фактически в данном составе комиссия не собиралась, и у меня было впечатление, что в общем это дело довольно мертвое. Я в качестве члена программной комиссии выполнял ряд других функций, несколько может быть расширительно толкуя ее функции и задачи.

Крыленко. Сколько раз она собиралась?

Суханов. У меня не сохранилось воспоминания хотя бы даже об одном заседании.

Крыленко. Рубин здесь показывал, что она два раза собиралась?

Суханов. В том составе, который был?

Крыленко. Нет, может быть, в неполном составе.

Суханов. Не в полном составе данный коллектив, несомненно, собирался, вел разговоры по разработке новой программы, но разговоры были бесплодны.

Крыленко. Вы подтверждаете факт создания этой комиссии? Были заседания или были попытки?

Суханов. Да, фактически это подтверждаю целиком так же, как и мое членство в ней и активное участие.

Крыленко. У меня больше вопросов к Суханову нет. Можно вызвать Залкинда?

Председатель. Подсудимый Залкинд.

Крыленко. Об орггруппе вам было известно?

Залкинд. Да.

Крыленко. Состав ее, характер работы?

Залкинд. Должен внести некоторую поправку в формулировку Шера. Орггруппа, когда она была первоначально образована, и орггруппа, это было, в сущности говоря, примерно, в один и тот же период, когда было оформление «Союзного бюро», была образована в составе только 3 человек, а именно: руководитель группы был Штерн, в ее состав входили Волков и Петунин. Но затем в виду того, что такой состав оказался недостаточным для обслуживания тех задач, которые на нее возлагались, Штерн настоял на расширенном составе. Это было в 1929 г., после чего был включен в состав группы я и должен был начать работу Соколовский. Начала ли она работать, я не знаю, но мы во второй половине 1929 г. начали более или менее активно работать в орггруппе.

Крыленко. Сделала ли она что-нибудь?

Залкинд. Задачи ее были для парторганизации чрезвычайно существенны: на нее возлагалась важная функция организации периферии и постоянного обслуживания этой периферии финансовыми

средствами, руководство, всякого рода организационные указания. Но возложенные на нее функции, благодаря своей малочисленности, она выполняла неудовлетворительно.

Теперь, какой был порядок работы, как она была построена организационно. По идее вся периферия должна была быть разделена между отдельными членами орггруппы таким образом, что на каждого члена орггруппы должно было падать обслуживание двух-трех областных центров. Такой порядок должен был организационно больше сблизить ее с соответствующими ячейками. Но на протяжении ее существования такую форму обслуживания периферии удалось провести лишь в малой степени.

В первоначальном составе был Штерн, Волков и затем Петунин. Работа распределялась следующим образом: Волков взял на себя не обслуживание периферии в точном смысле этого слова, а обслуживание и организацию рабочих-меньшевиков. Петунин взял на себя обслуживание чисто ведомственной периферии — не территориально партийной, а ведомственной, по линии Центросоюза. Фактически вся территориально-партийная связь пала на Штерна. Вот почему он кричал об увеличении состава. Правда, он взял в помощь и не членов «Союзного бюро», я знаю, что Гринцер туда входил, но с того момента, когда вошел я, он часть периферийных ячеек передал мне, а именно северо-кавказскую и харьковскую ячейки. Фактически я вступил в связь с северо-кавказской ячейкой, что же касается украинской ячейки, то лица были мне названы, но организационно я не успел их обслужить. Вот в общих чертах работа и функции орггруппы.

Председатель. А как между другими членами орггруппы были распределены обязанности?

Залкинд. Видите ли, там должен был начать работать Соколовский, но он, кажется, фактически не приступил. На него ложилось установление связи с рабочими еврейского движения, но он не сумел это сделать, потому что он связи растерял. Фактически до моего вступления вся периферийная организационная работа велась Штерном.

Крыленко. По вопросу технической группы у меня вопрос к Якубовичу.

Председатель. Подсудимый Якубович.

Крыленко. Что такое была техническая группа и чем она ведала?

Якубович. Технической группы, в сущности говоря, не было, а было то, что в старых нелегальных организациях называлось техникой, т.-е. это тот аппарат, который предназначен для размножения партийных воззваний и прочего. Техника эта имела в распоряжении «Союзного бюро» в самом примитивном виде,

в таком виде, в каком прежде она имела в самых мелких партийных организациях, а именно гектограф, на котором печатались письма «Союзного бюро», пересылавшиеся периферийным организациям. Пятеркой был установлен и введен такой порядок, что время от времени, примерно, один раз в месяц рассылались информационно-директивные письма, которые сообщали все основные моменты, которые «Союзного бюро» или пятерка находили нужным сообщить местным организациям. Это были отклики на факты текущей советской политики, это были сообщения относительно партийных решений как «Союзного бюро», так и заграничного ЦК. Эти письма печатались в очень небольшом количестве экземпляров. Я знаю, что они печатались обычно в количестве 40 экземпляров. Этого хватало для рассылки по ячейкам и партийным группам. Такое письмо в той ячейке, в которую оно попадало, переходило из рук в руки и по ознакомлению, как правило, подлежало уничтожению. Кроме того, время от времени печатались еще тезисы, — несколько таких случаев мне известны, — тезисы тех принципиальных крупных вопросов, которые подлежали рассмотрению на «Союзном бюро». Печатались они в небольшом количестве, экземпляров 10—15, и раздавались только тем лицам, которые считались в этом деле заинтересованными, главным образом членам «Союзного бюро», но иногда и не членам «Союзного бюро». Были еще случаи печатания резолюций «Союзного бюро», таких случаев было несколько, и печатались они в небольшом количестве, только для пользования в очень ограниченном кругу лиц, так как посылка на места решений «Союзного бюро» практиковалась в форме информационных директивных писем. Вот основные материалы, которые печатались.

Надо сказать, что эта техника находилась в ведении (не знаю, кто непосредственно ведал) и под наблюдением Штерна. Знаю я это потому, что летом 1929 г. Штерн поставил передо мной вопрос относительно того, чтобы я взял на себя наблюдение за этой техникой, ссылаясь на то, что он чересчур перегружен работой организационного порядка, что очень плохо работают те члены «Союзного бюро», которые выделены для связи с периферией, и ему слишком много приходится делать, а что непосредственно техника находится в руках у одного человека — Гринцера, которого он хотел использовать, как помощника, для связи с периферией. Он мне предлагал найти человека для печатания этих документов с тем, чтобы я взял наблюдение за этим.

Я согласился взять на себя это, подыскал и человека из состава нашей наркомторговской ячейки, и к нему на квартиру был перенесен гектограф. Так

что я сначала непосредственного участия в печатании документов не принимал.

Надо сказать, что когда я говорил об этом со Штерном, то мне и в голову не приходило, что я беру на себя участие в этой работе. Я просто брал на себя наблюдение за тем, чтобы работа выполнялась и чтобы экземпляры были переданы орггруппе. Но с течением времени оказалось, что мне пришлось непосредственно принять участие в этом деле, потому что то лицо, которому я передал гектограф, хотя и добросовестно выполняло эту работу, но оно тяготилось хранением этого гектографа у себя на квартире. Это был Дороднов. Вначале это ему было удобно по семейным обстоятельствам, но, когда, по его словам, приехала его жена, это оказалось невозможным. Я стал искать другую квартиру, но никто из тех лиц, к которым я обращался, на это не соглашался. Все ссылались на тяжелые квартирные условия. Я понимал, что тут играли роль не только квартирные условия, но и опасения, что это может быть известно органам ОГПУ, в результате чего можно попасть под ответственность. Мне оставалось либо обратиться к Штерну с тем, чтобы это дело было принято если не в его ведение, то во всяком случае на квартиру, которую он укажет, либо взять эту технику к себе. Я сделал второе. Мне было неловко обращаться к Штерну, так как я знал, что он и так сильно нагружает себя всякой работой. Он работал за многих других, которые не несли черной работы, а ограничивали свое участие в других функциях работы. Я решил это взять на себя. Вспомнил старый юношеский опыт по печатанию на гектографе и решил заняться технической работой. Дороднов приходил ко мне печатать на квартиру. Мы работали вместе с ним. Он писал эти экземпляры соответствующими чернилами, а затем переводил их на гектографическую массу и переводил на листы. Я ему помогал в этой работе. С точки зрения конспирации условия были подходящими. Эта работа выполнялась в таком порядке с лета 1929 г. до мая 1930 г. При этом отпечатанные экземпляры информационных директивных писем передавались для рассылки в орггруппу. Они передавались или Шеру, или другим лицам по его указанию, которые ведали технической рассылкой этих экземпляров. Мы ведали только размножением, а техникой рассылки мы не ведали.

Антонов-Саратовский. А какой был тираж? в 40—50 экземпляров?

Якубович. Да, в 40—50 экз. Эти информационно-циркулярные письма рассылались крупным ячейкам, рассылались группам. Если в каком-нибудь городе была ячейка, то туда посылался один экземпляр или уполномоченному, а если уполномоченного не было, так как органи-

зационной ясности не существовало, то посылался экземпляр более активным ячейкам, игравшим ведущую роль в соответствующем городе, а иногда и области. Московские ячейки и крупные ячейки получали по одному экземпляру. Сколько рассылалось, я точно не помню, но печаталось в 40 экз.

Антонов-Саратовский. А тезисы в каком количестве экземпляров печатались?

Якубович. Они печатались в меньшем количестве экземпляров, только для «Союзного бюро», для тех лиц, которые присутствовали на заседаниях «Союзного бюро». Они печатались в количестве 10—15 экз.

Артюхина. Через кого вы рассылали эти письма?

Якубович. Я уже сказал, что передаточным звеном была орггруппа, о которой шла речь. Мы передавали эти письма либо Шеру, либо тем лицам, на которые он указывал.

Артюхина. А каким образом это попадало на периферию?

Якубович. Было оргбюро. Но, конечно, здесь пользовались помощью ряда лиц, может быть нескольких, а может быть двух-трех. Во всяком случае у орггруппы, кроме членов «Союзного бюро», которые ей помогали, была небольшая периферия, состоявшая из нескольких человек, которые помогали ей в несении технических функций. Такие лица, несомненно, были.

Артюхина. Вам эти лица персонально известны?

Якубович. Нет, я их не знаю.

Антонов-Саратовский. А массовое распространение было?

Якубович. Для массового распространения ничего не писали. На гектографе нельзя было отпечатать большого количества экземпляров, но попытки составлять прокламации были. Николай Николаевич Суханов по поручению «Союзного бюро» составил прокламацию, которую мы отпечатали в два приема по 40 экземпляров каждый. Всего отпечатали 80 экз. По существу дела, конечно, эта прокламация была разослана не всем организациям, а только некоторым. Но весьма возможно, что она передавалась из рук в руки или размножалась кустарным способом.

Антонов-Саратовский. Таким образом, ваши 80 прокламаций могли увеличиваться в тираже, доходя до ячеек?

Якубович. Я не имел прямых указаний, но я имел в виду, что если местная группа или ячейка получит известное количество экземпляров — 10 — 15 — 20, то она будет пытаться своими средствами увеличить количество. Таким средством был гектограф, соорудить который не представляется трудным.

Крыленко. Заграничная литература, заграничного происхождения, получалась вами?

Якубович. Литература заграничного происхождения не размножалась.

Крыленко. Но получалась?

Якубович. Письма были.

Крыленко. А «Социалистический вестник»?

Якубович. Через технику это не проходило. Та техника, которой я ведал, имела функции размножения, а функции получения «Социалистического вестника» не были связаны с этой техникой.

Крыленко. Но как это выполнялось?

Якубович. Это входило в функции Штерна. С кем он был связан, я не знал.

Крыленко. Вы по этому поводу не можете точно сказать?

Якубович. Не могу сказать.

Крыленко. У меня есть заявление следующего характера. Мы здесь установили сейчас через показания Икова и потом других обвиняемых непосредственную связь их с заграничной делегацией, и в частности через показания Икова установили связь (завтра мы ее будем специально уточнять) с Броунштейном. На вопрос, который я поставил Икову о том: если бы мы имели документ, который отрицал бы всякого рода такую связь, этот документ был бы ложный или нет, Иков сказал, что это была бы неправда. Я бы хотел просить о приобщении документа, который в подлинном виде я обязуюсь представить в ближайшем будущем, именно номер газеты «Форвертс», где напечатано заявление заграничной делегации меньшевиков. В настоящий момент у меня имеется только перевод (подлинный документ будет мною представлен), из которого я хотел бы огласить некоторые абзацы. Впоследствии мы его огласим полностью, когда номер «Форвертса» будет в нашем распоряжении. Эти абзацы находятся в полной связи с ответами, которые мы получаем. Я этот вопрос хочу предложить потом всем обвиняемым, которые давали здесь ответы. (Передаёт документ председателю суда). Это передано по телеграфу. Извещение о помещении этой статьи в «Форвертсе» и текст этого заявления. Я просил бы разрешения пока из этого перевода огласить два абзаца.

Председатель. Судебное присутствие разрешает вам огласить этот документ.

Крыленко. В номере «Форвертса» опубликовано заявление заграничной делегации меньшевиков, в котором содержится следующий абзац:

«1 марта в Москве начинается одна из позорнейших судебных комедий, в которой показания провокаторов и вынужденные террором признания несчастных обвиняемых должны служить доказательством против тех, кого советское правительство в данный момент хочет сделать ответственными за невообразимые страдания народных масс. Нынешний процесс большевистские диктаторы хотят инсценировать как процесс против бюро ЦК

социал-демократической рабочей партии России. Мы оставляем за собой право подробно вернуться к этой комедии правосудия, как только нам станут известны подробный текст обвинительного заключения и результаты предварительного следствия. Но уже сейчас, мы, как заграничная делегация партии, входящей во II Интернационал, должны со всей решительностью заявить следующее:

1. Выдвинутые против нашей партии обвинения в том, что она вела или даже организовывала «вредительскую деятельность», стояла в связи с контрреволюционными организациями русской буржуазии, получала от них денежную помощь и держала курс в своей работе на экономическую или финансовую блокаду России, или даже на военную интервенцию империалистических держав против России, стоят в таком противоречии к общеизвестной позиции и политике русской социал-демократии, что для каждого честного человека сам собой очевиден клеветнический характер этих обвинений, о чем уже публично заявил исполком II Интернационала.

2. Наша партия, которую большевики, не терпящие никаких других политических партий в Советском Союзе, лишили всякой возможности легального существования, была вследствие этого вынуждена вести, как во времена царизма, пропаганду и агитацию посредством нелегальных организаций, которыми в Советском Союзе руководило бюро ЦК.

Но это бюро никогда не было и никогда не могло быть той коллегией из 14 человек, которых большевики произвольно свалили в одну кучу, которые теперь сидят в Москве на скамье подсудимых, подавляющее большинство которых ушло из нашей партии 10 или больше лет тому назад и с тех пор никогда не возвращалось к ней, а другие никогда к нашей партии не принадлежали. Поэтому если бы Громан, Суханов и Шер действительно заявили, как это утверждает обвинительное заключение, что они основали «Бюро центрального комитета РСДРП», то их показания можно понять только как вынужденную ложь, сказанную ими с целью спасти свою жизнь. Как до 1928 года, так и после этого наше действительное «бюро» составлялось из совсем других лиц. Ни Громан, ни Суханов, ни Шер никогда не входили в это бюро, да и не могли войти.

3. Ни в 1928 году, ни в какое-либо другое время ни русская часть нашей партии, ни ее заграничная организация не меняли своей принципиальной установки, в особенности не меняли ее в направлении признания методов хозяйственного «вредительства» или иностранной интервенции. Уполномоченные, которых наша делегация время от времени посылала в Советский Союз, всегда должны были вы-

полнять только поручения чисто организационного характера. Поэтому поездки членов нашей партии в Советский Союз, в том числе и упомянутая в обвинительном заключении поездка Броунштейна, никогда ничего общего не имели с упомянутым «изменением нашей принципиальной установки». Что касается Абрамовича, то он после того, как в 1920 году был вынужден покинуть Советский Союз, никогда туда не ездил, ни в 1928 году, ни в какое-либо другое время.

4. Что касается наконец фантастической суммы в 280.000 рублей, которые якобы получил в 1929—30 г. мнимый секретарь мнимого бюро от нашей заграничной делегации, которая в свою очередь получила якобы эти деньги от германской социал-демократической партии, то смехотворный характер этого утверждения становится очевидным, если сравнить с этой суммой действительный бюджет, которым располагала в упомянутый период наша заграничная делегация и из которого она должна была покрывать как все расходы на наш орган — «Социалистический вестник», так и дефицит организации в России и расходы на поддержку многочисленных заключенных и сосланных в Советском Союзе. Счета доходов и расходов нашей делегации находятся в секретариате II Интернационала и могут во всякое время быть просмотрены и проверены. В доходах за 1929 и 1930 годы, которые составились из средств, собранных нашими товарищами по убеждениям в Америке и Европе, а также из пособий, полученных от братских социал-демократических партий, социал-демократическая партия Германии не представляла ни одной маркой».

Мы этот вопрос будем рассматривать после, а сейчас я буду просить обвиняемых, в частности тех, которые здесь перечислены, — Громана, Шера, Суханова, затем Якубовича (от Икова мы уже слышали) и всех остальных членов «Союзного бюро» ответить, как они относятся к такого рода заявлению со стороны заграничной делегации, где их именуют провокаторами и т. д. Как они перед лицом не только данной аудитории, но и всех тех, кто за границей и здесь прислушивается к настоящему процессу, квалифицируют подобное заявление заграничной делегации.

Председатель. (подсудимым). Желаете дать объяснения по зачитанному документу?

Подсудимые. Желаем.

Председатель. Подсудимый Громан.

ВСЕ ПОДСУДИМЫЕ ПОЛНОСТЬЮ ОПРОВЕРГАЮТ ЛЖИВЫЕ ЗАЯВЛЕНИЯ ЗАГРАНИЧНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ РСДРП(м)

Громан. Заявление, которое здесь прочитано, я ожидал. Я ожидал, что что-либо подобное должно появиться, пото-

му что самый переход к тактике вредительства, к тактике признания интервенции не может быть сделан гласно перед лицом мирового пролетариата. Это делалось тайно и секретно от мирового пролетариата. Все то, что нам передавалось в устной форме приезжавшим Абрамовичем и Броунштейном, которого мы видели, с которыми говорили, нам передавалось как тот политический замысел, который должен подготавливаться и осуществляться тайно от мирового пролетариата, и сознание, которым мы прониклись, — пагубность и ложность того пути, на который встали в значительной мере под влиянием заграничной делегации, — побудило нас сначала на предварительном следствии, а затем и здесь дать свои показания. Мы уже говорили о поездке Петунина и о директивах, полученных от Дана. Мы уже говорили, хотя и не так подробно, — это будет в дальнейшем, — о существовании приезда Абрамовича, Броунштейна, об установлении им связи между подпольной старой организацией и «Союзным бюро», из чего видно, что все то, что здесь сообщено, есть именно продолжение той политики сокрытия от мирового пролетариата тех контрреволюционных замыслов, которые были у социал-демократии.

Председатель. Подсудимый Шер.

Шер. Я тоже должен сказать, что меня не удивляет прочитанное заявление. Мне казалось, что такое заявление должно быть, потому что у заграничной делегации нет другого выхода, как признать ложным все то, о чем говорили здесь, нет другого выхода, как назвать нас провокаторами или жертвами террора, которые ради спасения своей шкуры говорят ложь. Одно из двух: или мы говорим ложь, или они говорят ложь. Для меня ясны те мотивы, по которым это делается. Подсудимый Громан об этом уже сказал. Та линия поведения заграничной делегации, которая имела место, является двурушнической линией: с одной стороны, заграничная делегация давала указания относительно необходимости ведения вредительской работы, дезорганизации, как они называли, затем нам давались директивы относительно неизбежности интервенции и активной поддержки ее, а с другой стороны — в официальном органе с.д. «Социалистическом вестнике» помещались статьи совершенно другого характера и имелись другие заявления. И в этой двурушнической линии чувствуется, что тут другого выхода нет, как заявить сейчас, что мы являемся жертвами террора, что мы являемся провокаторами и лжецами, потому что иначе нужно признать лжецами заграничную делегацию. Я полагаю, что после нашего заявления здесь всякому видно, что мы жертвами террора не являемся, а также и провокаторами. Это снимается тем партийным стажем, который каждый из

нас имеет, и той революционной работой, которую каждый из нас может изложить здесь и перед любым трибуналом, в нашем прошлом. Я думаю, что в свете этого иной квалификации как ложь для этого документа нет.

Председатель. Подсудимый Суханов.

Суханов. После деклараций, сделанных моими коллегами по скамье подсудимых, мне уже, собственно, не остается ничего прибавить. Можно было бы только сказать, что положение заграничной делегации является, как раз напротив, именно вынуждающим делать подобные декларации.

Что же касается отрицания перелома в тактике социал-демократии, отрицания, оглашенного в заявлении из «Форвертса», то я могу это понимать только в одном смысле: перелома, быть может, действительно и нет, но я заявляю это «быть может», находясь несколько при особом мнении относительно значения и роли, которую занимают вредительство и интервенция в тактике социал-демократии вообще. Если перелома нет, то только в том смысле, что тактика вредительства и интервенции всегда была по существу присуща социал-демократии, и речь может идти не о переломе, а о логическом развитии прямой линии и о практически необходимых и неизбежных выводах из нее.

Надеюсь, в дальнейших показаниях я еще получу возможность развить эти показания.

Председатель. Подсудимый Якубович.

Якубович. Я солидарен с теми заявлениями, которые здесь были только что сделаны Громаном, Шером и Сухановым. Я не буду повторять того, что сказали они. Я думаю, что кроме всех других причин, о которых они говорили, заграничную делегацию вынуждает на этот шаг то обстоятельство, что этот процесс является очень тяжелым ударом для заграничного центра российской социал-демократической рабочей партии, как она продолжает до сих пор себя называть, ударом не потому, что арестовано 14 человек и кроме них еще ряд других людей, — этот удар, конечно, ощущается меньшевистским центром и с.-д. партией, — снят ряд людей с активной контр-революционной работы, людей, которые могли ее вести, обладая известными возможностями в советском аппарате, обладая известным политическим именем, которым они могли покрывать эту работу и ее оправдать. Это — большой удар. Группа, которая составляла «Союзное бюро», в составе 10 человек и 4 присоединенных к этому делу (я не говорю сейчас о других арестованных, я не знаю их), все участники этой группы имеют старый революционный подпольный стаж.

Другое дело, как эта группа пришла к данному процессу, каким путем пришла к

этому выводу, но так или иначе вся эта группа в 14 человек, каждый по-своему переживал, каждый по-своему выстрадал, пересмотрел свой путь, пересмотрел свою политическую деятельность, пересмотрел все то, что он совершил за последние годы, и, может быть, в течение своей жизни каждый по-своему прошел этот путь, — но мы пришли к одному и тому же результату. Эта группа в 14 человек, старых подпольных социал-демократов, отмежевывается от той тактики, которую вела социал-демократия.

Здесь вопрос не о том, какой приговор будет вынесен. Не приговор нанесет удар меньшевистскому ЦК. Удар меньшевистскому центру нанесен этим публичным отмежевыванием 14 старых социал-демократов. И не заграничным делегациям, каковы бы ни были наши преступления, замарать нас именем провокаторов. (Шум в зале).

Председатель. Подсудимый Гинзбург.

Гинзбург. Я присоединяюсь к заявлениям предыдущих подсудимых; я заявляю, что никаких мер принуждения ко мне не было применено. Те показания, которые я давал, я давал в порядке добровольности. Я отвечаю за эти показания всей своей политической совестью. Я считаю, что лучшим ответом на то обвинение, которое брошено по нашему адресу, являются те показания, которые мы здесь сегодня публично, открыто, зная о том, что это найдет распространение во всем мире, давали, и те показания, которые мы завтра и послезавтра будем давать, в которых мы будем приводить дальнейшее доказательство того, что та линия, которой мы придерживались, была не только нашей линией, но и линией заграничной делегации, и что мы действовали не только как самозванная группа, но и как группа, имеющая определенные полномочия от заграничной делегации. В составе нашем имеются не только люди, ранее связанные с партийной работой в качестве рядовых членов партии и в качестве второрядных членов партии. В нашей среде имеются люди, недавно состоявшие в центральном комитете меньшевиков. Я считаю, что сейчас возникает большой вопрос относительно того, в какой мере члены заграничного ЦК являются более полномочными говорить от имени партии, чем те члены ЦК, которые имеются в нашем составе. (Смех в зале). Единственное, что я мог бы тут сказать еще для большей убедительности, это будет вызов на очную ставку с этими людьми, которые эти факты отрицают.

Председатель. Подсудимый Соколовский.

Соколовский. Я присоединяюсь ко всем тем заявлениям, которые сделали предыдущие товарищи. Хочу только сказать, что для меня эта телеграмма или это извещение ничего удивительного не пред-

ставляли, потому что меньшевики заграничной делегации, после того, как быда вскрыта и этим процессом еще дальше будет вскрыта непримлемая, недопустимая для интересов пролетариата тактика, вредительская, преступная, контрреволюционная тактика, вредительская, работающая на поддержку интервенции, — после этого заграничной делегации оставалось только обвинять нас в провокаторстве или сказать, что наши показания явились вынужденными.

Я должен сказать, как человек, с 1903 г. находившийся в рабочем движении, что это ложь, а то, что нас квалифицировали как провокаторов, это — гнусная ложь со стороны заграничной делегации. Я не сомневаюсь в том, что эта политика замазывания, эта политика тайной дипломатии в отношении коренных вопросов пролетарского движения, в отношении тактики вредительства, интервенции будет всячески замазываться заграничной делегацией, II Интернационалом и немецкой социал-демократией. Я не сомневаюсь в том, что появятся дальнейшие статьи, которые обольют нас грязью.

Что же касается вынужденных показаний, то я должен заявить то же, что объявил обвиняемый Гинзбург. Никакого принуждения, в частности в отношении меня, предварительное следствие не применяло. Я совершенно добровольно после нескольких месяцев сидения в тюрьме пересмотрел эти вопросы и показал, что я скатился к контрреволюционной тактике, в контрреволюционное болото. Об этом я заявил на предварительном следствии, об этом я заявляю сейчас, об этом я буду заявлять в течение всего процесса, несмотря на то, что я уже в течение нескольких лет квалифицирован как провокатор.

Председатель. Подсудимый Залкинд.

Залкинд. Я также присоединяюсь к заявлению всех предыдущих членов «Союзного бюро». Для меня это заявление совершенно не является неожиданностью именно потому, что в моей памяти до настоящего времени живо встает личная беседа с Абрамовичем. Я перед судом постараюсь подробно изложить это, когда мы перейдем к этому факту. Тогда, в этой беседе с Абрамовичем, существовала возможность такой позиции, такого двурушничества нашего заграничного ЦК, которое в настоящее время стало фактом. Я тогда в беседе с Абрамовичем, еще сомневающийся в правдивости резкого перехода на новую тактику, в особенности интервенционистскую тактику, поставил вопрос прямо о том, что нужно иметь мужество и если вы вместе с авторитетными представителями II Интернационала признали с точки зрения интересов мирового рабочего движения целесообразным перейти на интервенционистскую тактику, то надо поставить открыто этот вопрос в настоящее

время перед рабочим классом. Абрамович заявил, что это представляется совершенно невозможным, так как настроение мирового рабочего класса не таково, чтобы можно было открыто ставить эти вопросы.

После личного заявления Абрамовича разве удивительно то письмо, которое составлено нашим заграничным ЦК и напечатано — где? — в органе германской социал-демократии!

Еще один момент здесь приходится отметить. Когда, сидя в тюрьме, я пересматривал, переосмысливал мою личную политическую контрреволюционную работу в течение последних лет, я не сделал для себя вывода, что эта работа шла на служение рабочему классу, поэтому все-таки, как мне кажется, в течение предыдущих лет я служил. Единственное удовлетворение, как я думал, которое я в жизни могу еще получить, заключалось в том, что я смогу выйти здесь на трибуну и перед всем рабочим классом как СССР, так и мировым рабочим классом расскажу о нашей вредительской работе и о тех вдохновителях, которые толкнули нас на эту работу. Если через день после процесса или до начала процесса они начинают кричать «караул» и прячутся в кусты, то, следовательно, все то, что мы здесь говорим, попадает в цель. Я надеюсь, что, когда процесс пройдет, рабочий класс СССР и мировой рабочий класс возьмут уже факты, факты, взятые из жизни и двурушнической роли социал-демократии.

Председатель. Подсудимый Волков.

Волков. Я также присоединяюсь ко всем тем товарищам, которые только что выступали, в той мотивировке, которую они дали этому документу. То, что мне известно как члену «Союзного бюро» о взаимоотношении заграничной делегации и «Союзного бюро», показывает, что этот документ действительно ложь.

Что касается вопроса о принуждении, то я должен заявить так же, как и другие товарищи заявили, что по отношению ко мне никаких принуждений не было применено и не могло быть применено, потому что я был арестован 12-го, а показания дал 16-го. За 4 дня трудно выдумать такого рода принуждения, которые заставили бы меня, как старого социал-демократа, проработавшего около 30 лет на общественной арене, сломить.

Председатель. Подсудимый Петунин.

Петунин. Заявление делегации квалифицирует нас провокаторами. Я полагаю, что ни один здравый человек не в состоянии и не должен этому поверить, ибо всего несколько месяцев отделяет нас от того момента, когда мы были людьми, которые во всех отношениях не находились под сомнением. нас обзывают трусами, но за плечами у каждого из нас по три десятка лет активной борьбы. Опасность потери головы витала над ка-

ждым из нас, но я все-таки думаю, что из всех 14 человек не найдется ни одного труса. Лично я должен заявить, так же как и Волков заявил, что я дал показания на пятый день. За 5 дней трудно сказать, чтобы были какие-нибудь меры, заставившие меня, имеющего 30-летний общественный стаж, поступить в качестве труса. Я уже дал показания и я вижу перед собой в ресторане на Потсдамской площади Дана, с которым я веду беседу и получаю директивы, которые мы здесь к несчастью осуществляем. Что же означает заявление «Форвертса»? Оно означает, что данный процесс — смерть вообще меньшевизму, по крайней мере русскому. Если мы, как уже выяснилось на следствии, не имели никакой базы, если мы здесь представляем, в сущности говоря, группу политиканов, то что же после этого может представлять заграничная делегация, — нуль, если не отрицательную величину, а делегация, повидимому, желает продолжать бороться. И вот, заметая свои следы, как пойманный вор, кричит: «ложь!» по адресу нашему, вместо того, чтобы это слово применить к себе. Я подтверждаю, что это заявление является сплошной ложью.

Председатель. Подсудимый Финн-Енотаевский.

Финн-Енотаевский. Я больше чем кто бы то ни было ждал появления такого заявления. Я ожидал, что если полется грязь, то в первую голову на меня, и меня, как принадлежавшего раньше к большевистской партии, в первую голову называют провокатором. Я заявляю: из того, что я знаю о положении дела, истинные виновники этого дела сидят не на скамье подсудимых здесь, а находятся за рубежом. Они чувствуют эту вину и, не дождавшись процесса, не дождавшись выяснения на суде, спешат со своим заключением, которому никто не поверит. Я не буду повторять того, что здесь говорилось. Я целиком присоединяюсь к тому, что здесь было сказано от имени 14 лиц Якубовичем.

Председатель. Подсудимый Берлацкий.

Берлацкий. Я начал свою революционную работу, когда мне было около 15 лет. Революция пятого года застала меня членом ученического социал-демократического кружка. С тех пор прошло около 25 лет. С небольшими перерывами я все эти годы провел в социал-демократической партии. Те годы, когда я не состоял членом партии, около 8 лет примерно, я все же оставался под влиянием социал-демократии и держал тесную связь с целым рядом руководителей социал-демократии. Я заявляю, что оглашенное здесь заявление — сплошная ложь. Я был представителем социал-демократии в целом ряде ответственных учреждений, где я представлял не себя, а социал-демократию. Я вновь подтверждаю, что все оглашенное здесь из «Форвертса» —

сплошная ложь. Что касается действия террора и давления на меня, то позвольте мне огласить выдержки из моих же показаний, которые не сегодня мною написаны, не по этому специальному поводу.

Еще 4 января, когда я отнюдь не ожидал, что появится такого рода заявление в «Форвертсе», я написал, — тогда, когда я начал признаваться, когда я пришел к заключению, что я должен переоценить свои с.-д. взгляды, когда я пришел к заключению, что вся моя предыдущая деятельность, в особенности за последний послереволюционный период, была ошибочной, — я написал: «к этим результатам меня привели мои мысли, тот анализ всех вопросов, который я провожу в заключении, предоставленный сам себе, без давления на меня извне, при абсолютно корректном и культурном отношении ко мне со стороны всех, и арестованных и допрашивавших меня».

Я считаю, что это мое заявление, написанное не сегодня, а 4 января, дает ответ на заявление заграничной делегации.

По поводу террора и по поводу давления, я совершенно чистосердечно пришел к заключению и убеждению, что моя деятельность является ошибочной, что деятельность с.-д. является ошибочной и вредительской. Поэтому я говорю здесь чистосердечно, не рассчитывая этим купить ту или иную милость, а просто признавая необходимость дать все эти чистосердечные признания.

Председатель. Подсудимый Иков.

Иков. Я уже один раз ответил на вопрос прокурора, как я расцениваю возможность появления того или иного заявления в аналогичном духе. Должен сказать, что я вошел в работу только после того, как я имел официальную санкцию на получение этой работы со стороны Броунштейна и после того, как мне было дано обещание, которое он выполнил, о том, что он вопрос о моем возвращении на работу, на совершенно определенные функции, которые я мог бы назвать как функции агента ЦК в России по подпольному делу, доведет до сведения и я буду иметь подтверждение. Если бы этого подтверждения не было — это значит, что я вхожу в работу на основании того разговора, который я имел с Броунштейном. Тогда никакое «Союзное бюро» меня к работе не могло бы привлечь, тем более странно для меня заявление, помещенное в заграничной газете «Форвертс».

И я должен сказать, в отличие от своих товарищей, что все-таки в такой степени расхождения с истиной не ожидал. Заявление считаю ложным и свое показание подтверждаю полностью.

Председатель. Подсудимый Тейтельбаум.

Тейтельбаум. После всего того, что здесь было сказано товарищами по процессу, мне остается прибавить чрезвычай-

чайно мало. И я ожидал такое заявление, которое здесь было оглашено. Я не знаю, почему заграничная делегация присвоила себе право считать, что только она и есть та организация, которая может перенести историей облыжно заявлять об истинной тактике социал-демократов. Я считаю, что все то, что здесь уже прошло на процессе, и то, что здесь пройдет на процессе, есть именно то, чем жил и дышал социал-демократический российский меньшевизм с самого момента его возникновения. Мне, может быть, больше, чем кому-либо из товарищей по процессу, жившему долгое время за границей и чрезвычайно часто и чрезвычайно близко наблюдающему непосредственно и ту политику и те взаимоотношения, которые существовали между российской социал-демократией и отдельными секциями II Интернационала, больше, чем кому-либо из моих товарищей, документ, который оглашал здесь гражданин прокурор, представляется не только ложным, но и глубоко провокационным перед мировым пролетариатом.

Я в ответ на этот документ заявляю: Дан, Абрамович и Гарви, выйдите сюда, станьте перед нами здесь лицом к лицу, глаз к глазу и попробуйте отвергать все то, что вы мне говорили.

Председатель. Подсудимый Рубин.

Рубин. Я присоединюсь к заявлениям предыдущих обвиняемых. Значение настоящего процесса в том, что он вскрывает с яркостью те крайне контрреволюционные выводы, к которым неизбежно, в силу логики вещей, приводит всякая политическая борьба против советской власти. И именно это значение процесса заставляет уже сейчас заграничную делегацию делать первые попытки парализовать действие процесса, и затем в дальнейшем, по мере возможности, парализовать то влияние, которое может оказать этот процесс на меньшевистскую партию. То опровержение, которое заграничная делегация опубликовала в «Форвертсе», целиком продолжает ту тактическую линию, которую заграничная делегация вела вообще. Заграничная делегация пыталась на словах ограничить борьбу против советской власти определенными пределами и рамками, из которых она на словах не выходила, а на деле логикой вещей выходила из рамок, эти рамки на деле разрывались, на деле санкционировались те крайне к.-р. выводы и методы, которые, в частности, применялись нашей организацией. Мне известно, что наша организация входила в тесные взаимоотношения с заграничным центром, получала санкции на решения и

теперь попытка отмежеваться от «Союзного бюро», отказаться от этой деятельности, не брать на себя ответственность продолжает ту самую тактическую линию, которую продолжает заграничная делегация в других вопросах, а именно: она пытается на словах отрицать то, что на самом деле было в жизни. Она пытается снять с себя ответственность за те действия, которые были на самом деле, которые были санкционированы и получили одобрение.

Поэтому мы должны расценивать эту первую попытку лишь как часто в политике применяющуюся ложь, которая имеет целью спасти самих себя. Смешно говорить о том, что 14 человек, не раз сидевших в тюрьмах, могут говорить по принуждению и давать вынужденные показания о своей деятельности. Это столь невероятно, что каждый здравомыслящий человек безусловно эту гнусную версию откинет и мы, знающие фактически ту работу, которая проводилась и которая получила санкцию заграничной делегации, мы можем ответить, что заявление есть ложь, что наши показания мы целиком подтверждаем, что те показания, которые мы делаем и делаем, что этими показаниями мы вскрываем картину той работы, которая проводилась меньшевистской организацией здесь.

Громан. Можно мне еще сказать?

Председатель. Пожалуйста.

Громан. Я не коснусь вопроса о принуждении. Я считал прямо ниже своего достоинства отвечать на этот вопрос, но я понимаю значение того обвинения, что мы даем наши показания по принуждению. Поэтому я и счел долгом просить еще минуту внимания.

Я должен сказать, что за последние годы я каждый год болел и раза по два у меня были припадки, каждый из которых мог грозить тяжелыми последствиями. Первый раз за все годы я в виду ареста восемь месяцев провел без припадков: за мной был чрезвычайно тщательный медицинский уход, мне давался и дается совершенно исключительный стол, особо продуманный коллегией профессоров, которые приглашены. Никакого принуждения я не испытал. Тот внутренний процесс осознания всех тех глубоких заблуждений и тяжких преступлений, которые совершены против рабочего класса, привел меня к тем показаниям, которые я дал на предвзвешенном следствии и которые я повторил и повторяю здесь.

Председатель. Объявляется перерыв до 10 часов утра завтрашнего дня.

3 марта

Утреннее заседание

Председатель. Заседание возобновляется. Имеются ли вопросы по первому эпизоду?

Крыленко. По первому эпизоду у обвещения вопросов нет.

Коммодов. Позвольте мне задать несколько вопросов подсудимому Громану.

Председатель. Пожалуйста. Подсудимый Громан.

Коммодов. Скажите, пожалуйста, как давно вы знаете Финн-Енотаевского?

Громан. Не менее 25 лет.

Коммодов. На какой почве вы его узнали, — на почве ли деловых отношений, научной ли работы или, может быть, партийной деятельности?

Громан. Знал я его как революционера, социал-демократа меньшевика в период первой революции и в годы, сейчас же последовавшие за первой революцией. Нас сближала оценка революции, но практически он был в большевистской организации, а я в меньшевистской. Практических политических отношений у нас не было, но беседы, политический обмен мнений и научный обмен мнений были.

Коммодов. Знали ли вы его впоследствии, как научного деятеля?

Громан. Да, я следил за его специальными серьезными работами и по политической экономии и по исследованию развития капитализма в России, а также и об основах мирового хозяйства.

Коммодов. Характер работы его был ли достаточно солидным в научном смысле?

Громан. Да. Он принадлежал к солидным научным марксистским работникам-исследователям.

Коммодов. Когда образовалось «Союзное бюро», входил ли Финн-Енотаевский в какую-нибудь из комиссий?

Громан. Нет, в комиссиях он не участвовал.

Коммодов. Его посещения «Союзного бюро» были ли частыми или по роду его службы, поскольку он находился в Ленинграде, это было довольно редко?

Громан. Да, конечно, скорее второе, приезды его в Москву были не часты, так что его роль в количественной части, по сравнению с нами, московскими работниками, гораздо меньше.

Коммодов. И вы, конечно, подтверждаете, что, когда вы делали ему предложение о передаче денег, вы ему сказали, что это для социал-демократической организации меньшевиков?

Громан. Да.

Коммодов. И он это знал?

Громан. Да.

Коммодов. Товарищ председатель, можно вызвать подсудимого Финн-Енотаевского?

Председатель. Подсудимый Финн-Енотаевский.

Коммодов. Когда было вам сделано предложение о передаче денег, пакетов, корреспонденции из-за границы, Громан вам указал, что деньги нужны для организации, что это организация социал-демократов меньшевиков, указал ли он источник, откуда это все поступает?

Финн-Енотаевский. Было указано, что он является представителем социал-демократической партии здесь, что у него сношения с заграничным ЦК, что налажены корреспондентские связи, и просил немного оказать содействие в этом деле. Я оказал, но об организации, о целях таковой, мне не было сообщено.

Коммодов. Как часто приходилось вам бывать в Москве за последние годы?

Финн-Енотаевский. Пять раз.

Коммодов. Каждый раз вы виделись с Громаном или иногда у вас не было во время приездов в Москву с ним встречи?

Финн-Енотаевский. Нет, каждый раз я с ним встречался.

Коммодов. Скажите, пожалуйста, каков был характер ваших поездок, — вызывались ли они служебными обязанностями или научными докладами?

Финн-Енотаевский. Эти поездки носили характер исключительно научный; они делались по приглашению соответствующих учреждений.

Коммодов. Характер вашей работы за последние годы — научно-исследовательский?

Финн-Енотаевский. Да, я был профессором. Но в виду моего болезненного состояния, — со мной произошел удар, — врачи запретили мне практическую деятельность, и я должен был свою педагогическую работу свести к минимуму — к двум часам в неделю. Я не мог вести практических занятий со своими слушателями. А в последнее время, когда Политехнический институт стал Финансово-экономическим институтом, я стал читать два часа в декаду. Так как мои финансы были в очень плачевном состоянии, то директорат постановил выдавать мне персональную пенсию в 300 рублей.

Коммодов. Дата вашего вступления в организацию?

Финн-Енотаевский. В тот момент, когда мне было предложено оказать содействие.

Коммодов. А дата вашего вступления в «Союзное бюро»?

Финн-Енотаевский. В тот момент, когда мне об этом сообщили. Это было в апреле или в мае 1930 г.

Коммодов. При поездке за границу вы виделись с кем-нибудь из заграничной делегации?

Финн-Енотаевский. Абсолютно ни с кем.

Коммодов. Кого вы знали из организации до 1928 г., лично кого знали? Громана знали?

Финн-Енотаевский. Громана знал, видел Суханова. Кроме Суханова, я никого не знал.

Коммодов. А после 1928 г. вы знали всех или нет?

Финн-Енотаевский. Я в 1929 г. спросил, какой состав «Союзного бюро», но лично никого не знал.

Коммодов. Кого же вы лично знали?

Финн-Енотаевский. Суханова и Громана. Встречался с Громаном, с Сухановым редко.

Коммодов. В комиссию вы не входили?

Финн-Енотаевский. Ни в одну.

Коммодов. Больше у меня вопросов к подсудимому Финн-Енотаевскому нет. Разрешите задать вопросы Шеру.

Председатель. Подсудимый Шер.

Коммодов. Мне бы хотелось задать один общий вопрос. Вы сказали вчера относительно того тупика, в смысле массовой работы, к которому вы пришли. Вот, отсутствие такой широкой сознательной базы, на которую вы могли бы опереться, не приводило ли вас к мысли о том, что, продолжая борьбу с большевиками, вы в силу необходимости должны будете войти дальше в блок с контрреволюционными организациями?

Шер. Я должен ответить на этот вопрос утвердительно потому, что из той социальной базы, на которой вырос новый меньшевизм, выросли впоследствии

и все те тактические установки, которые были этому меньшевизму свойственны, в частности, и блок с внешними контрреволюционными организациями.

Коммодов. Вы понимали, что диалектика борьбы должна была привести к этому, поскольку не было широкой социальной базы?

Шер. Тут было отсутствие не только широкой социальной базы, тут были и другие моменты.

Коммодов. А не приходили вы к выводу, что в виду бесплодности нужно прекратить эту борьбу?

Шер. Нет, к такому выводу мы не приходили.

Коммодов. У меня больше нет вопросов.

Председатель. Есть еще вопросы?

Брауде. Я бы попросил подсудимого Волкова.

Председатель. Подсудимый Волков.

Брауде. Скажите, вы вчера вскользь говорили о ваших настроениях, предшествовавших вступлению в «Союзное бюро». В ваших показаниях от 30 января вы даете очень подробный анализ эволюции вашей фракционной линии за весь период меньшевистской деятельности. Прейдите вкратце весь этот период.

Волков. Я вступил во фракцию социал-демократов в 1905 г., и нужно сказать, что я в этот момент не представлял себе той резкой фракционной борьбы, которая тогда уже была между большевиками и меньшевиками. Я, естественно, перейдя из эсеров в социал-демократы, встал на почву защиты единства рабочего движения и, в частности, единства партийного. Поэтому во всей моей последующей партийной деятельности я был сторонником единства. Так, в период 1911—12 г., когда Плехановым издавался журнал «Единство», я примыкал к нему, но когда разразилась война и журнальная «Единство» вместе с Плехановым стали на оборонческую позицию, я отошел и перешел к интернационалистам. В 1917 г., во время Февральской революции, я стал на почву единства и предполагал, что Февральская революция дает для этого все возможности. Поэтому вначале я принимал участие в создании объединенных организаций Ленинграда, вел переговоры с так называемыми межрайонцами относительно объединения и создания отдельных организаций. Но вскоре я убедился, что как большевики, так и меньшевики совершенно не склонны были идти на какое-нибудь объединение. Это меня несколько разочаровало, и я отошел немного от партийной работы, в частности, будучи выбранным в петроградский комитет меньшевиков, я сознательно уклонился от участия в его работе, потому что и в его среде вопросы об единстве не получали должного отражения.

Я вошел в профсоюзную работу. В этот период был секретарем союза металлистов, а затем принимал участие в кооперативной работе и только изредка и не вилотную начал принимать участие в партийной работе так называемой группы Мартова. Я втягивался в политическую работу к концу февральской революции, но и здесь я не был в достаточной степени удовлетворен той тактикой, которая намечалась и которая проводилась группой Мартова. Мне казалось, что группа Мартова, находясь в единой оборонческой организации, выступая на митингах и собраниях против оборонцев, тем самым разрушала социал-демократическую организацию, не привлекая к себе никаких новых сторонников, а, наоборот, отталкивая от себя критикой социал-демократической работы в сторону большевизма тех отдельных рабочих, которые могли бы при других условиях встать в ее ряды. Поэтому я полагал, что в тот момент группа Мартова должна была образовать самостоятельную организацию и постараться использовать положение для себя, а не для большевиков. На этой почве я и расходился с группой Мартова. Влияние мое тогда было очень незначительно, я нигде не выступал и только в отдельных беседах с товарищами эту мысль проводил.

Председатель. Как вы мыслите, что это значит — использовать для себя?

Волков. Я мыслил таким образом: если бы группа Мартова в тот момент отошла и создала самостоятельную организацию, то тогда не было бы такого ложного положения, которое случилось. Ведь группа Мартова, как социал-демократическая, входя в единую партию, на митингах и собраниях выступала против оборонцев, против своих сотоварищей по партии, критикуя их работу. А надо вам сказать, что в этот период большинство партий было в руках оборонцев, они вместе с эсерами, по существу, и держали судьбы революции в своих руках. Таким образом мы, выступая против оборонцев на широких собраниях, тем самым не могли привлекать в ряды социал-демократии новые силы, а, наоборот, своей критикой отталкивали их от себя. Куда же они могли пойти? Конечно, к большевикам.

Председатель. Что же, вы были связаны партийной дисциплиной?

Волков. Если бы мы были связаны партийной дисциплиной, то тогда, конечно, мы бы не выступали с критикой оборончества. В то время такой партийной дисциплины, о которой сейчас можно говорить, не было. Поэтому мы, состоя в одних рядах с оборонцами, в то же время выступали на широких собраниях, критикуя их деятельность.

Председатель. Что же вас удерживало в одной партии?

Волков. И сам Мартов и большинство товарищей, которые с ним работали, считали необходимым завоевать партию изнутри, т. е. путем агитации внутри партии получить в партии большинство. Это они и сделали, но сделали уже после Октябрьской революции, на ноябрьском съезде. Действительно, группа Мартова, в том числе и мы, получили большинство. Я тогда на съезде в ноябре, после революции, вместе с Мартовым попал в ЦК.

Затем, когда началась Октябрьская революция и когда большевики, по моему мнению, в то время нарушили уже не только партийное единство, о котором я когда-то мечтал, но и единый пролетарский фронт, как я тогда понимал, то я, конечно, был резко враждебен к этой партии, несмотря на то, что я среди меньшевиков был одним из самых левых.

Затем, эта моя враждебность к Октябрьской революции, конечно, не была такой, чтобы я стал на почву саботажа. Я продолжал, как я уже говорил, работать в профессиональных и кооперативных организациях, но это внешнее сближение с большевиками объяснялось, главным образом, тем, что я вместе с ними работал в профессиональном движении. В союзе металлистов председателем был Шляпников, я был один из секретарей, Шмидт принимал участие в ВЦСПС, тогда в Совете профессиональных союзов. Это внешне сглаживало мои отношения с большевиками, но Октябрьской революции в то время я не понимал и был к ней враждебен. Затем последующие стадии развития заключались в том, что большевики начали снимать с постов меньшевиков, в том числе и я подвергся этой участи. Сначала я должен был уйти из профессионального движения, затем переключался в кооперативные организации, а из кооперативных организаций, в конечном счете, тоже пришлось уйти.

Председатель. Вы считаете, что вас с постов снимали? А вас переизбрали?

Волков. Конечно, переизбрали, на почве переизбрания была борьба, — не так-то просто.

Я понимал таким образом, что в области профессионального и кооперативного движения возможно работать с нами, относящимися не столь резко к большевикам, как правая часть. Я полагал, что возможно вести с нами совместную работу и дальше. Но оказалось, что в этом отношении я ошибался. И нужно сказать, что я очень сильно и настойчиво боролся за сохранение своего влияния как в профессиональной, так и в кооперативной жизни. Борьба приняла для меня острый характер, и те товарищи из большевиков, которые встречались со мной на профессиональной и кооперативной работе, знают, как яро я защищал свою позицию. Это обстоятельство подлило масла в огонь, обострило мое лич-

ное отношение к большевикам. В 1920 г. кончается, по существу, моя выборная кооперативная работа, и в этот период я отошел от социал-демократической организации вообще, ибо разочаровался в ней.

Еще один момент: когда социал-демократы встали на путь защиты Советского Союза или советской власти, в то время Советского Союза не было, от Деникина и Колчака, я полностью разделял эту позицию и считал, что эта совместная защита может привести к дальнейшему сближению между большевиками и меньшевиками. В частности, я предлагал, что со стороны коммунистов будет несколько смягченный режим по отношению к меньшевикам. К сожалению, я ошибся и, вместо смягчения, получился окончательный разгром меньшевизма. Я разочаровался и отошел от работы в 1920 г. В 1924 г. я оставил кооперативную работу и во все последние годы работал по найму, а не по выборам. Последующее мое настроение определялось, с одной стороны, работой в ВСНХ, в области промышленности, а с другой, — работой с теми товарищами, вместе с которыми, в конечном счете, я попал в «Союзное бюро».

Брауде. Отвечая на вопросы прокурора, вы вчера говорили о тех моментах, которые активизировали ваше антисоветское настроение непосредственно перед вступлением в «Союзное бюро». Не было ли у вас еще моментов, кроме тех, о которых вы говорили вчера, моментов чисто психологического характера?

Волков. Я не полностью вчера мог все изложить. Я, например, вчера как-будто не сказал о тех традициях меньшевизма, в плену которых я оставался в этот период. Тут говорить нечего: самый стаж партийный говорит за это. Я состоял в меньшевистской партии с 1905 по 1920 год — 15 лет. Затем я указал, что, работая в промышленности, я пришел к выводу, как и мои многие товарищи по ВСНХ, что для того, чтобы продолжать развивать промышленность, необходимо дальнейшее развертывание нэпа. Говорили о том, что нехватает сырья, что необходимо укреплять сельское хозяйство, индивидуальное сельское хозяйство и т. д. Между тем перспективы, вытекавшие в смысле индустриализации и коллективизации сельского хозяйства были для меня неясны.

Что касается личного, то я не знаю, стоит ли об этом говорить, хотя, может быть, и это имеет значение.

Брауде. В «Союзном бюро» вы в какие комиссии входили?

Волков. В орггруппу.

Брауде. В программную комиссию не входили?

Волков. Нет. Что касается орггруппы, то не надо ее представлять так, как можно подумать, судя по названию. Ру-

ководил ею Штерн Александр Борисович, давал он поручения отдельным товарищам, привлеченным в эту группу, по каждому отдельному участку работы. Он же вел все беседы о направлении работы. Я не знал, что делали другие члены группы, точно так же, как они не знали, что делал я, а если и знали, то только из личных бесед, потому что на одного заседания не было.

Брауде. Вы вчера указывали на бесплодность ваших попыток найти и завербовать в организацию бывших рабочих-меньшевиков. Как вы тогда объясняли ваш неуспех?

Волков. Я вчера понял вопрос несколько иначе: были ли на предприятиях организованы ячейки из социал-демократов, работавших непосредственно у станка. Я сказал, что таких рабочих я не знал. Что касается вообще работающих на предприятиях, то были единицы старых меньшевиков, которые работали уже не у станка, а занимали ту или иную ответственную должность — мастера, наборщики. Трудность заключалась в том, — я это переживал довольно долго и длительно, — что эта новая тактика давалась нелегко и непросто. Поэтому естественно, что на это дело приходилось тратить много времени.

Брауде. А не пришли ли вы тогда к такому убеждению, что у вас нет идеологической базы в пролетарской массе и поэтому всякая попытка будет бесплодной?

Волков. Такие мысли мне не приходили. Когда есть настроение двигаться в одном направлении, то на это затрачиваешь всю энергию. Не всегда оглядываешься назад, — для этого нужны время и подходящие условия.

Брауде. Ну, а теперь, оглядываясь назад?

Волков. Сейчас, оглядываясь назад, я считаю, что у меня в этом отношении был ряд ошибок. Я уже об этом говорил и заявляю сейчас.

Брауде. Как вы сейчас расцениваете всю вашу деятельность, особенно с момента вхождения в «Союзное бюро»?

Волков. Я считаю, что я, конечно, делал ошибки. В частности, я недостаточно оценил Октябрьскую революцию. Я рассматривал ее, как эпизод, при чем кратковременный, в то время как жизнь показала, что это исторический шаг или этап на пути рабочего движения. Вторая ошибка, которую, считаю, я допустил, — это переоценка надежд на изжитие коммунистической власти, коммунистических начал, надежд на разложение советской власти. Я считаю, что это — вторая ошибка. Затем третья ошибка — это недостаточная оценка, недооценка той новой линии со стороны советской власти и коммунистической партии, которая характеризуется уже новым этапом, характеризуется развитием индустриализа-

ции страны и коллективизацией сельского хозяйства. И, наконец, четвертая ошибка — мое вступление на путь преступной деятельности в организацию «Союзного бюро» и работа в этой организации.

Брауде. У меня вопросов больше нет.

Председатель. Подсудимые, есть ли у вас какие-нибудь вопросы, связанные с ведением судебного следствия по первому эпизоду? (Нет).

Тогда мы перейдем ко второму эпизоду. Это — работа «Союзного бюро», как руководящей организации.

Крыленко. Можно ли вызвать Шера?

Председатель. Подсудимый Шер.

Крыленко. Будьте любезны, сообщите то, что вам известно о принципиальном содержании, практических директивах и решениях «Союзного бюро» в его пленарных заседаниях?

Шер. Пленумы «Союзного бюро» я вчера назвал и повторять этого не буду. Они состоялись три раза: в 1928, 1929 и 1930 гг. В 1928 г. на пленуме в марте-апреле, состоявшемся на квартире у Штерна, обсуждались следующие вопросы: пятилетка и тактика РСДРП. Докладчиком был Громан. Выводы, которые были сделаны в связи с этим докладом, а также в связи с сообщением Петунина, которое, по-моему, или предшествовало или следовало непосредственно за этим докладом, о его свиданиях с Мартовым...

Председатель. С Даном?

Шер. Виноват, с Даном, — выводы, которые были по этому поводу сделаны, сводились к тому, что пятилетка при ее осуществлении обуславливает определенную политику советской власти и что поэтому необходимо применить дезорганизаторскую, т.е. вредительскую деятельность для того, чтобы не дать осуществить пятилетку.

Затем на том же пленуме стояли вопросы об отношении к смежным контрреволюционным организациям. Докладчиком по этим вопросам был я. Здесь имелось в виду, главным образом, отношение к «ТКП», и в решениях, принятых по этому вопросу, указывалось на необходимость установления тесной связи с этой организацией.

Затем обсуждался также и организационный вопрос, т.е. вопрос о социальной базе, об образовании ячеек по учреждениям и т.д.

В обвинительном заключении, по сообщению Залкинда, указывается, что докладчиком по этим вопросам выступал я. Это неверно, поскольку вообще, повидимому, моя фамилия легко спутывается с фамилией Штерна. Докладчиком по этим вопросам выступал руководитель организационной группы Штерн. Решения, которые по этому поводу были приняты, сводились к укреплению тех организационных начал, которые были мною вчера изложены и которых по-

вторять здесь не стоит, — это вопрос о той социальной базе, на которой строился новый меньшевизм, вопрос относительно методов подхода к массовой работе, к работе среди интеллигенции и т.д. Я думаю, что я могу не останавливаться на содержании решения, которое было принято: оно целиком соответствует тем установкам, которые вчера были, в частности, мною здесь изложены.

Крыленко. Значит, стояло три основных вопроса — вопрос вредительства, или, как вы говорите, дезорганизаторской работы, — это раз.

Шер. В связи с вопросом о пятилетке. Ставился вопрос о пятилетке.

Крыленко. Можно сказать, пятилетка и дезорганизаторская работа. Это — первый вопрос, большой вопрос хозяйственной политики и вместе с тем вопрос тактики. Второй вопрос — это вопрос об отношении к «ТКП» — к контрреволюционным организациям на первом пленуме и, наконец, организационный вопрос.

Шер. Совершенно правильно.

Крыленко. По вопросу организационному решение было принято? Практическое значение имело это решение или нет?

Шер. Практическое значение это решение имело в том смысле, что санкционировало путь, по которому ощущу, хотя и достаточно сознательно, шло «Союзное бюро» еще в первый период, период формирования.

Крыленко. А что было решено по второму вопросу относительно блока?

Шер. Там было высказано общее желание о более тесном контакте с «ТКП», как организацией наиболее близкой социал-демократам, как организации крестьянской, ставившей ту же цель — свержение советской власти.

Крыленко. Итак, первый пленум, а затем?

Шер. Затем был второй пленум — октябрь-ноябрь, примерно поздней осенью 1929 г. Здесь стояли нижеследующие вопросы: вопрос о колхозном движении, о перспективах, связанных с крестьянскими волнениями. Докладчиком был Суханов. Я выступал как содокладчик. Общие перспективы колхозного движения и оценка колхозного строительства, отрицательная оценка исходили от Суханова. Я останавливался на практических вопросах — о крестьянских восстаниях и о той тактике, которую РСДРП должна занять по отношению к крестьянским восстаниям.

Решение, которое по этому вопросу было принято, практически сводится к тому, что необходимо вступить в связь, в контакт, близкий и тесный, с «ТКП» на предмет координации действий по вопросу о крестьянских восстаниях. Практическим результатом этого было создание комиссии совместно с «ТКП». Комиссия собиралась несколько раз специально

по вопросу о содействии крестьянским восстаниям и носила до некоторой степени характер обсуждения военных вопросов.

Затем на пленуме обсуждался вопрос о контрольных цифрах на 1929—1930 г., о выполнении контрольных цифр на 1928—29 г. Докладчиком по этому вопросу был Гинзбург, а содокладчиком — Залкинд. Вопрос ставился о контрольных цифрах на 1929—1930 г. в перспективе той же самой вредительской работы, т. е. здесь намечались шаги и общая линия вредительской работы в связи с перспективами, намечаемыми советской властью по строительству на 1929—30 г.

На том же пленуме стоял второй вопрос, о котором докладывал Громан, — это вопрос о блоке с «Промпартией». Вернее тогда не стоял, если я не ошибаюсь, твердо и определенно вопрос о блоке, а стоял вопрос о соглашении с «Промпартией» и вопрос об интервенции. Это был первый пленум, на котором было высказано мнение о том, что интервенция не только неизбежна, но что интервенция желательна и необходимо принять меры к ее поддержке. Таким образом, этот вопрос был тесно связан с вопросом о соглашении с «Промпартией». Оба вопроса докладывал Громан.

Наконец, на том же пленуме обсуждался вопрос, который докладывал Н. Н. Суханов, — это вопрос о расчленении среди ВКП(б) и об использовании, в особенности, правого уклона, который в то время занимал внимание всех. Вот эти четыре вопроса стояли на втором пленуме 1929 г.

Третий пленум состоялся весной, примерно в апреле 1930 г., на квартире у Желудкова. На этом пленуме обсуждалось два вопроса. Первый вопрос об интервенции, при чем докладчиком по этому вопросу был Громан. Вопрос ставился в смысле сроков интервенции, откладывания этих сроков, словом, в совершенно практической форме. Затем на этом же пленуме Сухановым докладывался вопрос относительно течения внутри ВКП в смысле констатации победы сталинской линии и генеральной линии партии. Из этого делались выводы, что победа сталинской линии и твердый курс ВКП делают безнадежными какие бы то ни было попытки использования тех или иных уклонов, какого бы то ни было рода компромиссов. Вывод, который следовал отсюда — было усиление боевых методов, применявшихся организацией: вредительство и интервенция. Вот содержание этих докладов. Вот основные моменты, которые обсуждались на всех трех пленумах, о которых я докладывал вчера.

Резюмируя, можно сказать, что эти пленумы и содержание их работы рисуют постепенно эволюцию, которую переживало в своих взглядах «Союзное бюро».

Во-первых, обсуждался вопрос только о вредительстве. Далее идет вопрос о блоке с более близкой контрреволюционной организацией, с «ТПК». Далее идет вопрос об интервенции принципиально и о блоке с «Промпартией», и затем последний пленум форсирует вопрос о вредительстве в связи с победой сталинской линии и уже практически подходит к вопросу об интервенции, т. е. вопросы сроков, методов действия и т. д.

Крыленко. Значит, мы выделим из всех этих «работ» пленумов эти три вопроса: вопрос относительно интервенции, вопрос о блоке с буржуазными партиями и вопрос о вредительстве. Какие документального характера данные имело в своем распоряжении «Союзное бюро» об отношении к этим вопросам со стороны заграничной делегации и заграничного центра?

Шер. Документы, которые были со стороны заграничного центра, не исчерпывают всего материала, полученного от заграничного центра, поскольку, кроме документов, были и личные сообщения.

Крыленко. Это я знаю, но по этим вопросам?

Шер. По этим вопросам мы имели следующее: первый пленум, а может быть это было сейчас же после первого пленума, имел документ, полученный Громаном от Дана, по вопросу об интервенции и о вредительстве. Это письмо, полученное осенью 1928 г.

Крыленко. Я так поставлю вопрос: по всем основным вопросам, по вопросу о вредительстве, по вопросу о блоке с буржуазными партиями, по вопросу об интервенции имелись ли в вашем распоряжении обращения или письма, или в той или другой форме директивные указания со стороны заграницы?

Шер. Имелись.

Крыленко. Вы эти письма читали?

Шер. Да.

Крыленко. Скажите их приблизительное содержание. Потом мы спросим других подсудимых и, наконец, тех, которые хранили эти документы.

Шер. Содержание...

Крыленко. Это было уже после петунинской поездки, после его приезда, когда он привез две основные директивы: в отношении троцкистов одну и в отношении дезорганизаторской или вредительской работы — другую. «Союзное бюро» стало определенно на этот путь и на своих пленумах затем обсуждало это еще раз, возвращаясь к этому вопросу. Вот я и говорю, какого рода документы в этом отношении имелись?

Шер. Я говорю, что документы, имевшиеся по этому поводу, сводились к следующим четырем, насколько мне помнится, письмам. Первое письмо было за подписью Дана или за подписью, которая конспирировала подпись Дана, письмо полученное Громаном через Флин-

Енотаевского. В этом письме определенно говорилось относительно необходимости перехода к дезорганизаторской работе и говорилось также в общих чертах о необходимости поддержки интервенции, предполагая, что она неизбежна, и считая, что в процессе предстоящей борьбы с интервентами придется так или иначе РСДРП решить вопрос о том, на какую же сторону борющихся ей придется стать. Поэтому уже это письмо давало совершенно определенные указания.

Затем, второе письмо, которое я вспоминаю, письмо, полученное Тейтельбаумом и привезенное им в 1929 г. и переданное мне через Якубовича. В этом письме то же самое говорилось об интервенции, давалась уже самая определенная положительная оценка интервенции, указывалось на необходимость ее поддержки, на необходимость установления связи с буржуазными партиями.

Крыленко. Давайте так разберем этот вопрос: в своих показаниях вы говорите о письме, которое привез Берлацкий. Мы об этом говорили и к этому возвращаться не будем. О петушинской поездке говорить не будем. А вот 1928 г. Тезисы заграничной делегации по вопросу об отношении к буржуазии в 1928 г., полученные от Громана и ему же возвращенные. Каково их содержание?

Шер. Обычно заграничная делегация присылала тезисы по тем вопросам, которые стояли перед пленумом. Тезисы эти соответствовали тем решениям, о которых я говорил выше. Это были материалы, которые, пожалуй, трудно назвать директивами, поскольку они были без подписи и поскольку они не исходили от определенного лица. Но это были тезисы заграничной делегации. Тезисы эти касались всех или основных вопросов, стоявших перед пленумом. Они поступали в 1928 г. и в 1929 г. В 1928 г. я не помню, поступили ли они перед самым пленумом или после пленума. Но те письма, о которых я говорил: письмо полученное от Дана Громаном в конце 1928 г., затем письмо, полученное от Югова и Дана Тейтельбаумом и привезенное в начале 1929 г., все эти письма определенно указывают на необходимость интервенции и вредительской работы.

Крыленко. А как стоял вопрос об интервенции?

Шер. Сначала он стоял в довольно неопределенной форме. Говорилось о том, что интервенция является неизбежной, что интервенция — неизбежный факт развития, вытекающий из международного положения Советского Союза, с одной стороны, и из отношения к Советскому Союзу со стороны буржуазных государств, с другой, что в этих предстоящих столкновениях Советскому Союзу придется столкнуться с мнениями демократических государств о его политике

красного империализма и красного фашизма, как говорилось. И вот предполагалось, что РСДРП придется решать вопрос о том, на какую сторону становиться в этом столкновении: быть ли оборонцами в предстоящей борьбе или пораженцами.

Крыленко. И как решалось?

Шер. И затем стало решаться все более и более определенно: в предстоящей борьбе нужно встать на путь решительной борьбы с советской властью, оказывать активную поддержку борющимся против советской власти государствам и, оказывая эту поддержку, готовиться к решительной борьбе.

Крыленко. Как представлялись перспективы результатов? Допустим, что интервенция произошла, социал-демократия становится перед фактом, она должна реагировать на происшедшее и перед ней два выхода — или поддерживать или бороться. Допустим, что она встала на точку зрения поддержки. Какая же конкретная задача, какая конкретная роль обрисовывалась в этом случае перед социал-демократами, согласно указаний заграничной делегации. Что, они должны были безоговорочно идти за буржуазными интервентами или, наоборот, проводить свою самостоятельную линию?

Шер. Предполагалось, что независимо от субъективной воли интервентов этот факт будет объективно прогрессивным, он даст в результате свержения советской власти установление буржуазно-демократического порядка.

Крыленко. А в процессе самой интервенции какую позицию надлежало занять?

Шер. Активную и чем она будет активнее, тем больше шансов на то, что результаты интервенции...

Крыленко. Какие результаты должны быть, как они должны быть использованы, как представляли вы и заграничная делегация?

Шер. Результаты должны быть таковы, что часть власти могла быть уступлена меньшевикам.

Крыленко. Меня интересует принципиальная установка. Мы знаем по процессу «Промпартии», что там определенно ставился вопрос о том, что в первый период должна быть военная диктатура, диктатура какого-нибудь генерала, скажем, Лукомского. Эта перспектива вами принималась или отрицалась?

Шер. Отрицалась. Она перед нами не ставилась.

Крыленко. Но она объективно была возможна. Что надлежало предпринять для того, чтобы ее не было?

Шер. Предполагалось, что будут приняты соответствующие меры со стороны заграничной делегации.

Крыленко. А именно?

Шер. Соответствующий створ с социалистическими партиями тех стран,

которые могут влиять на свое правительство или которые в этом правительстве участвуют.

Крыленко. Какую роль должен был сыграть II Интернационал?

Шер. Роль посредника. Это все время подчеркивалось в заграничной делегации, а именно, что эта опасность монархического или какого-нибудь крайне реакционного перелома в результате интервенции будет парализована участием тех сил II Интернационала, на которые заграничная делегация опирается и которые, следовательно, дают возможность избежать такого рода постановки вопроса.

Крыленко. Правильна ли будет такая формулировка позиции и задач, которые ставила перед вами заграничная делегация: интервенция является объективно неизбежным фактом — первое положение. Второе положение — интервенция тем не менее является по сравнению с тем, что делается в СССР, прогрессивным фактом, ибо она даст выход из того хозяйственного тупика, в котором находится сейчас благодаря политике коммунистической партии СССР, и будет способствовать проведению здоровых хозяйственных начал капиталистической реставрации с теми или иными поправками, но с сохранением тех или иных завоеваний революции.

Третье положение — в связи с этим перед социал-демократией стоит задача использовать интервенцию в своих целях, т.е. в целях сохранения возможно больших завоеваний революции в смысле демократического строя, борьбы против реакционных, реставраторских, монархических поползновений со стороны других контрреволюционных слоев откровенно-буржуазного характера и в связи с этим создание соответствующих условий, наиболее благоприятных для рабочего класса.

Четвертое — в свете этих перспектив помогать интервенции путем ее подготовки и расшатывания хозяйственных и государственных органов СССР и создания отдельных ячеек в армии и прочее. Правильна такая формулировка?

Шер. Правильна.

Крыленко. Скажите, вам известны или были ли известны какие-либо документы заграничной делегации, письменные документы, где высказана вся начерченная мною сейчас схема, кроме последнего пункта?

Шер. Я что-то не могу припомнить такие документы.

Крыленко. Они вышли тогда, когда вы уже были арестованы. Но в беседах и в директивных указаниях заграничного бюро такая точка зрения развивалась или нет?

Шер. Да, но вместе с последним пунктом, — полностью.

Крыленко. В тех документах, которые вы передали Рубину? Вы не отрицаете, что вы передавали Рубину документы?

Шер. Нет, я об этом показал еще за месяц до показаний Рубина. Мои показания относятся к 21 января, а показания Рубина к 21 февраля. Я указывал, что передал ему два документа: один относительно блока с буржуазными партиями, в частности с «ТКП», и второй документ об интервенции. Оба эти документа были получены от Икова через посредство его связи с заграничной делегацией и переданы Рубину, поскольку все документы с 1930 г. начали храниться у Рубина.

Крыленко. В своих показаниях вы пишете, что все документы, которые находились у вас, были уничтожены, а эти документы?

Шер. Да. А эти, кажется, сохранились.

Крыленко. Теперь мы отметим следующий момент: блок с «ТКП» и с «Промпартией». Имели ли вы по этому поводу письменные указания?

Шер. Да.

Крыленко. В «платформе» 1924 г. имеются ли какие-нибудь прямые указания на возможность, целесообразность и необходимость таких блоков?

Шер. Да, но в общих чертах.

Крыленко. Разрешите сейчас процитировать, чтобы этот вопрос был ясен. В «платформе» 1924 г., в официальном документе меньшевиков, по этому поводу говорится. (К председателю). Разрешите процитировать?

Председатель. Объявляется перерыв для того, чтобы пустить в зал рабочих с предприятий.

Председатель. Заседание возобновляется. Подсудимый Шер.

Крыленко. Так вот по вопросу об интервенции мы с вами установили, что основная позиция сводилась к тем четырем задачам или четырем положениям, которые были сформулированы перед этим.

Теперь по вопросу относительно соглашения с другими контрреволюционными организациями. Я читаю, с разрешения товарища председателя, 49-ю страницу программы РСДРП.

«Исходя из изложенного, в борьбе за демократическую республику РСДРП, как классовая партия пролетариата, ставит себе в настоящее время ближайшие задачи: преодоление всех препятствий, нагромождаемых на ее пути, преследуемая террором, собрать под свои знамена передовые элементы рабочего класса, содействовать всеми силами политическому оформлению стихийного рабочего движения, усвоению тех очередных требований, осуществление которых будет означать решительный разрыв с режимом диктатуры пролетариата и фактическое вступление на путь демократизации государственного строя. Эти очередные требования, на основе которых возможно

дальнейшее развитие демократии, РСДРП выставляет, как платформу, для соглашения всех групп, партий и частей, свободных в ходе развития твердо встать на почву революции и защиты интересов трудящихся, и признать необходимым образование власти, готовой работать над демократическим преобразованием государства и предотвращением бонапартистского вырождения революции».

Вот эта программа, принятая еще в 1924 г., и то указание, которое было дано в документе, о котором мы говорим, о соглашении с «ТКП», с кулацкой группой Чайнова—Кондратьева, оно во втором документе было тоже обосновано таким же образом или же дополнительно развито еще какими-нибудь новыми моментами?

Шер. Оно было сформулировано так же, но там указывалось более конкретно на перспективы работы этой группы «ТКП», как одной из наиболее мощных организаций контрреволюционного характера в СССР.

Крыленко. Теперь конкретно, в чем же должно было высказаться соглашение?

Шер. Конкретно соглашение выражалось в координации действий. В частности, та часть соглашения, которая осуществлялась, была включена в соглашение между вредительской работой, осуществляемой РСДРП, и той повстанческой деятельностью, которая развивалась «ТКП». Таковы были планы, которые, правда, не вполне были осуществимы. Затем эта координация действий включала в себя и координацию военной работы. Это было уже в более поздний период.

Крыленко. Значит, разница этой формулировки 1924 г. в официальном документе меньшевиков с той постановкой, которая дана была в этом другом документе, заключалась, во-первых, в большей конкретизации. Это так?

Шер. Совершенно верно.

Крыленко. Т.-е. не вообще соглашаться со всеми группами партии, а соглашаться с данной группой. Это — первое отличие.

Второе отличие — тут сказано, что это платформа для соглашения для тех, кто способен твердо стать на почву революции. А у вас в том документе сказано — в каких областях соглашения?

Шер. В области содействия повстанческому движению крестьянства, в области содействия военной работе, проводимой «ТКП».

Крыленко. А по отношению к «Промпартии»?

Шер. По отношению к «Промпартии» выставлялась необходимость заключения соглашения в связи с предстоящей интервенцией.

Крыленко. Соглашение в области вредительства—вот конкретное отличие, которым отличается этот документ.

По отношению к вопросу о вредительстве — чем вы здесь мотивируете?

Шер. Тесным образом вредительство связывалось с интервенцией. Вначале же, в 1928 г., вредительство ставилось несколько независимо от интервенции, т.-е. на пленуме 1928 г., в резолюциях пленума 1928 г. вопрос о вредительстве не связывался с интервенцией.

В докладе своем о пятилетке Громан ставил вопрос о дезорганизаторской работе вне связи с интервенцией. Лишь на втором пленуме конца 1929 г. вопрос об интервенции был поставлен конкретно. С тех пор во всех документах, которые по этому поводу получались из-за границы, вопрос о вредительстве неразрывно был связан с интервенцией. Вредительство должно расшатать состояние Советского Союза с тем, чтобы расшатывание это было использовано интервентами. При этом предполагалось, что расшатывание Советского Союза может дать результаты для внутренних восстаний и внутренних возможностей к овладению властью. Но коль скоро вопрос об интервенции принял тот характер, о котором здесь говорилось, то это вредительство стали связывать неразрывно с интервенцией.

Крыленко. А как ставился вопрос относительно возможностей вообще социалистического строительства?

Шер. Вопрос ставился таким образом, что социалистическое строительство представлялось совершенно невозможным и переход к буржуазному строю считался совершенно доказанным и неизбежным. Таким образом, этот переход к буржуазному строю признавался не только неизбежным, но и желательным, поскольку он давал выход из тех противоречий, которые по мнению заграничной делегации были свойственны всей системе, состоянию и мероприятиям Советского Союза.

Крыленко. Если я сделаю такую формулировку: «Судьба советской России предрешена. Ее полное крушение — вопрос времени», то эта формулировка отвечает или не отвечает тем основным установкам, которые были вам преподаны?

Шер. Да, отвечает.

Крыленко. Эта установка была дана кем и когда и в каких документах, или в личных указаниях?

Шер. Эта установка была дана в том письме, которое я получил через посредство Тейтельбаума и Якубовича от Дана и Югова, и эта установка была дана впоследствии в том письме, которое я получил от Икова.

Крыленко. А «Социалистический вестник» вы читали?

Шер. Читал.

Крыленко. Там не встречали такой формулы?

Шер. Припоминается. Но там эта формула не сопоставлялась тем выводам, о которых я говорил.

Крыленко. Это важно — она не сочувствовала тем выводам, каким выводам?

Шер. Выводам об агитации. Там выводы, как вчера кто-то выразился, вегетарианского характера агитация, воздействие на общественное мнение и т. п.

Крыленко. Какая у вас была установка по вопросу о возможных и необходимых ролях технической интеллигенции вообще в развитии экономических отношений и восстановлении хозяйства СССР?

Шер. Технической интеллигенции мы придавали чрезвычайно большое значение.

Крыленко. А именно?

Шер. А именно считали, что без содействия технической интеллигенции восстановление хозяйства вообще невозможно. Поскольку мы базировались вообще на интеллигентской среде, естественно, что мы и на техническую интеллигенцию возлагали весьма большое упование.

Крыленко. Вы не знаете, по этому поводу, какие-нибудь указания вам были даны, указания практические, не теоретическая постановка вопроса, а практическая?

Шер. Я припоминаю, что в тех указаниях, которые делались относительно блока с «Промпартией» указывалось на необходимость использования технической интеллигенции.

Крыленко. По этому поводу, если мы установим опять-таки в программе РСДРП, в официальном документе, установим только ссылку на необходимость призвать и мобилизовать для восстановления демократического строя и интеллигенцию, то практические указания уже в блоке с «Промпартией» явятся развитием или, наоборот, будут идти в рандант этих установок.

Шер. Будут идти в развитие этих установок.

Крыленко. Здесь, в программе РСДРП, где перечисляются те силы, которые должны быть призваны для борьбы за демократический строй, указано: на стр. 44-й — рабочий класс, на стр. 44-й — крестьянство, на стр. 45 — интеллигенция, как та сила, которая должна быть равным образом мобилизована для борьбы за демократический строй. Конкретно, как же мыслилось это привлечение в тех указаниях, которые были даны?

Шер. Конкретно, это мыслилось в использовании тех сил, которые были мобилизованы «Промпартией».

Крыленко. А конкретные указания, как это должно было быть, в чем должно выразиться, были даны?

Шер. Должно было заключаться в блоке с «Промпартией», в соглашении с этой организацией в смысле распределения ролей и обязанностей, в смысле подготовки интервенции и с координацией работы «Союзного бюро» с этой организацией.

Крыленко. Вам программа «Промпартии» была известна?

Шер. Да, была известна.

Крыленко. Как она в перспективе ставила себе эти задачи, как она ставила, например, вопрос относительно реставрации капиталистических отношений? Об этом было известно?

Шер. Да, она положительно разрешала этот вопрос, несколько условным разрешением, в виде акционирования.

Крыленко. В виде чего?

Шер. В виде не прямого возвращения бывшим владельцам своих предприятий, а в виде создания акций.

Крыленко. В виде акционирования бывших предприятий с компенсацией бывшим владельцам?

Шер. Да.

Крыленко. А крестьянский вопрос как они решали, и как решала крестьянский вопрос «ТКП»?

Шер. В смысле восстановления частного хозяйства и создания свободной кооперации.

Крыленко. Я вам процитирую одну вещь из одного документа, потом я приобщу его к делу и покажу суду, что это за документ и откуда он взят, а вы мне пока скажите, будет ли это отвечать той установке, которая была получена из-за границы и будет ли это отвечать той установке, которую проводила «Промпартия?»

«В области промышленности основной принцип сводился к возвращению предприятий прежним их владельцам. При реализации этого были бы громадные затруднения, так как большинство предприятий коренным образом изменилось, были реставрированы, другая часть предприятий получила усовершенствования, благодаря чему их ценность увеличилась в несколько раз». Эта формулировка вам известна?

Шер. Это формулировка «Промпартии».

Крыленко. Эта формулировка вам указывалась или нет?

Шер. Указывалась, в общих чертах.

Крыленко. Как конкретно предполагалось по-вашему восстановление капиталистических отношений?

Шер. В смысле возвращения предприятий бывшим владельцам и в смысле создания таких возможностей, которые урегулировали бы взаимоотношения между владельцами и предприятиями в том смысле, если бы эти предприятия были сильно изменены в своем материальном составе.

Крыленко. Можно ли сделать отсюда вывод, что те указания практического характера, которые были получены от заграничной делегации, и практические выводы программного характера и те программные требования, которые ставила в частности «Промпартия» в этом

документе, который вы угадали откуда я цитирую, целиком совпадают?

Шер. Можно.

Крыленко. Практически совпадают. Значит мы имеем в области программы восстановление демократического порядка, в области промышленности — реставрацию капиталистических отношений путем компенсации владельца, в области земледелия, сельского хозяйства — восстановление частновладельческих отношений, свободное распоряжение землей и т. д. В области сид, на которые надо опираться и которые нужно мобилизовать, ближайшие родственные и другие контрреволюционные организации, в частности «ТКП» и в частности «Промпартия». В области мотивировки необходимо привлечение интеллигенции — необходимо использование крестьянских повстанческих восстаний. В области отношения к интервенции — отношение к ней как к неизбежному факту, который нужно использовать для того, чтобы создать строй, наиболее отвечающий интересам пролетариата.

По всем этим установкам мы имеем практический блок, практическое совпадение ваших установок с установками других контрреволюционных организаций. Это и было отражено в этом документе?

Шер. Да, это и было отражено.

Крыленко. Разрешите теперь по содержанию этих документов попросить других.

Председатель. Подсудимый Суханов.

Крыленко. Скажите, пожалуйста, о тех принципиальных установках, которые вам были известны в работе «Союзного бюро» после того, как вы в него вошли, те документальные подтверждения этих установок, которые проходили через ваши руки, которые вы видели?

Суханов. Я вошел в «Союзное бюро» в начале 1929 г. Я застал при своем вхождении организацию, уже сложившуюся, а вместе с тем и принципы, лежащие в основе ее работы, достаточно разработанными. Я вошел, таким образом, в организацию вполне сознательно, вполне осведомленный о всем том, что лежит в основе ее работы.

Принципы — это были принципы, прежде всего сформулированные в «платформе» РСДРП 1924 г., принципы, которые прежде всего выражаются в требовании реставрации у нас буржуазно-капиталистических отношений. Что касается особо заостряемой в процессе следствия тактической установки, то в 1929 г., когда я вошел в организацию, в основе ее работы лежали принципы положительного отношения к интервенции и положительного отношения к тому, что называется вредительством. Если вы хотите, я разверну эти понятия.

Крыленко. Разверните весь ход тех предпосылок, из которых делались прак-

тические и тактические установки по вопросам интервенции, блокирования и программ, с ссылкой на те документальные данные, которые были в вашем распоряжении, которые вы читали, видели и которые прошли через ваши руки.

Суханов. Относительно реставрации можно почти не говорить. Буржуазная реставрация вытекает из принципа меньшевизма, провозглашенного в момент Октябрьской революции, из того принципа, который объявил Октябрьскую революцию историческим недоразумением. Это здесь ни теоретического, ни фактического интереса не представляет. Я, быть может, отложу изложение этого до того времени, когда я буду излагать ход развития собственных мыслей и рассуждений, приведших меня к вступлению в социал-демократическую организацию. Что касается принципов интервенции и вредительства, то я, как говорил вчера, считаю эти принципы логическим развитием той прямой линии, которую развивал меньшевизм за последние годы с самого начала Октябрьской революции и в последнее время, примерно с 1928 г. Логический ход развития, который выразился и в документах, мною виденных, заключается примерно в следующем документе, на который я могу сейчас сослаться и который изложен в обвинительном заключении на стр. 20-й. Я представляю дело таким образом, что этот документ по своему происхождению примерно совпадал с эпохой ликвидации троцкизма, ибо исходным пунктом этого документа была именно ссылка на то, что нельзя ныне рассчитывать на внутреннее разложение ВКП(б) для того, чтобы ожидать крушения большевистской диктатуры. Исходя из того, что на внутреннее разложение ВКП(б) и ликвидацию большевизма таким путем рассчитывать невозможно, естественно, вставал вопрос о пересмотре тех путей и средств для этого, которые хотя бы номинально, фиктивно до этого времени отвергались. С другой стороны, к тому же именно времени относится и поворот политики ВКП(б) от законченных форм нэпа. Наконец, II Интернационал, я считаю, уже целиком, и не то, чтобы официально и формально, но и фактически, вполне повернулся на путь поддержки войны против СССР со времени марсельского конгресса 1925 г.

Крыленко. Почему повернулся, откуда это видно?

Суханов. Раздавались голоса и гораздо раньше можно было бы привести (я, к сожалению, не имею под руками никаких литературных ссылок) много выступлений отдельных лидеров II Интернационала, выступления которых недвусмысленно позволяют считать, что II Интернационал в лице этих авторитетов и раньше стоял на позиции положительного отношения к интервенции.

Председатель. А именно?

Суханов. Известное заявление Каутского, которое относится к периоду более раннему. Быть может я ошибаюсь, быть может я забыл, но у меня создается вполне отчетливое впечатление, что формулировка положительного отношения к интервенции, — конечно, неофициальная, конечно, не в виде формального заявления, что они готовят войну—когда войну вообще готовят, то кричат только о мире, это понятно всякому, но в смысле фактической установки на интервенцию, взгляды II Интернационала, по моему мнению, относятся именно к этому периоду. Именно на конгрессе II Интернационала в Марселе в конце лета 1925 г. форсированным темпом была развернута агитация, было постановление об этой агитации относительно басни, самой нелепой басни, которую можно себе вообще теоретически вообразить, относительно красного империализма.

Я считаю это в высшей степени существенным, потому что в конце концов практическая мысль II Интернационала о поддержке или о подготовке интервенции может выражаться только в одном—может выражаться в парализовании того основного препятствия, которое имеется по отношению к интервенции, т.е. в устранении противодействия западно-европейского рабочего класса. Поэтому соответствующая обработка мозгов и является той специфической функцией, которая возлагается в процессе поддержки и содействия интервенции на II Интернационал.

Поэтому я и приурочиваю, я бы сказал, не то что поворот, но определенно создающуюся формулировку установки именно к конгрессу 1925 года. Стало быть, исходя, с одной стороны, из разгрома троцкизма и невозможности рассчитывать на ликвидацию большевизма путем внутреннего разложения ВКП, с другой стороны, исходя из поворота политики ВКП от развертывания форм нэпа к формам военного коммунизма; с третьей стороны, имея полную возможность в это время отступить на позицию II Интернационала, формально присоединиться к международному социализму со своей идеологией интервенции, — наш меньшевизм стал определенно демонстрировать некоторые теоретические положения, которые здесь и характеризуются как некий тактический поворот.

Я изложил в документе, помещенном на 20-й стр. обвинительного заключения, как именно формулируется в 1928 г. эта, если угодно, новая тактическая установка.

Крыленко. Вы нам дайте эту формулировку для того, чтобы мы могли ее сравнить с официальными заявлениями II Интернационала, немецкой социал-демократии и российской социал-демократии.

Суханов. Это — не официальный документ, а изложение документа, сделанное примерно полтора года позже. Содержание сводится к тем трем исходным пунктам, о которых я говорил: отсутствие надежд на ликвидацию большевизма мирным путем, путем внутреннего разложения ВКП, с другой стороны, позиция II Интернационала, и с третьей стороны — поворот ВКП(б) от нэпа. В связи с этим, в документе указывалось, что социал-демократические группы при этом самым интенсивным образом обсуждают проблему о пересмотре тактики вообще, и в процессе этого пересмотра, во-первых, возникает вопрос о противодействии планам большевиков в области хозяйства, делается жизненной необходимостью противопоставить действительные мероприятия той разрушительной тактике, которую ведет за собою новый поворот экономической политики, с другой стороны, ослабление связей государства с рабочими массами именно путем этой дезорганизаторской деятельности (это имеет старое происхождение, а в 1928 г. формулировано еще не было), ослабление связей государственных, ослабление связей между властью и рабочим классом, соответственными слоями рабочего класса, — все это может иметь значение в смысле ослабления тыла в связи с неизбежной войной, которая будет вестись против Союза демократическими государствами. Отсюда встают некоторые тактические задачи, т.е. организация служилых и интеллигентских кадров для планомерного противодействия разрушительным большевистским планам, с одной стороны, и для охраны тех форм хозяйства, которые исстари являются еще жизненными и понадобятся.

Насколько я помню, высказывалось в этом документе опасение, что такого рода тактическое противодействие, которое понималось, конечно, как тактическое вредительство и дезорганизация, что оно имеет ту опасность, что можно будет смешать эту тактику с тем корыстным вредительством, которое проявилось и имело место на шахтинском процессе. Разумеется, социал-демократия могла говорить все, что угодно, а можно было разуметь только политическое вредительство, но не непосредственное корыстное вредительство, заинтересованность в возврате предприятий разным элементам, так как тут разумелись действительные интересы страны и необходимость в Союзе достаточно острого кризиса. В момент, когда исчезли основные надежды на внутреннее разложение государства и ВКП, когда новая политика несет за собою бедствия и жертвы, быть может, гораздо более глубокие, более обширные, чем это могло бы вытекать даже из наличия войны, — вот в это время следует применять тактику, совершенно не разбирая ее принципиальных основ, а ру-

ководствуясь именно тем, что она является именно тактикой, т.е. способом, который может способствовать наиболее безболезненному отрыву масс от государства.

Крыленко. Какова была ваша личная роль в «Союзном бюро»?

Суханов. Прежде всего, я участвовал в руководящем центре, в пятерке, начиная с момента моей кооптации. Роль же моя и в этой пятерке, и вообще в организации была по преимуществу ролью идеологического порядка, т.е. я выступал с самого начала в качестве члена той программной комиссии, о которой я говорил. Я вчера упомянул, что роль этой программной комиссии, которую я считал совершенно мертвой, как коллектива, вырабатывающего новую программу, эту роль я понимал несколько расширительно.

Некоторые из моих коллег по скамье подсудимых говорили о том, как я к этому отнесся и с какой страстью я взялся за эту работу. Вполне понятно, что мертвое учреждение и мертвые задания меня не удовлетворяли. Мое предназначение туда, как мне кажется, было несколько раньше до моей кооптации в программную комиссию. Я стал там выполнять прежде всего литературные функции, я стал писать прокламации.

Крыленко. Участвовали в совещаниях, работали в программной комиссии, во вторых — писали прокламации, а в третьих, что?

Суханов. Я давал формулировку резолюции на нескольких обширных пленарных совещаниях «Союзного бюро».

Крыленко. Вы выступали докладчиком?

Суханов. Я выступал затем в качестве докладчика, формулировал тезисы моего доклада по тому или иному вопросу в виде так называемых директивных писем, которые точно так же размножались и рассылались. Вот основные функции, которые я исполнял. Совещания, в которых я участвовал, были довольно многочисленными и были посвящены самым разнообразным вопросам.

Крыленко. На пленумах вы по каким вопросам выступали?

Суханов. Я выступал с двумя докладами по вопросу о коллективизации.

Крыленко. Как вы ее изображали?

Суханов. Я дал это изображение в моих показаниях на предварительном следствии. Если угодно, я это повторю.

Для меня лично в принципе коллективизация являлась положительным явлением. Я различал три этапа нашей коллективизации и три категории наших колхозов. Первая категория относилась к периоду примерно до появления правого уклона. Эта категория, хотя и поглощала довольно много государственных средств и экономически не была эффективной, но в общем мною лично

расценивалась положительно, как поддержка революции, как такое явление, которое имеет значение показательного и воспитательного характера. Но я не имел ни оснований, ни нужды выступать на данных совещаниях и на пленумах с развертыванием этого вопроса, с этим тезисом.

Крыленко. Какую вы давали политическую характеристику коллективизации?

Суханов. Это относится к третьей категории колхозов, относится к третьему этапу. Это была эпоха 1929 г., эпоха хлебозаготовок, эпоха такой коллективизации, которая перешагнула через все мыслимые планы и предположения. Я оценивал это как явление, в высокой степени разорительное для народного хозяйства, имеющее огромные политические отрицательные последствия. Я считал, что хлебозаготовки 1929 г. совершенно непосильны для деревни, для народного хозяйства вообще. Я считал происходящую коллективизацию в таком огромном невероятном масштабе не чем иным, как функцией непосильных хлебозаготовок. «Столько разорено, сколько коллективизовано», — так именно я выражал свой основной тезис.

Крыленко. Так вы и докладывали пленуму? Отсюда делали какие тактические выводы?

Суханов. Естественный тактический вывод, что коллективизация вместе со всем курсом военного коммунизма, в порядке которого происходит эти заготовки, имеющие своей функцией коллективизацию, приведет к окончательному разорению народного хозяйства, приведет к катастрофе.

Крыленко. А тактический вывод для вашей организации какой вы делали?

Суханов. Тактические выводы для организации были сформулированы в резолюции, которая была принята. Они сводились к тому, что, во-первых, с коллективизацией необходимо всемерно бороться, а во-вторых, что необходимо усилить методы и приемы борьбы с существующим строем...

Крыленко. ...путем?

Суханов. ...путем тех самых тактических установок, которые были уже готовы задолго до того времени.

Крыленко. Вы находили отражение этой вашей оценки коллективизации и выводов, которые вы отсюда делаете, в эмигрантской литературе, например, в «Социалистическом вестнике»?

Суханов. Мне трудно сказать. Я читал «Социалистический вестник» не особенно регулярно, и я был неудовлетворен теми оценками, которые там давались. Мне кажется они шли не так далеко, как шла моя собственная оценка.

Крыленко. Может быть, там не договаривалось?

Суханов. Не знаю, почему там можно было не договаривать, но во всяком слу-

чае я не видел там всего того, что сейчас я перед вами формулирую.

Крыленко. «Социалистический вестник», исходя из позиции заграничного социал-демократического центра, исходя из позиции своей официальной организации, мог сделать вывод о поддержке и возглавлении того, что они называли «кулацким восстанием»?

Суханов. В смысле вредительского действия. Даже формулы относительно возглавления крестьянского движения там не могло быть.

Крыленко. Но характеристика была та, которую вы давали?

Суханов. Я бы сказал, что она была несколько мягче и несколько менее панической, чем моя характеристика, но общая линия была.

Крыленко. Значит, выступление социал-демократического центра эмиграции аналогично той предпосылке, которую вы давали, и разница только в выводах?

Суханов. Разница в формулировке.

Крыленко. То, что там не договаривали, вы договаривали?

Суханов. Они договаривали, не называя вещей своими именами.

Антонов-Саратовский. А существо было то же самое?

Суханов. Существо то же самое.

Председатель. Вы очень общо сказали относительно тех тактических выводов, которые вы делали в борьбе с коллективизацией. Нельзя ли поподробнее сказать, в чем практически должна была выражаться борьба с коллективизацией?

Суханов. Что касается борьбы с коллективизацией, то здесь был фактор экономический и эта борьба шла несколько по другому ведомству. Была иная, разветвленная, обширная организация, которая здесь не фигурирует, т. е. организация «ТКП», так что здесь не вытекало из существа дела заострение тактических способов, конкретных способов борьбы по отношению к коллективизации, как явлению народного хозяйства.

Антонов-Саратовский. Но отсюда вытекал блок с «ТКП».

Суханов. Отсюда вытекал не столько блок, поскольку это было совершившимся фактом, но вытекала координация действий.

Председатель. Какие практические задачи вы ставили в своем докладе перед своей меньшевистской организацией в борьбе против коллективизации?

Суханов. В ответе, только что данным вам, я подчеркнул, что речь идет, собственно, не столько об изыскании конкретных способов борьбы с коллективизацией, как таковой, ибо это есть течение прежде всего народного хозяйства и сельского хозяйства, но коллективизацию надлежало непременно понимать как фактор всеобщего разорения, как фактор всеобщей надвигающейся разрухи, как фактор приближающейся катастрофы.

поэтому дело шло не столько о борьбе с коллективизацией, как таковой, а речь должна была идти о заострении тактических способов этой борьбы со всем существующим строем. Так что борьба с коллективизацией принадлежала к тем функциям, которые были свойственны другой организации; выполнение этой борьбы с коллективизацией, естественно, заострялось в другом секторе, заострялось в той же подготовке к будущему вооруженному конфликту; выражалась в той же дезорганизаторской деятельности.

Председатель. Внутри меньшевистских организаций?

Суханов. Внутри меньшевистских организаций.

Крыленко. Мы имеем один вопрос, ваш доклад, вашу установку, а следовательно, и принятую резолюцией установку «Союзного бюро» по вопросу о коллективизации, кулацких выступлениях, кулацком терроре и перспективах о необходимости возглавить собой эти выступления в повстанческом движении.

Суханов. Шер только что показывал, что доклад был разбит на две части. Один доклад был более теоретический. Что касается крестьянских восстаний, кулацкого террора и т. д., то здесь имел место содоклад Шера. Он только что показывал суду об этом. Моя информация была более идеологическая, высоко политическая.

Крыленко. Вы давали теоретические обоснования, а Шер—практические предложения?

Суханов. Если угодно, именно так.

Крыленко. Но оба доклада били в одну точку?

Суханов. Да, оба доклада били, конечно, в одну точку.

Крыленко. И в основном совпадает с установкой, которая, как вам было известно, была дана заграничной делегацией?

Суханов. Совершенно правильно.

Крыленко. Значит мы разобрали установку в отношении интервенции, установку в отношении вредительства, установку в отношении блока с другими организациями, установку в отношении повстанческого движения, кулацких выступлений. Это основные практические и тактические моменты.

Теперь перейдем к 20 с лишним заседаниям, в которых вы участвовали. Не на всех же обсуждались только теоретические вопросы, обсуждался и целый ряд практических установок? Так?

Суханов. Так. Возможно, что прежде всего я несколько преувеличил цифру этих заседаний. Почему я сейчас говорю об этом. Потому что я столкнулся с показаниями других лиц, которые поправляют меня в том смысле, что заседания были раз в месяц. При этом условии я столько заседаний провести не мог, но

это, конечно, не имеет существенного значения.

Крыленко. Вопрос, конечно, не в цифрах?

Суханов. Всякого рода вопросы жизни организации разбирались в моем присутствии на тех или иных совещаниях пятерки или расширенной пятерки, или пленума, на тех или иных совещаниях «Союзного бюро».

Крыленко. В одном из своих показаний, которые только частично, только в первой своей части воспроизведены в обвинительном заключении, вы даете конкретный перечень практических вопросов, которые разрешались, как вы говорите, на летучих, иногда длительных, иногда очень коротеньких и быстрых заседаниях пятерки, шестерки и расширенных заседаниях бюро. Это ваше показание от 22 января 1931 г. Мне интересно, они настолько полны и настолько красочны, что мне интересно здесь их повторить. Они характеризуют повседневную текущую работу.

Суханов. Воспроизвести их сейчас трудно мне будет затруднительно.

Крыленко. Нет, зачем, я могу напомнить.

Суханов. Если вы напомните, мне было бы гораздо удобнее.

Крыленко. В ваших показаниях от 22 января вы говорите сначала об общих установках. Мы сейчас эти общие установки выяснили. Потом вы переходите на вопросы практические и говорите так: «Из затронутых или решенных на 10—12 совещаниях вопросах я могу в данный момент припомнить следующее: иногда выводом из решений директивного заседания была прежде всего информация о том или ином вопросе текущей жизни, иногда прямое не официальное сообщение». Затем вы говорите. Вы приводите здесь 12 фактов.

Они очень важны, расскажите о них более подробно. «Хлебозаготовительные трудности весны 1929 г. дали основание поставить вопрос об учете будущего сбора хлебов в целях возможно большего преумножения хлебозаготовительного плана». Что было сделано по этому поводу?

Суханов. Я в моих показаниях, которые вы называете полными и красочными, касался, во-первых, обсуждения вопросов и, во-вторых, я может быть не всегда присутствовал при формулировке того или иного практического или тактического вывода, но о судьбе дальнейшего направления этого дела я, к сожалению, вам ничего сообщить не в состоянии. Каждая такого рода директива или практическое решение апеллировало к тем лицам, которыми надлежит ведать.

Крыленко. Мне нужно, чтобы вы передали содержание директив.

Суханов. Больше того, что могут сообщить другие товарищи, я не в состоянии.

Может, возникнут дополнительные вопросы, я отвечу.

Крыленко. Мы ставим вопрос таким образом: вы были в «Союзном бюро» идеологическим руководителем, давали общие установки, читали доклады, отсюда делались тактические выводы, а конкретизация выводов давалась другим и проведение выводов — третьим. Мне представляется, что вы были в «Союзном бюро» не только идеологическим руководителем, а участником повседневных его руководящих совещаний, на которых принимались конкретные, в порядке текущей работы, директивные указания. Вот чем вы были, — практическим руководителем вместе со всеми остальными в руководящей пятерке. И когда я цитирую ваши показания из обвинительного заключения, если вам угодно сказать, что это неверно, — потрудитесь сказать, а если верно, — потрудитесь подтвердить. Одно из двух. Вы пишете следующее:

«Хлебозаготовительные трудности весны 1929 г. дали основания поставить вопрос об учете будущего сбора хлебов возможно большего, в целях преумножения хлебозаготовительного плана на 1929—1930 год. Соответствующая директива (т.е. уменьшить учет хлебов) была дана для проведения ее в ЦСУ, проводилась она Громаном, в контакте с лицами, отчасти принадлежащими к организации РСДРП, отчасти стоящими вне ее. Желательных результатов этот акт не имел. В августе 1929 г. вредительская установка была разоблачена и экспортный совет был распущен. Хлебозаготовительный план был увеличен на $\frac{1}{2}$ и с успехом в свое время выполнен».

Принять решение о том, чтобы создать хлебозаготовительный план с преумножением хлебов на 1929 год, на совещании принять это решение, проводить этот план — это есть или не есть руководящая работа?

Суханов. Это совершенно верно. Я никогда этого не отрицал. Я отрицаю только то, что мне известен итоговый результат той директивы, которая была принята на совещании и осуществлялась не мною.

Крыленко. Результат этой директивы вам был известен?

Мне важны эти показания с двух точек зрения: во-первых, они рисуют практическую работу тройки или пятерки, другими словами развертывают реальную картину, как делалось и что делалось, с другой стороны они рисуют конкретную роль каждого из участников. Этот пункт вы не отрицаете?

Суханов. Нет, не отрицаю.

Крыленко. Второй пункт: «летом 1929 года в вопросе о заготовке хлеба, яиц, масла, мяса было постановлено противодействовать насколько можно переобремененным планам». Это соответствует истине?

Суханов. Соответствует. Совершенно правильно.

Крыленко. Третье: «около того же времени, быть может в сентябре, обсуждался вопрос о сельскохозяйственных продуктах. Это вы подтверждаете?»

Суханов. Да, это имело место.

Крыленко. Мы имеем три факта конкретных решений руководящей организации — пятерки или тройки «Союзного бюро», в смысле вопроса реального повседневногo искажения, извращения, препятствования, торможения советской политики и развития ее не по тому руслу и не в тех целях, которые ставились в области снабжения и хозяйства.

Суханов. Это верно.

Крыленко. Четвертое: «осенью 1929 г. обсуждался вопрос о совхозах и коллективизации. Я давал резкую оценку существующих колхозов. Я лично в разрез с политикой правительства противопоставлял росту кредитов на совхозы и коллективизацию». Это верно?

Суханов. Да, я это подтверждаю.

Крыленко. Дальше: «в начале зимы 1929 года обсуждался вопрос о технических культурах, относительно льна. Громан настаивал на неизбежном резком понижении сбора хлебов в 1930 г. для осуществления этой директивы постановлено привлечь и использовать связи в Наркомторге и Госплане». Это правильно?

Суханов. Правильно.

Крыленко. Шестое: «обсуждались вопросы внешней торговли, намечалось увеличение финансовых планов».

Суханов. Правильно.

Крыленко. Седьмое: Обсуждался вопрос о качестве продукции, было предложено: «бороться с темпами в процессе планирования под руководством члена «Союзного бюро». Это вы подтверждаете?»

Суханов. Подтверждаю.

Крыленко. Дальше: «Вторая половина марта 1930 года. Соколовский делал доклад»... это отпадает, тут решение было принято.

«Два-три раза в течение зимы 1930 года обсуждались хозяйственные явления в специальных областях, например, железнодорожные... Предполагалось дискредитировать внутренний смысл сверхмагистралей в качестве безответственного измышления некомпетентных людей». Имело это место?

Суханов. Имело.

Крыленко. Еще тут есть в 1930 г. о внешней торговле...

Суханов. Я и подтверждаю все эти показания.

Крыленко. Вот я и спрашиваю — вся эта деятельность, вся этого рода деятельность «Союзного бюро» — что это такое? Является ли это установками идеологически — теоретически — политического и прочего характера или же это

является конкретным ничем не замаскированным, самым откровенным вредительством, самым точным и полным в смысле этого слова?

Суханов. Повидимому, цель вашего вопроса заключается в том, чтобы подтвердить вторую часть, и я целиком ее подтверждаю. Я целиком подтверждаю, что это есть самое доподлинное практическое вредительство. Если вы хотите сказать — имеет здесь место идеология или нет, противопоставляя одно другому...

Крыленко. Конечно, нет.

Суханов. ...то это можно принять за своеобразный синтез между идеологией и практическими решениями, в том смысле, что под этими практическими решениями имеется своего рода идеология, в смысле установок, в смысле теоретических оценок и т. д.

Председатель. Проще говоря, неразрывная связь теории и практики?

Суханов. Никакого спора нет.

Крыленко. Мне это важно установить. Мне это важно для следующего конкретного юридического вывода — что все лица, принимавшие участие в этих решениях и в обсуждении этих решений, принимали участие в конкретном вредительстве, в самом прямом, полном и точном смысле этого слова. С этим выводом вы согласны?

Суханов. С этим выводом я согласен. Этот вывод был подтвержден в первом судебном заседании, когда все обвиняемые признали себя виновными во вредительстве, как оно было сформулировано в обвинительном заключении.

Крыленко. Я ни одной секунды этого не отрицаю, но наша задача на судебном следствии — дать материал для того, чтобы решение было обосновано: одного заявления «да» — этого еще мало. Нужно это еще проверить.

Суханов. Если этим вопросом и моим ответом вы хотите получить вывод, что все лица, работавшие в «Союзном бюро» и принимавшие участие в такого рода заседаниях, вели одинаковую вредительскую работу не в смысле юридической статьи, ожидаемой кары и т. д., а во всех смыслах, то вот это заключение, этот пункт в этой его части я готов был бы оспаривать, но я думаю, что мне для этого будет дано время и в защитительной речи и в заключительном слове.

Крыленко. Вы будете иметь полную возможность. Пока мне важен этот юридический вывод. Товарищ председатель, можно ли аналогичные вопросы задать Громану и Залкинду?

Председатель. Пожалуйста. Подсудимый Громан, Залкинд.

Крыленко. Скажите, подсудимый Громан, — вот эта часть — другая сторона работы «Союзного бюро» (первую мы разобрали, это решения идеологического характера, тактические установки и т. д.),

эта другая, практическая часть, была вам известна?

Громан. Да.

Крыленко. Вы ее подтверждаете?

Громан. Да.

Крыленко. И те формулировки, которые я дал, тоже подтверждаете?

Громан. Да, подтверждаю.

Крыленко. Подсудимый Залкинд?

Залкинд. Тоже подтверждаю.

Крыленко. Вы подтверждаете это?

Залкинд. Подтверждаю.

Крыленко. Может быть имеется некоторая неточность?

Залкинд. Поскольку подсудимый Шер внес уточнения в свои предыдущие показания, сформулированные и напечатанные в обвинительном заключении в смысле изложения тех вопросов и порядка вопросов, которые были на пленумах, то в настоящее время никаких с ним расхождений у меня нет.

Крыленко. А в части практической руководящей работы по показаниям Суханова?

Залкинд. В этой области в моих показаниях, данных на предварительном следствии, показания Суханова находят также подтверждение. Я не могу в настоящее время в точности подтвердить все отдельные факты, которые приводил Суханов, но в целом практическая линия вредительской работы «Союзного бюро», а следовательно, и те руководящие указания, которые пятерка этого «Союзного бюро» и пленумы «Союзного бюро» давали в области вредительской работы по линии Наркомторга, вполне соответствуют тому, о чем говорил подсудимый Суханов. Следовательно, основные направления этой вредительской работы лежали в таком разрезе — прежде всего дезорганизаторская работа в области.

Крыленко. Этот вопрос мы будем еще дополнительно рассматривать, когда перейдем к рассмотрению методов и форм вредительства по учреждениям. Сейчас мы для того, чтобы по нашему плану установить принципиально-тактическую политическую установку «Союзного бюро» в целом и его пленумов остановились на показаниях Шера. Путем показаний Шера установлена принципиально-практическая работа руководящей верхушки по вредительству, установлена по показаниям Суханова. Затем основные установки по вопросу о блоке тоже установлены. Мы потом будем детализировать при более подробном анализе, каковы были условия связи с «ТКП» и «Промпартией». Вам нужно только рассказать как члену руководящей группы, принимали ли вы участие в решениях, подтверждаете вы это или нет?

Залкинд. Подтверждаю.

Крыленко. Желательно ли вам дать специальные дополнения или они не нужны?

Залкинд. На данной стадии судебного следствия нужды в дополнениях нет. Когда же мы перейдем к уточнению соответствующего раздела, то я буду иметь большой материал для развития этого положения.

Председатель. Подсудимый Залкинд, можете садиться.

Громан. Если обобщить деятельность «бюро» и его руководящей пятерки, где сосредоточивалось обсуждение идеологических установок и практических выводов, то, конечно, обобщение должно быть таким — постепенно в тактике противодействия экономической политике советской власти вырисовывались элементы дезорганизаторской вредительской работы, постепенно распространяющиеся на сферу обороноспособности страны в интервенционистских целях. Эта линия развития разбивалась на те пункты вредительства по отдельным учреждениям, соглашения с контрреволюционными организациями, которые будут служить предметом дальнейшего обсуждения.

Крыленко. Вы это подтверждаете?

Громан. Да, подтверждаю.

Председатель. Подсудимый Суханов.

Рогинский. Подсудимый Суханов, в последних вопросах тов. Крыленко вы установили свою роль и свое участие в руководящей директивной работе «Союзного бюро». Будьте добры, сообщите еще о некоторых конкретных поручениях, которые вы выполняли по поручению «Союзного бюро» уже не в качестве общих директив и установок «Союзного бюро», а носящих чисто деловой, практический характер.

Суханов. Писание прокламаций, директивных писем, редактирование резолюций, пленумы, доклады, доклады на пленумах.

Рогинский. Это мы слышали, а вот по связи с заграницей?

Суханов. По связи с заграницей на мне никаких функций не лежало. Связь с заграницей была здесь развернута в достаточной мере полно, но все это относилось, главным образом, к периоду до моего вступления в «Союзное бюро».

Рогинский. Я спрашиваю о том периоде, когда вы вступили в организацию. Не была ли на вас возложена функция связи с заграницей по получению литературы и т. д.?

Суханов. Да.

Рогинский. ...была?

Суханов. Нет, такой функции у меня не было, но один из моих коллег совершенно правильно характеризует мое отношение к работе в «Союзном бюро» вообще, что я обладал достаточной энергией, или, как он говорит, «страстностью» и готов был ввязаться за всякую работу. И вот, в порядке некоторой инициативы я действительно выполнял ряд технических функций, но они были

несущественны. Если хотите, я их перечислю сейчас. Я предложил адрес для переписки с заграницей и получил одно совершенно незначительное заграничное письмо, которое предупреждало о том, что по моему адресу, опять-таки особо указанному, условному адресу, условным способом выслан «Социалистический вестник».

Рогинский. Значит вы дали условный адрес для получения переписки из-за границы?

Суханов. Совершенно правильно.

Рогинский. ...и устанавливаете, что письмо вы из-за границы получили?

Суханов. Совершенно верно.

Рогинский. Свои показания от 22 января в части вы подтвердили, они были зачтены здесь тов. Крыленко.

Суханов. Я подтверждаю их целиком и, если хотите, я продолжу свои технические функции, поскольку они при своей незначительности представляют интерес. Кроме данного мною адреса, я получил в продовольственной посылке несколько номеров «Социалистического вестника», это имеется в моем показании от 22 января.

Рогинский. Сколько же вы всего писем получили?

Суханов. По этому адресу я получил всего, если я не ошибаюсь (мне кажется, что я не ошибаюсь и в своих показаниях 22 января), я получил 3 письма, из которых одно было из-за границы.

Рогинский. А остальные два?

Суханов. А остальные были из наших городов.

Рогинский. Шифрованные были?

Суханов. Я не знаю. Я, как не несший чисто организаторских функций, непосредственно передавал куда следует.

Рогинский. Кому вы передавали?

Суханов. Одно, кажется, Штерну, другое Шеру для передачи Штерну и третье просто Шеру.

Рогинский. Одно из тех писем, которые вы передавали Штерну или Шеру, было шифровано или нет?

Суханов. Не знаю. Это было несущественно для меня, я дал адрес и это была чисто техническая функция.

Рогинский. Затем, какие еще посылки были?

Суханов. Из-за границы я получил в продовольственной посылке несколько номеров «Социалистического вестника».

Рогинский. Значит — три письма и посылка из-за границы с комплектом «Социалистического вестника».

Суханов. Не с комплектом, а 5—6 номеров.

Рогинский. Еще?

Суханов. Еще мои технические функции?

Рогинский. Да.

Суханов. Были еще менее значительные. Я предложил Штерну в качестве явки мой служебный кабинет в Инсти-

туте монополии внешней торговли. Штерн к этому отнесся равнодушно, повидимому это было действительно излишне. Действительно ко мне никогда никто по этому адресу не являлся. Это были мои технические функции.

Затем я очень интересовался техникой. Я услышал о гектографе, раздумывал, нельзя ли иметь какой-нибудь более совершенный технически, я раздумывал насчет пишущей машинки. Но из этого ничего не вышло. Я говорю не о моих влияниях, а о моих планах и намерениях.

Рогинский. Помимо руководящей работы в «Союзном бюро», вы выполняли еще ряд технических функций, во-первых, по предоставлению определенного адресата для получения переписки для организации. Так?

Суханов. Совершенно верно.

Рогинский. Затем пытались ли предложить свой кабинет в Институте монополии внешней торговли в качестве явки — два? И имелась попытка к размножению литературы путем выписки вами пишущей машины, которую вы получили из-за границы?

Суханов. О, нет!

Рогинский. Вы только что это подтвердили!

Суханов. Я подтвердил несколько не то, что вы сейчас сказали. Моя пишущая машинка и моя выписка к этому предмету никакого отношения не имеет и хронологического совпадения здесь никакого нет. Это недоразумение, в которое попал один из давших по этому предмету показания, которого я прошу сейчас допросить, если этот пункт вас интересует. Эти показания дал Громан. Он дал их в силу, очевидно, некоторых особых своих соображений. Поскольку это интересно, я прошу этот пункт выяснить. Этот пункт я совершенно отрицаю.

Рогинский. Но вы не отрицаете того...

Суханов. Моя пишущая машинка и моя выписка к деятельности организации не имели ни малейшего отношения.

Рогинский. Но вы не отрицаете того, что известные попытки к размножению литературы вами проводились?

Суханов. Я бы не назвал это попыткой, это были планы, стремления.

Крыленко. Это все важно только с одной точки зрения. Все эти детали и мелочи такого значения, конечно, не имели бы потому что: вы делали, другой делал, не все ли равно? Не в этом суть при общей идеологической установке, при согласованной санкции всех этих действий. Все эти мелочи, которые не имеют значения, мы хотим с такой точностью установить только, чтобы выяснить определенную долю вашей работы в этой организации. Было бы неправильно представлять, что ваша работа вырождалась только в одном теоретическом, идеологическом руководстве. Она слиш-

ком тесно переплеталась со всеми формами работы, вплоть до чисто технических. Отделять и разделять резко здесь было бы неправильно. Вот какая цель выяснения всех этих мелочей.

Суханов. Я не стал бы об этом упоминать, если бы это не давало соответствующей установки, не переносило бы центра тяжести работы в определенную область, на каждую физиономию, на мою индивидуальность.

Крыленко. Физиономию, индивидуальность мы будем определять...

Суханов. На ряду с теми, которые имеются у соседей.

Крыленко. Физиономию, индивидуальность мы будем оценивать в обвинительной речи, и вы будете иметь полную возможность на основании материалов и фактов, которые мы здесь вместе устанавливаем, оспаривать, соглашаться, возражать.

Суханов. Но у меня меньше всего была тенденция отделить себя от этой деятельности. Я раз навсегда сказал, что принимаю на себя всю вину «Союзного бюро» во всем ее объеме с начала до конца.

Крыленко. Тем лучше. У меня нет больше вопросов.

Можно просить подсудимого Рубина?

Председатель. Подсудимый Рубин.

Крыленко. Вы были также членом программной комиссии и примыкали к группе по внутреннему разделению труда скорее в качестве идеологического руководителя, чем практического исполнителя.

Рубин. Да.

Крыленко. И вам пришлось по характеру вашей работы столкнуться с целым рядом документальных данных. Об этих документальных данных вы нам сообщите, какие из них вы видели, что в них говорилось и что с ними дальше случилось.

Рубин. Разрешите к этому присоединить вопрос о тех документах, которые у меня хранились. Или может быть этот вопрос будет стоять особо?

Крыленко. Этот вопрос будет поставлен особо. Сейчас сообщите об установках, которые вам были известны, поскольку вы принадлежали к группе идеологического руководства.

Рубин. Я считаю, что вновь формально я примкнул к группе соц.-демократической партии в апреле 1929 г., когда я от Суханова узнал, что отдельные группы меньшевиков, бывшие ранее вокруг Громана и Суханова, объединились, воссоздали вновь партийную организацию и возобновили партийную работу. До того времени я несколько раз слышал от Гинзбурга и Штерна, что хозяйственники собираются вместе с Громаном для собеседований и определения общей линии своей политики в хозяйственных органах. Но так как я имел огромный опыт

старой работы 1921/22 г., когда такого рода деятельность меньшевиков стояла вне поля зрения организации и последняя игнорировала такое направление работы, то мне и в голову не приходила мысль, что из этой формы связи, встречи и деятельности вырастет возобновление партийной работы. Точно так же, когда в 1928 г. я встретился с Сухановым в Кисловодске и он мне рассказал, что у него собираются его политические друзья для собеседований, я видел в этом форму свободного салона, где встречаются люди, быть может сходных политических воззрений, но не составляющие политическую организацию. Только в апреле 1929 г. я от Суханова узнал, что существует оформленная меньшевистская партия, что руководители ее хотели бы и меня привлечь к работе. До того момента несколько раз (раза два в течение 1928 года) Суханов звонил мне и приглашал прийти на эти собрания, но я от этих приглашений отказывался за недоугом. Но когда он мне сообщил, что существует партийная организация, которая желает привлечь меня к работе, я ответил согласием. Я считаю, что с этого момента я присоединился к организации и фактически начал работать. Меня начали приглашать на некоторые расширенные заседания с участием нескольких приглашенных лиц. Эти заседания были посвящены общим принципиальным вопросам — о проведении пятилетки и контрольных цифр, о коллективизации сельского хозяйства, об интервенции — тому новому вопросу, который для меня представлял особый интерес, как яркий поворот тактики меньшевизма. В связи с этим на тех заседаниях, на которых я присутствовал, мне приходилось видеть целый ряд документов, как русского происхождения, т.-е. резолюции и тезисы бюро ЦК, так и документы, которые шли от заграничного центра. В общем, относительно характера этих документов я могу подтвердить то, о чем говорили Шер и другие. Более подробно я могу изложить те документы, с которыми мне приходилось иметь дело самому. Дело в том, что, кроме посещения и участия в обсуждении вопросов на тех заседаниях, на которые меня приглашали, с января 1930 г. на меня была возложена еще одна функция. В это время в Институте Маркса и Энгельса, где я давно работал, меня посетили Шер и Штерн и обратились ко мне с просьбой хранить некоторые более важные документы, которые к тому же по своему характеру могли мне понадобиться для текущей работы, для информации членов бюро, для докладчиков, составления тезисов и т. д. Они меня просили об этом, предполагая, что я могу хранить документы в институте, где я имел отдельный кабинет. Я хорошо знаю как раз те документы, которые у меня были. В частности я бо-

лее детально ознакомился с большим и подробным документом — письмом заграничной делегации об интервенции, которое меня интересовало главным образом потому, что я не участвовал при обсуждении этого вопроса. Вследствие этого с этим документом я ознакомился подробно, а с остальными двумя документами более бегло, но все же в общих чертах могу передать и их содержание.

Письмо об интервенции, как я уже сказал, было более подробно чем другие, на двух больших страницах. Оно было приложено повидимому в ответ на сообщение здешнего бюро об осеннем пленуме 1929 г., где вопрос об интервенции был уже принципиально решен. Повидимому, в ответ на решения этого пленума и было получено через два-три месяца (точно я не могу установить когда) письмо от заграничной делегации об интервенции. Я думаю, что оно получено было в конце 1929 г. или в начале 1930 г., потому что Шер говорил, что он будет мне передавать все письма, которые он будет получать с начала 1930 г. Таким образом, это письмо следует отнести к началу именно 1930 г.

Это письмо заключает в себе следующий ход мыслей: говорилось, что в общем мы согласны с вашей постановкой вопроса, что развернутое новое обоснование точки зрения в связи с вопросом об интервенции является не только русским обоснованием, но и международной с.-д., что прежнее, чисто пассивное или огульно отрицательное отношение к этому вопросу никак в настоящее время удовлетворить с.-д. не может, ибо такое отношение поведет к тому, что события пойдут помимо с.-д. и без влияния с.-д., что интервенция становится вполне реальным ближайшим событием международной политики, и поэтому мы вместо прежней позиции чисто пассивного или огульно-отрицательного отношения к интервенции обязаны дать точный учет движущих ее сил, возможных перспектив и возможных результатов.

Указывалось, что есть целый ряд факторов международного характера, задерживающих интервенцию, но что некоторые обоснованные причины делают ее неизбежной в ближайшее же время. Среди этих причин указывалось на обострение политики советского правительства, что вызывает значительную тревогу среди демократических правительств и партий Европы, в частности с.-д. Указывалось, что «красный империализм» мешает умиротворению Европы, которое теперь возможно, что применение коммунистами тактики разжигания гражданской войны в Европе и на Востоке опять таки вызывает необходимость отпора со стороны соседних держав и усиливает тенденции к интервенции.

Наконец, был указан и мотив экономического характера, а именно невозмож-

ность продолжения той искусственной изоляции России от мирового рынка, которая закрепилась на протяжении последних лет благодаря монополии внешней торговли.

Отсюда делался вывод, что целый ряд обоснованных причин экономического и политического характера делают неизбежной перспективу интервенции в ближайшее время. В связи с этим ставился вопрос — каковы же возможные исходы интервенции. Письмо исходило из вывода, что при огромном военном и техническом превосходстве европейских держав и при том далеко зашедшем процессе разложения экономических и политических основ советской власти, который имеет место, падение советской власти в результате интервенции неизбежно.

Интервенция рассматривалась, как решающий момент, который может решить, и довольно быстро, судьбу советской власти. Поэтому подчеркивалось, что актуальное значение приобретает вопрос, чем же она может закончиться. Было указано, что возможность того, что интервенция приведет к реставрации монархии и помещичьего землевладения, считается в европейских социал-демократических кругах исключенной. Она считается исключенной потому, что социальная структура самой России сейчас не допускает возможности восстановления помещичье-монархического режима, а также и потому, что после войны влияние демократии во всех решающих европейских государствах и, в частности, влияние социал-демократии — усилилось.

Указывалось, что безнадежность борьбы с советской властью под лозунгами монархии уже доказана опытом истории и вряд ли такого рода опыты смогут быть кем-нибудь повторены. Поэтому считался как-будто бы predeterminedным такой исход, что интервенция будет иметь своим результатом установление буржуазно-демократического строя, вернее, демократической республики, и, как говорилось, за этим следовал момент развязывания производительных сил России от экспериментов большевизма, тормозящих и задерживающих их.

В связи с этим указывалось, что эта тенденция (как установление демократического режима, так и развязывание производительных сил) должна быть социал-демократией активно поддержана и должны быть приняты меры к демократизации всего этого процесса переходного периода от советской власти к демократической республике.

Выставлялись следующие конкретные указания — что же делать социал-демократии? Говорилось так, что нужно в международном масштабе вести пропаганду той мысли, что интервенция должна иметь ясную практическую цель, а именно этой целью должно явиться

установление демократической республики и что осуществление этой цели должно быть поддержано внутренним движением демократии. В связи с этим должны быть приняты меры путем соглашения социал-демократии со всеми другими группами и партиями (которые стоят в данном случае на своей точке зрения), дабы к моменту интервенции возникло восстание рабочих и крестьянских масс, потому что агитация за восстание рабочих и крестьянских масс входила в эту программу.

Далее считалось, что так как Красная армия неразрывно связана с крестьянством, то и агитация в Красной армии входит в число средств. Наконец, там было написано — работа в тылу промышленности.

Общий вывод опять следовал такой, что если социал-демократия не примет активного участия в событиях, то и влияния на события она не получит, и состояние такого тактического воздержания может быть губительно при том остром ходе событий, к которому мы неотвратимо подвигаемся.

Насколько мне помнится, я исчерпал полностью содержание данного письма. Сейчас могу перейти к изложению содержания других писем?

Крыленко. Нет, подождите. Скажите, основные установки сводились ведь к следующему: интервенция — неизбежный факт, предотвратить ее невозможно, сам большевизм, как таковой, равным образом объективно предопределен на крушение, на то, что он погибнет и что без помощи и вмешательства социал-демократии там получится кровавый хаос, и что нужно предотвратить это. Чем? Вмешательством социал-демократии, как организованной силы, в процессе интервенции, или в процессе крушения большевиков — все равно?

Потом, товарищ председатель, я буду ходатайствовать специально о приобщении документов, характеризующих официальное изложение этой точки зрения российской социал-демократии и международной социал-демократии. Я хотел бы приобщить только один документ. Скажите мне приблизительную дату этого письма.

Рубин. Это было в конце 1929 и начале 1930 г.

Крыленко. Я буду сейчас ходатайствовать о приобщении к делу всего комплекта номеров «Социалистического вестника» за 1929—30 г.

В номере «Социалистического вестника» от 1 июля 1929 г. имеется статья Карла Каутского «Международное движение латвийской социал-демократии». Из этой статьи мы возьмем следующий абзац: «Это имело то роковое значение, что, совершенно игнорируя учение Маркса, которое они сами проповедывали, большевики не довольствовались теми

великими задачами, которые новой ситуацией были поставлены перед российским пролетариатом в рамках демократии, а взялись построить одним ударом социалистическое производство на том совершенно недостаточном промышленном базисе, который они застали. Важнейшая из предпосылок, необходимых для социалистического производства — это высоко развитый пролетариат. Но в своей массе русский пролетариат в 1917 г. был весьма далек от этого необходимого уровня. Большевики же загородили дорогу для под'ема и еще больше отбросили его назад, и в результате — банкротство социализма, который они хотели построить, но вместе с тем банкротство всего их хозяйства, всего их государства. Это — не временное затруднение, которое можно было бы преодолеть, скажем, большим заграничным займом. Это — неотвратимая судьба. Капитуляция перед кулаками и капиталистами не могла бы спасти большевизм, потому что основной порок советского государства заключается в отсутствии демократии, в непрерывно-прогрессирующей деградации пролетариата. Без интеллигенции, без самостоятельного пролетариата нельзя построить не только социализм, но и жизнеспособную капиталистическую промышленность.

Отсюда следует, что судьба советской России предрешена. Ее полное крушение есть лишь вопрос времени. Но что последует за этим крушением? Большевики оказались неспособными построить жизненно способный общественный организм и тем более обеспечить свое собственное существование, но они умеют делать одно очень хорошо — истреблять те элементы, которые могли бы стать их собственными могилщиками. Великая опасность заключается в том, что за концом большевизма последует в России всеобщий хаос. Помешать этому продлением существования большевизма невозможно. Чем дальше будет истощаться русский народ, тем большим будет хаос после крушения большевизма».

Практически отсюда можно сделать первый вывод, что задерживать, спасать большевиков нечего, и второй вывод, что тот, кто разрушает, хотя бы путем интервенционистского наступления советскую Россию, тот совершает положительное дело.

Дальше вывод такой: «Скорее можно будет предотвратить этот хаос, если в окраинных государствах будут налицо сильные, успешно-действующие социал-демократические партии. Существенную помощь России после крушения большевиков могут оказать социал-демократические партии окраинных государств». Здесь вопрос идет о Латвии.

Я прошу приобщить этот документ постольку, поскольку вся мотивировочная часть в нем целиком совпадает с мотиви-

ровочной частью, изложенной в показаниях Рубина. Выводы, изложенные в этом письме, расходятся с выводами статьи. Мы найдем другие документы, где этот вывод будет дан, а пока в виду совпадения мотивировочной части я прошу этот документ приобщить.

Председатель. У защиты нет возражений? (Нет).

Судебное присутствие определило приложить оглашенный государственным обвинителем документ к делу.

Крыленко (к Рубину). Скажите конкретно еще раз, какие были даны выводы в том документе, о котором вы говорили?

Рубин. Выводы были такие, что прежде всего необходимо в международном масштабе пропагандировать ясную политическую цель интервенции, какой целью является установление демократической республики. Для осуществления этой цели необходимо социал-демократии совместно с другими родственными и сходными партиями и группами вести агитацию за восстание рабочих и крестьян к моменту интервенции, вести агитацию в Красной армии и работу в тылу.

Крыленко. Следовательно, были конкретные указания о дезорганизаторской работе, о необходимости, неизбежности интервенции, необходимости взять позицию не пассивного ожидания, а активного вмешательства и стремления взять власть в свои руки и оказать то или другое воздействие в смысле установления демократического строя. Теперь — судьба этого документа, который был передан вам на хранение?

Рубин. У меня хранилось еще два документа заграничной делегации, это — письмо о блоке с «ТКП» и письмо о блоке с буржуазными партиями вообще.

Крыленко. Каково их содержание?

Рубин. Содержание их я помню более смутно, так как эти вопросы не обсуждались при мне, я читал эти письма по одному разу, но в основных чертах могу передать. Что касается письма о блоке с буржуазными партиями вообще, то тут подразумевались партии, стоящие правее крестьянских — партии средней и крупной буржуазии. Там было указано, что социал-демократия ранее относилась с законным недоверием к партиям буржуазии, которая после Октябрьской революции бросилась в объятия монархистов или реакционеров и заключила с ними тесный политический блок, что сейчас, однако, общеполитическая ситуация меняется и создаются предпосылки для возможности создания единого антибольшевистского фронта вместе с буржуазными партиями, так как буржуазные партии опять-таки убедились на опыте, что всякая борьба с большевизмом под лозунгом монархии и реставрации помещичьего класса безнадежна.

В данный момент положение оценивалось так, что русская буржуазия заин-

тересована не столько в политических, сколько в экономических задачах, а именно в предоставлении ей возможности строительства высоко-развитого индустриального капитализма с перенесением в Россию наиболее технически-совершенных форм этого индустриализма, что такого рода экономическую возможность буржуазия может получить скорее в союзе с теми демократическими партиями, которые одни только и сохранили социальную базу внутри Союза. Поэтому получается теперь политическая обстановка, которая создает возможность антибольшевистского фронта социал-демократии, крестьянских групп и партий наиболее прогрессивных кругов буржуазии, там так и было указано — прогрессивных кругов буржуазии.

Вообще указывалось, что вся работа по проведению новой тактики в связи с вопросом о перспективах интервенции требует объединения всех сил, которые приемлют за основу демократическую республику. В виду этого, вообще одобряется линия тесного сближения с буржуазными партиями и говорится, что социал-демократы должны (там было сказано приблизительно так) не упустить возможности использовать ту историческую ситуацию, которая сейчас создается, для тесного сближения с этими партиями.

Третье письмо было специально посвящено вопросу о «ТКП» и являлось очевидно ответом на конкретное сообщение. Там было сказано, что крестьянство в ближайший исторический период явится наиболее близким союзником рабочего класса, потому что оно, с одной стороны, опасается восстановления помещичьего землевладения, а с другой — особенно сильно страдает от большевистской политики, в частности от проведения насильственной коллективизации. Указывалось, что проведение планов коллективизации особенно резко обостряет недовольство крестьянства и что в виду этого обострения, в повороте событий, которого можно ожидать, крестьянству придется сыграть очевидно большую роль, что «ТКП» берет на себя задачу руководить крестьянством для активного выступления против советской власти, вместе с тем не допуская использования крестьянского движения в реакционно-монархических целях. Поэтому «ТКП» является наиболее близким союзником социал-демократии и с этой партией желателен наиболее тесный и близкий контакт. В письме не расшифровывались формы этого контакта, но так формулировалось.

Кроме этих документов, у меня еще хранились три не имеющие большого значения резолюции русского бюро ЦК и тезисы. Документы эти хранились у меня, как я уже раньше говорил, по предложению Шера. Шер их ко мне при-

носил, Шер их у меня брал, когда они были ему нужны для работы.

Крыленко. Об интервенции, о «ТКП» и еще о чем?

Рубин. О блоке с буржуазными партиями.

Был еще один русский документ, который взял Шер и не вернул. Но в конечном счете у меня хранились постоянно шесть документов. Уже начиная с сентября месяца, когда был арестован Шер, меня начала беспокоить судьба этих документов, тем более, что были слухи о возможности и моего ареста. В конце ноября, после заметки в «Правде», где было указано, что я — член кулацкой меньшевистской вредительской организации, слухи эти усилились. В начале декабря я подал заявление об уходе из Института Маркса и Энгельса с 1 декабря, оставшись только на 10—12 дней для приведения дел в порядок. За день до моего ухода из института я решил было уничтожить все документы, но потом, так как Шер меня предупреждал, что заграничные документы желательно сохранять возможно дольше, я решил сделать еще одну попытку их сохранения. Одиннадцатого декабря, накануне ухода из института, зайдя проститься к Давиду Борисовичу Рязанову, я сказал ему, что у меня к нему есть просьба, что у меня имеется несколько документов, представляющих значительный интерес для истории социал-демократии, и что мне не хотелось бы их потерять. Я просил разрешения оставить их на короткий срок в институте. Дело в том, что я вообще надеялся, в виду моего второстепенного участия в работе «Союзного бюро», которое ограничивалось только моим участием в воскресниках Суханова, что против меня улик не будет и что я буду через несколько недель освобожден. В связи с этим я хотел сделать попытку спасти эти документы и просил разрешения оставить их на хранение, замаскировав их в виде документов, имеющих исторический интерес. При этом документы эти я вложил в конверт, запечатал и в запечатанном виде передал Рязанову и сказал, что если будет возможность — прошу вас сохранить. После этого я был на воле 11—12 дней, об этом конверте не справлялся и его не видел. Что же касается русских документов, я решил, что они не представляют интереса, и вечером 11 декабря их сжег.

Крыленко. У меня будут вопросы, уточняющие эту историю с документами. В вашем распоряжении имелись 3 письма заграничной делегации по основным тактическим установкам ЦК меньшевиков, именно об интервенции и об отношении к ней, во-первых, о блоке с буржуазными партиями — во-вторых, и, в частности, о блоке с группой Чайнова — Кондратьева, так называемой «ТКП», — в третьих. Где первоначально эти документы хранились?

Рубин. Я хранил их в своем кабинете. Кабинет был совершенно отдельный. В моем кабинете стоят как раз те отделы книг, которые почти никогда не требуются в работе института. Я закладывал по одному-два документа в книгу и переставлял ее в другой отдел, большею частью на верхнюю полку, чтобы никто без моего ведома не мог ее взять.

Крыленко. Много ли было книг в вашем кабинете?

Рубин. Приблизительно 3—4 тысячи.

Крыленко. И вы переставляли книги, в которые вкладывали документы?

Рубин. Да, книгу, в которую я вложил документ, я переставлял в другой отдел, при чем преимущественно на самую верхнюю полку.

Крыленко. Большая ли библиотека имеется в Институте Маркса и Энгельса?

Рубин. Не могу точно сказать. В моем кабинете было 4 тыс. книг или даже 5 тысяч. В комнатах, которые принадлежали кабинету политэкономии, было книг тысяч 15 или 20. А во всем Институте Маркса и Энгельса число книг доходит до полмиллиона.

Крыленко. Вы вынимали книгу из отдела, вкладывали документ и переставляли в другой отдел. Что вы делали на случай, если эту книгу спросят?

Рубин. На случай, если бы эту книгу спросили, сделал бы следующее: библиотечарша пошла бы в тот отдел, где эта книга должна быть. Она ее там не находит. В таком случае, если читатель не очень требовательно и не очень настойчиво просит книгу, она могла бы ответить, что книги в данный момент нет. Если же читатель требует книгу настойчиво, то она спрашивает сотрудников, не взял ли кто такой книги. У нас был такой порядок. Если я знаю, что документ вложил в книгу Кулемана о профессиональном движении и если эта книга понадобится и нигде ее найти не могут, библиотечарша обратилась бы ко мне и спросила, не у вас ли книга. На это я сказал бы, что через 10 минут книгу дам так как книга у меня.

Крыленко. С какого года вы работали в Институте Маркса и Энгельса?

Рубин. С ноября 1926 г., но связан был с Институтом Маркса и Энгельса уже с 1921—22 г., потому что еще до начала моей постоянной работы в институте, а делал литературную работу для института, не состоя служащим.

Крыленко. С 1926 г. вы систематически работали в качестве постоянного научного сотрудника института и заведующего кабинетом политэкономии?

Рубин. Да.

Крыленко. Вы с Рязановым раньше встречались?

Рубин. С Рязановым я был знаком еще до 1926 г., когда впервые он начал давать мне переводы сочинений Маркса и Энгельса для будущего проектировавшие-

гося тогда института, потому что тогда института еще не было, а была Социалистическая Академия. Еще в то время я делал переводы, а с 1926 г. я работал непрерывно в Институте.

Крыленко. Лично вам какие-нибудь одолжения Рязанов делал?

Рубин. Со стороны Рязанова я все время встречал личное расположение и дружеское отношение. В начале 1923 г., когда я был арестован за свою деятельность в меньшевистской партии в 1921—1922 г., Рязанов все время проявлял ко мне необычайно большое внимание, хлопотал об облегчении условий моего заключения, посылал мне научные работы, приезжал ко мне на свидание два раза, чтобы поговорить о научных работах. Также, когда я был полтора года в ссылке, я получал литературу от Рязанова. Затем в конце 1926 года я не имел права жить в Москве, а должен был находиться в Саратове, но неожиданно месяц спустя после моего приезда в Саратов я получил письмо, вызывающее меня в Москву, и разрешение на право трехнедельного пребывания в Москве. Потом Рязанов выхлопотал мне разрешение жить в Москве.

Крыленко. Скажите, он вас брал на поруки?

Рубин. Здесь история такова. Дело в том, что помимо дружеских отношений и личного расположения со стороны Рязанова нужно еще констатировать безграничное его доверие к моим словам. Для того, чтобы это стало понятно, нужно рассмотреть наши отношения в предыдущие годы. Рязанов имел возможность на целом ряде очень серьезных фактов и случаев убедиться, что я никогда не буду вводить его в заблуждение и не поставлю в ложное положение перед советской властью и перед коммунистической партией, что я никогда не пожертвую его интересами и личными нашими отношениями даже ради интересов меньшевистской партии, и вопрос о поручительстве послужил одним из таких фактов, который убедил Рязанова в этом.

Я был арестован в феврале 1923 г. В апреле был приговорен к трем годам концентрационного лагеря. Этот приговор был суровый — меня считали членом нелегального меньшевистского ЦК, хотя улик против меня не было. Примерно через месяц приехал в Бутырскую тюрьму ко мне на свидание Рязанов, передал целый ряд научных работ и заговорил о моем деле. Он сказал мне: «суровость приговора по отношению к вам объясняется тем, что вас считают членом нелегального меньшевистского ЦК. Если это предположение не соответствует действительности, то вы скажите об этом мне лично с глазу на глаз и я дам вам

поручительство и возбужу ходатайство о смягчении приговора».

Этот вопрос Рязанова поставил меня в затруднительное положение: сказать, что я состою членом ЦК, мне абсолютно запрещала партийная дисциплина, сказать, что я не состою членом ЦК — значит обмануть его и заставить дать ложное поручительство.

И вот в этой борьбе между партийной дисциплиной и моим личным отношением к Рязанову победило личное отношение к нему. Я немедленно заявил разговор, прекратил его, дав этим самым ясно понять, что всякое поручительство и хлопоты с его стороны для меня нежелательны. Он понял и перестал на эту тему со мной разговаривать. Я думаю, что этот факт заставил его в течение ближайшего времени полагаться на мои слова.

Был еще целый ряд фактов, приведу только один: когда он вызвал меня из Саратова в Москву, я имел право прожить здесь три недели. Он мне сказал, что он может возбудить ходатайство о моем оставлении в Москве, если я ему лично дам слово, что не буду заниматься политической деятельностью. Я ответил, что я организационно с меньшевистской партией не связан, хотя идейно остаюсь меньшевиком, что я в ближайшие годы не собираюсь заниматься политической деятельностью, но что давать слово я считаю для себя недопустимым.

Опять таки это показало ему, что я отношусь серьезно к слову, которое от меня требуется.

Не буду перечислять других фактов, которые заставили Рязанова, к несчастью, доверять мне совершенно безгранично и знать, что если я говорю да, то дело будет сделано.

Крыленко. Это характерно только с точки зрения отношений. А вот теперь уже в 1930 году, когда встал вопрос о возможности вашего ареста, — вы были об этом осведомлены или нет?

Рубин. К несчастью, я говорю, долгие годы я действительно оправдывал мнение Рязанова и никогда не обращал к нему ни с какими просьбами, которые могли бы его поставить не то чтобы в ложное, но даже в шекотливое положение. Но положение изменилось за последнее время, в частности, очень остро встал вопрос о моем отношении к меньшевистской партии после сентября. В октябре, когда Рязанов вернулся из-за границы, когда начали ходить слухи о моем участии в партии Суханова (о «Союзном бюро» тогда не было речи) и так как мое имя упоминалось в связи с сухановскими воскресниками, то я рассказал Рязанову, что я был тогда-то на воскреснике Суханова и то-то я видел, что связь моя с Сухановым была чисто личного порядка, началась она в Кисловодске, когда Суханов любезно пригласил меня прийти к

нему. Я в первое время к нему не ходил, а потом пошел. Указывал, я, что никакого отношения к партийной деятельности не имею. Так вот несколько раз я убеждал Рязанова, что я никакого отношения к партийной деятельности не имею. Правда, я видел, что у него возникли подозрения, и один раз, когда я ему точно рассказал о встрече с Сухановым в театре, когда последний мне сказал: «приходите в будущее воскресенье, Владимир Густавович Громан сделает нам сообщение», — эта формулировка — «сделает сообщение» — ему показалась формулировкой организационно-партийного порядка. На его вопрос я сразу сказал да, но, раскаявшись, несмотря на то, что я не удержался и в известной мере признал связь с организацией, я и после этого до самого дня ареста, благодаря той неопределенности и недоговоренности, которая у нас всегда существовала по вопросам политическим и партийным, продолжал уверять Рязанова, что я никакого активного участия в организации не принимаю.

Председатель. Этот разговор с Рязановым относится к какому времени?

Рубин. К ноябрю 1930 г. Но, несмотря на это, я за два дня до ареста с ним говорил. Этот факт установлен. Я говорил ему, что я никакого постоянного участия в партийной жизни не принимаю, и вообще я должен сказать, что разговоры на политические темы мы всегда вели не откровенно, а бегло.

Крыленко. На основании этого рода отношений вы считали возможным обратиться к нему с предложением относительно того, чтобы он взял соответствующие документы?

Рубин. Я считал, что Рязанов будет уверен в том, что давать ему документы, имеющие злободневное значение для партийной жизни сегодняшнего дня, я не буду, что если бы он и хотел поставить этот вопрос (я рассчитывал, что в тот момент, когда я ухожу из института и ухожу после того как подвергся продолжительным нападкам, которые, как я его уверял, являлись нападками необоснованными, несправедливыми), то ему все же было трудно отказать в известной услуге, и только поставивши очень остро вопрос и порвав наши личные отношения, что, может быть, он должен был бы сделать. Но в настоящее время я хочу подчеркнуть и сказать, что моральная ответственность за то, что я в своих партийных целях использовал институт и использовал личное расположение ко мне Рязанова, — падает целиком и исключительно на меня.

Крыленко. Но на основании этих отношений, которые у Рязанова с вами были, и прошлых ваших отношений вы считали, что предложение относительно укрытия соответствующих документов встретит соответствующее отношение?

Рубин. Я надеялся, что в этот момент он, быть может, не сможет мне отказать. Я не был уверен в этом, потому что Рязанов даже поколебался минуту — отказать мне без мотивировки он не мог. Он мог только прямо и остро поставить вопрос — не ввожу ли я его в заблуждение?

Крыленко. А по существу, когда вы к нему подошли с этим предложением, вы были уверены, что это предложение встретит соответствующую поддержку?

Рубин. Я считал это вероятным, в виду того положения, которое создалось. Я пришел к нему и сказал, что ухожу из института, и полагал, что ему будет трудно отказать мне в последней услуге, тем более, что он, конечно, мог рассчитывать, что его подводить и давать ему документ, имеющий злободневное значение в жизни партии, исходя из целого ряда обстоятельств, я бы не стал.

Крыленко. А какого числа это было?

Рубин. Это было 11 декабря.

Крыленко. А вы о вашем возможном аресте знали в это время?

Рубин. Я допускал возможность ареста, тем более, что слухи по этому поводу уже ходили с конца сентября.

Крыленко. А другие были арестованы?

Рубин. Конечно. Были арестованы в сентябре Шер, Суханов, Громан.

Крыленко. Все члены организации были арестованы?

Рубин. За исключением меня и Гинзбурга, который был арестован совместно со мной.

Крыленко. Вы могли ожидать ареста изо дня в день?

Рубин. Да, но я здесь рассказываю о конце сентября. В конце сентября, когда приехал Рязанов, ходили слухи о моем аресте. Он мне сказал, что мое имя упоминается в связи с именем Суханова. Я сказал, что никакой опасности для себя я не чувствую и могу обо всем рассказать. Я ему сказал, что если ГПУ хочет получить сведения о том, что я видел у Суханова, то я могу пойти и в любой момент дать показания. Но Рязанов мне ответил, что он был в ГПУ и что ГПУ не практикует способа вызывать свидетелей, а что если по ходу следствия будут на меня улики, то и я буду арестован и допрошен уже как арестованный. Слухи о моем аресте ходили, но Рязанов меня успокоил, сказав, что в этом деле мне ничего не угрожает. 11 декабря утром я узнал со слов своего помощника, который встретил накануне Рязанова, что Рязанов находится в большом волнении по поводу возможного моего ареста. Я понял, что положение дела изменилось. Я зашел к Рязанову с тем, чтобы проститься, т. е. я через день-два собирался уходить из института. Я ему заявил, что одновременно с уходом я могу быть арестован. Он сказал, что об этом ему неизвестно, но ничего неожиданного быть

не может и каждый день все-таки можно ожидать ареста.

Председатель. Это происходило до передачи вами пакета?

Рубин. До передачи. Мы поговорили с ним о всех делах институтских и он выразил надежду, что я буду работать для института.

Антонов-Саратовский. Но вы пакет передали в этот же день?

Рубин. Да, в этот.

Крыленко. Получается так, что вы рассказали ему о том, что ходят слухи о вашем аресте ГПУ, а потом поговорив передали ему пакет.

Антонов-Саратовский. Когда фактически вы передали ему этот пакет.

Рубин. Через час.

Крыленко. Когда были арестованы все члены «Союзного бюро», когда стали ходить слухи, что в ближайшее время вы будете тоже арестованы, вы получили сообщение о том, что арест для вас неизбежен? Когда вы получили это сообщение?

Рубин. Утром, но практического значения для меня это сообщение не имело, потому что в начале декабря ходили очень упорные слухи о моем аресте.

Крыленко. Ваш помощник Каганович вам сообщил о том, что ему известно от Рязанова о вашем возможном аресте?

Рубин. Он мне рассказал, что перед этим днем, видимо работая в институте, — у него плохие квартирные условия и он остается до 10 часов в институте, — он встретил Рязанова в взволнованном состоянии из-за возможности моего ареста.

Крыленко. Значит, Каганович это сообщил со слов Рязанова, что тот волнуется по поводу возможности вашего ареста?

Рубин. Да.

Крыленко. По существу, это было предупреждение об аресте.

Рубин. Должен сказать, что мои взаимоотношения с Рязановым были не очень близкие. Я ему не мог сказать о том, что я слышал от Кагановича, это считал для себя неудобным, потому что я не знал, зачем он рассказывал об этом Кагановичу.

Крыленко. Совершенно ясно, для чего рассказывал.

Рубин. Если бы для меня это было ясно, я бы осмелился сказать ему.

Крыленко. Когда к вам пришел Каганович и сказал, что он пришел от Рязанова и тот волнуется по поводу вашего ареста, это было одиннадцатого числа?

Рубин. Да.

Крыленко. А он Рязанова видел накануне, десятого числа. Зачем вы пошли к Рязанову?

Рубин. Я пошел для того, чтобы прозверить.

Крыленко. Он подтвердил?

Рубин. Он сказал: «я слежу за вашим делом, но для вас может наступить такая неожиданность в любое время».

Крыленко. И тогда вы сказали, что уходя вы заинтересованы в том, чтобы некоторые интересные документы по истории социал-демократии были сохранены, и спросили, не согласится ли он взять эти документы.

Рубин. Да.

Крыленко. И получили от него ответ; согласен, — принесите.

Рубин. Он сказал — принесите.

Крыленко. Через сколько времени вы принесли?

Рубин. Через час.

Крыленко. Они были приняты?

Рубин. Да.

Крыленко. Это было 11 декабря?

Рубин. Да.

Крыленко. Вы были арестованы 23, через 8—9 дней. За эти дни вы не видели Рязанова?

Рубин. Нет. У него 11-го был выходной день, а 12-го я уже перестал работать в институте.

Крыленко. 12 декабря вы перестали работать в институте. Высказывал ли Рязанов подозрение о том, что в связи с вашим арестом может быть скомпрометирован институт или ваш кабинет в смысле хранения каких-нибудь документов?

Рубин. Я говорю, что наши отношения с Рязановым ограничивались такими беглыми замечаниями и намеками, которые казались нам друг другу понятными, но вместе с тем оставляли простор для всяких толкований. Я говорю, что я встретил Кагановича, который сказал, что Рязанов взволнован и очень боится, как бы ваш арест не скомпрометировал кабинет.

Крыленко. Институт или кабинет?

Рубин. Кабинет. Каганович говорил: странно, чем могут быть скомпрометированы работники кабинета? Я тоже не понимал в чем дело, разве потому, что работники находились целиком по существу под моим руководством.

Крыленко. Может быть, дело обстояло гораздо проще и ваши отношения с Рязановым были гораздо ближе и осведомленность Рязанова была гораздо глубже?

Рубин. Ни на одну иоту не больше того, что я считал необходимым показать суду, ни на одну иоту больше. Наоборот, я весь эпизод с компрометацией кабинета сам, по своей инициативе, рассказывал, его никто не знал и я рассказывал, что я лично подразумеваю другое, что Рязанову, вероятно, вдруг пришла такая мысль, что кто его знает, Рубина, может быть он связан с кем-либо.

Крыленко. Вы не находите, что принятие такого документа имело в качестве предпосылки, или должно было иметь в качестве предпосылки, гораздо более тесные взаимоотношения и большую осведомленность между вами и Рязановым?

Рубин. Если бы Рязанов был осведомлен в том, что я принимаю активное участие в работе за последнее время, то он

никоим образом не взял бы у меня документа.

Антонов-Саратовский. Какой смысл имело предположение о том, как бы вы не скомпрометировали кабинет? Своим арестом только или тем, что может быть там есть какие-либо документы и тем самым кабинет будет скомпрометирован? Вы как поняли? Как какой-то намек очистить сзой кабинет перед арестом?

Рубин. Я понял в том смысле, что он подозревает, кто его знает, Рубина, может быть он действительно связан с организацией, может быть, он злоупотреблял своим кабинетом для партийных целей?

Антонов-Саратовский. Почистить.

Рубин. Практически это не имело никакого значения, ибо 12 декабря я должен был уйти, и вопрос о документах все равно должен был быть решен в том смысле, что я должен их забрать. Но зная, что Давид Борисович человек скептический и достаточно старый партийный работник, понимающий хорошо, куда может иногда людей завлечь политическая работа, я в душе сделал такое предположение и высказал его в своих показаниях, но должен сказать, что целый ряд лиц во время хода следствия, в частности, некоторые следователи высказывали мысль, что вряд ли мое предположение верно.

Председатель. Только после этого вы документы изъяли из кабинета?

Рубин. Я все равно изъял бы их потому, что на следующий день я ушел.

Председатель. Но это совпадение?

Рубин. Да, это совпадение.

Антонов-Саратовский. Вы уходили из института, предполагая арест, или по другим основаниям?

Рубин. Я уходил по другим основаниям, в виду создавшейся атмосферы.

Антонов-Саратовский. Но вы всегда могли прийти в институт для какой-нибудь справки, для того, чтобы получить книгу, для того, чтобы там поработать. Ведь вы и раньше работали в институте, не состоя в штате?

Рубин. Я решил и сообщил всем сотрудникам, что я теперь абсолютно не буду посещать институт, даже в качестве простого читателя, потому что всякого рода мои посещения в той сгущенной атмосфере, которая создалась, дали бы почку для толков, что мой уход из института является фиктивным, что я продолжаю руководить работой кабинета. Поэтому я сказал, что порываю с институтом окончательно и даже не буду пользоваться правом простого читателя.

Крыленко. У меня вопросов больше нет.

Председатель. Подсудимый Шер.

Крыленко. Подсудимый Шер, скажите, пожалуйста, вы в последний период времени где работали?

Шер. В Институте Маркса и Энгельса.

Крыленко. Когда поступили?

Шер. В январе 1930 г.

Крыленко. А до этого вы работали в Госбанке?

Шер. Да.

Крыленко. Какие обстоятельства послужили основанием к переходу вашему в Институт Маркса и Энгельса?

Шер. Председатель правления Госбанка Пятаков заявил мне, что в связи с реорганизацией правления придется оставить Госбанк.

Крыленко. В связи с реорганизацией правления или в связи с чисткой аппарата?

Шер. В связи с реорганизацией. Это было задолго до чистки.

Крыленко. А в результате чистки?

Шер. Я был вычищен по первой категории.

Крыленко. Когда вы поступили в Институт Маркса и Энгельса к Рязанову, вы были уже отстранены в порядке чистки?

Шер. Нет, я был на чистку вызван, состоя на службе в Институте Маркса и Энгельса, через 4—5 месяцев после того, как ушел из Госбанка.

Крыленко. Когда состоялось решение комиссии, вы сообщили о нем Рязанову?

Шер. Я держал его в курсе подробно.

Крыленко. Тем не менее вы были оставлены на службе?

Шер. Да.

Крыленко. Вы формально не имели права занимать должность?

Шер. Да, не имел.

Крыленко. Вы после решения комиссии по чистке подлежали немедленному отстранению?

Шер. Да.

Крыленко. И вы поставили об этом в известность Рязанова?

Шер. Да.

Крыленко. И не были отстранены?

Шер. Да, он считал, что, поскольку я подаю апелляцию на это решение и поскольку вопрос еще висит, как он выразился, я могу еще оставаться на службе.

Крыленко. Апелляция была рассмотрена?

Шер. Да.

Крыленко. И вам было отказано?

Шер. Мне было отказано.

Крыленко. После отказа вы должны были прекратить работу?

Шер. Мне было сказано, что я могу ехать в отпуск, а Рязанов примет меры к тому, чтобы возбудить кампанию о пересмотрении решения перед Орджоникидзе.

Крыленко. Вы подали апелляцию на решение комиссии, вам отказали, вы об этом поставили в известность Рязанова и все-таки продолжали оставаться на службе?

Шер. Да.

Крыленко. Рязанова раньше знали?

Шер. Я знал его давно, еще в 1906 году, когда работал нелегально в Ленинграде. Мы вместе работали в профсоюзе.

Крыленко. Кем вы у него работали?

Шер. Заместителем заведующего архивом.

Крыленко. В вашем распоряжении находился весь архив?

Шер. До некоторой степени да. Он находился в распоряжении всех сотрудников.

Крыленко. Большой архив?

Шер. Приблизительно 4—5 комнат.

Крыленко. Какие документы должны были там храниться?

Шер. Исключительно письменные документы, касающиеся наследства Маркса и Энгельса.

Крыленко. Приблизительно количество номеров?

Шер. Затрудняюсь ответить на этот вопрос, но это большое количество шкафов, все 5 комнат уставлены шкафами.

Крыленко. Пять комнат уставлены шкафами с письменными документами, эту технику можно было использовать пре-красно?

Шер. Нет, нельзя было использовать для хранения, потому что эти документы находятся в распоряжении заведующего архивом и обращение к тому или иному документу — весьма капризный случай.

Крыленко. А для заведующего архивом?

Шер. В распоряжении заведующего нет каких-либо определенных шкафов.

Крыленко. Но доступ ко всем шкафам для заведующего открыт?

Шер. Они открыты для любого сотрудника.

Крыленко. Для любого сотрудника в определенном порядке, а для заведующего льготный доступ?

Шер. Почти одинаковый доступ: ключи висят на стенке, любой сотрудник может снять и открыть шкаф.

Крыленко. Но, вероятно, с разрешения?

Шер. Нет, такого порядка нет.

Крыленко. Тогда еще легче прятать, что угодно, если любой сотрудник может взять ключи, подойти к одному из шкафов пяти комнат, где хранятся различного рода письменные документы. Такая легкость была?

Шер. Да, для сотрудников архива.

Крыленко. Для сотрудников архива значит была полная возможность хранить там то, что они хотели.

Шер. Конечно, спрятать можно было все, что угодно, но найти это спрятанное мог также любой сотрудник.

Крыленко. Значит, можно было использовать этот архив в целях хранения документов?

Шер. Обычно берущий папку с документами тщательно ее просматривает и ищет то, что ему нужно. Таким образом, он мог найти там все, что угодно.

Крыленко. Вами с целью хранения документов было использовано ваше служебное положение?

Шер. Нет, я никогда там ничего не хранил.

Крыленко. Не хранили, имея к тому возможность?

Шер. Я считал, что это место достаточно рискованное в том смысле, что любой сотрудник может это найти.

Крыленко. От вас зависело сделать так, чтобы это не было возможно.

Шер. Технически это было трудно.

Крыленко. Так что вы этим не пользовались?

Шер. Нет.

Крыленко. Допустим.

Шер. В этом не было и надобности, так как Рубин брал на себя хранение.

Крыленко. Итак, нами установлен, во-первых, факт полной возможности хранения в архиве нелегальных документов; во-вторых, что вы были заместителем заведующего архивом, т.-е. близко стояли к этим возможностям.

А вы там работали тогда, когда работал Рубин?

Шер. Да.

Крыленко. Вы знали о том, что он хранил документы в институте?

Шер. Я предполагал, что он хранит в институте, но точно место не знал.

Крыленко. Были осведомлены?

Шер. Да.

Крыленко. Ваши отношения к Рязанову были служебного характера, личного характера или дружеского характера?

Шер. Личного характера; я его знал давно и общался в порядке личных отношений.

Крыленко. Вы никогда ему ни в чем не давали понять о вашей работе?

Шер. Нет, давал понять.

Крыленко. Каким образом?

Шер. Это было в связи с беседами, которые иногда велись между нами. Он часто подчеркивал то обстоятельство, что ряд работ для института выполняют заграничные меньшевики, в частности Николаевский, который писал ряд статей. Но поскольку Рязанов большой мастер говорить полупапеками и полусловами, постольку наши разговоры не получали той определенности, которая могла бы получиться как вывод из тех тем, которые затрагивались. Я делал вывод из этих полупапеком и намеков, что он представлял себе, что существует меньшевистская организация, работающая в России, и что он был осведомлен об этом от заграничных меньшевиков. Представлял ли он себе полностью характер этой организации, я не знаю. Когда возник вопрос о чистке, т.-е., когда он мне сообщил, что он намерен вместе с Пятаковым поднять вопрос относительно полной моей реабилитации, а вопрос о чистке связывался в конечной инстанции, в инстанции, которая рассматривала апелляцию, с неопределенными намеками на вредительство в Госбанке, то я на это сообщил, что меня обвиняют во вредительстве, и имел в ви-

ду ему подробно сообщить о своем участии во вредительской организации и о планах вредительства, которые мы преследуем. Должен сказать, что этот разговор не был вполне закончен. Я говорил ему о том, что я—член меньшевистской организации, что я стою на той же почве, на которой стоит немецкая социал-демократия, но полностью развить эту позицию нового меньшевизма, может быть, отчасти у меня не хватило мужества, а отчасти этот разговор был прерван самим же Рязановым, который заявил, что ему нет дела до моих меньшевистских взглядов и что он считает совершенно недоказанным то обвинение во вредительстве, которое мне было в неопределенной форме предъявлено в комиссии РККИ. Это обвинение, заявил он, тем более не доказано, что меня тут связывают с членом правления Берлацким и членом правления Блюмом, которые остаются на своих местах, что особенно Блюм ему известен и что он никакого отношения к вредительству не имеет. Таким образом, я не могу сказать, чтобы я ему полностью изложил ту тактику нового меньшевизма, которую осуществляла организация «Союзного бюро», но я ему намекал на то, что тактика эта та, на которой стоит немецкая социал-демократия.

Крыленко. Так что вы из ваших разговоров дали ему понять о том, что вы связаны с организацией?

Шер. Да.

Крыленко. И о том, что эта организационная связь носит совершенно исключительный характер?

Шер. Да.

Крыленко. И даже он мог заключить по намекам, которые вы получили в РККИ по чистке, о вредительской вашей работе, и на все это он ответил, что ему нет дела до ваших взглядов, а обвинение во вредительстве еще спорно?

Шер. Я не могу поручиться за то, что он мог понять из моих намеков, что я признавал свою вредительскую деятельность.

Крыленко. Конечно, конечно.

Шер. Этого не было. Но что касается моего участия в меньшевистской организации, то намеки мои были вполне определенные.

Крыленко. Попрошу Рубина.

Председатель. Подсудимый Рубин.

Крыленко. Тут в ваших показаниях есть небольшая неточность в изложении обстоятельств, связанных с последним вашим свиданием с Рязановым. У нас имеется ваше показание от 3 февраля, где говорится о том, что 11 декабря (утром) 1930 года он вам сообщил, как вы выразились теперь, что каждый день для вас может произойти неожиданность, т.е. другими словами, что вы можете быть арестованы, и будто бы он вас предупреждал о возможности обыска в кабинете политэкономии.

Рубин. Я бы попросил огласить это место.

Крыленко. Пожалуйста.

«Вскоре после моего приезда Рязанов информировал меня, что с конца ноября слухи о моем предстоящем аресте усилились. Вопрос обо мне был поднят в институте, обсуждался на бюро ячейки и в месткоме, о чем я имел разговор с Рязановым. В то же время он меня продолжал успокаивать и говорил, что дело уладится. Только 11 декабря он мне сообщил, что я могу быть арестован каждый день, и предупредил о возможности обыска в кабинете политической экономии и о необходимости очистить его от нелегальной литературы, если таковая там имеется. После этого я решил ему сказать, что хранится несколько документов...» и т. д.

Рубин. В 4—5 документах, написанных мною на предварительном следствии, я об этом заявляю, говорится совершенно одинаково. Я подтверждаю, что Рязанов мне сказал о том, что мой арест может скомпрометировать кабинет политэкономии. Если в последнем документе я выразился в такой форме, то только потому, что в этом документе я давал общие сводные итоги. Я здесь не рассказывал о наших разговорах. Я заявляю, что всегда я указывал точно, как было дело. Это было так: Рязанов мне указал, что он опасается того, что мой арест может повлечь за собой компрометацию кабинета. Я его мысль понял таким образом, что он подозревает меня, не держу ли я в кабинете чего-нибудь нелегального.

Крыленко. 11 декабря во время последнего вашего разговора, после которого вы принесли ему документы, было или нет вам указано, что имеется возможность компрометации кабинета и поэтому необходимо принять меры?

Рубин. Он мне точно сказал—я опасуюсь, как бы арест не повлек за собой компрометации кабинета.

Крыленко. Компрометации кабинета—что это значит? После этого вы стали говорить о необходимости спрятать документы?

Рубин. Это было через час.

Крыленко. Но вы об этом сказали тотчас же, а принесли документы через час?

Рубин. Мы беседовали о других вопросах, касающихся института.

Крыленко. И он здесь предложил вам принять меры к тому, чтобы кабинет не был скомпрометирован. Вы на это ответили, что есть несколько документов, касающихся истории РСДРП, как вы выразились, и которые необходимо скрыть. Так было указано?

Рубин. Это не было ответом на его слова насчет компрометации кабинета. То, что он сказал относительно компрометации, я выслушал, принял к сведению,

затем, прощаясь с ним, я ему сказал, что у меня к нему есть большая просьба — у меня имеется несколько документов, представляющих значительный интерес для истории социал-демократической партии. Я не хотел, чтобы их читали, и попросил у него разрешения принести их ему на хранение.

Крыленко. В том показании вы говорите: «в одном из последующих разговоров (этот был предыдущим по отношению к этому) мне пришлось прямо указать на свое участие в новой меньшевистской партии (это инцидент, который только что передали перед перерывом). При этом я отметил, что в то время, как старая меньшевистская партия занимала место левой оппозиции во II Интернационале, новая стоит целиком на позиции правых. Что в настоящее время мы, меньшевики, изменили свою тактическую линию» и т. д.

Это вы сообщали. Таким образом вы по существу его информировали о направлении партийной работы.

Рубин. Да, но разрешите сделать одно добавление. В этот день — 2 февраля — я давал два показания. В другом показании, более подробном, я указал на то, что он меня прервал и сказал, что тактическое изменение линии, движение вправо ему известно.

Крыленко. Одним словом, вы установили таким образом, во-первых, вашу связь длительную, предыдущую; во-вторых, — вашу длительную работу в институте с 1926 года; в третьих — то, что в разговоре вы указали о своих посещениях Суханова, об организационной связи, которая у вас имеется с организацией; в четвертых — то, что вы знали, что он принимал меры к тому, как вы выразились, чтобы хлопотать, следить за вашим делом; в пятых, — что вы были предупреждены Кагановичем о том, что он встретил Рязанова, который говорил ему о возможностях вашего скорого ареста. На следующий день вы с ним встретились и по этому поводу имели беседу. Им было предложено принять меры к тому, чтобы не скомпрометировать кабинет. В этот же день вы принесли ему документы, с просьбой их сохранить.

Такова фактическая история?

Рубин. Да.

Крыленко. Вы были членом одной партии, он был членом другой партии. Вопрос шел об аресте. Как на партийном языке надо квалифицировать это действие с его стороны? Я говорю только для определенного юридического вывода.

Рубин (молчит).

Крыленко. Партийная измена?

Рубин. Я говорил на предварительном следствии, что я истолковываю это как личное отношение ко мне.

Крыленко. Из личных отношений на такую вещь, как на партийную измену, можно идти? Вы же член подпольной ор-

ганизации. Можно ли идти из личных симпатий только или исходя из другой организационной связи? Вы эту другую организационную связь не устанавливаете?

Рубин. никоим образом.

Крыленко. Так что — из личных симпатий?

Рубин. Да, из личных симпатий.

Крыленко. У меня больше нет вопросов.

Председатель. Подсудимый Шер.

Крыленко. Мы кончим пока с заграничными документами. Может быть, вы сообщите о русских документах, только не о содержании их, об этом мы предварительно слышали, а скажете о порядке их хранения, о явочных квартирах и, в частности, о роли Желудкова.

Шер. Что касается русских документов, то эти документы, как уже было сказано, сводились, главным образом, к циркулярным письмам по периферии и затем к очень небольшому количеству прокламаций, резолюций и тезисов, размножаемых мною на гектографе. Эти документы я получал обычно в одном-двух экземплярах от орггруппы или технической группы непосредственно, при чем я хранил их у себя.

Крыленко. А вот Желудков какую роль играл, какие услуги конкретно он оказывал?

Шер. Что касается явочных квартир, то я их вчера называл — явочные квартиры и явочные места, в частности, среди явочных квартир была и квартира Желудкова. Эта квартира мною была подыскана, и я передал эту связь, уже вполне налажившуюся, орггруппе, главным образом для приезда туда иностранных членов партии. Желудкова я знал давно, когда-то он был меньшевиком в очень давние времена, был учеником Мартова, он рабочий-типографщик. Перед революцией 1917 года он уже был хозяином типографии, с партией порвал и с профсоюзным движением тоже. Вместе с ним мы работали в профсоюзе печатников в Ленинграде, но уже тогда он занимал крайне правую позицию и в 1905 г. был редактором единственной в те времена кадетской газеты, которая выходила в 1905 году во время существования Совета рабочих депутатов. Я не помню ее названия, она издавалась группой Горшкова, Желудкова и Северянина.

Крыленко. Желудков сам кто, рабочий?

Шер. Бывший рабочий, бывший наборщик. В 1907 году он отошел от профдвижения, стал сотрудником издательской фирмы «Антик» и быстро передвинулся по служебной иерархии, а затем приобрел типографию, хозяином которой был. Я его привлек к организации,

три чем я его не считал членом организации, а лишь лицом, оказывающим услуги организации. Привлекать его к меньшевистской организации с теми настроениями, которые у него были, было бы совершенно бесплодно и бесцельно.

Но использовать его квартиру было чрезвычайно удобно, ибо он был застройщиком, имел не только отдельную квартиру, но отдельный дом в Петровском парке, совершенно изолированный дом, окруженный садом, и весьма удобный для того, чтобы туда являться, и для лиц, приезжающих с периферии. Я решил использовать эту квартиру и, кажется, летом 1928 г., если не ошибаюсь, или весной 1928 г., обратился к нему с просьбой предоставить эту квартиру для нужд организации, при чем об организации я ему говорил в самых общих чертах, указывая лишь на то, что эта организация является организацией антисоветской, антисоветского характера, не развывая подробно ни меньшевистских планов, ни тактики меньшевизма. Но о том, что это меньшевистская организация, он был, если не ошибаюсь, мною осведомлен. Он дал свое согласие, указав лишь на то, что это ему вряд ли будет удобно, потому что он предполагал сдавать комнату, а невозможность сдать комнаты при использовании его квартиры для других целей, наносила ему определенный материальный ущерб. Затем он указал на то, что его квартира имела телефон. Он указал, что для того, чтобы использовать его квартиру для этой цели, телефон было бы целесообразно сохранить для связи с Петровским парком. Между тем телефон ему лично был не нужен. Я указал ему на то, что материальные расходы, связанные с этим делом, можно будет легко компенсировать, и предложил ему 2.000 рублей в счет этих расходов. Он эти деньги взял и вопрос был решен. Я потом передал эту квартиру для использования Штерну. В этой квартире происходило следующее. Она использовалась для прямых целей, для которых она была завербована. Прямая цель заключалась в ночлегах, приездах, явках тех лиц, которые приезжали с периферии. Для этой цели был установлен специальный пароль. Пароль этот звучит несколько странно: Желудков — собаковод и у него большое количество охотничьих собак. У него приезжающий должен был спросить «нет ли собаки от Ирмы и Вандейка?». Вандейк — это выписанная собака, английский сеттер, Ирма — пойнтер, т.е. для собаководов и охотников этот вопрос был совершенно нелепостью и, естественно, сразу указывал на то, что к нему является не человек, покушающий шенят, а человек с другими намерениями. Таким образом, нелепость в смысле постановки вопроса являлась смыслом пароля.

Но он был неудобен тем, что для непосвященных был слишком сложен. Тем не менее им пользовались. Квартира эта использовалась для ночевки. Затем, в отдельных случаях, если не ошибаюсь, она использовалась орггруппой и для литературы, т.е. я вспоминаю, как я по поручению Штерна отвез к Желудкову небольшой сверток с прокламациями, которые были получены в 1928 г. и которые касались, если не ошибаюсь, кампания по перезаключению коллективных договоров. Это были заграничные прокламации. Затем были получены другие прокламации из-за границы в 1928 г., которые касались вопроса о колхозном движении, и тоже, если мне не изменяет память, для хранения этих прокламаций была использована квартира Желудкова. Эта квартира использовалась еще и с той целью, что Желудков имел возможность сам распределять среди приезжающих некоторое количество прокламаций, т.е., поскольку человек к нему приезжал с таким паролем, он знал, что он принадлежит к организации, и для этого не нужно было вмешательства посторонних лиц, он ему предлагал ту литературу, которая у него имела. Но приезжающие в этой квартире бывали сравнительно мало, периферийная связь была слаба. По большей части приезды были вполне легальные, с соответствующими командировками, и эти лица имели возможность останавливаться в гостиницах.

Так что, в сущности говоря, использование этой квартиры с этой целью было чрезвычайно слабое. Поэтому мы не считали нарушением принципа конспирации устраивать там собрания, и пленум 1930 г. был на квартире Желудкова. Мне припоминается и еще ряд совещаний пятерки или другие совещания «Союзного бюро», которые происходили на той же квартире.

Крыленко. У меня больше вопросов нет.

Председатель. Подсудимый Шер, садитесь.

Крыленко. Можно просить свидетеля Желудкова?

Председатель. Комендант, введите свидетеля Желудкова.

Ваше имя, отчество и фамилия?

Желудков. Иван Захарович Желудков.

Председатель. Свидетель Желудков, я вас предупреждаю о том, что вы должны показывать только правду и если вы покажете суду неправду, то будете привлечены к уголовной ответственности. Секретарь, отберите от него подписку. (Секретарь отбирает подписку у свид. Желудкова).

Какие вопросы имеются к свидетелю Желудкову?

Крыленко. Скажите, пожалуйста, свидетель, вы знаете Шера?

Желудков. Да, хорошо знаю.

Крыленко. Вы его давно знаете?

Желудков. 25 лет.

Крыленко. По какой работе вы его раньше знали?

Желудков. Я с ним столкнулся с 1905 г., с момента, когда я вышел из меньшевистской партии и начал работать в профессиональном движении, по линии создания профессиональных союзов и созыва конференции печатников в Гельсингфорсе. В течение двух лет непрерывно с ним встречался, а затем с седьмого года по 1923 г. у меня получился перерыв, я с ним не встречался. Я отдал время своей переквалификации и лишь в Москве с 1923 г. с ним опять начал встречаться. В Москве с 1923—1924 г. я столкнулся с ним не на почве общественной работы, а по линии спортивных наклонностей—я охотник и он оказался охотником и на этой почве произошло второе сближение более интимного характера и оно длилось...

Крыленко. Где ваша квартира находилась?

Желудков. В Петровском парке.

Крыленко. Какого характера квартира?

Желудков. Это пустынный тихий переулок, там находится небольшой домик в саду и я занимал эту квартиру.

Крыленко. Какого рода услуги вы оказывали Шеру, конспиративного характера?

Желудков. Да.

Крыленко. Какого рода услуги?

Желудков. До 1928 года то, что он политически не является индифферентным—мне было неизвестно. В 1928 г. я не знал, что он политически активен. Я не помню, или на одной охотничьей поездке или у него на квартире, но он, узнав о том, что я собираюсь часть жилплощади уступить—я тогда некоторое время был без службы—он мне предложил, чтобы я свою квартиру предоставил под нечастые собрания его единомышленников по партии. Я на это согласился, он сказал, что он меня компенсирует, он мне заплатил 2 тысячи рублей за право пользования квартирой и телефоном.

Крыленко. Когда происходили эти собрания?

Желудков. Начиная со второй половины 1928 года, 1929 и 1930 год.

Крыленко. Сколько было собраний?

Желудков. Примерно 8, во всяком случае не больше 10 собраний.

Крыленко. А вы сами присутствовали?

Желудков. Нет, я уходил. Я к организации не примкнул.

Крыленко. А почему вы предоставили свою квартиру под эти собрания?

Желудков. Я оказал содействие потому, что я его очень уважал, по старым воспоминаниям—первая любовь всегда должно помниться. Кроме того в 1928 году я лично чувствовал некоторые симпатии

к тому течению, которое он по моим старым воспоминаниям представлял, как меньшевик, который может своей деятельностью корректировать...

Крыленко. Вы печатник?

Желудков. Да.

Крыленко. Когда вы были меньшевиком?

Желудков. Меньшевиком я был с 1898 года, вернее ведь меньшевизм появился с 1903 года, значит с третьего года по пятый год, когда я вышел из партии. Я ушел из партии летом пятого года.

Крыленко. А во время разгара революции 1905 года—не примыкали?

Желудков. Я тогда целиком отдал себя профдвижению и в партию не входил.

Крыленко. Может быть вы примыкали тогда к какому-нибудь другому политическому течению?

Желудков. Я с момента выхода из меньшевистской партии оказался противником—с тем же Шером. У меня была постоянно борьба по вопросам профдвижения.

Крыленко. Вы были правым меньшевиком?

Желудков. Я был профессионалистом. Можно сказать так: в социальных вопросах я был левее, а в политических—правее. Я был сторонником легальных профсоюзов, сторонником использования на том этапе легальных профсоюзов. Это, если хотите, правизна, потому что те, кто недооценивал возможности использования профсоюзов, были пожалуй левее.

Крыленко. Ну, хорошо. Скажите, вы участвовали в издании какой-либо газеты?

Желудков. Я участвовал в издании «Рабочего голоса», там работал Поссе, Акимов. Затем я участвовал в «Рабочей жизни». Там работали Токарев, Васильев и я.

Крыленко. Какое направление было этих газет—меньшевистское, большевистское, кадетское?

Желудков. Эта газета была сторонницей нейтральных профсоюзов.

Крыленко. В пятом году что значило быть сторонником нейтральных профсоюзов?

Желудков. Нейтральных в том смысле...

Крыленко. Чтобы не вмешиваться в политические дела?

Желудков. Нет, а относиться к форме профсоюзов благожелательно. Некоторые имели такое наплевательское отношение—сегодня будет принята резолюция, завтра союз закроют.

Крыленко. В пятому году в первый период после движения, в первой половине шестого года, вопрос не шел о том, чтобы закрывать профсоюзы.

Желудков. Нет, уже был случай закрытия профсоюзов. Сильно использовали их для движения масс.

Крыленко. А эти ваши сотрудники, они стояли вне партии в это время?

Желудков. Да.

Крыленко. Вы издавали свою газету. Но какая была платформа этой газеты? Вы были ее редактором?

Желудков. Нет, я участвовал в редакционной коллегии.

Крыленко. Вы участвовали в редакционной коллегии. Кто вас возглавлял, кто вас собирал в то время? Кто был идеологическим вождем?

Желудков. Идеологически это была довольно неустойчивая группа, потому что у нас были поиски платформы, поиски ориентации, и опыт пятого-шестого года меня убедил, что политически я являюсь совершенно неспособным.

Крыленко. Такую позицию нейтрального профдвижения в пятом году в первой его половине занимали до известной степени гапоновцы.

Желудков. Я гапоновцев, наоборот, втягивал в профсоюзы, а они относились к этому отрицательно.

Крыленко. Но вообще нейтрализовать от политических влияний, — чья это была точка зрения?

Желудков. Это скорее Прокоповича и Кусковой.

Крыленко. А может быть более правые элементы стояли на такой точке зрения?

Желудков. Кадеты, Струве стоял, но это было позднее, после созыва 1-й Думы — в 1906—1907 году.

Крыленко. Одним словом, в те времена вы стояли на почве нейтрального профдвижения, боролись в этом отношении и с большевиками и с меньшевиками, отстаивали самостоятельную линию, которая объективно сводилась к чему?

Желудков. К использованию на данном этапе организационных форм легальных профсоюзов.

Крыленко. Для чего.

Желудков. Для того, чтобы рабочие привыкли создавать самоуправление в деле защиты своих интересов.

Крыленко. А вы не считали в те времена или теперь, может быть, что такая позиция по существу является расколом политического движения, расколом политического движения рабочих масс, ослаблением его, и, может быть, эта позиция была и не меньшевистская и не большевистская, а скорее была подчинена буржуазному влиянию?

Желудков. Да.

Крыленко. Хорошо. Если я охарактеризую эту позицию, как позицию в лучшем случае кадетскую, а в худшем случае — еще более резко, — это будет правильно, верно?

Желудков. Не думаю, чтобы тогда на том этапе можно было так ставить вопрос. Это сегодня, может быть, будет верно.

Крыленко. Тогда ограничимся конста-

тированием этого факта и перейдем к дальнейшему.

Так вот вы говорите, что было 5—6—8 собраний, на которых вы не присутствовали?

Желудков. Да, не присутствовал.

Крыленко. На собрании в 1930 году, когда было большое заседание, вы не присутствовали?

Желудков. Да, это было в апреле месяца.

Крыленко. Вы совсем не присутствовали?

Желудков. Не присутствовал.

Крыленко. Кто там был, вы не можете сказать?

Желудков. Я вообще не присутствовал на этом собрании и вообще некоторых фамилий и лиц не знаю; некоторых знаю в лицо, о некоторых слышал от Шера.

Крыленко. Кого вы знаете?

Желудков. Знаю Громана, Якубовича, Залкинда, Петунина, кажется еще Гвоздева и затем несколько фамилий я забыл.

Крыленко. Этого довольно. Этих лиц, которых вы назвали, вы там встречали?

Желудков. Да, эти лица посещали, и я знал, что они бьзают, и некоторых видел.

Крыленко. И относительно одного из заседаний в апреле месяце 1930 г., — вы подтверждаете этот факт?

Желудков. Да.

Крыленко. Какого рода услуги вы оказывали, кроме предоставления квартиры?

Желудков. Кроме предоставления квартиры под собрания, еще иногда, не часто, но раза 4—5 были случаи за эти 3 года пользования квартирой, как явкой, для приезжающих с периферии.

Крыленко. Сколько было таких случаев?

Желудков. Мне кажется 3—4, максимум 5.

Крыленко. А как это происходило — к вам приезжали, говорили здравствуйте...

Желудков. Нет, был пароль.

Крыленко. Какой.

Желудков. Пароль придумал не я, а Шер. Я спортсмен, любитель доверток, а Шер — поинтеров. Он придумал такой пароль — «нет ли у вас щеночков от «Ирмы и Вандейка». Ясно, что ко мне, как спортсмену, не придут с такой просьбой. Это являлось наилучшей конспирацией.

Крыленко. Это давало вам понять, что к вам пришли не за собаками.

Таким образом, это была вторая форма использования явочной квартиры по паролю.

А третья форма использования?

Желудков. Третья форма — это распределение на квартире приезжающим с периферии лицам нелегальной литературы — «Соц. вестника», прокламаций, листовок. Но я должен сказать, что этого

было немного. «Соц. вестник» был получен за все 3 года может быть 7—8 раз и каждый раз в количестве до 10 экз., даже часто и меньше.

Крыленко. В количестве до 10 экз.

Разрешите показать вам взятые у вас при обыске номера «Социалистического вестника», которые приобщены к делу. Вы признаете их или нет? У вас это было взято? (т. Крыленко показывает жетон номера «Соц. вестник»).

Желудков. Да, у меня.

Крыленко. Каким образом они у вас сохранились?

Желудков. Они остались от тех полученных, которые я имел от Шера, примерно, в течение этих 3 лет. Семь или восемь раз мне засылали «Соц. вестник» и каждый раз в небольшом количестве до 10 экз. с тем, чтобы я их передал тем лицам, которые придут от Шера с паролем. Я им по его указаниям эти номера выдавал. У меня остались нераспределенными несколько экземпляров, а также осталось несколько экземпляров ленточки, прокламации. Остался один сверток не распределенный.

Крыленко. А кто все это распределял?

Желудков. Обычно указывал Шер, кому все это выдавать.

Крыленко. Шер приходил и распределял?

Желудков. Шер указывал, сколько куда направить, и когда приходили от него лица, то я им и выдавал.

Крыленко. Вы были техническим исполнителем функций распространения?

Желудков. Да.

Крыленко. Я предъявлю вам взятые у вас три номера прокламации под заголовком: «Российская социал-демократическая партия» с подписью ЦК РСДРП, под заглавием — «Ко всем рабочим и служащим Советского Союза».

Желудков. Да, здесь говорится о договорной кампании. Здесь говорится о кампании по перезаключению колдоговоров — поскольку я интересовался этой темой, я эти экземпляры оставил у себя.

Крыленко. Для себя оставили?

Желудков. Да.

Крыленко. Эти ленточки тоже были получены от Шера?

Желудков. Да. Я других источников получения литературы не имел.

Крыленко. Я буду просить председателя о приобщении этих документов к делу.

Передача этих листов, этих номеров «Соц. вестника», распространение их для вас совершенно четко устанавливало связь с Шером, — нелегальную связь?

Желудков. Я представлял себе, что Шер является душой или вообще одним из активных членов нелегальной организации, но так как меньшевиков в Москве много было и они занимали иногда довольно крупное общественное положение, поэтому я считал, что это, примерно,

не столько нелегальная, сколько полунелегальная организация.

Крыленко. Почему полунелегальная?

Желудков. Полунелегальная постольку, поскольку эти меньшевики были.

Крыленко. Меньшевики были, но это не значит, что они легальны.

Желудков. Это не секрет, что у них меньшевистские взгляды остались.

Крыленко. Взгляды взглядами, а распространение литературы — это распространение.

Желудков. Я понимаю, но я свой взгляд на литературу, такой взгляд, который в старое время был о легальной и нелегальной литературе, я в советское время недостаточно усвоил.

Крыленко. Вы считали, что в советское время нелегальную литературу можно распространять сколько угодно?

Желудков. Нет, не в том смысле, а в смысле того, что ограниченному количеству лиц «Вестник» доступен и сейчас.

Крыленко. По существу вы подтвердили то, что следовало из обвинительного заключения и показаний других и в этом отношении точно установлено.

Последний вопрос, который я хочу задать, относится к той категории вопросов, на который вы, как свидетель, в праве не отвечать, но задать я вам дам. Считали ли вы, что этим распространением и передачей листов и хранением их, предоставлением квартиры под конспиративные собрания, вы фактически принимали участие и соучаствовали в этой организации?

Желудков. Нет, не считал.

Крыленко. А как вы считали?

Желудков. Вы сами знаете, что в довоенное время, все, скажем, либералы, всегда свои квартиры давали использовать для всевозможных явок. Я считал, что, безгранично уважая Шера и в высшей степени доверяя ему, и что оказывая эту услугу, я до некоторой степени вступаю в конфликт с советским законом, этого нельзя было делать, но во всяком случае я считал, что это дело такое, что сегодня это запрещено, а завтра может быть контакт между меньшевиками и большевиками.

Крыленко. Вы считали, что в предвидении этого контакта можно стать на позицию старого либерала и ничего противозаконного вы не совершали. Так?

Желудков. Да.

Крыленко. У меня больше вопросов нет.

Председатель. У защиты есть вопросы?

Коммодов. На ваших собраниях вы встречали Фини-Енотаевского?

Желудков. Лично я его не знаю, но фамилию слышал.

Коммодов. Больше у меня вопросов нет.

Председатель. У подсудимых есть вопросы? (Нет).

Муранов. Эти собрания, которые про-

исходили на квартире, оканчивались в один присест, или продолжались по нескольку дней, или с утра до вечера?

Желудков. Обычно два—три—четыре часа максимум. Кроме того, было одно собрание, которое, насколько помню, длилось более продолжительно, может быть часов шесть.

Муранов. Как явочная квартира, ваша квартира использовалась часто приезжающими или приезжающими?

Желудков. За все 3 года было не больше 4—5 случаев ночевки.

Муранов. А как явка, как явочная квартира, куда сходились 2—3 лица?

Желудков. Тоже не часто, потому что это было бы для меня чрезвычайно стеснительно. Я думаю, что за все время не наберется даже двух десятков, которые приезжали бы.

Муранов. Вы сказали, что не смотрели на это как на незаконную, нелегальную вещь. Как же вы понимали вопрос о пароле — легально это или не легально?

Желудков. Это придумал Шер. Я лично не особенно вникал, почему он это обставил так конспиративно. Я считал, что в нем говорит старый подпольщик, что он не мог еще избавиться от старых навыков подпольщика.

Антонов-Саратовский. Приспособиться к советским условиям?

Желудков. Да, да.

Муранов. Этих прокламаций было много, большое количество экземпляров?

Желудков. Десятка три—четыре.

Крыленко. Десятка три—четыре?

Желудков. Да, да.

Муранов. Переданных вам Шером?

Желудков. Да. А потом за ними приходил, кажется, Лежнев из Госбанка и получил их.

Муранов. Вы ему отдали целиком?

Желудков. Нет, десятка два—три, а

часть была роздана по предложению Шера лицам, которые приехали с периферии.

Крыленко. Можно задать вопрос Шеру?

Председатель. Подсудимый Шер.

Крыленко. У меня один вопрос. О «Социалистическом вестнике» спора нет, а эти прокламации о перезаключении колдоговоров заграничного происхождения?

Шер. Да.

Крыленко. Это произведение — литература заграничного центра?

Шер. Да.

Крыленко. Полученное вами от Штерна?

Шер. Да.

Крыленко. Путем...

Шер. Путем той связи, через которую он получал эту литературу.

Крыленко. Количеству.

Шер. Как говорит Желудков, совершенно верно, около полусотни экземпляров.

Крыленко. Так что это факт устанавливает прямую и непосредственную связь вашей нелегальной, конспиративной, контрреволюционной организации с заграничным центром?

Шер. Совершенно правильно.

Председатель. Свидетель более не нужен?

Крыленко. Нет.

Председатель. Комендант, уведите свидетеля.

Судебное присутствие приобщает к делу протокол ГПУ за № 9489; 5 номеров «Социалистического вестника» и 3 экз. прокламаций «российской социал-демократической рабочей партии меньшевиков» ко всем рабочим и служащим Союза по перезаключению коллективных договоров.

Объявляется перерыв до 6 часов.

Вечернее заседание

Председатель. Заседание Специального присутствия Верховного суда СССР возобновляется. Какие будут вопросы?

Крыленко. Сейчас мы приступаем к выяснению практических шагов по реализации блока организационного, идейного и материального с другими контрреволюционными организациями. Можно вызвать подсудимого Громана?

Председатель. Подсудимый Громан.

Крыленко. Скажите, пожалуйста, о блоке и переговорах с «Промпартией», историю этих переговоров, их содержание и результаты.

Громан. Начало отношений с «Промышленным центром», как он назывался сначала, было положено в деловых служебных наших отношениях с Калининским, Ларичевым через посредство Рам-

зина. Обсуждались вопросы о согласованных действиях, — сначала для общего влияния на экономическую политику, а затем уже для прямой дезорганизаторской работы, для влияния на построение планов в смысле их извращения против тех целей, которые ставит себе советское правительство, и обострения тех диспропорций, которые замечаются в хозяйстве. Начало переговоров было в форме деловых разговоров внутри Госплана у меня; затем, по моим сведениям, докладывалось Шперном и Гинзбургом в нашей пятерке, и они происходили и по линии промышленности в ВСНХ. В конце 1928 г. Кондратьев пригласил меня к себе. Я застал у него двух представителей «Инженерно-промышленного центра», в числе которых был Рамзин. Кондратьев, руко-

водивший этим собранием, председательствовавший на нем, его инициатор, указал на то, что образовались группировки трех типов — меньшевистская, эсеровская и инженерно-промышленная. Эти группировки фактически вступили в контакт, чтобы извращать экономическую политику для достижения контрреволюционных целей, но что желательно более близко договориться о целях и методах общей борьбы, направленной на свержение советской власти. Указал на то, что имеются разветвленные ячейки в его группе, они еще тогда не назывались «ТКП».

Кондратьев нам не сообщил, что в Наркомземе, Наркомфине, а также и в производительной и кредитной кооперации имеются даже связи с населением в виде культурных, так называемых опытных, хозяйств, многие из которых фактически являются хозяйствами кулацкими, известным образом замаскированными.

Он не говорил, что цели, которые ставит себе группировка Кондратьева, сводятся в политической области к буржуазно-демократической республике, в области экономической — к восстановлению частной собственности на землю. Он говорил о праве залога земли, шла речь о юридическом восстановлении прав собственности, шла речь о крестьянских наделах. Он говорил о необходимости акционирования всех предприятий, даже созданных вновь государственной властью, о передаче их в руки частных акционеров, прежним иностранным и русским собственникам. Говорил о том, что считает необходимым условием для свержения режима вооруженную интервенцию.

Рамзин указал на то, что о вооруженной интервенции он хорошо осведомлен, мало того — он ставит ее во главу угла, что без нее он считает совершенно немислямым свержение советской власти внутренними силами страны. В связи с этим он считает необходимым на довольно длительный период установление военной диктатуры, как политической формы правления, а в области социально-экономической он стоит (я полагаю, что память мне не изменяет, потому что это вызвало с моей стороны реплику) за реставрацию, — за передачу прежних владений, предприятий их прежним собственникам. Я указал на то, что лицо этих предприятий изменилось, — одни ликвидированы, другие преобразованы, увеличилось в размере в три или даже в четыре раза, обзавелись совершенно новым оборудованием, но он все же высказал эту точку зрения. Наконец было указано, что имеется масса новых фабрик и заводов на месте прежних. Поэтому я тогда сказал, что моя группировка не стоит на точке зрения такой непосредственной реставрации, что в области политической мы стоим за демократическую республику, военной диктатуры не приемлем, и я предложил ограничиться в на-

ших взаимоотношениях информацией и обсуждением отдельных конкретных форм возможной совместной работы.

С последней моей установкой совещание согласилось и во исполнение этого, так в феврале—марте 1929 года, по инициативе Ларичева и Рамзина, было созвано совещание в моем служебном кабинете совместно с представителями «Промпартии». Этому совещанию предшествовало обсуждение вопросов о блоке с «Промпартией» у нас нашей пятеркой в составе меня, Шера, Штерна, Суханова и Гинзбурга. Там указывалось, что общий развернутый политический блок в данный момент не представляется возможным, что это дело дальнейшего времени. В конечном счете соотношение сил, роль интервенции, II Интернационала, роль тех элементов, которые признают своими выразителями политическую группировку социал-демократов, — все это поможет начать тот политический блок, который, в конечном счете, к моменту свержения советской власти будет достигнут. Но это совещание признало, что с «Промпартией» в борьбе с диктатурой пролетариата мы должны вступить в активные совместные действия, — следовательно заключить тактический блок.

Вот на основании всего этого было созвано это совещание в моем служебном кабинете в Госплане, где, я помню, с нашей стороны было трое — Штерн, Гинзбург, Соколовский, с их сторон — Рамзин, Ларичев, Калининков, Федотов. Эти персонажи у меня остались в памяти.

Открыл совещание я. На основании того суждения, которое было в нашем руководящем центре, я указал, что социал-демократическая центральная группа, как мы себя называли, уполномочила нас заключить такое действительное соглашение, такой тактический блок с «Промпартией». Для обсуждения конкретных шагов, которые обеспечили бы возможность совместных действий, необходимо установить известные рамки для нашей работы. Я и затем Гинзбург, которому было поручено нашей пятеркой выступить с конкретным предложением и даже отвечать непосредственно на конкретные предложения со стороны «Промпартии», мы указали три основных принципа возможной совместной организации. Мы не участвуем в диверсионных актах. Члены нашей партии не оплачиваются за свою вредительскую работу. И, наконец, те лица, которые будут намечены на совещании, будут автономны в своей вредительской работе в том смысле, что о каждом акте и даже о своих планах они докладывать соответствующим центрам не будут.

Если я не ошибаюсь, Гинзбург указал некоторую сферу такой работы и затем намечил несколько лиц с нашей стороны. Представители «Промпартии» так же указали лиц со своей стороны, которые дол-

жны были принять участие в этой вредительской работе. Более точные показания могут быть даны Гинзбургом и представителями «Промпартии».

Крыленко. К какому же периоду относятся первые разговоры более или менее оформленного характера?

Громан. К концу 1928 года, во всяком случае, ко второй его половине, т. е. после того, как будущая наша политическая платформа была достаточно нами разработана, выяснена и санкционирована заграничным центром во время приезда Абрамовича.

Антонов-Саратовский. Это было после приезда Абрамовича?

Громан. Да. До приезда Абрамовича у нас в Госплане и ВСНХ по чисто служебным деловым вопросам был сговор мимолетного характера в смысле проведения через президиум Госплана той или иной постановки вопроса. Там переговоры уже направлялись в смысле изменения известных постановлений.

Крыленко. А сведения о том, что существует такая организация, уже были?

Громан. Я приурочиваю эти сведения именно к этому периоду, периоду середины 1928 года, когда те лица, с которыми я ближайшим образом сталкивался, — Калинин и Ларичев, — мне сказали об образованной ими организации. Нам нужно было организовано об этом поговорить. Об этом первом политическом сговоре я вам и передал, когда описывал это совещание.

Крыленко. Скажите более точно о втором.

Громан. Во исполнение известного сговора состоялось совещание, оно было в феврале 1929 года.

Крыленко. В феврале 1929 года. Тогда уже на втором совещании присутствовали официальные представители?

Громан. Да, от них официальными представителями были Рамзин, Федотов, Калинин, Ларичев, а от нас тоже официально, так как мы обсуждали принципиально вопрос у себя в пятерке, присутствовали я, Шер, Гинзбург, Соколовский.

Крыленко. Разграничение тактики для каждого в своей области, обсуждение условий наступило после?

Громан. Это было в феврале 1929 года. На этом совещании после вредительских разговоров Рамзин выступил с информацией об интервенции такого содержания, что «Промпартия» через посредство «Торгпрома» осведомлена о конкретных переговорах, которые ведутся по поводу интервенции, в которой примут участие Польша и другие лимитрофы, и что поэтому они центром вредительской работы уже считают подрыв обороноспособности в интервенционистских целях. Я и присутствующие члены социал-демократической организации заявили, что мы должны обсудить этот вопрос. И вот

в нашей пятерке в известном составе этот вопрос был подвергнут обсуждению очень длительному. При чем высказывались большие сомнения о возможностях такого рода работы. В своих соображениях я заявил, что если мы стали на позицию допустимости, желательности интервенции, если мы стали на путь борьбы за свержение советской власти, — вредительства, то это вредительство, даже если того не хочешь, само по себе поражает обороноспособность страны.

Те противодействия росту тяжелой индустрии, которые мы оказывали, те диспропорции, которые мы не преодолевали с этого момента, а форсировали, подрывали обороноспособность страны. Поэтому формула, что вредительская работа распространяется на сферу, обнимающую обороноспособность страны, в интервенционистских целях была нами принята и мною сообщена Рамзину и Ларичеву.

Крыленко. Вы только поставили некоторые ограничительные условия для себя?

Громан. Да, ограничительные условия для себя.

Крыленко. Они касались вопроса с диверсионных актов и в отношении себя?

Громан. Да.

Крыленко. Каким образом шла разграничение работы по отраслям?

Громан. То совещание, которое было под моим председательством, наметило отрасли и ответственных лиц — организаторов этого.

Крыленко. Можно установить, что были разграничения в области вредительской работы как по линии разграничения с «Промпартией», так и непосредственно в своей среде?

Громан. Так.

Крыленко. А вот материальная сторона, когда была окончательно устансвлена?

Громан. Около этого времени.

Крыленко. А реальное осуществление?

Громан. Я думаю в начале 1929 года. В кабинете Ларичева, в Госплане, в присутствии Рамзина были переданы мне первые 50.000 рублей.

Крыленко. А последующие — в течение ближайшего периода?

Громан. В течение 1929—1930 г. Было 3—4 передачи за все время в общей сумме 200.000 рублей.

Крыленко. А затем вам было известно что-нибудь об участии других ваших членов организации?

Громан. Я уже передавал, что Штерн, Соколовский и Гинзбург работали по линии ВСНХ. По этой линии было деловое соглашение с «Промпартией», с представителями социального слоя наших инженеров прежде всего. Они — в технических моментах, мы — в экономической области. И вот, известный контакт в техническом и экономическом смысле, в смысле взаимной поддержки, даже про-

ведение взаимных мероприятий должно было устанавливаться этими лицами.

Крыленко. Какого содержания были дебаты уже в вашей среде по поводу этого участия?

Громан. Те большие разногласия, о которых я говорил, после которых была дана формула, которую я назвал и которая сводилась к тому, что, если принципиально после приезда Абрамовича, позиция шла на приемлемость интервенции, позиция эта была нами усвоена, то активное участие в самом совершении интервенции и в непосредственной подготовке к ней в смысле подрыва обороноспособности не могло встретиться возражения со стороны тех, которые в период Октябрьской революции были даже мобилизованы для борьбы с интервенцией, что имело место по отношению ко мне и другим членам — Штерну, также, думаю, и в отношении других товарищей, кажется, Суханов был мобилизован и, вероятно, Гинзбург. Это происходило только путем осознания той объективной связи, которая существует между усвоенным политическим лозунгом и реальным условием его осуществления. Дезорганизаторская тактика сама по себе уже является нарушением обороноспособности. Эта тактика, рассчитанная на взрыв недовольства населения при допущении интервенции, не могла не быть использована, особенно в момент интервенции.

Крыленко. Сомнения сводились только к тому, что непосредственное участие в этом блоке обязывало до известной степени к непосредственному участию или помощи во время интервенции?

Громан. Да.

Крыленко. А по вопросу о военной диктатуре вопрос оставался открытым?

Громан. Я был уполномочен сообщить, что политическое соглашение мы считаем нереальным, не состоявшимся, будем об этом вести переговоры. Но в конце концов были не переговоры, а разговоры. Мы, да, вероятно, и они, считали, что еще не настал решающий момент, что еще не выявилось то соотношение сил, на которое каждая сторона может поставить ультимативные условия своего участия. От принципиального взгляда против режима военной диктатуры я ни разу не отказывался. Мне известно, что на совещании пятерки Гинзбург также говорил, что необходимо очиститься от монархических элементов, что военная диктатура неприемлема. Так что не только я, один из членов, но и другие члены также возражали против этого. Мы откладывали решение этого вопроса до известного момента.

Крыленко. А как вы перспективно представляли себе, придется ли, будете ли вы в состоянии, какие меры вы будете принимать, чтобы предотвратить эту военную диктатуру?

Громан. Наше представление слагалось

постепенно и под влиянием всей той информации об эволюции международной социал-демократии, II Интернационала по вопросу об интервенции. С самого начала, когда принцип был указан Абрамовичем, ведь он уже и тогда говорил о том, что в недрах II Интернационала крепнет положительное отношение к интервенции по принципу «даю, чтобы взять».

Крыленко. А степень реальности этих гарантий как они себе представляли?

Громан. Наше стремление внутри было как можно больше в своем сознании раздуть значение этих гарантий, так как это была та единая возможность оправдания той тактики, которая, наконец, нами вместе с заграничным центром решалась. Здесь же в этих целях подкрепления своих сил не оставалась попытка и надежда на возможность организации групп рабочих, групп интеллигенции, даже вооруженных групп, которые могут принять и проявить свое участие в момент переворота. В этих целях велись те переговоры с «ТКП», чтобы при подеме крестьянского движения подкрепить это движение и со стороны городских масс, т.е. вмешаться в такую атмосферу интервенции и при участии интервентов, как казалось тогда, преодолеть опасность.

Крыленко. Гарантии сводились, с одной стороны, к гарантиям, которые обещал, по вашим сведениям, II Интернационал через влиятельные социал-демократические меньшевистские партии, имеющие отношение к правительствам интервенционистских держав, с другой стороны — сводились к той степени реального влияния, которое меньшевистская к.-р. организация могла иметь на рабочий класс в СССР, и в-третьих — к тем вооруженным гарантиям, в виде вооруженных отрядов, которые, вы полагали, будете иметь в своем распоряжении при помощи «ТКП», участия «ТКП» и собственных усилий?

Громан. Да.

Крыленко. Эти гарантии учитывались как достаточно реальные гарантии?

Громан. Нет, сомнения в силе этих гарантий у меня лично, да и по высказываниям других товарищей, оставались до конца.

Крыленко. Все то, что мы до сих пор говорили, сводится к тому, что у вас влияния непосредственно на рабочий класс не было?

Громан. Всякие попытки завязать эту связь наталкивались на огромную отдачу с их стороны.

Крыленко. У вас не было вооруженных отрядов?

Громан. Нет.

Крыленко. Также не было и групп?

Громан. Нет.

Крыленко. Были только разговоры о создании групп?

Громан. Да.

Крыленко. Эти гарантии опали. Те-

перь третья гарантия со стороны давления II Интернационала, как она расценивалась?

Громан. Я вам уже излагал, что при таких условиях мы старались внутренне в максимальной степени придать этой гарантии вес.

Крыленко. Этой гарантии хотели придать вес в собственных глазах, а равным образом и в переговорах?

Громан. И в переговорах.

Крыленко. Сомнения у вас, по существу, были?

Громан. Да, были.

Крыленко. При реальном построении, реальной программе какой процент реального выполнения?

Громан. По тогдашнему моему сознанию не больше 51%, по теперешнему моему осознанию — 1% гарантии (смех в зале), потому что интервенция не могла привести ни к чему другому, как к тому же, к чему привела мировая война; потому что всякое участие II Интернационала, как и тогда, на характер войны не оказало никакого влияния, ни под каким микроскопом влияние социалистических партий, вошедших в празительство, на содержание мирного договора предусмотреть никакой историей не могло. Ретроспективно расценивалась роль II Интернационала в интервенции, как силы, которая только помогла другим осуществить их замыслы.

Антонов-Саратовский. Скажите, пожалуйста, кроме «Промпартии» и кроме группы Кондратьева—Чаянова, у вас были попытки соединиться с другими контрреволюционными группировками националистического характера?

Громан. Были разговоры о том, что это было бы желательно. Были ли попытки — я не знаю; если покойный Штерн сделал попытку, то он унес ее с собой. Во всяком случае он мне сказал, что с украинцами у нас ничего не выйдет, что это чуждая нам совершенно организация.

Антонов-Саратовский. Более чуждая, чем «Промпартия»?

Громан. Таковы были его слова.

Председатель. Подсудимый Гинзбург.

Крыленко. Будьте любезны сообщить, какие были переговоры, в которых вы принимали участие?

Гинзбург. Я подтверждаю то изложение развития отношений между РСДРП и «Промпартией», которое дал Владимир Густавович Громан. Все существенное, которое относится к этим переговорам, он изложил с достаточной полнотой и точностью. Поэтому мне в целях экономии времени и внимания нужно будет ограничиться лишь дополнением в отношении тех моментов, которые он сознательно оставил мало освещенными. Но в двух словах разрешите мне все же подчеркнуть историю возникновения этих отношений.

Совершенно правильно Владимир Гу-

ставович сказал, что эти отношения сложились на почве длительных совместных взаимоотношений. Мне по службе в ВСНХ пришлось столкнуться с целым рядом деятелей «Промпартии», которые в ВСНХ на протяжении довольно длительного периода занимали различные ответственные должности и выполняли ответственные функции по руководству отдельных отраслей промышленности или по руководству в промышленном управлении. Мне, как экономисту, приходилось очень часто быть в непосредственном соприкосновении с этой инженерной средой, так как ни одна экономическая директива не могла быть проведена без определенного технико-производственного обоснования. Без помощи технического персонала мы фактически работать не могли.

Поэтому мои в частности отношения с инженерно-техническим персоналом вызывались этой необходимостью совместной служебной работы. Не скажу, чтобы эти отношения складывались на протяжении этого периода совершенно гладко и спокойно. У меня были в течение значительного времени довольно напряженные отношения с этой частью работников ВСНХ. Напряженность этих отношений вызывалась тем, что инженерно-технические работники вообще высокомерно относились к экономистам, к экономической работе, считая, что это есть простое пустословие и писание лишних резолюций, а существо дела заключается в известных технических мероприятиях. Но независимо от этого более серьезный мотив заключался в том, что сразу выяснилась значительная политическая отчужденность между мною и ближайшими товарищами-единомышленниками и той средой, которая была представлена этими руководящими инженерами и техниками. Для меня с первого же момента работы в ВСНХ выяснилось, что мы имеем дело с группой людей, ориентирующихся на безусловное восстановление старого, капиталистического строя со всеми его, для нас отрицательными, чертами. И, само собой разумеется, при всем том глубоком падении, которое мы совершили и совершали за это время, разумеется, мы не могли идти на полное слияние с этой группой, на полное отождествление наших требований и наших политических стремлений и идеалов с ними. В разговорах мы не скрывали своих социалистических группировок, мы не скрывали своего отношения к советской власти, и поэтому у нас не было сколько-нибудь большой политической договоренности. Положение начало меняться с того времени, когда мы стали на определенную контрреволюционную позицию, когда мы скатились к этой позиции вредительства и интервенции. Здесь конечно мы могли найти сочувствующую среду, я думаю, почти исключительно среди этих инженер-

но-технических сил. Созершенно оторвавшись от той социальной среды, на которую мы равнялись в царский период, и равно противопоставив, в сущности говоря, свои требования требованиям революционного авангарда и всего рабочего класса, мы не могли не быть вынужденными опираться в своей работе все больше и больше на эти инженерно-технические силы. И вот этим подготавлилась и обострялась возможность того печального блока, о котором с таким напряжением и волнением передавал Владимир Густавович. О существовании политической организации среди инженерства я узнал примерно в 1928 г., думаю, во второй его половине. Я знал, что среди инженеров существуют различные группировки, но не думал, что инженеры занимаются политической деятельностью. О том, что они выступают, как определенная контрреволюционная группировка с тактической и политической программой, — я начал впервые узнавать после шахтинского процесса, в некоторых непосредственных разговорах и беседах с отдельными деятелями будущей «Промпартии». Мне приходилось по служебным делам на заседаниях президиума ВСНХ встречать некоторых деятелей этой «Промпартии». В частности я встречал наиболее среди них умного деятеля — Рамзина, с которым приходилось перекидываться некоторыми замечаниями по вопросу относительно политических задач, стоящих и перед инженерством и перед той частью экономического аппарата ВСНХ, который поддерживал эту меньшевистскую установку. В разговорах выяснилось, что политическая физиономия этой группы — ярко буржуазная, реставраторская, сильно проникнутая монархическими тенденциями, очень сильно проникнутая резко враждебными, антисемитскими моментами. Поэтому в разговорах с Рамзиным мне приходилось указывать, — это указывали и мои другие единомышленники, в частности Штерн и Соколовский, — что, мы, конечно, не можем идти вместе с этой группой в деле осуществления таких требований и что мы считали бы необходимым предварительным условием какого-либо соглашения политическую очистку этой «Промпартии» от этих ее реакционных и вредных, с нашей точки зрения, элементов. Такими элементами мы считали, во-первых, монархические тенденции, и мы настаивали на том, чтобы они определенно были удалены от этой части инженерства; мы считали для себя неприемлемым лозунг военной диктатуры, мы указывали на приемлемое для нас требование — возврат владельцам прежних предприятий, мы представляли себе, что процесс денационализации должен проходить значительно сложнее, чем это сформулировано в программе «Промпартии», и в значительно более узких размерах; мы определенно указывали, что

не разделяем их помещичьих тенденций и т. д.

В начале, примерно, 1929 года мне пришлось услышать на одном из заседаний пятерки сообщение Владимира Густавовича Громана о тех беседах, которые у него были по этим же вопросам в конце 1928 г. у Кондратьева с некоторыми представителями промышленного центра. Он нам тогда назвал тоже фамилию Рамзина. Обсуждение происходило, как говорил Владимир Густавович, на совещании в том же составе, о котором он указывал здесь. Порядок совещания был тот же, о котором он говорил также здесь. Я должен дополнить сообщение по той ссылке, которую сделал Владимир Густавович на меня, что мне пришлось делать доклад относительно тех вредных установок, которые должны проводиться в работе представителями обеих партий и которые в конце концов должны представлять собою, несомненно, реальное содержание того соглашения, о котором идет речь.

Я действительно по предложению рабочей пятерки сделал этот набросок практических предложений в этой области. Практически эти предложения в сущности ничего нового собой не представляли — они подытоживали ту вредительскую работу, которая фактически шла в промышленности, в ее различных отраслях, и давали только известную ей формулировку. Вообще нужно сказать, что вредительство в нашем понимании тогда сводилось главным образом к отстаиванию минималистских требований, к снижению известных программных заданий во всех областях промышленной работы, к созданию таких условий, которые сделали бы необходимым равнение на минимальные установки, т. е., вернее говоря, они сводились к отстаиванию невозможности достижения максимальных темпов.

Мне напоминает, что одной из таких линий была линия, рекомендовавшая прежде всего равнение на снижение общего контингента производства в отдельных отраслях промышленности, как это намечалось в отдельных перспективных планах. Затем говорилось относительно вредительской работы в смысле снижения качества продукции, говорилось относительно создания диспропорции в отдельных отраслях промышленности, о создании диспропорции между развитием производственных возможностей в промышленности и развитием сырьевой базы промышленности. Говорилось об установках на минималистские темпы в целях недопущения снижения себестоимости, говорилось относительно снижения взятых темпов капитальных работ путем соответственного перераспределения финансовых средств. Говорилось относительно создания известного разрыва между темпом роста энергетической базы

промышленности и производственной базы, относительно задержек в целях недопущения развития новых кадров промышленного руководящего состава. Говорилось относительно затруднений в области научно-технической работы промышленности, в области работы по проектированию. Говорилось о создании в области научно-технической работы разрыва между действительными потребностями промышленности и теми работами, которые должны производиться в научных и технических учреждениях. То же самое говорилось о научно-исследовательской работе по линии экономики и т. д.

Вот в основном содержание тех линий, по которым должна была развиваться работа. Вредительство по этим линиям осуществлялось и до нашего соглашения. В этом смысле оно подытоживало то, что уже делалось, давало только более определенную формулировку и толкало на работу в этом направлении дальше.

Крыленко. Меня интересует кроме общей характеристики, которую вы даете, более конкретная фактическая сторона этих совещаний, в частности еще участие во всех совещаниях, где вы участвовали в порядке сообщений о конъюнктурных обзорах.

Гинзбург. Никаких других совещаний, кроме того, о котором говорил Владимир Густавович и о которых я здесь излагаю, между нами и «Промпартией» не было, т. е. таких совещаний, которые имели целью выработку определенных практических предложений. Владимир Густавович совершенно правильно подчеркнул, что одним из условий нашего соглашения, выдвинутым как нами, так и со стороны «Промпартии», был отказ об обсуждении вопросов конкретного вредительства в различных инстанциях. Мы считали, что конкретное вредительство не есть такое дело, которое может обсуждаться в партийных центрах по разным соображениям, поэтому больше таких совещаний, кроме этого общего, не было. То, что вы спрашиваете относительно совещаний конъюнктурных, которые носили характер информационных сообщений, то таких совещаний было несколько. По моему, их было всего 3. Первое из них состоялось, примерно, осенью 1928 года, два других состоялись в начале 1929 г., с весны 1929 г. они нами были сознательно прекращены. Содержанием этих сообщений служили мои конъюнктурные сообщения о состоянии промышленности.

Крыленко. Кому вы делали эти сообщения?

Гинзбург. Сообщения я делал членам «Промпартии» по преимуществу, так как там были и представители других партий, главным образом «ТКП», и представители меньшевистской партии.

Должен сказать, что в этих конъюнктурных сообщениях я не сообщал никаких других данных, кроме тех, которые

я сообщал в своих официальных докладах. Разница заключалась только в том, что я подчеркивал те моменты, которые не могли быть мною подчеркиваемы в официальных легальных сообщениях, те моменты, которые могли иметь значение с точки зрения той вредительской работы, о которой я докладывал, т. е. я указывал на те слабые места промышленности, которые как раз представляют собой наибольший интерес с точки зрения вредительской работы. Эти совещания происходили: одно — под председательством Шейна, другое — под председательством Калининкова, третье — под председательством Громана. Совещания эти происходили при довольно слабом обмене мнений со стороны участников, т. к. они имели в основном информационный характер и было признано, что они особой ценности собой не представляют, поэтому было решено с весны 1929 г. их прекратить.

Крыленко. Какую цель они преследовали?

Гинзбург. Они преследовали цель взаимной информации о состоянии промышленности. Думали, что я в своих конъюнктурных докладах могу сообщить такие данные, которые не могли бы быть сообщены в официальном докладе и которые могли бы быть ценны с точки зрения вредительской работы. Я такого материала не давал.

Крыленко. Но вы все-таки давали определенное, иное освещение?

Гинзбург. Я давал освещение, которое отличалось от того освещения, которое было в официальных докладах, главным образом концентрировал внимание на тех пунктах, которые представляли особый интерес с точки зрения вредительства, т. е. я подчеркивал разрыв между сырьевой базой и производственными возможностями промышленности, подчеркивал целый ряд других, так называемых, объектов трудностей и т. д.

Крыленко. Кто еще делал такие обзоры?

Гинзбург. По-моему, в моем присутствии как будто бы больше никто не делал таких докладов.

Крыленко. Значит, вашей задачей было дать такое освещение, которое характеризовало бы результаты вредительской работы или которое характеризовало бы промышленность с точки зрения ближайших перспектив кризисного характера?

Гинзбург. Дело в том, что делать конъюнктурные обзоры, подытоживающие специально результаты вредительской работы, было бы задачей, по моему мнению, очень трудно осуществимой, т. к. вредительская работа представляет собой один из очень многих факторов, влияющих на положение промышленности. Выделить специально эти факторы можно было бы только при особой, исключи-

тельной осведомленности о ходе вредительства.

Должен сказать, что я все-таки такой осведомленностью не обладал. Более правильно ваше второе предположение о том, что эти конъюнктурные доклады имели целью с большей откровенностью и с большей прямотой указывать на те якости отрицательные результаты, к которым приводит взятая советской властью линия на максимальное развитие производительных сил и в этом смысле с точки зрения прогноза всяких будущих затруднений, кризисов, разрух и т. д. Конечно, эти доклады являлись более откровенными, чем те доклады, которые я делал по своим прямым служебным задачам.

Крыленко. Но специальных усилий или подчеркиваний кризисного состояния вы не делали или делали в смысле реальной действительности?

Гинзбург. Я должен сказать, что я не выполнил бы свои задачи, если бы давал характеристику более сгущенную, чем то, что есть в действительности. Я бы тогда вместо помощи членам «Промпартии» оказал бы им плохую услугу, если бы рисовал перспективы кризиса в более резких тонах, чем это вызывалось действительным положением дела.

Крыленко. Но они-то ведь ставили своей задачей создание этого кризиса, для них это было до известной степени контролем над своей работой. В эту сторону они вас не посвящали?

Гинзбург. Должен сказать, что обзоры прекратились в начале 1929 г. Последний доклад был в феврале 1929 года. Я считаю, что в тот момент тактика «Промпартии» полностью и целиком еще не вполне оформилась, поскольку, я знаю, такое политическое оформление относится именно к этому периоду. Поэтому в тот момент с такой резкой определенностью эта задача не выступала. Но, разумеется, они могли и должны были эти мои доклады с такой целью использовать.

Антонов-Саратовский. Какая у вас была цель делать эти информационные доклады? Цель агитации, еще больше убеждать в тех кризисных явлениях, которые были? Зачем вы это делали?

Гинзбург. Считаю, что доклады, которые делались в официальных правительственных учреждениях людьми, которые не стоят на точке зрения курса, проводимого правительственной властью, не могут отличаться тем свободным изложением, которым будут отличаться эти доклады, когда они будут делаться в среде людей, позволяющих себе критиковать действия власти.

Антонов-Саратовский. А когда убедились, что вопрос только в подчеркивании, в чем они тоже были опытные, то прекратили эти доклады?

Гинзбург. Да.

Крыленко. А относительно финансовой помощи что вам было известно?

Гинзбург. Мною лично эта сторона дела не проводилась.

Крыленко. Я знаю, что не проводилась, но что было известно?

Гинзбург. В самых общих чертах известно было о том, что Громан ведет финансовую работу, но о том, получает ли он реальные суммы и как — этого я точно не знал. Этой стороной дела я не ведал совершенно.

Крыленко. Скажите, как вы смотрели и на своих совещаниях рассматривали вопрос о перспективах интервенции, какая конкретная программная установка у вас была в этом отношении?

Гинзбург. То, что изложил Владимир Густавович Громан, совершенно точно определяет мнение, которого держалось «Союзное бюро» по этому вопросу. Так что в этом отношении я ничего не могу дополнить.

Крыленко. И по вопросу о реальных ваших гарантиях равным образом?

Гинзбург. Я разделял его мнение. Я не могу ручаться за правильность его статистических исчислений, мы не всегда с ним соглашались в области статистики, но может быть, что он прав, что нужно принимать с 51% до 1%.

Крыленко. И этот вопрос относительно реальности гарантии, относительно приемлемости лозунгов военной диктатуры, равным образом, обсуждался?

Гинзбург. Вопрос обсуждался и мы твердо стали на ту точку зрения, что никому отказать «Промпартии» от лозунга военной диктатуры, во всяком случае нужно добиться противодействия осуществлению военной диктатуры в момент, если бы интервенция оказалась победоносной. Я только должен добавить в смысле реальности гарантий, что по мнению, которое фигурировало на совещании (я не могу точно отнести его к участникам совещания), высказывалось такое мнение, что так как меньшевики не пользуются влиянием на рабочий класс и в этом смысле не могут дать никаких гарантий, то в момент падения пролетарской диктатуры, в момент, когда рабочий класс лишается своего политического руководства, которое имеет в ВКП(б), шансы меньшевиков могут усилиться.

Председатель. С чьей стороны приводились такие доводы?

Гинзбург. Я не могу точно привести участника, который высказывал такие доводы в меньшевистской среде. Я отвечаю на вопрос относительно реальности гарантий. Эта абсолютная нереальность, о которой говорил Владимир Густавович, относится к тому периоду, который сейчас переживаем.

Антонов-Саратовский. Вы отдавали себе отчет в том, что эта интервенция несет кровавые жертвы?

Гинзбург. Я думаю, что был бы политическим слепцом, если бы этого не понимал.

Антонов-Саратовский. Вы участвовали в подготовке интервенции и соответствующем блоке, определенными силами представляли совершать черновую работу и после совершения этой черновой работы рассчитывали на политический авторитет среди рабочего класса?

Гинзбург. Такое печальное положение могло сложиться.

Антонов-Саратовский. Вы отдавали себе отчет и ставили этот вопрос?

Гинзбург. Ставили вопрос, что в момент интервенции, к сожалению, могло сложиться так, что в такое положение попадет даже такая организация, как меньшевистская.

Крыленко. На этих совещаниях по отдельным отраслям промышленности и хозяйственного строительства была договоренность о вредительстве?

Гинзбург. Так вопрос не ставился и не мог ставиться, потому что вопросы вредительства, как общее правило, проводились чрезвычайно секретно.

Крыленко. Но по вопросу, кто будет вводить вредительством в сырьевой базе, какое разделение труда было? Для этого не нужно было определять точные методы и формы.

Гинзбург. Такого рода общая договоренность была. Большевики, со своей стороны, указывали тех лиц, которые могли быть руководителями вредительства в отдельных отраслях. В частности, говорилось о том, что финансирование капитального строительства находится в руках Штерна, который имеет возможность проводить там вредительскую работу в части снижения себестоимости; в части влияния на политику по выработке сырья здесь меньшевики представляли сильную группу, потому что эта работа в значительной мере находилась под влиянием Соколовского; в части научно-исследовательской работы по промышленности, в части экономики выдвигалось, что эта работа может быть возложена на меня, мною проводится и может быть дальше прозодима. С другой стороны, такая область, как проведение вредительства в области электростроительства, находилась в руках «Промпартии» и, если мне память не изменяет, оно было связано с именем Осадчего. В области научно-технической связывалось с именем Шейна, в области экономических наук — с именем Коган-Бернштейна. Затем указывалось, что есть область вопросов, связанных с вопросами качества продукции, снижения качества продукции, что они не могут быть предоставлены определенным лицам, поскольку эти вопросы требуют конкретного решения каждый раз по отдельным отраслям промышленности. Тут была договоренность, что представители той и

другой организации будут стремиться к наибольшему влиянию на выработку контрольных цифр, когда, в сущности говоря, разрешается вопрос о контингентах производства.

Крыленко. Таким образом, все-таки было определенное разграничение по областям, без конкретного детализирования дальнейших методов, без указания людей, но все же разграничение было?

Гинзбург. Да.

Крыленко. При чем те лица, которых вы называли из вашей организации, они об этом равным образом знали?

Гинзбург. Да.

Крыленко. Вы их имена сообщили «Промпартии», а они указали своих людей?

Гинзбург. Да.

Крыленко. Так что это не было только программным, общим, абстрактным, но конкретным блоком?

Гинзбург. Это было практическое соглашение в области проведения работы.

Крыленко. С указанием ответственных лиц?

Гинзбург. Да.

Крыленко. Это значит был момент, когда вопросы об общих программных установках были уже исчерпаны?

Гинзбург. Нет, в это время вопрос о программных установках продолжал обсуждаться, — я думаю, что он не сходил с очереди до самого конца сношений с «Промпартией», — но официальных встреч по этому поводу, совместных заседаний, по-моему, не было.

Крыленко. У меня больше вопросов к подсудимому Гинзбургу нет. (К председателю). Можно попросить Якубовича?

Председатель. Подсудимый Якубович.

Крыленко. Скажите, пожалуйста, что вам было известно о практическом разграничении функций или как предполагалось провести разграничение работы?

Якубович. В области вредительской деятельности?

Крыленко. В области политической и в области вредительской.

Якубович. В области вредительской деятельности я давал показания, которые включены в обвинительное заключение. Они содержат более общие контуры, чем то, о чем здесь говорил подсудимый Гинзбург. Я должен сказать, что то, что мною раньше говорилось, не было здесь сказано Гинзбургом. Я думаю, что он это просто упустил из виду. Поскольку он работал в ВСНХ, постольку он больше касался различных отраслей промышленности.

Я могу сказать следующее: предполагалось, что в области промышленности руководство по отдельным основным отраслям, чтобы не сказать всецело, будет находиться в руках «Промпартии». Только отрасль плановой работы, о которой здесь говорил Гинзбург, находилась в

руках членов с.-д. партии. У меня было довольно ясное представление о том, что плановая работа, в сущности говоря, в целом не только относящаяся к промышленности, но все основные направления плановой работы должны быть сосредоточены в руках меньшевистской партии. Поскольку члены меньшевистской партии занимали руководящие посты в ВСНХ, в Наркомторге и в других наркоматах и некоторые из них входили даже в состав «Союзного бюро», то я бы сказал, в виде общей формулировки, что в области плановой работы вредительство должно было по существу, по крайней мере в основном, осуществляться и направляться социал-демократией.

Что же касается практического осуществления этого вредительства в отдельных отраслях промышленности, в части работы в самих управлениях промышленности, — это должно было относиться к «Промпартии». Что касается сельского хозяйства, здесь уже говорил обвиняемый Громан о том, что все виды сельского хозяйства, планирования в сельском хозяйстве и непосредственного руководства сельскохозяйственными процессами относились к сфере «ТКП». Остается кроме общеплановой работы сфера обмена. Сфера обмена, по ее специфическим условиям, которые создавались нахождением в составе руководящих органов лиц, принадлежащих к той же «Промпартии», а не к составу меньшевистской партии, эта сфера обмена по преимуществу относилась к той части, которая должна была бы быть предметом внимания меньшевистской партии. Эта сфера обмена в конце концов руководствовалась и практически и в области планирования двумя основными организациями — Народным комиссариатом торговли и Центросоюзом, так как и в составе руководящих работников Наркомторга и в составе руководящих работников Центросоюза были весьма влиятельные представители меньшевистской партии. Так что это относилось в значительной мере к меньшевистской партии.

Я указывал в своих показаниях, что надлежит внести некоторые уточнения в отношении того, как исходить из той структуры ведомственного распределения промышленности, распределения торгово-промышленных объединений, которая была установлена в особенности в последний год. Нельзя смотреть таким образом, что если те отрасли промышленности и те промышленные объединения вроде Союзхлеба и других находятся в ведении Наркомторга, то тем самым они приписываются к меньшевистской партии. Здесь такого строгого разграничения быть не могло, а предполагалось, что будут исходить из практической целесообразности и возможности. Т.-е. в тех объединениях, где имеется влияние «Промышленной партии» непосредственно через ее

руководителей, там руководство будет находиться в руках «Промпартии», а не социал-демократии, к которой являлись приписанными все эти объединения по их ведомственному распределению.

Вот основные контуры работы, которые мне рисовались из тех бесед, которые мне в то время пришлось иметь с моими товарищами по «Союзному бюро», которые сохранились в моей памяти и которые я излагал на предварительном следствии.

Крыленко. Влияние ваше практическое и реальное по этому плану договоренности, влияние меньшевистских организаций было только в области распределения и снабжения?

Якубович. В основном это должно было быть предметом преимущественного внимания.

Крыленко. На Наркомторг и Центросоюз?

Якубович. Да.

Крыленко. Затем в области непосредственного осуществления ваших планов в хозяйстве, скажем, по топливу, по металлам и по отраслям промышленности, — это шло по линии «Промпартии». В области сельского хозяйства — через Наркомзем — это шло по линии «ТКП» Кондратьева — Чайнова. И наконец, в области планирования мне представляется, что это не совсем точно: все планирование не могло быть в руках меньшевистской организации.

Якубович. Оно и не было нужно. Я допускал здесь некоторое схематизирование, когда говорил об этом. Я говорил об основных направлениях. Надо, конечно, здесь конкретизировать.

Крыленко. Конъюнктурный совет, контрольные цифры, общие обзоры экономического характера и т. д. — я думаю, что «Промпартия» была представлена в планирующих органах не меньше, чем меньшевистская организация. Достаточно взять Осадчего.

Якубович. В части общеэкономического планирования я думаю, что здесь влияние меньшевистской партии было значительно больше, потому что ни Осадчий, ни другие лидеры «Промпартии» не являлись достаточно теоретически подготовленными в экономических науках для того, чтобы это осуществлять. Так что здесь влияние меньшевистской партии было чрезвычайно велико.

Крыленко. Так что в ваших руках находились конъюнктурный совет, контрольные цифры и т. д.

А практические наметки контрольных цифр по отдельным областям промышленности в области планирования оставались за «Промпартией». Такую поправку надо внести.

Теперь скажите, в области политического разграничения функций такая договоренность была или намечалась по

меньшей мере в области политической, а не вредительской?

Якубович. Я не могу сказать, было ли определенное соглашение по этому поводу, было ли по этому поводу зафиксировано какое-нибудь постановление. Судя по показаниям, только что данным Громаном и Гинзбургом, у меня является сомнение в том, что, может быть, не было определенного постановления. Но я припоминаю те разговоры, которые были у работников «Союзного бюро» и в которых наши представители, ведшие сношения с «ТКП» и «Промпартией», устанавливали существо имевших место бесед и те выводы, к которым приходили во время этих бесед. На основе этих разговоров, которые имели место, припоминаю, что я излагал на предварительном следствии таким образом: распределение функций происходило прежде всего из оценки того влияния, которое эти три политических группировки могут оказывать и оказывают на определенные социальные слои.

В этом отношении имелось в виду, что «Промпартия» должна проводить ту работу, которая должна оформить политическое сознание тех групп, которые, как казалось нам, тяготеют к ней по своему положению в обществе. Это были техническая интеллигенция и те общественные группы, которые занимают положение аналогичное или близкое к положению технической группы. Здесь разумелась группа лиц свободных профессий — врачи, защитники, профессура. Нам казалось, что эта группа в наибольшей степени должна быть родственна «Промпартии». Повидимому, в тех разговорах, которые имели место по этому поводу между партиями, так и разумелось. «ТКП», предполагалось, будет являться партией крестьянства и тяготеющих непосредственно к крестьянству интеллигентских групп.

Социал-демократическая партия имела в виду вести работу среди пролетариата, которую фактически, как вы слышали, она не вела. Затем предполагалось, что она должна вести работу среди служащих госаппарата. Ставилась перед ней задача вести работу среди студенчества мелкобуржуазного и пролетарского. Эта работа фактически тоже поставлена не была.

В какой форме предполагалось разграничение этой работы и какую работу предполагалось возможным вести каждой партии? В части узязки с подготовительной работой к интервенции. Как складывалась работа в процессе переговоров? «Промпартия» прежде всего брала на себя непосредственную подготовку интервенции. В сущности говоря, эту подготовку она взяла на себя до переговоров между партиями. Фактически во время переговоров была только фиксация факта. «Промпартия» брала на себя подго-

товительную работу непосредственно в зарубежных странах, которая заключалась в сношениях через известное посредство с правительствами, с генштабами тех стран, которые должны были являться как непосредственными исполнителями интервенции, так и ее вдохновителями. Это делалось через посредство «Торгпрома» и через посредство других.

Крыленко. А «Торгпром» был вам известен? Вам было известно то, что он существует?

Якубович. Да, это было известно.

Крыленко. Вам было известно, что он собой представляет?

Якубович. Да, было известно.

Крыленко. А в качестве финансового источника он был известен?

Якубович. Он нам был известен в качестве финансового источника, в качестве группировки, которая является в известной мере политическим центром эмигрантской буржуазии.

Крыленко. Для вас, выражаясь этим языком, социальная база была отчетливо ясна?

Якубович. Совершенно отчетливо ясна.

Крыленко. Социал-демократы пришли к блоку с контрреволюционной промышленностью?

Якубович. Да, это верно. Если взять работы непосредственной подготовки интервенции в зарубежных странах, то имелось в виду, что «Промпартия» будет вести и ведет подготовительную работу в порядке подготовки военных заговоров, диверсионных актов и, быть может, террористических актов.

Такого рода методы работы, приемы работы предполагали, что они останутся в сфере деятельности «Промпартии». «ТКП» брала на себя задачу подготовки крестьянских восстаний, в особенности связанных с проводимой реконструкцией сельского хозяйства. Предполагалось, что этот реконструктивный процесс, который вызывал весьма болезненные явления в деревне, что он должен привести к тому, что в ряде районов могут разразиться крупные крестьянские волнения. Задачей «ТКП» было перевести эти волнения на рельсы вооруженного восстания. «ТКП» должна была вести подготовку этих вооруженных восстаний и вместе с тем брала на себя задачу вносить разложение в ряды Красной армии.

Крыленко. Они вам говорили или сообщали о том, что обладают достаточными возможностями для этого?

Якубович. Этого я не могу сказать. Мне кажется, что все три партии больше говорили о задачах, нежели о реальных возможностях. Факты показали, что реальных возможностей было гораздо меньше, чем тех стремлений и надежд, которые были в контрреволюционных группировках. Во всяком случае такие задачи «ТКП» ставила.

Социал-демократическая организация ставила перед собой задачу, во-первых, в международном масштабе подготовку нейтрального отношения, пассивного отношения международного пролетариата к предполагаемому интервенционистскому выступлению, которое должно было быть осуществлено проведением политической кампании II Интернационалом при активном участии заграничной делегации РСДРП. В отношении этой миссии заграничной делегации РСДРП II Интернационал должен был сыграть огромную роль в деле подготовки интервенции, по мысли участников этих переговоров контрреволюционных группировок. И задачей нашего центра, «Союзного бюро», было обеспечить активное участие заграничной делегации, мы не обязаны были посвящать «ТКП» и «Промпартию» в существо наших задач или задач «Союзного бюро». Это было задачей нашего «Союзного бюро», это было его компетенцией в той или другой форме обеспечить то, чтобы заграничная делегация принимала в этом отношении участие и чтобы заграничная делегация обеспечила руководящую роль социалистическому Интернационалу.

Наконец, по вопросу о военной работе, как ее понимали здесь. Насколько я вспоминаю, разговоров больше было с Шером, нежели с теми товарищами, которые здесь давали показания. О военной работе в частях вопрос ставился так, что «ТКП» предполагала непосредственное участие меньшевистской партии в подготовке крестьянских восстаний, в снабжении их оружием. Но в процессе разговоров сложилось представление относительно участия, и по нашей инициативе была принята на себя другая задача. Предполагалось, что меньшевистская партия непосредственного участия в подготовке крестьянских восстаний, в снабжении оружием, в разложении частей Красной армии не принимает, этих функций брать на себя не будет. Она хотела взять другую задачу, которую она связывала с двумя целями. Одна цель — подготовка непосредственно физической силы для участия в контрреволюционном перевороте, с другой стороны — подготовка физической силы, которая на другой день после контрреволюционного переворота могла бы явиться вооруженной физической опорой, которая могла бы обеспечить удельный вес социал-демократической партии.

Председатель. Конкретно к чему это сводилось?

Якубович. Мысль сводилась к тому, чтобы подготовить создание первоначальной ячейки, эмбриона, который явится зародышем будущей городской рабочей гвардии. Наше участие мы мыслили как участие в создании рабочей гвардии, как построение рабочей гвардии, но мы сознавали, что при той оторванности, которая у нас существует, можно будет гово-

рить весьма условно об участии рабочих, но мы говорили о молодежи, имели в виду студенческую молодежь и часть служащих, опять-таки более молодые элементы, тяготеющие к социал-демократической партии, у которых есть известные симпатии, склонность к той идеологии, которую мы считали социалистической идеологией.

Крыленко. Можно уточнить это. Получается так, что где-то там начинают востания, организуются и проводят своей богато разветвленной периферией. В качестве руководителя кулацкой линии группа Кондратьева и Чапанова. В это время рядом происходит интервенция, приходят интервененты, а тогда, когда переворот совершен, на тот предмет, чтобы потом получить соответствующую долю влияния и спастись от ужасов монархической реставрации, выступают меньшевики социал-демократы с заранее уже сейчас для этой цели подготовленной гражданской гвардией?

Якубович. Я в этом отношении могу изложить свое понимание, как оно сложилось в результате всех переговоров; может быть, это будет очень субъективной оценкой. Я принимал наше отношение к интервенции так. Я несколько иначе формулирую, чем говорили обвиняемые, которые выступали до меня. Мы принимали интервенцию, но мы никогда не смотрели на интервенцию, как непосредственное оружие совершения контрреволюционного переворота. Мы никогда не мыслили себе контрреволюционный переворот, как результат непосредственной военной победы интервентов. Мы воспринимали это иначе. Нам казалось, что интервенция будет средством разрывания внутренних контрреволюционных сил, которые мы, соответственно нашему пониманию, рассматривали как контрреволюционные силы трудящихся масс. Ведь в том-то и вся трагедия нашей партии, если можно говорить о трагедии этой партии, что мы субъективно продолжали думать, что мы выражаем интересы трудящихся масс, в частности интересы пролетариата. Поэтому нам казалось, что «ТКП», которая думает организовать крестьянство, если крестьянство склонно идти за «ТКП» (если «ТКП» в состоянии будет поднять восстание), то в момент интервенции «ТКП» будет в состоянии это восстание превратить в стихийное всенародное восстание. Нам казалось, что среди пролетариата есть много неформленного, скрытого недовольства. Правда, мы не имели никаких связей, никаких способов прощупать это скрытое недовольство, но мы считали, что это недовольство значительно возрастет в период интервенции, в силу тех объективных условий, которые будут созданы, с одной стороны, нашей вредительской работой, а с другой — теми бедствиями, которые приносит наступление военных событий. Это недовольство

чрезвычайно возрастет и выльется в форму такой стихийной вспышки недовольства рабочих, которая нам позволит увеличить в сильной степени свой политический авторитет, и тогда уже незадолго, можно сказать, накануне контрреволюционного переворота, нам удастся из зародившихся наших ячеек военных создать известную гвардию рабочих, которая примет участие в самом совершении контрреволюционного переворота.

Крыленко. Можно кратенько сформулировать это так. Кто-то начинает, интервенты продолжают или, наоборот, интервенты начинают, а контрательеско-чаяновская группа продолжает, а вы потом будете таскать каштаны из огня при помощи вашей гвардии?

Якубович. Это было верно с точки зрения фактического положения вещей, как оно складывалось. Нам не удалось даже собрать таких первоначальных ячеек, из которых может вырасти гражданская гвардия. Вы абсолютно правы, когда характеризуете фактическое положение вещей, но когда я говорю о намерениях, то это неверно, так как в наших намерениях мы представляли себе иначе. Я в этом вопросе принадлежал к числу скептиков и пошел только по пути нашего общего решения, даже взял на себя ведение военной работы, взял на себя участие в этой работе непосредственное. Но наши задачи, которые я принимал на себя вместе с другими моими товарищами, сводились к тому, чтобы иметь подготовку этой гвардии, из которой можно было бы подготовить кадры для непосредственного участия в контрреволюционном перевороте.

Крыленко. Вот ваши задачи, как вы их себе представляли. Конкретно что из этого вышло?

Якубович. Из подготовки военной группы конкретные результаты были самые ничтожные. Если и были организованы группы (их было организовано незначительное количество), они были столь ничтожны, что не представляли собой даже намека на тот скелет, остов, из которого могла быть когда-нибудь впоследствии гражданская гвардия. Собственно говоря, нельзя сказать, что они были созданы, делалась попытка развернуть эту работу по организации ячеек, но она дала ничтожные результаты.

Антонов-Саратовский. Вы согласны с Шером, который показывает, что «Союзное бюро» понимало, что в этом случае в момент перехода к власти, в результате интервенции, переворота, меньшевики могут очень много потерять и мало выиграть, чем более сильные и более ловкие конкуренты?

Якубович. Абсолютно правильно.

Крыленко. По вопросу относительно реальности перспектив вы держались такого мнения, что реальные перспективы были бы иные?

Якубович. Да, даже и в то время. Мы, в сущности говоря, утешали себя иллюзией, которая должна была устранить это опасение, но по сути дела и тогда чувствовалась их иллюзорность.

Крыленко. Значит, в области политического разделения труда точной договоренности не было?

Якубович. Не было.

Крыленко. А по вопросу относительно министерского распределения?

Якубович. О министерском распределении я ничего не слышал. Знаю, что были вообще разговоры о создании временного национального правительства, но о персональном его комплектовании не слышал.

Крыленко. Больше у меня вопросов к подсудимому Якубовичу нет.

Председатель. Подсудимый Шер.

Крыленко. Содержание сообщения, которое вы здесь слышали, подтверждаете?

Шер. Подтверждаю.

Крыленко. Какие-нибудь дополнительные уточнения можете сделать?

Шер. Могу сделать только то уточнение, что схема, изложенная Якубовичем, относится к более позднему времени, чем та схема, которая была изложена Громашом и Гинзбургом, и схема, которая была изложена Якубовичем, дает представление о схеме в более законченном виде. Здесь нет поправок или дополнений, а есть изложение схемы в более законченном виде, как это имело место к концу 1929 года.

Крыленко. Конкретно в этих совещаниях вы принимали участие?

Шер. Я принимал участие только в совещаниях, которые имели место с «ТКП» — Юровским и Кондратьевым, при чем Кондратьев присутствовал только на одном совещании, с Юровским я имел несколько встреч. На одном совещании Кондратьев присутствовал и принимал участие в обсуждении вопросов. На другое он не явился, и мы имели дело только вдвоем с Юровским.

Крыленко. О чем шел разговор?

Шер. Здесь обсуждались следующие вопросы: во-первых, стоял вопрос о координации нашей вредительской деятельности с теми повстанческими действиями среди крестьянства, которые организовывались «ТКП». Я выдвинул идею, которая казалась мне вполне реальной, — согласование во времени ряда вредительских актов с тем планом, который строился в организации «ТКП», т.е. поскольку предполагалась в том или ином районе возможность обострения крестьянского движения, постольку мы, т.е. «Союзное бюро», должны были брать на себя организацию вредительских актов, направленных к оголению товаров и продовольствия в данном районе.

Крыленко. Конкретно одним из тактических мероприятий, которые вы предпо-

лагали развернуть, — это было оголение полосы...

Шер. ...предполагаемого крестьянского восстания от промтоваров и продовольствия.

Крыленко. На какой предмет?

Шер. На тот предмет, чтобы обострить недовольство крестьянства и создать соответствующее настроение против советской власти, благоприятное для восстания.

Крыленко. А затем что предполагалось?

Шер. Затем предполагалось, что руководство этими восстаниями будет находиться в руках «ТКП».

Крыленко. А затем в предполагалось бросить промтовары?

Шер. Так вопрос не ставился конкретно, потому что от этих локальных, как мы их называли, восстаний, не ожидали конкретных успехов. Так что таких предположений о возможности слияния этих восстаний я, насколько помню, не было. Мы конкретно ставили лишь вопрос относительно мер подготовки этих восстаний. Должен сказать при этом, что техническое осуществление этих планов оказалось значительно труднее, чем мы предполагали. Я докладывал об этом в пятерке «Союзного бюро». Все предположения, которые мы строили, оказались технически невыполнимыми, ибо ни через Центросоюз, ни через Наркомторг, на ячейки которых я рассчитывал, оказалось невозможным провести намеченные мероприятия. Планы строились обычно поквартирно, и изменить их на данный месяц или за два месяца нельзя было в смысле ослабления подвоза товаров, а затем внезапного усиления. Мы не могли оголять районы, где предполагались восстания. Поэтому члены организации, работавшие в Наркомторге и Центросоюзе, признали эти планы неосуществимыми.

Крыленко. Так что была брошена такая идея, но при первой попытке построить план реализации, — даже не реализацию, а только план реализации, — это оказалось технически невозможным?

Шер. Да. Эта идея высказывалась мною и встретила сочувствие со стороны Чаянова и Кондратьева.

Крыленко. Что вам известно о денежных средствах «Промпартии»?

Шер. Мне известно, что со стороны «Промпартии» было получено около 200 тысяч. Я подтверждаю ту цифру, которую называл Громан.

Крыленко. А о других средствах?

Шер. Что касается «ТКП», то от этой партии никаких средств не получали.

Крыленко. Вы четко себе представляли, что такое «Торгпром», знали о его существовании?

Шер. Я знал про его существование.

Крыленко. Это вам было известно в порядке отдельных информаций или об этом говорилось на совещаниях?

Шер. Я с представителями «Промпартии» не имел переговоров, так что не знаю, делались ли такого рода сообщения. Но из бесед с членами «Союзного бюро» я представлял себе, что «Торгпром» — это организация русских эмигрантов-промышленников, ставящая себе не только контрреволюционные, но и реакционные цели.

Крыленко. Ту фактическую оценку, которую этому давали другие, вы разделяли?

Шер. Да.

Крыленко. Вы разделяли и тактику, намеченную «Союзным бюро»?

Шер. Да.

Крыленко. Реальность этих гарантий также оценивали?

Шер. Центр тяжести этих гарантий, я полагал, должен находиться в той поддержке со стороны заграничного центра, которую нам обещали, т.е. в поддержке со стороны влияния деятелей II Интернационала на те правительства, которые будут принимать участие в интервенции. Но мне это представлялось более реальным, чем об этом здесь говорили Громан и Гинзбург.

Антонов-Саратовский. Скажите, пожалуйста, когда обсуждался вопрос «Промпартии» у вас, о плане, о пятерке — вы присутствовали при этом обсуждении?

Шер. Да, присутствовал.

Антонов-Саратовский. На том заседании, где, как указывал Громан, обсуждался вопрос о том, что вы связываетесь с «Промпартией», с буржуазией и стали чуть ли не шпионской организацией?

Шер. Да, я вспоминаю такое заседание.

Антонов-Саратовский. На этом заседании было вам известно, что «Промпартия» связана с «Торгпромом»?

Шер. Я же припоминаю, было ли мне это известно на этом заседании или на другом, но вообще я это знал.

Председатель. Подсудимый Суханов.

Крыленко. Будьте любезны изложить историю сношений с «Промпартией» и «ТКП» с момента, когда вы принимали участие.

Суханов. История сношений началась несколько ранее моего вступления в организацию. Мне представляется, что она была здесь изложена уже достаточно полно и точно. Я не думаю, чтобы я мог дополнить какими-нибудь материалами заслушанные сообщения. Я предпочел бы, чтобы мне были поставлены сколько-нибудь конкретные вопросы.

Крыленко. Так вот скажите конкретно о тех моментах, когда вы участвовали?

Суханов. Я участвовал в заседании пятерки, на котором шла речь и обсуждался вопрос о предстоящем блоке. Затем я участвовал в последующих заседаниях пятерки, раза, по-моему, два, а возможно, что и больше, после того, как состоялось соглашение. Об этом сообщили в пятерку, пятерка эта апробировала, точно

так же, как впоследствии были санкционированы основы взаимоотношений.

Крыленко. Скажите относительно идеологического обоснования. Вы принимали участие в рассмотрении этого вопроса?

Суханов. Да.

Крыленко. Идеологическое обоснование блока как вам представлялось, как оно формулировалось вами в частности, как оно аргументировалось?

Суханов. Позиция «Союзного бюро» с небольшими оттенками и отклонениями, мне кажется, была здесь достаточно схарактеризована тремя лицами.

Что я могу прибавить к этому — мое собственное толкование значения этого факта, мое отношение к нему?

Крыленко. Здесь в данный момент стоит вопрос относительно выяснения фактических обстоятельств. Я вас прошу это изложить в плоскости фактов, с одной стороны, а с другой стороны — в плоскости ваших мотивировок, как это понималось и как вы это понимаете.

Суханов. Тут интересно рассказать о моем понимании, о моем отношении к этому делу.

Крыленко. Излагайте это.

Суханов. Мое отношение к этому факту, мое отношение к блоку с «Промпартией» прежде всего было отрицательным. Я высказывался отрицательно к самой идее этого блока. Если можно так выразиться, я несколько саботировал развитие отношений между «Союзным бюро» и «Промпартией». Но всякая логика имеет свое положение. В этом положении находился я, чувствуя себя недостаточно сильным и зная, что, конечно, мои требования не могут увенчаться никаким успехом.

В конце концов я могу сказать только одно — мое отношение к этому блоку было в высшей степени отрицательным, но я капитулировал, я признал закономерность данного акта постольку, поскольку «Союзное бюро» вступило на определенную плоскость.

Вот как собственно можно формулировать мое отношение.

Антонов-Саратовский. Аргументируйте ваше отрицательное отношение к данному блоку. Почему вы саботировали наличие взаимоотношений между «Союзным бюро» и «Промпартией»?

Суханов. Причины довольно ясны, если принять во внимание общую систему моих взглядов, мою прошлую историю.

Антонов-Саратовский. Вы просто коротко изложите в нескольких пунктах ваши мотивы, формулируйте в нескольких пунктах эти ваши мотивы.

Суханов. Мотивы заключались в том, что блок с партией, которая для меня была заведомо партией буржуазной реставрации, совершенно независимо от того, стоит она на позиции легитимизма, т. е. возвращения предприятий прежним владельцам или нет, независимо от этого

«Промпартия» была для меня заведомо самой определенной и законченной партией диктатуры капитала. Так выражалась в моих глазах программа этой партии. Кроме того, эта партия могла быть и монархической, эта партия было заведомо фашистской, программа которой могла выражаться и в военной диктатуре, партия могла быть и шпионской организацией. Вполне естественно.

Антонов-Саратовский. Вы высказывали где-нибудь эти взгляды?

Суханов. Высказывал.

Антонов-Саратовский. А на совещании, где обсуждались эти вопросы?

Суханов. И на совещании я высказывался, и это нашло отражение в одном из моих показаний на предварительном следствии. Я не выражал это особенно подчеркнуто из тех же соображений и объясню это теми же мотивами — стремлением взять на себя ответственность по всему объему работы. Но это нашло отражение и в показаниях на предварительном следствии, которые были представлены суду.

Крыленко. Вы, как социал-демократ меньшевик, вступили в организацию в начале 1929 года. До этого к каким партийным группировкам вы примыкали?

Суханов. Я указывал, что к группе Мартова я принадлежал с июня 1917 г. до декабря 1920 г., до выступления Мартова на конгрессе в Галле.

Крыленко. К эсеровским организациям вы не имели отношения?

Суханов. Я начал свою деятельность с вступления в эсеровскую организацию и пребывал в ней до 1906 года.

Крыленко. А в 1906 году?

Суханов. В 1906 году я вышел и был диким до июня 1917 г.

После приезда Мартова я вошел в его группу и был в ней до выступления Мартова на конгрессе в Галле, примерно осенью 1920 г.

Крыленко. А затем вышли и были диким?

Суханов. Затем вышел и был диким до тех переговоров, которые я имел с представителем «Союзного бюро», до января 1929 года.

Крыленко. Теперь интересно, при таком все же сравнительно извилистом вашем политическом пути, где имеются и эсеры, и меньшевизм, и состояние вне партии при определенном политическом кругозоре, все это приводило или должно было привести, или могло привести к тому, что вы к вопросу блокирования были более близки, или, наоборот, это знаменовало другое?

Суханов. Я не сказал бы этого, не сказал бы и наоборот по следующим причинам: во-первых, мой путь представляется мне не столь извилистым. Что касается тактики и революционной позиции, то я прошу вспомнить, что я назвал мое пребывание в эсеровской партии 1904—1905 гг.

Правда, оба эти года я почти целиком просидел в тюрьме, провалившись очень скоро с типографией и с большими тюками литературы эсеровской партии. Тем не менее, я отношу это к периоду до 1905 года.

Потом как раз первым толчком, который меня от эсеров в это время отделил, была, если вы припомните, Парижская конференция 1904 года, на которой в отличие от социал-демократов искровцев участвовали эсеры вместе с либералами. Так что с этих времен можно, напротив, было бы считать целесообразным и возможным мое отрицательное отношение к блокам и соглашениям.

Крыленко. Скажите, пожалуйста, в период до вашего вступления в эту контрреволюционную организацию были у вас, самостоятельно вами практикуемые, попытки создания некоторого подобия организации?

Суханов. Да, были.

Крыленко. Вот вы об этих попытках расскажите.

Суханов. Это было осенью 1928 года, когда я пришел к совершенно пессимистическим выводам относительно судеб диктатуры коммунистической партии. Я считал необходимым организовать и такую попытку я сделал.

Крыленко. В чем выражалась эта попытка?

Суханов. Я беседовал с некоторыми лицами, которых считал своими единомышленниками, стремясь привлечь их в эту организацию, во-первых. Во-вторых, я написал для предполагаемой организации платформу.

Крыленко. Может быть, мы так сформулируем, что до вашего формального вступления в меньшевистскую организацию, дело которой мы рассматриваем, и до постановки конкретно этой организацией вопроса о блоке с другими контрреволюционными организациями, вами единолично, по вашей инициативе, независимо от действий других контрреволюционных организаций, в течение 1928 года и некоторой части 1929 года производились попытки создания такой самостоятельной контрреволюционной организации, в которую вошли представители различных политических течений, объединяемые общей платформой отрицания политики советской власти и диктатуры пролетариата?

Суханов. Я разумел мою попытку, как попытку организовать группу единомышленников на какой-то единой платформе, а не блок из представителей различных партий.

Крыленко. Тогда так скажем: организовать группу единомышленников, объединяемых общей платформой.

Суханов. Да, платформа, маленький эмбрион программы был мной сделан для элементов, которых я считал своими единомышленниками.

Крыленко. Кто туда входил? Из каких элементов вы хотели создать эту организацию? Были ли это однородные элементы?

Суханов. Это были элементы, которые я оценивал, как однородные элементы.

Крыленко. Назовите некоторые имена?

Суханов. Громан.

Крыленко. Кондратьев бывал?

Суханов. Кондратьев в эту предполагаемую мою группу единомышленников входить не мог.

Крыленко. Но Кондратьев у вас бывал?

Суханов. Это дело другое. Он у меня бывал. Мы имели с ним очень тесное, личное, политическое общение.

Крыленко. Еще кто?

Суханов. Кроме Громана, я считал своим единомышленником на той платформе, которую я излагал, Базарова.

Крыленко. Рубин бывал?

Суханов. Нет, он достаточно далеко стоял от меня.

Крыленко. Попытка привлечь его была?

Суханов. Нет, Рубин познакомился со мной, как я говорил здесь, в Кисловодске, в 1928 году, и попытка привлечь Рубина относится не к этой организации. Я пытался привлечь его в РСДРП.

Крыленко. На ваших воскресниках собиралась группа лиц, научных, экономических, литературных работников?

Антонов-Саратовский. Это был политический салон?

Суханов. Это был салон, который не имел какого-нибудь организационного политического оформления, но этот салон был создан, я признаю, что здесь были перманентные дискуссии по остро злободневным вопросам.

Антонов-Саратовский. Антисоветского характера?

Суханов. Этот салон играл очень незначительную к.-р. роль в разных смыслах и направлениях.

Крыленко. Если я прочитаю то, что вы показывали, вы признаете правильность своих показаний?

Суханов. Все то, что я показывал по этому предмету, будет правильно.

Крыленко. Если правильно, то из этого следует ряд выводов, которые в дальнейшем я уточню. Вы показывали 1-го февраля по поводу воскресников: «Я мог бы сказать, что последующее соглашение между «Союзным бюро» и «ТКП» фактически состоялось предпринятельно на моих воскресниках, где присутствовали представители обеих групп... организационное оформление единой к.-р. армии, идейно подготовленной и сколоченной у меня».

Суханов. Это правильно.

Крыленко. Позвольте сделать отсюда вывод. Следовательно в этот момент, когда вы сколачивали эту к.-р. армию, вы в «Союзное бюро» не входили?

Суханов. Нет, входил.

Крыленко. Значит, идея, практическая попытка такого организационного оформ-

зления, по существу блока, была вами предпринята?

Суханов. Была.

Крыленко. Отсюда вывод следует такой: что когда вы пытались говорить, что вы не создавали этого блока, а создавали только единомышленников, будет немного неточно?

Суханов. Я старался создать группу единомышленников на платформе, которая мной была собственноручно написана. Мною написаны тезисы, которые я мог бы сейчас изложить, но эта группа единомышленников могла находиться в контакте с неединомышленниками, с представителями других течений и групп. И когда я писал, что фактически на моей квартире в постоянных дискуссиях сложился последующий блок «Союзного бюро» с «ТКП», я не расходился ни в чем с тем, что я говорил и писал. Мои воскресники продолжались в течение двух лет — значительно большего периода, чем я состоял в «Союзном бюро», т.е. начались до этого, в тот период, когда не было речи о блоке; но когда я определенным образом эволюционировал по причинам и в смысле, которые я мог бы изложить особо, то возникла, естественно, мысль и речь о блоке, но в последующий период, хронологически отличный от первого, возник блок на моей квартире. Я лично приписываю моим воскресникам очень незначительную к.р. роль, во-первых, и во-вторых, на моей квартире постоянно на этих воскресниках велись дискуссии по разного рода вопросам обществу, с политическим обоснованием, с углубленным идеологическим подходом.

Крыленко. Значит, у вас в 1928—1929 году были воскресники, собирались различные лица, из которых вы пытались создать группу единомышленников. Вы подтверждаете, что здесь было положено начало созданию блока с группой Чаянова?

Суханов. Нет, это не был блок.

Крыленко. Посмотрим, кто те лица, которые у вас бывали: Громан, — меньшевик, Череванин — меньшевик, Ерманский — меньшевик, Кан — меньшевик, Рубин — меньшевик, Сандомирский — меньшевик, Маслоз — с.д., Галов — меньшевик.

Вторая группа: Кондратьев — эсер, Анеев — бывш. эсер, Букшман, Вайнштейн, Клычков — эта группа, начиная от эсеров и кончая неформальной народнической размазней.

Горфинкель, Биссель, Калмазоич 73-х лет, подходящий на мой взгляд к социалистам (я ведь цитирую ваши показания), Малиятович — министр временного правительства, — это третья группа, она тяготела не к эсерам, не к меньшевикам, а скорее к кадетам.

Суханов. Трудно сказать. Это во всяком случае была резко оппозиционно настроенная группа.

Крыленко. Энесовская группа, или, скажем, оппозиционно настроенная вообще?

Суханов. Можно остановиться на этой формулировке.

Крыленко. И затем лица, никак не настроенные: Кубацкая — певица, Каминский, Леонидоз, Андреев.

И вот эта группа отсеивалась. Произшел некоторый органический естественный отбор, отсев?

Суханов. Да.

Крыленко. Вот я и хотел вас спросить — что это была группа единомышленников или попытка создать блок из разнородных элементов?

Суханов. Имея этот салон и принимая этих людей по воскресеньям, я на ряду с этим интересовался вопросами в общественной и политической плоскости и на ряду с этим я принимал меры в течение осени 1928 года к созданию политической группы единомышленников. Может быть, на этом не стоило бы долго останавливаться, ибо мои взгляды очень быстро изменились к самому концу 1928 года и в начале 1929 года я вступил в переговоры относительно моего включения в РСДРП.

Крыленко. Можно закончить это следующей формулировкой: «Состав мы видим, сроки довольно длительные». Я беру вашу формулировку так, как она есть, и прошу ее еще раз подтвердить или отвергнуть:

«Я мог бы сказать, что последующее соглашение между «Союзным бюро» и «ТКП» фактически состоялось на этих воскресниках: единая контрреволюционная армия идейно подготавливалась и спланировалась у меня». Верно?

Суханов. Правильно.

Крыленко. На этом мы и остановимся, а выводы будем делать потом. Вы эту фактическую сторону подтверждаете?

Суханов. Я подтверждаю только что зачитанное вами положение, которое в конце концов привело к блоку с «ТКП»; но я говорю, что у меня не было в этом салоне, ни в поле моего зрения до этого времени представителей «Промпартии», которых я определенно квалифицировал, как определенно шпионскую, вероятно монархическую и совершенно законченную и определенную партию реставрации и господства капитала. Таких элементов у меня в салоне и в моем поле зрения и в кругу моих знакомых не было и только это я констатировал с самого начала.

Крыленко. Исходя из того, что «Промпартию» вы расценивали как фашистскую, контрреволюционную, возможно шпионскую организацию, вы в свой салон ее не пускали и с ней дела не имели?

Суханов. И не знаю случаев, чтобы она ломилась туда.

Крыленко. А практически вы в блок с этой организацией вошли?

Суханов. Через некоторое время, через несколько месяцев, но совершенно независимо от деятельности моего салона, совершенно верно, я вошел, как бы член «Союзного бюро» с ней в сношения, вступил в блок с этой самой организацией.

Антонов-Саратовский. Вы говорите, что вы были против блока с «Промпартией». Но вы на этом совещании, где обсуждались эти вопросы, резко выступали, а потом вы, кажется, были выбраны вместе с Громаном для переговоров с ней? Как это так вышло? Почему это совещание не могло найти другого лица, Шера или кого-нибудь другого, кто бы мог пойти на эти практические переговоры? Почему именно вас выбрали, хотя вы возражали и, как вы говорите, протестовали?

Суханов. Я должен сказать, что я не был в действительности выбран для переговоров.

Председатель. Вопросов больше нет?

Крыленко. Я прошу ввести свидетеля Рамзина.

Председатель. Тов. комендант, приведите свидетеля Рамзина.

Председатель. Свидетель Рамзин, я предупреждаю вас, что вы должны показывать суду только правду.

Крыленко. Будьте любезны сообщите историю ваших переговоров и организационные формы блока с меньшевистской группировкой Громана и Суханова. Сообщите то, что вам известно по этому поводу.

Рамзин. Во взаимоотношениях «Промпартии» с меньшевистской организацией, возглавляющейся Громаном и Сухановым, я различил бы два основных периода.

Первый период — это то, когда шла совместная работа в области вредительства работников «Промпартии» и деятелей меньшевистской организации. Второй период это тот, когда эти отношения вылились уже в более или менее законченную определенную форму тактического и политического блока.

Хронологически этот первый период занимает время, примерно, кончающееся 1928 годом. Второй период — с конца 1928 г., с начала 1929 г. до момента разрыва контрреволюционных организаций.

Как возникли первые связи между инженерским центром и меньшевистской группой, я точно изложить не сумею, потому что эти связи относятся к тому периоду, когда я был за границей — ко второй половине 1927 г., если я не ошибаюсь, тогда руководящая роль в «Промпартии» мне не принадлежала. Поэтому этот период я могу осветить лишь по тем сообщениям, которые я имел от других сотрудников по «Промпартии». Возникновение этих отношений, по моему, можно отнести к 1927 г. При чем впервые конкретно эти отношения создались на почве совместного проведения и составления

генерального плана и пятилетнего плана народного хозяйства.

Крыленко. Тут были служебные отношения?

Рамзин. Да, на почве служебных отношений среди госплановской вредительской организации наметилась эта первая связь. Связь персонально, насколько мне известно, была установлена Рабиновичем, Федоровичем, одним из основных работников по генеральному плану, с Владимиром Густавовичем Громаном, который тоже принимал деятельное участие в этой работе. В дальнейшем эта связь еще более окрепла в процессе проработки пятилетнего плана народного хозяйства.

Общие установки, которые связывали деятелей инженерного центра с представителями меньшевистской организации, сводились, во-первых, к общим установкам на замедление и снижение темпов народного хозяйства, т.е. к проведению определенных вредительских работ в этом отношении. При чем работники меньшевистских групп представляли ценность для инженерного центра в данный момент, главным образом, персонально, поскольку они занимали высшие командные должности в Госплане и ВСНХ. Персонально этот контакт определялся следующими лицами: в Госплане — Владимиром Густавовичем Громаном, а в ВСНХ — Гинзбургом, Соколовским, Штерном. Затем к этой группировке с самого начала, насколько мне известно, принадлежал и Суханов. Я лично с Сухановым переговоров не имел и поэтому более детально сказать о его участии в этом вопросе я не могу.

Теперь основные линии, которые объединяли деятелей членов «Промпартии», тогда еще инженерного центра, и деятелей меньшевистской группы. Это были, как я говорю, установки на снижение развития темпов промышленности, на создание диспропорции в отдельных частях, на омертвление капитала, на борьбу против коллективизации сельского хозяйства, а затем на создание определенных хозяйственных затруднений. При чем те мотивировки, которые в это время давались со стороны деятелей меньшевистской организации, насколько я мог уяснить, были такого характера, что политика, которая ведется советской властью, явно неправильна, стремление построить социалистическое хозяйство заранее обречено на неудачу, поэтому необходим тот предметный урок, который советское правительство должно в течение выполнения этой работы по возможности сократить, сократить его за счет ускорения кризисов, за счет ускорения и усиления затруднений в народнохозяйственной жизни путем подталкивания этих затруднений вредительскими мероприятиями. Вот я начертил ту идеологическую основу и те идеологические обоснования в участии во вредительской работе со сто-

роны меньшевистских организаций, которые имели место в этот период. Вообще говоря, эти идеологические обоснования со стороны меньшевистской организации менялись на протяжении совместной работы. И вот, в первый период, насколько я представляю, доминирующей была эта мотивировка. Я бы сказал, что членов инженерного центра и «Промпартии» эти идеологические обоснования не особенно интересовали. Интересовали здесь готовность и согласие проводить определенные вредительские мероприятия, нас интересовали лишь практические результаты совместной работы. Поскольку эти практические результаты вели к одной и той же цели, поскольку меньшевистская организация, ее отдельные члены работали рука об руку с членами инженерного центра, постольку идеологическое обоснование тех отдельных причин, которые побуждали действовать совместно, нас, меня лично, в этот момент мало интересовало.

Что касается отношения к интервенции, то здесь позиция инженерного центра в этом первом периоде 1928 года уже определенно выяснилась, потому что ставка на интервенцию уже определенно выявилась и выявилось направление деятельности инженерного центра и «Промпартии». Со стороны меньшевистской организации отношение к интервенции в это время было, я бы сказал, неопределенное, неопределенное в том отношении, что члены меньшевистской организации считали интервенцию неизбежной в той политике, которую ведет советская власть. При чем, поскольку интервенция признавалась неизбежной, считалось целесообразным использовать ее для достижения той конечной цели, которую ставили себе и инженерный центр, и меньшевистские организации, а именно — свержение пролетарской диктатуры и свержение советской власти. Таким образом, идеологическое обоснование в принятии интервенции (мне кажется, я правильно улавливаю, очерчивая таким образом, что считалась неизбежной интервенция) считалось, что интервенция является необходимой, и считали необходимым сделать отсюда практические выводы в целях достижения конечной задачи.

В этот первый период конкретные факты совместной работы между деятелями меньшевистской группы и деятелями инженерного центра, впоследствии «Промпартии», выражались в следующем: первое, это совместная работа по проведению пятилетнего плана, а именно, по поручению инженерного центра, Калининкову было дано задание лично договориться с Громаном, затем с Гинзбургом и Соколовским относительно совместного проведения основной установки в области пятилетнего плана. (Это впоследствии и делалось совместно членами обеих организаций, а именно — в самом составе

пятилетнего плана проходило минималистское развитие и, с другой стороны, активное проведение этих планов в ВСНХ, в Госплане, затем в высших органах республики обеими организациями велось совместно, они выступали общим фронтом).

Второй, довольно мелкий эпизод — это вопрос относительно двухлетки. Вопрос относительно двухлетки, когда он возник, то в «Промпартии» он был поддержан, т. к. «Промпартия» считала эту установку для себя выгодной в целях проведения вредительских мероприятий. В то же время была договоренность и с деятелями меньшевистской организации и получено их согласие поддержать идею пятилетки. Так что и в этом отношении при поддержке идеи пятилетки обе организации действовали совместно.

Относительно отдельных бесед, которые у меня были в тот период, я вспоминаю беседы с Громаном и затем с Гинзбургом и Штерном. С Громаном беседы обычно проходили в Госплане. С Гинзбургом я вспоминаю беседу, примерно, в середине 1928 г. в ВСНХ, при чем точно не помню, присутствовал ли при этой беседе Штерн или нет. Вообще эти беседы с Гинзбургом, которые я сейчас вспоминаю, сводились к тому, что Гинзбург говорил относительно того впечатления, невыгодного для инженерного центра и «Промпартии», которое создавало наличие монархических тенденций среди отдельных членов инженерного центра «Промпартии». Я на это тогда ответил, что вопрос о монархических тенденциях давно покончен, еще в 1927 году, и в отношении политической позиции инженерного центра вполне выяснилось, что здесь никаких препятствий для совместной работы на этой почве в данный момент не существует.

Второй вопрос — относительно военной диктатуры, что инженерный центр «Промпартии» считает, или даже признает необходимым, военную диктатуру, но крайней мере, для первого, переходного периода и что для меньшевистской организации такая постановка вопроса являлась неприемлемой, что меньшевистская организация считает необходимым идти к новым формам правления через учредительное собрание. Я то же самое ответил на это, что военная диктатура не является конечной целью в «Промышленной партии», что военная диктатура представляет переходный способ перехода к новой постоянной форме правления. Но приходится считаться с военной диктатурой, как опять с заданной реальной необходимостью, вытекающей из реального соотношения сил, и что лезть сейчас на дыбы, на стены против военной диктатуры — это значит или играть политическую игру или просто не считаться с той реальной обстановкой, в которую будет неизбежно поставлена страна при

наличии интервенции. Громан и Гинзбург соглашались с такой постановкой дела, что военная диктатура совершенно возможна, что при определенной обстановке, а именно при наличии интервенции, она станет неизбежностью, но деятели меньшевистской организации признать это не считали для себя возможным. Дальнейших споров по этому вопросу я не продолжал, потому что считал их несущественными, поскольку ближайшие тактические наши пути и задачи совпадали. А основной тактической задачей, собственно, в которой шла совместная работа в этот первый период, была совместная работа в области вредительства по созданию кризисов, тот путь, который подробно излагался.

Крыленко. Это мы знаем, не нужно на этом останавливаться.

Рамзин. Следующая форма совместной работы, которая началась еще в этот первый период, это организация экономических или конъюнктурных совещаний. Эти экономические или конъюнктурные совещания имели целью, во-первых, периодическую информацию относительно текущей народнохозяйственной конъюнктуры, возможности учета результатов тех или других вредительских мероприятий и, если хотите, планирование дальнейшей вредительской деятельности и тех выводов, которые можно было из этого сделать. Так что основной тон и содержание этих экономических конъюнктурных совещаний и было именно построено в таком разрезе. В этих экономических совещаниях я лично принимал участие очень редко. Я вспоминаю только три совещания. Особенно в них деятельное участие принимали Калинин, Чарновский, Шейн. Со стороны меньшевистской организации — Громан, Гинзбург, Соколовский, иногда Штерн. Из «ТКП» принимали участие в совещаниях Кондратьев, Чайнов.

Крыленко. Еще была какая-либо форма организационной связи?

Рамзин. Третья форма организационной связи свелась к попытке создания объединенного центра. История возникновения этого объединенного центра такова. Первые переговоры относительно объединения тактической деятельности всех трех к.-р. организаций, а именно «Промпартии», «ТКП» и затем меньшевистской организации, были начаты еще Пальчинским и Чайновым. Переговоры между Пальчинским и Чайновым были еще до начала 1928 года, до ареста Пальчинского. Кто из них был инициатором этого дела, не могу сказать. На одном заседании инженерного центра Пальчинский сделал доклад, что им было достигнуто соглашение с «ТКП» относительно объединения тактической деятельности «Промпартии», «ТКП» и меньшевистской организации путем создания объединенного тактического центра, при чем на том же засе-

дании были указаны кандидаты, которые намечались из «ТКП» — Кондратьев и Макаров, а со стороны меньшевистской группы — Громан. На этом заседании от промышленного центра были выдвинуты два кандидата — я и Чарновский. Таким образом, была создана пятерка.

Крыленко. И эта пятерка реально получила организационное оформление?

Рамзин. Этот объединенный центр не работал, потому что в конце-концов перешли не к работе такой пятерки, а к нескольким совместным совещаниям между основными деятелями ЦК отдельных организаций. Одно совещание объединенного центра, помнится, однако, было на частной квартире. Не могу точно сказать, на чьей квартире. Помню, что это было на Тверской ул., кажется, в квартире Кондратьева. В этом совещании принимали участие я, Кондратьев и Громан, при чем совещание происходило после моего возвращения из-за границы в конце 1928 года. Это совещание я отношу к первому периоду потому, что это совещание не носило вполне определенного характера, не дало вполне определенной договоренности. Именно, на этом совещании были обрисованы Кондратьевым основные политические установки «ТКП», а мною — установки «Промпартии». Громаном была занята в этот момент довольно неопределенная позиция. Практически совместная работа шла, но от четкого оформления своей позиции меньшевистская организация воздерживалась. Первый период кончается 1928 годом, когда практически блок уже существовал, потому что практически работа по основным линиям вредительства велась совместно, но формально заключенного блока, полной договоренности по идеологическим установкам не было. Договоренность, насколько я припоминаю, была достигнута во второй период, начинающийся с 1929 года, когда проводилась основная работа — наиболее существенная. Помимо отдельных бесед, я имел целый ряд встреч с Громаном в Госплане, а также с Гинзбургом, с которым я беседовал о моментах, представляющих наиболее существенный интерес. Такие же переговоры были у Ларичева, Калининкова и других членов «Промпартии». Для полной ясности надо напомнить то, на что указывалось и в процессе «Промпартии», а именно — о необходимости заключения тесного блока и установления связи между «Промпартией» и «ТКП» и меньшевистской организацией. Таково было директивное указание из-за границы. Во время нашего пребывания, моего и Ларичева, в октябре 1928 года за границей, на тех совещаниях, которые имели место с членами «Торгпрома», мы указывали, что в своей работе мы практически контактируем или блокируемся с членами меньшевистской организации и трудовой крестьян-

ской партии, при чем практически этот блок в большей степени осуществляется с членами меньшевистской организации, поскольку большинство из них работало в области промышленности.

Члены «Торгпрома» сказали, что они знают о нашей совместной работе из эмигрантских меньшевистских кругов и что они всецело одобряют этот шаг «Промпартии» и рекомендуют по возвращении в СССР всемерно усилить эту деловую связь, при чем указывалось, что если необходимо будет финансировать эту организацию, то мы имеем полную возможность это сделать, потому что необходимые средства будут в случае надобности дополнительно изысканы.

Имея такое указание со стороны «Торгпрома», я по возвращении из-за границы в Москву, в конце 1928 года — в ноябре или декабре месяце — виделся с Громаном в Госплане, сообщил ему о результатах заграничной поездки, из которой наиболее важным сведением было то, что интервенция намечается на 1930 год — это во-первых. Во-вторых, я ему сообщил, что заграничные круги «Торгпрома», меньшевистские организации, правительственные французские круги и военные требуют усиления внутренней подготовки интервенции в виде создания внутрихозяйственных диспропорций и в виде обработки народных масс.

И наконец, в-третьих, я ему сообщил, что получил директивное указание усилить связи с «ТКП» и с меньшевистской организацией.

На это Громан мне ответил, что его информация, которую он также имеет от своей заграничной меньшевистской организации, соответствует тому, что я сообщил. Относительно интервенции он также имеет сведения, что срок намечается на 1930 год, а также имеет указания относительно необходимости контактирования с «Промпартией».

В результате этой беседы мы договорились, что Громан возьмет на себя обязанность обсудить вопрос относительно более тесной тактической связи с меньшевистской организацией и что в ближайшее же время, в зависимости от результатов этих переговоров, им будет создано совещание представителей меньшевистской организации, с одной стороны, и «Промпартии» — с другой, с целью договориться относительно общей практической совместной деятельности.

В результате этого и произошло совещание, которое имело место в Госплане в кабинете Громана, примерно в феврале 1929 года, а может быть немного позже. На этом совещании принимали участие со стороны «Промпартии» я, Ларичев, Калинин, Чарновский и Хренников — это было до ареста Хренникова. Я не уверен, участвовал ли в совещании Федотов или нет. Со стороны меньшевистской организации были Громан, Гинзбург, Соколов-

ский и, кажется, Штерн. Больше, по-моему, никого не было. Вот состав совещания. На этом совещании Громан указал, что он и его товарищи являются полномочными представителями меньшевистской организации, что меньшевистская организация в данное время окрепла и оформилась, при чем организация вынесла решение контактироваться с «Промпартией» по вопросам вредительской работы. Что касается интервенции, то этот вопрос принципиально еще не решен, но он будет решен.

На этом совещании я сделал опять краткое сообщение о нашей заграничной поездке, краткое потому, что большинству из участников совещания результаты поездки были известны. Особенно подчеркивал я те моменты, которые стоят перед контрреволюционными организациями, а именно момент назначения интервенции на 1930 г., требование соответствующей внутренней подготовки с расчетом на разгар кризиса в 1930 г., и необходимость поэтому усилить ту вредительскую работу, которая до сего времени велась.

После таких кратких сообщений состоялся доклад Гинзбурга. Гинзбург говорил о тех линиях, по которым меньшевистская организация предлагает направить вредительскую работу. Это были те линии, по которым уже велась практическая работа, но последняя расширялась и углублялась. Поэтому, я думаю, не стоит всего этого повторять. Кроме того Гинзбургом были названы руководители. Руководителями по основным отраслям промышленности были те, кто участвовал в процессе «Промпартии». По линии меньшевистской организации был указан, как основной руководитель, по линии промышленности Соколовский и затем Гинзбург, а также Штерн, при чем распределение обязанностей между ними было такое: у Гинзбурга оставалась общая промышленная экономика, составление пятилетних планов, общие вопросы планирования промышленности и промышленной экономики; у Соколовского — вопросы распределения товаров, вопросы рынка и себестоимости; у Штерна — вопросы финансовой работы между деятелями меньшевистской организации.

Затем, насколько я помню, мною было внесено предложение не устраивать частых совещаний этих организаций, предоставив известную свободу действий руководителям и не входя в детали самой вредительской работы, тем более, что и по практике «Промпартии» это имело место, поскольку в «Промпартии» каждый, возглавлявший свою цепочку, все знал. Так что в то время это было уже не ново. Это построение в общем было всеми принято и в результате этого совещания были зафиксированы следующие положения. Я должен сказать, что я бы

затруднился определить юридическую структуру меньшевистской организации. Можно назвать ее ЦК меньшевистской партии, можно назвать русской группой меньшевистской партии, — одним словом на вопрос о юридической природе этой группы ни я, ни мои сочлены по бывш. «Промпартии» едва ли могут ответить.

Крыленко. А материальная сторона когда была обусловлена и реализована?

Рамзин. Юридическую природу этой меньшевистской организации я бы затруднился совершенно четко и с полной ответственностью очертить. Во всяком случае, нам было ясно, что те отдельные остатки меньшевистской организации, которые имелись в конце 1927 г., в течение этого периода сумели консолидироваться, оформиться вновь в меньшевистскую организацию. Следовательно, меньшевистская организация возглавлялась определенным деловым центром. Основных работников центра, с которыми я имел дело, я называл — их было 5 человек: Громан, Суханов, Гинзбург, Соколовский и Штерн. Остальные деятели и руководители меньшевистской организации мне не были известны.

Основной вывод, к которому мы пришли на совещании, — тот, что меньшевистская организация, российская социал-демократическая рабочая партия, как тогда они себя называли, заключает блок или контактируется с «Промпартией», имея основную цель — свержение диктатуры пролетариата, свержение советской власти. В этом отношении была полная согласованность. Во-вторых, та и другая организации признавали необходимость восстановления капиталистических отношений.

Крыленко. Это относится к области программной, об этом нам известно. А вот расскажите относительно материальной связи.

Рамзин. В области вредительства наиболее существенным было формальное признание вредительской работы. Это было практическим результатом данного совещания, причем на совещании было подчеркнуто и принято то, что вредительская работа должна идти в расчете на создание максимального кризиса к моменту интервенции 1930 года.

Далее говорилось о постановке работы в тех органах, которые были доступны ведению обеих партий. Такого рода обязательство обеими партиями было принято на этом совещании. Затем была указана необходимость вовлечения «ТКП» в тесный организационный блок. Наконец, последнее, — было подтверждено согласие «Промпартии» финансировать меньшевистскую организацию. Нужно сказать, что финансирование началось еще ранее этого совещания. Именно в результате тех переговоров, которые были у меня с Громаном, была произведена первая выдача денег. Насколько я помню,

это было сделано Ларичевым до совещания, еще в январе 1929 г., при чем эта выдача носила характер аванса. На этом совещании было окончательно зафиксировано, что в дальнейшем будет происходить регулярное финансирование меньшевистской организации. Сумма была установлена позднее. Вначале была назначена сумма около 50 тысяч рублей. Эти деньги целиком были выданы в январе 1929 г. Затем выяснилось, что эта сумма недостаточна. Кроме того по отдельным статьям расходов «Промпартии» оставались свободные средства. В частности по НКПС, вместо сметных 30 тыс., было истрачено 12—15 тысяч. Это давало возможность расширить финансирование. Но на этом вопросе остановиться в конце. Таким образом, на этом совещании была оговорена финансовая база, финансовая поддержка.

Что же касается отношения к самой интервенции, то я настаивал в особенности на том, что нужно создать полную ясность в этом вопросе. Оставлять здесь какие-либо неясности нам представлялось невозможным. Громан и, кажется, Гинзбург мне тогда ответили, что они в данный момент не уполномочены дать ответ по этому вопросу. Они его выяснят в ближайшее время в своей организации и в ближайшее же время дадут по нему совершенно четкий и определенный ответ. Этот ответ и был получен мною лично в беседе с Громаном. Затем формально он был подтвержден на следующем заседании, которое происходило вскоре после этого — весной 1929 года — в присутствии представителей 3-х организаций — «Промпартии», «ТКП» и российской социал-демократической рабочей партии (меньшевистской организации). Это совещание состоялось в Госплане, в кабинете Калининкова. На нем присутствовали: я, Ларичев, Калининков, Чарновский, Осадчий, Коган-Бернштейн. Со стороны «ТКП» были Кондратьев, Макаров, Чайнов и Юровский и со стороны меньшевистской организации был Громан и, кажется, Суханов. Я говорю кажется потому, что Суханова я знаю очень мало и поэтому могу ошибиться. На этом совещании были повторены почти все те же самые разговоры, которые имели место на предыдущем заседании, для того, чтобы ввести в круг этих разговоров, главным образом, членов «ТКП». Наиболее существенным, пожалуй, было то, что на совещании с деятелями «ТКП» Громан формально, четко подтвердил свое заявление относительно поддержки деятельности «Промпартии» со стороны меньшевистской организации. На этом совещании Громан сказал, что этот вопрос обсуждался меньшевистской организацией, последняя считает возможным поддерживать эту деятельность активным образом, строя вредительскую и другие работы именно под углом зрения поддер-

жки интервенции. Так что в этом отношении была достигнута полная договоренность между тремя партиями, потому что «ТКП» стояла тоже на этой позиции.

Вторым результатом этого совещания было значительное упорядочение и расширение вредительской работы на те области народного хозяйства, которые были недоступны «Промпартии», а именно — области сельского хозяйства, кооперации, финансов. При этом получились естественное разделение работы между тремя организациями. Естественно, что область сельского хозяйства была взята «ТКП», промышленность и транспорт — «Промпартией», промежуточные области покрывались меньшевистской организацией — финансы, кооперация, торговля.

Было соответствующее распределение и относительно агитации. Агитационная работа, крестьянская агитация была взята «ТКП», агитация среди служащих и отчасти рабочих — организацией меньшевиков, инженерно-технических сил — «Промпартией» и т. д.

И, наконец, на этом совещании было еще раз подтверждено, что в смысле финансирования затруднений быть не может потому, что «Промпартия» в данный момент имеет соответствующие средства и, кроме того, позднее, в середине 1929 года, нами было получено письменное указание от «Торгпрома» по поводу усиления блока и о том, что, если потребуются дополнительные средства, они будут высланы.

Наконец, последнее совещание, которое представляет существенный интерес, было в начале 1930 г. у меня на квартире при Теллотехническом институте. На этом совещании присутствовали представители всех трех организаций, а именно со стороны «Промпартии» я, Ларичев, Чарновский, Осадчий и Шейн, со стороны «ТКП» — Кондратьев, Макаров и Чаинов и со стороны меньшевистской организации — Громан. Совещание было собрано потому, что были получены сведения относительно отсрочки интервенции и необходимо было договориться об изменении тактики в связи с изменившейся ситуацией. Было сообщено, что по целому ряду указаний, которые имеются у «Промпартии», интервенция в 1930 году не состоится и переносится на 1931 год. Громан сказал, что он имеет, по его информационным данным, те же сведения, но не уверен, что интервенция будет обязательно в 1931 г. и, по его мнению, нужно считать с возможностью дальнейшей отсрочки. В связи с этим был поставлен вопрос о том, нельзя ли ускорить осуществление контрреволюционного переворота внутренними силами, опираясь на те силы, которыми располагают отдельные партии. Здесь представители всех трех организаций единогласно при-

знали, что для этого внутренних сил нет ни у одной из организаций.

Председатель. Кто был на этом совещании со стороны социал-демократической организации?

Рамзин, Громан. Это совещание имело место, примерно, в январе 1930 года. Считая, что путем усиленной агитации и усиления вообще активности «ТКП» в деревне можно будет рассчитывать на то, что к весне уже почва для таких волнений и восстаний будет гораздо более подготовлена, на этом совещании было принято выждать весны, когда больше выяснится обстановка, главным образом, в деревне, а пока продолжать прежнюю тактику, а именно вести работу в области вредительства и вести усиленную агитацию в деревне, ориентируясь на интервенцию в 1931 году.

Участие членов меньшевистской организации в работе «Промпартии» за эти два периода выразилось в составлении экономических поквартальных сводок, о которых уже говорилось на процессе «Промпартии». При чем та часть этих сводок, которая касалась экономических вопросов конъюнктурного порядка, составлялась под руководством Громана, передавалась затем Калининскому, который вместе с Ларичевым и Осадчим окончательно ее прорабатывали и направляли в «Торгпром». Всего было составлено, кажется, пять таких сводок по пяти кварталам, причем все сводки, касающиеся конъюнктуры, делались под руководством Громана.

Специальная записка, представленная в «Торгпром», была составлена точно также при участии Громана, Гинзбурга и Кондратьева. Эта записка касалась оценки конъюнктуры и хозяйства в конце 1929 г. и являлась оценкой предстоящей конъюнктуры на 1930 год. Кто был автором отдельных глав — я сказать не могу, знаю только, что руководителями по составлению этой записки были эти три лица. Записка была передана Калининскому, потом послана обычным порядком через те связи, которые имелись, за границу.

Затем был ряд экономических совещаний, о которых я тоже говорил.

Наконец, последний момент — вопрос финансирования. Здесь более подробно осветить этот вопрос может Ларичев, который вел у нас финансовую часть. Я знаю только то, что было договорено, и то, что мне сообщали об исполнении. Договоренность же была о финансировании в размере примерно около 200—250 тысяч рублей. Примерно, в таком масштабе это финансирование было выполнено, а Ларичевым было передано для меньшевистской организации, а именно лично Громану, всего, по его сообщению мне, около 200 тысяч рублей в разные сроки. Одна из этих передач происходила при мне, в моем присутствии в

Госплане, как раз в начале 1929 года. В моем присутствии Ларичев передал Громану первую порцию в 50 тысяч рублей. Как, в какие сроки передавались следующие части денег — я об этом детально не могу сказать, потому что это для меня не представляло делового значения.

Крыленко. Возьмем основные пункты вашего сообщения. Первое — контакт зародился на почве служебных отношений и служебных встреч.

Рамзин. Да.

Крыленко. И на почве совместного проведения вами ваших определенных установок. Нуждались ли вы в этом отношении в определенном контакте практически?

Рамзин. Да, нуждались.

Крыленко. Нуждались ли они со своей стороны, объективно, равным образом, в нашем содействии?

Рамзин. Я бы сказал, что и та и другая стороны в этом нуждались.

Крыленко. Если бы они себе самостоятельно ставили эти задачи, то практически могли ли бы они провести их без вашей помощи?

Рамзин. Практически ни та, ни другая стороны без взаимной помощи провести этого не могли, потому что фактическое обоснование всех экономических планов давали инженерные силы, т.е. те силы, которые были втянуты в «Промпартию». Что касается экономических обоснований, то они неизбежно должны были пройти через фильтр экономистов, которые были втянуты в орбиту меньшевистской организации.

Крыленко. Так что объективно создавалось такое положение, что и та и другая контрреволюционные группировки должны были притти в определенный практический контакт. Что же, этот практический контакт послужил началом политического контакта?

Рамзин. Я бы сказал, что началом послужила общая политическая установка той и другой организации, сводившаяся к свержению диктатуры пролетариата.

Крыленко. Первоначально положение было такое, что та и другая организации о задачах друг друга были осведомлены или не были осведомлены, но в практическом контакте должны были притти к необходимости так или иначе связаться друг с другом?

Рамзин. Я повторяю, что этот начальный период зародыша отношений прошел мимо меня, когда я отсутствовал.

Крыленко. Каким образом возникли эти отношения?

Рамзин. Встречи происходили на почве деловых взаимоотношений и невозможности для той и другой организации без взаимной помощи провести свои планы.

Крыленко. После вашей поездки в Париж в 1928 году и ваших встреч там, откуда получили вы информацию о том,

что на такое практическое согласование, на практические шаги, в смысле раскрытия карт, можно итти?

Рамзин. Я бы сказал таким образом, что в этом отношении договоренности между организациями внутренне существовала. Я информировал «Торгпром» о тех отношениях, которые создавались и с «ТКП» и с с.-д. меньшевистской организацией. «Торгпром» указал, что ему об этом известно, и что он считает эту связь вполне целесообразной, и дал директивное указание всячески ее усилить.

Крыленко. В Париже вам сказали в «Торгпроме», что соответствующее соглашение или, вернее, не соглашение, а взаимная информация имеет место между заграничным центром и «Торгпромом»?

Рамзин. Да, но совместная вредительская работа была раньше.

Крыленко. Беседы на политические темы вы относите к какому времени?

Рамзин. Первая беглая беседа была еще в 1928 году относительно диктатуры, относительно монархических элементов, монархических тенденций.

Крыленко. А окончательное оформление вы относите ко второй половине 1928 г.?

Рамзин. Да.

Крыленко. После поездки за границу?

Рамзин. Да.

Крыленко. Вы вернулись в октябре?

Рамзин. Да.

Крыленко. Значит, это относится к концу 1928 и началу 1929 г.?

Рамзин. Первое такое совещание было в квартире на Тверской ул., где были Кондратьев, Громан и я. Здесь была первая откровенная политическая беседа.

Крыленко. И после этого совещания было совещание в феврале месяце?

Рамзин. Да.

Крыленко. Расширенное совещание?

Рамзин. Да.

Крыленко. В феврале 1929 года?

Рамзин. Да.

Крыленко. У Громана з кабинетом?

Рамзин. Да.

Крыленко. Где обсуждались вопросы практических политических установок?

Рамзин. Да.

Крыленко. Это нежелание давать четкие ответы на постановку вопроса о приемлемости интервенции или, вернее, не приемлемости, а поддержки интервенции тут еще имело место?

Рамзин. Да.

Крыленко. И вопрос этот окончательно в ближайшее время был разрешен?

Рамзин. Он был разрешен на том совещании, которое происходило совместно с «ТКП», когда были представители «ТКП», «Промпартии» и меньшевистской организации. Тут мы получили ответ и на этот вопрос относительно поддержки меньшевистской организацией интервенции.

Крыленко. Вы говорите, что по вопросу о военной диктатуре были разногласия?

Рамзин. Да.

Крыленко. Вы говорите, что не придавали значения этим разногласиям. Из каких соображений? Из тех, что этот вопрос будет решаться потом, или из соображений, что эти разногласия со стороны меньшевистской организации вообще не стоит особенно серьезно принимать во внимание.

Рамзин. Две причины заставляли нас довольно холодно или равнодушно относиться к этим разногласиям. Первая причина была такая: основным был ближайший тактический шаг.

Крыленко. Основным была задача объединения работы?

Рамзин. Да, и поскольку о ближайшем тактическом шаге имелась полная согласованность, постольку для ближайшего времени все было в порядке. В сущности говоря, здесь была информация о том, что практически уже имело место, потому что работа к весне 1929 года была уже развернута.

Крыленко. Ваша организация держала в своих руках основные отрасли промышленности. В области распределения, в области снабжения, в области экономического обоснования известных плановых предложений — это было вне вашей роли. Как вы расценивали практически значение этой помощи с их стороны?

Рамзин. Мы расценивали ее как существенно необходимую, потому что вопросы распределения, вопросы неправильной засылки товаров, подбора ассортимента играют существенную роль с точки зрения создания определенного настроения у населения. Кроме того, в первое время среди отдельных членов «Промпартии» существовало ложное представление, что меньшевистская организация имеет возможность вести агитацию среди рабочих. Эти иллюзии были потом отброшены, но вначале они были. Так что мы считали, что меньшевистская организация может оказать помощь в вопросе распределения товаров, в вопросе дезорганизации рынка.

Крыленко. А в области конъюнктурных обзоров и их направления?

Рамзин. Да, это чрезвычайно существенный момент, потому что те конъюнктурные анализы, которые делали экономисты-меньшевики, требовали соответствующих плановых построений.

Крыленко. А эти конъюнктурные обзоры, которые составлялись Гинзбургом, Соколовским и др., носили только информационный характер? Что вам давали эти обзоры?

Рамзин. Вы, очевидно, говорите про экономические совещания. Они имели целью, во-первых, оценку текущей конъюнктуры, потому что деятели инженерного центра недостаточно ясно себе ее представляли. С деловой стороны было

доминирующее соображение, что не стоило заострять отношений, когда можно было согласованно работать.

Вторая причина нашего равнодушия к разногласиям с меньшевистской организацией сводилась к тому, что вопрос о том, будет ли военная диктатура или, вернее, вопрос о том, в каких формах она будет осуществлена (потому что я твердо был убежден в неизбежности диктатуры), мало зависит от соглашения с меньшевистской организацией.

Крыленко. Вы ставили вопрос по-деловому, важно, мол, согласовать работу, разногласия пусть будут разногласиями, чем бы дитя ни тешилось, а там посмотрим.

Рамзин. Я думал, что вопрос будет решаться реальным соотношением сил.

Крыленко. А упорство со стороны меньшевиков в этом вопросе было достаточно сильным?

Рамзин. При разговорах на эти темы они считали своей обязанностью заявлять о принципиальном отношении к этому вопросу и заявляли, но никаких практических выводов из этого они не делали. Поэтому эти заявления нам не мешали.

Председатель. А практическая работа меньшевиков по вредительству зас вполне удовлетворяла?

Рамзин. Да, они вели эту работу. Что касается принципиальных заявлений относительно учредительного собрания и отрицания необходимости военной диктатуры, то это не отражалось на практической работе.

Крыленко. Когда было совещание, на котором председательствовал Калинин?

Рамзин. Весной 1929 года.

Крыленко. И там шел вопрос о распределении соответствующих ролей — вы называли имена лиц, они также. Теперь по вопросу относительно финансирования. Это относится к началу 1929 года?

Рамзин. Да, 1929 года.

Крыленко. Об этом раньше было договорено?

Рамзин. В октябре 1928 г., когда мы были в Париже, было договорено с «Торгпромом», что нам надлежит всячески усилить блок.

Крыленко. А при информации меньшевистской группы уже в 1929 г., когда шел вопрос о финансировании, источник указывался? Ясен ли им был источник средств?

Рамзин. Представителям меньшевистской организации?

Крыленко. Да.

Рамзин. При первой же встрече с Громаном я определенно сказал, что имел совещание с «Торгпромом», получив определенные директивные от него указания вступить с ними в контакт и определенные предложения об их финансировании. Я этого не скрывал.

Крыленко. Это было известно. Последнее совещание вы относите к какому времени?

Рамзин. К январю 1930 г.

Крыленко. К январю 1930 г., когда поднимался вопрос о перспективах...

Рамзин. Вопрос относительно оторочки интервенции.

Крыленко. ...и перспективах ликвидации большевизма своими силами?

Рамзин. Да.

Крыленко. Это то же самое совещание?

Рамзин. Да.

Крыленко. Скажите, как вы расценивали меньшевистскую организацию? В хозяйственной области вы считали ее помощь существенной и необходимой. Пытались ли вы некоторые иллюзии относительно их силы и влияния в рабочей массе?

Рамзин. Ясно.

Крыленко. Когда вы пришли к убеждению, что эти представления иллюзорны?

Рамзин. Я лично к такому выводу пришел уже в середине 1929 г. после первых же шагов совместной работы, потому что беседы с Громаном, а затем с Гинзбургом, показывали, что опоры в широких рабочих массах меньшевистская организация не имеет и едва ли может иметь в ближайшее время. В отношении массовости работы единственной организацией была «ТКП», которая по этой линии могла рассчитывать на большой масштаб.

Крыленко. Вы на нее больше рассчитывали?

Рамзин. Главные надежды в этом отношении возлагались на «ТКП».

Крыленко. На этих совещаниях вместе с тем говорилось и о сроках?

Рамзин. О сроках говорили многократно.

Крыленко. Можно попросить Громана и Гинзбурга?

Председатель. Подсудимый Громан.

Крыленко. Правильно ли сообщение Рамзина, которое вы слышали здесь?

Громан. Да, правильно.

Крыленко. Следовательно, эти сообщения и совещания, на которые он указывал, имели место?

Громан. Да.

Крыленко. Включая 1930 г.?

Громан. Да.

Крыленко. Равным образом, на этих совещаниях ставился вопрос о сроках интервенции?

Громан. Да.

Крыленко. При чем оценка вашего отношения к ней была Рамзиным правильно изложена, что вначале ваша организация колебалась, а потом четко поставила вопрос об интервенции?

Громан. Да.

Крыленко. Вы дополнительно ничего не имеете сказать? Не считаете ли вы нуж-

ным чем-нибудь дополнить сказанное здесь? Вы все это подтверждаете?

Громан. Я подтверждаю. В моем показании, которое я дал до свидетеля, не так детально, но все было мною изложено.

Крыленко. В вашем показании все было сказано так, кроме вопроса о приурочении интервенции к 1930 г.

Громан. Этот момент не указал. Я сказал, что он информировал нас об интервенции, о всех моментах ее, в том числе и о сроке.

Крыленко. Вы правильно указали о совещании в феврале 1929 г. Это целиком совпадает. Затем и относительно следующего совещания, после того, как вы имели собеседование по этому поводу, вы правильно указали — вы или Гинзбург — относительно конъюнктурных сообщений, и оставался лишь невыясненным вопрос относительно январских сообщений.

Громан. Я этого не говорил, потому что я понял вопрос так, что речь идет о «Промпартии», а здесь вы вводите третий элемент — «ТКП». Тогда было совещание представителей трех этих организаций, поэтому я об этом умолчал.

Крыленко. Но содержание сообщения Рамзина вы подтверждаете?

Громан. Да.

Крыленко. Прошу вызвать подсудимого Гинзбурга.

Председатель. Подсудимый Гинзбург.

Крыленко. Вы слышали показания Рамзина? Вы их подтверждаете или в чем либо вы их считаете неправильными?

Гинзбург. Я могу подтвердить эти показания только в той части и по тем вопросам, по которым я высказался. В части же отношений, возникших в связи с образованием «Промпартии», в части совещания, имевшего место в начале 1929 года по вопросу разграничения деятельности в области вредительства и в части конъюнктурного совещания, я считаю возможным подтвердить его показания только с рядом оговорок. Я не считаю нужным останавливать внимание суда на всех деталях. Но некоторые вопросы требуют внимания.

Свидетель Рамзин, говоря о совещании, которое было в 1929 году по вопросу о вредительстве, излагал его так, как будто бы в решениях это вредительство было подчинено задаче подготовки интервенции на 1930 г. Я так его понял. Между тем такого решения, по моему, не было. Как видно из объяснения самого свидетеля Рамзина, его быть не могло, потому что на совещании была только заслушана информация относительно той ориентации, которой держалась «Промпартия» в вопросе об интервенции. Только там впервые было сделано сообщение о сроке назначения интервенции на 1930 год. По этому вопросу мы никакого ответа не дали, считая, что, не имея прин-

циальной директивы, мы и не можем дать ответа. Вот первый вопрос, который требует здесь оговорки.

Второй вопрос заключается в том, что свидетель Рамзин, если я правильно его понял, сказал, что на совещании достигнуто было соглашение о проведении вредительства теми методами, которые были установлены «Промпартией». Владимир Густавович Громан уже достаточно подчеркнул в начале своего объяснения этот вопрос. Я целиком поддерживаю его замечание и думаю, что это может быть выяснено и показаниями других подсудимых. Нами в самом начале сделана была оговорка в том смысле, что мы не практикуем целый ряд методов, применяемых «Промпартией»,—мы не применяем, в частности, метод диверсии.

Третья моя поправка сводится к тому, что свидетель Рамзин говорил здесь о совместном составлении записки по конъюнктурному обзору за 1929 г. с перспективами на 1930 г. Он говорил о том, что эта записка составлялась Громаном, мною и Кондратьевым. Я утверждаю, что в составлении этой записки я не участвовал и что, может быть, был использован—я не знаю кем, Громаном или Кондратьевым—официальный материал по конъюнктуре, который имелся в ВСНХ. Громан, как член президиума, его мог получить. Но лично я в составлении записки не принимал участия и вообще такой записки не знаю.

Четвертое замечание имеет менее существенный характер, но я думаю, что суду для выяснения фактической стороны дела это замечание следовало бы иметь в виду. В 1929 году на совещании на меня не могла быть возложена работа по организации вредительства в области составления пятилетнего плана, потому что с конца 1927 г. я в составлении пятилетнего плана не принимал участия. Этим соглашением была установлена другая функция в организации вредительства — в области исследовательской работы и, может быть, в области конъюнктурной. Но на этом совещании, поскольку здесь в содействии «Промпартии» мы не нуждались, вредительских функций в области составления пятилетки установлено не было.

Крыленко. Рамзин, что вы можете сказать по поводу этих оговорок?

Рамзин. Относительно того, что срок интервенции был намечен на 1930 г., деятелям меньшевистской организации было известно по неоднократным разговорам, которые у нас были.

У меня была первая беседа с Громаном после приезда из-за границы в ноябре, затем беседа на Тверской улице у Кондратьева, затем было февральское совещание 1929 года, о котором сейчас идет речь. На этом совещании я сделал сообщение относительно интервенции и о том, что интервенция назначается на 1930 год.

Относительно вредительской работы то же самое со стороны социал-демократической организации было указано, что они целиком решили идти вместе, в контакте, в блоке с «Промпартией», во вредительстве, при чем в этом отношении деятелями «Промпартии» было определенно заявлено, что «Промпартия» строит свою деятельность с расчетом на интервенцию в 1930 году.

Крыленко. Это была ваша информация?

Рамзин. Да.

Крыленко. Тут разногласие сводится к тому, что в то время как вы утверждаете, что такая информация была согласована, Гинзбург утверждает, что если эта информация и имела место, то они еще в тот момент не направляли свою работу в непосредственной связи с интервенцией, но потом на следующем совещании эту связь признали и установили. Я сейчас установил это через допрос Громана.

Рамзин. Я бы сказал, что зная, что вредительская работа «Промпартии» исходит из расчета интервенции в 1930 году, представители меньшевистской организации на этом совещании согласились вести совместно вредительскую работу. В дальнейшем, через месяц или полтора, вопрос относительно признания интервенции был формально подтвержден меньшевистской организацией.

Крыленко. Во всяком случае у вас было такое убеждение, что информация, которую вы давали о работе «Промпартии», конкретно направлялась и увязывалась с целью интервенции?

Рамзин. Мы получили такую директиву.

Крыленко. И ваше впечатление от выступления меньшевистской организации было такое, что они это приняли и согласны были вести работу в целях интервенции?

Рамзин. По-моему, любой человек на моем месте никак не мог бы иначе расценить. Если я говорю, что мы строим свою вредительскую работу в непосредственной связи с интервенцией и после этого меньшевистская организация заявляет, что мы согласны вести с вами вредительскую работу, то, по-моему, тут ясное дело.

Гинзбург. Я настаиваю на правильности показаний, которые я дал, что относительно интервенции в 1930 году мне лично не было известно, когда мы обсуждали вопрос о совместной работе по вредительству.

Крыленко. Ваша установка определялась затем в ближайшее время?

Гинзбург. После этого она была нам известна.

Крыленко. Вы говорите, что у вас лично такое впечатление не создалось.

Гинзбург. Я думаю, что этого впечатления не было и у других. Я делаю эту оговорку, потому что я считаю, что суду

Тогда выясните эволюцию той позиции, которая здесь характеризует политическую роль меньшевистской организации, и поэтому для суда, по-моему, имеет значение не только самый факт о том, что меньшевики признавали интервенцию 1930 г., а имеет значение факт — когда, при каких условиях они эту установку приняли. С этой целью я и делаю эту оговорку.

Председатель (к Гинзбургу). Значит тут вопрос во времени?

Гинзбург. Да, во времени, и время здесь имеет потому значение, что момент характеризует сам по себе эволюцию взглядов меньшевиков на вредительство и интервенцию. Был период, когда меньшевики практически вредительство, не подчиняя его исключительно цели интервенции, особенно определенному сроку интервенции. Это я хотел бы установить потому, что в 1929 году происходил переход к вредительству, как средству интервенции, и это было сделано после того, как была получена информация от «Промпартии».

Председатель. Что же, это вредительство связывалось не с интервенцией, а рассчитывалось на внутреннее возмущение?

Гинзбург. Вначале вредительство связывалось не только с интервенцией, ставилось и как средство внутреннего давления, а постепенно превратилось в средство организации интервенции.

Крыленко. Можно попросить Громана?

Председатель. Подсудимый Громан.

Громан. Я подтвердил показания свидетеля потому, что он соизмеренно категорически, ясно заявил, что на совещании в феврале 1929 года в моем кабинете я ему сказал, что по отношению к интервенции социал-демократическая организация даст свой ответ позднее. Потом он сообщил, что я в разговоре с ним, примерно, через 1—½ м-ца дал ему этот ответ. И в моих показаниях суду я говорил то же самое, что я отложил ответ и затем положительный ответ через 1—½ м-ца дал.

Председатель. Относительно вредительской работы вы здесь же согласились?

Громан. Да. Ведь я же и в своих показаниях указывал, что интервенция была принята как основная база. Раз мы приняли вредительство, то тем самым мы расстраивали обороноспособность, раз мы приняли приемлемость интервенции, то уже логика, а не психология должны решать вопрос, что наша вредительская работа есть вместе с тем подготовка к интервенции. И эту формулу я и сообщил Рамзину.

Крыленко. Следующая поправка.

Гинзбург. Вторая поправка относительно методов вредительства. На этом же совещании была сделана оговорка о неприятии нами методов диверсии.

Крыленко. Это вы подтверждаете?

Гинзбург. Да.

Рамзин. Я подтверждаю, что такая оговорка была сделана, при чем представитель «Промпартии» тоже заявил, что в данный момент никаких диверсионных методов они не применяют и не предполагают применять, что диверсионные акты предполагаются только на момент интервенции.

Крыленко. Третья оговорка, касательно ваших конъюнктурных обзоров.

Гинзбург. В специальной записке 1929 года, с обзором за 1929 год и о перспективах на 1930 год..

Крыленко. Вы не принимали участия?

Гинзбург. Нет.

Крыленко. Вам об этой записке было известно непосредственно или через других?

Рамзин. Я указывал в своем показании, что записка эта была заказана Калининским, при чем Калининков в своем сообщении «Промпартии» говорил, что эту записку он поручил составить Кондратьеву, Громану и Гинзбургу. Всю историю, как подавалась записка, как она составлялась, кто были ее отдельные авторы — я, конечно, изложить не могу, потому что возможно, что здесь были использованы отдельные работы. Может быть, Абрам Моисеевич проводил работу по отдельным группам.

Крыленко. Работа эта была возложена на Калининкова?

Рамзин. Работа эта была возложена на Калининкова, при чем Калининков докладывал в ЦК «Промпартии», что эта записка была изготовлена тремя лицами — Громаном, Гинзбургом и Кондратьевым, каждый по своему разделу, потому что конъюнктурная записка была очень обширна. Каждый брал на себя соответствующий раздел. Я утверждаю, что я получил эти сведения от Калининкова и других подтверждений я не имею.

Гинзбург. Последнее объяснение свидетеля Рамзина вскрывает источник его ошибки. Дело в том, что Калининков действительно регулярно получал наши конъюнктурные обзоры, как ответственный сотрудник Госплана. Мы посылали Госплану шесть экземпляров, в том числе и Калининкову. Так что, конечно, Калининков мог оперировать моей запиской.

Громан. Мои разъяснения в том же духе. Гинзбург не был осведомлен о том, что составляется специальная записка.

Председатель. Вы об этом знали?

Громан. Да. А откуда взялась его фамилия? Может быть, говоря с Калининковым, я сказал, что такая-то часть сделана на основании материалов Гинзбурга. Поэтому у Калининкова могло создаться такое впечатление, что часть работы сделана Гинзбургом. Специальной же записки, составленной Гинзбургом, не было.

Крыленко. У меня больше вопросов нет.

Председатель. Защита имеет вопросы?

Брауде. У защиты вопросов ит.

Председатель. Садитесь, подсудимый Гинзбург.

Суханов (с места). Разрешите мне задать вопрос?

Председатель. Пожалуйста.

Суханов. Я бы хотел спросить у свидетеля, видел ли он меня когда-либо и где-нибудь.

Рамзин. Сейчас я могу признать, что нет.

Крыленко. Вы встречались?

Рамзин. По-моему, нет, и поэтому я сказал неуверенно, может быть видел, может быть нет. Я видел Суханова всего один только раз и узнать его мне трудно. Я и раньше не утверждал категорически и сейчас не могу сказать, что Суханов на этом совещании был.

Суханов. Я бы хотел более точно знать. Свидетелю попрежнему кажется, что он видел меня на этом совещании?

Рамзин. Я отвечаю, что на том февральском совещании, о котором идет речь, со стороны меньшевистской организации присутствовало больше народа, чем я мог пересчитать, но опять-таки повторяю, что у меня память на лица не настолько хороша, чтобы я категорически мог утверждать, что Суханов был на этом совещании или не был. Может быть был, может быть не был. (Смех в зале).

Громан. Суханов на этом совещании не был.

Крыленко. У меня к Суханову вопрос. Вы никогда не встречались с Рамзиным?

Суханов. Мне кажется, что никогда не встречались.

Крыленко. А с какими представителями «Промпартии» вы встречались?

Суханов. В деловом порядке, в порядке переговоров я не встречался ни с кем. И некоторое время припоминал, с кем мог встречаться из тех, кто известен из «Промпартии», но припомнить не могу.

Крыленко. Не можете?

Суханов. Да.

Крыленко. У меня пока вопросов к Суханову нет.

Председатель. У вас к свидетелю вопросы есть?

Крыленко. Пока нет.

Председатель. Товарищ комендант, уведите свидетеля.

Крыленко. Я бы просил вызвать свидетеля Ларичева.

Председатель. Тов. комендант, пригласите свидетеля Ларичева.

Председатель. Гр-н Ларичев, вы вызваны сюда в качестве свидетеля. Какие имеются вопросы у государственного обвинения?

Крыленко. Скажите, гр-н Ларичев, вы знали о существовании политической организационного блока между «Промпартией» и меньшевистской контрреволюционной организацией?

Ларичев. Да, знал.

Крыленко. Что вы знали относительно этой организации.

Ларичев. Разрешите тогда, может быть, изложить в историческом порядке.

Когда центр тяжести вредительской работы в различных отраслях промышленности начал переноситься в область плановой работы, то естественным образом и методы этой работы начали изменяться и требовали уже не одних технических сил, которыми проводилась в отдельных отраслях промышленности работа, но и связи с экономическими кругами, при чем, когда в Госплане и ВСНХ начали разрабатываться перспективные планы, то инженерно-техническому центру, или позднее «Промпартии», пришлось убедиться, что среди экономистов этих учреждений имеется ряд лиц, настроенных достаточно контрреволюционно для того, чтобы можно было использовать взаимную связь и координацию работы в деятельности инженерно-технического центра и этих экономических кругов.

В госплановской организации крупную роль и в служебном отношении и в направлении экономической политики играл Громан. Это было первое лицо, с которым инженерно-технический центр столкнулся в смысле координации направления вредительской политики.

В ВСНХовских кругах таким крупным экономистом являлся Гинзбург.

Как это дальше выяснилось, оба они представляли собой остатки меньшевистской организации. Вначале мы их вообще называли меньшевистской группой Громана, потом группой Громана — Суханова, позднее это оформилось в меньшевистскую организацию. О дальнейшем блоке с ними я расскажу позднее.

Вот этот перенос вредительской работы в плановую область привел к согласованию, как я уже сказал, взаимных действий прежде всего потому, что проведение вредительской работы одними инженерно-техническими силами, в особенности при составлении перспективных планов, было по существу невозможно. Для этого недостаточно было одних технических обоснований основных вредительских установок в смысле задержки развития народного хозяйства, а потом преуменьшения планов развития народного хозяйства, для этого нужно было экономическое обоснование.

И примерно в период 1927 года, когда восстановительный процесс окончился и начался переход к реконструктивному периоду, особенно важно было установить взаимную связь и координацию взаимных действий не только на почве технической, но и экономической. Тут уже недостаточно было сил инженерно-технического центра, нужно было иметь союзников по вредительской работе из кругов экономистов.

Я припоминаю в данном случае Громана и Гинзбурга, но еще одним крупнейшим работником в экономической области являлся Кондратьев, который также выступал в Госплане и в других местах и также придерживался той же самой тактики проведения основной установки — задержки развития народного хозяйства.

Чтобы иллюстрировать этот период совместной работы технических и экономических сил, достаточно привести тот случай, который я считаю одним из первых этапов этой деятельности, — это именно возникновение в Госплане так называемой комиссии генерального плана. Чтобы подойти к составлению генерального плана, нужно было что-то положить в основу, какую-то общую экономическую концепцию. И вот экономическими группами, в частности Громаном, в Госплане была выделена такая концепция для разработки генерального плана, что в период генерального плана, т. е. на протяжении 10—15 лет, народный доход должен удвоиться. Это давало основание к тому, чтобы, развернувши все экономическое построение, вытекающее из этой концепции, наметить уже конкретные технические задания в области отдельных отраслей народного хозяйства, и в частности — то, что интересовало инженерно-технический центр, — в области промышленности и транспорта. Чтобы показать, что означает это удвоение народного дохода, достаточно сказать, что на фоне этой концепции технический план приводил к следующим цифрам. Выплавка металла к концу генерального плана должна всего составлять 700 миллионов пудов, или около 11 миллионов тонн.

Антонов-Саратовский. Через 15 лет?

Ларичев. К 1942 году или как минимум к 1937 г. выплавка должна была составлять 11½ миллионов тонн. Достаточно сказать эту цифру, все остальное из нее вытекает. Топлива по этому плану должно было быть к концу генерального плана 100 милл. тонн. Ну и общая концепция к чему сводилась? По народному доходу 1927 г. — я не помню, вернее не знаю точно, какую они цифру ставили, но я знаю, что эта цифра была очень не высока и удвоение этой невысокой цифры, в сущности говоря, даже не являлось шагом к социалистическому построению.

Крыленко. Значит контакт усиливался на практической работе?

Ларичев. Вот именно, путем частных переговоров, даже не путем частных переговоров, а путем обмена мнений на счет минималистских установок и не скрываемых или полускрываемых общих установок, так как, равным образом, и инженерно-технический центр и меньшевистская организация относились враждебно к советской власти и преумень-

шением плановых установок, подобно той, о которой я сказал, они хотели прежде всего затруднить советской власти преодоление основных предпосылок социалистического плана, так что, по моему, тот случай, который я привел, достаточно характерен, чтобы показать, что в тот период была установка преуменьшить рабочую гипотезу госплановскую и пятилетки. Почему?

Потому что с переходом работы этой комиссии по генеральному плану (правда, не закончившей свою работу) к разработке пятилетки, целый ряд цифр, намеченных по установкам комиссии генерального плана, почти автоматически перешел в цифры пятилетки, которые отдельными работниками защищались, как достаточно обоснованные с экономической стороны. При этом можно было бы привести ряд таких положений, как теорию затухающей кривой. Но я на этом останавливаться не буду, потому что она всем достаточно известна.

Крыленко. Основной контакт был на почве совместной практической работы. Затем перешли к вопросам политики и политического оформления.

Какие же задачи выпали на вашу долю, на вашу обязанность в области контактирования с меньшевистской организацией?

Ларичев. На мою лично — я затрудняюсь сказать, потому что какая-нибудь специально определенная задача на меня не возлагалась, а работа возлагалась в порядке согласования установок по пятилетнему плану.

Крыленко. Это в области вредительства. А в плоскости организационной связи с чем вы были связаны еще кроме этой работы?

Ларичев. Позднейший период относится к возвращению моему и Рамзина из-за границы. Когда выяснилось, что главная политическая установка сводится не просто к проведению вредительской работы, а к подготовке интервенции, то еще в Париже был поставлен вопрос о том, чтобы как можно больше координировать контрреволюционные силы, которые можно было бы собрать.

Крыленко. Денежный вопрос на ком лежал?

Ларичев. Тут дело обстояло таким образом. Когда еще об этом речь шла в Париже, то нам в смысле финансирования была предоставлена возможность финансировать по различным каналам отдельные вредительские организации. В этом отношении дальнейшее направление было таковым, что Рамзин по своему приезду виделся с руководителями меньшевистской организации — Громаном и Кондратьевым. Они договорились о том, что нужно все-таки собраться и выявить некоторые установки о совместной работе, а в частности выяснить вопрос о возможности финансирования. Но не

ожидаю всех этих детальных разговоров и сговоров, Рамзин мне передал, что можно с первой же получки денег из-за границы выделить сумму примерно 50 тысяч и передать ее Громану для финансирования.

Крыленко. Кто вам об этом сказал?

Ларичев. Рамзин.

Крыленко. А как это было осуществлено?

Ларичев. В начале 1929 г. при получении денег из-за границы я передал Рамзину, что деньги есть, он на другой же день пришел в Госплан и в его присутствии было мною передано Громану 50.000 руб.

Крыленко. А были еще передачи денег?

Ларичев. Затем было согласовано, что можно будет выдавать деньги регулярными партиями. Всего было мною передано по постановлению ЦК «Промпартии» и по соглашению с меньшевистской организацией Громану около 200 тысяч в три приема. Две передачи были произведены осенью 1929 г. по возвращении Громана из отпуска, а последняя передача была уже в начале 1930 г.

Крыленко. А вам было известно, откуда идут эти деньги?

Ларичев. Да, со слов Громана и со слов Рамзина мне было известно, что между «Торгпромом» и заграничной организацией было известное соглашение. Рамзин даже говорил, что он получил письмо от Денисова, где было сказано, что надо финансировать не стесняясь, особенно меньшевистскую организацию.

Крыленко. Значит первоначальная договоренность об этом или согласованность в этом вами была достигнута еще в Париже?

Ларичев. В общих чертах вопрос стоял так, чтобы не стесняясь финансировать те отрасли и те группировки, которые окажутся полезными для проведения дела.

Крыленко. Это было в октябре 1928 г., в декабре того же года была передача денег, потом следующая передача была в 1929 г.?

Ларичев. Правильно.

Крыленко. Во всех случаях деньги переводились непосредственно Громану?

Ларичев. Так было договорено.

Крыленко. Относительно вредительской работы — согласование было достигнуто к этому времени?

Ларичев. Автоматически оно налаживалось еще раньше, а потом стало приобретать все больше и больше политическую окраску, пока в 1929 году состоялось одно совещание с главными руководителями меньшевистской группы, где было достигнуто известное соглашение в частности и по основному вопросу о том, что меньшевистская организация считает не только неизбежным вопрос об интервенции, но считает возможным принять участие в тех установках, которые были даны, т.-е. в подготовке к ней путем

создания общего экономического кризиса к 1930 году.

Крыленко. Можно попросить Громана?

Председатель. Подсудимый Громан.

Крыленко. Вот эта фактическая сторона сообщения Ларичева может быть подтверждена вами?

Громан. Да. Относительно того, что сначала служебным путем, как я и говорил, начались отношения, обмен мнений, взглядов и воззрений, линия например минималистских установок.

Эти служебные разговоры и обмен мнений по поводу противопоставления наших минималистских заданий генеральному плану постепенно вырастали в то, что мы уже сговаривались о проведении той или иной линии, а затем уже, когда мы стали на точку зрения прямой вредительской работы, начались такие организованные совещания, которые изложены были и мною, и Рамзиным, и Ларичевым.

Крыленко. Какое распределение денежных средств было в дальнейшем?

Громан. Я подтверждаю цифры и сроки, в которые получались деньги. Что касается распределения, то у нас внутри организации была финансовая комиссия в лице моем, Штерна и Шера. Я выслушивал нужды и притязания разных ячеек и наркоматских и периферийных. Меня избрала финансовым диктатором. Я высказывал свое категорическое определение для того, чтобы всякие споры не имели у нас места о том, кому дать и сколько. Самая техника выдачи денег лежала на кассирах, которыми были Шер и Штерн. Я приносил эти деньги, мы устанавливали, как их распределить, и затем это технически выполнялось.

Крыленко. Можно попросить Шера?

Председатель. Подсудимый Шер.

Крыленко. Распределение денег в дальнейшем было уже вашей обязанностью?

Шер. Фактически я распределял деньги.

Крыленко. Может быть, вы вспомните приблизительное распределение, или в показаниях ваших скажете, что подтверждаете, а я вам напомишу.

Шер. Я могу припомнить. Я подтверждаю полностью то, что я показал на предварительном следствии. Но при этом мне трудно и, пожалуй, невозможно разделить те 200 тысяч, которые были получены от «Промпартии».

Крыленко. Конечно.

Шер. В моем воспоминании они сливаются воедино со всеми теми средствами, которые были получены вообще «Союзным бюро» и в общем составляли, насколько я помню, 480 тысяч. Эти 480 тысяч...

Антонов-Саратовский. Без 20 тысяч.

Шер. Полмиллиона без 20 тысяч. Эти 20 тысяч, которые я забыл указать на предварительном следствии, были получены, по всей вероятности от Петунина. Таким образом, сказавши полмиллиона, я

думаю, что я не впал в ошибку. Распределение этих средств происходило таким образом, что 80 тысяч получила ячейка Наркомторга, 80 тысяч — ячейка Центросоюза, затем 70 тысяч — ячейка ВСНХ, ячейка Госбанка получила 90 тысяч, затем Госплан СССР, РСФСР и ЦСУ в общем получили 120 тысяч и, наконец, около 40 тысяч получила периферия. Вот примерные цифры. Кажется, я не ошибся.

Крыленко. Они составляют из обоих источников?

Шер. Выделить данный источник я не в состоянии.

Председатель. Значит, большая часть средств была средствами «Промпартии»?

Шер. Нет, большая часть средств — это были средства, получавшиеся от заграничной делегации, именно 280 тысяч, а 200 тысяч — это были средства «Промпартии».

Крыленко. Через кого эти средства получались от заграничной делегации?

Шер. Я получал их от Громана, и, насколько я знаю, он получал их от Финн-Енотаевского.

Крыленко. Верно это?

Громан. Да.

Председатель. Защита, вы имеете какие-нибудь вопросы к Ларичеву?

Коммодов. Нет.

Председатель. Тов. комендант, уведите свидетеля.

Председатель. Подсудимый Финн-Енотаевский.

Крыленко. Скажите, пожалуйста, что вам известно относительно порядка организованного вами получения средств.

Финн-Енотаевский. Ко мне обратился Громан в марте 1928 года с просьбой помочь ему содействовать в получении денег, при чем он сам условился с заграничным ЦК о получении этих денег. Но на какие цели должны пойти эти деньги, об этом он мне не говорил. Он говорил только о том, что он получает деньги оттуда. Я указал ему на лицо, через которое он может получить. Это лицо было Юрий Леонтьевич Фридланд, директор-распорядитель Экспорта-импорта. Это лицо мне было известно приблизительно лет 25. Он когда-то был членом военной организации РСДРП. Связи с партийными кругами он не терял. Приблизительно между 1906 и 1910 годами он жил на Загородном проспекте, у него останавливались как меньшевики, так и большевики, когда приезжали. После этого я его потерял из виду.

Я встретился с ним в Берлине в 1922 г. Мы жили как-раз рядом: я жил в Шейнбурге, а он жил на площади, название которой я не помню. Когда я его спросил, он сказал, что он литовский подданный, является директором общества с крупными средствами, что он на-

мерен вернуться в Россию и что по этому поводу ведет переговоры. Приблизительно в ноябре или декабре я видел его один или два раза, потом он уехал.

Крыленко. Это было когда?

Финн-Енотаевский. В октябре 1922 г.

Крыленко. Нас 1922 год не интересует. Когда вы возобновили связи?

Финн-Енотаевский. Он приехал сюда и стал директором-распорядителем. Время от времени мы с ним виделись. Я указал, что Фридланд давно мне знаком, давно поддерживает связи с меньшевистскими кругами и что можно к нему обратиться. Громан сказал, что ему удобнее, если я поговорю. Я ответил, что я могу сказать, хотя очень спешил. Я был болен и уезжал на юг. Это было в марте. В это время я получил телеграмму, приглашавшую меня для консультации в Госбанк. Громан приехал ко мне в гостиницу. Я просил его передать письмо Сокольникову (по поводу конфликта, который у меня был в Госбанке), а он просил меня, в свою очередь, оказать услугу по поводу получения денег из-за границы. Я поехал к Фридланду. Последний согласился, дал письмо и тем дело кончилось. Я уехал на юг. Прошло приблизительно месяцев восемь. В конце октября мне позвонил Фридланд. Он был в Ленинграде и рассказывал по телефону о ликвидации какого-то кирпичного завода и просил заехать к нему в Европейскую гостиницу.

Здесь он передал мне 50.000 рублей и письмо-пакетик, запечатанный, без адреса и просил передать все это Громану. Я ему хотел сказать: почему не передал он письма Громану непосредственно, зачем надо было возить его в Ленинград и передавать мне, чтобы я передал Громану, которого он знал с 1923 года. Но я вспоминаю, что тогда я получил письмо о том, что моя мать при смерти и просила приехать повидаться. Я все откладывал, так как, будучи занят в вузе, я хотел поехать в декабре. Получив же письмо, я решил ускорить поездку. Это было в начале ноября, я мог ехать на короткий срок, потому что я читал лекции каждую неделю два часа. Тут я рассчитал и решил поехать через Москву и передать письмо Громану. Никаких разговоров с Громаном у меня не было, потому что мне было некогда. Поэтому я передал ему 50.000 рублей и на этом наша встреча кончилась. Второй раз в апреле 1930 г. я приехал в РАНИОН для чтения доклада об иллюзиях кредита.

Нужно сказать, что я был болен и поэтому этот доклад три раза откладывался. Был я здесь дней пять-шесть. Я позвонил Фридланду. Он сказал мне: приезжайте, я должен вам кое-что передать. Я приехал и опять он мне передал 50 тысяч.

На этот раз я спросил у Гро-мана: откуда такие средства и каким путем они добываются? Откуда получает ЦК такие средства? Он мне сообщил, насколько я помню, что это финансирование идет от германской с.-д. рабочей партии.

Крыленко. Кто вам сказал?

Финн-Енотаевский. Это мне сказал Громан. После этого он мне сказал, что лучше будет, если он сам будет получать. Этим и кончилась вся моя миссия по пересылке и передаче денег. Таким образом, сношения с ЦК—это совершенно не входило в мою роль.

Крыленко. Таким образом около 100 тысяч было передано через вас, а остальные непосредственно Фридландом?

Финн-Енотаевский. Да, точно сказать, сколько было передано, я не могу. У меня такое впечатление, что 200 тысяч, но может быть и 100 тысяч. Я членом финансовой комиссии не был, никаких сведений о средствах организации не имел, на что идут деньги, я тоже не знал. Поэтому я не могу сказать, сколько вообще было передано.

Крыленко. Я вас уже спрашивал и вы ответили, что вы знали, на какие дела идут эти деньги.

Финн-Енотаевский. Ну, конечно, на с.-д. организацию. Но я не знал о распределении этих денег, не знал, на что именно они идут. У меня было другое мнение о деятельности с.-д. партии—я позднее об этом могу сказать. Я старый политический деятель, я должен был знать, что я делаю, и я вовсе не собираюсь отговариваться тем, что я не знал. Я не ссылаюсь на то, что это был необдуманый шаг. Правда, это и был необдуманый шаг, но я за него отвечаю. Дружеские отношения или не дружеские—это не играет роли. Важно установить фактическую сторону дела, а фактическая сторона дела заключалась в том, что я эту услугу Громану оказал, зная, что он представитель с.-д. партии. Я остановлюсь еще на том, как я смотрел на с.-д. партию в то время. Я считал, что меньшевики работают в Госплане рука об руку с большевиками. У меня была своя теория диктатуры пролетариата, которая сводилась к объединению социалистических сил. Это совсем другое дело. Это, может быть, наивно, неверно или ошибочно—это другой вопрос. Это я изложил в выпущенной в 1922 г. книге—«Карл Маркс и новейший социализм». Затем мне казалось, я был убежден, что у Громана нет ориентации на контрреволюцию, а на эволюцию ВКП. Повторяю—не на контрреволюцию, а на то, что будет эволюция в силу существующих изменений, что произойдет так, что направление деятельности большевиков будет таким, что те меньшевики, которые работают в организациях и советских учреждениях, будут идти рука об руку с ними. Мне казалось, что платформа, которая была

в 1924 г., совершено устарела и никакого значения не имеет. Это совершенно ясно. Я хочу сказать,—и вы это слышали из показаний Громана,—что тогда вопрос вовсе не стоял в такой плоскости, в какой он стоял позднее.

Крыленко. О существовании «Союзного бюро» вы знали?

Финн-Енотаевский. О существовании «Союзного бюро» я узнал в 1929 г.

Крыленко. А вторую сумму когда вы передали?

Финн-Енотаевский. В ноябре 1928 г.

Крыленко. Вторую сумму?

Финн-Енотаевский. Вторую—в апреле 1929 г., когда у меня и разговор начался. После этого я денег больше не передавал.

Крыленко. А потом когда вы передавали? Через Фридланда?

Финн-Енотаевский. Фридланд сам передавал непосредственно.

Крыленко. Мне важно установить, что вы в этот период о существовании «Союзного бюро» знали. Об установках его тоже знали?

Финн-Енотаевский. Когда? В 1929 г. или 1928 г.?

Крыленко. В 1929 г.

Финн-Енотаевский. В 1929 г.? Да.

Крыленко. Следовательно вы об этой деятельности были осведомлены и программу знали и разделяли?

Финн-Енотаевский. Нет, это совершенно неверно, потому что как я мог разделять эту программу, когда я не был ни на одном практическом совещании. Я не был ни на одном пленуме, я не участвовал в выработке ни тактики, ни практики. Я был в 1929 г. в апреле и затем я Громана видел только в феврале 1930 г. и больше я никаких дел с Громаном не имел. Вы знаете, что подробностей мне не сообщили. Ни в каком учреждении я не работал.

Крыленко. Вам было предъявлено обвинение в том, что вы вошли членом в «Союзное бюро», и на это вы ответили утвердительно.

Финн-Енотаевский. Только уточнил. Я сказал, что когда мне предлагали перевести деньги, то о предложении стать членом меньшевистской организации и речи не было. Вы спросили—признаю ли я предъявленное обвинение—я сказал да. Когда мне поставили вопрос—входил ли я в «Союзное бюро», я ответил, что о существовании «Союзного бюро» я узнал в апреле или мае 1929 г.

Крыленко. С 1929 года по конец 1930 г.

Финн-Енотаевский. Я не участвовал практически и не только практически в смысле конкретного вредительства, но и организационно ни в какой комиссии. Я говорю, что передача денег была, но после этого, кроме того, что я присутствовал на совещаниях, где происходило теоретическое освещение вопроса, я ничего не делал.

Антонов-Саратовский. Вы были экономическим консультантом «Союзного бюро»?

Финн-Енотаевский. Если бы я был экономическим консультантом, то естественно, что я был бы и членом программной комиссии. Первые совещания, как я уже сказал, были чисто теоретические, после тех докладов, которые я делал.

Председатель. К какому году это относится?

Финн-Енотаевский. К 1928 году. На совещании разговор шел о пятилетке. Были приглашены Кондратьев, Громан и Суханов и мы разговаривали о пятилетке. Конечно к «Союзному бюро» это не относится. Суханов и Кондратьев не имели отношения к «Союзному бюро». Мое отношение к «Союзному бюро» в период 1928 г. исключается совершенно.

Председатель. А в 1929 г.?

Финн-Енотаевский. Я читал доклад, касающийся денежно-кредитных иллюзий, в РАНИОНЕ. Кондратьев выступал против меня. У меня имеется этот доклад в печатном виде и я бы просил его приложить к делу. К сожалению, у меня его нет под руками. В этом докладе я совершенно определенно отмежевался от Кондратьева и сказал, что ни теоретически, ни практически я не имею с ним ничего общего.

Крыленко. Мы не ставим сейчас этот вопрос.

Финн-Енотаевский. Тогда вопрос касался мирового хозяйства.

Крыленко. Мы не говорим о вопросе мирового хозяйства сейчас, а нам важно установить следующий факт. Вы в области оказания прямой помощи по передаче финансовых средств заведомо знали, что эти средства идут из-за границы, что эти средства идут на конспиративную организацию?

Финн-Енотаевский. Да, я об этом знал и я это подтверждаю.

Крыленко. Вы говорите, что о существовании «Союзного бюро» вы узнали весной 1929 г. Затем вы вторично подтверждаете свою осведомленность в получении средств в мае или апреле 1930 г. Это фактическая сторона дела.

Теперь для меня остается установить — этим ли только ограничивалось ваше членство в «Союзном бюро»? Ведь в качестве прокурора я обязан все это установить для того, чтобы в соответствии с этим квалифицировать вашу роль в меньшевистской организации. Мне важно для того, чтобы иметь подтверждение ваших слов, вызвать сюда Громана.

Финн-Енотаевский. Я заявляю, что я не участвовал ни в программной комиссии, ни в других комиссиях.

Крыленко. Я прошу вызвать подсудимого Громана.

Председатель. Подсудимый Громан.

Крыленко. Будьте любезны, скажите: фактическое изложение, данное Финн-

Енотаевским, вполне отвечает действительности?

Громан. Я уже говорил, что Финн-Енотаевский, его отношение и связь его с «Союзным бюро» и его роль определялись тем, что он приезжал изредка. Я уже сказал, что он был кооптирован и об этом ему было сообщено позднее, а именно в 1929 году. Я говорил, что он ни в какой комиссии, ни в какой группе не участвовал, но вместе с тем в обсуждении вопросов общеполитического характера и направления он участие принимал. Обсуждение пятилетки, это есть обсуждение как раз общеполитической нашей установки. Он даже собирался сам писать о колхозном движении, причем не раз я отговаривал его, что незачем об этом писать, что уже этот вопрос у нас выяснен и прошел. Таким образом, действительно в планы нашей вредительской работы он не посвящался, а участие его в наших совещаниях не требовалось. Не нужно быть формально в организации. Когда обсуждались вопросы общеполитического характера, он принимал участие.

Крыленко. Сообщение о денежной стороне вы подтверждаете?

Громан. Это я подтверждаю. В своих показаниях он говорит о том, что было передано два пакета с письмом. Это правильно. Сроки совершенно верны. Затем он говорит, что связал меня непосредственно с Фридландом, — это точно. Затем сообщает, что в феврале 1930 года было передано 300.000 рублей. Здесь, очевидно, у Енотаевского получилось такое впечатление потому, что он эти цифры — 200 и 100 тысяч — сложил и получилось 300 тысяч, а на самом деле Фридланд сказал, что передал всего 200.000, т.-е. включая те деньги, которые я получил от Финн-Енотаевского. Таким образом, не 300.000, а 200.000. Я объясняю это таким недоразумением, что названная сумма в 200.000 была истолкована Финн-Енотаевским сверх того, что было получено через него самого.

Крыленко. Енотаевский был информирован о целях «Союзного бюро»?

Громан. Конечно, та политическая атмосфера, о которой я говорил и в прошлый раз, атмосфера, которая создавалась в «Союзном бюро», которое обратилось к нему с просьбой о помощи, — это была атмосфера остро накаленная, атмосфера, созданная решением XV съезда о переходе к решительному социалистическому наступлению. Я ему сказал, что складывается организация (тогда я не мог сказать, что она сложилась, она не была оформлена), ЦК обращается к нему за содействием, так как наступает период активизации борьбы с ВКП.

Председатель. Когда Финн-Енотаевский участвовал на совещаниях, выступал с докладами, он знал, что делает доклад на заседании бюро?

Громан. Я полагал, что знает, раз он знает, что я участник организации, приезжает ко мне, и идет на совещание.

Финн-Енотаевский. Разрешите мне внести поправку. Громан говорит, что я собирался писать о колхозном движении. Для кого я собирался писать о колхозном движении? Для меня это было абсолютно ясно. Это было в 1930 году. Я тогда написал статью по поводу наших спорных вопросов теоретической экономии. Я писал о колхозном движении для Совнаркома, но никак не для «Союзного бюро» (смех в зале). Это нечто совершенно противоположное (смех в зале). Я об этом говорил в своих показаниях и я должен буду это подчеркнуть, потому что это в высшей степени важный вопрос. В 1930 году, в феврале я приехал сюда. Я хотел прочитать доклад о своем «Финансовом капитале». Тезисы мои были посланы сюда. Этот мой доклад, по некоторым соображениям, а именно в виду моих еретических взглядов насчет финансового капитала, о чем я говорил на предварительном следствии, не состоялся. Известно, что у меня с большевистской партией существовали большие разногласия по вопросу о финансовом капитале, что вызвало большую полемику против меня и охлаждение ко мне. Я считаю, что выход моей книги «Финансовый капитал» и явился поворотным пунктом. Но по поводу финансового капитала я абсолютно не стоял на меньшевистской точке зрения. Но то, что я выступал против одной из основ ленинского взгляда на империализм, давало возможность меньшевикам думать, что я становлюсь на их сторону.

Крыленко. Пожалуйста, о колхозном движении.

Финн-Енотаевский. Никакого совещания у меня ни с кем не было. В 1930 году я видел, с одной стороны, Кондратьева, а с другой — Громана, просил материалы и у того и у другого. Кондратьев сообщил мне данные в очень оптимистическом виде. Я был поражен. Громан сказал, что собственно вы ничего нового сказать не можете о колхозном движении, поэтому вам писать по этому поводу нечего. Я не считал себя специалистом по этому вопросу, но я сказал, что это мне внушает опасения. Быстрый ход коллективизации мне внушает опасение. И действительно через две недели появилось известное письмо Сталина по этому поводу. Вот как обстояло дело. Но никто мне ничего не заказывал. Я не собирался писать о колхозном движении. Как известно, об этом писал Суханов. Зачем мне нужно было конкурировать с Сухановым по этому вопросу? В программной комиссии аграрный вопрос взял на себя Суханов, и его не предложили Финн-Енотаевскому.

Зачем же я был должен выступить по этому поводу? Это было лишнее. Всякий, кто читал программу или платформу, которую вы цитировали, видел, что там полплатформы посвящено мировому хозяйству. Вы должны знать лиц, которые принимали участие в выработке программы. Там нет вопросов, касающихся мирового хозяйства, этой темы нет, и ко мне никто не обращался. Из этих фактов ясно, что я не мог выполнить никаких заказов «Союзного бюро» о колхозном строительстве. Я решительным образом утверждаю, что ни на каких совещаниях, которые имели практический и тактический интерес, не присутствовал. Совещаний было пять: два раза у Кондратьева и три раза у Громана, совещания однородные. Два совещания в 1928 году в марте касались колхозного движения — одно у Кондратьева. Суханов не был членом «Союзного бюро», не можете также сказать, что Штерн являлся тогда членом «Союзного бюро», и я не знал, что присутствую на совещании «Союзного бюро». Вопросы касались теоретического освещения.

Второе совещание было в 1930 году и оно было связано с положением ВКП(б). Оно произошло у Кондратьева, куда я был приглашен на обед. Туда же пришли Суханов и Громан. Базаров не было. Говорили о тех разногласиях, которые происходят в ВКП(б).

На других совещаниях я не бывал. Я допускаю, что, может быть, эти совещания были подготовительными для других. Но на тех совещаниях, где делались практические выводы, я не присутствовал.

Я имел все основания считать, что Громан был вполне советским человеком, и что он является организатором — я себе не представлял, и что Кондратьев является представителем организации — я тоже себе представить не мог. Выявилась слишком разнородная компания и слишком разнородные люди. О совещаниях, какие были в «Союзном бюро», я был информирован, я знаю, но вы спрашиваете меня не о том, о чем я информирован, а о том, что я делал. Я отвечаю, что я знаю и что я делал. Я сейчас говорю, что я делал, а потом скажу, что знал. Я говорю, что на этих совещаниях у Кондратьева дело шло о теоретическом освещении вопроса. То же самое повторилось на следующий день, когда я обедал у Громана и куда пришел Базаров. Дискуссировались те же вопросы и я говорил, как не надоело бесчисленное количество раз разговаривать по этому поводу. Но Базаров ведь не член «Союзного бюро» и не член ЦК. Про Суханова я не знаю, был он или не был членом бюро, он по этому поводу сам может сказать, но здесь было исключительно теоретическое обсуждение вопроса.

Председатель. Вы не считали себя членом бюро, участвуя на этом совещании?

Финн-Енотаевский. Нет, абсолютно нет. Я присутствовал на совещании еще до того, как Громан сказал мне, что я был кооптирован. Я имею основание считать, что ни у Кондратьева, ни у Громана не было разговора со мною о том, что это какие-то организации. Тогда был вопрос о том, что же дальше будет, тут говорилось о 1930 годе, говорилось, что в силу целого ряда условий, которые произойдут в 1929 году, может получиться кризис. Тогда кто-то спросил—или Громан, или Кондратьев, или может быть я в качестве провинциала—что же будет? Тогда Суханов, который любит прибегать к остротам, сказал: если будет скверно, обратятся к такому умному человеку, как Громан, и попросят помочь. Потом, когда мы с Громаном выходили, он мне сказал: ты слышал, как Суханов на мой счет прошелся: он думал, что это ему скажут.

Таким образом, здесь шла речь о ВКП, о тех или других уклонах, но вовсе не о свержении советской власти. Об этом я узнал значительно позже. Повторяю, я это говорю не для того, чтобы снять с себя ответственность—я эту ответственность принимаю,—а для того, чтобы осветить истину.

Крыленко. 20 февраля 1931 года на заключительном допросе у следователя по важнейшим делам при прокуроре Республики тов. Левентона, уже когда дело перешло в прокуратуру Республики, вы сделали следующее заявление: «из моих чистосердечных, откровенных показаний явствует, что мое практическое участие в меньшевистской контрреволюционной организации выразилось в содействии осуществлению денежной и корреспондентской связи с заграничным ЦК, в участии, как сведущего лица по экономическим вопросам, в узких заседаниях руководящих лидеров этого бюро».

Финн-Енотаевский. Это правильно. Но дело не в этом—вы меня спрашиваете: знал ли я об этом в 1928—29 году. Тогда я не знал, а в 1930—31 году, конечно, я уже знал.

Крыленко. Вы подтверждаете эти показания?

Финн-Енотаевский. Ясно, что Суханов и Громан были лидерами «Союзного бюро». Но я тогда об этом не знал. Я узнал позже, я узнал, так сказать, задним числом. Я передавал деньги, но я не знал, на что я передаю.

Председатель. Объявляется перерыв до 10 часов утра завтрашнего дня.

4 марта

Утреннее заседание

Председатель. Заседание возобновляется. Защита имеет ли какие-нибудь вопросы?

Коммодов. Разрешите мне задать вопрос Громану.

Председатель. Подсудимый Громан.

Коммодов. Скажите, пожалуйста, Громан, вопросы тактики борьбы у вас выработывались, главным образом, на пленумах, насколько я понимаю?

Громан. Тактика формулировалась окончательно на пленумах.

Коммодов. У вас в этот период было три пленума?

Громан. Да.

Коммодов. В 1928, 29 и 30 году?

Громан. Да.

Коммодов. На этих пленумах делались большие, пространные, довольно крупные доклады?

Громан. Да.

Коммодов. В результате этих докладов принимались резолюции и выработывалась та или иная тактическая линия поведения?

Громан. Правильно.

Коммодов. Скажите, пожалуйста, вот на всех этих пленумах, которые, собственно, решали линию тактического поведения в борьбе, участвовал ли Финн-Енотаевский?

Громан. Нет, время его приезда не совпадало, но он участвовал в подготовительных совещаниях.

Коммодов. Он этого не отрицал и не отрицает. Нам нужно установить, действительно ли он состоял членом ЦК: он этого тоже не отрицает. Того, что он способствовал, помогал вам в передаче денег и пакетов, он тоже не отрицает. Наша цель — точно установить круг его фактической работы. Таким образом, на пленумах его не было?

Громан. Да.

Коммодов. Он не принимал участия в тех докладах, которые клались в основу

выработки резолюции, он таких докладов не делал?

Председатель. Но в предварительной работе участвовал, в подготовительной работе, которая являлась предварительной работой, перед пленумом?

Громан. Совершенно верно.

Коммодов. Скажите, участие Финн-Енотаевского в этих совещаниях касалось какого круга вопросов и в какой промежуток времени проходило?

Громан. Это было в 1928, 29, 30 году. Во время его приездов бывало по два совещания, где ставились именно принципиальные вопросы о характеристике исторического момента, о роли социал-демократии и мировой и нашей. При этом использовались его представления о мировом хозяйстве, его взгляды на роль хозяйства, что хотя и предстоит кризис (он даже предсказывал кризис, который потом настал), но что этот кризис не будет крахом капитализма, а переживет дальнейшую стадию развития, предметом обсуждения были также вопросы нашего внутреннего хозяйственного положения, где он также примыкал к мысли о том, что форсирование социалистического наступления не может увенчаться успехом. Вот круг идей, в обсуждении которых он принимал участие и вкладывал свои знания.

Коммодов. Правильно ли я бы сформулировал таким образом, что он эти совещания узкого круга людей информировал о финансовом хозяйстве по преимуществу мирового характера?

Громан. Да, специфический круг его знаний был именно этот.

Коммодов. И не для этой ли цели, главным образом, он вами и был приглашен? Ведь практической работы он не вел, он в учреждениях нигде не служил, ни в каких комиссиях он у вас не был, в руководящей пятерке он не участвовал, а жил на периферии в Ленинграде

и наездами бывал здесь довольно редко.

Громан. Все это совершенно верно.

Коммодов. Вредительской работы, прощупывая ее в жизни, он не мог вести?

Громан. Да.

Коммодов. Ведь он вами был завербован?

Громан. Да.

Коммодов. Так вот, когда вы его приглашали, какую цель вы преследовали? Ведь он даже меньшевиком не был, он был большевиком до 1915 года.

Громан. Моя цель точно может быть формулирована, как цель привлечения идеологической силы, хорошо знающей мировое хозяйство, мировые отношения, и силы, которая может помочь внешней связи с заграницей в смысле денег и передачи корреспонденции.

Коммодов. Разрешите поставить так вопрос — если бы вы были уверены, что Финн-Енотаевский не мог бы наладить связи с заграницей, не был бы полезен вам в этом смысле, вы бы пригласили его?

Громан. Ответ на этот вопрос дать очень трудно. Но я должен сказать, что мои беседы с ним формировали в известной степени мои взгляды и оказывали влияние на мое политическое и идеологическое понимание. Под влиянием моих бесед с ним, особенно по вопросу мирового хозяйства, где он являлся специалистом гораздо большим, чем я, складывалось мое понимание. Этот мотив мог бы быть достаточным для того, чтобы мы его пригласили.

Председатель. Следовательно, его помощь для работы бюро была ценной?

Громан. Безусловно — в идеологической сфере, в сфере понимания исторических основ, на которых формировалась наша практика, но не в сфере конкретных формулировок, где он не принимал участия.

Антонов-Саратовский. Я вчера задавал вопрос Финн-Енотаевскому, не являлся ли он в бюро чем-то в роде экономического консультанта. В особенности в вопросах мирового хозяйства.

Громан. Такая формулировка не была бы противоречащей положению.

Крыленко. У меня есть один вопрос Финн-Енотаевскому.

Председатель. Подсудимый Финн-Енотаевский.

Крыленко (к Финн-Енотаевскому). Я вчера процитировал ту часть ваших показаний от 20 февраля, в которой вы указываете, что вы принимали участие в узких совещаниях лидеров «Союзного бюро».

Финн-Енотаевский. Совершенно верно.

Крыленко. Вы говорили, что принимали участие в совещаниях вождей, руководителей этой конспиративной, нелегальной организации.

Финн-Енотаевский. Совершенно верно.

Крыленко. Громан здесь показал, что эти совещания касались основных вопросов политики.

Финн-Енотаевский. Каких?

Крыленко. Текущей политики, хозяйственной политики, общей политики и т. д. Здесь вопрос идет не о Кондратьеве или о ком-нибудь другом. А здесь вопрос идет о Громане, о Суханове, о группе руководителей. Это вами подтверждается?

Финн-Енотаевский. Да.

Крыленко. Я теперь хочу установить этот факт и другой факт — то, что вы были кооптированы в «Союзное бюро». Вам тоже было об этом известно?

Финн-Енотаевский. Известно. Но хочу здесь сказать, что вчера я ошибочно несколько раз называл дату — май 1930 г., — а нужно было назвать май 1929 г.

Крыленко. Я принимаю вашу поправку. Вы были кооптированы в «Союзное бюро». Вы прекрасно знаете, что значит термин кооптация. Это значит включение в руководящий состав для руководства.

Финн-Енотаевский. В руководящий состав — пятерку.

Крыленко. Включение в «Союзное бюро»?

Финн-Енотаевский. Совершенно верно. Я это признал.

Крыленко. Сказать о том, что ваше участие ограничивалось двумя фактами — передачей денег и разговорами с Кондратьевым, а не с ними о мировом хозяйстве — этот вывод никак отсюда не вытекает?

Финн-Енотаевский. Я этого и не говорил.

Крыленко. Наоборот, отсюда вытекает факт вашего участия в руководящей организации с вашего ведома и согласия?

Финн-Енотаевский. Совершенно верно. Но я бы хотел сказать следующее: то, что я вчера говорил в своих показаниях, не расходится с моими показаниями на предварительном следствии. Вопрос идет о хронологии.

Крыленко. Хронология совпадает с вашими показаниями.

Финн-Енотаевский. Я говорю, что я был кооптирован в мае 1929 г. и что я был на совещании в 1928 году и был на совещаниях в 1929 г. до объявления о моей кооптации. То обстоятельство, что я мог не знать о работе организации, не имеет значения — я был использован как сведущее лицо в этой организации и за это я беру ответственность. Констатация фактов. После этого не было совещаний и я не приезжал. Было обсуждение вопроса о колхозном движении, но это была беседа с двумя лицами для определенной цели, о которой я сказал. Так что я совершенно точен был с теми показаниями, которые я все время давал. Естественно, — вопрос последний, — когда

меня спросили, что вы делали, то я взял весь период с 1928 года, считая, что я должен отвечать и не могу прикрываться тем, что я не знал. Я был совершенно искренен и совершенно точен и за свои показания отвечаю. То, что я вчера говорил, не расходится с моими прежними показаниями.

Крыленко. Вы сами сказали, что после февраля — марта 1929 г. следующая встреча была в 1930 году только.

Финн-Енотаевский. После апреля 1929 г., потому что я был на докладе в РАНИОН, это все можно точно установить.

Крыленко. Следующая встреча была в 1930 году?

Финн-Енотаевский. Нет, была в мае, когда я проезжал в Сибирь, это очень важно, потому что после этого не было.

Крыленко. Последняя встреча когда была?

Финн-Енотаевский. В феврале 1930 г., но тогда не было совещания, а были разговоры. Моя кооптация — в мае 1929 года.

Крыленко. Значит, кооптация — в феврале или мае 1929 года; последняя встреча, или последние разговоры — в феврале 1930 г.?

Финн-Енотаевский. Да.

Крыленко. У меня больше нет вопросов.

Коммодов. Когда вы ездили в Сибирь в командировку?

Финн-Енотаевский. Приблизительно в конце мая.

Коммодов. Нет, вы говорите годы.

Финн-Енотаевский. В мае 1929 года.

Коммодов. Какие месяцы охватывает ваша командировка в Сибирь?

Финн-Енотаевский. Июнь, июль, август, сентябрь, в конце сентября я проезжал здесь, я заболел в Свердловске, хотел попасть в биологический комитет, позвонил и сейчас же поехал в Ленинград.

Коммодов. Значит, четыре летних месяца 1929 года?

Финн-Енотаевский. Совершенно верно. **Коммодов.** В какое время была ваша поездка в Америку?

Финн-Енотаевский. Начиная с апреля по конец сентября 1927 г.

Коммодов. Дату вступления в меньшевистскую организацию вы определяете с 1928 года?

Финн-Енотаевский. С момента согласия на передачу денег.

Коммодов. А дату вступления в «Союзное бюро»?

Финн-Енотаевский. Май 1929 года.

Коммодов. А свой отход?

Финн-Енотаевский. Я считаю — февраль 1929 года.

Коммодов. На вопрос о виновности вы на этом следствии дали положительный ответ?

Финн-Енотаевский. Положительный.

Коммодов. И эти даты указаны вами?

Финн-Енотаевский. Указаны.

Председатель. Больше вопросов нет?

Муранов (к Финн-Енотаевскому). Вы бывший старый большевик?

Финн-Енотаевский. Да.

Муранов. Вас пригласили оказать услугу в получении денег и передаче их не просто Громану, а «Союзному бюро» меньшевиков, — организации под такой кличкой?

Финн-Енотаевский. Нет, дело было так.

Муранов. Я бы хотел, чтобы вы покороче рассказывали.

Финн-Енотаевский. Вначале было дело. Громан мне предложил. О «Союзном бюро» речи не было. Но то, что это было для социал-демократов — это мне было известно.

Муранов. Враждебных не просто большевикам, а враждебных советскому государству?

Финн-Енотаевский. Этого я не могу сказать по той простой причине, что Громан, поскольку я знаю, для меня тогда абсолютно не являлся лицом враждебным советскому государству, наоборот, я считал, и его выступления публичные были настолько яркие, настолько советские, что я перед ним казался правым. Это факт. Я вчера потому останавливался на этих мелочах, что для меня это в высшей степени важно.

Муранов. Вы считаете, что вы были обмануты?

Финн-Енотаевский. Нет.

Муранов. Так получается.

Финн-Енотаевский. Я знал, что социал-демократическая платформа переименована в 1924 году и что нынешние меньшевики порвали с прежними меньшевиками и работают рука об руку с советской властью. О вредительстве не было речи. Здесь же Громан совершенно ясно сказал, что о вредительстве, о контрреволюции не было речи. Когда мне передавали деньги, то вопрос был только о содействии. В меньшевиках я не мог видеть таких врагов и таких контрреволюционеров, какими они являются сейчас. Сейчас я знаю и отвечаю за это, но тогда об этом речи не было.

Антонов-Саратовский. Вы знали, откуда деньги шли?

Финн-Енотаевский. Знал.

Муранов. Получается так, что они настолько солидарны во взглядах с большевиками, что вы даже кажетесь правым перед ними. Ведь так было?

Финн-Енотаевский. Получается так.

Муранов. Для чего же им, если они настолько солидарны с большевиками, нелегальным путем получать из II Интернационала деньги? Ведь непонятная же вещь?

Финн-Енотаевский. О том, что они получали из II Интернационала деньги, я узнал только, как я показывал, в апреле 1929 года.

Муранов. А деньги когда получили?

Финн-Енотаевский. Деньги были получены в 1928 году.

Муранов. Тогда как же вы реагировали на то, что деньги получены совершенно не для тех целей, для каких вы думали?

Финн-Енотаевский. О целях тогда разговора не было. А когда я узнал, то я реагировал так, что больше денег не передавал.

Муранов. Вас включили в «Союзное бюро»?

Финн-Енотаевский. Да.

Муранов. Точно также как будто для оказания какой-то услуги?

Финн-Енотаевский. Да.

Муранов. Вы все-таки член политической партии большевиков?

Финн-Енотаевский. Бывший.

Муранов. Не она бывшая, а вы бывший.

Финн-Енотаевский. Да, я бывший, я ушел.

Муранов. Вы были членом партии, которая вообще не ставила себе вопрос так, а несколько иначе, и вы были тогда с этим солидарны, согласны. Теперь, вступая в другое политическое бюро, «Союзное», вы оказали услугу тем, что получили деньги. После этого вас кооптировали. Вы точно так же не поинтересовались, для какой цели вас все-таки в «Союзное бюро» кооптировали. Вы же знаете, что партия, ее бюро отдельных лиц, отдельных людей может использовать в своих интересах, как ей угодно. Она вас могла так пригласить, но зачем же нужно было приглашать вас в это самое политбюро, вредительское политбюро, и вы оказались настолько наивным. Здесь высказываются, говорят ведь не наивные, не политические младенцы, а тут вы оказываетесь настолько якобы наивным, настолько политическим младенцем, что даже не поинтересовались целями их, как они сами говорят—и вредительство, и интервенция, и все, что угодно.

Финн-Енотаевский. Совершенно правильная постановка вопроса. Я говорил, что с тех пор, как меня кооптировали, я был информирован.

Муранов. О чем?

Финн-Енотаевский. Об их деятельности, но не в полной мере.

Муранов. Значит они вас обманывали?

Финн-Енотаевский. Нет.

Муранов. Вашей гибкости я не понимаю.

Финн-Енотаевский. Тут нет моей гибкости. Громан здесь сообщил, что когда он мне предложил, чтобы я передал деньги, он мне не указал, на какие цели.

Муранов. Почему же вы его не спросили—для чего деньги нужны человеку, который стоит даже левее вас?

Финн-Енотаевский. Всякий, кто знаком с борьбой меньшевиков, мог думать об идеям.

Муранов. Вы думали, что эти деньги нужны ему для покупки костюма?

Финн-Енотаевский. Нет, для типографии, агитации.

Муранов. Типографии для нелегальной работы? Не для такой, в которой участвовал официально Громан—экономической и всякой другой, для чего наша печать предоставляла свои страницы?

Финн-Енотаевский. Вопрос идет, конечно, о нелегальной борьбе, но о какой борьбе!

Муранов. Как она распространялась широко, далеко и глубоко, это вас не интересовало?

Финн-Енотаевский. Это интересовало меня, но весь вопрос в том, насколько я был информирован. По этому вопросу я не спрашивал.

Муранов. Вы не спрашивали?

Финн-Енотаевский. Я не имел возможности об этом говорить. Я констатирую фактическую сторону, объясняю, когда и что я знал. В показаниях я указывал, что из того, что я знал сколько-нибудь в определенной мере, я пришел к убеждению, что виновниками являются сидящие за границей. Я это подтверждаю и здесь. Вопрос сводится к тому, когда я об этом узнал. Я от своих слов не отказываюсь. В полной ответственности я доказываю ложь тех, которые говорили. Но вопрос сводится к тому, когда я это узнал, а факты я не отрицаю.

Председатель. У защиты вопросы есть?

Коммодов. Когда вам сделали предложение о деньгах, вы знали, что это идет на организацию?

Финн-Енотаевский. Да.

Коммодов. Вы догадывались, что это идет на агитацию?

Финн-Енотаевский. Да, конечно.

Коммодов. Вы знали, что это—организация нелегальная?

Финн-Енотаевский. Да.

Коммодов. В чем же дело?

Финн-Енотаевский. Я это признаю, но весь вопрос в том, что делала организация: занималась ли она контрреволюцией или вредительством, или была только оппозиционной.

Председатель. Мы в последующем выяснении заслушаем ваше мнение по этому вопросу.

Какие еще есть вопросы?

Крыленко. У меня вопросов больше нет.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ КОНДРАТЬЕВА

Председатель. Товарищ комендант, пригласите свидетеля Кондратьева.

Председатель (к Кондратьеву). Ваше имя, отчество и фамилия.

Кондратьев. Николай Дмитриевич Кондратьев.

Председатель. Я вас предупреждаю о том, что вы должны суду показывать только правду.

Крыленко. Скажите, пожалуйста, вашей контрреволюционной организации было

известно о наличии меньшевистской контрреволюционной организации?

Кондратьев. Да, было известно.

Крыленко. Вам приходилось встречаться с работниками или деятелями меньшевистской контрреволюционной организации?

Кондратьев. Да, приходилось.

Крыленко. С кем вам приходилось встречаться?

Кондратьев. Мне приходилось встречаться со следующими лицами: во-первых, с Владимиром Густавовичем Громаном, во-вторых, с Николаем Николаевичем Сухановым, в-третьих, с А. Л. Соколовским, далее с отсутствующим здесь Череваниным, Базаровым и рядом других лиц. Но из присутствующих здесь, находящихся на скамье подсудимых, я не встречал никогда в этой связи Гинзбурга, Залкинда и некоторых других.

Крыленко. Ваши встречи, какой они носили характер первоначально и когда они приняли характер встреч политического объединения или политического единства?

Кондратьев. Первоначально встречи носили по преимуществу личный характер. Мои встречи были более частыми с Громаном, а несколько позднее с Сухановым. Как я сказал уже, первоначально встречи носили преимущественно личный характер. Нужно сказать, что с Громаном Владимиром Густавовичем хотя я и был знаком лично с 1915 г., но стоял на довольно различных позициях и нередко в государственных учреждениях — в СТО, в Госплане и других — мы боролись друг с другом. Но с 1927 года мы стали во взглядах своих, а также и лично значительно ближе друг к другу.

Вот, примерно, в 1927 году и начались наши встречи, сначала более редкие, затем более частые, начались наши беседы, при чем, так как мы оба к этому времени, т. е. к концу 1927 года, я в полной мере уже, а он отчасти, находились в состоянии опалы, то вполне естественно, что, встречаясь, мы нередко затрагивали политические темы, так как мы были оторваны от руся работы в государственных учреждениях, следовательно были оторваны от непосредственной работы в области государственной экономической политики.

Вот эти встречи и беседы на политические темы, они довольно быстро в конце 1927 года, затем особенно в первой половине 1928 года, показали, что мы во многих основных вопросах текущей экономической политики и общей политики стоим на близких позициях.

Я вспоминаю, что в 1928 году началось мое сближение с Николаем Николаевичем Сухановым, при чем оно сначала тоже было сближением личным. С Сухановым, а затем и с Громаном я находился на различных позициях до 1928 года. Н. Н. Суханов был всегда значительно левее

меня, и мы с ним всегда довольно остро полемизировали, когда встречались до этого. И в 1928 году, хотя мы лично начали сближаться, но политически мы довольно долго были с ним далеко. Однако, Николай Николаевич принимал участие в беседах вместе с Громаном и в этих беседах выяснилась общность и его взглядов, во всяком случае на вопросы текущей экономики и общей политики. И вот я должен сказать, следовательно, что период 1927 года и первой половины 1928 года и был тем периодом, когда произошло наше сближение.

Крыленко. Ваша организация к этому моменту уже оформилась?

Кондратьев. Да, та организация, которую я возглавлял идеологически, оформилась.

Так вот, я должен сказать, что в этот период произошло наше сближение личное, выяснилась близость наших политических взглядов, и к этому же времени стало ясно, по крайней мере для меня стало ясно, что за Громаном, а потом за Громаном и Сухановым стоит известная организация. Мне стало ясно, что эта организация имеет меньшевистский характер. Я бы точнее свою мысль формулировал так, что я ее понимал, как неоменьшевистскую организацию, вкладывая в этот термин тот смысл, что меньшевизм в советских условиях не был, в полном смысле слова, прежним меньшевизмом. Так что я понимал эту организацию как неоменьшевистскую организацию. Я понимал также, что и им было ясно, что за мною, равным образом, стоит известная организация, имеющая по своему существу крестьянский характер по идеологии и по ориентации, крестьянский характер в том смысле, что в центре своей идеологии она ставила проблему крестьянства в условиях СССР, проблему развития крестьянского хозяйства в связи с другими отраслями народного хозяйства.

Я не придавал особенно большого значения тому, чтобы добиться и выяснить, как в точности называется организация, представленная Громаном и Сухановым, но я отчетливо знал, что эта организация — меньшевистская или неоменьшевистская.

Крыленко. Ваши свидания или объединенные встречи носили характер уже оформленных политических встреч. К какому времени вы это относите?

Кондратьев. Я так бы сформулировал свой ответ на ваш вопрос. Я отношу момент возникновения блока между нашими организациями к самому началу второй половины 1928 года, при чем я должен сказать, что формальных переговоров, в юридическом смысле слова, формальных переговоров о блоке в сущности не было, но только потому не было, что к этому моменту было и без того вполне ясно, что блок уже существует.

Крыленко. Де-факто?

Кондратьев. Де-факто. И что поэтому нет никакой необходимости сейчас в ведении специальных переговоров.

Крыленко. А к этому времени — к концу 1928 года или ко второй его половине — по отношению к организации Рамзина у вас равным образом были оформленные отношения?

Кондратьев. Я должен сказать, что отношения крестьянской партии, которую я представлял, с организацией Рамзина имели несколько иной характер, чем с организацией, представляемой Громаном, Сухановым, т.е. меньшевистской организацией. Если отношения той организации, к которой я принадлежал, и отношения организации меньшевиков можно было бы действительно назвать отношениями блока, то отношения с организацией Рамзина, или с организацией, которая получила впоследствии название «Промпартии», я бы не мог назвать по сущности отношениями блока. Я бы их мог назвать отношениями соглашения.

Крыленко. Но это по существу все равно.

Кондратьев. Тут вопрос в степени. Отношения с организацией Рамзина имелись несколько раньше, но тогда они носили довольно эпизодический, случайный характер.

Крыленко. Поскольку вы здесь имели дело с враждебной социальной силой, то эти отношения требовали большей четкости, большей договоренности?

Кондратьев. Нужно сказать, что связь с этой организацией по преимуществу было такого характера, что нам были известны определенные шаги этой организации. Попытка договориться с ними относится к концу 1928 г., договориться с ними более четко.

Крыленко. Здесь у вас была попытка, может быть, более четко договориться, но во всяком случае первые шаги договоренности были сделаны гораздо раньше, в 1928 г.?

Перейдем к этому вопросу. Момент политического оформления или, точнее сказать, договоренности о совместных политических действиях относится ко второй половине 1928 г. — к первой половине 1929 г.?

Кондратьев. Да.

Крыленко. Совещание с Громаном и с другими происходило совместно с «Промпартией» или отдельно были совещания с теми и с другими?

Кондратьев. Я припоминаю только совещания, на которых были представлены в большем количестве лица, принадлежащие к организации меньшевиков, и в гораздо меньшем количестве лица, принадлежащие к крестьянской партии. Я вспоминаю лишь одно совещание, где были представлены все три организации.

Крыленко. Даты мы приблизительно установили. Будьте любезны, начертите

установки блока и с той и с другой организацией.

Кондратьев. Если вы мне разрешите, я в данном случае остановлюсь на установках двоякого типа: с одной стороны — на установках идеологического характера, а с другой стороны — на установках тактического характера.

Разрешите остановиться в первую очередь на организации меньшевиков. Говоря об установках идеологического характера, я должен буду отметить, что здесь и та и другая организации — та, которую я представлял, и меньшевистская организация — имели многое, что могло бы вынесено за скобки, т.е. они имели довольно много общего. Что же это было общее? Прежде всего я видел, что у той и другой организации существует достаточно общее понимание характера социально-экономического положения в стране. Не входя в детали, если это вас не заинтересует специально, я бы сказал так: та и другая организации в анализе существующего социально-экономического положения приходили к выводу, что страна находится в состоянии острого и обостряющегося социально-экономического и политического кризиса в этот период.

Понимали в то же время, что одной из существенных причин этого кризиса является новый курс социально-экономической политики советской власти.

Второй общий раздел во взглядах касался понимания перспектив, ближайших перспектив социально-экономического и политического характера в стране. Общность понимания этих перспектив сводилась к тому, что та и другая организации в тех или других выдвигаемых вариантах считали, что намечается кризис, он будет обостряться и усложнение политической борьбы, начавшейся в стране, вероятнее всего приведет к политической катастрофе, причем момент этой катастрофы, или переворота, или того или другого сдвига, во всяком случае, изменение существующего статуса датировали довольно близким будущим.

Теперь остановлюсь на третьем основном разделе в этой части, на том, каким образом или какие основные положения выдвигались в качестве положений программного характера, в качестве общих положений этих организаций. Я, все же, должен оговорить то обстоятельство, что платформа в собственном смысле у той и другой организации, во всяком случае у нашей организации, была далеко не закончена выработкой и поэтому в деталях и с полной отчетливостью, так как не имеется письменных документов, точно установить невозможно, я думаю, что подхожу к средней линии своей организации, так вот, касаясь установок программного характера, я должен отметить, что известная общность была во взглядах на земельный вопрос. Фор-

мально ни та, ни другая организации не предполагали отмены национализации земли, но содержание, которое вкладывалось в понятие национализации земли, впоследствии у той и у другой организации было несколько различное.

Одна наша организация шла по линии высвобождения земли гораздо дальше, по линии залога землепользования, но и та и другая организации считали необходимым выставить тезис о свободе хозяйствования.

В области промышленности тоже была известная общность взглядов, но и известное различие. Я бы так сказал, что та и другая организации считали, что мелкая промышленность должна быть денационализирована, значительная часть крупной промышленности должна была быть построена на началах смешанного акционирования и, затем, известная доля государственной промышленности, крупнейшая, должна остаться в руках государства. Но пропорции, в которых производилось это распределение, тоже были различные. Я должен сказать, что здесь мы занимали, опять-таки, более правую позицию, меньшевики занимали более левую позицию, чем мы, а некоторые из них, как, например, Н. Н. Суханов, — весьма левую позицию.

Дальше, я должен указать на представление, которое существовало в других областях взглядов. Предполагалось, что область торговли будет в значительной мере сосредоточена в руках кооперации, частью в руках частного капитала, так что государственные средства здесь будут завязаны в минимальном количестве. Далее, предполагалось сохранить достаточно широко социальное законодательство, касающееся положения рабочих.

И, наконец, остановлюсь на положении, касающемся чисто организационного, политического устройства. Здесь, та и другая организации стояли на позиции признания демократической республики. Форма ее мыслилась различно, могла бы быть принята советская форма, но, во всяком случае, без сохранения диктатуры, может быть, какая-нибудь другая форма. Это не представляется существенным.

В области внешней политики предполагалось, что будет создано положение, обеспечивающее вхождение страны в Лигу Наций, потому что без этого представлялось невозможным урегулирование экономических отношений с Западом.

Крыленко. В общем и целом, одной общей формулировкой, одной фразой можно сказать: «реставрации капиталистических отношений»?

Кондратьев. Да, я должен сказать, что предполагалась реставрация капиталистических отношений, хотя со следующей оговоркой. Разумеется, не шло речи о реставрации довоенного капитализма

на сто процентов, так как его нет собственно уже и на Западе. Разумеется, абсолютно не было никакой речи о реставрации пережитков феодальных отношений, сохранявшихся у нас в капиталистическом строе до революции. В этом смысле определенные результаты и сдвиги, которые были вызваны двумя революциями, появились уже неизгладимыми в истории дальнейшего нашего развития.

Крыленко. Я бы позволил себе, чтобы нам больше с вами не спорить по этому поводу, прочитать одну формулу, а вы скажете, совпадает ли она целиком и полностью с вашей формулой. Я буду цитировать приобщенный к делу один из номеров «Социалистического Вестника» за 1929—30 год. Автора я потом назову.

«Выдвигает, защищает экономические требования, которые сближали политический пролетариат с другими слоями населения, требует ликвидации разорительной для страны всеобъемлющей национализации хозяйства, с оставлением в руках государства, муниципалитетов общественно-полезных предприятий, с предоставлением свободной частной инициативы... Перестройку народного хозяйства России на капиталистических началах ни в коем случае не должно, разумеется, посягать на социальные права рабочего класса, на 8-часовой рабочий день, свободу и т. д. и т. д.»

Вот формулировка.

Кондратьев. В основном это соответствует нашим установкам.

Крыленко. Это формулировка правых социал-демократов.

Значит, мы установили полностью ваши программные требования. Теперь в области тактических.

Кондратьев. В области тактической установки я бы ответил следующее. Первое: я думаю, что и для той и для другой организации были общими следующие тактические положения. И та, и другая организации считали целесообразным поддерживать правое крыло коммунистической партии. Это первое. Мы считаем, что победа этого правого крыла является и явится лишь неизбежным этапом для дальнейшего поправления государственной власти и приближения ее курса политики к тому курсу, который казался желательным для данных двух организаций.

Второе тактическое положение может быть сформулировано следующим образом: одновременно с указанной политической обе организации считали, что они должны и самостоятельно вести борьбу как с политической советской властью, так и с самой советской властью. Эта борьба мыслилась как в легальных, так и в нелегальных формах, как борьба, направленная против мероприятий по социалистическому переустройству сельского

хозяйства, и борьба против мероприятий...

Крыленко. Это уже частный случай методов борьбы против тех или иных отдельных актов политики, а вот основная тактическая установка, отношение к организации повстанческого вооруженного восстания — первое, отношение к интервенции — второе и отношение к вредительству — третье?

Кондратьев. Я имею это в виду пояснить.

Второй тактической установкой я считаю установку, которая сводилась к тому, чтобы препятствовать прохождению мероприятий по социалистическому переустройству сельского хозяйства, относящуюся примерно ко второй половине 1928 г. — использованию формулы: чем хуже, тем лучше. Обобщая эти два положения и употребляя терминологию Уголовного кодекса, я скажу, что это было, несмненно, признание тактической установки на вредительство.

Третья тактическая установка — это установка, связанная с вопросами интервенции. Должен сказать, что здесь была известная эволюция...

Крыленко. А договоренность была?

Кондратьев. До конца 1928 года организация, которую я представлял, относилась к интервенции совершенно отрицательно. В конце 1928 г. произошел известный сдвиг во взглядах. Сдвиг заключался в том, что по совокупности имевшейся информации представлялось, что интервенция будет неизбежна...

Крыленко. В том числе и информации Рамзина?

Кондратьев. Да, и информации Рамзина, полученной от Чайнова, о том, что интервенция будет неизбежна. И тогда возник вопрос, может ли оставаться организация индифферентной к такому крупному факту.

Крыленко. Перед организацией встал вопрос — либо драться за интервенцию, либо быть против нее?

Кондратьев. Да, и организация ориентировалась на то, что можно и должно использовать момент наступления интервенции в интересах борьбы с советской властью.

Крыленко. Т.-е. блокироваться с интервенцией?

Кондратьев. Я на этот вопрос так бы ответил: в той организации, которую я представлял, непосредственной связи с интервентами никакой не было. У нас ее просто не существовало, но я должен признать откровенно, что, разумеется, та позиция, которая была занята организацией, фактически означала молчаливый блок с интервенцией.

Крыленко. Вы себе отдавали отчет, что это является фактически поддержкой?

Кондратьев. Возможно, что это было утопическим самооправданием, но рас-

чет, который у нас был, если хотите, я изложу.

Крыленко. А в самом процессе?

Кондратьев. В процессе — да.

Крыленко. Вопрос о результатах, о средствах борьбы — это вопрос завтрашнего дня.

Кондратьев. Мы сознавали, что это — поддержка, но мы считали, что эта поддержка неизбежна в тот момент и она политически себя оправдывает.

Крыленко. В то время, когда Рамзин и «Промпартия» готовили интервенцию, вы ее принимали или полагали, что ваша обязанность или необходимость помочь, поддержать, а там после этого использовать в своих политических целях ту организацию, которую хотели построить на место советской власти?

Кондратьев. Да.

Крыленко. Это по вопросу об интервенции.

Теперь по вопросу о вредительстве. Вы имели в своем распоряжении какие-либо области народного хозяйства в смысле овладения руководящими учреждениями, где бы вы могли проводить практически вредительство?

Кондратьев. Я должен ответить, что область сельского хозяйства, сельскохозяйственного кредита и отчасти финансы находились фактически — и в этом смысле по молчаливой договоренности с меньшевистской организацией — под влиянием той организации, которую я представлял.

Крыленко. Значит, Наркомзем...

Кондратьев. Да, Наркомзем, Наркомфин, с.-х. банк и с.-х. кооперация. Наоборот, ВСНХ, Наркомторг и другие близкие организации находились под влиянием меньшевистской организации.

Крыленко. Словом, Центросоюз, Наркомторг, Госплан, ВСНХ — это меньшевики, но ВСНХ в отдельных промышленных отраслях, как уголь, топливо, нефть — это Промпартия?

Кондратьев. Да.

Крыленко. Были ли у вас беседы или разговоры, или обсуждения разграничения деятельности в этих областях?

Кондратьев. Я допускаю, что они были, но если бы меня спросили, где они были, то я не мог бы указать, потому что лично я, начиная с 1928 года, далеко стоял от конкретной государственной политической деятельности. Но думаю, что они были.

Крыленко. А в области работы по подготовке того движения, которое вы предполагали возглавить, как вы называли крестьянского, а мы называем кулацкого движения? Скажите, здесь какие-нибудь совместные шаги были, сделано ли было что-нибудь для координации этого рода действий с другими организациями?

Кондратьев. Я думаю, что вас удовлетворит ответ, если я скажу, что была контактная комиссия.

Крыленко. Она объединяла вас, и меньшевиков, и «Промпартию».

Кондратьев. Она объединяла нас с меньшевиками. Я имею в виду контактную комиссию, которая объединяла меньшевиков и крестьянскую партию.

Крыленко. А «Промпартию»?

Кондратьев. А относительно «Промпартии» была сделана попытка создания объединенного центра.

Крыленко. Значит, по отношению к «Промпартии» у вас была попытка образовать единый руководящий центр, попытка, которая после двух заседаний ничем не окончилась. По отношению же к меньшевикам, вы полагаете, было нечто более прочное?

Кондратьев. По отношению к меньшевикам, в области организационной, связи были более прочные. Они были двойного характера: во-первых, они были довольно прочные в отношении обеспечения общности идеологических и тактических установок. Эта связь поддерживалась мною с Громаном, с Сухановым и некоторыми другими. Это с одной стороны — систематическая связь. А затем для деловой связи, для координации действий существовала так называемая контактная комиссия, куда входили от меньшевиков Шер и еще кто-то, — кто, точно сказать не могу, — который был его заместителем, а от крестьянской партии — Юровский и заместителем был я. Задачей этой комиссии была координация практических действий.

Крыленко. В какой области должна была координироваться работа?

Кондратьев. Эта область работы была связана с пятым тактическим принципом деятельности, а именно с вопросом о подготовке вооруженного переворота в СССР.

Крыленко. Вы что-нибудь по этому поводу сумели сделать?

Кондратьев. Я бы затруднился сказать, что что-нибудь было сделано, потому что здесь измерять на аршины трудно, надо говорить только, могло бы быть сделано или не могло бы быть сделано. И потом можно сказать, что период деятельности по срокам был довольно короткий и отчетных данных до момента ареста я не имел.

Крыленко. Склады оружия были?

Кондратьев. Мне неизвестно о существовании ни одного большого склада оружия.

Муранов. А маленькие?

Кондратьев. И маленькие мне лично неизвестны.

Крыленко. Одним словом, была попытка к созданию такой организации. Можно сказать так: создавалось ваше объединение на почве личных связей. Приблизительно к концу 1928 г. и началу 1929 г. политические элементы начинают резко преобладать. С начала 1929 г. начинается уже оформление обе-

динения, совещания по вопросам согласования политической работы. К этому же самому времени начинают относиться такого же рода согласования с «Промпартией». В результате — установление единства идеологии, программы, тактической установки на вредительскую работу, на интервенцию и на организацию повстанческого движения в отдельных районах. Этот же момент — первая половина 1929 года — явился решающим в смысле окончательного оформления. В дальнейшем сближение следовало вплоть до организации того, что вы называете контактной комиссией, со специальными задачами подготовить условия, обеспечивающие успешное выступление повстанческого характера. Так?

Кондратьев. Да.

Крыленко. Разрешите вызвать подсудимого Громана.

Председатель. Подсудимый Громан.

Крыленко. Подсудимый Громан, вы показания Кондратьева слышали? Имеете ли вы что-нибудь по поводу их сказать? Подтверждаете ли вы их? Укажете ли вы, что тут имеется какая-нибудь неточность, неправильность?

Громан. Общий характер изложения не вызывает противоречия, но оттенок, и субъективный и социально-политический, конечно, сказался. Хотя я и сам подчеркивал некоторые моменты различия между меньшевистской оценкой и оценкой «ТКП» политического положения, совершенно подтверждаю, что на почве нашей советской работы вплоть до конца 1927 года мы стояли на позициях довольно различных, как он сказал: я заведывал конъюнктурой в Госплане, он — в НКЗ, были две конъюнктуры — гомановская и кондратьевская, которые боролись и в Госплане и в Совете труда и обороны. Характер наших оценок был индустриальный — поддержка также и пролетарских требований; их оттенок был аграрный, официальный даже оттенок, — постоянные указания на чрезмерный рост зарплаты. У нас, хотя и минималистской, по сравнению с оттенками правительственными, но все-таки гораздо большее признание капитального строительства, чем у них. Но, начиная не с конца 1927 года, как говорит Кондратьев, а более точно (он говорил конец 1927, начало 1928), именно, начиная с постановления XV съезда и чрезвычайных мер по хлебозаготовкам, что было конкретным его выражением, — вот этот момент явился поворотным моментом к сближению, к началу сближения. И не раз даже Кондратьев говорил, что наше сближение началось с момента его опалы, а если он вспомнит, то она произошла в 1928 году. Официальная первая наша согласованная конъюнктура была в марте 1928 года на совещании у заместителя народного комиссара, на его квартире, — у Степана Матвеевича Кузнецова. Вот

с этого момента, когда я заслушала конъюнктуру, тезисы Кондратьева, я сказал, что я в общем и целом к ним присоединюсь, и что мне уже пришлось выступать с аналогичным выступлением в Совете труда и обороны. Тогда в противовес толкованию советского правительства о том, что мы имеем дело с кулацким маневром по хлебу, уже явно направленным на использование своей экономической силы для противодействия социально-политическому курсу, принятому правительством, на который кулаки ответили отказом от сдачи хлеба, я противопоставил чисто экономические объяснения о несоответствии спроса и предложения промтоваров, об отсутствии эквивалента, что потом разнилось с запиской Суханова, о которой также докладывал высшему центру.

С этого момента и началось сближение в понимании хозяйственного положения и в оценке общей политики. Я не знаю, как до этого момента формулировали Кондратьев и его группа общие отношения к советскому строю и хозяйству. Но отношения той группы, из которой выпочковалось «Союзное бюро», которое в это время представляло собой определенную группу лиц, характеризовалось стремлением оказать влияние в течение 1926—1927 г. на политику советского правительства в смысле возвращения к позициям 1925 г., когда формально допускался одновременный рост противоположных форм хозяйства и когда ставилась задача ужиться с крестьянством, лишь медленно перерабатывая его, когда допускалось сотрудничество с буржуазией, лишь постепенно вытесняя ее.

Вот от этой позиции мы повернули к позиции противодействия, в смысле противопоставления в своих планах, а затем к позиции торможения, к позиции дезорганизации, к позиции вредительства, уже в течение 1928 г. постепенно усиливая ее.

Крыленко. Вы расскажите нам историю политических свиданий, политического оформления в этой части.

Громан. История политического оформления так же началась, как подчеркивал и Суханов, с бесед, на которых мы говорили, что мы считаем, что диктатура пролетариата, которая, как мы тогда говорили, превратилась в диктатуру ВКП, должна замениться демократическим режимом, что переходной формой, наиболее желательной для нас, является форма свободно избранных советов.

Крыленко. Мы это знаем. А вы скажите — фактическая сторона политического объединения изложена Кондратьевым правильно или нет?

Громан. В общем и целом, его изложение у меня противоречий не вызывает. Если интересно, то я остановлюсь на оттенках.

Крыленко. Это оттенки тактического и теоретического характера. А вы скажите: практическая история соглашения изложена Кондратьевым правильно?

Громан. Вообще правильно.

Крыленко. В области тактических установок она изложена точно так же правильно?

Громан. Да.

Крыленко. Это относится к концу 1928 и к первой половине 1929 г.?

Громан. Да.

Крыленко. Здесь мы уже имеем форму более тесного объединения?

Громан. Да. Было совещание у Кондратьева в 1928 г., где была попытка договориться с инженерно-промышленным центром, как тогда называлась «Промпартия», которая кончилась констатацией различий, но вместе с тем была допущена возможность обсуждения совместных действий. В дальнейшем у нас были деловые свидания отдельно с «Промпартией», у меня в кабинете с докладами Гинзбурга, и, затем, были общие совещания, о которых свидетель Рамзин чера говорил.

Крыленко. В области тактических установок и программных установок разноречий не вызывалось?

Громан. Нет.

Крыленко. И относительно создания контактной группы, как ее именует Кондратьев, равным образом?

Громан. Да.

Крыленко. В этой плоскости вы подтверждаете, что разноречий нет, вы не усматриваете разноречий, и даты приблизительно точно так же точны?

Громан. Да.

Крыленко. Содержание соглашения также?

Громан. Да.

Крыленко. Разграничение сферы деятельности в хозяйственных органах также?

Громан. Да.

Крыленко. Установка на три основных момента: вредительство, повстанческое движение и интервенция также?

Громан. Да.

Крыленко. Информация относительно интервенции относится тоже к этому периоду?

Громан. Да.

Крыленко. Кондратьев указал, что у него информация (я нарочно переспросил) исходила от Рамзина, после его поездки в Париж. Вы и это подтверждаете?

Громан. Да.

Крыленко. Можно будет попросить Суханова, если больше вопросов нет.

Председатель. Значит, усиление социалистического наступления подталкивало «Союзное бюро», «Промпартию» и «ТКП» на вредительскую работу и на работу по интервенции?

Громан. Правильно.

Председатель. Исключительно это усиливало вашу работу в этой области?

Громан. Совершенно верно.

Председатель. Подсудимый Суханов.

Крыленко. Вы тоже слышали сообщения Кондратьева?

Суханов. Да, я слышал полностью.

Крыленко. Устанавливаете, в общем и целом, правильность его сообщения или наоборот?

Суханов. Я считаю это изложение совершенно точным и достаточно полным. Со своей стороны я бы не мог ничего добавить к его изложению объективного хода вещей. Быть может маленькие дополнения, маленькие уточнения применительно к характеристике моих собственных позиций, но, быть может, это в данный момент суду будет не интересно.

Крыленко. Нет, пожалуйста. Вы можете подтвердить эти совещания, которые были у вас, о которых мы вчера говорили, вчера устанавливали, что они относились к 1928 г., началу 1929 года? Я, специально, свидетеля Кондратьева по этому вопросу не спрашивал.

(К Кондратьеву). Вам известно что-нибудь относительно тех совещаний, бесед, которые устраивались по воскресеньям у Суханова?

Кондратьев. Известно.

Крыленко. Какого характера были эти беседы?

Кондратьев. Эти беседы, которые происходили у Н. Н. Суханова чаще всего, потому, что иногда они были у Громана и изредка у меня, так вот, эти беседы, которые происходили у Н. Н. Суханова, происходили под видом суарэ, каждое воскресенье и любой добрый знакомый Н. Н. мог придти. Но, обычно на ряду со случайными лицами, все же бывало довольно устойчивое ядро, ядро, которое политически было связано в большей своей части с меньшевистской организацией, в меньшей — с крестьянской партией. Заранее установленной программы суждений на этих совещаниях не было, но, в общем, нужно признать, что основной темой каждого вечера служил тот вопрос, та политическая тема, которая в данный момент представляла наиболее актуальное значение. При обсуждении этой темы, обычно, сообщались прежде всего некоторые информационные данные.

Затем шла дискуссия, довольно свободная, на эту тему и, в связи с ней, затрагивались вопросы, гораздо более принципиальные, как в смысле идеологических, так и в смысле практических свойств, которые и послужили тем базисом, на котором вырастал блок. Эти совещания, если дальше их не характеризовать, если это вас не интересует, начались в 1928 году. Мне казалось, что они начались во второй половине 1928 года.

Суханов. Вы не ошибаетесь.

Кондратьев. Затем продолжались в 1929 году и стали несколько реже с конца 1929 года. Последнее совещание, которое я помню, было весной 1930 года.

Крыленко. Скажите, пожалуйста, вы говорите, что эти совещания в период 1928 года, послужили той базой, на которой впоследствии создалось формальное объединение. Меня интересует один вопрос. У Суханова на этих, как он говорит, «суарэ» собирались разные люди. Как постепенно кристаллизировалось это объединение? Происходил ли некоторый естественный отсев, естественная концентрация внимания на определенных политических моментах, или они до конца носили характер таких случайных встреч, правда, систематических?

Кондратьев. Я вам указывал, что, на ряду со случайными элементами, можно было заметить, что на всех этих совещаниях есть достаточно устойчивое ядро, которое, проходя весь этот цикл совещаний, тем самым проходило всю систему вопросов, которые нужны были для выяснения платформы, тактики и т. д.

Крыленко. Получается такая картина: в 1927 году, в конце 1927 года, в первой половине 1928 года у вас уже были предприятия определенные шаги по линии соглашения, или начала соглашения, или попытки первых шагов соглашения с «Промпартией». Это была самостоятельная линия. В то же время идут такие же шаги, такие же встречи, такие же беседы самостоятельного характера с Громаном?

Кондратьев. Да.

Крыленко. В то же самое время идут параллельно, равным образом, такие же совещания, такие же беседы, но уже без конкретных организационных политических оформлений, с Сухановым?

Кондратьев. Я понимаю. В своем общении, которое я дал по вашему вопросу, я указал, что моя связь с Владимиром Густавовичем Громаном началась несколько раньше. Владимир Густавович Громан подтвердил в основном это мое утверждение. Он как будто несколько уточнил дату нашего сближения политического. Я против этого уточнения не возражаю и он, несомненно, прав в уточнении этой даты. Но собственно это уточнение не вносит принципиально ничего нового.

Теперь, отношения мои с Николаем Николаевичем Сухановым я бы охарактеризовал так: они начались несколько позднее, но они сразу стали более интенсивными. Начало их относится к весне 1928 года. Они очень быстро стали интенсивными. Мы очень быстро лично сошлись. Это имеет значение для моего дальнейшего изложения. В то время, когда шли мои беседы с Владимиром Густавовичем Громаном, в это время вкли-

нился Николай Николаевич Суханов, при чем отношения с Сухановым в это время были уже ближе, чем с Громаном. И вот, отвечая теперь на ваш вопрос, я бы сказал, что если с Громаном шли переговоры, которые выясняли основную линию соглашения, то совещания у Суханова, который вошел сюда позднее, те совещания, которые он организовывал у себя — я бы так охарактеризовал наши некоторые совещания более узкие с Громаном, а потом с Громаном и с ним, изредка с ним, Громаном и Финн-Енотаевским — что эти совещания у Суханова являлись своего рода клубом, т.е. более широкий круг лиц там был.

Крыленко. Можете ли вы так сказать, что вы систематически посещали совещания?

Кондратьев. Да.

Крыленко. За длительный период их до начала 1929 г. До февраля 1929 г. это был период, когда Суханов при помощи этих суарэ попытался соединить, объединить, собрать определенный элемент одинаково мыслящих для подготовки образования определенной политической группы, при чем в конце-концов это сделалось излишним, в виду того, что эти группы — и ваша, и Рамзина и Громана — создались сепаратно, но позднее открылись друг другу?

Кондратьев. Вы правы. Дело обстоит таким образом, что Николай Николаевич стремился к формированию группы и через нее к созданию общественного мнения в том духе, как вы сказали.

Крыленко (к Суханову). Вы не возражаете против такого изложения?

Суханов. Да, но маленькая шероховатость получается у Кондратьева, потому что ему и тогда не было известно и сейчас неизвестно время моего вступления в «Союзное бюро». Но излагает он совершенно правильно.

Крыленко. Тенденция такая была у вас?

Суханов. Тенденция такая была, но для этой тенденции такие суарэ, которые соединяли элементы, совершенно различные и безнадежные для создания единомышленной группы (блестящий пример этого сам Кондратьев), эти суарэ для этого не годились. Они имели тенденцию объединить единомышленников на совершенно иной платформе, чем та группа, о которой говорили вчера, т.е. политическая группа. Они имели своей тенденцией и особенно своим результатом, действительно, формирование контрреволюционного общественного мнения. Они служили очень вредной ячейкой, от которой распространялись контрреволюционные идеи и по учреждениям и по более широким сферам и которые объективно сыграли свою вредную отрицательную роль. Но по тенденциям это не могло быть характеристикой той попыт-

ки организовать группу единомышленников на платформе, которая имеется в вашем распоряжении и о которой мы говорили вчера. Что касается последующих месяцев, то именно в 1929 году, а не осенью, как здесь совершенно правильно было указано, фактически весь материал, необходимый для последующего блока «Союзного бюро» с «ТКП», был здесь мобилизован и разработан, в отличие от организационных проблем, которые здесь не поднимались.

Крыленко. Если бы самостоятельно не создалась в это время группа меньшевистской организации и Громана, если бы к этому времени не была окончательно оформлена контрреволюционная группа Кондратьева — Чайнова, то эмбрионы зарождались бы в данном случае у вас?

Суханов. С этим можно согласиться.

Крыленко. Вы в своем показании говорите об этом четко (показание от 20 февраля с. г.): «Блок «Союзного бюро» с «ТКП» был подготовлен во второй половине 1928 г. и осуществлен в 1929 году при непосредственном моем участии. Предварительное обсуждение «платформы» имело место на моей квартире. От лица «Союзного бюро» был также и Громан».

Суханов. Совершенно верна эта формулировка.

Крыленко. Эта роль, эта часть работы Суханова определенным образом выяснена.

Теперь относительно программных и тактических установок — вы слова Кондратьева подтверждаете или тоже у вас здесь были оттенки? Мне не важно знать «историческую» точку зрения и разного рода оттенки, а развитие установок двух контрреволюционных организаций.

Суханов. В конечном счете я не возражаю против изложения Кондратьева, но у меня была эволюция, недостаточно им выясненная и сообщенная, были свои собственные позиции до самого конца, которые Кондратьев в своем изложении упустил из виду.

Крыленко. По этому поводу мы вам дадим возможность еще нам рассказать.

Председатель (к Суханову). Садитесь.

Подсудимый Шер.

Крыленко. Вам приходилось встречаться с Кондратьевым?

Шер. Да, я уже показывал, что я участвовал в контактной комиссии, где мне приходилось встречаться не только с Кондратьевым, но и с Юровским, пожалуй, с Юровским в большей степени.

Разрешите мне внести одну поправку: меня никто никогда не замечал в этой роли, я ее нес один.

Крыленко. В какой области контактная комиссия ставила себе задачу координировать действия?

Шер. В области крестьянских восстаний — я об этом уже докладывал суду. Конкретный план, мною предложенный, заключался в том, чтобы контактировать планы предполагавшихся крестьянских восстаний с той вредительской работой в области снабжения промтоварами, которую выполняла меньшевистская организация. Этот план обсуждался мною, Юровским и Кондратьевым, насколько помню, на одном из первых заседаний. Затем, как я также уже говорил, это оказалось технически неосуществимым и не было приведено в исполнение, ибо переброска товаров из одного района в другой оказалась технически невозможной, потому что планы составлялись на длительный период.

Затем, а бы хотел дополнить еще один пункт — это вопрос относительно кредитной реформы. Как раз в то время, когда происходили заседания этой контактной комиссии, я намечал план передачи денежного обращения в низовку, в кредитную низовку, предполагая, что кредитная низовка должна финансировать ряд процессов — кредитование заготовок сырья, хлебозаготовок и прочее. Этот план я в свое время выдвигал в печати — об этом я буду говорить подробно, когда мы будем рассматривать вопрос о вредительской деятельности.

Антонов-Саратовский. Вы выдвигали кредитную низовку против Госбанка?

Шер. Не против Госбанка, а под руководством Госбанка. Так ставился вопрос официально, а вредительская сторона дела заключалась в том, что я предполагал, что «ТПК», имевшая связи с кредитной низовкой, получит возможность овладеть низовыми ячейками и через них взять в свои руки наиболее ответственный участок денежного обращения, т.е. именно кредитную низовку. В свое время я с этим выступал и это было принято Госбанком. Но практический результат от этого был не отрицательный, а положительный, т.е. вредительство в данном случае не удалось. Организация «ТКП» оказалась слишком слабой, чтобы овладеть этими тысячами кредитных низовок, или были другие соображения, но факт тот, что план не был выполнен и первый результат применения этого опыта был положительным — при хлебозаготовках 1929—30 года получилась экономия около 80 миллионов рублей, так как передача денег на низы дала возможность получить эту экономию на месте. Но этого вопроса я буду касаться потом, а сейчас я могу лишь отметить, что этот вопрос тоже служил темой для обсуждения.

Крыленко. Значит, тут вы ничего не устанавливаете такого, что бы противоречило вашим сведениям и сведениям, сообщенным Кондратьевым?

Шер. Нет.

Крыленко. Теперь у меня вопрос к

Кондратьеву. Вы упоминали, что на некоторых совещаниях присутствовал Александр Юльевич Финн-Енотаевский. Какова была его роль на этих совещаниях?

Кондратьев. Я прежде всего укажу, где он присутствовал, и потом отвечу в точности на ваш вопрос — какова была его роль. Я видел А. Ю. Финн-Енотаевского у Громана и у себя на квартире, но я не видел Финн-Енотаевского вот на этих более широких и систематических, регулярных совещаниях у Суханова. У Громана и у меня Финн-Енотаевский проявлялся очень редко, только в моменты приезда из Ленинграда, так как он был профессором в Ленинградском политехническом институте.

Теперь отвечаю на наш вопрос — какова была его роль.

Роль его ничем не отличалась от нашей роли. Он принимал участие в дискуссиях на те темы, которые ставились, а темы эти обычно носили характер политический. Это было или обсуждение какого-нибудь политического вопроса или более принципиальных вопросов. Александр Юльевич Финн-Енотаевский принимал активное участие в обсуждении этих вопросов, при чем мне казалось, что он очень близко, хотя и с некоторыми отклонениями, стоит к тем позициям, на которых стоят Суханов и Громан.

Крыленко. Можно попросить Финн-Енотаевского?

Председатель. Подсудимый Финн-Енотаевский.

Крыленко. Вы сообщение гр-на Кондратьева слышали?

Финн-Енотаевский. Да, слышал.

Крыленко. Подтверждаете вы его?

Финн-Енотаевский. Нет, оно не совсем точно. Я хочу конкретизировать, о чем мы говорили, и напомнить ему. Когда я присутствовал у него, это не было особое специальное совещание, это было приглашение Кондратьева прийти к нему пообедать. Потом пришли Громан и Суханов и были всякие разговоры. Точно так же сказал и Громан, что я пришел на совещание и не знал, на какое совещание попал. Если бы я это сказал, это была бы ложь, ведь я же не ребенок. Но если я пришел к человеку обедать и ужинать и он звонит по телефону — приходите ко мне, у меня Финн-Енотаевский из Ленинграда, — ведь это же не совещание, а в моем присутствии вентиляция тех вопросов, которые они до меня и без меня бесконечное число раз повторяли. Он и говорил, что нам приходится повторяться. Вопросы, совершенно верно, были текущие. Какие разбирались вопросы? Разбирались вопросы о пятилетке — это было раз, второй раз — в 1928 году... Между прочим, я обращаю внимание, что сообщение Кондратьева о вредительстве в 1929 году со-

вершено верно; когда я буду говорить об информации — скажу...

Председатель. А что же вы считаете основными вопросами?

Финн-Енотаевский. Я скажу — я говорю, что это сообщение соответствует тому, о чем я буду говорить в будущем. Так вот, вопрос был о пятилетке, освещении того, какие перспективы ожидают пятилетку, и подробные показания на этот счет — о чем говорили Громан и Кондратьев. Сухановскую точку зрения я себе не уяснил и с Сухановым вообще я очень мало виделся: Суханова я видел только у Кондратьева раза два и общих точек зрения и соприкосновений с Сухановым у меня не было.

Я должен сказать, что по вопросу о пятилетке я был больше слушающим, чем дающим, потому, что этими вопросами я не занимался. Но чем интересовались и Кондратьев и Громан, совершенно верно — я им освещал положение мирового хозяйства. В этом отношении мы резко расходились с Кондратьевым. С Кондратьевым по этому вопросу я дискутировал в апреле 1929 г. в РАНИОН. Моя и его точка зрения были различны — на организованный капитализм, стабилизацию они не совпадали, как об этом заявлял Громан. Я предсказывал неизбежность кризиса в Соединенных Штатах, который и наступил. Между тем, точка зрения Кондратьева была совершенно иная. Я бы сказал, что он был последователем той школы буржуазно-экономической, новейшей, которая стоит на точке зрения организованного капитализма, стабилизации, которая стоит на точке зрения того, что кризис исчезнет. Эту точку зрения я не разделяю, я ее опровергаю. Правильность моя подтвердилась жизнью. Об этом говорить уже нечего. Что же касается вопроса о «пятилетке», который был в руках того же Кондратьева — Громана, то безусловно я в этом вопросе был профаном по сравнению с другими. Это одна часть.

Вторая тема разговоров, важная тема, политическая, затрагивалась в апреле 1929 г. — один раз у Кондратьева, а другой раз у Громана. Это вопрос центральный, единственный вопрос. Вопрос о разногласиях в ВКП. Я прекрасно помню, что я был приглашен на обед Николаем Дмитриевичем Кондратьевым. Он на этом обеде рассказывал о закулисной стороне, о различных сообщениях по поводу происходящего разногласия в ВКП. Потом опять-таки он позвонил Громану. Явились Громан, Суханов неожиданно, как всегда. Обсуждался вопрос о ВКП. Разговор, что в высшей степени важно, заключался в том, что среди ВКП назревают сильнейшие разногласия и что нужно ожидать победы правого уклона. Я должен подчеркнуть, что тогда говорилось о том, что в связи с ухудшением экономического положения кризис дол-

жен наступить или в июле 1929 г., или осенью, в связи с урожаем. Здесь происходило чисто теоретическое обсуждение вопроса.

Крыленко. Чисто теоретического характера?

Финн-Енотаевский. Да. Ориентация была на ВКП, на правый уклон. Я совершенно определенно заявляю, совершенно определенно подчеркиваю, что в высказываниях ни о какой контрреволюционной организации, ни о каких практических мероприятиях не говорилось в моем присутствии; обо всех изменениях, которые произошли, я узнал после — об этом я доложу, когда перейдут к этому вопросу.

Но относительно вопроса, который тогда обсуждался, я должен напомнить следующую факт. Я был тогда шесть дней и меня пригласил Михаил Иванович Богослов на заседание по обсуждению финансового плана, где я присутствовал в качестве гостя. На этом заседании присутствовал Сокольников, у которого я спросил: «вы член ЦК, скажите, действительно ли так обстоит дело в среде ВКП»? Он мне ответил, что это все вздор, что линия Сталина победит, и что все эти разговоры ни на чем не основаны. На следующий день я позвонил Кондратьеву и говорю: «все календари врут, нет пророка в своем отечестве».

Крыленко (к Кондратьеву). Вы в области фактической можете подтвердить то, что встречи такие были, что по звонку приходили Суханов и Громан, что разговоры были с одной стороны о перспективах пятилетки и ее значении для укрепления, или, наоборот, расшатывания советской власти, об исполнении в соответствующих целях правого уклона. Было это или нет? Потом внесите поправки, какие считаете необходимыми.

Кондратьев. Я подтверждаю, что такие встречи имели место, и здесь новое, что сказал Финн-Енотаевский, что я должен подтвердить, это то, что действительно по звонку приходил Громан, а иногда Суханов, или наоборот. То, что он встречался с ними, или со мною у меня или у Громана, это я подтверждаю и подтверждаю, что я никогда не видел его у Суханова. Я подтверждаю мысль А. Ю. Финн-Енотаевского, что он был гораздо ближе с Громаном и значительно более далек от Суханова. Не знаю, встречались ли они в другом месте, но я видел его или у себя, или у Громана.

Очень интересно сказать о том, как мы смотрели на вопросы мирового экономического кризиса, но, может быть, это не так актуально и я сейчас не буду касаться этой темы, но подтверждаю, что в присутствии А. Ю. Финн-Енотаевского вопросы о политическом положении в стране, о том, что он имел в виду в связи с разногласиями внутри коммунистической партии, а равным образом вопро-

сы экономических перспектив в связи с пятилетним планом, — я, может быть, всех не в состоянии сейчас припомнить, — но эти вопросы обсуждались. Я могу прибавить к этому имеющее значение для Верховного суда мое впечатление, которое заключалось в том, что я чувствовал, что Финн-Енотаевский гораздо менее ориентирован в вопросах политической и контрреволюционной борьбы, чем, скажем, Суханов и Громан. Он, в своих суждениях, иногда казался мне довольно наивным, хотя и проявлял очень большой интерес.

Крыленко. Но активная установка этих бесед была совершенно определена, это было обсуждение положения экономического, политического и иного с точки зрения перспектив будущего, завтрашнего дня, с точки зрения ожидавшегося того или иного пути ликвидации советской власти?

Кондратьев. Да.

Крыленко. Этот политический привкус был четок?

Кондратьев. Вполне.

Крыленко. То, что, участвуя в этих совещаниях и описывая с этой точки зрения мировое хозяйство и его кризис, он даже при обсуждении таких абстрактных проблем, как вопрос будущего американского кризиса, об этой исходной точке зрения был осведомлен?

Кондратьев. Мне так казалось.

Крыленко. У меня больше вопросов нет.

Коммодов. Скажите, пожалуйста, к какому периоду времени относится ваше знакомство с Финн-Енотаевским?

Кондратьев. Этот вопрос для меня неожиданный, я о нем не думал, я сейчас припомню. Мое знакомство с А. Ю., думаю, что относится к 1928 г., он может меня поправить, я думаю, что я с ним встретился или у Громана, или в Бронского, или в Наркомфине. Точнее, может быть, это было к концу 1927 г.

Коммодов. Приходилось вам когда-нибудь сталкиваться в сфере научных изысканий или научных докладов с Финн-Енотаевским?

Кондратьев. Да, приходилось.

Коммодов. Здесь совпадали ваши точки зрения или нет? Правильно указывает Финн-Енотаевский, что вы часто спорили?

Кондратьев. Довольно часто спорили, и наши точки зрения довольно часто не совпадали.

Коммодов. Может быть, этот вопрос сейчас не актуален, но для ориентации скажите, правильно он указывает, что в прогнозе о возможности стабилизации капитализма в Соединенных Штатах его точка зрения была противоположна, что он указывал на возможность ближайшего кризиса, который действительно потом разразился, и что вы стояли на иной позиции?

Кондратьев. Если бы вы иначе поставили вопрос, я мог бы вам на него ответить более определенно, но я отвечаю и сейчас на ваш вопрос. Дело в том, что наши точки зрения по этому вопросу не являются секретом. Они опубликованы в специальной брошюре, в которой имеется доклад Александра Юльевича Финн-Енотаевского, о котором он здесь говорил, и моя речь, посвященная критике его доклада. Я должен сказать, что подтверждаю полностью ту мысль, что Александр Юльевич Финн-Енотаевский стоял на точке зрения той, что в капиталистических условиях, даже и американских, нет возможности предполагать, что возможно избежать экономических кризисов. Мне несколько неловко говорить о себе. Я, пожалуй, лучше сошлюсь на напечатанное мною, потому что мне приходится несколько спорить с Александром Юльевичем. Я только укажу на следующее, что он правильно интерпретировал мою мысль, что экономический кризис будет безусловно избегнут. Я не буду развивать эту мысль, но если это интересно, если это имеет значение для суда или для каких-нибудь других целей, то можно ее прочитать в напечатанной брошюре. Я полностью подтверждаю здесь характеристику, данную Александром Юльевичем.

Коммодов. Несомненно, он чувствовал и должен был чувствовать, знал и должен был знать этот политический привкус. Но давал ли он вам основания думать, что он, как политический деятель, осведомлен не только о вопросах организационных, но и о вопросах тактики и борьбы, или может быть в нем действительно сказывался кабинетный ученый, с совершенно определенной идеологией, который далек от вопросов практической политики, практической борьбы?

Кондратьев. Я уже сказал до вашего вопроса, что у меня было впечатление, что Александр Юльевич Финн-Енотаевский значительно меньше ориентирован во всех вопросах практической контрреволюционной деятельности, которой мы занимались, чем, скажем, я, чем Громан и Суханов. Я тоже подтверждаю, что сказал уже, что тем не менее у Александра Юльевича Финн-Енотаевского был определенный интерес к этим вопросам и, поскольку он принимал участие в этих наших беседах, мне казалось, что он отдает себе отчет, в какого рода совещаниях он принимает участие. Затем я подтверждаю эту мысль и тем самым отвечаю на ваш вопрос, который вас интересует, что Александра Юльевича, независимо от того, как я его квалифицирую как политического деятеля, я считал и считаю достаточно крупным ученым экономистом, имеющим мировое имя в некоторых вопросах. Этим я отвечаю на ваш вопрос.

Коммодов. Преимущественно финансового характера?

Кондратьев. По преимуществу теоретически-экономического характера.

Коммодов. И последний, несерьезный вопрос, но имеющий значение для оценки. Был ли такой случай, что он позвонил вам по телефону и сказал, что есть пророк в своем отечестве?

Кондратьев. Он сейчас только сказал, что все врут календари.

Коммодов. Он сказал, что нет пророка в своем отечестве?

Кондратьев. Он был всегда довольно парадоксален в своих суждениях. Я не могу отрицать, что он мне этого по телефону не говорил, но не могу и утверждать, что он этого не сказал. Может быть и сказал, потому что я помню, что он мне в разговоре с Сокольниковым говорил о той самой беседе, о которой он сейчас упоминал. Но точно эту фразу я не могу припомнить.

Крыленко. По существу этот вопрос носит характер несколько иной. Вот теперь вы только что говорили о крестьянских восстаниях, которые вы хотели организовать, о массовых восстаниях и т. д. Указывали потом, что все-таки в этой области едва ли что удалось организовать или почти ничего не удалось. Как сейчас вы строите ваши перспективы и оценки положения в этом отношении?

Кондратьев. Отвечая на вопрос гражданина прокурора, считаю необходимым так формулировать свой ответ. Я здесь выступал, как свидетель, по делу меньшевистской организации, но одновременно, как ясно из моих показаний, я говорил, в сущности, и о той контрреволюционной деятельности, которую вел я сам. И поэтому, естественно, возникает тот вопрос, который поставил прокурор, — как я отношусь к своей контрреволюционной деятельности в прошлом — в данный момент.

Крыленко. Это ваше право говорить на эту тему. Меня интересует с точки зрения судебного дела вопрос о том, как вы оцениваете попытку, которая вами была произведена или которую хотели произвести, по организации крестьянских восстаний. Вы пытались организовать крестьянские восстания. Как вы относитесь к этому факту? И затем, если хотите, ваше общее отношение к этому вопросу.

Кондратьев. Уже собственно и в самих интересующих вас организациях, начиная, примерно, с января 1930 года, в связи с массовой волной коллективизации, у некоторых лиц возникали вопросы и сомнения о том, каковы перспективы той работы, которую вели до сих пор эти организации. Вот, отвечая на ваш вопрос в той плоскости, как вы его поставили, как я расцениваю перспективы, лично мне кажется, что после того перелома, который произошел в деревне в

отношении коллективизации и при том отношении крестьянства к попытке к.-р. организации влиять на него до этого перелома, я лично думаю, что шансов на успех тех семян, которые были брошены в этом направлении, никаких нет.

Крыленко. Еще один дополнительный вопрос перед тем, как вы будете выявлять ваше общее отношение.

Вы претендовали называть себя «крестьянской партией». В связи с тем, что эти попытки показали вам, что никаких шансов нет, та терминология, которую мы даем в обвинительном заключении, что это были попытки или шансы построить свою тактику не на основании крестьянских восстаний, а на основании выступления кулацкой верхушки деревни, объективно будет правильна?

Кондратьев. Субъективно наша установка была на то, что это должна быть в перспективе крестьянская партия с большими возможностями в стране. Объективно она оказалась тем, как вы изволили сказать.

Крыленко. Теперь можете перейти к вашему общему изложению.

Председатель. У защиты вопросы есть?

Коммодов. Нет.

Кондратьев. Я просил бы суд дать мне возможность высказать несколько соображений в дополнение к тем ответам, которые я давал на заданные вопросы, по поводу той деятельности, в которой я принимал участие.

Председатель. Пожалуйста.

Якубович (с места). Разрешите мне задать вопрос свидетелю Кондратьеву.

Председатель. Пожалуйста.

Якубович. Я бы хотел, чтобы свидетель Кондратьев ответил по поводу того, какое понимание было у «Трудовой крестьянской партии» и, поскольку ему известно, у меньшевиков значения и роли интервенции в деле совершения контрреволюционного переворота. Такое, как у «Промпартии», которая смотрела таким образом, что интервенция есть непосредственно орудие контрреволюционного переворота и наша внутренняя контрреволюционная деятельность является только содействующим средством, способом помощи интервенции в деле свержения советского режима? Или, как я это указывал вчера, точка зрения, которая существовала у меньшевиков и, мне кажется, у «ТКП» — мы смотрели на интервенцию, наоборот, как на средство, содействующее завершению советского переворота, произведенного внутренними контрреволюционными силами, т. е. «Промпартия» считала, что интервенция есть основное средство, а мы попутчики, помощники, а наше понимание интервенции было таково, что мы совершаем контрреволюционный переворот, а интервенция является самостоятельным средством?

Крыленко. Этот вопрос уже выяснен в порядке ответа на заданные мною вопросы, и мне кажется, что он выяснен довольно четко. Может быть, обвиняемый прослушал, но ответ был четкий. Я в своих вопросах подчеркнул два периода отношений к интервенции — первый и второй — и ответ был дан довольно точный.

Председатель. Я считаю, что нам эта картина достаточно ясна из тех вопросов, которые были в порядке ведения судебного следствия, и нет надобности еще раз повторять тот вопрос, о котором здесь говорилось.

Кондратьев. Даже сейчас здесь я считаю возможным и необходимым сказать, что я принимал участие, активное, даже руководящее участие в контрреволюционной деятельности, руководствуясь идейно-политическими соображениями. Даже сейчас я считаю необходимым утверждать, что никакой личной материальной заинтересованности в борьбе с революцией и в частности с социалистической революцией у меня не было ни по моему социальному происхождению, ни по моему прошлому, ни по моему социальному положению. И тем не менее я участие в контрреволюционной деятельности принимал. Вот при указанных условиях я свое участие в контрреволюционной деятельности могу связать и связываю только с общим духом тех политических воззрений, которые я усвоил на протяжении своего развития. Именно эти политические воззрения привели меня к тому острому конфликту с линией политики соввласти, а тем самым и с революцией, в котором я нахожусь.

Общий дух моих политических воззрений я мог бы характеризовать, как дух принятия реформизма, социального реформизма, эволюционности или постепенности в развитии. И мне казалось, что даже две революции, пережитые нами — Февральская и даже Октябрьская, — лишь открывают возможности для дальнейшего глубокого преобразования социального строя, но не открывают возможности непосредственного строительства социализма. Мне казалось, что основное препятствие для этого лежит у нас в крайней отсталости, патриархальности сельского хозяйства. Поэтому я думал, что здесь, именно в этой области сельского хозяйства, попытка непосредственного социалистического строительства не может принести благоприятных результатов, а, наоборот, столкнется с жизненными интересами этой подавляющей части населения и может дезорганизовать сельское хозяйство, а тем самым и народное хозяйство. Вот отсюда, из этой невозможности социализма непосредственно строить сельское хозяйство, я и делал заключение о его невозможности существования у нас вообще.

Сделав такое заключение, я, естествен-

но, ответил себе, что возможности развития производительных сил сельского хозяйства, а тем самым и возможности развития нашего народного хозяйства вообще, у нас в данную историческую эпоху лежат и могут быть осуществлены на основе прежде всего частнохозяйственного, буржуазного пути. И отсюда я думал, что моя обязанность, будучи последовательным, исходя из предшествующих положений, отвергать все те построения в области политики, которые противоречат вышеизложенным положениям.

Отсюда я был противником напряженных темпов индустриализации, я был противником напряженных темпов развития, в особенности тяжелой индустрии, я был противником слишком далеко идущих регулирующих мероприятий в области народного хозяйства вообще. Иначе говоря, я имел концепцию, которая, если ее сопоставить с концепцией социально-экономической политики, которую сейчас осуществляет советская власть, — была глубоко отличной от концепции советской власти.

Но пока у нас был нэп первой формации, т. е. в период с 1921 по конец 1926 года, имея вот эту реформистскую установку, как я ее характеризовал, я не чувствовал для себя невозможным активно и положительно сотрудничать с советской властью, и я и сотрудничал в этот период. Но вот, когда, имея вот эту идеологическую установку, как я ее охарактеризовал, я столкнулся с фактом начавшегося сначала более или менее эпизодически, а потом систематически, чем дальше, тем больше — социалистического наступления, когда я увидел, что это социалистическое наступление сопровождается обострением экономических трудностей и классовых противоречий, и даже политических противоречий в стране, когда я, переоценивая и тенденциозно оценивая положение, отсюда делал заключение о неизбежности краха социально-экономического и политического строя в стране, — я сделал вывод, что та система, которой я придерживаюсь и которую я уже здесь охарактеризовал кратко, которая пришла в полный конфликт с новой установкой советской политики, — что это та система, при помощи которой я обязан противодействовать новому порядку. Это противодействие началось, и началось в сущности, с легальной оппозиции. Но всякая политическая борьба имеет свою логику и, начавшись с легальной оппозиции, эта борьба привела меня постепенно и к различным формам нелегальной и преступной борьбы, которая вот здесь достаточно рельефно была выявлена, вплоть до — в конечном итоге — установок вредительского характера, вплоть до признания в той или иной форме необходимости использования интервенции.

Теперь, в итоге сомнений, начало которых относится уже к началу 1930 года, в итоге многочисленных анализов, проведенных совершенно свободно и без всякого давления извне, — я пришел к следующим выводам по поводу как моих взглядов, охарактеризованных здесь, так и действий, которые из них вытекали. Прежде всего я убедился в том, что мое понимание сущности социально-политического развития, которое я характеризовал, было по существу ошибочным, а по своим результатам контрреволюционным. Далее я убедился в том, что хотя по субъективным моим устремлениям моя идеология, как мне казалось, отвечала интересам очень широких трудящихся масс, в особенности крестьянской среды, из которой я вышел, но объективно оказалось, что моя идеология отвечала интересам лишь определенной, наиболее буржуазной, и даже определенно кулацкой части деревни и интересам буржуазной реставрации вообще.

В-третьих, мне стало ясно, что в значительной мере в силу указанных только что обстоятельств даже та идеология, которой я придерживался и которая, оказалось, имеет известную почву в действительности, даже эта идеология не встретит сочувствия масс. Я отсюда сделал заключение, что политическая борьба против советской власти, даже ведущаяся под флагом такой партии, которую я пытался организовать, не встретит сочувствия страны и еще меньше сочувствия должна встретить политическая борьба таких групп, как меньшевики или, скажем, инженерный центр.

Четвертое. Мне сейчас вполне ясно, что в силу только что сказанного всякая политическая борьба даже в идейном выражении начинает в силу внутренней логики вещей вырождаться и приводит либо к признанию на практике вредительских действий, системы вредительских действий, либо к принятию интервенции. Я шел бы даже далее — я считаю, что не только нелегальная борьба, но, строго говоря, всякое отклонение от основной принятой государственной линии в столь ответственный напряженный момент строительства, который мы имеем сейчас, даже в форме легальной оппозиции, при неосторожном отношении к этому — является лишь этапом предварительным, вступив на который последовательный человек неизбежно придет к дальнейшему этапу, т.е. он проделает весь тот путь, который бы проделан нами.

Учитывая все эти обстоятельства, я не только считаю ошибочными свои теоретические идеологические установки, но в то же самое время считаю преступной всю свою практическую деятельность, поскольку она была направлена на задачи борьбы с советской властью, на задачу борьбы со строительством в Советском Союзе.

Я просил бы разрешения, в дополнение к сказанному, указать на те основания, которые привели меня к такого рода переоценке ценностей. Я не буду здесь особенно пространен. Те обстоятельства, которые я имел возможность совершенно свободно обсудить, продумать, сводятся к следующему. Для меня, пожалуй, решающим, говоря откровенно, по совести, обстоятельством явился перелом в области сельского хозяйства, перелом, который заключался в том, что крестьяне, отсталость которых и связанность с частнохозяйственными интересами, в сущности говоря, являлись отправными моментами во всей моей политической концепции, что эти крестьяне заняли совершенно не ту позицию, которую, как я ожидал, они должны были занять по объективному ходу вещей. Как Громан еще зимой 1930 года, отвечая на мои сомнения, возникшие и т. д., сказал, что Кондратьев разочаровался в деревне. Это действительно было наличие разочарования не в деревне, а в сущности разочарование в той системе взглядов, которая была до сего времени. Я прекрасно знаю, что та волна коллективизации, которая имела место, сопровождалась величайшими трудностями, величайшими трениями. Это я все знаю, и, тем не менее, поражающим для меня является то, что в итоге всех этих затруднений в результате мы имеем настолько высокую норму уже перешедших на коллективные основания индивидуальных хозяйств, что это иначе, как изменением ориентации крестьянства в его отношении к программе коллективизации сельского хозяйства, назвать не в состоянии. Если к этому прибавить те успехи, которые имели место при проведении весенней посевной кампании, где коллективные молодые хозяйства дали чрезвычайно высокую подготовку, опять-таки вопреки моим ожиданиям, то я еще больше убежден в той квалификации, которую я даю сейчас перелому, происшедшему в деревне. Этот перелом заключается и по другой линии, по линии строительства совхозов. До последнего времени, зная хорошо практику совхозного строительства прошлых лет, я не относился серьезно к совхозам. Но практика последних лет показала, что я и здесь недооценивал возможности и ошибался. Вот — первое обстоятельство, которое после длительных и тревожных суждений и размышлений заставило меня перейти к переоценке ценностей.

Второе обстоятельство. Второе обстоятельство заключается в совершенно необычных, я бы сказал, успехах индустриализации страны. Я знаю, что и здесь очень много тяжелых ошибок, недоразумений и трений, но объективно бесспорным остается тот факт, что Советский Союз организовал такие темпы развития индустрии и такие темпы накопления

в стране, каких мир никогда не видывал. Почти вся экономическая наука держалась того взгляда, что государственное хозяйство, даже государственное хозяйство буржуазного строя, государственные предприятия и муниципальные предприятия, как правило, всегда менее эффективны, чем частные, и поэтому отсюда заключение о невозможности, тем более постройки всего народного хозяйства на началах обобществления. Факты последнего времени, нужно сказать, разбили это опасение.

И, наконец, третье обстоятельство, которое является для меня решающим фактором, это следующее: я прекрасно отдаю себе отчет в том, что строительство социализма, особенно в наших условиях и при наших условиях исторической отсталости народного хозяйства, может идти с величайшими трудностями. Эти трудности заключаются в том, что мы нищей технически и мало подготовленной стране ставим такие большие задачи, и именно эта тяжесть задачи требует от массы трудящихся величайшего напряжения, с одной стороны, и величайших жертв, с другой стороны. Я бы проиллюстрировал свою мысль тем, что, скажем, те величайшие темпы развития, которые мы имеем, требуют очень высоких норм, невиданных норм накопления в стране. Но накопления в стране есть всегда самоограничение населения в смысле непосредственного потребления, и если массы несут безропотно эту тяжесть, если, неся безропотно эту тяжесть, идут на величайшие напряжения в смысле поднятия производительности труда, то это для меня совершенно ясно в конечном итоге, хотя я этого раньше недооценивал, что мы имеем дело с сознательным отношением масс к этому строительству, что мы имеем также дело и с определенным типом энтузиазма масс в их строительстве.

Вот три основных факта, которые с каждым днем подтверждаются все больше и больше и заставляют меня прийти к необходимости переоценки ценностей. Отсюда я делаю выводы. Эти выводы таковы: в отличие от предшествующих моих построений, я считаю, что сейчас уже нельзя и нет никаких предпосылок, чтобы сомневаться в возможности строительства социализма в одной, и в том числе, в нашей стране, при условии существования диктатуры пролетариата. Во-вторых, я считаю, что пути этого строительства достаточно определены, последовательно и правильно указаны той генеральной линией, основной линией политики, которую осуществляет советская власть.

Также я отдаю себе отчет в том, что жны быть сведены и сводятся, с одной стороны, к задаче быстреего переустройства, на началах обобществления, сельского хозяйства, на началах обобщес-

ствления как крестьянского индивидуального хозяйства, так и советского хозяйства, дальнейшего развития его, как это делается сейчас. При чем я думаю, не касаясь частных вопросов, что такая задача, как задача ликвидации кулачества как класса, такая задача, как сплошная коллективизация, являются лишь логически неизбежными при последовательном проведении этой основной задачи реконструкции сельского хозяйства на коллективистических началах.

Я считаю также, что вторым основным руслом осуществления генеральной линии действительно является индустриализация страны и при том, в особенности, по линии строительства тяжелой индустрии, ибо строительство по линии тяжелой индустрии является не только борьбой за социализм, но и борьбой в смысле возможности защиты социализма.

Делая эти основные выводы, я обобщаю эти выводы таким образом, что считаю по совести обязанностью каждого гражданина советской республики не только честно, но и вполне активно содействовать быстрому, наиболее успешному и полному осуществлению задач, выдвигаемых генеральной линией или программой политики, проводимой советской властью. Но для тех, кто вместе со мной активно боролся против этой линии, по тем или другим соображениям, я считаю, что, помимо этого долга, есть еще предварительный долг. Этот долг заключается в том, если кто-нибудь колеблется, решить для себя окончательно необходимость сложить оружие прежде всего. Вот когда я думаю об этом оружии, которым я вместе с другими и, может быть, больше, чем другие, боролся, то мне приходится сказать, что в нашей прессе и в общественном советском мнении это оружие получило достаточно, для меня по крайней мере, внушительное и ясное наименование, наименование «кондратьевщины» (смех в зале). Я также знаю и думаю, что я не заблуждаюсь, что это оружие «кондратьевщина» имело ту особенность, что в самой социальной нашей действительности были и есть еще элементы, которые приводили к постоянному подновлению, возрождению, регенерации этого оружия. Вот какая особенность и, если угодно, какая опасность была.

И вот, отдавая отчет себе в этом и принимая во внимание, что я сказал выше, я позволю себе сказать так: что я в итоге сказанного уже не считаю себя возможным именовать кондратьевцем. Я считаю необходимым не только для себя, но и для тех, которые вместе со мной боролись указанным оружием, сложить это оружие, прежде всего, и не только сложить его, а потом его и разрушить и разрушить не только его, но и те элементы в социальной действитель-

ности, которые приводили к его возрождению.

Позвольте на этом закончить.

Председатель. Комендант, уведите свидетеля.

Объявляется перерыв на 15 минут.

Председатель. Заседание возобновляется.

Крыленко. Мы закончили вопросы создания политического блока с некоторыми контрреволюционными организациями, в общем и целом, закончили анализ существа работы и основных установок «Союзного бюро» после его образования в 1928 году. Сейчас надлежало бы перейти к изучению и исследованию моментов конкретной живой связи «Союзного бюро» с заграничным центром, моментов, связанных с приездом из заграничной делегации Абрамовича и делегированного заграничным центром меньшевиков Броунштейна. О том, что Броунштейн был делегирован сюда заграничным центром, об этом говорит официальный документ из декларации заграничного центра, который мы здесь оглашали и который приобщен к делу. Я попросил бы вызвать подсудимого Шера по этим вопросам.

Председатель. Подсудимый Шер.

Крыленко. В показаниях, которые здесь давались другими подсудимыми, было указано, что в результате поездки в конце 1928 года Петунина уже были получены сведения о том, что меньшевистский контрреволюционный заграничный центр намерен для укрепления связи послать кого-либо в СССР. Что вам известно по поводу таких приездов? Кто приезжал в 1928 г.?

Шер. В 1928 г. приезжал сюда Абрамович, а в 1929 г. приезжал Броунштейн.

Крыленко. Вы сначала подробно расскажите об Абрамовиче, а потом о Броунштейне.

Шер. О приезде Абрамовича «Союзное бюро» было осведомлено заранее. Не помню точно, от кого получил эти сведения Громан, через кого получил письмо, предупреждающее об этом. По всей вероятности от Штерна, который в это время поддерживал связь с заграницией. Абрамович должен был приехать в Россию и мы его ожидали. Об этом меня предупреждал Громан. И, действительно, летом 1928 г., примерно, в июле месяце, я уточню это впоследствии, хотя помню хорошо, что это было летом 1928 года, когда я его ожидал, последовал мне звонок по телефону с вокзала, при чем звонивший спросил, дома ли я и не могу ли я подождать приезжего. Я задержался дома и не поехал на службу. Ко мне на квартиру приехал Абрамович. Он сохранил по внешности почти тот самый вид, который мне был известен по нашим встречам в 1917 году. Когда я несколько удивился, что он так мало изменился и

постарел, он мне сказал, что вынужден был немного подмолодиться для того, чтобы его внешность соответствовала возрасту по паспорту, по которому он проехал. Он мне указал, что проехал по паспорту немецкого товарища, кажется назвал фамилию, но я сейчас ее не помню. Приехал он через Ленинград.

В разговоре, который у нас был, он выразил желание повидать членов «Союзного бюро» и вести с ними беседы. Мы условились тогда же, что я ему эти встречи организую, условились также, что мы вечером встретимся для того, чтобы поехать ко мне на дачу на станцию Алабино, по Брянской жел. дороге, и провести там следующий день — это кажется было воскресенье, во всяком случае какой-то праздник.

Так и было. Я вызвал по телефону Гинзбурга, которому сообщил о приезде Абрамовича, и мы условились с Гинзбургом, что он вечером будет иметь свидание с Абрамовичем, при чем Гинзбург настаивал, чтобы оно происходило не в служебном кабинете, а где-нибудь за городом. Он предложил встретиться в Сокольнической роще, в Сокольниках. Гинзбург предлагал, чтобы встреча произошла путем условленного знака: у Гинзбурга будет в кармане книжка в желтой обложке, его сочинение, на которой крупными буквами напечатана его фамилия. Он полагал, что Абрамович его таким образом легко узнает. Я отверг такого рода конспиративный прием, думая, что это может привести к недоразумению, и сказал, что будет лучше, если я сам привезу Абрамовича и познакомлю с Гинзбургом. Потом я вызвал Залкинда, и мы условились относительно встречи на квартире.

Вечером мы встретились с Абрамовичем на Брянском вокзале. Я взял ему билет, и мы поехали вместе до станции Алабино, Брянской дороги. На даче он провел ночь и следующий день. О беседах, которые у нас были, я расскажу позднее, а сейчас остановлюсь на схеме внешних событий.

На следующий день к вечеру Абрамович хотел поехать в Москву. Я предложил ему устроить ночлег у себя на квартире, но он указал, что у него сохранились старые знакомые и он воспользуется ночлегом в другом месте. Во всяком случае он уехал с дачи, при чем я ему предоставил лошадь и пролетку. Он поехал не по Брянской дороге, а по Александровской в целях конспирации, чтобы не проходить по тому же самому вокзалу.

На следующий день к вечеру Абрамович был у меня, — это было уже после праздника, — и я организовал ему встречу с Гинзбургом. Мы отправились вместе в Сокольники, насколько помню, поехали на такси к Сокольническому кругу, где Гинзбург ожидал на шоссе, которое идет к Богородскому.

Мы пошли по этому шоссе, встретили Гинзбурга, я их познакомя и при беседе уже не участвовал—уехал опять в город. На следующий день было свидание с Залкиндом. Залкинд позвонил мне по телефону, явился ко мне вечером, ко мне же пришел Абрамович и у них произошла беседа—между Залкиндом и Абрамовичем, частью в моем присутствии, частью в мое отсутствие.

Что касается Громана, то он в это время хворал, и, насколько я помню, уже после моего отъезда состоялось свидание Абрамовича с Громаном, при котором присутствовали и другие члены «Союзного бюро».

Что касается дальнейших событий, то мне было известно, что Абрамович собирается побывать на периферии. Он имел в виду свои старые связи по Бунду, хотел побывать в Минске, затем, кажется, хотел побывать на юге, возможно, что и нет. Во всяком случае, его обратный приезд в Москву мне уже неизвестен, ибо я тогда спешил в отпуск и в отпуск уехал. Так как отпуск был приурочен к началу охоты, к 1 августа, и я на месте был за несколько дней до начала, т.е. примерно 25 июля, то, следовательно, все это можно отнести к 10—15 июля. Я восстанавливаю здесь внешнюю сторону событий.

Крыленко. По существу вам приходится беседовать?

Шер. Да. По существу мы вели подробные беседы. Что касается содержания бесед, то они сводились к двум разделам. Во-первых, к самым функциям «Союзного бюро» и к отношению его к заграничному центру. Абрамович указывал, что наши претензии именоваться русским ЦК вряд ли правильны, что мы ЦК не являемся, поскольку мы сложились в процессе работы, и что мы недостаточно полномочны для того, чтобы носить такое название. Поэтому он возражал против этого и указывал на то, что нашей организации следовало бы именоваться иначе и следовало бы стать в иные взаимоотношения со II Интернационалом, поскольку он предполагал, что наименование «русского ЦК» даст нам непосредственную возможность через то или иное посланное лицо иметь сношение с Интернационалом. Он предлагал нам наименование «Союзного бюро» или «Русского бюро», как он говорил, т.е. Русское бюро ЦК, разумея, что ЦК за границей делегирует нам часть своих прав, точно так же, как оно делегировало некоторые права мне по созданию этой организации. В данном только случае вместо единичного лица будет коллектив или, как он выражался, «Русское» или «Союзное бюро», которое будет выполнять функции центральной меньшевистской организации. Я против такого наименования не спорил, не возражал и на этом вопросе мы долго не останавливались.

Затем шел вопрос о нашей тактике. Что касается новой тактики, то здесь вопрос заострялся, прежде всего, на дезорганизаторской тактике или на вредительских действиях, совершенно определенных. Уже из предыдущих директив, полученных через Петунина, было ясно, что это является очень важным вопросом для заграничных делегаций, и Абрамович категорически настаивал на том, чтобы этот момент тактической установки не только проводился быстрее, но и проводился бы более энергично вообще все тактические действия.

Я ознакомил его с теми решениями, которые были приняты пленумом 1928 г., с решениями, которые в свое время приняли и установили вопрос о дезорганизаторской тактике в связи с докладами Петунина и Громана, и указывал ему, что мы к этим действиям уже приступаем. Абрамович указывал на то, что энергичное развитие наших действий в этом направлении является необходимым элементом нашей работы, что без этого в настоящее время строить свою работу—значило бы базировать свою работу на утопическом положении о возможности возврата старых начал нэпа и о возможности построения нашей работы на мысли о внутреннем перерождении советской власти.

Рассчитывать на внутреннее перерождение власти, на внутреннее перерождение экономической политики власти нет абсолютно никаких оснований. Поэтому решительный переход к дезорганизаторской тактике является условием сине-кванон наших дальнейших действий. Это—с одной стороны, а с другой—речь шла о том, что одна вредительская тактика, взятая сама по себе, не может дать дезорганизацию хозяйства, не может создать широкое народное движение, в виду недовольства масс на почве тех решений, к которым дезорганизаторская тактика приводит, и что, по существу говоря, у нас нет массовой организации, нет массовой работы. Абрамович признал правильными наши установки в отношении массовой работы, считая, что в наших условиях вряд ли можно рассчитывать на успехи в рабочей среде, и что эти успехи, как показала практика последних лет, крайне ограничены, что необходимо стать на путь, на который мы уже стали,—на путь организации служилой интеллигенции, влиятельной в тех учреждениях, где она работает, с тем, чтобы принять соответствующие меры, нужные для дезорганизации хозяйства в соответствующих отраслях. Таким образом, этот вопрос не касался связей.

Вторым существенным вопросом явилось то, что была получена полная санкция в смысле тех решений, которые были нами приняты и на которых базировалась наша работа. Вместе с тем, констатируя чрезвычайную слабость нашей мас-

совой организации и то, что рассчитывать на сколько-нибудь массовое движение, которое могло бы дать, как результат, свержение власти, сейчас не приходится, Абрамович указывал или, правильнее, соглашался со мной, так как, кажется, я ставил этот вопрос, что этот вопрос упирается в вопрос интервенции. Я был склонен форсировать этот вопрос, поскольку мне представлялось, что этот вопрос логически и неизбежно—вопрос вредительства—связан с вопросом об интервенции, тем более я был склонен так думать, что в первой директиве, которая была получена от Дана, этот вопрос ясности не получил, или, вернее говоря, ответ был дан в очень неопределенной форме.

Те указания, которые я получил в этом смысле от Абрамовича, сводились к тому, что в настоящее время, как он говорил, происходит довольно решительные сдвиги по этому вопросу в руководящих кругах II Интернационала. Он мне не назвал фамилии тех лиц, с которыми ему приходилось беседовать. Он лишь указал на руководящую группу немецкой социал-демократии, на руководящую группу II Интернационала. Он сказал, что в этих руководящих кругах происходит довольно решительный сдвиг в пользу признания не только неизбежности интервенции, но и в пользу желательности интервенции, поскольку политика советской власти, или политика «красного империализма», как он ее назвал, создает реальную опасность, реальную угрозу для дела международной социал-демократии, т.е. поскольку внешняя политика советской власти агрессивна, постольку есть опасность для ряда государств, заинтересованных в лице их буржуазных правительств в отношениях с советской властью, что их интересы потерпят ущерб при столкновении с агрессивной политикой «красного империализма». Это — один мотив.

Второй мотив—указания на то, что дело международной социал-демократии находится под сильнейшим ударом работы Красного Интернационала, отношения которого со II Интернационалом все более и более обостряются.

Следовательно создаются разные конфликты, при чем деятелям II Интернационала приходится занимать более определенную позицию, и этот мотив и ставит перед Интернационалом вопрос о большем интересе к русским делам, о большем интересе к вопросам грядущей интервенции, т.е. о более решительном повороте в этом кардинальном вопросе. Таким образом, он указывал, что не только интервенция неизбежна (а он считал ее совершенно неизбежной), но и что при столкновении этих двух сил, при грядущем неизбежном столкновении двух сил, которое он рисовал, нам придется, социал-демократии, решить—на чьей стороне мы будем стоять, ибо соблюдать

здесь какой-нибудь нейтралитет не представляется возможным. Он высказывался, чтобы мы решительно ориентировались на интервенцию. В то время не было никаких разговоров о сроках, не было никаких указаний практического характера. Указывалось также и на то, что в среде самой заграничной делегации находят отражение те колебания и сомнения, которые были в самом Интернационале и в заграничных группировках, но что имеется все больше оснований считать, что эти группировки придут к единому соглашению по самому практическому вопросу, тесно связанному с интервенцией. Таким образом, это было общее принципиальное решение вопроса без указания конкретных директив в смысле сроков, в смысле практической работы, с этим связанной. Вот, собственно, беседа и основной контур того эпизода, который интересует суд.

Крыленко. Можно таким образом резюмировать содержание вашей беседы: вопрос относительно полномочия «Союзного бюро» и относительно названия его и претензии именоваться ЦК в СССР. Решился этот вопрос отрицательно, указывалось на недостаточную основательность таких претензий и предлагалось остаться при наименовании «Союзное бюро», «Российское бюро», одним словом, как организации, зависящей от заграничной делегации. Так?

Шер. Да.

Крыленко. Второй вопрос касался вредительской работы или дезорганизаторской деятельности. Здесь базой служила интервенция.

Шер. Так.

Крыленко. Разрешение этого вопроса было дано уже в петунинскую поездку, но, вот, при разрешении этого вопроса ставился ли вопрос относительно организации, кроме того, пролетарских низов, или признавалось, что тут уже ничего не поделаешь и поэтому надлежит расширять, главным образом, базу служилой интеллигенции?

Шер. Насколько я припоминаю, в беседе этот вопрос не ставился в смысле формирования нашей работы. Он ставился после приезда Броунштейна, который ставил нам в ошибку то, что мы упустили эту часть работы.

Крыленко. Значит, второй вопрос касался базы и дезорганизаторской работы?

Шер. Да.

Крыленко. Третий вопрос—это будет вопрос об интервенции, или, как вы говорите, беседа свелась к информации об имеющихся по этому вопросу настроениях, колебаниях и сдвигах у социал-демократов российских и во II Интернационале, при чем самый факт, без указания точных сроков, представлялся неизбежным.

Шер. Неизбежным и желательным

Крыленко. А отсюда делается вывод о том, что необходимо определить свою позицию?

Шер. Определение позиции меньшевистской организации признавалось желательным в смысле положительной оценки грядущей интервенции.

Крыленко. Но это было в области теории или как практическая директива?

Шер. Я представлял, что это не только область теории, поскольку весь разговор носил строго практический характер, что мы будем в нашей работе ориентироваться и на вредительскую работу и на интервенцию.

Крыленко. Я хочу увязать с теми сообщениями, которые были сделаны вчера и сегодня, что уже только в 1929 г. после практического контакта с «Промпартией» вы поставили вопрос о некотором времени, которое необходимо (об этом говорили и другие подсудимые) для того, чтобы дать ответ. Вопрос стоит таким образом: если там был поставлен вопрос конкретно о сроках в 1929 г. при сообщении связи с «Промпартией» о конкретных мерах помощи, о конкретной форме содействия, то здесь в этой беседе так, конкретно, практически ставился ли вопрос или не так практически?

Шер. Нет, я уже говорил, что они там не стояли. Вопрос о сроках не стоял, вопрос о формах тоже не стоял. Таким образом, там совершенно конкретно...

Крыленко. О блоке с другими организациями говорилось или нет?

Шер. Насколько я помню, нет, не говорилось. Может быть, с другими товарищами говорилось, но со мной этот вопрос не стоял. Нет, виноват, он, должно быть, стоял вот в какой связи. Поскольку я ознакомил Абрамовича с решениями I пленума, а на первом пленуме эти вопросы были уже решены и в том числе стоял вопрос о «ТКП» и был решен положительно, поскольку я получил принципиальное одобрение тех решений, которые были приняты, постольку сюда входил и этот вопрос. Я помню только отчетливо, что по всем вопросам первого пленума я получил полное одобрение Абрамовича.

Крыленко. Полное одобрение решений, принятых первым пленумом? Туда входил и вопрос относительно вредительства и вопрос относительно блока, но тогда имелся в виду, главным образом, блок с «ТКП»?

Шер. Да, на первом пленуме стоял вопрос только о «ТКП».

Крыленко. А на втором стоял вопрос уже о блоке с «Промпартией»?

Шер. Должен сказать, и на втором пленуме этот вопрос решался. Значит, был разрешен и в той инстанции.

Крыленко. Даты—там февраль, а там апрель. Ваши встречи с Абрамовичем имели место в течение двух дней?

Шер. Я присутствовал и при встрече с Залкиндом и при встрече с Гинзбургом,

так что, если считать эти дни, то будет около 4 дней.

Крыленко. А потом вы уехали?

Шер. И вернулся уже после его отъезда.

Крыленко. И уже потом узнали об этом совещании?

Шер. Узнал, что имело место коротенькое, небольшое совещание у Громана, где вентилировались те же вопросы.

Крыленко. Можно просить Гинзбурга?

Председатель (Шеру). Садитесь. Подсудимый Гинзбург.

Крыленко. Будьте любезны, передайте, что вам известно по этому же поводу.

Гинзбург. Шер изложил в основном те моменты, которые относятся к моей встрече с Абрамовичем. Действительно, я встретил его по соглашению с Шером, примерно, около середины июля. Я точного числа не могу восстановить, но во всяком случае это было в первой половине июля, ближе к середине. Встреча действительно происходила в Сокольнической роще, если не ошибаюсь, около Второй просеки, при чем беседа касалась по преимуществу тех вопросов, на которые здесь указывал Шер, т.е. шел вопрос об отдельных взаимных информациях, о положении работы здесь и заграничной делегации, и, во-вторых, касался той новой тактической ориентировки, которая принимается меньшевистской партией. Организационные вопросы, которые затрагивались в первой части беседы, в основном переданы Шером, т.е. указывалось на необходимость отказаться от претензии называться центральным комитетом РСДРП, на необходимость согласования работы между той частью меньшевиков, которая работала на территории Союза, и той частью, которая находится в эмиграции, указывалось на необходимость регулярных сношений, расспрашивались не относительно того отношения, которое вызывает у меньшевиков содержание «Социалистического вестника», выяснились те положения, которые могут быть высказаны в смысле улучшения редакционной постановки, редакционной части и в смысле снабжения «Социалистическим вестником», но технических вопросов при этом не выяснили. И затем вопрос шел в части тактической установки. Так как предполагалось, что произойдет совещание значительной части членов «Союзного бюро», то я должен сказать, что на этой части вопросов мы не останавливались особенно подробно, тем более, что беседа по разным условиям не могла продолжаться особенно долго. Но в общем от той беседы я вынес впечатление, что Абрамович указывал на все большую и большую ориентацию и заграничной делегации, и значительной части партий II Интернационала на неизбежность интервенции. Самые мотивы повторять не буду, они многократно здесь назывались. Хочу только уточнить

один момент, который связан, между прочим, с вопросом, который задал мне во время допроса Рамзина член суда Антонов-Саратовский, именно вопрос о том представляли ли себе меньшевики все те кровавые столкновения, которые повлечет за собой интервенция. Этот вопрос беспрерывно ставился в меньшевистской среде, он затрагивался и в разговоре с Абрамовичем, при чем Абрамович указывал, что среди очень значительной части сторонников интервенции имеется такое убеждение, что в случае, если советская власть очутится перед перспективой действительного вооруженного вторжения, поддерживаемого не только империалистическими правительствами, но и той, все же значительной, частью пролетариата, которая представлена в организации II Интернационала, то, несомненно, возможно, что кровавое столкновение будет избегнуто, возможно, что дело ограничится дипломатическим давлением и только, и, таким образом, ужасные последствия можно предотвратить, но только в том случае, если будет занята активная позиция, которая будет заставлять советскую власть думать, что она имеет дело с реальной опасностью интервенции. Мне вспоминается, что такой момент фигурировал в беседе, в связи с тем сомнением, которое вызывала у меньшевиков самая интервенция.

Крыленко. Тут я просил бы несколько уточнить. Вы сказали: дипломатическое представительство соответствующих держав, где II Интернационал имеет в правительстве то или другое представительство.

Гинзбург. Всех империалистических государств, связанных между собой общностью политики в отношении соввласти, если это будет поддержано соответствующим образом со стороны II Интернационала, который в данном случае будет говорить от имени организованных рабочих.

Крыленко. Эта дипломатическая интервенция какую имела цель?

Гинзбург. Ту же самую цель — несколько больших уступок со стороны соввласти капиталистическому империалистическому режиму, который заставил бы мириться империалистические державы с некоторым дальнейшим существованием соввласти в надежде на то, что этот компромисс приведет только к дальнейшему разложению соввласти.

Антонов-Саратовский. Сначала имелась угроза интервенции и выступления империалистических держав вместе со II Интернационалом?

Гинзбург. Да.

Антонов-Саратовский. А если этот политический шантаж или политическое дипломатическое давление не удастся, тогда вооруженная интервенция?

Гинзбург. Да, совершенно верно.

Крыленко. Это как одна из перспектив?

Гинзбург. Да, как одна из перспектив, которая была выдвинута у меньшевиков в связи с их сомнениями по вопросу об осуществлении интервенции.

После встречи с Абрамовичем мы разошлись в разные стороны, и затем позже состоялось совещание на квартире у Громана. Я был вызван на совещание звонком Громана, при чем я застал Владимира Густавовича Громана больным. Кроме того, некоторые участники, на которых рассчитывали, не явились, и беседа проходила при довольно малочисленном составе. Если память мне не изменяет, кроме меня были Залкинд, Штерн, я не помню, был ли еще кто-либо из этого состава — кажется, трое. Сам Владимир Густавович дежал в постели в соседней комнате и поэтому активного участия в этой беседе не принимал.

В основном содержание беседы свелось к повторению того, что здесь говорилось. Каких-либо новых моментов, которые имели бы существенное значение, я не могу указать, кроме того, что я считал бы необходимым внести поправку в замечание Шера по вопросу об ориентации на социальную базу. У меня было впечатление, что заграничная делегация настаивает, чтобы отказа от равенства на рабочую базу не было. Они рассматривали это как невозможность установить такого рода общение с рабочими, но, вообще говоря, рекомендовалось стремиться к преодолению этих препятствий между меньшевистской организацией и рабочими. Так ставился принципиально вопрос.

Антонов-Саратовский. А практически?

Гинзбург. Практически это не удалось сделать.

Антонов-Саратовский. Каково было мнение Абрамовича по этому поводу?

Гинзбург. Он настойчиво рекомендовал такого рода попытки не прекращать.

Антонов-Саратовский. А на чем делалось ударение?

Гинзбург. Придавалось большое значение деятельности меньшевистской организации в направлении определения линии экономической политики СССР. По этой части считалось желательным произвести разграничение деятельности этой группы.

Крыленко. Таким образом, у вас было одно свидание в Сокольниках, а другое где происходило?

Гинзбург. У Громана на квартире.

Крыленко. Между этими двумя свиданиями был большой промежуток времени?

Гинзбург. Если память мне не изменяет, они были в пределах двух-трех дней.

Крыленко. Вы были специально приглашены на это заседание?

Гинзбург. Да.

Крыленко. Здесь ставили вопросы о социальной базе, с той поправкой, которую вы внесли, что заграничная делегация принципиально указывала на необходимость произведения попыток усиления влияния на рабочую массу?

Гинзбург. Да.

Крыленко. Эти вопросы затрагивались при обоих встречах?

Гинзбург. Да.

Крыленко. А сведения о размерах организации?

Гинзбург. Мы об этом сообщали Абрамовичу и говорили о тех политических возможностях, которые имеются в той среде, где мы работаем. Но дать цифры, указать размеры организации—мы и тогда затруднялись и сейчас я затрудняюсь это сделать.

Крыленко. А вопрос о вашем положении, вашей близости к государственным учреждениям и политическим работникам в смысле давления и возможности влияния на изменение политики—эти вопросы не ставились? Быт может, этот вопрос был решен по существу?

Гинзбург. По существу этот вопрос был решен всеми предыдущими сношениями и сообщениями насчет нашего активного участия в дезорганизаторской работе. Здесь, само собой разумеется, я повторяю, что со стороны Абрамовича был интерес к тем политическим настроениям, которые имеются в среде технической интеллигенции, с которой мы работаем, и в среде рабочего населения,—это те сведения, которые стали поступать к нам после, и т. д.

Антонов-Саратовский. А вы говорили о «ТКП» и технической организации?

Гинзбург. Да.

Антонов-Саратовский. Так что Абрамович интересовался вашими связями с «ТКП» и «Промпартией»?

Гинзбург. Тогда «Промпартия» еще не существовала.

Антонов-Саратовский. Ну, инженерный центр...

Гинзбург. Инженерный центр еще не был определенно выявлен. Говорили относительно технической интеллигенции вообще, а относительно «ТКП» говорили в более определенной форме, и, как Шер сообщал, резолюция наша, принятая на первом пленуме, была ему сообщена, и здесь только уточнялись некоторые моменты.

Антонов-Саратовский. Когда обсуждался вопрос (ведь вы информировали Абрамовича об этом) относительно настроений в инженерно-технической среде и в «ТКП», то возникли ли вопросы относительно установления с ними связей, оценки этих связей? Не ставился ли вопрос таким вот образом, что для свержения советской власти необходимо блокироваться и с буржуазными и с мелкобуржуазными группировками?

Гинзбург. Все эти вопросы затрагивались, при чем здесь указывалось, что в основном линия остается той же, какой она была всегда в меньшевистской партии, а именно — допускается известное соглашение с партиями мелкобуржуазными и партиями буржуазными, но на определенных условиях именно поскольку эти партии признают известный минимум политических требований. В данном случае поднимался вопрос об обеспечении известных требований в отношении демократии и известных требований в отношении рабочих в пределах данного момента.

Крыленко. Попрошу вызвать Залкина.

Председатель. Подсудимый Гинзбург, можете сесть. Подсудимый Залкинд.

Крыленко. Что вам известно по этому же моменту?

Залкинд. О приезде Абрамовича я узнал от Шера, который вызвал меня к себе в Госбанк и сообщил мне об этом, прибавив, что Абрамович очень хочет меня видеть. Это было между 15 и 20 июля. Затем тут же мы условились, что моя встреча с Абрамовичем произойдет на квартире у Шера, но что хотя мы уже наметили, примерно, день, когда мы встретимся с ним, возможно, что Абрамович или зайдет ко мне на службу в Наркомторг или позвонит мне по телефону по условленному паролю, а именно в пароле была ссылка на приезд по делам лесозэкспорта,—и мы тогда уточним срок нашего свидания.

Действительно, в дополнение к сообщенному Шером, был телефонный звонок от Абрамовича, и по условленному паролю мы условились (в сущности, о месте встречи нам говорить было не нужно) относительно дня и часа встречи. В назначенный день и в назначенный час я явился к Шеру на квартиру. Абрамовича я еще не застал в это время. На квартире был один Шер, больше никого не было. Может быть, была прислуга, но ее я не видел, потому что Шер мне открыл дверь.

Через некоторое время явился Абрамович. Тут же мы (я раньше Абрамовича никогда не встречал, так что для меня эта встреча была первой) приступили к нашей беседе. Абрамович рассказал, что моя беседа с ним его особенно интересует,—сию минуту я объясню, почему,—и что поэтому было бы хорошо, если бы мы могли достаточно подробно поговорить и выяснить взаимоотношения, и выяснить взаимно все те вопросы, по которым мы друг с другом окажемся сейчас связанными. Я спросил его, в чем дело, почему встреча со мной его особенно интересует. Он мне ответил: «Я и вся наша заграничная делегация и не только заграничная делегация, но и круги II Интернационала, в частности германская социал-демократия, чрезвычайно интересуются получить из достаточно ос-

ведомственных источников подлинную информацию о продовольственном положении СССР, информацию о тех явлениях, которые в этой сфере имеют доподлинное место, так как они не удовлетворяются всякого рода субъективной оценкой, газетными передачами и т. д. и т. д. Он мне сказал, что он надеется, что я по роду, по месту, занимаемому в Наркомторге, по сфере моей работы могу здесь совершенно объективно и точно дать соответствующую информацию. Тут же он намекнул мне, почему, собственно говоря, их так интересует информация, сказав, что вопросы тактики и все вопросы, связанные с отношениями к Советской России, в значительной степени связываются с оценкой этого момента—экономики Союза. Таким образом, первая часть нашей беседы состоялась в моей информации.

В дальнейшем мы подробно беседовали по тактическим вопросам, вытекающим частично из моей информации и из тех установок, с которыми приехал сюда Абрамович. Конец беседы был посвящен организационным вопросам, в частности вопросу о взаимоотношениях нашей центральной организации и заграничного ЦК, вопросам социальной базы массовой работы—мы затронули также и этот вопрос.

Я начну с первой части нашей беседы, с моей информации. Я предупредил Абрамовича, что я его должен несколько разочаровать. Если он ожидает от меня описания грядущей катастрофы в этой области, то он должен быть разочарован. Постольку, поскольку от меня требуют совершенно объективную информацию, ответственную информацию, на которой придется базироваться, быть может, чрезвычайно ответственные линии тактики, то я ему буду говорить все то, что знаю в связи с моей служебной работой. Как раз незадолго до этого я закончил новую в нашей статистико-экономической практике работу по подсчету баланса питания Союза за 1927—28 г. Те наброски, которые в это время в аппарате были сделаны для подсчета этого же баланса питания на 1928—29 г.,—кстати к этому времени подошли и предварительные данные по бюджету рабочих, которые были получены из ЦСУ за 1928—29 г.,—все эти подсчеты показали мне, что, в сущности говоря, баланс питания за 1927—28 г. не ухудшился по сравнению с предыдущим годом. Быть может, здесь имеет место некоторое замедление тех высоких темпов подъема, которые были в предыдущие годы, но элементов деградации еще не имеется. Это с одной стороны.

Во-вторых, это в частности подсчеты бюджета рабочих показывают, что реальная зарплата в 1927—28 г. определенно поднялась. Правда, она поднялась, главным образом, не за счет той части бюджета, которая идет на питание,—она поднялась

в основном за счет той части бюджета, которая идет на покупку промтоваров, на всякие культурно-просветительные нужды, на покупку мебели и т. д. Но все же бюджет рабочих в области питания, в сущности говоря, дал даже некоторый небольшой подъем.

Произошло некоторое качественное ухудшение в структуре питания, но в целом объем питания не ухудшился, а даже улучшился.

Что касается перспектив 1928—29 г., то здесь, по моему тогдашнему предположению, следовало ожидать не ухудшения, не катастрофического ухудшения, несомненно, но все-таки некоторого ухудшения, как мне казалось, связанного главным образом с теми явлениями, в сущности говоря, не с уменьшением еще продукции сельского хозяйства а, главным образом, с теми явлениями, которые были в области отношений с некоторыми слоями деревни. Уже в 1928 году определенно проявились элементы противодействия кулацких слоев деревни новой правительственной линии в области заготовок и, несомненно, эта линия по целому ряду признаков должна усилиться в 1928—29 г. На этой почве может произойти задержка плановых заготовок, и, вероятно, увеличатся значение и роль частного. Но тут же я ему сказал, что так как в основном его интересует (он мне подчеркнул это, он все время перебывал репликами) положение рабочего класса, которое представлялось за границей таковым, что это один из основных, если хотите, идеологических моментов, которыми вообще обосновывается неправильная линия ВКП, так как это именно ухудшение положения рабочего класса. Как же в этой сфере я расцениваю положение в 1928—29 г. в области материального уровня рабочего класса? Я говорю, что хотя я, как уже сказал, считаю, что в общем перспективе должны ухудшиться, но у советского правительства имеется целый ряд тактических орудий, которые уже до некоторой степени были испробованы в 1927—28 г., но не решительно, и что, несомненно, и при ухудшении общего положения они найдут более широкое применение. Они заключаются, во-первых, в том, что несомненно будут углублены методы воздействия на кулацкие элементы деревни, и, что если не удастся получить прежними методами нужное количество сельскохозяйственной продукции, то она будет получена другими методами. Другой вопрос, к каким последствиям политическим приведет это, в какое положение поставит советскую власть по отношению, в особенности, к верхушечной части крестьянства, это другое дело, но что нужное количество продукции будет получено в определенных нужных пределах, для меня нет сомнения, по крайней мере на 1928—29 г.

Второй тактический прием—это то,

что будет приступлено к широким опытам классового распределения, и что мне лично представляется, что с этой точки зрения положение рабочего класса, вероятно, не ухудшится и в 1928—29 г., а относительно других групп населения даже улучшится, т. е., в сущности говоря, политическая позиция советского правительства, в данном случае, по отношению к рабочему классу может улучшиться, потому что при общем ухудшившемся положении все-таки положение рабочего класса стабилизируется и относительно улучшится. Так что я не ожидал и на 1928—29 г. сколько-нибудь больших факторов, которые бы могли привести к разрыву рабочего класса с правительством. Вот к этому в основном сводилась моя информация. Она произвела, как я заметил, весьма неблагоприятное впечатление на Абрамовича, потому что он ожидал в данном случае более благоприятных для нашей тактики сведений о прошлом и оценке перспектив. Он, правда, стал меня упрекать, говорить, что вы, вероятно, несмотря на то, что являетесь членом «Союзного бюро, все-таки зедомственник и поэтому видите только положительные стороны. Я видел, что Абрамович все-таки остается на позиции оценки ухудшения положения рабочего класса и не может с этим аргументом расстаться, как основным аргументом, который нужен для обоснования всей его последующей тактики.

Затем мы перешли к вопросам, вытекающим отсюда, следовательно, к вопросам, которыми можно было осветить нашу дальнейшую практическую действительность. Значит, тут был вопрос о вредительстве и вопросы интервенции. По вопросу о вредительстве, собственно говоря, вначале никаких разногласий не было. Он только подчеркнул, что он потому еще просил моей информации по поводу сферы обмена, что упор в области дезорганизации с точки зрения зарубежных кругов, не только нашего ЦК, но и международной социал-демократии, должен именно идти по этой линии, а именно, что моя информация еще больше убеждает его в этом. Затем мы перешли к другим вопросам, к тому, что дезорганизаторская работа должна сейчас, помимо самих внутренних целей дезорганизации народного хозяйства, в целях давления на советскую власть, еще при помощи результатов этой дезорганизации поставить более серьезно вопрос о том оружии, которым в конце-концов может быть сломлена советская власть.

По вопросу об интервенции я его просил, чтобы он мне по возможности более подробно осветил этот вопрос, потому что этот вопрос является для меня новым в такой практической постановке, особенно в связи с вопросом о дезорганизаторской работе, и я думаю, что и для всего «Союзного бюро» он будет пока

еще достаточно нов и принципиально неясен. Поэтому было бы чрезвычайно желательно, чтобы он по возможности подробно осветил те или иные мотивы, по которым наш заграничный ЦК сейчас становится в положительное отношение к вопросу об интервенции. И Абрамович мне достаточно подробно изложил. Кстати, я забыл, что я его информировал, когда он меня спрашивал о перспективах, он также просил моей оценки, как в связи с экономической ситуацией я расцениваю соотношение социальных сил в стране. Я указал, что я считаю, что сейчас назревают конфликты политические и экономические, назревают еще, между советским правительством и двумя кругами населения, с одной стороны — крестьянством, по крайней мере его верхушечной частью, на почве как раз тех моментов, о которых я уже здесь говорил, и с другой стороны, повидимому, такой же конфликт намечается между советским правительством, его линиями и служилой интеллигенцией. Так как, опять-таки по тем данным, которые у меня были, рядом с улучшением положения рабочего класса в 1927—28 году положение служилой интеллигенции стабилизировалось. Тут получилось такое сближение. В сущности, это для меня сейчас совершенно ясно, что привилегированное положение служащих в первые годы нэпа должно было закончиться и их положение должно было сблизиться с положением промышленного аппарата но несомненно, что это политически в течение известного периода времени послужило для накопления оппозиционных настроений среди служилого населения. И я ему подчеркнул, что я считаю, что в советских условиях накопление оппозиционных настроений в служилых слоях населения имеет большее значение, чем это имеется в капиталистических государствах, потому что государственный аппарат и, следовательно, служащие, держащие этот аппарат, имеют здесь гораздо больше возможности не только в административном аппарате государства, не только в том небольшом политическом аппарате государства, в котором они находятся, но, в сущности говоря, они держат в руках и народное хозяйство страны в значительной степени. Он против этого не возражал.

Затем мы перешли к вопросу об интервенции. Здесь уже к нему перешла активная роль. Он передо мной развил приблизительно следующую концепцию: что он раньше все-таки строил свой расчет на интервенцию в сочетании с нарастающей активностью всех демократических социальных групп СССР, почему и приехал сюда с расчетом на то, что здесь, в сущности говоря, котел, который еще не закипел но который закипит, и эта активность распространяется не только уже на мелкобуржуазные группы, но

также и на рабочий класс. Он говорил, что сейчас усложняется принципиальная постановка вопроса об интервенции при моей информации, которую я ему дал, но это не меняет, по его мнению, общего отношения к этому вопросу, и он считает, что этот вопрос должен разрешаться на основании, так сказать, в конце-концов, реального политического анализа ситуации. Этот реальный политический анализ приводит его к заключению, что, даже при наличии достаточной активности оппозиционных настроений со стороны различных социальных групп против советской власти, все равно эта активность никогда не могла бы привести к свержению соввласти, так как слишком силен и самый аппарат соввласти. Ни в одной капиталистической стране нет тех возможностей, которые имеются здесь и, кроме того, что он считает, что даже при его оптимистической расценке большой активности расчет на рабочий класс не мог быть, а между тем, во всех революционных сдвигах, в сущности говоря, рабочий класс является той силой, которая разрешает внутренние конфликты, т.е. что рабочий класс и его позиция являются решающими. Крестьянство, если даже и будет проявлять себя в активных выступлениях своей оппозиции, как опыт показывает, все эти выступления разрозненны, распылены, недостаточно организованы и они обычно сами себя изживают, если не находят поддержки со стороны рабочего класса, концентрированных выступлений рабочего класса или со стороны какой-нибудь внешней силы. Поэтому, говорит он, если мы встанем на принципиальную позицию непримиримого отношения к соввласти, для нас, реальных политиков, нет другого выхода сейчас, как сделать ставку на интервенцию, желательную интервенцию, базирующуюся и являющуюся завершением тех социальных сдвигов, которые произошли в стране до этого времени.

Затем он стал говорить относительно второго момента, который обосновывает интервенцию,—это соображение международного порядка. Да, тут он еще говорил относительно принципиального обоснования какими соображениями, если говорить о мотивах внутреннего порядка,—тем, что, по его мнению, экономическая и социальная линии ВКП(б) вступили на авантюрный путь, который диктуется не какими-либо классовыми задачами, не какими-либо задачами экономическими или народного хозяйства, а чисто внутрипартийной борьбой. И этот самый путь, на который может встать партия, имеющая такое огромное влияние, как ВКП(б) у нас в СССР, что она может повести, в конце-концов, к хаосу, разрушению производительных сил, в конце-концов, к тому, что и интересы рабочего класса и его дальнейшие перспек-

тивы могут принять чрезвычайно печальный характер.

И он высказал опасение, что крестьянское движение может в конце концов принять определенный бонапартистский оттенок, т.е. что могут оказаться налицо не старые помещицы—потому что теперь уже не обманешь крестьянина, хорошо знающего помещика,—но что могут оказаться налицо монархические элементы. Вот это диктует форсирование интервенции. Тут он подчеркнул необходимость самого тесного контакта с «ТКП», с этой крестьянской организацией.

Затем он перешел к мотивам международного порядка и указал, что его настроения базируются не только на оценке заграничного центра, но определенно и на тех оценках, тех настроениях и даже более актуальных моментах, которые в настоящее время уже начинают более или менее определенно оформляться в руководящих кругах II Интернационала и среди ряда лидеров германской с.демократии. Это вызывается целым рядом соображений, а именно—усиление коммунистического движения, увеличение партийных затруднений, усиление колониального движения и, наконец, он выдвинул момент относительно того, что в настоящее время уже заметны некоторые элементы спада после военного подъема и что на этой базе положение социал-демократии становится все труднее и труднее в смысле возможности всякого рода обещаний по отношению к рабочему классу империалистических стран.

Антонов-Саратовский. Экономического спада?

Залкинд. Да, экономического—после военного экономического подъема появляются симптомы спада и на этой базе начинает развиваться возможность усиления коммунистических партий. Он сказал, что целый ряд видных лидеров II Интернационала, которые раньше относились пассивно к этому вопросу, сейчас начинают становиться на более активную позицию, и что правые и французской и германской партий в этом отношении начинают занимать определенные активные позиции. Он определенно сказал, что такого рода процесс намечается среди лидеров германской с.демократии.

И, наконец, третий его основной аргумент—он заключался в том, что нужно еще подойти к интервенции не с точки зрения ее желательности и наших настроений, а с точки зрения вероятно совершенно неотвратимого факта, что, если среди международной социал-демократии, по указанным мною вкратце мотивам, начали назреть такие настроения, то несомненно эти настроения в большей степени назрывают в капиталистических кругах Западной Европы, и что здесь уже наша обязанность обеспечить интересы демократии в проведении ин-

тервенции и в результатах, и что мы в настоящее время должны понимать, что эти интересы могут быть обеспечены только нашим реальным участием и реальным вложением в это дело. Я ему тут же бросил реплику — а вы думаете, что мы можем дать так много реального, чтобы это было гарантией демократических результатов. Он говорит, что, по его мнению, сейчас положение, по сравнению с империалистической войной, изменилось и что, несомненно, силы международной социал-демократии гораздо значительнее, чем они были раньше. Что этим обеспечиваются, во-первых, определенные результаты демократические и что, во-вторых, вообще интервенция в России не может идти под такими уж очень явно реставрационными монархическими лозунгами. Кроме того, он указал и тот вопрос, что, конечно, социал-демократия возьмет на себя задачу не только здесь служить в определенном направлении интервенции, но что для нее имеется очень большая задача — это, так сказать, соответственным образом настроить и рабочий класс западно-европейских государств.

Вот, когда он перешел к этому самому вопросу, я развил перед ним целый ряд таких сомнений, которые у меня были, и, в частности, поставил перед ним вопрос, что если притти к такому все-таки положительному решению вопроса об интервенции, то в этом случае нужно поставить (я, в сущности, тогда попросту не был достаточно умудрен в разного рода дипломатических, тактических вопросах, но так как разговор был с ним с глазу на глаз, то я этот вопрос поставил) перед рабочим классом этот вопрос, эту проблему, если даже имеется целый ряд соображений, базирующихся на интересах, может быть, объективно неправильных, трактуемых неправильно, но субъективно как-будто искренних, — поставить этот вопрос перед рабочим классом западно-европейских государств.

Председатель. Какой вопрос?

Залкинд. Вопрос об интервенции, о том, чтобы он был освещен в достаточной степени, с тем, чтобы он не был результатом таинственной дипломатии социал-демократии.

Антонов-Саратовский. Поставить вопрос перед международной социал-демократией об одобрении рабочим классом интервенции против Союза ССР?

Залкинд. Да, потому, что наши сомнения тогда были бы окончательно рассеяны.

Антонов-Саратовский. И что же Абрамович вам сказал?

Залкинд. Кроме того, вы могли бы найти опору в советском рабочем классе. В сущности говоря, это было бы самым серьезным моментом для того, чтобы мы могли солидаризировать советский рабочий класс с нашими установками и с на-

шими позициями, если бы тактическая линия была такого рода, а не была тайной дипломатией.

Абрамович мне по этому поводу указал на следующее. Я ему поставил, кроме этого основного вопроса, следующие вопросы. Я говорил, что, во-первых, сомневаюсь в результате интервенции. Давайте, скажем, что я с вами согласен, что мы ее приемлем. Но знаете, опыт войн, которые велись во время Октябрьской революции, показал, что с.-д. далеко не расценивали сил и действий и результаты здесь могут оказаться совершенно неожиданными. Это — первое. И второе — как показал опыт, в период интервенции обыкновенно вокруг правительства сплачиваются даже оппозиционные группы: не потеряем ли мы даже того, что у нас есть, не говоря о том, что мы можем потерять всякий авторитет и всякую базу в русском рабочем классе уже надолго?

Абрамович со мной был совершенно несогласен. Он говорил, что результаты интервенции ясны, что тут вопросы техники все решат на этот раз, а что касается вопросов социальной базы интервенции, то это уже несомненно, что крестьяне и служащие нас поддержат до конца. Что касается рабочего класса, то он потом поймет, он переоценит наши установки и что в условиях, если нам удастся обеспечить буржуазно-демократический строй, ему куда будет повернуться, кроме как к меньшевикам. Все равно, он придет в объятия меньшевика и мы покажем ему на практике, что мы имели в виду защиту его интересов. И потом он кончил: знаете, в вас продолжает говорить соглашатель-меньшевик. Вы учитесь у большевиков. Почему они не развели никаких моральных сентенций, когда делали Октябрьскую революцию? Какие издержки были у этой революции? Подумайте, и издержки людьми, и народнохозяйственными силами, и политические были издержки, в смысле результатов для старой России, и, тем не менее, они пошли на это, потому что результаты, по их мнению, классовые результаты, должны были это окупить.

Нужно здесь стать тоже на эту самую большевистскую дорогу. По вопросу относительно того, что я немного наивен по отношению к тому, что нужно поставить проблему перед мировым рабочим классом, он мне сказал: вы наивно рассуждаете в этой области. Вы должны понимать, что ставить открыто этот вопрос по инициативе социал-демократии совершенно невозможная вещь по целому ряду сложных политических моментов и моментов настроения рабочего класса. Социал-демократия занимает сейчас официальное положение в целом ряде правительств, которые будут участвовать в этой интервенции — как же мы можем выступать, если даже капиталистические правительства прodelьывают это под сур-

динку, всячески прячась, как же в настоящих условиях может выступать социал-демократия с этой историей? Кроме того, настроения рабочего класса Западной Европы не таковы, чтобы можно было решиться на такого рода шаг в настоящих условиях. Затем он мне сказал: вы не беспокойтесь, когда практически и политически созреет подходящий момент, мы будем достаточно смелы, чтобы выступать перед рабочим классом. Здесь будет фигурировать, как он сказал, и «красный империализм СССР», а следовательно его в данном случае активная позиция, а во-вторых, мы используем и внутреннюю агрессию советской власти, все те социальные конфликты, которые она вызвала, то, что она не имеет под собой никакой социальной опоры в демократических слоях. Эти два момента для нас будут являться сильнейшим аргументом. Но этим аргументом они явятся тогда, когда дипломатически вопрос созреет. Сейчас же преждевременно это делать.

Я хотел бы еще подчеркнуть один момент. Все время, когда он говорил, я чувствовал желание заграничного ЦК переложить ответственность на «Союзное бюро», чтобы заграничный ЦК в случае нужды мог оказаться до некоторой степени изолированным и чтобы на него не ложилась достаточно явственно ответственность за эту историю. С этой точки зрения сама структура, разграничение функций были таковы, чтобы в нужный момент можно было переложить на «Союзное бюро» ответственность в том, что оно проводит такую линию, а не они.

Как будто я рассказал все, что запомнил относительно беседы об интервенции. Сюда еще должен прибавить, что он мне заявил, что он подробно так со мной беседует не для того, чтобы дать категорическую директиву, на что он не имеет санкций, полномочий от заграничного ЦК, и что его поездка вызвана тем, что заграничный ЦК, прежде чем вынести такое решение в таком кардинальном вопросе, хотел, чтобы один из его ответственных членов по возможности лично информировался о настроениях «Союзного бюро», так как заграничный ЦК не хочет резко расходиться, и подготовил почву к тому, чтобы мы приняли эти новые установки. Постольку, поскольку, — сказал он мне, — я не встречаю больших возражений в том, чтобы договориться по этому вопросу, вы получите официальное подтверждение. И действительно ноябрьское письмо (а Абрамович был в июле), которое Громан получил, явилось подтверждением того, что он говорил, в сущности говоря, ничего нового сравнительно с тем, что говорил Абрамович, в себе не содержало. Оно просто дало совершенно официальную санкцию всего заграничного ЦК на те установки, которые Абрамович развивал в предварительном порядке устно.

После этого мы перешли к организационным вопросам. Здесь были два момента. Первый момент — это вопрос наших взаимоотношений с заграничным ЦК. И второй момент касался вопроса социальной базы, а следовательно структуры, организации периферии и т. д. По вопросу о заграничном ЦК он сформулировал свое положение так: «Давайте считать, что мы и вы являемся ЦК, что, так сказать, ЦК в целом состоит из двух частей, одна — заграничная делегация, другая — «Союзное бюро», но что за заграничной делегацией остается основное политическое руководство по всем основным вопросам нашей, в особенности международной политики, значит тех наших тактических шагов, которые связаны со II Интернационалом и т. д. Вам же принадлежит руководство всеми — и политическими, и организационным, и экономическими — вопросами уже в пределах СССР. Давайте считать так, тогда не будет вопроса о том, кто ЦК, и мы ЦК, и вы». Он установил такого рода распределение функций.

Теперь по вопросу о социальной базе. По вопросу о социальной базе он признал, что, считаясь с фактом, нам приходится сейчас перейти, все-таки, на новую социальную базу. Принципиально он все-таки продолжал стоять на точке зрения необходимости связи с рабочей массой, но он говорил, что этот вопрос он разрешит окончательно после поездки, тогда он скажет, а сейчас «я хочу получить впечатление, непосредственно соприкоснувшись с периферией, и тогда дам оценку».

Я потом в последовательном хронологическом порядке расскажу, что он мне сказал, возвратившись с периферии. Это было на втором свидании. Так что вопрос о социальной базе был разрешен таким образом, что обязательно нужно равняться на служащих, а вопрос о рабочих он окончательно уяснил себе при дальнейшем более углубленном знакомстве. Затем Абрамович уехал. Здесь очень трудно, после того как прошло 3 года, точно установить даты, но мне представляется, что когда Гинзбург сказал, что он виделся с Абрамовичем за день до меня, я никак не могу понять, когда он виделся с Абрамовичем — позже или раньше. Если раньше меня за день, тогда между первым нашим свиданием и совещанием не могли пройти три дня, а прошло больше. Вообще здесь Гинзбург вероятно запомнил эти сроки. По моему, от моего свидания с Абрамовичем до совещания у Громана протекло не менее семи-восьми дней и я, примерно, ставлю такую дату: если я виделся с ним между 15 и 20 июля, ближе к 20-му числу, то в конце июля — 27—28 (я точно цифры не помню) должно было произойти то совещание, о котором рассказывал Гинзбург. Это совещание пришлось организовать мне, потому что Аб-

рамович позвонил мне по телефону и просил сообщить всем, кто здесь есть, о том, что он хотел с нами вместе встретиться. По-моему, не было никого в Москве в это время кроме тех лиц, о которых говорил Гинзбург, потому что это было летом, была самая горячая пора отпусков, потом командировок, потом был еще не совсем полный состав «Союзного бюро», следовательно, на этом совещании был Громан, который все-таки частично принимал в нем участие. Дверь была открыта в ту комнату, где он лежал,—затем был Гинзбург, был Штерн и был я. Это я совершенно твердо помню. Но постольку, поскольку Штерн тоже, кажется, имел свидание с Абрамовичем,—пускай Шер припомнит, потому что он был организатором,—но все же Абрамович был разочарован малочисленностью собрания потому, что со всеми нами он, в сущности говоря, беседовал и ожидал более многочисленного собрания. Поэтому это совещание и у меня не оставило такого яркого впечатления, которое осталось после беседы с Абрамовичем, и тут мы опять-таки по вопросу организационному санкционировали состав «Союзного бюро» окончательно, затем переход на работу среди служащих, вопросы вредительской работы и т. д.

Что касается вопроса об интервенции, то тут он не был вынесен еще потому, что мы заявили, что мы должны перенести это на «Союзное бюро», и потому, что и Абрамович не приехал с полномочиями ставить нам его как директиву в то время.

Затем я с Абрамовичем говорил еще (кажется, при этом был Штерн) о впечатлении его поездки по периферии. Он был в нескольких западных городах и, кажется, на Украине. Но он почему-то вернулся раньше, чем предполагал, не знаю, по какой причине. Он сказал, что на него произвело самое подавляющее впечатление то, что он там застал, что там остались жалкие хвостики старых организаций, 1—2 человека сплошь и рядом, которые не знают, что делать, которые не имеют связи с рабочими массами, не имеют перед собой ни ясной тактической, ни программной линии, и работа в сущности сводится к тому, что они собираются друг с другом, беседуют на всякие меньшевистские темы, гадают, что делать, как делать и прочее. Он сказал, что его знакомство с периферией в тех областях, где он был, с теми немногочисленными лицами, которых он встречал, привело его к заключению, что практически сейчас надеяться на широкую работу среди рабочих масс не приходится. Однако он, не снимая этого вопроса для нашей организации, как он сказал, ставит все-таки основной задачей дезорганизаторскую экономическую работу, базирующуюся на служилые элементы.

Вот вся сумма того, что я помню о встрече с Абрамовичем.

Крыленко. Меня вот какие вопросы интересуют. Когда он вернулся, вы его опять видели?

Залкинд. Ну да, потому что после этого и было совещание.

Крыленко. Нет, нет, когда он вернулся из поездки.

Залкинд. Именно тогда и было совещание у Громана.

Крыленко. Так что вы считаете, что с того совещания, которое было, прошло 5—6 дней.

Залкинд. А потом было совещание у Громана, потому что в то время Штерн уехал и он не был на совещании.

Крыленко. Еще один вопрос. Вы достаточно точно очертили отношение к интервенции и те полномочия, или ту сумму формальных полномочий, с которыми приехал Абрамович. По вопросу о вредительстве установка была уже дана раньше и здесь развивалась. Меня интересует такой вопрос: это был июль месяц, шахтинский процесс закончился 8 июля. Это был первый опыт вскрытия вредительства, правда, далеко не в той форме, в какой это было, и казался в то время совершенно изолированным эпизодом. По этому поводу не затрагивался вопрос в беседе с ним?

Залкинд. Видите ли, беседа о вредительстве была, и я сейчас вспоминаю, что был разговор и о шахтинском процессе, но этот шахтинский процесс застал Абрамовича не задолго до его отъезда и у него не было достаточно отчетливой оценки этого процесса, не было достаточно отчетливой оценки содержания этого процесса. Но во всяком случае он указал на то, что вредительство идет по различным руслам и что этот шахтинский процесс является все-таки проявлением совершенно определенного русла.

Крыленко. Отдельного?

Залкинд. Отдельного русла. Повидимому, у него достаточно практической осведомленности об источниках и истоках шахтинского вредительства в то время еще не было.

Крыленко. Этого не было ни у кого.

Эта ваша встреча была с участием Громана и Гинзбурга?

Залкинд. Я, Громан, Гинзбург и Шер.

Крыленко. И после этого его не видели?

Залкинд. Он должен был очень скоро уехать, он почему-то очень торопился.

Председатель. Для меня неясно, как же так,—после того как Абрамович убедился в полной дезорганизации своих меньшевистских рядов, тем не менее через несколько месяцев он дал вам директиву, которая указывала на интервенцию?

Залкинд. Нет, ведь он говорил о дезорганизации той работы, которая велась в рабочих массах. Я так указывал. Периферийные ячейки не были связаны, это были остатки старой меньшевистской организации. Следовательно, он в проти-

вовес той активности и той значимости, которую нашел в нашем «Союзном бюро», но совершенно по другим линиям — по линии экономической дезорганизации и по линии упора на служилый элемент, в провинции нашел ячейки, которые хотели продолжать работу по старым методам. Это его убедило, что сейчас нормально ставить вопрос вести работу по старым методам, и директива об интервенции была дана «Союзному бюро», оширяющаяся на новые методы.

Крыленко. На новую социальную базу?

Залкинд. Да.

Артюхина. Я хочу знать, лично вы Абрамовича до этой встречи знали?

Залкинд. Нет, я его впервые встретил.

Артюхина. Сколько всего дней провели вместе?

Залкинд. О днях говорить не приходится. Первая встреча была у Шера и длилась часа три, а затем совещание у Громана, которое было еще короче.

Муранов. При каких обстоятельствах произошли встречи?

Залкинд. У Громана больше встреч не было. Были всего две встречи: одна до поездки на периферию и вторая — на совещании после поездки.

Председатель. Больше вопросов к Залкинду нет?

Крыленко. Нет.

Председатель. Садитесь, подсудимый Залкинд.

Подсудимый Громан.

Крыленко. Как исторически представляется в вашей памяти беседа, в которой вы участвовали?

Громан. Прежде всего, я также виделся с Абрамовичем два раза — до его поездки и по возвращении его из поездки. Я был болен, и Абрамович посетил меня одного в первый раз и здесь впервые ознакомил меня со всей той атмосферой западной социал-демократии, которая имелась по вопросу об интервенции.

В этом и был центр тяжести беседы со мной, потому что он предполагал, как вы слышали из других показаний, видеть целый ряд отдельных членов «Союзного бюро» и от них информироваться более детально о тех или иных специальных вопросах. Повидимому, этот метод беседы с каждым в отдельности предпринял Абрамович (так как на совещании индивидуальности, в известной мере, стираются) для того, чтобы получить представление о каждом из нас, как политическом деятеле, так как ему приходилось санкционировать этот состав, как руководящий центр внутри Союза. Может быть он хотел меня прощупать, в смысле моих настроений, хотя меня знал раньше достаточно хорошо. Но наша беседа свелась, прежде всего, к информации меня о международном положении и затем к общей информации моей уже об общехозяйственном и социально-политическом положении Союза. Беседа

не была очень длинной по причине состояния моего здоровья, но тем не менее достаточно обстоятельной. Абрамович обрисовал мне те течения, которые имеются во II Интернационале, нашей заграничной делегации, германской социал-демократии, и сообщил целый ряд существенных и во многом неожиданных для меня фактов.

Мне и ранее было известно, что даже и до Марсельского конгресса, о котором упоминал здесь Суханов, что известное течение о «ману милитари», т. е. вооруженной рукой покончить с коммунизмом, имеется не только в кругах буржуазии, но и среди правых элементов с.-д. Это проскальзывало в литературе, такая позиция была и у Каутского в некоторых его выступлениях, затем у нас, у Гарви, который является представителем этой точки зрения и даже практически участвовал в первой интервенции и продолжает эту точку зрения развивать. Я уже имел случай сказать суду вкратце, что в 1927 году Броунштейн, который стоял на решительно противоположной позиции, рассказывал мне, как Гарви информировал Каутского о нестерпимо тяжелом положении Советского Союза и накачивал его всем тем духом своих писаний, которые мы потом видели и которые проявились. Гарви проводил эту линию и внутри заграничной делегации по поводу интервенции.

Аргументация сложная и негармоничная, противоречивая — одна цепь аргументов, связанных с общим мировоззрением, мировоззрением, по которому попытка построения социализма в одной стране не может привести к социализму, а для этого необходимы рамки последовательной демократии, далее трактовка диктатуры пролетариата, как диктатуры крайне ослабляющей волю народного большинства, и т. д., — вся эта идеология приводит к полному отрицанию Октябрьского переворота, как переворота социалистического и как начала мировой революции, которая рассматривает Октябрьскую революцию, как эпизод, который обречен историей на неудачу.

Это один цикл идей, который клался в основу и представителем которого, наиболее ярким, у нас являлся Гарви.

Крыленко. А Абрамович эту аргументацию развивал?

Громан. Как я уже сказал, я отметил в его словах противоречия — и эту аргументацию он выдвигал и совершенно противоречивые. Вот эта общая аргументация приводила к выводу, что данный исторический этап приводит фактически к усилению роли II Интернационала, приводит к коалиции социал-демократии с буржуазными партиями, к участию в правительстве и поэтому есть возможность оказать известное влияние на характер интервенции. Все это должно заставить

нас изменить свой принципиальный взгляд, отрицавший интервенцию.

Противоположная аргументация сводилась к тому, что обостряется борьба Коминтерна со II Интернационалом, при чем в этой борьбе II Интернационал видит увеличивающиеся симпатии пролетариата к Советскому Союзу и через него к Коминтерну. Это — видимые успехи советского строительства и видимые успехи улучшения положения рабочего класса. Это, конечно, цифры дутые, все это прекрасно. Вот вы слышали, как он отнеся к показаниям Залкина относительно реальной зарплаты, — но тем не менее эти видимые, показные, как он говорил, успехи вызывают симпатии рабочего класса к Советскому Союзу, увеличивают мощь Коминтерна в его борьбе со II Интернационалом, и те несомненные ощущения предстоящих боев между II и III Интернационалами в завоевании прежде всего большинства рабочего класса также толкают II Интернационал на изменение своей позиции по отношению к интервенции.

Крыленко. Это первая беседа?

Громан. Это первая беседа в этой ее части; при чем он мне сообщил и даже сказал больше, что ведутся организованные беседы, и сказал, что перед его отъездом была беседа в составе его, Абрамовича, Дана, Далина, Гильфердинга и Дейча, на основании которой он мне может сказать, что, по его мнению, изменение взгляда на интервенцию уже можно признать, как совершившийся факт, но еще официально не получивший оформления, и что это типично только для влиятельных лидеров II Интернационала и германской социал-демократии. В связи с этим растет интерес к русской социал-демократии, что возможна финансовая поддержка со стороны германской социал-демократии и групп, близко к ней стоящих, и указал мне на то, что и с левой частью «Торгпрома» ведутся переговоры о возможности того или иного соглашения и даже возможно...

Крыленко. Абрамович вам сообщил, что ведутся переговоры с левой частью «Торгпрома»?

Громан. Да... и что возможно даже,

что будет известная финансовая помощь...

Крыленко. И о возможности финансовой помощи сказал?

Громан. Да. Не от «Торгпрома», как такового, а от известных группировок более левых.

Если Верховный суд спросит меня, какую информацию я дал, как я оценивал положение у нас и как я думаю, то я мог бы это сказать.

Председатель. Пожалуйста.

Громан. Я и напомнил Абрамовичу, что в 1925 году я говорил, что под большевистским прессом мы хозяйственно и культурно развиваемся, что тогда я и отказался войти в какие бы то ни было политические отношения с меньшевистской организацией и что эти мои отношения существенно изменились с 1926—1927 года, с момента поворота; что с 1928 года, с момента решения XV съезда о чрезвычайных заготовках, я ожидал решительного конфликта этого курса с экономической средой и с населением страны. Это было летом, уже после нашего пленума в 1928 г. Я ему повторил свою оценку пятилетнего плана, о которой я здесь уже говорил.

Чтобы не отнимать времени, я ограничусь только формулой, которая была приведена. Эта формула сводилась к тому, что план предполагает такое напряжение сил, как материальных, так и человеческих, которое, по моему мнению, не в состоянии будет выдержать и что это кончится срывом, которое выразится в хозяйственной области в кризисах, а в области политической в недовольстве населения, которое я распространял и на рабочий класс, который будет в значительной своей части, недостаточно проникнувшей коммунистическим сознанием, подвержен влиянию тех неизбежных продовольственных затруднений, которые с этой политикой неразрывны, и того перенапряжения труда, которое будет иметь место.

Крыленко. Мне нужно будет задать целый ряд вопросов. Поэтому я думаю, что сейчас этим можно было бы ограничиться.

Председатель. Объявляется перерыв до 6 часов.

Вечернее заседание

Председатель. Заседание возобновляется. Подсудимый Громан.

Крыленко. Вы продолжите, пожалуйста, ваши сообщения о первом вашем свидании.

Громан. Уяснив мне обстановку II Интернационала, сообщив указанные мною факты о решении руководящих элементов и некоторые имена, которые мне яв-

звали — Гильфердинг и другие — выяснив мою точку зрения, относительно которой он указал, что теперь она совпадает с их точкой зрения на ход хозяйственной жизни и на ее перспективы, он перешел уже к развитию новой тактики.

В области интервенции формулировка его была такая, что в дополнение и в развитие той формулировки, которую мы

получили еще от Петуннина, со слов Дана, что интервенция—это объективная неизбежность, теперь был сделан уже новый и большой шаг вперед, а именно, что это объективная неизбежность, которая представляет собой единственный способ ликвидации советского режима, в которой мы—русская социал-демократия и международная—должны принять участие в целях возможно более благоприятного для демократии и пролетариата исхода интервенции. В этой формуле прямая директива о том, что нужно активно готовиться к контрреволюции и помочь этой контрреволюции, еще отсутствовала, но все предпосылки для того, чтобы сделать этот вывод, были уже налицо, раз она была признана единственно возможным способом ликвидации—тем способом, в котором можно и должно принять участие.

В области вредительской, дезорганизаторской работы установка была обострена и углублена с гораздо большей точностью и определенностью и были сделаны те указания, которые были даны Даном Петуннину.

Была развита целая система воззрений, которые впоследствии были объединены и даны письменно. Я заявил, что как ни авторитетно имя Абрамовича, но во всяком случае без письменной директивы я не могу принять ее, как обязательную. Она развита на странице 20-й обвинительного акта в изложении письменной директивы Суханова, память которого повидимому очень точно воспроизвела содержание этой директивы. Когда я прочитал обвинительное заключение, то я увидел, что это лучшая формулировка, которую можно было бы дать, совпадающая с моим воспоминанием о той устной беседе, которую я имел.

Значит самая система социалистического наступления, система приступа к социалистическому преобразованию деревни уже охарактеризовалась старым термином «военный коммунизм». Самым этим термином уже предreshался ее отрицательный характер как формы, нежизнеспособной для развития нового социального хозяйства. Потому что военный коммунизм есть, несомненно, форма, создаваемая в исключительных обстоятельствах для специфических целей, для обороны революции. Самая аналогия уже характеризовала категорически отрицательное отношение. Значит, эта система военного коммунизма влечет за собой несомненный экономический регресс, несомненные бедствия для трудящихся и пролетариата. Поэтому все средства борьбы должны быть признаны допустимыми и целесообразными. Тот тактический принцип, который когда-то соответствовал постепенному развитию социал-демократии, принцип наименьшего зла, здесь был использован со злым умыслом, и таким путем была выдвинута формула

о том, что те бедствия, которыми будет сопровождаться дезорганизация хозяйства, будут меньше тех, которые несет в себе осуществление системы военного коммунизма. И вот эта лицемерная фарисейская формула, таким образом, оправдывала нанесение непосредственного ущерба интересам народных масс, а не только борьбу с развитием социалистических форм и с построением социализма в СССР,—формула, которая легла в основу деятельности «Союзного бюро», и которая раньше подготавливалась «Социалистическим вестником», а в это время уже получила наиболее яркое развитие. В области организационной я высказал мнение, что подробности надо обсудить на совместном совещании, но принципиальный подход его был такой, что мы возводились в ранг державы, но в роде независимой Австралийской колонии, т.е. в принципиальных вопросах наши решения не могли приобрести силу до санкции заграничной делегации. С другой стороны, принципиальные установки заграничной делегации могли восторжествовать,—решающее слово в конечном счете принадлежало им.

Второе совещание на моей квартире состоялось в присутствии ряда товарищей. Я был болен. Совещание происходило в двух смежных комнатах, дверь была открыта и я слушал разговор. Он повторил то, о чем говорил со мной, но в более сдержанной форме: имен Брейндшейда и Гильфердинга он на этом совещании не называл, в то время как мне лично на первом свидании он эти имена называл. В этой беседе принимали участие Штерн, Гинзбург, Залкинд. Суханов еще не входил. Присутствовала вся четверка, которая была в то время,—Громан, Штерн, Гинзбург, Шер.

Крыленко. Шера не было?

Громан. Да, его не было, я ошибся, вместо него был Залкинд. Шер, кажется, уезжал в это время. Но, во всяком случае, Абрамович сказал, что с Шером он очень подробно говорил и, таким образом, тот ответ, который мы ему дали, что мы принимаем его установки, был ответом решающей пятерки. По заведенному у нас обычаю мы впоследствии каждому отдельному члену организации рассказывали и спрашивали, присоединяется он или нет, и он давал свое согласие.

Таким образом, это была формулировка «Союзного бюро». На основании этой директивы мы могли уже вступить в практический блок с «ТКП» и дальше с будущей «Промпартией», так как нужно было установить контакт со всеми силами, которые могут оказать содействие в этой борьбе и участие которых будет признано целесообразным. Вот почему, когда этот вопрос был прямо и решительно поставлен на совещании в феврале 1929 года, то до получения этой директивы, когда поднимался вопрос о

подготовке интервенции и подрыве обороноспособности страны, когда этот вопрос поднимался Рамзиным, я должен был ему сказать, что мы ожидаем ответа. Когда же в руководящей пятерке с участием Суханова мы обсудили полученную директиву, то я уже дал ему положительный ответ.

Крыленко. Об этом приезде остальные были осведомлены?

Громан. Да, все члены «Союзного бюро».

Крыленко. И на этом основании они принимали соответствующее решение?

Громан. Да.

Крыленко. Меня интересует одна мелочь, имеющая существенное значение, — это та поправка, которую внес Залкинд в слова Гинзбурга, относительно расстояния между первым и вторым совещанием.

Громан. Насколько я помню, около недельного срока отделяло первое мое свидание от второго. Но я не знаю точно содержания всех бесед, которые имели место, я удовольствовался лишь темой и понял, что «улов мал». Непосредственно он мне не рассказывал, а рассказывал это совещанию.

Крыленко. Больше у меня вопросов к гр-ну Громану нет.

Председатель (к Громану). Садитесь.

Крыленко. Теперь можно опросить остальных подсудимых, что им известно. Можно начать с Якубовича.

Председатель. Подсудимый Якубович.

Крыленко. Вам было известно об этом совещании и об этом свидании?

Якубович. Да, я узнал об этом даже не впоследствии, а в то время, когда Абрамович приехал, т.е. он не изъявил желания со мною увидеться и не был заинтересован со мною встретиться лично наедине, но я знал, что он приехал, что должно состояться совещание, в котором и я должен был принять участие. Насколько я помню, предполагалось, что это совещание состоится несколько позже, чем оно фактически состоялось. Так, когда мне сообщили Шер или Штерн, или может быть Гинзбург, что приехал Абрамович, то речь шла о том, что он уедет недели на две. У него предполагалась поездка в Минск и, кажется, также на Украину. Это должно было несколько задержать созыв собрания, чтобы приурочить это собрание ко времени его возвращения. К этому же времени должен был приехать и Шер. Но потом фактически это совещание состоялось раньше намеченного срока. Абрамович вернулся раньше, позидимою он посетил не все те пункты, которые он первоначально имел в виду. Во всяком случае это совещание состоялось раньше, чем было предположено, что создало некоторую спешку, и поэтому я случайно не был на этом совещании, потому что меня не нашли на квартире. Меня не было на

квартире и не было в служебном, кабинете, я был на совещании служебном, деловом и никто не знал, где я нахожусь. Таковы чисто случайные причины, помешавшие мне присутствовать на этом совещании с участием Абрамовича, но я знал, что это совещание происходит, знал, что Абрамович был в Москве — не по позднейшим рассказам членов «Союзного бюро», а уже во время его пребывания в Москве. По содержанию же совещания, о чем шла речь, я, пожалуй, ничего не могу прибавить, потому что, мне кажется, более исчерпывающие объяснения дали до меня предшествующие товарищи, которые с ним виделись и которые меня впоследствии обо всем осведомили.

Крыленко. Попрошу гр-на Соколовского.

Председатель. Подсудимый Соколовский. Подсудимый Якубович, можете садиться.

Крыленко. Что вам было известно об этом приезде?

Соколовский. Я впервые узнал о нелегальном приезде Абрамовича, члена ЦК, от А. М. Гинзбурга, который перед отъездом на курорт рассказал мне, что он имел свидание с Абрамовичем, специально приехавшим сюда по организационно-партийным делам. Потом об этом же самом свидании мне рассказал Владимир Густавович Громан в Кисловодске. Я могу только пополнить то, что мне говорили. У меня сложилось такое впечатление, что, естественно, когда несколько человек рассказывают об одном и том же, то получают известное рода оттенки. Я их старался все время сводить воедино, и прихожу к такому заключению, что директива Абрамовича и разговор с ним являются, несомненно, развитием той директивы, которую Дан дал Петунину в отношении дезорганизаторской работы. Что касается интервенции, то я должен сказать, что у меня получилось такое впечатление, что Абрамович развивал перед членами «Союзного бюро» два варианта, при чем он сделал это в очень ярких и определенных формах.

Эти два варианта состоят в следующем. Он говорил о том, что перед меньшевиками, перед международной социал-демократией имеются две перспективы или два варианта перспектив: первая перспектива — либо эволюция Союза в сторону капитализма и примирение со всем капиталистическим окружением — это одна перспектива; либо в виду несовместимости социалистического Союза и капиталистического окружения наступает вторая перспектива — неизбежности вооруженного вмешательства, неизбежности интервенции.

Долгое время — как Абрамович развивал эту идею — социал-демократия, на основании линии, доложенной Мартовым, верила в то, что произойдет эволюция,

экономическая эволюция Союза, что она пойдет в сторону капитализма и произойдет примирение с капиталистическим внешним окружением, с мировым окружением и таким образом удастся уладить вопрос о существовании и о судьбе самого Союза без всякой интервенции.

Но за последнее время, особенно после XV съезда, после решительного социалистического наступления, Абрамович говорит, что теперь социал-демократия — мировая и немецкая и ЦК русской зарубежной делегации — окончательно изверилась в возможности какой бы то ни было эволюции в этом направлении. Поэтому становится совершенно реальной вторая перспектива. Он указывал на то, что это произойдет в гораздо более резких формах и что то понимание формулы, которое имелось в этом смысле, подсказывало, подталкивало русских меньшевиков на мысль об интервенции. Абрамович ясно говорил, как это мне передавали, что социал-демократы должны к этому факту об интервенции подходить не под моральным, не под этическим углом зрения, а политически. Это — факт неизбежный. Если социал-демократия не хочет быть отброшена на политические задворки, если она действительно во время интервенции и после нее хочет ослабить реакцию, империалистический характер этой интервенции, то она должна что-то отвоевать для рабочего класса таким или иным путем и должна реально практически в это дело вмешаться.

Председатель. Вмешаться в интересы рабочего класса?

Соколовский. Да, он говорил, что она должна вмешаться в интересы рабочего класса. Что же касается мотивировок о «красном империализме», то я должен сказать, что не у всех передававших эту мотивировку я слышал. Все передававшие говорили о том, что он устанавливал абсолютную неизбежность наступления интервенции и необходимость положительного отношения к ней меньшевиков. Меньшевики, как он говорил, должны вмешаться в этот факт, они должны занять в нем определенную позицию.

Что же касается мотивировки, — как относятся к этому меньшевики, как расценивают они этот факт с точки зрения «красного империализма», то я слышал об этом от некоторых товарищей, которые отдельно разбивали эту мотивировку, именно они об этом и передавали.

Далее Абрамович, как мне представляется, указывал (это тоже новый момент, который не был у Дана, когда он передавал директиву Петунину) на то, что эволюция в правящих кругах II Интернационала и немецкой социал-демократии тоже идет в эту сторону, т.е. там эта позиция, позиция неизбежности интервенции, позиция необходимости вмешательства социал-демократии II Интернационала, русского ЦК проникает в умы

правлящих кругов II Интернационала и немецкой социал-демократии. Поэтому Абрамович высказывал надежду на то, что эта позиция получит мощную поддержку II Интернационала и немецкой социал-демократии. Я должен сказать, что все рассказывавшие об этом в своих разговорах этот момент отмечали.

Наконец, третье, на чем я хотел бы сосредоточить внимание суда — это следующее. Конечно, я еще раз повторю, что я это передаю со вторых рук. Естественно, что я могу тут ошибаться. Но я должен сказать, что у меня сложилось впечатление, о котором я должен рассказать суду, о том, что Абрамович не исключая всякую работу среди пролетариата. Он говорил не только об организации работы среди служилой интеллигенции, среди советских сотрудников, но, как мне передавали, Абрамович говорил так: эта работа среди служилой интеллигенции есть первоочередная задача. Надо раньше наладить эту работу среди служилой интеллигенции, надо сплотить, консолидировать старые социал-демократические кадры, социалистическую интеллигенцию, а потом уже следует попытаться перенести работу в рабочие, пролетарские круги. Но при этом он указывал, что несомненно подтвердят и члены «Союзного бюро», на то, что эта работа представляется в высшей степени затруднительной, в виду того, что в рабочих массах господствует авторитет коммунистической партии. Поэтому теперь вопрос об агитации, о пропаганде, о постановке работы среди пролетариата представляется в высшей степени сложным и требует специальной проработки.

Если память мне не изменяет, Абрамович даже сказал, что сейчас стоит задача перед зарубежной делегацией и русским ЦК разработать вопрос о методах, о приемах, о тех подходах к той новой ситуации, которая теперь создалась для агитации и пропаганды меньшевизма в среде пролетариата.

Крыленко. К этому сводится все то, что известно вам о приезде Абрамовича и о тех директивах, которые он вам давал?

Соколовский. Да.

Председатель. Садитесь.

Подсудимый Петунин.

Крыленко. Что было вам известно?

Петунин. Во время приезда Абрамовича я был в отпуску, который я проводил вне Москвы, но о его приезде вскоре после возвращения из отпуска я был осведомлен Шером, с которым был связан по всем текущим вопросам. Из того, что мне сообщил Шер, я могу дополнить к тому, что здесь уже говорилось, еще одно только обстоятельство. У меня в памяти сохранилось сообщение Шера о том, что Абрамович подтвердил ему обещание, данное мне в свое время Даном, о финансировании нашей вредительской работы. Что касается интервенции, то

интерпретация Шера совпадала с той установкой, которая была дана мне при свидании в Берлине, с той разницей, что Дан меня информировал о том, что такая перспектива расценивается как неизбежная, что она возможна с точки зрения действия тех сил, которые собираются ее осуществить, и что делегация считает ее приемлемой. Но, видимо, надо понимать, что эта информация имела целью подготовить в свою очередь и нас здесь к приемлемости этой позиции, в то время, как то, что сообщил Абрамович, было уже директивной.

Крыленко. Больше вопросов нет.

Председатель. Садитесь.

Подсудимый Волков.

Крыленко. Что было вам известно?

Волков. Я не видел Абрамовича; узнал о его приезде по возвращении из отпуска в сентябре месяце.

Информировал меня об этом Гинзбург. Информация в общем сводилась к тому, что он уже здесь говорил, главным образом, ознакомление с союзной работой и потом об интервенции.

Крыленко. К этому сводилось?

Волков. Да.

Крыленко. Я только хотел констатировать перед судом, что из десяти членов «Союзного бюро» Шер виделся, потом уехал и на этом совещании не мог быть. Громан был, Гинзбург был, Залкинд был. Якубович не попал случайно, Волков не был, Петунин не был, Соколовский не был, Финн-Енотаевский не был, так что остальные члены «Союзного бюро» не были, и состав совещания у Громана был единственно объективно возможным.

Председатель. Больше вопросов нет? (Нет).

Гинзбург. Я прошу слово для заявления.

Председатель. Подсудимый Гинзбург.

Гинзбург. Тут отмечалось разногласие между моими показаниями и показаниями Залкинда в части промежутка времени, который прошел между первым свиданием и вторым. Я должен поправить свое заявление в том смысле, что я оговорился. Я упустил из виду, что как раз после разговора с Абрамовичем я уезжал в служебную командировку на 4—5 дней, и поэтому показания Громана о том, что между первой встречей и второй прошло около недели, вполне соответствуют действительности.

Крыленко. Чтобы покончить с этим эпизодом приезда Абрамовича, я хочу исполнить просьбу гр-на Абрамовича и просить суд приобщить к делу телеграмму, полученную мною лично по радио от 2 марта. Гр-ну Абрамовичу угодно дать свои свидетельские показания добровольно по этому делу, при чем он для вышшей убедительности суда оповещает, что он пришлет сверх того письмо по почте, заверенное под присягой германским судом. Я прошу суд осмотреть те-

леграмму, приобщить ее к делу и огласить, а затем разрешить мне обратиться с вопросом к наиболее старым социал-демократам меньшевикам со скамьи подсудимых, как вообще меньшевики социал-демократы рассматривали свидетельство под присягой, в качестве специального особо вещественного и весомого судебного доказательства (смех в зале).

Брауде. Мы получили на имя защитников такую же телеграмму, как и на имя тов. Крыленко. Наше отношение точно такое же, просим приобщить (смех в зале).

Крыленко. «Москва, обвинителю Крыленко, из Берлина. Получив «Правду» от 27 февраля с обвинительным заключением по инсценированному вами процессу 14 человек, никогда не составлявших наше бюро, категорически заявляю и прошу огласить на суде, что не только все обвинения против нашей партии являются злостной ложью и клеветой, но в частности, все рассказы о моем якобы пребывании в Москве летом 1928 года—вымысел от начала до конца. В действительности я не был в России с ноября 1920 года и до сегодняшнего дня. Соответствующее формальное заявление под присягой, заверенное германским судом, следует почтой. Рафаил Абрамович Рейн-Абрамович» (смех в зале).

Брауде. Полученная нами телеграмма не разнится от оглашенной телеграммы. Поэтому наше ходатайство состояло только в том, чтобы просить об оглашении ее на суде и приобщении к делу.

Председатель. Судебное присутствие, констатируя получение телеграммы на имя государственного обвинения и защиты и заслушав ходатайство государственного обвинения и защиты, определяет: приобщить телеграмму Абрамовича к делу.

Крыленко. Можно будет задать вопрос Громану?

Председатель. Пожалуйста. Подсудимый Громан.

Крыленко. Я хочу вас спросить не по поводу содержания этой телеграммы или необходимости определения вашего отношения к ней. Этот вопрос достаточно выяснен, а исключительно относительно того, как вы расцениваете дачу присяги перед буржуазным судом, с точки зрения права и традиций социал-демократии?

Громан. Очевидно, уже забыла революционные воспоминания заграничная делегация. Никогда интересы рабочего класса и право революции не противопоставлялось законам буржуазного общества и никогда даже в тот период, когда меньшевизм входил с большевиками в единую социал-демократическую рабочую партию, которая называлась революционной рабочей партией, партией революционного социализма, никогда при том отношении к буржуазному строю, кото-

рое свойственно именно такому понижению своей исторической миссии и своего долга перед пролетариатом, ссылая на присягу перед буржуазным судом не могла быть сделана.

Крыленко. Подсудимый Июков.

Июков. Я могу только добавить к этому заявлению Владимира Густавовича Громана, что мне, который, в отличие от многих зарубежных товарищей, никогда не отходил непосредственно от работы в меньшевистском объединении—не то, что остальные, которые стояли в стороне десятки лет,—мне с болью и грустью приходится констатировать, что известная связь, известное моральное уважение к зарубежным товарищам порывается.

Крыленко. Подсудимый Шер.

Председатель. Подсудимый Шер.

Крыленко. В традиции российской социал-демократии бывали случаи свидетельства под присягой перед буржуазным судом, как судебного доказательства?

Шер. Я не слыхал о таких прецедентах до сих пор, но меня не удивляет, что это имеет место в данном случае, поскольку два дня тому назад была оглашена телеграмма зарубежной делегации, в которой нас называли провокаторами и трусами, которые из трусости перед смертью делают все свои заявления. Естественно, что члены зарубежной делегации, которые уличаются нашими показаниями, прибегают ко всем способам, беря их как из арсенала собственных старых традиций, так и чисто-буржуазного. В данном случае это орудие целиком заимствовано из орудий чужого арсенала.

Крыленко. Можно спросить Якубовича?

Председатель. Подсудимый Якубович.

Якубович. По поводу отношения наших социал-демократов к факту присяги. Вряд ли мне здесь надо что-либо прибавлять к тому, что говорили мои товарищи, которые имеют значительно больший стаж пребывания в партии, нежели я. Я только могу заявить, что я полностью с ними солидарен.

Я хочу к этому прибавить, что телеграмма Рафаила Абрамовича Рейн-Абрамовича, хотя нами не ожидалась, но является естественным продолжением того шага, который был предпринят зарубежной делегацией и который выразился в той статье, которая была опубликована в «Форвертсе» и передана по телеграфу в Москву. Совершенно естественно, что это не последний шаг, который предпринимается со стороны зарубежной делегации в той борьбе, которую она развертывает и которая будет развернута в связи с этим процессом.

Когда мы выступили на судебном заседании с нашими заявлениями в связи с той телеграммой, которая была передана, мы тогда констатировали, что этот процесс нельзя рассматривать иначе как тя-

желый удар, который нанесен зарубежному меньшевистскому центру и тем остаткам меньшевизма, которые еще сохранились, тяжелый удар, который нанесен всяким попыткам восстановить меньшевистскую работу в будущем. Естественно, что этот удар они не могут парировать только одним встречным ударом—тем заявлением, которое было опубликовано в «Форвертсе»; что они должны предпринять еще ряд новых шагов и ударов. Но надо сказать, что этот шаг является мало остроумным и мало удачным. Конечно, надо чувствовать полное отсутствие какого-нибудь аргумента, полное отсутствие каких-либо способов опровергнуть наши слова для того, чтобы прибегать к присяге. Если неправильно наше сообщение о его приезде сюда, то надо было установить алиби, надо было найти доказательство, что он здесь действительно не был и находится в это время в другом месте, вместо того, чтобы прибегать к присяге.

Повторяю, эта телеграмма констатирует полное отсутствие какой-либо аргументации, полное отсутствие какого-либо способа опровергнуть наши слова. Это—лучшее доказательство, что сделанные нами сообщения истинны, соответствуют правде, что действительно Рафаил Абрамович Рейн-Абрамович был в это время в России, это—лишнее доказательство справедливости сообщений, которые были сделаны здесь на суде подсудимыми.

Крыленко (к суду). Можно спросить, кто желает высказаться из остальных подсудимых, но только касаясь самого факта присяги?

Председатель. Кто из подсудимых желает выступить по существу факта присяги?

Залкинд. Меня эта телеграмма совершенно не поразила, потому что в той выдержке, которая была здесь оглашена из статьи «Форвертса», уже содержались все элементы этой телеграммы. Уже там, если я правильно запомнил, было указано, что Абрамович никогда в России не был. И поэтому, выступая здесь на суде, я чувствовал, что Абрамович, конечно, этим аргументом будет пользоваться и дальше. Для меня этот факт в настоящее время является, я бы сказал, рисуящим морально-общественную физиономию Абрамовича, потому что я с ним беседовал более подробно, чем другие, потому, что моя беседа с ним имела для меня кардинальнейшее значение тогда в одном из основных вопросов нашей дальнейшей тактики. Как я вам уже рассказывал, я тогда уже чувствовал двуличность его позиций. В настоящее время это полностью подтверждается. Что касается формы присяги, то она тоже для меня совершенно неудивительна. Это метод противополжен тому, которым мы стараемся доказать пролетариату и рассказать ему правду обо всем этом. Мы как это

делаем? Мы кровью своего сердца теперь и после всего того, что мы перестрадали за последние месяцы, рассказываем то, что мы сделали, рассказываем правду о тех мотивах, которые нами тогда руководили, для того, чтобы нам дали здесь оценку. Пролетариату, я полагаю, здесь клятв не нужно. Он проверит факты, проверит наши объяснения и вынесет нам соответствующий приговор.

Абрамович рассчитывает на совершенно другое — это для меня совершенно определено и ясно. Я рассматриваю форму присяги исключительно как специфический метод воздействия на немецкие буржуазные и мелкобуржуазные круги. Для них это особенно убедительно. Раз человек это сказал под присягой, значит это все. Вот с какой точки зрения я рассматриваю этот поступок. Это — не больше не меньше, как тактический ход, рассчитанный на те классы и на те круги, на которые опирается социал-демократия в настоящее время.

Председатель. Подсудимый Рубин.

Рубин. Я не буду говорить о странной форме, в которую облечена телеграмма, но я хочу напомнить, что когда мы, социал-демократы, выступали перед буржуазным и царским судом в качестве ли свидетелей или в ином виде, то каждый раз, когда закон предоставлял малейшую возможность отказаться от присяги, мы отказывались, если можно было мотивировать наш отказ в какой-нибудь скрытой форме, мотивируя тем, что присяги мы, конечно, не признаем, что она является для нас формой неприемлемой в выражении наших чувств и знаний.

Теперь по существу. Мне кажется, конечно, странным предположение, что в таком огромном мировом деле, как борьба основных мировоззрений, борьба течений в мировом масштабе, можно придавать значение показаниям даже не свидетельским, а показаниям лица, непосредственно и кровно в этом деле заинтересованного.

Председатель. Подсудимый Гинзбург.

Гинзбург. Я подтверждаю, в общем, те заявления, которые здесь делались. Я должен прибавить, что если бы вообще Абрамович считал необходимым воспользоваться помощью судебных органов для того, чтобы вскрыть свою действительную позицию и оправдать свое политическое поведение — поведение последних лет в Советском Союзе, — мне кажется, он поступил бы более правильно, если бы он обратился к пролетарскому суду с предложением разобрать его дело и с заявлением о даче полного объяснения, которого от него потребуют. (Смех в зале).

Председатель. Переходим к следующему моменту.

Крыленко. Я хотел бы теперь перейти ко второму эпизоду — к приезду Броунштейна. Можно попросить Шера?

Председатель. Подсудимый Шер.

Крыленко. Будьте любезны рассказать то, что вам известно о приезде другого представителя заграничной делегации и о ваших встречах с ним.

Шер. О приезде М. А. Броунштейна я узнал весной 1929 г. примерно в марте месяце. Узнал об этом от его родственника, члена ячейки Госбанка Лежнева, который сообщил мне, что Михаил Абрамович Броунштейн приехал в Москву и имеет поручение от заграничной делегации видиться со мной, что он хотел бы иметь эту встречу со мной. Я дал согласие на эту встречу. После телефонного предупреждения со стороны Лежнева Броунштейн пришел ко мне на квартиру. Беседа, которая у меня с ним была, сводилась к следующему: мы касались вопросов, которые стояли в это время перед «Союзным бюро», вопросов о блоках со смежными организациями, в частности речь шла о блоке с «ТКП», с которой в это время уже намечалось более тесное сближение, впоследствии укрепившееся созданием упоминаемой мною сегодня утром контактной комиссии.

Броунштейн указал, что он поддерживает блок с «ТКП». О блоке с «Промпартией», насколько я помню, не говорилось. Он говорил о том, что он расценивает эту крестьянскую организацию, как наиболее реальную силу в настоящее время в Союзе, т.-е. реальную контрреволюционную силу.

Затем речь шла относительно интервенции. Броунштейн указал, что он стоит на левом крыле заграничной делегации и что он в течение долгого времени был противником интервенции, т.-е. противником в смысле активной поддержки интервенции и использования тех возможностей, которые она представляет собой. Но в конечном счете после долгих колебаний, после тех убеждений, которые ему пришлось слышать со стороны сторонников интервенции, в частности со стороны Гарви, Броунштейн в конце концов счел возможным изменить свою точку зрения и стать на точку зрения положительной оценки интервенции. Сделал он это потому, что считал, что расходы интервенции, те кровавые расходы, которые с ней связаны, в конечном счете дадут меньшую тяжесть широким трудящимся массам, нежели планы пятилетки, осуществляемые Советским Союзом, т.-е. те жертвы, которые рабочий класс вынужден принести «на алтарь пятилетки», как он выражался, гораздо более значительны и в конечном счете влекут за собой гораздо больший ущерб для народного хозяйства, для трудящихся масс, для рабочего класса в частности, чем те возможные жертвы, которые связаны с интервенцией.

Исходя из этих соображений, он отбросил свои сомнения в этом вопросе и счел возможным не возражать против

того, что правые нам приписывают как определенную директиву. Между прочим он здесь ссылаясь на свою левую позицию. Для нас и для меня в частности это было достаточно убедительным аргументом: если левые группировки заграничной делегации становятся на эту точку зрения, то ясно, что и заграничная делегация в целом полностью и без оговорок стоит на точке зрения активной поддержки интервенции. Опять-таки, насколько ясно помню, практических указаний, в смысле установления связи с «Промпартией», в смысле каких-нибудь определенных подготовительных шагов к интервенции, он не делал. Не в этом лежал центр тяжести нашей беседы.

Беседа носила сравнительно принципиальный характер и была основана, главным образом, на принципиальной оценке интервенции, на мнениях и взглядах левой группировки заграничной делегации. Давая положительную оценку интервенции и указывая на необходимость и неизбежность блока с «ТКП», Броунштейн говорил, что, по его мнению, «Союзное бюро» совершает большую, грубую ошибку, совершенно игнорируя или совершенно не осуществляя работу в широком масштабе, т.е. работу среди пролетарских масс, с одной стороны, и с другой стороны — среди широких трудящихся масс. Мы не ведем широкой агитации, наша организация имеет очень узкую социальную базу, эту базу нужно расширить, в организацию втянуть более широкие массы и обратить внимание, в первую очередь, на рабочий класс, на те старые связи, которые, по его мнению, остались совершенно не разработанными «Союзным бюро». Он указывал, что благодаря, может быть, отсутствию близкой преемственности между старыми нелегальными организациями, существовавшими до возникновения «Союзного бюро», и нашей работой, создалась известная отчужденность и несколько презрительно высокомерное отношение, как он его характеризовал, к массовой работе, с одной стороны, и к нелегальной работе — с другой. Поэтому он заявил, что он уполномочен заграничной делегацией остаться в Москве и принять непосредственное участие в работе «Союзного бюро» в качестве члена такового для того, чтобы выправить эту линию.

Должен сказать, что меня не особенно прельщала такого рода опека, но я не считал возможным с этим спорить, поскольку из предшествующей беседы с Абрамовичем вытекало, что, собственно говоря, члены «Союзного бюро» до некоторой степени зависят от общих принципиальных установок заграничной делегации, и что поэтому решение заграничной делегации в некотором отношении является для нас обязательным. Поэтому, поскольку Броунштейн хотел принять участие в работе, хотя бы он приехал с

несколько генеральскими функциями, я решил не возражать против этого, указав, что, по всей вероятности, это будет возможно и вряд ли будут возражения со стороны членов «Союзного бюро». Но вместе с тем я указал, что очень сильно сомневаюсь, чтобы ему удалось реально изменить социальную базу меньшевизма так, как он это предполагает, что вряд ли ему удастся найти широкий отклик в рабочей среде и оживить те связи, которые, как мне представляется, давно стали мертвыми, между меньшевиками и рабочей средой. Практически этот разговор кончился ничем, ибо мы сговорились встретиться еще, и он предполагал, что он примет непосредственное участие в работе. Между прочим, я советовал ему познакомиться с другими членами «Союзного бюро», полагая, что беседа с ними несколько охладит его настроение и убедит в том, что решение о массовой работе, с которым он предвзято приехал из-за границы, решение о широкой социальной базе не так легко осуществимо, как он предполагает. Не знаю, состоялись ли эти беседы, кажется, он беседовал с Сухановым, я лично встретился с ним, совершенно мельком, один раз, на квартире у Лежнева, когда я зашел к Лежневу и застал там Броунштейна. Тогда Броунштейн сказал, что, к сожалению, его невозможно принять участие в работе «Союзного бюро» несколько задерживается по чисто семейным обстоятельствам (у него был болен ребенок), и кроме того он хотел выдержать «карантин», как он говорил, т.е. удостовериться в том, что он совершенно свободен от наблюдений органов ОГПУ. Он полагал, что за ним следят, и хотел убедиться, что этой слежки нет. Не знаю, удержал ли его этот карантин или семейные обстоятельства, но принять участие в работе «Союзного бюро» ему не удалось, поскольку вскоре он был арестован.

Крыленко. Значит было две встречи?

Шер. Да, две встречи, из которых одна была мимолетной, в которой он указал, что не будет пока принимать участия по тем причинам, о которых я упомянул.

Крыленко. Сущность беседы сводилась только к подтверждению директив, данных Абрамовичем в более четкой форме, а затем имелся еще опять-таки вопрос о взаимоотношениях заграничного ЦК и «Союзного бюро»?

Шер. Да. Виноват, я еще упустил из виду сказать, что он, рекомендуя усилить связи, имел в виду также связать «Союзное бюро» и группы бывших эссыльных меньшевиков с теми группами, которые были ближе связаны с нелегальными организациями, через которые, как он предполагал, мы могли установить связь с рабочей средой, в частности он рекомендовал мне договориться с Владимиром Константиновичем Иковым, ке-

того я давно знал, и привлечь его так или иначе, в той или иной форме, к работе «Союзного бюро».

Крыленко. Весна 1929 года?

Шер. После этого разговора я имел несколько встреч с Иковым и мы условились с ним о совместной работе по обслуживанию «Союзного бюро».

Крыленко. У меня нет вопросов к г-ну Шеру. Я имею ходатайство.

Председатель. Пожалуйста.

Крыленко. Обвинение предполагало в качестве свидетеля по этому делу вызвать Лежнева Александра Ивановича, на которого только что ссылался и имя которого упоминал подсудимый Шер, тем более, что этот свидетель необходим был как по вопросу о приезде Броунштейна и содержании бесед с Броунштейном и тех показаний, которые Броунштейн дал, так и по вопросу вредительской работы. К сожалению, мы лишены возможности сейчас это сделать, в виду болезни Лежнева. У меня имеется официальный документ, акт медицинского освидетельствования, который показывает, что он лежит в таком состоянии, с высокой температурой, что не может явиться. Я буду просить тогда суд разрешить огласить и приобщить к делу соответствующую часть показаний Лежнева, которая касается главным образом встречи Шера с Броунштейном, и содержание беседы с Броунштейном.

Председатель. Защита, ваше мнение.

(Защита не возражает).

Крыленко. Вот документ медицинского характера, и самые показания, собственноручный подлинник и копия (передает документы).

Председатель. Тов. Крыленко, огласите эти показания.

Крыленко. «Протокол допроса Лежнева Александра Ивановича от 6 февраля 1931 года.

О приезде Броунштейна я узнал от сестры Агнии Ивановны весной 1929 года во дворе scarлатинозного барака, где она была со своим больным сыном. Туда мы, родственники, приносили ей и ее сыну молоко и другие продукты питания, и я в том числе раза два или три. В первый раз при разговоре она сказала, что он приехал, повидимому, в связи с тяжелым положением сына и что она, в виду высокой температуры у сына, с ним долго разговаривать не могла. Через неделю, примерно, я был у сестры второй раз; в этот раз она сообщила мне, что Броунштейн был у нее еще раз, что, где он остановился, она не знает, что приехал он, повидимому, нелегально и не только чтобы прозедать сына, но, как она догадывается, и с какими-то партийными поручениями, но что она, как мать общего их сына и как бывшая жена, не может отказать ему в свидании, поскольку он не может не видеть больного сына. Значительно позже она мне говорила (после

перевозки сына из больницы домой), что еще виделась с Броунштейном на квартире, насколько помню, или родственника или человека близкого к семье Броунштейнов.

Однажды сестра мне сказала, что Броунштейн хотел бы со мной увидеться. Я согласился и мы встретились в сквере около клиник. Броунштейн просил меня передать Шеру о том, что он хотел бы с ним встретиться. Я передал последнему об этом. Шер согласился встретиться с Броунштейном у себя на квартире, но просил предварительно с ним договориться по телефону. Насколько помню, в конце мая 1929 года эта встреча и состоялась. Беседа происходила в верхнем этаже квартиры Шера в его кабинете. Никого из посторонних, кроме Шера, Броунштейна и меня, больше не присутствовало. Разговор длился около часу. Броунштейн сообщил, что прибыл он нелегально в СССР с поручением от заграничного бюро РСДРП усилить работу и наладить связи между русскими и заграничными организациями, при чем поделился теми принципиальными установками в работе, которые намечаются в заграничных организациях. Прежде всего он отметил, что расчеты на перерождение советской власти не оправдываются, что необходима более решительная борьба с ВКП и советской властью, что надежды на правых уклонистов также не подтверждаются. Поэтому в заграничных кругах РСДРП складывается мнение о том, что необходимо пересмотреть прежнюю точку партии о недопустимости интервенции, что, поскольку в заграничных правительствах вновь ставится вопрос об интервенции, следовало бы через родственные с.д. организации Западной Европы, входящие в состав правительств, эту интервенцию поддержать, что он беседовал по этому поводу с рядом русских социал-демократов, насколько помню, он называл В. Г. Громана и некоторых нелегальных работников, которые разделяют эти взгляды, что внутри СССР необходимо усилить дезорганизаторскую работу в народном хозяйстве и принять меры к тому, чтобы особо энергично развить ее к моменту интервенции.

В. В. Шер в целом согласился с этими установками. Вместе с тем М. А. Броунштейн поставил вопрос о необходимости более тесной информации и связи с другими оппозиционными организациями (правые уклонисты в ВКП(б), «Грудовая крестьянская партия»). Шер сказал, что русский центр это понимает и делает все возможное в этом направлении, что в частности с «ТКП» такая информация и связи установлены. Беседа закончилась на этом, при чем было признано необходимым встретиться еще раз — на этот раз уже у меня на квартире, при чем я должен был согласовать и с Шером и с Броунштейном удобный для них день и

час. Недели через две, примерно, после первой встречи эта вторая встреча и состоялась у меня на квартире, при чем я предварительно условился с М. А. Броунштейном и В. В. Шером о часе встречи и принял меры к тому, чтобы у меня на квартире никого не было.

Беседа состоялась в отдельной — одной из двух занимаемых мною комнат — комнате и принимали в ней только участие В. В. Шер, А. Броунштейн и я. Больше никого не было. В. В. Шер сообщил, что он по поводу затронутых в первой беседе установок о необходимости поддержки интервенции, развития дезорганизаторской работы, связи с другими организациями беседовал с большинством русского ЦК и что они разделяют эти установки. В частности, Громан В. Г., Соколовский А., Залкинд, М. А. Броунштейн, в свою очередь, сказал, что ему удалось переговорить по этому вопросу с Сухановым, который также разделяет эти позиции, при этом Броунштейн констатировал то обстоятельство, что и русский ЦК и зарубежный центр в этом вопросе солидаризировались, о чем он и считает возможным сообщить зарубежному центру.

И в той и другой встрече он, Броунштейн, сообщил, что он имел личные встречи с Громаном В. Г. и сам выявил его отношение ко всем новым тактическим установкам меньшевизма, которые, по словам Броунштейна, Громан целиком и полностью разделял. Показания записаны собственноручно. А. Лежнев».

Разрешите спросить Шера.

Председатель. Подсудимый Шер.

Крыленко. Вы подтверждаете это сообщение?

Шер. Подтверждаю. Оно целиком совпадает с тем, что я говорил.

Крыленко. Вы говорили, что вторая встреча была мельком, а у него сказано — более подробно.

Шер. Мне кажется, что Лежнев в этом отношении немного неправ. Вторая встреча носила легучий характер. Происходила она, действительно, на квартире у Лежнева.

Крыленко. Можно спросить Суханова? **Председатель.** Подсудимый Шер, садитесь. Подсудимый Суханов.

Крыленко. Вам приходилось видеть или встречаться с Броунштейном?

Суханов. Да.

Крыленко. В какой обстановке и при каких обстоятельствах?

Суханов. Вы разумеете самый последний год?

Крыленко. Я имею в виду 1929 год. Если вы раньше встречались, вы можете остановиться на этом факте, это будет иметь значение.

Суханов. Если это будет иметь значение, я могу сообщить, что я знаю Броунштейна с архангельской ссылки с

1910 года, т. е. немного больше 20 лет. Встречались на протяжении 20 лет довольно часто, хотя он продолжал оставаться членом РСДРП, а я пребывал в подавляющей части этого времени в диком состоянии. В 1929 году, в последнюю нашу встречу дело обстояло таким образом: прежде всего раньше, чем я узнал о приезде Броунштейна, как таковом, я услышал о приезде эмиссара заграничной делегации, услышал на совещании «Союзного бюро», только не могу припомнить, кажется, из уст Штерна. Выслушавши показания Шера, я стал сомневаться, действительно ли Штерн докладывал об этом. Может быть, докладывал Шер. Но у меня сохранилось воспоминание, что именно из уст Штерна я слышал о его деловых встречах с прибывшим вновь представителем заграничной делегации, с которым он имел деловые беседы и который передал ряд директив или указаний от имени заграничных меньшевиков. Фамилия этого делегата, разумеется, не оглашалась и мне известна не была.

Но через несколько дней я встретил случайно на одной из московских улиц, едучи в трамвае, около трамвая в толпе, которая стремилась попасть в этот трамвай, очень знакомую мне фигуру Михаила Броунштейна, который однако, встретившись со мной взглядом, в трамвай не вошел, а обошел его сзади и исчез в толпе. Я не был окончательно уверен, что это был действительно Броунштейн, и забыл об этом случае.

Но на следующий день ко мне пришла его жена Лежнева, которая мне сообщила, что из-за границы приехал Броунштейн и что он приехал по случаю болезни, угрожающей жизни сыну, и пребывает здесь на нелегальном положении. О том, что я встретил его случайно на улице, надлежит молчать. Она сказала мне в виде полувопроса: вероятно личная встреча вам будет нежелательна? Она имела в виду законспирированность в нелегальное положение Броунштейна. Я, напротив, выразил горячее желание с ним повидаться. Повторяю, он встречи со мной не искал, во-первых, в силу конспирации, т. к. беседы велись чисто деловые лишь с теми людьми, с которыми это было необходимо, а таким лицом я не был, ибо в центре имелись другие более авторитетные лица, а затем он не искал встречи со мной еще и потому, что за последнее время моего пребывания за границей, наши личные отношения, я бы сказал, были прохладны.

Тем не менее я выразил желание с ним повидаться и мы имели (это подробно описано в моих показаниях на предварительном следствии), если не ошибаюсь, три свидания, в течение которых мы вели с ним деловые беседы. Они были не строго обязательны в деловом смысле, но тем не менее они имели место. Что

касается содержания наших бесед, то выяснилось, что у меня был несколько иной угол зрения и несколько другие интересы.

Крыленко. Каково было содержание этих бесед?

Суханов. Содержание было примерно такое же, как было доложено предыдущими обвиняемыми, но центр тяжести был не в этом, а несколько в иных вопросах. Если угодно, я могу это изложить.

Крыленко. Пожалуйста.

Суханов. Для меня проблема интервенции и дальнейшее ее обоснование не представляли самостоятельного интереса. Я уже докладывал суду, что для меня принятие меньшевизма значило и принятие интервенции, ибо я одно от другого органически отделить не мог и не могу. Для меня не было необходимым дальнейшее теоретическое углубление этого вопроса — как ныне меньшевики могут и должны смотреть на интервенцию. Я знал, как я смотрю, тогда, когда я принял меньшевизм. Поэтому, когда я увидел заграничного делегата, видевшего недавно моих старых знакомых, представителей центральной группы меньшевиков, я интересовался большей частью разными другими нюансами, оттенками их мнений и позиций по другим вопросам.

Если бы эта сторона дела была интересна, я бы мог сказать, например, следующее. Сегодня Кондратьев, характеризуя политические платформы и программы «ТКП» и РСДРП, указал, что, скажем, в земельном вопросе кондратьевская партия занимала более правые позиции, чем РСДРП. Между тем как раз незадолго до приезда Броунштейна появилась публицистика, частью воспроизведенная в нашей советской печати, которая определенно свидетельствовала, что меньшевистская партия в этом земельном вопросе, в этой существеннейшей части политической программы, обошла «ТКП» и попала по правую ее сторону. Практически это сводилось к обоснованию ни больше ни меньше, как частной собственности на землю. Кондратьев говорил о скромном залоге, о некоторых переходных стадиях этой частной собственности на землю, которые, несомненно, поддерживала «ТКП» в расчете на будущее прогрессивное капиталистическое развитие. И вот то же самое — это было некоторой новостью, которая меня в высшей степени заинтересовала, — это появилось и очень резко и сильно было выражено им перед приездом Броунштейна и в публицистике, исходящей от заграничной делегации.

Для меня, быть может, как и для аграрника в частности, была очень интересна эта сторона дела, и это интересовало меня больше в этой беседе, чем проблемы интервенции. Если сейчас это не имеет значения для данного момента

судовопределения, то я обращаюсь целиком к интервенции и скажу, что об этом точно так же говорили в духе, который был, примерно, изложен здесь предыдущими показаниями Шера. Но надо сказать, что Броунштейн всегда стоял на левом, на крайне левом фланге РСДРП, но во мне он видел еще более левого собеседника и постоянного оппонента его в течение предыдущих наших встреч, и потому определенно, не то что высказывая, а разумея эти тезисы об интервенции, о которых идет речь, он высказывал их в выражениях несколько завуалированных, мотивируя переход к положительной оценке интервенции главным образом необходимостью солидаризироваться со II Интернационалом, который определенно, как здесь упоминалось о Марсельском конгрессе, шел в этом направлении.

Крыленко. По вопросу об интервенции его отношение сводилось к чему?

Суханов. Отношение его, как официального представителя организации, было положительным.

Крыленко. Но вот он, передавая свою точку зрения — ведь он же примыкал к левым группировкам — так вот он свою точку зрения отделял или говорил, что он точно так же к этому выводу пришел?

Суханов. Так вопроса я в этой беседе со своим старым приятелем ставить избегал. Я не хотел, чтобы он непременно отделил себя и, наоборот, подчеркнул свое отношение, свое новое отношение к интервенции. Для меня, повторяю, это не представляло никакого интереса. Во всяком случае, мое впечатление было совершенно определенное, что он, как дисциплинированный член партии, что он, как ее официальный эмиссар в настоящее время в СССР, совершенно разделяет эту общую единую платформу.

Крыленко. Ваше впечатление было такое, что он целиком разделяет эту новую установку?

Суханов. Ту самую установку, которую разделял и я, его собеседник, в чем он, по-моему, не вполне был уверен.

Крыленко. А тот факт, что вы были его старым приятелем, и то, что вы в данном случае могли рассчитывать на большую с его стороны откровенность в высказывании им своего отношения, — этот факт никакой существенной роли не сыграл и вы на эту сторону не обращали внимания?

Суханов. На вопрос о создании фракции мы с Броунштейном не пошли.

Крыленко. Вопрос не в создании фракции, а вопрос в том, что когда люди, которые друг друга знают, встречаются, тогда они, как правило, излагают официальную точку зрения и затем основные оттенки, которые есть. Важно установить — он в вашей беседе разницу не подчеркивал?

Суханов. Нет, не подчеркивал. Я уже это установил в своих показаниях.

Крыленко. По вопросу о состоянии организации, о методах работы он что-нибудь говорил?

Суханов. Жаловался на недостаточное, плохое состояние организации, на слабость ячеек, на недостаточное разветвленную работу на периферии.

Крыленко. А о своих планах по поводу укрепления и развития организации он что-нибудь говорил?

Суханов. Он говорил, что он собирается объехать некоторые важнейшие города на предмет мобилизации партийных сил и затем вернется в центр для продолжения беседы.

Крыленко. Эта беседа носила характер только сообщения о том, что он намерен сделать, или вместе с тем она носила характер более практический, деловой?

Суханов. Я бы сказал, что строго делового назначения по своему существу эта беседа не имела, так как был полный произвол выбирать темы для беседы, но в то же самое время как и в своих показаниях на предварительном следствии, так и теперь я могу сообщить, что дело не ограничивалось информацией о собственных намерениях, а дело касалось и системы работы.

Крыленко. А именно?

Суханов. Выражая удовольствие в том, что в данное время я являюсь членом организации, в которой он также состоит, он высказывал в более или менее общей форме то, чего от меня данная организация ожидает.

Крыленко. Например?

Суханов. По возможности и по преимуществу идеологического литературного оформления работы в той части, в какой данная работа этого требует. Главным образом, на меня возлагалась работа литературная — писание прокламаций, резолюций, директивных писем, составление докладов, наблюдение за экономикой, наблюдение за высокой политикой.

Крыленко. Одним словом, ваша работа, по его предложению, должна была свестись к большему развитию вашей работы в области идеологического руководства?

Суханов. Да.

Крыленко. А в области организационной работы?

Суханов. С такими предложениями он ко мне не обращался. Это собственно и не вытекало из его функций.

Крыленко. Никаких поручений специальных он на вас не возлагал?

Суханов. Не возлагал. Но в то же самое время я должен обратить ваше внимание на специальную миссию, которая была на меня возложена при нашей последней встрече.

Крыленко. Что же на вас было возложено?

Суханов. Функция организационного порядка.

Крыленко. А именно что?

Суханов. Функция в области мобилизации и концентрации партийных сил.

Крыленко. Конкретно?

Суханов. Конкретно, как я уже указывал в моих показаниях, он выразил пожелание, чтобы я лично взял на себя переговоры о работе с двумя лицами, в то время отходящими или отошедшими членами партии.

Крыленко. С кем именно?

Суханов. Почему он обратился ко мне и возложил эту функцию — именно потому что ему казалось, что я, являясь левым членом РСРДП, могу иметь наибольшие результаты в разговорах с этими отошедшими левыми членами партии.

Крыленко. Конкретно, кто это?

Суханов. Ежов и Бер. Один был в Саратове, другой был в Воронеже.

Крыленко. Что же, это вам удалось?

Суханов. В течение длительного промежутка времени, к сожалению, мною испытываемому, в то время я не мог ничего сделать, но через длительный промежуток времени, через ряд месяцев, мне удалось выполнить это поручение в одной части. Я виделся с Ежовым.

Крыленко. Результаты?

Суханов. Результаты в деловом смысле — отрицательные. Я застал Ежова действительно отошедшим от позиции II Интернационала, застал резко враждебное, резко оппозиционное настроение по отношению к его собственному заграничному центру, и переговоры с Ежовым относительно его включения в данную организацию не имели успеха.

Крыленко. А вторая задача?

Суханов. Вторая задача выполнена не была, она касалась Бера, который жил в Воронеже. Во время моей поездки в Саратов я узнал, что Бер арестован, и поехать с этой миссией не мог.

Крыленко. Значит, вы выяснили в этих встречах вопрос об интервенции, о состоянии организации, конкретные мероприятия по этому поводу. А что касается дезорганизаторской работы, на эту тему разговора не было?

Суханов. Я не могу припомнить. Я бы сказал, что в связи с приездом Броунштейна я бы припомнил не то, что беседу с ним в этом направлении, а часть того сообщения, которое сделал Штери, ссылаясь на Броунштейна.

Крыленко. А о своих встречах вы общими?

Суханов. Кому?

Крыленко. Другим членам.

Суханов. Другим членам я сообщил в порядке, прежде всего неофициальном, совершенно случайном, может быть в таком порядке, что я, мол, эмиссара, о котором идет речь, встретил, я с ним вел разговор.

Крыленко. Почему вы называете его эмиссаром?

Суханов. Не знаю почему, может быть недавно наваян на меня такой термин. Можно называть его другим термином.

Крыленко. Такой термин едва ли принят в партийной среде.

Суханов. Мне кажется, что он был принят в тех разговорах, которые я вел за последние месяцы.

Крыленко. Значит, к этому сводятся практические результаты этих встреч. По поводу денежных вопросов у вас никаких сообщений не было?

Суханов. От него?

Крыленко. От него или, может быть, из других источников?

Суханов. Вы спрашиваете об источниках или о деньгах?

Крыленко. Вам известно об источнике финансирования, связанном с Броунштейном?

Суханов. Мне кажется, что в том же самом докладе или, скромнее выражаясь, в том же самом сообщении Штерна о приезде говорилось и о деньгах, но или я пропустил мимо ушей, или я забыл, или, может быть, было таким образом, что через Михаила Броунштейна.

Крыленко. Значит, в итоге ваших сегодняшних показаний можно установить, во-первых, факт приезда Броунштейна по партийным нелегальным причинам. Факт беседы вашей, сообщение им о тех установках, которые имеет заграничная делегация и которые он уполномочен здесь проводить и систематически подчеркивать?

Суханов. Правильно.

Крыленко. Затем, факт сообщения его о том, что организационная работа ведется, и факт поручения вам определенных организационных задач и исполнение вами этих задач в одной части?

Суханов. Правильно.

Крыленко. Меня еще один вопрос интересует, который касается вас. Эти показания, которые вы даете, они совпадают с теми показаниями, которые вы давали раньше?

Суханов. Да.

Крыленко. У меня вопросов нет.

Председатель. Защита, есть у вас вопросы.

Брауде. Нет.

Председатель. Подсудимый, садитесь.

Председатель. Заседание продолжается.

Крыленко. Я прошу вызвать Громана.

Председатель. Подсудимый Громан.

Крыленко. Что вам известно о приезде Броунштейна, о встречах с ним других членов организации и ваших встречах, если таковые были?

Громан. То, что подсудимые говорили суду, то сообщали они и мне как члену руководящего центра, а также и самому руководящему центру. Общий характер

их передач правилен, но почему-то не было ими указано на то, что Броунштейн органически связывал точку зрения поддержки интервенции с дезорганизаторской и вредительской работой. Таким образом, его директивы вновь подтвердили то, что мы слышали от Абрамовича, но принесли именно то новое, что надо сказать, что тот логический вывод, который можно и должно было сделать из слов Абрамовича, Броунштейном был сделан формально—поддержка интервенции, распространение дезорганизаторской работы и на сферу обороноспособности страны. Я лично с Броунштейном не виделся. Мне впервые о его приезде сказал Череванин, не член «Союзного бюро», а член избранного ЦК, который не эмигрировал за границу, а остался здесь, и был в ссылке до 1929 года. По приезде он мне об этом сообщил. Он передал мне желание Броунштейна со мной встретиться, но предложил такие условия свидания, которые я признал неконспиративными, предполагая, что в будущем удастся более удобно конспиративно встретиться. Но это не осуществилось вследствие ареста Броунштейна.

Крыленко. Так что лично вы с ним не встречались?

Громан. Да.

Крыленко. Но знали от других?

Громан. Да, Штерн, Шер, Суханов и Череванин сказали мне и подробно передавали содержание беседы.

Крыленко. Вы раньше знали Броунштейна?

Громан. Да, я его раньше знал и показывал суду, что я виделся с ним в 1927, 1925, 1923 гг. за границей.

Крыленко. Поэтому вполне естественно его желание встретиться с вами, но эта встреча не состоялась вследствие обстоятельств случайного характера?

Громан. Да.

Крыленко. А о содержании, об общих установках вы слышали от других?

Громан. Да, то же содержание, которое было уже доложено суду.

Крыленко. Вот эти указания, директивы или установки, сообщения потом были предметом обсуждения или они не нуждались даже в обсуждении, настолько они совпадали?

Громан. Нет, как же—были обсуждения. Их обсуждала наша пятерка и затем они были сообщены другим членам «Союзного бюро».

Крыленко. Так что по этому поводу вы ничего больше конкретного не можете показать?

Громан. Менять формулировку, искать новую формулировку нам не пришлось, потому что ту формулировку поддержки интервенции, которую он привез, как я уже докладывал, мы вынуждены были утвердить на этом совещании. Но я повторю, это был совершенно логический вывод из слов Абрамовича и он непо-

средственно вытекал из того письма, которое было получено через Финна и содержание которого оглашено на 20 странице обвинительного заключения, о чем я уже говорил.

Крыленко. А этот термин «эмиссар» употребился или это формулировка Суханова, так сказать, его фасон де парле?

Громан. Я думаю, что это индивидуальный термин Николая Николаевича, который любит употреблять такие заковыристые словечки во всяких случаях, подходящих и неподходящих.

Крыленко (к суду). У меня больше вопросов к Громану нет.

Председатель (к Громану). Садитесь.

Крыленко. Можно подсудимого Икова?

Председатель. Подсудимый Иков.

Крыленко. Сообщите, пожалуйста, что вам известно о встречах с Броунштейном и вообще о той обстановке работы, с которой вы встретились после того, как вернулись в Москву.

Иков. Если мне позволят, я остановлюсь на этом несколько подробнее и детальнее для ясности дела.

Я уже здесь показал, что, вернувшись в самом конце 1927 года, в самом начале 1928 года, после четырехлетнего отсутствия, в Москву после ссылки на Урал и в Тулу, я не сразу, а постепенно возвращался к партийной работе. Объяснялось это, во-первых, тем, что все-таки, прежде всего, за 4 года я был достаточно оторван от партийной жизни, от партийных постановок тех или иных задач и вопросов партийной мысли, и, во-вторых, я должен был устраивать личные дела, одним словом, были некоторые личные обстоятельства, которые мне не позволяли этот процесс провести достаточно быстро. Был еще один момент, который я считаю необходимым здесь отметить.

Ведь резко разойдясь в 1917 году после Октябрьской революции с официальной партийной линией (мне сейчас не хочется возвращаться ко всему тому периоду, а я беру наиболее важные моменты), резко разойдясь с партийной линией, повторяю, даже несколько раньше в период демократического совещания и предпарламента, — я продолжал работать в специальной отдельной организации меньшевиков-оборонцев в Петрограде, которая формально никогда не стояла вне борьбы, продолжала находиться в одних рядах, но имела совершенно самостоятельную организацию со своим собственным комитетом, со своим собственным клубом и собственным списком на будущие выборы учредительного собрания...

Антонов-Саратовский. Группа «Единство»?

Иков. «Единство» — это была организация Георгия Валентиновича Плеханова. Я же имею в виду ту группу, которая была совершенно оформлена, как «Коми-

тет меньшевиков-оборонцев», она представляла собою совершенно самостоятельную меньшевистскую организацию в рядах РСДРП на объединенном съезде 1917 года. Она имела свой собственный клуб, свое собственное издание, свои собственные списки на выборах в учредительное собрание, вела достаточно энергичную и жестокую борьбу против ЦК, т.е. она считала себя и была фактически значительно правее той официальной линии, которая тогда находилась в руках Дана, Горева и других.

Так вот, работая партийно в этой организации, я был на Всероссийском кооперативном съезде (я тогда служебно и политически был связан с кооперативными кругами) избран на демократическое совещание, затем оттуда был делегирован в предпарламент, и, однако, поскольку мои политические разногласия были достаточно велики, как и у всех, я, в силу, вероятно, особой активности и импульсивности характера, даже не вошел в социал-демократическую фракцию предпарламента, которая там была образована, вопреки постановлению ЦК, и оставался в кооперативной группе. Вероятно, все помнят, что был такой период, когда кооперация была независима, кооперация пыталась сыграть роль некоторой политической силы, самостоятельной, выступая, вмешиваясь в политическую борьбу, и т. д. Так вот, в составе этой группы вместе с Кусковой, Чайковским и Меркенгеймом находился и я, был секретарем этой группы и входил в секретариат предпарламента, — положение, как вы сами понимаете, достаточно недисциплинированное и достаточно острое, так что на съезде был поставлен вопрос о моем исключении из меньшевистских рядов за открытое и явное неподчинение ЦК. Но по обстоятельствам разного характера, в частности, потому, что я был одним из довольно старых членов партии, а в рядах меньшевизма я представлял одного из тех лиц, которые с первых дней его встали под его знамя, — этот вопрос не был разрешен. Я в официальную партийную организацию тем не менее не вернулся, и когда в период 1918/19 года происходила партийная перерегистрация, я, как и несколько других правых меньшевиков, этой перерегистрации не произвел, и, в сущности говоря, формально мы оставались вне рядов. Эта дикость была несколько иного типа, чем была она у Суханова. Мы продолжали представлять собой группу правых меньшевиков, идеологически возглавляемую А. Н. Потресовым. В мае 1918 г. я приехал в Москву. Если понадобится суду, то я могу это более детализировать. До 1923 г. я, в сущности говоря, в официальной партийной организации не был. Когда организация сошла с легальной арены окончательно, я был до некоторой степени связан с теми или другими груп-

пировками, официальными и неофициальными, трудно сейчас сказать, потому что тогда все перепуталось. Трудно было сказать, какая линия представляет собой преобладающую линию, какое значение имеет персональное влияние той или иной группы, какая более официальная организация продолжала существовать. Но все же целый ряд наших продолжали участвовать в так называемой официальной партии. Были здесь и крайне правые ее члены. Я имею в виду и встречу с английской кооперативной делегацией, встречу с группой английских представителей, приехавших в 1919 г., и пр.

Соприкосновение с официальной партийной организацией имело место в конце 1923 и в начале 1924 г., т. е. опять-таки я туда не вошел, но обслуживал организацию теми силами, средствами и возможностями, каковые были в моем распоряжении, и это послужило причиной ареста моего в марте 1924 г.

В 1928 г. я стал перед фактом, что, в сущности говоря, с точки зрения формальной я не являюсь членом партии, и следовательно мне нужно вернуться к тому коллективу, из которого я вышел — формально. В тот момент, когда я начал соприкисаться с московской партийной организацией, с моей точки зрения в достаточной степени законспирированной и, насколько я мог себе представить, недостаточно, с моей точки зрения, авторитетной, мне хотелось, чтобы вопрос о моем возвращении был решен руководящим органом, каковой представляла из себя заграничная делегация, и откуда я должен был получить санкцию на свое вхождение. Но мне лично казалось, что я заграничной делегации должен выяснить свои политические устремления, что я в общем и целом должен был ей сказать о том, что я поддерживаю старую линию и мне нужно знать, какого курса они придерживаются, и т. д.

Я читал «Социалистический вестник». В этом смысле я связался. Я мог считать себя членом организации, поскольку я получаю «Социалистический вестник». Я встречался с теми или другими членами партии или во всяком случае близко стоящими к партийным организациям, имеющим интерес к партийной жизни. Я взял на себя функции по краснокрестной работе. Я считал, что я несу совершенно определенные партийные обязанности. Но все-таки для меня нужна была совершенно определенная санкция — я выступал с открытым забралом и я хотел, чтобы знали, что я стою на позиции прежнего времени.

Я уже сказал — я не помню говорил ли я об этом здесь, — что я сталкивался с различного рода публикой, вернувшейся из ссылки, с работниками-меньшевиками тех или других учреждений. Я натолкнулся на какое-то скопление, на образование какого-то нового типа лиц в

том смысле, что эти лица партийной работы в том смысле, как я ее понимаю, такой работы, к которой привыкло мое профессиональное ухо, не ведут. У меня было такое убеждение, что лица эти порвали с партией, далеко отошли от нас, но вместе с тем они как-то между собой связывались, чем-то объединялись, и какую-то известную линию проводили. У нас, скажем, если я возьму Урал, то партийная организация, после 1924 года, даже и здесь в Москве, свое существование не прекратила; это свидетельствовало о том, что и на Урале и в Туле я имел возможность ознакомляться с партийной литературой. Доходили слухи. Естественно, что когда приезжает публика, то спрашиваешь о старых товарищах и узнаешь, что этот отошел от линии, этот проводит в том или другом учреждении разжижение меньшевизма и т. д. Я в поисках различного рода знакомств и в поисках финансов для краснокрестных надобностей сталкивался с разными людьми. Здесь у меня было лицо, с которым я был связан когда-то в партийной работе, это покойный А. Б. Штерн. Это был один из немногих лиц, который в этом смысле в краснокрестных функциях был очень полезен. Он до самого своего конца поддерживал эту миссию и, кроме того, сам собирал деньги. Сталкиваясь с ним в этих функциях, в разговорах с ним, я пришел к тому заключению, что имеется то, что я назвал существованием некоторого легального прикрытия. При чем — я это подчеркиваю — это имеет место на протяжении всей моей дальнейшей деятельности, что я не имел сведений ни о «Союзном бюро», как о «Союзном бюро» со всеми его функциями, и даже термин (пусть не смутит вас мое показание, где я говорил — легальное прикрытие, или «Союзное бюро», так как я это прибавил на основании более близкого прошлого, а вообще такого термина не было, особенно у меня — человека путавшего самый термин) «Союзное бюро» для меня совершенно не привычен, я просто называл «бюро». Поэтому, если я в дальнейшем буду ошибаться, то это будет вполне понятно. Так что это «бюро» или группа, которая имела бы какие-то функции от заграничной делегации, для меня было неизвестно, так картина не стазилась. Говорилось, что эта группа между собой связана, что она играет большую роль в целом ряде государственных учреждений, за этим можно было следить даже по газетам. Эта группа, так или иначе, бывала за границей и встречала наших товарищей. Это я тоже знал. Знал даже независимо от Штерна, потому что не скажу, чтобы в этом отношении была какая-нибудь конспирация. И вот, эта группа, как я тогда понимал, имела совершенно определенную политическую линию, которую я для себя формулиро-

вал, как линию овладения теми или другими соответствующими пунктами в общей жизни организаций планирующих, ведущих и направляющих экономическую жизнь страны в целях направления и проведения тех точек зрения, на которых они стоят. А. Б. Штерн, несмотря на то, что мы были с ним знакомы с 1917 года, меня не посвящал в детали и не то что в детали, а он делился своими взглядами, говорил, что эти взгляды разделяют некоторые товарищи и прочее, но система взглядов и тактическое построение мне открыты не были. Поэтому, когда я узнал о приезде кого-то из-за границы, — имя названо не было, — я был тройне доволен. С одной стороны, я мог осведомиться о заграничной жизни, потому что те сообщения, которые мне делали, а я должен сказать правду, что несмотря на то, что Штерн совершенно определенно поддерживал краснокрестные функции, собирал деньги и что другие товарищи бывали за границей, все эти старые социал-демократы и их освещения партийной жизни для меня не были авторитетны, ибо у меня было такое отношение, что эти лица все-таки достаточно отошли от партийной жизни, что они (в том документе, который вы привели в обвинительном заключении, эта мысль достаточно высказана) достаточно советизированы и что, естественно, их восприятия меньшевизма имеют уже предомление, проходящее сквозь призму вполне ассимилировавшегося советского чиновника, — поэтому для меня чрезвычайно важно было освещение партийной жизни из уст человека, приезжающего непосредственно для работы в Россию. Это один момент.

Второй момент — мое формальное вхождение в организацию через заграничную делегацию.

Третий момент — выяснение того, каковы взаимоотношения, что, это новое образование связано с чем-нибудь или не связано, есть ли это только прикрытия, использованы ли здесь какие-нибудь легальные возможности для нашей организации, или тут что-нибудь другое.

Я имел всего две встречи с Михаилом Адамовичем. По-моему, он арестован 14 июня 1929 года вместе со всей группой. Я думаю, что я не ошибаюсь, может быть, июля, во всяком случае, в летнее время. Моих встреч было две. Третья встреча была назначена на день его ареста. Третья встреча не состоялась, к сожалению потому, что стоял целый ряд интересных вопросов. Наши разговоры коснулись, во-первых, чисто практического дела, во-вторых, дел заграничных и, в-третьих, тактической установки. Я не знаю, как вы мне позволите.

Крыленко. Пожалуйста, как вам удобно.

Иков. Прежде всего основной вопрос был, помимо ознакомления с заграницей,

в порядке сначала личных отношений, как, что и почему. Я должен подчеркнуть, вам, как всяким старым подпольщикам, должно быть совершенно ясно, что тут была беседа на ходу, хотя мы довольно долго беседовали, но все-таки всякий раз ожидаешь, что больше не встретишься. Поэтому я прежде всего поставил вопрос относительно практической работы, что есть и чем, собственно говоря, я могу быть полезным при тех основаниях, которые я имею. Должен сказать, что относительно фактического положения вещей в Москве, в частности, если сравнить это положение с положением 1924 года, которое я достаточно хорошо знаю, положение было, по его словам, печальное. 1924 год — это период, когда организация имела собственную легальную типографию, издавала собственную газету в России, социал-демократическую, имела большое количество «Вестника», целый ряд разветвленных филиалов и т. д. Здесь этого уже не было. Здесь было подчеркнуто с самого начала Михаилом Адамовичем Броунштейном-Валериановым, что работа в рабочей среде в значительной степени упала, как он выражался, и как-будто находится в загоне. В дальнейшем, когда он мне сказал о существовании «Союзного бюро», он опять-таки сказал, что и у них эта задача остается на втором, если не на третьем плане. Когда я сказал, что, видите ли, если нет препятствий к моему возвращению, если заграница считает возможным меня принять в отеческое лоно, то я могу предложить мои услуги, и сказал, что я прошу его снестись с заграницей по этому поводу, на что он ответил, что это считает ненужным и формально, так как он имеет неограниченные полномочия и ему дано полномочие привлекать всех старых социал-демократов, желающих работать в организации, независимо от старой фракции, если только они хотят соблюдать известные принципы партийной дисциплины. Он рассматривал мое вхождение, как положительный факт, а именно в том смысле, что он рассчитывает на известную работу здесь и предполагает вместе со мной упорядочить сторону работы социал-демократов, ориентирующуюся на рабочие массы. И моя задача, говорит он, упорядочение вообще работы бюро прежде всего в этом направлении. Затем речь шла относительно постановления бюллетеня, выходящего в России в том или другом напечатанном виде: если не удастся типографским способом, то по крайней мере шapiroграфским способом или на другом множительном аппарате — это второй вопрос. Третий вопрос — об организации корреспондирования «Социалистического вестника» и четвертый — объезды и помощь...

Крыленко. Местным организациям?

Иков. Совершенно справедливо. Здесь,

когда мы говорили относительно организации корреспонденции, он указал, что виделся с некоторыми товарищами, в частности, виделся с рядом старых товарищей-коммунистов. Когда я выразил по этому поводу глубокое удивление, находя это совершенно неконспиративным, с одной стороны, и с другой — что это даст, он ответил, буквально его фраза, — а вы можете дать мне тот интересный материал, который я могу получить от них. Аргумент — совершенно справедливых. Я выразил сомнение просто потому, и он с этим согласился, что здесь есть и другие моменты, которые, собственно говоря, если повернуть в отношении к нам, то вряд ли мы к этому отнеслись бы очень доброжелательно: на войне, как на войне. И упоминания о тех лицах, которые могут ему быть полезны, я перечислил вместе с ним ряд старых товарищей, которые могут ему быть полезны — Громан, Гинзбург, Суханов, хотя последний не был, по моему тогдашнему представлению, в организации, но во всяком случае, именно потому, что он дикий, совершенно трудно сказать, какая степень дикости будет у него в тот или иной момент. Этим объясняется, что в предварительных моих показаниях сказано, что он видел некоторых лиц, но я должен добавить, что он тогда намеревался их видеть и по этому вопросу он мне сообщил, что ему нужно повидать некоторых лиц, которые входили в состав «Союзного бюро» или просто бюро, а мне персонально было указано на необходимость встречи в организационном порядке и деловом контакте с Шером В. В. Это для меня было легко в том отношении, что с В. В. Шером мы старые партийные и личные друзья с незапамятных времен, — я его знаю лет 28. Мы с ним вместе работали, были вместе в ссылке и встреча с ним даже с внешней стороны конспирации ничего особенного не представляла тем более, что у меня в тот момент было представление о нем, что он отошел от работы в это время. Когда я окончательно перешел в бюро, то в «Союзном бюро» для меня был ряд неожиданностей.

Теперь относительно следующего. Удалось ли Валерианову обехать провинцию, я не знаю. Предполагаю, что нет. Это частности, вопрос идет относительно бюро. Связывая меня с В. В. Шером, он указал, что, собственно говоря, организационно предполагается существование двух группировок: одна, — ведущая специально подпольную или партийную работу, и бюро, которое становится российским центром со специальными функциями и которое подчиняется политически и идеологически заграничной организации.

Вот тут, если я правильно расслышал показания моих сотоварищей по скамье подсудимых, я должен кое-что ретуши-

ровать. В обвинительном акте и в показаниях Шера и Суханова говорилось, что сам Валерианов всецело и всемерно стоял на этой позиции. Я бы сказал, что это не совсем так. Это деталь, но она имеет некоторое значение. Такой четкости я в нем не чувствовал, я не чувствовал, чтобы он всецело стоял на этой точке зрения, а не только исполнял партийную дисциплину. Я его знал как левого еще по Туле и всегда думал, что Валерианов был левый.

И второй момент — из чьих-то показаний было ясно, что Валерианов считал необходимым вот эту точку зрения говорить вслух всем — это неверно, по крайней мере таково мое впечатление.

Ведь для меня (я сейчас не буду вдаваться в подробности), как для человека, стоящего на правом крыле, форма агитации, борьбы с советской властью, переход от этой политики к другой — нельзя же ногу окунуть в горячую воду, — отказ от этой платформы был приемлем, но общественное мнение не было целиком на стороне позиции Гарви или Потресова. Ведь вам идеи меньшевиков известны, вам известно, что они распадаются на несколько частей, подходя с точки зрения спектрального анализа. Вот я и поставил вопрос — возможна ли такая постановка перед неподготовленным общественным мнением, а он сказал, что все зависит от данного конкретного момента.

Крыленко. Т.е., другими словами, нет необходимости делать четкую постановку вопроса перед теми, в которых нет уверенности, что они ее разделяют?

Иков. Да, вполне естественно.

Тут мы коснулись вопроса об интервенции, вопрос этот ставился даже передо мной, поскольку я не член организации, а только жажду туда войти, говорили о необходимости развернутым способом проводить планы и т. д. и т. д., словом я должен сказать, что термин «дезорганизация» был употреблен, или, как я выразился тогда газетно — вредительство. Вот этот разговор с ним, он так и шел — это была та же самая фраза о возможности смешения этого вредительства, которое, я лично представлял, являлось как бы одной из форм активной борьбы политического характера, смешения его с корыстными формами. Говорилось относительно исторической необходимости и о том, что с точки зрения партийных центров это тот путь, по которому, естественно, в порядке партийной борьбы идет партия в данный политический период и в данной политической обстановке.

Затем речь шла об отношении к «ТКП», т.е. такой термин не употреблялся, — а по отношению к крестьянским, народническим и трудовицким группировкам, ориентирующимся на крестьянство и пытающимся организовать это стихийное

движение. Относительно «Промпартии» — лично я не могу сказать, существовал ли для меня такой термин, но тут речь шла о прогрессивных кругах буржуазии. Вот те термины, которые употреблялись, и то, что я слышал.

Затем был вопрос о разложении в рядах коммунистической партии и об оценке лично им положения. Этот момент интересен, потому что, собственно, с этого началась политическая беседа.

Я спросил его — какие ваши впечатления? Он говорит: я считаю на основании (должен сказать, что, сколько времени он пробыл в России, я затрудняюсь сказать, может быть, кто-нибудь из товарищей знает, но я думаю месяца полтора два — не больше, так как я с ним виделся перед концом), во всяком случае, он говорит, что он считает положение безнадежным и гораздо более далеко зашедшим по направлению к кризису и краху, чем они считали это за границу, т. е. положение было то, которое образно в январе 1930 года приехавший сюда не представитель ЦК, а просто посредник — Дукер, сформулировал так, что «они в Берлине сидят на заповоленных чмо-дах».

Вот его примерное настроение: вы здесь сами не оцениваете, в состоянии какого краха и кризиса и перед какой пропастью находится советская власть, а вместе с ней и страна, если положение будет продолжаться так же.

Ясно, насколько эта оценка была ярка, так что даже мне, — а я не скрывал своих политических настроений тогда, — мне приходилось его тогда одергивать и говорить, что все это достаточно утопично.

Это предпосылка ко всей той тактике, на путь которой встала заграничная делегация и с которой она выступала перед нами. Поскольку речь идет о катастрофическом положении, когда советская власть не только не может справиться, но, наоборот, свою политику, свои действия во внешнем мире, свои действия внутри проводит так, что это только углубляет кризис страны и приближает ее все ближе и ближе к концу, — вот как они говорили. Вот как Валерианов ставит вопрос о крахе и кризисе. И поскольку платформа 1926 г. давала целый ряд наметок (она по существу ничего не давала, кроме старых лозунгов), то ясно было, что партийное сознание требует какого-то определенного ответа и, прежде всего, оно требует этого от заграничной делегации. Следовательно нужно вмешаться сознательно в эту стихию, которая влечет страну в пропасть, задержать этот процесс, ибо здесь может быть выход один — здесь нужно рассчитывать на силы, которые исторически претендуют на то, чтобы быть у власти, — а этих сил мы имеем две, либо прогрессивная или непрогрессивная

буржуазия, что неважно, либо наиболее демократические элементы крестьянства и известная часть рабочего класса, которые могут стать преемниками по организации народного хозяйства, по возглавлению государственного режима и т. д. и т. д.

Здесь возник этот вопрос — какая сила может иметь место при спасении. Здесь было подчеркнуто два момента — с одной стороны, роль крестьянства, как фактор боевого значения. Я лично считаю, что надежда на крестьянство, на крестьянские восстания, как один из важнейших факторов при повороте, являлась у социал-демократии главной надеждой. Никогда еще социал-демократия не считалась в такой степени с крестьянством, как это мы могли наблюдать за последние годы.

Второй момент, который здесь выдвигался, это момент воздействия и направления так называемой технической интеллигенции. Я должен сказать, что той откровенности, которая была проявлена Абрамовичем или Валериановым в других местах, этой откровенности при беседе со мной проявлено не было. Вопросы о финансировании в беседе мы не касались. Весьма возможно, что этот вопрос был бы обсужден в третьей беседе, которая не состоялась. Говорилось о возможности поддержки со стороны II Интернационала того или другого партийного начинания, при чем в ограниченных размерах. Вопрос стоял о служилой технической интеллигенции, которая в силу своего социального положения, большой социальной роли являлась активной, культурной силой. Эта сила при ее контрреволюционном настроении могла быть достаточным материалом, который мог бы быть использован при всяком контрреволюционном акте. Эта сила могла служить орудием для совершенно твердого и четкого давления при проведении определенной линии, давления на линию хозяйственной политики страны всеми мерами, доступными ей.

Конкретно это значит, что, скажем, при выработке тех или иных планов она могла содействовать задержке темпов строительства, изменению того или другого освещения, направлению по тем путям, которые ведут в конечном счете к неудаче планов, и т. д., т. е., как я уже называл, она могла бы применить развернутый саботаж, который мог быть в руках этой технической интеллигенции. В данном случае эта техническая интеллигенция являлась организмом с очень крупным маховым колесом.

Здесь, как действенная сила, как третий решающий фактор, встает вопрос относительно интервенции, ибо для нас было совершенно ясно, что путем восстаний, независимо от того, кем эти восстания организуются, достигнуть цели нельзя. Нам было совершенно ясно, что

внутренние силы являются только второстепенной фигурой. И тогда был поставлен вопрос о возможности интервенции. Если же мы отказываемся от мысли об интервенции, то опять-таки нужно было возвращаться вспять к путям медленного и постепенного овладения силами, для того чтобы справиться с коммунистами. Выдвигался вопрос об интервенции, как факторе положительного социально-политического значения. Он подчеркивал неоднократно, что левое крыло заграничной делегации, левое крыло партийных руководящих верхов, очень долго с этой позицией боролось. Но ведь, собственно, никакого другого рецепта никто не указывал, ведь нет другого рецепта. В данных исторических условиях организация, подбор мелких кружков и проч. и проч., — все это в данном случае является моментом второстепенного значения, ибо мы имеем перед собой положение довольно странное. Если против всей силы государственного аппарата, даже «Соц. вестник» или «Социал-демократ», который у нас печатался, является чем-то кустарным или совершенно смешным, то представьте себе такой момент, который как раз наступил к приезду Валерианова. Ведь к этому моменту «Соц. вестник» перестал приходить, связи были порваны и с марта этого года мы перестали его получать. Так что в этом смысле это была нулевая величина.

Отношение II Интернационала? Мне было сказано совершенно определенно, — вопрос меня достаточно интересовал и как бы я ни жаждал интервенции в прошлом, для меня было ясно, что интервенция, к которой имеется хотя бы отрицательное моральное отношение, хотя бы в форме резолюции, даже не против какого-нибудь реального политического выступления, но есть отрицательное отношение партий Интернационала, эта интервенция превращается в то, против чего может быть настолько сильное настуление, что она может сорваться. В особенности это будет так, если интервенция начнет организовываться лими-трофами, мелкими державами. Вот почему я говорил относительно трещины у самого Валерианова. Он сказал, что, к сожалению, не только в таких кругах, которые связаны с Каутским (это для нас наиболее типичное, даже если хотите, собирательное имя), но и в кругах, стоящих на иной позиции, настроение сейчас переменялось и что самое существенно собственно то, что левое крыло в том или другом смысле, в силу тех или других причин, ничего противопоставить не может, кроме чисто словесного выражения и т. д. Вот картина. Повторяю, что, по правде сказать, меня вопрос о финансовой стороне непосредственно не интересовал. Быть может, мы потом коснемся его. Меня интересовало то, как я, правый меньшевик, могу к этому отнес-

тись. Для вас ясно, что с моим настроением я мог войти в организацию и прочее. При чем, должен сказать, какие мотивы интервенции были.

Крыленко. Мотивы со стороны социал-демократов?

Иков. Как социал-демократия ставила вопрос. Я сейчас не помню всей платформы 1924 года, что там говорится о наших отношениях, но в мотивировочной части отчасти указывалось или, собственно говоря, говорилось о красном империализме. Как это расшифровать, что объективно — может быть, даже против собственной воли — всей своей политикой, стремлением перенести социальную революцию, собрать вокруг своего знамени возможно большее количество трудящихся в различных странах европейских и других, объективно наш мир входит в столкновение с Западом. Но, мало того, он не только объективно, но и субъективно, делая вид, что он не хочет, субъективно этого жаждет. Это аналогия по четвертому году, по отношению к царизму. Нет другого выхода из тупика, в который они попали своей внутренней политикой... Население в таком настроении, в таком состоянии, что социальные внешние причины, все политические моменты (террор и прочее) поддерживают это внутреннее недовольство. В дальнейшем положение таково, что неизбежно то или другое спровоцированное — или объясненное, как спровоцированное — вооруженное столкновение может дать выход, развязать ту или другую внутреннюю проблему, ибо, повторяю, это многократно подчеркивалось, что с внутренними затруднениями, с действительной подлинной организацией хозяйства советская власть справиться не может.

Крыленко. И это мотивы для интервенции?

Иков. Да, поскольку советская власть не может справиться.

Крыленко. Это мотивы для оправдания интервенции?

Иков. Для оправдания интервенции в том смысле, что она сама будет вынуждена искать конфликт. Я не dokonчил, простите. Поскольку этот конфликт объективно с той или другой точки зрения может быть осуществлен, мы попадаем в положение, когда вести этот конфликт, руководить им, остаться во главе его могут те силы, которые будут вести уже интервенцию по-своему, доведут ее до конца, до реставрации и т. д.

Вот почему меня эта точка зрения на интервенцию интересовала, что интервенция, проводимая при том или ином участии, контроле, воздействии, содействии и прочее II Интернационала даст такие результаты, при которых открываются, несмотря на все тяжести, несмотря на временное известное углубление кризиса в стране, максимальные возможности,

благоприятного разрешения вопроса. Это есть путь кровавый, но путь короткий, противостоящий пути кровавому и кончающемуся катастрофой, но длительному и болезненному пути существования советской власти.

Крыленко. Это мотивы, а направление? В этой постановке вопроса он не выяснял?

Иков. Тут я натолкнулся на тот же самый ответ, который я имел в микрокосме по отношению к партии. Когда-то было сказано: милый Эдди, ты — осел, это делают, но об этом не говорят. Мне пришлось такое выражение Ауэра по отношению к Беренштейну употребить однажды, я это помню. Так и здесь вопрос ставился. Официальная позиция международная не может быть так поставлена в силу естественных причин, — разрешите мне этого не касаться, это ясно. Есть другой способ воздействия. Видите ли, я беру не только себя, но я беру не искушенных в тонкостях дипломатии читателей. Возьмем «Социалистический вестник». Если вы из года в год читаете одну и ту же критику советской власти... *сМ*

Крыленко. Это мы покажем непосредственно путем оглашения.

Иков. Это вы покажете непосредственно путем оглашения. То совершенно ясно, что отношение от «а» до «зет» до конца будет одинаково.

Крыленко. Вывод напрашивается сам собой.

Иков. Относительно еще разложения. Почему меня этот вопрос интересовал? Ведь в сущности говоря, старым партийным и политическим работникам, Специальному присутствию и вам хорошо известно учение о разложении большевизма. И это было показателем того, что Броунштейн не стоит на твердой позиции в этом вопросе, но эти вещи его интересуют — момент разложения коммунистической партии, как один из моментов, способствующих тактике меньшевизма и тактике борьбы с советской властью, но это ставится, как правый курс в тот момент, и т. д. В этом отношении у меня с ним было крупное расхождение. Я смотрел, что это, в сущности говоря, политических результатов не даст и такое построение бессмысленно. Но этот момент повторился и в январе 1930 года, когда приезжал Дукер. Мое личное вхождение было таково, что я в «Союзное бюро» не вхожу, как член. Это было признано шепотом конспиративным и ненужным, потому что я мог дать по своим функциям.

Крыленко. А ваши функции в чем заключаются?

Иков. В собирании подпольных ячеек, расширении непосредственно этой работы.

Крыленко. Во-первых, организация подпольных ячеек, установление с ними связи?..

Иков. Я ему сказал, что по некоторым соображениям, непосредственного политического значения не имеющим, местная организация не представляется достаточно авторитетной. Он мне сказал, что он пытается привлечь новых людей, в том числе и одного из крупных партийных работников, старого рабочего. Это меня устраивало. Он на следующий день сказал, что московский комитет, так он называл московское бюро, а это соответствует московскому комитету, что московское бюро считает меня принятым на работу. Я не входил в состав московского бюро, не интересовался составом. Броунштейн сказал, что по вопросу обо мне он писал за границу и получен ответ положительный о вхождении меня в организацию. Он должен был передать на следующем свидании связи с бюро, явки и сказал, что целый ряд лиц, бывших в работе, отходит от работы и состав повышается.

Мои функции: помимо функции комитетчика — члена бюро, поддержания связи с заграницей, на мне лежала организация корреспондирования в «Социалистический вестник», собирания полезного и нужного материала, затем поддержания связи с «Союзным бюро» и оказания ему тех услуг, которые я по роду своего положения мог ему оказать, поддержания связи опять-таки по своему положению — я был членом ЦЕКУБУ и членом союза писателей — в определенных кругах; наконец, краснокрестные функции...

Крыленко. Разрешите уточнить. Позиция Броунштейна и заграничной делегации выяснена вами с достаточной полнотой. Это — позиция на вредительскую работу в смысле одобрения ее, санкционирования и расширения, позиция по вопросу об интервенции, рассматриваемой как вполне приемлемый факт, который необходимо совершить и которому необходимо не противодействовать, а во всяком случае поддерживать. Это — основное. И, наконец, по отношению «Союзного бюро» извещение вас о том, что такое существует, таковое занимает определенную роль, имеет определенную связь с заграничной делегацией. И на вас было возложено подтверждение связи между «Союзным бюро» и заграничной делегацией с теми подпольными ячейками, которые еще существовали, или которые должны были существовать, или находились в стадии организации.

Иков. На меня было возложено оказание содействия «Союзному бюро» и, в частности, мною пользовались как каналом для сношений с заграницей. Надо, однако, сказать, что для сношений с заграницей я был использован не с самого начала своего вступления, а несколько позднее.

Крыленко. К области организационной мы сейчас перейдем. Здесь имеется некоторая неясность, которую нужно выяс-

нить. Но пока что можно констатировать, что вы подтверждаете ваши слова относительно той связи с заграничной делегацией с вами и через вас «Союзного бюро», связи, которую, как известно, заграничная делегация отрицает. Здесь можно будет перейти к некоторым документальным данным. (К суду). Эти документальные данные имеются в обвинительном заключении, так что я не буду спрашивать разрешения на их оглашение.

Иков. Это ясно и понятно. Связь эта была.

Крыленко. Я понимаю, что вы хотите сказать. Вот эти документы, найденные у вас при обыске, эти письма, — вы их признаете и подтверждаете?

Иков. Ну, конечно. Только это было после ареста «Союзного бюро»; это относится к августу—октябрю 1930 года.

Антонов-Саратовский. Когда ваш канал начал действовать?

Иков. Нет, он начал действовать раньше.

Крыленко. Это весной 1929 года состоялось оформление через Броунштейна вашей связи с заграничной делегацией, с меньшевистской организацией?

Иков. Да, и персонально было указано лицо, с которым я связан.

Крыленко. А именно?

Иков. Я говорил уже — Шер.

Крыленко. И вот эта связь была и не уничтожалась до...?

Иков. До моего ареста 11 января 1931 г.

Крыленко. Разрешите мне огласить некоторые из этих писем. Я хочу, чтобы вы выяснили некоторые места здесь на судебном следствии.

Во-первых, в первом письме подпись: «Сердечный привет. О.». Кто это?

Иков. Я уже показывал, что переписка за последнее время, начиная с ареста Броунштейна до самого последнего дня, велась преимущественно с членом заграничной делегации, старым, сравнительно старым партийным товарищем — Ольгой Осиповной Доманевской, иногда — Даном.

Крыленко. Значит, — это Ольга Доманевская?

Иков. Да.

Крыленко. Мы потом в «Социалистическом вестнике» найдем целый ряд статей, которые устанавливают, что такое лицо существует.

Иков. Я думаю, что мы все об этом знаем.

Крыленко. Гр-н Иков, здесь судебное следствие и нельзя обойтись без некоторых формальностей. Значит, автор всех этих трех писем — член заграничной делегации?

Иков. Да.

Крыленко. «Дорогой Зигфрид» — это кто такой?

Иков. Зигфрид — это я, это мой псевдоним со времен «Искры».

Крыленко. К чему относятся следующие слова: «будем писать и впредь по обоим адресам и обычным способом. Подтвердите получение и согласие наключ»?

Иков. У нас была переписка частью шифрованным способом, оказией, но иногда и по почте.

Крыленко. Примитивным старым способом?

Иков. Старым способом подпольных организаций.

Крыленко. Теперь во втором письме от 4 октября, в конце письма, имеется шифр, вами не расшифрованный?

Иков. К сожалению, он тогда мною не был расшифрован; был перепутан ключ.

Крыленко. Перепутали цифры или не ту страницу взяли и переписали. Я прошу обратить внимание — это документальное подтверждение по содержанию того, что говорилось в первом письме. Во втором письме имеется фраза. Начинается она со следующего: «Письмо № 2 получили. В связи с арестами подняли большую кампанию. Обратились ко всем социалистическим партиям и редакциям с особым письмом, в котором указываем на значение последних арестов. По делу Громана—Кондратьева привели в движение демократические круги Европы. Собираем подписи ученых и профессоров под протестом. Абрамович поместил статью в «Форвертсе», Дан — в австрийской печати, Югов — в ряде местных газет».

Прокуратура имеет несколько выписок из статей австрийской печати — из «Форвертса» за подписью Абрамовича и Дана. Когда таковые будут найдены и выписки представлены, то это будет документальным подтверждением этого сообщения и, следовательно, будет подтверждать подлинность этого письма.

Скажите, что это такое?

«Жалею, что вы не послали денег по нашему поручению «Георгию». Кто этот «Георгий»?

Иков. Я указывал, что в мои функции входила краснокрестная организация, содействовавшая Красному кресту. Деньги посылались из-за границы, присылались деньги весьма незначительные, которые обыкновенно передавались в известное общество помощи политическим заключенным или иногда рассылались по тем или иным личным адресам. Если вас интересуют подробности, я могу сказать.

Крыленко. Кто такой Георгий?

Иков. В связи с этим была прислана специально назначенная сумма денег Георгию Дмитриевичу Кучину-Оранскому, члену ЦК партии.

Крыленко. Это из второго письма. Из третьего письма абзац следующий: «Сообщите нам все, что знаете о М. А. Броунштейне, в какой тюрьме сидит, его здоровье. У нас все налажено для отправки «Вестника». Ждем адреса. Он бу-

дет доставлен в М... (очевидно, в Москву) в 10-ти экземплярах.

Вот эти письма. Можно будет предъявить подлинники для опознания. Вот расшфированные подлинники для предъявления. Если их опознают, то вопрос исчерпывается.

Председатель. Защита ознакомилась с ними. Вы хотите, чтобы и подсудимый еще раз подтвердил?

Иков. Да, я признаю их подлинность. Это случайно найденная часть. Обыкновенно я их уничтожал. Да, это самое. Это часть переписки моей с заграничной делегацией на протяжении полутора лет.

Крыленко. Изъятый номер «Правды» за определенной бандеролью, по адресу — «Берлин». Внутри приклеено написанное на листе папиросной бумаги письмо. Это письмо вами отправлялось?

Иков. Оно было мною написано. Я его автор. Я его опустил в ящик для отправки в Берлин.

Крыленко. Слова, которые имеются, которые цитируются в обвинительном акте, вы равным образом признаете, что они написаны вами?

Иков. Да, я это подтверждаю. От «а до зет» это было написано мною и только поставлено: «Московское бюро».

Крыленко. По этому поводу мы будем говорить особо. Вы признаете, что вами было написано о том, что — «будет состряпан новый процесс а-ля Шахтинский, а-ля Рамзинский, при помощи Крыленко, ГПУ».

Иков. Я это признаю.

Крыленко. Эта информация куда посылалась?

Иков. Она направлялась в распоряжение заграничной делегации.

Крыленко. В порядке информации?

Иков. У вас имеется протокол моих показаний. Я в этих показаниях говорил об этом письме.

Крыленко. Можно констатировать, что содержание этого письма целиком и полностью совпадает с тоном и содержанием тех статей, которые по поводу шахтинского процесса и по поводу процесса «Промпартии» были напечатаны в «Социалистическом вестнике». Здесь также мы имеем версию о пытках, версию о терроре, о записках сумасшедшего, — вообще все те версии, которые муссируются «Социалистическим вестником».

Иков. Здесь мы имеем политическую установку, ничем не отличающуюся от общей.

Крыленко. Та линия, которая взята вами в этом письме, где вы говорите о записках сумасшедшего, можно ли эту линию назвать реальным путем в смысле агитационного приема, — в лучшем случае? А в худшем случае — как это можно назвать? Лучше здесь не называть этого термина.

Иков. Я разъясню о реальном смысле. Я разъясню, почему мною такое письмо было послано и чем это было вызвано.

Дело в том, что у меня найдено три письма. Их было много больше. Было одно письмо, — я надеюсь, что вы мне в этом поверите, — где были сказаны такие фразы — перед глазами было три факта. Один факт — это то, что «Социалистический вестник» стоял на совершенно определенной точке зрения, которая сформировалась к тому, что между делом Громана, Суханова и «Союзного бюро» нет ничего общего. Второй факт — в письме была сказана такая фраза — «кого же собираются судить — Кондратьева»? и после этого был поставлен знак вопроса, а затем было сказано — «Громана, Суханова — социал-демократическую партию». Совершенно ясно, что Громан и Суханов представляли социал-демократическую партию. Третий стоял вопрос о том, как я объяснил уже, что в связи с ходящими слухами готовится процесс. Директива была дана совершенно определенная — в той мере, в какой это возможно, создать впечатление о том, что группа, преданная суду, ничего общего не имеет с настоящим ЦК и бюро. Это — директива, подсказывавшаяся всей перепиской. Вот это заявление являлось ответом на эту директиву. Вот какая картина. То-есть это продолжение той политики скрывания подлинной цели как внутри, так и вне, как было до сих пор.

Антонов-Саратовский. Имело ли это письмо, подклеенное к «Правде», еще и то значение, что заграничная делегация могла показать там, за границей, соответствующему кругу, что вот это письмо получено из самой страны?

Иков. Ясно, конечно.

Антонов-Саратовский. И вы, когда писали, тоже имели в виду?

Иков. Да, конечно.

Крыленко. Наконец, у нас имеется еще один документ: это еще одно ваше письмо, обнаруженное уже после вашего ареста. Вы его тоже признаете? (показывает).

Иков. Да, признаю.

Крыленко. Оно в перепечатанном виде имеется у меня, оно говорит уже специально о процессе «Промпартии». Разрешите мне зачитать только некоторые абзацы?

Председатель. Пожалуйста.

Крыленко. «Когда до вас дойдут эти строки, процесс ЦК «Промпартии» вероятно уже будет достоинством истории. Мы слишком торопимся жить, и даже такая, казалось, монструозная инсценировка, бующая огромной изобретательности и исключительной затраты сил и средств, быстро забывается и сдается в кладовую. Но если бы давать зам нестарейший материал, то, может быть, некоторые наши соображения по поводу процесса окажутся для вас не бесполезными».

Дальше я пропускаю и читаю следующий абзац: «Нам ясно, поскольку это не первый опыт, что коммунисты сделали и сделают все, что в их силах, дабы отра-

вить ложью сознание европейской демократии, дабы скрыть от нее истинный смысл своего фарса, идущего пятый день в Доме Союзов».

По поводу этого абзаца разрешите спросить, как вы сейчас полагаете, кто в данном случае стремился отравить ложью сознание европейской демократии, — заграничная делегация или кто-либо другой?

Иков. Я понимаю ваш вопрос. Я отвечаю таким образом, что писал это я, как член РСДРП, в тот момент, значит я несу ответственность, как автор, а политически это есть ответственность всей той постановки вопроса «Социалистическим вестником» и партией, как она делалась все время.

Крыленко. Значит, вы хотите сказать, что это письмо преследовало те же цели, какие преследовало и первое письмо?

Иков. Да, только с оговоркой. Письмо это осталось неотправленным и незаконченным.

Антонов-Саратовский. Не успели?

Иков. Оно было написано 25 ноября, и я бы успел его отослать, если бы хотел кончить.

Антонов-Саратовский. В «Социалистическом вестнике» была помещена соответствующая статья, в которой все это освещалось.

Иков. Если мне будет позволено сообщить, почему я не вернулся к этому материалу, я скажу.

Председатель. Коротко можно.

Иков. Я писал это письмо. Потом произошел такой случай, что я его не то потерял, не то куда-то засунул.

Крыленко. Да, вы его засунули, мы его нашли. (Смех в зале).

Иков. Я к этому вопросу больше не вернулся по другому обстоятельству. Когда процесс заканчивался, я специально проработал материал, в котором давал то, что я знал, и, откровенно говоря, что еще в начале декабря я донял, что та установка, которую я даю, есть установка, по меньшей мере, не серьезная и что писать в этом стиле недопустимо.

Крыленко. Я использую только те абзацы, которые необходимы вот с какой точки зрения. Это письмо, этот документ, опубликованный в «Социалистическом вестнике», дальше интерпретируется как письмо из СССР, характеризующее то, что здесь происходит. Вот я и хочу этот абзац прочесть.

«Мы здесь доподлинно задыхаемся в этой атмосфере отходной ямы, выражаясь энергичным стилем Щедринских незаконченных бесед, но Европа, ее рабочий класс, ее демократические слои до сих пор, повидимому, не представляют себе в сколько-нибудь осязательной форме всей нетерпимости этой необходимости жить в отходной яме, видеть свет в окошке только через правительственные газеты, почему-то носящие разные назва-

ния, вопреки однотипной убогости и скудости их содержания и плоскости мысли. Вот почему, когда с отчетливой остротой ощущаешь этот воздух, отравляющий наши легкие, обращаешься мыслью к тем, кто, подобно вам, располагает возможностью дышать полной грудью и может свободно говорить перед лицом всего мира...»

Эти характерные данные о положении в СССР всецело соответствуют тем агитационно-пропагандистским методам, которые использовались отсюда в определенных целях?

Иков. Да, я подтверждаю.

Крыленко. Теперь, по организационным вопросам. Это московское бюро, которым вы подписали ваше сообщение, оно существовало реально или это тоже была фикция?

Иков. Группа, существовавшая, которая несла все функции партийные, была арестована в одну или две ночи, одновременно с Валериановым. И дальше, положение было таково, что все остальное время отсутствовало такое законченное организационное целое. Я несколько раз получал от заграницы предложения войти в состав «Союзного бюро». Опять-таки оно называлось не «Союзное бюро».

Крыленко. Центр?

Иков. Да, центр. А затем, когда произошел арест «Союзного бюро», я имел уже письмо с оказией, анонимной оказией, где мне предлагалось определенно взять на себя эти функции.

Крыленко. Уполномоченного ЦК?

Иков. Если хотите. Вместе с тем в одном из писем сообщалось, что в ближайшее время должен приехать представитель ЦК.

Крыленко. После ареста уже?

Иков. Да, это было значительно позже ареста. Арест состоялся, насколько я знаю, основной в июле, дальше шли уже дополнительные аресты, а эта переписка была в ноябре-декабре.

Крыленко. А встреча ваша с этим уполномоченным имела место?

Иков. Нет, ее не было. Я был арестован раньше.

Крыленко. А вы упоминали Дукера?

Иков. Это в начале 1930 года, а я говорю о конце года.

Крыленко. Фактически ее не существовало?

Иков. Я только закончу. Почему появилась эта подпись? Я взял на себя такую функцию, такое имя московского бюро. До сих пор я им не прикрывался, но когда возник вопрос о посылке такого заявления, в связи с судом, то я счел возможным взять это имя для того, чтобы, как гр-н член суда сказал, произвести большее впечатление названием, чем это могла бы сделать подпись просто рядового человека. Вот единственный случай, когда я употребил это выражение «Московского бюро». Я ждал приезда

кого-нибудь из-за границы, чтобы перед ним поставить вопрос о дальнейших формах работы, ибо было совершенно очевидно, по многим соображениям, что данная форма работы умерла.

Крыленко. Значит фактически она не наладилась и ее не было?

Иков. Нет.

Крыленко. Следующий вопрос. Предположим, что существуют эти организации в идеальной форме. В этом отношении получается так: заграничная делегация — это ЦК, планирующий, управляющий, руководящий и т. д. (мы слышали здесь о приезде Абрамовича и о непосредственных взаимоотношениях с заграничной вашего центра), «Союзное бюро», состоящее из старых меньшевиков, отходящих и вновь входящих, но в конце концов сорганизовавшееся, сформировавшееся, и остатки, осколки подпольной организации. Когда вы с Броунштейном говорили, где был все-таки центр?

Иков. Предполагалось так, что Броунштейн, как член ЦК, входит в местную работу, включает ряд новых товарищей. Здесь организация московского комитета для местных функций и российское бюро ЦК для общих функций. И ясно было, что Броунштейн возьмет...

Крыленко. Возьмет путем включения в центр?

Иков. Он должен был входить в «Союзное бюро», как соединяющее начало подпольных групп и нашей.

Крыленко. Центром будет «Союзное бюро», куда должны войти Броунштейн?

Иков. Так было бы, — я могу представить такую картину, но повторю, что я не договорился с ним до конца. В бюро он должен был включить меня по линии подпольной работы. Вполне возможно, что добавочное политическое давление шло оттуда.

Крыленко. У меня имеются документы, которые утверждают, что российское бюро ЦК существует. Что, это или другую бюро существует? Этот факт нужно выяснить. Когда тут был Броунштейн, «Союзное бюро» было центром, куда был включен Броунштейн?

Иков. Да, это было оно.

Крыленко. Не было такой структуры, что существовали два ЦК? Или в практической вашей работе было одно ЦК? Что было в действительности реально?

Иков. Да, одно.

Крыленко. Это важно. Теперь один вопрос, который остался неясным — связь с заграничной, которая осуществлялась в 1929—30 г. и для которой вы должны были связаться с Шером. Получались ли вам из-за границы некоторые директивные указания для передачи Шеру?

Иков. Да, мною было осуществлено такое дело связующего характера — двухстороннее, оттуда и обратно. Мною были получены два письма из-за границы и отправлены, 3 или 4 корреспонденции из-

за границы. Полученные письма были мною переданы Шеру; Шеру же были переданы корреспонденции. Одно письмо было получено не позднее первых чисел декабря 1929 г. Я настаиваю на этой дате потому, что у меня был поздний зимний отпуск, я уехал на Урал и вернулся в начале января. Можно проверить точно, когда я был в отпуску. Второе письмо было получено, вероятно, в середине или в конце января 1930 г., при чем одно письмо было посвящено вопросам интервенции, другое взаимоотношениям с «ТКП». Одно письмо было переслано таким же способом, каким я пользовался раньше, только в специальных немецких литературных журналах, которые я систематически получал.

Крыленко. Тот самый журнал, о котором говорится в письме № 2?

Иков. Да, «Литерарише Вельт». Это во-первых, а второе — с анонимной оказией, на тонкой бумаге, написано на машинке. Это была мне известная оказия. Было согласовано, что явится человек, который скажет условную фразу: «это во исполнение или в дополнение к письму Оли». Меня шифрованным образом предупредили, и я знал, что это свой человек. Он вручал, что нужно, и спешно удирал. Я специально просил это сделать, потому что был случай, когда мне принесли деньги для Красного креста и попросили дать расписку. Я ее дать не хотел. Письма были химические, а почему они были переданы Шеру, — текст, напечатанный на машинке меня не удивлял, но там была подпись «Миша» или «Маша», — но было условлено, что если приходит письмо, которое кончается «Мисшей» или «Машей»; это письмо я должен передать «Союзному бюро». Я не считал себя в праве это письмо провозить, поскольку я не член «Союзного бюро» и передал Шеру. Потом он сказал, что одно из этих писем касалось интервенции, а другое крестьянской партии. Относительно химических писем, — не знаю важно ли это.

Антонов-Саратовский. Это мы знаем сами очень хорошо.

Крыленко (к суду). Можно попросить Шера?

Председатель. Подсудимый Шер.

Крыленко. Эта часть показаний относительно переписки и связи вами подтверждается?

Шер. Да, я это подтверждаю. Это были те письма, о которых шла речь здесь вчера на судебном следствии и которые были переданы Рубину.

Крыленко. У меня больше вопросов нет. Можно Якубовича?

Председатель. Подсудимый Якубович.

Крыленко. Будьте любезны сообщить суду непосредственно, подтверждаете ли вы наличие в «Социалистическом вестнике» вашей корреспонденции?

Якубович. Я подтверждаю о наличии моей корреспонденции, но должен добавить некоторые пояснения, которое мною было дано на предварительном следствии, повторено в показаниях, но которое не приведено в обвинительном заключении. То, что я писал, как впрочем и то, что писали другие и что отправлялось в Берлин, это не писалось непосредственно в форме корреспонденции в «Социалистический вестник». Я действовал так, как говорил обвиняемый Иков или кто-то другой, касаясь сношений с заграничной делегацией. Это был ряд информационных материалов, которые включали в себе различного рода сведения как о деятельности «Союзного бюро», так и материалы, касающиеся изложения принципиальных соображений, ряд запросов заграничной делегации и такой материал, который мог бы быть использован заграничной делегацией как в форме материала для писания статей, так и в форме материала, который при некоторой литературной обработке или почти без этой литературной обработки мог быть помещен непосредственно в «Социалистический вестник» в качестве информационного материала. Так что эти материалы направлялись не в форме законченной корреспонденции, которую редакция только правит, а они входили в состав более или менее обширных писем, обширных материалов, которые посылались в распоряжение заграничной делегации для использования. Иногда они использовались в общепартийной работе, в работе заграничной делегации, в ее выступлениях, при помещении статей в заграничной печати, иногда — путем помещения их в «Социалистический вестник».

Я давал показания, и подтверждаю еще раз, что я, — не помню точно, сколько, — но раз пять-шесть составлял материал по вопросам товарного и денежного обращения в форме такой, выражаясь газетным языком, подборки, которая может быть использована без больших изменений для напечатания в «Социалистическом вестнике», или, если это окажется неподходящим, эти материалы заграничной делегацией могут быть использованы для каких-нибудь других целей, для других литературных органов или для общепартийной работы.

Так вот я говорю, что для «Социалистического вестника» мною были составлены 5—6 раз такие подборки, которые были включены в общую сводку, отосланную за границу, в Берлин. Что же касается того, что из этих материалов было использовано в «Социалистическом вестнике», то я указал, что одна корреспонденция была помещена в отделе «Обзор по России», с очень небольшими изменениями, только с некоторыми отдельными вставками в текст, не меняющими смысла. Затем там имеются две других корреспонденции, которые составлены из мате-

риалов, не мне принадлежащих, но там есть вставки, которые я узнал по содержанию и считаю своими. Так что я в номерах «Социалистического вестника» нашел три материала — один почти целиком в «Обзоре по России», который был взят из написанного мною, и два отрывка, которые были включены в обзоры, составленные не мной.

Крыленко. Так что эти обзоры или отрывки вы подтверждаете?

Якубович. Да.

Крыленко. При составлении этих отрывков, обзоров и т. д. материал отвечал действительности или сгустился краски, бывали прямые извращения?

Якубович. В основу клались факты действительной жизни, но им давалось тенденциозное освещение, которое до некоторой степени изменяло смысл этих фактов, во всяком случае придавало им смысл несколько иной, чем они могли бы иметь в действительности. А так как при переработке они подвергались еще дополнительным изменениям и вставкам, то в том виде, в котором они появлялись в «Социалистическом вестнике», они довольно далеко отступали от действительности и носили агитационно-демагогический характер.

Крыленко. Это был общий, специфический тон вашего сотрудничества?

Якубович. Если вы обратите внимание на все разделы «Обзора по России», то вы обнаружите, что этот тон агитационно-демагогический свойственен всем без исключения «Обзорам по России», при чем в ряде этих обзоров вы найдете гораздо более вульгарно-демагогический тон, нежели в тех заметках, о которых вы меня спрашиваете.

Крыленко. Ну, а сплошные вымыслы помещались?

Якубович. Я не имею сейчас перед глазами материалов и затрудняюсь ответить, но я могу категорически заявить, что тенденциозность была в ряде случаев настолько велика, что значение помещенного материала может быть приравнено к сплошному вымыслу. (Смех в зале).

Председатель. Подсудимый Якубович, можете садиться.

Председатель. Заседание возобновляется. Подсудимый Шер.

Крыленко. Скажите, пожалуйста, подсудимый Шер, вам что-нибудь известно относительно сотрудничества в «Соц. вестнике»?

Шер. Через меня прошло довольно большое количество корреспонденции и сообщений заграничной делегации. При чем часть этих корреспонденций написал я, но в большинстве случаев я старался переложить эту работу на других, в том числе и на Якубовича, который сейчас только что показывал и показания которого я целиком подтверждаю.

Значительную часть корреспонденции писал он. Я затрудняюсь, не имея комплекта «Соц. вестника» и не имея времени, подробно рассмотреть его (на предварительном следствии он мне не был предоставлен), точно сказать, какие статьи принадлежат лично мне и какие статьи, корреспонденции проходили через мои руки. Их было довольно много, так что для установления сейчас всех этих корреспонденций потребуется некоторая предварительная работа по ознакомлению с комплектом «Соц. вестника».

Но, в общем и целом, я могу утверждать, что характер их был такой, какой сейчас описывали, т.е. в основу клались действительные факты, но факты эти были настолько тенденциозно освещены и настолько извращались, в конце концов, в этом тенденциозном освещении, что давалось совершенно ложное представление.

Крыленко. Вам известно, кто там сотрудничал?

Шер. Сотрудничал Якубович. Лично писал я, если не ошибаюсь, писал и Суханов.

Крыленко. Писали трое. А материал передавали вы?

Шер. Я передавал вначале Штерну, а в последнее время Икову, а он этот материал отправлял.

Крыленко. Через ваши руки прошло достаточное количество материала. Тут были статьи или была только хроника, только освещение?

Шер. В большинстве случаев была хроника.

Крыленко. А статьи были?

Шер. Я не помню. Может быть, они и были, но назвать их сейчас я затрудняюсь.

Крыленко. Если вам предоставят возможность получить комплект «Социалистического вестника» за последние два года и ознакомиться с ним, то сможете ли вы узнать статьи, прошедшие через ваши руки?

Шер. Возможно, что я их узнаю.

Крыленко. Знали ли вы что-нибудь относительно упоминавшегося здесь Иковым Дукера — лица, с которым встречались в 1930 г.?

Шер. Нет, я не слышал.

Крыленко. Мы сейчас спросим его более подробно.

Председатель. Садитесь. Подсудимый Иков.

Крыленко. Будьте любезны уточнить этот эпизод.

Иков. Около 10 января 1930 года, по возвращении моем из отпуска, ко мне пришел гражданин, который предъявил мне записочку. На ней было рукой, хорошо мне знакомой много лет, рукой Ф. И. Гурвича — Дана написано «абсолютное доверие». Это лицо оказалось, когда мы разговорились, нашим старым партийным товарищем. Он работал ре-

дактором в объединенной социал-демократии, ныне он латышский социал-демократ Дукер или Друкер (тут я могу путать одну букву), который в 1922 году был в ссылке вместе с рядом меньшевиков, потом выехал за границу. Он приехал по какому-то своему личному делу, связанному с его служебным положением в Риге. В Риге к нему приехал один из членов заграничной делегации Югов, предъявил ему мою фотографическую карточку, чтобы он не ошибся, и просил, чтобы он, когда поедет в Россию, познакомился со мной. Так как я был на Урале и приехал поздно, то свиданий с Дукером было только два. Я запоздал, он приехал задолго до моего возвращения и виделся со мной два раза через день. В силу этого он не мог познакомиться из членов «Союзного бюро». Строго говоря, в этом необходимости непосредственно не было, так как это было после одного директивного письма, уже присланного. Он ехал и там воспользовались для передачи мне дополнительного адреса для переписки. Потом я получил деньги для краснокрестных нужд и особым способом зашифрованные сообщения. Между прочим, в этих сообщениях были такие фразы: «сообщите точный состав «бюро», «если вы считаете удобным, по конспиративным соображениям, войдите сами, но во всяком случае, держите с ним твердый контакт».

Потом было еще сообщение относительно того, что никаких директив не посредственно не пересылается, потому что все равно, мол, такой-то связан достаточно хорошо, его Москва обо всем инструктирует. Затем, с ним был обмен мнений.

Крыленко. По текущим вопросам?

Иков. Нет. Во-первых, меня интересовала заграница, в частности Латвия, и, затем его личное отношение к интервенции и что, собственно, относительно интервенции мы должны знать. Надо сказать, что он сам занимает позицию так называемых левых социал-демократов. В частности он мне сказал, что у вас опять имеются какие-то моменты оживления, чуть ли не эсера по вопросу о том, на кого ориентироваться, на левых коммунистов или на правых коммунистов, добавив, что для нас, в Латвии, этот вопрос как-то непонятен, мы привыкли ориентироваться на латвийский пролетариат, а у вас, говорит, это вызывает разногласие. Но он сказал, что никаких перемен, никаких изменений в установке...

Крыленко. Это было кратковременное посещение?

Иков. Это было особенно кратковременное совещание, потому что случилось так, что я должен был принять его у себя, что было не совсем удобно.

Крыленко. По поводу «Социалистического вестника» вы подтверждаете, что

вы были пунктом по передаче корреспонденции?

Иков. От Шера?

Крыленко. Да.

Иков. Подтверждаю.

Крыленко. Сами вы писали в «Социалистическом вестнике»?

Иков. Да.

Крыленко. Под каким псевдонимом вы там писали?

Иков. Надо сказать, что я лично писал не статьи, а фактические сведения и прочее. Ведь часть материалов в «Социалистическом вестнике» публиковалась совершенно не...

Крыленко. Выдержки?

Иков. Даже не в той конструкции, которую давал корреспондент. Я приведу пример. Корреспонденция была, в частности переданная Шеру, о финансовом положении и кредитной реформе, а этот материал был использован в статье Доманевской на эту тему.

Крыленко. Использован?

Иков. Да, он был положен в основу ее статьи. Я не могу утверждать, что он был использован так, как он был переслан. Может быть, он получил соответствующую редакцию, цензурную очистку. Но эта корреспонденция была использована таким образом. Были корреспонденции о продовольственном положении, относительно товарного кризиса, недостатка товаров, потом еще о промышленности и о пятилетке. Это то, что я припоминаю.

Что касается меня лично, то я должен сказать, что часто мои статьи помещались без подписи.

Крыленко. Об этом посещении Дукера вы кого-нибудь информировали?

Иков. Нет, об этом посещении Дукера я никого не информировал. Насколько я помню, это произошло потому, что он никаких директив не привез. Затем очень быстро получилось второе директивное письмо, о котором я уже говорил, на двух листах, насчет интервенции. Кроме того, он сам сообщил, что ничего нового не произошло. Так что его приезд не представлял такого большого интереса.

Крыленко. Можно попросить Суханова?

Председатель. Подсудимый Суханов.

Крыленко. Вам приходилось лично корректировать или составлять заметки для «Социалистического вестника»?

Суханов. Да, приходилось.

Крыленко. В какой период времени?

Суханов. Я бы сказал, с весны 1929 г. до начала 1930 г.

Крыленко. Часто?

Суханов. Нет, не часто. Я мог бы припомнить 4—5 случаев, когда мне приходилось писать нечто в роде корреспонденции, но я не стремился к тому, чтобы это были литературные произведения с начала до конца, зная обычай использования этих корреспонденций как материала, о чем мне было сказано, когда

меня привлекали к литературной работе. Так на самом деле и происходило.

Крыленко. На какие темы?

Суханов. Мне припоминаются такие темы: коллективизация, проблема товарного голода, положение сельскохозяйственной статистики.

Крыленко. Коллективизация, товарный голод, положение статистики. В каком смысле положение статистики?

Суханов. Я разумею под этим реформу корреспондентской сети в связи с реформой Экспертного совета ЦСУ, которая имела место в августе 1929 г.

Крыленко. 4 или 5 случаев?

Суханов. Да.

Крыленко. Каким образом вами направлялись эти корреспонденции?

Суханов. Я их отдавал Шеру.

Крыленко. При предъявлении вы могли бы их установить?

Суханов. Они никогда мне не были предъявлены.

Крыленко. А если бы предъявили?

Суханов. Возможно, в зависимости от того, в каком виде они увидели свет. Надеюсь, что я мог бы их распознать.

Крыленко. Характер ваших корреспонденций, — они соответствовали действительности или, равным образом, вы допускали тенденциозное отношение?

Суханов. Мне трудно сказать, насколько они расходились с действительностью, но из всего характера моей деятельности, из оценки политического влияния на меня в то время можно твердо умозаключить, что они определенно и в высшей степени тенденциозны.

Крыленко. Больше вопросов к Суханову нет.

Председатель. Подсудимый Суханов, садитесь.

Крыленко. По плану ведения следствия для того, чтобы заключить этот момент, надлежало бы сейчас приступить к длительному допросу Тейтельбаума. Считаете ли вы возможным начать этот допрос сейчас?

(Суд совещается).

Председатель. Можете начать.

Крыленко. Тогда можно просить подсудимого Тейтельбаума?

Председатель. Подсудимый Тейтельбаум.

Крыленко. Вам, может быть, удобнее отвечать сидя?

Тейтельбаум. Нет, пока я могу стоять.

Крыленко. Сообщите приблизительно хронологические данные вашего пребывания в СССР и за границей.

Тейтельбаум. Я за границей пробыл с начала 1922 г. по май 1929 г.

Крыленко. А затем уже прибыли в СССР?

Тейтельбаум. В мае 1929 г. я прибыл в СССР.

Крыленко. В каких городах за границей вы были?

Тейтельбаум. Я жил в Берлине, Стокгольме, Вене, Праге, иногда в Варшаве.

Крыленко. По должности?

Тейтельбаум. Да.

Крыленко. В качестве кого вы работали?

Тейтельбаум. Я был заведующим экспортным отделом сначала Украинского торгпредства, одновременно совмещая должность и заведующего экспортным отделом торгпредства РСФСР. В Стокгольме я был заведующим экспортным отделом торгпредства.

Крыленко. Вам во время вашего пребывания за границей приходилось входить в соприкосновение с членами заграничной делегации?

Тейтельбаум. Приходилось.

Крыленко. Вы можете перечислить имена, они вам известны?

Тейтельбаум. Имена мне известны, но прежде, чем их перечислять, разрешите мне остановиться на некоторых фактах, которые имеют, на мой взгляд, довольно большое значение, потому что для того, чтобы установить те взаимоотношения, которые существовали между делегацией и II Интернационалом, важно выявить численный состав этой заграничной делегации.

Заграничная делегация, — я, собственно говоря, не знаю, почему она называется заграничной делегацией. В конце концов, эта заграничная делегация исторически сложилась таким образом. Когда в 1920 году Мартов, Абрамович и Аксельрод уехали за границу, они назвали себя заграничной делегацией РСДРП, хотя в то время еще легально существовала РСДРП в СССР.

Осенью 1922 года, когда было выслано большинство членов ЦК РСДРП, которым ссылка была заменена высылкой за границу, там появилось несколько членов ЦК РСДРП. Из них я мог бы назвать Дана, Югова, Монозон-Шварца, Николаевского, Гарви, Биштока.

Антонов-Саратовский. И Абрамовича?

Тейтельбаум. Нет, Абрамович был раньше — с 1920 года.

Во всяком случае я должен сказать, что заграничная делегация, или будем ее просто называть социал-демократической группой, называвшей себя РСДРП, состоит максимум за границей из полутора десятков человек, полутора—двух десятков, фактически эмигрировавших или высланных за границу из СССР.

Есть, правда, еще одна эмигрантская группа, входившая раньше в состав РСДРП, меньшевиков-грузин, но она совершенно раздельно существует, раздельно не только в смысле организационном, но и в смысле территориальном. В то время, как названная мною группа лиц почти вся целиком находится в Берлине,

грузинские с.д. почти все находятся в Париже.

Как известно, раньше, во-время существования грузинской меньшевистской республики, между РСДРП и грузинскими с.д. произошел раскол. Грузинские социал-демократы не хотели даже себя именовать РСДРП, назывались просто грузинские социал-демократы и не хотели допускать в свой состав социал-демократов, входящих в РСДРП, а также не хотели признавать руководства ЦК РСДРП. Так что это—две совершенно самостоятельные группы. Я грузинской группы касаться не буду, так как к данному делу она никакого отношения не имеет. Речь идет о заграничной делегации, так называемой заграничной делегации, т.е. той с.д. группы, которая находится в Берлине и которая называет себя российской социал-демократической рабочей партией. Я постараюсь доказать, что та организация, от имени которой издавались разного рода директивы, эта самая заграничная делегация, она, по ее же собственному признанию, чрезвычайно ничтожна, а периферия ее, по свидетельству опять-таки этой самой заграничной делегации, сводится если не к полутора десяткам человек, из которых состоит социал-демократическая группа в Берлине, то к нескольким десяткам, к паре сотен людей, и вот эта группа лиц действует без соответствующих полномочий от имени РСДРП.

Руководящими в составе этой заграничной делегации являются следующие лица: Дан, Абрамович, Югов, Гарви, Шварц-Монозон, Николаевский, Бишток. В то время, когда жил Аксельрод, он до некоторой степени принимал участие в работах или, вернее, в решениях этой заграничной делегации, но надо сказать, что Аксельрод скорее был консультантом по некоторым вопросам, чем активным и непосредственным участником этой заграничной делегации.

Крыленко. Может быть, вы сразу, для точности, определите то, что вам известно о составе делегации от делегации во II Интернационале?

Тейтельбаум. Делегация от делегации? Официально в исполкоме II Интернационала, поскольку мне известно, представляет делегацию Абрамович. Но дело в том, что, как вы знаете, во II Интернационале происходят не только заседания исполкома, но и целый ряд заседаний различных комиссий по различным вопросам, и тогда либо делегируется специальная комиссия, либо есть некоторая договоренность, на основании которой те или иные лица представляют эту делегацию от делегации в этих заседаниях. Чаще всего — это Дан, в известной период туда входил Гарви. Иногда, как например когда поднимался виленский вопрос, насколько я знаю, в этот состав делегации входил даже и Кефали. Я го-

ворю даже и Кефали, потому что я к этому моменту вернусь впоследствии. Такому официальному представительству делегации.

Крыленко. Территориально где помещается эта заграничная делегация?

Тейтельбаум. Я бы затруднился сказать. У них есть нечто в роде клуба. Я ни разу не был в этом клубе и не знаю его, но редакция и типография «Социалистического вестника» находится на Линденштрассе в помещении «Форвертса». Линденштрассе 20 или 18. Вот численный состав этой делегации. Руководство я уже назвал.

Я постараюсь быть поелику возможно схематичным и постараюсь сделать уже первый вывод из того, что я сказал. Вам должно быть совершенно понятно и ясно, что самая численность состава делегации, затем совершенная оторванность ее, с каждым годом, несомненно, увеличивается и углубляется, — оторванность от СССР не дает, в конечном счете, реальной базы или достаточного права разговаривать о каких-нибудь широких рабочих народных массах, а между тем то положение, которое они должны занять в Интернационале, называя себя РСДРП, или, вернее, той делегацией, которая РСДРП представляет, — несомненно, заставило их предпринимать соответствующие шаги и решения и у них имеются обязательства и векселя, по которым им потом придется соответственным образом расплачиваться.

Антонов-Саратовский. Эта самозванная группа с бронзовыми векселями?

Тейтельбаум. Я до некоторой степени такую формулировку могу принять, потому что заграничная делегация никаким партийным высшим органом — съездом, как мне известно, делегирована не была: с начала 1920 г. никакого партийного съезда не было, где был бы избран какой-нибудь ЦК.

Крыленко. А на партийном съезде в 1920 г. ряд членов вошел в ЦК?

Тейтельбаум. Этот съезд происходил не в 1920 г., а в 1919 г.

Крыленко. Эти лица вошли в ЦК?

Тейтельбаум. Дело в том, что не полностью ЦК принял название «заграничной делегации». Тут воспользовались правом, которое имели Мартов, Абрамович и Аксельрод. Мартов, Абрамович и Аксельрод были кооптированы в состав заграничной делегации. Теперешняя заграничная делегация никаким высшим органом — съездом — не утверждалась. Право делегирования центральным комитетом, но не высшим органом, каковым является съезд, является в настоящее время достаточно условным. Более того, эта делегация, называющая себя заграничной, в конце концов, претендует называть себя делегацией от ЦК, ибо она считает, что те директивы, которые ею даются, являются директивами безусловны-

ми. Она считает себя императивной в этом отношении.

Так вот, я говорю, что она претендует себя называть даже ЦК РСДРП. Поэтому иногда в некоторых партийных документах вы найдете подпись: «заграничная делегация РСДРП», а в некоторых случаях «делегация ЦК РСДРП». Вот первоначальные установки, которые имеются. Таким образом, я говорю, что она является оторванной от массы, от реальной действительности, оторванной от СССР, того фактического плацдарма, где, по существу, она должна была действовать. В конечном счете, входя в состав II Интернационала, она стремится занять определенное положение, она, в конечном счете, выдвигает соответствующие обязательства, принимает на себя соответствующие обязательства и стремится созданием иллюзорного впечатления о влиянии своем внутри СССР влиять на отдельные секции II Интернационала. Я отнюдь этот момент, потому что в дальнейшем моем изложении он будет иметь известное значение. Вместе с тем я должен отметить и другое — на основе бесед, которые я имел с отдельными представителями этой заграничной делегации, с более авторитетными представителями в роде Дана, Абрамовича, Гарви, Югова, стало известно о положении внутри II Интернационала, а именно о тех группировках, которые происходят внутри II Интернационала. Я отнюдь этот момент именно потому, что, в конце концов, очень часто РСДРП старалась влиять на складывание этих группировок внутри II Интернационала, либо под нажимом на отдельные секции II Интернационала.

Вот эта оторванность от реальной действительности, эта оторванность от СССР, это осознание той бесплодности, в которой находилась сама заграничная делегация, в конце концов, вынудили поставить вопрос, как, собственно говоря, они будут действовать.

Как известно, заграничная делегация, как и вся РСДРП, до 1924 г. жила так называемыми тезисами Мартова, выработанными им в 1920 году. Я не стану приводить тезисы, они вам, гражданам прессы, и Верховному суду достаточно известны, на них останавливаться не приходится, и поэтому должен только сказать, что, по мнению заграничной делегации, к этому моменту, к 1924 году, тезисы Мартова уже в значительной степени устарели. Очевидно, и даже не очевидно, а совершенно определенно, под давлением II Интернационала выработаны эти самые тезисы и эта программа, или вернее, как она называлась, платформа 1924 г., которую вы здесь цитировали. Эта платформа, если вам интересно знать, была составлена в экономической ее части, преимущественно и главным образом, Далиным, а политические установки этой платформы давались, примерно,

Абрамовичем, Юговым и, главным образом, Даном.

Нужно сказать, что внутри этой самой делегации были также соответствующие группировки. Эти группировки, во-первых, часто перемещались слева направо и справа налево. Те, которые раньше бывали представителями левого течения, оказывались потом правыми и наоборот. Примерно же, эти группировки сложились таким образом: во-первых, вначале, непосредственно после смерти Мартова, стоял вопрос о дуализме внутри заграничной делегации, ибо был совершенно неясен вопрос, чья линия поведения или, вернее, чье влияние одержит верх внутри заграничной делегации, то ли Дан, то ли Абрамович. Поскольку, вообще говоря, Дан уже к тому времени занимал несколько более левую позицию, чем Абрамович, который был на центристских позициях и продолжал их занимать до последнего времени (я коснусь потом его выступления во II Интернационале и его позиции), следовательно, это был, в конце концов, не только вопрос о персональном влиянии внутри самой РСДРП и ее руководстве, а вернее о том, по какой линии в конечном счете пойдет РСДРП или заграничная делегация,—пойдет ли за Даном влево или за Абрамовичем вправо. Но, нужно сказать, что одновременно со всем этим, имелись достаточно откровенные правые настроения даже в те времена, в 1922 году. Они появились за границей в конце 1922 г., в начале 1923 года, я бы сказал, настроения просто реставрационного порядка, которые могли бы скорее блокироваться с такого рода людьми, как Биккерман, чем пребывать в социал-демократической организации. Я имею в виду хотя бы такие фигуры, как известный публицист Степан Иванович и Кефали, вывод которых из социал-демократической партии обсуждался и дебатировался в течение чуть ли 2—3 лет. Вообще, нужно сказать, что среди правых группировок были и в те времена достаточно откровенные интервенционисты, которые продолжали тот интервенционизм, который существовал еще здесь в Советской России со времени Колчака, самарского правительства и т. д. и, как вы еще в первый день ставили вопрос обвиняемому Шеру, — что же, заграничная делегация принимала меры против всякого рода выступлений, не соответствующих основной линии партии, исключала из партии, призывала к порядку, где-нибудь на страницах своей газеты отмежевывалась и т. д. И за границей продолжалась та же самая история. Эти правые элементы, условимся их так называть, продолжали неизбежно оставаться внутри этой самой заграничной делегации.

На этом я думаю закончить показания о заграничной делегации и перейти к тем установкам, которые...

Крыленко. К вашим встречам?

Тейтельбаум. Да, да, о встречах, которые имели место со мной. Прежде всего, встречи со мной, я лично считаю, произошли на почве именно определения той социальной базы, на которую будет опираться российская социал-демократическая рабочая партия в своей дальнейшей работе, ибо те аргументы, которые приводились мне...

Председатель. В каком году?

Тейтельбаум. Это было в конце 1925 года. Те аргументы, которые приводились мне в защиту и в оправдание тех предложений, которые делались мне по вопросу о возвращении в ряды РСДРП, — я сейчас не касаюсь вопроса, как я ушел из РСДРП, ибо я об этом буду говорить впоследствии, если мне будет предоставлена возможность, — во всяком случае, они сводились к концепции, примерно, следующей. Иллюзии на перерождение коммунистической, а следовательно и советской власти беспочвенны и бесплодны. Сейчас необходимо активизировать работу, если не сейчас, в данный момент, поскольку может быть обстановка недостаточно благоприятна, то во всяком случае нужно быть готовым к тому моменту, когда можно будет сказать, что наступил момент, который уже требует активизированной работы. Но для того, чтобы эту работу активизировать, для того, чтобы можно было проводить практические мероприятия по активизации этой работы, нужно было быть совершенно готовыми. Отсюда — консолидация старых меньшевистских сил или бывшей меньшевистской организации, которая была бы уже к определенному моменту мобилизована и которая могла бы начать активную работу.

Крыленко. С кем были эти беседы?

Тейтельбаум. Эти беседы были у меня с тремя лицами. Одна была с Даном, одна — с Далиным, и затем две беседы, закончившие организационное оформление, — с Юговым.

Крыленко. Дан, Далин и Югов. В 1925 году?

Тейтельбаум. Первая моя беседа, которая только поставила этот вопрос, была с Даном. Вторая моя беседа — с Далиным и последние две беседы — с Юговым. Это относится, примерно, к концу ноября или к середине декабря 1925 года.

Крыленко. В Берлине?

Тейтельбаум. В Берлине. Одна беседа была у меня с Даном на его квартире, одна беседа с Далиным в кафе «Фатерланд» на Потсдамштрассе и последние две беседы с Юговым у меня на квартире, на Нейевинтерштрассе 12. Я буду называть все адреса и обрисовывать совершенно точно и реальную обстановку для того, чтобы, как я уже заявлял в том заявлении, которое я сделал по поводу заявления заграничной делегации, посмотреть те документы, которыми за-

граничная делегация попробует отвергать то, что я здесь буду излагать.

Как я расцениваю разговоры со мной заграничной делегации относительно возвращения в ряды РСДРП? Как искание социальной базы. Почему я это так расцениваю? Я это расцениваю так потому, что мне этот вопрос так был поставлен Даном и Далиным. Прежде всего, Дан мне сказал, что, не имея возможности, по совершенно понятным причинам, вести сейчас широкую массовую работу в СССР, не имея возможности создавать рабочие ячейки, не имея возможности создавать широкие рабочие организации, по совершенно понятным причинам, приходится опираться, в целях будущего, на тот служилый элемент, который занимает в настоящий момент ответственное и руководящее положение в том или ином учреждении. В частности, мотивы, которые были (я думаю, что это не только во отношении ко мне, но и по отноше-

нию к другим лицам) сформулированы сначала Даном, а потом более четко Юговым, сводятся к следующему. В свое время, когда я уходил из РСДРП, секретарем московского комитета которой я был в 1917 году, я не опубликовал истинных мотивов и причин моего ухода. Я считал и считаю в настоящий момент одной из самых больших чисто политических ошибок, мною совершенных, неопубликование тогда мотивов ухода из РСДРП. И вот вследствие этого формального момента мне Дан заявил: «Вы ведь не ушли из РСДРП, вы отошли от РСДРП. Поскольку сейчас, нам кажется, разногласий между нами значительно меньше, мы считаем формально, что вы могли бы вернуться обратно».

Председатель. На этом позвольте закончить.

Объявляется перерыв до утра 5 марта с. г.

5 марта

Утреннее заседание

Председатель. Заседание возобновляется.

Подсудимый Тейтельбаум.

Тейтельбаум. Вчера мы закончили, и я осветил момент моего возвращения в РСДРП в 1925 году. Следует ли останавливаться на тех трех свиданиях, которые я имел с Даном, Далиным и Юговым?

Председатель. Да, пожалуйста.

Тейтельбаум. В конце ноября или в начале декабря 1925 года ко мне обратился Израэль (это один из членов с.д. организации в Берлине) от имени Дана с просьбой передать ему портрет Мартова, который имелся у меня в единственном экземпляре. Я не хотел расставаться с этим портретом и сказал, что закажу копию. Когда эта фотография была готова, я отправился к Дану, вручил ее ему, и совершенно естественно Дан начал со мной беседу, которая касалась следующих вопросов: прежде всего он спросил меня, могу ли я что-нибудь ему сообщить о событиях внутри СССР, особенно по вопросу его интересующему — известно ли мне что-нибудь о борьбе, происходящей внутри ВКП. Ничего, кроме того, что проникало в газеты, я сообщить не мог. Тогда Дан изложил мне примерно то, о чем я говорил вчера, а именно о необходимости подготовки к активизации меньшевистских сил, к консолидации этих сил, и что ЦК сейчас занят главным образом этим вопросом — вопросом собиранья старых меньшевистских сил и придает большое значение возвращению в меньшевистскую организацию людей, имеющих к ней известное отношение, занимавших определенное положение, имевших имя, ибо это может оказать соответствующее влияние на колеблющихся еще вернуться в ряды РСДРП меньшевиков. На этом разговор окончился. Ничего не ответив ему по этому вопросу, я ушел.

Дней через пять тот же Израэль обратился ко мне. С Израэлем мы встречались довольно часто, ибо он работал в торгпредстве в качестве представителя

Кожсиндиката. Он сказал мне, что со мной хочет повидаться Далин и чтобы я назначил ему свидание. Я ему назначил свидание в одно из ближайших воскресений в кафе «Фатерлянд». Далин подтвердил, примерно, то, что говорил Дан, и формально поставил вопрос о том, что, поскольку я в свое время не хлопотал об уходе из РСДРП, они меня не считают вышедшим из состава РСДРП, что те разногласия, которые у меня в свое время были с РСДРП, с изданием платформы 1924 года, с их точки зрения, должны исчезнуть и что поэтому нет никаких препятствий к тому, чтобы я вернулся в организацию обратно. Он мне вручил комплект «Социалистического вестника», заявив, что повидимому: «вам достаточно известна та позиция, которую мы занимаем по целому ряду вопросов, из наших статей в «Социалистическом вестнике», но на всякий случай вот вам комплект «Социалистического вестника», ознакомьтесь более детально с той позицией, которую мы по этому вопросу занимаем, продумайте этот вопрос и тогда дайте ответ».

Через некоторое время после этого ко мне явился Югов, как я сейчас уже докладывал, и заявил мне, что имеет поручение от ЦК переговорить со мной по вопросу о моем возвращении в организацию. Он ссылаясь на пример Доманевской, которая, в свое время, ушла из организации еще здесь, в СССР, опубликовав об этом, и которая сейчас возвратилась обратно в состав РСДРП, опубликовав опять-таки об этом в «Социалистическом вестнике», по-моему, примерно, в конце 1925 года. Затем он сообщил мне, что те препятствия или тот, может быть, неприятный привкус, который мог бы быть при моем вступлении в организацию из-за наличия в ней таких одиозных фигур, о которых я указал вчера, — Степана Ивановича, Кефали и т. д. — все это исчезает потому, что вопрос о выводе этих людей из организации решен в по-

ложительном смысле: они членами организации не состоят, так что и с этой точки зрения и то и другое отпадает. Он обещал зайти ко мне специально через 5—6 дней для того, чтобы получить мое окончательное согласие, заявив мне, что у него есть согласие некоторых лиц, желающих вступить в эту организацию, и что в случае моего согласия он их назовет мне и введет меня в ту ячейку, которая здесь, в Берлине, при советских учреждениях в Берлине будет организована.

Через несколько дней он явился ко мне, я ему свое согласие дал и тогда он назвал мне тех лиц, которые входят в состав этой самой ячейки, — и я их назову, — и через несколько дней то лицо, которое намечалось секретарем этой ячейки, именно Павел Абрамович Берлин, заведующий экономически-информационным отделом Центросоюза, представительства Центросоюза в Берлине, позвонил мне о том, чтобы я пришел на заседание ячейки.

Когда я явился к Берлину, то у него застал Ясного, представителя Вукоспилки, который должен был быть на этом же заседании. Задачи ячейки были формулированы Юговым и Берлиным. На отдельных членов ячейки, которые будут работать в тех или иных учреждениях, возлагались следующие задачи: во-первых, задача вербовать членов из приезжающих за границу лиц, командированных из различных учреждений, старых меньшевиков и всех тех, кто принимает для себя платформу меньшевиков. Во-вторых, возлагалась задача снабжать различными интересными материалами и составлять на основании этих материалов соответствующие корреспонденции для «Соц. вестника». По понятным причинам конспиративного характера эти связи должны были быть устанавливаемы таким образом, что каждый из членов ячейки, завербовавший приехавшего из СССР человека, должен был о нем сообщить Берлину, который являлся секретарем ячейки, и должен был устраивать с ним свидания для того, чтобы получить соответствующий материал или корреспонденцию. Берлин сообщал об этом представителю ЦК, который сносился с этой ячейкой. По нашей ячейке представителем ЦК был Югов. Как мне говорил Югов, предполагалось по конспиративным причинам то, что ячейка будет охватывать не больше 3—4 чел. в каждом учреждении, при этом одна ячейка не должна была знать о существовании другой.

Когда я получил приглашение от Берлина явиться к нему на заседание, то я, повторяю, у него застал Ясного и Абрашева, который будучи работником центросоюзного представительства, должен был войти в ячейку. Но он был болен и не вошел. Таким образом, наша ячейка

сформировалась из 3-х лиц — Берлина, Ясного и меня — ячейка берлинских советских учреждений. Берлин был секретарем и должен был закреплять связь с приезжающими и завербованными работниками из СССР. Он же должен был составлять корреспонденции для «Соц. вестника». Ясный должен был вербовать тех работников, которые были связаны с ним, которые были связаны со всеми организациями, имеющими отношение к хлебному экспорту, поскольку он работал тогда в Хлебоэкспорте. Я как работающий в представительстве Укрвнешторга, связанном с украинскими организациями, должен был вербовать членов среди работников советских украинских учреждений непосредственно в самом Берлине, а затем среди тех работников, которые приезжают из советских украинских учреждений в Берлин.

На первом заседании по докладу Берлина мы приняли то содержание работы, которое нужно было сообщить лицам, которые будут нами завербованы.

Оно в конечном счете сводилось к тому, что эти лица должны возвращаться обратно в СССР и должны поставить перед собой задачу всячески и всемерно стремиться к тому, чтобы не допустить проведения таких намечаемых советской властью мероприятий, которые характеризовали бы рост народного хозяйства, с точки зрения и по указанию, как я это скажу ниже, наших уполномоченных ЦК. Учítывая, однако, сложность местных условий и ту фактическую обстановку, в которой они будут находиться, им было предложено в этом смысле строго руководствоваться указаниями уполномоченных ЦК РСДРП, которые имелись на местах. Кроме того, на них было также возложено снабжение троцкистов соответствующими материалами, для соответствующего освещения их в печати, при чем при подборке материала нужно было их так подбирать и так составлять, чтобы они характеризовали как раз не удачные и не осуществившиеся задачи, которые стояли перед тем или иным учреждением, а, наоборот, ослабляли бы значение этих мероприятий.

Председатель. Это к какому времени относится?

Тейтельбаум. Это относится к самому концу 1925 и к началу 1926 г.

Вскоре после этого, а это относится к декабрю 1925 г., как я уже говорил, в начале 1926 г. я был командирован в Харьков по делам и получил от ячейки, вернее, через ячейку от Югова, от того члена ЦК, с которым мы сносились, поручение завязать там в Харькове ряд связей в учреждениях, главным образом, мне указывалось, чтобы такого рода связь установить в Вукоспилке, украинской кооперативной организации. Так как я в командировке пробыл всего семь дней, мне удалось иметь одно свидание

с человеком, которого я знал раньше и который работал в инструкторском отделе Вукоспилки, Иваном Приходько. Я ему изложил то, что я ему собирался предложить, просил его над этим подумать и обещал с ним иметь второе свидание. Но так как среди командировки я был вызван очень скоро телеграммой обратно в Берлин, я с ним второго свидания не имел и так из этой связи ничего не получилось. По возвращении из Берлина я через месяц был переведен на работу в Стокгольм и таким образом, связь моя с Берлином, с этой ячейкой, была порвана и ограничилась участием единственного раз на том заседании ячейки, о котором я уже говорил. В Стокгольме, в торговом представительстве состав был значительно меньше, чем в берлинском представительстве. В берлинском торговом представительстве в то время насчитывалось около 1200 служащих, а в Стокгольме, в шведском торгпредстве тогда имелось всего 36—40 человек. Конечно, речи о создании там ячейки быть не могло и поэтому у меня осталась единственная функция — вербовать из числа приезжающих из СССР в командировки работников отдельных хозяйственных учреждений из бывших меньшевиков или лиц, которые могут примкнуть к меньшевикам.

Порядок был установлен такой, что, поскольку я от берлинской ячейки оторвался, ушел из нее, моя связь с организацией будет поддержана через того же Югова, которому вообще ЦК было поручено, как он мне об этом сообщил, оформление таких ячеек во всех зарубежных советских учреждениях. За все время моего пребывания в Стокгольме, а я пробыл там с марта 1926 г. до мая 1929 г., мне удалось завербовать всего 4 человека в силу тех обстоятельств, что число командировок из СССР в Стокгольм по малой значимости шведского рынка для нас чрезвычайно ограничено. И о каждом таком завербованном человеке я сообщал Югову либо письменно, либо устно в те свидания, которые я имел с ним во время служебных командировок в Берлин. Мне довольно часто приходилось ездить из Стокгольма в Берлин. Он сообщал об этом соответствующему уполномоченному ЦК и, таким образом, связь устанавливалась с тем человеком, который был мною завербован, и кончено.

Если пойти дальше в хронологическом порядке и говорить о тех встречах, которые я имел в дальнейшем, о тех членах ЦК, то, главным образом, я встречал Далина, Дана, Гарви и еще Израэля, хотя не входившего в состав ЦК, но довольно близко к нему стоявшего. Я бы хотел отметить одну из наиболее значительных встреч, проливающую свет на взаимоотношения между РСДРП и II Интернационалом, это встреча с Гарви.

Крыленко. Где, когда?
Тейтельбаум. В Берлине, в 1927 году у меня в отеле.

Крыленко. Это было в ноябре?
Тейтельбаум. Весной 1927 года. Она не относится к характеру тех директив, которые я получал от ЦК, а носила такой информационный характер. Это было после того, когда Гарви вернулся из заседания одного из органов II Интернационала. Мне трудно, конечно, через 4 года восстановить в абсолютных деталях все то, о чем мне Гарви сообщал, но, поскольку я стараюсь это вспомнить, мне лично представляется и не только представляется, я это твердо помню, определено, что это было нечто в роде редакционной комиссии, не то в роде подготовительной комиссии, имевшей отношение к тому заседанию исполкома, на котором стоял вопрос о военной опасности.

Председатель. Какого исполкома?

Тейтельбаум. Исполкома II Интернационала, на котором стоял вопрос о военной опасности. Я встретился с Гарви в книжном магазине Дица, это социал-демократическое издательство в том же доме, где помещается редакция издательства «Форвертс» на Линденштрассе. Он мне рассказал о том, что он недавно вернулся с какого-то заседания II Интернационала. Я был чрезвычайно заинтересован тем, что там происходило, и так как с Гарви у меня были довольно близкие отношения, личные отношения, не столько в силу партийных связей, сколько именно в силу личных отношений, то я попросил его зайти ко мне на следующий день и рассказать об этом подробно. Вот что мне рассказал Гарви о том заседании, в котором он вместе с Абрамовичем и Даном принимал участие, на котором стоял вопрос о военной опасности: в прениях по вопросу о военной опасности возник также вопрос об отношении II Интернационала к вопросу об интервенции. Гарви выступил на этом заседании совершенно открыто, прямо и откровенно с вопросом о необходимости II Интернационала занять решительную и определенную позицию по вопросу об интервенции.

Он мотивировал свою точку зрения тем, что в интересах как мирового пролетариата, так и российского пролетариата, прежде всего необходимо низвергнуть советскую власть, что в интересах демократии это низвержение является совершенно неизбежным; расчеты на перерождение внутри ВКП(б), а следовательно, и внутри советской власти беспочвенны и бесплодны. Та позиция, которую до сих пор занимал II Интернационал в этом вопросе, отрицающая хотя бы и половинчатой интервенцией или устанавливающей к ней отрицательное отношение, хотя бы и половинчатое, вносит иллюзию в среду широких рабо-

чих масс о приемлемости и терпимости большевистского режима. Никакое разъяснение интервенции, говорил Гарви, о том, что отрицательное отношение к интервенции вызывается не столько и не только боязнью, что эта интервенция может послужить причиной и прямой угрозой новой вспышки мировой войны, не рассеет сомнения широких рабочих масс по той простой причине, что официально позиция II Интернационала будет для них определяющей и решающей и, следовательно, основная позиция на отрицательное отношение вместе с тем послужит и основанием для определения терпимости по отношению к большевистскому режиму, по отношению к советскому государству. Форма, которую должна принять интервенция, при условии, что социалистические партии в различных капиталистических и буржуазных государствах имеют значительный удельный вес, может определиться сговором социалистических партий и давлением на свои правительства, в которых частично социал-демократы участвуют или которые частично состоят из социал-демократов. И поэтому это есть единственный путь, который проложит широкую возможность для установления народоправия, как говорил Гарви, или демократического строя в СССР, ибо внутренними силами этого не сделаешь, так как широкая агитация и пропаганда идей народоправия в СССР в настоящий момент невозможна и организация этих сил вокруг этих лозунгов представляется абсолютно иллюзорной. Гарви поддерживали частично французы и бельгийцы, вернее, не частично, а более или менее определенно.

Крыленко. Кто конкретно?

Тейтельбаум. Мне точно трудно назвать — Брау или Блюм был в тот момент — точно не помню, но они часто бывали на заседаниях исполкома. Возможно был Брау, но возможно был Блюм. Затем выступили немцы. От немцев, поскольку мне память не изменяет, выступил Вельс. Вельс заявил, что наиболее правильная тактика II Интернационала по вопросу интервенции была бы следующая: это не выносить никакого решения по вопросу об интервенции ни положительного, ни отрицательного. Мотивировал он свою точку зрения, примерно, так: устанавливая отрицательное отношение к интервенции, мы тем самым, говорил со слов Гарви, Вельс, оправдываем те лихорадочные военные приготовления, которые идут в СССР и которые фактически являются единственной угрозой мировой войны; высказывая отрицательное отношение к интервенции и соглашаясь в этом пункте с Гарви о том, что это отрицательное отношение к интервенции создает иллюзию о приемлемости большевистского режима, затрудняет борьбу социал-демократии с ком-

мунизмом, затрудняет борьбу не только РСДРП, но вообще социал-демократии с коммунизмом, он считает, что было бы правильно этого вопроса совершенно не касаться и по этому вопросу не принимать никакой резолюции, а если принимать, то только в первой половине ее, как она потом была принята, именно в половине, критикующей строй, режим советского государства.

Только английская делегация, — ее возглавлял Хендерсон — да, я забыл сказать, что Гарви, во-первых, когда я его спросил, как он попал на заседание исполкома, он мне ответил, что позиция, которую он занимал, имеет внутри делегации теперь больше сторонников, чем раньше, и поэтому он имеет право на участие в исполкоме. Таким образом, на заседании исполкома было представлено две позиции. Вслед за Гарви выступил Дан, который заявил, что Гарви отражает точку зрения только части РСДРП, что официальная позиция РСДРП такова, как была раньше — отрицательное отношение к интервенции. Все это вызвало те дебаты, о которых я рассказывал.

Так вот англичане, в лице Хендерсона, настаивали совершенно категорически на том, чтобы резолюция, которая будет принята исполкомом Интернационала по предложению этой комиссии, отражала ту же позицию, которую занимал Интернационал в этом вопросе и раньше.

И вот здесь Гарви возмущенно мне рассказывал, что произошло следующее. Было фактически три предложения: одно предложение Гарви, сущность которого я изложил, второе — немцев, которые предлагали снять вообще вопрос и не устанавливать своего отношения к этому вопросу, и третье — резолюция англичан.

Большинство собрала резолюция англичан, несмотря на то, что, как я рассказывал, Гарви поддерживали французы и бельгийцы. Гарви возмущенно давал объяснение этого обстоятельства, а именно, что немцы взяли свою резолюцию обратно, боясь испортить отношения с англичанами и боясь, что англичане не поддержат их в вопросе пересмотра репарационных платежей Версальского договора, в вопросе оккупированных областей и т. д., одним словом Гарви говорил, что немцы как бы предали и не дали возможности возражать его точке зрения. В дальнейшем, сказал мне Гарви, он не сомневается в том, что позиция II Интернационала получит некоторые сдвиги и что главным образом это будет зависеть от того, как сложится по этому вопросу точка зрения внутри самой РСДРП, как наиболее заинтересованной в этом вопросе.

Крыленко. Весной 1927 года?

Тейтельбаум. Весной 1927 года. В зависимости от того, как сложатся эти точки зрения внутри самой РСДРП, как

наиболее заинтересованной в этом вопросе, — в зависимости от этого будет и та позиция, которую займет II Интернационал.

Я должен еще отметить одну встречу, которую я имел до своей последней встречи с Даном, в Стокгольме, примерно, уже весной 1928 года, когда, не касаясь целого ряда других вопросов, в частности, высказывавшегося недовольства по поводу того, что я не развил достаточно энергичной деятельности и что, следовательно, мне, может быть, лучше оставить работу за границей и приехать в СССР, — он мне сообщил следующее, что та точка зрения, на которой стоял Гарви в настоящий момент, имеет значительно большее количество сторонников...

Крыленко. Это когда?

Тейтельбаум. Это было весной 1928 г.

Крыленко. Через год вы встретились с Даном?

Тейтельбаум. В 1928 году я встретился с ним в Стокгольме, когда Дан, если мне память не изменяет, приезжал на съезд шведской социал-демократической партии.

Крыленко. В Стокгольме?

Тейтельбаум. Да. Тогда же Дан в ряде вопросов, которые затрагивались у нас в беседе, сообщил мне, между прочим, и о том, что та позиция, которую занимал Гарви, в конце-концов, имеет все больше и больше сторонников. Затем он мне сказал, что позиция Далина и Абрамовича скорее приближается к той позиции, которую занимает Гарви. Он их считать своими сторонниками сейчас не может и что только он и Югов продолжают отстаивать ту позицию, которую они раньше занимали. Он сказал, что он опасается, что этот сдвиг будет продолжаться и дальше, ибо по тем сведениям, которые он имеет, оказывается, что внутри английской рабочей партии произошел также сдвиг по этому вопросу, по вопросу об отношении к интервенции, и что возможно, что на ближайшем заседании исполкома, а может быть и конгресса II Интернационала, может произойти такое положение вещей, когда резолюции, внесенные по вопросу относительно интервенции или, вернее, когда англичане займут, может быть, не то отношение к интервенции, которое они занимали до сих пор. Поэтому мне Дан сказал — он сказал буквально так, что он в настоящее время чрезвычайно занят мыслью о том, чтобы подыскать ту компромиссную точку зрения, которая, с одной стороны, дала бы выход сторонникам Гарви, а с другой стороны, — дала бы возможность...

Крыленко. Значит, два момента основных: это сообщение о том, что в рядах российской социал-демократической делегации произошло перемещение центра тяжести — теперь, может быть, большин-

ство имеет за собой Гарви, а на другой стороне только Югов и Далин. Это первое. Второе то, что перемещение центра тяжести произошло во II Интернационале и что отношение английской делегации, возможно, равным образом изменится, и что это может повлиять на решение. И в-третьих, что он ищет какую-то компромиссную точку зрения. В чем она должна была выражаться?

Тейтельбаум. Он мне подробно не изложил этой компромиссной точки зрения, но он сказал, что весь вопрос сводится к тому, чтобы эта компромиссная точка зрения дала выход настроениям Гарви, а с другой стороны — дала возможность, в конечном счете, занимать хотя бы формально и официально ту позицию...

Крыленко. Дать выход настроениям группы Гарви и сохранить формально последовательность с прежними?

Тейтельбаум. Да.

Крыленко. А конкретно в чем?

Тейтельбаум. Конкретно это выразилось для меня позже, когда я имел возможность свидания с Даном в мае 1929 года.

Крыленко. Еще через год?

Тейтельбаум. Когда он мне давал директивы, которые просил передать «Союзному бюро».

Крыленко. Таким образом вы имели весной 1928 г. свидание с Гарви в Берлине, весной 1928 г. — с Даном в Стокгольме и в 1929 г. с Даном — где?

Тейтельбаум. В Берлине, проездом в СССР.

Тогда это свидание было не только с Даном, но и одновременно с Юговым. Я могу перейти к описанию этого свидания. На этом свидании Дан или, вернее, Югов вручил мне конверт, который он просил передать, сказав, что это письменная директива «Союзного бюро». Он просил меня передать это письмо Шеру в Москве или, если я по каким-либо причинам Шера не застаю, или будет неудобным ему это письмо передать, то я, поскольку я работаю в Наркомторге, могу передать это письмо Якубовичу. Содержание этого письма и, примерно, той письменной директивы, которую он вначале устно изложил и которую дополнил Дан, сводилось, примерно, к следующему: центральный комитетграничной делегации считает основной задачей в настоящее время — усиление дезорганизаторской деятельности, как фактора, способствующего интервенции, и что расстройством народного хозяйства в различных отраслях, созданием недовольства благодаря этому расстройству в отраслях широкого хозяйства будет подготовлена та почва, которая сделает возможным в конечном счете значительно легче перейти к самой интервенции, а также сделается возможным самый факт ее осуществления. Эта директива с этой точки зрения является центральным

пунктом в дополнение ко всем тем директивам, которые даны были раньше. Затем было указано, что то значение или тот результат, который для подготовки интервенции будет иметь дезорганизаторская работа, в конечном счете определит то значение или вернее тот удельный вес, который занимает РСДРП внутри II Интернационала. Короче говоря, ведя дезорганизаторскую работу, не имея возможности опереться на широкие рабочие массы, не представляя собою широкую организацию, а имея лишь возможность благодаря этой дезорганизации только создавать неудовольствие среди широких рабочих масс, РСДРП, пользуясь этой директивой, которая давалась с точки зрения Дана, сможет занять во II Интернационале соответствующее и, как выразился Дан, неподчиненное положение внутри самой РСДРП, а также и по отношению к другим секциям и другим партиям, входящим в состав II Интернационала.

Крыленко. При каких условиях?

Тейтельбаум. При следующих условиях: не имея возможности опираться на широкую массовую организацию, а имея возможность путем дезорганизации в различных отраслях народного хозяйства создавать неудовольствие в широких рабочих массах, тем самым РСДРП будет готовить почву для интервенции, сделает более безболезненным прохождение самой интервенции, ослабляя силы сопротивления широких масс этой интервенции, в силу того неудовольствия, которое такая дезорганизация будет вызывать. Тем самым РСДРП считает возможным укрепить свое положение внутри Интернационала и занять соответствующее не подчиненное положение внутри Интернационала.

Вот смысл той директивы, которая была в этом самом письме. Передавая на словах мне ее содержание, он просил сообщить тому лицу, которому я передаю это письмо, эту директиву, что совершенно естественно, что заграничная делегация отсюда не может вести и руководить непосредственно конкретной работой, дезорганизаторской работой внутри СССР, и, поскольку «Союзное бюро» состоит из лиц достаточно компетентных и занимающих соответствующее руководящее положение в важнейших отраслях народного хозяйства, они сами сумеют определить те практические мероприятия, которые создадут и внесут фактическую дезорганизацию в различные отрасли народного хозяйства.

Вот, собственно говоря, на чем бы я мог остановиться, касаясь этого вопроса.

Крыленко. А в СССР в чем непосредственно выражалась ваша конкретная работа?

Тейтельбаум. Непосредственно здесь я был связан с Якубовичем. Якубович, когда выяснилось, что я буду работать в

Управлении внешней торговли, ввел меня в состав ячейки Управления внешней торговли на одном из заседаний. Это было примерно в июне-июле 1929 г. На этом заседании он сделал сообщение о том, как должна вестись дезорганизаторская работа. Она должна была сводиться к тому, чтобы создать диспропорцию между экспортным и импортным планом и тем самым вызвать соответствующие расстройства и диспропорции в валютном плане. Она должна была сводиться к тому, чтобы сделать, провести, создать определенные затруднения в осуществлении этого экспортного плана, главным образом в его заготовительной части. Короче говоря, им была дана общая установка, которая в конце концов должна была быть детально разработана отдельными членами этой ячейки, каждым по той части работы, которой он руководил.

Председатель. Это внутри СССР?

Тейтельбаум. Да.

Председатель. А какие же задачи стояли перед ячейками заграничными, что они должны были делать внутри заграничных учреждений?

Тейтельбаум. Я об этом уже говорил.

Председатель. Вы подробно не сказали.

Тейтельбаум. Внутри этих ячеек, внутри советских учреждений дело сводилось не столько к работе какого-либо в этих учреждениях, сколько к вербовке тех хозяйственников или тех работников, которые приезжали из СССР, для насаждения и создания ячеек здесь в СССР.

Председатель. Это одна часть работы, а другая?

Тейтельбаум. О внутренней работе тогда разговора не было. Это была исключительно работа для создания организации и консолидации меньшевистских сил.

Затем, на этом заседании было изложено это положение и были разработаны указания, что разработка конкретно по отдельным отраслям вредительской работы в Управлении внешней торговли должна поручаться осуществлением отдельным членам ячейки, каждому по той отрасли работы, которой он руководил, поскольку в состав этой ячейки входил Гуревич, руководивший плановым отделом Управления внешней торговли, его экспортной частью, затем Покрой, руководивший сырьевым директором Управления внешней торговли, Лифшиц, руководивший директором разных товаров, или разноэкспортом, как он назывался, и я, руководивший стандартизацией госбракеража экспортных товаров.

Крыленко. Вам ничего не известно еще более конкретно и подробно по поводу позиций французской или бельгийской секций II Интернационала? В частности, может быть, что-нибудь вам известно специально по поводу официальных по-

зиций, скажем, французской делегации или работников французской делегации II Интернационала во французской палате, скажем, по вопросу о военно-морском бюджете и т. д., официальное положение в этом отношении выступления?

Тейтельбаум. Они мне известны постольку, поскольку они известны в газетах.

Крыленко. А потом, быть может, из тех сведений, которые имеются от такого рода заседаний II Интернационала или его комиссий, которые ни в какие газеты не попадают?

Тейтельбаум. Из того положения, о котором я рассказывал об этом заседании, сообщенном мне Гарви, я уже совершенно конкретно сказал, что французская и бельгийская делегации, я к сожалению не могу установить сейчас точно имена, был ли Блюм или Браухен, позиция французской и бельгийской делегации почти совпадала с той позицией, которую развивал Гарви. Это значит, что борьба с советской властью является основной задачей, стоящей перед мировой социал-демократией, и отсюда делался вывод о том, что ожидание и надежды на взрыв ее изнутри совершенно бесплодны, беспочвенны, а затем прямой вывод о том, что нужно эту власть низвергнуть вооруженным путем. Французы и бельгийцы в этом вопросе занимали определенную позицию и не менее определенно в этом вопросе к тому моменту, о котором я говорю, относились и немцы. Но нужно сказать, что я меньше знаком с французской прессой, больше знаком с германской, но если вы знаете, что в вопросе о вооружениях, скажем, германская социал-демократическая партия даже тогда, когда стояла у власти, заняла совершенно определенную позицию и только под влиянием и при участии германской социал-демократической партии и, в конце концов, под ее основным давлением был решен вопрос о постройке этих самых двух крейсеров, при чем это совсем не такая простая штука...

Крыленко. Вам известно, что Ренодель являлся докладчиком по воздушному бюджету в комиссии во французской палате?

Тейтельбаум. Точно этого я не знаю.

Крыленко. В бюджетную комиссию французской палаты равным образом входят Блюм и Бонкур?

Тейтельбаум. Блюм и Бонкур входят не только в бюджетную комиссию французской палаты, но Бонкур представляет Францию в Лиге Наций.

Крыленко. А отсюда практически — при проведении голосования принять милитаристскую политику Франции?

Тейтельбаум. О милитаристской политике Франции, с моей точки зрения, совершенно не приходится спорить и доказывать, что французская социал-демократия имеет большое значение и большое

влияние участием в бюджетной комиссии и той позицией, которую она занимает, и той точкой зрения, которой она придерживается в вопросе о военной опасности.

Крыленко. Тов. председатель, разрешите, — у меня есть ряд выдержек из французской газеты «Попюлер», затем опять-таки из газеты «Попюлер», потом из «Социалистического вестника». О приобщении этих выдержек я буду говорить в дальнейшем. Сейчас я хотел бы в добавление к сообщению обвиняемого Тейтельбаума привести их, как иллюстрацию позиции, на которой стоят французская и бельгийская делегации. Подлинник газеты, — он будет на французском языке, — я обязуюсь представить. Я укажу только сейчас номер, дату и название и текст перевода.

Председатель. Защита, как вы относитесь к этому вопросу?

Брауде. Разрешите посмотреть документ.

(Крыленко пред'являет документ защите).

Крыленко. Я хочу указать на статью Леона Блюма из «Попюлера» от 6 февраля 1930 г., характеризующую нынешнюю позицию. Вопрос касается истории с Кутеповым и информации о тех наглых выступлениях белогвардейщины нашей российской и французской, которые по этому поводу имели место, протест, который был по этому поводу заявлен советским правительством, и следующая оценка, которую дал Блюм. Статья озаглавлена «Немножко хладнокровия». Она гласит:

«Ничего нового в деле русского генерала (Кутепова), кроме невероятной ноты «Известий», сообщенной агентством «Тасс». Она столь же неловка, как нагла... Выступления, в роде ноты «Известий», вызывают панику, абсолютное отсутствие самообладания и самоконтроля. Не дело ли генерала привело советское правительство в такое состояние? Я продолжайю абсолютно этому не верить. Правда состоит в том, что она проходит через ужасный внутренний кризис, самый грозный, которые Россия знала за последние 10 лет, и в таких условиях, довольно естественно, что теряют хладнокровие и меру, что Сталин не был бы, быть может, огорчен, если бы нашел в ярком конфликте с правительством, таким, как наше, своего рода диверсию по отношению к осаждающим его многочисленным трудностям».

Я прошу обратить внимание суда на эту цитату. Это будет очень важно. Из показаний Тейтельбаума и целого ряда других показаний и документов, которые я буду пред'являть, вытекает, что теория, которую старается привить II Интернационал широким рабочим массам о СССР, сводится к следующему: страна переживает кризис, а кризис ве-

дет к краху. Это говорят все, эта точка зрения определенно подтверждается. Для того, чтобы найти выход из этого кризиса, политика правительства сводится к внешней аванюре, так называемому красному империализму, внешняя аванюра выражается в том, что по поводу наглых выступлений белогвардейщины по делу кутеповщины появляется нота советского правительства с попыткой вызвать конфликт, т. е. Блюм целиком солидаризируется с французским правительством для того, чтобы найти выход из внутренних трудностей. Эта документация характеризует позицию видных деятелей французской партии.

Рядом с этим имеется выдержка, тоже из «Попюлер» от 20 августа 1930 г. Розенфельда, это уже не французский деятель:

«Каждый серьезный наблюдатель русских событий может отдать себе отчет в следующем: путь, по которому пошел большевизм со времени отмены нэпа, ведет к катастрофе, от которой погибнет не только большевистская диктатура, но и сама революция».

Эта выдержка характеризует ту же самую установку, о которой говорил обвиняемый Тейтельбаум, который указывал, что в 1927 году в беседе с Гарви мотивировка интервенции сводилась к тому, что иначе кризис и крах абсолютно неизбежны и должно принимать меры в этом отношении.

Затем «Попюлер» от 23/XI—30 года — Розенфельд: «события развертываются быстро с 21 года, со времени отмены нэпа... кажется, что теперь нельзя ожидать демократического разрешения русской революции» — т. е. мотивировка отказа от того пути, который официально был утвержден II Интернационалом.

И последнее — по поводу расстрела 48, 25/XI—30 года: «если бы кого следовало расстрелять за преступления ввержения России в нищету, то это Сталина, а не тех, которые предостерегали его от сумасшедшей пятилетнего плана», — совершенно определенное выступление, солидаризирующееся с буржуазной точкой зрения.

Статья из «Форвертса» от 3 июля 29 года, характеризующая позицию немецкой делегации: «Международная демократия требует борьбы за национальное самоопределение и поддержку поработенных наций завоеванных кавказских областей, — Грузин, Азербайджана, Армении, — находящихся постоянно под угрозой, потому что в этом нефтяном районе особенно легко могут вспыхнуть империалистические конфликты. Для всеобщей гарантии мира гарантией было бы учреждение международного режима в нефтяном районе», — предложение «Форвертса» от 3 июля 1929 года, по существу оккупация нефтяного района. Статья называется «Красный империализм».

Название бьет и говорит само за себя.

Это для подтверждения тех выступлений, которые здесь будут, я потом специально об этом буду говорить.

Затем по поводу китайского конфликта. 2 августа 1929 года — резолюция II Интернационала по этому вопросу: «Интернационал, который с начала китайской революции защищал право китайского народа на его полный национальный суверенитет, на устранение всех привилегий иностранных держав на китайской дороге, признает право Китая требовать устранения русского контроля на Китайско-Восточной жел. дороге, поскольку она лежит на китайской территории, а поэтому Интернационал требует, чтобы обе державы, поскольку они не смогут столкнуться насчет передачи, обратились бы к третейскому суду и признали его решение». Всякий элементарно грамотный человек-марксист, а это писали не безграмотные люди, знает, что значит в условиях классовых взаимоотношений СССР и Западной Европы обратиться к третейскому суду империалистических стран.

Вот эти выдержки, прежде чем их приобщать к делу, разрешите мне на них сослаться в подтверждение тех позиций II Интернационала, в частности французов, бельгийцев и немцев, о которых говорил обвиняемый, характеризуя эволюцию от 1927 по 1929 год, касаясь беседы с Гарви, когда впервые эти вопросы были поставлены.

Дальнейшие документы-подлинники я представлю, в частности письмо Эмиля Вандервельде, в конце судебного следствия.

Разрешите ходатайствовать перед Специальным присутствием о приобщении этих документов и обязать меня представить подлинники.

Председатель. Судебное присутствие определяет: приобщить к делу выдержки, оглашенные государственным обвинением.

Крыленко. У меня больше вопросов нет к обвиняемому Тейтельбауму.

Антонов-Саратовский. У меня есть вопрос. Скажите, пожалуйста, подсудимый Тейтельбаум, вот вы говорили относительно того, что снабжались материалами троцкисты...

Тейтельбаум. Да, такая задача ставилась.

Антонов-Саратовский. А может быть, была соответствующая оценка ЦК РСДРП, заграничного, установок и деятельности троцкизма? Как они расценивали это и почему они делали ставку на деятельность троцкизма?

Тейтельбаум. Эта ставка ЦК на троцкистов, она не была выражена в каких-нибудь тайных документах, а в совершенно определенном документе — в «Социалистическом вестнике», в его материалах,

и определенно зафиксирована. ЦК РСДРП рассчитывал на то, что троцкизм осуществим в той борьбе за демократизацию партии и в то же время, в случае победы, внесет, в конечном счете, и демократизацию в советы, т. е. создаст те предпосылки, ту возможность, когда меньшевики сумеют овладеть частью рабочего движения, — это было в головах некоторых представителей с.-д., — и поведет борьбу за осуществление тех меньшевистских идеалов, которые они себе всегда ставили. Поэтому, с этой точки зрения, ЦК считал необходимым поддерживать, по-моему в этом смысле, борьбу троцкистов с ВКП, снабжая их материалами для того, чтобы они могли воспользоваться тенденциозным освещением в печати, снабжая их, повторю, материалами, которые бы характеризовали только отрицательную сторону деятельности или отрицательные моменты в тех или иных областях хозяйства, и не снабжая и не давая, во всяком случае, тех материалов или тенденциозно освещающих те материалы, которые бы характеризовали рост в отдельных отраслях народного хозяйства СССР.

Антонов-Саратовский. А как идейные установки троцкизма расценивались? Далеко от установок с.-д. они были?

Тейтельбаум. Идейные установки троцкизма в тот момент, в том походе, как они говорили, который был представлен троцкизмом, они, конечно, не разделились полностью и целиком РСДРП.

Антонов-Саратовский. Что в них видели?

Тейтельбаум. Предполагалось, что в конце концов троцкизм может скатиться и в своей политической и в своей экономической платформе, может быть, до меньшевизма, и во всяком случае расхождение, которое будет между этими двумя группировками, будет столь незначительно, что можно будет говорить о каком-то сговоре. Вот что по этому вопросу было.

Антонов-Саратовский. Вот вы говорите, что заграничные ячейки ставили своей целью вербовку членов. А еще не ставилась ли ими задача подбирать материалы в этих заграничных советских учреждениях для информации заграничной делегации и для информации других братских партий?

Тейтельбаум. Нет. Такая задача подбирать материалы ими не ставилась. Ими ставилась другая задача — от приезжавших из СССР — и это, главным образом, интересовало заграничную делегацию — давать корреспонденции в «Социалистический вестник», которые бы рисовали положение вещей не только по тем официальным сообщениям, которые проникали через газеты и которые доходили, в частности, до Берлина. Но они должны были дать то, что в этих газетах было скрыто. Одним словом, нужно было получить

такого рода материал, такого рода сведения, которыми можно было бы, по словам заграничной делегации, опровергнуть те официальные сообщения, которые делались в газетах. Поэтому и было сделано таким образом, что всякого приезжающего из СССР хозяйственного работника направляли к Берлину, который являлся секретарем ячейки и который должен был у того, если он обладал этим, получить соответствующий материал для составления соответствующей корреспонденции.

Председатель. Разве внутренняя работа советских учреждений их не интересовала?

Тейтельбаум. В тот период нет, потому что основной задачей в тот период в конце 1925 г., задачей, которую ставила перед собой заграничная делегация, это было консолидация меньшевистских сил и их вербовка. Я вчера рассказывал об этой консолидации и организации такого рода ячеек, которые были нужны в будущем при активизации работы, которая будет иметь место. Только тогда, когда эти ячейки уже будут организованы, предполагалось, что они будут организованы в достаточно широком размере, только тогда должен был встать вопрос о наполнении содержанием работы этих самых ячеек. Но это было значительно позже. А в тот период времени это места не имело.

Антонов-Саратовский. Скажите, вы ведь сравнительно долго были в Берлине, вы долго соприкасались с этой делегацией социал-демократической партии. Известно ли вам хотя бы в общих чертах то, что германская социал-демократия материально поддерживала делегацию РСДРП? Вы говорили, что ее издание находилось в помещении редакции «Форвертс»?

Тейтельбаум. Мне известно, что эти 15—20 чел., которые тогда были высланы из СССР, приехав в Германию, не имели, конечно, никаких средств к существованию и никакого заработка. Германская социал-демократия прежде всего оказала им всяческое содействие в смысле их личного соответствующего устройства и предоставления заработка. Кого она устроила по газетам, по издательствам, кого по соответствующим учреждениям и т. д. Затем совершенно естественно, что она оказывала им соответствующую материальную помощь в самом издании. Я уже вначале говорил о том, что в виду малой численности этой делегации и небольших размеров работы, а также незначительности помещений, которые им требовались, поддержка сводилась, очевидно, к небольшим суммам. Что же касается вопросов финансирования, которые здесь на процессе проходили, то об этом мне ничего не известно.

Антонов-Саратовский. Вам известно, что германская соц.-демократия принимала участие в материальном обеспечении этой делегации, в материальном обеспечении издания этой делегации, а затем оказывала им помощь в смысле устройства их на работу?

Тейтельбаум. Да, мне об этом известно.

Брауде. Я попросил бы несколько более уточнить биографические подробности, вашу постепенную эволюцию в идеологических взглядах, ваше участие в революционной борьбе во время царизма — отдельные моменты и даты. Затем уточните ваш отход от партии, причины и все прочее в этой плоскости.

Тейтельбаум. Я вступил в ряды РСДРП в конце 1900 г., став членом ее в екатеринославской организации. Екатеринославская организация в то время фактически представляла из себя организацию, примыкавшую к так называемому рабочедельческому крылу. Только в середине 1901 г., когда в Екатеринославе появились некоторые товарищи, стоявшие на так называемой Искровской платформе, там началась борьба за принятие екатеринославской организацией этой платформы. С самых первых дней борьбы я примкнул к тем, которые настаивали на том, чтобы екатеринославским комитетом, екатеринославской организацией эта платформа была принята. Непосредственно после 2 съезда я примкнул к большевикам и, таким образом, с момента образования большевистской фракции, большевистской партии, я был большевиком вплоть до 1907 г., работая в различных городах юга, главным образом в Екатеринославе и в Донецком бассейне, занимая в организации различного рода посты, как ответственного организатора, пропагандиста и члена комитета. В 1907 г. я, по чрезвычайно сложным и тяжело лично для меня сложившимся семейным обстоятельствам, вынужден был отойти от работы. Я рассчитывал тогда, что этот отход от работы будет чрезвычайно краток, но он оказался для меня роковым. Очувшившись в 1910 г. в Вильно, я, правда, делал некоторые попытки для восстановления партийных связей, но так как в Вильно никакой фактической организации не было, я занялся профессиональной работой, работой в профессиональных организациях, в некоторых общественных организациях, создавая там целый ряд культурных учреждений, ведя борьбу против тех буржуазно-кадетских и радикальных настроений, которые там имелись, блокируясь в этом смысле с довольно сильной там бундовской организацией, за овладение постами хотя бы социалистов. Война меня застала в Вильно. Я с первого дня войны занял то отношение к ней, которое тогда характеризовалось, как отношение интернационалистов. Но в то же самое

время у меня тот же фактор «война» вызвал сомнение в дальнейшей судьбе партии. Мне представлялось тогда, что те разногласия, которые существовали до того момента внутри партии между большевиками и меньшевиками, с появлением этого нового фактора видоизменятся, исчезнут, что есть новый вопрос в настоящее время — это отношение к войне, что перед российской социал-демократией с появлением этого нового фактора встанет вопрос о необходимости во главу нового этапа революционного движения в России поставить необходимость объединения всех социал-демократических сил, стоящих на интернационалистской позиции, ибо, рассуждал я тогда, вопрос об отношении к войне внутри самих отдельных партий — меньшевистской и большевистской — отбросил одних в сторону оборончества, других — в сторону самых правых меньшевиков-ликвидаторов. Мне казалось, что в конечном счете объединение всех этих интернационалистских сил является сейчас первоочередной задачей социал-демократии.

В 1917 году я оставался в Вильно, я уехал из Вильно накануне занятия его немцами, провел год на общественной работе в организациях помощи жертвам войны в Екатеринославе и в 1917 году к моменту Февральской революции очутился здесь, в Москве. Укрепившись еще больше в той позиции, которую я занял в 1914 году, я стал искать организационного оформления своей точки зрения. Партийных связей у меня в то время не было, но мне удалось отыскать здесь, в Москве, своего старого товарища по работе Исуфа, ныне умершего, который, ознакомившись с моим настроением, с моей точкой зрения, сказал, что здесь, в Москве, существует группа старых меньшевиков, стоящих, примерно, на такой же точке зрения, как и я, и что он может меня связать. Он связал меня с одним из членов этой группы Войкевичем, а через Войкевича я связался с группой более обширной, большинство из них уже умерло, в числе их был доктор К., Вольский, Яхонтов и т. д. После нескольких совещаний с этой группой, мы решили образовать здесь организацию так называемых объединенных социал-демократов, поскольку выяснилось, что эта группа обладает довольно сильными организациями, особенно в Рогожско-Симоновском и Хамовническом районах. Была созвана общегородская конференция и была оформлена организация. Я лично был избран в число членов нового руководства, а также одним из редакторов издававшейся этой группой газеты «Пролетарий». От этой организации я вошел в исполнительный комитет Совета рабочих депутатов вначале, затем — в президиум. Меня не удовлетворяла такого рода позиция объединения партии, это было не то, о чем я говорил,

это было, в конце концов, объединение только небольшой группы интернационалистов различных оттенков. Я стремился к дальнейшему объединению, и с этой целью мы связались с группой «Новая жизнь» в Петрограде и выдвинули идею о созыве объединительного съезда и создании для этой цели организационного комитета по созыву объединительного съезда, который явился бы тем зародышем, в который некоторые партии могли бы быть приняты. Мы обратились к меньшевикам и большевикам. Большевики ответили согласием, а большевики, как они тогда сказали, воздержались до решения всероссийской конференции или съезда, который должен был быть в скором времени. По существу это был отказ, но во всяком случае организационный комитет был создан. От меньшевиков в него вошли Ежов, Батурин. От группы «Новая жизнь» — Линдес, Стров и Минский и от нашей организации — я. Уже с первых шагов деятельности этого организационного комитета для меня стало ясно, что вряд ли тот съезд, который мы хотели назвать объединительным, явится объединительным съездом этой партии, ибо слишком различны были оттенки даже тех интернационалистов, которые собирались объединиться. Тем не менее я продолжал принимать участие в созыве этого объединительного съезда, думая, что, пока мы созовем, большевики в него войдут, ибо для меня было ясно, что отрицательное отношение большевиков к самому съезду, к самой идее объединения фактически объединения не создаст. Так или иначе, объединительный съезд был созван, и хотя он носил название «объединительного съезда», хотя на нем, кроме представителей меньшевистских организаций, присутствовали и «оборонцы», и представители правых организаций, и представители нашей организации, и группа «Новой жизни», но по сути дела это был съезд меньшевистской партии, в котором растворились отдельные элементы интернационалистов, входившие в другие организации.

Передо мной встала дилемма — либо признать свои ошибки, либо сказать, что все то, что я говорил и писал об объединительном съезде до съезда, было глубокой политической ошибкой, что объединение невозможно. Мое личное невступление, поскольку я был наиболее горячим сторонником этого объединения РСДРП, как тогда называлась наша партия, повлияет на некоторых колеблющихся товарищей и тем самым усилит раздоры внутри РСДРП.

Я пошел по второму, ложному пути; может быть, во мне говорила ложная боязнь политически скомпрометировать самого себя. Я отверг свою кандидатуру в ЦК, но согласился принять место одного из секретарей московского комитета этой организации и стал одним из се-

кретарей МК этой объединенной РСДРП. Но вскоре после этого, это было в сентябре 1917 года, наступили октябрьские дни. Здесь моя позиция с большинством МК резко разошлась, и хотя, отчасти под моим давлением, МК нашей организации единственно из всех других организаций, существовавших в России, послал делегата в военный революционный комитет, но занял не ту позицию, которую я предполагал занять в этом октябрьском перевороте. Мне удалось добиться только делегирования своего представителя, в частности, в состав военного революционного комитета были делегированы я и Николаев, но мое пребывание в военном революционном комитете было чрезвычайно кратковременно, я заявил о своем выходе из этого комитета, и мое место занял Трифионов, ибо позиция, которую я занимал к раз развертывающимся событиям, резко разошлась с позицией, которую занимал МК. После этого я, убедившись в том, что дальнейшая моя работа с меньшевиками будет невозможна, даже с левой частью их, я в июле 1918 года ушел и здесь я совершил вторую политическую ошибку — я не опубликовал об истинных причинах и мотивах моего ухода. Я просто об этом умолчал. Мое психологическое настроение было чрезвычайно тяжелое. Я чувствовал, что совершил целый ряд ошибок на протяжении своей партийной деятельности. Я выдал сам себе свидетельство о политической бедности, политической неустойчивости, сам себя отстранил, как мне казалось тогда, раз и навсегда от какой бы то ни было партийной работы, и ушел в хозяйственную работу, стремясь в ней проводить безоговорочно все те директивы, которые будут даваться советской властью, а следовательно, и коммунистической партией. Я проработал на хозяйственной работе в СССР с начала 1918 года и кончая началом 1922 года. Работал в качестве заведующего районного рабочего центрального кооператива здесь, в Москве, затем с 1921 г. до начала 1922 г. в качестве начальника Экспортного управления Украинского внешторга. В 1922 г. получил предложение и постановление центрального правления отправиться в качестве представителя в Италию. Я это предложение принял и отправился. Но по дороге, по распоряжению тов. Красина, я был оставлен в Берлине для усиления деятельности торгпредства. В Берлине я прожил 4 года. За эти 4 года у меня получилась оторванность от СССР, отрыв от непосредственного участия в том строительстве, в котором я в течение 4-х лет — с 1918 по 1922 гг. — принимал участие.

С одной стороны, эта оторванность, с другой стороны — глубоко неправильная (это ясно для меня совершенно теперь) оценка тех социально-политических и экономических явлений и событий, с ко-

торами мне приходилось непосредственно сталкиваться и наблюдать в Западной Европе, создали во мне, породили во мне колебание, сомнение, во-первых и прежде всего, в возможности близости мировой социальной революции. И это было для меня основной предпосылкой для тех выводов, которые я сделал в дальнейшем.

Я на основании этого не верил в возможность устройства социализма в одной стране, на основании этого считал неправильной ту позицию, которую занимала ВКП в отношении и наступления на крестьянство, я считал неправильной ту позицию, которую занимала ВКП в вопросе индустриализации страны, — коротко говоря, я приближался примерно к той платформе, которая здесь была зачитана и которая известна, как платформа РСДРП 1924 года.

Вот почему в 1925 году, когда Дан, Далин и Югов повели со мной разговор о возвращении в РСДРП, я был до некоторой степени подготовлен к этому обстоятельству и дал свое согласие.

Брауде. Таким образом, я вас так понял, что та сравнительная легкость, с которой вы были завербованы, определялась этими настроениями?

Тейтельбаум. Да, примерно так.

Брауде. Как вы характеризуете теперешнее настроение и причины перелома, который произошел впоследствии?

Тейтельбаум. Разрешите мне на этот вопрос, быть может, ответить впоследствии, в том заключительном слове, которое я буду говорить.

Брауде. Больше вопросов нет.

Председатель. Садитесь, подсудимый Тейтельбаум. Объявляется перерыв на 15 минут.

Председатель. Заседание возобновляется. Имеются ли у обвинения еще вопросы?

Крыленко. Сейчас остается вопрос о вредительстве.

Председатель. У защиты нет вопросов?

Коммодов. Нет. Мне только хотелось бы знать, как прокуратура предполагает разбирать вопрос о вредительстве. По учреждению?

Крыленко. Да. Общая установка была дана по выяснению существования «Союзного бюро».

Коммодов. По отношению к прошедшему эпизоду свидетелей не будет?

Крыленко. По отношению к границе? Свидетели за границей. Если бы защита озаботилась привлечением их из-за границы, прокуратура бы не возражала. (Смех в зале).

Председатель. Подсудимые, имеются ли у вас вопросы в связи с прошедшими эпизодами? (Голоса: «Нет»).

Переходим к четвертому эпизоду — к вредительству.

Рогинский. Прежде, чем перейти к допросу отдельных подсудимых, прокуратура ходатайствует о приобщении к делу ряда документов. Часть из этих документов поможет суду уточнить и выяснить, во-первых, использование своего служебного положения подсудимыми, которое использовалось в центральных наркоматах и в центральных организациях для проведения вредительских актов. Затем представляемые документы дадут возможность суду точнее выяснить методы совершения и проведения вредительских актов, и, наконец, ряд документов, которые мы представляем суду, уже устанавливают конкретные последствия отдельных вредительских актов.

По Наркомторгу мы ходатайствуем о приобщении к делу следующих документов. Один из документов — это письмо, адресованное Крымнаркомторгу по вопросу о реализации определенного количества завезенных туда дифтоваров. Второй документ — это документ, адресованный на имя замнаркомторга РСФСР т. Чухрита, затем в Госбанк СССР, который характеризует состояние с товароснабжением в Сибири. Затем документ, адресованный президиуму ВСНХ, характеризующий снабжение товарами Белоруссии в момент проведения ряда заготовок. Аналогичный документ адресован т. Микояну в Северо-Восточную область, характеризующий завоз товаров в момент лесозаготовок. И, наконец, документ, адресованный на имя Наркомторга РСФСР, характеризующий завоз промтоваров в Среднюю Азию к моменту хлебозаготовок. Это по линии Наркомторга.

По линии же Наркомторга СССР мы ходатайствуем о приобщении к делу протокола заседания рабочей комиссии под председательством Якубовича в присутствии представителя Центросоюза Петунина и ряда других лиц от вредительской ячейки, уже упоминаемых здесь на судебном следствии, по вопросу о финансовом положении Центросоюза в связи с вредительскими актами. Это по линии Наркомторга.

По линии Центросоюза мы ходатайствуем о приобщении к делу двух речей обвиняемого Петунина. Одна речь была им произнесена на заседании президиума правления Центросоюза 23 апреля 1929 г. Вторая речь была им произнесена на заседании коллегии наркомата РКИ СССР от 13 июля 1929 года, характеризующая точку зрения Петунина по вопросу о кредитной реформе, которая в то время проводилась по директивам правительства. Затем по линии Центросоюза — документ, характеризующий действия вредительской организации по вопросу о мобилизации внутренних ресурсов в системе потребкооперации.

По линии Госбанка. По линии Госбанка мы ходатайствуем о приобщении до-

ментов, которые характеризуют результаты действий вредительской ячейки по Госбанку по проведению кредитной системы в области промысловой кооперации. Мы ходатайствуем о приобщении документов, адресованных Всекопромсоветом на имя председателя правления Госбанка, затем ряд телеграмм и запросов с мест по линии кустарной промысловой кооперации в Госбанк. А затем документы, которые характеризуют постановку бухгалтерии в Госбанке в области подведения итогов по межконтормным расчетам госбанковских организаций.

И, наконец, последние из документов — это по линии ВСНХ. Здесь мы ходатайствуем о приобщении к делу протокола заседания 7-й сессии Технического совета, которая происходила с 15 по 20 декабря под председательством известного деятеля «Промпартии» Хренникова, при участии Гинзбурга, Таубе и др. Нам важно здесь заключение, которое давал обвиняемый Гинзбург по вопросам, касающимся постройки Магнитостроя и Сталинградстроя.

Это наше ходатайство в части приобщения к делу документов.

Затем мы ходатайствуем о вызове дополнительно одного свидетеля, свидетеля Иоффе. Этот свидетель нам важен при анализе вредительских актов по линии Наркомторга.

Председатель (к защите). Какое ваше мнение по этому поводу.

Коммодов. Защита ознакомилась с этими документами и считает, что они имеют непосредственное отношение к делу, и защита не возражает против вызова свидетеля и приобщения документов к делу.

Председатель. Судебное присутствие определило удовлетворить просьбу государственного обвинения о приобщении к делу только что оглашенных документов в качестве характеристики деятельности подсудимых в области вредительства. Что же касается вызова свидетеля Иоффе, судебное присутствие также определяет вызвать свидетеля Иоффе в качестве свидетеля по делу о вредительстве.

Рогинский. Я попрошу подсудимого Якубовича.

Председатель. Подсудимый Якубович.

Рогинский. Общие установки по вредительству, даваемые «Союзным бюро», уже были здесь в достаточной мере выявлены. Мы сейчас перейдем к исследованию отдельных вредительских актов по линии Наркомторга. Я вас попрошу прежде всего осветить ту область вредительской работы, которая непосредственно проводилась вами и входила в сферу вашего влияния.

Якубович. В значительной мере я в своем предшествующем показании, которое относилось к концу периода до

1928 г., изложил те основные приемы, которые применялись в области вредительской деятельности Наркомторгом по распределению промтоваров, а также те задачи, которые преследовались. Я сейчас только более развернуто могу представить картину того, как это дело выполнялось. Я уже отмечал, что основной формой, которая применялась при составлении плана завоза промтоваров, была форма переснабжения хлебозаготовительных районов. Эта форма была наиболее доступной, наиболее легко осуществимой, принимая во внимание то обстоятельство, что хлебозаготовки стояли в центре внимания правительства, в центре внимания всех государственных органов, всех хозяйственных органов, как государственных, так и кооперативных. Поэтому всякое предложение об усилении снабжения хлебозаготовительных районов заранее могло рассчитывать на благоприятную атмосферу, на благоприятные отношения, а установить в точности размер действительной потребности представлялось бы очень трудным для всякого лица, непосредственно не занимающегося в области этих вопросов, не изучающего эти вопросы, не имеющего перед собой цифровых данных, характеризующих снабжение этих районов в предшествующие годы, в предшествующие кварталы по сопоставлению с размерами хлебозаготовительных планов в эти предшествующие годы и с ходом выполнения этих планов. Так что критически отнестись к этим планам снабжения хлебозаготовительных районов по существу мог только очень ограниченный круг лиц, детально знакомый со всеми этими цифровыми расчетами и знакомый с динамикой этих расчетов, со значением тех мероприятий, которые применялись по снабжению этих районов, по значению количества его в предшествующие годы, в соответствующие кварталы. Так что основным методом в этом отношении вредительской работы был тот, о котором я говорил прошлый раз, т.е. метод переснабжения хлебозаготовительных районов. Это облегчалось еще и тем обстоятельством, что мы, исходя из теории рыночного равновесия, опирались в своих расчетах на данные о платежеспособности населения, на фонд промтоваров, которые подсчитывались, надо сказать, на основании весьма неточных, в достаточной мере условных данных, где оставалось чрезвычайно много простора не для арифметического подсчета, а для статистико-экономических комбинаций и комбинаций, которые делаются на основании общего понимания значения тех или других цифр, общего понимания группировок этих цифр тем или другим способом. Без этой группировки цифр, без этого обоснования плана снабжения было бы невозможно обосновать и более или менее убедительно доказать

лицам, глубоко непосвященным в технику этой работы, правильность составления плана.

Рогинский. Первой формой вредительских действий была форма перенасыщения хлебозаготовительных районов промтоварами?

Якубович. Да.

Рогинский. В связи с этим возникает второй вопрос: а какое отношение было по отношению к другим заготовкам? Это перенасыщение хлебозаготовительных районов определенной суммой промтоваров шло в ущерб завоза промтоваров в другие районы, которые проводили иные заготовки?

Якубович. В этом и заключался смысл вредительства, потому что это перенасыщение, само по себе, если брать действительные условия рыночного равновесия, если брать довоенные условия, оно не могло быть даже названо перенасыщением, так как каналы торгового обращения имели в себе значительно меньшее количество товаров, нежели можно было бы требовать при условии полного, нормального насыщения рынка, а именно, учитывая общий товарный дефицит, эти каналы перенасыщения хлебозаготовительных районов являлись предпосылкой условиям, которые создавали недоснабжение в прочих районах не хлебозаготовительных, а сырье-заготовительных, или где хлебозаготовки играют второстепенную роль или где хлебозаготовки наступают в другой, более поздний период. Эти районы заготовок сырья, как растительного, так и животного, оказались на этой почве резко неснабженными, а это оказывало влияние на заготовки тех видов технического сырья, которые были необходимы для советской промышленности, а с другой стороны, это в большей мере создавало недоснабжение рабочих промышленных центров. В снабжении был поворот, прежде всего, лицом к хлебозаготовительным районам, поворот в сторону снабжения деревни, при чем в хлебозаготовительных районах товары бросались по сельским потребительским кооперациям, а не по рабочим городским. В районах сырьевых промтовары шли, в первую очередь, в сельские потребительские кооперации, а не в городские, а если и оседали в городских, то преимущественно в рабочих кооперативах мелких городов, связанных с деревенским рынком. Это находило свое обоснование в том, что крестьянин, продающий хлеб, является покупателем в мелких лавках, находящихся в мелких городах, в таких, которые имеют крупные базары с большим приездом крестьян на рынок.

Опять-таки такие города, не индустриального типа города, в которых рабочая прослойка является меньшей, оказывались лучше снабженными, чем основные рабочие промышленные центры.

Рогинский. Теперь по части завоза промтоваров в хлебозаготовительные районы — здесь какие установки имела вредительская организация Наркомторга?

Якубович. Я должен сказать, что эти установки в значительной мере относились не к наркомторговским работникам, а относились к работникам Текстильного синдиката и Центросоюза. Но эти установки исходили из Наркомторга или, точнее говоря, от меня лично.

Я ушел, как я уже рассказывал суду, из управления промтоваров сравнительно рано, в то время, когда вредительство не было еще полностью развернуто, или тогда, когда вредительство стало разворачиваться к концу моего пребывания в этой должности. Все те первые опыты, которые проводились непосредственно под моим руководством, были связаны с выработкой определенной методологии, которая легла в основу применения ее другими лицами уже тогда, когда я начальником управления промтоваров не состоял. Эти же методологические приемы явились руководящими указаниями для вредительской деятельности, которую осуществляли как работники Центросоюза, так и работники Текстильного синдиката. Я употребляю чаще всего слово «текстиль», потому что текстиль — это основной рычаг в плане снабжения, который имел наибольший удельный вес в снабжении рабочих. Кожобувные и металлические товары играют меньшую роль, последние пожалуй и вовсе не имели значения, кроме кровельного, сортового и оцинкованного железа.

Я говорю, эта методология сложилась в период моего пребывания в должности начальника управления промтоварами и перешла от меня по наследству к тем лицам, которые продолжали работать после моего ухода. Эта методология явилась также руководящей для тех лиц, которые занимались этой работой в Центросоюзе и Текстильсиндикате. Так что в этом отношении я должен взять персонально на себя те приемы, те методы, которые применялись и без непосредственного моего участия уже в то время, когда я сам ушел из управления промтоварами.

Это не значит, что в последующем периоде я не принимал участия в отдельных разговорах, касающихся той же самой методологии. Некоторые методы, которые упоминались мною, вовсе не применялись в период моего пребывания на должности начальника управления промтоварами, а позднее, так что здесь мне приходилось принимать участие в отдельных беседах. Но непосредственного руководства отдельными актами в последующий период у меня не было. Я только следил за применением этих методов, давал свои советы и указания, с которыми весьма считались лица, продолжавшие эту работу.

Переходя теперь к другим приемам, которые применялись уже не в Наркомторге, потому что Наркомторг составлял только общие большие поквартальные планы распределения в областном масштабе, нужно сказать следующее: то количество, крупное количество, товаров, которые должны были получить рабочие районы, распределялось неравномерно. Это осуществлялось отчасти при участии Наркомторга РСФСР по губернским планам, но, главным образом, при участии Текстильсиндиката и Центросоюза по текстилю в значительной мере, как я уже говорил, и затем по кожаным, металлургическим и обувным товарам. Но, опять-таки повторяю, снабжение последними товарами не играло столь большой роли, как снабжение текстилем.

Таким образом то, что я говорю, относится прежде всего к текстилю и лишь в значительно меньшей степени к другим товарам, которые я упомянул, говоря о снабжении городов.

Вот эта неравномерность среди отдельных районов, преимущественно по линии синдиката и Центросоюза, приводила к тому, что в некоторых районах создавалось скопление крупных товарных масс, происходило то, что я назвал в своем показании на предварительном следствии товарными кулаками, которые чрезвычайно трудно поддавались рассасыванию, довольно долго задерживались на складах кооперации и затрудняли ее маневренность, одновременно не доводили товар до населения, что заставляло организации предъявлять дополнительные требования в смысле кредитования их, так как они не находили возможности сбыть тот товар, который им был завезен. В другие же (это было в крупных районах, областных), мелкие районы товаров завозилось недостаточно, в смысле получения этих товарных кулаков. Те, которые получали много товаров, были довольны и молчали вплоть до того момента, когда обнаруживалась их финансовая неспособность дальше этот товар держать, и когда они предъявляли требования о дополнительном кредитовании, но это начиналось только через 3—4 месяца. Начинались первоначально крики от тех районов, где было недоснабжение. Местные организации начинали нервозно реагировать на недоснабжение, эта их нервозность передавалась областным организациям, которые, не видя переснабжения, а видя недоснабжение, обращались с повышенными, явно необоснованными требованиями к центру, в результате в центре получалась картина недоснабжения хлебозаготовительных районов в целом. Таким образом, эта картина недоснабжения являлась дополнительной к недоснабжению наших промышленных центров и прочих нехлебозаготовительных районов.

Рогинский. Это одна часть вредительства в области завоза промтоваров. Даль-

ше, вредительство в несвоевременном завозе товаров в районы?

Якубович. Здесь, насколько я понимаю, роль несвоевременной заброски была значительно меньше, так как все-таки здесь получалось такое положение вещей, что товары в хлебозаготовительные районы шли в исключительно срочном порядке. Но здесь вступил в силу другой фактор, который отвечает на поставленный вами вопрос, а именно несвоевременный завоз ассортимента, несоответствие ассортимента потребностям данного района. Ассортимент—вещь в высшей степени капризная..

Рогинский. Подсудимый Якубович, вопрос об ассортименте рассмотрим дальше. Ведь мы имеем такое положение, когда одни районы вступают в хлебозаготовки раньше других. Вот я и стало вопрос: в части завоза и заброски промтоваров какая установка была принята здесь вредительскими ячейками и по линии Наркомторга и по линии Центросоюза, это вопросы своевременного насыщения этих районов товарами?

Якубович. По линии Наркомторга указаний о том, чтобы в первую очередь снабжались районы не хлебозаготовительные, таких указаний не давалось. По крайней мере, я их не давал потому, что я считал, что те цели, ради которых предпринимались эти вредительские действия, в достаточной мере обеспечиваются теми способами, о которых я говорил и о которых я буду говорить, способами, гораздо труднее разоблачаемыми, чем такой прием, о котором вы меня спрашиваете. Этот прием было бы в высшей степени легко разоблачить, было бы в высшей степени легко указать, что товары завозятся в Сибирь, в то время, когда хлебозаготовки начинаются на Северном Кавказе, и т. д. Таким образом, можно было бы сорвать выполнение вредительских действий. Если такие действия принимались, то они принимались чересчур усердствующими вредителями, вопреки моим указаниям.

Председатель. А были такие факты?

Якубович. Отдельные факты были, но мне кажется, что в пределах моей осведомленности эти факты были незначительные.

Рогинский. У нас имеются материалы, которые говорят об ином положении вещей. Поставим вопрос несколько иначе. Не было ли дано такой установки, чтобы товары двигались в районы одновременно и на Северный Кавказ и в Сибирь, несмотря на то, что Северный Кавказ вступает в хлебозаготовки значительно ранее, нежели Сибирь?

Якубович. Мною такой установки не давалось, может быть, она давалась в тот период, когда я уже непосредственно не руководил, как я рассказывал суду, но во всяком случае я, в пределах своей осведомленности, возражал бы против дачи

такой установки, как с моей точки зрения излишней и способствующей лишь разоблачению вредительства.

Рогинский. Вы возражаете и говорите, что это не способствовало бы разоблачению актов вредительского характера?

Якубович. Это не давало никаких дополнительных преимуществ.

Рогинский. Теперь перейдем к вопросу ассортимента.

Якубович. Ассортимент — чрезвычайно капризная вещь в зависимости от характера спроса отдельных районов. Там, где имеет место недоснабжение, ассортимент не играет такую роль или, вернее, он играет роль, но другую. Там, где имеют место недоснабжения, покупают всякий товар, независимо от того, нравится ли населению этот товар, привыкло ли к этому ассортименту население или нет. В тех же районах, где производится завоз товаров в усиленном количестве, там завоз товаров неподходящего ассортимента в высшей степени усиливает затоваривание, в высшей степени замедляет товарооборот. По отношению к хлебозаготовительным районам составление неправильного ассортимента, не соответствующего ни сезонным условиям, ни годовому спросу данной области, будет дополнительным, чрезвычайно мощным рычагом в деле создания затоваривания. В отношении же прочих районов, в которых недозавоз товаров столь велик, что любой товар, который будет туда завезен, будет распродан, на что существует полная гарантия, там при этом недозавозе завоз неподходящего ассортимента имеет другое значение. Там затоваривание не создается и создано быть не может. Но там преследовали другую цель. В этих районах недоснабжение, недозавоз товаров не вызывает затоваривания, а здесь мы имеем обратную сторону затоваривания — недоснабжение, которое должно вызвать то недовольство, о котором я говорил в своих прошлых показаниях суду, когда останавливался на основах вредительской тактики. Недовольство, вызванное недоснабжением, при наличии неподходящего ассортимента должно было повести за собой дополнительное раздражение, дополнительное недовольство, что служило, стало быть, той же цели, что и недоснабжение.

Эта работа выполнялась совокупными силами. Я имею в виду, главным образом, работников Текстильного синдиката, а затем и работников Кожевенного синдиката, даже, можно сказать, работников Текстильного и Кожевенного синдикатов, но все-таки преимущественно оставались у работников Текстильного синдиката. Здесь работа выполнялась совместными усилиями синдикатских работников и работников кооперативных — центросоюзских. Без их совокупных усилий достигнуть того эффекта, к которому стре-

милась вредительская организация, не представлялось возможным.

Рогинский. По каким же линиям пришлось проводить вредительскую работу для того, чтобы достигнуть того эффекта, о котором вы говорите, т.е. для того, чтобы, во-первых, иметь возможность относительно перенасытить те или иные хлебозаготовительные районы, для того, чтобы иметь возможность неправильно распределять определенное количество промтоваров по районам, для того, чтобы спустить не тот ассортимент, который должен был быть спущен в тот или иной район? По каким каналам, по каким линиям удавалось проводить эту вредительскую работу, какими организациями, какими секторами? Какие организации и какие секторы наших учреждений должны были быть втянуты в эту вредительскую работу?

Якубович. Вы совершенно правильно поставили вопрос — я думаю, что к этому мы сейчас и подходим. Я здесь не останавливался на всех методах, так как, помимо главных, мы имеем здесь методы второстепенные, не представляющие существенного значения. Они должны были только помогать в достижении той цели, которая в основном достигалась теми методами, о которых я говорил. Во всяком случае я стремился в пределах своего влияния не создавать разнообразных методов, полагая, что надо идти по основным линиям в нашей работе, четко проводить мероприятия для того, чтобы достигнуть наиболее четких результатов.

По каким каналам это осуществлялось? Нельзя было приступить к этой деятельности без участия наркомторговского аппарата, без участия управления промтоваров, поскольку руководящую, ведущую роль в этом отношении играло управление промтоваров союзного Наркомторга.

Рогинский. В Наркомторге СССР основным сектором было управление промтоваров?

Якубович. Да.

Рогинский. А дальше?

Якубович. Оно для проведения этой своей работы нуждалось, как я только что сказал суду, в известных статистико-экономических обоснованиях. Эти статистико-экономические обоснования давались, с одной стороны, Наркомторгом же, но по другой линии, Экономическим управлением Наркомторга, а с другой стороны — Госпланом, в этом принимала участие торговая секция Госплана.

Рогинский. Теперь перейдем к лицам. В управлении промтоваров кого мы имеем из участников во вредительстве?

Якубович. Я и Машков. По плановой работе были в сущности эти два лица.

Рогинский. По линии Экономического управления?

Якубович. По плановой работе управления промтоваров остаются еще от-

дельные товарные группы. По отдельным товарным группам нужны были дополнительные работники, но основная работа, в период моего пребывания в управлении промтоваров, делалась мною и Машковым.

Рогинский. По линии экономической?

Якубович. Залкинд.

Рогинский. Один?

Якубович. Я, кроме Залкинда, никого не знаю. Он обыкновенно по методам своей работы, которая им выполнялась обычно и по вредительству, проводил работу таким образом, что отдельные работники составляли для него ряд соображений, расчетов, но комбинация этих расчетов всегда производилась им лично.

Рогинский. Еще какие секторы Наркомторга были?

Якубович. Хлебо-фуражное управление. Хлебо-фуражное управление имело огромное значение в том отношении, что оно было главным толкачом при построении планов завоза. Оно должно было большей частью бить тревогу и должно было давить на управление промтоваров в смысле увеличения этих планов. Там были Сточик и Хазанов.

Рогинский. Этим ограничивались?

Якубович. Это основной круг лиц.

Рогинский. По Наркомторгу РСФСР?

Якубович. Рутберг, зам. начальника управления промтоваров Наркомторга РСФСР.

Рогинский. По Наркомторгу РСФСР какие еще секторы должны были быть привлечены и принимало ли участие в этой работе Экономическое управление?

Якубович. Оно находилось настолько в беспомощном состоянии, что мы не интересовались работой в нем. Работа там была с точки зрения статистико-экономической поставлена настолько ниже работы в Наркомторге Союза, они располагали настолько меньшими материалами и у них экономисты были настолько менее авторитетны, нежели глава нашей экономической группы—Залкинд, что мы к ним никогда не обращались. Если они и принимали какое-нибудь участие, то в части погубернского планирования, что мне неизвестно.

Рогинский. Вас, таким образом, интересовал только сектор управления промтоваров и там вы имели свое лицо.

Теперь по линии Госплана.

Якубович. Плановая секция Госплана СССР в лице Виноградского и Туровского, его помощника по промтоварам.

По Госплану РСФСР я непосредственного соприкосновения не имел. Это нужно было Наркомторгу РСФСР для проведения погубернского планирования, для получения одобрения и санкции, а также для получения планов по районам внутри РСФСР. Там по Госплану РСФСР был Шеханов.

Рогинский. Мы выявили опорные точки и лиц по Наркомторгу СССР, Нарком-

торгу РСФСР и Госплану. Теперь по линии Центросоюза.

Якубович. По линии Центросоюза мы были связаны с руководящими лицами, членами правления, Петуниным и Некрасовым. Но надо сказать, что непосредственного участия в этой работе они не принимали. Петунин принимал участие в вопросах финансирования потребкооперации, что было тесно связано с осуществлением тех задач, о которых я говорил в предшествующих своих показаниях на суде. Что касается Некрасова, то к тому времени его фактическое влияние в правлении Центросоюза настолько сократилось, что его участие в организационном руководстве вряд ли требовалось.

Он принимал участие только, так сказать, в подготовительной стадии этого дела, когда устанавливалась связь с работниками Центросоюза. Повидимому, он держал связь, кроме того, с Госпланом. Я в Госплане лично не бывал, как правило, при рассмотрении всяких вопросов, связанных с рассмотрением статистико-экономических конъюнктурных данных. Там бывал Некрасов, он осуществлял эту связь, но мне непосредственно с Некрасовым не приходилось согласовывать эту работу, о которой я говорил, а мне приходилось иметь дело с работниками по отдельным товарам. По текстилю наиболее крупной фигурой является Лапин, по кожобувным товарам, которые позже всех вступили в орбиту вредительской деятельности, к ним не сумели сразу приступить и не придавали такого значения, поскольку они не имели такого удельного веса и вообще трудно поддавались планированию,—Матеранский.

Рогинский. Это были точки в Центросоюзе?

Якубович. Да.

Рогинский. Теперь по линии синдикатов.

Якубович. Наибольшая группа участников была по Текстильному синдикату, что опять-таки понятно в виду того, что удельный вес текстиля очень большой. По Текстильному синдикату принимал участие Иоффе, Гайдамович и ряд других лиц, с которыми я непосредственно не встречался, которые являлись помощниками.

Рогинский. Это основные лица и основные опорные точки. По остальным синдикатам вы могли бы назвать ряд лиц?

Якубович. По коже я мог бы назвать лица—это Варшавский; по Металлургическому синдикату я не имел связей, так как эта часть товаров находилась в непосредственном ведении моего заместителя, который имел сам очень большой авторитет в Наркомторге и являлся участником социал-демократической группы и участником в этой работе. Это—Рабинович. Он осуществлял эту работу сам. Привлекал ли он кого-либо из Металлур-

гического синдиката—я не знаю, допускаю, что не привлекал потому, что Металлургический синдикат в противоположность Текстильному и Кожевенному не проявлял никакого интереса к вопросам реализации той части продукции, которая шла на широкий рынок, поскольку основная часть шла по руслу обобщественного сектора, минуя Наркомторг. Вопрос о том, как будет распределена оставшаяся часть продукции, составлявшая от 5 до 10%, максимум 15% общей продукции Металлургического синдиката, чрезвычайно мало интересовал Металлургический синдикат и мог быть выполнен Наркомторгом, не имея опорных пунктов в Металлургическом синдикате.

Рогинский. Известное координирование действий в смысле общих совещаний и т. д. имело место между отдельными лицами этих секторов?

Якубович. Я уже упомянул в предшествующих показаниях, что было бы неправильно представлять себе, как некоторые лица давали показания, в таком смысле это дело. Это ошибочно, и неверно давались показания о том, что происходили некоего рода заседания вредительских организаций, на которых обсуждали вопросы, установки и пр. Это было бы очень неконспиративно. Если такого рода заседания проводились, то, вероятно, без моего участия или коти-либо из других людей, которые имели опыт политической работы. Мы такого рода заседаний никогда не проводили. Когда нужно было—я вызывал к себе одного-двух-трех человек из разных организаций, по одному представителю от каждой, никогда не больше, для того, чтобы дать конкретные директивы. Если я не знал достаточно уверенно, какого рода нужно дать практическую директиву, то я предварительно выслушивал их мнение, но никогда не бывало больше 3-х лиц, никогда не бывало больше одного лица от одной организации. Я всегда старался свести количество совещаний и количество лиц на этих совещаниях к минимуму и, когда я переходил к другого рода работе, я давал такие указания тем людям, которые должны были заменять меня.

Рогинский. Иначе говоря, координирование действий вы сосредоточили у себя, вызывая определенных лиц, через которых вам надо было действовать и проводить те или иные установки вредительского характера?

Якубович. Да.

Рогинский. Теперь я хочу перейти к следующему вопросу—это вопрос о финансировании потребительской кооперации.

Якубович. В области финансирования потребительской кооперации, как здесь уже рассказывал обвиняемый Шер, Госбанк занимал в известной мере пассивную позицию. Но известная система по фи-

нансированию потребительской кооперации давала возможность решающее слово говорить самой потребительской кооперации—Центросоюзу. Поскольку во главе финансового отдела Центросоюза стоял член «Союзного бюро» Петунин, то эта функция находилась в руках одного из участников нашего «Союзного бюро». Однако, конечно, содействие Госбанка точно так же требовалось для того, чтобы оформить эти планы кредитования. Здесь существо вредительства сводилось к тому, что организации потребительской кооперации в хлебозаготовительных районах не докредитовывались, во-первых, потому, что текстиль, который бросался в таких огромных массах в эти районы,—товар, чрезвычайно дорогостоящий, и кредиты, которые нужны для их проведения, требовали повышения кривой и такого повышения, которое бросается резко каждому в глаза и которое нужно настойчиво обосновывать и настойчиво проводить. С другой стороны, был расчет на то, что товар будет быстро реализоваться, расчета на замедление реализации не существовало. Эти соображения давали возможность легко обосновать относительно низкий товарный кредит потребительской кооперации, цифры, которые не удовлетворяли потребности этих организаций. Такое распределение кредитов, предназначенное для потребительских коопераций, урезывало кредитование прочих организаций, т. е. я оговорился, такое распределение кредитов создавало такое положение вещей, что при недокредитовании хлебозаготовительных районов создавался избыток средств по отношению тех организаций, которые не нуждались в усиленном кредитовании, в ударном порядке реализации в срок кредитов, и кредиты использовались в тех организациях, которым можно было предоставить эти кредиты не в порядке первоочередности. Высвободить же средства, предназначенные для этих не первоочередных организаций—дело очень сложное, так как организации, получив лимит, получив известные средства, могли их приложить для развития своих организаций, а в этом отношении возможности не ограничены в смысле развития хозяйства, и здесь весь вопрос только в очередности разрешения задач. Полученные кредиты, предназначенные для удовлетворения первоочередных задач, могли быть произвольно вложены, но для второстепенных задач, а с другой стороны, если бы даже они не были использованы для этих задач, то у организации, получившей кредит, были возможности более спокойно вести работу, она в этом была кровно заинтересована и, естественно, она крепко держала бы их в своих руках. Поэтому для опытного бухгалтера не представлялось большой трудности представить таким образом бухгалтерский отчет, что средства в данный момент вы-

свободить нельзя, и, таким образом, эти средства использовались в порядке пере-кредитования одних организаций и недо-кредитования других. Наконец, созда-лось такое положение вещей, что предо-ставленных организациям кооперации хлебозаготовительных кредитов оказы-валось недостаточно для того, чтобы можно было покупать товары, а товары, главным образом текстиль и другие, ле-жали на складе. В этот момент создава-лось такое положение, когда необходимо было дополнительно кредитовать эти ор-ганизации, а источника в порядке рас-пределения средств—кредитов на ходу—изыскать нет возможности, нет возмож-ности изыскать внутри кооперативной системы и в других организациях, потому что другие организации находились в аналогичном положении с кооперативной организацией. И не оставалось другого пути, как только выпустить дополнитель-но срочный кредит, а это значит расши-рить план финансирования за счет уве-личения денежной эмиссии, что являлось шагом к инфляционному положению, к обесценению денежных знаков.

Рогинский. Продвижение товарной мас-сы в те или иные кооперативные органи-зации строилось не в соответствии с не-посредственными финансовыми возмож-ностями, которые имелись у кооператив-ных организаций?

Якубович. Да, не только несоответ-ствие, а сами финансовые возможности зависели от руководителей, а они состав-лялись вне соответствия с планами.

Рогинский. Отсюда затоваривание у не-которых кооперативных организаций, куда была брошена громадная масса до-рогого текстиля, отсюда требование до-полнительного кредитования, отсюда требование получения дополнительных кредитов от Госбанка и общее расстрой-ство финансовой системы потребкоопе-рации?

Якубович. Да.

Рогинский. Эта область вредительской работы была проведена, видимо, в пол-ном контакте с теми вредительскими ор-ганизациями, которые занимались этим делом—Центросоюз, в частности, с обви-няемым Петуниным?

Якубович. Петунин был в курсе этой работы.

Рогинский. А по линии Госбанка?

Якубович. Здесь связывался сам Цен-тросоюз, мне приходилось лишь высту-пать в качестве арбитра. В числе доку-ментов, которые Специальное присут-ствие постановило приобщить к делу, имеется протокол заседания с участием представителей Госбанка и Центросоюза. Это совещание было создано по поводу вопроса о создании условий и возможнос-тей произвести расстройство в товарном снабжении. На первой стадии этой ра-боты планы составлялись непосредствен-но работниками Центросоюза и Госбанка.

Я знаю, что в курсе этого был Василий Владимирович Шер, которому я в поряд-ке личной беседы об этом рассказывал и который должен был об этом знать и в порядке служебном, но непосредствен-но ли он участвовал в этой работе или через посредство других лиц—об этом я не знаю. Я говорю, что эти планы со-ставлялись центросоюзовскими работни-ками вместе с работниками Госбанка.

Рогинский. Меня теперь интересует во-прос, касающийся города и непосред-ственно рабочего снабжения. Будьте добры поподробнее изложить, какие вре-дительские установки были в этой обла-сти. Вы частично о них уже говорили, скажите еще более подробно в части ассортимента, который завозился в го-рода, в части обратного продвижения из районов в город, когда выяснялось пере-насыщение товарами этих районов, и какие препятствия чинились вредитель-ской организацией при этом обратном продвижении товаров в город.

Якубович. В отношении последнего во-проса я затрудняюсь дать подробное освещение, так как этого рода явления имели место в период последующий, когда я уже не стоял в главе управле-ния промтоварами, и они совершались не в порядке тех указаний, которые я давал.

Рогинский. Но вам об этом было из-вестно?

Якубович. Да, я был осведомлен, но только в самых общих чертах.

Основное ударение во всей этой вре-дительской деятельности, существо кото-рой я рассказывал суду, сводилось пре-жде всего к недоснабжению рабочих про-мышленных центров. Предполагалось, что это должно создать острое недоволь-ство среди рабочих. В тот период, когда я стоял в главе управления промтова-рами, возможности этого возбуждения острого недовольства были относительно ограничены. Это недовольство должно было влиять на политику советского пра-вительства в смысле поворота на старые рельсы нэпа. В последующий период, когда была меньшевистской партией при-нята установка на совершение контррево-люционного переворота, это должно бы-ло создать недовольство.

Позвольте мне сказать одно-два слова относительно нашего взгляда вообще на настроение рабочих кругов, поскольку предыдущие обвиняемые, на мой взгляд, недостаточно точно об этом говорили и поскольку это непосредственно связы-вается с нашими задачами.

Мы не смотрели таким образом, что мы должны вызвать недовольство, не существующее в рабочих кругах. Если бы мы так смотрели, что недовольство не существует, то мы, может быть, не при-шли бы к той тактике, которую мы при-меняли, может быть, мы не пришли бы и к участию в меньшевистской партии. Я уже говорил о том, что мы ошиблись

впоследствии в наших расчетах, мы ошиблись в том, что того недовольства, острого проявления которого мы ожидали, которое должно было давить на правительство, не обнаружилось, и не только нам не удалось добиться смещения политики советского правительства, но не удалось даже добиться и проявления такого острого недовольства. Однако, мы предполагали, что недовольство существует, но его только необходимо оформить и заострить, что это недовольство должно иметь значение в непосредственной подготовке рабочего класса к сочувственному отношению к контрреволюционному перевороту и оно должно было являться предпосылкой для того, чтобы создать возможность для меньшевистской партии вести работу среди рабочих. Я смотрел таким образом, что недовольство существует, но оно недостаточно оформлено, и поэтому меньшевики, потерявшие свои старые связи, не могли нащупать этого недовольства, не могли найти подходящих линий для того, чтобы связаться с рабочим классом и приступить к организации рабочих партийных ячеек. Вот та деятельность, которая должна была в наглядной форме показать рабочему классу тот хозяйственный кризис, который мы считали осуществимым, и что он должен в более наглядной и острой форме рабочему классу это показать. И вот, мне казалось, что он должен будет толкнуть рабочих на проявление этого недовольства, в результате чего эти проявления помогут нам, меньшевистской партии, и завязать связи и иметь в своей среде не только ячейки интеллигентские, но также и ячейки пролетарского состава.

Председатель. Почему вы все предполагаете? Ведь вы же жили в Советском Союзе. Разве организатор может предполагать? Он же должен учитывать объективные условия.

Якубович. Я должен вам сказать, что ни для кого не являлось секретом, что недовольства в стране было много, но недовольство это было в других социальных слоях. А мы, потеряв свои старые связи с рабочим классом, те впечатления, которые мы имели от общения с другими социальными слоями, те впечатления, которые обнаруживали перед нами недовольство интеллигентских социальных слоев, перенесли на пролетариат. Вот в основном та коренная ошибка, которая лежит в основе всего этого, что мы, потеряв связи с рабочим классом, имея связи с другими социальными слоями, мы жили этими впечатлениями, переноса их на пролетариат. Этим мы оправдывали свою контрреволюционную деятельность.

Рогинский. Так вот, конкретно, скажите о вредительских актах в рабочем снабжении.

Якубович. Так вот я и говорю, что в результате такой установки рабочие и

промышленные центры получали явно недостаточное количество товаров, даже по сравнению с теми ресурсами, которыми мы располагали. В недоснабжении хлебозаготовительных районов здесь вредительство было, но по тем ресурсам, которыми мы располагали, если бы эта работа проводилась без применения этих вредительских действий, она давала бы возможность давать промышленным центрам количество товаров, необходимое им, и, во-вторых, надо сказать, что ассортимент этого снабжения был явно неудовлетворительный: давались товары не сезонные и не типичные для рабочего спроса, которые могли находить индивидуальный спрос, и только по необходимости, при отсутствии других товаров, покупались рабочим потребителем. Вот эти методы и акты, которые совершались.

Рогинский. Итак, оголение рабочих районов при наличии определенной возможности больше насытить эти районы товарами?

Якубович. Да.

Рогинский. И затем, по продвижению товаров в рабочие районы — ассортимент направляемых туда товаров не соответствовал тому спросу, который мы имели в тех районах, или в основном не соответствовал?

Якубович. Да.

Рогинский. Вот конкретно, может быть, расскажете о вредительстве в области снабжения кожаными товарами?

Якубович. В области снабжения кожаными товарами были свои специфические особенности. Надо сказать, что у Текстильного синдиката было много предпосылок для того, чтобы легко маневрировать в плановом порядке. Во-первых, вся текстильная промышленность была сконцентрирована в руках Текстильного синдиката, имела прекрасно поставленный аппарат, который при надлежащем руководстве мог дать чрезвычайно четкую работу. Все синдицированные тресты продукцию сдавали почти полностью синдикату, а в последние годы даже полностью.

Другое положение было в Кожевенном синдикате. Там не вся промышленность была синдицирована. Не все синдицированные тресты сдавали свою продукцию синдикату. Они сдавали далеко не всю продукцию на реализацию Текстильному синдикату. Поэтому планирование устанавливалось таким образом, что планы были даны синдикату и даны отдельно трестам для выполнения. Синдикат передавал эти планы отдельным трестам на выполнение. Поэтому здесь техника была гораздо более сложной и учет был гораздо хуже поставлен.

Кроме того, кожаные товары имеют свои специфические особенности. Они имеют специфический спрос. Скажем, товар, который вырабатывается заводами вятскими или тагарогскими, обычно на-

правляется в определенный район, который предъявляет потребность в этих товарах, выработанных именно этими заводами. Кожевенные товары, вырабатываемые в других районах, идут не в этот район, а в другие. При составлении этих планов, прежде всего, нельзя избежать известной перевозки товаров из района в район. Для составления надежащего ассортимента в особенности необходима эта перевозка. Потом уже были типизированы кожевенно-обувные товары по промышленным предприятиям. Весь вопрос заключается в том, в каких же пределах перевозка эта необходима. Здесь, прежде всего, специфическая особенность вредительской деятельности в области кожевенно-обувных товаров сводилась к тому, что производилось значительно большее количество перевозок, нежели то, которое требовалось обстоятельствами дела. Это значительно большее количество перевозок приводило к нескольким результатам, во-первых, это приводило к тому, что товары поспевали не во время, не в тот момент, когда они были нужны для реализации. Стало быть, происходила задержка в реализации товара. Во-вторых, эта значительно большая перевозка приводила к тому, что, когда давался наряд на отправку товара, обычно реализуемого в месте своего производства, когда давался наряд на товары тех заводов, продукция которых потреблялась для удовлетворения местных нужд, то местные органы, а в частности исполком, оказывали противодействие этим мероприятиям. Исполком, который привык, что в течение ряда лет продукция данного треста остается у них на реализацию в известном количестве, в известной пропорции, в месте производства для нужд района, оказывал самое энергичное противодействие вывозу этого товара тем более, что он всегда скептически относился к тому, что этот товар будет компенсирован каким-нибудь другим товаром, привезенным из какого-либо другого района. При чем нужно сказать, что это скептическое отношение было в большинстве случаев справедливым, потому что в другом районе, питающемся продукцией своего производства, также приходилось наталкиваться на такое же самое противодействие со стороны местных органов.

Излишние перевозки задерживали товар, не позволяли товару приходить вовремя на место назначения для своей реализации и этим самым срывалось выполнение планов. Товары вместо того, чтобы следовать в тот или иной район, оставались лежать на месте. Благодаря этому создавалась бесконечная волокита, переписка со взаимными обвинениями, переговорами. При чем местные организации стремились по вопросу финансирования, по вопросу денежных средств скрыть эти ресурсы и доказать, что они

либо раньше их израсходовали, либо они их недобрали. Здесь прибегали к разным способам для того, чтобы обеспечить удовлетворение первоочередных нужд своего района за счет своих товаров. Эти методы колебали реальность планов, которые и без того были менее реальны, чем планы текстильной промышленности, в силу организационной неформальности кожевенной промышленности, в силу отсутствия авторитета, бесспорного авторитета Кожевенного синдиката по отношению ко всем предприятиям кожевенной промышленности. Эти действия дополнительно вносили такой хаос в дело планирования кожевенно-обувными товарами, что фактически план не выполнялся. Даже, строго говоря, я бы сказал, что планирования не было, потому что, если план выполнялся в пределах от 25 до нескольких сотых, то это нельзя назвать планированием.

По существу планирование кожобувным товаром фактически почти не осуществлялось и имело значение только в смысле заброски некоторых дополнительных партий товаров в те или иные районы, но планирования, как целесообразного планомерного использования всей кожевенно-обувной продукции, по сути дела не было.

Рогинский. Какие вредительские организации принимали участие в проведении этого?

Якубович. Те же самые организации, которые были мною названы с заменой Текстильного синдиката синдикатом кожевенным.

Рогинский. И конкретно Варшавский?

Якубович. Связь я имел с Варшавским.

Рогинский. Можно сейчас подвести итоги, что ваша непосредственная вредительская работа протекала в Наркомторге СССР по линии товарного снабжения?

Якубович. Да.

Рогинский. Основными методами работы являлась дезорганизация завоза товаров в районы и срыв определенных заготовительных мероприятий, проводимых советской властью.

Якубович. В области заготовок сельскохозяйственного сырья, растительного и животноводства.

Рогинский. И в области дезорганизации и срыва рабочего снабжения в рабочих центрах?

Якубович. Да.

Рогинский (к суду). Для того, чтобы закончить, я буду просить разрешения огласить несколько документов, представляющих собой уже практические результаты этих вредительских актов.

Председатель. Это те документы, которые уже были приобщены к делу?

Рогинский. Да.

Председатель. Пожалуйста, огласите.

Рогинский. Я оглашу первый документ, который датирован 19 января 1928

года, т.-е. в тот период, когда вы еще работали в управлении промтоваров?

Якубович. Да.

Рогинский. Это сообщение президиуму ВСНХ Союза из Белорусской республики. Документ гласит следующее:

«Промышленность Белорусской республики испытывает в настоящее время крайне напряженное положение с сырьем, ставящее под угрозу выполнение производственной программы. Особенно остро стоит вопрос с льнопрядильной, маслобойной, кожевенной промышленностью в связи с невыполнением плана намеченных заготовок по льну, кожсырью и т. д.»

Далше идут цифры. Затем следующее:

«Указанное тяжелое положение создано также с лесозаготовками, в связи с трудностью вовлечения крестьян для работ по лесозаготовкам, в виду полного отсутствия промышленных товаров. Единственным выходом из создавшегося положения является немедленный усиленный завоз промышленных товаров специально для районов заготовки вышеуказанного сырья и снабжения крестьян в лесозаготовительных районах.»

Иначе говоря, этот документ свидетельствует о том, что в момент развертывания лесозаготовительных работ и сырьевых заготовок Белоруссии, мы там имели ощущение острого недостатка в промтоварах.

Якубович. Да.

Рогинский. Параллельно я оглашу и следующий документ, адресованный в Госбанк в марте 1928 г., который гласит следующее:

«Правлению Госбанка. Считаю необходимым довести до вашего сведения о тех затруднениях, которые создались для товаропроводящей сети в Сибири, в связи с усиленным завозом товаров за последние три месяца, при резком повышении завоза в январе месяце. Сбыт товара не только не увеличился, но даже начал падать.»

Этот документ очень большой. Он говорит о тех товарах, которые были туда заброшены. С одной стороны, в подтверждение тех вредительских актов, о которых мы здесь говорили, мы имеем документ, который характеризовал положение с заготовками в Белоруссии, где товаров явно недостаточно, и параллельно в то же самое время мы имеем перенасыщение товаров в Сибири.

Якубович. Да.

Рогинский. Следующий документ—это документ, который говорит о положении с лесозаготовками в Северо-Восточной области. Письмо адресовано на имя народного комиссара внутренней и внешней торговли тов. Микояна. «Лесозаготовки Северо-Восточной области находятся в настоящее время под реальной угрозой срыва из-за полного необеспечения промтоварами и продуктами лесозаготовок, в целом ряде лесрайонов работы приостано-

навливаются, и т. д.». Опять-таки это письмо кончается настойчивым требованием немедленно завезти в эти районы промтовары. Это письмо датировано февралем 1928 г., все этот же период времени. Параллельно с этим мы имеем телеграмму, адресованную Крымнаркомторгу, частично о ней говорилось при допросе Залкина в предшествующие дни. В телеграмме указывается, что «в связи с наступлением в большей части хлебозаготовительных районов насыщения рынка промтоварами предлагается разбронировать эти товары и пропустить их в продажу всем гражданам», т.-е. такое перенасыщение, которое вызвало необходимость разбронировки товаров и продажи их всем гражданам.

Вот эти документы являются ответом на те вредительские акты, которые были вами проведены?

Якубович. Да.

Рогинский. У меня к Якубовичу нет вопросов, у меня только будет ходатайство сразу же допросить свидетеля Иоффе.

Председатель. Защита, у вас вопросы имеются? (Нет).

Подсудимый Якубович, садитесь.

Товарищ комендант, пригласите свидетеля Иоффе.

Ваше имя, отчество и фамилия?

Иоффе. Матвей Наумович Иоффе.

Председатель. Вы вызваны в качестве свидетеля. Суд предупреждает о том, что вы должны говорить в своих свидетельских показаниях только правду.

Рогинский. Ваше последнее место работы?

Иоффе. Всесоюзное текстильное объединение.

Рогинский. В качестве кого вы там работали?

Иоффе. Заместителем заведующего сбытового управления.

Рогинский. Ваша партийность?

Иоффе. Я до ареста принадлежал к РСДРП.

Рогинский. Стаж?

Иоффе. Я свою революционную деятельность начал еще со школьной скамьи. Если началом деятельности считать первый арест, то я ее начал с 15 лет, примерно, продолжалась с 15 лет до 18.

Рогинский. Общий стаж?

Иоффе. Затем я уехал за границу и возобновил свою деятельность с февральской революции и состоял в партии до 1918 года, затем был перерыв и вновь я начал деятельность с конца 1927 г.

Рогинский. Перерыв был до какого года?

Иоффе. С середины 1918 г. до конца 1927 г.

Рогинский. Какой общий стаж исчислете?

Иоффе. Я исчисляю общий стаж лет 6—7.

Рогинский. Ваша контрреволюционная деятельность началась когда?

Иоффе. Со времени возобновления партийной деятельности.

Рогинский. С какого года?

Иоффе. С 1927 года.

Рогинский. В какую контрреволюционную ячейку вы вступили?

Иоффе. С началом моей деятельности создается организация ячейки при Текстильном синдикате, как тогда называлась ВТО.

Рогинский. Кто был организатором?

Иоффе. Макаров.

Рогинский. Кем вы были завербованы?

Иоффе. Соколовским.

Рогинский. Где он работал в это время?

Иоффе. В ВСНХ.

Рогинский. С 1927 г. начинается ваша контрреволюционная деятельность в ячейке Текстильного синдиката?

Иоффе. Ячейка начала организовываться в 1927 г., а оформилась в 1928 г., но вообще в подпольной работе трудно установить даты организации, так как они не фиксируются. Но нужно сказать, что мое первое сближение с меньшевиками, с теми, которые в дальнейшем организовали руководящий центр, началось со второй половины 1927 г.

Рогинский. Во время своей работы с кем из работников руководящего центра этой контрреволюционной организации вам больше всего приходилось сталкиваться?

Иоффе. С Якубовичем и Соколовским.

Рогинский. С Якубовичем по какой линии?

Иоффе. По линии практической оперативной работы, по части осуществления дезорганизации действий в деле снабжения рынка текстильными изделиями.

Рогинский. А с Соколовским?

Иоффе. Главным образом, по линии общепартийных установок.

Рогинский. От Соколовского вы получали общепартийные директивы, а с Якубовичем проводили определенные практические вредительские акты?

Иоффе. В общих чертах можно говорить о таком разделении, потому что о вредительских актах я мог не беседовать с Соколовским, но это не означает, что с Якубовичем не беседовал об общепартийных установках.

Рогинский. Перейдем к практическим вредительским актам, в которых вы принимали непосредственное участие. Изложите основные из этих вредительских актов.

Иоффе. Все вредительские акты, к которым я имел отношение в качестве прямого участника или соучастника, они относились к делу дезорганизации снабжения рынка текстильными изделиями. Рынок текстильных изделий, как известно, среди других промтоваров, стал наиболее

дефицитным раньше, чем другие промтовары, и текстильные изделия имеют и имели сугубое значение как в деле снабжения городов, так и в деле обеспечения всех тех задач, которые стоят по линии заготовительных операций. Поэтому задача вредительской деятельности состояла в том, чтобы по этим двум линиям, как дезорганизации сырья-заготовительных районов, так и городов осуществлять определенные действия. В основном, эти действия сводились к следующему. Первое — это вредительство в области ассортимента. В текстильных изделиях ассортимент имеет существеннейшее значение на ряду с количеством товаров. Можно при одном и том же количестве, в зависимости от ассортимента, лучше и хуже удовлетворять те или иные потребности. Здесь основное вредительство в области ассортимента, в смысле включения в производственную программу не тех сортов тканей, в которых в основном нуждались население и отдельные районы. Это осуществлялось вредительской организацией, которая существовала вообще в Текстильном синдикате. Ассортимент — это был тот стык, на котором приходилось контактировать работу межпартийской организации с вообще вредительской организацией, потому что, если бы вредительская организация хотела проводить свои вредительские действия в области ассортимента против воли тех лиц, которые занимались сбытовой работой, то это им осуществить было бы очень трудно, в то время как в других отраслях вредительской деятельности — в области капитального планирования технологических процессов — они были свободны и не нуждались в контакте.

Я знал, что ассортимент тканей не соответствовал потребностям населения, но я не только не опротестовывал перед правлением той производственной программы, которая проектировалась производственниками, но я должен был брать на себя и брал обязанность защищать этот ассортимент публично, как в регулирующих органах, так и в общественных организациях. Неудовлетворительный ассортимент, конечно, вызывал протесты клиентуры. На мне лежала обязанность как-то регулировать дело с этими протестами. По существу была практика принудительного ассортимента, когда клиентура в силу дефицитности изделий вынуждена была брать то, что ей давали, а не то, что нужно.

Второй момент заключался в деле выявления потребностей рынка. Те ассортименты изделий, которые выпускались и возможно еще выпускаются на сегодняшний день текстильной промышленностью, в значительной степени унаследованы от прежних ассортиментов и вызваны прежними потребностями населения с совер-

шенно другим социальным составом. Сейчас произошли огромные сдвиги в потребностях населения. Текстиль как раз является тем товаром, где все материальные и культурные изменения дают себя чувствовать в первую очередь. Это не так, как с ботинками.

Председатель. Например?

Иоффе. Если в прежнее время в деревне существовал спрос на какие-нибудь рисунки, завезенные к нам в XVI—XVII вв. и почему-то привитые и считающиеся вкусом данной области, то теперь, после колоссальнейшего перемещения населения, которое произошло за последнее время, после того, как население побывало в городах, произошел процесс урбанизации спроса. Затем бельевые ткани, которые являлись предметом потребления лишь ограниченных кругов населения — белье из мадеполама, из бязи носили не все слои, а преимущественно городские, — сейчас в связи с культурным ростом эта потребность в значительной степени развилась, развилась она также в соответствии с ростом лечебных заведений и т. д.

Все эти моменты, сложные моменты требовали своего выявления как для того, чтобы правильно строить производственные программы, так и для того, чтобы правильно планировать капитальное строительство на будущее время. Вот эта работа, правда, очень трудная, но необходимость которой я сознавал, лежала на мне. Все эти происшедшие перемены, о которых я говорил, при подборе ассортиментов не учитывались и учет потребностей рынка возлагался на старых товароведов, которые в этом отношении руководствовались тем, что было лет 20 тому назад.

Вопрос о вредительстве в области планирования завоза текстильных изделий. Вообще рынок промышленных товаров, в частности текстильный рынок, поддается регулированию значительно труднее, чем рынок продовольственных товаров. Здесь вопрос о душевых нормах встречает большие затруднения, поскольку это не есть какая-то обезличенная масса, а индивидуальная. Здесь вопрос сезонности и вообще целый ряд моментов встанут. Поэтому вопросы планирования завоза, — что означает регулирование рынка всех текстильных изделий, — приобретают большое значение. Вредительские действия в этой области сводились к следующему. Во-первых, количество товаров, которыми оперировали регулирующие органы, в данном случае Наркомторг, в момент составления плана, при наличии преувеличенных ресурсов, вошедших в основу плана, равно преувеличения и преуменьшения их, встречали в дальнейшем затруднения. Чрезвычайно важно, чтобы план был жизненным, и чтобы в процессе составления этого плана не возникало излишних затруднений, чтобы он точно отражал количество то-

варов и продукцию, которая легла в основу плана. Такой план всегда оперировал с продукцией, которая не вышла еще из производства; следовательно предстояла задача определить количество этой продукции. И вот в определении этого количества мною допускались преуменьшения. Таким образом, коллегия Наркомторга в момент рассмотрения плана завоза оперировала с преуменьшенными цифрами, а оперируя с преуменьшенными цифрами, она принуждена была урезать целый ряд потребностей, которые могли бы быть в большей мере, в момент составления плана, удовлетворены. Правда, это количество впоследствии выявлялось, потому что вообще вредительская деятельность в области промтоваров по планированию не может уменьшить количества товаров. Количество товаров остается, — а тут был вопрос времени и порядка их распределения. Это количество выявлялось и оно площе потом на удовлетворение случайных распыленных потребностей вместо того, чтобы при принятии плана идти по надлежащему руслу.

Дальше вопрос о своевременном составлении плана. Так как планы по текстилю и по другим товарам составлялись наперед, не базируясь на накопленных остатках, а базируясь на предполагаемом производстве, и так как в некоторых кварталах впоследствии, особенно в нашем производстве, связанном с сельским хозяйством, существуют значительные изменения порайонного завоза этого товара, то следовательно необходимо общий план завоза порайонного связать с производственной программой. Для этого эти планы должны утверждаться до того срока, когда фабрике даются квартальное задание и наряды. Поэтому, если здесь работать без учета продукции, то в результате получится, что, когда придется иметь дело с заготовленной продукцией, придется ломать планы фабрики, а это значит идти на усугубление трудного положения промышленности в смысле сокращения производства или удорожания. Я имею в виду не только сезонность, но ассортимент, спрос отдельных районов, потому что ассортимент, потребный Средней Азии, совершенно различен с ассортиментом, потребным хотя бы в районе быв. Псковской губернии, так как в Средней Азии даже верхнюю одежду делают из ситца и бязи, в то время как в Псковской губернии для верхней одежды необходимы плотные ткани. Так вот, значит, это своевременное порайонное размещение продукции является чрезвычайно важным моментом, и план завоза должен быть утвержден не позже, чем за полтора месяца до наступления квартала, что законодательными актами соответствующим образом и предусмотрено. И так как обычно возражали и говорили, как это Наркомторг за пол-

тора месяца сможет учесть конъюнктуру, то для этого у Наркомторга имелся специальный резерв для того, чтобы практически установить такой порядок. Но на самом деле практически установился иной порядок: план завоза утверждался или накануне квартала или после его начала, квартал уже начался, продукция выходит из производства, а планов нет. Отсюда — дальнейший хаос в распределении ассортиментов товаров по Союзу тем более, что и по утверждении плана есть еще достаточно большая техническая работа по получению разнарядок от покупателей. Эти разнарядки должны были в значительной своей части получены с мест. Но тут создавался прорыв, в результате которого практиковалась беспланируемая засылка. В то же самое время, как целый ряд районов, вступая в заготовки, должен был получить разнарядки в первые же дни, должен был получить товар в первую очередь, этот товар, из-за отсутствия разнарядок, эти районы получить не могли.

Рогинский. Специфические требования отдельных районов, требования определенного ассортимента товаров не были соблюдены?

Иоффе. Не были.

Рогинский. А как было с планом порайонного завоза для обслуживания определенных хозяйственных, политических мероприятий советской власти.

Иоффе. Я могу только сказать о непосредственном моем участии в деле обеспечения районов текстильного сырья, потому что учреждение, в котором я работал, к порайонному размещению товаров не имело отношения. Это дело Центросоюза и Наркомторга. Текстильный синдикат, как орган текстильной промышленности, в деле завоза в сырьевые районы был сугубо заинтересован.

Председатель. А кто давал наряды на фабрики?

Иоффе. Наряды даются на изготовление продукции, а разнарядки для покупателей идут уже по другой линии. В анализ этого дела — правильно или неправильно здесь действовали — я не входил. Наркомторг утверждает план распределения не по губернской, а план распределения для Украины, Северного Кавказа и т. д. Внутреннее же, порайонное распределение — куда вначале товар идет на юг или на север Украины, ко мне не относилось, так как в этих операциях я не принимал участия.

В отношении же районов текстильного сырья Текстильный синдикат должен был добиваться максимально завоза, главным образом потому, что одной из причин незаготовок текстильного сырья является то, что оно в очень большом количестве оседает у крестьян — производителей этого сырья. При недостаточном снабжении текстилем, крестьяне-производители для себя эту проблему разрешают

просто — они оставляют это сырье, из которого ткнут необходимые для себя предметы. При чем оседание в таком виде сырья, как шерсти, достигает грандиозных размеров. В результате этого оседания, которое вытекает из недоснабжения необходимым товаром, производители шерсти изготавливают из шерсти веревки, мешки, палатки и т. д., затрачивая нерационально колоссальное количество шерсти. Поэтому задача правильного снабжения этих районов необходимым товаром стоит перед текстильной промышленностью с особой остротой, потому что в интересах самой же текстильной промышленности снабжать эти районы в максимальных размерах. Но этот вопрос не мог решиться самостоятельно Текстильным синдикатом, потому что направление этого вопроса происходило в Наркомторге и поэтому в Наркомторге, как одна из задач, стоял вопрос о защите соответствующего плана завоза. При чем эта задача выполнялась в том смысле, что зашищались не максимальные планы, а минимальные, которые были недостаточны для снабжения этих районов.

Рогинский. Имело ли место такое положение вещей, когда под видом необходимого стимулирования хлебозаготовок отказывалось в завозе текстильных изделий для стимулирования других заготовок, скажем, заготовок шерсти, заготовок льна и т. д.?

Иоффе. Да, это так было.

Рогинский. А кто это проводил?

Иоффе. В Наркомторге это проводил до весны 1928 г. Якубович, а после проводил Кауфман.

Рогинский. Имели ли место такие вредительские акты, как несвоевременный завоз текстильных товаров в те районы, которые начинали хлебозаготовки, и переброска этих товаров в те районы, которые вступали в хлебозаготовки позже?

Иоффе. Да, такие факты имели место. Исходя из той информации, которую я получил, такого рода вредительские акты проводились. Но осуществлялись они не вредительской ячейкой текстильной промышленности, а в Центросоюзе и в Наркомторге.

Рогинский. Какие жалобы к вам приходили?

Иоффе. Жалобы приходили о том, что уже начались заготовки, а товары еще не поступают или, — что вы шлете нам товары в первую очередь не в те районы, в которые мы просили, а в какие-то другие. Такого порядка жалобы к нам приходили.

Рогинский. По части сезонности ассортимента какие вредительские акты были проведены?

Иоффе. В отношении сезонности проводилось следующее. Текстильная промышленность вырабатывает ассортимент изделий одинаковый в течение всего года.

Я не производитель и не берусь судить, в какой степени это действительно так. Я считаю, что в огромном количестве ассортиментов это бесспорно, потому что нельзя оборудование и рабочих, приспособленных для работы определенного ассортимента ткани, например бумаги, ставить полгода работать бумагею, а полгода — маркетом. Возможно, что в отношении некоторых товаров, где ассортимент сырья, номер пряжи и характер станков не имеют столь большого значения, это можно сделать. Но во всяком случае, когда сейчас приходится делать целый ряд переоценок тех положений, которые раньше были бесспорными, у меня и этот вопрос вызывает сомнение. Но, поскольку промышленность выпускала текстильные изделия всегда в одном и том же ассортименте, стояла задача правильного маневрирования этим ассортиментом, в зависимости от различных спросов. Что следовало делать? Надлежало летние ткани, вырабатываемые в осенние и зимние месяцы, резервировать и выпускать в реализацию в начале лета. Зимние — резервировать летом и выпускать в начале зимы. Эта операция конечно требует финансового напряжения. Самое понятие «летние и зимние ткани» является бесспорным только для некоторых товаров. Ведь есть так называемые демисезонные ткани, т. е. переходный элемент.

Рогинский. Свидетель, меня интересует не это. Имело ли место следующее положение, когда летние ткани в июне—июле—августе исключались из плана завоза под предлогом резервирования их для будущего летнего сезона, а затем эти летние ткани включались в план завоза и выбрасывались на рынок в декабре. Имело это место?

Иоффе. Да, это имело место.

Рогинский. Вредительский это акт или нет?

Иоффе. Вредительский акт.

Рогинский. Скажите, все эти вредительские акты, как вы в начале своего объяснения сказали, могли быть проведены только в известном контакте с другими лицами, из других организаций?

Иоффе. В части ассортимента.

Рогинский. В части ассортимента с кем?

Иоффе. В части ассортимента они должны были быть проведены вместе с вредительской организацией Текстильного синдиката, общей вредительской организации.

Рогинский. И затем?

Иоффе. В этом отношении остаются только вредительские организации Центросоюза и Наркомторга.

Рогинский. Вы говорите, что в Наркомторге вы были связаны с Якубовичем?

Иоффе. Да.

Рогинский. А в Центросоюзе?

Иоффе. В Центросоюзе я был связан с Лапиным и Босяцким.

Рогинский. Скажите, известное обсуждение методов проведения этих вредительских актов имело место?

Иоффе. Обсуждение не в порядке формальных заседаний, а обмен мнений имел место.

Рогинский. Значит, известная наметка по совершению тех или иных вредительских актов обсуждалась?

Иоффе. Да.

Рогинский. Имело ли место такое явление, когда этот обмен мнений, происшедший между Иоффе, Лапиным, Якубовичем и т. д., затем оформлялся в виде официального документа того или иного учреждения, представителем которого вы являлись?

Иоффе. Это имело место не вслед сейчас же за обменом мнениями, а уже когда мы сходились в качестве официальных представителей на совещание, которое созывалось для обсуждения этого вопроса, по которому мы раньше обменивались мнениями. В соответствии с той договоренностью, которую мы имели, мы излагали свое мнение, которое получало оформление.

Рогинский. И затем уже оформлялось в виде официального документа?

Иоффе. Да, в виде протокола.

Председатель. У защиты есть вопросы? (Нет). Были ли случаи, когда вредительские предположения, которые вы намечали, по каким-либо причинам не могли быть проведены в жизнь?

Иоффе. Я думаю, что это имело место потому что на заседаниях коллегии Наркомторга, наркомторг т. Микоян вовсе не всегда и не полностью принимал те планы, которые ему предлагали. Сплошь и рядом он вносил значительные изменения и эти изменения затрагивали иногда ту первоначальную наметку, которая устанавливалась, исходя из вредительских целей.

Председатель. После таких изменений вы продолжали вредительскую работу вести, применяя эти измененные или первоначальные наметки и планы?

Иоффе. Конечно, мы выполняли измененный план, потому что это было бы слишком наглядно, потому что это проходило через определенный контроль и это было бы уже вредительством материального порядка, которое легко было бы обнаружить. Возможно, что в дальнейшем значение этого измененного плана видоизменялось, но я конкретные факты затрудняюсь вспомнить.

Председатель. У подсудимых есть вопросы?

Соколовский. У меня есть.

Председатель. Подсудимый Соколовский.

Соколовский. Я бы хотел, чтобы свидетель ответил, когда, с кем я его по партийной линии (т. к. по вредительской

линии я с ним не имел никакого дела) связал по ячейке ВТО.

Июffe. Меня Соколовский связал по ячейке ВТО с Макаровым, это было в начале 1928 г.

Соколовский. Больше не имею вопросов.

Рогинский. У меня вопрос к Соколовскому. Вы это подтверждаете?

Соколовский. Я подтверждаю все показания свидетеля, он меня во вредительские дела не посвящал и я его связал со старым меньшевиком Макаровым в начале 1928 года.

Рогинский. Вы подтверждаете, что одним из лиц, которое завербовало его в контрреволюционную организацию, был Соколовский?

Соколовский. Да.

Рогинский. Больше вопросов нет.

Председатель. Комендант, уведите свидетеля.

Рогинский. Я попрошу подсудимого Залкинда.

Председатель. Подсудимый Залкинд.

Рогинский. Меня прежде всего интересует вопрос следующего порядка: вам было известно о тех вредительских актах, которые совершались в Наркомторге по линии управления промтоварами?

Залкинд. Да, было известно.

Рогинский. Вы слышали показания Якубовича, свидетеля Юффе и т. д., все эти вредительские акты вам были известны?

Залкинд. Да, были известны.

Рогинский. Вы их подтверждаете?

Залкинд. Да, я не могу конкретизировать эти отдельные акты, но общие установки, методы их проведения были мне известны и я во многих случаях в обсуждении этих общих установок принимал участие.

Рогинский. Ваша конкретная вредительская работа проходила в какой области?

Залкинд. Она проходила в области планирования товарооборота.

Рогинский. И еще в какой области?

Залкинд. В области планирования товарооборота, сюда относятся все элементы планирования, т.е. конъюнктурный анализ товарооборота и, следовательно, те выводы, которые вытекают из конъюнктурного анализа и самого планирования товарооборота, т.е. построения контрольных цифр и отдельных разделов этих контрольных цифр.

Рогинский. Будьте добры, в конкретной форме сообщите о всех этих вредительских актах, в которых вы принимали непосредственное участие по линии планирования товарооборота. Какие здесь были проведены вами вредительские акты?

Залкинд. Мне просто перейти к изложению самих актов или к той общей концепции, из которой они вытекают?

Рогинский. Об общей концепции довольно много говорили. Сейчас мы будем исследовать конкретные вредительские акты.

Залкинд. Я буду говорить о таких актах, которые связаны со всей моей работой в области планирования товарооборота, т.е. моей работой в конъюнктурном анализе оборота и контрольных цифрах, потому что вредительская работа по конъюнктурному анализу и составлению контрольных цифр является второй частью общего планирования товарооборота, ибо конъюнктура являлась, с одной стороны, материалом для составления контрольных цифр, а с другой — она являлась оценкой контрольных цифр, уже намеченных. Следовательно, первая область моей вредительской работы по линии планирования товарооборота связана с той установкой, которая была у «Союзного бюро» по линии планирования легкой промышленности. Здесь наша установка заключалась в том, чтобы максимально форсировать развитие легкой промышленности, при чем целью, которую мы себе ставили, было не только непосредственное развитие легкой промышленности, но также и известная задержка развития тяжелой промышленности.

Из такой концепции вытекала эта наша установка? Эта установка вытекала из нашего представления о том, что в первую очередь планомерное и бесперебойное развитие народного хозяйства может идти только в том случае, если будет достаточная гармония и связанность со всеми другими отраслями народного хозяйства. Реальное выражение этой гармоничности должно было получиться в сфере обмена. Практически эта гармоничность должна была получиться в сфере обмена, в факте достижения рыночного равновесия. В свою очередь, получение рыночного равновесия могло быть только в том случае, если предложения товаров широкого рынка полностью соответствовали бы спросу на них, следовательно, спросу со стороны сельского населения и со стороны городского населения.

Вот такая концепция, которая, несомненно (как я в настоящее время распеиваю), является концепцией, которая идет против линии индустриализации страны и следствием которой являлось, главным образом, направление нашего промышленного развития в старую сторону — в сторону капиталистическую — и побуждала меня при проведении плановой работы выдвигать, с одной стороны, идею рыночного равновесия, как основную идею планирования товарооборота, а следовательно необходимости проведения тех мероприятий, которые должны обеспечить это рыночное равновесие. И как практическое следствие, я выдвигал постоянно требование о расширении программ легкой промышленности в значительно большей степени, чем это намечалось по официальным программам.

В сущности говоря, на протяжении всех

тех лет, что я работал, начиная с 1926—1927 года, эта идея мною непрерывно проводилась и результаты проведения этой деятельности, главным образом, касаются 1926/27 и 1927/28 годов, т.е. тех неустойчивых годов, когда, я бы сказал, еще и официально наша линия колебалась между выбором двух путей. И несомненно, что моя установка, что мои предположения влияли на задержку окончательного перехода к реконструкции и индустриализации страны.

Первое следствие: в 1926/27 году по моему докладу после анализа балансов спроса и предложения, когда я в преувеличенных размерах показал размеры товарного дефицита, коллегией Наркомторга было принято решение о ввозе из-за границы дополнительно сырья по целому ряду отраслей легкой промышленности — по текстилю, по коже и по шерсти. В результате было затрачено очень значительное количество валюты, я думаю, что примерно не менее 50 миллионов рублей на ввоз сырья для легкой промышленности и соответственное сокращение ввоза оборудования для тяжелой промышленности за этим последовало.

Затем, в 1927/28 году было произведено дополнительное расширение программы легкой промышленности уже без дополнительного ввоза сырья сверх первоначально намеченных программ. Основной элемент вредительства так, как я его осознал в настоящее время, в этих моих предложениях заключается в том, что я замалчивал другие пути изжития товарного дефицита, которые в классово-плановом государстве могут быть проведены, и аргументировал всегда при проведении этих предложений соображениями, идущими от капиталистических отношений, от свободного рынка.

Крыленко. Не плановая политика являлась для вас основой планового хозяйства, а вы подчиняли эту политику системе роста рыночных отношений и к этому приспособляли хозяйство?

Залкинд. Да, здесь играла роль идея рыночного равновесия.

Крыленко. Это была борьба за проведение меньшевистской политики на реставрацию капиталистических отношений?

Залкинд. На поддержание стихийных отношений в области товарооборота. Пути изжития товарного дефицита в классово-плановом государстве мною не учитывались. Каковы эти пути?

Они заключаются, во-первых, в классовом распределении самой товарной массы, затем опять-таки в классовой политике изъятия излишних денежных средств, которые с точки зрения народнохозяйственного процесса не являются производительными и находятся в руках у обеспеченных слоев населения, и, наконец, в нормировании потребностей обеспеченных групп населения. Вот эти методы

действительно подлинного классового изживания товарного кризиса мною задерживались и противопоставлялись, следовательно, чисто капиталистические пути изживания наших рыночных затруднений. Это — первая область, в которой я проводил наши меньшевистские установки по линии планирования товарооборота.

Теперь следующая область — это вопросы планирования сельскохозяйственных заготовок. Видите ли, этот вопрос имеет более сложные формы и он в различные периоды проводился нами различными методами. Прежде всего, здесь одной из установок было — не давать форсированно развиваться плановым заготовкам по некоторым основным сельскохозяйственным рынкам, а проводить такие условия, при которых свободные заготовки, заготовки частного капитала все-таки продолжали бы существовать. Одним из таких рынков был хлеб, и здесь корни вредительства, органические корни вредительства шли не из Наркомторга. Здесь была сложная система, которая шла от Экспертного совета ЦСУ, через Госплан, и затем к нам, в Наркомторг. Основная линия шла на то, чтобы, по возможности, преуменьшить свободные ресурсы хлеба, которые могут быть реализованы сельскохозяйственными производителями. Такое преуменьшение свободных ресурсов хлеба, само собою, приводило и к преуменьшению планов хлебных заготовок. Метод, которым этого достигал Экспертный совет ЦСУ, сводился к тому, что Экспертный совет, давая свой подсчет хлебо-фуражного баланса, обычно исходил из своих установок, из своего понимания данной области народного хозяйства, давал преувеличенное исчисление того количества хлеба, которое должно было остаться у самого производителя, уменьшая, таким образом, товарные излишки хлеба и тем самым давая систематический базис, которым должно было бы обосновывать и на основании которого можно было бы преуменьшать заготовки самого хлеба.

В сущности, задача нашей плановой вредительской ячейки заключалась в том, что по линии Наркомторга мы должны были доказывать необходимость составления плана на основе того подсчета, который делался Экспертным советом при ЦСУ. И нужно сказать, что, например, до 1928/29 года Наркомторг, благодаря нашему влиянию, придерживался действительно вот этой позиции. Он строил свои планы, преимущественно базируя их на исчислениях хлебо-фуражного баланса. И только после 1927/28 года, начиная с 1928/29 года, и затем в 1930 году, он начал постепенно эмансипироваться под влиянием наркома торговли, его непосредственного вмешательства в это дело, эмансипироваться от этих исчислений, и мы видим, что в резуль-

гате мы получили сразу на протяжении двух лет чуть ли не двойное увеличение плановых заготовок, которого, несомненно, не было бы, если бы Наркомторг под нашим влиянием на протяжении этих двух лет не придерживался тех статистических исчислений, которых придерживался Экспертный совет ЦСУ.

Затем в области сельскохозяйственных заготовок я могу вам указать и на другой путь вредительской плановой работы — это на то, что мы производили в некоторых случаях преувеличение сельскохозяйственных заготовок. В сущности говоря, здесь нам помогло в значительной степени, я бы сказал, недостаточное осознание этого вопроса некоторыми руководящими членами коллегии Наркомторга. Они сами форсировали, так сказать, темпы сельскохозяйственных заготовок в таких пределах, которые совершенно не соответствовали хозяйственным возможностям в этом отношении, и наша задача заключалась в том, чтобы, в сущности говоря, поддерживать выдвинутые ими темпы. Наша вредительская работа заключалась в том, что мы, зная, что эти темпы непосильны, вместо того, чтобы их останавливать, их поддерживали.

Какие вредительские результаты были от такого рода преувеличения сельскохозяйственных заготовок? Они были именно, в сущности говоря, тактически, а не материальными. Мы, зная заранее, что эти планы сельскохозяйственных заготовок не будут выполнены, хотели показать, что невыполнение плана с.-х. заготовок является результатом неприменения тех мер и тех методов, которые рекомендовали мы, т.-е. которые были согласованы с установками «Союзного бюро».

Следующие пути. Это вопрос политики цен в области промтоваров и в области с.-х. товаров. В области политики цен на промтовары широкого потребления позиция «Союзного бюро», а следовательно, та непосредственная вредительская работа, которую я проводил, основываясь на этой позиции «Союзного бюро», — она вытекала также из той общей нашей идеи, которую мы вкладывали в нашу вредительскую работу в области выполнения плана товарооборота, т.-е. из идеи рыночного равновесия. Это требование рыночного равновесия, на ряду с требованием расширения легкой индустрии, выдвигало также и другое требование о том, что политика цен должна также быть согласована с состоянием соотношения спроса и предложения на рынке. Тут прежде всего требовалось то, чтобы политикой цен не было увеличено нарушение рыночного равновесия, т.-е. если мы имеем налицо товарный дефицит, то политика в отношении промтоваров должна идти, в лучшем случае, к их стабилизации, но не к уменьшению. Этой линией мы шли против основных

установок политики советского правительства и ВКП в этой области, которые стояли на точке зрения постоянного и неуклонного снижения промышленных цен на товары.

Мотивы, которыми руководствовалась советская политика в этой области, вытекали из двух моментов: первый — это то, что этим неуклонно достигалось повышение реальной зарплаты рабочих, т. к. за ту же самую сумму, благодаря проведению снижения цен, рабочие могли получать все большее и большее количество товаров. А с другой стороны, это имело воспитательное значение для самой промышленности, потому что, как показал опыт всех предшествующих лет, периоды, когда не проводилось снижение цен, были обычно периодами качественного застоя или снижения работы нашей промышленности. Именно в это время показатели снижения себестоимости давали, я бы сказал, наименьшие темпы. Периоды же снижения цен действовали в отношении воспитательном на промышленность — они заставляли ее проявлять максимум энергии для того, чтобы снизить себестоимость в соответствии со сниженными ценами.

Конкретно — какие же я могу привести факты из этой области? Эти факты относятся уже, главным образом, к последнему периоду. Я могу сказать, что на 1928/29 год, когда по пятилетке было намечено снижение промышленных цен на широкие изделия, я, основываясь на том факте, что опять-таки исчисление баланса спроса и предложения этого года выявило вновь по моим подсчетам значительный товарный дефицит, настаивал на том, чтобы никакого снижения не было допущено. В свою очередь меня поддерживали представители ВСНХ, которые уже подкрепили мои соображения мотивами, идущими от интересов промышленности, указывая, что снижение из-за трудного финансового положения промышленности является невозможным.

Председатель. Это тоже шло по линии вредительства?

Залкинд. Да. При чем эта идея была мною проведена в Наркомторге. Затем от имени Наркомторга я защищал ее при проведении контрольных цифр в Госплане. Она получила реальное осуществление в самих контрольных цифрах.

Между тем я не довел до сведения правительственных органов о тех методах, которыми можно было, не увеличивая или, вернее, не допуская тех затруднений (якобы затруднений), о которых мы говорили, в то же время провести классовую политику снижения промышленных цен на предметы широкого потребления. Этот метод был применен в последующем 1929/30 г., а именно снижение цен было распространено только на городскую рабочую кооперацию.

Да, я забыл сказать еще одно соображение, которым я доказывал невозможность снижения цен на промышленные товары широкого потребления в этом году, а именно наличием произведенного в то же время значительного повышения сельскохозяйственных цен. Я аргументировал, что мы здесь в деревне с двух сторон даем такое большое нарастание дохода деревни, которое якобы с классовой точки зрения не должно быть допущено. Между тем тот практический выход, который был найден в 1929/30 г., как раз разрешал этот вопрос совершенно безболезненно, потому что цены на товары были снижены только по линии городского сектора и, таким образом, реальная зарплата в этой области была повышена и в то же время в промышленности снижение цен было распространено не на всю товарную массу, произведенную промышленностью.

Председатель. Было повышение зарплат?

Залкинд. Было повышение зарплаты. В результате такого метода повышения промышленности в то же время не потеряла финансовых ресурсов. Таким образом, вы видите, что шаг за шагом наши возможности в области вредительской работы по мере того, как, с одной стороны, ослаблялось наше влияние, а с другой стороны, партия и правительство все тверже и тверже становились на путь индустриализации, на путь усиления классовой политики во всех областях народного хозяйства, все больше и больше уменьшались. И когда я выдвинул ту же самую идею в 1929/30 г., то мне ее не удалось провести. Ей был противопоставлен метод классового снижения цен.

Теперь следующий вопрос о политике в области сельскохозяйственных цен. Здесь «Союзное бюро» стояло на точке зрения укрепления индивидуального крестьянского хозяйства, исходя из тех позиций, что в современных условиях советского народного хозяйства индивидуальное крестьянское хозяйство является наиболее хозяйственной формой, хозяйственно выгодной для государства формой, которая при всех прочих равных условиях может обеспечить максимум расширения производства в области сельского хозяйства и максимум роста товарности сельского хозяйства. Однако, стоя на такой позиции, мы также выдвигали и соответствующий ряд условий и требований, которые должны были с нашей совершенно неправильной точки зрения, идущей против социалистического пути развития сельского хозяйства, обеспечить, с одной стороны, развитие индивидуального крестьянского хозяйства, а с другой стороны внутри его обеспечить расширение производства и расширение товарности. Этот путь являлся путем чисто капиталистическим. Мы стояли на точке зрения необходимости стимулиро-

вания производства этого индивидуально-го сельского хозяйства рыночными методами, т. е., в сущности говоря, такими методами, которые отрывали, во всяком случае если не отрывали, то и не способствовали сближению крестьянского хозяйства с плановым сектором сельского хозяйства. И вот одним из таких основных методов стимулирования индивидуально-го сельского хозяйства мы выдвинули повышение сельскохозяйственных цен. Опять-таки на протяжении всей моей плановой работы я проводил эту идею при всяких удобных случаях и по всем направлениям сельского хозяйства.

В чем заключалась неправильность и порочность этой самой идеи и в чем были антиклассовые корни этой политики сельскохозяйственных цен? Прежде всего политика повышения сельскохозяйственных цен, в сущности, шла по линии наименьшего сопротивления, она шла, главным образом, по той линии, которой добивалась, с одной стороны, кулацкая часть деревни, а с другой стороны, она поддерживалась частным торговцем, связавшимся, сомкнувшимся с этими кулацкими хозяйствами потому, что высокий уровень сельскохозяйственных цен у нас создавался именно благодаря наличию смычки кулацких хозяйств с частными торговцами, заготовляющими и торгующими сельскохозяйственными продуктами. Таким образом, наша общая установка на эту форму как раз шла не по линии борьбы с этими, несомненно спекулятивными, дезорганизаторскими явлениями в области сельского хозяйства, а по линии их укрепления. С другой стороны, тут, в сущности говоря, был определенный методологический порок в самой постановке этого процесса. Если это повышение является результатом смычки кулака-крестьянина с частным торговцем, то это не может иметь никакого предела, потому что частный торговец мог платить какие угодно цены кулацкому хозяйству, перекладывая потом с лихвой это на плечи потребителя, на плечи городского потребителя. В области потребительской критерием для установок рентабельных цен являются условия производства, следовательно — себестоимость, прибыль и т. д. В области индивидуального крестьянского хозяйства, мелкого крестьянского хозяйства, такой критерий не может быть найден, потому что наше мелкое крестьянское хозяйство базируется не столько на капитале, сколько, в конце концов, на труде. Элементы капитала в нем почти отсутствуют. Следовательно, с этой точки зрения и элементы себестоимости и элементы прибыли могут быть с очень большим трудом под микроскопом в нем найдены. К чему привела практически порочность наших предложений? Начну с того, что мы застали примерно в первый период непа такое соотношение цен между хлебными това-

рами и сырьевыми товарами, при котором хлебные товары имели цены относительно на меньшем уровне.

Рогинский. Обвиняемый Залкинд, я думаю, что это подробности. Основные вредительские акты, проведенные вами, в достаточной мере выяснены, они произошли в области экономического управления Наркомторга, которое возглавлялось вами?

Залкинд. Да.

Рогинский. Шли по линии планирования товарооборота. Основная установка, которую вы проводили, которая диктовалась «Союзным бюро», была установка на развертывание капиталистических отношений как в городе, так и в деревне? Отсюда всемерное противодействие тем мероприятиям советского правительства, которые вносили плановое начало и которые шли на вытеснение капиталистических отношений, и прямое противодействие проведению определенных плановых заготовок на селе?

Залкинд. Правильно.

Рогинский. В основном по этой линии шли ваши вредительские акты?

Залкинд. Совершенно верно.

Рогинский. Скажите, пожалуйста, с какими организациями вы были увязаны по этой работе?

Залкинд. В этой работе я был увязан, главным образом, с торговой секцией Госплана.

Рогинский. Там у вас была опорная точка вредительского характера?

Залкинд. Да, была. Там были Виноградский, Крон и Туровский.

Рогинский. Еще с какими организациями?

Залкинд. Организациями, выходящими за предел Наркомторга?

Рогинский. Да.

Залкинд. Здесь я могу указать на отдел торговой политики ВСНХ.

Рогинский. Кто там сидел?

Залкинд. Соколовский.

Рогинский. В ЦСУ?

Залкинд. В ЦСУ мы непосредственно не были связаны, эта связь шла через Госплан.

Рогинский. Те материалы, которые получались из ЦСУ, обрабатывались в Госплане и через ваше соответствующее управление попадали в Наркомторг?

Залкинд. Если говорить о Госплане в широком смысле слова, то при прохождении контрольных цифр принимала участие не только торговая секция Госплана, но и синтетическая секция, в лице Промана и других.

Рогинский. Сейчас важно уяснить, какие по линии Экономического управления были организации?

Залкинд. В том числе и Госплан по линии торговой секции и синтетической секции.

Рогинский. Финансирование вредитель-

ской ячейки в Наркомторге на ком лежало?

Залкинд. Начиная с 1928 г., на мне.

Рогинский. Какие суммы прошли через ваши руки для финансирования этой ячейки?

Залкинд. 80.000 рублей.

Рогинский. Как они были распределены?

Залкинд. Был один период в самом начале, когда мне пришлось по линии связи с Центросоюзом часть полученных мною денег передать Некрасову, — было передано мною ему 15.000 рублей. Остальные 65.000 рублей были распределены следующим образом: примерно, около 40.000 рублей пошло по линии оплаты вредительской работы в области снабжения промтоварами, большую часть этой суммы я передал Машкову для дальнейшего распределения и в некоторой части — Якубовичу. Остальные 20.000 рублей были распределены по линии оплаты за вредительскую работу в области планирования товарооборота.

Рогинский. Какие принципы были положены в основу распределения средств, которые были получены на вредительство?

Залкинд. В каком смысле?

Рогинский. Кто получал деньги. Члены организации получали?

Залкинд. Нет, члены организации не получали. Получали нечлены.

Рогинский. Этот принцип всегда соблюдался?

Залкинд. Всегда.

Рогинский. Не было ли случая, чтобы получил член организации?

Залкинд. Нет.

Рогинский. По своей ячейке вы таких случаев не знаете?

Залкинд. Нет.

Рогинский. Получали только беспартийные, привлеченные?

Залкинд. Да.

Рогинский. 80.000 рублей вами было получено с 1928 г.?

Залкинд. Да.

Рогинский. А до 1928 года?

Залкинд. Якубович здесь показывал, что в первый период, когда не было организовано финансирование, он получил 15.000 рублей от Штерна, который, в свою очередь, получил от Шейна.

Рогинский. Общая сумма, полученная на вредительскую ячейку, достигает, примерно, 95—100 тысяч рублей?

Залкинд. Да.

Рогинский. У меня больше вопросов к Залкинду нет.

Председатель. Вы распределяли эти средства среди членов вредительской организации?

Залкинд. Да, среди членов вредительской организации — беспартийной части.

Председатель. Какой принцип вознаграждения был?

Залкинд. В общем и целом, почти равные суммы, но все-таки разница была. Она зависела от значимости вредительского акта, количества работы, которую должен был вкладывать член вредительской организации при проведении вредительского акта.

Председатель. Стимул поощрения?

Залкинд. Да, по возможности поощрения.

Крыленко. У меня имеется подытоживающий вопрос: будет ли правильно, если в итоге можно так охарактеризовать вашу работу — это была вредительская работа по Плановому управлению в области планирования деятельности Наркомторга вообще, в целях противодействия мероприятиям политики советской власти, и это была конкретная вредительская работа, в том числе и отдельные вредительские акты, в роде тех, о которых говорил Якубович?

Залкинд. С первой частью вашей формулировки я согласен, но со второй частью формулировки согласиться не могу.

Крыленко. Вы знали об этом?

Залкинд. Да.

Крыленко. С вами по этому поводу согласивались?

Залкинд. Да, но непосредственного руководства не было.

Крыленко. Вы не писали директивы, но были осведомлены?

Залкинд. Да.

Антонов-Саратовский. И была не только ваша осведомленность, но и участие?

Залкинд. Было участие в разработке директивы.

Крыленко. Значит, и по общему планированию, и конкретным вредительским операциям?

Залкинд. Да.

Крыленко. У обвинения больше вопросов к подсудимому Залкинду нет.

Председатель. Имеются ли вопросы у защиты? (Нет).

Крыленко. Можно попросить обвиняемого Петунина?

Председатель. Подсудимый Петунин.

Рогинский. Вы слышали показания Якубовича?

Петунин. Да, слышал.

Рогинский. В той части, где Якубович показывал суду о проведении конкретных вредительских актов, связанных с работой вредительских ячеек в Центросоюзе, — вы подтверждаете?

Петунин. Я попрошу у суда разрешение изложить в связной форме вредительскую работу в Центросоюзе.

Рогинский. Эта возможность вам будет предоставлена судом, но сейчас меня интересует вопрос установления этого факта. Скажите — подтверждаете ли вы показания Якубовича в той части, где он говорил об увязке вредительской работы по Наркомторгу с Центросоюзом.

Петунин. Я хочу сказать, что непосредственно этой вредительской работой я не

руководил, поэтому могу многих деталей не знать. Во-вторых, в этот период 1927 года, о котором говорил Якубович, в это время я отсутствовал — был в заграничной командировке и в отпуску, в Москве не был, но я знаю, что связь, о которой он говорил, с Центросоюзом существовала.

Рогинский. Связь этих двух ячеек существовала и вам была известна?

Петунин. Да.

Рогинский. Конкретные вредительские акты, которые проходили в части дезорганизации товароснабжения, вам были известны?

Петунин. Конкретные факты — нет.

Рогинский. А методы и формы?

Петунин. Это было известно.

Рогинский. Ну, а теперь мы перейдем к конкретным вредительским актам. Вы были членом правления Центросоюза?

Петунин. Правильно.

Рогинский. Какой отраслью работы непосредственно вы ведали?

Петунин. Финансовым хозяйством.

Рогинский. Следовательно ваши вредительские действия относятся к этой области работы?

Петунин. Правильно.

Рогинский. По какой линии шла ваша вредительская работа в финансовом хозяйстве?

Петунин. Она шла по линии преумножения ресурсов.

Рогинский. Во-первых, по линии преумножения ресурсов Центросоюза?

Петунин. Центросоюза и системы потребкооперации.

Рогинский. Дальше.

Петунин. Затем по линии мобилизации внутренних ресурсов кооперации и средств населения.

Рогинский. Во-вторых, по линии мобилизации внутренних ресурсов кооперации и средств населения. Дальше.

Петунин. По линии распределения кредитов внутри системы потребкооперации.

Председатель. Для меня не ясно — вы сказали: по линии мобилизации ресурсов. В чем это выразалось?

Петунин. В том, что мы в этой области не делали того, что должны были делать по директивным планам.

Антонов-Саратовский. Вы эти ресурсы не мобилизовали?

Петунин. Правильно.

Рогинский. Третья линия — это линия кредитной реформы?

Петунин. В-третьих, работа шла по линии противодействия проведению кредитной реформы.

Рогинский. В-четвертых?

Петунин. По линии распределения кредитов внутри системы потребкооперации.

Рогинский. Так. И пятое?

Петунин. Как будто все.

Рогинский. А по линии мобилизации изъятия средств из системы Центросоюза?

Петунии. Совершенно правильно, противдействие изъятию государственных средств, находившихся в обороте потребкооперации, на дело индустриализации страны.

Рогинский. Вот пять основных линий, основных каналов, по которым шла ваша вредительская работа?

Петунии. Правильно.

Рогинский. Дальше идет это преуменьшение возможностей или преуменьшение ресурсов системы потребкооперации?

Петунии. Да.

Рогинский. Пожалуйста, скажите, в чем здесь; конкретно выражалась вредительская работа?

Петунии. Эта вредительская установка имела целью уменьшение хозяйственной деятельности кооперации и повышение требований на кредиты со стороны других секторов народного хозяйства, с другой стороны. Метод осуществления состоял в том, что в своих докладах, которые я представлял руководящим органам Центросоюза — правлению, совету, собранию уполномоченных, — я преуменьшал эти финансовые возможности системы потребкооперации, преуменьшал путем уменьшения текущей доходности, путем неправильного исчисления этой текущей доходности, преувеличивая в этом случае все то, что неблагоприятно действует в смысле накопления, и совершенно замалчивая в своих докладах то, что действует благоприятно в смысле увеличения нашей доходности. Подробно ли мне излагать это?

Председатель. Нет, но конкретнее.

Петунии. Конкретно это выразалось в том, что, скажем, по плану на 1928/29 год наценка была нам уменьшена коллегией Наркомторга против предыдущего года и против наших плановых предположений почти на 1%. Я это учел и использовал. Но почему было сделано снижение наценки? Потому, что предполагалось развитие транзитных операций, удешевление способа товаропродвижения и отсюда возможность компенсации в виде снижения наценки. Об этом я умолчал. Вот конкретный метод преуменьшения возможностей.

Председатель. Это преуменьшение в какой сумме выразалось?

Петунии. Для 1928/29 года я во всех своих расчетах и докладах исходил из того, что прибыль была 150 миллионов, а впоследствии, по отчетным данным за этот же год, оказалось, что реальная прибыль — в 250 миллионов рублей. Следовательно, разница в моих исчислениях составляла тут 100 миллионов рублей.

Председатель. И до выявления прибыли вы пользовались кредитом от государства, поскольку доказали, что будет убыток или снижение прибыли?

Петунии. Я на этом основании истребовал повышенные кредиты.

Рогинский. Значит, по линии преумень-

шения финансовых ресурсов мы имеем два конкретные вредительские действия: во-первых, сознательное преуменьшение доходов — верно?

Петунии. Да.

Рогинский. И второе — сознательное увеличение потребностей этой системы?

Петунии. Совершенно правильно.

Рогинский. Эти два момента мы фиксируем по линии вредительских актов и, в частности, этого вредительского акта. Следующая линия, это — вопрос противодействия мобилизации средств внутри самой системы и мобилизации средств населения.

Петунии. Эта задача в аппарате Центросоюза была возложена на три части, и в том числе на финансовую часть. Директивы общего характера и плановые задания требовали, чтобы мы разрабатывали планы и дали конкретные директивы каждому нашему району в виде заданий, по каким путям, в каком размере мы должны были мобилизовать эти средства внутри самого хозяйства путем изжития нерационально скопившихся остатков, увеличения скорости оборота капитала (в частности, товара) и мобилизации средств населения. Вот таких действий, которые выявили бы отчетливо директиву Центросоюза периферии о мобилизации ресурсов, а тем более помощи, которую нужно было оказать этой периферии, в смысле установления конкретных методов работы, — мы не дали. И, таким образом, путем своего воздействия сочинили здесь вредительство.

Рогинский. Если сравнить это с предыдущим вредительским актом, который я уже привел, о том, что стамиллонная сумма не пошла на индустриализацию, то здесь путем прямого саботажа вы срывали мобилизацию внутренних ресурсов в системе потребкооперации?

Петунии. Совершенно правильно.

Председатель. В какой сумме, примерно, эти статьи расхода вами учитывались?

Петунии. Если память мне не изменяет, то для 1929/30 года эта статья дала недопоступление против плановых предположений миллионов 50.

Рогинский. Миллионов 50? Если подсчитать общую сумму, то она выразится в порядке 150 миллионов?

Петунии. Совершенно правильно.

Рогинский. Пойдем дальше. Третий канал — это противодействие изъятию необходимых средств из системы Центросоюза непосредственно на индустриализацию страны?

Петунии. Еще в процессе прохождения контрольных цифр, на основании неправильно составленных расчетов потребности средств и наших возможностей внутри самой системы, мы свели свой план так, что нам требовалось еще увеличение средств со стороны других секторов народного хозяйства, между тем как обще-

хозяйственные планы поставили задачей для 1929/30 года уменьшение вложений в работу потребкооперации государственных средств, примерно, на 1½ миллиарда рублей. Когда такое решение состоялось, то, следовательно, надлежало провести необходимые мероприятия для того, чтобы директиву выполнить. Но здесь нами также был проявлен саботаж.

Рогинский. Какие суммы должны быть изъяты из системы потребкооперации?

Петунин. Полтора миллиарда рублей. Мы провели саботаж и этот саботаж выразился в том, что в директиве по этому вопросу, данной нами от имени правления системе потребкооперации, во-первых, было сказано, что Центросоюз продолжает еще защищать свои расчеты, а во-вторых, было совершенно умолчено о том политическом и экономическом значении, какое имеет, в сущности говоря, эта директива. Принимая во внимание, что циркуляры Центросоюза направлены по адресу республиканских и областных союзов и транслируются ими дальше в округа и районы, следовательно, эта директива должна была попасть в низовую кооперативную среду, которая приходится в действие обычно лишь в том случае, если ей будет ясен политический и экономический смысл ее и, наоборот, стремиться всячески саботировать мероприятия, если она не видит огромного значения этих мероприятий. Таким образом эта директива должна была в действительности произвести задержку.

Рогинский. Здесь мы имеем сознательный прямой саботаж в выполнении чрезвычайно важной политической директивы по изъятию средств из системы потребкооперации?

Петунин. Совершенно правильно.

Рогинский. Я буду просить разрешения огласить часть из приобщенного документа, относящегося к этому вопросу. Это циркуляр, адресованный «председателям правлений республиканских, краевых, областных национальных союзов РСФСР и СССР, церабсекциями и транспортными о финансовых перспективах на 1929/30 год».

Это—циркуляр от 24 октября 1929 г. за № 26 — 113—80.

Вначале идет общее изложение политической директивы по вопросу об изъятии средств из системы потребкооперации. Затем следует такой пункт: «Как сказано выше, намеченные мероприятия измеряются сотнями миллионов рублей, хотя в настоящее время обсуждение контрольных цифр еще продолжается и мы применяем всевозможные и необходимые мероприятия по защите наших расчетов. Но по ходу обсуждения теперь уже видно, что дело кроется не в положении наших исчислений. В результате мы должны будем потерять, как по линии кредита, так и путем дополнительных отчислений, в бюджете сумму порядка не-

скольких сотен миллионов рублей». Этот пункт вы составляли?

Петунин. Да.

Рогинский. Значит ли, что документ, составленный вами, основан на том, чтобы демобилизовать всю периферию по выполнению этой политической директивы правительства?

Петунин. Правильно.

Рогинский. И эта демобилизация практически имела место?

Петунин. Имела место.

Рогинский. Правильно ли, что ряд союзов, вслед за получением этой директивы, вынес решение о том, что они не в состоянии выполнить такое положение, что они просят пересмотреть и т. д.?

Петунин. Правильно.

Председатель. У меня есть вопрос. Вы должны были 500.000.000 дать государству на индустриализацию?

Петунин. Правильно.

Председатель. Поскольку вы эту директиву саботировали, сколько же вы в течение времени кредитов получили вместо того, чтобы вернуть государству 500 миллионов?

Петунин. Изъятие все-таки происходило.

Председатель. В каких размерах?

Петунин. Я до конца года не работал в Центросоюзе, так что я итоговых сумм сказать не могу. В результате всяческих вредительских мероприятий, примерно к весне 1930 г., сумма в системе потребительской кооперации составляла 150 миллионов рублей. Эта сумма не была передана своевременно на индустриализацию страны.

Председатель. Не только не были мобилизованы средства в размере 500 миллионов руб., но даже были собраны 150 миллионов внутри потребкооперации?

Петунин. Нет. Изъятие шло, но мы не выполняли программы в общей сложности на 150 миллионов руб. и на такую же сумму задержали передачу средств государству.

Рогинский. Пятый вопрос—о противодействии проведению кредитной реформы. В чем должна была состоять кредитная реформа?

Петунин. Кредитная реформа имела своей целью, во-первых, преобразовать существовавшую систему самих кредитных организаций и систему кредитования, изживая остатки капиталистических форм кредитования, которые сложились на первом этапе нэпа, подчинить эту систему плановым задачам, которые перед собой поставило государство, и, наконец, сделать кредитную систему орудием проведения экономической политики советской власти подобно тому, как до того такую же роль играл бюджет, внести в вопрос финансирования народного хозяйства в общем и целом полную ясность. Я противодействовала проведению такого рода кредитной системы.

Рогинский. В чем это противодействие состояло?

Петунин. Это противодействие состояло в том, что я проводил другую позицию, а именно о том, чтобы потребкооперация была изъята из общей сферы этой кредитной реформы, чтобы в системе потребкооперации осталась своя кредитная система кооперативного кредитования.

Рогинский. Иначе говоря, чтобы освободить ее...

Петунин. От регулирующего воздействия правительства — первое, второе, — я отстаивал сохранение старой формы кредитования, а именно товарной формы кредитования.

Рогинский. Это целиком соответствовало директивам, которые вы получали от «Союзного бюро»?

Петунин. Это соответствовало целиком и полностью директивам, которые я получал от «Союзного бюро».

Рогинский. Я не буду оглашать, но я прошу суд обратить внимание на то, что это противодействие кредитной реформе обвиняемый Петунин проводил достаточно решительно. Здесь мы имеем его выступление на заседании президиума правления Центросоюза от 23 апреля 1929 г. Его речь посвящена как раз вопросу о кредитной реформе, где он весьма решительно выступает против этой кредитной реформы.

Петунин. Правильно.

Рогинский. И, как члену правления, ведающему финансовым управлением системы Центросоюза, вам иногда удалось засесть свою точку зрения протащить на заседании правления?

Петунин. К сожалению, и на сессии советов.

Рогинский. Затем, такое же выступление мы имеем и на коллегии Наркомата РКИ Союза уже 13 июня 1929 г., где точно такую же точку зрения обвиняемый Петунин проводил и там, но где его точка зрения была отвергнута.

Петунин. Правильно.

Рогинский. Коллегия Наркомата РКИ не пошла по этой линии, и его точка зрения, противодействующая проведению кредитной реформы, была отвергнута, и коллегия Наркомата РКИ приняла иное решение. Скажите, в процессе этой вредительской работы, вам в основном приходилось сталкиваться с другими вредительскими организациями и какими?

Петунин. Госбанк.

Рогинский. Конкретно с кем?

Петунин. С Шером.

Рогинский. В чем заключался вредительский акт по противодействию изъятию 20 млн. рублей из системы потребкооперации. Вам известен этот акт?

Петунин. К какому времени это относится?

Рогинский. Если не ошибаюсь, к 1928 г. Можно задать вопрос обвиняемому Шеру?

Председатель. Подсудимый Шер.

Рогинский. Может быть, вы напомните, к какому году относится вопрос о противодействии изъятию 20 млн. руб. из системы потребкооперации?

Шер. Это был 1929/30 год. Там, собственно, не столько было противодействие изъятию, сколько вопрос шел о неправильном распределении между отдельными районами, что в конечном итоге дало тот результат, о котором вы говорите.

Рогинский. То-есть изъятия не было. Вы эту работу проводили по согласованию с обвиняемым Петуниным? (К Петунину). Вы вспоминаете об этом, обвиняемый Петунин?

Петунин. Я данного конкретного случая не помню, но я подтверждаю его правильность, поскольку такие случаи были не единичны, поскольку была такая система задержки средств в потребкооперации.

Рогинский. К обвиняемому Шеру вопросов нет.

Председатель. Подсудимый Шер, садитесь.

Рогинский. Я хочу подытожить следующим образом, что вся система вашей вредительской работы, помимо тех конкретных вредительских актов по оперативной работе Центросоюза, в которой вы непосредственного участия не принимали, но о совершении которой вы знали, непосредственно ваша вредительская работа была направлена на противодействие определенным мероприятиям советского правительства по урегулированию финансовых возможностей системы потребкооперации. Так?

Петунин. Правильно.

Рогинский. По определенному регулированию финансовой системы потребкооперации?

Петунин. Правильно.

Рогинский. Затем, прямой саботаж и прямое противодействие изъятию средств на индустриализацию страны из системы потребкооперации?

Петунин. Верно.

Рогинский. И, наконец, прямой саботаж в этих же целях по проведению мобилизации внутренних ресурсов в системе потребкооперации и средств самого населения?

Петунин. Правильно.

Рогинский. При чем это проводилось как путем прямого противодействия определенным политическим директивам правительства, так и путем отдельных частных мероприятий, скажем, как вот частных случаев изъятия 20 млн.?

Петунин. Совершенно верно.

Рогинский. У меня больше вопросов нет.

Председатель. Вы ничего не сказали относительно вашей вредительской работы, связанной с капитальными работами.

Петунин. Я в этой области непосредственного руководства работой не осуществлял. Это осуществлял другой руководящий член вредительской организации Басов. Я могу указать лишь общую установку.

Председатель. По линии финансирования этих мероприятий вам пришлось иметь дело?

Петунин. По линии финансирования капитального строительства?

Председатель. Да.

Петунин. Это дело не занимало большого места и специальных мероприятий припомнить не могу.

Председатель. У кого еще есть вопросы?

Рогинский. Мы упустили вопрос о финансировании организации. На судебном следствии был установлен один из каналов—20.000 руб. вы получили от Шурьгина из заграничной делегации. Сколько еще вы получили денег и от кого?

Петунин. Еще было получено в общей сложности 80.000 рублей от Громана. Я не буду тут пересказывать о взаимном получении от него и Залкина, но в общей сумме я получил 100.000 рублей.

Рогинский. Были получены вами?

Петунин. Все они пришли ко мне. Следовательно, 100.000 рублей.

Рогинский. Принцип распределения был тот же, о котором говорил Залкин?

Петунин. Я руководствовался так: оплату членов вредительской организации—не членов РСДРП—я проводил, и необъявленные не имели права брать. В отношении размера—члены вредительской организации оплачивались, примерно, в размере той ставки, которую получали вообще. Это был средний критерий с повышением вдвое, если лицо было влиятельное или совершенный акт был значителен.

Рогинский. В зависимости от значимости вредительского акта, который совершали?

Петунин. Совершенно верно.

Рогинский. Больше у меня вопросов нет.

Антонов-Саратовский. А вот как проходил вопрос с финансированием заготовок? К этому вопросу вы были причастны? Разассигновывались ли средства по районам таким образом, что туда, где нужны были заготовки по сезону, забрасывалось меньше средств, а где не наступил период заготовок, туда посылались больше средств?

Петунин. Я в общей формулировке сказал, что одним из способов вредительства было неправильное распределение кредитов, в том числе и в заготовительном аппарате.

Председатель. У защиты вопросов нет?

Брауде. Нет.

Председатель. Объявляется перерыв до 6 час. вечера.

Вечернее заседание

Председатель. Заседание возобновляется.

Крыленко. Можно попросить свидетеля Некрасова?

Председатель. Товарищ комендант, пригласите свидетеля Некрасова.

Свидетель, ваше имя, отчество и фамилия?

Некрасов. Николай Виссарионович Некрасов.

Председатель. Вы вызваны в качестве свидетеля. Я вас должен предупредить, что вы обязаны говорить правду. Если скажете неправду, вы будете привлечены к уголовной ответственности.

Некрасов. Да.

Председатель. А сейчас дайте в этом подписку. (Некрасов дает подписку).

Крыленко. Скажите, пожалуйста, вы где работали за последнее время?

Некрасов. Я работал в качестве члена правления Центросоюза, а последние три месяца в качестве профессора и заведующего планово-учебной частью института потребкооперации.

Крыленко. К практической работе в Центросоюзе имели отношение?

Некрасов. Да.

Крыленко. О вредительстве в Центросоюзе вам было известно?

Некрасов. Да.

Крыленко. Скажите, пожалуйста, вы к какой политической группе принадлежали?

Некрасов. Я в течение 12 лет был членом кадетской партии, с ее основания до 3 июля 1917 года. В последний период с 1909 года был членом ЦК. Выбыл из кадетской партии 3 июля 1917 года.

Крыленко. Занимали какие-нибудь посты?

Некрасов. Я был членом Государственной думы, затем товарищем председателя Государственной думы, потом был товарищем председателя временного комитета Государственной думы и членом временного правительства.

Крыленко. С такой партийно-политической установкой вы пошли работать при советской власти?

Некрасов. Да.

Крыленко. Отсюда вытекало для вас некоторое логическое, вытекающее отсюда обстоятельство, подходящее к этой работе несколько иначе, чем другие. К вам могли бы предъявить повышенные требования в этом отношении.

Некрасов. Это, безусловно, правильно.

Крыленко. К какому времени вы относите начало вашей вредительной работы?

Некрасов. К началу 1928 г.

Крыленко. А до этого времени?

Некрасов. До этого времени я работал в Центросоюзе совершенно лояльно.

Крыленко. Какова же была совокупность обстоятельств, которые вас толкнули на это?

Некрасов. Обстоятельства были двоякого рода: с одной стороны, принципиальные расхождения с линией советской власти, которые побудили принять те предложения, которые мне были в этом направлении сделаны.

Крыленко. Со стороны кого?

Некрасов. Со стороны члена правления Петунина. Это было для меня тем легче, что я и в предшествующий период подчинялся директивам Петунина, так как на собрании уполномоченных 1923 года я дал «Бюро беспартийных кооператоров» обязательство подчиняться лидерству Петунина.

Крыленко. Может быть, вы сообщите основные практические цели и мероприятия вредительства, связанные, конечно, с Петуниным, поскольку вы выступаете только в качестве свидетеля?

Некрасов. На мою долю выпало распределение ролей Центросоюза, которыми руководствовалось вредительство в области распределения промтоваров. Здесь те директивы, которые были нам даны Петуниным, сводились главным образом к тому, чтобы оказывать противодействие классовой линии, классовой политике советской власти и партии. Это противодействие должно было идти двоякого рода порядком: с одной стороны, в смысле создания принципиальных оснований для распределения промышленных товаров вне соответствия с политикой советской власти и, с другой стороны, в отношении фактического выполнения этих планов в порядке распределения товаров.

Крыленко. Значит, с одной стороны, установки иного порядка, чем те, которые диктовались общей политикой, а с другой стороны, и при осуществлении этих установок и при их освещении равным образом соответствующие неправильные установки?

Некрасов. Да, совершенно правильно, при чем эта второго рода работа в моем непосредственном ведении не была: она выполнялась теми, кто стоял ближе. Моя роль была, главным образом, в области принципиальных установок.

Крыленко. Какого рода были эти установки?

Некрасов. Эти основные принципы заключались в том, чтобы установить принцип распределения недостаточных промтоваров, противоречащий основным классовым установкам политики советской власти. Здесь в различные периоды дело происходило различным образом. В первый период мы базировались на так называемых кооперативных показателях, которые, по существу, противоречили политике советской власти в двух отношениях: с одной стороны они противоставляли кооперацию государственной власти и создавали иные нормы распределения товаров по линии кооперации, чем по линии государственной. И с другой стороны они не соответствовали классовой политике в том смысле, что руководящими основаниями были другие моменты, чем те, которые ставила перед собой советская власть.

Крыленко. А помимо этого политического вредительства, направленного на неправильное распределение промтоваров, известны ли вам были какие-нибудь практические шаги или мероприятия, которые прямо приводили к кризисному состоянию в том или ином районе, в тех или иных отраслях?

Некрасов. Это неизбежно вытекало из применения тех принципов, которые клались в основу.

Во втором периоде работы распределение строилось на так называемых покупательных фондах. Эти покупательные фонды игнорировали классовый состав населения. Вследствие этого в те районы, где было сильно кулачество, завозилось слишком большое количество товаров, которое в большинстве оставалось там нераспределенным, так как кулаки уже в это время были ограничены в правах покупки товаров. Наоборот, в другие районы завозилось недостаточное количество товаров и, таким образом, это противоречило распределению в соответствии с заготовками.

Крыленко. Это была цель, которая прямо преследовалась, или это являлось одним из косвенных результатов?

Некрасов. Это было только в отдельных редких случаях.

Крыленко. А по времени?

Некрасов. Период моей вредительской деятельности захватывает два года — 1927/28 г. и 1928/29 г.

Председатель. А когда распределение стало строиться на покупательных фондах?

Некрасов. Это началось с 1928 г.

Крыленко. До конца 1929 года?

Некрасов. Да.

Крыленко. Ощутительные результаты получались в смысле оголения работы?

Некрасов. Нужно сказать, что ощутительные результаты не всегда получались. Это происходило вследствие того, что группа вредителей в Центросоюзе и группа вредителей в Наркомторге осу-

шествовали разными методами вредительство, и тогда, когда работа одних скреплялась с работой других, не всегда получались ожидавшиеся результаты.

Крыленко. Вы были осведомлены относительно наличия других вредительских организаций?

Некрасов. Мне был известен член вредительской организации Залкинд, от которого я получал некоторые директивы в области распределения промтоваров.

Крыленко. Какие именно?

Некрасов. Они относились, в частности, к вопросу покупательных фондов, к саботажу декрета от 7 июня.

Крыленко. А ваши общие установки, кроме конкретного вредительства и дезорганизаторской работы, которые должны были вызвать кризисное состояние?

Некрасов. Как старый политический деятель, я, конечно, должен был понимать, хотя мне всего не говорилось. Надо сказать, что, не будучи членом меньшевистской организации, я полной информации не имел.

Крыленко. Относительно поездки Петунина вам было известно?

Некрасов. Мне было известно из личного рассказа Петунина, на узком совещании из 2—3 человек, что он был в Берлине и виделся там с представителем меньшевистского центра, но подробно, с кем именно, я не знаю.

Крыленко. Основная директива была дана?

Некрасов. Мне было известно, что эта директива была согласована с заграничным ЦК.

Председатель. В чем заключалась эта директива?

Некрасов. Она совпадала с основной целью, стремлением к устранению диктатуры пролетариата и к постепенному восстановлению капиталистических отношений.

Крыленко. Путем дезорганизации хозяйства?

Некрасов. Да, подготовка этого дела должна была присохнуть путем дезорганизации народного хозяйства.

Крыленко. Кто еще непосредственно рядом с вами работал в Центросоюзе?

Некрасов. Я знал лично очень ограниченное количество людей, так как организация была построена по принципу строгой конспирации, и я особенно стремился эту конспирацию в своей работе проводить. Так что я знал очень ограниченное количество людей.

Крыленко. А люди, которые были на этом узком совещании?

Некрасов. Я знал еще Басова из числа участников этого совещания.

Крыленко. Швейцер?

Некрасов. Нет, о Швейцере мне не было известно до момента предварительного следствия и лишь на предварительном следствии из предъявленных мне по-

казаний Петунина я узнал, что Швейцер был в организации.

Крыленко. Конкретно, какие еще акты вы проводили?

Некрасов. Я могу еще указать на то, что в мою обязанность до некоторой степени входило прикрывать работу вредительства соответствующими выступлениями. Я этого не делал в одной сфере, в сфере академической. В работе своей со студентами я не позволял себе никогда давать неверные директивы.

Крыленко. Вы, кроме этого, занимались преподаванием?

Некрасов. Я был профессором Плехановского института, а позже профессором Рыковского института.

Крыленко. По какой кафедре?

Некрасов. По кафедре организации товарооборота.

Крыленко. Там не было практической работы?

Некрасов. Кроме того, мне не позволяли остатки совести.

Крыленко. А в области идеологической установки вы не делали указаний о господствующей, распределяющей роли, не указывали на то, что плановое хозяйство, плановые методы организации товарооборота едва ли имеют реальные шансы на свое реальное проведение?

Некрасов. В этом отношении моих выступлений не было. Но осенью 1928 года я делал доклад на пленуме правления Центросоюза. Доклад был построен так, что он несомненно создавал ложное представление о конъюнктуре рынка промтоваров и о перспективах распределения промтоваров. Это было на пленуме правления, где я делал доклад на соответствующую тему.

Крыленко. В присутствии полного состава пленума?

Некрасов. И в присутствии представителей с мест.

Крыленко. Были приняты какие-нибудь предложения конкретного характера, которые выходили из ваших установок?

Некрасов. Некоторые из моих установок были приняты, хотя и в смягченной форме. Они были отдельными партийцами даже по недоразумению поддержаны.

Крыленко. Вы это аргументировали общим характером состояния товаропроводящей сети, общим количеством запасов товара?

Некрасов. Да, я указывал, что основной причиной недостатка промтоваров является недостаточное развитие легкой промышленности, и этим скрывал истинные причины, которые создавали перебои в распределении промтоваров.

Крыленко. В то время, когда вам приходилось конкретно в этой области работать, в области промтоварного распределения, снабжения и т. д., при правильном, последовательно классовом распределении и правильном направлении самой суммы товаров, объективно была воз-

возможность предотвратить все те прямые вредительские результаты, которые получались?

Некрасов. Мог ли лично я это сделать?

Крыленко. Нет, не вы лично, а весь аппарат Центросоюза.

Некрасов. Если бы наши установки были разгаданы, то предотвратить это можно было бы.

Крыленко. У меня больше нет вопросов.

Рогинский. Прежде всего вопрос о финансировании организаций. Как шло финансирование вредительской организации?

Некрасов. Финансирование происходило, по моим сведениям, из меньшевистского центра. Само получение денег происходило для меня двумя порядками. Небольшую сумму я получил от Залкинда, а затем известные суммы получил от Петунина, который, в частности, и передал те суммы, которые поступили в его распоряжение от Громана.

Рогинский. Общая сумма какая была?

Некрасов. Через меня прошло в порядке передачи Петуниным 80.000 руб., в порядке непосредственного получения мною от Залкинда 10.000 рублей.

Рогинский. Значит, около 90.000 или 90.000 с лишним. За какой это период времени?

Некрасов. За весь тот период, в течение которого я участвовал во вредительстве.

Рогинский. Значит, с 1928 года?

Некрасов. Да, по преимуществу в 1928 году.

Рогинский. Значит, вы получили от Залкинда часть денег, затем непосредственно от кого?

Некрасов. От Винградского и больше ни от кого. Деньги от Винградского были переданы Петунину и соответственно были распределены.

Рогинский. Какой был порядок распределения?

Некрасов. Они распределялись в связи с теми потребностями, которые предъявляли участники организации, и в меру возможности эти деньги давались.

Рогинский. Что значит—с теми потребностями, которые заявляли участники?

Некрасов. В частности, мы на такую работу, как подготовка материалов, израсходовали не свыше 1.000 руб., но передал я гораздо большую сумму денег, в общем непосредственно через меня прошло до 25.000 руб.

Рогинский. Значит, члены организации расходовали эти суммы только на нужды организации, а остальная часть денег шла уже в компенсацию за определенные вредительские действия, проводимые тем или иным участником этой организации?

Некрасов. Нам было сказано таким образом, что члены организации сами не имеют права брать никаких денег в свое распоряжение и сами расходовать на

себя, что они должны эти деньги тратить исключительно на подготовку тех или иных мероприятий, на помощь пострадавшим, на поддержку людей, которые оказались в бедственном положении и могут быть полезны организации и т. д., на подготовку материала и пр.

Рогинский. Этот принцип соблюдался?

Некрасов. Мы не имели возможности это проследить. Это вопрос, который вызывал у меня всегда очень большие опасения, ибо можно было быть уверенными в тех людях, которых мы знали непосредственно, но что делалось с деньгами дальше, этого я не знал и всегда у меня было опасение, что это может быть стимулом для развития той вредительской работы типа шахтинской, в которой всякая идейная сторона будет отсутствовать.

Рогинский. Так что, если бы вам был представлен материал или данные о том, что члены организации пользовались этими деньгами, то по тому принципу, по которому распределялись эти деньги, это было бы для вас неудивительно?

Некрасов. Нет, это было бы неправильно с точки зрения тех принципов, по которым мы распределяли, но я бы не удивился, если бы отдельные нарушения этого порядка происходили.

Рогинский. Какой основной фактор был вложен в принцип кооперативных показателей, по которому производилось товароснабжение и распределение товаров по районам?

Некрасов. В этот принцип, главным образом, была вложена самостоятельность кооперативной системы, которая руководилась своими интересами и ставила себе задачей распределение по количеству пайщиков и обороту кооперативов. И, таким образом, где кооперация была сильна, там получали большое количество товаров, а там, где она была слабее, товары туда не шли.

Рогинский. Товары шли по такой линии: если кооперация была сильна и имела большое количество пайщиков, товары посылались туда и данная кооперативная организация получала наибольшее количество товаров, а те кооперативные организации, которые были слабее, товаров не получали?

Некрасов. Да.

Рогинский. Иначе говоря, не учитывалась потребность того или другого района, с точки зрения хозяйственных мероприятий, которые проводило правительство, и снабжение проходило оторванно?

Некрасов. Правильно.

Рогинский. Какие практические результаты такого распределения товаров вы можете указать, в частности по вопросу о стимулировании хлебозаготовок?

Некрасов. Несомненно, что в некоторых районах направление товаров не отвечало тем потребностям, которые предъявлялись хлебозаготовками, товаров было меньше, чем требовалось.

Рогинский. В одних районах меньше, чем требовалось, а в других?

Некрасов. А в других получался избыток товаров, товары залеживались и погудались финансовые затруднения.

Рогинский. Иначе говоря, перенасыщение товарами одних районов и недонасыщение других районов?

Некрасов. Верно.

Рогинский. В частности, дезорганизация рабочего снабжения к чему приводила?

Некрасов. Для него это имело наименьшее значение, ибо рабочим кооперативам оказывались большие льготы и нам удавалось проводить этот принцип потому, что рабочие кооперативы из узких интересов его поддерживали.

Рогинский. Этот принцип существовал до какого года?

Некрасов. 1928—29 хозяйственный год.

Рогинский. Какой проводили принцип?

Некрасов. Принцип покупательных фондов на промтовары, имеющихся у населения.

Рогинский. Этот принцип с точки зрения мероприятий, проводимых в том или другом районе, к чему приводил?

Некрасов. Прежде всего к тому, что промтовары направлялись туда, где было большое количество богатого населения, где было значительное количество кулачества. У кулаков были большие запасы покупательных фондов.

Рогинский. Иначе говоря, эти мероприятия целиком соответствовали интересам кулачества на селе и нэпманской части в городе.

Некрасов. Кулачеству не удавалось воспользоваться этим в полной мере, потому что оно в это время было в известной мере ограничено. Но все же на местах имелись нарушения этого, и поэтому кулачество могло сосредоточить большую массу товаров в своих руках.

Председатель. Это было не по вашей вине?

Некрасов. Отчасти вина была наша, потому что мы должны были это предусмотреть.

Рогинский. Самый принцип этого распределения промтоваров был направлен по определенной линии?

Некрасов. Он игнорировал классовую политику.

Рогинский. Оказывал определенные льготы кулачеству?

Некрасов. Да.

Рогинский. В области капитального строительства по Центросоюзу что вам известно, какие вредительские акты были проведены в этой области?

Некрасов. В этой части мне не приходилось принимать активного участия.

Рогинский. Может быть, вам в этой части и не приходилось принимать активное участие, но какие вредительские акты были?

Некрасов. Известная недооценка, не-

правильная установка, вредительская установка на развитие строительства хлебозаводов, известные неправильные действия на постройку холодильников и неправильные действия по постройке нефтехранилищ для посевной кампании.

Рогинский. Неправильные действия по постройке хлебозаводов, в чем они выражались?

Некрасов. Установка на развитие механического хлебопечения была взята в пятилетнем плане минималистская.

Рогинский. Свертывание постройки хлебозаводов?

Некрасов. Это не происходило. Это было, главным образом, вследствие неправильного поступления оборудования из-за границы.

Рогинский. Но ваша установка была на свертывание постройки хлебозаводов.

Некрасов. На сокращение.

Рогинский. Затем неправильные действия по постройке нефтехранилищ для посевной кампании?

Некрасов. Произошло опоздание с постройкой нефтехранилищ, но это мне известно стало по чистке Центросоюза, а непосредственных сведений я не имел.

Рогинский. Но это мероприятие проводилось вашей вредительской ячейкой Центросоюза?

Некрасов. Не моей.

Рогинский. Но той, в которую вы входили.

Некрасов. Да.

Рогинский. С кем вы имели сношения из наркомторговской ячейки?

Некрасов. С Залкиндом.

Рогинский. Вы Якубовича встречали?

Некрасов. Да, но не знал, что он член вредительской организации.

Рогинский. Значит, по линии вредительской деятельности вы не сталкивались?

Некрасов. Нет, Якубович ушел из управления промтоварами почти тогда, когда я вошел в ячейку Центросоюза.

Рогинский. Словом, ваши свидетельства сводятся к следующему: что вредительская ячейка в системе Центросоюза по распределению промтоваров свои основные вредительские акты направляла, во-первых, на дезорганизацию правильного снабжения промтоварами определенных районов и областей?

Некрасов. Да, правильно.

Рогинский. Дезорганизуя правильное распределение промтоваров, противодействуя тем хозяйственно-политическим кампаниям, которые проводились советской властью в том или ином районе?

Некрасов. Правильно.

Рогинский. И дезорганизация рабочего снабжения в городе?

Некрасов. Признаю свою вину в соучастии во всех этих преступлениях.

Председатель. Вы осветили вредительскую деятельность и ее значение внутри страны, а как вы ее увязывали с другими

положениями, скажем — связывалась ли эта вредительская деятельность с вопросом интервенции?

Некрасов. Мне об интервенции ничего не было известно.

Крыленко. В тот момент?

Некрасов. Я узнал об этом только из предъявленных мне на предварительном следствии показаний.

Председатель. А в момент работы вы об этом не знали?

Некрасов. Нет, это, повидимому, было той частью, которая конспирировалась от меня как человека, не принадлежащего к меньшевистской организации.

Рогинский. У меня есть вопросы к подсудимому Якубовичу.

Председатель. Подсудимый Якубович.

Рогинский. Я буду просить вас ответить на тот вопрос, который был поставлен товарищем председателем свидетелю Некрасову. Это вопрос о том, увязывалась ли дезорганизаторская работа, проводимая по линии товароснабжения, с предположениями об интервенции?

Якубович. Непосредственной увязки не было, как это излагалось на предшествующих заседаниях В. В. Шером. Имелось в виду при разговорах относительно подготовки к крестьянским восстаниям, имелось в виду в этих целях использовать планирование промтоваров. Это имелось в виду на совещании контактной комиссии «ТКП» и меньшевистской партии. Однако, от этого отказались в виду того, что это решение было принято людьми, стоящими очень далеко от технического выполнения планирования промтоваров. И когда с этим решением Шер пришел в «Союзное бюро» РСДРП, то ему было указано, что в порядке квартального планирования в областном масштабе нет возможности выполнить ту задачу, которая ставится. Что касается подготовки к интервенции, то предполагалось, что будут проводиться специальные меры в период, непосредственно предшествующий наступлению интервенционных мероприятий. Но, поскольку мы получили сведения о том, что в 1930 г. интервенция не состоится, эта подготовка и не проводилась. Таким образом, непосредственное планирование и распределение товаров не связывалось с подготовкой к интервенции. В 1930 году вредительство при распределении промышленных товаров, при планировании промтоваров по линии Наркомторга фактически не осуществлялось.

Крыленко. У вас получается такая перспектива, что неправильное распределение промтоваров и предполагавшееся оголение районов в пограничной зоне проводить непосредственно в связи с приближением интервенции?

Якубович. Совершенно точно.

Крыленко. А вот, конкретно, в тот период, о котором говорится, — в 1927, 1928, 1929 годах, — в это время имелось в виду

вредительские акты, направленные на создание кризисного состояния?

Якубович. Они были направлены, как я излагал сегодня суду, на то, чтобы, с одной стороны, создать острое недовольство в городах, поскольку мы преимущественно перебрасывали товары в хлебозаготовительные районы и, с другой стороны, неправильным распределением создать тяжелое положение в районах, где проводились массовые заготовки хлеба. Таким образом, можно с этой стороны признать, что это было подготовкой кризисного состояния.

Рогинский. Меня все-таки интересует уточнение последнего вопроса. В одном из ваших показаний, — сейчас его можно огласить, — где вы анализируете этапы, которые прошла организация в развитии дезорганизаторской работы, вы устанавливаете три этапа. Вы помните эти свои показания?

Якубович. Помню.

Рогинский. И как раз тот этап вредительской работы, о котором мы сейчас говорим и который относится к периоду 1929—30 г., он в ваших показаниях характеризуется несколько иначе, чем вы сейчас показываете.

Якубович. Нет, это только внешнее несходство. Там говорится не о непосредственной подготовке интервенции путем оголения районов, которые, предполагалось, будут оккупированы интервентами, а в том смысле, что до 1929 г., когда с.д. партия не принимала установки на интервенцию, задача сводилась только к созданию острого недовольства, которое должно вызвать контрреволюционный переворот силами внутреннего движения.

Начиная с 1929 г., это должно было создать то острое недовольство, которое должно было быть решающим в моменты интервенции. Это я излагал в один из предшествующих дней, и, как я говорил, интервенция должна была явиться тем окончательным средством, которое должно было вызвать взрыв контрреволюции. Так что в этом отношении наше вредительство было подготовкой тех настроений, которые должны были быть достаточно обострены и при которых факт наступления интервенционных событий, факт вооруженного вмешательства империалистических государств явился бы тем последним толчком, который привел бы к взрыву контрреволюции. Но это не имело связи с интервенцией, это было мероприятиями стратегического порядка.

Крыленко. А вы в подробности этой «стратегии», посвящали других лиц — членов и не членов вредительской организации, даже фактически и не входивших в нее?

Якубович. Всем участникам вредительской организации, в большей или меньшей степени, было известно, что мень-

шевистская партия, которая организовала эту вредительскую деятельность, стремится совершить контрреволюционный переворот. В подробности того, какими методами этот контрреволюционный переворот будет осуществляться, опираясь на какие силы, как правило, никто не посвящался, кроме членов партии.

Крыленко (к Некрасову). Вам известны были конечные цели?

Некрасов. Известны были в такой формулировке — устранение диктатуры пролетариата.

Крыленко. Что это означает? Это означает свержение советской власти?

Некрасов. Это значит перерождение советской власти, которая, конечно...

Крыленко. А если советская власть никак не хочет переродиться, тогда что? (В зале смех).

Некрасов. Очевидно, это кончилось бы ее насильственным свержением. Я, как старый политический деятель, не мог этого не понимать.

Крыленко. У меня больше вопросов нет.

Председатель. Защита, есть ли вопросы. (Нет).

Рогинский. Я просил бы подсудимого Гинзбурга.

Председатель. Подсудимый Гинзбург.

Рогинский. Мы сейчас переходим к исследованию вредительских актов по ВСНХ. Вы какую должность занимали в ВСНХ?

Гинзбург. В момент ареста я был консультантом ВСНХ.

Рогинский. А до этого?

Гинзбург. В 1922 г., 1 августа, я был назначен помощником начальника Экономического управления ВСНХ. В дальнейшем я был назначен заместителем начальника ПЭУ, ЦПЭУ и ГЭУ и всех других управлений, которые приходили на смену Экономическому управлению. С 1928 г. я состоял заместителем председателя коллегии Планово-экономического управления и заведующим конъюнктурного бюро.

Рогинский. До начала вашей вредительской работы какую работу вы официально выполняли по ВСНХ?

Гинзбург. В 1926—1927 г. я состоял заместителем председателя Промплана и председателем особой комиссии по составлению пятилетнего плана развития промышленности. С марта 1928 г. я состоял в должности заместителя председателя коллегии Планово-экономического управления без административных функций и заведующим конъюнктурным бюро. Затем с апреля 1929 г. я состоял заместителем председателя Института промышленно-экономических исследований при ВСНХ.

Рогинский. Исходя из вашего должностного положения в ВСНХ, по каким линиям конкретно могла проходить ваша вредительская работа?

Гинзбург. Она могла проходить в области вопросов общей экономики, в области вопросов конъюнктуры, а первоначально в области вопросов составления промпланов, затем в области научно-исследовательских работ, затем по отдельным конкретным вопросам, которые могли тоже слушаться при моем участии в коллегии Планово-экономического управления.

Рогинский. Вредительские действия в этих областях проводились вами и в какие периоды?

Гинзбург. Моя вредительская деятельность в области составления пятилетки относится к периоду 1926—1927 года. Вредительская деятельность в области конъюнктуры относится к периоду 1928—1930 гг. Вредительская деятельность в области научно-исследовательских работ относится к периоду 1929—1930 года и, наконец, я состоял председателем экономической секции технического совета Гипромеза — это относится к периоду 1928—1929 г.

Рогинский. Вредительская ячейка ВСНХ была малочисленной, если сравнить ее с теми ячейками, которые прошли уже перед нами — наркомторговой, центрсоюзозовской?

Гинзбург. Дело в том, что слитной, цельной ячейки еще не существовало. Существовала ячейка, которая образовалась для данного конкретного дела. В частности, та ячейка, о которой я упоминал в своих показаниях на предварительном следствии, на показаниях, которые цитировались обвинительным актом, она имела своей задачей осуществление работы по составлению проекта пятилетнего плана развития промышленности, работы, которая была закончена в течение 1926—1927 года.

Из числа упоминаемых мною лиц со мной работали в области конъюнктуры двое — Урицкий и Гальперин, в период 1928—30 года.

Рогинский. А остальные члены «Союзного бюро», входившие во вредительскую организацию, были с вами увязаны?

Гинзбург. Я был связан с членом «Союзного бюро» Соколовским и Штерном, связан был также с Волковым. Между нами происходил обмен мнений по поводу той вредительской работы, которая проходила в области работы каждого из нас. В известном смысле мы были связаны обменом мнений по этому вопросу и этим исчерпывается связь.

Рогинский. Так что вредительская ячейка ВСНХ во главе имела четырех членов «Союзного бюро»?

Гинзбург. Надо сказать, да.

Рогинский. Гинзбург, Волков, Соколовский и Штерн?

Гинзбург. Я считаю, что в отношении Волкова нельзя применять термин возглавления. Он должен быть рассматриваем, как лицо, помогавшее Александру

Борисовичу Штерну в осуществлении его вредительской работы.

Рогинский. Во всяком случае три члена «Союзного бюро» возглавляли эту работу?

Гинзбург. Да, правильно.

Рогинский. Теперь конкретно о вашей вредительской деятельности. В области пятилетнего плана — какие вредительские акты были вами совершены?

Гинзбург. Я считаю, что перечислить все вредительские акты, которые связаны с составлением этой пятилетки, было бы очень трудно и, может быть, для суда и неинтересно. Я считаю, что, поскольку здесь отдельные конкретные акты составляют только часть общей вредительской работы, возможно, суду будет более интересно заслушать общую характеристику вредительской работы при составлении пятилетнего плана.

Дело в том, что составление этой пятилетки относится к 1926—27 году, т. е. к тому моменту, когда «Союзное бюро» еще не оформилось и вредительство осуществлялось мною, как членом той инициативной тройки, которая создала в дальнейшем «Союзное бюро». Общая установка вредительской работы заключалась в том, чтобы дать минималистские темпы развития промышленности. Для характеристики того, в какой степени темпы, запроецированные по проекту плана развития промышленности, были недостаточны, я вкратце скажу, что тот план, который был рассчитан своим осуществлением на пять лет, он осуществлен в те три года, которые протекли со времени окончательного составления этой работы. Общий темп развития промышленности за пять лет предполагался в суммовом выражении примерно в 82%. Я не имею в своем распоряжении точных данных за 1929—30 год, но по тем предварительным данным, которые были у меня до моего заключения в тюрьму, я считаю, что эти 82% уже превышены и, вероятно, мы имеем за три года рост около 85—87%. Таким образом, пятилетка, рассчитанная своим осуществлением на пять лет, осуществлена в течение трех лет. При чем это относится не только к общей сумме продукции, но и к некоторым качественным показателям, в частности это относится к себестоимости. По нашему проекту предполагалось понизить себестоимость в течение пяти лет, примерно на 17—18%. Практически это снижение почти осуществлено или даже полностью осуществлено в течение истекших трех лет.

То же самое относится к области капитальных работ. Капитальные работы, фактически произведенные в течение этих трех лет, значительно превысили те проектировки, которые были нами сделаны. Для того, чтобы дать наиболее яркое подтверждение того, что я сейчас

говорю, я могу только привести цифры за 1929—30 г.

По нашему проекту предполагалось определить объем капитальных работ в пределах около 1.300 млн. р., фактически сумма капитальных работ составила 3.200 млн. р., т. е. примерно наша проектировка превзойдена в два с половиной раза.

Я считаю своим долгом выразить свое убеждение перед судом, что само по себе составление пятилетки с такими превзойденными жизнью темпами не составило бы вредительства, если бы оно не было обставлено целым рядом других условий, которые я сейчас подчеркну. Дело в том, что в объяснительной записке к пятилетке нами определено указывалось, что те темпы, которые нами запроецированы, являются с точки зрения потребности народного хозяйства минимальными. Но это объяснение мы сопроводили оговоркой, что, будучи минимальными с точки зрения потребности народного хозяйства, они являются максимальными с точки зрения ресурсов народного хозяйства. Мысль эта настойчиво повторяется на протяжении всей работы. Доказывалось, что, если и взяты такие высокие темпы развития (мы их тогда считали высокими), то только потому, что план является известным боевым заданием, которое должно заключать в себе известный максимум требований. И вот, не был нами поставлен вопрос, действительно ли эти темпы, которые мы запроецировали, являются максимальными и если являются максимальными, то почему именно. Я думаю, что в этой части и заключается корень той вредительской установки, которую я сейчас в двух словах постараюсь обосновать. Мы доказывали, что объем продукции зависит от некоторых объективных условий, которыми являются темпы капиталонакопления в стране, темп роста сельского хозяйства, сырьевая база промышленности и, наконец, темпы накопления валютных ресурсов. И вот, при расчете всех этих элементов, от которых зависит развертывание продукции, мы исходили из ряда вредительских соображений, не соответствовавших тому опыту, который жизнь показала в дальнейшем, и расхившихся с той линией партии, которая намечалась в деле социалистического строительства. Мы доказывали, что капиталонакопление не может идти выше известных темпов. Между тем фактически оказалось, что это капиталонакопление при известной экономической политике может быть значительно выше того, что мы предполагали.

Мы, доказывая невозможность большего развертывания промышленности, чем то, которое предполагалось в нашем пятилетнем плане, этим самым подрывали доверие к ресурсам, находящимся в распоряжении советской власти, и к политике советской власти. По нашим пред-

положениям, которые были зафиксированы в этой пятилетке, рост продукции должен быть таков, что по 18 основным промтоварам, которые составляют предметы важнейшего потребления, уровень довоенного потребления должен быть достигнут только в 1930—1931 году и на 5% превзойти довоенный уровень в 1931—1932 г. Если мы выпустили пятилетку с такого рода выводами, если мы доказывали, что больше нельзя дать, то это имело известное агитационное значение.

Крыленко. Вы сознательно делали?

Гинзбург. Это имело сознательное агитационное значение.

Крыленко. Это не добросовестное заблуждение, а была сознательная политика?

Гинзбург. Эта была сознательная политика, которая диктовалась теми общими меньшевистскими установками, которые были у меня в тот период.

Крыленко. Объективные возможности другого для вас были ясны?

Гинзбург. Для меня было ясно, что эти объективные возможности являются растяжимыми, условными и что при известном нажиме экономической политики, при известной концентрации воли пролетариата и его руководящей партии, конечно, могли быть взяты значительно большие темпы.

Крыленко. Цифры, которые вы приводите в показаниях, цифры вложений, которые вами проектировались и которые были реализованы в действительности, расходятся до чрезвычайности. По вашему проекту было запроецировано в 1920 г. — 1.394.000, а в действительности было принято 5 миллионов с лишком. Цифры более, чем разительные. В вашем показании говорится, что вами сознательно было взято ниже необходимого и возможного.

Гинзбург. Это утверждение я сейчас подтверждаю, что был действительно сознательно запроецирован темп меньший, чем тот, который допускался объективно.

Крыленко. По существу своей работы вы имели непосредственное отношение к проектированию?

Гинзбург. На мне лежала обязанность составлять проект плана.

Крыленко. Это ваша непосредственная работа?

Гинзбург. Да, в тот период.

Крыленко. И поэтому в этой области это было вашим непосредственным вредительским актом?

Гинзбург. Да.

Председатель. Какова же была борьба с вашей стороны за выполнение тех планов, которые вы намечали?

Гинзбург. По окончании работы по составлению проекта пятилетнего плана я был командирован в Америку, где пробыл около 5 месяцев. По возвращении из

Америки я к плановой работе не возвращался, а перешел на конъюнктурную работу. Поэтому в проведении плана в жизнь я не участвовал. Я участвовал только в предварительных совещаниях в Госплане, где обсуждался проект контрольных цифр на 1928 г., при чем при составлении плана мною, с одобрения президиума ВСНХ, было предложено в основу положить выработанный план на 1927/28 г., внося некоторые коррективы.

Председатель. Чем объяснить ваше вчерашнее заявление относительно совместного совещания с «Промпартией» и той информации, которую вы там сделали? Не является ли эта информация той практической борьбой за тот план, который вы намечали?

Гинзбург. Дело в том, что я не ставил себе целью непосредственное осуществление плана в том виде, в каком он был выработан. Я считал и считаю, что пятилетний план в качестве оперативных заданий должен пересматриваться по меньшей мере ежегодно, во-первых, а во-вторых, позволю себе напомнить то заявление, которое я сделал по поводу показания Рамзина, который сообщил, что будто бы на меня было возложено дальнейшее руководство по вредительству в области составления пятилетнего плана. Я здесь заявил, что в этом пункте показания Рамзина не верны, что я в практической работе по составлению плана не участвовал. Вернувшись в 1928 г., я приступил к работе в президиуме ВСНХ и был включен в комиссию по пересмотру пятилетнего плана, но я был в качестве члена с совещательным голосом и посещал эти заседания сравнительно редко, при чем высказывал свое мнение только по некоторым отдельным вопросам. Если потребуются, эти мнения можно воспроизвести. Я не думаю, что бы эти мои выступления могли оказывать влияние на составление пятилетнего плана.

Председатель. Чем объяснить ваше сообщение на совместном заседании с «Промпартией» о ваших конъюнктурных сводках? Какую цель имели эти сводки?

Гинзбург. Конъюнктурные сводки имели задачу выяснить положение народного хозяйства с точки зрения осуществления тех планов, которые были положены в основу конкретного промышленного строительства. И вот задача заключалась в том, чтобы с помощью этих конъюнктурных обзоров доказать невозможность исполнения и нереальность тех заданий по пятилетнему плану, которые были приняты уже после того, как я закончил первый проект промышленной пятилетки. После того проекта, который был выработан мною, был выработан еще целый ряд последующих проектов, вносящих ряд коррективов в первоначальный проект, который был принят в 1926—1927 г.

Рогинский. Это вредительские действия в области составления пятилетки?

Гинзбург. Да.

Рогинский. Я бы попросил вас перейти к изложению вредительских действий в области проектировки по важнейшим отраслям промышленности.

Гинзбург. Я участвовал в проектировке только по металлопромышленности. Здесь моя работа сводилась к тому, что я возглавлял экономическую секцию технического совета Гипромеза, т.е. правление Гипромеза вырабатывало известные проекты постройки и реконструкции металлостроительных заводов, технический совет давал по ним заключение, а экономическая секция, которая возглавлялась мною, давала уже заключение с экономической оценкой этих проектов.

Я считаю, что в этой области мною совершены некоторые вредительские действия, которые были произведены мною, как членом «Союзного бюро» ЦК РСДРП, и которые заключаются в следующем. Я путем задержки темпов развития новых заводов, которые проектировались и обсуждались в техническом совете Гипромеза, противодействовал осуществлению взятых темпов развития металлургической, машиностроительной, металлообрабатывающей промышленности.

Я могу указать два случая таких неправильных заключений, заключений, имеющих вредительское значение. Первый относится к постройке Магнитогорского завода, второй — к постройке Сталинградского тракторного завода. Сущность вопроса заключается в том, что вместе с повышением темпов строительства, повышался также и объем каждой отдельной строящейся единицы. Первоначально металлургические заводы проектировались небольшой мощности. Господствовало убеждение, что эта мощность определяется стандартно в 40 миллионов пудов металла, в зависимости от некоторых технических условий, именно от мощности доменных печей, прокатных станков, блюмингов и т. д. Однако, этот вопрос допускал и другое решение, именно в том смысле, что целый ряд экономических и технических условий этих оптимальных размеров предприятий мог быть и выше в связи с потребностями более ускоренного роста нашей промышленности и в связи с теми плановыми условиями, в которых должно было это строительство развиваться.

По Магнитогорскому заводу, который проектировался мощностью в 40 миллионов тонн металла, я дал заключение в том смысле, что это задание будет расширено. В проекте правильно рассматривалось это расширение, но не была указана та конкретная цель, которая должна быть поставлена при проектировании расширенных размеров этого завода. Вы знаете, что в настоящее время завод этот строится на мощности, кажется, в

два раза превышающей первоначальную его мощность, — этого обстоятельства я в заключении не указал, т.е. я ограничился общим указанием на положительное значение включения в проект возможности расширения завода, но я не предложил сразу переделать проект в смысле установки на удвоенную мощность, при чем здесь опять-таки сказались те меньшевистские установки, о которых была речь.

Второй случай относится к проектированию тракторного завода. В 1927 г. этот завод проектировался первоначально на 5 тысяч машин, потом на 10 тысяч, а потом, когда выяснилась социалистическая реконструкция сельского хозяйства, стало ясно, что потребность в тракторах будет значительно больше и экономичность постройки завода на 10 тысяч машин представлялась уже сомнительной, и с точки зрения интересов народного хозяйства представлялось более экономичным построить более мощный завод. В том заключении, которое я давал, я отметил необходимость расширения промышленного задания с 10 тыс. машин до 20 тыс., но не подошел в этом отношении до той цели, которая была выдвинута в дальнейшем, а именно до установки на производство 50 тысяч тракторов, хотя и объективные возможности в то время были созданы для этого и экономичность более мощного задания была в то время ясна. Задержано это было опять-таки в тех же вредительских целях, которые стремились задержать темпы строительства.

Рогинский. Это заключение ваше было принято на техническом совете?

Гинзбург. Да, было принято.

Рогинский. Я попрошу суд иметь в виду, что мы сегодня приобщили к делу протоколы совещания технического совета Гипромеза от 15 и 20 декабря, где мы имеем заключение, данное обвиняемым Гинзбургом в развращенной форме и по вопросу, связанному со Сталинградстроем, и по вопросу, связанному с Магнитостроем.

Меня интересует следующее место в ваших показаниях от 31 декабря: «Особенно ярким фактом вредительства явилась произведенная мною при помощи вредительской организации проектировка по важнейшим отраслям народного хозяйства: металл, уголь, медь, химия, электротехника» Так?

Гинзбург. Да.

Рогинский. Так что в этих показаниях ваша вредительская работа в области проектирования не ограничивается теми двумя случаями, о которых вы говорите: она распространяется на целый ряд других отраслей промышленности.

Гинзбург. Дело в том, что проектировки по этим отраслям представляют собою

часть той общей проектировки 1926—1927 г., о которой я докладывал.

Рогинский. Которая вошла в пятилетку?

Гинзбург. И в составные части плана. Я только подчеркиваю, что вредительство здесь было тем более опасно, что оно распространялось на более крупные отрасли промышленности.

Рогинский. Одним словом, было то, о чем вы сейчас говорите, — применять свертывание темпов строительства?

Гинзбург. Да, совершенно правильно.
Рогинский. И — последний вопрос — это о вредительстве при составлении конъюнктурных обзоров. В чем здесь было содержание вредительских актов?

Гинзбург. Здесь содержание вредительских актов заключалось в том, что при составлении конъюнктурных обзоров и в своих докладах я сознательно подчеркивал трудности строительства для того, чтобы подрывать веру в возможность осуществления тех повышенных темпов развития промышленности, которые были приняты по новым контрольным цифрам, новому пятилетнему плану и другим плановым заданиям правительства. Я это считал главным и основным.

Рогинский. Иначе говоря, этот конъюнктурный обзор был тенденциозным?

Гинзбург. Он составлялся под известным углом, под углом, вытекавшим из общих меньшевистских установок.

Крыленко. Может быть, здесь можно точнее выразиться и сказать, что конъюнктурные обзоры составлялись или тенденциозно или фальсифицированными.

Гинзбург. Я предпочел бы первую формулировку — она ближе к действительности.

Антонов-Саратовский. А может быть здесь то и другое?

Гинзбург. Я должен засвидетельствовать, что до такой степени падения, чтобы фальсифицировать конъюнктурные обзоры, я еще не дошел.

Крыленко. Сведения правильные, а выводы неправильные?

Гинзбург. Сведения были правильны.

Крыленко. А выводы были неправильны?

Гинзбург. Я бы не сказал, что практические выводы были неправильны. Скорее — тон неправильный.

Крыленко. Из всякого обзора следует вывод. Вывод, который вы ставили, имел целью задержать темпы строительства. Следовательно, выводы, которые вы должны были делать, приводили к невозможности таких темпов. Поскольку вы мне раньше на мой вопрос ответили, что ваша деятельность была вполне сознательной, то позвольте вас спросить: как надлежит характеризовать конъюнктурный обзор, где из правильных данных делались неправильные выводы — как фальсифицированный обзор или нет?

Гинзбург. Из каждого конъюнктурного

обзора мы делали соответствующие практические выводы, т.е. указывали те мероприятия, которые должны были быть в ближайшее время проведены для того, чтобы устранить те трудности, которые обнаруживались на данный отрезок времени.

Крыленко. Выводы, которые были сделаны, для вас были заведомо неправильны?

Гинзбург. Да, они были неправильны.

Председатель. Защита имеет какие-либо вопросы? (Нет). Подсудимый Гинзбург, садитесь.

Рогинский. Я бы просил вызвать подсудимого Волкова.

Председатель. Подсудимый Волков.

Рогинский. В какой области работы проходили ваши вредительские акты?

Волков. В области финансовой.

Рогинский. Какую работу вы выполняли?

Волков. В секторе финансовой политики ВСНХ СССР я занимал должность экономиста и выполнял работу по финансированию машиностроения.

Рогинский. Ваша вредительская работа протекала в этой области?

Волков. Преимущественно в этой.

Рогинский. Мы начнем исследование с этой области. Опишите основные факты вашей вредительской работы.

Волков. Основные факты заключаются в том, что я при подсчете оборотных средств по контрольным цифрам, при их составлении стремился к преуменьшению темпов развития машиностроения. Для того, чтобы установить необходимость финансирования на тот или иной период в оборотных средствах, необходимо было делать некоторые прикидки развития производства не только на тот год, на который сверстывались контрольные цифры, но и на год вперед. Так как обычно президиум ВСНХ СССР утверждал контрольные цифры по производству только на тот год, на который он рассматривал, то прикидки на следующий год представлялись уже нам, сектору финансовой политики, по соглашению или не по соглашению, если были разногласия с объединениями или главным управлением. В этих случаях я и старался всегда преуменьшать те темпы машиностроения, которые в действительности оставались и остаются значительно выше. Так, например, при рассмотрении контрольных цифр на 1929/30 г., — а если вы помните, я вступил в организацию в начале 1928 г., так что прежней деятельности, как здесь отмечал Абрам Моисеевич Гинзбург, до того времени я не касался и не знал, я брал развитие машиностроения на 1930—31 г. примерно в пределах 40%. Цифра кажется очень большой, но нужно иметь в виду, что за последние годы машиностроение в значительных своих отраслях имеет темпы свыше 100%. Так как машиностроение заменяет в значительной

степени импорт и все внимание страны обращено на развитие этого машиностроения, то часть темпов была даже выше пятилетнего плана. Я применял при подсчете контрольных цифр на 1930/31 г., когда составлял контрольные цифры на 1929 г., темп производства в 40%. В действительности контрольные цифры на 1930/31 г. дали темп прироста производства в 70—80%.

Таким образом, я, подсчитывая оборотные средства в этом году, не давал возможности машиностроению подготовиться к новому операционному году с теми запасами средств, которые дали бы ему возможность преодолеть те темпы, которые для него правительство назначало. Для иллюстрации я могу привести еще следующие контрольные цифры, которые не прошли в жизнь потому, что хозяйственный год был отнесен на 1 января, точно такого же характера. Осенью 1930 г. когда я составлял контрольные цифры на 1930/31 г., я установил наметки на 1931/32 г. по некоторым объединениям машиностроения примерно в 50%. Опять-таки цифра очень большая, не тем не менее эти самые объединения сами устанавливали цифры примерно в 70—80%. Как видите, здесь получается разрыв.

Таким образом, если взять развитие машиностроения, мы будем иметь из года в год темпы, которые были в действительности, и темпы, которые в конечном счете потом утверждались президиумом ВСНХ. Это будет—40—70—80%, а темпы, по которым я считал оборотные средства, будут примерно 20—40—50%.

Таким образом, за все три года моей работы темпы отстают от темпов производства, которые обыкновенно за эти годы принимались впоследствии президиумом ВСНХ.

Рогинский. Вы сознательно свертывали темпы в области машиностроения?

Волков. Конечно. Это моя непосредственная работа. В сущности, это главное, так как это определяло контрольные цифры на весь год.

Затем—из другой работы. Это носит не столько характер специфической моей работы, сколько вообще сектора финансовой политики. Это—борьба против кредитной реформы, которая известна всем. В этом отношении мы—ячейка ВСНХ, сектор финансовой политики—занимали определенно отрицательное отношение, и до последнего момента, когда вопрос был решен окончательно, мы принимали меры к тому, чтобы противодействовать разрешению этого вопроса в положительном смысле. Мы выступали противниками введения кредитной реформы. Легально мы обосновывали свои возражения несвоевременностью, трудностью и пр. и пр., а по существу мы были противниками реформы, так как, мы считали, что она в финансовом отно-

шении построена на совершенно иных началах, чем те, которые были при нэпе.

Рогинский. Еще один конкретный вопрос—это вопрос о вашем вредительском акте в отношении Сталинградстроя.

Волков. Кроме этих общих моментов, у меня, как иллюстрация, сохранилось три случая. Это—недофинансирование Ленинмаштреста в прошлом году в отношении оборотных средств и в отношении финансирования капитальных работ, в результате чего были невыполнены некоторые капитальные работы. Второе—это не учтено было своевременно и не было в полной мере произведено финансирование Ростовского завода и Сталинградстроя.

Рогинский. Значит, вопрос идет о «Котлотурбине», Сталинградстрое и Сельмашстрое?

Волков. Да.

Рогинский. Вы начните со Сталинградстроя.

Волков. В отношении Сталинградстроя нами недостаточно были учтены так называемые «детские болезни» по пуску производства, которые должны быть, т.е. расходы на брак, на возможные неполадки в производстве. Поэтому, когда мы посчитывали оборотные средства, мы подсчитали настолько жестко, что он не мог при этих оборотных средствах закончить строительство в срок и вынужден был увеличить банковский кредит, что было засвидетельствовано на совещании членов правления у Блюма в ноябре.

Рогинский. Этот акт проводился сознательно?

Волков. Да.

Рогинский. Дальше—по «Котлотурбине».

Волков. По «Котлотурбине» мы установили столь жесткую мобилизацию внутренних ресурсов, которая была невозможна и привела к сокращению плана капитальных работ.

Рогинский. Наконец—в отношении Сельмашстроя.

Волков. Там точно так же были жестко подсчитаны оборотные средства без учета «детских болезней» по пуску производства, в результате чего Сельмашстрой должен был пустить в оборотные средства около 2 млн. р., предназначенных на капитальные работы, и примерно на сумму около 2 млн. р. превысил намеченную сумму банковского кредита, что опять-таки было на заседании у Блюма подтверждено.

Рогинский. Ваша основная вредительская установка в свертывании темпов машиностроения по трем нашим гигантам машиностроения получила свое практическое отражение?

Волков. Совершенно правильно.

Крыленко. Практическое осуществление?

Волков. Я бы так не мог сказать. Я провела мою работу...

Крыленко. Вы его тормозили?

Волков. Я его тормозил на бумаге, но тормозилось ли это в жизни, я не могу сказать, потому что есть целый ряд других инстанций, целый ряд моментов, которые от меня не зависели. Я, скажем, зажал какую-нибудь организацию, а она, представьте себе, вывернулась.

Крыленко. Во всяком случае, вы можете сказать, что вы сделали все, что могли, пусть другие делают лучше? (Смех в зале).

Волков. Это правильно, я это подтверждаю.

Рогинский. Кто руководитель вредительской ячейки ВСНХ?

Волков. В обвинительном заключении сказано, что я принимал участие в руководстве. Это для меня слишком большая честь. Я занимал более скромное место в ВСНХ СССР. Руководителями были Штерн, Гинзбург и Соколовский и в финансовой части — Штерн, возглавлявший финансовый отдел.

Рогинский. Штерн?

Волков. Да.

Рогинский. У меня больше нет вопросов.

Председатель. У защиты есть вопросы?

Брауде. Меня интересуют практические результаты вашей вредительской работы. В области контрольных цифр ваша работа носила вообще предварительный или окончательный характер?

Волков. Я занимал должность простого экономиста. После меня уже в дальнейшем эта работа имела две инстанции, а затем целый ряд инстанций дальше, вплоть до того, как утвердил президиум ВСНХ. Если бы, конечно, то, что я делал, было осуществлено, то мы не имели бы такого перебоя в темпах, который получился, и в действительности было бы не 70% в 1930/31 г., а те 40%, которые я подсчитывал. Жизнь показывает, что темпы возросли, и это потому, что в течение года был пересмотр контрольных цифр, и президиум ВСНХ мог увеличить эти цифры. Кроме того и сами предприятия путем изыскания дополнительных ресурсов выходили из того положения, в которое я пытался их поставить.

Брауде. К счастью ваша работа получила в дальнейшем целый ряд коррективов, контрмер и не была проведена в жизнь?

Волков. Совершенно верно.

Председатель. Вы говорите — «к счастью», но вредительская работа была вашей задачей?

Волков. Я говорю это сейчас, но тогда так я не говорил.

Председатель. Вы тогда не считали, что если бы вы этого не сделали, это было «к счастью»?

Волков. Совершенно верно.

Крыленко. У вас были две функции: одна — практиковать вредительство...

Волков. В тех небольших размерах...

Крыленко. Скажем, в «скромных» пределах, которые вы осуществляли, — в проектировках вместо 70% 40%. А с другой стороны — агитация, так как вы бывший рабочий.

Волков. Против этого я не возражаю. Я, как член «Союзного бюро», беру на себя ответственность в полной мере по вопросу о вредительстве.

Крыленко. У меня больше вопросов к Волкову нет.

Председатель. Подсудимый Волков, садитесь.

Рогинский. Разрешите вызвать подсудимого Соколовского.

Председатель. Подсудимый Соколовский.

Рогинский. В какой области протекала ваша работа в ВСНХ?

Соколовский. Я руководил отделом торговой и сырьевой политики, был председателем бюро цен, и в последнее время работа сосредоточилась в области планирования издержек производства или снижения себестоимости.

Крыленко. Вашу вредительскую работу вы оцениваете в тех же скромных пропорциях, как Волков, или считаете эту работу более эффективной и результативной?

Соколовский. Я отвечаю на все ваши вопросы.

Крыленко. Я спрашиваю вас о скромных размерах постолку, поскольку Волков в своей оценке вредительской работы, им проведенной, указал, что сделал все, что мог, — другие сделали больше. Но защитник постарался указать, что это не его вина, что он все, что мог, сделал. Вы более конкретное лицо в этом отношении, и вряд ли вы будете укрываться в смоковницу скромности.

Соколовский. Разрешите, я расскажу.

Крыленко. Только фактическую сторону.

Соколовский. Вредительская работа проводилась мною в свете минималистских, меньшевистских установок и темпов главным образом в двух областях — в области сырьевой и в области планирования и проектирования снижения себестоимости и удешевления промышленной продукции, хотя я принимал участие, как член коллегии Главного экономического управления, а потом производственного, в разработке и проработке ряда крупных проблем промышленной политики в других областях. Поскольку у нас в ВСНХ было строгое разделение труда между членами коллегии и заведующими отделами, я в тех областях являлся больше экономистом-консультантом, больше сведущим лицом, и потому в тех областях я непосредственно не проводил вредительской работы. Я проводил ее только в тех областях, которыми я лично ведал

и планирование которых лично сам осуществлял.

Я начну с сырьевой проблемы. В 1929 г., когда ВСНХ приступил к пересмотру первого варианта пятилетки, — ибо первый вариант пятилетки составлялся, как здесь уже говорил подсудимый А. М. Гинзбург, под его руководством, — когда мы приступили к пересмотру первого варианта пятилетки, сырьевая пятилетка уже проводилась под моим руководством.

Дело происходило таким образом, что Главхлопком, имея в своем распоряжении очень большой аппарат, — центральный — здесь, в Москве, и разветвленная в Туркестане, а также в других местах произрастания хлопка, например, на Кавказе, — составил наметку и первый проект со всем обоснованием этой пятилетки. Я же должен был давать экономические заключения, насколько эта пятилетка соответствует заданиям и задачам экономического порядка...

Крыленко. Вы говорите — «тем задачам» и тем ресурсам?

Соколовский. И тем ресурсам, которые имеются для осуществления пятилетки.

Какие задачи стояли при составлении второго варианта пятилетки в отличие от первого, — я говорить не буду, поскольку это известно.

Когда мы приступили к пересмотру варианта по пятилетке в Главхлопкоме, где прорабатывались вредительские планы, несмотря на то, что во главе Главхлопкома стоял такой честный и энергичный коммунист, как Андрей Степанович Мамаев, человек безусловно сведущий и энергичный, но, надо полагать, находившийся под влиянием аппарата и подпадавший под его обоснованные аргументации, подпадавший иногда под влияние вредительской организации Главхлопкома, которая представляла в доказательство верности своих обоснований зачастую минималистские цифры, эти цифры были пересмотрены на конец пятилетки, т. е. на 1932/33 г. и установлены в размере 23 млн. пудов хлопка.

Я опять-таки здесь не буду говорить, насколько теперь эта цифра кажется ничтожной, мизерной, совершенно не соответствующей тому размаху, который приняло развитие нашего народного хозяйства.

Я эту цифру отверг, считая, что в президиуме ВСНХ, который к тому времени уже совершенно решительно и настойчиво проводил генеральную линию партии, ибо проработка пятилетки проходила под непосредственным руководством председателя ВСНХ тов. Куйбышева и его заместителя т. Рухимовича, а также т.т. Межлаука и Коссиора, которые очень энергично инструктировали весь аппарат и воспитывали его в том духе, что в экономической политике и в проработке пятилетки необходимо проводить генеральную линию партии, — и вот,

зная, что эта цифра в 23 млн. пудов хлопка в президиуме ВСНХ никак не пройдет, что это есть минимально-низкий уровень, который никак не может пройти, я предложил повысить цифру против Главхлопкома до 27 млн. пудов на конец пятилетки.

Президиум ВСНХ в летучем заседании рассмотрел эти варианты проектировки и отверг и эту цифру в 27 млн. пудов, повысив ее до 30.

Через некоторое время после этого постановления президиума ВСНХ вернулась экспедиция из южных районов Европейской России и развернула перед нами довольно благоприятные перспективы возможностей развития хлопководства в новых районах. Кроме того, стало известно согласие правительства и ЦК партии повысить финансирование, увеличить объем капитальных работ, включив хлопок, как необходимый элемент, в план партийной работы, сделав его вопросом всей партии. Вот все эти моменты привели к тому, что ВСНХ и Госплан при последующем пересмотре этих вариантов (это продолжалось очень недолго, примерно полтора—два месяца) повысили цифру до 36 млн. Эту цифру я отстаивал, но ЦК партии с моей точкой зрения совершенно правильно не согласился, отверг эту цифру и повысил ее до 48 млн., но соответственно очень сильно повысил и объем капитальных работ, активизировал все работы по хлопководству, издал постановление, что хлопководство является мероприятием всей партии и что вся партия должна энергично заняться им и уделить ему особое внимание и т. д.

Перед моим арестом, — я точно не знаю, но мне так кажется, — ЦК и дальше пересматривал эту цифру и повысил ее до 60 млн.

Так вот, я считаю, что, защищая 27 млн. и 36 млн. пудов, я отстаивал меньшевистскую минималистскую установку, при чем должен сказать, — и я думаю, что это будет интересно и для суда и для прокуратуры, — что я тут пользовался всем: тут идет речь о квази-научном аппарате, который стоит на почве равенства на потухающие места, равенства не на сильное звено, а на слабое звено.

Весь этот аппарат я называю квази-научным аппаратом, ибо он имеет необходимые корни, потому что организация, имеющая под собой общественные корни, понимает все моменты нашего строя. Тут же характер тех мнений, которые были заложены в ее основаниях, — недооценка возможностей и т. д., — являлся оружием в борьбе с расширением социалистического сектора и с увеличивающейся мощью народного хозяйства.

Так вот, эта недооценка возможностей, заложенная в плановом хозяйстве, опирающаяся на затухающие темпы, — это были даже не затухающие погодные

темпы, которые могли бы встречаться в жизни, а это было затухание социалистического сознания у плановиков, социалистической воли и социалистической совести.

Каждый год мы получали наглядные уроки, как наши темпы опорочиваются жизнью. Так что и с этой стороны недооценка плановых возможностей и всем аппаратом, о котором я говорил, лежала в основе той моей защиты, того моего отстаивания и той цифры, которую я проводил во всех высших органах. Это сейчас надо сказать и в отношении влияния нашего, и в частности моего, Гинзбурга и Штерна, — можно сказать, что наше влияние падало в глазах президиума, и поэтому результаты этой проектировки оказались не вредительскими, ибо они были корректированы последними решениями президиума ВСНХ, Совета труда и обороны и главным образом ЦК.

Крыленко. Но вопрос ставится не только в этом отношении, не только в смысле недоучета. Вы сами сказали, что сюда входило три момента: недоучет, с одной стороны, плановых возможностей, недоучет фактических возможностей в смысле сырьевой базы и источников и затем недоучет социалистической совести, как вы сказали.

Соколовский. Затухающие темпы.

Крыленко. Когда вы использовали аппарат или, вернее, всю совокупность этого рода аргументов, представляющих практически в своей совокупности совершенно законченную систему организации, исходящих из определенных общих предпосылок, то в данном случае имело ли место совершенно четкое сознательное противопоставление или, скажем, добросовестное заблуждение?

Соколовский. Я не считаю это добросовестным заблуждением. Я об этом говорил на предварительном следствии, я и сейчас считаю, что это есть меньшевистские вредительские установки.

Крыленко. Меншевистские вредительские установки тогда бывают, когда вы их выдвигаете, исходя из целого ряда общих воззрений. Другое — когда вы строите практическую работу, исходя из заранее поставленной цели — мешать, задерживать темпы, не давать развиваться, препятствовать развитию и т. д. Все это связывается в целях использования возможностей для того, чтобы не давать правильных проектировок и т. д. Здесь мы имеем вещи глубоко различные. Мне так представляется, что то, что вы говорили раньше относительно сознательно принятых установок борьбы или на борьбу, — все это должно объективно отразиться не только в области научных аргументаций, но и в области сознательных целей.

Соколовский. Здесь мы имеем противопоставление нашей линии линии пар-

тии, правительства, которые считали необходимыми более высокие темпы развития хлопководства.

Крыленко. Я даже допускаю другое — вы могли быть глубоко убеждены в невозможности других темпов. В этом случае вы могли только говорить об этом, а другое дело, когда вы систематически противодействуете проведению этих темпов, и когда вам их корректируют, когда вы не можете ничего поделать, то вы сознательно, планомерно противопоставляете свою линию, сознательно проводите деятельность, направленную на торможение развития народного хозяйства, на недопущение соответствующих темпов. Это имело место в вашей деятельности?

Соколовский. Имело место именно сознательное противопоставление нашей линии линии партии и правительства. Но я должен заявить, что надо мной были высокие инстанции.

Крыленко. Здесь стоит вопрос практически: каковы же были результаты?

Соколовский. Сознательное противопоставление одной линии другой.

Крыленко. Это в области сырьевой проблемы по хлопку?

Соколовский. В области снижения себестоимости вопрос стоит несколько сложнее. При контрольных цифрах на 1929/30 г. президиум ВСНХ дал задание понизить себестоимость на 10%. Мне была поручена проработка (такая была директива) всего этого огромного материала, — кажется, по 36 отраслям промышленности. Я определил только 9½% снижения себестоимости и стал отстаивать эту цифру, аргументируя действительно объективными фактами. Тут мы имеем противоположное положение. За все эти годы, за исключением 1927/28 г., фактическое снижение себестоимости было ниже плановых предположений, а в 1925/26 г. мы имеем вместо снижения себестоимости, как вы помните, даже некоторое повышение.

Я был арестован в августе. Поэтому я не знаю, что дал последний квартал. Я даже думаю (это вам известно), что цифра в 9½% тоже, быть может, не была выполнена. Так что с этой стороны можно сказать, что в области снижения себестоимости даже мои минималистские проекты всегда оказывались высокими. Но я повторяю, что, так сказать, они были все-таки неправильны. Если взять стенограмму доклада, который я делал от имени президиума ВСНХ СССР на объединенном заседании СТО и Совнаркома, где я был официальным докладчиком президиума, то вы увидите, что всей моей аргументацией я стремился внушить членам Совета труда и обороны ту мысль, что та цифра, о которой я вначале докладывал, является цифрой, не знающей себе равной по своей исклю-

чительной напряженности во всей истории промышленной политики.

Конечно, сразу такого рода заявление, которое опирается на видимые факты, на то, что ни в одном году мы не имели совпадения наших плановых предположений и фактического положения вещей в области снижения себестоимости, должно было внушить СТО неуверенность в том, насколько предлагаемая ВСНХ цифра в 10% будет осуществлена, тем более, что на этом заседании, надо сказать, между собой спорили два варианта. Один вариант — Госплана, который давал цифру снижения себестоимости до 12%.

Крыленко. А субъективно вы ставили себе целью провести эту цифру или, наоборот, аргументировать ее невозможность?

Соколовский. Я ставил себе целью провести эту цифру в 9%. Но если взять всю мою информацию, то она отстаивала такие меньшевистские минималистские доказательства, так выпячивала трудности, так преувеличивала недостатки, так подчеркивала, что эффективность капитальных вложений и снижение себестоимости чрезвычайно незначительны, вся подборка фактов была такова, что, естественно, СТО после этого доклада отверг более высокий вариант Госплана в 11—12% и согласился с нашим вариантом.

Крыленко. Субъективно ваша работа сводилась к подборке таких объективных материалов, которые обосновывали в достаточной степени убедительно необходимость этой цифры в 9% против более высокой цифры Госплана?

Соколовский. Против более высокой цифры Госплана в 11%.

Крыленко. Вы делали такого рода доклад непосредственно в СТО?

Соколовский. Я говорю, что мой доклад был непосредственно на объединенном заседании СТО и Совнаркома. Если прочесть этот доклад, то он весь проникнут этой меньшевистской минималистской аргументацией. Кроме того, весь тот аппарат, о котором я вам говорил, доказывал, что эффективность влияния капитальных вложений на снижение себестоимости у нас пока очень незначительна. Это правда, но это не значит, что нельзя ее повысить. Кроме того, несмотря на то, что я сам в 1927 г. выдвигал идею о том, что подъем производительной активности трудящихся масс, энтузиазм масс чрезвычайно важен для осуществления качественных показателей, — я абсолютно не подчеркнул этого момента.

Крыленко. А по существу элемент того, что на уголовном языке называется (правда, этот термин уже устарел) злой волей, был?

Соколовский. Раз вы мне так ставите вопрос, не политически, а уголовно (вы говорите, что это уголовный термин, по злой воле), то я должен сказать, что у

меня была воля и полное неверие в то, что какая-нибудь более высокая цифра будет осуществлена. Я считаю, что необходимо величайшее напряжение, чтобы осуществить эту минималистскую цифру.

Крыленко. У вас было убеждение, недоверие к более высокой цифре и в связи с этим соответствующие выводы. В то же время в «Союзном бюро», в непосредственном общении с другими, у вас уже была общая установка на торможение во что бы то ни стало?

Соколовский. У нас была общая установка, как здесь говорили все другие члены «Союзного бюро», на необходимость проведения минималистских темпов в целях дезорганизации народного хозяйства.

Крыленко. Спрашивается: при наличии общей согласованной установки на проведение минималистских темпов в целях дезорганизации хозяйства, когда вы строили свою аргументацию по снижению себестоимости, борясь против более высокой цифры, увязывались ли эти два факта между собой?

Соколовский. Увязывались.

Крыленко. Значит, второй был последствием первого, логическим выводом. Выходит, что об одном научном убеждении и добросовестности говорить нельзя?

Соколовский. Я этого не говорю.

Крыленко. Элементы того, что я называл злой волей, были ли?

Соколовский. Если хотите, пожалуйста.

Крыленко. Не я хочу, а факты говорят.

Больше вопросов нет.

Председатель. У защиты есть вопросы? (Нет).

Гинзбург. Я имею заявление, разрешите мне его сделать.

Председатель. Подсудимый Гинзбург.

Гинзбург. Я хотел сделать некоторое дополнительное заявление по поводу тех показаний, которые я давал в части вредительской работы, потому что я опасюсь, что участок моей работы в области конъюнктурных обзоров в виду моих недостаточных ответов на вопросы остался недостаточно выясненным. Я хотел бы дать некоторые конкретные примеры, чтобы осветить эту работу. Можно это сделать?

Председатель. Пожалуйста.

Гинзбург. Цель конъюнктурных обзоров заключалась в том, чтобы вести наблюдение за ходом общей промышленной жизни, связанной с народнохозяйственным развитием, выявлять, какие условия надо создать для выполнения плана и какие меры нужно принимать для того, чтобы эти планы осуществились с возможно большей выгодой для социалистического строительства. Вот эту основную задачу конъюнктурной работы я не только не выполнял, но совершил целый ряд

действий, которые вели к обратным результатам, т.е. мои конъюнктурные обзоры в ряде случаев не только не содействовали ускорению социалистического строительства на основе правильного анализа фактической действительности, но могли даже дезориентировать и фактически дезориентировали руководящие хозяйственные круги.

Я хотел бы указать два-три примера того, как я это делал. Летом 1928 года довольно определенно выяснилось на основании опытов предыдущих 7—8 месяцев, что в области промышленной работы имеется ряд отстающих участков, что исполнение заданий, данных на этот год, идет неудовлетворительно. Какие выводы я должен был сделать? Так как я сам стоял на установках минималистских, так как я незадолго до того составил пятилетку, которая базировалась на значительно более низких темпах, чем те, которые были приняты в контрольных цифрах этого года, то я был заинтересован в том, чтобы установить невыполнение плана этого года для того, чтобы доказать, что те темпы, которые я проектировал в 1926/27 году, являются более правильными, чем те темпы, которые были приняты в 1927/28 г. и которые в течение этого года пересматривались в сторону повышения. И вот моя работа свелась к тому, что я старался сгущать те трудности, которые имеются, преувеличивал затруднения, которые встречаются, и таким образом парализовал до известной степени убеждение в том, что план все-таки выполним.

Примерно в июле 1928 г. я дал оценку, что план может быть не выполнен, так как фактический прирост производства против прошлого года может составлять 20%, тогда как план исходил из задания в 22%. Фактически оказался прирост в 23%. На первый взгляд может получиться впечатление, что 23% и 22% практического значения могут не иметь, поскольку речь идет о результатах практического порядка, но на самом деле это имело для народного хозяйства невыгодность в том, что конъюнктура рассматривалась как хозяйственная база, на которой строились контрольные цифры, и если результаты 1927/28 г. представлялись в неблагоприятном свете, то естественно проектирование на будущий год должно было идти с большей осторожностью и сдержанностью. И действительно первоначальные контрольные цифры на 1928/29 г. строились из нескольких меньших темпов, чем те темпы, которых достигли в 1927/28 г., и только тогда, когда в конце года выяснилось полное исполнение плана, они стали строиться с некоторым превышением и вместо 22% получили 23%. Контрольные цифры были исправлены в сторону повышения. Эта оценка была сделана мною с вредительской целью, связана с вредительской ра-

ботой и имела определенные политические невыгодные последствия.

В этом смысле я отвечаю на ваш вопрос относительно практического значения конъюнктурных обзоров.

Второй пример. Осенью 1929 г. в первые два месяца исполнения заданий промышленного плана на 1929/30 г. выявился целый ряд хозяйственных затруднений, выявилось, что исполнение плана идет на крайне низком уровне. Возник вопрос о прямом невыполнении. Тут я был заинтересован в том, чтобы доказать, что существующие темпы развития являются непосильными для страны, невыполнимыми. Я указывал, что невыполнение планов в первые месяцы 1929/30 г. не случайно, а является следствием целого ряда объективных условий, не устраняемых тем или иным актом экономической политики. Я приводил целый ряд объективных данных в виде сырьевых затруднений, недостатка рабочей силы, недостатка топлива и т. д. и т. д. И, подчеркивая эти объективные причины, в первую очередь, делая основной упор на эти объективные причины, я создавал впечатление, что план этого года упирается в невозможность осуществления по причинам объективного порядка, между тем как было совершенно ясно, что дело не в причинах объективного порядка, а в том, что значительная часть хозяйственников не одушевлена теми заданиями, которые даны партией, не проникнута теми темпами и теми установками, которые сделались обязательными для всех работников хозяйственной жизни, и пониманием того, что при более энергичном отношении к выполнению планов, более добросовестном проведении партийных директив, несомненно, можно было бы достигнуть других результатов.

Я замалчивал сознательно, что в числе тех факторов, которые задерживали выполнение плана первых двух месяцев работы 1929/30 года, имеются и такие факторы, как вредительская работа в различных отраслях промышленности,—факторы, относящиеся к числу причин субъективного порядка.

Вот яркий второй пример того, как осуществлялось вредительство в конъюнктурной работе.

Я могу привести и третий пример: по каждому конъюнктурному обзору мною должны быть делаться и делались практические выводы, т.е. я указывал на то, какие меры нужно принять для устранения трудностей, которые для меня обнаруживались при наблюдении за жизнью. От меня требовалась ясная и четкая формулировка этих практических выводов. Несомненно от принятия их зависело более быстрое или более медленное выполнение плана на будущий год. И вот при формулировке этих заданий я несомненно шел той же линией, которую я здесь характеризовал, т.е. будучи заинтересо-

ван в задержке темпов развития, я не формулировал этих выводов в четких выражениях, не указывал прямых практических мероприятий, которые должны быть проведены, а в силу неизбежной необходимости дать какие-нибудь выводы ограничивался нечеткими формулировками в роде того, что надо усилить рационализаторскую работу и т. п., т.-е. не давал совершенно ясной программы практических действий на данный месяц с тем, чтобы эти практические мероприятия могли содействовать скорейшему осуществлению плана.

Вообще я должен подчеркнуть для понимания того, в каком порядке проводилась конъюнктурная вредительская работа, что конъюнктурная работа вообще может быть успешной с точки зрения содействия выполнению планов только при том условии, если имеется тесная связь между плановой работой и конъюнктурной, т.-е. она могла бы быть успешной лишь тогда, если бы я принимал участие в плановой работе, был бы в курсе всех тех заданий, которые в плановой работе возникают, и знал бы, на какие участки я должен обращать внимание, и со своей стороны предоставлял бы все возможности использовать конъюнктурные данные при построении плановых заданий.

Между тем фактически я создавал отрыв между конъюнктурной работой и плановой, т.-е. конъюнктурная работа шла одним руслом, планы и контрольные цифры — другим. Я не принимал участия в составлении контрольных цифр, те, кто участвовал в плановой работе, не принимали участия в конъюнктурной. И, таким образом, это важнейшее орудие для наблюдения в смысле исполнения планов оказалось повернутым не в сторону выполнения планов, а наоборот — против их выполнения.

Я считаю, что в этом случае произошло использование моего служебного положения для вредительских целей — для целей подрыва тех темпов, которые были поставлены как одна из важнейших задач социалистического строительства. И диктовалось это опять-таки принадлежностью к той преступной контрреволюционной организации, дело которой сейчас рассматривается.

Если я недостаточно ясно выразил эту мысль, я бы просил задать мне вопросы.

Председатель. Несмотря на то, что вы устанавливали в планах и в своих конъюнктурных наблюдениях минималистские темпы, все-таки независимо от этого планы перевыполнялись, и если бы вы своевременно об этом сигнализировали, то они выполнялись бы в еще большей степени?

Гинзбург. Совершенно верно. Если бы я с той добросовестностью, которая от меня требовалась, и с той добросовестностью, которую исключали мои вредительские установки, указывал на все те

затруднения и практические мероприятия, которые нужно было бы проводить, то сам план и его выполнение были бы более успешными.

Председатель. Подсудимый Волков хочет сделать заявление.

Волков. В мои объяснения о моей вредительской работе вкралась одна, несколько ошибочно сказанная фраза, которая может быть истолкована судом не так, как я бы хотел. Я сказал в объяснении на слова прокурора, что «это оставалось на бумаге». Я хотел этим сказать, что мои подсчеты, которые я делал, не утверждались высшей инстанцией в полной мере, но это не значит — я обращаю на это внимание, — что моя вредительская деятельность оставалась на бумаге. В действительности, конечно, даже то, что я делал, те подсчеты, которые я делал, хотя они окончательно, может быть, и изменялись в последующих инстанциях, тем не менее все же приносили вред, ибо пока дело доходило до фактического исправления, предприятия уже ощущали недостаток средств, и это, несомненно, фактически отражалось на том темпе производства, который был задан машиностроению. Так что если взять сопоставление моих 40 и 70%, то можно сказать, что если бы не было моей вредительской работы, эти 70% можно было бы обратить в 100%.

Председатель. Вопросов у прокуратуры нет?

Крыленко. Нет.

Председатель. Вопросов у защиты нет?

Коммодов. Нет.

Председатель. Подсудимый Соколовский хочет сделать заявление.

Соколовский. Я хотел бы уточнить мой ответ на тот вопрос, который мне был задан прокурором, о тех мероприятиях, которые я проводил для осуществления вредительской меньшевистской установки, проводившей мною по поручению «Союзного бюро», членом которого я состоял. Раньше всего я хочу ответить, что это было совершенно сознательное противопоставление одной линии, — линии минималистской, меньшевистской, другой линии — линии правительства и партии, проводивших определенную политику в деле развития и развертывания отдельных отраслей народного хозяйства. Кроме того, я хочу отметить, что дело не в той конечной цифре, которая дальше была принята и потом пересмотрена, а в тех мероприятиях, которые мы выдвигали для осуществления той или иной цифры. Если я, как экономист, осведомленный в сырьевой проблеме, не указал правительству на наличие целого ряда предприятий, которые имелись, так сказать, налицо и которые могли сильно увеличить возможность развития хлопководства, — и я этого не сделал, — а не сделал я этого, гражданин прокурор, сознательно, в силу своей партийной меньше-

вистской антиправительственной установкой, — то я должен сказать, что теперь я это рассматриваю, как акт несомненного и бесспорного вредительства. Кроме того, возможности развития хлопководства, по наличию ресурсов, как это рисовалось мне, как экономисту, были значительно больше того, чем мы установили или чем мы потом мотивировали нашу установку в 27 миллионов пудов перед правительственными и другими высшими органами, т.е. мы сознательно, вместе с аппаратом Главхлопкома, преуменьшили ресурсы и возможности развития хлопководства.

То же самое я должен сказать и в отношении снижения себестоимости, что дело не в той или иной цифре — 9½, 10 или 10½, а дело в том, что мы выставляли и такую мотивировку и такую сумму мероприятий, — вот это самое важное, — которая должна была доказывать правительству и демонстрировать перед ним невозможность осуществления высоких темпов. Это есть, опять-таки, сознательное извращение, искажение и противопоставление линии меньшевизма линии правительства и партии, которая проводится во всех областях развития народного хозяйства.

Вот те два заявления, которые я хотел сделать.

Рогинский. Прошу вызвать свидетеля Гвоздева.

Председатель. Товарищ комендант, просите свидетеля Гвоздева.

Председатель. Ваше имя, отчество и фамилия?

Гвоздев. Гвоздев, Кузьма Антонович.

Председатель. Вы вызваны в качестве свидетеля. Я вас предупреждаю, что вы должны говорить суду правду.

Крыленко. Ваше последнее место службы?

Гвоздев. Паровагдиз — Паровозо-вагонное дизельное объединение ВСНХ СССР.

Крыленко. С какого времени по какому?

Гвоздев. Я поступил в августе месяце 1930 года и работал там по день ареста — 12 декабря.

Крыленко. Этого времени где вы работали?

Гвоздев. Я работал до этого недолго в Госбанке, а до Госбанка я все время работал в учреждениях ВСНХ СССР. Вначале я работал в ГОМЗЕ при ее существовании в качестве товарища председателя, потом работал в Главэлектро в качестве начальника финансово-экономического управления, а далее я работал в кабельной комиссии или конвенции в качестве председателя.

Крыленко. Когда вы узнали о существовании вредительской организации меньшевиков?

Гвоздев. Я узнал об этом в начале 1929 г., но тогда мне не было сказано, что это вредительская организация. Мне

было указано, что это просто нелегальная меньшевистская организация.

Крыленко. Вначале вы узнали о существовании нелегальной меньшевистской организации, а потом вам стал ясен ее прямой вредительский характер?

Гвоздев. Разрешите дать пояснения по этому вопросу. В начале 1929 г. ко мне обратился старый близкий мне товарищ Волков, Иван Григорьевич, являющийся сейчас подсудимым, и сообщил мне о возобновлении деятельности нелегальной организации социал-демократической партии и предложил мне как старому партийному деятелю вступить в эту организацию.

Крыленко. Вы старый меньшевик?

Гвоздев. Я меньшевик с 1907 года. С 1898 года до 1907 г. я был социал-революционером.

Крыленко. Вы в прошлом были достаточно видным меньшевиком?

Гвоздев. Я в 1917 году был членом ЦК.

Крыленко. В 1917 г. были членом ЦК, а до революции?

Гвоздев. До революции — в 1910—11 гг. я был председателем союза металлистов в Ленинграде, был председателем рабочей группы военно-промышленного комитета.

Крыленко. А на государственной арене ваша деятельность?

Гвоздев. В 1917 г. я был министром труда.

Крыленко. Министром труда при Керенском?

Гвоздев. Да, при Керенском.

Крыленко. Затем вы входили в военно-промышленный комитет в 1915—16 г.?

Гвоздев. Да, в 1915—16 г. входил.

Крыленко. Вы были председателем фракции?

Гвоздев. Председателем рабочей группы меньшевиков.

Крыленко. Меньшевистской оборонческой группы?

Гвоздев. Да. Там были и эсеры, но в меньшинстве.

Крыленко. Но вы являлись там председателем, лидером оборонческой группы рабочих, так что имели в этом отношении достаточно старый стаж, чтобы обращение к вам Волкова для вступления в организацию не требовало особой мотивировки?

Гвоздев. У нас все-таки возник довольно длительный разговор. Ему было известно, что с 1920 года я совершенно порвал с организацией, и были не только сомнения, но и, так сказать, настроения не в пользу прошлой партии. В этом разговоре мы сначала даже не пришли к тому, чтобы я дал окончательное согласие. Но вскоре разговоры возобновились, и я тогда дал согласие. Мотивы за вхождение в организацию были представлены, если хотите, такие, которые с точки зрения социал-демократических идей не вызывали каких-либо больших сомнений.

Вы вероятно помните, что социал-демократы с момента Октябрьской революции заняли позицию такую, что коммунистическая партия, советская власть неизбежно в своей дальнейшей деятельности придет к эволюционированию, сойдет на почву буржуазно-демократическую. И вот в тот момент, когда первоначально меня привлекали, примерно, эта идея мне была изложена Волковым в виде надежды на то, что победа в коммунистической партии правой оппозиции приведет к тому, на чем стояли все время социал-демократы, т.е. к сползанию советской власти на буржуазно-демократическую платформу.

Крыленко. Вы вошли в 1929 г.? В какую ячейку вы вошли?

Гвоздев. Я вошел в ячейку ВСНХ.

Крыленко. Какая конкретная работа партийного характера или порядка пала на вашу долю?

Гвоздев. Мне было на первых порах предложено привлечь в организацию старых знакомых мне меньшевиков, главным образом, бывших ленинградских рабочих, которые находятся в Ленинграде. И когда я дал согласие, я привлек их в эту организацию.

Крыленко. Удалось вам что-нибудь сделать?

Гвоздев. Да.

Крыленко. Много?

Гвоздев. Человек 8—10 я привлек, примерно, с той же мотивировкой, о которой я докладывал сейчас. Разрешите мне продолжить. Но, спустя некоторое время, тот же Иван Григорьевич Волков встретил меня и говорит, что задача, стоящая перед организацией, меняется коренным образом потому, что пришли к выводу, что надежды на победу правой оппозиции нет. Поэтому была поставлена задача непосредственной борьбы с советской властью, за ее свержение, уже не эволюционирование...

Крыленко. А прямая борьба?

Гвоздев. Не надежда на эволюцию коммунистической партии, а борьба с ней. Мотивы к этому были приведены такие, что уже создан ряд организаций по непосредственной борьбе, когда был инженерный центр, потом «Промпартия», крестьянская партия.

Крыленко. Вам об этой связи с «Промпартией» было известно?

Гвоздев. Да. Это было сейчас же сказано, что с ней намечается блокирование. Правда, было сказано, что намечается.

Крыленко. Это 1929 г.?

Гвоздев. Да, примерно, первая половина 1929 г.

Кроме того, здесь был разговор о том, что если внутренних сил недостаточно для свержения советской власти, — а очевидно, что их недостаточно, — то возникает вопрос об интервенции. Не в прямом смысле слова, что социал-демократы

приведут к интервенции. Официальная позиция, как вам известно, была против.

Крыленко. Но они, так сказать, не возражали и поддерживали?

Гвоздев. Если хотите, надежды ставились на это, так как собственных сил для этого недостаточно.

Крыленко. Не только надежда, но и поддержка?

Гвоздев. Своими действиями мы должны были способствовать тому, чтобы увеличить это. Вот тут и возник один из видов тактики борьбы, т.е. вредительство. Вредительство вытекало отчасти из того намеченного блока с «Промпартией» — чисто вредительской организацией — и, таким образом, социал-демократия считала в этот момент, что дезорганизация народного хозяйства СССР является как бы неизбежным, необходимым действием со стороны этой организации, которое помогло бы и привело бы к интервенции.

Крыленко. Какие конкретные шаги в этом отношении вы принимали, если приходилось?

Гвоздев. Мне приходилось. Я должен заявить категорически, что я на следствии чистосердечно признался в том, что я сделал и что делали известные мне члены организации, и я считаю необходимым все совершенно точно установить.

Крыленко. Нам важно установить не только вашу личную деятельность, — это ваше дело, — но и в плоскости связи.

Гвоздев. В части связи моя роль была небольшой. Я был привлечен для вербовки старых, знакомых мне, меньшевиков, именно знакомых, я это подчеркиваю, потому что у меня осталось много старых товарищей, с которыми я десятки лет работал в организации, и мне, конечно, легче было их вовлечь. В частности бывших членов рабочих групп военно-промышленного комитета, с которыми я прошел довольно тяжелый, может быть, печальный путь, но проходили его вместе. Таким образом, моя связь была только с Волковым в видах конспирации и в видах того, что мне была отведена небольшая роль — именно вовлечение в организацию. Поэтому у меня нет данных, чтобы доложить суду о том, что же делали другие члены организации.

Крыленко. Но ваша деятельность была с ведома их?

Гвоздев. Она была с ведома Волкова, так как непосредственно я сносился с Волковым, а Волков, как член «Союзного бюро», делал это по указанию и с ведома организации.

Крыленко. Конкретно, если вас не затруднит, приведите один-два примера вашей работы, о которой был осведомлен Волков и которая была связана с общими указаниями центральной организации.

Гвоздев. Работая в Госбанке, я обслуживал электропромышленность. Я рабо-

тал там очень недолго. Там была мною уже конкретно поставлена задача вредительства, и составленное мною заключение о кредитовании электропромышленности на второй квартал прошлого года было заведомо, сознательно составлено так, чтобы кредитование было недостаточно, чтобы электропромышленность не в состоянии была выполнить своего задания.

Крыленко. Значит соответствующие кредитные ассигнования была такого размера, что плановые предположения по этой отрасли не могли быть выполнены?

Гвоздев. Да. Правда, может быть, к моему счастью, это не осуществилось потому, что, в конце концов, это пришлось изменить, но я докладываю то, что я делал. Это делалось с ведома руководителей банка, входящих в организацию — Берлацкого и Блюма. Это не осуществилось, но с этого момента я начал проводить свою вредительскую деятельность. Дальше я перешел на работу в Паровагдиз.

Председатель. На какой должности вы работали?

Гвоздев. В качестве заведующего сектором реконструкции. Мне было поручено составить генеральный план реконструкции заводов этой отрасли.

Крыленко. Паровозостроения?

Гвоздев. Паровозо-вагоно- и дизеле-строения.

Крыленко. Это шло ближе к работе «Промпартии», по существу касалось непосредственно транспорта?

Гвоздев. Эта работа была чрезвычайно спешна по заданию ЦК партии, по заданию правительства в связи с необходимостью реконструкции вообще железнодорожного транспорта. Железнодорожный транспорт сейчас у нас находится в тяжелом положении и в дальнейшей его судьбе, чтобы вывести на путь, чтобы он справился со своими задачами, нужно было перейти на мощные вагоны и мощные паровозы и количество, а главным образом, качество, коренным образом изменить грузоподъемность наших поездов. Привлеченные к этой разработке материалы других стран дали очень мало, кроме американского материала, который мог послужить образцом, потому что страны Европы по своим размерам для нас не характерны. Что же касается американских данных, то там мы имеем примерно грузоподъемность каждого состава от четырех до пяти раз больше, чем наш состав, и таким образом пропускная способность линии в 4—5 раз больше, чем у нас. Поэтому судьба нашего железнодорожного транспорта в дальнейшем зависит от того, как нами будут построены такие паровозы и вагоны, когда мы будем в состоянии иметь состав, увеличивавший их грузоподъемность в 4—5 раз, при чем количество потребует, во

всяком случае, тоже больше и поэтому тоже нужно было разработать. План, определяющий, если хотите, не только до некоторой степени, но и фактически определяющий дальнейшую судьбу железнодорожного транспорта и судьбу этой отрасли промышленности, был поручен мне. У нас сейчас существует 15 заводов, при чем заводы больше носят кустарный характер.

Крыленко. В каком направлении шла работа по планированию паровозостроения и заводостроения?

Гвоздев. Планирование заключалось в следующем: нужно было составить генеральный план развития этой отрасли промышленности.

Крыленко. Нужно было составить план. Что дальше?

Гвоздев. Этот план заключался в чем? Учесть, какие имеются производственные возможности постройки новых типов паровозов и вагонов на существующих заводах и какое количество нужно построить новых заводов, какой мощности, для того, чтобы осуществить задачи, поставленные перед транспортом. У нас имеется 15 заводов, которые нужно было все реконструировать для того, чтобы подгонять к новой реконструкции паровозостроения, и 23 завода новых намечено.

Крыленко. Эти детали ненужны. Нужно построить план, взять энное количество заводов одного характера, взять энное количество другого характера, взять некоторые проектировки и т. д. В чем же выражалось конкретное вредительство?

Гвоздев. Я должен сказать, что грандиозный план, программа намечена до 1939 г. строительства заводов и производства, но это фактически не укладывается в этот срок. Фактически, если наметили 23 новых завода к постройке, то нужно было заглянуть и в следующую пятилетку, нужно было попытаться выяснить, какой предполагается грузооборот в среднем на следующую пятилетку, для того, чтобы строить заводы не 2—3 года, а для того, чтобы построить заводы, как полагается.

Конкретно в чем состояло мое вредительство? Я наметил больше заводов к постройке, чем фактически было нужно. Всего план предусматривал на капитальные затраты 1½ миллиарда рублей. Из этих 1½ миллиардов рублей, я не подсчитывал окончательно, потому что не было под рукой материала, но я думаю, что миллионов 400 лишних запроецировано на новое паровозостроительство.

Крыленко. Сознательно запроецировали капитальное строительство на 400 миллионов рублей лишних, свыше тех потребностей, которые были необходимы?

Гвоздев. Да.

Председатель. На кого из членов партии техников-меньшевиков вы опирались при создании этого плана?

Гвоздев. Тут я работал один, один потому, что там оказался только еще один меньшевик, который работал в финансовом отделе, и я не мог его использовать на этой работе.

Председатель. На какие технические силы вы опирались?

Гвоздев. У меня было под руководством человек 25 из разных отделов, у них были узкие задачи, у каждого было задание на то, что он должен был проработать.

Председатель. Но вы говорили, что к тому времени намечался блок с «Промпартией». Кого вы знаете из членов «Промпартии»?

Гвоздев. Я таких не знаю, может быть они и есть, но так как работа была чрезвычайно напряженная — я работал примерно по 15 часов в сутки, — заниматься тут партийной работой я уж был не в состоянии и выискивать, кто член «Промпартии» — я не мог.

Крыленко. Но с кем вы условились, чтобы в таком направлении вести работу?

Гвоздев. У меня было указание, директива центра, и я, поскольку я был членом определенной организации, проводил эту работу самостоятельно.

Крыленко. А Седова вы знали?

Гвоздев. Знал, он принимал участие в работе, но я его не ставил в такое положение, чтобы ему все излагать. Он не член организации и я ему не разъяснял, что проваю здесь вредительство.

Крыленко. Но вы привлекли его к практической работе?

Гвоздев. Да.

Крыленко. А о целях вы ему говорили?

Гвоздев. Нет, он не меньшевик.

Крыленко. Попеляшева вы знали?

Гвоздев. Да, он работал. Они оба работали, но целей я им не излагал.

Крыленко. Это одно конкретное мероприятие. А другое в чем выражалось?

Гвоздев. Был запроектирован паровозостроительный завод стоимостью в 120—130 миллионов рублей, затем завод пассажирских вагонов на 12 тысяч годового выпуска, тогда как в сущности их потребность могла быть удовлетворена пятью-шестью тысячами. Вследствие этого было запроектировано 40 или 50 лишних миллионов рублей. Затем наряду с удовлетворением железнодорожного транспорта стоял вопрос об удовлетворении так называемого внутризаводского транспорта, т.е. подвижного состава для промышленности. Вот здесь также проекты составлялись в преувеличенном количестве, т.е. было запроектировано до 1938 года отпустить новых паровозов промышленности около 6 тысяч и примерно 140—150 тысяч вагонов, тогда как у железных дорог сейчас имеется парк старых паровозов и вагонов, которые фактически не годятся для обслуживания железной дороги, они должны будут остаться неиспользованными, по-

тому что железным дорогам нужны нового типа паровозы и вагоны. Промышленность могла бы их использовать.

Крыленко. К какому периоду относится эта работа?

Гвоздев. К 1930 г.

Крыленко. Меня интересует (я не знаю, известно ли это вам, или неизвестно) вопрос такого рода: что, в «Промпартии» наблюдался этот поворот тактики, который они называли методом омертвления капитала, т.е. нерациональное вложение средств в капитальное строительство и вследствие этого торможение строительства?

Гвоздев. Когда мне стала известна эта линия «Промпартии»?

Крыленко. Да.

Гвоздев. Я не был непосредственно связан с «Промпартией», а я исполнял директиву своего центрального органа, которая была мне изложена Волковым. Волков же сказал, что тут есть контакт, но сам я непосредственно никакой связи с этой организацией, с «Промпартией», не имел.

Председатель. Но вы знали, что такая линия, такой контакт намечен?

Гвоздев. Линия на дезорганизацию народного хозяйства, при чем, может быть, в отдельных случаях применена линия сокращения народного хозяйства, введения диспропорции между отдельными отраслями промышленности, в других, наоборот, преувеличения, словом, дезорганизация хозяйства. Эти дезорганизаторские задачи сводились к тому, чтобы внести диспропорцию по существу в отдельные отрасли — в одних, повторю, путем преувеличения, в других — путем преуменьшения, чтобы, таким образом, народное хозяйство не могло планомерно и правильно развиваться. Вот, в сущности, как организация ставила эти задачи.

Председатель. А те товарищи, которые вами были приглашены в организацию, в меньшевистскую партию, они выполняли какие-нибудь вредительские функции и вы им давали какие-нибудь указания?

Гвоздев. Нет, передо мной была поставлена одна задача — привлечь их в организацию. Сам я в организации не занимал никакого такого поста, в смысле обслуживания. Я, привлекая, должен был сообщать об этом Волкову, получал иногда литературу для обслуживания, но обслуживание, в смысле постоянных директив, не входило в мои функции.

Председатель. А кто это делал?

Гвоздев. Я с этой частью незнаком.

Рогинский. Вы на совещаниях «Союзного бюро» участвовали?

Гвоздев. Как потом выяснилось, я участвовал на одном из совещаний «Союзного бюро» в кабинете Штерна, но я сначала не знал, что это — «Союзное бюро». После мне Волков сказал, что это — «Союзное бюро».

Рогинский. Кто там был?

Гвоздев. Был Волков, который меня пригласил, был там Громан, был Суханов, насколько я помню, был Гинзбург, кажется, Соколовский, — всего было человек десять.

Рогинский. Какие вопросы стояли?

Гвоздев. Стоял один вопрос — о контакте с крестьянской партией, и второй вопрос — о заграничной информации, т. е. обсуждался вопрос о том, что заграничная информация слаба, что мы ее мало имеем и нужно принять все меры к тому, чтобы эту информацию сделать более обширной, чтобы мы знали, что происходит за границей.

Рогинский. Вы заграничную литературу получали?

Гвоздев. Иногда у меня бывал «Социалистический вестник».

Рогинский. А помимо «Социалистического вестника» была ли в вашем распоряжении какая-нибудь литература, получаемая из-за границы?

Гвоздев. В моем распоряжении ее не было. Я слышал от Волкова, что получены директивы и литература.

Рогинский. Директивы из-за границы, устанавливающие определенную тактическую линию поведения меньшевистской организации?

Гвоздев. В моем распоряжении такой литературы не было, кроме «Социалистического вестника», но я слышал, что такая литература поступает.

Рогинский. И вас информировал об этом кто?

Гвоздев. Волков. Я только с Волковым имел связь, и мы условились, что с другими членами центральной организации я должен меньше всего встречаться, потому, что это было бы не конспиративно. Если я иногда и встречался, то только случайно, а с намерением — никогда.

Рогинский. Можно попросить подсудимого Волкова?

Председатель. Подсудимый Волков.

Председатель. Скажите, привлеченные в организацию меньшевиков Гвоздевым лица, они что — получали уже от вас указания о том, как им вести работу и какова их роль в этой организации?

Волков. Моя роль в орггруппе заключалась в том, чтобы привлекать рабочих-меньшевиков. Я не только их привлекал, но и обслуживал. Что же касается тех лиц, которых привлек Кузьма Антонович, то они делятся на две части: первая часть — это бывшие рабочие, которые стояли ближе к нему и которых он обслуживал. Вторая часть — это те, которые не были рабочими. Я их соединял со Штерном и Штерн их обслуживал общим порядком. Прав Кузьма Антонович, что он мне передал эти лица для обслуживания, но он передал мне не всех. Часть рабочих-меньшевиков, которые стояли ближе к нему, он обслуживал. Стоящие вне системы меньшевики проходили че-

рез меня. Те же, которых знал Гвоздев, — через Гвоздева, но таковых было 2—3.

Председатель. Какой был характер обслуживания?

Волков. Характер обслуживания заключался в том, что я снабжал литературой, информировал о положении дела в организации, вел агитацию — одним словом, был посредником между организацией и теми, которые были привлечены. Нужно сказать, что Кузьма Антонович прав, когда указывает на то, что я вначале, вербуя его, не ставил вопроса о вредительстве. Это было вполне понятным.

На одном из предыдущих заседаний я говорил уже о том, сколь трудно было завербовать бывших меньшевиков. Естественно, что я не мог начинать с вопроса о вредительстве. В то время для меня это было совершенно ясным. Я пробовал иными методами вербовать этих рабочих-меньшевиков, а после того, как они соглашались, я постепенно перед ними начинал развивать программу полностью.

Кроме того, вообще, вредительство среди рабочих-меньшевиков не стояло основной задачей. Основная задача заключалась в агитации и пропаганде. Нужно было в первую очередь как можно крепче склотить вокруг организации бывших меньшевиков-рабочих. В этом отношении вредительство было на втором плане, тем более, что эти товарищи рабочие обыкновенно не занимали больших постов и много сделать не могли. Кузьма Антонович занимал исключительное место и имел возможность сделать больше других. Все то, что он рассказывал относительно его вредительства, я в значительной степени подтверждаю, хотя, работая в Паровагдизе всего 3—4 месяца, он, естественно, за это время не мог связаться ни с какими другими организациями и вел на свой страх и риск свою работу. Я ее получил впоследствии, перед самым арестом.

Председатель. Имеются ли какие вопросы?

Крыленко. Больше вопросов нет.

Председатель. А защита имеет вопросы к свидетелю Гвоздеву? (Нет).

Председатель. Товарищ комендант, выведите свидетеля Гвоздева.

Крыленко. Я попросил бы Шера.

Председатель. Подсудимый Шер.

Крыленко. Конкретные формы вашей вредительской работы по Госбанку?

Шер. Я не буду рассказывать здесь о той линии, о той классовой линии или о нарушении классовой линии, которую я проводил до 1928 г. в Госбанке, ибо начало моей вредительской работы в Госбанке относится к началу 1928 г. До этого времени мне приходилось лишь открыто выступать в Госбанке на совещаниях, имевших там место, на заседаниях пра-

вления в целях углубления и расширения ядра в соответствии с теми организационными установками, о которых я показывал суду.

Мягкое отношение к сектору частного капитала, при поддержке частной торговли в ущерб кооперации и прочее, — все эти моменты, составлявшие содержание моих открытых выступлений, были в свое время предметом суждения комиссии по чистке, которая исключила меня, как я уже говорил, по первой категории. Я считаю, что это обстоятельство суду в данный момент не интересно. Я остановлюсь только на тех чисто вредительских актах, которые имели место после 1928 г., начиная с 1928 года.

Рогинский. Может быть, мы поставим сразу три основных вопроса по вредительским актам и этим можно будет ограничить допрос обвиняемого Шера?

Председатель. Пожалуйста.

Рогинский. Эти три вопроса — следующие. Мы начнем последовательно в их развитии.

Первый вопрос — вредительство по проведению кредитной реформы в области промышленной кооперации.

Второй вопрос — вредительство, совместно с ячейкой Центросоюза, по дезорганизаторской деятельности при кредитовании потребкооперации.

Третий вопрос — общего порядка — вредительство при проведении кредитной реформы и стремление к определенной дезорганизации в области денежного обращения.

Шер. Сначала имела место вредительская работа с потребкооперацией, потом с промышленной кооперацией и затем при проведении кредитной реформы. Это будет более последовательно хронологически и логически.

Рогинский. Начнем с дезорганизаторской работы совместно с ячейкой Центросоюза по дезорганизаторской деятельности при кредитовании потребкооперации.

Шер. Бухгалтерия и отчетность вас не интересуют?

Рогинский. Это мы спросим у Берлацкого.

Шер. Я также проводил эту работу.

Рогинский. Я знаю.

Шер. И, может быть, даже в большей степени, чем Берлацкий.

Рогинский. Пожалуйста, по этим трем линиям.

Шер. Что касается вредительской работы в отношении кредитования потребкооперации, то широко развернуть вредительскую деятельность было трудно, поскольку планы кредитования потребкооперации утверждались правительством, рассматривались Госбанком и целым рядом компетентных комиссий. Таким образом, дать преувеличенные цифры кредитования потребкооперации было почти неосуществимо. Эти преувеличенные циф-

ры кредитования вытекали лишь из той вредительской установки, которая имела место в работе Центросоюза, когда он преуменьшал темпы накопления собственных капиталов, преуменьшал ресурсы системы и тем самым преувеличивал свои требования к Госбанку. Обычно, поскольку кредитные планы потребкооперации подвергались все-таки достаточному рассмотрению, преувеличение в большей или меньшей степени парализовалось предусмотренными кредитными планами и установлением норм кредита. Таким образом, хотя несомненно и имело место последовательное преувеличение и явное преувеличение требований Центросоюза на кредиты, но это было преувеличение требований на эмиссию, против которых я не возражал и которые я поддерживал, ибо я был одним из наиболее активных проводников идеи о необходимости достаточного кредитования кооперации. Меня председатель правления Госбанка Пятаков не один раз упрекал в том, что я отстаиваю интересы не Госбанка, а кооперации. В Госбанке я слыл кооператором, посему ко мне обращались чаще всего кооператоры и эту точку зрения я поддерживал и проводил там. Но тем не менее, несмотря на все это значительное расширение эмиссий, следовательно расширение денежного обращения вообще, все же кредитной инфляции и сопутствующей ей эмиссионной инфляции в это время не могло быть.

Здесь весь расчет был построен несколько иначе. Когда я получил окончательную цифру годового плана и затем окончательную цифру квартального плана в смысле определенной директивы, скажем — сжать, как это было в том конкретном примере, который я приводил в показаниях на предварительном следствии, — сжать кредиты потребкооперации на 1929/30 г. на 20 млн. р., то в мою задачу в дальнейшем входило разбить эти 20 млн. поквартально, т.е. установить, какая сумма снижения падает на первый, второй и последующие кварталы и получить соответствующее утверждение правления, а затем разассигновать эту цифру снижения по определенным районам.

Эта задача падала на меня, при чем я должен был здесь согласовать эту директиву и давать указания, инструкции управляющим банком по периферии. Естественно, когда речь шла о снижении в потребсистеме, — как это явствует и из показаний Петунина, это вещь довольно трудная и для них самих, особенно для Госбанка, — то эти трудности особенно возрастают, когда они падают на плечи управляющего Госбанка.

Каждый управляющий соответствующего филиала Госбанка настаивал на большем кредите и ему пришлось давать жесткую директиву, что, например, по Украине вы обязаны снизить на 3,5 млн.

руб. в ближайший квартал, на ту сумму, которая падает на ваши филиалы. Исполнялось это нашими управляющими без особой охоты. Для того, чтобы достигнуть здесь вредительской цели и осуществить это наиболее осторожным способом, я предложил нижеиследующий метод: я предложил и провел, если не в правлении, то в одной из правленческих комиссий при обсуждении кредитных планов на II квартал и добился согласия этой комиссии на то, что распределение этих кредитов дается Центросоюзу или согласовывается с Центросоюзом.

Крыленко. Другими словами, уступили функцию распределения самому потребителю?

Шер. Да, другими словами, фактически получилось, что глава вредительской и меньшевистской организации Петунин бесконтрольно и безоговорочно распределял кредиты по всей системе потребкооперации. Он давал соответствующие указания отделению Госбанка, при чем мог посылать от Понтия к Пилату. Когда приходили к Петунину, он ссылался на Госбанк, а когда приходили ко мне и говорил, что кредиты малы для потребкооперации, то я говорил, зачем вы сами хотите быть большими кооператорами, чем сам Центросоюз. Таким образом, и управляющие филиалами и конторы Госбанка не получили никакой возможности формально возражать против цифр, которые я приводил. С другой стороны, и кооператоры были в том же затруднительном положении. Вот принцип, который здесь проводился.

Какое это имело практическое последствие? В конечном счете я бы сказал одно, что практическим последствием этого был срыв плана. Я сейчас цифры не могу припомнить точно, но нам в значительной степени не удалось выполнить тот план, который был намечен.

Крыленко. Общий план кредитования?

Шер. Да, общий план кредитования. По плану было намечено снижение на 20 миллионов рублей, эту цифру я помню, но как она реализовалась — я сейчас не припомню.

Рогинский. Вы в своих предварительных показаниях говорите, что результатом было снижение всего на несколько миллионов рублей.

Шер. Я точную цифру сейчас припомнить не могу, но это означало прорыв в плане в сумме нескольких миллионов рублей. Это имело другое последствие — оно било по некоторым определенным кооперативным организациям. Я припоминаю, например, что такой удар был направлен по кооперации Белоруссии. Белкоопсоюз был явно недокредитован и жалобы Белкоопсоюза были чрезвычайно велики. Они указывали на то, что мы не только снижаем кредиты, но совершенно лишаем их кредитов. Их ходатайство и просьбу поддержал упра-

вляющий филиалом, исходя из тех, может быть, ведомственных соображений, а может быть из общих соображений необходимости поддержки кооперации, поскольку подавляющее большинство наших управляющих были коммунисты и допускать кооперацию до краха и развала они не могли. Таким образом, наши вредительские установки не достигали тех конкретных целей, которые мы ставили, но дезорганизовывали несомненно хозяйство данного союза. Скажем, они ставили Белкоопсоюз в чрезвычайно трудное положение, но так как коммунисты-управляющие, управляющий тем же минском Госбанком или белорусским Госбанком, предпочитали нарушать планы, утвержденные правлением, и перекредитовали сверх плана в минималистских размерах, потребных для спасения кооперации, то план срывался. Результатом этих нарушений формального предписания, которое мною давалось во вредительских целях, явился общий прорыв плана в сумме более 10 миллионов рублей.

Я указываю на этот пример для того, чтобы указать и подчеркнуть эту вредительскую установку, в результате которой получился прорыв в 10 миллионов рублей.

Крыленко. А также в смысле потрясения кооперации?

Шер. Да, потрясения отдельных районных потребительских коопераций. Если посмотреть, откуда произошло нарушение плана, то вы увидите по последнему кварталу 1929/30 г., что оно целиком падает на отдельные районы потребительской кооперации, на периферию, где происходили прорывы, но не на центр. Этот пример с Белкоопсоюзом, который я привел, является примером решающего значения, и потребительские кооперации Черноземной области, Украины в особенности и ряд других районов вынуждены были получить больше, чем намечалось по плану; управляющие должны были прорвать план и выдать кредит на необходимые суммы. Этот прорыв был сделан во вредительских целях.

Рогинский. Расскажите о проведении кредитной реформы в области промышленной кооперации.

Шер. Здесь вопрос обстоял таким образом. Я формально в Госбанке был одним из авторов кредитной реформы, одним из инициаторов кредитной реформы и по существу весьма энергично принялся за реформу, решившись воспользоваться проведенным кредитной реформы, полагая, что это даст широкие возможности для развертывания вредительской работы в смысле чрезмерного расширения эмиссии. Если возьмете ту книгу, которую, я по этому поводу написал, — я как раз являюсь автором одной брошюры, которая должна была инструктировать управляющих Госбанка по вопросу

о кредитной реформе, — то вы увидите, что кредитная реформа не дает повода для того, чтобы увеличивать размеры кредита, а лишь изменяет форму. Сама по себе идея реформы никакой инфляции, преувеличенной эмиссии не вызывала, но я постарался сделать так, чтобы эти последствия были вызваны. Эти последствия действительно были вызваны.

Наиболее полно и законченно я провел, пожалуй, свое последнее вредительское действие, которое непосредственно касалось области промысловой кооперации. Что касается промысловой кооперации, то вопрос о кредитной реформе был согласован с промысловой кооперацией более полно, чем с какими-либо другими видами кооперации.

Крыленко. Конкретно в чем выражалось вредительство?

Шер. Так как эта согласованность была достигнута, то я предложил осуществить кредитную реформу в области промысловой кооперации до решения этого вопроса правительством и, так сказать, предвосхитить намеряющееся решение. Но поскольку я утверждал, что все согласовано, что все подготовлено и что здесь затруднений не будет, постольку я естественно получил согласие от руководителей банка на такой шаг, который предвосхитил решение правительства. Я получил согласие Пятакова, согласие, которое было оформлено Правлением в начале октября месяца, — и мы приступили к осуществлению кредитной реформы в области промысловой кооперации.

Каким образом это было сделано? Кредитная реформа начала осуществляться с первого апреля, а мы начали ее осуществлять с 1 октября. Естественно, мы имели достаточно времени для того, чтобы проинструктировать, проинформировать наши филиалы и промысловую кооперацию, т.е. разработать инструкции, созывать соответствующие собрания и проч. Это, конечно, дело в достаточной степени сложное. Если вы просмотрите инструкции, связанные с кредитной реформой, то вы увидите, что вопросы бухгалтерии, вопросы отчетности и вопросы форм кредитования изменялись весьма и весьма значительно. Во всяком случае работа, техническая работа банка, как такового, сильно усложнилась.

Каким образом было предложено сделать этот переход?

По телеграфу, т.е. был составлен соответствующий циркуляр одним из сотрудников Госбанка, Петровым, который был привлечен к вредительству не как член организации. Он составил этот циркуляр, а потом, после решения правления о том, чтобы осуществить эту реформу, после октября месяца не стоило труда убедить работника-коммуниста, находящегося в моем подчинении, в качестве кредитного инструктора, что это

надо осуществить возможно более быстро. И циркуляр был разослан по телеграфу, знаменитый циркуляр № 22, ставший знаменитым в том смысле, что он потребовал бесконечных объяснений и толкований.

Антонов-Саратовский. Создал на местах путаницу и хаос?

Шер. Совершенно верно, при чем путались здесь все — путались и наши управляющие, ибо они не имели никакой точной инструкции как быть, путалась и сама промысловая кооперация, которая принципиально была согласна на этот новый порядок, но не успела с нами детально договориться, и особенно путались мелкие промысловые союзы, которые не были инструктированы своим промысловым центром.

Рогинский. Иначе говоря, реформа была проведена без всякой подготовки. Затем был издан этот знаменитый циркуляр, который приобщен к делу?

Шер. И «кучи телеграмм, которые также находятся в деле.

Рогинский. И никаких совещаний для объяснения этого вопроса создано не было?

Шер. Нет.

Рогинский. И затем мы имеем ряд запросов с мест?

Шер. Совершенно верно.

Рогинский. ...с просьбой разъяснить сущность этой кредитной реформы, способ ее проведения, различного рода формы и т. д.?

Шер. Совершенно верно.

Рогинский. Для того, чтобы закончить этот эпизод, я буду просить у суда разрешения огласить один из документов, приобщенных к делу.

Шер. А я буду просить разрешения предоставить мне возможность докончить изложение этой работы.

Рогинский. Эта возможность вам будет в дальнейшем предоставлена. Мы имеем такой результат кредитной реформы в Ленинграде — документ от 24 декабря 1929 г., т.е. примерно месяц спустя после того, как этот циркуляр был отправлен на места: «переход на новые формы кредитования, согласно циркуляра правления Госбанка № 22, застал ленинградскую промысловую кооперацию недостаточно подготовленной, так и в точности отсутствие плановых балансов не дает возможности критически подойти к оценке всех предъявленных промкооперацией заявок».

Это один запрос. Из Воронежа 17 января ишут:

«Сообщаем, что правлениями промсоюзов в Белгороде, Орле, Тамбове... накопление внутренних ресурсов по системе промкооперации в области не изучено».

Аналогичные телеграммы были получены из Н.-Новгорода, из Тифлиса, из Ташкента, из Свердловска, из Харькова, из Самары, из Смоленска, — одним сло-

вом, посыпался ряд телеграмм с просьбой объяснить существо этой реформы.

Шер. Существо непонятых циркуляров. **Рогинский.** Иначе говоря, ваша цель была практически реализована. Теперь практические результаты в денежном и суммовом выражении?

Шер. Кооперация вышла из этого положения таким образом. Она быстро поняла, что в этой мутной обстановке, созданной этим циркуляром, можно все-же кое-что получить, можно какую-то рыбку поймать. Такая кредитная реформа вся связана с идеей планирования, и так как всякий, представивший план, имеет уже шансы вести деловые разговоры с Госбанком так же, как и раньше, то кредитная реформа именно дает шансы разговаривать всякому, имеющему покупательские векселя, — поэтому организации на местах столкнулись с необходимостью критического отношения к планам. Этого критического отношения к планам не было, и поэтому там, где обстановка была понята, — а я думаю, что она была понята и раскушена довольно быстро, — получилась легкая возможность получить кредит по плану, по липовому плану, ибо он не был достаточно проконтролирован в филиалах, потому что ни один из филиалов не был достаточно проинструктирован о том, как этот план нужно проверять и как его к проверке и критическому рассмотрению нужно подходить.

Антонов-Саратовский. А вы не намекали насчет того, что в мутной воде можно половить рыбку?

Шер. Нет, мы этого не указывали, поскольку весь смысл этого дела заключался в том, чтобы создать некоторое напряжение эмиссии. Это и было сознательной целью данного акта, мною проводимого. В конечном счете, это дало в одной промышленной кооперации сумму около 30—40 миллионов рублей.

Рогинский. Задолженности?

Шер. Нет, прорыва плана. К сожалению, у меня нет цифр по первому кварталу, тогда я мог бы сказать точнее, но, насколько я вспоминаю, это была сумма около 30—40 миллионов.

Рогинский. Но во всяком случае практический результат выражался в десятках миллионов?

Шер. Да.

Рогинский. И последний вопрос — это об общей кредитной реформе и о программе денежного обращения.

Шер. Я бы сказал, что этот метод, мною проведенный, в значительной степени предполагал и планы на дальнейшее, т.е. что этим же методом можно было бы идти и дальше, в смысле осуществления кредитной реформы, это была установка на дальнейшее. С моим уходом из Госбанка эта деятельность в значительной степени ослабела и, по моему, разворачивалась не с той полнотой, как

я этого ожидал. Во всяком случае, тот результат, который был достигнут, был, насколько мне известно сейчас, значительно меньше того, на что я рассчитывал. Он составлял сумму около 150 миллионов рублей.

Председатель. Это в связи с реформой?

Шер. Да. При этом проводимая реформа сводилась к тому, что указания и инструкции по реформе довольно часто запаздывали, так что здесь происходил сознательный саботаж, сознательная задержка, которая вызывала, в конечном счете, преувеличенные требования на кредит и соответствующие требования на эмиссию. В результате этого получилась кредитная инфляция, угроза этой инфляции. Это и было причиной того расстройства денежного обращения, которое имело место.

Вот, в сущности говоря, все, если быть кратким.

Рогинский. Больше вопросов нет.

Председатель. Защита имеет вопросы? (Нет).

Подсудимый Берлацкий.

Рогинский. Вы были членом правления Госбанка?

Берлацкий. Да, в продолжение 6 лет.

Рогинский. Какую область работы вы непосредственно выполняли, какая область работы вам была поручена?

Берлацкий. Я бы просил вначале разрешить мне сделать одну небольшую поправку к сообщению Шера. Поправка эта сводится к следующему. Шер начал свое сообщение с того, что моя роль во вредительстве была второстепенного порядка. Полностью разоружаясь, я считаю своим долгом осветить то, что вредительство, которое проводилось мною по меньшевистской организации в Госбанке, является вредительством не последнего порядка, так как я был членом правления Госбанка. Для того, чтобы суд понял, что моя роль была значительной и во всяком случае не второстепенной, я считаю нужным сделать эту предпосылку.

Рогинский. Ваша роль во вредительских действиях определяется не заявлением обвиняемого Шера, а теми действиями, которые прошли и которые еще пройдут перед судом. Суду в достаточной мере они известны по целому ряду актов, которые были предметом исследования.

Какая отрасль работы была возложена на вас, как члена правления?

Берлацкий. В разное время я работал в разных отраслях. В 1924—1925 г. до середины 1926 г. или до конца 1926 г. я ведал вместе с Шером банковской инспекцией. Кроме того в моем ведении находилась специальная группа по изучению денежного обращения и финансов в разных странах, главным образом, в странах Востока. Я проводил вместе с Шером эту работу по инспекции в тот период, когда меньшевистская организация не перешла еще на работу вреди-

тельского, дезорганизаторского порядка. Но я был членом ячейки, членом меньшевистской организации. Моя работа тогда сводилась к тому, что я открыто и официально на заседаниях правления, на ряде совещаний выступал с определенными установками, направленными к тому, чтобы углублять и расширять нэп.

После 1926 года в моем ведении оставалась опять-таки группа по изучению денежного обращения и финансов разных стран, в том числе и стран Востока, а кроме того ряд отраслей народного хозяйства, главным образом, отрасли легкой промышленности. Вскоре же вообще ко мне перешла вся легкая промышленность.

Рогинский. Каковы были основные линии вашей вредительской работы?

Берлацкий. Я должен еще оговориться, что в моем ведении находилась бухгалтерия. Основные линии вредительской работы шли по бухгалтерии, по промышленности, по странам Востока. Кроме того я замалчивал ряд вредительских актов меньшевистской организации, уже отраженных в оперативной работе Госбанка, ибо Госбанк может отразить не только свое вредительство, но и то, которое имеет место вообще в стране. Банк — это зеркало всего народного хозяйства, в особенности в Советском Союзе, где Госбанк является основным, единственным в данное время краткосрочным институтом кредита.

Рогинский. Возьмем для исследования два вредительских акта: вредительский акт, который был совершен вами по линии бухгалтерии, и другой, совершенный вами по линии промышленности.

Перейдем к вредительскому акту по бухгалтерии. Каково было существо этого вредительского акта, его практические последствия?

Берлацкий. Для вас должно быть совершенно очевидно, какую громадную роль играет бухгалтерия в банке, в особенности в Госбанке Советского Союза, где счетоводство и отчетность должны иметь исключительное значение, поскольку Госбанк является единственным краткосрочным институтом кредита и поскольку установки правительства исходят из расширения и углубления плановости.

Кроме того, бухгалтерия имеет еще исключительное значение потому, что четкая ее работа дает возможность соответствующим инстанциям своевременно проследить за соответствующим распределением кредитных ресурсов по отдельным отраслям народного хозяйства. Если бухгалтерия не дает проверенные надлежащим образом материалы, или дает запоздалые материалы, то соответствующие инстанции могут распределить средства по отраслям народного хозяйства только ориентировочно, за исключением в этом отношении точных и четких материалов.

Председатель. Вы говорите о характере аппарата бухгалтерии до реформы?

Берлацкий. Я вообще говорю о бухгалтерии как таковой, о значении ее в банке и в частности в советском банке.

Крыленко. При кредитной реформе?

Берлацкий. До кредитной реформы. При кредитной реформе она имеет еще большее значение. Я об этом скажу потом.

Когда мне было поручено «Союзным бюро» пойти на дезорганизацию и на вредительство, мною, совместно с Шером, был привлечен для вредительских целей не то главный бухгалтер, не то исполняющий его обязанности, но это не существенно, потому что он фактически являлся главным бухгалтером, — Лепешкин. Мы с ним договорились, что его задача заключается в том, чтобы дезорганизовать бухгалтерию. Дезорганизовать бухгалтерию нам было чрезвычайно легко, потому что в бухгалтерии отдельные участки, начиная со дня существования банка, были недостаточно четко поставлены, запущены, такой участок, например, как межконторные расчеты. Если угодно суду, я расскажу, в чем заключается этот вопрос.

Председатель. Кратко.

Берлацкий. Сущность этого дела заключалась в том, что Госбанк имеет громадное количество филиалов, несколько сот, обслуживает все народное хозяйство и одновременно совершает громадное количество операций. Всякая операция банка начинается в одном филиале и получает неизбежное отражение в другом. В одном филиале она должна быть записана, как операция активного порядка, скажем, как операция выдачи кому-нибудь, а в другом филиале она должна быть записана, как операция пассивного порядка, выражаясь фигурально, как операция получения. Для того, чтобы правление имело возможность контроля над всей этой работой, поскольку филиалы работают между собой непосредственно, при бухгалтерии создана была еще при создании банка, это так и полагается, особая группа, которая занимается в центре проверкой и контролем специально присылаемых из этих филиалов карточек. Филиал, который совершает операцию в качестве активной операции, т.е. в качестве выдачи, заполняет соответствующее количество карточек и рассылает их соответствующим образом тому филиалу, который должен эту операцию закончить, и, кроме того, правлению. Тот филиал, который заканчивает эту операцию, в свою очередь, посылает одну карточку в правление. В результате эти карточки в правлении сверяются, правление имеет возможность констатировать правильность произведенных операций. Операций у банка очень много, и число этих карточек определяется в настоящее время миллионами, тогда же

число их исчислялось, я боюсь сказать точно, но во всяком случае сотнями тысяч. И вот этот участок банка в свое время был запущен, в виду грандиозности этой работы, в виду недостаточного штата и т. д.

Когда мы получили директиву дезорганизовать бухгалтерию и тем самым лишить советское правительство возможности в надлежащие сроки знать состояние задолженности каждой отрасли народного хозяйства, то мы в первую очередь обратились в бухгалтерию и договорились с Лепешкиным, что он не должен принимать мер к тому, чтобы распутать, привести в порядок этот участок.

Рогинский. При наличии целого ряда постановлений правления банка о необходимости возможно быстрого приведения в порядок этого участка работы?

Берлацкий. Да, вы совершенно правы. Вокруг вопроса ликвидации этого так называемого запуска по межконторным расчетам создавалось бесконечное количество споров и проектов, каждый выдвигал свой проект, и вторая задача Лепешкина заключалась в том, чтобы он, как главный бухгалтер банка, проявляя в этом вопросе необходимую пассивность, что давало достаточную уверенность в том, что ни один из этих проектов не пройдет, потому что можно было сказать заранее, что без главного бухгалтера конкретно ничего не будет принято. Это было достигнуто, и данный участок работы бухгалтерии—межконторные расчеты—остался неразработанным, не был приведен в порядок.

Рогинский. Значит, в этом вопросе был проявлен прямой саботаж?

Берлацкий. Да. Следующий вредительский акт по бухгалтерии был проведен в таком виде: филиалы банка нуждаются в своевременном получении инструкций, в своевременном получении руководства. Мы договорились с главным бухгалтером Лепешкиным, чтобы эта отчетность—ревизионная и всякого рода командировки, затем руководящие указания и т. д.—заказывала, и мы это выполнили. В результате бухгалтерия была дезорганизована. В таком состоянии бухгалтерия находилась незадолго до начала проведения кредитной реформы. Проведение кредитной реформы на базе такой бухгалтерии, конечно, представлялось актом, который неизбежно должен был в результате создать обстановку, при которой материалы о задолженности той или другой отрасли хозяйства, о взаимоотношениях тех или иных отраслей хозяйства с Госбанком во время получить не представлялось возможным. Поэтому мы, меньшевики, имели возможность кредитовать те отрасли хозяйства, какие мы находили нужным, и зажимать, недокредитовывать те отрасли хозяйства, которые мы не считали нужным поддерживать.

Кроме того, такая бухгалтерия давала возможность не выявлять своевременно все те диспропорции, которые проходили по целому ряду других планов, ибо, если заверстывалась какая-нибудь диспропорция, допустим, по отделу финансовой политики ВСНХ или какого-нибудь другого сектора, диспропорция вредительского происхождения, то эта диспропорция той или иной отрасли требовала получения от банка новых средств. Запоздывание бухгалтерских данных и запаздывание статистических данных, о которых, если угодно, я особо буду рассказывать,—давали возможность не выявлять своевременно, какого рода диспропорции, или выявлять их с значительным опозданием.

Рогинский... и парализовать их?

Берлацкий. Да. Вот основное вредительство, которое прошло по бухгалтерии.

Рогинский. Оно давало базу для проведения вредительских актов уже по известной дезорганизации кредитования по всем линиям народного хозяйства?

Берлацкий. Да.

Рогинский. Теперь—по линии промышленности.

Берлацкий. По линии промышленности, как только я получил директиву усилить темпы кредитования легкой промышленности, ослабить темпы кредитования тяжелой промышленности, мною была взята установка на то, чтобы всячески тормозить кредитование тяжелой промышленности. Проводилось это нами, мною и Шером и, в частности, мною через специального консультанта, который сидел в металлическом секторе. Этот консультант был нами втянут чрезвычайно легко, потому что еще начиная с 1926 г. мы официально выступали на всех заседаниях с установками, склоняющимися к тому, что нужно расширять легкую промышленность, что не зачем вкладывать крупные средства в тяжелую промышленность, при чем исходили из социал-демократического понимания банка. Тогда мы считали, что банк в советских условиях должен быть таким же, как и в буржуазных условиях, т. е. проводили все те ошибочные понимания внеклассового порядка, которые должны быть категорически отвергнуты в Советском Союзе. Поэтому консультанта, который сидел на металлическом секторе, привыкшего к нашим выступлениям, легко было втянуть во вредительскую организацию. И когда его втянули во вредительскую организацию, то установки, которые давались, в частности мною, со стороны вредительской организации, сводились к тому, что он должен предъявлять повышенные требования к клиентам тяжелой промышленности. Это давало возможность при составлении плана значительно большее количество средств направлять на легкую промышленность, юголая, главным обра-

зом, металлический сектор и тяжелую промышленность.

Председатель. В чем выражались вышеупомянутые требования к тяжелой промышленности?

Берлацкий. Мы давали установку на зажим тяжелой промышленности. Если тяжелая промышленность требовала одно количество средств, мы давали меньше, требуя, чтобы она имела высокий процент собственных средств. Этот принцип не полностью на 100%, а в какой-то части нужно сохранить, это банковский принцип, но его нужно было проводить не в той мере, в которой его проводили мы. Это была недопустимая постанова, анти-советская.

Рогинский. Вы суживали возможности развертывания тяжелой промышленности?

Берлацкий. Мы требовали, чтобы собственные финансовые средства были очень значительны, чтобы тяжелая промышленность имела высокий процент собственных средств, иначе мы давали более пониженные суммы, чем это требовалось, и тем самым создавали обстановку, при которой тяжелая промышленность, главным образом по металлическому сектору, ставила в крайне затруднительное финансовое положение.

Вот в чем заключалось в основном то вредительство, которое проводилось по тяжелой промышленности. Если вам угодно, я его подробно разверну.

Председатель. Этот вопрос достаточно ясен. Скажите, что получалось в связи с этим в отношении легкой промышленности?

Берлацкий. Этим самым мы получали возможность предоставления легкой промышленности излишних средств. Мы бросали большее количество средств на легкую промышленность, а так как тяжелая промышленность неизбежно должна была проявить потребность в большем количестве средств, то приходилось докредитовывать, т.е. происходил выпуск излишней эмиссии, который ложился бременем на рабочий класс и советское государство.

Рогинский. Прокуратура больше вопросов не имеет.

Председатель. Ни у кого больше вопросов к подсудимому Берлацкому нет?

Крыленко. Разрешите спросить Громана.

Председатель. Подсудимый Громан.

Крыленко. По Госплану ваша работа, главным образом, касалась вопросов конъюнктуры и планирования?

Громан. Да.

Крыленко. Конкретные ее формы в чем выражались?

Громан. Область конъюнктуры в Госплане охватывает все стороны народного хозяйства, и главной задачей ее является умение взвесить все соотношение положительных и отрицательных сил, противодействующих или содействующих ва-

мыслам государства, указать не только препятствия и трудности, но и средства и силы для их преодоления, имеющиеся в народнохозяйственном организме с его материальными и человеческими ресурсами. Эта конъюнктурная работа должна и может приводить в социалистическом государстве к положительным результатам только в том случае, если лицо, стоящее во главе, целиком и полностью проникнуто тем актуальным замыслом социалистического преобразования государства, который лежит в основе правительственной политики.

Уже различие, одно различие мировоззрения без всякой злой воли, употребляя ваше выражение, одно различие социального отношения и социальных стремлений неминуемо может привести к извращению и искажению понимания народнохозяйственных сил и интересов. Если же вмешивается (как у меня с 1923 года, когда мне была поручена конъюнктурная работа) иное конкретное понимание условий развития — если понимать нэл, как формулу допущения одновременного развития противоречивых форм хозяйства, но не как отступление в целях дальнейшего наступления, а как отступление, которое в дальнейшем подлечит углублению, — то теперь, проникнутый новым сознанием, я считаю, что и в тех работах, которые имели точное научное обоснование, мое мировоззрение, мое политическое лицо отразилось в моих конъюнктурных оценках.

Таким образом, бросая ретроспективный взгляд, можно сказать, что такая оценка может быть дана всей моей работе.

Самое возникновение конъюнктурного отдела Госплана было вызвано известным кризисом 1923 г., — кризисом, которому Троцкий дал фигуральное название «ножниц», т.е. расхождения промышленных и сельскохозяйственных цен, когда при чрезвычайно слабом развитии промышленности появились признаки затоваривания, потому что деревня не в состоянии была по этим высоким ценам приобрести даже ничтожное количество товаров.

Но нужно было понять основные причины создания таких условий. Эти основные причины бросались в глаза, они были совершенно ясны и поэтому не могли не быть названы мною: это отставание развития промышленности от сельского хозяйства. Условия гражданской войны, конечно, поразили более сложные организмы промышленности, требующие крайне сложных сочетаний в производственных условиях, более сложных чем сельское хозяйство с примитивным производством индивидуальных хозяйств. Ведь известно, что во время мировой войны между двумя враждующими армиями крестьяне еще пахали землю. Мы определяли упадок к 1921 году, упадок про-

мышленности до 17% довоенного уровня, а сельское хозяйство никогда не падало ниже 60%. К 1923 г. мы уже имели 80% довоенного уровня сельского хозяйства, а в области промышленности мы имели только 40%. Но тут вот и нужно было взвесить всю совокупность условий с точки зрения тех целей, которые себе ставило советское государство. Ясно и очевидно было, что нужно было понизить, конечно, промышленные цены. Создавшиеся эквиваленты были невозможны, это сознавали все. Но какие в связи с этим необходимо было принять меры? Во-первых, значимость разрыва товарооборота была очень серьезна, но она, во всяком случае, не затрагивала производственных условий, условий воспроизводства, потому что крестьянин не мог уже не стремиться к расширению своего производства. Такой опасности, чтобы он прекратил свое производство, уже не существовало, а на эту опасность указывали. Между деревней и городом образовался прорыв, и опасность в моей терминологии называлась так, что между деревней и городом была пропасть. В накоплении чрезмерных товарных запасов промышленности не было потребности, но начало накопления известных товарных запасов было рациональным явлением, потому что, как известно, при сезонных затруднениях нельзя совершенно не иметь известного запаса для того, чтобы удовлетворить возникшие потребности. Да и в предвидении хозяйственных процессов наше планирование тогда было неясным, тогда не решались еще составлять контрольных цифр, так что на случай спроса на товары — что было делать? Так что я себя считал тогда добросовестным научным работником, и вот, ретроспективно оценивая 1923 год, я должен сказать, что уже тогда проявлялась в моих оценках и в моих практических выводах та отчужденность политическим и социальным целям и хозяйственным установкам советской власти, которая потом развивалась и привела к тем преступлениям, о которых я должен говорить дальше.

Крыленко. Я хотел бы вот как поставить вопрос, чтобы и вас не утомлять, поскольку эти вопросы чрезвычайно сложны, и если их излагать достаточно последовательно, то это потребует много сил и времени, поэтому, может быть, мы только в некоторых отдельных формулировках попытаемся охарактеризовать этот вопрос.

Значит, исходя из общих установок, первоначально теоретического характера, на основе некоторого неверия, непонимания и т. д., и до известной степени неправильной оценки роли планового начала и т. д., вы по целому ряду практических указаний, которые вы должны были давать по Госплану, в конъюнктурном совете и т. д., первоначально ставили

целый ряд наметок и выводов, не раскодившихся с общей линией партии и советской власти, — первоначально это было, как вы выражались, в 1923 году, когда вы считали, что вы действуете добросовестно, как ученый, как работник, а затем после, с момента создания организации, все это приняло характер прямых злонамеренных действий?

Громан. Совершенно верно.

Крыленко. Эти действия выражались в составлении соответствующих конъюнктурных обзоров, отстаивании по сельскому хозяйству, промышленности и т. д. целого ряда практических мероприятий, которые приводили к торможению общей политики в лучшем случае, а в худшем случае — к сознательному срыву этой политики и наконец, в третьем случае к прямой дезорганизации, неравномерности развития соответствующих отраслей народного хозяйства. Это вторая область, где проводилась вами ваша работа — Госплан, т. е. высший планирующий орган, отвечающий за общее состояние и подведение итогов всего баланса народного хозяйства и перспективных планов. При чем можно сказать, что это затрагивало и сельское хозяйство, и промышленность, и товарооборот, и, вероятно, вопросы экспорта и импорта.

Громан. И вопросы денежного обращения.

Крыленко. И вопросы денежного обращения. В вашей работе деятельность вредительской ячейки в Госбанке имела соответствующее место, так же как и дезорганизация по отдельным отраслям потребкооперации, с.-х. кооперации, денежному обращению. Но даже при условии, если бы их деятельность не сопровождалась задачами прямой дезорганизации, то выводы и указания, вытекающие из вашей деятельности, все-таки должны были вносить известную дезорганизацию в отдельные отрасли народного хозяйства? Можно ли дать такую характеристику?

Громан. Совершенно точная характеристика.

Крыленко. На этом пока ограничимся. Может быть, вы считаете нужным доказывать фактическими цифровыми данными это положение, но я счел бы это ненужным.

Громан. Я удовлетворен вашей формулировкой.

Председатель. Подсудимый Громан, можете садиться.

Крыленко. Я хочу сказать о порядке дальнейшего ведения процесса. По существу тот распорядок ведения судебного следствия, который был принят судом, в основном исчерпан. Вопросы, касающиеся развития работы меньшевистской организации, истории образования организации, вредительской работы, связи с заграницей и вопросы о формах этой связи исчерпаны.

Стоит вопрос о подытоживании. У меня имеется ряд вопросов, после чего, если не будет заявления со стороны защиты или дополнительного заявления со стороны подсудимых, можно будет судебное следствие считать законченным. У меня есть ряд вопросов некоторым подсудимым и ряд ходатайств.

Разрешите приступить.

Прежде всего у меня имеются следующие вопросы. Я вчера предложил вниманию суда радиотелеграмму, полученную от Абрамовича. Она заключает в себе голое отрицание факта его пребывания в СССР, что получило соответствующую оценку в ответе со стороны подсудимых. Там было указано на то, что имеются соответствующие документы и присяга суду.

Абрамович к суду не привлекается. Его право поставить вопрос о том, что он даст свои объяснения здесь. Но суд не обязан входить с ним в переписку, тем более, что он желает, чтобы выслушали его заявления, укрывшись от суда за границу.

В моем распоряжении имеется одно заявление, которое было им сделано в печати, — в газете «Форвертс». Об этом заявлении я также хотел бы довести до сведения суда, поскольку оно будет необходимым для моей обвинительной речи в качестве соответствующего аргумента. Юридического значения это заявление не имеет, поскольку оно исходит от заинтересованного лица даже в той части, где он обещает сообщить о своем местопребывании в то время, о котором идет речь. Абрамович пытается установить свое алиби. Таким образом это заявление юридического значения не имеет.

Я буду просить о приобщении этих документов для критики их в обвинительной речи.

Вторая часть этого заявления содержит уже заявление третьего лица, не имеющего никакого отношения к данному делу, подтверждающего заявление Абрамовича о его местопребывании, но, равным образом, со ссылкой еще на одно лицо, о котором известно, — это можно документально установить, — что оно принадлежит к той же социал-демократической организации, к той же заграничной группировке. Следовательно, с точки зрения юридической этот документ значения не имеет. Поскольку я хотел бы использовать его для обвинительной речи, постольку я ходатайствую о его приобщении к делу, в такой форме, в какой он имеется в моем распоряжении, где утверждается, что Абрамович летом 1929 года проживал где-то на даче под Берлином, что он, Абрамович, клятвенно присягает и желает, чтобы ему по этому поводу верили. Это одно сообщение. Другое сообщение, что второе лицо слышало от третьего лица, что он действительно там пребывал (передает суду доку-

мент). Этот документ я прошу приобщить к делу и огласить его, с разрешением мне сослаться на него. Кроме того, я буду просить разрешить мне еще раз специально спросить подсудимых, подтверждают ли они еще раз то заявление, которое они здесь делали неоднократно суду о их встрече с Абрамовичем.

Председатель. Защита имеет возражения? (Нет). Суд разрешает вам сослаться на этот документ.

Крыленко. Я прошу тогда разрешить спросить подсудимых.

Громан. К тому, что я сказал прошлый раз, мне добавить нечего. Меня этот документ ни в какой мере не может убедить и поселить во мне сомнение в самом том факте, о котором я доложил суду. Если я не лишен умственных способностей и не нахожусь в доме умалишенных, то как бы живое лицо, мне известное, ни доказывало, какие бы доказательства ни приводили, что я Абрамовича не видел, если я его видел, то я этого отрицать не могу. А что касается характера показаний, то можно найти десятки людей, по тем или иным причинам, по тем или иным политическим мотивам, для определенных политических целей готовых подтвердить тот факт, который можно использовать в партийном отношении.

Председатель. Подсудимый Шер.

Шер. Я подтверждаю свои прежние показания и этот документ, — если его можно назвать документом, т. е. действительное его юридическое значение ничтожно, — является плохим и очень плохим, элементарным конспиративным приемом. Ясное дело, что если кто-либо переходит на нелегальное положение (в прежнее время это тоже приходилось делать), то легальное его существование как-то должно сохраняться. Мне приходилось жить в России, числясь нелегально за границей, и если бы мне было заявлено, что я нахожусь за границей, я, вероятно, нашел бы не одно, а много лиц, которые у нотариуса удостоверили бы мое пребывание в России. Может быть, Абрамовичем будет представлена книга посетителей, где он расписался.

Крыленко. Вы сами его видели?

Шер. Я его видел, я с ним разговаривал и этот факт продолжаю утверждать с прежней твердостью и определенностью.

Председатель. Подсудимый Гинзбург.

Гинзбург. Я тоже подтверждаю те показания, которые я давал о двух встречах, которые я имел с Абрамовичем. Я могу понять то заявление, которое сделал Абрамович, только как, может быть, совершенно ложное понимание великодушия в отношении нас, бывших единомышленников. Может быть, он думает до известной степени нас оправдать, дескать, что не было его посещения, что он не убеждал нас в интервенции, во вредительстве и т. д. Я заявляю, что нам это великодушие совершенно не нужно. Мы

ют всякой солидарности с этой группой совершенно и раз навсегда отказываемся и мы считаем нужным, по крайней мере, я считал бы более правильным, чтобы по отношению к нам был сделан другой шаг, чтобы подобно нам Абрамович стал на путь разоружения и убедил в этом других членов заграничной делегации, чтобы он отказался от тех контрреволюционных действий, которые он совершает в отношении Советского Союза и, тем самым, в отношении мирового пролетариата и мировой революции. Единственно правильный шаг — это разоружиться совершенно открыто, здесь, перед пролетарским судом.

Председатель. Подсудимый Залкинд.

Залкинд. Я полагаю, что сейчас нет никакой надобности вновь повторять суду мою оценку всего поведения Абрамовича в этом вопросе.

Крыленко. Вы подтверждаете его пребывание?

Залкинд. Я сейчас вышел для того, чтобы подтвердить суду еще раз факт моей встречи с Абрамовичем именно в те даты, в тех местах, которые мною были указаны суду. Поскольку я был в полном сознании тогда и нахожусь в полном сознании в настоящее время, никакие подтасованные документы, которые Абрамович, может быть, десятками будет присылать, не могут устранить того факта, что я видел его собственными глазами.

Председатель. Подсудимый Финн-Енотаевский.

Финн-Енотаевский. Абрамовича я лично не видел, но я считаю долгом подтвердить, что после моей кооптации в начале мая 1929 г. на вопрос о программе Громан мне заявил, что программы нет, но имеется соответствующий документ. Этот документ является дополнением к тому, что Абрамович был здесь в 1928 г. Он мне показал письмо, которое в общих чертах напечатано на 20 странице обвинительного акта, о котором говорит Суханов. На основании этого документа я присоединяюсь к утверждению 13 моих товарищей по процессу, что сообщение, о котором говорил государственный обвинитель 2 марта (об отрицании заграничной делегации того, что они являются истинными вдохновителями преступления), — ложь. Я думаю, что теперь тем, что я подтверждаю показания Громана, тем паче подтверждаю, что второе отрицание Абрамовича такого же свойства.

Председатель. Я обращаю к защите и подсудимым с вопросом: имеются ли у них вопросы, связанные с окончанием судебного следствия? У защиты имеются вопросы?

Коммодов. У меня имеется вопрос к подсудимому Громану.

Председатель. Подсудимый Громан.

Коммодов. Мне бы хотелось, чтобы вы кратко охарактеризовали тот доклад о

пятилетке, который делали на пленуме «Союзного бюро».

Громан. Я делал доклад в 1928 г. весной, а на пленуме 1929 г., который был осенью, я не выступал с докладом о пятилетке. Там выступили Гинзбург и Залкинд с докладом о контрольных цифрах в связи с перспективами пятилетнего плана.

Коммодов. Тогда расскажите о вашем докладе о пятилетке в 1928 г.

Громан. Я тогда говорил о том, что задуманные темпы индустриализации страны и социалистического переустройства не отвечают тем материальным и человеческим ресурсам, которыми располагает страна, что этот темп вызовет сначала напряжение, а потом перенапряжение и срыв. Это вызовет недовольство населения, и та политическая установка, которая дана заграничной делегацией (тогда мы ее имели в той редакции, которую привез Петунин после разговора с Даном), получит таким образом свое оправдание и толкнет нас на тот путь, который указан делегацией, т.е. на путь дезорганизации.

Коммодов. У меня нет больше вопросов к Громану.

Председатель. Подсудимый Громан, садитесь. Подсудимый Суханов.

Коммодов. Мне бы хотелось получить от вас вашу краткую характеристику колхозного движения третьего этапа. Ведь на пленуме 1929 г. вы разбирали первый, второй и третий этапы.

Суханов. Я подробно изложил свою точку зрения в первых моих показаниях на суде и предварительных показаниях от 22 января, а также кратко излагал ее здесь вчера и третьего дня на вопрос прокурора, но если понадобится я могу повторить еще раз.

Коммодов. Кратко, самую сущность.

Суханов. По третьему этапу, который приурочиваю к осени 1929 года, я колхозное движение расценивал таким образом. Я считал, что огромные, никем не предусмотренные и неожиданные темпы колхозного движения вызывались не чем иным, как бедствиями крестьян-товаропроизводителей от нереальных тягот хлебозаготовок. Я считал, что хлебозаготовительный план 1929 года преувеличен и непосилен, и, таким образом, колхозное движение в данном его масштабе есть не что иное, как функция того выявления хлебозаготовительных сил, которая этими хлебозаготовками вызвана. Я отсюда умозаключал, что колхозное движение и вся хлебозаготовительная кампания в течение 1929/30 года неизбежно будет иметь катастрофическое значение для всего нашего народного хозяйства. И, стало быть, катастрофа на почве разорения деревни, на почве кризиса сельского хозяйства, на почве недосаждения города — эта катастрофа мне представлялась неизбежной в самом близком будущем.

Коммодов. Больше у меня вопросов нет.

Председатель. Садитесь, подсудимый Суханов.

Имеют ли подсудимые какие-нибудь вопросы в связи с окончанием судебного следствия? (Нет).

Крыленко. У меня есть следующее ходатайство: во-первых, для аргументации позиции заграничной делегации, как основного инспириатора практической работы вредительского характера и подготовки интервенции со стороны подсудимых, разрешите мне сослаться по моему выбору на статьи «Социалистического вестника» за 1929—30 год.

Я мог бы, конечно, просить суд разрешить мне сослаться на отдельные статьи, с указанием этих статей. Но едва ли целесообразно так ставить вопрос. Я просил бы разрешить мне сослаться на статьи по моему выбору, тем более, что подлинность этих статей не подлежит сомнению.

Председатель. Суд не возражает, если вы будете сослаться на эти статьи из «Социалистического вестника».

Крыленко. Затем разрешите мне сослаться на вышедшую на немецком языке книгу Каутского «Большевизм в тупике». Эта книжка у меня имеется на немецком языке и в русском переводе, при чем за идентичность перевода на русском языке может в данном случае ручаться не кто иной как гр-н Дан, который присвокупил к этой книге свою специальную статью, полемизирующую с Каутским. Эта книжка характеризует точку зрения заграничной делегации меньшевиков в лице Каутского с одной стороны, и Дана с другой, и является в высшей степени отвечающей задачам выяснения действительного существа тех директив, которые давала заграничная делегация «Союзному бюро».

Председатель. Защита не возражает?

Коммодов. Нет. У защиты имеется аналогичное ходатайство — сослаться на приобретенную к делу так называемую «Платформу 1924 года» и на показания подсудимых.

Председатель. Суд не возражает, если вы будете сослаться на эти книги Каутского.

Крыленко. Затем, у меня имеется переданное по телеграфу опровержение ЦК германской с.-д. партии, помещенное в «Форвертсе» и содержащее голое отрицание этого факта. Я попрошу мне разрешить сослаться на этот документ.

Председатель (к защите). Вы не возражаете?

Коммодов. Защита не возражает.

Крыленко. Затем у меня имеется оглашенное в нашей печати и поэтому не вызывающее сомнения письмо Эмиля Вандервельда, председателя II Интернационала, в Сознарком СССР по поводу

данного процесса, имеющее прямое отношение к данному делу.

Председатель. Защита не возражает?

Коммодов. Нет.

Председатель. Суд не возражает, если вы будете сослаться на это письмо.

Крыленко. Затем, документы и газеты у меня здесь в подлиннике представлены и их необходимо приобщить к делу. Тут у меня заверенные переводы на номера «Форвертса» от 9 октября 1930 г. по поводу расстрела 48, статья Абрамовича в «Форвертсе» по поводу настоящего процесса, статья Эмиля Вандервельде от 16 января 1930 г. «Новая волна сталинского террора». Эти три статьи и затем помещенную 24 декабря 1930 года в «International Information», органе II Интернационала, статью под заголовком «Второй Интернационал на скамье подсудимых в Москве» — статья Федора Дана — подлинник на немецком языке. Здесь у меня имеется заверенный перевод, при чем из этой статьи я попросил бы разрешить мне сейчас огласить один абзац, поскольку он имеет существенное значение для данного судебного следствия.

Председатель. Можете огласить.

Крыленко. Это по поводу рамзинского процесса, по поводу вредительства в той форме, в какой оно здесь рисовалось. Дан пишет:

«Таким образом понятно, что они (т.-е. вредители) могли в порядке приказа проводить эту линию (генеральную линию) только с внутренним сопротивлением. Внутреннее сопротивление и стремление использовать высокий пост в советской бюрократии, чтобы, по меньшей мере, отвлечь то, что они считали утопичным и весьма сумасбродным, — это и была знаменитая вредительская работа», т.-е. по существу то, что Дан говорит, это, что они стремились сознательно исказить, задержать линию партии. И дальше он кончает так: «Неудивительно при этом, что рядом с восемью инженерами по процессу «Промпартии» на скамье подсудимых невидимо присутствовал, в сущности говоря, весь мир, за исключением правых уклонистов, левых перегибщиков, право-левацких двурушников, не только Пуанкаре и Бриан, но и Каутский, Леон Блюм и весь социалистический рабочий Интернационал, эсеры, меньшевики.

Вот этим абзацем характеризует Дан проделанную вредительскую работу и, кроме того, этот абзац характеризует, что с этой точки зрения со скамьей подсудимых солидарны и Леон Блюм и Каутский, и меньшевики, и II Интернационал, и поэтому я считаю характерной выдержку, которую я считал необходимым огласить. Подлинные документы я передам впоследствии и буду просить о приобщении их к делу, с тем, чтобы на них сослаться.

Председатель. Суд не возражает, если вы будете ссылаться на ряд статей и тот документ, который вы только что огласили.

Крыленко. И затем те документы, которые уже мною сегодня оглашались и уже приобщены к делу.

Вот, кажется, все из того материала, который я хотел использовать и для использования которого я нуждался в разрешении Специального присутствия Верховного суда.

Наконец, мне нужно задать вопросы некоторым подсудимым. Мне важно установить хронологические промежутки между их арестом и датой их признания, днем, когда они признали свое участие в этой организации.

Гражданин Громан, ваш арест произошел 13 июля?

Громан. Да.

Крыленко. Вы были арестованы вначале по делу «ТКП»?

Громан. Я не знал, по какому делу я был арестован.

Крыленко. Ваше признание было 13 августа?

Громан. Да.

Крыленко. Гражданин Шер, когда вы были арестованы?

Шер. 13 сентября.

Крыленко. Гинзбург, вы были арестованы 16 сентября, а ваше признание было 14 декабря?

Гинзбург. Правильно.

Крыленко. Соколовский, вы были арестованы 17 августа, а ваше признание было 11 декабря?

Соколовский. 14 декабря.

Крыленко. Якубович, вы были арестованы 18 августа, а ваше признание было 11 ноября?

Якубович. Я был арестован 7 декабря и показания свои дал 7 декабря.

Крыленко. Суханов, вы были арестованы 20 июля и 18 августа вы дали свои показания?

Суханов. Мне трудно припомнить.

Крыленко. Волков здесь об этом заявлял, я не буду прозирать сделанного им заявления. Петунин, у вас даты 17 ноября и 22 ноября?

Петунин. Да.

Крыленко. Залкинд — 20 августа и 10 сентября?

Залкинд. Мое признание о принадлежности к «Союзному бюро» было сделано 2 декабря.

Крыленко. Финн-Енотаевский — 7 декабря арестован, а признание 17-го?

Финн-Енотаевский. 19 ноября и 17 декабря.

Крыленко. Рубин — 23 декабря и 24 января. Берлацкий — 2 декабря и 31 декабря. Иков — 13 января и 19 февраля...

Иков. 11 января и 19 февраля.

Крыленко. Тейтельбаум — 18 мая и 24 декабря?

Тейтельбаум. Я вношу существенную поправку. Я был арестован 24 декабря и 3 тот же день дал показания.

Крыленко. Вот поправки фактического порядка, которые необходимо было сделать для того, чтобы иметь право об этом говорить.

Громан. Я хотел подтвердить то, что я уже сказал, что я дал показания о принадлежности к контрреволюционной организации 15 августа. Но тут часть подсудимых говорит о дате показания об образовании «Союзного бюро». Я только хотел уточнить. О «Союзном бюро» мои показания относятся к 13 декабря.

Крыленко. Со стороны обвинения больше ходатайств нет.

Председатель. Какие ходатайства у защиты?

Коммодов. Вы разрешите нам ссылаться на все документы и на показания, данные на предварительном следствии, а также на показания, подсудимых, данные на суде, по стенограммам, имеющимся в газетах, так как полная стенограмма не будет еще готова.

Председатель. Прокуратура не возражает?

Крыленко. Нет.

Председатель. Подсудимые, есть ли у вас вопросы, в связи с окончанием судебного следствия? (Нет).

Объявляю судебное следствие законченным. Необходимо объявить перерыв до 6 часов вечера завтрашнего дня с тем, чтобы Специальное присутствие перешло к заслушанию сторон. У вас есть какие-нибудь замечания к порядку?

Крыленко. Только относительно порядка заслушания прений со стороны защиты и обвиняемых, которые не имеют защитников. Какой порядок здесь будет?

Залкинд. Я хочу задать вопрос о том, кто первый выступает — обвинение или подсудимые? Я не знаю.

Крыленко. Как правило, первое слово принадлежит обвинительной власти. Потом выступает защита. Так как защита здесь представлена только в отношении нескольких подсудимых, то с формальной стороны обвиняемые имеют право выступить с защитительными речами, затем, если нет реплик прокурора, имеют сверх того еще последние слова. От них зависит объединить оба эти выступления в одно и, таким образом, после речи прокуратуры ограничиться одним последним словом. Прокуратура против этого возражать не может. Вы можете также использовать и то и другое, т.е. выступить с защитительной речью и сверх того сказать последнее слово — это будет зависеть от вас.

Председатель. Объявляется перерыв до 18 часов 6 марта.

6 марта

Вечернее заседание

Председатель. Заседание Специального присутствия Верховного суда СССР возобновляется. Суд переходит к приемам сторон. Слово предоставляется прокурору тов. Крыленко.

РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ТОВ. КРЫЛЕНКО

1. КОГО МЫ СУДИМ?

Товарищи, гигантский социально-исторический сдвиг, который представляет собою пролетарская революция в СССР, насытил сгущенным политическим содержанием и те процессы, которые проходят перед пролетарским судом, в особенности перед высшими судебными органами, в переживаемый нами период.

Но если раньше, еще несколько лет назад, было правильным сравнение наших судебных процессов со своего рода исторической лупой, через которую благодаря особому методу, который представляет собою судебное следствие, мы могли с исключительной подробностью и исключительной внимательностью рассматривать отдельные эпизоды классовой борьбы, вскрывая руководящие жизненные нервы, управляющие живой действительностью и динамикой классовой борьбы, то иначе обстоит дело сейчас. Сейчас, после 13 лет пролетарской диктатуры, после 13 лет ожесточенной классовой борьбы, каждый из крупных политических процессов, который проходит перед судом, дает возможность уже несколько больше и не лупой, а скорее историческим прожектором освещать целые этапы истории. Ибо эти судебные процессы дают возможность видеть, как эволюционируют соответствующие классовые образования, как переплетаются они на протяжении целого ряда лет, за целые этапы исторической жизни; видеть, как мало-по-малу логика борьбы обнажает классовое существо, которое насыщает эти классовые формации, и видеть это более осязательно, ибо более

длительный период деятельности наших врагов проходит теперь перед нами. Более точно, более рельефно мы можем сейчас видеть поэтому и движущие силы истории и предвидеть конечные перспективы соответствующих классовых групп и классовых слоев — кто осужден из них на то, чтобы окончательно исчезнуть в историческое небытие, с кем нужно драться на-смерть.

Несколько исторических примеров из тех процессов, которые прошли за эти 13 лет сначала перед Верховным трибуналом ВЦИК, затем перед Верховным судом СССР, покажут эту осязательную разницу содержания процессов и помогут нам понять все политическое значение данного процесса.

Возьмем ли мы такой красочный, яркий, чеканный, выпуклый эпизод классовой борьбы, как восстание левых эсеров 1918 года и их процесс перед Верховным трибуналом, возьмем ли мы такой процесс, как процесс Тактического центра, возьмем ли мы такой процесс, как процесс Локкарта и его агентуры в эпоху первой интервенции, или такой процесс, как протекший в свое время процесс церковников, или процесс немецких фашистов, — мы увидим, что эти процессы всегда давали нам возможность изучить, понять, схватить существо этих эпизодов классовой борьбы и нейтрализовать соответствующие акты борьбы со стороны этих классовых противников.

Но уже процесс правых эсеров на рубеже первого пятилетия пролетарской диктатуры дал возможность более глубоко проникнуть в перипетии классовой борьбы и дал возможность подвести итоги

той борьбы, которая велась этой группой классовых врагов на протяжении первого пятилетия истории нашей революции. А последующие процессы, такие, как шахтинский в 1928 г., такой, как процесс «Промпартии», который только недавно закончился, — эти процессы дали возможность уже анализировать и подводить итоги и соответственно этому определять удельный вес и социальную опасность классовых врагов и классовых группировок за более длительный период.

Изменились, однако, не только масштабы, которые мы имели возможность изучать в каждый конкретный исторический момент, изменилось вместе с тем и богатство нашего вооружения в смысле познания тех методов борьбы, тех средств борьбы, которые начали употреблять против нас наши классовые враги, тогда, когда старое оружие ломалось и когда они вынуждены были прибегать к поискам нового оружия, новых средств борьбы.

В этом отношении чрезвычайно богатый и поучительный материал для познания тактики наших врагов, для познания средств их борьбы и методов их борьбы дал нам шахтинский процесс, который показал то новое оружие, которое выковали наши враги и которое они пустили в ход против нас. Я имею в виду вредительство как метод классовой борьбы, впервые, хотя еще далеко не с достаточной полнотой, не исчерпывающе вскрытый шахтинским процессом. Вместе с тем эти новые методы борьбы обнаружили, что они переплетаются и со старыми методами. Диверсия, шпионаж, наконец, прямой сговор уже не непосредственно с отдельными группами, а с правящими кругами иностранной империалистической буржуазии; непосредственная подготовка совместных выступлений крупнейших империалистических акул, планирование согласованных действий для того, чтобы раздавить первое в мире пролетарское государство, — вот то новое, что нам дало за последние пять лет непосредственное изучение нами тактики наших врагов по материалу, который проходил перед нами во время последних судебных процессов.

Этот процесс относится к той же категории, но он, я бы сказал, еще более значителен по содержанию. Я бы сказал, что он еще более в этом отношении поучителен, и поучителен не только с точки зрения познания тех глубоких исторических причин, которые еще продолжают действовать и продолжают формировать классово враждебные нам слои, определенные отслойки среди интеллигенции, определенные группировки среди осколков буржуазии у нас, определенные круги международной империалистической буржуазии, вместе с тем он интересен и важен потому, что показывает нам с совершенной отчетливостью и содержание и

причины той исторической эволюции, которую пережили меньшевики, как определенная политическая группа, игравшая и играющая еще определенную политическую роль в общей сумме сил, борющихся против нас. И не только эволюции российской меньшевистской социал-демократии, но и тех групп, которые ее поддерживали и защищали, начиная от открытых классовых врагов, поднявших против нас оружие, в виде «Промпартии», как откровенной организации промышленно-контрреволюционной буржуазии, и кончая II Интернационалом и всеми теми, кто вместе с ним именуется себя по старой памяти «социалистами».

В этом особенность, в этом значимость и в этом важность этого процесса. И он усугубляется еще не только тем, что данные подсудимые именуют себя социалистами, но и тем, что они с некоторым основанием могут именовать себя, опираясь на определенные этапы своей прошлой работы, своей подпольной работы в старые времена борьбы с царизмом, и старыми и социалистами. У каждого из них за плечами или, по крайней мере, у большинства достаточный стаж пребывания в рядах социалистической партии в те периоды, когда, несмотря на все их оппортунистическое существо, они все-таки играли определенную роль как некоторое слагаемое в общей сумме того напора социалистических организаций и социалистического движения рабочего класса, которое имело место в те времена.

Наконец они сверх этого — ученые специалисты. Это не рядовые люди, а люди, которые имеют за собой достаточный багаж, достаточное понимание движущих пружин, направляющих движений истории, достаточный опыт применения тех методов, с которыми оперируем и мы при анализе общественных явлений, общественной жизни. Все это соответствующим образом, конечно, должно быть нами учтено, когда мы, подойдя к учету той преступной работы, которую они проводили в течение последних лет, будем в конце концов разрешать конкретный вопрос, который вы, товарищи судьи, призваны разрешать здесь, сидя на судейской скамье: вопрос об индивидуальной судьбе каждого из этих 14 человек.

И, несмотря на то, что они называли себя социалистами, старыми социалистами, учеными социалистами и сверх того учеными специалистами, они на этой последней арене своей практической деятельности сроднились с теми, кто судился в шахтинском процессе, кто судился в процессе «Промпартии», — они стали вредителями. Мало того, они стали интервентами. Социалисты-вредители, они сверх того интервенты, — социалисты-интервенты. Сверх того, они часть блока, единого политического блока с откровенными буржуазно-фашистского типа организациями, какую представляла собой «Пром-

партия», в силу политического единства, реального единства своих политических целей, реального единства своей политической программы. Они—«социалисты»-фашисты. И наконец, по своим целям, конкретным целям, которые они ставили как непосредственную задачу, для которых и во имя осуществления которых они направляли свою деятельность, они—буржуазно-капиталистические реставраторы. Вот итог их эволюции. Вот конкретное содержание их преступной работы. Вот то, к чему пришли эти старые меньшевики, к чему пришли российские социал-демократы.

Уже вот это одно определение характерных черт их тактики, их программы дает возможность видеть то новое, что характеризует этот процесс по сравнению с теми процессами, которые мы имели, скажем, в период первых 5 лет истории нашей революции.

Новое здесь, в этом объединении и по методам, и по целям, и по существу программных и тактических мероприятий,—в объединении с такого рода организациями, как «Промпартия», т.е. с откровенно буржуазно-капиталистическими партиями промышленной буржуазии, т.е. той буржуазии, которая по отношению к рабочему классу в области экономической знает одно—беспощадную эксплуатацию до конца, а в области политической—знает лишь диктатуру своего бронированного кулака, иногда приукрашивая ее различными красками демократическо-республиканских вывесок. Но которая по существу отстает от начала до конца свою диктатуру и неприкрытое свое господство.

В этом откровенном блоке, несмотря на все их политическое прошлое, несмотря на их социалистическую фразеологию, есть то новое, что является характернейшим для них, а следовательно, и характернейшим для всей пережитой за период 13 лет эволюции российской социал-демократии меньшевиков. Они никогда не были революционными социалистами. Мелкобуржуазная природа меньшевизма толкала их всегда в болото оппортунизма и сделок с буржуазией. В момент величайшего напряжения сил пролетариата СССР на строительство социализма и величайших успехов этого строительства и в момент собирания всех сил мирового империализма против СССР—они оказались поэтому в лагере врагов, перейдя на этот раз все грани и сблокировавшись с самыми черными силами реакции. И вот почему этот процесс, больше чем какой-либо другой, может нами рассматриваться именно как своего рода исторический пражектор, который дает возможность не только анализировать соотношения сил, как оно складывается в настоящий момент, но и бросать свет на всю их историю за истекшие 13 лет и попытаться понять те основные исторические моменты,

которые для этой политической группы с неумолимой логикой должны были привести и привели ее к тому, что она представляет собой сейчас, как объект рассмотрения на данном судебном процессе.

Отсюда, однако, следует немедленно ряд выводов.

Они — буржуазно-капиталистические реставраторы, они — участники блока с буржуазией, блока, который ставил себе задачей — методами интервенции, методами вооруженного вмешательства и вооруженного вторжения низвергнуть советскую власть. В этом суть! В этом суть, и это должно быть тем углом зрения, исходя из которого мы должны определить и свое сегодняшнее отношение к ним, что бы ни было у них в прошлом, какво бы ни было их индивидуальное прошлое,—это должно быть определяющим углом, исходя из которого мы должны будем решить вопрос о мероприятиях по отношению к каждому из них, и это должно быть основным углом зрения, исходя из которого мы должны определять и политическую значимость настоящего процесса для нас, для рабочего класса СССР, и для рабочего класса всего мира. Ибо они, именующие себя членами российской социал-демократической рабочей партии, они—предатели рабочего класса, тем самым и предатели рабочего класса СССР, и предатели рабочего класса всего мира, предатели вдвойне.

Политическая значимость этого процесса не исчерпывается, однако, и этим. Они не одни в этом процессе. Об этом прежде всего говорят они сами и их единомышленники за границей. В уже цитированном мною на судебном следствии документе — статье гр-на Дана от 24 декабря 1930 г. «РСИ на скамье подсудимых в Москве» — он перечисляет сам тех, кто вместе с обвиняемыми, рядом с 8-ю инженерами (это говорилось еще о процессе «Промпартии») «невидимо присутствует» на скамье подсудимых.

Дан пишет: «Не только Пуанкаре и Бриан, но и Каутский, и Леон Блом и, наконец, весь Социалистический рабочий Интернационал, — вот кто, по словам Дана, «невидимо присутствовал» уже на скамье подсудимых по делу «Промпартии», тем паче на этом процессе. Это не наши слова, это слова Дана. И в этом отношении, пожалуй, мы можем с ним целиком и полностью согласиться. Все буржуазные империалистические группы, вся империалистическая буржуазия за рубежом, все осколки буржуазии у нас, все еще не появившие советской власти и ее целей, еще пропитанные старыми традициями, не примирившиеся и не понимающие существа советской власти, правда, уже, мы полагаем, незначительные, слои интеллигенции, наконец, все лавочки, попы всех мастей, вся эта «новая социальная база», на которую опирался, по словам Залкинда, неменьшевизм,—все

они равным образом невидимо присутствуют тут в качестве сочувствующих и соратников обвиняемых.

Позвольте привести тут же доказательство того, что мои слова не являются ни в малой степени преувеличением. У нас есть сейчас прямое доказательство этому. Это не преувеличение, а реальная действительность сегодняшнего дня, сегодняшнего этапа классовой борьбы. О наступающем процессе не шумит так буржуазная пресса, как она шумела в свое время по поводу процесса «Промпартии», но зато очень шумит и сугубо шумит II Интернационал. Преду мною документ, направленный председателем II Интернационала Эмилем Вандервельде непосредственно в Совет народных комиссаров СССР. В этом документе от имени исполкома II Интернационала Э. Вандервельде пишет по поводу нашего процесса:

«Это известие дошло до сведения исполкома РСИ во время сессии его в Цюрихе и требует с его стороны тем более энергичного протеста, что исполком получил очень серьезные сведения о плохом обращении, применяемом к обвиняемым в тюрьме, где они содержатся. Исполком Интернационала поддерживает постоянную связь с российской социал-демократической партией, за деятельностью которой он внимательно следит. Ему известно, что российская социал-демократия в борьбе, которую она ведет против большевистской диктатуры, решительно враждебна всякой контрреволюционной интервенции в СССР, что она решительно против всяких попыток организации восстаний, направленных к насильственному свержению советского режима, что никто из знакомых с этими делами не может, не кривя душой, оспаривать тот факт, что она всегда и самым решительным образом высказывалась в этом случае в самом РСИ».

В последующем мы увидим, кто из нас в данном случае кривит душой. И дальше:

«В этих условиях самый факт привлечения к революционному суду людей, все предыдущее поведение и много раз подтвержденные убеждения которых протестуют против выдвинутого против них обвинения, является скандальным злоупотреблением силы. Он составляет часть системы террора и клеветнической кампании, которая ведется против российской социал-демократии и ее представителей с единственной целью дискредитировать их в глазах пролетариата».

«Мне поручено исполкомом Социалистического рабочего Интернационала внести самый энергичный протест против такого насилия и констатировать, что такими действиями большевизм лишь углубляет роковой раскол в международном рабочем классе, тогда как жизненные интересы этого класса требуют, чтобы он

выступал единым фронтом во всех странах против угрожающих ему реакционных сил».

Вот текст официальной телеграммы гр. Вандервельде, в которой он подтверждает то, что —является из цитированного мною сообщения Дана об официальной солидарности с меньшевиками Вандервельде, а вместе с ним официальной солидарности исполкома II Интернационала с российской социал-демократией, за всей деятельностью которой он, по его словам, «внимательнейшим образом следит».

Этот документ—исторический документ, от которого уже нельзя будет отмахнуться, и эта солидаризация является лучшим доказательством правильности той оценки, которую я дал политической значимости этого процесса, которая целиком и полностью подтверждает эту значимость и уточняет и ту формулу, которую дал Дан: мы судим данные люди здесь в Верховном Суде СССР, мы рассматриваем дело о преступной организации и преступной контрреволюционной работе организации, так называемого «Союзного бюро российской социал-демократической меньшевистской партии», а вместе с ними «невидимо присутствует на скамье подсудимых и весь II Интернационал».

Гр-ну Вандервельде угодно было заявить, что за их деятельностью он систематически следил, II Интернационалу было угодно заявить, что прошлое поведение этих людей таково, что исключает возможность предания их суду по обвинению в том преступлении, в котором мы их обвиняем, и что он в этом отношении их целиком поддерживает. Ну, что же, это не наша инициатива. Мы II Интернационал сюда на скамью подсудимых не сажали. Мы имеем дело с данной группой лиц. Угодно гр. Вандервельде солидаризироваться? Очень хорошо. Мы этот вызов принимаем, но, рассматривая данное дело, рассматривая совокупность улик, которые здесь прошли, подведем итоги уликовой стороне. Но если с выводами, к которым мы придем, согласится суд, если с этими выводами согласится рабочий класс нашей страны и мировой пролетариат, то пусть же и та тяжесть ответственности, которую в данном случае суд возложит на данную группу лиц, пусть же вся тяжесть ответственности за их преступления ляжет и на II Интернационал согласно его заявлению, и вместе с тяжестью ответственности ляжет вся тяжесть того презрения рабочих масс, которую рабочий класс всего мира заклеймит результаты преступной деятельности так называемой российской социал-демократии.

II. ФОРМУЛА ОБВИНЕНИЯ.

Мы будем обвинять данную группу лиц, так называемое «Союзное бюро» РСДРП, в тяжчайших преступлениях: это,

во-первых, в постановке своей целью реставрировать капиталистический строй в нашем Союзе, реставрировать его со всеми «прелестями» и со всеми мерзостями капиталистического строя, реставрировать капитализм и разрушить этим самым все то, за что рабочий класс и трудящиеся массы нашей страны за эти 13 лет боролись, за что положили столько энергии, страданий, пролили столько крови.

Мы будем обвинять подсудимых в том, что они, поставив эту цель, для ее осуществления заключили политический блок с откровенно буржуазными, контрреволюционно-фашистскими организациями: «Промпартией» и кондратьевцами, что, войдя в этот блок, они согласились на получение для своей контрреволюционной работы материальных средств от этих контрреволюционных групп и тем самым продались буржуазии.

Мы будем обвинять их в том, что, поставив эту цель, они приняли в кредителство как основной метод своей работы, понимая под этим дезорганизацию и расстройство нашего хозяйства, срыв наших хозяйственных построений и планов, разрушение достигнутых результатов социалистического строительства, и организовывали голод и страдания рабочих масс, лишения и страдания всех трудящихся масс нашего Союза.

И, наконец, мы будем обвинять их в подготовке интервенции со всеми ее последствиями—с террором озверелой белогвардейщины, с реками крови, которые бы эта интервенция нам принесла, и с восстановлением по крайней мере на десяток лет жестокой реакции, которая всегда наступала тогда, когда, вернувшись к власти, буржуазия мстила рабочим за те кратковременные, как было раньше в истории, моменты, когда эта буржуазия оказывалась повергнутой в прах.

Мы обвиняем их в измене мировой революции и в предательстве мирового пролетариата.

В этом порядке основных пунктов обвинения мы пойдем в разборе уликовой стороны, в разборе тех материалов, которые дало нам судебное следствие за истекшие четыре дня.

Реставрация капитализма

В обвинительном заключении уже цитировалась нами установленная еще в 1924 г. меньшевистской социал-демократией ее практическая, политическая и экономическая программа. В этой политической и экономической программе совершенно четко и ясно указывались те задачи, которые ставила себе и ставит эта контрреволюционная организация в области экономики нашей страны. Три абзаца даны в обвинительном заключении,

их повторять не стоит полностью, в коротеньких выдержках они значат: «В сфере промышленности и транспорта... Для того, чтобы в открывающийся период развития капиталистических отношений, неизбежно связанных с широкой денационализацией промышленности и торговли, обеспечить за демократическим государством некоторые основные позиции в промышленности, РСДРП стремится к сохранению в руках государства:

а) предприятий монопольного характера (железнодорожный транспорт, почта, телеграф и т. п.);

б) важнейших предприятий военной промышленности;

в) крупнейших предприятий в основных отраслях производства (топливо, металлургия и т. п.), поскольку ведение этих предприятий посылно для государства, и т. д.;

г) предприятий, хотя и убыточных (а потому и временно неспособных привлечь частный капитал), но поддержание которых на ходу является абсолютно необходимым с общественной точки зрения».

Все остальное подлежит денационализации.

Вот документ, вот четко написанная цель, написанная не нами, подскаянная не нами, сформулированная ими в основном их документе—в платформе 1924 г. Основной вопрос уже этим решен. Первый пункт обвинения, который в данном случае мы предъявляем, доказан.

В области сельского хозяйства:

«Скорейшего проведения землеустройства с обеспечением широкой возможности выхода из общины (теперь это уже старо!) и предоставлением отдельным домохозяйствам права свободного распоряжения находящейся в их владении земель, при преимущественном праве органов местного самоуправления на приобретение отчуждаемых земель».

И в области торговли:

«Ликвидация централизованных государственных аппаратов, свобода внутренней и частной торговли при одновременном поощрении кооперативной торговли».

Достаточно этих пунктов, чтобы больше не говорить о том, что задача, четкая задача реставрации капиталистических отношений, как таковых, четко поставлена меньшевиками еще в программе 1924 года.

Показания обвиняемых о том, как они смотрели на задачи своей практической деятельности, далеко не так четки и чеканны. Они далеко не отличаются такой выпуклостью и чеканностью, как в этой программе, ибо сейчас, на 14-м году диктатуры пролетариата, после всего того, что проделано в области реконструкции промышленности и сельского хозяйства, ставить вопрос в такой четкой формуловке—о полном возвращении прежнего

«статус кво» — только сумасшедший может так ставить вопрос.

Но по существу показания обвиняемых сводились к тому же: для реставрации капиталистических отношений их работа сводилась, как они говорили, «к расширению и углублению нэпа в первый период их работы», а в дальнейшем — к срыву хозяйственной работы советских органов в блоке с интервентами. Но все это делалось, конечно, непосредственно затем, чтобы реставрировать капитализм. Ведь, конечно, не для других же целей сюда готовятся вторгнуться интервенты, и направляла свою работу «Промпартия». Это было в 1924 году.

Но вот 1930 год. Что сейчас по этому поводу говорит российская демократия? Я беру из «Социалистического вестника» № 16 соответствующую выдержку из статьи Гарви «Тезисы оппозиции», с которой он выступил против Дана, Абрамовича и против так называемого большинства заграничной делегации.

Гарви пишет:

«Сообразно с этим РСДРП требует ликвидации разорительной для страны всеобъемлющей национализации хозяйства с оставлением в руках государства и муниципалитетов общепольных предприятий и предоставления свободы частной хозяйственной инициативы. РСДРП исходит при этом из положения, что только развитие производительных сил может подготовить объективные предпосылки для осуществления социализма и что утопические эксперименты террористической диктатуры над хозяйством отсталой страны доказали невозможность для нее перескочить через фазу капиталистического развития. Отказ от утопического экспериментаторства, от огульной национализации промышленности, от монополии внешней и внутренней торговли, не означающий, однако, отказа от всякого государственного регулирования и контроля в области народного хозяйства, является необходимой предпосылкой для улучшения условий жизни широких масс населения, в частности рабочего класса».

Вот опять-таки четкая программа капиталистической реставрации во всех основных ее моментах.

От Гарви позвольте мне перейти к его матерому учителю, вождю, теоретику германской социал-демократии — Каутскому. Вот что мы можем прочитать в его книге «Большевизм в тунике».

«У них были (т.е. у большевиков — Н. К.) наилучшие намерения и грандиозные планы, но все эти планы разбилась о несостоятельность национализированной промышленности».

Дальше он пишет о том — что же из этого следует, что же конкретно посему нужно делать? Как должен поступить новый режим с национализированными крупными промышленными предприятиями, которые он получит в наследство по-

сле свержения большевиков? Превращать национализированные предприятия одним махом в капиталистические опасно, как и обратно. Для начала надо национализированным предприятиям предоставить продолжать работу на тех же основаниях, но на ряду с государственными предприятиями должны возникнуть предприятия свободные — капиталистические, кооперативные, муниципальные. «Если окажется, что эти свободные предприятия работают успешнее, дают продукт более дешевый или лучшего качества, платят более высокую заработную плату и т. п., от национализированных предприятий можно будет отказаться».

Так пишет Каутский. Вот вам программа. Далее он пишет: «Торговая монополия принадлежит к числу тех институтов Советской России, которые имеют наиболее пагубное действие и должны быть как можно скорее отменены, чтобы уступить место свободной торговле». Что же касается непосредственно крестьянства и сельского хозяйства, то здесь указывается, что с течением времени «скоро всего распадутся крупные коммунистические предприятия в сельском хозяйстве, колхозы и совхозы, поскольку они держатся лишь внешним принуждением...», хотя «не исключена, конечно, возможность, что кое-какие из этих крупных сельскохозяйственных предприятий уцелеют».

Вот программа Каутского. Но, может быть, это программа только Каутских? Может быть, это программа Каутского?

Дан по этому поводу пишет: «По существу формулированным Каутским экономическим и политическим требованиям мало что можно возразить — они до деталей совпадают с требованиями нашей партийной программы».

Наконец, если мы возьмем Абрамовича, то в своей статье он пишет о Каутском: «Правда, программа конкретных требований, выдвигаемых напр. Каутским в его книге, полностью совпадает с теми требованиями, которые выставлены в нашей платформе, и мы спешим это отметить с удовлетворением».

Я цитирую так много из этих произведений постольку, поскольку г-н Вандервельде заявил о том, что он внимательнейшим образом следит за деятельностью российской социал-демократии, поскольку тут мы имеем доказательства тождества практических требований и политического единства и тех и других и тождества требований, задач и целей, которые ставили себе и подсудимые, как они сами здесь подтвердили. И в этом ответ на первое предьявленное мною по первому вопросу обвинение, что капиталистическая реставрация, реставрация в СССР капитализма, как такового, ставилась как цель и подсудимы-

ми, и заграничными меньшевиками, и вождями германской социал-демократии в роде Каутского. Эту же цель ставила конкретно себе и данная группа подсудимых.

Этого факта, этих доказательств не опровергнешь никакими присягами, никакими клятвенными заявлениями и никакими официальными заявлениями перед иностранной прессой в роде тех, которые устроили заграничные меньшевики. Пускай заграничная делегация клянется перед всей буржуазной прессой, что она чиста как ангел и ничего общего не имеет ни с подсудимыми, ни с их действительностью. Их документы говорят об этом больше всех слов и клятв и целиком и полностью их уличают. Таков ответ на первое обвинение.

III. БЛОК С БУРЖУАЗНО-КУЛАЦКИМИ К.-Р. ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Дальше однако идет гораздо более серьезный и более важный момент. Мы обвиняем этих людей в том, что для достижения своих целей они поставили своей задачей и осуществили, во-первых, блок с откровенными буржуазно-фашистскими организациями, во-вторых, как метод усвоили вредительство, в-третьих, поставили ставку на интервенцию и наконец поставили своей задачей насильственное низвержение советской власти каким бы то ни было путем.

Вопрос о том, действительно ли насильственный метод низвержения советской власти является тем методом, который поставили себе подсудимые, представляется для меня решенным. Их заявления, которые они сами здесь сделали, говорят о том, что они поставили своей задачей низвержение советской власти и для этого пустили в ход и вредительство, пустили в ход и ставку на интервенцию. Но мне хочется несколько большего. Они сказали, что эти задачи, эти цели, эти установки они получили от заграничной делегации, они сказали, что их инспирировала в этом отношении заграничная делегация. Поскольку это так, постольку проверка этого заявления равным образом должна лежать на моей обязанности.

Мы имеем по этому вопросу тоже документальные данные. Мы имеем по этому вопросу равным образом четкий ответ на вопрос о том, как, каким путем, насильственным или не насильственным путем они хотели разрешить эту задачу. Раньше разрешите одну цитату из статьи Дана «О путях большевистской диктатуры», напечатанной в венской «Арbeiterzeitung» 7 ноября 1928 г. Там говорится: «Восстановление капитализма в России неизбежно. Сохранение теперь государственного капитализма не по силам большевистской диктатуре. Единственным

источником образования капиталов в России является деревня, но деревня нуждается в капиталистическом развитии. Все это необходимо констатировать, хотя это нам очень больно. Но если Россия не пойдет по пути, который мы видим, то может случиться, что при восстановлении капитализма рабочий класс будет раздавлен кровавой контрреволюцией».

И так как ему это очень больно и так как он этого не хочет, то Дан, а вместе с ним и заграничная делегация, поставили перед собой задачу наиболее безболезненным путем добиться низвержения большевизма и реставрации капитализма. Точного ответа как — на этот вопрос в платформе 1924 г., как мы видели, нет. Платформа 1924 г. не дает прямого ответа о том, как добиться этого. В 1930 г. Дан в своем ответе в полемике с Каутским равным образом не дает четкого ответа. Зато четко ставит этот вопрос сам Каутский. Разрешите только парочку цитат, которые характеризуют обе эти группы меньшевиков, как тех, которые боятся ставить точки над «и», так и тех, которые не боятся на вопрос «как» отвечать ясно и четко: «насильственным путем, путем насильственного низвержения большевизма». Это нам важно, чтобы вскрыть истинное существо тактики меньшевиков и вместе с тем установить их связь с тактикой обвиняемых.

Вот эти цитаты. Каутский пишет: «Мирный поворот коммунистов к демократии — с этой перспективой вряд ли придется серьезно считаться» (стр. 115).

Дальше: «успешное оппозиционное движение такого рода могло бы скорее всего начаться в крестьянстве».

В особенности «если одновременно восстанут все деревни нескольких провинций. Для подавления такого восстания вооруженных сил центрального правительства хватить не может».

И кончает: «Можно проклинать восстание. Но раз оно имеется налицо, надо занять по отношению к нему определенную позицию», а эта позиция предлагается: «возглавить и руководить». Вот точка зрения Каутского. С этой точкой зрения якобы не согласен Дан. Как же ставит он вопрос? Что нужно делать, если большевизму будет грозить восстание? Дан пишет: «В этом гвоздь книги и, к сожалению, в этом вопросе мы расходимся с Каутским». Что же он предлагает? Он не верит в восстания крестьян: «еще меньше, чем в эпоху гражданской войны, можно ожидать слияния местных крестьянских восстаний в единое всероссийское».

Итак, первый аргумент — едва ли восстание выйдет.

Второй аргумент: «что касается широких масс современной русской интеллигенции, то в их характеристике Каутский жестоко ошибается... русская интеллигенция выходит из революции совер-

шенно преобразенной»: сухой, эгоистичной в борьбе за существование, «американизированной».

Итак, нельзя рассчитывать ни на крестьян ни на интеллигенцию. Что же делать?

Дан отвечает: «...Пролетариат должен... связать реалистическую экономическую программу с политической программой демократии. Под этим знаменем пыталась и пытается социал-демократия организовать борьбу рабочего класса против режима утопической и террористической диктатуры большевизма».

Но «как»? На этот проклятый вопрос, конкретный вопрос «как», как действовать,—на этот вопрос Дан опять-таки ответа не дает и пишет дальше: «Нетрудно представить себе, к каким социальным силам попало бы в плен коалиционное правительство из слабых по необходимости социалистических партий, и какова была бы «демократия», которую оно могло бы насаждать, если бы ему пришлось на каждом шагу преодолевать, а вероятнее всего, и насильственно подавлять отчаянное сопротивление этого миллионного пролетарского актива. Без положительного участия этого актива проблема демократии в России решена быть не может. Участие его отнюдь не представляется безнадежным». А мы думаем, что участие его представляется безнадежным, ибо рабочие будут драться.

У Дана получается, таким образом, такой вывод: крестьянские восстания разрозненны, на интеллигенцию рассчитывать нечего, буржуазные осколки очень слабы, а придется подавлять сопротивление миллионного пролетарского актива, т.-е. коммунистической партии и рабочих масс, которые идут за компартией. Первый вывод, который отсюда следует, будет такой: поэтому, и только поэтому, из боязни неудачи Дан против восстания, он боится, что коалиционное правительство не справится с реакцией. Это уже ответ, и ответ, близкий к Каутскому. «Значит ли, что социал-демократия складывает руки?»—спрашивает дальше Дан. И отвечает: «Нисколько! Но это значит, что она идет своим путем. Она зовет пролетариат... своим организованным давлением (не исключаяющим, разумеется, и таких средств борьбы, как стачка, демонстрация и т. п.) заставить советское правительство вступить в путь осуществления этой платформы, на путь отказа от политики диктаторского терроризма, вызывающей возмущение крестьянства и таким образом подготавливающей победу контрреволюции».

Ну, а если советское правительство не захочет? Тогда как? Ответа Дан на этот вопрос не дает, ибо он может дать только один ответ, это—ответ тот, который дает Каутский, или же он должен признаться, что ему остается бездействовать.

Но бездействовать он не хочет и опять-таки кончает формулой о том, что

«... ее (т.-е. социал-демократии) «активность» должна выражаться не в том, что она сегодня будет вести чужую политику, а в том, что, сосредоточивая свои усилия на организации хотя бы небольших нелегальных кадров, она будет ковать оружие, которое даст ей возможность вести свою политику завтра. Ибо социал-демократия не партия-однодневка, и цели ее не исчерпываются задачами сегодняшнего дня».

Можно ли понять что-либо из этого ответа? Вот как Владимир Ильич характеризовал господ, которые так отвечают:

«Когда говорится о борьбе с оппортунизмом, не следует никогда забывать характерной черты всего современного оппортунизма во всех и всяческих областях: его неопределенности, расплывчатости, неуловимости. Оппортунист по самой своей природе уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключаящими одна другую точками зрения, стремясь «быть согласным» и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и пр., и пр.».

Дальше Владимир Ильич говорит:

«Наши меньшевики, как и все оппортунистические, социал-шовинистские, каутскианские вожди профсоюзов, суть не что иное, как «агенты буржуазии в рабочем движении» (как говорили мы всегда против меньшевиков) или «рабочие приказчики класса капиталистов», по прекрасному и глубоко верному выражению последователей Даниеля де-Леоне в Америке».

Вот лучшая характеристика той практической позиции, которую в данном случае занял формально на страницах официальной печати Дан, позицию которого другой его соратник—Гарви—крикирует не без едкости, не без остроумия и не без достаточной обоснованности. Разбирая эту позицию в статье от 8 февраля 1930 г. под заглавием «Новый этап диктатуры и наша тактика», Гарви говорит: Раньше была позиция на идею соглашения с большевистским правительством при условии демократических уступок в виде осуществления советской конституции и свобод для трудящихся. Сейчас такая постановка вопроса как будто ушла в «невозвратное прошлое». В свое время в статье Дана в связи с разгромом троцкистов выдвигалась ставка на левую оппозицию, потом и эта ставка повисла в воздухе.—Нет выхода—говорил Гарви,—из вашей постановки, давайте четкий ответ в конце концов—как? «Политические и экономические требования»,—говорит Гарви,—социал-демократии должны быть не «платформой соглашения», а платформой народной борьбы. Они должны быть

повернуты не в сторону «внутренних сил большевизма», а в сторону рабочего класса, крестьянства, всего народа».

Так четко ставится цель насильственного свержения советской власти определенной частью заграничной делегации.

Другая часть (Дан) крутит и вертится вьюном в ответ. На деле же мы увидим еще, как он действует. Зато другой «вождь» более откровенен.

Абрамович в своей статье в «Социалистическом вестнике» от 11 октября 1930 г. пишет:

«Не было еще в истории примера, чтобы самодержавный строй пошел на добровольную самоликвидацию. Гораздо более вероятной является перспектива крестьянского, а затем и всенародного восстания против советской власти». Это пишет он в ответ на ту же книгу Каутского и этим по существу солидаризируется с постановкой вопроса у Каутского. И пусть после этих слов Абрамович и другие лидеры заграничной делегации говорят, что заграничная делегация не идет на насильственное свержение советской власти, после того как он сам пишет, что «гораздо более вероятной является перспектива восстания против советской власти».

Так ставят вопрос в своих политических произведениях оба эти «вождя», и отсюда совершенно ясно, что если они сейчас говорят о том, что они никогда не ставили ставки на насильственное свержение и никогда не проповедывали его, то хотя бы и было очень много документов, в которых они на словах высказались против, это — только политическое двурушничество, и всякий раз, когда они пытаются практически поставить работу, они немедленно же упираются в необходимость дать четкий ответ: да или нет, и стать на точку зрения Каутского, Гарви и других. Ибо они по существу — за насильственное свержение.

Мы можем теперь ребром поставить вопрос: при такой постановке вопроса у заграничной делегации как могли практически поставить эту задачу реставрации капитализма меньшевики здесь? Если эти меньшевики хотели здесь поставить перед собой задачу практически, они могли ее ставить только по рецепту Гарви, только по рецепту Каутского, с молчаливого одобрения и Дана и Абрамовича.

Ибо на добровольное самоуничтожение большевизма рассчитывать не приходилось, надежды на правых и на «левых» рушились, эта ставка была бита, оставалось только солидаризироваться с Гарви, Каутским и их ставкой на насильственное свержение советской власти.

И подсудимые на это ставили ставку,

на это пошли и нам об этом здесь рассказали.

Мы можем перейти теперь к анализу их практической работы в ее конкретной реализации на основе тех директив, которые они получили от заграницы.

Что же прежде всего для этого они должны были предпринять? Дан говорит: Задача наша — организовать так демократию в СССР, чтобы объединить все те группы, которые, как говорится в программе, «твердо стоят на почве революции».

Подсудимые провели конкретную реализацию именно этой программы, — я имею в виду блок с «Промпартией» и с «ТКП». Спрашивается, нужно ли мне специально здесь приводить доказательства того, что этот блок с подсудимыми был реально осуществлен? Мы имеем подробнейшие показания Громана о том, как в феврале 1929 г. на специальном совещании по этому вопросу было заключено соглашение представителей меньшевистской организации и представителей «Промпартии». Мы имели здесь показания на ту же тему Рамзина и показания на ту же тему Ларичева, которые указывали, когда, где, при каких условиях, во имя какой цели, на какой тактической и политической программе было достигнуто соглашение. Мы имели по этому же поводу четкие и определенные показания Кондратьева. Кондратьев показывал, что он рассматривал меньшевистскую группировку как нечто более близкое и родственное «ТКП», чем «Промпартию». Громан и другие показывали, что и они рассматривают точно так же группу Кондратьева, и как более близкую и родственную им контрреволюционную группировку.

Директивные указания платформы 1924 г., непосредственные указания, которые мы имеем в статье Дана от 1930 года, непосредственные указания, которые опубликованы в «Социалистическом вестнике», — все говорит об одном и том же, ставит одну задачу: сплотить в первую голову те силы, которые близки по идеологической установке; такой силой являлась в первую голову кулацко-эсеровская группа Чаянова — Кондратьева.

Спрашивается, в какой бы то ни было минимальной степени противоречат этим заданиям утверждения обвиняемых, что они приступили к организации этого блока по прямым директивам заграделегации? Какой политический смысл было бы отрицать, какой логический смысл отрицать такого рода блок, когда он целиком и полностью, на все 100 проц. вытекает и из официальных документов, и из общих позиций Каутского, Дана даже в тех завуалированных тонах, которые имеются в статье «Проблемы ликвидации»? Ведь там говорится о необходимости объединить все «демократические

силы, стоящие на почве революции». Статья эта относится к 1930 году.

Я нарочно, обращаясь к Кондратьеву, приводя цитаты из программы меньшевиков, спрашивал, согласен ли он с ними. Кондратьев ответил, что она целиком совпадает с тем, что он, Кондратьев, хотел проводить.

Какой практический смысл после этого отрицать то, что этот блок являлся логическим выходом, прямым ответом на прямое требование и платформы, и тактических установок, и директивных требований, которые шли со стороны заграничной делегации в их официальных документах?

Было бы нелепостью это отрицать. Блок в этой части (с «ТКП») приходится признать целиком и полностью отвечающим тому, о чем им писали, о чем говорили заграничники. Но мы имеем гораздо большее. Мы по свидетельским показаниям имеем следующее, — и это представляет собою ту вторую часть работы заграничного центра, которую мы вскрыли только здесь в порядке судебного следствия. Эта вторая часть сводится к недоговоренному в официальных органах блоку не только с группой Кондратьева.

Мы здесь видели не только Кондратьева, мы знаем не только о Юровском, мы знаем не только о Чайнове, мы здесь видели и Некрасова, мы знаем о совещании под председательством Калининкова, мы знаем о распределении ролей по согласованию с Хренниковым; мы видели здесь Рамзина, мы видели здесь Ларичева, — другими словами, мы видели здесь конкретных живых людей — организаторов этого блока, практически осуществлявших эту политику блока и с «Промпартией». И мало того. Мы слышали здесь и слышали об этом из двух источников — с одной стороны, мы слышали от Рамзина, что в бытность свою в Париже в 1928 году вместе с Ларичевым в октябре на совещании с Денисовым и с другими деятелями «Торгпрома» он узнал от «Торгпрома» о том, что за границей «Торгпром» вел уже переговоры с меньшевиками о соглашении о совместных действиях и о финансировании «Торгпромом» меньшевиков. И мы здесь имели показания Громана о том, что он также узнал о том же непосредственно в 1928 году от Абрамовича. От Абрамовича Громан узнал о том, что такие соглашения были. Переговоры такого сорта велись и привели к определенным результатам. Оба показания идут из двух источников, от двух самостоятельных политических организаций. Эти показания говорят о том, что блок объединял не только так назыв. «демократические» группы, но имелся блок и по линии объединения непосредственно с «Промпартией».

Но поставим вопрос так. Ну что же, допустим на одну минуту, что здешние

деятели меньшевистской организации в данном случае пошли на свой страх и риск, что в данном случае они пошли на эти соглашения по своей инициативе, исходя из соображений момента и положения вещей так, как оно складывалось в СССР. Подвергнем анализу эти соглашения с точки зрения тех тактических установок, которые мы имеем в официально опубликованных документах, в официальных статьях в «Социалистическом вестнике» и непосредственно в платформе 1924 года.

Там ставится вопрос так: важно объединить все группировки, стоящие на почве «революции», чтобы обеспечить соответствующие, желательные с точки зрения меньшевиков формы государственной власти непосредственно на другой день после переворота. Каутский к вопросу подходит просто — надо идти на восстание. Дан боится, «как бы чего не вышло». И именно потому, «чтобы как бы чего не вышло», Дан ставит вопрос о необходимости как-нибудь так построить свою тактику, чтобы потом включиться в общий блок контрреволюционных сил в непосредственный момент переворота и этим обеспечить соответствующее воздействие. А что здесь мы имеем в этом блоке-договоре «Промпартии», «ТКП», меньшевистской организации — всех трех организаций, готовящих непосредственное свержение соввласти? О чем договор? О том, что они будут делать после свержения соввласти. Мы имеем словесный договор всех трех — организовать такое коалиционное правительство, которое бы обеспечило известный минимум «демократического» порядка. Меньшевики ставили вопрос об участии в министерстве, о том, чтобы соответствующим образом поделить портфели. Об этом говорили кондратьевцы, об этом говорила «Промпартия». С точки зрения требований Дана, это и есть реализация его программы, ее реализация того, чего он хочет, чтобы в случае насильственного низвержения советской власти обеспечить соответствующие возможности для меньшевиков, обеспечить и их участие во власти. Против такой постановки вопроса Дан не может возражать, не может спорить, ибо это есть реализация его программы. И как только на деле оказался возможным такой политический блок, оказалась реальная возможность осуществить то, чего хочет Дан, он всеми фибрами своего существа, своего оппортунистического до мозга костей существа, своего ультра-буржуазного, реставраторского существа, конечно, уцепился за эти возможности и благословил этот блок. На словах, конечно, Дан спорит против таких формальных договоров и возражает Каутскому. Но ведь на то он и двурушник.

Другое дело, что в реальной жизни вышло бы иначе. Рамзин — делегата, Рам-

зин—политик, он умело поставил вопрос. Военная диктатура для вас неприемлема,— сказал он,— вы по поводу военной диктатуры спорите, ну, что же, отложим этот вопрос,— над нами не каплет. Будет время, увидим—не в этом суть, а суть в том, чтобы поделить вредительство по разным областям: вы можете вредить в Наркомземе, а вы в Наркомторге, а вы в Наркомфине, а вы в Госбанке, а мы в ВСНХ, в тяжелой промышленности, мы можем вредить в текстиле, в хлопководстве, и ирригации и проч., и проч. Рамзин рассуждает здесь делячески, но политически верно. Он трезво, как реальный политик, ставит вопросы. Но это Рамзин.

Конечно, подсудимые—тоже делеяги. Но есть разница между делеягой, который понимает «что к чему», нюхом понимает, как в конце-концов обернется на деле, и делеягой, который ничего не понимает и который полагает, что словами, обязательствами, пустяковой болтовней, разговорчиками он сможет что-нибудь обеспечить, сможет что-нибудь реально противопоставить своим партнерам.

Я думаю, эта картина переговоров и расчетов выдает меньшевиков с головой. Ведь это так типично для оппортунистов, типично для политиканов, для мелкого делеяги, для делеячества самого низкопробного пошиба, делеячества близорукого, рассчитывающего на сегодняшний день. Для меньшевиков типичны эти расчеты, типична эта практика блока. Но этот блок тем не менее важен политически постольку, поскольку он являет собой конкретный конец эволюции социал-демократов меньшевиков, являвшихся всегда, о чем писал Владимир Ильич, «агентами буржуазии в рабочем движении» или «рабочими приказчиками класса капиталистов».

Но приказчику платят. И им платили. Этот момент является чрезвычайно важным и существенным во всем этом деле, и на нем тоже следует остановиться. С похвальным упорством стараются меньшевики отвести от себя обвинение в том, что они сами брали что-нибудь для себя, и говорят, что в порядке партийной этики они запрещали своим членам принимать деньги для себя. Допустим, что это так, дадим вам это маленькое утешенье, хотя, хотя... сомнения иной раз тоже бывают полезными. Но реальное получение денег—это же факт, и соответствующее распределение этих денег—это факт, и соответствующая передача их по вредительским группам—это факт. «Форвертс» по этому поводу пишет, что из того, что от Рамзина получали деньги, вытекает, что не получали денег от германской социал-демократии. Как раз это ничего не значит, а значит, что получали и оттуда и отсюда. Но мы проверять счетов германской социал-демократии конечно не будем. В данном случае мы имеем все-таки более весомые судеб-

ные доказательства в виде прямых указаний подсудимых, а также то, что мы знаем из всех процессов, которые прошли по вредительству, что денежные ассигнования, плата за вредительскую работу были неизбежным, обязательным моментом вредительства и что большинство из тех, кто вредил, вредить иначе, чем за компенсацию, не соглашалось, хотя бы он в принципе и был против советской власти, за ее низвержение и т. д., и т. д.

Я разрешу себе на этом остановиться и, подводя итоги этой части обвинения, так формулировать итоги. Первые два вопроса, которые я поставил, первые два обвинения, которые я предъявил, а именно, что обе группы контрреволюционных заговорщиков,—и те, которые сидят здесь, и те, которые инспирировали их оттуда,—ставили своей прямой целью капиталистическую реставрацию,—это доказано целиком и полностью.

Второе—обе эти группы в практической постановке вопроса ставили ставку на насильственное низвержение советской власти. Часть ставила открыто, часть по-оппортунистически, завуалированно, двурушнически, замазывая. Это доказано.

Третий пункт—эту работу они вели в блоке с контрреволюционными организациями. И это доказано полностью, на все сто процентов.

Что касается заграничной делегации, то мне представляется также полностью доказанным, что с точки зрения основной установки, которую она давала вообще на блок всех партий или групп, которые «стоят на почве революции», а по существу на почве контрреволюции, организация такого блока целиком соответствовала этим установкам, и потому утверждения подсудимых о прямом санкционировании и инспирировании такого блока целиком этим подтверждаются.

Целиком этим заданиям из-за границы соответствовали и та реальная практическая работа, которая велась здесь, переговоры и договоренность с «ТКП», с «Промпартией» по вопросу не только о задачах, но и о ролях каждой из договаривающихся групп до вооруженного свержения, в процессе вооруженного свержения, на другой день после вооруженного свержения советской власти. Сомнения в том, что и тут только исполняли основные директивы заграницы, быть не может.

Я подробно теперь останавливаюсь на следующих двух основных вопросах обвинения—на вредительстве и интервенции.

IV. ВРЕДИТЕЛЬСКАЯ «РАБОТА»

Вредительство имело свою историю. Нам приходилось уже рассматривать постепенное развитие вредительства на его отдельных этапах. И на предыдущих

процессах и непосредственно на этом процессе можно было констатировать, что вредительство зародилось гораздо раньше, чем окончательно сформировались и приняла организационно-четкую форму соответствующие контрреволюционные организации. 1927 г.—это был уже период, когда в центральных организациях вредительства — в «Инженерно-промышленном центре» Пальчинским ставился вопрос о переходе, так сказать, к «высшим» методам вредительства с главным упором на вредительство в области планирования. Таким образом и вредительские организации, которые были в распоряжении и ведении «Промпартии» («Инженерного центра»), и вредительские организации, которые до этого создались и имели место в Наркомземе, Наркомфине под руководством кулацко-эсеровской группы Чайнова — Кондратьева, — представляют уже до известной степени устоявшиеся и определенвшиеся в области своих методов вредительские организации.

Меньшевистская вредительская организация, первоначально возникнув на почве стремления отдельных работников Госплана и ВСНХ задержать поступательное развитие экономики нашего Союза, усвоила то вредительство, которое в наибольшей степени соответствовало реальным возможностям данной группы лиц. Таким образом, когда вопрос перешел уже к непосредственному контактированию работы, когда начались в конце 1928 года и 1-й половине 1929 года объединенные заседания и совещания о методах контрреволюционной деятельности, каждая из организаций располагала уже определенным активом в том смысле, что имела что предъявить в переговорах, и поэтому вопрос о разграничении вредительской работы сам собою встал как практическая задача, на разрешение которой должно быть направлено внимание руководителей каждой из трех контрреволюционных группировок.

Я сейчас перейду к анализу конкретных форм и факторов вредительства в тех областях, которые находились в ведении меньшевистской организации. Но раньше важно вскрыть объективную логическую неизбежность для этой организации, так же как и для тех двух, именно вредительство положить в основу своей контрреволюционной работы.

Представляется установленным, и иногда положения быть не могло, что та прежняя ориентация, которую по традиции старый меньшевизм ставил перед собой, ориентация на политическую пропаганду среди рабочего класса, — эта установка оказалась объективно невозможной. В рабочем классе, в рабочей среде возможностей для меньшевистской работы не было. Здесь показал нам Иков о том положении, которое было в нелегальной организации меньшевиков в

1924 году, и о том, что он застал тогда, когда он начал восстанавливать свои старые связи в 1928 году. Ему пришлось столкнуться с полной раздробленностью и неформальностью.

Кроме того, мы здесь видели других живых людей, которые пытались ставить этот вид контрреволюционной работы. Я имею в виду, с одной стороны, свидетельские показания Желудкова, а с другой стороны — свидетельские показания Гвоздева и показания Волкова.

Остановимся сначала на Желудкове. Что такое сам Желудков, которого они привлекли к участию в контрреволюционной деятельности? Он был, во-первых, собственник явочной квартиры, куда должны были к нему приезжать периферийные агенты меньшевистской организации с периферии. С другой стороны, он использовался для распространения контрреволюционной литературы, в частности «Социалистического вестника». Наконец, он был своего рода агентом по собиранию нелегальных кадров.

Каждому сохранившему некоторую политическую цепетливость старых подпольных традиций, каждому работнику старых времен претило бы иметь дело с такого рода фигурой, как Желудков. Те небольшие черточки, которые он сам дал в своих показаниях, характеризуют его целиком и полностью. Это — один из организаторов тех группок рабочих, крайне в количественном отношении незначительных, которые пытались в первую революционную бурю, в период 1905 года, в период первого мощного размаха и мощного подъема революционного рабочего движения удержать рабочий класс от политической борьбы. Это была группка из 3—4 человек издававшая, как он сказал, не то «Рабочий голос», не то «Живой голос» — маленькую газетчку, политическая позиция которой сводилась к лозунгу: «Подальше от политики», «Сохраните нейтральность профессионального движения, не вносите политической струи в рабочее движение», — в революционное рабочее движение 1905 г.! Достаточно поставить перед собой эту проблему, чтобы определить социально-политическое существо этой фигуры. Такие попытки в тот момент, в момент могучего размаха и взрыва революционного движения, такую задачу могли себе ставить только сознательные охранники и провокаторы или прямые агенты буржуазии. Хотя у нас нет точных и прямых указаний, которые бы дали нам право сказать, что Желудков принадлежал именно к этого рода людям, но во всяком случае этот факт из его политической биографии, из его политического прошлого достаточно его характеризует. Человек, который участвовал в меньшевистской организации до подъема революции 1905 г. и ушел из этой организации в разгар

этого движения, ушел, чтобы изгнать политику из рабочего движения, политическая сущность такого человека ясна сама собою из этого факта. Как правило, это была либо агентура царской охранки, либо это были купленные (быть может, за достаточную денежную мзду) агенты кадетской партии. И вот этого рода элементы были привлечены сейчас меньшевистской организацией.

Бывший печатник, бывший издатель антипролетарских, контрреволюционных газет, ныне собачник Желудков был избран ими, за неимением лучшего, в качестве агента для формирования пролетарских рядов, которые он должен был привести за собой на помощь, для оплота меньшевистского социал-демократического контрреволюционного центра!

Какими средствами, практическими средствами он для этого располагал?

Мы имеем несколько десятков экземпляров «Социалистического вестника», мы имеем 3—4—5 лиц, которые приезжали к нему из провинции и которые, как это говорят и другие обвиняемые, происходили из той же агентуры, той же самой служилой интеллигенции, из среды которой меньшевики формировали ячейки по Центросоюзу, либо по Госбанку, под руководством Пегунина или под руководством Шера. Жалкий ректорграф как средство технического распространения и размножения этой литературы, резолюций «Союзного бюро», либо той литературы и директив, которые они получали из-за границы, — вот все конкретно, чем они еще располагали для воздействия на «массы».

Если мы возьмем теперь показания Гвоздева, который был привлечен Волковым, тем самым Волковым, на которого была возложена специальная функция — быть показным рабочим в социал-демократической меньшевистской контрреволюционной организации, то этому Гвоздеву — старому меньшевику — удалось, как он говорит, среди старых же меньшевиков, благодаря тем связям, которые у него сохранились, привлечь 8—10, может быть, 15 чел. И это было все. Это было все, чем они располагали, и этот факт является лучшим доказательством для подтверждения нашего утверждения, которое и так логически само по себе вытекало, что в рабочей среде рассчитывать на какую-нибудь прочную организацию меньшевики не могли.

Еще точнее говорит о том же самом Дан в своем «ответе» Каутскому, когда он говорит о якобы «распыленности рабочего класса» и его бессилии и когда он вместе с тем констатирует, что налицо имеется миллионный актив рабочих, который придется при контрреволюционном перевороте насильственно подавлять, ибо этот миллионный актив не согласится даром отказать, без борьбы, от завоеваний Октябрьской револю-

ции и с оружием в руках, до зубов, до последней капли крови будет драться за то, чтобы отстоять эти завоевания и против интервенции, и против попыток контрреволюционного переворота внутри.

Этот факт заставил меньшевиков на заседаниях «Союзного бюро» даже поставить вопрос о том, что, быть может, целесообразно снять подзаголовок «рабочая партия». При этом наиболее откровенные и политически недалеконевидные договорились до того, что, мол, нужно и в резолюциях «Союзного бюро» написать о том, что социальная база теперь должна быть иной, должна быть сделана ставка на служилую интеллигенцию, на осколки городской буржуазии и на кулацкие элементы сельской буржуазии. Все это показывает, что по линии организации рабочих работа и все попытки меньшевиков были осуждены на неудачу, должны были кончиться и кончились крахом.

Крестьянская масса? Мы здесь слышали Кондратьева. Я спросил у него о тех перспективах, которые он и его группа строили перед собой, когда проектировали свое «всенародное восстание» против советской власти. Я спросил у него о реальных результатах. Я хотел от него лично получить признание бессилия, ибо специально доказывать вздорность этих надежд не приходится, — историческая действительность является лучшим доказательством. Я спросил у него: признаете ли вы сейчас, что та установка, которую вы брали на крестьянство, по существу была установкой на кулацкую верхушку, на определенные слои кулачества, оказывающие и по сей час бешеное активное сопротивление социалистическому переустройству деревни? Он должен был это признать, он должен был это констатировать. Дан, впрочем, говорит то же самое. В этой плоскости (я имею в виду его возражения Каутскому) особых надежд он не питает. Наоборот, Дан боялся или боится, как он говорит, этих движений, которые должны, по его концепции, привести к бонапартизму после свержения соввласти. Значит, крестьянство равным образом было вне пределов досягаемости для меньшевиков.

Что же оставалось объективно? Если исключить внешнюю силу в виде интервенции, то единственной базой оставалась определенная прослойка служилой интеллигенции. Но в какой плоскости эти круги конкретно могли принести наибольший ущерб советской власти? В какой плоскости они могли конкретно проводить контрреволюционную работу? Сообразно тому положению, которое они сами занимали в советском аппарате, и тем организационным возможностям, которые представлялись им советским аппаратом, сам по себе отсюда вытекал

вывод, что в пределах этой базы методом контрреволюционной работы, к которому они с объективной неизбежностью должны были прийти, является только тот метод, который они называли «дезорганизаторским», или метод вредительства, как в конце концов они его определили.

Позвольте с этой точки зрения прежде всего поставить вопрос о достоверности сообщения Петунина о полученной им в беседе с Даном в конце 1927 года директиве проводить дезорганизаторскую работу в целях ослабления пролетарской диктатуры и централизованной мощи пролетарского государства. Верно ли это и чем это подтверждается? Конечно, говорить об этом, писать об этом нельзя, и прямых директив такого рода в официальных писаниях меньшевиков мы не найдем. Мы их найдем путем других доказательств. С первого взгляда мы имеем по этому поводу как будто бы только, с одной стороны, признание всех обвиняемых, а с другой — одно полное отрицание заграничной делегации в официальных декларациях, которые приобщены к делу.

Чтобы установить и тут правильность и достоверность сообщений обвиняемых о том, что директивы о вредительской работе получались, я потом перейду к анализу документальных данных, уличающих заграничную делегацию, а сейчас позволю себе перейти к беглому, в пределах возможности, анализу вредительской работы по отдельным конкретным отраслям, чтобы показать, насколько была реальна эта работа и насколько эта работа действительно принесла ущерб, чтобы не казалось, что только разговорчиками, только резолюциями, только пустячками, собеседованиями оппозиционно настроенных интеллигентов была их работа.

Мы имеем следующие учреждения: Наркомторг и Центросоюз, Госбанк, Госплан и ВСНХ, где работали в области вредительства меньшевики.

Перейдем к Наркомторгу и Центросоюзу. Наркомторг и Центросоюз, как две организации, на которых лежали распределение, направление и снабжение трудящегося населения теми товарными массами, которые имелись в распоряжении Советского Союза, — эти учреждения являлись наиболее удобными и мощными для вредительства.

Когда мы рассматривали дело «Промпартии», вредительство по топливу, по транспорту, вредительство по текстилю, вредительство по нефти, мы имели там методы вредительства, направленные либо к срыву соответствующего строительства, либо к срыву определенных оперативных действий соответствующих хозяйственных органов, либо к нерациональному использованию капиталов, либо, наконец, к прямому вредительству в

конкретнейшей форме поломки машин и организации диверсионных актов. Все эти отрасли не находились в ведении меньшевистской организации. Это — технические области, где «Инженерно-промышленный центр» был более приспособлен к этой работе. Но снабжение, распределение промтоваров, т.е. те области, которые непосредственно бьют по широким массам рабочего класса и трудящиеся, — эти области были доступны воздействию меньшевиков.

Эта работа меньшевиков и результаты этой работы были вдвойне, в смысле ответственности, позорны и поэтому должны повлечь за собой соответствующие тяжелые последствия.

Что мы имеем здесь прежде всего в области попыток срыва заготовок? Мы здесь слышали от подсудимого Якубовича подробные показания о том, каким образом производилась эта вредительская операция. Она сводилась к тому, что массы промтоваров направлялись заведомо неправильно, с тем, чтобы, в первых, оголить рабочие центры, другими словами, поставить под прямую угрозу снабжение рабочих промышленных городов, крупнейших промышленных центров, и этим самым вызвать, спровоцировать недовольство широких рабочих масс. С другой стороны, путем направления этих промтоварных масс в несоответствующие районы препятствовать правильному выполнению заготовительных операций и этим подготовить срыв общехозяйственных планов. Это нам рассказал подсудимый Якубович. Здесь мой товарищ по обвинению г. Рогинский на судебном следствии цитировал уже некоторые документы. Я на этих документах, как на документах, подтверждающих все то, что было сделано, документально подтверждающих реальность проделанной работы, реальность нанесенного ущерба и причиненного вреда, — остановлюсь. Это уже не слова, это уже конкретные дела.

Я имею в виду, с одной стороны, Сибирь, где благодаря неправильному направлению создалось переснабжение промтоварами. Затем имею в виду Белоруссию, где создалось недоснабжение, Крым, где создалось переснабжение, Северо-Восток, где создалось недоснабжение. Вот документы, которые уже цитировались. Это — официальные сообщения с мест о тяжелом положении, которое создалось на местах в результате вредительской полиптики. Можно ли такую картину объяснять только как головоутишение нашего аппарата, как неумение работать, как результат недостатка товаров вообще или результат неправильности хозяйственного плана? Нет, когда мы имеем, с одной стороны, переснабжение, вынуждающее разбронирование этих товарных масс, пуск их непосредственно в вольную продажу в виду слишком

большого затоваривания, — здесь говорить только о случайности нельзя. А когда вместе с тем мы имеем документы о том, как отвечали на эти сообщения с мест руководящие деятели Наркомторга, в лице Якубовича, и Центросоюза, то тогда следует говорить только о вредительстве. Это прямые конкретные вредительские акты. Вот мы имеем следующий документ из Белоруссии:

«Президиуму ВСНХ СССР от 19/1—1928 г. № 131/с.

Промышленность БССР испытывает крайне напряженное положение с сырьем, ставящее под угрозу выполнение производственной программы. Особенно остро вопрос стоит с льнопрядильной, масляной и кожевенной промышленностью...

Тяжелое положение создается также с лесозаготовками...

Единственным выходом из создавшегося положения может быть немедленное усиление завоза промтоваров, специально для снабжения районов заготовок...».

Мой товарищ по обвинению указывал на судебном следствии на то, что все эти документы относятся к одному и тому же периоду. Получается, что в один и тот же период в тех четырех основных районах, которые я взял, в двух из них создается прямо противоположное положение. В то же самое время в отношении Сибири сообщают: «Правление Госбанка считает необходимым до вашего сведения о тех затруднениях, которые создались для товаропроводящей сети в связи с усилением завоза товаров за последние 3 месяца. При резко повышенном завозе в январе сбыт товаров не только не увеличился, но даже упал...».

...Как следствие этого несоответствия предложения и спроса товарные остатки торгующих организаций за это время сильно возросли...

...Отмечая это обстоятельство и считая со своей стороны создавшееся в Сибири положение тревожным, влекущим за собой длительное затоваривание торгующих организаций и непроизводительную увязку средств банка, правление банка считает необходимым поставить этот вопрос перед учреждениями, регулирующими завоз товаров в хлебозаготовительные районы...».

Вот второй документ, относящийся к одному и тому же месяцу, который характеризует реальные результаты проделанной вредительской работы и ее двойной результат, ибо в то время, когда в одном месте создавалось такое затоваривание, в результате которого необходимо было усиленное финансирование этих организаций, т.е. жертва соответствующих денежных средств и денежных ресурсов со стороны государства, в то же самое время приходилось идти на разбронирование товаров, т.е. опять-таки на нерациональное изъятие их из общей

суммы товарных фондов, которыми располагает государство.

Очень интересно в этом отношении сообщение Крыма. Из Крыма сообщают, что здесь насыщение рынка протоварами превзошло все соответствующие пределы, а когда встал вопрос, как реализовать эти протовары, как выйти из затруднительного положения, Крымнаркомторгу обвиняемым Якубовичем было дано распоряжение о разбронировании товарных запасов, при чем им была дана директива, которая, разрешая разбронирование товарной массы, указывала в то же время местным организациям в ответ на их запрос, что воляная продажа не должна производиться по классовому признаку, соответственно социальному положению покупателя и классовой линии, которую проводят советская власть и партия. Местам было послано извещение, что такой принцип, безусловно, нецелесообразен, «как с принципиальной, так и с технической стороны».

Можно ли идти дальше в смысле извращения той линии, которую проводят советская власть и партия? Это характеризует политическую суть вредительской работы и в то же время характеризует конкретные методы и конкретные результаты вредительской работы в этой области.

После этого документального подтверждения вредительской работы нельзя говорить о том, что тут только результат недостатка аппарата и т. д., ибо слова обвиняемых и документы, которые здесь даны, подтверждают совершенно точно и безоговорочно именно вредительство.

Что касается оголения рабочих районов, то общий политический результат, политический эффект этого действия совершенно ясен, и политическая цель равным образом не возбуждает сомнения. Но перспективы у вредителей были не только эти. Перспективы шли гораздо дальше. Правда, вредители вскоре убедились, что реализация этих перспектив оказалась невозможной. Перспективы ставились такие: если по договоренности с кулацкой группой Чапанова — Кондратьева удастся организовать то или другое кулацкое выступление на местах, предполагалось в этом районе, равным образом, провести недоснабжение товарам с тем, чтобы стимулировать, вызвать еще большие выступления, вызвать недовольство масс населения. Реализовать этот план оказалось невозможным только потому, что квартальный план раз уже принятый, не удавалось так быстро, как это необходимо было бы непосредственно в процессе выступления в том или другом районе, переделать, сломать, провести вредительскую работу.

Наконец, перспективы шли и еще дальше. По показаниям обвиняемых, перспективы шли на оголение приграничных районов, чтобы подготовить соответству-

этого циркуляра была вставлена фраза, в которой говорилось: «Имейте в виду, что мы намерены ваши средства защищать», т. е., другими словами, говорилось: дать-то нужно, но мы будем стоять за то, чтобы не давать, а пока и вы, равным образом, не давайте или давайте как можно меньше.

Результаты выразились в недоизъятии сотен миллионов рублей. «Хотя в настоящее время обсуждение контрольных цифр продолжается, мы принимаем всевозможные необходимые меры к защите ваших расчетов». Так говорил циркуляр.

Что это значит? Это — сознательное вредительское мероприятие центрального планирующего органа, направленное на демобилизацию, на дезорганизацию периферии, к которой обращено прямое требование правительства, по существу это — прямое неподчинение государственной власти, неисполнение ее требований. Государственная власть говорит, что в таких-то и таких-то целях необходимо произвести соответствующую мобилизацию средств, а центральный планирующий орган говорит своей периферии: «давайте», но по существу «не давайте». Вот к чему сводится это двусмысленное, очень понятное теперь инструктирование, а мы знаем, что в этом отношении вредители, сидящие в Центросоюзе, имели большие возможности, так как на местах имелись также вредительские организации, которые реализовали вредительские директивы. Так шла согласованная работа по линии Центросоюза и Госбанка. Я беру только пару примеров. Но это ведь еще далеко не все. Нужно сказать еще о попытке (что относится к Берлацкому) вообще эту реформу привести в негодное состояние тем путем, чтобы статистику, учет, бухгалтерию, при проведении кредитной реформы, где этот учет, статистика и бухгалтерия являются основными моментами, привести в такое состояние, когда бы никто ничего не мог понять. В это время некий Лепешкин был главным бухгалтером. Этот Лепешкин находился в распоряжении Берлацкого, и он расширял в лепешку для того, чтобы вызвать полный хаос в бухгалтерии и тем затруднить одно из сложнейших, серьезнейших, ответственнейших мероприятий, которые поставило перед собой правительство.

Результат вредительства выражается в достаточно крупных цифрах. Я не буду специально говорить об этом, но все эти примеры показывают, с одной стороны — по Наркомторгу, а с другой стороны — по Госбанку и по Центросоюзу, что здесь вредительская работа не ограничилась только одними разговорчиками, что она принесла очень ощутительные результаты, нанесла серьезнейший вред. А Абрамович, Дан и стоящие за их спиной Вандервельде, Блюм и т. д., имея в своем распоряжении напечатанное в на-

шей прессе признание самих вредителей, кричат тем не менее: Это — невинные люди! Большевики — это изверги, которые невинных людей ставят под удары своего жестокого террора! Я к этому вопросу, впрочем, еще вернусь впоследствии.

Сейчас я перейду к Госплану и к ВСНХ. Тут сидели плановики: Гинзбург, Соколовский, Громан, Волков. Правда, Волков играл меньшую роль. Но основные вожди меньшевистской контрреволюционной организации — Громан, Гинзбург, Соколовский — сидели тут. Прежде всего о Гинзбурге. Говорить о конкретных вредительских актах, так, как мы говорили о Якубовиче и Шере, здесь не приходится: ведь вопрос идет о планировании. Здесь вредительская работа проводилась иначе. Гинзбург говорил: мною ставилась задача задержать во что бы то ни стало развитие советской экономики. Я ему поставил тогда другой вопрос: А в чем тут дело? Вы задерживали из-за добросовестного убеждения, что иное развитие невозможно? Или из сознательно поставленных вредительских целей? Гинзбург ответил: из сознательно поставленных целей. Одни только цифры капитальных вложений в промышленность по тем наметкам, которые ставились вредителями и которые реализовались впоследствии, говорят сами за себя. Я возьму только две цифры по планированию капитальных вложений в промышленность. Было первоначально зафиксировано по 1929—30 год 1.380.000.000, а в действительности затем реализовано 3 млрд. 230 млн., и на 1930—31 г. зафиксировано 1 миллиард 394 миллиона, а впоследствии намечено 5 миллиардов 500 миллионов. Видите, какая разница! Вот она, реальная попытка не дать перестроиться экономике нашего Союза, не дать развиваться социалистической индустрии, которая поставила бы нас в независимость от иностранного капитала и иностранной промышленности и вместе с тем создала бы мощную базу для реального построения социализма, для завершения построения фундамента социалистической экономики.

Но деятельность Гинзбурга не ограничилась этим. Были у него и конкретные акты вредительства. Здесь они разбирались. Разбиралось его заключение, которое он давал в Техническом совете ВСНХ, о проектировании крупнейших наших промышленных гигантов: Магнитогорского завода и Тракторного завода в Сталинграде. В этом своем заключении Гинзбург совершенно сознательно преуменьшал практические возможности расширения производства, сознательно преуменьшал практические возможности разветвления этих двух крупнейших гигантов нашей индустрии.

Вот подлинный текст того показания,

которое он дал по этому поводу, когда, как он говорил, он действовал по директивам «Союзного бюро ЦК РСДРП».

«Обращая внимание на правильность предусмотренных возможностей, проект должен был расширить производство сверх 600 тысяч тонн. Но я не выдвинул предложения о доведении производственной мощности до конечного контингента, осуществляемого в настоящее время, хотя последний является наиболее рентабельным, и задерживал этот план проектирования».

У меня перед глазами лежат другие документы, также приобщенные к делу, протоколы заседаний этого самого Технического совета, где как раз обсуждались эти вопросы и где решения были приняты в соответствии с теми установками, которые были даны Гинзбургом. Я обращаю внимание тут на одно маленькое обстоятельство: в заседании участвовали: председатель Технического совета Хренников, вредитель по «Промпартии», и председатели секций: экономической — Гинзбург, вредитель по меньшевистской организации, по металлической — Таубе, вредитель по «Промпартии», по машиностроению — Чарновский, вредитель по «Промпартии», осужденный по делу «Промпартии», горной — Трушников, о нем память мне ничего не говорит, по строительству — Клевезаль, вредитель который проходил по делу «Промпартии». По другим заседаниям — те же самые лица.

Вот вам реальная картина живой действительности и реальной классовой борьбы.

Для лиц, склонных впасть в панику, отсюда могли воспоследовать некоторые печальные выводы. Вот, мол, всюду одни вредители. Мы — не паникеры. Мы не боимся того, что в порях нашего государственного организма до сих пор еще имеются классовые враги. Мы не впадаем в панику от того, что в определенный отрезок времени они были настолько сильны, что оказывали влияние на работу наших планирующих организаций. Победоносный ход социалистического строительства разбивает все усилия наших врагов.

Возьмем теперь Залкинда и планирование по товарообороту, которое он проводил, и, в частности, специально его линию на развитие капиталистических отношений, на усиление капиталистических элементов в СССР. В области планирования здесь вопрос сводился к тому, как подходить к проблеме. Подходить ли исходя из того, что регулятором народного хозяйства должны явиться рыночные отношения в их стихийной форме, или этим регулятором должно быть плановое руководство пролетарского государства. Залкинд избрал первое. Но одно дело — теоретический подход, а другое — подход практический, с заведомой

уже установкой вредить. Я спрашивал поэтому и Залкинда, что здесь в нем говорило: добросовестное ли убеждение научного деятеля, пусть ошибающегося, или «злая воля»? Мне было отвечено: злая воля!

Я считаю, что те документы, которые я здесь огласил и которые никак не укладываются только в рамки научного добросовестного убеждения, лучше всего в данном случае подтверждают этот ответ.

Что касается Громана, как конкретно вредителя, то, желая избавить его от необходимости рассказывать подробно о всех тех конкретных фактах вредительства по планированию, которые проводились непосредственно при его участии, я дал на следствии конкретную формулировку его роли, как плановика, как председателя конъюнктурного совета Госплана. Руководство конъюнктурными работами Госплана — это первостепеннейшая функция, и выяснить важность ее нет никакой необходимости. Я дал тогда соответствующую формулировку его роли и в ответ получил заявление, что он «всцело удовлетворен» моей формулировкой. Он «удовлетворен» этим, но мы не удовлетворены ни в малой степени. От его «удовлетворения» нам не легче, и соответствующие выводы из его нынешней удовлетворенности я постараюсь сделать при подведении итогов и общей оценке вредительской деятельности.

О Соколовском говорить не приходится, он говорил достаточно сам. Он проводил вредительство в области планирования хлопка. Важность этой сырьевой базы для нас абсолютно несомненна и не может подлежать никакому сомнению. Соколовский рассказал конкретно, как он проводил вредительство. Последнее ему было тем легче, что вредительская организация, возглавляемая Федотовым в области текстиля, специально в области хлопка, здесь уже работала. Ею была выдвинута цифра в 23 с половиной миллиона пудов, как проектируемый сбор хлопка к концу пятилетки. Не считая возможным отстаивать эту цифру в виду ее абсолютной минимальности, Соколовский выставил и отстаивал цифру в 27 миллионов пудов, а потом оказалась возможной цифра в 30 миллионов, а впоследствии программа подошла к цифре 60 млн. пудов. Эти две цифры — 30 млн. и 60 миллионов — достаточно рельефны, достаточно показательны, чтобы оценить практический удельный вес практической вредительской работы Соколовского. И когда мы здесь сталкиваемся с вопросом об оценке его роли, то должны помнить хотя об одном, что Соколовский это докладывал и защищал в Совете труда и обороны. Все это показывает, — правда, его намелки были исправлены, — но, тем не менее, все это

показывает, что нельзя проходить мимо него, как мимо незначительного в смысле секретного вредительства вредителя, и нужно гораздо глубже и гораздо серьезнее трактовать его работу.

Что касается Волкова, то он проводил срыв финансирования капитальных строителств, срыв планирования тяжелой индустрии, т. е. по существу срыв плана всего строительства. Вот та работа, которую он осуществлял в области экономики. Это — его вторая функция. Первая функция была — быть показным рабочим, и вторая — вредительство. Может быть, он сделал в этом отношении недостаточно много, но по Сталинуградострою, по Сельмашу, по Коглотурбине он достаточно навредил. Это — все конкретные объекты строительства, в области планирования которых он принес определенный вред.

Я остановлюсь еще на Гвоздеве. Его показания как будто в нашу схему не укладываются. Те все проводили задержку темпов, свергивание темпов, а Гвоздев проводил особый метод вредительства в виде перефинансирования при проектировании заводов, которое требовало бы максимального и излишнего нерационального напряжения государственных средств. Я не думаю все-таки, чтобы это проводилось им сепаратно, в одиночку, как он это сказал. 1930 г. — это год, когда поворот на эти темпы, на эти методы вредительства был в полном разгаре у «Промпартии». А Гвоздев работал в области планирования вместе с инженерами, которые в области машиностроения были непосредственно тесно связаны с вредительской организацией — «Промпартией». К этому времени вопрос о блоке с «Промпартией» был решен, вопрос о согласовании и размежевании вредительской работы был решен. И здесь Волков и Гвоздев, хотя и говорят, что ими проектировались вредительские планы вне связи и договоренности с «Промпартией», — в действительности было не так. Мне вспоминаются при этом те печальные выводы, которые приходилось делать на процессе «Промпартии», когда непосредственно на судебном следствии вскрывались факты, о которых «чисто-сердечно признавшиеся» не считали, однако, нужным «за недостатком времени» упоминать в своих показаниях на предварительном следствии. Не обстоит ли подобным образом дело и в этом случае?

Нам не важно здесь подробно анализировать эту сторону, ибо не в этом центр тяжести настоящего процесса. Кто больше вредил — Волков или Гвоздев? вредил по договоренности или без договоренности? правильно показывает подсудимый Волков или укрывает кое-что? — это не важно, не в этом существе вопроса, а в том, что во вредительской ра-

боте меньшевистская к.-р. организация «Союзное бюро» со всей своей вредительской периферией добились более существенных успехов, чем в привлечении бывших меньшевиков-рабочих, массовой агитации и массовой политической пропаганде...

Та ставка, которая на них ставилась в этой области, оказалась в определенной степени оправданной, в определенной степени правильно учтенной. И это конкретное вредительство плановиков, экономистов, ученых специалистов и ученых социалистов — оно должно быть вами учтено.

Я остановлюсь еще на вопросе о разделении труда. Разделение труда по вредительству было, и об этом было договорено на заседании под председательством Калининкова в феврале 1929 года. Разделение было таково: планирование — Громану, снижение себестоимости — Соколовскому, снабжение — Якубовичу, Наркомзем — кондратьевцам и т. д., тяжелая промышленность — «Промпартии» и пр. Конкретная договоренность. Что же еще надо указать?

Разрешите теперь после этого обратиться к документам, которые будут характеризовать позицию заграничной делегации о вредительстве, к официальному документу, который они опубликовали недавно и который приобщен к делу. В своих официальных документах, сстряпанных насроку специально к данному процессу, они говорят: никогда к вредительству никакого отношения не имели мы. К вредительству? Ни в коем случае. А в других документах?

Я уже на судебном следствии указывал на интересное свидетельство Дана в статье от 24 декабря 1930 года в «Интернационал информасьон», касающееся вопроса о вредительстве. Помните, что говорили подсудимые? Они говорили: до перехода к новому этапу — последнему этапу нэпа — мы старались углубить и расширять нэп. Когда вопрос о повороте политики стал для нас ясен, мы поставили своей задачей бороться, отстаивать свои прежние меньшевистские позиции, согласованно отстаивать против советской власти, а потом перешли к непосредственному вредительству и дезорганизации. Линия коммунистической партии, — говорили они, — противоречила нашим меньшевистским установкам, и мы хотели во всяком случае против нее бороться и боролись. А Дан пишет буквально то же самое:

«Когда на пороге 1928 г. появились первые предвестники нового поворота — от нэпа к «генеральной линии», к политике, проводимой головкружательным темпом сверхиндустриализации, а в дальнейшем и коллективизации, эта «линия» слишком резко противоречила научным убеждениям и общей политически-психологической установке интеллигенции, что-

бы она добровольно могла ее проводить». «Нам казалось, что эта политика неизбежно должна привести к кризисам, к краху, к контрреволюционному перевороту», — заявляли подсудимые, свидетельствуя о своем отвращении к «генеральной линии». Таким образом понятно, что в порядке приказа они могли проводить эту «линию» только с величайшим внутренним сопротивлением. Внутреннее сопротивление и стремление использовать высокий пост в советской бюрократии, чтобы по меньшей мере отвратить то, что казалось самым утопическим и самым сумасбродным, это и есть знаменитая «вредительская работа».

Совершенно правильно — внутреннее сопротивление и стремление использовать высокий пост в советской бюрократии, чтобы по меньшей мере отвратить то, чего хотело правительство, т.е. испортить, сорвать, дезорганизовать то, чего хотело правительство и чего они не хотели делать, — это и есть вредительство. Сорвать линию партии и правительства, испортить, провести наперекор советской власти свою линию, что же, гр. Дан, по-вашему, за такие вещи нужно по головке гладить? Что же, гр. Дан, это, по-вашему, не вредительство? Что же, гр. Дан, в каком-нибудь государстве, а тем паче государстве пролетарской диктатуры, если люди, занимающие ответственные посты, доверенные им правительственной властью, делают не то, что предписывает эта власть, а прямо противоположное, так вот этим людям, когда их посадят на скамью подсудимых, вы думаете, надо сказать: пай-мальчики, невинные люди, продолжайте пожалуйста и впредь вредить и гадить нам?

Проговорился гр. Дан. И это его свидетельство тем более интересно, что защищает он тут не меньшевиков, а защищает «Промпартию», защищает откровенных вредителей из буржуазной фашистской организации, в блоке с которой он будто бы не состоял.

Какой же вывод отсюда он делает? А вывод следующий. Вывод, который вслед за ним делают и все остальные деятели II Интернационала.

48 вредителей-снабженцев в своей вредительской работе занимались тем, что организовывали голод, занимались тем, что срывали снабжение, занимались тем, что заготавливали заведомо недоброкачественные продукты, занимались тем, что сознательно создавали овощной, мясной и всякого рода кризисы в городах для того, чтобы голодом рабочих масс провозгласить их на выстуление против советской власти. А Дан и II Интернационал вопиют: они невинны, эти вре-

дители! «Социалистический вестник» от 11 декабря 1930 года пишет: «Вредители пачками!» (вредители, конечно, в кавычках)... «отправляются в далекую ссылку, часто на верную смерть». А в том же «Социалистическом вестнике» от 22 декабря 1930 года опять вопиют о «казнях над невинными».

Чтобы утверждать такие вещи, нужно иметь хоть какое-нибудь обоснование. Увы, мы его не найдем. Есть только одно: невинны! Невинны, да и все тут! Невинны, хотя сами «невинные» говорят: нет, виновны, а не невинны мы. Но Дан лучше знает. Невинны! Невинны, вот убой меня бог!

В номере от 16 декабря 1930 г. «Социалистический вестник» пишет: «Из всего этого «следственного» бреда (по поводу «Промпартии») ясно лишь одно — на этот раз еще больше, чем на шахтинском процессе, и самое обвинение, и показания обвиняемых, спешащих наперерыв в каком-то припадке покаянного садизма потопить и себя, и других, представляют собой чистейший продукт известных чекистских методов следствия».

И дальше от 20 декабря 1930 г.:

«Вредительский заговор инженеров и спецов против этой «линии», это — конечно чистейший и неумный вздор. Но если что обнаружил процесс с непрекращаемой очевидностью, так это полную объективную невозможность для людей науки и знания плодотворно работать в рамках этой «линии», продиктованной требованиями самосохранения диктатуры, но стоящей в кричащем противоречии не только с потребностями страны, но и с ее реальными социально-экономическими возможностями».

Эти цитаты достаточно характерны, чтобы установить из этой доброхотной защиты факт политической солидарности заграничных меньшевиков с вредителями. Всего интереснее та быстрота, с которой совершился поворот на 180 градусов деятелей заграничной делегации тогда, когда вопрос коснулся данной группы подсудимых. Я уже цитировал на предварительном следствии те оценки, которые им давались. Я повторяю их — вот оценка в «Форвертсе» от 9 октября 1930 г.

«Видные профессора и экономисты, как Кондратьев, Юровский и Рамзин, пионеры русской кооперации Садырин, Чаянов, Коробов, старые социалистические ученые и публицисты как Громан, Базаров, Суханов, — люди, которые десятки лет находились в социалистическом или демократическом движении, которые пожертвовали самое дорогое — свою политическую самостоятельность, право на политическую деятельность и критику, для того, чтобы лояльно работать специалистами, сотрудничая с советским правительством, которые содействовали на ответственных постах созданию основ советского хозяйства, якобы

сейчас устроили заговор с помощью английского золота для разрушения советского хозяйства, «организации голода в стране» и «реставрации власти капиталистов и помещиков».

Так писалось 9 октября.

А сейчас как пишут? Сейчас пишут так: лживые провокаторы, люди, которые никогда ничего общего не имели с социал-демократией, люди, которые порвали с ней десятки лет тому назад и с которыми мы, заграничная делегация, также не имеем ничего общего.

Так двурушничают заграничные конспираторы, так двурушничают пойманные с поличным, и я думаю, что, сопоставив эти цитаты с вышеприведенными данными, можно точно ответить, насколько заслуживают доверия эти заявления.

Возьмем статью Абрамовича в «Форвертсе» от 12 октября 1930 г. Он заявляет:

«Но если ЧК действительно обладает письменными признаками, то они могут быть получены благодаря пыткам. Это я считаю своим долгом заявить». Он считает своим долгом заявить! Скажите, пожалуйста, как авторитетны для всего мира подобные заявления! В деле «Промпартии» был интересный момент, когда, кажется, «Матен» сообщила о том, что Рамзин дает показания потому, что его попеременно сажают то в холод, то в жар, и что в результате именно этой манипуляции он дает свои показания. Когда какой-нибудь буржуазный публицист, буржуазный враль специально выдумывает подобные вещи для того, чтобы оправдать ту сумму понора, которую он получает за плоды своей фантазии от буржуазии, — это дело обычное в буржуазной прессе.

Но когда Абрамович заявляет, что он уполномочен заявить и считает своим долгом заявить, то тут надо вопрос ставить несколько иначе — о других основаниях, которые его толкают. Сейчас Абрамович перешеголял «Матен». Абрамович заявляет, что допросы в ГПУ происходят таким образом: выходят подсудимые, приходит к ним следователь, 24 часа один следователь допрашивает, 24 часа другой следователь допрашивает, 24 часа третий следователь допрашивает, а подсудимые должны отвечать, все время стоять и не могут сесть. Это «уполномочен» заявить Абрамович.

Я думаю, конечно, что есть предел фантазии, есть предел бессмыслицы, и должен же быть предел неуважению со стороны Абрамовича к тем, кто его считает и кто его слушает. Ведь не полагает же он, что круглые идиоты его слушают, или же он полагает, что идиотов в Западной Европе столько, что найдется довольно таких, которые поверят всему этому, или он полагает вообще, что

только идиоты приходят слушать его сообщения.

Но Абрамович не один.

А Розенфельд? Я цитировал на судебном следствии соответствующие выдержки из «Полюлер» от 25 сентября 1930 г. и из «Полюлер» от 23 августа 1930 г., где говорится опять-таки о том, что «невинные люди» (это по поводу 48) отправляются на смерть.

Разрешите теперь потревожить самого гр-на Эмиля Вандервельде. В «Форвертсе» от 16 января, в статье «Новая волна сталинского террора» написано следующее:

«О том, что свирепствует террор, говорить не будем. В ближайшее время выйдет доклад, сделанный Абрамовичем в комиссии по обследованию положения политзаключенных. В этом докладе выдвигается обвинение в плохом обращении с политическими заключенными в России и в массовых смертных приговорах, выносимых большевиками, раньше принципиально отвергавшими смертную казнь. Вот почему было бы несправедливым говорить, что «социалистическая Европа» безучастна к тому, что происходит в России. Правильно обратное. Ни в одной стране события не приковывают к себе большего внимания и не будят такой тревоги».

Далее мы имеем следующее: «Так, например, весной 1929 г. было опубликовано о расстреле по приказу ГПУ Мекка, Пальчинского и Величко, трех виднейших инженеров на советской службе».

Вот как определяет их гр-н Вандервельде. Виднейшие инженеры и только? А кто такой Пальчинский? Пальчинский — главный организатор, инспиризатор вредительства с 1923—24 по 1927 г., по день своего ареста.

Мекк — основатель вредительства, организатор вредительства на транспорте, бывший собственник Казанской дороги, приложивший все силы к тому, чтобы организовать вредительскую организацию в НКПС, ликвидированную нами только в 1928 г.

Величко — старый царский генерал, инженер, ведавший военными перевозками во время империалистической войны при царизме, равным образом приложивший все силы к вредительству на транспорте. При помощи ВАИ он объединил вокруг себя вредительские элементы по НКПС. Вот кого защищает гр-н Вандервельде. Конечно, он убежден в том, что это — «невинные» люди.

Далее, цитируя «Соц. вестник», Вандервельде пишет:

«Дюжины специалистов подвергаются казни, а сотни ссылаются на Соловецкие острова. Паника охватила массы интеллигенции, находящейся на советской службе. Они все больше и больше приходят к убеждению, что советское правительство поставило себе задачей истре-

бить всех бывших «специалистов» сколько-нибудь крупного значения, а других обречь на медленную смерть в тюрьмах и ссылке».

А кончает он так: «Мы хотим быть с русской революцией, что бы про нас ни говорили, мы убеждены, что из русской революции родится великое, мы будем ее защищать от нападков реакции, будем ее всегда защищать, что бы ни говорили коммунисты. Но неотъемлемой частью нашей защиты является не малодушие, не безразличное отношение к тем преступлениям советской власти, которые бесчестят эту революцию».

И это называется защитой.

С тем большим жаром зато защищают они вредителей, рассматривая их как жертвы террора. Такая защита идет, как мы видим, не только со стороны заграничных делегаций, но и со стороны вождей II Интернационала. Между тем в отношении вредительства мы имеем целый ряд безусловно доказанных фактов. Возьмем вредительство по НКПС. Ведь оно проверено при помощи массового обследования состояния наших заводов, наших фабрик, парков, вагоностроительных парков, паровозостроительных парков и т. д. На процессе «Промпартии» было вскрыто, как в пограничной полосе велась работа по дезорганизации парков.

Вчера здесь Гвоздев показал о специальном вредительстве, которое он проводил путем омертвления капитала в паровозно-вагонном строительстве.

Все это факты, все это доказано, все это опровергнуть нельзя, если только не стремиться к тому, чтобы во что бы то ни стало защитить вредителей и конечно тем самым оправдать, укрепить и дать возможность дальше продолжать вредительскую работу тем, кто еще имеет эту возможность.

Этим можно закончить раздел о вредительстве и перейти к последнему основному моменту, к вопросу об интервенции.

V. СТАВКА НА ИНТЕРВЕНЦИЮ

Вопрос об интервенции являлся наиболее трудной тактической проблемой для контрреволюционных заговорщиков. Здесь надо было проявить наибольшую законспирированность и, с другой стороны, здесь надо было проявить наибольшую ловкость рук. Здесь надо было суметь практически работать над подготовкой интервенции, в то же время сделать вид и официально заявлять о том, что интервенции не принимают, что ставят своей задачей прямую борьбу с интервенцией. Здесь надо было уметь так повести литературную и агитационную работу и так увязать ее с практической работой, чтобы в литературной работе, чтобы из литературной обработки яв-

ствовало, что интервенция объективно неизбежна. Задача достаточно трудная, требующая достаточно умения, требующая того, чтобы быть достаточно жоким в политике, чтобы двурушничество было возведено в систему и планомерно применялось и в центре и на периферии, и в литературных выступлениях и в практической работе.

Я начну с нескольких примеров этого двурушничества, — двурушничества литературного и двурушничества политического, — исходящего от тех, на ком лежала обязанность мотивировать, обосновать и увязать формально отрицательное отношение с практической подготовкой интервенции.

Передо мною лежат два официальных документа II Интернационала. Один документ — резолюция исполкома II Интернационала о борьбе за разоружение. В частности в разделе о национальном вопросе пункт 4-й говорит: «Все партии Интернационала воодушевлены согласно смыслу марсельской резолюции непоколебимой решимостью противодействовать всем попыткам войны или какой-либо другой форме интервенции против Советского союза».

Исполком напоминает также о марсельском решении, в котором выражена воля Интернационала бороться за сохранение и восстановление нормальных дипломатических и хозяйственных сношений с Советским Союзом».

Вот документ, который четко говорит о том, что II Интернационал против всякой формы интервенции.

А вот другой документ уже иного рода — специальное обращение II Интернационала «к советским рабочим». Документ от 13 мая 1930 года, в котором говорится так:

«Рабочие Советского Союза. Глубокая тревога за судьбы русской революции охватывает социалистических рабочих всех стран. Они слышат о голоде, свирепствующем в ваших городах. Они знают, что условия вашего труда зачастую еще хуже, чем условия труда рабочих в капиталистических странах. Им известно о банкротстве насильственных методов коллективизации крестьянства. И с возмущением узнают они о непрекращающемся и даже усиливающемся кровавом терроре».

Уже само это выступление характеризует основное содержание и цель этой агитационной листовки. У вас же, мол, все чрезвычайно плохо, вам хуже живется, чем рабочим в капиталистических странах, над вами постоянный гнет все усиливающегося кровавого террора, и глубокая тревога охватывает нас за судьбы вашей революции.

Чтобы это выступление способствовало тому, чтобы в случае возможной интервенции возбудить в русских рабочих желание драться и защищать советскую

страну против интервенции, — такого вывода сделать нельзя. Это, наоборот, прямая агитация против Советского Союза, и, поскольку идет вопрос о возможности интервенции, постольку ясно, что такая агитация возбудит особые желания защищать Советский Союз не могла.

Дальше говорится так: «Рабочий социалистический Интернационал опасается, что продолжение этой роковой политики вырвет пропасть между обоими классами, на которые опирается русская революция: между рабочими и крестьянами. Если бы это случилось, советский крестьянин питался бы ненавистью к пролетариату и революции, и тогда возникла бы опасность, что возмущением и отчаянием крестьянства воспользуется в своих целях белая контрреволюция, — чудовищная опасность новой гражданской войны в Советском Союзе».

Что означает этот абзац? Он означает прямое обвинение, что именно в результате этой политики советского правительства встанет опасность белой контрреволюции. И отсюда вывод: если вы не хотите белой контрреволюции, то сделайте так, чтобы этой политики не было. Если эта политика будет продолжаться, то примите меры, чтобы заставить переменить политику, а если это не удастся, — отсюда логический вывод, — организуйте свержение этого правительства.

Не может быть двух точек зрения по вопросу о том логическом пути, на который объективно толкается мысль рабочего класса, если серьезно принять это воззвание II Интернационала и его утверждение, что его «тревожит судьба русской революции».

«...в ваших руках находятся средства для предотвращения катастрофы и мирного разрешения грандиозных проблем революции».

Что нужно для этого делать? Для этого «вы должны сомкнуться с социалистами», т.е. меньшевиками, чтобы спасти революцию. Вот конкретный лозунг, т.е. вы должны вместо поддержки Советского Союза поддерживать в данном случае меньшевиков, а меньшевики чего хотят? Но об этом мы говорили уже. И дальше сказано:

«Пролетарии всех стран, соединитесь. Пролетарии Советского Союза, соединитесь с нами для спасения русской революции, для борьбы за демократию и социализм. Исполнительный комитет Рабочего социалистического Интернационала».

Эта листовка датирована 13 мая 1930 г., который был назначен сроком вооруженной интервенции империалистической буржуазией и ее контрреволюционной агентурой, в том числе входившей в этот блок контрреволюционной меньшевистской социал-демократической агентурой.

Как можно иначе понимать такого рода воззвание? Это — официальный документ, который выпускает II Интернацио-

нал, чтобы подготовить соответствующее настроение. Если поверят ему русские рабочие, то в случае, если интервенция в той или другой форме встанет как факт, русские рабочие по отношению к советской власти должны занять только отрицательную позицию. Какой смысл поддерживать правительство, которое обращается с рабочими хуже, чем капиталисты, провоцирует белую реакцию, и пр., и пр. Другого толкования, другой интерпретации дать нельзя. И другой цели этот документ не преследует.

Вот один пример двурушничества. А сейчас мы найдем менее завуалированный, более прямолинейный документ, более прямолинейное выражение той же самой тактики.

Вы знаете дальше, что на Марсельском конгрессе дебатировался вопрос, не надлежит ли применить меры насильственного свержения по отношению к большевикам. Другой вопрос, какое конкретное решение было в конце концов принято в виду невозможности прямо вынести решение за интервенцию. Но Тейтельбаум в своих показаниях указал нам историю дальнейших дебатов по этому поводу в комиссиях II Интернационала и позицию по отношению к интервенции отдельных фракций и делегаций II Интернационала. Все это оставалось, однако, неизвестным широким рабочим массам. А вот что считалось возможным открыто говорить рабочим.

Мы знаем прекрасно, что одним из главных коньков, который используется со стороны буржуазно-империалистической прессы для натравливания на СССР, является обвинение, что «красный империализм» Советского Союза есть опасность, которая ставит под угрозу войны весь европейский мир.

Если вспомнить соответствующие статьи Лиги наций о «нарушителях всеобщего мира», если вспомнить о том, что основной вопрос политики и тактики сводится всегда буржуазными публицистами к тому, чтобы найти «зачинщика» войны, нарушителя мира, то аргументация, доказывающая, что если где-нибудь грозит война, то она грозит главным образом на восточных границах, и что инициатором и инспириатором этой войны является Советский Союз, — такая аргументация, такого рода статьи не могут трактоваться иначе, как подготовка и обработка общественного мнения рабочего класса Западной Европы к тому, чтобы в случае интервенции весь мир мог обрушиться на «зачинщиков» этой войны, т.е. на Советский союз.

Разрешите приступить к цитированию статей, систематически приводящих именно эту аргументацию из номера в номер, из года в год в «Соц. вестнике».

Возьмем номер от 7 августа за 1928 г., где помещена статья Шифрина «Шансы мира» и где подвергаются анализу международное положение вообще и международная политика Советского Союза.

Шифрин ставит вопрос таким образом: три державы являются теми, о которых советская пресса пишет, как о тех, кто ставит себе цели организации интервенции и насильственного низвержения Советского Союза: ими являются, с одной стороны, Франция, затем Англия, затем пограничные лимитрофы, в частности Польша. И Шифрин специально подвергает анализу деятельность и политику этих стран.

Вот вывод Шифрина о политике Англии: «Таким образом английский империализм при всей его враждебности не является силой, непосредственно угрожающей Советскому Союзу». Другими словами, с Англией все, мол, благополучно: «Английский империализм при всей его враждебности не является силой, непосредственно угрожающей Советскому Союзу». Русские рабочие, насчет Англии вы можете быть спокойны, там все благополучно, никто не хочет вас взять за загривок.

А как с Францией? Здесь «опасность парализуется в значительной степени консервативным, ненаступательным характером французской политики по отношению к Советскому Союзу. Требования французской политики по отношению к Советской России ограничены. Они по существу не выходят за пределы реальной гарантии неприкосновенности восточных союзников Франции».

Во Франции, значит, также благополучно, если вы сами себя будете хорошо вести. Ну, а Польша?

Дальше Шифрин пишет: «Вовлечение пограничных государств в военное выступление против Советского Союза требует осуществления двух предпосылок: их полного, безоговорочного подчинения военно-политическим планам империалистов и создания единого и сплоченного блока этих стран, что почти совпадает с их подчинением гегемонии Польши... И великие державы могут диктовать свою волю пограничным государствам лишь в определенных пределах, которые не следует преувеличивать».

Итак, что касается этих государств, то здесь, если бы даже крупные державы империализма имели захватнические аппетиты, то диктовать волю этим пограничным государствам не так-то легко. Они могут это делать лишь в определенных пределах, которые не следует преувеличивать. Таким образом, если бы даже они хотели, то они не смогут безоговорочно спровоцировать войну.

И делает вывод:

«Факты показывают, что динамика современной международной политики благоприятна для шансов мира на границе

Советского Союза». Другими словами, ничего вам не грозит, русские рабочие, можете успокоиться, если здесь сами вы, в лице своего правительства, не зацепите ваших восточных соседей.

Дальше он переходит к анализу советской политики и говорит:

«Неизмеримо хуже обстоит дело на Востоке, где линия Наркоминдела опасно сближается с линией Коминтерна под видом дружелюбной поддержки национально-освободительного движения... Подъем стачечной волны и сепаратистского движения в Индии, видимо, вновь окрылил Москву военно-революционными надеждами. На афганской границе, в этой огнеопасной зоне, отделяющей Советскую Россию от Британской Индии, началась настоящая малая война, которая может кончиться большими осложнениями... В то же время возобновление генеральской войны в Китае вновь оживило кантонские иллюзии большевиков...»

Другими словами, вот где главная опасность — на Востоке, где якобы политика Наркоминдела сближается с политикой Коминтерна и где мы имеем новое оживление военно-революционных иллюзий Москвы, которая опять оживляет свои кантонские иллюзии, непосредственно «должна вызвать всеобщий международный конфликт». Вот единственный смысл точных цитат из статьи Шифрина в «Социалистическом вестнике» «Шансы мира».

Спрашивается, из этого анализа, кто рисуется в качестве зачинщика? Откуда можно ожидать опасность? Так пишет «Соц. вестник» в № 7/8 в 1929 г. Возьмем № 13, от июня 1929 года. Передовая статья — «Русский вопрос в английской политике». «СВ» пишет:

«Если в измученной войнами Европе еще тлеет где-нибудь искра войны, то это лишь на восточной границе», и, предвидя скорое восстановление дипломатических отношений Англии с Советским Союзом, продолжает:

«...а дальше? Что за этим последует? Найдены ли будут пути более тесного политического и экономического сотрудничества? Ответ на этот вопрос зависит только от Москвы, и поэтому очень скептически приходится отнестись к возможности положительного ответа».

Если где-нибудь тлеет искра войны, то только на восточной границе. По существу Англия идет навстречу со всей душой и сердцем. Весь вопрос в том, пойдет ли Москва соответственно навстречу. Но очень скептически приходится отнестись к возможности положительного ответа. А это что такое? Это — определенная агитация, указывающая на то, что если кто-нибудь может быть виновником войны, то это СССР.

Возьмем № 15, опять передовая — «Китай и Россия». Там говорится:

«Исходя из этой точки зрения, интер-

национальный социалистический конгресс в Марселе указал на всемирно-историческое значение союза между революцией русской и революцией китайской, но конгресс тут же подчеркнул, что эта историческая задача неизбежно потерпит крушение, если нынешние руководители русской революции не создадут для нее необходимых предпосылок отказом от утопизма и коренным изменением всей своей тактики.

И дальше:

«Конфликт с Китаем может и должен быть разрешен мирным путем. Этого требуют интересы мирового пролетариата, этого требуют интересы России. Сталинская диктатура, стремясь использовать военную панику для отвлечения внимания рабочих от хозяйственной катастрофы, сознательно разжигает националистические страсти. Задача социал-демократии — вскрыть эту связь между внутренней политикой и военным задором Сталина и положить конец опасной игре с огнем»...

Явно и прямо сформулировано недвусмысленное обвинение в том, что опасную игру с огнем ведет якобы советская власть, ведет советское правительство в своей восточной политике.

Сопоставьте это с общим обзором международного положения, с утверждением о том, что если «где-нибудь в Европе еще тлеет какая-нибудь искра войны», то — на восточной границе; сопоставьте это с проблемой, кто же будет прямым виновником этой войны, — вы получите один ответ: виновником войны будет Советский Союз. А отсюда и вопрос об интервенции станет ясным вопросом.

Возьмите дальше статью «Шапками закидаем». В этой статье мы читаем следующее:

«Повидимому, высшие носители диктатуры, которые доселе были нерешительны и не склонялись к военным планам, собираются теперь ставить ставку на эту новую карту — на карту кровавой войны и военно-политической катастрофы».

Вот опять прямое обвинение в том, что советское правительство ставит на карту судьбу Европы.

Перейдем к 1930 году. Так, в 23-м номере, в статье «Разоружение в Москве и Женеве», вот что говорится по поводу выступления Литвинова на женевской конференции.

Вы знаете содержание этого выступления Литвинова и то, как ставило вопрос прямо советское правительство в его лице о разоружении. Орган социал-демократов меньшевиков по этому поводу пишет:

«Трудно было советскому представителю выступать апостолом мира и разоружения, когда в это самое время в

Советской стране проводилась шумная «декада обороны» с неистовым восхвалением всех родов оружия, возвеличиванием старого, как мир, лозунга всех милитаристов: «если хочешь мира, готовь войну»... когда в это самое время все советские газеты аршинными буквами кричали: «побольше самолетов, танков, артиллерии», когда в это самое время официальный орган советского правительства печатал картинки, показывая, как рабочие учатся владеть винтовками»...

Тут мы имеем уже обвинение советского правительства в двурушничестве. С одной стороны, оно-де проповедует разоружение, а с другой стороны, оно само якобы готовится к нападению на соседей, максимально вооружаясь.

А в статье в № 22 «Советско-китайский тулик» мы читаем:

«Можно ожидать самых опасных авантюр как раз в области внешней политики. Инсценировка массовых протестов трудящихся, демонстрации боевой готовности «бойцов-краснофлотцев», — все это преступная игра с огнем.

25 лет спустя после Порт-Артура и Цусимы нельзя позволить власти безнаказанно ставить судьбу народа на карту войны».

Вот вам аргументация, вот вам метод работы. Вот пример контрреволюционной, антисоветской пропаганды, которую открыто ведут вожди II Интернационала, и сопоставьте с ними первый документ, официально высказывающийся против интервенции.

Двурушническая игра здесь настолько ясна, и эти цитаты настолько бьют в глаза, что говорить о том, что «Соц. вестник» и заграничные преследуют другие цели, нежели цель создания конфликта с СССР, — не приходится. А если вспомнить еще известную статью Пуанкаре, которая была оглашена на процессе «Промпартии», о том, что в «Белоруссии, в Румынии вспыхивают темными пятнами различные конфликты, подлежащие СССР», — одна и та же цель у обоих политиков будет ясна.

Сопоставьте эту откровенную политику вождя империалистической буржуазии с двурушническими выступлениями меньшевиков из заграничных делегаций и II Интернационала и вы увидите внутренне согласованную игру, внутренне согласованные единые пружины действия. Вам станет ясен и смысл того, почему именно в феврале 1929 г. давалась практическая директива об усилении дезорганизации работы и почему она подтвердилась и в 1930 г. Целиком и полностью по датам, по содержанию совпадает эта политика с той политикой, которую официально на страницах своего органа ведут Пуанкаре и «Торгпром».

Но этого мало. Мы имеем еще более интересные доказательства.

Прежде всего разрешите огласить еще один документ, цитату из статьи под заглавием «Красный империализм», напечатанной в вечернем издании «Форвертса» от 3 июля 1929 г. Там говорится:

«Международная демократия требует борьбы за национальное самоопределение и поддержки поработанных наций. Завоеванные кавказские области (Грузия, Азербайджан, Армения) находятся постоянно под угрозой, потому что в этом нефтяном районе особенно легко могут вспыхивать империалистические конфликты. Для всеобщего мира гарантией было бы учреждение международного режима в нефтяном районе».

Что это значит? Это — проповедь оккупации наших нефтяных районов путем установления на них своеобразного международного режима. А о чем хлопочет Детердинг? Что является объектом, затаенным объектом всех стремлений, пожеланий нефтяных хищников мирового империализма и нефтяного рынка? Согласованное выступление «Форвертса», датированное 3 июля 1929 г., накануне предполагаемой на 1930 год вооруженной интервенции, становится с этой точки зрения чрезвычайно разительным. И прозрачным становится предварительное согласование целей, и согласование уступок, и подготовка общественного мнения к интервенции, согласованная с империалистической буржуазией как в сроках, так и по результатам. Эта цитата поразительна по бесстыдству, поразительна по цинизму и лучше всего вскрывает опять-таки ту же самую двурушническую политику.

Это не все. Возьмем речь Дана на съезде ППС в январе 1926 года. Цитирую по «Социалистическому вестнику» № 1 за этот год:

«Русская социал-демократия в обстановке самого свирепого террора протестовала против насильственной советизации Латвии, против похода на Варшаву, против оккупации Грузии, против путча в Эстонии, она и впредь будет непоколебимо отстаивать право всех вновь возникших государств на независимое существование, бороться против всякой агрессивности большевистского правительства...».

Что это значит? Советское правительство насильственно, мол, пыталось оккупировать Латвию, насильственно оккупировало Грузию, хотело оккупировать Эстонию. Агрессивное большевистское правительство — вот враг. Так сторонник всеобщего мира — Дан — защищает политику фашистских правительств и таким путем хочет подготовить соответствующее общественное мнение в среде русских рабочих.

Следующая цитата — это уже официальная резолюция II Интернационала по конфликту на Китайско-Восточной жел. дер. от 2 августа 1929 года:

«Интернационал, который с начала китайской революции защищал право китайского народа на его полный национальный суверенитет, на устранение всех привилегий иностранных держав на китайской территории, признает право Китая требовать устранения русского контроля над КВЖД, поскольку она лежит на китайской территории...».

Интернационал требует, чтобы обе державы, поскольку они не смогут столкнуться насчет договора, обратились к третейскому суду и признали его решение».

Только прожженный политикан, только «выдержанный» двурушник, только заведомый международный плут может сделать такого рода предложение. Отчетливо сознавая общее соотношение политических сил в Европе, отчетливо сознавая общие цели, которые объединяют империалистический мир в борьбе против советского государства, против пролетарской диктатуры, II Интернационал предлагает нам третейский суд этих же империалистов. Только сознательный лидер может предлагать такой путь в вопросах разрешения международной политики, может предлагать этот третейский суд. Вопросы, которые должны разрешаться только согласованными действиями революционных масс, II Интернационал предлагает передать на суд империалистов. Вместо революционного обращения к массам он предлагает нам пойти поклониться к тем же самым империалистическим державам и предложить им разрешить наш спор с китайской генеральской кликой, которая душит и давит китайскую революцию и которую натравили на нас те же империалистические державы. Так и здесь проявляется то же двурушничество. А ведь это предлагает руководящий орган, это — резолюция II Интернационала. Можно сюда добавить еще выдержку из статьи Леона Блюма, которую я цитировал на судебном следствии, под заглавием «Немножко хладнокровия», в «Попюлер» от 6 ноября 1929 г. Блюм берет там под обстрел советское правительство по поводу кутеповской истории и так объясняет его протест: «Правда состоит в том, что она (т.-е. наша страна) проходит через ужасный внутренний кризис, самый грозный, который Россия знала за последние 10 лет, и в таких условиях довольно естественно, что теряют хладнокровие и меру, что Сталин не был бы, быть может, огорчен, если бы нашел в ярком конфликте с правительством таким, как наше, своего рода диверсию по отношению к осаждающим его многочисленным трудностям».

Блюм выдвигает против нас тоже прямое обвинение в том, что и кугельовская история используется нами специально для создания конфликта с французским правительством, для того, чтобы найти способ выйти из осаждающих нас многочисленных трудностей. Вот документы, которые предоставили в наше распоряжение, хотя и не по нашей просьбе, в Германии — «Форвертс», во Франции — Блюм и одновременно весь II Интернационал. Эти документы показывают, что ведется линия на то, чтобы представить нас в качестве прямых виновников будущих военных конфликтов. Это и есть основная линия международной агитации II Интернационала по вопросу об интервенции, и она проводится с официальным указанием на то, что мы-де против всякой интервенции.

Но вопрос ставится не только так. Вопрос ставится и таким образом: ну хорошо, а если интервенция все же придет, если интервенция как неизбежный факт наступит, как тогда будет? Уже разобранная нами выше полемика между Дано и Каутским и известное выступление Гарви показывают, каким образом будет ставиться вопрос тогда. То, что здесь сообщил обвиняемый Тейтельбаум, что в комиссии исполкома II Интернационала вопрос в отдельных фракциях именно так ставился, что открытое выступление Гарви о поддержке интервенции нашло отклик у бельгийцев и у французской секции II Интернационала, нашло поддержку у немцев со стороны Вельса и лишь из соображений узко национального характера нашло отрицательное отношение у англичан, — все свидетельствует о том, что по этому вопросу на деле у II Интернационала нет разброда, а есть молчаливое соглашение, которое до времени пока-что упрятывается, которое будет выявлено потом и к которому ведется уже определенная артиллерийская подготовка в виде всех этих выступлений, всех этих статей.

А теперь в свете этих фактов перейдем к другим, перейдем к конкретным фактам, установленным судебным следствием.

По этому вопросу мы имеем ясные показания всех подсудимых и всех свидетелей о подготовке интервенции. Имеем показания их всех о заседаниях, на которых обсуждался и решался этот вопрос.

Имеем показания, где указывается, кто, когда и в каком порядке этот вопрос ставил, указываются даты совещаний. В конце-концов достаточно только перечислить лиц, которые об этом показывают, чтобы вопрос о «вымышленности» совершенно отпал.

Давайте этих лиц перечислим: Рамзин, Ларичев, Кондратьев, Юровский, Громан, Суханов, Берлацкий, Шер, Петунин, Зал-

кинд, Соколовский, Тейтельбаум и др. — все подтверждают этот факт.

Вспомните Кондратьева. На мой вопрос, была ли договоренность у него об интервенции с «Промпартией», он сказал: в наших условиях для нашей организации вопрос так не стоял; это делала «Промпартия». «Промпартия» вела все переговоры по подготовке интервенции непосредственно через «Торгпром» с зарубежными правящими кругами, но мы интервенцию принимали, мы о ней знали, мы готовились к ней. Тогда я конкретно поставил вопрос: к чему вы готовились — драться против интервенции или помогать ей? Ответ был ясен: чтобы помогать.

Но то, о чем говорил Кондратьев и другие, мы найдем в документах — в «Социалистическом вестнике». Мы увидим, что там вопрос ставился так: сократите неизбежные родовые муки истории, ибо все равно большевизм обречен на неудачу, на крах, на низвержение. В этих условиях в случае интервенции вопрос, как к ней относиться, какую занять позицию, решался сам собой, и позиций тут могло быть только две: или быть оборонцами, или быть пораженцами по отношению к Советскому союзу. Поэтому, когда Кондратьев и подсудимые говорят об использовании интервенции и обеспечении затем через связи II Интернационала с правящими кругами империалистических держав демократического режима в СССР, ибо большевистский режим все равно обречен на крах, — они становятся на позицию пораженцев, которую откровенно защищает Каутский и Гарви. Правда, в своей книге Каутский говорит о «всемирном восстании», которое сметет большевизм, а не об интервенции. По вопросу об интервенции этот прожженный политик пишет: «со стороны европейских держав нет оснований ожидать интервенции». Это пишет он в 1930 году. Это та же линия — усыпить, затуманить, затушевать действительную опасность. «Ни одна великая держава не готовит интервенции против Советского союза, вероятно даже и Польша», — так говорит Каутский.

Ах, откуда так прекрасно осведомлен Каутский о закулисной игре империалистических держав. Откуда берет на себя смелость сказать, что «ни одна империалистическая держава не готовит интервенции против Советского союза».

Это та же самая политика, та же концепция представить дело так: большевизм осужден на крах, на мирную эволюцию нет никаких надежд. Крах приводит, как пишет II Интернационал, к годоу и белой контрреволюции. В этих условиях интервенция есть только сокращение родовых мук истории и поэтому нужно сначала поддержать интервен-

цию, а затем соответствующим образом использовать влияние II Интернационала для того, чтобы обеспечить демократический строй в СССР. Эта позиция целиком и полностью вытекает из всех установок, которые давались российской социал-демократией, и это есть та же самая позиция, о которой говорили подсудимые, когда показывали о директивах, которые им дали приезжавшие сюда Броунштейн и Абрамович...

Нельзя допустить, логически совершенно нельзя допустить, чтобы при таком совпадении основных установок за границей и у подсудимых показания, которые дают подсудимые об этих директивах, не отвечали действительности.

Но я позволю себе перейти еще к одному моменту. Здесь уже идет речь об определенных документах, о письмах, о директивных письмах заграничной делегации. Из показаний подсудимых мы знаем, что такие письма, такие документы существовали, мы знаем их содержание, мы знаем пути, которыми они распространялись, знаем, кто участвовал в их обсуждении, мы знаем, что они целиком и полностью сводятся к тем же установкам. Мы знаем, каким образом, путем использования каких связей, старых знакомств они были сюда доставлены, и мы знаем, как были использованы другие старые связи, чтобы скрыть эти документы.

Я вынужден несколько подробнее на этом остановиться, остановиться и на роли Рубина, и на сокрытии этих документов Рязановым.

Мы знаем, что факты, которые установлены на судебном следствии, создавали для этого все соответствующие предпосылки. И факт личного знакомства Рубина с Рязановым, и установление тесных личных отношений, и принятие на службу, и хлопоты при слухах о возможном аресте, когда частично выплыла связь с Сухановым и с.д. организацией, — все эти факты создали ту атмосферу, которая дала затем возможность Рубину предложить Рязанову документы спрятать.

Шер — второй деятель и организатор меньшевистской организации — также был принят на службу Рязановым. После того, как Шер был вычищен из Госбанка по первой категории, т.е. без права занятия должностей в государственных учреждениях, он был все же, несмотря на это, Рязановым оставлен на службе под тем предлогом, что Шером подана апелляция. Когда же эта апелляция была отвергнута, Шер опять-таки был оставлен на службе, вопреки прямому директивному постановлению советской власти, вопреки постановлению РКИ, был оставлен под предлогом отпуска. Ему была дана временно возможность уехать, — все это еще более характери-

зует ту атмосферу, которая была создана в институте Рязановым.

Вот почему, когда я задал вопрос Рубину, какие еще предпосылки легли в обоснование его предложения Рязанову, какие еще моменты сыграли роль в согласии Рязанова на укрывательство документов, что одних личных симпатий здесь недостаточно, — логика должна была бы подсказать здесь только один ответ. Другого рода моменты, моменты организационной связи должны были лежать в основе этой близости к Рязанову, а не только личные симпатии.

Рубину было угодно остаться при своей формулировке. Но для меня совершенно ясно, что обстановка, которая там была, говорила о более тесной связи, говорила не только о согласии Рязанова скрыть документы, но говорила и о принятии им всех мер к тому, чтобы эти документы не были найдены.

Документы эти существуют, это совершенно ясно. Это — письменный документ, это — письменная директива об интервенции, и точно так же бесспорным остается факт получения такой же устной директивы от Абрамовича и точно такой же — от Броунштейна. Официальный документ, опубликованный заграничной делегацией, упоминает Броунштейна, как официальное лицо, которое было делегировано ими сюда для организационной работы. Из песни слова не выкинешь, — это написано. Мы их за язык не тянули. Это сказано. А между тем именно об этом Броунштейне говорят подсудимые, передают о его словах и о тех специфических особенностях позиции, которую занимал Броунштейн, который раньше примыкал к левым. Что же, и это все ложь? А между тем, что вытекает из этой связи Броунштейна с заграничной делегацией, связи, подтвержденной самой заграничной делегацией в своем документе? Устанавливается прямая и непосредственная связь с заграничной делегацией Броунштейна, а Броунштейна — с данными подсудимыми, и тем самым и связь данной организации с заграничной делегацией. Вот факт, который нельзя опровергнуть, который остается доказанным. Или же им придется сказать, что они и понятия о Броунштейне не имеют и от него отказываются. И у нас есть уже некоторые сведения о том, что на всякий случай уже имеются заявления заграничной делегации о том, что и Броунштейн никакого касательства к ней не имеет, что и Броунштейн тут с боку-припеку и что он никакого отношения к социал-демократии не имеет. Еще чернила не просохли на документе, где говорилось о Броунштейне как об официальном лице, и уже новая ложь, новое двурушничество. Посмотрим, как далеко зайдет их

наглая ложь завтрашний день. Может быть, и Броунштейна объявят провокатором. Пределов для подлости нет, когда нужно спасти шкуру. Но Броунштейн был и есть, с ним виделись и от него определенные установки были получены.

А Абрамович? Абрамович приезжал сюда в 1928 году. Отсюда понятны стремления заграничной делегации доказать, что Абрамович здесь не был, что быть он не мог и т. д. Я говорил уже на судебном следствии, что на нас не лежит обязанность разбирать случаи с Абрамовичем. Угодно Абрамовичу — пусть потрудится явиться сюда. Будем с ним разговаривать, будем разговаривать открыто. Если же Абрамович предпочел удрать от суда, то и суд не обязан вступать с ними в переписку, и лишь, поскольку переписка касается данных подсудимых, постольку мы берем ее в определенную орбиту и соответствующим образом оцениваем.

К чему сводится эта переписка? Вот она: передо мной лежат эти два знаменитых документа, устанавливающие якобы его непричастность. К чему они сводятся? Первый документ оглашался суду. Это телеграмма. В ней Абрамович только и говорит — не был, и крышка! Точка. Не был — и все.

«В действительности я не был в России с ноября 1920 года до сего дня». Больше ничего не говорит телеграмма.

Мы обязаны верить? Голому заявлению? Заинтересованного лица? А что же он должен был сказать: — Я, мол, был. Но Абрамович обещал в телеграмме прислать дополнительно по почте документ, заверенный под присягой. Вопрос о присяге, как таковой, не стоит дебатировать. В руках Абрамовича это — только метод соответствующим образом воздействовать на те слои мелкобуржуазной обывательщины и те еще отсталые слои рабочего класса, для которых присяга имеет какое-нибудь значение, для которых ссылка на господа-бога во всех его трех ипостасях является удостоверительным моментом. Поскольку российский пролетариат давно уже изжил эти иллюзии, постольку в СССР присяга юридического значения не имеет, постольку для нас не являются действительными заявления, заверенные у нотариуса или у кого угодно, и постольку оно тут есть, — это лишь еще одно доказательство того двурушничества по отношению к германскому пролетариату, двурушничества по отношению к подсудимым и двурушничества по отношению к суду, которое позволяют себе Абрамович и К^о.

Интереснее другой документ. Второй документ, это — само знаменитое его заявление, данное у нотариуса.

Вот оно! (показывает).

Орел и печать. Все в порядке. (В зале смеются). А содержание? Буквально то же самое: я такой-то, явившись к нотариусу,

заявляю, что я не был. И точка. В этом присягаю, и все.

Спрашивается, какая же юридическая ценность этого документа? Он только показывает тот факт, что Абрамович пришел к нотариусу и, подняв два пальца, произвел известную процедуру. Эту процедуру, упомянутую на бумаге, он прислал к нам. А я, говорит, был в то время в Пляу. А если бы он говорил, что он был на Аляске или еще где-нибудь, на Чукотском носу, — для нас было бы это не все равно? Но он идет к нотариусу, и нотариус подписывает его заявления. И мы должны верить? И это называется аргумент?

В сообщении «Форвертса», которое передано по телеграфу, говорится о том, что есть другое заявление незаинтересованного лица. У нас этого другого документа нет. Но в «Форвертсе» имеются показания этого «незаинтересованного» лица. Посмотрим их. Вот они: «Я, некий Гросман, заявляю тоже у нотариуса, я находился тоже в отпуску и там встретился со Шварцем, который может подтвердить, что он, Шварц, ежедневно встречался с Абрамовичем».

А кто такой Шварц? Откройте «Соц. вестник» и вы там найдете Шварца. (В зале смеются). Итак, Гросман говорит, что ему Шварц говорил, что он, Шварц, встречался ежедневно с Абрамовичем. Какую ценность имеют эти доказательства, не говоря уже о том, что для нас такого рода доказательства вообще не обязательны?

Но если мы внимательно присмотримся к этому Гросману, то мы найдем данные, что у нас нет особых оснований верить Гросману и, наоборот, Гросман имеет много оснований вытравить за уши Абрамовича из той неприятной истории, в которую тот влип. У Гросмана имеется много оснований для того, чтобы приложить сюда свою руку и удостоверить ее подписью нотариуса.

Мне кажется, что дальше разбирать подобного рода доказательства, для нас не имеющие никакого юридического значения, нет никакого смысла. Вопрос сводится к следующему: установлена ли вообще нами конкретная связь данных лиц с границей, при чем связь, которую никак не опровергнешь? Мы считаем, что связь такая установлена даже в мелочах. «Соц. вестник» есть? Статьи этих лиц в «Соц. вестнике» есть? Есть. «Соц. вестник» на квартире у Желудкова есть? Есть. Прокламации, изданные за границей по поводу колдоговоров, на квартире у Желудкова есть? Есть. Они в деле есть? Есть. Желудков это подтвердил? Подтвердил. Квартира у Желудкова была? Была. Прокламации найдены там? Там. Приносил их Шер? Шер. Опровергайте, пожалуйста. Все это — документальные данные, установ-

ливающие прямую связь заграничной делегации с данными лицами.

Но это не все. Возьмите письма Икова, которые я цитировал, и которые приобщены к делу, письма, которые не Иков писал, а которые к Икову писали, письма, которые писались от заграничной делегации, письма, которые говорят совершенно точно об этой связи. В них пишут между прочим о Броунштейне: «сообщите все, что знаете о Броунштейне, как его здоровье и т. д.». А шифр, который здесь имеется в конце письма? Наконец, последнее письмо, отправленное Иковым за границу для загранделегации, изъятое на почтамте, приобщенное к делу, подписанное: «Московское бюро РСДРП», содержащее клеветнические измышления о настоящем процессе для соответствующего использования в «Социалистическом вестнике».

А «Форвертс» и Дан пишут, что ни одного документа нет, есть только измышленные документы. Ничего не напишешь, когда человека поймают, ему ничего не остается как только сказать: «измыслено». Но факт есть факт, документы есть документы. И связь установлена, прямая связь, и от этой связи никоим образом отказаться нельзя, от этой связи отмежеваться никоим образом не удастся. А отсюда следуют все выводы и о тождестве всех установок программного и тактического характера и о руководстве со стороны загранделегации их деятельности.

Я так много времени посвятил этой «заграничной делегации», что могло создаться впечатление, что она является главным объектом моего обвинительного выступления. Это, конечно, не верно. Даром, попусту слов тратить не стоит. Вопрос сводился к тому, чтобы найти объективную сумму доказательств, которые обоснуют достоверность сообщений обвиняемых об их работе.

VI. ИТОГИ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ

А теперь перейдем непосредственно к ним, к обвиняемым, и тем конкретным преступлениям, которые они совершили. Я бы предложил следующую формулу, которая, по-моему, исчерпывает их деятельность в «Союзном бюро»:

В высших планирующих органах, в непосредственном руководстве плановой работой по воссозданию, развитию, реконструкции социалистического хозяйства;

в органах, непосредственно осуществлявших в нашей хозяйственной деятельности работу снабжения, т. е. обеспечения насущнейших нужд рабочего класса;

в органах по руководству кредитной реформой и денежным обращением, т. е. в органах, которые имели задачей обеспечение правильного функционирования

всей системы нашего социалистического хозяйства;

во всех этих учреждениях создались контрреволюционные группы вредителей, поставившие себе целью всеми средствами и мерами, находившимися в их распоряжении, подорвать дело социалистического строительства, разрушить дело планирования народного хозяйства, подготовить кризис народного хозяйства со специальной целью поддержки вооруженной интервенции.

Эту свою работу они проводили в тесном содружестве и по согласованию с буржуазными контрреволюционными организациями, в свою очередь ведшими работу шпионского, диверсионного характера, подготовлявшими изменническую деятельность и ту же вооруженную интервенцию.

Свою работу они проводили на деньги иностранных и отечественных капиталистов, скрывшихся за границу, так называемого «Торгпрома». Ту денежную помощь, которую они оттуда получали, они получали от откровенных контрреволюционных очагов крупной буржуазии, в свою очередь связанной с правящими кругами империалистов Запада. Свою работу они проводили, согласовывая и направляя ее, конкретно зная о сроках интервенции, определенно зная о целях, которые эта интервенция себе поставила.

Эту работу они проводили, с другой стороны, в тесном союзе и в тесном блоке с другой контрреволюционной организацией, ставившей своей задачей организационное воздействие на кулацкие верхи деревни для того, чтобы при помощи этих кулацких верхов вызвать повстанческие движения и тем самым подготовить благоприятные условия для той же вооруженной интервенции.

И, наконец, эту свою работу — изменническую, предательскую, вредительскую, шпионскую — они проводили с благословения, одобрения и под руководством заграничной делегации меньшевиков и II Интернационала, с которым через заграничную делегацию были тесно связаны, — для восстановления капитализма в СССР, для удушения пролетарской революции.

И эту свою работу, в конце концов, они проводили, прикрывая ее лживо-социалистической фразеологией о защите интересов рабочего класса, прикрываясь именем социалистов, и этим самым гнали другим, гнали себе, гнали всему миру, гнали всем тем, которые имели к ним хотя бы минимум политического доверия.

Так работала эта организация. Вот политическое существо ее работы, и отсюда вытекает, независимо от удельного веса в этой работе заграничной делегации, вся та степень и вся та тяжесть политической и уголовной ответственности, которая должна падать в данном случае

на данную группу лиц, называвшуюся «Союзным бюро РСДРП».

Ученые специалисты, старые специалисты — вот, конкретно, до чего они дошли, вот итог эволюции и результат их борьбы в течение 13 лет против пролетарской диктатуры, вот конечный этап, откуда можно историческим прожектором судебного следствия осветить все существо, всю политическую гнилость и политическую фальшь этой так называемой «социалистической» партии.

Я позволю себе взять сейчас одну цитату из Ленина. В 1920 году, в один из самых тяжелых моментов в истории пролетарской диктатуры, в истории советской власти, был момент, когда для борьбы против еще не окончившейся интервенции, против колчаковщины была произведена добровольная мобилизация меньшевиков. Не все, конечно, пошли, но некоторые пошли, в том числе и некоторые из данной группы. Очень скоро пришлось разочароваться в этой помощи, а затем, когда началась эпоха нэпа, политика меньшевиков свелась, как они говорят, к углублению и расширению нэпа, а по существу к утверждению тех начал реставрации капитализма, которые были формулированы ими в их платформе 1924 года. В то же время они вели и политическую пропаганду восстановления этих капиталистических начал. И вот как Владимир Ильич отнесся к ним и их пропаганде. Ильич пишет:

«Мы не могли (это он говорит в своей речи на XI съезде в докладе о деятельности ЦК РКП) удержать всех позиций, которые захватили, а с другой стороны, на гребне энтузиазма рабочих и крестьян захватили необъятно много, только поэтому у нас было много места, и мы могли очень далеко отступить и сейчас еще можем далеко отступить, нисколько не теряя главного и основного. Самая опасная штука при отступлении, это — паника...».

«Если люди вносят панику, хотя бы и руководствуясь лучшими побуждениями, в такой момент, когда мы ведем неслыханно трудное отступление и когда все дело в том, чтобы хороший порядок сохранить, — в этот момент необходимо карать строго, жестоко, беспощадно малейшее нарушение дисциплины, и не только то отношение к некоторым внутрипартийным нашим делам, но — это надо иметь в виду — еще больше по отношению к таким господам, как меньшевики или все господа из 2½ интернационала».

На днях я прочел в 20-й книжке «Коммунистического интернационала» статью тов. Ракоши о новой книжке Отто Бауэра, у которого мы все когда-то учились, но который после войны, как и Каутский, стал жалким мещанином. Он теперь пишет: «Вот они отступают к капитализму, мы всегда говорили — революция буржуазная».

И меньшевики и эсеры, которые все такие вещи проповедают, удивляются, когда мы говорим, что мы за такие вещи будем расстреливать. Они изумляются, а ведь вопрос ясен: когда армия отступает, то тут нужна дисциплина во сто раз большая, чем при наступлении, потому что при наступлении все рвется вперед. А если теперь все начнут рваться назад, то это — гибель, неизбежная и немедленная.

Именно в такой момент отступить в порядке, точно установить предел отступления и не поддаваться панике, — это самое главное. И когда меньшевик говорит: «вы теперь отступаете, а я всегда был за отступление, я с вами согласен, я ваш человек, давайте отступать вместе», а мы ему на это говорим: «за публичное оказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды, а бог знает что такое».

... Действительно, такая проповедь, которую изрекают и Отто Бауэр, и руководители Второго и двухполовинного интернационала, и меньшевики, и эсеры, составляет их собственную натуру: «революция зашла далеко. Мы всегда говорили то, что ты сейчас говоришь. Позволь нам еще раз это повторить». А мы на это отвечаем: «позвольте поставить вас за это в стенке, либо вы потрудитесь от высказывания ваших взглядов воздержаться, либо, если вы желаете свои политические взгляды высказывать при настоящем положении, когда мы в гораздо более трудных условиях, чем при прямом нашествии белых, то, извините, мы с вами будем обращаться, как с худшими и вреднейшими элементами белогвардейщины».

Этого мы забыть не должны».

Это было сказано в 1922 году.

Товарищи! Сейчас не отступление, сейчас наступление. Мы давно пережили уже период отступления. Мы сейчас ведем социалистическое наступление по всему фронту. Мы сейчас сильнее, чем когда-либо. Не боязнь паники является тем, что в данном случае вынуждает такое отношение наше к меньшевикам, но приведенная цитата показывает, как Владимир Ильич ставил вопрос тогда, когда вопрос стоял о необходимости сохранения целого, когда стоял вопрос о том, чтобы собрать все силы на защиту революции и ее завоеваний.

Сейчас положение такое, когда против нас обостренное наступление ведут наши враги, когда против нас консолидируются все силы реакции, когда против нас борются и империалистические хищники, и кулацкая агентура, и контрреволюционные организации, и попы всех оттенков исповеданий, когда против нас мобилизуется все, начиная от самых глупейших бредней мистиков и кончая социалистической декламацией II Интернационала, —

все направлено на то, чтобы нанести нам удар.

И когда сейчас эти старые меньшевики ведут свою предательскую работу совместно, согласованно с нашими врагами, — в такой момент как же можно иначе, чем точно так же, как в свое время ставил Владимир Ильич, поставить вопрос в отношении их, в отношении меньшевиков—социалистов, как они себя называют.

Что мы сейчас переживаем? Мы переживаем 1931 год, когда вопрос об интервенции еще не снят с очереди и сроки для интервенции еще не прошли. Этот год с точки зрения трудностей, как и ближайшие годы, будет решающим, — в этот момент дезорганизация, сознательное вкладывание палок со стороны тех, которые были облечены максимальным доверием, которое могло быть им оказано, — в отношении их не может быть другой постановки вопроса, чем та, которая давалась Владимиром Ильичом. С такими элементами, мы и теперь, как и тогда, должны обращаться как с худшими и вреднейшими элементами белогвардейщины.

Так стоит и сейчас вопрос. После той формулировки их конкретной вредительской работы и содержания их преступной работы, которую я дал, не может быть другого ответа, как поставить вопрос о том, из чего мы должны здесь исходить. По отношению к ним мы должны исходить только из соображения принятия максимальных мер для того, чтобы обеспечить нашу страну от вреда с их стороны, и в то же время, чтобы оказать соответствующее воздействие на всех тех, которые еще надеются, что достаточно одного акта сознания, чтобы остаться на свободе, чтобы, быть может, опять вредить. Нам недостаточно одного вашего сознания для обороны нашей страны, для обороны нашего хозяйства, нашего социалистического строительства, — так вопрос не стоит. Поэтому я не могу к ним иначе подходить, как к элементам, открыто враждебным, как к элементам, предательски вошедшим в соглашение с контрреволюционным буржуазным миром против нас.

Разрешите мне сейчас поэтому перейти к индивидуальной характеристике и к определению соответствующих мероприятий в отношении каждого подсудимого.

ВИИ. ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Громан

Громан—старик. Вождь! Авторитет! Организатор! Человек, который пользовался большим доверием, который своим авторитетом систематически прикрывал

вредительскую работу и ею руководил, и который входил в непосредственные личные сношения с заграничными деятелями, с заграничными (выразимся здесь сухановским языком) «эмиссарами», и который несет поэтому всю тяжесть политической и уголовной ответственности.

Не может быть для меня сейчас, при нынешней постановке вопроса, другого ответа на вопрос относительно Громана. Напрасно думают, что мы уже разучились расправляться с врагами. Преждевременно, неосновательно так полагают. Мне кажется, что здесь должно только так поставить вопрос, чтобы в отношении руководителей, организаторов, вождей в кавычках, вождей предательства, двурушничества и подготовки интервенции была принята в порядке самообороны нашей страны та форма репрессии, которая обезвреживает нас от данных лиц навсегда и наиболее радикальным и исчерпывающим образом.

В отношении Громана я предлагаю суду определить высшую меру социальной защиты.

Шер и Якубович

Шер и Якубович. Их роль в организации до известной степени одинакова. Они, эти деятели в кавычках, эти вожди в кавычках, — в своем удельном весе правая и левая рука Громана по Госбанку и Наркомторгу, по проведению кредитной реформы и кредитному обращению и по вредительству в снабжении широких рабочих масс. Они шуйца и десница Громана, шуйца и десница организации, каждый, опирающийся на соответствующие периферийные ветви: оба фанатики, оба последовательные в своей работе, оба организаторы, каждый в своей области, и оба жестокие и холодные, последовательно проводящие одну и ту же линию, один — с элементами энтузиазма, другой — более выдержанный и более спокойный, но оба идущие в практической политике на все, поскольку интересы широких рабочих масс ставились ими непосредственно под удар: оба рассматривавшиеся как достаточно доверенные лица: один — член правления Госбанка, другой — управляющий крупным управлением Наркомторга в области распределения промтоваров. Оба, наконец, достаточно политически вероломные и последовательные в борьбе с советской властью, — организаторы расстройств рабочего снабжения, организаторы расстройства денежного обращения, практические организаторы и активные деятели вредительской организации, входившие оба в непосредственную связь с заграничным центром контрреволюционного меньшевизма; наконец, оба входившие в руководящую пятерку «Союзного бюро». Я думаю, что в отно-

шении обоих не может быть другого решения, чем то, что и в отношении Громана.

Гинзбург

Гинзбург. Из той же породы с той разницей, что он, несмотря на то, что он один из давнишних, если мне память не изменяет, деятелей меньшевистской социал-демократии, он уже из тех, про кого Дан писал как о новой, «американизированной» интеллигенции; серьезный, вдумчивый, хладнокровно-последовательный, без капли какой-нибудь метафизики и мистики и без капли жалости, жесткий, последовательно и решительно исполнявший основные вредительские акты в области планирования, практически связанный непосредственно и с границей и с Абрамовичем, игравший определенную руководящую роль в «Союзном бюро»; он практически нес сверх того ответственные функции по связи с «Промпартией» в тех конъюнктурных сообщениях, которые он делал на совещаниях виднейших деятелей «Промпартии»; принимал прямое участие и в руководящей пятерке. Эта руководящая пятерка, являющаяся верхушкой организации, фактически отвечала за всю проводимую деятельность; она представляется мне поэтому единым неразрывным целым.

И поэтому по отношению к Гинзбургу, опасность которого представляется совершенно достаточно выявленной по его к.-р. деятельности, я думаю, что точно так же, как и по отношению к другим членам этой пятерки, вопрос стоит так же, как по отношению к Шеру, Якубовичу, Громану.

Суханов

Я остановлюсь более подробно на Суханове раньше, чем перейти к другим. На нем стоит остановиться. Он представляет собой своеобразную фигуру в нашей истории политического движения, политической борьбы и классовых группировок.

«Дикий», не то эсер, не то меньшевик, не то мартовец, не то меньшевик того типа, каким он стоит перед нами сейчас, он в то же время обладает достаточной дозой самодовлеющей самовлюбленности, которая диктует ему претензию быть всегда на первых ролях. Не признанный «пророк» в контрреволюционном отечестве, он организует специальный «салон», в котором подготовляет специально свою — «сухановскую» — контрреволюционную организацию. Он привлекает туда и меньшевиков, и кондратьевцев, и бывших эсеров под предлогом пения, музыки, декламации и пр. Он их организует и вырабатывает из них единомышленников для практической организации практической борьбы, тем более, что у него для этого было достаточно со-

ответствующих данных. Ловкий, он умел пустить пыль в глаза — «он по-французски в совершенстве мог изъясняться и писал...».

Любитель соответствующих словечек, Суханов представляет собой тип Хлестакова в политике и авантюриста на практике. В то же самое время это тип человека, пытающегося, где можно, и увильнуть, ибо, когда ставился вопрос конкретно о том, что он сделал, — «идеолог и руководитель» пытался ограничить свою работу от практической вредительской деятельности и представлял себя тут как только идеолога, только литератора.

Однако, в том самом «Союзном бюро», в котором он, присутствуя на 10—20 заседаниях, текущих и длительных, выступает в качестве теоретика практических мероприятий, принимаются практические решения. В конце концов тот перечень практических мероприятий, которые были приняты на текущих, легучих заседаниях, совершенно иначе рисует его. Посмотрим, что он сам говорит в своих показаниях:

«Летом 1929 года обсуждался вопрос о заготовках хлеба и других продовольственных продуктов — яиц, мяса, масла. Было постановлено противодействовать, насколько возможно, переобременению, предусмотренному планами, индивидуальных крестьянских (фактически кулацких) хозяйств заготовками названных продуктов. Я лично указал, что при наличии товарного дефицита часть назначенных плановых заготовок является фактическим натуральным подбором, подрывающим жизненные силы деревни вообще. Работникам Внуторга — Залкинду и Якубовичу — было поручено в торгплане проводить линию дискредитирования заготовительных планов как непосильных и невыполнимых, противодействуя своим влиянием в оперативных инстанциях фактическому выполнению планов.

Около того же времени (быть может, в начале сентября) обсуждался вопрос о ценах на сельскохозяйственные продукты. В силу, примерно, тех же мотивов было решено во всех плановых и оперативных инстанциях (в Наркомторге, Госплане, Госбанке) планомерно проводить политику повышения заготовительных цен, пренебрегая судьбой советской валюты, должествовавшей неизбежно пострадать от такой политики.

Осенью 1929 г. обсуждался вопрос о коллективизации и о совхозах (октябрь). Я лично давал резкую оценку существующим совхозам, квалифицируя их как предприятия, разорительные для народного хозяйства, с ничтожно малой продуктивностью на единицу вложений.

Было решено, вразрез с политикой правительства, противодействовать росту кредитов на совхозы и на коллективиза-

цию. Проводить это — всем работникам «Союзного бюро» и всем группам, находящимся в их сфере влияния, во всех соответствующих учреждениях и выступлениях.

В том же совещании мне было поручено подготовить доклад по аграрной политике и коллективизации к предстоящему пленуму «Союзного бюро».

В начале зимы 1929—30 г. обсуждался вопрос о технических культурах в связи с продовольственными перспективами... Было решено при обсуждении и проведении планов яровой кампании настаивать на сокращении посевов технических культур в пользу продовольственных хлебов, оповещая всеми способами население льяных районов о предстоящих продовольственных трудностях. Для осуществления данной директивы привлечь и связи в Наркомземе и в Госплане.

В разное время и не однажды, главным образом, Громаном поднимался вопрос о планах, вложениях, темпах и качествах продукции индустрии. Всеми присутствующими приводились примеры невыполнения и невыполнимости планов индустриализации. Особенно богатый материал был у Соколовского. Выказывалось мнение, что взятые темпы не могут быть выдержаны, если же они выполняются, то исключительно за счет качества продукции и, таким образом, не только не двигают промышленность вперед, но исчерпывают ее жизненные силы, разрушая основную капитал. Согласно вышеизложенным общим тактическим установкам было предложено бороться с плановыми темпами в процессе планирования и в процессе выполнения. Задачи эти применительно к вредительской работе в учреждениях возлагались на работников ВСНХ и Госплана под руководством членов «Союзного бюро».

... Два или три раза в течение зимы 1929—30 г. обсуждались хозяйственные явления в специальных отраслях. Одно из таких обсуждений было посвящено железнодорожному строительству. Я вспоминаю суждения о Турксибе и о Сибирской сверхмагистральной, которой придает огромное значение руководство Госплана... Постройка Турксибы рассматривалась как тяжесть необоснованная, но возложенная на народное хозяйство. Предлагалось использовать Турксиб как пример бесхозяйственного строительства. Равным образом предлагалось дискредитировать и предполагаемую Сибирскую сверхмагистраль...

Аналогичное обсуждение имело своим предметом и некоторые другие виды нашего капитального строительства и вложений».

Вот вам конкретный перечень конкретных вредительских решений, конкретных вредительских актов, которые принимались при непосредственном участии и под

непосредственным руководством Суханова.

Если мы перейдем к вопросам организационного характера, то что мы здесь установим? С Броунштейном связь у него была? — Была. Поручение организационного характера Броунштейн давал? — Давал. Он их исполнять взялся? — Взятся. И частично исполнил? — Исполнил. Организационную подпольную работу по организации соответствующей связи с контрреволюционными организациями — созданными ячейками — он проводил? — Проводил. В то же самое время некоторые его действия, которые я здесь устанавливал в порядке судебного следствия, показывают, что он не останавливался перед тем, чтобы сознательно сказать ложь на следствии, мотивируя ее, правда «благородными соображениями». Но ложь нам не нужна, гр. Суханов! Нам нужна только правда. Скорее здесь, в связи с общей его психологической структурой, перед нами не последовательная с его стороны принципиальность и благородство, перед нами скорее введенная в высшую степень беспринципность, ибо беспринципность была в тех зигзагах в политике, которые у него были до сих пор, беспринципность он проводил и в своей к.-р. работе, когда всячески подчеркивал, что в его идеологической работе у него были якобы иные оттенки, чем у других, но на практике проводил все то, что и все остальные. И, наконец, беспринципность проводил он и здесь, когда на судебном заседании продолжал, несмотря на всю совокупность данных, рисовать себя в качестве только литератора, занимающего свои особые позиции.

Я считаю, что эта политическая хлестаковщина вместе с этой беспринципностью создают из него, в связи с его претенциозностью, в связи с его желанием быть на первых ролях, лицо, о котором я мог бы сказать, что не знаю, где та грань, на которой он мог бы остановиться в своей дальнейшей к.-р. эволюции. Этой грани нет. Никакой общественной полезности за гр-ном Сухановым я признать не могу, в актив его нечего вписать, а общественная вредность его доказана достаточно. Если прибавить к этому, что он вошел в «пятерку», в руководящую группу, что он выступал на пленумах в качестве докладчика и идеолога и в то же время организационно участвовал в наиболее конспиративных совещаниях вместе с тем же самым Броунштейном, то и вопрос о нем стоит совершенно ясно. Ни одной минуты я не колеблюсь утверждать, что наша революция, революция мировая, а уже тем паче мировая история ничего не потеряет от того, что с лица земного шара исчезнет один из тех персонажей, представителем которых является гр-н Суханов.

Перехожу к Залкинду. Он мне представляется вторым изданием Гинзбурга, только удешевленным и популярным. Я считаю, что в отношении к Залкинду, хотя он достаточно конкретно проявил свою вредительскую работу, надлежит поставить вопрос только об его изоляции на длительный срок, пока все те вопросы, которые у нас стоят в порядке текущего очередного строительства, не будут разрешены. Я никогда за последние годы во время своих судебных выступлений не ставил своей задачей специально заниматься определением сроков. Я считаю, что этот вопрос не является таким, на который следует прокуратуре класть центр тяжести. Для нее достаточно обосновать необходимость изоляции, — в данном случае на наиболее длительный срок. Это я считаю наиболее соответствующим его социальной опасности. Необходимость его изъятия на возможно более длительный срок для меня является совершенно доказанной.

Соколовский. Если хотите, он выделяется из всех подсудимых своеобразной искренностью, своеобразным энтузиазмом. Но с такой же искренностью и энтузиазмом выполнял он и свою вредительскую работу. Он играл руководящую роль в организации, об этом он сам сказал. При определении хозяйственных планов, при разрешении тех конкретных заданий, которые перед ними стояли, при разработке сырьевой проблемы и других крупнейших и труднейших проблем реконструкции нашего хозяйства он последовательно проводил свою вредительскую, дезорганизаторскую деятельность. Нет и не может быть для меня сомнения в том, что по отношению к члену «Союзного бюро» Соколовскому вопрос об его изоляции из общества, равным образом как и Залкинда, на максимально продолжительный срок представляется решенным.

Петунии и Берлацкий

Оба вдвоем, так сказать, «по принадлежности», — помощники Шера и Якубовича: Петуния — по Центросоюзу, Берлацкий — по Госбанку. Оба — вредители, сознательные руководители и организаторы периферийных ячеек и в то же время люди, из которых один держал в своих руках крупнейшую организацию кооперации — Центросоюз, а другой являлся членом правления Госбанка. Я лично в отношении Петунина должен сказать, что хотя он решающей роли не играл, он на меня производит впечатлительные человека — лисы, человека с хитрецей, с лисьим умом, который вертится, который говорит одно, а думает другое, и по отношению к Петунину, равным образом как и по отношению к

Берлацкому, бывшему министру финансов Дальневосточной республики, а потом члену правления Госбанка, у меня нет ни капли доверия, и я считаю необходимым к ним обоим также применить изоляцию на возможно длительный срок.

Тейтельбаум, Финн-Енотаевский и Волков

Я их объединяю вместе, хотя они собой представляют каждый своеобразную фигуру, каждый из них имеет свою индивидуальность, но они сходны по тому удельному весу, который они играли в организации.

Тейтельбаум — организатор, организовывал к.р. ячейки в наших торгпредствах, непосредственно входил в сношения с Даном, Далиным, Юговым, Гарви, с основными матерями руководителями социал-демократического центра. По приезде в СССР равным образом продолжал принимать непосредственное участие в меньшевистской организации, опираясь на весь свой авторитет. Если в отношении его у нас нет материала, чтобы предъявить ему конкретные вредительские действия, то в качестве органа связи он представлял собой лицо, которое сделало все, чтобы не терпеть его больше среди нас. Вопросы о сроке я здесь не ставлю, конечно, здесь, может быть, считаясь с его болезнью, нет необходимости ставить вопрос о длительном сроке, это дело суда, я не настаиваю на максимальном сроке, не настаиваю на десятилетнем сроке, но настаиваю на изоляции.

Точно так же в отношении Финн-Енотаевского. Парочку слов о нем. Он выполнял две функции в «Союзном бюро». С одной стороны, он был «ученым консультантом» по экономическим вопросам, с другой стороны — «дикурьером» по переправке денег и литературы из-за границы сюда. Но Финн-Енотаевский — это двойственная фигура не только по двойственному характеру функций, которые он нес. Эту двойственность он сохранил и в своих показаниях. Мы слышали, что он и «был и не был», ибо он «был и не был» членом бюро. Он знал о том, что он кооптирован в «Союзное бюро», о целях он знал, о методах знал, о задачах знал, а участия не принимал? В заседаниях он также «и участвовал и не участвовал», ибо в заседаниях участвовал, о мировом хозяйстве говорил, о колхозном строительстве хотел в Совнарком доклад писать — все знал и в то же время ничего по существу не знал. Наконец, деньги! И деньги он «и взял и не взял», ибо, с одной стороны, он деньги передавал от Фридланда, а с другой стороны — Фридланд платил Громану, а «я только передавал по дружеской просьбе старого товарища Громана». Опять-таки он был и не был. И, наконец, вредительство. Во «вредительстве я участия не

принимал», «я не вредил», а в показаниях пишет: я вредил «в теории», «теоретически вредил». Это — двойственная фигура путаника. У него и в прошлом все остается неясным: большевик? потом меньшевик? и, наконец, прямой участник к.-р. организации.

Он пишет о кризисах, он предсказал американский кризис, выступив против всех авторитетов, написал хороший труд. Пусть напишет еще один, но в соответствующем изолированном месте, где ему будет предоставлена полная возможность для занятий. На длительном сроке я не настаиваю.

Волков — тоже выполнял две функции: показной рабочий, с одной стороны, и конкретный вредитель — с другой, экономист ВСНХ, занимавшийся вредительской деятельностью и равным образом занимавшийся вербовкой других членов, в том числе и Гвоздева, руководивший практической вредительской работой последнего. Так же как и по отношению к Финн-Енотаевскому и Тейтельбауму, я считаю, что он также должен быть изолирован. Опять-таки на длительном сроке не настаиваю, потому что считаю, что исключительной социальной опасности он не представляет.

Иков и Рубин

Специально должен остановиться еще на двух — на Икове и Рубине. Икова и Рубина я беру постольку, поскольку в известном смысле это два полюса, но в то же время они одно и то же, так сказать, «диалектическое единство противоположностей». Я постараюсь это доказать. Это почти точно, почти верно. Возьмите Икова: старый правый, закоснелый меньшевик. Рубин — старый член ЦК меньшевиков — единство. И тот и другой побывали и в ссылке и в тюрьме за советские годы за свою прямую к.-р. работу, — единство. И, наконец, встретились тут на одной и той же работе, — единство.

А теперь разница: Иков сдержан, молчалив, знает цену словам, говорит «в пределах необходимого»; Рубин болтает, готов в лепешку расшибиться, кажись, все готов сделать для того, чтобы все установить и все рассказать, как было дело, где и что.

Я ни на секунду не ставлю ему это его качество в какой-нибудь минус. Но вопрос все же сводится к той внутренней оценке, которая неизбежно вытекает из соответствующих восприятий, и эта оценка иная у меня по отношению к Рубину, чем по отношению к Икову.

В то же время Рубин и абстрактный ученый, занимающийся вопросами политической экономии, и практический конспиратор, проводящий одновременно подпольную к.-р. работу и подпольную к.-р. деятельность. Это последнее обстоятельство с

точки зрения оценки его опасности является достаточно веским показателем.

Еще одна характерная черточка: он нам рассказал об измене и предательстве Рязанова. Это, конечно, соответствующий плюс, какой он дал для суда и судебного следствия. Но отношения его с Рязановым в той форме, как они были здесь изложены, подтверждают то же первое восприятие, которое у меня создалось о Рубине раньше. А результат? А результат тот, что когда я слушаю Рубина, то должен сказать, что в его разоружение я не верю. Я не верю в разоружение Рубина. Этот бывший член ЦК меньшевиков, этот ученый и в то же время этот конспиратор, — он политический хамелеон, он много раз сможет еще перекрасить свой цвет и много раз еще он сможет принести вред, если будет к этому иметь возможность.

Вот та его характеристика, которая объективно навязывается сама собой и которая диктует максимальную осторожность по отношению к нему.

И то же самое, только с несколько иным подходом, приходится сказать об Икове. В этом тоже единство, если хотите. Этот не будет так действовать, как действовал Рубин. Он сохранит и сохранил и наружную и внутреннюю твердость и стойкость. Но он сознался тогда, когда уже все равно было все известно, когда запирательство фактически ничего не могло дать, когда письма, связи — все было фактически установлено и когда перед ним была дилемма: не сказать, когда все установлено, тогда нет никакой перспективы на будущее, все сказать — тогда, может быть, еще есть перспектива скорее выйти на свободу и опять взяться за старое.

И я думаю, что Иков не разоружился ни на иоту, и остался врагом. Я думаю, что по отношению к нему, как и по отношению к Рубину, максимально длительные сроки изоляции должны быть установлены судом, ибо оба они — враги, и, как врагов, мы должны их трактовать.

Вот, товарищи судьи, те конкретные предложения, с которыми обращается к вам прокуратура в отношении этой к.-р. меньшевистской организации, воссоздавшейся в виде неоменьшевизма и связанной со старым заграничным центром. Эта меньшевистская организация нашла свое место в рядах контрреволюции в соответствующей группировке контрреволюционных сил. Наша задача сейчас — принять максимальные меры самообороны, принять максимальные меры для обеспечения нашей страны от излишних трудностей, для усиления обороноспособности нашей страны.

Пусть в результате вашего приговора двурушники из заграничной делегации, двурушники из II Интернационала, те, кто называли подсудимых провокато-

рами, пусть они снова на страницах своей прессы обрушатся на вас за жесткость приговора. Перед рабочим классом всего мира мы можем и должны сказать, что широчайшие рабочие массы на деле научились за истекшие 13 лет защищать советскую власть и драться за сохранение пролетарской диктатуры. Они будут драться за нее и впредь. Широчайшие массы рабочего класса должны услышать и правдивое слово, которое будет сказано вами в судебном приговоре о меньшевиках, и это правдивое слово, благодаря этому процессу, пройдет сквозь все рогатки, сквозь все препятствия, которые создавали и создают буржуазный импе-

риализм и II Интернационал, чтобы удержать свое влияние на рабочих. Пусть же ваши правдивые слова пройдут эти рогатки и найдут дорогу непосредственно в сознание и сердца тысяч и миллионов пролетариев. И пусть этот процесс сыграет свою роль в укреплении нашей работы по социалистическому строительству и поведет к победе мировой революции.

Я прошу вас проявить максимальную жесткость по отношению к подсудимым. (Последние слова товарища Крыленко покрываются бурными аплодисментами всего зала).

7 марта

Утреннее заседание

РЕЧИ ЗАЩИТЫ

Председатель. Заседание возобновляется. Переходим к заслушиванию речей защиты. Слово имеет защитник Брауде.

Брауде

— Товарищи судьи. Еще не прошло и трех месяцев, как в этой же самой зале мне пришлось исполнять тяжелые обязанности государственной защиты по другому, столь свежему еще делу — «Промпартии». И вот снова процесс — о другой партии, также являющейся одним из звеньев контрреволюционной цепи, пытающейся извне и изнутри охватить строительство нашего Союза. И невольно, идя по пути личных воспоминаний и впечатлений, сопоставляешь и сравниваешь и политическую и внутреннюю сущность обоих процессов и личности подсудимых на том и на другом; и неизбежен вывод: как много общего и как много различного между ними!

Различен социальный состав, различен социально-политический состав тех и других обвиняемых. Объективно общи и тождественны цели и почти тождественны методы и пути, которыми шли обвиняемые и там и здесь.

Там — политические нули в прошлом, деятели, жившие отрывками либерально-капиталистических традиций. Здесь — люди большого политического масштаба, с большим революционным опытом и социалистическим прошлым.

Там — деятели, откровенно и цинично стремившиеся к реставрации, субъективно не отрицавшие, что они стремятся удовлетворить личные капиталистические притязания своих бывших хозяев. Здесь — люди, субъективно уверенные в свое время в том, что они идут по революционному пути, и утверждающие только сейчас, что они ошибаются. Там — личные честолюбивые замыслы, мечты о министерских портфелях, там — наконец, при-

липающие к рукам и оседающие в карманах деньги, идущие от зарубежных хозяев; здесь — никто непосредственно личной корыстью не запятнан. И все же, несмотря на глубочайшие различия в моральном облике, в социальном уровне, в социальной ценности тех и других, между обеими организациями, объединяющими их, оказались возможными не только блок и контакт, но одна организация материально питала другую, но обе они шли одними и теми же методами и путями подпольной контрреволюционной организации, контрреволюционного вредительства, и обе пришли к одной и той же цели, имя которой — интервенция.

И вот, когда оглядываешься на скамью подсудимых, невольно задаешь вопрос: если там сама капиталистическая природа их хозяев толкала на открытые контрреволюционные действия, то какие же мотивы, какие механизмы вызвали контрреволюционные действия этих лиц, все прошлое которых, особенно прошлое во время царизма, было годами сылок, тюрьмы и лишений, которыми они платили за борьбу, за освобождение рабочего класса, того самого класса, объективно против которого сейчас они выступили и в отношении которого объективно стремились добиться положения, угрожающего ему гибелью и порабощением?

Здесь в течение всего процесса мы задавали почти всем обвиняемым вопросы, — задавались они и во время предварительного расследования, — чем объясняется, какие причины привели к тому, что они оказались по ту сторону политических баррикад? Почти все они давали одинаковые объяснения: были заблуждения, были политические ошибки, была недооценка фактов и мероприятий советского правительства, было непонимание всей окружающей политической и экономической обстановки. Но ни один

из них, или почти ни один, не дал ответа на такой вопрос — чем были вызваны те явления, о которых они здесь говорили, чем было вызвано непонимание окружающей обстановки, недооценка того, что происходило, — чем были вызваны эти ошибки и заблуждения.

И только один из обвиняемых, мой подзащитный Волков, единственный рабочий на скамье подсудимых, дал с рабочей прозорливостью единственный, на мой взгляд, правильный ответ на вопрос, который я ему поставил в этой плоскости. Он сказал: «А традиции партии? А 20 лет пребывания в меньшевистских рядах?» Этот ответ определяет и объясняет многое. Ведь меньшевизм — это не только социально-политическое понятие. Меньшевизм, меньшевики — это и известная психологическая категория. Меньшевик — это не только носитель отвлеченной теоретической программы, меньшевик — это и определенный психологический тип. Я думаю, что я не сделаю большой политической и психологической ошибки, если скажу, что меньшевиков от большевиков разделяют не только программные теоретические разногласия. Нет, как есть законченный, ярко выраженный тип большевика, так есть законченный, ярко выраженный тип меньшевика. И за пережитую нами эпоху, за время борьбы, за время столкновений этих двух партий, когда-то противников в пределах одного и того же идейного течения, ныне оказавшихся по ту и другую сторону политической баррикады, — за все это время этот психологический тип настолько ясно определился, что любой рядовой обыватель безошибочно расскажет вам о той психологической разнице, которая есть между большевиками и меньшевиками.

Большевик — это неиссякаемая вера в возможности, в творческие возможности, тающаяся в рабочем классе. Меньшевик — это недооценка возможностей, тающихся в рабочем классе. Большевик — это обоснованная на этой вере, твердая, непоколебимая волевая установка к победе, это — горение, энтузиазм. Меньшевик — это пессимизм, пасование перед трудностями и отсюда обычное стремление опереться на промежуточные классовые слои.

Это различие сказывается не только в общественных явлениях, не только в событиях огромной политической важности, оно проявляется и в мелочах, оно проявляется и в повседневном быту, оно проявляется и в развитии тех или иных повседневных моментов нашего хозяйственного и политического строительства.

Но естественно является вопрос, где корни этого различия психологического типа большевика и меньшевика? Откуда оно идет, не рождается же человек большевиком или меньшевиком? На это возможно дать только один ответ: большевизм и меньшевизм — это явления не на-

ши национальные, а явления международного порядка. В рабочем движении любой страны есть большевизм и меньшевизм, правда под различными наименованиями. Наиболее хорошо оплачиваемая привилегированная часть рабочего класса ощущает менее острую ненависть к буржуазии, чем остальная часть рабочей массы, и потому она легче подпадает под влияние буржуазии и вместе с мелкобуржуазными попутчиками образует ту питательную среду, ту социальную базу, из которой вырастает меньшевизм.

У нас, в России, в рядах российского пролетариата, в свое время рабочая аристократия была представлена очень слабо, и потому в рядах меньшевизма так мало рабочих и так много выходцев из средних слоев населения. Но те немногие рабочие, которые попали в меньшевистскую среду, неминуемо воспринимали не только идеологию интеллигентской части партии, но неизменно воспринимали полностью и ее психологию. В большевизме рабочее ядро перестраивается по своему образу и подобию интеллигенции, попавшую в его среду. В меньшевизме происходит обратное явление. В этом трагедия Волкова, еще с ранних лет попавшего в объятия меньшевизма.

Проследите жизнь Волкова под этим углом зрения, проследите отдельные прищипки его партийного бытия, и вы увидите неизбежно, как противоречие между его рабочим чутьем, между его классовой подоплекой и меньшевистской тактикой создавало какую-то двойственность, какую-то половинчатость во всей его дальнейшей деятельности. Он попадает в ранние годы в ряды меньшевистской партии после того, как некоторое время пребывает в рядах другой мелкобуржуазной партии — эсеров. По его собственным словам и здесь и на дознании можно было увидеть, как им овладевала мысль о единстве, о необходимости примирить различные течения в рабочем классе. Он пытается примирить непримиримое, но очень быстро разочаровывается в такой возможности. Февральскую революцию он воспринимает как законченную буржуазно-демократическую форму для страны. Но до этого, еще во время империалистической войны, рабочее чутье подсказывает ему правильную позицию, он стоит на позиции Циммервальда. Во время гражданской войны классовый инстинкт удерживает его от того последовательного пути, на который пошли отдельные наиболее правые организации меньшевиков, сражавшихся против Советского Союза в рядах его врагов, в рядах денкинцев и врангелевцев. Но он не пошел и с той здоровой частью меньшевиков, которых диалектика гражданской войны толкнула в ряды Красной армии против белогвардейских полчищ. Он занимает средний путь, не понимая того,

что в революции нет среднего пути, что рано или поздно средний путь толкнет в объятия контрреволюции.

Нэп. Еще до нэпа, после польской войны, иллюзии, о которых говорил здесь Волков, предположения о том, что советская власть изживет самое себя, что снова страна пойдет на прежние буржуазно-демократические рельсы, эти иллюзии были разбиты. Он отходит от партии. Нэп он воспринимает как восприняло большинство обвиняемых, сидящих на скамье подсудимых. Нэп он рассматривает как нечто свидетельствующее о капиталистическом перерождении советской власти, о неизбежном скатывании ее на тормозах, о неизбежном переходе страны к буржуазно-демократическим формам. Нэп примиряет его с советской властью; он в это время занимает должности в советских учреждениях и даже испытывает, как здесь утверждал, некоторый подъем. Он честно, добросовестно, преклоняясь перед грандиозностью задач, стоящих перед металлопромышленностью, работает в этой родной ему отрасли, но все же и тогда ему казалось, что для широкого развития этих задач необходимо углубление нэпа, еще большее его развитие. Но действительность и здесь обманула Волкова, нэп начинает суживаться, перед страной ставятся коммунистической партией задачи нового порядка, начинается раскулачивание кулацкой части крестьянства, ставятся вопросы о реконструкции нашего хозяйства, об индустриализации страны, о коллективизации крестьянства. Отходят и безвозвратно умирают надежды на скатывание на тормозах и на возврат к буржуазно-демократическим формам.

У Волкова появляется непримиримое отношение к окружающему, появляются опасения, а затем и глубокая уверенность, что нет возврата к прошлому, к тем формам, которые меньшевизму казались наиболее соответствующими его миросозерцанию. Конъюнктурные затруднения, отражавшиеся на личной жизни, некоторое чувство обиды еще ранее, в связи со снятием с постов, вернее, с новыми выборами, с тех ответственных должностей, которые занимали члены меньшевистской организации, — все это создает своеобразное настроение. В учреждении, где Волков работает, он почти оторвался от рабочих масс, окружен специалистами, навыки и служилые интересы которых невольно воспринимает.

И когда во время таких настроений, когда при таком состоянии его миросозерцания и личного субъективного отношения к окружающему Штерн предлагает ему вступить в организацию, Штерн — умный, Штерн — ловкий, Штерн — хитрый, Штерн, который сумел очень многих завербовать в меньшевистскую организацию, предлагает ему вступить в нее, он не встречает противодействия

в Волкове. Волкову не на кого опереться. Волков давно оторвался от рабочих масс, он вступает в «Союзное бюро» и проходит вместе с ним весь тот путь измены и предательства, о котором он здесь так откровенно говорил, проходит весь путь вплоть до блока с «Промпартией», путь контрреволюционного вредительства, путь подрывной работы против рабочего класса.

Но была еще одна сила, которая толкала Волкова на этот путь. Было еще одно обстоятельство, которое ослабило внутреннюю классовую сопротивляемость Волкова против принятия участия в «Союзном бюро». Российский меньшевизм всегда отличался тем, что, наряду с неверием в силы русского рабочего класса, он слепо преклонялся перед авторитетом руководителей западно-европейской социал-демократии, и этот момент сыграл огромное значение в жизни Волкова, так же как в жизни других обвиняемых. Вспомните, что говорили все обвиняемые по этому делу: если бы они не были убеждены и глубоко уверены, что путь интервенции, директивно предложенной зарубежной социал-демократией, не есть путь II Интернационала, то вероятно многие из них, и меньше всего Волков, пошли бы на этот путь.

И сейчас Волков здесь стоял перед нами. Волков говорил о своих заблуждениях и своих ошибках, о своей контрреволюционной работе и вредительстве, говорил спокойно, не показывая всем своим видом о том глубочайшем переломе, который в нем произошел. Но было ясно, что этот перелом не сегодняшнего дня. И когда Волков утверждает, что перелом, его внутреннее осознание произошло с ним не в момент ареста, не через 4 дня после задержания и допроса, а гораздо раньше, то есть все основания поверить Волкову. Волков имел возможность гораздо ранее убедиться в гибельности и ошибочности его пути, в том, что он ведет работу противную рабочему классу, во имя которого он якобы работает. Волков получил задание организовывать меньшевистскую базу, б меньшевиков из рабочих. Он видел и не мог не видеть и не понимать, что неуспех его работы, хотя он проявлял в ней достаточно энергии, объяснялся тем, что его организация была явно антирабочего характера. Каждый день убеждал его в том, что он пошел по гибельному пути, противному рабочему классу. Волков не был еще арестован во время процесса «Промпартии». Он ходил по улицам и видел грозные демонстрации протеста против интервенции, против вредительства, видел, что суд над его союзниками вызывает мощные раскаты гнева рабочих всего мира. Он не мог не понимать всю многозлость запустения того пути, по которому пошла его организация. Разве мог он тогда не понять и не осмыслить всего

ужаса той черной подрывной работы, которую он вел против рабочего класса?

И если, товарищи судьи, он признался на четвертый день после ареста, то внутренне он давно был подготовлен к психологическому перелому. Ему нужно было раньше пойти прямо и сказать, что он участвовал в контрреволюционной организации, к этому он был уже подготовлен разочарованием в деятельности своей организации, но его удерживали лишь силы некоей психической инерции, инерции среды. Нужен был только внешний психологический толчок, а этим толчком и был его арест.

Но сейчас перелом в его сознании не подлежит сомнению.

Я не буду говорить о мере социальной защиты для Волкова — об этом вчера сказал прокурор. Я думаю, что вы, товарищи судьи, учтете характер перелома, который испытывает Волков, и вынесете ему такую меру социальной защиты, которая поможет ему в дальнейшем и предоставит возможность снова стать подлинным пролетарием и работать на защиту интересов рабочего класса.

В этом моя защита Волкова.

Тейтельбаум — второй из обвиняемых, которого я защищаю. Его роль по настоящему процессу, в сущности говоря, эпизодическая. Дан, Югов и Далин вовлекли Тейтельбаума в свои ряды, дали ему задание завербовывать в меньшевистскую организацию приезжающих из Москвы ответственных работников. Они дали ему и задание организовать меньшевистские ячейки в торгпредстве.

Что же получилось в результате работы Тейтельбаума? В берлинском торгпредстве была организована ячейка из трех человек (в том числе и сам Тейтельбаум). Из приехавших ответственных работников он завербовал четырех человек, среди которых была такая фигура, как Кастель, старый большой чиновник царского министерства финансов. Этого одного было бы совершенно достаточно для того, чтобы человека диапозона Тейтельбаума навсегда отвратить от крохоборческой контрреволюции и всякой контрреволюции вообще.

Но вопрос, почему Тейтельбаум, пробывший порядочное количество лет в большевистской партии, Тейтельбаум, принимавший в свое время активное участие в революционных выступлениях, Тейтельбаум, поплатившийся годами ссылки и тюрьмы за свою революционную работу, почему Тейтельбаум так сравнительно легко, так, казалось бы, без внутреннего сопротивления пошел по пути, предложенному ему Далиным и Даном?

И Тейтельбаум дал ответ на этот вопрос. Он здесь сказал, что характерной его чертой, определяющей многие его действия, является политическая неустойчивость, и именно в силу этой черты своего характера, в силу неустойчивости,

Тейтельбаум неправильно — расценивал международное рабочее движение, не верил в возможности международной революции, неправильно воспринимал, как и остальные обвиняемые, нэп, он не верил в реальность реконструкции народного хозяйства и коллективизацию крестьянства, которые, к сожалению, ему непосредственно не приходилось наблюдать, ибо он был за границей.

Вот все эти обстоятельства — пребывание этого большого специалиста, высокооплачиваемого, высококвалифицированного за границей, оторванность его от рабочей массы, постоянное пребывание его не среди германского пролетариата, не среди шведских рабочих, а среди ответственных специалистов с психологией и навыками служилой интеллигенции, частое общение с верхушкой социал-демократии, нашей зарубежной и германской, — все это привело к тому, что, когда Дан заговорил с ним о вступлении в меньшевистскую организацию, семена, брошенные Даном, попали на плодородную почву и дали быстрые всходы.

Но понадобилось очень немного времени для того, чтобы отойти от так легкомысленно и быстро занятых контрреволюционных позиций. И вот сейчас Тейтельбаум здесь стоял перед нами. Тейтельбаум, который вернулся из-за границы сюда без колебания, который не оставил там ничего, что бы его привязывало к зарубежной социал-демократии.

Он возвратился в Москву, без колебаний, очевидно, уже и тогда испытывая некоторое раздвоение, недовольство своей контрреволюционной работой и, быть может, желая работой здесь загладить совершенные им преступления.

И вот он стоит сейчас перед нами и говорит, что он также ошибался, что он тоже осознает свои заблуждения; правда, мы здесь не слышали, он не сказал нам о степени и глубине своего раскаяния. Он обещал, что скажет об этом в своем последнем слове. Но мне кажется, что его переживания тождественны тем, что переживают и другие обвиняемые по делу.

Мы наблюдали здесь других обвиняемых, мы слышали, что почти все говорили о глубоком внутреннем переломе. Почти все не только осознали свои заблуждения, но полностью раскрыли контрреволюционную организацию, выдали своих соучастников, рассказали ту тяжелую, грязную правду, для раскрытия которой с таким трудом шевелятся уста.

Там, из-за рубежа, не верят этим признаниям, так, из-за рубежа, не верят этому раскаянию. Там утверждают, что эти признания — трусость, эти раскаяния — малодушие, что они вынуждены, эти признания, что они являются проявлением и внутреннего страха и трепета перед грозными мерами социальной защиты.

Товарищи судьи! Чтобы так говорить, нужно быть или явными лицемерами или настолько недалекими людьми, чтобы не понимать ни сложности переживаемой нами эпохи, ни своеобразия и интеллектуального размаха этих людей, ни их политической смелости, которую они в достаточной мере проявили в прошлом, ни, наконец, тех коллизий и глубоких внутренних катаклизмов, которые они неизбежно переживали. И здесь, в этом представлении, в этом мнении о них так ясно сказалась разница между их соучастниками и вдохновителями там, за рубежом, и ими, находящимися здесь!

Там — люди оторванные от советской базы, не имеющие никаких корней ни в рабочем классе, ни вообще в нашей стране, люди, которых разделяет бездна, подлинная бездна, с тем, что происходит здесь. Они настолько оторваны, настолько чужды, настолько далеки от нашей жизни, что нам сюда, в советскую страну, посылают свои показания, подкрепленные божбой — присягой, не понимая, насколько это чуждо нашей природе, не понимая, что это могло лишь вызвать единодушный смех по всему Союзу.

А здесь люди, пусть скатившиеся к контрреволюции, но все же люди, которые жили среди масс, с которыми они работали и от которых они временно внутренне оторвались; сейчас, здесь они снова среди рабочих масс, среди того окружения, советского окружения, к которому они привыкли, у них нет извращенных зарубежных представлений, как у тех, кто издалека наблюдает за нашей жизнью. Они невольно связаны с нашей жизнью, жизнью страны, в которой они живут и которая проходит перед их глазами, с мощным размахом строительства, который они не могут не наблюдать, и поэтому ясно, почему они держат себя иначе, не так лицемерно, как те, находящиеся за рубежом.

И не понимают зарубежные эмигранты, оторвавшиеся не только от советской действительности, но от всего того огромного, что произошло за эти годы, — не понимают всего этого, как не понимают и того, что здесь происходит, не понимают, что эти люди, этого интеллектуального размаха, этого социально-политического уровня, — эти люди не могли помещански, по-бывальчески истолковать свой арест. А между тем эти люди, наблюдавшие ежедневно то грандиозное, неслыханное, что происходит кругом, эти люди, в тот момент, когда твердая рука пролетариата взяла их и посадила, не могли не понять одного: что этот арест — не только их личный провал, — что это провал всех их идейно-политических позиций, что их арест, — лишь новое доказательство того положения, что их политическая деятельность встречает не сочувствие рабочего

класса, а глухую стену вражды, ненависти и презрения.

Эти люди не могли истолковать свой провал как только личный, они свой арест могли почувствовать и понять только как проявление отчужденности, вражды всего рабочего класса, органом которого является ГПУ. Для всякого, любого политического деятеля этих одних моментов было бы достаточно, чтобы не найти в себе никаких внутренних политических идейных предпосылок для продолжения упорства борьбы. В этих условиях всякий честный, заблуждающийся политический деятель должен был бы признать свои ошибки и принести свое раскаяние рабочему классу. Эти люди слишком субъективно искренно боролись, чтобы теперь, осознав свои ошибки, быть неискренними здесь.

Я заканчиваю, товарищи судьи, свою речь. Но мне хочется только в течение нескольких минут остановиться на вопросе их сознания, на этом, на мой взгляд, центральном вопросе, связанном с их участью. Когда вы будете решать вопрос о мерах социальной защиты, вы не можете не исходить из критерия — насколько глубоко, насколько серьезно, насколько искренен и радикален происшедший в них перелом.

Тейтельбаум не дал мне в этом смысле материалов для объяснения — он сам будет об этом говорить. Но я думаю, что его переживания идентичны и тождественны тем переживаниям, которые были у остальных. Эти переживания глубочайшего порядка. И напрасно товарищ прокурор подверг сомнению и подозрению сознание и перелом некоторых из них.

Вот возьмите хотя бы одного из персонажей настоящего процесса — Суханова; нет сомнения, что даже при наличии глубочайшего перелома, с таким трудом срываются с уст у этого самолюбивого и самоуверенного человека слова раскаяния, слова, которые могут быть восприняты некоторыми, как слова малодушия.

Но там, в тюрьме, сидя над листом бумаги, сидя над своими показаниями для передачи следователю, он переживал огромный сдвиг. Есть вещи, которые легче писать, но не всегда легко их сказать. А Суханов так пишет: «Как социалист в течение почти 30 лет, я счастлив ныне сознаться в том, что я совершил ошибки в своей работе против социализма и революции. Но я глубоко несчастлив в том, что я осознал эти ошибки слишком поздно». Когда так говорит Суханов, об отличительных признаках характера которого говорил здесь прокурор, то это свидетельствует о явлениях глубочайшего сдвига, о глубочайшем внутреннем переломе.

Но вот вам классик меньшевизма, старейший подпольный работник, посевший в царских тюрьмах и в ссылках, Иков; он пишет: «Моя деятельность вы-

текает из всей моей позиции правого меньшевика, которого я теперь осуждаю».

Мы не можем не видеть, что здесь происходит внутренний глубокий переход, глубокая личная трагедия. Тот же самый Иков письменно заявляет: «Процесс «Промпартии» произвел на меня огромное впечатление, как зеркало, поставленное перед моим лицом».

В его устах это звучит как тяжкий удар, нанесенный себе публично перед лицом всего рабочего класса, в преступлениях против которого он сознался. Тот же самый Иков письменно заявляет, что наилучшим несчастьем он считает только самую мысль о невозможности быть использованным хотя бы в малейшей, хотя бы в крошечной доле в работе для строительства социализма.

Я смело могу сказать, что здесь мы наблюдаем явление глубокого и исключительного порядка. Но эти явления общи им всем, а не одному только Икову, ибо Иков говорил здесь устами всех подсудимых.

Вы учите это, товарищи судьи, и помогите этим далеко не рядовым и с большими знаниями людям выбраться из морального и идейного тупика, в который они попали. Предоставьте им возможность на деле доказать, что сейчас, в эту изумительную эпоху, в эпоху огромного творческого размаха, в эпоху, когда еще может быть, предстоит большие бури и шквалы, на деле проявить свое раскаяние и преданность рабочему классу.

Вы учите, товарищи судьи, и другой момент. Вы учите то, что в результате их искренности, в результате их разоблачения, в результате их правдивого рассказа перед всем миром обнажено подлинное лицо II Интернационала.

Вы учите и то, что в результате их разоблачений, этим процессом нанесен смертельный удар русскому меньшевизму и тяжкий удар меньшевизму мировому.

Председатель. Объявляется перерыв на 10 минут.

Председатель. Заседание возобновляется.

Слово имеет защитник Коммодов.

Коммодов

— В настоящем деле, несомненно историческом, есть, товарищи судьи, ряд положений, совершенно очевидных и совершенно бесспорных. Одним из таких, совершенно бесспорных положений для обеих сторон является характер совершенного преступления и объем его. И то и другое очерчено рамками обвинительного заключения. Если бы защита попыталась в области фактической что-либо опровергать или попыталась бы давать иную юридическую квалификацию преступлению, она неизбежно вступила бы в противоречие с показаниями обвиняе-

мых, с показаниями свидетелей, с приобретенными и оглашенными документами и с прямым текстом закона. При таких условиях надеяться убедить суд невозможно. Результатом было бы то, что мы не только не убедили бы суд, но мы не убедили бы самих себя. Несомненно, что бесспорность фактов и бесспорность обвинительной аргументации значительно суживают задачу защиты. Бесспорной для нас является и та оценка общественного значения настоящего процесса, которую здесь дал государственный обвинитель. Дать иную оценку этому процессу—это значит не только принизить процесс, не только потерять чутье к действительности, но, самое главное, не понять, что настоящий процесс является отражением борьбы двух противоречивых систем, отражением борьбы двух эпох. Для каждого очевидно, что исход этой борьбы имеет решающее значение. И не только для судеб русской революции, но и для судьбы революции международной. Бывают моменты в жизни народа, когда суд делается местом политической битвы, и нельзя после этого в какой бы то ни было мере умалять значимость совершенных преступлений и общественного значения настоящего процесса. Очень хорошо, что «Союзное бюро» не имело массовой работы. Это очень хорошо. Это заранее предreshало неуспех в борьбе. Когда нет широкой социальной базы, на которую можно опереться в борьбе, нужно заранее оставить надежды на успех. А что такой социальной базы в борьбе меньшевиков с большевиками не было, об этом буквально говорят все подсудимые. Вспомните показания по этому вопросу подсудимого Шера, который сказал, что «в смысле массовой работы мы были в тупике». Единственный представитель рабочих в «Союзном бюро» Волков по этому вопросу говорит: «Настраивание рабочих в рассматриваемый период времени не давало надежды на сколько-нибудь благоприятные результаты работы среди них, в смысле втягивания их в организацию и вызова среди них сочувствия к меньшевистскому движению». Волков в одном ошибся, Волков в одном неправ. Утрата влияния меньшевиков в рабочих массах была не в последний период революции, а была много раньше, она была на заре еще революции, она была тогда, когда пролетариат, до меткому выражению Маркса, «был классом больше для других, чем классом для самого себя». Утрата влияния среди рабочих масс на заре революции не дала возможности меньшевикам притти к власти и удержать эту власть. Не они отошли от масс, массы отошли от них, и результатом этого был переход власти к большевикам. Но отсутствие широкой социальной базы для борьбы имело другой отрицательный результат для них. Силой логики вещей, силой диалектики борьбы

они должны были прийти к необходимости, благодаря отсутствию такой широкой социальной базы, к блоку с другими контрреволюционными партиями. Но, если факт борьбы бесспорен, естественным является вопрос — чем же обуславливалась, чем стимулировалась, чем объясняется эта борьба. Я лично думаю, что она объясняется идеологической сущностью той политической платформы, которая есть у меньшевиков. Ведь совершенно бесспорно, что существо партии меньшевиков, если отшелушить революционную фразеологию, которая является больше политической косметикой, нежели, искренней декларацией, если отшелушить эту фразеологию, существо этой партии — буржуазно-реставраторское. Мне не нужно теперь доказывать это ссылками на официальный документ, который есть у вас перед глазами в виде «платформы» 1924 года. Это сделал вчера тов. Крыленко. Но так партию меньшевиков характеризуют сами обвиняемые. Я позволю себе сослаться на показание обвиняемого Суханова от 14 января с. г. Он говорит: «Неосуществимость социализма в СССР, хозяйственная разруха, именно как результат социалистического строительства, необходимость смены пролетарской диктатуры демократическим государством и пятилетки и генерального плана свободным развитием государственных сил, составляют главное содержание пропаганды РСДРП и «Союзного бюро». В этом смысле постоянно вырабатывались и давались директивы на многочисленных совещаниях его членов».

Вот вам совершенно точное, совершенное четкое, совершенное ясное определение содержания партии меньшевиков устами обвиняемого Суханова. Поэтому никакому сомнению не подлежит буржуазно-реставраторский характер этой партии. А ведь это к чему-нибудь обязывает. Это обязывает не только к логическим выводам, это обязывает к практическим выводам, это обязывает к борьбе. Но ведь этого мало. Идеологическая сущность партии формирует мировоззрение того, кто к ней принадлежит, она ложится в основу его миропонимания, она ложится в основу его поведения, как такового. И если мы возьмем миропонимание меньшевиков в применении и оценке Октябрьской революции, то мы отметим одну характерную черту для них — это отсутствие веры в эту революцию. Меньшевики не верят и меньшевики не верили, что тот исторический прогноз, который поставлен днями Октябрьской революции, правилен. Они не верили и не верят, что Октябрьская революция есть сила, не только разрушающая, но и создающая. Они не верили и не верят, что в истории развития человечества Октябрьская революция есть фактор прогрессирующий. Они не верили и не ве-

рят, что Октябрьская революция может успешно построить социализм в России. Они не верят в силу народных масс, в силу рабочего класса. В этом смысле они составляют полную противоположность большевиков, которые поставили правильный прогноз исторических дней Октябрьской революции, взявши на себя всю историческую ответственность за переворот, верят в правоту своего дела, верят в народный разум, верят в коллективные силы рабочего класса.

Но если правильно, что вера без дел мертва, то не менее правильно и обратное, что дела без веры тоже мертвы. Большевики верят и эта вера дает им возможность двигать горами. Такого рода мирозерцание меньшевиков создает особую призму восприятия и оценки всех буквально явлений жизни.

Я приведу вам как иллюстрацию своей мысли три мнения различных членов «Союзного бюро» по трем основным вопросам современной политики: по вопросу о возможности собственными силами поднять народное хозяйство, по вопросу о колхозном движении и по вопросу о пятилетке. Подсудимый Берлацкий говорит: «Я приехал с Дальнего Востока с убеждением, что советская власть своими силами не может восстановить народное хозяйство. Поэтому расширение нэпа является необходимым». Вот вам одно мнение.

Вот вам мнение подсудимого Суханова о колхозном движении: «Третий этап колхозного движения неизбежно будет сопровождаться», как он выражается, «самораскрестьяниванием мужика, уничтожением его огромной части основного капитала, особенно скота и инвентаря, что неминуемо должно привести к катастрофе. Колхозы неорганизованы и нежизнеспособны». Вот второе мнение.

Вот мнение о пятилетке подсудимого Громана, который дал его на докладе в пленуме: «Я в общем дал скептическую оценку хозяйства, указал на несогласование отдельных элементов, на диспропорцию в намеченном развитии отдельных отраслей хозяйства, на недостаток сырьевых и продовольственных ресурсов, на недостаток кадров, на отставание в развитии сельского хозяйства».

Вот различные мнения трех членов «Союзного бюро». И вы видите, что все они даны в одних тонах, в одних линиях — это линия безысходного пессимизма, это — линия того скепсиса, о котором говорил в докладе Громан, и что мудреного и удивительного, что при таком восприятии и такой оценке каждая неудача, которая была при проведении этих мер, трактовалась как неосуществимость этих мер. Что мудреного, что удивительного, что при таком миропонимании неудача в проведении той или иной меры меньшевиками воспринималась как со-

циальный аргумент, подтверждающий их прогноз!

При таком настроении, поскольку оно искренно и вытекает из их убеждения, борьба является естественной и приобретает характер не только логического пафоса, но и пафоса эмоционального. Вот вам стимул борьбы, который вытекает из существа политической платформы партии меньшевиков.

Таковы были стимулы, каковы же были методы этой борьбы? Они менялись, и это понятно. Я позволю себе указать на четыре этапа, на четыре периода, сообразно которым менялись и разнообразились формы и методы этой борьбы.

Первый период характеризуется расчетом на нэп. Исторически это понятно. Вы только что слышали цитату из показаний Берлацкого. Основная предпосылка такова: восстановить народное хозяйство своими силами нельзя. В изолированной стране построить успешно социализм нельзя. Нельзя рассчитывать на революционное движение в ближайшее будущее, поскольку мировая буржуазия еще сильна; отсюда ясно, что советская власть не справится с теми историческими затруднениями, с которыми она естественно сталкивается, и она должна или пасть под тяжестью этих затруднений, или капитулировать перед ними.

Остается ждать и остается регистрировать те общественные явления, которые дают как бы социальный аргумент этому утверждению. И такое явление они нашли: в 1921 году был введен нэп. Как его восприняли меньшевики? По той политической призме восприятия, о которой я говорил, они восприняли нэп как сдачу большевиками своих основных позиций; они восприняли нэп как решительную капитуляцию перед теми историческими трудностями, с которыми столкнулись большевики. А отсюда естественный вывод, естественная директива — нужно помогать, нужно расширять, нужно углублять, нужно внедрять нэп.

Начали помогать и начали ждать. И ждали. Ждали довольно долго — ждали год, ждали два, ждали три и дождались результата обратного, чем думали: нэп не только не стал расширяться, нэп не только не стал отвоевывать одну отрасль хозяйства за другой, но получилось нечто обратное — нэп пошел на убыль, общественный сектор стал завоевывать одну область хозяйства за другой, он вытеснил нэп из производства, из промышленности, а сейчас нэп утратил значительно свой удельный вес уже и в той области, где он являлся товаропроводящим каналом.

Нэп пошел на убыль. Логика жизни обманула меньшевиков, они растерялись. Растерялись, но позиций своих не сдали, — нужно искать иной выход. И они нашли: к этому времени в монолитной партии большевиков начались трещины,

начались отдельные выступления оппозиции. Как восприняли это явление меньшевики? Опять-таки они восприняли это явление как фактор, который должен привести обязательно или к победе правого крыла оппозиции, а вместе с этим к перемене экономического курса, или к падению советской власти. Не удалось перерождение экономическое, — власть падет в результате партийных распрей или должна будет уступить правому крылу.

Отсюда новая директива — помогать выступлениями оппозиции, углублять распри, помогать и правому и «левому» флангу оппозиции. Вот вам историческое объяснение этой директивы — помогать и ждать. И стали ждать. Ждали год, ждали два, ждали три. И дождались — обратного результата! Оба оппозиционные фланга разбиты, единство партии окрепло. Логика жизни второй раз обманула меньшевиков. Они растерялись, но позиций своих не сдали. Надо искать третий выход. И дана новая директива иного характера — директива вредительства.

Первые два периода борьбы охватывают приблизительно промежуток времени в 6—7 лет советского существования. Этот период характеризуется больше политической пропагандой и желанием помочь развитию тех явлений, которые, они считали, неизбежно приведут к падению советской власти. Этот период подсудимый Соколовский назвал «вегетарианским».

Следующий период борьбы имеет иные отличительные черты. Это — период «действия», выразившийся в том, чтобы искусственными мерами разрушить народное хозяйство. Вредительство, с точки зрения построения той логической схемы, достаточно стройной, которая была у меньшевиков, приводит, несомненно, к выводу признания ошибочности своих первоначальных основных положений.

Ведь если приходится искусственными мерами разрушить народное хозяйство, а вредительство иначе нельзя трактовать, то получится, что естественный ход вещей народного хозяйства не разрушит. Да так в действительности и было. Меньшевики не могли не видеть, что с каждым днем народное хозяйство крепло, оно расширяется, нэп идет на убыль, общественный сектор укрепляется, следовательно, расчет на то, что естественный ход жизни разрушит народное хозяйство, не оправдался. Отсюда — логический вывод, отсюда — необходимость новой директивы — вредительства. Мы знаем результаты этой директивы. Вредительство, несомненно, выполнялось, оно причиняло большой ущерб народному хозяйству, вредительство, несомненно, нанесло ряд глубоких ран народному хозяйству, но раны эти все вместе взятые не оказались смертельными. Они кровоточащи, но они не смертельны. Здорово

вый организм предохранил от гангрены. Рабочий энтузиазм переварил это отрицательное, глубоко вредное социальное явление. Логика жизни в третий раз обманула меньшевиков, в третий раз посмеялась над ними. И тогда получилась новая директива, естественная в ходе вещей, — интервенция.

Просчитались на нэпе, просчитались на оппозиции, просчитались на вредительстве, — остается в порядок дня поставить одно и последнее средство — интервенцию. Просчитаются и на ней.

Таковы стимулы, таковы методы борьбы меньшевиков с советской властью.

Я несколько подробно задержался на историческом анализе и методов, и стимулов борьбы. Я сделал это сознательно. Такой исторический анализ помогает не только уяснить и понять социальные явления, но такой исторический анализ дает возможность понять, уяснить линию поведения каждого участника этой борьбы.

В перспективе судебного разбирательства понять линию поведения подсудимого — это значит понять и оценить степень его социальной опасности, а к этому сводится ведь, в конце концов, и решение суда. И если в судебных процессах мотив преступления вообще играет большую роль, в смысле оценки личности, то мотив преступления в политических процессах приобретает совершенно исключительное значение. И это понятно почему: мотив преступления в политических процессах вытекает из всего существа вашего, вытекает из всего вашего мирозерцания. Мотив преступления органически связывается с вашими убеждениями.

Эта органическая связь объясняет то фанатическое упорство, с которым иногда творят преступления и после осуждения, если не отказываются от своих убеждений.

И наоборот. Если человек приходит к убеждению, к выводу, что его убеждения, которыми он жил, его мирозерцание, которым он дышал, его миропонимание, которое лежало во всей его жизни, неправильны, ложны, и если он честен, если он не желает обманывать других и не желает обманывать самого себя, он, как бы ему ни было тяжело, от этих убеждений откажется.

В этом заключается разница между убеждениями и предубеждениями. От убеждений, если человек искренен, если он не желает, повторяю, обманывать себя и других, если он приходит к выводу, что оно неправильно, — он откажется, от предубеждения — почти никогда.

История русской революции много являла подобных примеров. Вчера здесь вспомнили другой процесс — процесс правых эсеров. Мы знаем, что на этом процессе, на этих же самых скамьях сидела другая политическая партия и там были две почти равные половины — одна, ко-

торая отказалась от своих убеждений и искренно перешла на платформу большевиков, а другая, которая цепко держалась прежних, ошибочных своих воззрений. Разве мы, товарищи судьи, не знаем, что многие меньшевики в начале революции держались меньшевистских позиций, но логика жизни убедила их в ошибочности их убеждений, и они самым решительным образом порвали со своим прошлым и теперь являются видными деятелями советского строя. Правда, мы знаем и других, которые прочно укрепились в своих прежних позициях, их неверие стало их убеждением, и сейчас они находятся по ту сторону баррикад, олицетворяя собою «историческую ненужность».

Вот почему в процессе, где совершенно бесспорна фактическая сторона, где совершенно бесспорна юридическая квалификация, наиболее важным моментом является момент уяснения искренности перелома, искренности сознания, искренности желания служить новым идеям, может быть, с таким же пафосом, с таким же упорством, с такой же фанатичностью, с какими человек раньше служил прежним идеям. К этому сводится по преимуществу задача суда в такого рода процессах, где ясна и политическая и юридическая сторона процесса.

Я понимаю то естественное чувство подозрительности, которое всегда бывает у суда к признанию подсудимого. Я это знаю. Но я знаю, товарищи судьи, и другое — я знаю, что бывает такая степень искренности сознания, которая побеждает подозрения, и в отношении защищаемого мною профессора Финн-Енотаевского я имею основание это допустить и я скажу почему.

Финн-Енотаевский не формировал свое мирозерцание под влиянием и под идейным воздействием политической платформы меньшевиков. Вы знаете, что до 1915 года он был большевиком. Вы знаете, что с 1896 года он был осужден как большевик и сидел в тюрьме. В анкете его личного дела это имеется. Следовательно, Финн-Енотаевский не испытывает тех традиций меньшевизма, о которых здесь говорил подсудимый Волков. Но если говорить уже о силе традиций, тогда мы должны принять во внимание, что первоначальное его мирозерцание складывалось по идеям, представляемым партией большевиков. Это необходимо помнить при учете его личности.

Второе обстоятельство, которое необходимо помнить, когда вы будете обсуждать в совещательной комнате судьбу Финн-Енотаевского, это то, что с 1915 г. он отошел от практической политической работы. Он избрал себе другую дорогу, он избрал дорогу научного работника, зарылся в книги, окопался в своем кабинете, стал писать научные работы, он

читает лекции, работает в библиотеках, и музеях, у него уже новая атмосфера жизни, которая его целиком и полностью захватила, настолько захватила, что революция 1917 года, революция 1918 года его не оторвали от этой научной работы. Кто знает: может быть, склад его ума, склад его характера увлек его по этой дороге, но ясно одно — у него нет темперамента политического бойца, у него нет темперамента политического практического деятеля. И лучше всего Финн-Енотаевский это доказал, когда он состоял в «Союзном бюро». Ну, какие могут быть сомнения в том, что Финн-Енотаевский формально подпадает под действие той статьи, которая квалифицирует его преступление? Поскольку он состоял в нелегальной организации и знал, куда он вступает, поскольку он выполнял отдельные поручения, постольку нет никакого сомнения, нет никакого спора о том, что применение ст. 58 У. К. правильно. Но вопрос ставится о степени его практического участия и практической работы в «Союзном бюро». Товарищ Крыленко, с присущим ему остроумием, сказал, что Финн-Енотаевский был ученым консультантом при «Союзном бюро», с одной стороны, и выполнял и диктурьерские поручения — с другой стороны.

Но разве деятельность «Союзного бюро» ограничивалась только этим? Разве мы не знаем, что в сумме деятельности «Союзного бюро» была и вербовка членов, и устройство ячеек, и выработка директив, и выработка планов вредительства, и проводка этих планов в жизнь? Ну, а в этой сумме практической работы участие Финн-Енотаевского вы встречаете? Разве он завербовал хотя одного члена в партию? Разве он, живя в Ленинграде, создал хотя одну ячейку? Он даже на пленумах не бывал, он не являлся живым проводником наиболее преступных планов, вредительских. Это настолько бесспорно, что когда здесь говорили о вредительстве, то Финн-Енотаевского даже не допрашивали.

Разве все это можно исключить? Разве все это не дает характеристики личности? Разве все это не подтверждает действительно, что здесь нет темперамента политического бойца и политического практического работника, а что есть действительно, может быть с некоторыми странностями, ученый, теоретик?

Третье — задолго до своего ареста Финн-Енотаевский отошел от работы в «Союзном бюро». Он отошел в мае 1930 г. Вошел туда позднее, чем другие, и отошел добровольно. Чем я это объясняю? Я объясняю это характером его научной деятельности. Он много лет уже посвятил себя изучению законов движения народного хозяйства. Несомненно, изучая законы движения народного хозяйства, он может быть глубже понимает социальные явления, чем другие, он

может быть более правильно мог заранее поставить прогноз, чем другие. Я приведу вам один пример, подтверждающий мою мысль. Вы помните показания свидетеля Кондратьева, который говорил о взаимоотношениях между ним и Финн-Енотаевским и указывал на то, как много было теоретических споров между ними. И на мой вопрос он сказал, что «да, у нас были большие споры относительно возможностей экономического кризиса в САСШ».

Не забудьте, гг. судьи, что вопрос дебатировался два года тому назад, когда никаких симптомов этого кризиса не было, и вопреки мнению большинства, в особенности свидетеля Кондратьева, Финн-Енотаевский предсказал этот кризис. При чем он указал, что, может быть, кризис не дойдет до той черты, которая до основания потрясет Соединенные Штаты, но что кризис разразится в ближайшем будущем — это бесспорно. Вот такого рода умение предвидеть, возможность поставить прогноз в современных явлениях помогли ему гораздо скорее, чем другим, осознать то великое, то новое социальное переустройство страны, которое происходит теперь.

Он произвел несколько странное впечатление, что дало основание тов. Крыленко говорить о его двойственности. Это не совсем так. Чужачества и странности у людей науки бывают часто, но о двойственности нельзя здесь говорить. Я понимаю двойственность, если человек, желая увильнуть от ответственности, вертится ужом и многого недоговаривает, но если Финн-Енотаевский говорит, что «я в организацию вступил, я в «Союзном бюро» был, я наладил связь с границей, я передавал деньги», то этого вполне достаточно, чтобы обвинить его по ст. 58⁷, по ст. 58⁸, по ст. 58¹¹. Этого вполне достаточно, и никакого значения не имеет, сам ли он передавал деньги или Фридланд передавал деньги Громану, при его содействии. Это не двойственность, это своеобразная черта характера, может быть, действительно более отвлеченного ученого, чем практического политического деятеля. Когда я осознаю все это, — я очень осторожен и сам, может быть, достаточно щепетильно подхожу к сознанию обвиняемых, — я говорю, что в отношении Финн-Енотаевского я вполне допускаю ту степень искренности, которая может победить вашу подозрительность. Товарищи судьи, я прекрасно понимаю, что мне могут сказать — почему такая легкость смены убеждений, почему? Те, кто будет задавать такие вопросы, не понимают темпа жизни, не понимают того, что мы переживаем время, когда год является эпохой, не понимают того, что удача одного крупного начинания может образумить многих. Вспомните показания Кондратьева. Я на него ссылаюсь очень часто, как на человека,

по моему мнению, чрезвычайно сильною в интеллектуальном смысле. Он говорит о том, что «его побудило притти к убеждению о ложности моих выводов. Я думал, как аграрник, что та коллективизация, то колхозное движение, которое проводится, вызовет несомненно возмущение народа, что крестьянство этого не примет, что крестьянство отвернется. Когда я увидел, что это стало фактом, когда я увидел, что массы не протестуют, а протестует верхушечная часть, когда я увидел, что 50—60% перешло в колхозы, я понял, что это — уже жизнь, тогда я пришел к выводу, что не могу я держаться дальше этих убеждений».

Характер тех научных работ, которые проводил Финн-Енотаевский, они могли его скорее, чем другие, привести к его внутреннему перелому, его внутреннему осознанию ложности своих прежних выводов.

Тов. Крыленко не требовал для него длительной изоляции. В суде такой высокой квалификации, который знает не только принципы карательной политики,

но в оценке людей, в особенности по политическим процессам, руководствуется и иными не менее важными соображениями, рецептировать срок наказания как-то неудобно. Я желал бы только одного, чтобы приговор Специального присутствия Верховного суда СССР не оторвал Финн-Енотаевского от той его научной работы, которую он ведет, укрепил бы в нем веру в силу революции, в которой он однажды поколебался. Это даст ему возможность морально сравнительно легко перенести наказание и быть полезным новой России. А он может быть полезным. У него большой научный багаж, у него много научных трудов. У него много любви к своей научной работе, и я не сомневаюсь, что Особое присутствие Верховного суда даст ему возможность этим заниматься.

Вот те краткие доводы, которые я считал возможным, выполняя возложенную на меня обязанность, сказать в защиту Финн-Енотаевского.

Председатель. Подсудимый Громан имеет слово.

ЗАЩИТИТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ ПОДСУДИМЫХ

Громан

— Представитель государственного обвинения потребовал по отношению ко мне высшей меры социальной защиты. Я говорю здесь в порядке защитительной речи, но защищать мне нечего. И на предварительном следствии и на судебном следствии я признал свою вину. Я стремился раскрыть все, что мне известно о контрреволюционных фактах и замыслах в деятельности моей и моих соратников, а также руководителей, находящихся за границей и входящих во II Интернационал. Мне пришлось уже вместе с другими обвиняемыми высказаться по поводу того ложного опровержения, которое было опубликовано в газете, по поводу ложного свидетельства Абрамовича. Зачем тогда, казалось бы, говорить мне? Но та роль, которую я играл, которая вскрыта судебным следствием, оценена государственным обвинением, заставляет меня объяснить Верховному суду причины, приведшие меня к той цепи заблуждений и тяжких преступлений, которые являются предметом судебного разбирательства и послужат основанием приговора.

Я должен при этом говорить не только о себе. По той роли, которая придана мне государственным обвинением, я должен говорить также и о той организации, одним из руководящих членов которой я был.

Эта организация носила название «Союзного бюро» ЦК российской социал-демократической рабочей партии». И очевидно, что эволюция этой партии должна

объяснить возникновение и эту ее, наденую, последнюю форму организации.

Учение Маркса, которое внесло в мир совершенно новое понимание законов исторического развития и сложилось, по определению Ленина, из трех источников — германской философии, французского социализма и английской политической экономии, — называется научным социализмом и научным анализом. Это учение открыло неизбежность исторической гибели буржуазного строя и эту неизбежность доказало и предвосхитило, дав формулу, гласящую, что оно научно потому, что революционно, и революционно потому, что научно. Но когда это учение проникло в крестьянскую Россию с едва начавшимся развитием капиталистических отношений, — как известно на русский язык «Капитал» Маркса был переведен даже раньше чем на другие языки, — то оно встретилось здесь с развитым утопическим социалистическим народническим движением, крах которого послужил формальным основанием для образования группы «Освобождения труда», созданной Плехановым, Аксельродом, Дейчем и Засулич в 1889 году в Женеве. Вот начало русской социал-демократии. Началась она с того, что Плеханов провозгласил лозунг, что «Русской революции совсем не будет или она будет, как рабочее движение». С начала 80-х годов были уже признаки и зачатки социал-демократической организации, связывавшейся с рабочими уже не так, как связывалась «Народная Воля», которая пыталась видеть в них только передовых борцов с самодержавием, а под углом

зрения возбуждения классового самосознания, классового движения рабочих масс.

Это движение мысли и движение общей социальной воли проникло в умы интеллигенции и явилось основой проявления легального марксизма. И вот уже в отношении к легальному марксизму среди членов революционной социал-демократии, которая шла тогда за группой «Освобождения труда», появились оттенки. Известна полемика Ленина, под фамилией Тулина, со Струве, представителем легального марксизма. Известны его упреки даже Плеханову за недостаточный отпор легальному марксизму, когда он хотел выхолостить из марксизма идею непримиримой классовой борьбы. Когда Струве кончал свои критические очерки словами: «Признаем нашу некультурность и пойдём на выучку к капитализму», Ленин отвечал: «Мы не учиться у капитализма, а бороться с капитализмом будем, признавая его неизбежность».

В этот период зародился только оттенок, который дальше развился в тот знаменитый спор, который привел к образованию меньшинства на II съезде РСДРП по так называемому организационному вопросу. Уже этот спор свидетельствовал об отпочковании новой группировки среди революционной социал-демократии, группировки, которая хотела объединить в рядах партии и тех лиц, которые не входили в организацию, непосредственно борющуюся с правительством, с самодержавием и с капиталом.

Только в первую революцию появились две тактики: тактика революционного пролетариата, борющегося в союзе с революционным крестьянством за революционную ликвидацию феодальных отношений, за революционную ликвидацию самодержавного строя; и другая тактика, которая политически стоит за революцию буржуазную, в то время как большевики боролись за федеративные комитеты, за политическую революцию, за республику демократическую. Эта вторая тактика уже ставила ставку не на союз с революционным крестьянством, а на соглашение с либеральной буржуазией.

Две тактики появились в первой революции. Первая революция разбита. Собираются силы для подготовки новой революции и составляется блок большевиков и меньшевиков партийцев, которые стоят за то, что нужно готовить новую революцию, выбрасывается эволюционный лозунг, меняется тактика и даже говорится об участии в выборах в Думу. Но в то время как большевики выдвигают лозунги демократической республики и конфискации помещичьих земель, появляется огромное течение, которое говорит о всеобщем избирательном праве, о пересмотре законодательства 3-й думы, появляется течение, говорящее о

том, что нелегальные формы борьбы отжили свое время и что нужно перейти на легальное движение, появляется ликвидаторство, появляются попытки объединить все течения и т. д.

Мы видим уже здесь следующий этап. Там было признание политической революции, демократической республики. А второй этап говорит о возможности и в политической области оппортунистической тактики, не говоря уже об аграрном вопросе. Появляется и формируется оппортунизм, появляется реформизм.

Вы знаете, что перед самой войной окрепла организация подполья, куда к чести и к счастью для себя вошла и часть меньшевиков партийцев. Уже началось массовое движение пролетариата. После «Лены» был «Баку», после «Баку» был «Петербург». Были уже баррикады, разразилась война. Но вот эти две ветви рабочего движения, две ветви социал-демократического движения уже раскалываются на непримиримо враждующие. С одной стороны революционный лозунг — превращение империалистической войны в гражданскую, а с другой стороны — защита отечества вместе со своей буржуазией. Создаются целые теории о том, что союз демократических государств должен бороться с милитаризмом, с феодальным юнкерством Германии. В этот союз включается и царская феодальная Россия. Появляются защитники эволюционного развития, которые приезжают в Россию из-за границы, приезжает Тома, которого я сам лично слышал, и, что самое важное, появляется практика коалиции с буржуазией, задачей которой было не допускать проявления недовольства масс войной, чтобы не парализовать тыла, не парализовать обороноспособности.

Эта практика коалиции во время войны с буржуазными правительствами заложила те семена, из которых потом могли вырасти контрреволюционные плоды вредительства и активной поддержки интервенции. Русский рабочий класс, русское крестьянство, одетые в солдатские шинели, до конца не захотели служить капиталистическим целям, целям царизма. Они сбросили в феврале царя, они недвусмысленно заявили о том, что дальше воевать мы не хотим. Чем же отвечают соглашатели? Чем же отвечает ветвь социал-демократии? Они принимают лозунг «без аннексий и контрибуций, но продолжение войны». А войну ведут не эти силы, войну ведут силы империалистические, силы капитализма. Я уже имел случай сказать в ответ на вопрос представителя государственного обвинения, что никак нельзя не обнаружить какого-нибудь влияния коалиции на содержание мирного договора, который последует. Значит, питали себя иллюзией о том, что, участвуя в обороне, можно оказать влияние и на исход войны. Рабочий класс,

и, прежде всего, крестьяне и солдатские массы, состоящие из крестьян и рабочих, эту двойную цепь коалиции с буржуазией и с демократическим миром дальше терпеть не хотели и, возглавляемые большевиками, произвели Октябрьскую революцию. Большевики уходят со съезда советов. Появляется тактика саботажа, появляется теория третьей силы, которая должна бороться и с большевиками и с реакционной буржуазией. Ничтожность этой силы обнаруживается с чрезвычайной быстротой. Колчак и Деникин наступают, создается коалиция 14 держав, поддерживающая их. В социал-демократии происходит раскол. Последний раз до настоящего момента значительная часть и по счастью большая часть социал-демократической партии приняла постановление о мобилизации своих сил для борьбы с Деникиным, Колчаком и интервенцией. Но появилась значительная группа, тогда исключенная из партии, которая уже тогда стала активной сторонницей борьбы на стороне Деникина и Колчака под лицемерным лозунгом объективной прогрессивности этого движения. В этот период стало складываться деловое сотрудничество группы меньшевиков, как мобилизованной, так и немобилизованной партией в советской системе. Но политические позиции меньшевизма остаются в силе.

Вот все то, что разделяло нас еще в период легального марксизма, — недооценка революционного значения государственной власти, взятой пролетариатом, ее экономической значимости, недооценка формулы Энгельса, что «мы для того и боремся за диктатуру пролетариата, что она представляет и экономическую мощь», констатация невозможности построения социализма в одной стране, это доктринерство прежде всего ставило эту часть социал-демократии во враждебные отношения к советскому строю. Оставив тактику саботажа, допустив деловое сотрудничество, она все же продолжала политическую борьбу путем агитации, пропаганды организации сил диктатуры пролетариата, которая уже тогда стала диктатурой ВКП.

Объявляется нэп. Она толкуется не как временное отступление для последующего наступления, а как отказ от социалистического наступления. Усиливается политическая агитация, меньшевизм терпит прямой разгром, им предлагается на выбор или уехать за границу или идти в ссылку. Большая часть руководителей уезжает за границу, часть идет в ссылку, часть остается неарестованной и не высывается, не эмигрирует, ей не приказывают и она добровольно не уезжает. Это та группа советских работников, которая в период мобилизации для борьбы с Деникиным уже известным образом сработалась с советской властью, та группа меньшевиков, которая думала

и рассчитывала, что вместе с большевиками они будут расширять и углублять нэп, которая тогда добросовестно сотрудничала с советской властью. Но сохранилась идея, что все это творится в расчете на принятие нашей программы. И постепенно даже те элементы, которые в «платформе» 1924 года признавали необходимость мобилизации вместе с большевиками для борьбы с Деникиным и под руководством коммунистической партии, признавали необходимость в широкой степени сохранения промышленности в руках государства, сползают на иную тактику. Мы уже видим появление платформы 1924 г., которая допускает лишь жалкие остатки государственных предприятий, где прямо и определенно сказано, что советское хозяйство должно возрождаться на капиталистических основаниях. Тогда появилась формула, что диктатура пролетариата падет не от упадка производительных сил, а от развития производительных сил, потому что мыслилось тогда, как и цитировалось в обвинительном заключении, что советская власть все больше и больше будет привлекать и частный и иностранный капитал и, таким образом, будет развивать производительные силы.

Европейскому пролетариату история не дала возможность осуществить Октябрьскую революцию, в значительной мере, а возможно, и только потому, что практика социал-демократической партии уже до войны создала колоссальную профсоюзную бюрократию, огромную армию депутатов социал-демократов, с ее делениями, аристократической верхушкой пролетариата, с вовлечением сначала называвшихся попутчиками, а потом ставших органическими членами социал-демократии представителей технической интеллигенции. Эта эволюция завершилась социальным предательством в эпоху мировой войны, а после ее прекращения — расстрелами рабочих под руководством Носке, убийствами Розы Люксембург и Карла Либкнехта для того, чтобы предупредить коммунистическую революцию. Формула обеспечения новой революции, данная Мартовым в 1920 году, сменилась признанием эпохи восстановления, стабилизации капитализма с дальнейшей его рационализацией и организованностью.

Таким образом, мировая революция откладывалась на неопределенное, во всяком случае далекое, будущее, и тогда для России фактически социализм уже категорически отвергался, и уже первые признаки ограничения нэпа побудили и ту группу советских или осоветившихся меньшевиков, которые формально отошли от партии кто в 1920, кто в 1921, кто в 1922 году, вновь возобновить в начале 1926 года, как вы слышали на судебном

следствии, попытки образования инициативной группы для воссоздания меньшевистской организации.

Тогда ставилась задача противодействовать этой ликвидации нэпа, противопоставлять государственным планам свои планы, пользуясь специальными методами доказательства, методами убеждения, использовать свои специальные знания. Ставился вопрос и об обращении к рабочим. Вы слышали и знаете, что попытки, сделанные в этом отношении, не привели ни к каким результатам: рабочая среда не пошла с нами, даже и в этой стадии, когда о вредительстве, об интервенции мы не говорили и не думали.

Но вот появляется троцкистская оппозиция с ее «левыми» экономическими лозунгами, с ее требованиями свободы дискуссий, свободы образования группировок. Заграничный меньшевизм и внутри, и особенно вне страны, который меньше нас ощущал общую атмосферу Советского Союза, хватается за эти лозунги в расчете на то, чтобы их расширить, чтобы превратить эту демократизацию партии с этими свободами дискуссий, со свободами группировок в демократизацию прав, в демократизацию выборов в советы, в ликвидацию диктатуры.

Оживляются политические надежды меньшевизма с его преклонением перед демократическими органами, с его верой, что только последовательная демократическая форма может совершить революцию. Забыты слова Энгельса, уже старика, сказанные в 84 году, забыты слова Бебеля о том, что в момент переворота мы не можем рассчитывать на то, что за нас будет большинство избирателей, большинство наций — это для Германии того времени в 84 году. Появляются надежды на политические преобразования, за которыми последуют изменения социально-экономической политики. Надежды эти падают. Оппозиция разгромлена. XV съезд принимает решение о решительном социалистическом наступлении, о приступе к социалистическому преобразованию всех отношений в стране, о приступе к социалистическому переустройству деревни. Все наше мировоззрение, которое складывалось и развивалось под указанными мной влияниями, противилось восприятию этого лозунга. Мы признали его утопичным, мы признали его несущим бедствие, мы старались обмануть себя тем, что оно несет катастрофу и рабочему классу. Мы получили как раз в это время, в момент конца съезда, через Петунина директиву Дана, с указанием на то, что нужно приступить к обостренному саботажу, чтобы мешать этому утопичному, несущему бедствие плану.

Таковыми доводами и аргументами мы убеждали себя, пытались убедить и советскую власть в наших официальных

выступлениях. Начались выступления по конъюнктуре, по контрольным цифрам, где всяческими доводами, правдами и неправдами, пытались доказать невозможность осуществления этого плана. А когда он все-таки был принят, то ставилось уже задачей помешать этому осуществлению. Мы стали на путь вредительства.

1928 год, его середина, это начало нашего пути, это момент, когда мы вступили в переговоры с будущей «ТКП», в лице Кондратьева. И в этот-то момент приезжает Абрамович и развивает нам целую концепцию, которую в заглушенной форме мы слышали уже частично раньше от Дана, видели в «Социалистическом вестнике», в «Гезельшафт» у Каутского, в резолюциях II Интернационала, — концепцию, что настал момент решительной борьбы между II и III Интернационалами, что в этой борьбе можно и должно использовать несовместимость социалистически развивающейся и строящей социализм страны с капиталистическим миром, что столкновение здесь неизбежно, и что оно не только неизбежно, но что мы члены II Интернационала должны принять активное участие в этой интервенции, что мы таким путем ликвидируем этот утопический опыт. Но мало того — мы ликвидируем и Коминтерн. Они всегда аргументировали неизбежностью банкротства, неизбежностью краха. Эти аргументы, как цитировал представитель государственного обвинения, дошли до масс в 1930 году в последнем воззвании II Интернационала о том, что неизбежен голод, неизбежен крах большевизма.

Но были еще подспудные аргументы. Говорилось о том, что большевики имеют видимый успех, что приезжающие сюда рабочие и те цифры, компетентность которых невозможно было отрицать, свидетельствуют об этих успехах. Наконец буржуазные специалисты, которые здесь были, говорили об успехах построения новых фабрик и заводов и организаций, говорили об улучшении положения рабочих, что это оказывает влияние на пролетариат и возбуждает симпатию к ВКП, к Советскому Союзу, к Коминтерну и усиливает, таким образом, их в борьбе со II Интернационалом. Поэтому в целях самозащиты II Интернационал должен стать на путь поддержки интервенции.

Здесь делались, конечно, указания на то, что этой поддержкой мы сумеем предотвратить господство и победу самых крайних реакционных сил. Но я уже говорил на судебном следствии, что 100% уверенности не было ни у кого. Но для того, чтобы цель была достигнута, решились на риск, даже на победу крайней реакции, правда, всемерно стараясь убедить себя и убедить других, что нам удастся при помощи II Интерна-

ционала предотвратить победу крайней реакции и удержать демократические формы после ликвидации строя пролетарской диктатуры, тем более, логика борьбы ставила перед Абрамовичем вопрос о том, чтобы указать нам на необходимость усиления нашей дезорганизаторской вредительской работы, на необходимость использования нашего положения, как ученых специалистов, занимающих ответственные посты и могущих создать организационные ячейки. Там говорилось и о связях со всеми другими антисоветскими партиями. О этих действительных связях в этой борьбе рассказывать суду и повторять все факты этой борьбы, которые прошли перед судебным следствием, нет надобности.

Я должен теперь перейти к оценке всего того, что было сделано. Та квалификация, которая дана была обвинительным заключением и обвинительной речью, с точки зрения моего теперешнего сознания — квалификация справедливая, верная. Историческая роль оценена так, как она должна быть оценена.

Я должен сказать, что было обрисовано здесь Рамзиным и подтверждено мною, что когда получились сведения об отсрочке интервенции в 1930 г., когда мы спросили себя, готовы ли мы внутренними силами ее проводить, то одна группировка за другой ответили, что нет. Стали говорить о будущем годе. Одним из аргументов было то движение, которое было оценено в показаниях Суханова, и которое, может быть, еще резче оценивал я, как насильственную меру, которая дезорганизует хозяйство. Я говорил о 30% вероятного падения посевных площадей. И вот, когда в этой атмосфере признания, что мы бессильны сейчас, когда мы ожидали этой катастрофы, такой очевидной и явной (когда собрался XVI съезд партии, я был еще на свободе), когда выявилось, что нет не только падения посевов, а есть рост посевной площади, когда были вскрыты все огромные произведенные уже строительства, когда были вскрыты все достигнутые уже успехи промышленности, когда обрисованы уже были результаты и сопоставления и ударничества, глубокие сомнения, еще до заключения в камеру, охватили меня. И здесь я передумал уже и историю социал-демократии, которую, я, как мог, изложил сейчас, и свою собственную.

Я должен рассказать суду свою политическую биографию. Суд, может быть, найдет в этом некоторые материалы для решения того, какую меру социальной защиты нужно принять в отношении меня.

В 1889 году 15-летним мальчиком я прочел программу работников Лассала. Я впервые узнал о величественной перспективе союза науки и труда, о которой говорил Лассаль, для освобождения

труда и всего человечества от оков капитализма. Я был исключен из гимназии вследствие создавшегося во мне такого революционного настроения, я вошел в кружки самые первые, приуроченные к 1891 году, где стал изучать марксизм у Ж. Якубова, о котором есть литературные указания. Я стал готовиться к революционной борьбе, но вместе с тем я еще под давлением моей семьи сделал попытку кончить гимназию и поступить в университет, что было достигнуто. В университете я сближался и со студенческими организациями, и специально марксистскими кружками, организовывал вместе с рабочими, но студенческие организации поглотили больше мое внимание и в их недрах я совершил первое свое политическое демонстративное выступление — Ходынская демонстрация, направленная для протеста против самодержавия в 1896 г., за что я был выслан на 3 года в Вятскую губернию. В этой ссылке были и будущие представители меньшевизма — Потресов, Дан, и будущие представители большевизма — П. Бауман, убитый ныне, Воровский, убитый предательской рукой буржуазии. Тогда не было еще меньшевиков и большевиков, но был уже тот оттенок мысли, оттенок настроения, оттенок близости к настроениям революционного пролетариата, о котором я говорил уже при указании на отношение к легальному марксизму Ленина и того же Потресова. Здесь наша организация уже совместно опубликовала протест против кусковского кредо, которая тогда уже пошла непосредственно за Бернштейном от прямого революционного пути, отвергая большевизм как принцип движения. Но этот несомненно интеллигентский, несомненно переоценивающий роль либеральной буржуазии в прядущей революции, не учитывающий контрреволюционной роли русской буржуазии в революции, этот оттенок был уже тогда. И я примкнул к ним. Да, Потресов был старше меня по возрасту и по положению, я был вольный студент, а они были кончившие, они были люди более сложившиеся и под их влиянием в значительной мере формировалось мое политическое сознание. Но тогда все же формула Плеханова, что революция не восторжествует, если рабочих совсем не будет в этом движении, разделялась нами. И поэтому, вырвавшись из ссылки, я принял участие в стачечном комитете в Симферополе, я принял участие в рабочей демонстрации 1901 г., исключительно рабочей, и нес знамя революционной социал-демократии. По этому обвинению я был выслан на 4 года в Восточную Сибирь. Но рядом с этим, моя близость к студенчеству, к интеллигентской среде побудила меня, даже с риском нарушить мое участие в рабочем движении, выступить с речью на могиле кончившего самоубийством вы-

сланного студента. Эти два дела переплелись между собой. В деле рабочей демонстрации я по указанию комитета принял меры к тому, чтобы скрыть свое участие. Кстати, можно вспомнить сейчас, в связи с доказательством алиби Абрамовича, как это делается. Я поехал в Севастополь, нашел там людей, сочувствующих социал-демократическому движению интеллигенции, они решили засвидетельствовать, что я был там в день демонстрации (там несколько часов езды между Симферополем и Севастополем), вернулся в переодетом виде на демонстрацию и принял в ней участие, рискуя быть захваченным непосредственно только в столкновении с полицией. Но такого столкновения не произошло, полиция растерялась. Поэтому на следствии я отрицал свое участие и мне прокурор сказал, что если вы не участвовали, то вы не могли не знать по вашему положению, кто участвовал; мы знаем, что вы только вернулись из ссылки и если вы нам не назовете их, вы будете осуждены, как организатор демонстрации. Я, конечно, не назвал и получил 4 года Восточной Сибири. В Сибири я был вместе с будущим большевиком Шансером, нашим Маратом, который впоследствии принимал огромное участие в движении 1905 г., Ногиным Иваном Ивановичем, Скворцовым-Степановым, большевиком и затем нашим соратником Базаровым. Тогда только появился меньшевизм, доходивший до нас чрезвычайно скупо. Я, в частности, принял должность агента по страхованию кладки для того, чтобы облегчить возможность получения литературы и установления сношений, за что был вторично выслан в село Балахту. Тогда среди нас там не оформились еще до 1904 года, когда я был выслан в Балахту и был совершенно оторван от всякой литературы, нелегальной и легальной, я был там один, — не оформились отношения большевиков и меньшевиков.

Вернувшись из ссылки по амнистии и попав в самом конце 1904 года, в эпоху событий 9-го января, в Тверь (везд в Москву мне был запрещен), я вступил в большевистский комитет. На съезде Союза союзов интеллигенции, в котором я как статистик принял участие — свою статистическую работу я начал в первой ссылке в Орлове Вятской губернии, где выкристаллизовалась уже эта моя сторона жизни, эта моя специальность, я продолжал ее после в Симферополе, где я был помощником заведующего статбюро, продолжал и в ссылке в Сибири, работая над статистическими материалами и посылая статьи в специальные журналы и доклады на статистические съезды, — так вот я опять-таки, помимо участия в комитете, принял участие в меньшевистской организации в роли статистика, в качестве какового участвовал на съезде Союза союзов в июле 1905 года,

где защищал против Миллюкова бойкот булыгинской думы, доказывая, что даже вопроса об участии не надо ставить, что эта дума будет сметена революционным движением народных масс, и я ставил вопрос не о бойкоте участников булыгинской думы, а вопрос о подготовке всеобщей политической стачки.

Я принял в ней практическое участие. Будучи выслан тверским губернатором перед самым манифестом, принял участие в московском народном движении в день объявления манифеста. Я вместе с толпой дрался за освобождение арестованных, рядом со мной были убитые и раненые. Я говорил: не верьте царскому манифесту, настало время решительной схватки, решительной революционной борьбы. Я высказывался за вооруженное восстание, я писал в этом духе, хотя принадлежал уже к объединенной литературной группе меньшевиков и большевиков и политически выкристаллизовался, как меньшевик, я в декабре написал статью «Борьба и вооруженное восстание». Когда восстание разразилось, было разбито, я предпринял обследование, опубликовал книгу «Москва в декабре», где говорил об изменнической роли буржуазии, но вместе с тем дал такое освещение восстания, которое совпало с плехановским лозунгом: «Не надо было браться за оружие», что вызвало резкую отповедь Ленина по поводу этой книги.

Стоя в рядах меньшевистской организации, я принимал участие в рабочих собраниях, в рабочих митингах, где тогда боролись точки зрения большевиков и меньшевиков, и мы приняли тогда известный половинчатый лозунг бойкота в части первой стадии и бойкота во второй стадии лозунга поддержки Думы. В одном вопросе, связанном с крестьянским движением, я тогда целиком стоял и в опубликованных мною работах я говорил, что судьба революции зависит от связи рабочей революции с крестьянской революцией. Но я уже от меньшевистской ячейки отпочковался.

В литературной работе в течение тех двух лет, когда можно было издавать легальные издания, я был в легальной редакционной группе этих изданий, которые издавались в Москве, — издавался ряд еженедельных сборников, где уже мы начали противопоставлять меньшевистские оценки первой революции большевистским, что дальше развилось в то, что я вам говорил.

Вот в эту эпоху из двух существ, которые были во мне, — революционера, стоящего на почве рабочей революции, которая свела бы меня в подпольную организацию, и того, который стоял на почве признания того, что революция потерпела крах, что будет передышка, что настанет эпоха частичных преобразований, быть может, того типа прусских движений, которые были классическими

для германской социал-демократии, когда при Вильгельме, при прусских юнкерах могуче развилось движение социал-демократии (известно, что из большевиков Рожков стал на эту точку зрения и вышел из рядов большевиков, стал на эту точку зрения и я),—я в 1908 году постарался получить разрешение кончить экстерном университет, был оставлен при университете, и моя научная, профессиональная работа взяла верх надо мной. В университете я не остался профессором, так как подал протест против тогдашнего мин. нар. просвещения Кассо, раскассировавшего местных профессоров, чем опять, несомненно, отдал долю солидарности с либеральной буржуазией, которая реагировала так, а не революционным путем. Я сосредоточился на большом практическом исследовании, предпринятом в Пензенской губернии, исследовании, задуманном по большому плану, и тогда я пытался выяснить все классовое строение хозяйства этой части России (оно отличалось наиболее сильным сохранением пережитков феодализма). Я приступил к этой работе с большой энергией. Моя программа была одобрена съездом. Но, что для меня было тогда особенно ценным и важным, это то, что она вызвала интерес и одобрение Владимира Ильича Ленина, о чем опубликовано в собрании его сочинений. Но эта же работа, в которой, как мне казалось, я пользуюсь научной частью, научным орудием—марксизмом для вскрытия социально-хозяйственных сил страны, невольно сблизила меня с интеллигентской средой, со средой оппортунистов и реформистов и даже со средой не социалистов, а с земским третьим элементом. Поэтому мировая война застала меня готовым к восприятию позиции Плеханова, позиции оборончества, которую я и принял. Я принял приглашение меня на службу в Союз городов и приглашение к участию в особых совещаниях по продовольствию, где ставились вопросы о приспособлении народного хозяйства к обслуживанию нужд войны. Но я был в резкой оппозиции к тогдашнему правительству, что выявлялось в моих выступлениях. От революционного пролетариата я отошел далеко. Тут уже моими соратниками была рабочая группа военно-промышленного комитета, которая выступила тогда даже вопреки директивам меньшевистской партии.

Но эта моя практическая работа, моя оппозиционность правительству, мое участие в газетах и, таким образом, моя известность в широких кругах Петрограда, все это привело к тому, что в первый же день Февральской революции, когда собралось первое собрание совета рабочих депутатов (его первым актом было избрание продовольственной комиссии), я был избран председателем этой комиссии, которая должна была работать

для того, чтобы революционный пролетариат, революционные войска не были лишены продовольствия. И здесь я приступил к той тактике действия посредством решительной реквизиции, которой только и можно было достигнуть этой цели и которая вызвала такую вражду ко мне со стороны буржуазных партий, буржуазной печати. Здесь я уже и большевистской частью исполнительного комитета был назначен к должности председателя Центрального продовольственного комитета. Эту должность я и занял.

Я вступил в борьбу с городской эсеро-ской думой, вступил в борьбу с правительством Керенского за более решительные меры регулирования, за более решительное снабжение рабочих. Эта борьба засвидетельствована всей печатью. Городской голова обвинил меня даже в злоупотреблениях, учинил надо мной ревизию, но я при поддержке большевистской фракции, при поддержке фракции Мартова получил доверие исполкома. Но все же я был смещен городской думой с этой должности.

Октябрьская революция. Я через пять дней опубликовываю статью в «Новой жизни» 1 ноября о том, что пора понять, что это не есть авантюра, это есть народное движение, что большевики возглавили народное движение, что политика коалиции изжила себя. Еще в сентябре я во фракции социал-демократов высказался за народное социалистическое министерство и получил во фракции Дана всего 5 голосов. Я не принял тактики саботажа и продолжал работу по продовольствию. Я принял участие на съезде 18 ноября, на продовольственном съезде в Москве всех продовольственных организаций. Но здесь я уже блокировался с кооператорами, я принял их политическую платформу о борьбе за учредительное собрание, допускавшую деловое сотрудничество. В качестве председателя совета в Аничковом дворце я обратился к служащим с предложением прекратить забастовку и саботаж, но вместе с тем предъявил претензии к тому, чтобы от имени совета влиять на политику народного комиссара продовольствия. Я был арестован, но постановлением Совнаркома и ЦИК тогда был освобожден. Со мной начались переговоры, которые благодаря кооперативному участию не кончились успехом. Я сумел настоять на созыве 2-го съезда, где уже блокировался вместе с большевиками, и избран был в продовольственный совет большевиками и пятью меньшевиками. Во главе был поставлен я, моим заместителем Алексей Иванович Рыков. Владимир Ильич Ленин, после длительной беседы, в которой выяснилось, что задачей является спасти организацию от развала немедленно, так как там роль кооператоров была очень значительной, что они

или и перешли наконец на компромисс, принял это, утвердил этот совет. Он функционировал очень короткое время, вместе с народным комиссариатом продовольствия, но затем был упразднен, так как продовольственное совещание членов съезда советов высказалось против него. Я был назначен тогда Александром Дмитриевичем Цюрупа на должность руководителя Северной областной управы, куда выбран был всеми организациями, представителями совета рабочих депутатов, профсоюзами, а также и партийными.

На этой работе я работал в полном контакте до лета 1918 г., когда я высказался за повышение цен, что встретило резкий отпор со стороны Ленина. Я подчинился тогда этому отпору и продолжал работать до конца существования Северной областной управы, затем перешел на службу в ВСНХ. В 1919 г., как я уже говорил, я был мобилизован партией для работы в Чусоснабарме, в 1920 году по предложению Красина я был назначен Советом Труда и Обороны председателем комиссии по вычислению убытков, полученных нами от интервенции и блокады, и вот теперь мне особенно тяжело вспомнить, что я, который считал эти убытки, а они были колоссальные, я доложил об этом Совнарком, о том неисчислимом народнохозяйственном бедствии, подорвавшем народнохозяйственные силы, которое дало выступление Деникина и Колчака и которое, может быть, не имело бы места или по крайней мере имело бы ничтожное значение без поддержки Антанты,—тем не менее я сам поддерживал грядущую интервенцию. Но тогда я с полным убеждением работал, я представил этот счет убытков, который был принят Совнаркомом, потом служил материалом для переговоров в Гене, о чем имеется специальная публикация.

Затем я был приглашен в Госплан. В эти годы, 1919, 1920, я сблизился с Богдановым, с человеком, который был в рядах большевиков, но отошел от них, отошел потому, что пролетарскому революционному социализму, социализму революционных масс он противопоставил идею социализма организаторов. Мне, как интеллигенту, это было очень сродни, я принял участие в устраиваемых совещаниях в Пролеткульте, где обсуждались эти вопросы, я там же принял участие в первой наброске методов построения народнохозяйственного плана. Но, вот, я вступил в Госплан. В это время в Госплане я с чрезвычайно большим научным интересом и с политическим рвением устроения хозяйства, восстановления его начал свою работу (мне тогда казалось, на долгий срок на началах нэпа) по планированию государства. Я принимал участие в этой работе до 1926 года, когда я вступил в инициатив-

ную группу. Здесь, как я уже указывал в том показании, которое было прервано представителем государственного обвинения и который за меня формулировал дальнейшую эволюцию, при чем спросил, удовлетворен ли я формулировкой, я сказал, что удовлетворен формулировкой моей эволюции, но в обвинительном заключении это прозвучало как будто, что я был удовлетворен своей деятельностью. Нет. Я говорю, что в начале моей деятельности я пытался вместе с коммунистической партией восстанавливать хозяйство, но при первых признаках реконструкции социалистического хозяйства я уже стал против, и тогда методы моей борьбы постепенно все усиливались и дошли до тех преступных деяний, которые признаю я и которые признаны в изложенном обвинительном заключении.

Та роль, которую я получил, тот авторитет, который я приобрел, о котором говорил представитель обвинения, в период этой совместной работы с советской властью, я этот авторитет затем употребил во зло, употребил для руководства и организации вредительской работы и поддержки интервенции.

Слагались определенные силы и в советском аппарате. Это — конъюнктурный совет, фактическим руководителем которого я был, где сблизился и будущие члены «Промпартии», и будущие члены «ТКП», и будущие меньшевики, где обменивались суждениями о ходе хозяйства. Затем то же самое было в решениях комиссии по контрольным цифрам. Вначале те, которые потом вошли в меньшевистский центр, резко отгораживались от обеих группировок. Мы поддерживали сначала и индустриализацию, и рост зарплат и капитальное строительство против инженеров и аграрников — будущей «ТКП». Но с момента поворота партии, с 1926 года, мы стали уже, так сказать, договариваться с ними. Тогда был намечен минималистский темп, о чем здесь подробно рассказывали обвиняемый Гинзбург и все другие. Я также в своих показаниях дал указание на эти минималистские задания, которые я отстаивал в 1926 и 1927 гг.

1928 год — это уже переход к вредительству, 1929 год — переход к поддержке интервенции.

Для полноты картины, для полноты судебного следствия и всесторонности вашего суда я скажу и напомним показания Рамзина о том, что мы возражали против военной диктатуры, что мы возражали против диверсионных методов, что мы интервенцию сначала не приняли, а приняли лишь впоследствии. Я укажу на показания Кондратьева на то, что наша программа была левее их, — но все это только для полноты картины.

Если есть закон хозяйственной жизни, что слабое звено определяет сопротивле-

ние среды в данный момент, как сказал Прудон, и поэтому надо воздействовать на это звено, то закон, из которого мы сделали лжевыводы, выводы равнения на узкие места, вместо того, чтобы говорить о законе преодоления узких мест, использования накапливающихся сил, так и тут мы, организационно не имея собственных сил, утешали себя тем, что «Промпартия» в решительный момент окажется слабее нас, что более широкие круги интеллигенции, особенно участие II Интернационала сделает нас более влиятельными и что опасность крайне реакционного исхода контрреволюции и свержения диктатуры советской власти будет ослаблена.

Но, повторяю, и тогда полной уверенности не было, я уже сказал на вопрос государственного обвинителя, что я оценивал из 51% тогда шансы преодоления крайних реакционных сил и возможности влияния на победу демократической точки зрения.

Я осознал всю глубину преступлений против рабочего класса, я осознал всю глубину заблуждений. Я понял и источник этого. Источник этот один, если говорить в терминах разума, в терминах ума, в терминах научности,—это отход от научно-революционного социализма на реформистско-оппортунистический социализм,—социализм, который Маркс характеризовал, что он создан людьми, состоящими из «с одной стороны» и «с другой стороны», когда он говорил о мелкобуржуазном социализме.

Эта двойственность, этот отход от революционного пролетарского научного социализма на рельсы оппортунистического реформистского условного социализма, эта двойственная природа интеллигента, который пытается стать на точку зрения пролетариата, но становится лишь временами и не умеет на ней устоять и удержаться, а катится по наклонной плоскости вниз,—вот эти сомнения у меня были, эта двойственность ощущалась, осознавалась и усугублялась еще двойственностью роли в советском аппарате, необходимостью носить двуличную личину; она, эта двойственность, она, и прежде всего она, привела нас и меня к сознанию необходимости разоружиться, необходимости сказать, что мы—представители того течения, которое потеряло право считать себя связанным с рабочим движением.

Мы—представители тех, кто служит интересам и целям буржуазии. Мы должны осознать, что если меньшевизм не признает своей исторической смерти, то он превратится в труп, разлагающийся движение. Для советской власти это уже ясно, как день. Уже нет рабочих-меньшевиков. На Западе есть рабочие, идущие за реформистской социал-демократической партией. Я думаю, что этот процесс, тот протест против лжи, кото-

рый был опубликован здесь, относительно германской социал-демократии, который сделали я и другие подсудимые,—все это определяет фактическое содержание нашей вредительской работы, нашей поддержки контрреволюции за свержение пролетариата и советской власти; отсюда — наша подготовка интервенции, участие в ней заграничной делегации, участие в ней II Интернационала, что косвенным образом явствует из самых его заявлений, как прямой логический вывод о том, что раз советская власть ведет пролетариат к катастрофе и к гибели революции, значит надо бороться за ее свержение. Мы имеем прямые документы и беседы, о которых мы здесь заявили суду. Мировой пролетариат получит теперь материал, по которому и он теперь сможет оценивать всю степень опасности повторения для него еще в горшей мере того факта социал-предательства, которое было совершено в мировую войну,—я разумею организацию интервенции против первого рабочего государства, государства, строящего социализм, государства пролетарской диктатуры.

Верховному суду предстоит определить меру социальной защиты против меня. Я могу сказать только одно, что, если мне будет дарована жизнь, то все мои силы, все мои знания я употреблю на то, чтобы работать над осуществлением генеральной линии партии, под ее руководством. Вне возможности этой работы мне жизнь не нужна. Мне нужно загладить хотя бы в малой мере те преступления, те огромные тяжкие преступления, которые я, как руководитель контрреволюционной вредительской организации, совершил, подготавливая интервенцию и создав блок с контрреволюционными партиями, идущими далеко в деле борьбы, с теми, которые тот лозунг, который я в юности воспринял—лозунг «Союз науки и труда»—хотели и могли превратить в союз науки с насильниками над трудом, с эксплуататорами над трудящимися. Я пошел в конце жизни с ними.

Если мне будет дарована жизнь, то я ее употреблю на то, чтобы загладить, хотя бы в малой мере, это великое мое преступление.

Председатель. Объявляется перерыв на 15 мин.

Председатель. Заседание возобновляется. Слово имеет подсудимый Суханов.

Суханов

— Вчера государственный обвинитель, требовал по отношению ко мне высшей меры социальной защиты. С самого начала следствия я не делал никаких попыток ни ограничивать, ни как-нибудь сузить объем моего преступления. При малейшем подозрении, выраженном

прокурором на этот счет, я немедленно снова подтвердил суду, что с начала 1929 г., в течение 15 и 16 месяцев, я был в центральном ядре «Союзного бюро» и принимаю на себя всю ответственность за его работу во всем ее объеме.

Что касается той лжи, которую я, очевидно, по-хлестаковски допустил в одном случае на предварительном дознании, то мне казалось, что эта ложь не может вестись в заблуждение следствие. Так и оказалось: на следствии было выяснено, каким путем совершались некоторые из операций «Союзного бюро».

Сейчас мне предстоит произнести мою защитительную речь. Я не намерен, однако, произнести адвокатскую речь в старом смысле этого слова, т. е. мобилизовать и представить вам односторонний материал, который бы имел исключительной целью обелить меня во что бы то ни стало. Я отдаю себе полный отчет в общественном значении данного процесса. Я хочу попытаться представить вам, насколько возможно, исчерпывающий материал, который одинаково может служить и к моему обелению и к моему осуждению. Я хочу выяснить перед вами, насколько это будет доступно моим силам, полностью объем и сущность моего преступления. Для этой цели я считаю совершенно необходимым выяснить перед вами мои взгляды на меньшевизм.

Современный меньшевизм логически вытекает из всей его истории с самого его зарождения. На втором партийном съезде социал-демократической партии в 1903 году, видимо, с'ехались не однородные общественные элементы, не оказалось на этом съезде никаких программных и тактических разногласий, но был на этом съезде человек, который при отсутствии этих разногласий уже тогда умел распознать истинную природу общественных элементов, собравшихся на этот съезд. Как естествоиспытатель Кювье по одному позвонку или зубу мог воссоздать полностью эволюцию допотопного зверя, так этот величайший революционер всех времен и народов при отсутствии программных и тактических разногласий у собравшихся на этом съезде делегатов, по одному первому пункту партийного устава, уже в тумане десятилетий, сумел разглядеть баррикаду, которая отделяет революционный социализм от союза с буржуазией. Для этого надо было быть пророком, и Ленин именно, как пророк, это распознал на втором съезде РСДРП, и я считаю это одним из самых высших проявлений его гениальности, которая позволила ему, во-первых, на свой особый, невиданный в истории лад построить свою партию, а во-вторых, привести ее к первой неслыханной пролетарской победе.

Пророчество Ленина стало сбываться очень скоро. Прошло несколько лет,

меньшевики стали ликвидаторами. Они урезали свои лозунги, они порвали с идеями революции и стали держать курс на реформу. Когда, где, в каких условиях? В условиях царского самодержавия, когда за принадлежность к социалистам, за работу среди рабочих давали каторжные работы, меньшевики проповедовали открыто и легально рабочее движение.

Наступила война и уже оказалось некогда держать курс и на реформу. Время осталось только для того, чтобы воевать вместе с отечественным капиталом и иностранным по выбору и указанию царской дипломатии. Началось органическое сотрудничество с. д. меньшевизма с нашим воюющим капиталом. Этот союз был упрочен, был скован и испытан опнем.

Произошла революция. Все иллюзии, все утопии меньшевистского минимализма были рассеяны. Революция произошла из самых недр, смела в три дня старую государственность. Большевики остались верны себе. Большевики в течение 8 месяцев бились над тем, чтобы народную победу сложить к ногам буржуазии и установить у нас господство капитала. Они были биты вместе с ним.

Наступил Октябрь. Большевики бежали со II съезда советов, где представители десятков миллионов рабочих, солдат и крестьян утверждали свою волю и необходимую программу революции.

Куда бежали меньшевики? Они бежали в «Комитет спасения родины от революции», в стан буржуазии.

После Октября наступил период колебаний, растерянности, самоопределения самих себя. Тут же вскоре наступила и гражданская война. Какую позицию заняли меньшевики? Вы помните, граждане судьи, меньшевики заняли тогда нейтральную позицию, меньшевики провозгласили лозунг: «Прекратите гражданскую войну», лозунг, который был апеллирован к пролетарской власти, лозунг, который означал не что иное, как призыв к капитуляции перед носителями буржуазной власти.

В тот же период началось самоопределение меньшевиков и в международном масштабе. Сначала была идея, благая идея — объединить в интернационале все революционные социалистические элементы, те, которые на завтра пошли в III Интернационал, затем возник так называемый интернационал Венский, идеи изменились, изменились в порядке этой эволюции, в порядке того самоопределения, которое не могло не быть у меньшевиков. Большевики стали на позицию объединенного второго и двухполовинного интернационала.

Эволюция шла дальше — меньшевики слили двухполовинный со вторым интернационалом. Это было примерно около того времени, когда я, участвовавший

с 1917 года в группе Мартова, вынужден был квалифицировать его работу на Гальском партийном собрании, как раскольнический и предательский акт, одновременно выйдя из меньшевистской партии.

Что такое современный меньшевизм? Современный меньшевизм это есть фундамент современного буржуазно-капиталистического общества. В одних случаях, в одних странах меньшевики являются правительством европейских государств, исполняя обычные функции буржуазных правительств, поддерживая строй эксплуатации, империализма и милитаризма. В других случаях они составляют коалицию против революции и пролетариата. В третьих случаях они представляют собой аппарат, на который опирается буржуазно-капиталистическая власть. Всем известно, что германская полиция сверху до низу состоит из социал-демократов.

Но этим не ограничивается представление аппарата буржуазно-капиталистического государства современной социал-демократией. В противоречиях современного общества, когда пролетариат вырос в такую могучую силу, дело не может ограничиться одним государственным аппаратом. Профессиональный аппарат, влияние на рабочее движение, влияние на рабочий класс, без которого сейчас править нигде нельзя, не в смысле его участия, а в том смысле, что нельзя править против воли пролетариата, в центральных и наиболее крупных капиталистических государствах социал-демократия представляет собой гораздо более разветвленный и углубленный, проникающий в пролетарские недр аппарат, который и служит опорой буржуазно-капиталистическому обществу.

Сейчас без социал-демократии править нельзя, можно править только либо с нею, либо по ее воле, несмотря на все ее постоянные оговорки относительно неподходящего, несовременного соотношения сил и несмотря на то, что излюбленным тактическим методом работы социал-демократии служит не что иное, как постоянное соприкосновение с реакцией или контрреволюцией, или военной диктатурой, если рабочие не идут на уступки.

В политике дальнего прицела исторической миссией международной социал-демократии сейчас является укрепление и кристаллизация диктатуры капитала. Классическим примером может служить Австрия, родина левого двухполовинного интернационала, интернационала Отто-Бауэра и Фрица Адлера. Там социал-демократы имели если не всю, так почти всю полноту власти после войны и революции. И это классический пример, как своими руками, шаг за шагом, тихой сапой в течение длинного ряда лет социал-демократия сделала из Австрии фашистское государство. Я говорю о со-

циал-демократии в масштабе международного.

Каковы мои взгляды на русскую, на отечественную социал-демократию?

Наша социал-демократия это не есть оппозиция, это есть контрреволюция; это не есть та оппозиция, которая борется с правительством за изменение курса политики; это не та оппозиция, которая свержает правительство ради осуществления собственных целей; это есть контрреволюция, которая стремится к ниспровержению системы, которая борется не за изменение или не только за изменение существующего курса, которая стремится к свержению правительства не для того, чтобы его дело лучше исполнить, а для того, чтобы это дело разрушить и систему ликвидировать.

Такова современная наша отечественная социал-демократия. Выражение ее, настоящее современное ее лицо мы могли видеть, и оно уже достаточно хорошо было показано. Оно было показано государственным обвинителем, который читал отрывки из платформы 1924 года, действующей до сих пор. Эта платформа есть не что иное, как платформа или программа раздробления революции и уничтожения всего ее социального содержания. Я не буду повторять этой платформы по существу, по отдельным пунктам: это было достаточно не только цитировано, но и комментировано государственным обвинителем. Прибавить, пожалуй, можно было бы только вот что, в основном пункте, в пункте о промышленности, в том смысле, что они согласны оставить в руках государства или, как это мыслила социал-демократия, в руках демократического государства, т. е. в руках народа, из основного сектора народного хозяйства — из промышленности — предлагается оставить не больше того, что было в руках государства при царском самодержавии: почта, телеграф, железные дороги, важнейшие военные предприятия и еще некоторые заводы. Во-первых, и раньше были казенные заводы, принадлежавшие правительству и им эксплуатировавшиеся. Во-вторых, имеется интересная оговорка, — те заводы, которые под силу будет вести государству. С этой точки зрения, конечно, всю мировую буржуазию можно считать страстной сторонницей социальных реформ, восьмичасового рабочего дня, увеличения зарплат, рабочего страхования и т. д. Так и говорит всегда мировая буржуазия: необходимо провести восьмичасовой рабочий день там, где это можно. Ну, а где этого нельзя? Там социал-демократия не говорит.

Эти пункты имеются и формулированы в программе относительно денационализации промышленности. Оговорка говорит именно о тех заводах, о тех предприятиях, которые под силу будет вести государству, остаются же за ними такие

заводы, которые государство вести не может.

Эта программа расхищения народного достояния, программа разграбления революции, по моему глубокому убеждению, вытекает из предыдущего, из всей истории социал-демократии. Большевики могут быть в фиктивной оппозиции к буржуазии, но когда они без буржуазии, когда исчезают капиталисты, большевики представляют из себя рыбу, выброшенную на берег.

Фирсы, — говорил я неоднократно в полемике с меньшевиками, — чеховские Фирсы из «Вишневого сада», — вот кто меньшевики. Вы помните, граждане судьи, как рассуждает этот старый раб: до несчастья, до воли три крепостным праве все было в порядке, — мужики были при господах, а господа при мужиках, а сейчас не разберешь, что к чему.

До несчастья социал-демократии, до революции, все было в порядке, все было понятно. Рабочие при капиталистах, капиталисты при рабочих. А нынче не разберешь, что к чему! Социал-демократы вместе с их программой, как и наши отечественные, так и международные, видят опору в буржуазии. Без этой опоры они не знают, как им быть, они не могут существовать, они не могут найти свое место под солнцем. Отсюда именно, из этой их природы вытекает и их история, отсюда вытекает и платформа 1924 года, платформа уничтожения всего социального содержания революции, их новые установки на вредительство, ставка на интервенцию.

Мне случилось указывать здесь уже на предварительном следствии на то, что я лично не считаю эти установки действительно новыми. Они логически вытекают из той же природы меньшевизма. Это особенно важно отметить для будущей моей личной характеристики. Эти установки вытекают из идеи пораженчества. Ленин говорил в свое время ясно и просто, срывая всякое покрывало с недоумков и обнажая явления: «мы пораженцы и мы не можем быть не пораженцами». Каждая революционная или контрреволюционная партия непременно желает поражения своему правительству, ибо революционные и контрреволюционные силы стремятся к ниспровержению той системы, которая представляется правительством, стоящим у власти. Иначе не может быть никакой последовательности. Если представить себе, что интервенция или война против Советского Союза началась, то можно ли представить себе вместе с тем, что меньшевики не стали бы на пораженческие позиции, что они желали бы победы «варварской диктатуры» над демократическими государствами, в которых они существуют и работают и систему управления которых они хотят установить на месте Советского Союза? Нет, этого представить себе

нельзя. Это значило бы, что они желают поражения самих себя, чего бы быть не могло.

Но если интервенция еще не началась, если она только ожидается, подготавливается, организовывается, тогда как они относятся к ней? Какое логическое умозаключение можно сделать на этот счет? Казалось бы, в настоящее время, когда все средства ликвидации «варварской» большевистской диктатуры уже показали себя негодными, когда все сроки прошли, год за годом, уже десятилетия социал-демократия находится в небытии, без места под солнцем, по ту сторону общечеловечности, — казалось бы, не может быть иной позиции, как позиция сочувствия и содействия тем «великим демократиям», которые являются защитниками интервенции и несут тот самый строй, который описан в их программе, на их штыках. Иначе нельзя себе представить, я не могу себе иначе представить, иначе получается политическая метафизика, а не реальная политика партии, которая хочет существовать и работать. Пусть это презумпция, логически ни на чем не основанный вывод, но, может быть, мне будет позволено проверить его в истории.

Я уже говорил, после Октября началась гражданская война. Большевики выступили с нейтральным лозунгом — «прекратите гражданскую войну». Лозунг был адресован к пролетарскому правительству, носителями гражданской войны были повстанцы, мятежники и интервенты, — те самые, кто нес на своих штыках реставрацию и буржуазную власть. Призыв «прекратите борьбу с мятежниками» означал действительную поддержку интервенции силами социал-демократии. По-моему, в истории это был первый ее акт действительной поддержки интервенции, вытекающий из всей ее руководящей политики и из ее природы.

Другой пример. Вы помните, когда, в момент Октября, глава правительства Керенский бросился на фронт искать верные войска для подавления власти советов, он не нашел на фронте ни единого человека. На помощь ему выступил меньшевистско-эсеровский ЦИК I созыва, и его представитель Войтинский фактически организовал поход против красного Петербурга. Нужно помнить историческую фразу, с которой социал-демократ Войтинский обратился к казачьему генералу Краснову, стороннику романовской династии, когда встретил его на улице, он сказал: «Сам бог послал мне вас». Он повел казачьего генерала Краснова к Керенскому, и там, при помощи его, они, все вместе взятые, организовали армию против красного Петербурга, армию в 600 человек.

Я спрашиваю вас, а если бы социал-демократ Войтинский встретил не сто-

ронника романовской династии, а встретил «благородного» представителя «великой» демократии в офицерском или генеральском мундире, это был бы для него более или менее приемлемый союзник?

Царский генерал Краснов на своем штыке имел, при надлежащем соотношении сил, все основания провести старый самодержавный строй, а апелляция к «благородной» Антанте, работа при помощи ее над уничтожением Советов и пролетарской революции дала бы строй «великой демократии». Я полагаю, что это точно так же является актом, настолько перекрывающим сочувствие, содействие, поддержку интервенции, что это сочувствие и поддержка ее могут быть отнесены отнюдь не к новой полосе переживаемых времен, а ко всей истории социал-демократии и ее борьбе с пролетарским государством.

И еще пример: в конце лета 1918 г. состоялось постановление меньшевистского ЦК о том, чтобы перенести свою резиденцию, центр тяжести меньшевистской работы за Волгу, в стан контрреволюции. Это находится в полном соответствии с тем, что я говорил. Они не умели быть в государственных условиях, где господствует пролетариат, они считали необходимым перейти границу, спрятаться за штыки интервентов. Зачем? Чтобы там вести пораженческую политику? Вести пораженческую политику, чтобы там был установлен тот же самый строй, от которого они бежали? Невозможно себе представить этого. Они шли туда для того, чтобы быть вместе с буржуазной властью, которая шла войной на пролетарское государство.

Наконец, то, на чем я не имею никакой нужды останавливаться, это из истории кавказской интервенции. Вам прекрасно известно, достаточно хорошо расследовано то, как меньшевики приглашали варягов править и владеть ими на предмет защиты,—защиты, которая не отличается, конечно, ни от каких активных действий, защиты своей территории вместе с ее нефтяными ресурсами. Что это такое? Это было сочувствие, поддержка, содействие интервенции. Это было живое и непосредственное участие в ней. Но это история. Быть может, было бы интересно проверить отношение к интервенции социал-демократии в настоящее время. Я не имел под руками никаких документов, не мог никак подготовиться к такого рода интересному и необходимому исследованию. В этом отношении государственный обвинитель сделал очень много, огласив ряд документов и цитат, свидетельствующих о современном отношении международного и нашего меньшевизма к интервенции. Но я спрашиваю, какая, собственно, главная, основная задача международ-

ного и нашего меньшевизма в поддержке интервентов? Большевики не сидят в штабах, меньшевики не вырабатывают стратегических планов, меньшевики, быть может, даже вполне вероятно, не собираются стрелять из пушек и пистолетов. Историческая миссия в процессе подготовки будущей войны против СССР заключается в том, чтобы парализовать основное препятствие, которое имеется у капитала, препятствие, мешающее им открыть военную кампанию. Что же, это содействие этой исторической миссии международный и наш отечественный меньшевизм выявляет или он от нее уклоняется? В цитате, которая здесь оглашалась, имеется достаточно свидетельств, что меньшевики принимают в этом самое активное, самое постоянное и упорное участие в течение многих лет. Преодолеть препятствия—это значит дискредитировать СССР, его правительство, его политику, его хозяйство, убедить в том, что он обречен на провал, что социалистическое государство, построенное на востоке, должно провалиться, и оно мешает нормальному и реальному развитию международного рабочего движения. Но это делают меньшевики. Они убеждают, не скажу на этот раз, тихо, наоборот, бурно, с натиском они выполняют эту историческую миссию. «Форвертс»—центральный орган международной социал-демократии—это есть самая враждебная на земном шаре газета против СССР, этот «Форвертс» снабжается литературой, информацией и агитацией от наших меньшевиков. Не есть ли это самая доподлинная, настоящая интервенционистская работа, которую свойственно выполнять именно социал-демократии? Они содействуют интервенции. Что же, они содействуют, не сочувствуя ей, как они пишут в официальных документах? Может быть, здесь есть нечто меньшевистское—содействовать, не сочувствуя, но я думаю, что это та же политическая метафизика говорить: «этому делу сейчас не сочувствуем и только потому содействуем».

Вредительство, которое составляет огромную долю всего содержания деятельности нашей организации, несмотря на всю обширность этой сферы деятельности, за которую мы обвиняемся,—и я признаю себя виновным,—несмотря на это, в особой самостоятельной теории, я полагаю, вредительство совершенно не нуждается. Пораженчество простирается не только на проблему международных отношений, на войну и мир, оно простирается на каждый шаг, каждое мероприятие, каждый акт советского правительства. Вам известно,—все критикуется, все подвергается сомнению, все считается вредным, все дискредитируется от начала до конца, даже такие мероприятия, как шаги нашей дипломатии, вызывающие восхищение у буржуазного

мира. И они были точно так же оценены, точно так же дискредитируются социал-демократической прессой и в социал-демократических кругах. Неудач желают социал-демократы и не могут не желать тому правительству, которое они считают порождением варварства и врагом социализма, не могут не желать неудач на каждом шагу этого правительства. «Они им сочувствуют, но они им не содействуют», — я полагаю, что и это абстракция: можно не содействовать этим неудачам, если их не существует. Если они начали работать в своих разветвленных организациях, они не могут не содействовать неудачам, т.е. не могут не вести того, что мы называем ныне вредительской политикой.

Может быть, эта политика и тактика меньшевизма нова? Не думаю. Вы помните первоначальный саботаж, — саботаж, к которому прибегали меньшевики в самом начале. В настоящее время саботаж, в качестве пассивных мероприятий, совершенно невозможен. Тогда можно было итти или не итти на советскую службу, ныне нельзя физически существовать. Саботаж волею судеб, по сути самых вещей должен был принять какие-то иные формы. И он принял эти иные новые формы: если раньше он был пассивен, то в настоящее время саботаж неизбежно должен был выразиться в форме активной. И разницы здесь нет, как нет разницы на войне между оборонительными и наступательными операциями.

Фактический материал о вредительстве был здесь вскрыт в достаточной мере. Фактического материала я касаться не буду. Но я подчеркиваю ту мысль, с которой я начал: меньшевизм по самому существу своему, по своей программе порождает именно данную тактику. Без этой тактики он бездушен, бездействен, а если он действует, то он не может не действовать как в области интервенции, так и в области вредительства.

Однако, быть может, все же нужно доказательство, доказательство на основании документа, где говорят о том, что меньшевики сочувствуют интервенции, где говорится о том, что мы вредители? Я назвал бы такую постановку вопроса детской постановкой вопроса. В нашу эпоху политики не говорят языком древних былин, не говорят: «мы, социал-предатели, идем на вас — пролетариев, чтобы посадить вам на плечи капиталистов». Это невозможно. В существующем строе политикам слова даны для того, чтобы скрывать мысли. И припомните историю, как производилось при содействии определенных групп и не только при содействии, как производилось сокрытие фактов возникновения мировой войны теми, кто в действительности сами их возбудили.

Когда она возникла, когда она подготовлялась, точно так же, как при подготовке интервенции, разве кто-нибудь говорил, разве кто-нибудь мог говорить о войне? Тогда все кричали о мире и только могли кричать о мире, подготавливая войну, и, когда война началась, продолжали говорить о желании сохранить мир. Насчет целей войны выдумывали небывлицы и сказки об освобождении пораженных народов, о национальном духе. Все человечество, за малыми исключениями, держалось словами тех, кто производил дела, держалось в заблуждении. Это вытекает из самой природы вещей.

С открытым забралом меньшевики не могут выступать перед той аудиторией, перед которой выступать они считают себя до сих пор призванными, т.е. перед демократией и перед рабочим классом.

Здесь оглашалась совершенно недвусмысленная и отчетливая программа социал-демократов. Но, может быть, она показалась только такой отчетливой и недвусмысленной? Во всем своем контексте, может быть, на самом деле она не так ясна, как она ясна теперь нам в этой зале? Конечно, так на самом деле и есть. Прямым языком в этой платформе требования не формулируются. Государственный обвинитель читал, а вот я себе записал наскоро, как там выражен основной пункт раздробления революции в основном ее секторе, в области денационализации промышленности. В главном предложении так сказано: «РСДРП стремится к собиранию в руках демократического государства», и т. д., т.е. всего того, что было при царизме, а в придаточном предложении сказано, чтобы «в открывающийся период развития капиталистических отношений» запятая, и во втором придаточном сказано: «связанной с широкой денационализацией». Вы видите, что двумя этажами отгорожена от главного тезиса действительная сущность программы. Иначе и быть не может. Нельзя перед рабочим классом, не только нашим, но и Запада, выступать с открытым забралом, с действительной формулировкой существующих программных задач. Это можно делать только таким порядком. Можно притти, как это мы пытались сделать, как пытался делать это я, лично, когда писал прокламацию за полное свержение диктатуры коммунистической партии, можно притти к рабочему, который устал, который недоел, и указать ему на ряд вопиющих недостатков в существующей системе и на тяжелое его положение. Старая истина. Нет довольных своей судьбой.

Можно открыть себе к нему несомненный доступ, но можно ли предложить ему капиталиста? Вот в чем вопрос! Этого сделать нельзя никакой партии, ни-

какой программе. И всякая партия и всякая программа должна визуализировать свои требования и свои программные пункты, насколько это возможно. Говорить нельзя, но делать можно. И, конечно, социал-демократия делала, но не говорила.

Если все же на этом процессе всплыл материал, который свидетельствует документально о позициях социал-демократии по отношению к интервенции и вредительству, то это может считаться лишним бесспорным подтверждением данного факта. Но если бы этого и не было, то для меня, лично, не было бы никакой разницы. Это важно в том смысле, что я с самого начала моего вступления в организацию, с начала 1929 года, когда я принял меньшевизм, то я принял его со всеми его новыми установками—и с интервенцией, и с вредительством.

По отношению к интервенции социал-демократия не может сейчас идти дальше таких формул, как опасность от красного империализма. Может быть, она может немножко сгустить эту формулу—опасность коммунизма для цивилизации. Она может говорить о красном империализме, угрожающем миру, так, как всегда говорило всякое правительство, всякая политическая организация. Но дальше этого они говорить не могут. В области вредительства точно так же нечего искать иных форм или формул освобождения от рабства и противодействия разрушительным планам большевиков.

Итак, таковы мои взгляды на меньшевизм. Между революционным социализмом и меньшевизмом стоит баррикада, та самая, которую разглядел Ленин еще в 1903 г. Ради цели буржуазной реставрации меньшевики и ныне, как и раньше, применяют средство военного вмешательства и дезорганизацию, т.е. вредительство.

Таковы мои взгляды. Откуда взялись они, излагаю ли я их вам впервые, граждане судьи, в порядке моего разоружения, и навели ли эти взгляды мне тюремными стенами? Нет, это не так. Это те мои взгляды, которые выработались во мне и перешли в мое убеждение в течение многих и многих лет, и в моих литературных работах, которые уничтожены физически, вместе со мной, повидимому, быть не могут, останутся эти взгляды. Я могу назвать десятки свидетелей, которым я эти взгляды по частям, в разное время излагал. Эти мои взгляды знает всякий, кто хорошо знает меня. Но тем не менее, излагая эти взгляды, я излагал перед вами не что иное, как сущность моего собственного преступления. Если можно было бы принять все изложенное за краткий обвинительный акт, составленный без материалов, обвинительный акт против меньшевиков, то в данном случае он бы явил-

ся обвинительным актом против меня самого. Но это не вяжется со всем, мною вышесказанным. Но это—факт, который может быть подтвержден всеми моими товарищами по скамье подсудимых. Это—факт, установленный в процессе судебного следствия, и это—факт, подтвержденный и ныне подтверждаемый мною самим. Я должен объяснить перед вами этот факт. Я должен рассказать вам, какими же путями при таких или, может быть, несколько видоизмененных, или несколько смягченных взглядах (может быть, это только мне кажется и не всегда на самом деле эти взгляды были таковыми), я мог прийти в стан врагов революции и разрушителей дела пролетариата.

Я должен вам это объяснить. Может быть, прежде, чем это сделать, вы сочтете возможным дать мне отдохнуть.

Председатель. Объявляется перерыв на 5 минут.

Председатель (к Суханову). Продолжайте.

Суханов. Я не хотел бы отнимать у вас время сколько-нибудь подробным изложением моей, хотя бы и общественной, биографии. Я коснусь ее только в двух словах, в связи с заявлением, брошенным государственным обвинителем о том, что мой путь был извилист. В этом, может быть, есть очень большая доля правды, но, быть может, до известной степени все же это только кажется, а на самом деле путь мой был, быть может, несколько прихотлив, быть может, нелеп, но извилистым он был далеко не так, как в действительности может показаться. Заявление общественного обвинителя вызвано моим упоминанием о том, что в 1903—1904 году я работал в эсеровской партии. В эсеровской партии действительно я начал свою подпольную партийную работу. Я пришел в эсеровскую партию потому, что я принял эсеровскую программу с самого начала и не мог принять в те времена программу социал-демократов. Это была программа та самая, которая была реализована потом Октябрем. В 1904 году, как я уже упоминал, образовалась щель между мной и эсеровской партией в связи с тем обстоятельством, что эсеры, чем дальше, тем больше, стали проявлять свое действительное лицо, и в 1904 или 1906 году, когда я уже сидел в тюрьме, они участвовали в Парижской конференции вместе с Миллюковым и другими представителями буржуазии.

Что касается тактики, я бы сказал, в тактических вопросах, то в течение этих средних лет первого десятилетия между меньшевиками и эсерами, по моему, быть может, я ошибаюсь, существенной разницы не было. И в 1905 году, оставив меньшевиков в тылу, большеви-

ки вместе с эсерами, и я в том числе, были на московских баррикадах. Затем после этого моего разрыва я находился в диком состоянии по причинам, которые излагать здесь не стоит,—это не имеет отношения к процессу и вам было бы неинтересно. Но когда образовалось ликвидаторство, я был против него, с момента войны я был на интернационалистских, на циммервальдовских позициях. Лучшее дело, которое я вообще в моей жизни сделал, это—написание литературных работ интернационалистских, тех работ, которые вышли в эпоху царской цензуры и были почти единственными легальными работами против войны, это—интернационалистские, циммервальдовские работы того времени. Меншевики тогда раскололись. Огромное большинство их стало оборонцами и сторонниками буржуазии. Ничтожное меньшинство, возглавляемое Мартовым, было на интернационалистских позициях. В 1917 году, очень тяжело перенося свое политическое одиночество, состоя только членом литературной группы «Новая жизнь», так называемые большевики второго сорта (так называли их правящие меньшевики и эсеры того времени), тяжело перенося это одиночество, я вошел в группу Мартова. В группе Мартова я пребывал до 1920 г., до упомянутого уже конгресса в Галле и выступления Мартова на этом конгрессе, до этого времени я пребывал действительно в рядах меньшевиков. Я бы сказал, что эта линия не была особенно извилистой линией. Я был всегда на левом крыле социалистов, примыкавшем к партии большевиков. Всегда я считал себя соседом, стоявшим непосредственно у границы, хотя и был за границей большевизма и до революции, и во время войны, и в течение периода советской власти. Изменение наступило потом, о чем речь будет дальше.

Мировая война. Я считал эту мировую войну новой эпохой социальной революции. Октябрьскую революцию, считая себя революционным социалистом, я принял как акт исторически вполне закономерный и в настоящее время на этот счет я не допускаю никаких вопросов и сомнений. В платформе, о которой я говорил на предварительном следствии, которую я выработал сам, пытаясь сколотить свою собственную группу единомышленников, в этой платформе я в первых словах объявлял ренегатами тех, кто хотя бы поставил вопрос об исторической закономерности Октября.

Но была во всем этом всегда, и во время войны и после революции, и другая сторона дела. Ленин в одном из своих произведений сказал: «большевики—это яacobинское крыло российской социал-демократии». Вот это яacobинство большевизма я не принимал. Именно яacobинство отдаляло меня и до и после ре-

волюции от партии большевиков.

В первый период я «выкжелял», если вы помните этот термин. Я вместе с железнодорожным центральным комитетом стремился и в литературной агитации и в качестве члена ЦИК, каковым я тогда был, я стремился к созданию коалиционной власти, т.е. к участию мелкобуржуазных элементов, полагая, что именно это послужит равнодействующей для нашей политики, которая, правда, не лобовой атакой, не путем перебрывания через крестьянство, но приведет нас к социализму, оправдывая несомненную для меня историческую законность Октября. Но власть чем дальше, тем больше кристаллизовалась в форме яacobинской диктатуры. Это толкало меня в оппозицию, но, конечно, не столько власть и ее формы толкали меня в оппозицию, сколько ее политика. Советская власть стала строить социализм методом военного коммунизма. Но этот метод, как думал я тогда, только отдалял нас от социализма, но не приближал к нему. Я считал, что строительство социализма таких методов не выдержит, и Октябрь будет сорван.

Я рассуждал следующим образом: во-первых, я не видел никакой исторической связи между Октябрьской революцией и методом военного коммунизма. Мне казалось, что Октябрьская революция могла бы править отнюдь не методом военного коммунизма, и военный коммунизм коренится отнюдь не в Октябрьской революции. Историческое происхождение военного коммунизма я оценивал совершенно иначе: военный коммунизм коренился, как я был убежден, в условиях и потребностях военного буржуазного хозяйства, военного социализма, как оно тогда называлось в наиболее организованных воюющих странах Запада. Военный коммунизм или военный социализм был отнюдь не в качестве метода социалистического строительства, начатого после Октября. Кто был автором военного коммунизма? Один из моих товарищей по скамье подсудимых—Громан—был автором военного коммунизма, по моему глубокому убеждению. Когда он его провозгласил? Он провозгласил его вскоре после Февральской революции. Он взял в качестве руководителя экономического отдела тогдашнего меньшевистско-эсеровского комитета, взял за горло кадета Шингарева и выдал из него основной элемент военного коммунизма, т.е. хлебную монополию. На хлебной монополии дело не остановилось.

Меньшевистско-эсеровским комитетом была тогда же 16 мая принята программа, которая уже предполагала всю систему, вместе взятую, военного коммунизма.

Это вызвало определенную реакцию со стороны буржуазии, но это вызвало

и иную реакцию. Ленин писал тогда в «Правде», что эта программа, провозглашенная меньшевистско-эсеровским комитетом, есть программа, которую могут поддерживать большевики. И вся левая часть тогдашнего социализма, конечно, не могла не поддерживать этой программы. После Октября она стала давать свои плоды.

Я рассуждал, во-вторых, следующим образом. В конце концов, военный коммунизм в условиях гражданской войны и гражданская война представляют собой экономический нонсенс, абсурд: нельзя же товар в порядке продрозверстки целиком конфисковать у товаро-производителей, оставляя им только то, что нужно для непосредственного потребления. Это нельзя потому, что иначе товара не будет, а если не будет этого товара, то будет голод, всеобщая разруха. Никакая государственная власть, думал я, никакими силами не сможет заставить товаропроизводителя производить товар, если он не может его реализовать. Для меня весь военный коммунизм был нонсенс, и чем дальше, полагал я, тем будет хуже. Я был убежден, что он вскоре даст себя знать.

Разруха, действительно, увеличивалась с каждым месяцем. Казалось, что мы доходим до состояния не только невозможности реализовать социализм, но и вообще всякого существования страны. Но я военный коммунизм считал не только причиной разрухи, я считал военный коммунизм причиной даже и гражданской войны. Правильно ли это было или неправильно? Не война, на мой взгляд, породила военный коммунизм, а военный коммунизм был источником и причиной гражданской войны.

Я помнил гражданскую войну, по крайней мере, ее попытку в 1917 году. Эта попытка гражданской войны, организованная полномочным верховным главнокомандующим в союзе со всей поддерживающей его буржуазией, носит название корниловщины. И эта гражданская война в 1917 году, этот поход Корнилова, направленный против Советов и пролетариата, рассеялся, как дым, при малейшем соприкосновении с силами революции. И мне казалось тогда, правильно или неправильно, что больше, чем корниловщину, не может сделать вся сила нашей слабой, неумелой, разрозненной, неорганизованной буржуазии. Но, благодаря политике военного коммунизма, рассуждал я тогда, крестьянская масса мелких собственников-товаро-производителей несет на своих плечах армии Колчака и Деникина по нашей стране туда и обратно. Спасение было в том, что интервенты, международный капитализм, обрушившийся против нас, были слишком слабы и что наши собственные отечественные интервенты, стоявшие во главе гражданской войны,

вели слишком нелепую, неумелую политику.

Без военного коммунизма, я считал, гражданская война могла бы быть ликвидирована с величайшей легкостью, и разруха, которую мы тогда имели, могла бы быть устранена. Я полагал, что от крестьянства в порядке военного коммунизма и в военных условиях можно получить гораздо меньше, чем можно было бы получить на других основаниях.

Военный коммунизм я оценивал враждебно и еще по другим причинам. Я видел в нем, именно в создаваемой им тяжести всей нашей общественной и бытательской жизни, видел в нем источник роста контрреволюционных настроений. Военному же коммунизму я приписывал и задержку развития мирового рабочего движения. Мне казалось, что в Европе, расшатанной войной того времени, революционное движение могло бы развиваться гораздо быстрее, если бы наши успехи — хозяйственные, экономические и политические — были налицо. Впоследствии неоднократно я убеждался, что именно наши хозяйственные и политические успехи являются самым мощным фактором в развязывании революции на Западе. Так я оценивал военный коммунизм. Я квалифицировал его, как величайшее зло, которое нужно устранить, с которым нужно разделиться ради выпрямления и спасения Октябрьской революции во что бы то ни стало. В контрреволюцию я не ушел. Я продолжал работать совместно с советской властью, но веры в успех, в значении моей работы у меня не было никакой. Я находился в резко-оппозиционном настроении. Я испытывал интенсивное чувство ненависти и злобы, и это нашло себе печатное выражение в моем обширном сочинении, изданном под названием «Записки о революции». Они написаны против меньшевистско-эсеровского блока, но они написаны в эпоху военного коммунизма и пропитаны насковзь враждебным отношением к советской власти.

Положение становилось все хуже. Казалось, что мы спускаемся до таких низин, когда никакая жизнь в стране не будет возможна. И когда пошли слухи о восстаниях в деревнях, когда загремели пушки Кронштадта, я сочувствовал повстанцам, я сочувствовал тем, кто хочет сломить большевизм и его политику вооруженной рукой, в надежде, что это будет толчком, после которого линия революции сможет выпрямиться. Пушки Кронштадта возмечали новую эпоху нашей экономической политики. Начался нэп, и я не сразу поверил в него. Мне казалось, что при наличии яковинской диктатуры нэп удержаться не может или при нэпе яковинская диктатура в форме, в которой существовала советская власть, пролетарская диктатура должна будет так или иначе выродиться. Но время

шло, а нэп себя оправдал. В высшей степени быстро, через год я считал революцию уже окончательно вышедшей на правильную дорогу, и дело социализма я считал обеспеченным. В собственных глазах я стал коммунистом. В декабре 1923 года я подал заявление о принятии меня в коммунистическую партию. Принят я не был, но взглядов моих это не изменило. Я продолжал чувствовать себя коммунистом в международном и в нашем отечественном смысле этого слова, но политика военного коммунизма с тех пор и навсегда осталась для меня страшилицем и величайшим злом, которое может когда-либо, в каких-либо условиях угрожать революции. Я чувствовал в себе коммунистические настроения в течение 5 лет.

Чтобы быть вполне точным, я скажу вам, что с режимом того времени, эпохи нэпа я не солидаризировался. Мне казался он ненужным, излишним при том хозяйственном благополучии, которое было налицо. Я не солидаризировался с ним, а примирился во имя правильного, как я думал, осуществления социализма.

Что же касается экономической политики, то я стал ее энтузиастом. Этому остались следы: в 1924—1925 году я редактировал при торгпредстве в Берлине на немецком языке и при торгпредстве в Париже на французском языке для иностранцев журналы, посвященные нашей хозяйственной политике. Я вел эти журналы в духе просвещения Западной Европы и иностранцев по части нашего хозяйства, нашего бурного социалистического строительства. Один мой приятель-меньшевик, имя которого упоминалось здесь на процессе, в те времена говорил мне так: «до сих пор мы считали вас порядочным человеком, но сейчас, когда вы пропагандируете и рекламируете советскую политику перед лицом Западной Европы, мы не можем больше поддерживать такое мнение». Следы моего крайне положительного, я бы сказал, энтузиастического, а не примиренческого только отношения к экономической политике того времени сохранились во многом другом. Во время великой английской стачки я говорил: «пройдет еще 5—6 лет, и в наших руках действительно будет рычаг мировой революции и всякое западно-европейское движение будет непобедимым». Я слишком мало, волею судеб, участвовал в том социалистическом строительстве, которое считал и раньше и позже делом моей жизни. Но, тем не менее, я жил в сознании, что оно будет двигаться и развиваться в полном порядке и без моего участия.

Перелом наступил с конца 1927 г. Перед моими глазами стали мелькать тревожные признаки. В эту зиму впервые были применены чрезвычайные меры по хлебозаготовкам. Я набросился на нашу хозяйственную литературу, от которой

я отстал в момент оптимистического, я бы сказал даже, аподитического настроения предыдущих лет. Кривая тревожных явлений вскрылась немедленно. Наше огромное сельское хозяйство на основе нэпа так развилось свою продукцию, наготовило столько товаров, что в нашей недостаточно индустриализированной аграрной стране маленький наш город, маленькая промышленность не в силах были купить эту продукцию, не в силах были дать эквивалент крестьянину. Крестьянин стал нормировать свое производство. 1927 год был первым годом сокращения посевных площадей. Мне казалось, что это тревожно, но это вполне поправимо. Нужно только принять меры—и все будет урегулировано в течение ближайшего периода времени. Но я был убежден, что если не будут приняты меры, то положение может запутаться. В те времена я изготовлял довольно много известных проектов восстановления нашего рыночного равновесия в деревне. Мне казалось, что это не нарушало наших хозяйственных планов, но подвело под них фундамент, давало возможность проводить их форсированными темпами. Я стал вести агитацию за их проведение, и объектами моей агитации, моих собеседований был в то время длинный ряд самых ответственных руководителей нашей экономической политики. Меня слушали, но меня не слушались. Сейчас это само собой разумеется и причина этого мне сейчас понятна, но тогда мне казалось, что если так будет продолжаться, то дело будет непоправимо. И тогда же, в конце весны, в начале лета 1928 г. передо мной снова стали маячить,—тогда впервые зимой были испробованы чрезвычайные меры,—страшные для меня призраки военного коммунизма.

К этому времени относится появление правого уклона. Я стал возлагать на него надежды и снова втягиваться в политику. К этому времени относится мое сближение с Кондратьевым и с некоторыми лицами, сидящими на скамье подсудимых. Кондратьев в то время был недавно устранен влиятельным сановником, и самое устранение его было для меня признаком какого-то совершающегося перелома в нашей высокой политике. Кондратьев убеждал меня, что я слишком запоздал с моим открытием неблагополучия, что на самом деле нэп в его чистом виде был нарушен гораздо раньше, чем я открыл это. Это открылось не весной 1928 г., не в начале этого года, а в 1924—1925 годах. В его глазах наше неблагополучие в те времена, в начале 1928 г., уже принимало очень большие размеры. Весной 1928 г. у меня не было никаких сомнений, что, если не принять мер к восстановлению рыночного равновесия, посевы 1928, следующего года снова сократятся. Тогда неизбежно будет

при новых хлебозаготовках удвоение и утроение чрезвычайных мер, т.е. фактическое торжество военного коммунизма.

Тогда было принято постановление об отмене чрезвычайных мер, но для меня это были пустые слова. Я был убежден, что если не будут приняты меры к восстановлению рыночного равновесия, то без чрезвычайных мер обойтись нельзя, город пропитать невозможно. Решающим моментом для меня был период перед началом хлебозаготовительной кампании, — куда пойдет правительство — по пути продолжения политики нэпа или решительно повернет к военному коммунизму. В начале августа 1928 г. было издано постановление Совнаркома за подписью Рудзутака, где было сказано, что местные низовые органы будут отвечать за сокращение хлебных излишков на местах. Самое понятие «хлебных излишков» было новым и именно военно-коммунистическим понятием. Оно сменило понятие товарного хлеба, и для меня вопрос о повороте политики к военному коммунизму тогда уже был решен. После этого циркуляра к концу лета перспективы, которые я рисовал себе, конечно, рисовал панически, для меня закончились катастрофой. Когда же я сделал и выводы по выяснению позиций, на которые можно было бы вступить в результате неизбежного потрясения пролетарской и коммунистической власти, я пришел к заключению, что надо организовать, надо создать группу политических единомышленников, которая в нужный момент могла бы вступить в дело. Опираясь на эту группу, советская власть могла бы спуститься на тормозах, могла бы выйти из положения по образу и подобию 1905 г., а то, думал я, тогда придут меньшевики, придут эсеры, придет кулак с буржуазной реставрацией и поглотит все содержание и все революционные завоевания. Я написал тогда платформу, о которой шла речь на судебном следствии. Написал платформу, которую сам назвал тогда куцой конституцией. Эта куца конституция сохраняла, как мне казалось, все основы, все социальное содержание Октября и в виде национализации промышленности, и в виде основного закона о земле, и в виде советской конституции, в виде монополии внешней торговли, но экономически она возвращала нас к нэпу, возвращала нас к тому, что называлось вращением в социализм. В политической же области, сохраняя идею диктатуры пролетариата, эта платформа стремилась подорвать и ликвидировать якобинскую диктатуру, форму диктатуры в виде компартии, которая, как мне казалось тогда, снова отрицательно оправдала себя.

Можно отметить иронию судьбы: в этой платформе был пункт о политической амнистии. Из политической амни-

стии в этой платформе исключались элементы, замешанные в интервенции и вредительстве.

Однако, из моей попытки создать на этой платформе группу единомышленников не вышло ничего, а события развивались дальше. В это время началась пятилетка. Отношение мое к ней было двойственное. Я считал возможными быстрые темпы индустриализации, я считал их необходимыми, но я был убежден, что при данном положении дел все великодушное достояние нашей индустрии провалится в пропасть забастовавшей и нежеланной кормит город деревни.

В это время, к осени 1928 года, с моим участием происходила перманентная дискуссия, — можно сказать я сам находясь в состоянии перманентной дискуссии по разным высоким политическим и текущим вопросам. Я выслушивал информацию о кризисе из компетентных уст. Получив удар от реставрации военного коммунизма, я с каждой неделей кагился по наклонной плоскости, все более впадал в пессимизм, воспринимал суждения все о новых секторах нашего хозяйства, находящихся в неблагоприятном положении, прогнозы мои стали мрачными. Отмеченные чрезвычайные меры действительно были не только вновь применены, но и усилены. Получались сведения о сокращении скота в деревне, у лавок начались хвосты, продукты стали исчезать, заговорили уже о хлебных карточках, мои прогнозы как будто оправдались, и я думал, что без всякой внешней помехи, без войны, только в силу возврата к политике военного коммунизма мы идем назад и подвергаемся опасности срыва нашего социалистического строительства. Катастрофа стала рисоваться мне в перспективе все более близкой и в формах все более тяжелых. Я рисовал события таким образом: заготовки 1928 года будут очень тяжелы для деревни, но они не накормят города. Я считал, что весной 1929 года на почве рабочего недоснабжения уже неизбежны значительные политические потрясения.

Посевные площади 1929 года для меня представлялись сокращенными еще на очень значительный процент, и будущие заготовки осенью 1929 года должны были вызвать, по моему представлению, уже гражданскую войну в деревне. Это была уже катастрофа. И мне казалось, что ни пролетариат, ни крестьянство такого положения дела, которое возвращало бы нас к эпохе 1919—1920 г.г., не вынесет. Между тем, после поворота, мне казалось, такое положение является совершенно неизбежным. В спуск на тормозах я больше не верил, свою куцую конституцию я считал уже запоздавшей, разрешение кризиса по методу 1905 года я считал уже невозможным. Результат стал представляться мне в виде всеобщего погрома или, как любил выра-

жаться один из моих коллег по скамье подсудимых, в виде кровавой каши.

Я не видел в это время и поворота ВКП(б). После всех пережитых в то время внутренних пертурбаций, после борьбы с уклонами, мне казалось, партия создала новое, совершенно прочное большинство. Мне казалось, что повернуть с этим новым большинством партия совершенно не в состоянии, при попытке поворота хребет у нее сломается.

Я широко пользовался аналогиями из Французской революции. Я пытался строить социологический закон развития якобинской власти. Я твердил направо и налево о русских гебертистах и дантонистах, о французских бухаринцах и троцкистах. И передо мной уже в близкой перспективе в то время являлся образ Термидора. И мне казалось, чем более будет существовать этот режим, чем больше будет существовать эта политика, тем формы реакции должны быть более мрачными.

Прекратить эту политику военного коммунизма в моих глазах стало самой насущной задачей момента, прекратить политику военного коммунизма во что бы то ни стало. Но прекратить ее можно было бы вместе с диктатурой ВКП(б). И я сделал этот вывод: надо прекратить эту политику, хотя бы вместе с диктатурой ВКП(б). Эта задача стала на очереди, эта задача к концу 1928 года покрыла в моих глазах все решительно потребности момента.

В таком положении, лишенный единомышленников, потерпевший крах со своей платформой, я больше не мог не работать для этой цели, которая казалась мне совершенно необходимой, а вместе с тем, чем более крайней казалась форма предстоящего Термидора, тем дальше отодвигал позицию, на которую должны отступить пролетариат и революция. Моя паника заставила меня отодвинуть эти позиции к самой баррикаде, отделяющей III Интернационал от II, отделяющей социализм от буржуазных реставраторов при всеобщем погроме и кровавой каше. Я отступил и на эту позицию, все подчиняя неотложной задаче устранения самого большого зла, каким я считал военный коммунизм и его носителей. Я готов был искать союзников даже и по ту сторону баррикад. К концу 1928 года я был готов уже в моей панике вступить в союз с меньшевиками, с эсерами, с кулаками и с самим чортом.

В таких условиях, в моем окружении того времени, участь моя и была решена. В самом начале 1929 года Громан предложил мне вступить в организацию, стоящую не на моей, а на буржуазно-демократической, буржуазно-реставраторской платформе. Я стал членом «Союзного бюро» и его активным работником. И ни интервенция, ни вредительство, согласно тому, что я говорил в

первой части моей защитительной речи, меня не остановили. Если я вступил на эту плоскость, то, быть может, непоследовательный всегда, вообще, во всей жизни, я был здесь последователен до конца: приняв меньшевизм, я принял и вредительство, и интервенцию.

Если существующее положение, думаю я, есть действительно величайшее зло, то все вопросы этим решаются. Если всякие иные условия будут более благоприятны для дальнейшего развития революции, то этим сказано все. Такова была история моего преступления.

Можно было бы присоединить к этому мотивировку факторов и несколько иного порядка.

Я в эпоху моего энтузиазма, в эпоху зпа не солидаризировался, я говорил вам, но примирялся с политикой. Сейчас, когда политика стала вести не к социализму, а, в моих глазах, стала вести от социализма, я с каждой неделей все труднее и труднее стал переносить и режим коммунизма, который крепчал по всему фронту. От области экономики он естественно и неизбежно перешел и в другие области — в область науки, искусства, театра, быта. Жизнь становилась все более напряженной, мне казалось, что жизнь обывателя через некоторое время станет невыносимой.

Я лично испытал и на себе проявление этого режима: давно уже устраненный от политики, давно устраненный литератор от литературы, будучи только тем, что называется маленьким чиновник, и в качестве такового участвовавший в социалистическом строительстве, я, наконец, именно в эту эпоху, как мне казалось, был вычеркнут из советской ответственности окончательно. Были признаки того, что самое имя мое стало негальными и неприличным и я, как припоминаю, объяснял это отнюдь не мною самим, а условиями, в которых приходится мне жить.

Эти факторы, быть может, психологического, а не интеллектуального порядка, точно так же были факторами моего преступления.

Может быть, не стоит говорить о некоторых моих индивидуальных, личных свойствах, — я подразумеваю отнюдь не ту страстность моего характера, которая была так красноречиво воспета в показаниях одним из моих коллег, — я говорю о паникерстве, о состоянии нахождения и обладания довольно навязчивыми идеями в ту или другую сторону, все это, я думаю, сейчас я даже не сомневаюсь, оказало свое действие на мою эволюцию, на мои оргвыводы.

Позвольте привести один маленький эпизод, который характеризует это мое свойство. Когда Деникин перешел Орел, то я, еще будучи в составе левого крыла меньшевиков и призывая к активному вооруженному отпору деникинским ар-

миям, вместе с тем уже приходил к политическому выводу о необходимости провозгласить лозунг учредительного собрания. Я считал, что дело уже погребено, что если Деникин дошел до Орла, он дойдет до Москвы. И меньшевики того времени — и никто другой — называли меня паникером. Быть может, эти личные мои свойства вместе с психологическими факторами, вместе с паническими оценками общественных явлений, экономики и высокой политики того времени, — все вместе взятые породили тот факт, что ныне я нахожусь на данной скамье подсудимых.

Таковы мотивы моего преступления, таковы пути, по которым я шел. Я не могу, однако, на этом кончить, и я думаю, что, если бы я на этом кончил, я был бы для вас, граждане судьи, и неубедителен. Как же так? Неужели политика пролетарской власти могла вывернуть наизнанку все основы моего мировоззрения? Неужели из-за политики военного коммунизма из III Интернационала я перешел во II? Я исторически закономерную для меня Октябрьскую революцию провозгласил историческим недоразумением. Неужели я из социалиста только что готового содействовать всем, чем можно социалистическому строительству в нашей стране, превратился в буржуазного реставратора? Это было бы невероятно. Но так, собственно, и не было.

Мой приход к меньшевикам, мой приход во вражеский стан, объяснялся и некоторыми дополнительными мотивами и соображениями. Ни мировоззрения меньшевиков о буржуазной реставрации, ни меньшевистской программы, как таковой, я не принял и в те времена. Я принял меньшевистскую тактику, я бежал в их стан для того, чтобы их способами столкнуть диктатуру пролетариата. Я запутался, изыскивая способы не разрушить и не погубить, я запутался в моих наивных политиканских стремлениях исполнить дело большевиков. Я рассуждал так. На почве той демократии, которой требует платформа меньшевиков, неизбежно должен возрасти капитализм и сама демократия должна неизбежно превратиться в фашистское государство. Но это не делается по щучьему велению, этого нельзя достигнуть по мановению волшебного жезла. А между тем демократия лучше кровавой каши, которую ведет политика пролетарской власти. При таких условиях демократия еще не ликвидировала революции, при таких условиях демократия представляла собою тот плацдарм, на котором можно было бы бороться пролетариату за восстановление рациональных форм своей диктатуры и за социализм.

Возьмем интервенцию. Это — самое страшное и самое гнусное средство. Ин-

тервенция для меня никогда не была синонимом буржуазной реставрации. Поскольку она начинается, ее шансы сами по себе еще неизвестны, ее успехи не известны тем более.

Для меня вопрос стоял так: если интервенция и начнется, то неизвестно, что будет раньше — у нас ли буржуазная реставрация, или будет революция в Европе. Я уже убедился 10 лет тому назад, в эпоху первой интервенции, в слабости мирового капитала. Тогда при нашей слабости удалось его победить, а сейчас ведь мы во много раз стали сильнее, чем были раньше. Допустим, более разумно, более искусно будет действовать западно-европейский капитал, но шансы на победу, на то, что на штыках он принесет к нам буржуазную реставрацию и уничтожит всю социальную революцию, интервенция заведомо дать еще не могла. Оставался еще плацдарм для борьбы.

Здесь спрашивали: какая же гарантия была заключить блок с «Промпартией». Вы говорили о программах, о ваших общих установках. «Промпартия» была сторонницей военной диктатуры. Такая проблема нас не интересовала, но в будущем я все надежды возлагал на соотношение сил, которое могло бы быть еще в высшей степени благоприятным даже в результате интервенции. Основную надежду, основную гарантию, о которой спрашивал здесь суд, я, конечно, видел не в чем ином, как в силе нашего пролетариата. Силы пролетариата за 14 лет, на мой взгляд, возросли в такую мощную величину, которой в Европе еще не было. Нога фашиста, которая ступила бы на нашу территорию, на мой взгляд, согласно моим надеждам, почала бы на раскаленную почву нашей революции, которую бы она не выдержала.

Интервенция, как и вредительство, была только для меня фактором расшатывания коммунистической диктатуры, как данной формы пролетарской диктатуры. Для меня это был фактор перегруппировки наших внутренних сил, но то, что на своих штыках они принесут военную диктатуру или буржуазную реставрацию, это еще было для меня в высшей степени сомнительным.

При этих сомнениях, перед лицом кровавой каши, перед лицом всеобщего погрома, который мне мерещился, я предпочел пойти на союз с меньшевиками, воспринять их тактические способы для того, чтобы исполнить очередную и неотложную задачу. Так я рассуждал при моем бегстве во враждебный лагерь. Я бежал туда в панике не для того, чтобы погубить, а для того, чтобы, по моему явно слабому в то время разумению, принести революции пользу.

Я изложил вам мой тезис и мои взгляды на меньшевиков. Я изложил вам и

мой антитезис, т.е. пути к меньшевизму, несмотря на то, что взгляды мои были не меньшевистскими взглядами.

Теперь надо подвести синтез, итоги, надо сделать вывод, как же теперь я расцениваю все мои взгляды, всю совокупность их, всю совокупность тех взглядов, которые я развил перед вами. Как я оцениваю сейчас свои мысли, свои планы и действия? Если я был прав, то они не преступление, каков бы ни был ваш приговор. Но если я неправ? Да, я был

неправ. Я мог бы сказать словами наполеоновского министра: «мои деяния были больше, чем преступления, они были ошибкой». Эту ошибку и ее сущность я должен вам изъяснить и изложить.

Теперь, может быть, вы позволите мне для этой цели те же минуты отнять у вас в порядке заключительного слова.

Председатель. Объявляется перерыв до 6 часов.

Вечернее заседание

Председатель. Заседание возобновляется.

Слово имеет подсудимый Шер.

Шер

— Гражданин прокурор, характеризуя вчера нас, сидящих на скамье подсудимых сказал, что мы—социалисты старые, социалисты ученые. Что касается моей учености, то я не берусь характеризовать ее, поскольку я не претендую на какую-либо специальную ученость, но что касается указания на то, что я обладаю достаточным стажем в области политической и революционной деятельности, то эта характеристика совершенно правительна. В архиве Московского охранного отделения сохранилась справка, с которой мне пришлось познакомиться тогда, когда я занимался изучением историко-революционного архива. Там в отношении меня устанавливается революционный стаж, начиная с 1902 г. Московское охранное отделение не преувеличило в данном случае, так как в 1902 году я начал действительно революционную работу среди московского студенчества. Несколько позднее, в 1904 г., началась моя революционная работа среди рабочих и в 1905 году, вернее в начале 1905 г., я вступил в меньшевистскую организацию. Повидимому, вследствие того, что я вступил в организацию, уже имея некоторый небольшой стаж в области революционной работы среди пролетариата, этим приходится объяснить, что я сравнительно быстро продвинулся на руководящие посты меньшевистской организации. В 1904 году я работал среди московских рабочих печатного дела, создавая союз рабочих печатного дела, нелегальный социал-демократический, но внефракционный союз. В 1905 году я вместе с этой организацией вошел в меньшевистскую фракцию. В 1905 году в разгар событий я был руководителем и организатором совета типографских депутатов, или совета депутатов от типографий,—организация, которая руководила тогда стачкой печатников в 1905 году. Позднее занял пост секретаря

Московского совета рабочих депутатов. В результате моей деятельности во время 1905 года непосредственно вслед за декабрьским восстанием, даже правильнее во время декабрьского восстания, я был арестован вместе с рядом лиц, которым было поручено техническое руководство декабрьским восстанием. И примерно 25 лет тому назад, в 1906 году, я, сидя в тюрьме, довольно тщательно и тяжело продумал вопрос о том, почему и как нам не удалось восстание в Москве, почему произошло поражение революции 1905 года. Нужно сказать, что это раздумье сопутствовало тогда пересмотру ряда положений—пересмотру под определенным меньшевистским углом зрения. Мне вспоминались слова Плеханова, которые в свое время приходилось с такой болью читать нам, непосредственным участникам 1905 года: «Не надо было браться за оружие». И вот под влиянием этого лозунга «не надо было браться за оружие», который так тяжело было читать нам, особенно в тюрьме, раздумывая над ним, я прошел шаг за шагом весь путь ревизии революционных событий и тактики 1905 года, который был пройден меньшевиками.

Почему не удалась революция 1905 года? Нам ответили на это меньшевистские выводы, что пролетариат был изолирован, что пролетариат выступал самостоятельно со своими революционными требованиями, не опираясь на ближайшие к нему слои. Из этого следовал вывод, что для удачи революции необходимо было заключить тесный блок с прогрессивной буржуазией. Блок с буржуазией, как вывод из уроков революции 1905 года, был, пожалуй, той основой, к которой приходил меньшевизм в результате анализа событий 1905 года.

Вслед за этим шли положения относительно тех требований, которые выставлялись в 1905 году, при чем революционность требований, выставлявшихся во время революции 1905 года, подвергалась особо строгой сугубой критике. Ряд положений, которые в свое время отстаивались нами, деятелями этой револю-

ции, ряд требований, довольно близко подходящих к требованию рабочего контроля, подвергался все снова и снова пересмотру. Нам казалось, что в революционности этих требований была совершена особенно большая ошибка. Таким образом, мы отказывались от революционности социал-демократии и переходили на путь реформизма. Естественно, что вслед за этим шло положение, которое научило нас отказываться от диктатуры пролетариата.

Таким образом, блок с буржуазией, реформизм и отказ от диктатуры были теми выводами, которые следовали из анализа только что минувших событий первой революции 1905 года. Все это достаточно характеризует известные основы старого меньшевизма.

Но из этих основ, как из корней, совершенно ясно и определено выросли те положения, которые в конечном счете привели к так называемому неоменьшевизму, как его называл в одном из своих показаний свидетель Кондратьев, или новому меньшевизму, как привыкли называть мы. Прежде всего, во время событий мировой войны из этих положений выросло оборончество, ибо я считаю, что именно оборончество было наиболее характерной позицией для меньшевизма в течение империалистической войны.

События революции 1917 года воспринимались меньшевиками и мною в частности уже под углом зрения всей той мудрости, которую мы почерпнули в критике неудач революции 1905 года. Оборончество породило и антинародную позицию 1917 года, ибо ясно было для каждого, что народ войны не хочет, что народ, одетый в серые шинели, ждет ответа на вопрос: когда же кончится война, а в ответ раздавались голоса, указывавшие на необходимость вести борьбу все дальше и дальше. Но не только это, а вся та сумма выводов, о которых я говорил и которые родились в 1906—1907 гг. в результате критики событий 1905 года,—вся сумма этих выводов приводила к той антиреволюционной, реформистской позиции, которая характерна для меньшевизма 1917 года.

Под влиянием этой точки зрения, как известно, меньшевики поддерживали кадетское правительство Милокова—Тереженко, под влиянием взглядов о необходимости заключения блока с буржуазией в 1917 году с такой настойчивостью, последовательностью поддерживал и я в том числе, и самые широкие группы меньшевиков, точку зрения коалиционных правительств и наконец в связи с этим в конечном счете поддерживали то положение, при котором распорядителями по целому ряду существенных вопросов были представители западно-европейских буржуазных государств.

Теперь хорошо известно, какую роль и

в отношении временного правительства играли Бьюкенен и Носке, и те представители Интернационала, о которых упоминал гр-н прокурор по отношению к более позднему времени, разве тогда они не играли такой же роли по отношению к господствовавшей точке зрения меньшевиков? Мне вспоминается приезд в Москву Эмиля Вандервельде, имя которого упоминалось гр-ном прокурором и беседу которого с представителями Московского совета мне приходилось переводить, как лицу, знающему французский язык. Я хорошо помню, как Эмиль Вандервельде, точно так же как Тома, настойчиво говорил о том, как необходимо развивать оборонческую точку зрения, как необходимо довести войну, если не до победного конца, так до того времени, когда союзники получат решительный перевес над немецкой армией.

Этот воинствующий II Интернационал, этот Интернационал почти в тех же лицах, о которых говорил гр-н прокурор, в 1917 году персонально оказывал большое влияние и на меньшевистскую точку зрения.

Позднее, во время Октябрьской революции, наступил момент, когда меньшевистская организация вступила на путь борьбы с завоеваниями Октября. В этой борьбе с Октябрьской революцией на кого опирались тогда меньшевистские силы? На широкие слои крестьянства и рабочих, или на тот же узкий социальный слой интеллигенции, юнкеров, кадетов, офицерства и проч., на который в конце концов опирался новый меньшевизм в его последней формации? Приходится сказать, что это был один и тот же слой. Это была очень узкая социальная база, при чем вместо служилой интеллигенции меньшевизм имел в своем распоряжении интеллигенцию, одетую в юнкерские, кадетские и прочие шинели. В это время сказался тот характерный двурушнический тип отношений к событиям, который не раз отмечался потом и гражданном прокурором и кое-чем из моих коллег по скамье подсудимых.

Подсудимый Тейтельбаум прав, говоря, что он в это время имел полномочия от меньшевистской организации присутствовать в революционном штабе. Я, не имея полномочий, но не имея возражений от меньшевистской организации, присутствовал в прямо противоположном лагере, в штабе полковника Рябцева в Александровском военном училище, т. е. мы, члены одной и той же организации, члены той же меньшевистской партии, мы находились, с ведома, — если не с благословения, то во всяком случае с ведома — меньшевистской организации на двух противоположных сторонах баррикады. Если Тейтельбаум имел полномочия, а я их не имел, то никто меня за это не исключал из партии и я после этого продолжал быть полноправным чле-

ном организации. И в этом двурушничестве, когда один стоял по одну, а другой по другую сторону баррикады, и состояли те характерные черты, которые потом развились в общую концепцию нового меньшевизма. Я думаю — да простит меня мой коллега по скамье подсудимых Тейтельбаум! — я думаю, что логика была в то время за мной, а не за Тейтельбаумом, т.е., что, логически развивая общие позиции меньшевизма, надо было идти по ту сторону баррикады, по которой шел я, и выводы по отношению к Октябрьской революции, которые делал я, были более логичны и тесно связаны с общей концепцией меньшевизма того времени, чем те выводы, которые толкали по другую сторону баррикады.

Борьба с Октябрьской революцией, как я понимаю, непосредственно вытекала из общих концепций старого меньшевизма. Из этих концепций выросла затем платформа 1924 года, о которой здесь достаточно подробно говорилось государственным обвинителем и кое-кем из подсудимых, так что на этой платформе я останавливаться подробно не буду, но скажу, что она своими корнями глубоко уходит вглубь годов, что она тесно связана с той концепцией меньшевизма, которая родилась еще задолго перед этим, еще непосредственно, как я понимаю, после революции 1905 года. Ну, а вслед за этим началась уже дальнейшая тактика — это тактика борьбы за расширение нэпа, за углубление его, т.е. тактика извращения классовой линии советской власти. Дальше явилась идея о построении меньшевизма на новой социальной базе — вопрос, который достаточно подробно обсуждался здесь во время судебного следствия. Дальнейшим шагом было вредительство и еще дальнейшим шагом — интервенция.

Так, со ступеньки на ступеньку, от одних политических ошибок к другим политическим ошибкам и от политических ошибок к политическим преступлениям — шел я и, мне кажется, шел весь меньшевизм на протяжении своего развития. Каждый этот шаг, каждая дальнейшая ступенька были строжайшим образом согласованы с указаниями и директивами деятелей II Интернационала.

Мы установили здесь нашими показаниями, на судебном следствии, — я могу напомнить лишь здесь суду, как каждый дальнейший шаг в развитии этих положений нового меньшевизма был связан с соответствующими указаниями, с соответствующими директивами деятелей заграничной делегации. Платформа 1924 г. известна и опубликована. Вопрос о новой социальной базе имел специальные указания Дана. Вопрос о вредительстве имел опять-таки специальные указания Дана, привезенные в свое время Петуниным. Этот же вопрос о вредительстве имел специальные указания Абрамовича,

бывшего здесь и давшего указания о необходимости расширения дезорганизаторской работы. Наконец, мы имели указания в дальнейшем от представителя заграничной делегации Броунштейна. Также рядом писем указывалось на необходимость сделать дальнейший шаг и перейти от вредительства к интервенции. Каждый шаг в дальнейшем по этому пути встречал не только поддержку, не только санкцию со стороны заграничных делегаций, но и делался по инициативе заграничной делегации, что бы она теперь по этому поводу ни говорила.

Я не могу сказать про себя, чтобы я совершил этот путь без всяких колебаний и сомнений. Эти колебания и сомнения были и они были тем естественнее, что вообще в течение всей предшествующей работы я вращался, главным образом, в широких рабочих организациях, в профсоюзах. Я был одним из активных деятелей и инициатором продвижения в Союзе. Я был близко связан с широкими рабочими кругами. Естественно, что я не мог не чувствовать этот отрыв от рабочего класса, который был связан с позициями нового меньшевизма. Но я заглашал в себе эти сомнения, и мне казалось, что их тем легче заглушить, что я создавал, что я не один и что с нами вместе, с нашей тактикой в ногу идут все крупнейшие социал-демократические партии, в том числе и старейшая партия Германии, с которой мы привыкли всегда брать пример в прошлом, и что за ними стоит авторитет II Интернационала, имя которого освещало все те шаги, в направлении развития нового меньшевизма, в направлении развития меньшевистских принципов тактики, о которых я только что говорил. Я не могу сказать о том, чтобы эти колебания и сомнения, которые у меня были, не приняли в конечном счете довольно острый характер. В 1930 г., когда вопрос об интервенции снова откладывался и перед «Союзным бюро» встал вопрос об усилении и углублении вредительской деятельности, на пленуме 1930 г., как я говорил, связанные с констатированием укрепления генеральной линии партии, я должен был еще раз передуумать правильность той линии, по которой я шел. Те сомнения и колебания, которые я испытывал, стали усиливаться и я уже начал осознавать в то время, что наша группа или группка, идущая по этому пути, в конечном счете упрется в тупик, ибо вредительство в том виде, как мы его развивали, не давало выхода для разрешения вопросов, перед нами поставленных. Вся тактика «Союзного бюро» в конце концов приводила его к беспомощному положению, и не давала никакого практического выхода.

Я колебался, передумывал, снова колебался и снова возвращался к прежним своим положениям, опираясь на автори-

тет II Интернационала. Но эти колебания и сомнения все же зародили во мне те основы, те элементы, которые потом, после ареста, уже выросли в конце концов в решение разоружиться и которые заставили меня признать ошибочным тот путь, на котором я стоял. Отвечая на публикацию в «Форвертсе», я не остановился на вопросе о том, насколько добровольны мои показания. Я считал ниже своего достоинства отвечать на злопозревание меня в провокаторстве и трусости. Я пользуюсь сейчас случаем констатировать тот факт, что никакого давления и никакого насилия я не испытывал, и что этот естественный процесс критики прошлого, который был для меня, правда, очень мучительным и очень тяжелым, но не в силу каких-либо внешних причин, а в силу того, что мне на старости лет приходилось совершенно переламывать самого себя и заново решать вопросы коренного характера,—что этот процесс завершился, и, когда он завершился, я решил дать подробные показания и признать свои ошибки. Я признал свои ошибки, и вместе с тем признал свои преступления. Мне кажется, что эти ошибки и преступления свойственны не только мне одному, но свойственны меньшевизму в целом. Я полагаю, что я могу сделать отсюда следующие выводы.

Во-первых, всякий меньшевик, каков бы он ни был субъективно, не далек от позиций вредительства и от позиций интервенции, будь то потенциальное вредительство или потенциальная интервенция. Мне кажется, что логика нашего пути, который мы прошли, заставляет сделать этот определенный вывод.

Во-вторых, всякий меньшевик есть враг рабочего класса, враг трудящихся, враг трудящихся, объединенных в СССР. От социализма у меньшевиков осталось лишь одно, осталась лишь внешняя вывеска, которая служит формальным поводом для того, чтобы иметь тесную связь с заграничной делегацией и со II Интернационалом. Эта связь остается, как бы ее ни отрицали теперь и, может быть, впоследствии деятели заграничной делегации, которые, конечно, заинтересованы в том, чтобы эту формальную связь совершенно вычеркнуть и лохерить.

Эти выводы я делаю оплодотворенно и связываю их с теми ошибками и теми преступлениями, которые мною совершены. Я признаю себя виновным, граждане судьи. Я не нахожу мотивов, которые бы я изложил перед вами для своего оправдания. В самом деле, могу ли я сослаться на свою прежнюю революционную работу? Это было бы наивно, ибо прежняя моя революционная работа, если оценивать ее положительно, она лишь заставляет более строго относиться к тому, что я сделал впоследствии. Могу ли я ссылаться, с другой стороны, на тот

короткий период полезной советской работы, который, может быть, и был некоторое время в советских учреждениях? Это было бы странно и смешно, ибо этот короткий период был вдвое и втрое перекрыт той вредительской работой, которую я вел потом в тех же советских учреждениях.

Наконец, могу ли я сослаться на то, что я был слепым орудием в руках заграничной делегации? Это было бы тоже наивно и странно. Я констатирую, что каждый шаг «Союзного бюро», каждый шаг в развитии новой меньшевистской тактики был связан с непосредственными и прямыми указаниями заграничной делегации. Это факт, который установлен судебным следствием, факт, на котором настаиваю и я, так же как и другие мои коллеги по скамье подсудимых, факт, который останется фактом, как бы жестоко против этого ни возражали, в какой бы форме ни возражали представители заграничной делегации в настоящее время. Но я не хочу ослабить свою вину тем, что я был слепым орудием в их руках. Я достаточно взрослый и опытный человек в вопросах политики, чтобы отвечать за свою деятельность, хотя бы она шла по указаниям авторитетного для меня органа.

Я признаю свою вину в полном объеме и не нахожу для себя никаких оправданий. Я могу присоединиться к тому, что здесь говорил обвиняемый Громан, и сказать, что единственный выход я видел бы для себя в том, чтобы работать в течение дальнейшей моей жизни под руководством генеральной линии коммунистической партии, ибо для меня не может быть того выхода, который может быть для беспартийного специалиста, который говорит, что он будет честным специалистом, будет аполитичным, будет беспартийным обывателем. Я хотел бы быть политическим работником, я хотел бы участвовать в политическом строительстве и строительстве социализма в стране. Вне подчинения генеральной линии партии я не вижу для себя выхода.

Гражданин прокурор предлагал вам применить ко мне высшую меру социальной защиты. Должен сказать, что 25 лет тому назад, когда я сидел в тюрьме в связи с обвинением меня в участии в декабрьском восстании, я ожидал смерти. Случаю было угодно тогда поставить дело так, что те бесспорные доказательства моей виновности, которые имели место в виде вещественных доказательств, были уничтожены во время революционного захвата одного из полицейских участков, и тот самый Гарви, имя которого не раз упоминалось во время судебного следствия, собственноручно уничтожил эти вещественные доказательства, участвуя активно в захвате этого полицейского участка. Судьбе было угодно, чтобы вместо сурового наказания

я получил тогда простую высылку в Нарым, которая была потом заменена высылкой за границу. Но тогда я в течение долгих месяцев сидел, ожидая худшего для себя исхода, и должен сказать, что тогда я не чувствовал страха перед лицом смерти, я сознавал, что та причина, которая привела меня в положение лица, ожидающего смертного приговора, такова, что она даст мне достаточно мужества и достаточно смелости встретить смерть лицом к лицу. Я должен сознаться, граждане судьи, что у меня теперь нет этой смелости, нет этого мужества. Я не чувствую, что я шел по правильному пути, наоборот, я признаю свои ошибки и признаю, что тот путь преступления, который пройден мною, не дает мне никакого чувства мужества и никакой смелости перед лицом высшей меры наказания, о котором говорил гражданин прокурор. Я прошу, граждане судьи, дать мне возможность продолжать работу на пользу Советскому Союзу, если это будет позволено, в той или другой форме. Я прошу даровать мне жизнь.

Председатель. Подсудимый Гинзбург.

Гинзбург

— Подобно выступавшим здесь подсудимым, я не намерен посвящать свою речь, может быть последнюю речь в моей жизни, самозащите. Я считаю, что более существенно будет, если я постараюсь своими последними словами содействовать выяснению всех обстоятельств дела, выяснению тех общественных и личных условий, которые привели меня к участию в организации.

Что касается характера этой организации, то я на этом долго останавливаться не буду. Я скажу просто. Я целиком разделяю ту характеристику, которую дал этой организации прокурор Республики. Я не имею в своем распоряжении более ярких, более сильных, более полновесных слов для того, чтобы выразить теперь то чувство, которое я сейчас испытываю в отношении этой организации, хотя я ранее состоял одним из ее инициаторов и одним из ее руководителей.

Я попытаюсь, подобно другим подсудимым, сделать беглый анализ своей политической жизни, в связи с развитием той партии, к которой я принадлежал, и на этом анализе показать, каким образом предыдущая моя политическая работа в известной мере подготовила меня для участия в этой организации.

Я начал свою политическую жизнь сравнительно давно, еще в 1895 г., когда мне было лет 17 от роду. Осенью 1897 г. моим первым революционным актом я считаю сбор денег в пользу бастовавших ткачей и прядильщиц в Петербурге. В мае 1896 г.—1897 г. я вступил в состав витебского социал-демократического комитета и с той поры оставался в

РСДРП до 1921 г. непрерывно и вновь с 1926 г. по 1930 год. В этой своей партийной жизни я отмечаю два периода: один период, длившийся примерно с 1898—1899 г.—период исключительно нелегальной работы, и второй период — последовавший за 1899 годом по 1921 г.—период преимущественного участия в легальных и полулегальных организациях. Начав работу в 1897 году в Витебске, я работал непрерывно в различных нелегальных организациях 4½ года, при чем последние два года я работал в качестве организатора и одного из редакторов «Южного рабочего», одной из первых политических газет того времени. В 1902 году я был арестован, после двухлетнего заключения я был выслан в Якутскую область на 6 лет. И за время пребывания в тюрьме я являлся одним из наиболее активных участников всякого рода тюремных бунтов и голодовок, являлся пропагандистом в тюрьме и ссылке, так что когда я попал в Якутскую область и Чурайши, то мы стали издавать вместе с Батурским и Мешеряковым журнал, где пропагандировали идею необходимости продолжать ту борьбу, которую вели на воле и в ссылке. В марте 1905 г. я бежал из Якутской области для нелегальной работы в Россию.

Прибыв в Россию, я застал уже раскол партии, о котором к нам доходили весьма отрывочные сведения, и для меня встал вопрос — к какой фракции примкнуть, меньшевиков или большевиков. Должен сказать, что я испытывал очень большое затруднение, потому что были отдельные стороны в тактике меньшевиков, которые меня больше привлекали, и были другие стороны в тактике большевиков. Я решил, прежде чем принять окончательное решение, приглядеться к практической работе на месте и начал работать в партийном комитете, где сохранилось еще объединенная организация большевиков и меньшевиков. Такой организацией был ревельский комитет. Я не долго там пробыл, так как после выступления на одном митинге, вынужден был бежать и приехал в Москву.

И вот здесь я решил перейти к меньшевикам. Принял я это решение, главным образом, потому, что не разделял теории перенесения социализма в рабочие массы извне, теории развитой в «Что делать?», как я это тогда понимал. Я больше склонялся к меньшевистскому соотношению между партией и революционным движением, я склонялся и к решению организационного вопроса, которое давали меньшевики, я и в вопросе о вооруженном восстании занимал меньшевистскую точку зрения.

Но за то мне трудно было усвоить точку зрения меньшевиков в отношении либеральных и демократических партий. Тактика толкания влево либералов была

для меня неприемлема. Я в ту пору был заражен большим революционным фанатизмом, равнялся на революционное движение масс и мне трудно было усвоить эту тактику. Только спустя сравнительно большой промежуток времени я в конце концов стал сторонником и этой меньшевистской линии с теми или иными оговорками.

Эта моя отрицательная позиция в отношении меньшевистской тактики о блоке с демократами и либералами, заставляла меня держаться вдали от чисто политической работы. Я предпочел взять на себя техническую работу и вошел в состав технической группы при организационном комитете РСДРП, в качестве такого работника я работал вплоть до шестого года.

Октябрьские дни 1905 года я провел в Москве, принимал участие почти во всех крупных революционных выступлениях того времени, участвовал во время осады университета, участвовал в похоронах Баумана в качестве помощника начальника боевой дружины, участвовал в натиске на Таганскую тюрьму, входил от организации в состав Союза союзов для представительства организации, но все же должен сказать, что большой политической роли я в этой революции не играл — просто мне не хватало политического размаха, которого я не приобрел и в последующей деятельности.

Я не стану останавливаться на всех этапах того периода, скажу только, что в 1906 году я работал сначала в московском меньшевистском комитете, потом в рижском. Будучи в составе московского меньшевистского комитета, я проводил объединение меньшевиков с большевиками после Стокгольмского съезда.

После того, как я в Риге провалился и вынужден был переехать в Петербург, я столкнулся с вопросом о том, какую партийную работу вести дальше. Надо сказать, что к началу 1907 года партийная организация меньшевиков и большевиков была почти разгромлена. В массах царило острое недовольство партийной работой. Господствовал тяжелый экономический кризис, шли тогда репрессии во всех отраслях промышленности, и вербовка рабочих в партийную организацию при чрезвычайном разгуле репрессий была очень затруднительна.

И вот тогда появилось настроение в пользу перенесения внимания партии на работу в различных легальных рабочих организациях, в особенности в профсоюзах. Это настроение разделяли не только ликвидаторы, это настроение разделяли и сторонники нелегальных организаций партии. Все, вообще говоря, меньшевики считали, что использование легальных возможностей дает огромное оружие в руки партийной организации. И я был командирован партией для работы в профессиональное движение. Я вошел в тог-

дашний полулегальный или нелегальный — я уже не помню — союз металлистов, вскоре оформившийся, как легальный союз, в качестве консультанта и редактора, и в этом качестве я проработал около трех лет, рассматривая это, как профессиональную революционную работу. Одновременно я работал в Центральном бюро профсоюзов Ленинграда, которое оставалось нелегальной организацией. Этот период, когда все-таки союз металлистов временами существовал, как легальная организация, когда он все-таки имел, по крайней мере временами, возможность издания легальной газеты, я рассматривал, как период переходный от первого этапа моей политической жизни ко второму этапу, который характеризуется преобладанием работы в чисто легальных организациях.

С 1912 года я вынужден был перейти на положение человека, живущего известным заработком, и я направился в Киев, где стал сотрудником «Киевской мысли». Направился я туда, собственно, потому, что в результате работы в ленинградском союзе рабочих по металлу и в результате одновременной работы в качестве добровольного консультанта при социал-демократической фракции 3-й Государственной думы, я был арестован и после тюремного заключения выслан из Петербурга без срока. Из крупных городов я мог ехать только в Киев и там я стал сотрудником «Киевской мысли».

«Киевская мысль» была в то время одной из самых распространенных провинциальных газет, левого направления, с легким меньшевистским налетом. Большая часть сотрудников, писавших передовые статьи, статьи на специальные темы, и некоторые сотрудники, писавшие фельетоны, — принадлежали к социал-демократической партии. В этой газете участвовали также такие люди, как Свидерский, Луначарский, Троцкий, которые корреспондировали со стороны.

Группа социал-демократов, работавших в «Киевской мысли», была довольно сплоченной, но она имела перед собою другую группу — группу беспартийно-демократическую, группу, которая имела в своем составе не одного кадета, и вот между обеими этими группами все время происходила борьба, но борьба эта все время склонялась в пользу нашей социал-демократической группы, которая обеспечивала более или менее однородное содержание основных частей газеты. И поскольку вообще газета имела определенную политическую физиономию при тогдашних цензурных условиях, она равнялась на поддержку той политической тактики, которую вела фракция Государственной думы, социал-демократическая, сначала в 3-й Думе, потом в 4-й.

Когда произошел раскол во фракции Государственной думы, поддержка шла

ло линии меньшевистской социал-демократической фракции. Мы никогда в газете не пользовались полумикой с большей частью фракции, с большей частью Государственной думы в период до-революционный.

Одновременно с работой в «Киевской мысли» я занялся в числе других товарищей социал-демократов работой в различных легальных и полуполегальных организациях. Мы завязали связи, правда, с немногочисленным числом профессиональных союзов, которые тогда существовали, с рабочими клубами, обществом самообразования, кооперации и создали более или менее прочную группу. В нее входили на ряду с интеллигентами также и некоторые рабочие социал-демократы. Эта группа собиралась более или менее систематически по различным конкретным вопросам, имея своей задачей развивать рабочее представительство в различных открытых организациях. Нелегальных организаций меньшевиков в этот период не было, как их не было и в большинстве городов. Несмотря на то, что значительная часть партии не разделяла ликвидаторских настроений, фактически нелегальных организаций или вовсе не было, или они существовали в крайне незначительном составе. Во всяком случае я лично не мог принять участия в этой нелегальной работе, потому что в Киеве меня сразу взяли под подозрение, произвели обыск, были специальные розыски меня и я вынужден был держаться чрезвычайно осторожно.

Дальнейшая моя значительная работа в период уже 1916, 1917 и 1918 года проходит в городском самоуправлении. После революции я был выбран в Киеве товарищем городского головы. На этом посту я оставался около полутора лет, с небольшими перерывами, до тех пор, пока дума не была разогнана гетманским правительством. Киевская дума была одной из немногих, которая просуществовала весь положенный ей срок — полтора года. По окончании срока дела городской думы были сданы советской власти, пришедшей тогда в Киев.

Наконец, с 1919 по 1922 г. я работал в кооперации. Я считаю, что вся эта работа всего этого периода имеет известные общие черты, которые помогут вам уяснить мою политическую физиономию и помогут вам при разрешении вопроса относительно моей судьбы.

Во второй период своей жизни с 1912 года я работаю по преимуществу на общественной периферии. Я сравнительно принимаю мало участия во внутрипартийной жизни. Я в это время все больше специализируюсь как экономист, специализируюсь как литературный работник, который имеет известные интересы профсоюзного характера. Я остаюсь, правда, в партии, целиком подчиняюсь

директивам и дисциплине партии, но во внутрипартийной жизни я принимаю сравнительно слабое участие, потому что у меня имеются некоторые специальные интересы, специальные знания, которые я и стараюсь применить. Я не принадлежу ни к той, ни к другой фракции, которые тогда образовались в меньшевистской организации. Я не принадлежу ни к фракции Потресова, ни к фракции Мартова. Я сохраняю известную независимость в отношении обеих фракций. Формально я не был связан ни с той, ни с другой фракцией, но по существу я все же ближе примыкал к мартовской фракции. Это особенно обнаружилось в период войны, когда я занял позицию, близкую к пораженчеству. Работа в легальных организациях имела для меня известные внутренние последствия политического порядка, последствия, которые также имеют участие в определении моей политической судьбы. Работая в легальных организациях, я развивал у себя известные оппортунистические черты. Они наверное были заложены во мне и раньше, но самая практика работы в легальных организациях, несомненно, содействовала выработке этих черт, поскольку все время приходилось применяться к довольно сложным условиям внешней обстановки.

Второе — работая в легальных организациях, мне приходилось практически сталкиваться с различными буржуазно-демократическими элементами, правда, лево настроенными, но все же буржуазно-демократическими. И если в первый период своей политической работы я определенно враждебно относился ко всякому сотрудничеству с буржуазно-демократическими группами, то здесь положение меняется в том смысле, что я перехожу к известному сотрудничеству с буржуазно-демократическим элементом. Это сотрудничество приобретает особо значительный характер в период существования городской думы, когда мы, меньшевики, состояли в блоке с эсерами, состояли в блоке с примыкающими группами и с небольшой группой кадетов, которые там вели линию поддержки наших общих позиций.

И третья черта, которая характеризуется влиянием работы в полуполегальных организациях, — это все развивающийся отрыв от революционных масс. Я не могу принимать участие в пропагандистской работе среди масс, я имею все меньше и меньше поводов для столкновения с массами и это обстоятельство, несомненно, влияет неблагоприятно на мое политическое поведение, на мое политическое направление.

Вот, мне кажется, более или менее исчерпывающий обзор тех моментов, которые должны быть учтены в истории моей работы до 1917 года.

Что касается моментов общего полити-

ческого порядка, которые определяли мое отношение к возникшей в дальнейшем организации «Союзного бюро», то я считаю, нужным отметить, что корень здесь лежит в моем отношении к Февральской и Октябрьской революции. Как и другие меньшевики, я рассматривал Февральскую революцию, как революцию буржуазно-демократическую. Правда, я понимал, что при той роли, которую пролетариат играет в этой революции, буржуазно-демократический характер ее будет до некоторой степени корректироваться целым рядом социалистических требований и социалистических завоеваний. Но я думал, что эти требования и это завоевание должны иметь известный предел. Они должны укладываться в рамки общедемократических требований, они не должны принимать такого заостренного характера, чтобы превращать классовую борьбу в войну гражданскую. Больше всего я в этот период опасался развития анархии под влиянием преувеличенных требований со стороны рабочих. Я считал, что все рабочее движение, как таковое, должно идти по линии согласования с тем состоянием, крайне низким, надо сказать, даже катастрофически низким, производительных сил, которое характеризовало период между Февральской и Октябрьской революцией. Относился я к стихийному движению, которое шло по линии захвата фабрик, заводов, по линии социализации предприятий, крайне отрицательно.

Этим определяется в значительной мере и моя позиция в отношении Октябрьской революции. Я считал Октябрьскую революцию опасным экспериментом, больше чем опасным. Я считал, что Октябрьская революция может только усилить ту анархию, на почве которой она, по моему тогдашнему мнению, возникла. Я считал, что та власть, которая рождена Октябрьской революцией, не может быть долговечной властью. Мне казалось, что ни в экономических условиях, ни в сознании большинства рабочих нет достаточных оснований для социалистического строительства. И поэтому я был сторонником мобилизации демократических сил для преодоления Октябрьской революции. Дело однако сложилось так, что делалось ясно, что никаких демократических и в особенности пролетарских сил, которые были бы настроены враждебно к Октябрю, которые могли бы действительно заменить Октябрьскую революцию революцией истинно демократической, в стране нет. И борьба против Октябрьской революции скоро стала возглавляться все больше и больше контрреволюционными элементами, опирающимися на классы помещиков, попов, крупной буржуазии и т. д.

И вот тогда для меня возник вопрос об отношении к той гражданской войне, которая происходит между сторонника-

ми той или иной группировки. Сторонником реакционной группировки я никогда не был, но вместе с тем принять советскую власть я тогда тоже не мог. Обстоятельства сложились таким образом, что жил я весь этот период в Киеве. В Киеве советская власть за период с 1917 по 1919 г. существовала только около 4—5 месяцев, а большей частью существовала гетманская, петлюровская власть и, таким образом, приходилось решать вопрос об отношении к советской власти через призму отношений к этим двум властям. Я работал тогда в городском самоуправлении и свою позицию ставил в зависимость от тех специальных условий, в которых я работал. Я вместе с другими товарищами занимал такую позицию, что мы не хотели себя связывать ни с одним из политических режимов. Мы считали, что городское самоуправление должно явиться известной ячейкой, известным опорным пунктом, из которого при благоприятных условиях может развиваться какая-то серьезная демократическая сила, и поэтому мы больше всего заботились о том, чтобы сохранить известную политическую независимость городского самоуправления от всякой приходящей власти. Не всегда, конечно, это удавалось, здесь возникал целый ряд компромиссов, иногда очень тяжелых компромиссов, но все же приходилось этой линии держаться в надежде на лучшие времена. Я много раз ставил перед товарищами вопрос относительно роспуска думы, уходя из думы, но каждый раз вопрос решался отрицательно в надежде на то, что так или иначе положение скоро переменится.

Когда в 1919 году в Киев пришла советская власть, городское самоуправление было ликвидировано, я перешел на работу в кооперацию. Первое время я на службе при советской власти не состоял, я работал в нейтральной и независимой кооперации. Это было результатом моего тогдашнего политического настроения. Но чем дальше, тем все больше я приходил к выводу о возможности и необходимости совместно работать. Уже в 1920 году я был привлечен в качестве лектора на военно-политические курсы ПУОКР'а в Киеве, и связь с очень большой красноармейской аудиторией, которая вся дышала непосредственным революционным воодушевлением, давала мне самому очень многое, она заставляла пересматривать многие мои положения, многие мои настроения. Я никогда не был сторонником вооруженной борьбы с большевиками в тот период. Я больше всего добивался в тот период какого-нибудь соглашения. Это была иллюзия, была невозможность такого соглашения, в особенности по мере того, как борьба против большевиков проходила под руководством все более и

более правых элементов. Но у меня все время эти иллюзии были, в них я находил оправдание своей отрицательной позиции в отношении Октября.

В 1921 году я был в порядке общей ликвидации меньшевиков арестован и, сидя в ЧК в кругу нескольких десятков партийных товарищей, много с ними дискутировал по вопросу о советской власти. Как раз к этому времени начинает намечаться перелом к новой экономической политике, я на основании некоторых поступавших ко мне сведений улавливал этот перелом и ряду товарищей рекомендовал пересмотреть свое отношение в том смысле, что нужно признать, что создается такое положение, при котором возможна до некоторой степени совместная работа. И когда я был из ЧК освобожден, я немедленно перешел на советскую службу в качестве заместителя председателя Губернской плановой комиссии. С этого времени начинается моя работа в советском аппарате. Вместе с тем, предварительным условием этой работы является мой отказ от активной партийно-политической работы в результате тех чрезвычайно тяжелых переживаний, которые пришлось перенести мне на посту городского головы, в результате крайне острых эксцессов, которыми сопровождалась гражданская война. Я стремился во всем отойти от активной партийно-политической работы. Я считал, что я должен занять определенную политическую позицию в отношении борющихся сторон. Но я не мог пристать ни к одной из этих сторон, а потому решил вовсе воздержаться от партийно-политической жизни. И это продолжалось приблизительно около пяти лет, пока не началась инициативная работа по воссозданию РСДРП. Этот период — период нэпа — я провожу на службе сначала в Киеве, а потом с 1922 г. в Москве в ВСНХ.

Я считаю, что этот период был периодом вполне лояльной работы. Я считал, что в этот период я активно помогал советской власти проводить ту политику, которую советская власть проводила. Я исходил из убеждения, что советская власть является для того времени наиболее революционным режимом, режимом, который нужно отстаивать в борьбе с контрреволюцией. И я считал, что политика соввласти имеет такие диалектические черты, которые обещают сохранение этого режима на долгое время, и поэтому я всячески содействовал работе. Конечно, я вносил сюда и тогда известные меньшевистские черты в работу в том смысле, что при проведении линии нэпа я шел дальше, чем отдельные коммунисты, чем шла партия в целом. Но это делал вполне добросовестно, совершенно открыто и, по-моему, в этот период моя работа не носила характера вредительства.

Положение начало меняться, когда после XIV съезда начался поворот на строительство социализма. Здесь уже возникли все те сомнения и все те настроения, которые характеризовали отношение к власти в период военного коммунизма. Я думаю, что период между XIV и XV съездами должен быть рассмотрен, как период переходный к разрыванию социалистического наступления. В этот период еще советская власть принципиально не ликвидировала нэп, в этот период еще сохранилось много черт того переходного периода, которые существовали в 1921—1924 г.г. Но уже в этот период все же намечается стремление к строительству социализма в одной стране, в этот период развитие промышленности прокламируется, как совокупность мер последовательного порядка, и меньшевикам приходится настораживаться. Становится на очередь вопрос о том, какое значение будет иметь для народного хозяйства страны этот переход к социалистическому строительству, это возрождение отдельных элементов военно-коммунистической организации.

В общем, я думаю, что моментом разрыва с лояльной работой надо считать 1926 год, тот год, о котором мы говорили в своих показаниях. Что лежало в основе нашего отрицательного отношения к новому курсу экономической политики? Мы считали, что для строительства социализма в одной стране нет объективных оснований, мы считали, что страна будет снова ввергнута в состояние разрухи, мы считали, что рост производительных сил во всяком случае будет задержан, и поэтому я лично выдвигал такого рода экономическую политику, которая базировалась бы на сочетании элементов социалистического порядка с сохранением достаточно широкого сектора частного хозяйства и частного капитала. Но по мере того, как становилось ясным, что политика, взятая на ликвидацию нэпа, не есть случайное, а есть органическое явление, присущее советской власти, становилось ясно, что дело не в перемене того или иного курса политики, а в том, что тот, кто пытается изменить курс политики, этим самым добивается изменения самой советской власти. И таким образом эта борьба за изменение экономической политики начала превращаться в борьбу против основ самого существования советской власти.

Я в двух словах охарактеризую, почему была ошибочна та позиция, которую я занимал в тот период. Я думаю, первое и основное заключается в том, что я не понимал и не верил в ту революционную энергию, которую могут развивать революционные массы, строящие социализм. Я не верил, что можно мобилизовать рабочую массу на активную работу по хозяйственному строительству, я не верил, чтобы партия могла в себе

найти столько силы для организации социалистического хозяйства в том объеме, как это стало делаться позднее, я не допускал возможности, чтобы промышленность росла теми темпами, которыми она росла в дальнейшем, я не видел в стране таких ресурсов, которые бы давали возможность рассчитывать на подобные быстрые темпы—мне казалось, что эти темпы не могут быть особенно умножены,—я не учитывал того огромного влияния, которое, в смысле увеличения ресурсов, оказывает плановое их использование и распределение. Я преувеличивал значение и роль частного капитала в хозяйстве, я думал, что организация рыночных отношений в государственном объеме, мерами государственного хозяйства, является гораздо более трудно осуществимой, чем организация промышленности в государственном масштабе. Мне казалось, что производство гораздо легче поддается государственной организации, чем организация товарооборота, и поэтому я думал, что организация товарооборота, с вытеснением частного капитала, с передачей этого товарооборота в полное ведение кооперации и государственных органов, окажется в конце концов нерентабельной, создаст много неудобств для населения и создаст вынужденный возврат к частному капиталу. Я неправильно понимал и международное положение. Мне казалось, что без привлечения иностранного капитала быстрее развитие народного хозяйства является затруднительным. Я не исключал, конечно, возможности поступательного развития этого хозяйства, но мне казалось, что это—фактор большего значения.

И вот все эти взгляды в совокупности приводили, в сущности, к требованию сохранения и углубления нэпа, к требованию реставрации буржуазно-капиталистических отношений в более или менее полном объеме. В этом, я считаю, первое и глубокое политическое заблуждение,—заблуждение, превратившееся в политическое преступление. Я считаю, что это заблуждение и это преступление явилось исходным для ряда других, и преступление это стало все более и более оформляться по мере того, как курс новой политики начал принимать более реальные очертания.

Причинами возникновения «Союзного бюро» в 1928 году я считаю следующий момент. Развертывание социалистического наступления—это первое, и второе—перекидывание этого наступления в область идеологическую. Дело в том, что в период нэпа наступление велось, главным образом, на материальные условия существования хозяйств. Идеология, как таковая, сравнительно мало затрагивалась. Во всяком случае, идеология типичной, отстаивавшей нэп, отстаивавшей политику, несогласовавшуюся с решениями XIV съезда, все-таки давалась воз-

можность высказаться. Между тем в период после XV съезда начинается развертывание наступления и в области всех сторон идеологической культуры, в области экономической, в области конъюнктурной, в области литературной и т. д. Третья черта—постепенно, по мере развертывания этого наступления на идеологию чуждых совласте элементов, работа меньшевиков в советском аппарате, руководящая работа, становилась все более и более затруднительной. Меньшевики уже не являлись идеологами той политики, которую вела советская власть в период нэпа. Здесь они были уже плохими советчиками. Все их советы попадали не в точку потому, что меньшевики равнялись на реставрацию прежних капиталистических отношений, между тем как новый курс шел все более в сторону развертывания социалистических элементов в политике.

Четвертый факт, имевший существенное значение и влияние,—это появление правого уклона, который, несомненно, сильно оживил надежды меньшевиков на возможность раскола ВКП, на возможность победы в ВКП правого уклона и на возможность политики, близкой к той, которую отстаивают меньшевики. Многие меньшевики прямо рассматривали правый уклон, как известный недоразвитый меньшевизм.

И, наконец, пятый факт, который я хотел отметить, это давление со стороны заграничной делегации, не только со стороны делегации, как таковой, но и со стороны II Интернационала. Я бы сказал, что для учета того влияния, которое шло из-за границы, нужно, между прочим, иметь в виду также и некоторый теоретический момент, а именно, за границей, в особенности в кругах германской социал-демократии, сложилось учение—теория социализации, которая оправдывалась многими меньшевиками, в части реставраторских стремлений в СССР.

Как известно, в период германской революции, в Германии делалась некоторая попытка социализации хозяйства. Теория социализации была выработана социал-демократами. Она базировалась на том, что прежде всего социализация не должна быть продуктом революции, потому что считалось, что всякая социальная революция приводит к потрясениям в стране—она задерживает развитие производительных сил и тем самым затрудняет осуществление социализма в первый момент. В этот момент разрухи социалистическое строительство по этой теории являлось особенно затруднительным. Для того, чтобы избежать этой разрухи, не следует производить социальную революцию. Это первое положение.

Второе положение этой теории сводилось к тому, что социализация должна проводиться в рамках капиталистическо-

по хозяйства и на основе его; в виде корректива вносилось то, что эта социализация должна производиться в рамках демократического государства. Третий момент — это то, что эта социализация должна проводиться с известной постепенностью. Она должна проходить при содействии всех классов населения и в основном она должна иметь особые экономические ячейки, которые наминают собой принудительные синдикаты, состоящие из представителей предпринимателей, рабочих и кооперации. Эта теория социализации была широко развита в работах Каутского, Бауэра и Гильфердинга. Во всяком случае по этому вопросу имелось не менее чем 200 всякого рода брошюр. Это, несомненно, служило некоторым теоретическим оправданием для всех тех реставрационных пониманий переходного хозяйства, которые были свойственны меньшевикам.

Я упустил при характеристике этой теории социализации один существенный момент, а именно отрицательное отношение к государственной власти, как социализатору народного хозяйства. Считалось, что государство есть организация власти, а не организация хозяйства, и что государство может обеспечить только иерархическое устройство, известное господство, но не может обеспечить производство. Поэтому в качестве агентов социализации пользовались всякого рода другими организациями — кооперативными, общественными. Слагались всякого рода геверкшафты. С государством буржуазного, для которого, собственно говоря, и была построена эта теория, отрицательное отношение меньшевиками было перенесено и на советское государство. При этом игнорировалась колоссальная разница, непроходимая разница, которая существовала между обоими типами государств.

Я не буду вновь подчеркивать характера той организации, которая создавалась по нашей организации. Я не буду входить в подробности о том, какие цели ставила себе эта организация, и что представляли из себя эти цели и в чем это вредительство выражалось. Оно выражалось в том, что проводилась политика соответственно тем установкам, которые были у меньшевиков, а не тем установкам, которые диктовались политикой советской власти и политикой ВКП. Я не буду говорить о том, как постепенно приходили к дезорганизации народного хозяйства в целях обеспечения интервенции. Это достаточно выяснено процессом. Я только хотел бы поставить так вопрос.

Несмотря на всю нашу идеологию, которая доказывала невозможность осуществления социалистического строительства, объективную невозможность и недостаток организационных сил для осуществления социалистического строи-

тельства, несмотря на то вредительство, которое нами проводилось, все же получалось успешное строительство социализма.

Я думаю, что мы можем вполне определенно констатировать, что мы действительно находимся сейчас в периоде социализма. Раньше я этого не признавал, а сейчас я это подчеркиваю с полным убеждением, потому что, анализируя внимательно этот вопрос, я прихожу к выводу, что все элементы, которые характеризуют социалистическое строительство, сейчас у нас налицо. Я это подчеркиваю, потому что я считаю это важным подчеркнуть при той кампании по разрушению, которая была произведена и которая, быть может, найдет продолжение за нашим кругом.

Я считаю, что для осуществления социализма должны быть налицо четыре, по крайней мере, момента. Именно, должно быть налицо полное обобществление средств и орудий производства. Этот элемент в Советском Союзе полностью осуществлен. Мы имеем почти полное обобществление всех средств производства в промышленности, на транспорте, в службе связи, имеем почти на 50% обобществленные средства производства в сельском хозяйстве. Это такого рода достижение, которое несомненно дает право считать этот первый основной элемент социалистического устройства общества налицо.

Второй момент — это организация труда на общественных началах. То, что мы совершенно не имеем класса капиталистов, то, что мы в организации производства базируемся исключительно на общественных силах, — это есть второй момент, который характеризует социалистическое производство.

Третий момент — приспособление потребления к нуждам трудящихся, подчинение вопроса распределения продукции к интересам удовлетворения нужд трудящихся.

Четвертый момент — осуществление принципа «вся власть трудящимся». При осуществлении этого принципа государство начинает растворяться в общественности. Между государством и обществом, между которыми существует непроходимая грань в капиталистическом обществе, здесь устанавливается все большее и большее тождество.

И вот все эти элементы, в совокупности взятые, дают право сказать, что мы имеем в настоящее время в СССР период социализма, — период, который характеризуется, между прочим, значительным улучшением материального положения и культурного уровня рабочего класса. Мы имеем осуществление 7-часового рабочего дня, мы имеем такой рост реальной зарплаты, примерно в пределах около 65%, которого не было ни в одной стране. Мы имеем целый ряд других условий

труда, которые делают положение наших рабочих несравненно более высоким, чем положение рабочих других стран.

И вот, если действительно таково положение, тогда спрашивается, какое должно быть отношение людей, называющих себя социалистами, по отношению к этим общественным установкам, по отношению к такому государству. Каково должно быть отношение людей, называющих себя социалистами, к первому в мире пролетарскому государству? Вы видели, какое отношение было у нас раньше, вы видели, как мы запятнали себя тем, что подняли руку на это общественное строительство. Мы запятнали себя тем, что не только не содействовали росту социалистических элементов народного хозяйства, но пытались его задержать. Но теперь, кроме нас, есть ли такие элементы, которые продолжают делать то же самое дело? Повидимому, да. Повидимому, я это уже давно освоил, II Интернационал, судя по тем документам, которые здесь оглашались, полностью поддерживает ту политику, которую он вел до сих пор. К чему может привести эта политика? На кого может рассчитывать в данном случае II Интернационал? Я считаю, что пролетариат Европы, пролетариат других стран не может оказать поддержки в этой политике. Это было бы самоубийственной, братоубийственной политикой, это вело бы к тому, что дело рабочих было бы задумано руками самих рабочих. И поэтому мне кажется, что если II Интернационал будет упорствовать в этой политике, то вывод для рабочего движения будет совершенно определенный. Оно все больше и больше будет отходить от II Интернационала, выбирая другие средства, оставляя II Интернационал без масс и углубляя этот процесс отхода II Интернационала от классовых позиций, который наблюдался до сих пор. Я считаю, что еще потому преступно поднимать руку на первое в мире пролетарское государство, что оно является средоточием не только революционных стремлений пролетариата всех стран, но оно является наиболее активным агентом для поддержки национально-революционного движения в странах Востока, в странах подчиненных империализму. И поэтому мне думается, что если в ком-либо еще сохранилась какая-нибудь революционная совесть, если кто еще может оказать делу социализма какую-нибудь помощь, для того не может быть никакого выбора в решении, тот может принять только одно решение—полной и абсолютной поддержки того строительства, которое идет в СССР. Само собою разумеется, что было бы наивно, было бы прешно, было бы преступно, было бы, я бы сказал, вредительски преступно замалчивать те трудности, с которыми приходит-

ся сталкиваться в осуществлении этих социалистических идеалов.

Я изо дня в день в течение многих лет наблюдал за работой советской промышленности. Я изо дня в день видел огромные достижения, и мне, несмотря на все мои контрреволюционные настроения, много раз приходилось говорить людям, что я могу собственными наблюдениями, собственным опытом удостовериться, что те цифры и те факты, которые рисуют рост советского хозяйства и которые публикуются в советской печати, являются цифрами и фактами совершенно верными, совершенно достоверными. Я действительно наблюдал колоссальнейшие достижения, которые при других моих настроениях наполнили бы меня энтузиазмом, наполнили бы меня воодушевлением. Что сказать о том, что рост продукции за последние годы происходит не менее чем на 22, 23, а то и 25%, что рост продукции в ближайшие годы намечается, если не ошибаюсь, в пределах свыше 50%, если мы видим понижение себестоимости в течение одного года в пределах 7%, если мы видим приток рабочих в промышленности в течение одного года в количестве многих сотен тысяч человек, если мы видим рост производительности труда в пределах 12, 15, 17% и т. д., если мы видим возможность осуществления капитальных затрат в пределах около 3 миллиардов рублей в год, если мы видим, как ежедневно почти вырастают колоссальнейшие новые заводы, каждый из которых является последним достижением техники. И вот все эти достижения стоят несомненно в самой тесной связи с тем, что к строительству промышленности широко привлечена вся рабочая масса, вся революционная рабочая масса. Достижения эти являются результатом того, что предприятия эти последовательно социалистического типа, т. е. это такие предприятия, которые принадлежат самому рабочему классу, как единственному хозяину производства. И я сказал бы, что вся мобилизация рабочих под лозунгом соц. соревнования, под лозунгом рационализации, под лозунгом коллективного осуществления рационализаторских работ и т. д., все эти достижения никак не могут быть применены, никак не могут быть найдены в капиталистическом обществе. Это есть исключительная особенность советского строя, исключительная особенность советской промышленности.

Но вот, на ряду со всеми этими достижениями, которые происходят при колоссальном героическом подъеме масс, мы видим все же целый ряд трудностей. Эти трудности зачастую обесценивают те или иные достижения. Мы часто наблюдаем в промышленности недовыполнение плана по тем или иным отраслям, по тем или иным участкам промышленной работы.

Но вот какие обязанности у людей, которые встречаются с этими трудностями? Закладываются эти обязанности в том, чтобы усиливать эти трудности или, наоборот, о достижениях и этим понижая энергию в борьбе с трудностями, в том, чтобы усиливать эти трудности или наоборот, задача заключалась в том, чтобы содействовать устранению этих трудностей?

Мне кажется, что не только все те, кто называют себя социалистами-меньшевиками, стоящие на почве развития производительных сил, обязаны содействовать этому. Все граждане СССР, все заинтересованные в благе Советского Союза, все должны в этом отношении оказывать максимальное содействие и помощь. И не только граждане Советского Союза, но и весь пролетариат в целом. В этом отношении работа II Интернационала представляется особо вредительской именно тем, что II Интернационал так или иначе поддерживает финансовую блокаду, которая затрудняет рост Советского Союза.

И поэтому мы, разоружаясь, должны признать вредительской не только ту работу, которую мы сами вели, но и работу II Интернационала, ведущего пропаганду против Советского Союза, облегчающую своим правительствам, с которыми он связан, работу по окружению, по блокированию Советского Союза.

Я не позволю себе больше затруднять ваше внимание. Я перейду к некоторым конечным выводам. Я считаю, что теми показаниями, которые я давал в порядке добровольного решения на протяжении трех месяцев, я полностью разоружился, разоружился в том смысле, что я указал цели организации, содействовал выяснению состава этой организации, содействовал в удостоверении фактов, рисующих деятельность этой организации, и т. д. Сделал это почему? Потому что пришел к сознанию того громадного вреда, который эта организация давала революционному рабочему движению, потому что я пришел к твердому сознанию того, что деятельность моя в прошлом являлась деятельностью контрреволюционной, являлась деятельностью, направленной против интересов рабочего класса, против интересов трудящихся масс, и таким образом против интересов освобождения человечества.

Мне только остается раскаяться в этой работе. Я должен сказать, что на общественной работе я непрерывно работаю почти 35 лет и каяться мне приходится впервые, публично во всяком случае. Думаю, что я не принадлежу к людям щедрина типа, о которых говорится, что они каются для того, чтобы грешить, и грешат для того, чтобы снова каяться. Мне кажется, что если я в результате 35 лет общественной работы, уже на грани жизни и смерти прихожу к состоя-

нию раскаяния, мне думается, что это раскаяние должно быть последним, серьезным и бесповоротным. И дело не только в раскаянии, как таковом. Дело в том, чтобы это раскаяние было искренним, дело в том, чтобы оно дало возможность загладить тот вред, ту вину, может быть неискупимую вину, которая мною совершена.

Возможно, что ваш приговор лишит меня этой возможности, возможно, что вы признаете, что во всей моей прошлой деятельности заложены такие элементы, которые не дают вам права, беря на себя риск, оставления меня в пределах общества. Но если бы вы пришли к выводу, что я еще могу дать что-нибудь полезное для дела революции, для дела пролетариата, что те заблуждения и ошибки, которые у меня были, являются ошибками, вытекающими из добросовестных заблуждений,—я думаю, что я со своей стороны буду всячески стремиться к оправданию этого доверия.

Во всяком случае, я прошу вас иметь в виду следующее: смерть, как таковая, меня, вообще говоря, не страшит—я в жизни имел случаи очень много раз стоять лицом к лицу со смертью, и в том возрасте, в котором я сейчас нахожусь, после, по моему мнению, содержательно и интересно прожитой жизни для меня смерть не имеет особого значения. Но для меня очень тяжела смерть от руки пролетарской власти, для меня очень тяжела смерть по приговору пролетарского суда, для меня тяжела смерть в качестве человека, который может быть запятан, как изменник и предатель интересов рабочего класса.

И вот я прошу только об одном—внимательно подумайте и об этой стороне дела, прежде чем вы вынесете свой приговор. Повторяю еще раз, что мое стремление, мое желание, мое твердое решение заключается в том, чтобы отдать все свои силы, весь остаток сил служению делу революции на самых опасных и на самых тяжелых участках.

Председатель. Объявляется перерыв на 15 минут.

Председатель. Заседание возобновляется. Слово имеет подсудимый Якубович.

Якубович

— Мне предоставлено слово в порядке защитительной речи. Я, однако, так же, как и те мои товарищи по скамье подсудимых, которые говорили раньше меня, не думаю защищаться и не думаю оправдывать в какой бы то ни было степени те действия, которые совершены мной и которые были вскрыты на судебном следствии.

Больше того. Государственный обвинитель предложил применить в отношении меня высшую меру социальной за-

щиты. Я не имею в виду обращаться к суду с просьбой отвергнуть ходатайство государственного обвинителя, так как считаю, что те действия, которые были мною совершены, квалифицировались государственным обвинителем правильно, и та мера социальной защиты, которую предложил государственный обвинитель, в достаточной мере им обоснована.

Если я все-таки воспользовался предоставленным мне правом защитительной речи, то потому, что я признаю, что тот процесс, который сейчас происходит, — суд над нами четырнадцатую, — не есть просто заседание, на котором решается вопрос о судьбе четырнадцати человек.

Я понимаю — да вряд ли есть хоть один человек, который бы не понимал, — что этот процесс имеет огромное общественно-политическое значение. Если бы кто-нибудь этого не понимал, то те обстоятельства, которые сопровождали прохождение этого процесса, те явления, которые были на этом процессе констатированы — выступление заграничной делегации РСДРП, выступление Рейн-Абрамовича, выступление исполкома социалистического рабочего Интернационала, — в достаточной мере доказывают огромное политическое значение этого процесса. И поэтому каждый из нас, независимо от того, какая участь его ждет, — каждый из нас обязан принимать участие в этом процессе и выявить то политическое лицо, которое он имеет, и ту политическую деятельность, которую он вел. Каждый из нас, выступающий на этом процессе, выступает в известной мере с политическим действием. Если нам суждено — этим пяти подсудимым, по отношению к которым государственный обвинитель предложил применить высшую меру социальной защиты, — выступать здесь в последний раз в нашей жизни, то этот последний политический акт обязывает нас выступать со всем напряжением своих умственных способностей, со всем сознанием ответственности, которая на нас лежит. Это необходимо в виду особых условий нашего выступления.

Я подобно моим товарищам думаю в кратких чертах коснуться некоторых особенностей моей политической биографии. Я не буду затруднять внимание Верховного суда отдельными деталями этой биографии, тем более, что она не представляет такого интереса, как биография моих старших товарищей, которые выступали до меня. Хотя я не молодой человек, но в составе подсудимых я все же самый молодой по возрасту. Меня империалистическая война застала 22 лет, и естественно, что до этого времени я не успел принять крупное активное участие в подпольной революционной работе, хотя начало ее датируется 1907 г., когда я еще мальчиком был впервые арестован, хотя я и принадлежал к партии меньшевиков с 1908 г. Но естествен-

но, что та работа, которую я вел до империалистической войны, не столь существенна, не столь значительна для того, чтобы она могла представлять большой общественно-политический интерес. Почти с самого начала империалистической войны я находился в рядах царской армии и служил в качестве рядового солдата. Я с очень ранних лет, как я только что сказал, очутился в рядах социал-демократов, очутился в рядах меньшевистской партии. Я получил свое политическое воспитание, я составил свое политическое мировоззрение под влиянием, под руководством ряда старых социал-демократов меньшевиков. Я вырос как убежденный меньшевик и вместе с очень большим количеством меньшевиков я встретил империалистическую войну, как оборонец. Я разделяю то понимание, которое было у человека, которого я считал нашим величайшим учителем, — у Георгия Валентиновича Плеханова. Я пошел рядовым солдатом в армию с полным сознанием, отдавая себе отчет в том, что я выполняю ту миссию, которая мне казалась обязательной для каждого, стоящего на оборонческой точке зрения. Правда, пребывание мое в рядах царской армии, мое пребывание в качестве рядового освободило меня от многих иллюзий в течение этих лет, но не ото всех. Кроме того, это влияние было все-таки слишком поверхностным. Когда разразилась февральская революция, с первых дней которой я принял очень живое, очень активное и значительное участие во всех перипетиях февральского периода революции, я принял ее как самый правозерный меньшевик и примкнул к той официальной руководящей фракции, которая тогда называлась революционными оборонцами. Я шел тогда за Церетели и Даном. Здесь государственный обвинитель, давая мне краткую характеристику, бросил слово «фанатик». Я это слово принимаю. В очень значительной мере это правильная характеристика. У меня действительно были и остаются по сей день черты фанатизма. Я действительно был фанатиком того дела, которому я служил, я отдавался ему весь, всецело и беззаветно. И в качестве революционного оборонца я не останавливался на подороге. Я принимал самое активное участие во всех тех формах, которые мне были доступны, и во всех тех формах, которые открывала мне революция. Тут я уже не был мальчиком, я не был зеленым юношей, хотя и был еще молод и революция вынесла меня на своем гребне на самый верх революционных событий. Я принял деятельнейшее участие в советской работе, был первым председателем смоленского совета рабочих и солдатских депутатов, был кооптирован исполнительным комитетом петербургского совета в качестве представителя Западного фронта, был наконец,

членом Всероссийского центрального исполнительного комитета, членом его бюро, членом бюро фракции меньшевиков, и много других функций я исполнял.

Но наиболее крупное участие мне пришлось сыграть именно в прямолинейном выполнении тех задач, которые я понимал. Я считал, что надо продолжать войну, между тем появились признаки, что армия продолжать эту войну не хочет. И с той прямолинейностью, которая была мне свойственна, я принял предложение Савинкова поехать на фронт военным комиссаром временного правительства. Я был военным комиссаром. Правда, на фронте мне не пришлось играть контрреволюционной роли. Напротив, мне пришлось принимать участие в аресте генерала Деникина, и не вина тех лиц, которые его арестовывали, в том, что генерал Деникин остался жив. В тех пределах, в которых я мог тогда высказываться, я высказывался за расстрел генерала Деникина. Но я высказывался за расстрел не из тех побуждений, не из тех соображений, из которых высказывался бы большевик. Я не хочу приписать себе ни в какой степени такую роль. Я высказывался за расстрел его, исходя из своего понимания, исходя из своей прямолинейности, из задачи продолжения войны под руководством временного правительства, под руководством революционной демократии, как мы называли тогда блок социал-демократов меньшевиков и эсэров. Я стоял на той точке зрения, что если мы, Всероссийский центральный исполнительный комитет, приняли постановление о том, чтобы применять смертную казнь по отношению к солдатам-дезертирам, по отношению к солдатам-бунтовщикам, то как же может отнестись последовательный представитель линии правительства, будь он социалист или нет, к тому факту, когда главнокомандующий армией фронта поднимал знамя восстания против правительства? Я считал, что для того, чтобы иметь право применять смертную казнь к солдатам, я должен расстрелять перед лицом фронта восставшего главнокомандующего. Но мы тогда соблюдали все правила не революционного действия, а все правила так называемых демократических процедур. Военный комиссар фронта И. Н. Иорданский, который также стоял на этой точке зрения, не считал возможным взять на себя ответственность совместно со мной и с Костициным, его помощником, и мы поставили этот вопрос на решение армейского комитета Юго-Западного фронта, который постановил запросить мнение временного правительства, а временное правительство объявило выговор Иорданскому за самовольный арест Деникина без его санкции. Тем не менее, хотя я не сыграл определенной контрреволюционной роли на фронте, но те задачи, которые я на

себя принял, это были задачи вести армию, уговаривать армию, продолжать войну. Я, находясь на фронте, так недавно еще выйдя из солдатской среды, не потерявший еще связи с солдатами, не потерявший тогда солдатской психологии, я на фронте чувствовал, что солдаты воевать не будут, что солдаты воевать не хотят.

С этим я приехал в конце сентября 1917 г. в Петербург, с этим я выступил на заседании бюро Центрального исполнительного комитета, на заседании ЦК нашей партии. Я предлагал с наивностью, не отдавая себе отчета в том, в какой политической обстановке можно внести это предложение, с каким политическим обоснованием можно делать такое предложение, в какой связи, — я вносил его изолированно, я предлагал поставить вопрос о заключении сепаратного мира. Мне разъяснили, что это утопия, что это происходит от недостатка моего развития, моего понимания исторических явлений, что Россия одна выйти из войны не может, что попытка выйти из войны означала бы назавтра вступить вновь в нее на стороне противоположной коалиции. Я должен был ехать назад на фронт, но не поехал. Не поехал по случайным причинам, и эти случайные причины удержали меня от участия в событиях Октябрьской революции. Я подчинялся партийной дисциплине твердо, безоговорочно и собирался ехать на фронт продолжать то дело, ради которого меня туда послала партия, ради которого она меня предоставила в свое время в распоряжение Савинкова, а впоследствии его преемника. Если бы я принимал участие в событиях Октябрьской революции, если бы случайные обстоятельства не помешали мне принимать в ней участие (я был тяжело болен и поэтому не выходил в те дни довольно долгое время), если бы я не был болен, я не сомневаюсь в том, что я с той прямолинейностью, которая была мне свойственна, с тем фанатизмом, как говорит государственный обвинитель, сражался бы на стороне временного правительства... я бы вероятно принимал участие в юнкерском восстании. Я в них не принимал участия по случайным обстоятельствам. И вот болезнь, которая меня приковала тогда к постели, дала мне возможность глубоко размыслить, многое взвесить, пересмотреть, передумать, переоценить. И тогда, оценив многое из того, свидетелем чего я был, я ко многому стал относиться по-другому. Правда, я не сразу отошел от той линии, на которой я стоял, но все-таки вследствие того перерыва, случайного перерыва, который оторвал меня от той деятельности, которую я вел, которая меня целиком увлекала, в которой я не оставляя себе ни минуты свободного времени, я действовал каждую минуту и наносил

удар за ударом моим врагам, тем, которых я считал своими врагами.

Только благодаря тому, что случайно был перерыв в моей деятельности, имелось время одуматься, имелось время все переоценить, пересмотреть, только поэтому я избежал участия в этих событиях и не только в этих событиях. И только поэтому я не пошел дальше за теми моими старшими товарищами, которых я очень любил и уважал, которых привык считать своими руководителями и которые звали меня ехать за Волгу, ехать организовывать гражданскую войну. Я думаю, что если бы я не был тогда случайно вырван из данных событий, если бы не был перерыв, временный, случайный, то я участвовал бы в активном сопротивлении Октябрьскому восстанию, и если бы не сложил свою голову в этих сражениях, то поехал бы на Восток и принимал бы там участие по организации гражданской войны.

Только это случайное обстоятельство, что мне пришлось одуматься, что было время переоценить, пересмотреть, — это случайное обстоятельство оторвало меня от той непрерывной работы, которой я всецело увлекался, только это случайное обстоятельство не дало мне возможности участия в гражданской войне, только это случайное обстоятельство оставило меня на территории Советской России.

Оставшись в Советской России, я не хотел сразу начать работу в советском аппарате. Хотя я многое переоценил, я не сразу сдался. Я не остался в Петербурге, не поехал в Москву вслед за правительством, я поехал не на родину, где я родился, а в город, где провел свое детство, где жила моя мать — в Смоленск, и там попытался исчезнуть с внешней арены, избежать необходимости работы в советском аппарате. Я поступил кассиром в лавочку потребительского общества. Но недолго у меня хватило сил сидеть там считать деньги и не выходить никуда наружу. Я выступил на одном из митингов с большой политической речью, полемизируя с покойным А. Ф. Мясниковым — ответственным деятелем большевистской партии и моим старым товарищем. Мы с ним полемизировали в очень резкой форме и это так напугало правление потребительского общества, где я работал, что это навлечет недовольство власти, что меня немедленно рассчитали. Я вышел на улицу и не знал, что же мне дальше делать. Здесь на улице я встретил Александра Борисовича Штерна, одного из моих участников по «Союзному бюро», которого нет на скамье подсудимых только потому, что он скончался не так давно.

А. Б. Штерн был много левее меня в то время. Он иначе смотрел на события. В то время он не противопоставлял себя Октябрьской революции, хотя и не солидаризировался с ней. Почти с самого на-

чала переворота он работал с большевиками в Минске и при наступлении неприятельских армий он отступал в рядах большевистской армии, принимая участие, с опасностью для жизни, в эвакуации.

Он работал в это время в Смоленске в комиссариате снабжения Западной области, как член коллегии, и был членом областного исполнительного комитета Западного фронта. Тогда мало было таких меньшевиков, которые, не подчиняясь партийной дисциплине, продолжали сохранять связь с большевиками и работали вместе с ними с начала Октябрьской революции. Но к их числу принадлежал Штерн, и Штерн позвал меня работать в советский аппарат.

Я был к этому подготовлен, подготовлен предшествующими моими размышлениями. Если я не делал этого шага до тех пор, то в значительной мере по причине инерции, самолюбия, по психологическим мотивам.

Приглашение Штерна было для меня решающим. Я пошел работать, я беседовал с тогдашними руководителями областного исполкома Западной области, с руководителями партийной организации, все людьми, которые меня близко знали по предшествовавшей деятельности.

Они меня взяли на работу. Я начал работать в комиссариате снабжения на маленькой работе. Постепенно круг моей деятельности расширился, работа все больше и больше увлекала меня и я все больше и больше ей отдавался и со свойственным мне увлечением, с моим темпераментом я отдался ей всецело.

Правда, я оставался в рядах с.-д. партии, мало того — я был одним из руководителей смоленского комитета меньшевистской социал-демократической партии и одним из руководителей меньшевистской фракции в смоленском совете рабочих депутатов. В значительной мере, однако, благодаря моему влиянию, эта фракция была вероятно одной из самых левых, а может быть самой левой в Советской России, как и смоленская организация социал-демократии, которая держалась благодаря этому ближе по отношению к большевикам, чем другие организации. И эта причина близости, это сглаживание противоречий, которое делалось мною и моими ближайшими политическими друзьями того времени, это сглаживание противоречий замазывало по существу ту глубокую пропасть, которая уже в то время существовала между меньшевиками и большевиками.

Мы ее замазывали не для того, чтобы кого-нибудь обмануть, мы замазывали, исходя из побуждений приблизить свою партию, притянуть ее к советскому строю, приблизить к партии большевиков. Мы жили тогда еще иллюзиями, что российской социал-демократическая

партия восстанет, как партия единая, может быть под этим названием, может быть под названием российской коммунистической партии, но, словом, как единая партия. Мы жили надеждой, что мы добьемся нового объединения меньшевиков и большевиков. Как бы то ни было, я принимал, в основном, участие в советской работе, а партийная, меньшевистская работа была для меня на втором плане и это заслужило мне то доверие, которое дало мне возможность — человеку, не имеющему никакой ученой специальности, никакого ученого звания, не окончившему даже никакого учебного заведения (я был исключен из 6-го класса гимназии и дальше не учился, а был исключен по случаю моего ареста, так как я был арестован в первый раз гимназистом), — это дало мне возможность завоевать то положение и влияние в советском аппарате, которыми я пользовался. Это мое влияние и это доверие простиралось до того, что я был единственным в Советской России губернским комиссаром продовольствия, принадлежавшим официально к меньшевистской партии, и я был утвержден в этом качестве с согласия центрального комитета большевистской партии.

Впоследствии я вышел из меньшевистской партии. Я не буду подробно на этом останавливаться, тем более, что мотивы моего выхода в значительной мере совпадали с мотивами Николая Николаевича Суханова, с которым почти одновременно я тогда вышел, с которым я примыкал к общеполитической группе внутри меньшевистской партии и с которым вместе я пытался создать некий суррогат политической группировки вне меньшевиков, которая носила весьма уклончивое название «Клуба революционных марксистов». Попытка образовать эту организацию была в конце 1921 года.

Я вышел из меньшевистской организации, постепенно все-таки отойдя от нее, по той причине, что как ни пытался я работать в направлении сближения партий, я видел, как пути этих партий расходятся, и накануне кронштадтского восстания для меня было очевидно, что пути эти разошлись слишком далеко. И я вышел из этой партии в январе 1921 года.

Однако, я тогда не сделал того шага, которого все от меня ожидали: я не вступил в большевистскую партию. Тогда я думал, что это случайные причины помешали моему вступлению, теперь я думаю, можно сказать, что это не было случайными причинами, что для этого были глубокие основания и в моем мировоззрении и в моей психологии: я не был готов тогда к вступлению в большевистскую партию, хотя субъективно мне казалось, что препятствия, которые

стоят на моем пути, — препятствия исключительно морального порядка.

Мне казалось невозможным вступить в большевистскую партию, которая как раз через несколько месяцев — через 2—3 месяца после моего выхода из партии — предприняла ряд репрессий в отношении моих недавних товарищей по партии. Я очень горячо любил моих товарищей по партии, я был с ними связан годами работы. Я не мог себе представить, как я буду в рядах той партии, которая применяет по отношению к ним меры репрессии. Какими глазами я на них посмотрю? Это не рассуждения политического деятеля, я хорошо это понимаю, — политический деятель не имеет права так рассуждать. Но я так рассуждал. Мне казалось, что эти соображения морального порядка меня удерживали от вступления в большевистскую партию. Теперь я думаю, что на пути моем стояли не только соображения морального порядка, что я был связан с меньшевиками гораздо более глубокими узами, которых я в то время еще достаточно не сознавал. Я в последующие годы стал работать в Москве в центральных советских учреждениях. Как вы видите по тем датам, которые я привожу, мой выход из партии, мое появление в Москве совпало с появлением новой экономической политики. Новая экономическая политика совпала с моими чаяниями, со моими вождениями. Я проводил и продовольственную разверстку, я ставил заградительные отряды, я применял все другие меры, которые требовались тогдашней нашей продовольственной политикой, но я считал неправильной продовольственную разверстку. На всех всероссийских продовольственных съездах я выступал в числе сторонников перехода к продовольственному налогу. Когда Владимир Ильич Ленин провозгласил переход к продовольственному налогу, я оценивал это не в том смысле, что в этот момент продналог нужен, а оценивал с точки зрения того, что продналог был нужен тогда, когда я предлагал и когда он был несвоевременен. Я в то время расценивал этот момент таким образом, что моя линия в этом вопросе оправдалась и нашла свое признание в устах Ленина.

Тогда, когда стала развертываться вся система нэпа, которую я, конечно, заранее не предвидел, я был сторонником продовольственного налога. Я не говорю в том смысле, что я в какой-либо степени имел в своей голове мысль о всей системе новой экономической политики. Я, конечно, на это не претендую и не думаю претендовать. Но в своей узкой сфере, продовольственной сфере, я был сторонником продналога раньше, чем к нему перешли, но когда стали проводить нэп, то я понял, что нэп отвечал всему моему мировоззрению.

Я новую экономическую политику воспринял таким образом, что это есть политика во всей своей совокупности для меня не только абсолютно приемлемая, но и такая политика, с которой я полностью и безоговорочно солидаризируюсь. В этот момент я больше чем когда-либо считал себя близким к коммунистической партии. Но у меня было другое понимание, чем у коммунистической партии, чем у идеологов коммунистической партии новой экономической политики. Разницу в этом понимании я только впоследствии понял, только впоследствии я себе это уяснил. В то время я не давал себе в этом ясного отчета, даже более того, я вовсе не отдавал себе в этом отчета. Я смотрел на эту политику таким образом, что она есть не временное отступление, для того, чтобы начать через известный промежуток времени снова наступать, хотя так и было сказано Влад. Ильич. Лениным. Я думаю, что я не понимал эти слова так, как они были сказаны Лениным и как их надо было понимать. Я понимал, что это фазис, указанный Лениным, что он продиктован в основном политическими соображениями. Я думал, что это отступление чрезвычайно глубокое и что это отступление будет продолжаться вплоть до тех пор, пока не придет пролетарская революция в индустриальных странах. Мне казалось, что коммунистическая партия пришла к такому убеждению — строительство социализма возможно только тогда, когда для этого будет существовать крупная индустриальная база, индустриальная база во всех индустриальных странах, которая будет завоевана революционным пролетариатом после совершения в этих странах революции, после того, как рабочий класс захватит в них власть. А впредь до этого времени надо сидеть в окопах, в окопах зпа, и если это необходимо, отступать с первой линии окопов на вторую, со второй на третью и т. д. Таково было мое понимание и мне казалось, я приписывал это тогда влиянию коммунистической партии. Я думал, что я в этом понимании не расхожусь с коммунистической партией. И поэтому я субъективно думал, что я близко стою к коммунистической партии, и не раз думал о том, что мне, собственно говоря, следует предпринимать шаги к вступлению в партию. Этих шагов я не предпринял и думаю, что тоже не случайно не предпринял их. Тогда мне казалось, что были случайные причины, что первые шаги, первые попытки, которые я предпринимал, что я их прекратил по случайным причинам. Теперь я думаю, что это было не случайно. Да это и понятно. Ту разницу мировоззрений, которая сейчас ясна, я тогда не сознавал, во всяком случае ясно не отдавал себе в ней отчета. Очевидно, у меня и тогда

смутное сознание этой разницы было. И вот коммунистическая партия постепенно пошла по новому пути. Она пошла по пути строительства социализма, социалистического строительства в Советской России, в одной стране, в отсталой стране. Это в корне противоречило всему моему пониманию, это в корне противоречило всей моей концепции. Я со всей прямотой рассматривал это как безумную авантюру, я считал, что эта авантюра не может привести ни к чему другому, как к контрреволюционному перевороту, к краху советского режима, на развалинах которого создастся новый режим. И для меня стоял вопрос: если рухнет этот экономический социальный режим, этот политический режим, то какой создастся на его развалинах? Я начинал думать, что власть перейдет к той группе, которая окажется наиболее активной, которая окажется наиболее действенной, которая проявит наибольшую волю к власти. Власть будет в руках той социальной группы, той политической группы, которая будет наиболее активной, наиболее действенной, которая захватит ее и сумеет ее удержать. И я думал, обращаясь взглядом к Октябрьской революции, ведь вот в октябре самая ответственная, самая активная группа, вопреки всем противоборствующим силам, взяла власть в свои руки и удержала ее. Кто теперь будет этой наиболее сильной, наиболее активной группой? Я думал, если это будет группа, представляющая остатки социальных слоев, изгнанных из Советского Союза, то, пожалуй, она сумеет повести за собой российское крестьянство. Крестьянство никогда не играло самостоятельной руководящей политической роли. Если оно и является главной силой, то, во всяком случае, кто-то должен его инспирировать, кто-то должен его вести. И если это будет группа остатков крупной буржуазии, которая свяжется непосредственно с эмигрантской буржуазией, она будет руководить, она образует новые экономические, социально-политические формы. И, поскольку я считал, что авантюра должна кончиться крахом, я пришел к мысли, что нельзя допустить, чтобы власть оставалась в руках этой группы остатков буржуазии. Я захотел объединиться с моими старыми товарищами, с остатками социал-демократии, чтобы с ними вместе протянуть руку к власти, чтобы с ними вместе попытаться присвоить себе ту роль, которая, мне казалось, может оказаться в руках остатков буржуазии по отношению к крестьянству. Мне показалось, что мы, остатки социал-демократии, должны сплотиться для того, чтобы компактной группой взять на себя руководящее влияние, руководящее воздействие на крестьянство, на политические образования, связанные с крестьянством, что мы должны задавать полити-

ческий тон, мы должны руководить крестьянством, мы не должны выпустить из своих рук руководство. Таким образом, я пришел к мысли о том, что я должен вернуться в ряды меньшевиков, в ряды социал-демократической партии, объединиться с моими старыми товарищами на этой новой задаче, на этой новой платформе. И когда мои старые товарищи по партии, друзья мои—Штерн и Шер—позвали меня для того, чтобы я принял участие в партии, я принял их предложение, я снова вступил в партию, я вступил в ее центральную группу, я вошел в «Союзное бюро», и в «Союзном бюро», не принадлежа формально к руководящему центру, фактически принадлежал к руководящей группе, и в этом отношении государственный обвинитель был прав, квалифицируя меня как лицо, принадлежащее к руководящему центру, хотя формально я к нему не принадлежал.

Ряд фактов меня убеждал в правильности моего прогноза о близости контрреволюции, о близости крушения советского режима, и основной факт, который был для меня решающим, это был факт партийных разногласий в коммунистической партии. Я эти разногласия воспринимал как признак гниения, как признак начавшегося распада коммунистической партии. Когда образовался «левый» уклон, троцкизм, потом объединенная оппозиция, потом стали чувствоваться ростки правого уклона, я все это принимал как доказательство того, что партия гниет, я принимал это, как доказательство того, что историческая миссия партии закончена, что она сходит с исторической арены. Я был вполне убежден, я с часу на час ждал этого распада, и здесь я отчасти отвечаю на вопрос, заданный мне председателем, — где же вы были, как же вы не видели, что рабочие за вами не идут.

Да, я видел, что рабочие за нами не идут, хотя я не знал настроения в рабочей среде. Я тогда ответил на вопрос председателя, что я, как и все остальные мои товарищи по скамье подсудимых, мы варились в своем собственном соку, в интеллигентском окружении, мы рабочих не видели, а то, что мы видели в нашей среде, — признаки недовольства, ворчанье, неудовольствие, желание контрреволюционного переворота, — мы переносили, мы обобщали в отношении всех трудящихся и рабочего класса. Но я думаю, недовольство в рабочем классе существует, и доказательством этого является гниение коммунистической партии. Распад коммунистической партии, который, как мне казалось, предстоял в ближайшее время, должен был быть результатом этого самого недовольства в рабочем классе, и мне казалось, — сегодня у нас нет рабочих кадров, но завтра, на

другой день после распада компартии, они будут.

Я не принадлежал к числу тех, которые думали, что правый уклон победит, возьмет верх, поведет за собой партию. Вначале у нас была иллюзия, что мы сметем политику партии в целом, но сейчас я говорю о более позднем периоде, о 1929 г. В это время у меня не было иллюзий о том, что правый уклон победит. Я думал: нет, его миссия будет не такая, он не победит, он разложит партию, и это разложение партии приведет к тому, что на развалинах ее должна будет строиться новая партия. И мне казалось, что эта новая партия будет объединением нашей меньшевистской партии с той частью, которая отклоняется, с той частью рабочего класса, которая недовольна и которая скрывается за спиной правого уклона. Такое понимание было у меня.

Вот с таким сознанием я принимал участие в «Союзном бюро». И начав работу, я уже на этом пути не останавливался и с той же прямолинейностью, которая характеризует мою предшествующую политическую деятельность, на предшествующих этапах политической жизни, с той же прямолинейностью я вел работу и в рядах «Союзного бюро». Я не останавливался ни перед какой работой. Я брал на себя инициативу для того, чтобы выявить новые формы работы, для того, чтобы их впервые проводить, для того, чтобы установить метод этой работы.

И когда встал вопрос о том, что замедляется весь этот темп разложения партии, замедляется крушение советской власти, что это замедление означает длительный период, как мы тогда говорили, обнищание масс, ухудшение их материального благосостояния, то у нас явилась мысль. Если мы, воспользовавшись нашим положением в советском аппарате, нашим влиянием, нашими возможностями, обострим явления разрухи, которые являются объективным следствием большевистской авантюристической политики, если мы обострим эти явления разрухи, обострим те страдания, которые испытывают трудящиеся вследствие диспропорций, имеющихся в нашем народном хозяйстве, обострим недостаток материальных потребительских ценностей в обращении, — что получится? Получится на известный период, краткий период, обострение страданий рабочего класса, но зато мы избавим его от периода длительных страданий, постепенного обнищания, которое в конце концов приводит к тем же самым последствиям, — этим самым ускорим распад партии, этим самым ускорим и наступление контрреволюционного переворота. Таково было обоснование нашей вредительской тактики.

Но мы бы никогда на нее не решились, не получив санкции наших руково-

дящих партийных кругов. Даже больше. Мы бы никогда не додумались до этого, если бы нам это не было подсказано из-за границы. Правда, все предпосылки были для того, чтобы зерно упало на благодарную почву, все предпосылки были в том, что в нашей среде находились фактически, главным образом, ответственные советские работники, не имевшие никаких связей в пролетариате и имеющие очень большие связи и очень большие возможности в госаппарате.

Как-то невольно само положение подталкивало на то, чтобы использовать до некоторой степени это положение, тем более, что рядом с нами в аппарате были коммунисты не только стоявшие на точке зрения генеральной линии партии, но и уклонисты, и мы неоднократно были свидетелями, как многие коммунисты, принадлежавшие к уклонистам, не вполне прямолинейно, не вполне добросовестно проводили в своих практических работах генеральную линию партии. Это, конечно, было далеко не вредительство, но это был шаг к вредительству. Ведь и мы начали тоже с таких действий, которые мы вредительством на называли. И вообще этот термин мы принимаем из уст государственного обвинителя — ведь мы сами, в своей среде, этого термина не употребляли. Я говорю, само наше положение в государственном аппарате, наши личные взаимоотношения, связывающие нас с рядом работников, они сами натолкнули нас на мысль о том: почему же коммунист, занимающий известное положение, в праве, может действовать иногда не в соответствии с указаниями партии, а по своему личному разумению — так, как ему кажется полезным для дела революции, а почему мы не имеем этого права, чем мы хуже?

Вот корни, вот начало вредительской тактики. Но несмотря на то, что мы были так подготовлены, несмотря на это, мы бы не решились на применение этой тактики в столь развернутом виде, если бы не получили прямых указаний от заграничного центра. Мы — меньшевики, а меньшевики решительности не обнаруживали в своих действиях, они всегда проявляли колебание.

Я вам рассказывал, как мы не решились расстрелять генерала Деникина. Этот факт не случаен. Только потому я и позволил себе привести его, что он характерен, что он — не исторический анекдот, а факт, характерный для нашей тактики и для наших действий.

Мы не решились бы на такой крутой поворот тактики, не решились бы, не получив подтверждения, санкции, благословения со стороны руководящих центров. Мы получили это указание от заграничной делегации — сначала как директиву дискуссионную, общего характера для меньшевистской установки, сначала как директиву, которая означала рекоменда-

цию попробовать на опыте, что из этого может выйти. Эти опыты мне пришлось осуществлять, как я рассказывал на судебном следствии. Затем мы получили категорически ясную директиву. Но и заграничная делегация, точно так же как и мы, не решилась бы действовать на свой риск и страх, не заручившись благословением лидеров II Интернационала.

Вряд ли в архиве II интернационала, если бы он мог быть рассмотрен, найдется письменный протокол, в котором сказано: «Предложить российской секции применить вредительскую тактику». Такого постановления вероятно нет в архивах II Интернационала, но II Интернационал привык вмешиваться в вопросы политики. Он принимает участие даже в деятельности Лиги наций. Немудрено, что он привык действовать способами, которыми действовали старые дипломаты, которые учились в школе, ведущей свое начало от Меттерниха и Талейрана, которые рассматривали способность речи как способность скрывать свои мысли.

И II интернационал в лице своих лидеров, не записывая этого постановления, одобрил применение этой тактики. Заграничная делегация, черпая свою решимость в моральном авторитете II Интернационала, Социалистического рабочего интернационала, дала нам эту директиву, а мы в свете этой директивы взялись за работу, — мы ее проводили. Об этапах нет надобности говорить, — это достаточно было раскрыто на судебном следствии. Мы рассматривали, как я уже сказал, эту работу как средство для того, чтобы ускорить наступление контрреволюционного переворота, как средство для того, чтобы ускорить наступление распада партии, которая должна была, в свою очередь, подвести фундамент под нашу партию, усилить ее, укрепить, подвести под нее такой фундамент, который позволил бы ей в дальнейшем говорить более внушительным голосом и с другими организациями — и с ТКП и с прочими.

Но время шло, а результатов мы никаких достичь не могли. Рабочий класс перенес все невзгоды, перенес все тяжести, которые причинила ему диспропорция в нашем народном хозяйстве, все тяготы, которые он добровольно принимал на себя для того, чтобы на своих плечах вынести форсированное строительство индустриализации, и он вынес те дополнительные тяготы, которые мы возложили ему на плечи нашей вредительской работой.

Признаков рабочего недовольства не было видно, но мы не думали, что этого нет. Мы думали, что оно все еще в скрытой форме. Мы думали так: государственный аппарат так силен, государственная дисциплина так велика, партийный аппарат так силен, партийная дисциплина так велика, что этих средств

недостаточно, да и вредительство наше не так эффективно. И когда встал вопрос о том, что мы стоим накануне интервенции, — а я не буду говорить, что мы все время полагали таким образом, что политика большевиков ведет не только к краху, но и к интервенции; об этом говорили достаточно полно и подробно другие мои товарищи по скамье подсудимых, и мне нет надобности повторять этого, они достаточно выяснили этот момент, — интервенции мы ждали как неизбежного факта. И когда мы стали слышать, что это дело близкое, не только стали слышать из уст «Промпартии», но и стали заключать по обстановке, по всему тому, как гущалась атмосфера в Западной Европе, мы сочли, что в действительности это вполне реально. И вот, повторяю, когда мы стали слышать от социал-демократов, что и Социалистический рабочий интернационал смотрит таким образом, что интервенция неизбежна, мы приняли и интервенцию. Мы, в частности, были к ней подготовлены, кроме всего прочего, что я здесь излагал, тем, что наша вредительская работа, как мы убедились, не вела непосредственно к достижению тех целей, которые мы перед этой работой ставили.

Мы все-таки вели эту вредительскую работу вопреки сомнениям, которые есть у государственного обвинителя, не ради заработка, не ради того, чтобы подработать на этом тысячу-другую рублей.

Я не знаю среди сидящих на скамье подсудимых лиц, которые были бы заинтересованы материально в этом вредительстве. Ведь мы вредили не для этого. Мы смотрели на это как на короткий удар, как на хирургическую операцию, которая будет болезненной для рабочего класса, но которая должна его спасти. Так мы думали. Но дело затягивалось, и нам казалось уже, что под ножом при этой хирургической операции большой может умереть, и нужно было искать более сильных средств, другой, более сложной операции в том случае, если болезнь неизлечима. Ту операцию нужно было рассматривать как предварительную. Должна была быть сделана вторая, более сильная операция, и этой второй операцией должна была быть интервенция.

На интервенцию мы смотрели так же, как смотрели на вредительство. На интервенцию мы решились так же, как решились и на вредительство. Мы решились на нее только тогда, когда были получены прямые указания от заграничной делегации, указания от Социалистического рабочего интернационала. Я не хочу сваливать эту ответственность на них. Но мы не делали бы этой работы, если бы они нам об этом не говорили. Но мы бы их не послушали, если бы к этому не были готовы. Мы были к этому готовы, и поэтому, если заграничная

делегация и Социалистический рабочий интернационал лгут, когда пытаются свалить ответственность на нас, мы бы лгали, если бы хотели свалить ответственность на них. Ответственность лежит и на них и на нас. Мы стали рассматривать интервенцию как последний акт, который необходим для того, чтобы разразился контрреволюционный переворот. Но как я говорил на судебном следствии, у меня, как и у многих товарищей по скамье подсудимых, было то понимание, что не интервенты придут к нам в Москву и поставят нам правительство, а мы началом войны, началом интервенции дадим сигнал тому контрреволюционному движению, которое считали вполне подготовленным острым недовольством масс, усиленным нашим вредительством. Мы думали, что в результате этого самого народного движения, в результате недовольства рабочего класса произойдет контрреволюционный переворот. А в период таких исторических переворотов дни считаются как годы. В дни будет развертываться масса событий.

Нам казалось, что если сейчас у нас нет широкой партии, если сейчас у нас нет кадров, а есть маленькая группка, то этой группке будет достаточно для того, чтобы в дни переворота вокруг своего знамени, вокруг старых революционных имен объединить значительную часть рабочего класса, которая полна недовольства и раздражена против коммунистической партии, которая довела ее до разрухи, до голода, до нашествия неприятеля. Мы думали, что она придет к нам, и мы возглавим это движение. Наша партия станет могучей партией, и тогда мы не сами образуем правительство, а правительство образуют другие группировки — крестьянская, демократическая, но не без нашего участия, не без нашего влияния. И мы будем в состоянии свое влияние обеспечить там.

Здесь государственный обвинитель иронизировал по поводу того, что никаких военных групп нам не удалось построить. Он был прав. Действительно, нам ничего не удалось построить. Я сказал на судебном следствии, что я очень скептически относился к строительству этих военных групп, потому что я считал, что не настало время их строить. Я думал, что когда подойдет интервенция, может быть даже тогда, когда вплотную подойдет интервенция, может быть даже когда она разразится, — мы успеем в дни, предшествующие перевороту, в дни, которые будут годами, создать такую организацию, которая явится опорой нашей партии, вооруженной, физической опорой нашей партии. Так я смотрел, так я понимал.

Вот сумма идей, которыми я руководствовался и руководствовался, вероятно, многие другие из моих товарищей по скамье подсудимых. Я не уполномочен

говорить за них всех, мы не сговаривались, но я знаю, что многие другие разделяли мои взгляды, и поэтому то, что я сейчас говорю, вероятно, характерно не только для меня одного, но и для многих других. Вот те взгляды, которых мы держались, вот та сумма идей, которыми мы руководствовались.

Вот та сумма идей, которая постепенно складывалась, вот как совершалась наша вредительская, контрреволюционная, интервенционистская, предательская деятельность, и мы верили, что мы делаем дело рабочего класса. Субъективно мы в это верили. Я не хочу ни в какой степени уменьшать свою вину. Я на судебном следствии, как и на предварительном, подчеркнул свою вину, и я сейчас подчеркиваю, что я со всей прямолинейностью, со всей энергией проводил самую крайнюю форму этой борьбы. Но я не могу принять на себя вины, если бы такая на меня возлагалась, в предположении, что я субъективно думал, что я изменяю рабочему классу. Субъективно я не думал этого. Субъективно я думал, что я продолжаю служить рабочему классу.

И вот мы ждали краха. Когда мы ждали краха? Если говорить о сроках, то наиболее вероятным сроком была весна 1930 г., весна — начало лета. К этому времени все сходилось — и интервенция, и продовольственные затруднения, и диспропорция в народном хозяйстве, и истощение сезонных запасов, — все как будто к этому времени должно было сойтись, в особенности же крестьянское стихийное контрреволюционное движение, вызванное коллективизацией. Ведь это должно было быть фоном контрреволюции. Как бы ни были велики наши успехи, мы, во всяком случае, должны были действовать на фоне крестьянских восстаний.

Да, я упустил в своем изложении очень крупный факт, но он уже достаточно освещался. Я упустил его не из замалчивания относительно нашего блока с «Промпартией». Конечно — факт первоначального значения. Блок с откровенно буржуазно-контрреволюционной группировкой. Но раз мы принимали интервенцию, то ведь совершенно очевидно, что мы должны были принять блок с откровенно буржуазной группировкой. Ведь нельзя принимать интервенцию, нельзя принимать блок с буржуазным правительством, не приняв союза с нашей отечественной и эмигрантской буржуазией. Так что я сделал это не для замалчивания. Я упустил это. Тем более что это вытекало из интервенции. Но мы смотрели таким образом, что силы этой контрреволюционной буржуазии мы сможем парализовать в городе теми способами, о которых я говорил, привлечением на свою сторону рабочих в период контрреволюционного переворота и в период,

непосредственно следующий за распадом коммунистической партии.

Весна 1930 г. прошла и лето 1930 г. проходило, и каждый день приносил доказательство того, что вся та концепция, из которой мы исходили, построена на ложных основах. Распада партии нет. Напротив, как никогда, партия на XVI съезде демонстрировала свое единство. Факт немаловажного значения. Ведь если мы, если я воспринимал явления внутрипартийных разногласий как признак глубокого процесса в рабочем классе, от которого мы, меньшевики, оторваны и который мы рассматривали сквозь призму внутрипартийных событий, внутри ВКП, то факт изжития этих разногласий устранял как раз эту основную иллюзию, основную иллюзию для нас, для меньшевиков, которые субъективно хотели оставаться верными рабочему классу. Ведь если партия монолитна, если, стало быть, эти явления раскола были поверхностным течением, которое не свидетельствовало о глубинных процессах в рабочем классе, если за ними не стояла глубокая прослойка рабочего класса, если в рабочем классе нет такого глубокого недовольства, которое должно привести к краху, к распаду партии, то нам не на кого ориентироваться. Мы хотели ориентироваться на эту самую часть рабочего класса, на недовольство, которое разрушает партию. А если партия не разрушается, если это не буря, если это только мертвая зыбь, если это буря в стакане воды? Эта главная иллюзия, основная иллюзия, решающая даже для нас, социал-демократов, разбивалась, она была разбита.

Коллективизация сельского хозяйства должна была, по нашим расчетам, вызвать стихийное общенародное движение, стихийное крестьянское восстание, на фоне которого мы собирались совершить контрреволюцию, — но этого не произошло. Да, были волнения, были недовольства, и крупные недовольства. Естественно, велико было влияние в крестьянстве верхушечных зажиточных слоев, нелегко проводить эту гигантскую реконструкцию, которая не так проста и для средних слоев крестьянства. Если она не противоречит их интересам, то она ведь ломает их быт, а ломка быта переживается всегда довольно сложно. Если, несмотря на это, несмотря на ломку вековых бытовых устоев, бытовых навыков жизни, коллективизация совершается, неуклонно надвигается на нас, то этого самого фона, фундамента контрреволюции тоже не остается. Недовольство рабочего класса, которое мы сумели вызвать, обострить (не вызвать, я оговариваюсь, — мы понимали так, что не вызывать, а обострить надо его и оформить), мы оформили, — в основе этого лежало уже имевшееся недовольство рабочего класса теми требованиями, которые предъявля-

лись к нему в связи с форсированием индустриализации.

Поскольку уже исчезала иллюзия этого недовольства, стало быть рабочий класс, несмотря на те несомненные тяготы, которые налагает на него это форсирование индустриализации, несмотря на те же тяготы, которые налагает он сам на себя в порядке ограничения своих потребностей для того, чтобы построить эту промышленность, — рабочий класс эти тяготы добровольно и безропотно переносит и не становится на сторону врагов коммунистической партии. Если он берет на себя эти тяготы и строит своими руками индустрию, если крестьянство переходит на рельсы новой жизни, нового быта, на новой хозяйственной основе, если всякие иллюзии на создание пролетарской базы меньшевизма исчезают, то что же остается для социал-демократов, для тех социал-демократов, которые хотят остаться, хотят субъективно остаться слугами рабочего класса? Ничего не остается.

Почва ушла из-под наших ног. Она ушла из-под наших ног к лету, к концу лета 1930 г. Мы ожидали решающих событий, как я говорил, весной 1930 г., к началу лета 1930 г. Это был конечный срок. Можно перенести интервенцию на 1931 г., но эта интервенция не будет основана на содействии тех исторических сил, к которым мы апеллируем. И только по инерции пребывания в контрреволюционной организации, по инерции контрреволюционной работы, изо дня в день ведущейся, мы могли продолжать ее и после того, когда стало достаточно фактов для того, чтобы понять, что для наших иллюзий не остается никакой почвы. Почвы уже не оставалось, но от иллюзий мы еще не отказались, потому что сказывалась инерция. Мы чувствовали сомнение, мы носили в своей душе клубок сомнений и разочарования. Мы смотрели друг другу в глаза исподлобья, отворачиваясь друг от друга. Все наши предсказания рушились, но мы продолжали по инерции нашу работу, я в особенности. Я в особенности был фанатиком, по определению государственного обвинителя, я в особенности увлеченный изо-дня в день той работой, которую я делал, изо-дня в день, не задумываясь, только смутно сознавая и отгоняя от себя эти мысли. И моя контрреволюционная работа была прервана только моим арестом.

Тюрьма явилась для меня тем же, чем явилась болезнь в 1917 г., перед Октябрьским переворотом, когда я смог выпасть на известное время из событий, которые увлекали меня и которые не давали мне ни на минуту задумываться. И когда я выпал, я успел обдумать все происшедшее, и благодаря этому я не пошел за

своими старшими товарищами за Волгу и не принял участия в организации гражданской войны. Тюрьма сейчас играет для меня ту же роль. Я раздумывал, да много думать, пожалуй, и не надо было. Те факты, о которых я говорю, факты, которые означали, что почва ушла из-под наших ног, эти факты были слишком красноречивы, чтобы человеку, у которого есть голова на плечах, у которого есть искренность, чтобы он мог их не понять. Не понять их было нельзя, и я понял их гораздо раньше, чем дал свое сознание. Гораздо раньше, чем дал свое сознание, я понял, что почва ушла из-под наших ног.

Почему я не сразу стал на путь сознания? Потому что надо мной, как и над другими моими старыми товарищами, слишком тяготели революционные традиции, — традиции не называть друг друга. Можно в конце концов назвать себя, но нельзя называть других, а в этой работе нельзя раскрыть только о себе одном. Если сказать о себе, это значит рассказать и о других, и если вы не назовете других, то о них догадаться не трудно. Социал-демократы со старым прошлым, со старым именем, они в Москве наперечет, их не трудно разыскать. И поэтому я тяжело переживал, тяжело переживал в тюрьме эти моменты, уже придя к тому, что я понял, что у нас нет базы, что у нас нет возврата к продолжению прежней контрреволюционной работы. Я уже понял ее контрреволюционный, преступный, предательский характер и тем не менее я не создался сразу. Более того: я скажу открыто Верховному суду, что я бы и не сказал, если бы другие, более старые товарищи, не сказали раньше меня. Я каюсь перед Верховным судом — на мне нет заслуги, что я раскрыл эту организацию. Я бы ее не назвал, если бы другие, старшие товарищи, не назвали ее.

Вот все. Процесс, который здесь происходит, это также один из актов той классовой борьбы, в которой мы принимали участие, в которой я принимал участие в последние годы на той стороне баррикады. На этом процессе мы должны ответить перед пролетарским судом за нашу деятельность на той стороне баррикады. Я считаю, что та мера, которая предложена государственным обвинителем, не является преувеличенной. Но я хочу сказать, что, поскольку процесс является тоже одним из актов этой классовой борьбы, — это доказано выступлением заграничной делегации, выступлением II Интернационала, — на этом процессе нам было суждено принять в нем участие уже на этой стороне баррикады. И в час моей смерти для меня утешением будет то, что последним моим политическим актом было участие в политической битве на этой стороне баррикады вместе с пролетариатом.

Председатель. Подсудимый Залкинд,
Залкинд

— Гр-не судьи, все материальное содержание и характеристика всех основных фактов, относящихся к деятельности нашей контрреволюционной организации, прошли, мне кажется, достаточно полно перед судом в порядке судебного следствия. Общая политическая характеристика и оценка как меньшевизма в целом, так и того его новейшего этапа, с которым связана деятельность «Союзного бюро», мне кажется, также полно освещена как в речи государственного обвинителя, так и в защитительных речах предыдущих обвиняемых.

Я должен заявить суду, что в отношении характеристики старых этапов меньшевизма я солидаризируюсь с той характеристикой, которую им дал Николай Николаевич Суханов. Что же касается политической оценки и характеристики неоменьшевизма, то здесь я солидаризируюсь с Гинзбургом, Громаном и Якубовичем. Мне кажется также, что и в речи государственного обвинителя, тоже, может быть, за исключением некоторых деталей, было дано достаточно объективное освещение, политическое и практическое конкретное освещение как меньшевизма в целом, так и деятельности «Союзного бюро». Поэтому я считаю, что я могу ограничиться в своей защитительной речи освещением лишь тех общественных факторов и личных моментов, которые связаны с формацией общественной физиономии в целом и с теми моментами, которые связаны с моим вступлением и деятельностью в контрреволюционной организации, деятельность которой сейчас находится на вашем рассмотрении.

Я считаю необходимым также дать суду свою теперешнюю оценку моей контрреволюционной работы, которую я вел против того социалистического строительства, которое проводится ВКП и советским правительством и с которым я боролся. Я полагаю, что такой порядок изложения не является только защитой, что он не только дает суду материал для полной и всесторонней оценки всей суммы обстоятельств, которые должны быть взвешены при вынесении приговора относительно меня. Я думаю, что это будет иметь также значение и для составления представления о том, как в условиях переходного периода, как в условиях строительства социализма расстановка классовых сил отражается на политических акциях отдельных представителей борющихся классов.

Теперь я перехожу к своей защитительной речи. Мне ее строить особенно тяжело, потому что я начал с революционного большевизма и скатился к работе в контрреволюционной организации, работавшей методами вредительства и интервенции против первого рабочего

государства. Каким образом произошло это падение? Вот я попытаюсь, по возможности, объективно, не скрывая здесь ни положительных, ни отрицательных моментов, объяснить суду всю внутреннюю историю, которую я прошел.

Мое вступление в политическую жизнь произошло в годы, предшествовавшие революции 1905 года. Я учился в то время в гимназии в Костроме и, будучи в одном из последних классов, вошел в революционный кружок учащихся, который руководился костромским большевистским комитетом. К 1903 году мое политическое мирозерцание под влиянием, с одной стороны, нараставшей волны революции, с другой стороны — под влиянием и в результате работы по изучению теории исторического материализма и классовой борьбы окончательно сложилось и, как мне казалось тогда, оформилось, как мирозерцание марксиста-большевика. С 1903 года до 1907 года я уже принимал практическое участие в революционной работе ряда большевистских организаций, сначала в костромской большевистской организации, затем в кинешемской и, наконец, в московской окружной организации, работая там в качестве ответственного пропагандиста и агитатора. В частности, работая в московском окружном комитете, я руководил пропагандистской и агитаторской работой Подмосковского района и непосредственно обслуживал ряд крупных подмосковных фабрик. Районом моей работы были Ярославские и подмосковные фабрики, я работал на Мытищинском заводе, на Щелковском, на Пушкинском, на Люберецком заводе и на Раменской мануфактуре.

Как раз эта работа совпала с восстанием в Москве в 1905 г. Я принял активное непосредственное участие в этом самом восстании. Сначала мне было поручено организовать вооруженную дружину на Люберецком машиностроительном заводе, так как мы ожидали, что с этой стороны может подойти царская полиция и войска. Когда работа была здесь закончена, я был брошен на Виндавскую дорогу, на станции Подмосковное и Всехсвяское. Там нужно было организовать вооруженную дружину, которая должна была оберегать Пресню от подвоза войск с тыла, со стороны Виндавской дороги. Я здесь оставался до конца, до тех пор, пока не получил сведений о том, что борьба на Пресне кончилась, что революционеры вынуждены были сдать свои позиции и что на нас идут казаки. Только тогда я ушел с поста.

Для характеристики, так сказать, теоретической моей физиономии того периода я хотел бы привести перед судом один незначительный факт, но для меня имеющий чрезвычайную значимость, может быть, субъективную. Дело в том, что я в 1909 г. по поручению литературного бюро московского окружного комитета

написал небольшую книгу «О русской фабрике». Книга эта была издана большевистским издательством «Колокол». Не успела она выйти из типографии, как тотчас же была конфискована царским правительством. Вот через 18 л., в 1923 г., я совершенно неожиданно увидел эту книжку, правда, в новой обложке в витрине книжного магазина в «Красной Нови». Я не верил своим глазам, потому что я помнил, что эта книжка была в совершенно другой обложке. Каким-то образом, не ведя со мной переговоров, эту книжку издали вновь. Купив эту книжку, я убедился в том, что она является точным повторением моей собственной книжки, которую я написал в 1906 году. Даже здесь были повторены те же самые корректурные ошибки, которые были в старой книге. При чем мне не особенно польстил тот факт, что в заголовке было написано «рекомендуется для прохождения в партшколах». Затем я выяснил, что издательство «Красной Нови», просто не зная автора и не найдя его, решило издать эту книжку в порядке самочинном. Но для меня важен тот факт, что, очевидно, марксистский, большевистский анализ истории развития русской фабрики, который я дал в 1906 году, в возрасте 19—20 лет, оказался настолько устойчивым, что эту книгу было можно без всяких поправок вновь пустить в обращение в 1923 году, даже рекомендовав ее для пользования в партшколах.

Вот по существу говоря самый светлый период моей жизни, моей общественно-политической работы. Дальше начинается постепенное затемнение этого светлого пятна, затемнение, которое в дальнейшем совершенно его закрывает и уничтожает.

Поражение революции 1905 года внесло первую трещину в мою политическую ориентировку. Причиной этому послужила общественная реакция, наступившая в то время, отрыв от моих рабочих, от революционной работы, сложившиеся неблагоприятные условия моей личной жизни. Я рано обзавелся семьей. Я женился на русской, поэтому мне пришлось разорвать связь со своей семьей. Очень быстро пошли дети, жить было очень трудно, я отдавал свое время добыванию средств. Жил уроками. Кроме того, я заболел туберкулезом верхушек. Все это действовало в смысле отказа от большевизма и искания других тактических путей для осуществления моих социальных идеалов.

Мне представляется, когда я сейчас обращаюсь назад к этому периоду своей жизни, что тогда в первую очередь надломилась моя революционная воля. Я еще не сдавал своих теоретических позиций, я еще продолжал стоять теоретически на большевистских позициях, но моя революционная воля в действии в значительной степени, под влиянием всей совокуп-

ности факторов как общественного, так и личного порядка, стала все больше и больше тускнеть. В этот период времени я стал по этим причинам все больше подходить к меньшевистской установке, но пока только по ряду организационных и технических вопросов. Большевики в то время также переживали период просмотра ряда своих положений, с которыми они выступали в революцию 1905 года. Большевики в этот период стали определенно переходить в своей тактике на реформистский путь. Эти тактические установки меньшевиков совпадали и совпали с теми трансформаторскими процессами, которые протекали в тот период в моем политическом миросозерцании. Я не хотел отказаться от своей политической и социальной идеологии, за которую я боролся в 1906 году, но я искал более компромиссных путей в ее осуществлении.

Под влиянием этих же факторов во мне стала кристаллизоваться еще одна особенность, особенность, которая имела для меня затем огромное значение для всех моих позиций, уже в послеоктябрьский период, это—проявление во мне определенных элементов интеллигентского индивидуализма, который я старался примирить, все еще старался примирить с классовым социализмом. И мне представлялось, что как раз в меньшевистских установках эти элементы интеллигентского индивидуализма нашли достаточно большое отражение. Это также гармонировало с моим общим настроением. Вскоре это настроение нашло и определенное практическое осуществление. Дело в том, что, когда я в 1906, в начале 1907 года, оставил работу в большевистских рабочих организациях, я вновь пошел на работу в студенческую революционную организацию. Мы в течение примерно года, опять-таки еще стоя на большевистских позициях, издавали революционно-марксистский журнал, который назывался «Голос студенчества».

Но затем я стал скатываться все дальше и дальше. По окончании университета, это было в 1910—11 году, я поступил на работу в московское городское управление и работал там в редакции муниципального журнала, издававшегося московской городской думой. Здесь я очутился в среде меньшевиков и социал-революционеров, общий импульс которых находил выход почти исключительно в легальной кооперативной работе. Вот в эту работу был и я вовлечен. В 1912—1913 году я вошел в правление кооператива служащих московского городского управления, в 1915—16 году я вошел в состав совета большой общественной организации, которая образовалась в период войны в Москве—«Общество потребителей кооперации». Затем я был избран в президиум совета этого общества. Нужно сказать, что председателем сове-

та был Иван Иванович Скворцов, а его двумя заместителями были Хинчук и я. В этот период эта организация собрала вокруг себя почти все радикальные элементы, правда, мелкобуржуазные элементы Москвы. Таким образом, эта работа кооперации явилась теми воротами, через которые я практически вошел в меньшевизм.

Вторым вопросом, по которому я в этот период вернулся к меньшевикам, к меньшевистским установкам, был вопрос о войне. Хотя я отнесся определенно отрицательно к чисто оборонческим оценкам и установкам в вопросе войны, однако, я уже не был в состоянии воспринять также и революционную постановку вопроса о войне, которая давалась большевиками и которая требовала борьбы с войной и превращения ее в революцию. Я занял здесь какую-то компромиссную серединную позицию, которую в настоящее время я в конце концов объективно должен характеризовать, как мало отличающуюся от оборонческой позиции.

Февральскую революцию 1917 года я воспринял как достижение тех демократических идеалов, за которые боролось несколько поколений русских революционеров. Мне казалось, что февральский переворот обеспечивает достаточно полное осуществление всех требований, которые изложены в программе-минимум социалистических партий. Мне казалось, что с марксистской точки зрения является совершенно закономерным воспринять Февральскую революцию, как буржуазно-демократическую революцию, которая, однако, благодаря особым условиям, в которых она разразилась, а именно: война, вооруженный народ, развал полицейско-государственной машины, слабость русской буржуазии, проблема полной демократизации государственного строя России будет разрешена в гораздо более короткий срок, чем это было в Западной Европе. Далее мне казалось, что демократизированная Россия опять-таки благодаря относительной слабости русской буржуазии, лишению земельной собственности помещиков, а также благодаря тому, что организации вступили в нее под руководством и с уже достаточным опытом и достаточно вооруженные марксистским оружием социал-демократической партии — вот эти условия демократизированной России дадут возможность быстро и безболезненно в условиях парламентаризма и демократии двигаться к социалистическому обществу. Однако, я тогда, благодаря такому моему пониманию Февральской революции, совершенно не представлял себе возможности углубления Февральской революции в революцию антикапиталистическую. Мне казалось, что экономический, социальный и культурный уровень тогдашней России является непреодолимой силой для реализации такого плана.

Вот с такими политическими оттенками и установками я практически вступил в общественную работу на другой день после Февральской революции. Я с первых же дней революции был, с одной стороны, избран в революционный комитет городских служащих, который взял под свой контроль все коммунальное хозяйство города Москвы, с другой стороны — в общество кооперации я был делегирован в качестве члена общественных организаций города Москвы, которое являлось как бы политическим руководителем всей московской жизни. Затем, когда в мае 1917 г. стал вопрос о пере выборах московской городской думы, мне предложили в московском комитете меньшевистской партии выставить свою кандидатуру в качестве гласного московской городской думы и в качестве организатора выборов по меньшевистскому списку. Я дал свое согласие. Таким образом, я с этого момента в сущности официально вступил в меньшевистскую организацию, организационно с нею связался. Затем, когда после выборов сконструировалась новая московская городская дума, я вошел в состав бюро меньшевистской фракции городской думы вместе с Хинчуком и рабочим-печатником Романовым. Параллельно с работой в городской думе я принимал участие также в работе московского совета рабочих и солдатских депутатов, выступая на его пленумах с рядом докладов по муниципальным вопросам. Далее, я от московской городской думы был делегирован в главный исполнительный комитет Союза городов, где я взял на себя после отъезда Громана в Ленинград руководство экономическим отделом этого Союза.

Пока я мечтал об организационной работе в тех организациях, о которых я говорил, развертывание событий шло совсем не по тому направлению, которого я ожидал, и совсем не по меньшевистскому рецепту. Классовые противоречия обострялись: с одной стороны, поднимала голову реакционная часть военного командования, на которую опиралась буржуазия, с другой стороны, под руководством большевиков в июле вышел на улицу в Ленинграде рабочий класс, требуя полного разрыва с буржуазией и окончания войны. Это июльское выступление и целый ряд последующих фактов показали мне, что рабочая масса, которая в начале революции, казалось, была вместе с меньшевиками, начала катастрофически от них отходить к большевикам. Однако, и я и, по крайней мере, те меньшевистские круги, среди которых я вращался, не желая сознаваться в этом факте, создали себе тогда теорию, которая должна была оправдать все наши установки, всю последующую нашу тактическую позицию, теорию, которая разделяла большевизм, возглавлявший тогда движение пролетариата, от самого рабочего

класса. Мы считали, что, в сущности говоря, это временное явление, что вот такого рода крайние требования рабочих, такое форсированное их следование за большевизмом, что это делается только под влиянием той разлуки, того действительно тяжелого положения, в котором очутился рабочий класс под влиянием войны, и что в дальнейшем рабочий класс вернется на более разумный путь меньшевистской организации.

Пока я пребывал в этих вопросах в состоянии, может быть, сознательного самообмана, а частью довольно субъективного толкования событий, революционная волна продолжала расти и, наконец, она вылилась в Октябрь. Я совершенно не ожидал этой возможности. Для меня Октябрьская революция оказалась совершенно неожиданной, и я должен сказать, что я просто растерялся, когда она разразилась. Однако, я расценил ее постольку, поскольку я попытался отдать себе отчет в ней. Я занял принципиально отрицательную позицию к Октябрьской революции. Я считал, что эта революция выставляет непосильные для рабочего класса требования, которых он реализовать не сможет и которые, в конце концов, смогут надломить его силы. Я считал, что это — временное явление, переходящее явление. Однако, в своих тактических установках я не считал возможным идти активно против Октябрьской революции. Нужно сказать, что меньшевистские установки тогда, если подходить к ним формально, были, пожалуй, достаточно лояльны по отношению к Октябрьской революции.

Однако, я считаю в настоящее время, когда я оглядываюсь назад, что это была одна формальность, что по существу меньшевизм того периода характеризуется определенно отрицательным отношением к Октябрьской революции, и оттенки, которые были, и всякого рода тактические лозунги даже поддержки Октябрьской революции, — это были только тактические различия, которые зависели от того, где находилась та или другая меньшевистская организация: находилась ли она в пределах советской России или на территории враждебных Советской России сил.

Теперь второй момент, который, мне представляется, также уже тогда достаточно определился в настроениях меньшевизма — это вопросы саботажа, в сущности говоря, это первый факт вредительства, который служащие реализовали. Хотя опять-таки официально позиции меньшевистских центральных органов были отрицательными по отношению к саботажу, но мне доподлинно известно, что в целом ряде коммунальных учреждений на местах и здесь в Москве ряд меньшевиков активно поддерживал тот саботаж, который проводился в этот период коммунальными служащими.

Какую позицию я занял в этот период? По постановлению московского меньшевистского комитета думская фракция ушла из думы в это время, считая неправильной ту позицию борьбы, которую заняла дума под влиянием левых эсеров. Я ушел вместе с фракцией. Нужно сказать, что в дальнейшем, после того как наступило успокоение в Москве, мне пришлось доказать свою лояльность в тот момент по отношению к большевистскому перевороту фактом непосредственного перехода к практической работе.

Дело в том, что под моим руководством, начиная с февраля, в Москве были организованы выборы как в городскую думу, так и в районную. Мне была также поручена организация выборов в учредительное собрание. И я по поручению большевистского революционного комитета на следующий день после того, как перестали стрелять пушки на площади Революции, приступил к проведению этой работы и закончил ее. Между прочим, надо сказать, что по списку большевиков тогда в Москве прошел Владимир Ильич Ленин.

Каковы были те причины, которые уже, по-моему, в этот период в достаточной степени выявили лицо меньшевизма, в сущности говоря лицо, принципиально мало отличающееся от той физиономии неоменьшевизма, рассмотрением которого занимается суд в настоящее время? Я думаю, что тогда те факторы, которые в настоящее время действовали в направлении консолидации неоменьшевизма, в достаточной степени были выявлены. Дело в том, мне представляется, что социальная база меньшевизма изменилась не теперь. Не теперь, в 1926 году, меньшевизм потерял опору в рабочем классе и стал опираться на служащих, мне кажется, что в конце 1917 года этот процесс получил свое полное завершение. Я, как проводивший выборы в московскую городскую думу, в районные думы и в учредительное собрание, имел возможность проследить за этим процессом перестройки социальной базы, происшедшим с февраля к октябрю в Москве, в таком характерном промышленном центре, каким является Москва. Когда я проверял списки избирателей еще в июне 1917 года, когда происходили выборы в московскую городскую думу, списки избирателей, которые подавали голоса за большевиков и меньшевиков, я убедился, что уже в июне месяце, хотя большевики и меньшевики получили одинаковое количество мандатов—23 и 24, социальный состав избирателей уже был резко различен. В то время, когда за большевиков голосовали определенные пролетарские районы Москвы, — Лефортовский район, задние районы Замоскворечья и т. д., — меньшевистские списки проходили преимущественно в мелкобуржуазных районах. Процесс этот совершился

уже в октябре. Когда были организованы выборы в учредительное собрание, я считаю, что меньшевики уже потеряли социальную базу, потому что они получили недостаточное количество голосов, и не только одного кандидата, но даже одной сотой части кандидата не могли провести в учредительное собрание, в то время, как большевики получили почти половину списка. Куда ушла эта социальная база служащих, которая в июне была у меньшевиков? Она ушла к кадетам, потому что все районы, которые в июне голосовали за меньшевиков, теперь голосовали за кадетов (кажется, позже, потому что выборы были в ноябре, если не ошибаюсь). Следовательно, процесс потери социальной базы в рабочем классе мне представляется уже окончательно оформленным к этому периоду. Таким образом, одна, первая, основная причина уже тогда была налицо.

Затем — вторая причина — это, я бы сказал, внешнее влияние, влияние международной социал-демократии, которая также определилась целым рядом и политических и социальных факторов, которая протекала как в международном масштабе, так и внутри каждой отдельной страны.

Каково было влияние этого фактора, каковы были позиции международной социал-демократии в этот период?

Мне представляется, что они ничем не отличаются от тех позиций, которые были охарактеризованы в документах, оглашенных государственным обвинением. Участие и одобрение интервенции, которая была произведена союзниками в этот период против большевистской России, поддержка Деникина, Колчака, поддержка грузинских меньшевиков, которые непосредственно опирались на союзников, поддержка со стороны социалистических партий Антанты, — без их поддержки это не могло пройти, — в сущности говоря это определяет их позицию в отношении к большевизму, т.е. их позицию в вопросах принципиального освещения такой вооруженной борьбы с большевизмом.

Теперь я перехожу к послеоктябрьскому периоду.

Председатель. Объявляется перерыв на 5 минут.

Председатель. Заседание возобновляется. Подсудимый Залкинд, продолжайте, пожалуйста.

Залкинд. В период военного коммунизма я работал сначала в общегражданской кооперации, а затем с 1919 года до 1922 в рабочей кооперации. В середине 1922 г. я был приглашен на работу в организованную комиссию по внутренней торговле при Совете труда и обороны. С 1922 г. по день моего ареста я без перерывов работал в этом учре-

ждении, пройдя вместе с ним все этапы его развития, начиная с этой маленькой комиссии и кончая имеющим огромным первостепенное значение Комиссариатом по внешней и внутренней торговле. Проверяя сейчас совершенно объективно и чистосердечно ту работу, которую я провел в Наркомторге до 1926 г., я должен буду оценить ее таким образом, что она пошла на пользу советскому государству. Я уже говорил об этом тогда, когда рассказывал об истории образования меньшевистской ячейки в Наркомторге. Я уже указывал на то, что именно в первый период нэпа по линии товарооборота, по линии организации товарооборота, меньше чем в других областях народного хозяйства мы имели противоречий тем настроениям, меньшевистским настроениям, которые, несомненно, были у меня в тот период. Мы работали в тот период не над вопросами осуществления товарооборота, не над вопросами планового начала, не над вопросами в товарообороте. Мы работали над организацией товарооборота, над такими темами, как статистика и внутриторговая конъюнктура, как основные организационные вопросы внутренней торговли. Эти вопросы разрабатывались в тот период под моим руководством. Те основы, которые тогда уже были установлены, продолжали существовать и, как мне казалось, на пользу советского народного хозяйства.

Однако, начиная с 1926 г., у меня также, как и у других подсудимых членов «Союзного бюро», начинается уже тот злополучный период нашей контрреволюционной работы, которая закончилась нашим арестом.

Какие мотивы толкали меня в этот период на контрреволюционное меньшевистское настроение, а затем на вступление в «Союзное бюро»? Передо мной, как перед работником товарооборота, может быть, явственнее, чем перед другими работниками других областей народного хозяйства, встали две основных проблемы в народном хозяйстве, которые, как мне казалось, не только не находят разрешения в тех методах экономической политики, которую проводит советское государство, но чем дальше, тем все больше и больше они усложняются. Первая проблема — это было отставание сельского хозяйства от промышленности.

Вторая проблема, разрешение которой я не видел методами, проводившимися советской властью, — это расширение диспропорции между платежеспособными фондами крестьянского населения и рабочего класса и возможностями покрытия их продукцией промышленности.

Я считал, что эти две основные проблемы того периода могли быть разрешены, главным образом, углублением и расширением капиталистических и индивидуалистических начал в советском хо-

зайстве, может быть, даже полным возвращением, по крайней мере, по линии товарооборота, к капитализму. Между тем советское правительство, борясь с этой самой диспропорцией, шло противоположными путями. Какие пути применяло советское правительство в борьбе с этими двумя основными диспропорциями того периода? Это были три основных метода. Первое — наступление на капиталистические элементы города и деревни. Второе — форсирование индустриализации страны. Третье — усиление плановых начал и государственных административных методов в области планирования и регулирования различных отраслей народного хозяйства и, в особенности, в области товарооборота.

Таким образом, советское правительство шло по диаметрально-противоположному пути, по пути борьбы с этой диспропорцией социалистическими методами, в противоположность тем капиталистическим установкам, которые, как мне казалось, одни и могут разрешить те противоречия, которые стали на пути развития советского народного хозяйства.

Когда я в настоящее время получил возможность всмотреться в пройденный мною период, переоценить ценности, выяснить те причины, которые в тот период меня толкали в сторону противоположную от социалистического строительства, в сторону сначала, может быть, пассивной оппозиции, а затем и активного вредительства, активного торможения этого социалистического строительства. Я пришел к выводу, что основной мотив, которым я тогда руководился, сводился, главным образом, к неверию в силы планового начала в нашем советском государстве, к неверию в силы рабочего класса располагать и получить все те как людские, так и материальные ресурсы, которые нужны были для преодоления указанных мною диспропорций. Я не верил в силы государства направить по социалистическому пути развитие сельского хозяйства, я предполагал, что сельское хозяйство наиболее экономно, наиболее рентабельно, наиболее целесообразно с народнохозяйственной точки зрения в наших условиях может развиваться только в форме мелкого крестьянского хозяйства. Откуда у меня получились такие установки? Несомненно, что эти установки были результатом вообще моего меньшевистского мирозерцания, моих меньшевистских оценок движущих сил советского народного хозяйства и того направления, по которому должно идти развитие советского народного хозяйства.

Второй причиной была, несомненно, та постоянная болезнь, которой я заболел с 1905 года, а именно моя интеллигентская расхлябанность, мое интеллигентское неверие и мой интеллигентский скептицизм, который у меня всегда про-

являлся, когда я сталкивался с какими-либо трудностями. Но был еще один дополнительный момент, который увеличил в этом отношении мой скептицизм в тот период. Этот дополнительный момент заключался и имел своим источником то обстоятельство, что я работал в области товарооборота, что я работал в области торговли. Именно эта область, как мне казалось, меньше всего может быть подчинена плановому началу в таком всеобъемлющем виде, в каком его стало проводить советское правительство, и что она в последнюю очередь может быть подчинена началам обобществления. Мне казалось, что я делаю этот вывод на основании моей практической работы, но, помимо этого, я опирался в этом выводе также и на те работы в области социализации, — работы большей частью меньшевистских экономистов — Каутского и т. д., — которые, разбирая в чрезвычайно общих формах вопросы социализации, стояли постоянно на той точке зрения, что именно товарооборот, именно торговля должна быть в последнюю очередь обобществлена и социализирована. Здесь, конечно, была моя глубочайшая ошибка, и я о ней буду говорить, когда подойду, к концу своей защитительной речи. Вот эти обстоятельства и толкнули меня и других меньшевиков, работавших в Наркомторге, организоваться в самом Наркомторге, чтобы соединенными усилиями начать проводить те точки зрения, несомненно капиталистической реставрации в области товарооборота, которые мы считали правильными. С другой стороны, они сблизили меня с группой Громана и, в конце концов, явились основанием и поводом для вступления в «Союзное бюро». В дальнейшем история моей работы совершенно совпадает с историей работы «Союзного бюро». Все те этапы, которые на протяжении трех лет своей работы, начиная с 1928 года, прошло «Союзное бюро», прошел и я. Сначала открытое проведение своих точек зрения в области планирования и регулирования народного хозяйства, затем уже плановое торможение социалистического строительства, задержка этого соцстроительства и, наконец, последний этап — непосредственно дезорганизаторская и вредительская работа в текущем народнохозяйственном строительстве. Этот последний этап был зарегистрирован здесь на судебном процесс, он имеет совершенно определенное, объективное уже подтверждение в ряде фактов и документов, цитированных на суде. Я хотел бы остановиться на другом моменте: каким образом мы субъективно, как живые люди, как люди, которые все-таки считали себя социалистами и считали, что стоят на позициях рабочего класса, сумели примкнуть в себе проведение этих самых вредительских актов с нашим мирозерцанием, с нашими установками?

Несомненно, что здесь основным фактором явился, так сказать, тот авторитет, то влияние партийной дисциплины, которой мы все были проникнуты в нашем отношении к заграничной делегации, так и тот авторитет, который имела в этих вопросах мировая социал-демократия. Это освещало для нас, внутри нас, ту чрезвычайно тяжелую борьбу и то тяжелое чувство, которые каждый из нас не мог не испытывать, проводя эти вредительские акты. Но, с другой стороны, тут был и момент, который шел от нас самих, который шел от окружающей среды, и это чрезвычайно важно учесть еще постольку, поскольку эти непосредственно социальные факторы вредительства не устранены этим процессом.

Вы этим процессом устраняете 14 человек, которые стояли во главе этих настроений, но вы этим процессом еще окончательно не устраняете те социальные корни, которые дали возможность, дали базу этим 14 человекам проводить всю свою политику и все свои преступные действия.

Мне лично представляется, — я говорю на основании своих переживаний и на основании своего опыта, — что при проведении и нарастании всех этапов вредительской работы я чувствовал совершенно определенную опору и, следовательно, оправдание в той окружающей социальной среде, которую я считал, что она социально оправдывает все наши действия.

Но не думайте, что эта социальная среда был рабочий класс. Мы считали, что рабочий класс лишь в дальнейшем оценит все наши действия, что он только в дальнейшем, так сказать, поймет, что все наши действия были направлены также в сторону защиты его интересов. Сейчас же меня, по крайней мере, лично подпирала преимущественно интеллигентская среда, т.е. та самая среда, единственная среда, с которой я приходил в непосредственное соприкосновение. И несомненно, что настроение служащих, настроение интеллигенции, как мне кажется, совпадало, шло по тому же самому направлению, по которому развивалась деятельность «Союзного бюро». Мне представляется, что именно устранение тех факторов, которые создали в среде служащих, в среде технической интеллигенции и интеллигенции экономической те настроения, которые создали и для нас базу нашей вредительской работы, и явится окончательным устранением того зла, которое в настоящее время стоит на рассмотрении суда.

Дальше, еще один момент, который я хотел бы отметить еще более субъективно. Этот момент заключается в том, как внутри нас нарастал этот процесс. Нужно сказать, что это был чрезвычайно тяжелый процесс и мы никогда бы не решились на те акты, которые явились завер-

шением нашей работы, которые, так сказать, стояли в конце периода вредительской работы нашего «Союзного бюро». Ведь для нас это был постепенный процесс. Мы начали с проведения простого открытого проведения наших точек зрения, защиты наших капиталистических точек зрения в вопросах советского народного хозяйства. Дальше мы углубляли незаметно для самих себя эти формы. Когда мы увидели, что мы не можем убедить открытой постановкой вопроса, тогда мы начали употреблять скрытые методы для того, чтобы воздействовать на советское общественное мнение, для того, чтобы добиться проведения наших планов. От этих скрытых методов мы перешли к торможению. Эти постепенные процессы, они внутри нас примиряли нашу совесть с теми актами, которые мы проводили. И наконец, самое тяжелое, с которым, я уверен, никто не примирялся и не примирился до настоящего времени, несмотря на то, что мы были убеждены, что эти акты идут в конце концов навстречу интересам рабочего класса, но самый характер этих актов было трудно переварить, — я имею в виду акты непосредственной ломки текущего социалистического строительства, в частности и в области товарооборота.

Таким образом, перескакивая с одной ступеньки на другую, мы увенчали наше здание интервенцией.

Для меня, так сказать, хронологически наиболее знаменательным периодом этого момента нашей работы явилось свидание с Абрамовичем. Должен сказать, что это свидание оставило во мне очень тяжелое впечатление, потому что я думал, что я в результате беседы с Абрамовичем найду достаточно прочную принципиальную базу, которая никаких сомнений в дальнейшем не внушит мне в этом вопросе. К сожалению, такой базы я не нашел, я чувствовал именно двойственность всех его аргументов. И для меня лично вопрос об интервенции в положительном смысле разрешился позже, не осенью 1928 года, а уже в 1929 году, потому что именно 1929 год, как мне казалось, уже достаточно наглядно подтвердил те пессимистические оценки перспектив развития советского народного хозяйства и в частности перспектив развития области обмена, которые, я лично считал, являются следствием неправильной политики советского правительства.

Но для меня ясно было, что, в сущности говоря, силы советского планового государства настолько велики, что ожидать кризиса, ожидать крушения в ближайший срок нельзя — я в это не верил. Я считал, что тут будет чрезвычайно мучительный и медленный процесс расшатывания как социальных и государственных органов советской власти, так и разрушения производительных сил, и мне казалось, что, в противовес этому ме-

дленному мучительному процессу можно принципиально противопоставить интервенцию.

Я знал, что интервенция несет за собой огромные жертвы в первую очередь для рабочего класса. Но мне казалось, что исторически это будет оправдано именно с той точки зрения, на которой я стоял и оценивал перспективы дальнейшего развития советского народного хозяйства.

Еще один момент меня подвел к тому, что интервенция будет фактом — так как я уже был об этом информирован в начале 1930 года, — который разрешит, быть может, очень болезненно, но все же в ближайший срок нарастающие противоречия в нашей государственной и народнохозяйственной жизни. Для меня было чрезвычайно важным моментом, что эта интервенция произойдет в начале 1930 года, т.е. тогда, когда наш народнохозяйственный организм не будет расшатан, когда интервенция окончательно его еще не подорвет и его можно будет быстро восстановить. Когда я убедился, что это были одни разговоры об интервенции, я, в конце-концов, пришел к такому выводу, что нас, может быть, обманывали, что, может быть, интервенция будет, но она отложена, что капиталистические державы выберут для интервенции удобный для них момент, а не тот момент, который удобен с нашей, меньшевистской точки зрения, с точки зрения той организации, которая здесь, в России, борется или думает, что она борется за интересы демократии. И у меня началась в это время определенная оскомина. Я начал сомневаться как в методах нашей борьбы, так и, в особенности, в последнем моменте относительно интервенции. Мои сомнения получили определенное практическое разрешение. Сомнения мои не заходили так далеко, чтобы я ставил вопрос о выходе из «Союзного бюро». Я с ними до такой степени солидаризировался, что такой вопрос не мог быть поставлен. Но мне хотелось, по крайней мере, по возможности уменьшить сферу своих возможностей в области вредительской работы, уйти из этого самого тяжелого участка нашей работы. Я обратился к наркомку внешней и внутренней торговли с просьбой, чтобы он меня отпустил из наркомата. Когда он мне указал, что это невозможно, я поставил перед ним чрезвычайно настойчиво вопрос о возможности перевода меня с руководящей плановой работы на более спокойный участок. Я объяснил ему это целым рядом личных моментов, но глубинными основаниями моими было то, что я хотел свернуть область своей вредительской работы.

И я добился этого. Месяцев за 5—6 до ареста меня перевели в статистический сектор, т.е. сектор, который не является столь активным, как планово-экономиче-

ский сектор. Конечно, и здесь были возможности для вредительской работы, но все-таки в значительно меньшем масштабе. И уже в таких настроениях меня застал арест. Таким образом, когда меня арестовали, почва для переоценки ценностей была уже подготовлена, так что арест и пребывание в тюрьме дали мне возможность уже спокойно, совершенно объективно оценить и окончательно подвести итоги последнему этапу моей «общественной» работы.

Но нужно сказать по поводу этой переоценки, что она далась мне с очень большим трудом. Я должен сейчас сознаться суду, что в течение трех месяцев я даже пытался ввести в заблуждение следственные органы. Я не мог не сознаться во вредительских актах, потому что тут были объективные улики или показания свидетелей, но я всеми зависящими от меня средствами пытался скрыть партийное лицо той вредительской организации, которая проводила эти акты. Я давал целый ряд неверных показаний и о составе этой организации, и о методах ее работы, о ее финансовом положении и проч. И только очень тяжелая внутренняя борьба через 3 месяца сидения создала, наконец, во мне внутреннюю возможность окончательно разоружиться, создала мне возможность, наконец, поставить вопрос и о партийном лице организации.

Ну, а когда я этот основной момент одолел в себе, я уже нашел в себе силы и полную внутреннюю возможность к тому, чтобы перейти на раскрытие всех пружин, всех сил, которые двигали работами той контрреволюционной организации, к которой я принадлежал. Вот та внешняя история моего разоружения, переоценки ценностей, которая происходила.

Как это происходило по существу? Я уже вам вначале о этой переоценке рассказал. Эта переоценка началась в период нахождения меня на свободе. В тюрьме этот процесс углубился. Я здесь, освобожденный от обстановки политической борьбы, правда, в такой своеобразной, вредительской форме, в которой мы ее вели, освобожденный от обстановки служебной работы, смог осознать как следует всю сумму противоречий, в которых я тогда бился. Так вот эта спокойная обстановка, в которой я очутился в тюрьме, дала возможность по существу коренным образом поставить перед собой все эти вопросы. Нужно сказать, что первый вопрос, который я поставил перед собой, это был вопрос не об экономических расхождениях, не о расхождениях моих по экономическим вопросам с советской властью. Первый вопрос, который я поставил перед собой, был вопрос о политических моих расхождениях с советской властью. Я упустил из виду, очень подробно останавливаясь на частностях в первой части своей речи, по-

казать, что основным расхождением было именно то, что я не принял политической формы диктатуры пролетариата, т.е. той политической формы, в которой она получила выражение в советских условиях. Это опять-таки вытекало из моих интеллигентских индивидуалистических начал. Я не мог примириться с тем обстоятельством, что индивидуум, отдельная личность должна быть настолько подчинена интересам класса, интересам целого, чтобы окончательно раствориться в нем, чтобы отказаться от всех своих элементарных прав.

Когда я сидел в тюрьме, я вспомнил беседы на эти темы, которые я вел с товарищами большевиками еще в 1905 г., когда я был совсем еще юношей. Я вспомнил, что тогда уже я выражал сомнения по поводу того, что диктатура пролетариата потребует или не потребует отказа от всех тех буржуазных индивидуальных вольностей, которыми формально характеризуется весь буржуазный общественный порядок. Именно по свойствам своего интеллигентского нрава мне казалось это невозможным. Мне казалось, что социализм, когда он придет, уже застанет такую социальную формацию, когда не понадобится отказываться от индивидуальных вольностей. Помню, что я возражал так: если придется отказываться от индивидуальных вольностей, если настолько личностно будет подчинена классу, коллективу, то это смогут сделать только в порядке религиозных установок вопроса, а не в порядке реальной политики.

Нужно было перебороть себя прежде всего в этом моменте. Вот основное в моем расхождении со всеми советскими установками. Это в значительной степени превысило экономические мои расхождения с советскими установками. Я, в сущности говоря, в области экономических вопросов на протяжении существования в течение 13 лет советской власти скорее мог придти к целому ряду соглашений, к целому ряду таких точек зрения, которые меня очень сильно сближали с советскими установками. Но каким образом мне удалось это в себе изжить? Я изжил это тем, что я понял, что такая форма диктатуры пролетариата, такая политическая государственная форма диктатуры пролетариата есть вовсе не религиозная установка, о которой я тогда говорил, а диктуется действительно непосредственными интересами рабочего класса в переходный период, и что вне этой формы не может быть проведено социалистическое строительство как в условиях той классовой борьбы, которая протекает в СССР, так и в условиях того капиталистического окружения, в котором СССР проводит свое социалистическое строительство. Я это понял органически, я это понял, так сказать, на обратном примере. Я понял, что когда в

этой классовой диктатуре была допущена цель, маленькая цель, в которую пролезли мы, пролезли как по линии печати, так и по линии непосредственной хозяйственной работы, то она привела к тем результатам, которые являются предметом вашего суждения. А каковы эти результаты? Я их расцениваю чрезвычайно высоко. Я не знаю, каков удельный вес конкретных вредительских актов нашей меньшевистской организации. Может быть, государственный обвинитель несколько преувеличивает их непосредственное значение, но мне лично представляется, что наше общее влияние, как через публицистику, так и через нашу непосредственную работу в наркоматах, имело огромное общее задерживающее значение для социалистического строительства. Мне кажется, что, если бы не было нас, которые находили себе частичную опору в правых настроениях внутри самой ВКП, мы перешли бы к реконструкции народного хозяйства, может быть, на год—два раньше, а это имело бы огромное значение, потому что, если бы мы перешли на один—два года раньше, мы задержали бы развитие тех социальных кулацких сил, которые, в сущности говоря, и породили главнейшие затруднения в настоящее время. Вот в чем суть. И вот на этом самом примере я убедился, в какой твердой, жесткой форме должна проводиться действительно диктатура пролетариата в тех условиях социалистического строительства, в которых она протекает в настоящее время.

Когда я разрешил внутренне для себя этот вопрос, мне было уже значительно легче перейти к полной переоценке ценностей в области моих экономических взглядов, моих экономических оценок социалистического строительства, а следовательно, и к оценке тех методов, с которыми мы боролись против этого самого социалистического строительства. Я проверил те главные сомнения, которые у меня были в этой области, все мои неверия, о которых я уже вам рассказывал, проверил их с точки зрения того, подтвердились они или, наоборот, подтвердилась вера в творческие силы советского государства, рабочего класса. И целый ряд объективных факторов указал мне, что, несмотря на те огромные и неожиданные трудности, которые встретили социалистическое строительство и которые его затормозили, его баланс все-таки настолько положительный, что мы должны считать себя побитыми в своих установках. Я провел параллель даже не только внутри самого СССР, но и параллель с тем, что после империалистической войны было достигнуто капиталистическими государствами. Я не говорю об уровне того и других, ведь мы начали с гораздо более низкого уровня, чем там после войны, но я говорю о том отно-

сительном темпе, с которым мы поднялись с послевоенного уровня, и о том темпе, с которым поднялись капиталистические государства. Здесь все было за нас. Я взял, в частности, интересы рабочего класса. Опять-таки в вопросе относительного роста благосостояния рабочего класса после окончания войны где больший успех — у нас или за границей? Совершенно несомненно, на основании непосредственных материалов, что развитие у нас идет гораздо быстрее, гораздо прогрессивнее, даже учитывая те тяжелые годы, которые мы переживаем в настоящее время.

Дальше я намечал, что для преодоления данного кризиса нужно во что бы то ни стало укрепить индивидуалистические, капиталистические силы. Без этого мне казалось, что те диспропорции, которые стали нарастать в нашей работе, не могут быть преодолены. Что получилось на самом деле? Я увидел, что именно тот путь, по которому пошли советская экономическая политика и коммунистическая партия, создал более прочную базу для достижения тех результатов, которых я думал добиться при помощи капиталистических методов. Я убедился, что именно форсированное развитие тяжелой индустрии (помимо того, что оно укрепляет обороноспособность Советского Союза, что имеет огромное значение и что никоим образом не может быть упущено) прежде всего создало и создает прочную базу для укрепления пролетариата СССР. Это — первое.

Во-вторых, что именно через этот рычаг мы в настоящее время гораздо более форсированными темпами подошли уже к воздействию на сельское хозяйство, к воздействию социалистическими путями, к реорганизации сельского хозяйства на социалистических началах и подходам (я не знаю как сейчас обстоит вопрос, но я уверен), если не в этом году, то в будущем к разрешению повышающимися темпами проблемы и легкой промышленности, но именно на базе индустриализации страны, а не так, как мне представлялось, — на базе развития сельского хозяйства. Затем, момент неверия в силы рабочего класса вообще, в то, что экономическая, культурная и бытовая обстановка СССР в смысле возможности использования ее как базы для такого огромного и невиданного строительства в народном хозяйстве, — опять здесь полнейшее разочарование, опять я здесь вижу, что рабочие массы, не смотря на трудности, которые им приходится переживать в настоящее время, выполняют все те темпы, которые намечены в плане. Пятилетка в основных своих частях все-таки будет выполнена даже в четыре года. Вот все эти моменты такого душевного порядка и моменты логического порядка создали во мне возможность полного разоружения, возможность со-

знания и признания характера той организации, в которой я работал, и работы, которую она вела, и, наконец, тех истоков, из которых она черпала свои идеологические установки и, так сказать, свои практические и финансовые ресурсы.

Теперь разрешите мне перейти к моим перспективам, к моим дальнейшим перспективам. Государственный обвинитель не включил меня, насколько я его понял, в ту группу подсудимых, для которых он требовал высшей меры социальной защиты. Нужно сказать, что я в течение своего сидения в тюрьме так много пережил, настолько перевернул себя внутренне, что я готов был к смерти и для меня была неожиданным подарком постановка вопроса государственным обвинителем. Я скажу, что это подарок не потому, что государственный обвинитель не требует моего уничтожения. Для меня жизнь вообще представляется сейчас в чрезвычайно сложных формах после того клубка страшных противоречий, в которых она протекала за последнее время. Но подарком это было для меня потому, что я считал, что такая постановка вопроса государственным обвинителем вероятно вытекает из того, что он все-таки нашел определенные моменты разоружения, которые дали ему возможность не требовать ко мне высшей меры социальной защиты. Но это удовлетворение было минутным, потому что когда он перешел к положительной формулировке той меры соцзащиты, которую он считает все-таки необходимым применить ко мне, то здесь меня уже глубоко огорчал опять-таки не тот максимальный срок, который государственный обвинитель имеет в виду применить ко мне, ставит перед судом вопрос, а именно мотивировка этого максимального срока. Государственный обвинитель мотивировал, что меня нужно изолировать на такой продолжительный срок, чтобы от меня было обезопасено социалистическое строительство до того момента, пока все завершится окончательно. Так я понял формулировку государственного обвинителя.

В сущности говоря, этот приговор для меня равносильен смертному приговору, потому что остаться жить без всякой надежды когда-нибудь, в какой бы то ни было, хотя бы ничтожной форме, принять участие в социалистическом строительстве, в которое я поверил всеми фибрами своей души, — такая перспектива жизни чрезвычайно мало утешительна.

Позвольте мне на этом закончить.

Председатель. Подсудимый Соколовский.

Соколовский. Я буду ходатайствовать перед судом перенести мое слово на завтра. Я плохо чувствую себя.

(Суд совещается.)

Председатель. Хорошо. Тогда подсудимый Рубин.

— Настоящий процесс выяснил с полнотой картину разложения социал-демократии за последние годы, картину перехода ее к прямым контрреволюционным выводам, картину полной капитуляции левой социал-демократии перед правым меньшевизмом, который всегда откровенно высказывал свои контрреволюционные взгляды. Этот процесс усиления и углубления контрреволюционного характера меньшевизма есть процесс международного. Он имеет место и среди русской социал-демократии, как внутри самого Советского Союза, так и в заграничной делегации; он имеет место во II Интернационале, он имеет место среди отдельных секций II Интернационала.

Если мы схематически будем говорить о левом меньшевизме и правом меньшевизме, как наиболее беспринципом и примыкающем то туда, то сюда, то мне кажется, что настоящий процесс с полнотой выяснил следующее положение. Вся практика левого меньшевизма, вопреки его официальной декларации и лозунгов, приводила его постепенно к полной капитуляции перед правым меньшевизмом, к полному принятию контрреволюционной платформы, контрреволюционных методов действий. Именно это обстоятельство выяснилось с наибольшей полнотой на настоящем процессе и поэтому я позволю себе на этом вопросе остановиться, вплетая свои личные биографические моменты лишь изредка в это общее изложение.

Я вступил в бундовскую организацию в 1904 году. Три года работал среди еврейских рабочих в черте оседлости. Переехав после этого в столицу, где я учился и где была только интеллигентская бундовская организация, я поддерживал с нею связь менее тесного характера, участвуя лишь в дискуссионных собраниях, руководя кружками, выполняя вообще, главным образом, роль пропагандиста.

Здесь уже в Москве, во время войны, руководил нелегальным кружком студентов бундовцев, вел опять-таки работу преимущественно пропагандистского характера и в довольно узком объеме.

Не буду останавливаться на огромном влиянии мелко-буржуазной идеологии, сказывавшемся во всей истории Бунда. Отмечу только одну принципиальную черту, это, я бы сказал, фетишизм партийного единства. Мы, бундовцы, гордились тем, что никакие принципиальные разногласия не помешают нам ужиться в одной организации. Мы всегда сохраняли этот фетишизм партийного единства, объединявший представителей самых различных политических взглядов, конечно, в пределах общего, единого мировоззрения.

Эта особенность моего бундовского воспитания и бундовских традиций ска-

залась на всей моей дальнейшей деятельности. Во время войны я был интернационалистом, здесь на дискуссиях отстаивал подобную позицию, но никогда не стоял за четкое размежевание с оборонцами. Тут в музее труда, месяц спустя уже после войны, выступал Никитин с ярко оборонческой программой, против него выступили Могилевский, Овсяников и я. Февральская революция произвела первую перемену в моих взглядах. Первое мое политическое заблуждение заключается в том, что февральская революция превратила меня из интернационалиста в революционного оборонца. Правда, я принимал платформу революционных оборонцев с большими оговорками. Я критиковал временное правительство в статьях и выступлениях, я не занимал никаких официальных постов ни в органах временного правительства, ни в партийных органах. Я работал в качестве пропагандиста здесь, за Даниловской заставой, проводил время на митингах, на собраниях. Кроме того, занимался работой, писал статьи по экономическим вопросам, по рабочему вопросу.

Это обстоятельство, то, что я не был связан с господствовавшими тогда кругами, может быть, дало мне возможность встретить Октябрьскую революцию иначе, чем ее встретило тогда большинство социал-демократии и ее официальная часть. Правда, я отрицательно отнесся к Октябрьской революции, считая, что она может вызвать контрреволюцию, но я не был настроен против нее враждебно, — я не только не боролся с ней практически, но считал недопустимым бороться и тактически против движения, хотя ошибочного на мой взгляд, но исходящего от рабочего класса. На этом вопросе об отношении к Октябрьской революции я и хочу остановиться. Дело в том, что тогда намечалась разница в отношении между правыми и левыми меньшевиками, но общее обоим этим течениям было отрицание социалистического характера Октябрьской революции и, как мне кажется, это отрицание социалистического характера Октябрьской революции и являлось основным пороком меньшевизма, предопределившим все его дальнейшие политические ошибки и преступления, как для правого меньшевизма, так и для левого меньшевизма. Какова была позиция правых меньшевиков в отношении к Октябрьской революции? Они говорили: Октябрьская революция отменила всеобщее избирательное право, право собраний и союзов, поэтому Октябрьский, как говорили они, переворот есть настоящая контрреволюция. А раз Октябрьский переворот есть контрреволюция, значит против него надо бороться с оружием в руках, значит можно идти на союз с квази-демократическими элементами, вроде эсеров, или демократических европейских правительств — мы знаем

печальные опыты Архангельска, Самары, Кавказа. Даже тогда, когда против Октябрьской революции выступала белогвардейская армия, правые меньшевики не становились на защиту Октябрьской революции и объявили себя третьей силой. С этой постановкой вопроса не соглашались мы — левые меньшевики. Но какова была наша позиция? Наша позиция заключалась в том, что Октябрьский переворот есть переворот, имеющий историческое оправдание, что он вызван массовым движением демократических классов, рабочих, крестьян и солдат, составляющих часть крестьянства, но мы признавали историческое оправдание Октябрьской революции лишь как буржуазной революции, но не как революции социалистически-пролетарской. Отсюда вытекала вся противоречивость наших резолюций, все дальнейшие наши ошибки по отношению к советской власти.

Левые меньшевики не имели такой последовательной точки зрения, как правые. Правые, как я говорю, прямо считали нужным бороться против Октября, они признавали вооруженную борьбу против советской власти, они признавали, в сущности, поддержку интервенции, они признавали блок с самыми крайними врагами советской власти. Левые меньшевики, не договаривая этих выводов до конца, критиковали все время советскую власть, меняя все время свою аргументацию и свою исходную точку зрения.

Как критиковали левые меньшевики советскую власть? Вначале они говорили, что Октябрьская революция вызовет контрреволюцию. В этом ее опасность, в этом ее отрицательная сторона. Когда началась гражданская война и белые армии выступили против Октябрьской революции, левые меньшевики вынуждены были на словах объявить, что они будут защищать Октябрьскую революцию против белой армии, но эта защита обнаружилась в том, что они тут же признали советскую власть не в состоянии защищать революцию против белых армий, ибо, говорили меньшевики, социальный базис советской власти слишком узок, он не сможет устоять против белых армий, нужно этот базис расширить другими демократическими слоями. В частности, они резко критиковали экономическую политику военного коммунизма, доказывая, что он направлен против крестьянства и может вызвать недовольство крестьянства. Вот эта критика советской власти во время гражданской войны, в сущности, обнаруживала словесную поддержку, которую левым меньшевикам пришлось оказывать советской власти. Этот прогноз меньшевиков не оправдался.

Как мы знаем, советская власть оказалась в состоянии защитить революцию против белых армий. Крестьянство не только не оказало сопротивления советской власти, но оно оказало мощную под-

держку советской власти в борьбе с белыми армиями. Таким образом второй прогноз меньшевиков уже во время гражданской войны потерпел крушение.

Наступил нэп. Советская власть предоставила известную свободу рыночному товарообороту. Большевики истолковали нэп, как уступку капитализму, как возврат, частичный, капитализма. Какие же аргументы они выставили теперь против советской власти? Они всю свою аргументацию повернули и выставили новый аргумент против советской власти. Они сказали: раз теперь будет развиваться у нас капитализм, то советская власть непременно переродится и станет представительницей мелкобуржуазных классов населения. А раз так, то мы должны организовать пролетариат отдельно от советской власти и коммунистической партии. Мы, меньшевики, должны стать партией защиты интересов пролетариата. Если раньше, в период военного коммунизма, меньшевики критиковали советскую власть за то, что она защищает интересы пролетариата и игнорирует развитие производительных сил, то теперь при нэпе был выдвинут противоположный аргумент, а именно следующего порядка — советская власть предоставлением известной свободы производительным силам должна будет отдалиться от пролетариата и не может защищать его интересов.

Оглядываясь мысленно назад на период 1918—1921 гг. и вспоминая свои собственные позиции, я скажу, что, пока шла гражданская война, я считал необходимым поддерживать советскую власть. Когда же гражданская война окончилась, то усилилось мое враждебное отношение к советской власти. Я считал, что теперь, с окончанием гражданской войны, должна быть смягчена форма диктатуры и я усвою ту концепцию, изложенную мною, согласно которой теперь, с начала развития нэпа, меньшевики должны связаться с рабочими массами и стать их защитниками. К этому времени относится и большая часть работы в организации. В 1918—1920 гг. я работал по преимуществу в Бунде в Москве, потом моя работа носила сравнительно небольшие размеры. С самого начала Октябрьской революции я считал необходимым работать в органах советской власти. Я работал для партийного органа, для первого издательства «Коммунист» при ЦК партии, так как тогда Госиздата не было. Я работал по поручению покойного И. И. Степанова. Большая часть моей работы в меньшевистской организации относится к началу 1921 г., когда старые деятели партии были арестованы, отправлены за границу или в ссылку и когда начали привлекать в руководящие органы партии более молодых членов. В качестве представителя от Бунда я был кооптирован в ЦК меньшевистской

партии, где деятельно работал в 1921—1922 году. Вначале мы существовали открыто, легально, потом полулегально, а последние полгода нелегально. Моя работа частью тоже была пропагандистско-агитационного характера, ибо до середины 1922 г. мы выступали на митингах, собраниях, на перевыборах советов, на профсоюзных конференциях и съездах.

В начале 1923 года, несмотря на то, что, казалось бы, теперь мы могли ждать сочувствия рабочих, мы наблюдали совершенно противоположное явление. Начиная с 1921 года, последние остатки рабочих, на которых меньшевистская партия еще имела влияние, от нее катастрофически быстро уходили. Я своими глазами видел в 1921 году этот процесс отхода от нас последних уже сравнительно узких слоев рабочего класса, с которыми мы были связаны. Вначале мы еще имели некоторые связи в отдельных профсоюзках, среди печатников, среди химиков, имели некоторое число представителей в московском совете. Я видел от раза к разу, как на той же самой фабрике вместо старых поднимаются 5—6 рук. Этот процесс отхода, и катастрофически быстрого отхода, рабочих от меньшевистской партии был мною пережит в 1921, в начале 1922 года и уже к моменту моего ареста в 1923 году я разуверился в возможности работы среди рабочих в Советском Союзе. В начале 1923 года я был арестован, год и три четверти просидел в тюрьме, потом был полтора года в ссылке, после чего вернулся в Москву, где занялся исключительно научной работой. Я твердо решил уже в тюрьме, что я ближайшего участия в политической жизни не принимаю, хотя никому об этом решении своем не объявлял и, как я уже говорил, не считал для себя допустимым давать какие-либо обязательства в таком роде. Когда я вернулся в Москву, я действительно в течение первых двух лет, как и полтора лет в ссылке, в общем около четырех лет, не принимал никакого, хотя бы самого отдаленного, участия в политической жизни и партийной деятельности, не видел меньшевистской литературы, не был знаком с борьбой и течениями среди меньшевиков, жил совершенно в политическом одиночестве и в политическом небытии. Причина этого была двойная. Во-первых, я, как уже раньше говорил, на опыте своем видел невозможность ведения меньшевистской работы среди рабочих. Я считал это дело безнадежным. Во-вторых, я считал себя в то время более или менее примиренным с экономической политикой советской власти. Когда я сидел в тюрьме в начале 1923 года, тогда возможности нэпа еще не развернулись в полной мере, я еще не видел восстановления промышленности в более или менее значительных размерах. Когда вышел на свободу, я

увидел новую, возродившуюся промышленность. Этот факт быстрого восстановления промышленности произвел на меня, как и на многих других меньшевиков, очень сильное впечатление, ибо мы не только не предвидели этого факта, мы его заранее отрицали, мы говорили заранее, что при сохранении советской системы хозяйства развитие промышленности невозможно.

Эти два обстоятельства — неверие в возможность меньшевистской работы в Советском Союзе и факт быстрого восстановления промышленности — способствовали тому, что я в течение нескольких лет оставался вдали от политической жизни и считал себя в душе отошедшим от меньшевизма, хотя, повторяю, я оставался меньшевиком в том смысле, что я отрицал возможность социалистического строительства в условиях отсталой страны. Настроения мои начали меняться с конца 1928 года. Почти все подсудимые прошли один и тот же путь эволюции, все они почти пережили усиление своих враждебных чувств к советской власти в решительный момент перелома, перехода от первой фазы нэпа к реконструктивному периоду, к социалистическому наступлению. Я в известной мере проделал этот самый процесс несколько позднее, так как я стоял совершенно в стороне от практической хозяйственной деятельности, и мне все время казалось, что советская власть под влиянием опыта, учитывая потребности промышленности, вернется к политике первой половины нэпа. В конце 1928 года окончательно обнаружилось, что те надежды на мирное, безболезненное, постепенное внедрение элементов свободного товарооборота, рыночных элементов в советское хозяйство, которое, как нам казалось, происходило в первой половине нэпа, что оно будет происходить и дальше, — эти надежды потерпели крах. Вместо мирного, безболезненного вставания в социализм мы вступили в полосу обостренной классовой борьбы. Был выдвинут грандиозный план пятилетки, который, как мне казалось, требует колоссального напряжения сил, может вызвать задержку в развитии производительных сил, может вызвать обострение недовольства довольно широких кругов населения. Был выдвинут вскоре проект коллективизации, который перевернул сверху донизу всю хозяйственную жизнь крестьянства и, как нам казалось, должен вызвать недовольство широких слоев крестьянства. Оглядываясь назад, мне кажется, что усиление контрреволюционной работы меньшевиков в тот период являлось отражением усиления недовольства в кругах интеллигенции, в острой определенности момента перехода к реконструкции хозяйства. Мне кажется, что эта борьба, усилившаяся тогда против советской власти, была, особенно вна-

чале, борьбой против пятилетки, так как пятилетка была тем грандиозным планом, который был выдвинут и который требовал огромного напряжения сил, так как вокруг проведения пятилетки сосредоточились основные политические и экономические мероприятия советской власти. С другой стороны, в кругах интеллигенции, мелкой буржуазии было сильно распространено это недовольство пятилеткой, и это недовольство вызвало усиление контрреволюционной работы, роли организаций, примыкающих к буржуазным и мелкобуржуазным прослойкам населения, в том числе и нашей меньшевистской партии.

Как раз в это же время, в начале 1929 г., когда, казалось, недовольство различных кругов населения очень обострилось, когда казалось, что различные классы населения стоят друг против друга в состоянии напряженного ожидания, в этот момент я узнал о том, что меньшевистская работа возродилась, что меньшевистская организация возобновила свою деятельность, правда, в новом составе лиц, преимущественно из хозяйственников, занимавших высокие посты и в свое время в начале нэпа не принимавших участия в партийной жизни. Я узнал вместе с тем, что процесс эволюции меньшевистской партии пошел далеко вперед, что меньшевистская партия заострила контрреволюционный характер своих лозунгов и требований, что в частности, оторванная от масс, она делает ставку на интервенцию, она поощряет дезорганизаторскую работу, она склонна к союзу с контрреволюционной буржуазией.

В том состоянии напряжения, в котором, как казалось нам, субъективно жила страна, когда казалось, что каждый день может принести хозяйственную и политическую катастрофу, когда тот хаос, которым мы обычно пугали себя и других, мог каждый день превратиться в реальный факт, существование меньшевистской организации, оформленной после нескольких лет перерыва, показалось мне явлением столь положительным, что я, как старый меньшевик, не порывавший с партией, считал себя обязанным принять участие в ее работе, участие, к которому меня приглашали, тем более, что я не мог этой новой тактической линии противопоставить старую тактическую линию работы и пропаганду среди рабочих, ибо на опыте убедился в безнадёжности проведения этой тактической линии в условиях Советского Союза.

И я принял участие в возродившейся организации, принял участие и принял на себя ответственность за те крайние контрреволюционные установки, к которым она приблизилась. Это была, как я говорил, капитуляция левого меньшевизма перед правым меньшевизмом, это была капитуляция перед крайними

контрреволюционными выводами, к которым меньшевизм, будучи последовательным, непреложно должен привести.

Вчера государственный обвинитель читал целый ряд выдержек из «Социалистического вестника» и других официальных деклараций, которые показывают, что, если левый меньшевизм не хочет договаривать до конца своей мысли, он остается совершенно беспочвенным и бездейственным, не может указать никаких путей осуществления своих требований. Если левый меньшевизм хочет показать надлежащий путь, он неизбежно становится последовательным меньшевизмом, правым меньшевизмом, контрреволюционным меньшевизмом, он тогда прямо говорит о необходимости реставрации капиталистических отношений, он тогда прямо идет на союз с контрреволюционной буржуазией, он тогда делает ставку на интервенцию.

И, действительно, если все эти крайние контрреволюционные выводы из нашей организации сделать, мы видели и понимали, что борьба идет, в сущности, за восстановление капиталистических отношений в России; мы делали оговорку о том, что государственная власть сохранит некоторое число крупных предприятий, но мы сами понимали, что этими скромными мерами, которые допускает любое буржуазное государство, ни в малейшей мере не изменить капиталистического характера всей системы хозяйства в целом. Мы шли на блок с контрреволюционной буржуазией с оговоркой, что мы постараемся ее использовать, но в сущности понимали, что при данном соотношении сил использование может быть в обратном смысле, и господствующей силой может стать буржуазия. Мы свою ставку на интервенцию прикрывали тем аргументом, что интервенция неизбежна и независима от нашей воли и что мы хотим использовать ее для сохранения минимума демократической свободы. Но в глубине души мы не могли не осознавать, что решающей силой в момент столкновения будет та сила, вооруженная сила, которая будет находиться не в наших руках.

Вину за это тяжелое преступление, за эти крайние контрреволюционные выводы несет весь меньшевизм; солидарную вину за все эти крайние выводы несем мы — русские меньшевики, принявшие их. Вину несет и заграничная делегация, которая инспирировала, санкционировала деятельность «Союзного бюро», вину несет II Интернационал, который в своей деятельности поощрял и инспирировал подобные контрреволюционные установки.

После тех заблуждений и ошибок, которые я сделал тогда, когда я стал революционным оборонцем, теперь, когда в начале нэпа усилилось мое враждебное отношение к советской власти, я в

1921—1922 году принял деятельное участие в борьбе против нее. Мое вхождение в организацию меньшевиков в 1929 году является уже огромным непоправимым преступлением в моей политической деятельности. Оно означает крах всей моей предшествующей политической работы и всего того политического мировоззрения, из которого я раньше исходил.

Эта политическая катастрофа, постигшая и меньшевистскую организацию и ее деятелей, лично мне доказала следующее: раньше я думал, что если я отмежевываюсь от правых меньшевиков, от правого меньшевизма, то я гарантирован от участия в прямом контрреволюционном действии. Теперь я убедился, что дело обстоит не так, что, если бы я даже отмежевался от правого меньшевизма, но если я остался на почве меньшевизма вообще, то неизбежно в силу логики борьбы против советской власти я приду в объятия того же правого меньшевизма. Я вынужден буду воспринять самые крайние контрреволюционные выводы, к которым приходит правый меньшевизм. Я убедился, что грань между революцией и контрреволюцией проходит не там, где была раньше грань между правым и левым меньшевизмом. Я убедился, что социальная и политическая природа их одинакова, так как оба они исходят из одного и того же основного положения, что Октябрьская революция не была социалистической революцией, что строительство социализма в России невозможно. А отсюда можно сделать только один вывод: если невозможно строительство социализма, то остается строительство капитализма, остается реставрация капиталистических отношений.

Та преступная контрреволюционная форма, которую приняла меньшевистская деятельность за последние годы, убедила меня в том, что отмежеваться от контрреволюции возможно только для того, кто признал социалистический характер Октябрьской революции и социалистический характер советского строительства, того можно было спасти от контрреволюционных выводов лишь раньше, скажем, в момент борьбы с белогвардейскими армиями. Но теперь, когда поставлен влостную вопрос о непосредственном строительстве социализма, когда идет широкое наступление социалистических элементов хозяйства на капиталистические, сейчас, когда идет борьба между капитализмом и социализмом, гарантию против крайних контрреволюционных выводов может дать нам только признание того, что надо бороться на стороне социализма против капитализма, признание того, что у нас эта борьба идет, что осуществление социализма делается, и делается советской властью. Исходя из этого общего осоз-

нания социалистического характера Октябрьской революции, я считаю, что каждый из нас, кто хочет завоевать вновь когда-нибудь право называться социалистом, обязан признать следующие основные положения. Положение, что Октябрьская революция есть не революция буржуазно-демократическая, а революция пролетарско-социалистическая. Положение, что в России социализм строить можно и должно. Положение, что советская власть осуществляет диктатуру пролетариата и на деле упорно, систематически строит социализм, открывая тем самым всемирную новую эру пролетарских социалистических революций. Необходимо признать положение, что политика советской власти и генеральная линия коммунистической партии вполне правильно намечают тот путь, который, с одной стороны, гарантирует нас от того хаоса, которым мы, меньшевики, всегда пугали себя и других, вместе с тем действительно укрепляет из года в год социалистическое хозяйство и, в частности, план пятилетки и коллективизации, которые являются теми очередными задачами борьбы, поддержка которых является обязанностью всякого человека, желающего вновь завоевать право на звание социалиста. И к этому выводу о том, что у нас действительно на деле происходит социалистическое строительство, к этому выводу, который отмежевывает нас от русского и международного меньшевизма, мы должны прийти не только потому, что только таким путем мы можем себя спасти от контрреволюционных выводов, от контрреволюционной идеологии, но к этому же выводу мы должны прийти потому, что этот вывод навязывает нам сама жизнь.

Было бы неверно думать, что удар нашей организации сейчас нанесен разгромом ее, внешней причиной. Я считаю, что этот внешний удар является третьим ударом и окончательным ударом, который был нам нанесен. Внутренние колебания и сомнения, которые всегда были у членов нашей организации, о чем я скажу ниже, утвердились после первого удара, которым были успехи пятилетнего плана. Мы предсказывали, что из года в год темпы будут понижаться, что хаос будет увеличиваться, что затруднения будут все более невыносимыми. Жизнь опровергла это предсказание: из года в год темпы усиливаются, был выдвинут лозунг «пятилетка в 4 года», мы никогда не видели таких грандиозных успехов в промышленности, как за последний год.

Второй, еще более сильный удар нам нанесли успехи коллективизации потому, что именно на вопросах коллективизации мы заостряли все наше внимание и именно от плана коллективизации ждали самых катастрофических последствий.

Мы ждали катастрофического сокращения посевов, исчезновения скота, голодных бунтов в рабочих городах, массовых восстаний крестьянства, и весь этот наш прогноз оказался политически бессмысленным, нелепым, опровергнутым жизнью.

Весна 1930 года дала увеличение посевов.

Осень дала увеличение урожая, в руках государственной власти был собран хлебный фонд больший, чем в предыдущие годы. Уже с начала весны этот факт успеха в коллективизации подорвал наше построение внутри, подорвал последнюю веру в то, что наши опасения контрреволюционного переворота имеют оправдание и что надо спастись от этого контрреволюционного переворота соглашением с буржуазией. Внутренняя концепция была подорвана раньше, чем был произведен внешний разгром нашей организации. Мне кажется, что всякий из нас, кто хочет учиться, кого наш опыт может чему-нибудь научить, этот урок учтет и учитывал.

Мне могут поставить вопрос, почему люди, которые полгода тому назад активно боролись против советской власти в контрреволюционной организации, сегодня признают контрреволюционный характер своей работы, разоружаются, вскрывают целиком свою работу и просматривают свое отношение к советской власти.

Конечно, каждый проходит этот путь по-своему. Индивидуальные переживания у каждого различны, но мне кажется, что одно обстоятельство не должно быть упускаемо из вида. Я не видел почти ни одного меньшевика, который, участвуя в контрреволюционной работе и в борьбе против советской власти, не чувствовал бы внутреннего раздвоения и постоянных душевных противоречий. Я не видел ни одного меньшевика такого, который в юношеские годы хотя бы немного не был причастен к рабочему движению, который мог бы вести эту контрреволюционную работу без чувства большого внутреннего раздвоения.

Мы не можем затруднять суд рассказами о том, как на каждом этапе революции, как при каждом переломе событий мы переживали эти события, как часто ставился нами вопрос, а не пришла ли пора сложить оружие и пойти на прекращение борьбы против советской власти?

Я расскажу вам о тех переживаниях, которые сопровождали нашу работу во всех ее этапах. Год тому назад, когда нам казалось, что вся страна находится в огне, что крестьянство готово восстать, что коллективизация, производимая в массовом масштабе, как нам казалось, насильственно, должна вызвать восстание, появилась известная директива ЦК ВКП против левых загибов.

Она произвела на нас сильное впечатление. Я помню, что передо мной встал вопрос: «а может быть, эта новая политика советской власти и коммунистической партии действительно ликвидирует насильственный метод коллективизации и тем самым снимет ту опасность, которая, как нам казалось, из нее проистекает». Я помню, что вначале я относился скептически к этим возможностям. Мне казалось, что советская власть теперь будет колебаться между двумя противоположными полюсами. Мне казалось, что если будет введена добровольность в деле коллективизации, то начнется отлив крестьянства из колхозов; если же захотят сохранить широкое строительство колхозов, то придется прибегать к мерам принуждения, и советская власть начнет колебаться между двумя противоположными полюсами.

В первые две недели, читая газеты, мне казалось, что я наблюдаю некоторый разброд в директивах и лозунгах, некоторую неспособность сочетать добровольность с широким строительством колхозов, но уже через две недели после этих директив пресса показала, что взят какой-то синтетический курс, — курс, который сочетает добровольность с массовой организацией, исключающей разброд и поражение колхозного движения.

Значит ли, что после этого каждый из нас пришел к мысли о том, что борьба должна быть закончена? Конечно, нет. После того, как потерпели поражение наши ожидания крестьянских восстаний, сейчас же стал вопрос, а что будет весной, будут ли крестьяне сеять? Когда оказалось, что они сеют, встал вопрос, с нашей меньшевистской точки зрения, а что будет осенью, не начнется ли на почве разделения урожая разложение внутри колхозов? Так все время шла у нас борьба между нашей идеологической концепцией и между теми уроками жизни, которые мы изо дня в день наблюдали. Так каждый день старались мы исходить из нашей концепции, объясняя для себя явления жизни, и каждый же день реальные явления советской действительности разрушали ту логическую и политическую ткань, которую мы сами себе создавали. Так шла все время наша работа в постоянной борьбе против этой реальной действительности. Это привело нас к доктринерству, к лозунгам и доктринам. Так шла наша работа все время в мучительных колебаниях, противоречиях, раздвоениях, в политическом падении и разлогах.

Мне могут еще поставить вопрос, какие гарантии имеет суд, что те переживания, которые сопровождали нас в последнем этапе нашей работы, те переживания, которыми мы сейчас делимся с судом, что это не переживания случайные, мимолетные, что они имеют серьезный, продуманный характер. Этот вопрос

очень серьезный и трудный, на который каждый может ответить только за себя.

Что касается лично меня, то я не смею просить суд верить моим словам. Я прошу только обратить внимание на одно объективное обстоятельство. Если взять историю всей моей партийной жизни, то она представляет собой, я бы сказал, одну совершенно прямую линию. Я в 1904 году вступил в Бунд, через Бунд потом в меньшевистскую партию и оставался все время на этой же позиции. У меня были перерывы и во время реакции 1908—12 г.г., был перерыв и недавно приблизительно в 5—6 лет, но во время этого перерыва я не считал себя в праве объявить о том, что я порываю со своим политическим прошлым, ибо я идейно оставался на позиции меньшевизма и сомневался в возможности социалистической революции в России.

Мне кажется, что люди моего возраста, моего политического прошлого и партийных традиций с очень большими трудностями, после многих переживаний и после повторных жизненных ударов и катастроф могут приходиться к решению о разрыве со своим политическим прошлым, но если такой шаг делается, то он является шагом безвозвратным. Он является шагом, который отрезывает всякую возможность возвращения к прежним политическим ошибкам и преступлениям, который отрезывает всякую возможность возвращения на те позиции, на которых раньше, в течение многих лет, стояли, но которые раньше многократно вызвали ряд сомнений, колебаний, отступлений, временных отходов. Только путем таких повторных и неоднократных ударов и катастроф может человек, давно принадлежавший к определенной партии, изжить этот процесс расставания с определенной партией.

Во всяком случае я считаю своим долгом заявить, что, во-первых, та деятель-

ность, которой мы занимались в последние годы, пришла к самым крайним контрреволюционным выводам, к коалиции с буржуазными партиями, к вопросу об интервенции и реставрации, к вопросу о восстановлении капитализма в России. Мы проделали путь разложения и падения, — путь, пройденный всеми секциями и II Интернационалом в целом, путь, пройденный Интернационалом и меньшевиками, работавшими в России. Этот неприкрытый контрреволюционный характер меньшевизма мы вскрыли здесь, на процессе.

Мы считаем необходимым это признать и полностью разоружиться. Но я лично, считаю себя в праве вести разоружение дальше, я хочу разоружиться в том смысле, что я фактически не только вскрываю свою прежнюю преступную политическую деятельность, не в том смысле, что я обязуюсь навсегда отказаться от оружия борьбы против советской власти, но я хочу произвести разоружение идейного порядка. Я хочу признать и, как я надеюсь, окончательно признать, что сама исходная идеология, лежавшая в основе всей моей политической деятельности, идеология меньшевизма, отрицавшая социалистический характер Октябрьской революции и социалистический характер советского строительства, является идеологией ложной, опровергаемой каждый день жизнью, идеологией вредной, противоречащей интересам рабочего класса и социализма, идеологией, которая приводила нас к тому предательству интересов рабочего класса и социализма, которое имело место в последний период нашей деятельности.

Это я считал своим долгом сообщить Верховному Суду.

Председатель. Объявляется перерыв до 10 час. утра 8 марта.

8 марта

Утреннее заседание

Председатель. Заседание возобновляется. Слово имеет подсудимый Соколовский.

ЗАЩИТИТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ ПОДСУДИМЫХ

Соколовский

— Мое участие в меньшевистской организации с конца 1927 года, а потом в «Союзном бюро» прибавляет и усиливает одну черту «Союзного бюро», которая, как мне кажется, имеет известное общественно-политическое значение, а именно, что состав «Союзного бюро» был крайне пестрый в смысле представительства различного рода течений и направлений в самом меньшевизме. Уже перед судом прошли представители разных течений — правых и левых, интернационалистов и правых оборонцев. Вчера перед судом прошел подсудимый Суханов — интернационалист и подсудимый Шер — правый оборонец в прошлом, как он сам заявил о себе. Мое участие прибавляет еще одну черту — представительство национальных группировок в меньшевизме, которые здесь, на скамье подсудимых, представляю я и Рубин, Рубин, как бундист, а я, как представитель объединенной еврейской соц. партии.

Когда суд будет обсуждать индивидуально виновность каждого подсудимого, встанет вопрос о том, каким образом эти различные течения — вся клавиатура меньшевизма от правых до левых — могли объединиться для единых контрреволюционных целей; каким образом, в частности, я, представитель совершенно другой партии, никогда формально не входивший в меньшевистскую партию, мог в конце 1927 года вступить в эту партию? Этот вопрос имеет значение не только для меня лично, он имеет также и большое политическое значение в том отношении, что все это генеалогическое дерево со всеми его разветвлениями и корнями гниет в своих корнях и истоках, что меньшевизм, как генеральное направ-

ление, противопоставленное большевизму, дошло до такого состояния, в котором оно находится сейчас или в котором находилось в момент ареста, в лице «Союзного бюро», с одной стороны, и в лице заграничной делегации — с другой.

Мне лично представляется, что дело не только в эволюции самого меньшевизма, а дело в том, в какой обстановке все это происходило. Если предположить на одну минуту, что восстановительный период кончился бы не в 1926 году, а тянется еще до сего времени, могло ли бы образоваться «Союзное бюро» с такой предательской программой в отношении пролетариата, с такими пунктами, как вредительство и интервенция; могло ли бы «Союзное бюро» сложиться из таких разнородных течений? Я утверждаю, что этого быть не могло и что это могло случиться только в обстановке и условиях решительного социалистического наступления, когда социалистическая революция вступила в этап крутого подъема, т. е. тогда, когда пошла решающая классовая борьба. Тогда именно эта обстановка, эти условия, лежащие, конечно, не в меньшевизме, а в социалистических корнях, лежащие в советской экономической политике, привели к тому, что объединились, как я говорил, противоположные полюсы, чрезвычайно разнородные течения. Надо сказать, что меньшевизм в данном случае отказался от своей традиционной черты. Правильно Ленин в свое время сказал, что меньшевизм не партия, не организация, а скорее дискуссионный клуб. Но «Союзное бюро», имевшее такие практические задачи, как вредительство и интервенция, — это уже не дискуссионный клуб, а плотное объединение всех разнородных течений, и не будь обстановки крутого подъема социалистической революции, не будь решающих классовых боев, я уверен, что такого объединения, такой консолидации быть не могло. В этом я вижу общественно-политическое значение процесса — пестрота состава «Союзного бюро», с одной сто-

роны, и его соединение, его консолидация, его спетость — с другой.

Коротенько я хотел бы остановиться на моей биографии. Хотя само собой разумеется, что в политике в карете прошлого далеко не уедешь, тем более в такой карете, которая докатила до интервенции и контрреволюции, но я хочу, чтобы суд знал индивидуальную физиономию каждого подсудимого.

Я с ранней юности участвовал в революционных кружках еврейской молодежи, которые были сильно заражены националистическими настроениями.

С 1900 года еще на гимназической скамье я подпал под влияние грузинских меньшевиков, высланных в тогдашний Елизаветполь, теперешний Ганджак. Среди этих меньшевиков был Джордани и другие. Там имелись теоретические кружки, в которых мы занимались изучением марксизма, а практически работали по распространению «Зари» и главным образом «Искры», а также оказывали всякого вида помощь грузинской социал-демократии. С 1903 года, вернувшись обратно к себе на родину, в бывшую черту оседлости, я весь ушел в еврейское рабочее движение, при чем в еврейском рабочем движении я работал в качестве организатора и в качестве литератора, писавшего прокламации и разного рода документы, а также в качестве человека, разработавшего разного рода теоретические программы — программы у нас были сложные, приходилось их обосновывать, доказывать и т. д. И вот с 1903 до 1920 года я занимал в партии различные посты, при чем с 1906 года я был избран в ЦК.

Поступив в университет, я также принял активное участие в революционном студенческом движении, причем был избран в совет студенческих представителей, участвовал на всех революционных студенческих сходках, три раза был исключен из университета, был два раза арестован вместе со всей сходкой и т. д.

Когда я задаю вопросом теперь, обозревая всю свою биографию, к какой группировке мы принадлежали, то прихожу к выводу, что партия наша колебалась политически всегда между меньшевизмом и большевизмом. Мы не примыкали ни к одной из генеральных фракций социал-демократов.

В 1905 году мне пришлось принять очень активное участие и в общереволюционном движении и в еврейском революционном движении. В частности, еврейское революционное движение и революция сопровождалась тогда кровавыми еврейскими погромами. Я пережил тогда неслыханный еврейский кровавый погром в Екатеринославе, где был в штабе еврейской самообороны. Так вот, если задать вопросом — к какой же из этих фракций (а тогда уже, в 1905 г., в

том же Екатеринославе, представлявшем собою крупный центр, выступали большевики и меньшевики со своими программами), к какой же мы примыкали фракции, на какой платформе мы стояли, то я должен сказать, что по различным вопросам и коренным проблемам революции мы стояли на различных точках зрения, т.-е. примыкали то к одной, то к другой фракции, поэтому мне трудно будет дать такую сплошную характеристику — примыкали ли мы тогда полностью к большевикам или к меньшевикам.

В вопросе относительно вооруженного восстания, в вопросе о временном правительстве, т.-е. в том вопросе, который являлся спорным между меньшевиками и большевиками (в частности, я написал тогда брошюру «Две тактики» по-еврейски), мы примыкали к тем идеям и взглядам, которые развивали большевики. Наоборот, по ряду вопросов, по общественным кампаниям и по участию в них мы примыкали к меньшевикам. По вопросу о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства, по этому центральному, коренному вопросу русской революции, который с моей точки зрения составлял главнейший пункт разногласий между меньшевиками и большевиками, еврейская социалистическая рабочая партия точно так же, как и Бунд, как партия чисто урбанистическая, по преимуществу городская, мало связанная с крестьянством, примыкала к меньшевикам, которые, как мне казалось и как казалось другим товарищам, работающим в области теории, выражали лучше, правильнее и согласованнее общесоциалистические и, как нам казалось, общемарксистские установки по этому вопросу.

Если перейти к годам реакции, то надо сказать, что еврейское рабочее движение было в очень слабой степени заражено ликвидаторским настроением, ликвидаторскими тенденциями. И вполне понятно почему: как раз годы реакции были разгулом антисемитизма, черносотенства, и ликвидаторское движение едва ли могло иметь идеологический успех среди еврейской рабочей массы и в социалистической еврейской интеллигенции. Но надо сказать, что независимо от этого мы полностью поддерживали в этом отношении большевиков против меньшевиков и против ликвидаторов. Этим прехом мы, в частности я, кажется не страдали.

В 1911 году мы организовали довольно большую работу среди нескольких крупных еврейских рабочих центров. В 1912 году я был арестован, и киевским охранным отделением мне было предложено уехать из всех пунктов бывшей черты еврейской оседлости. Я попал в Москву, при чем мне заявили, что никакой не только политической, но и общественной работы я вести не должен, и что если я буду заниматься общественной деятельностью, то снова буду арестован. Мы

пытались использовать все легальные возможности, а таковых тогда было довольно много. Еврейская общественность — легальная, либерально-кадетская или буржуазная общественность — в годы реакции продолжала развиваться. Мы там заняли довольно видное место для распространения наших социалистических лозунгов, наших социалистических идей в специально еврейской среде. Таким образом я очутился здесь в Москве. В виду того, что киевской судебной палатой — выездной ее сессией в Чернигове — я был осужден в 1913 году на содержание в крепости, в Москве мне пришлось жить нелегально. Я все-таки продолжал работать в Москве, хотя и был совершенно оторван от рабочей еврейской массы, оторван не только лично, не только вследствие какого-либо кризиса психологического или идеологического, а просто по той причине, что в Москве еврейской рабочей массы не было. Еврейская кадетская реакционная либеральная общественность имела ряд своих центров. Мы пытались тогда, и, в частности, я с товарищами, проникнуть в эти организации и там продолжать свое дело, продолжать агитацию демократическую, революционную, социалистическую и т. д. за ряд лозунгов, которые мы выставляли.

Я считаю невозможным задерживаться более подробно на моей биографии. Я только скажу, что во время войны, тогда, когда возник центральный вопрос, предопределивший потом после войны эволюцию большевизма и меньшевизма, вопрос об отношении социал-демократии к войне, я занимал позицию, резко и ярко, как мне кажется, пораженческую и интернационалистскую. Я не делал тех выводов, которые делали большевики, ибо большевики уже и в то время говорили о том, что в результате войны должна будет последовать, на развалинах ее, социалистическая революция. Такого вывода я не делал. Я считал, что мы еще не находимся в полосе социальной революции. Но зато я совершенно определенно считал, что изменной пролетариату, изменной марксизму является защита своего отечества, тот патристический угар, который захватил очень большую часть русской интеллигенции и даже некоторую часть рабочих. Между нами и оборонцами шли споры в тесных кружках. Тогда легальных споров вести уже нельзя было, не было таких обществ, не было таких организаций, где были бы открытые собрания, где точка зрения всякого интернационалиста или пораженца могла бы как-нибудь выявиться. Интернационализм и пораженчество были сильно загнаны в подполье, так что приходилось вести ряд подпольных споров, но при гораздо лучших условиях. Уже в 1915 года в Москве появились еврейские рабочие с прифронтовой полосы, прошедшие бун-

довскую марксистскую, революционную школу. Правда, их было не особенно много, но все-таки появилась еврейская рабочая масса. Кроме того, появился особый тип старых кадров еврейских революционных работников, которые тут в Москве устраивались на разных службах. И эти дискуссии, эти дебаты, эти споры между оборонцами и интернационалистами можно было уже вести перед рабочими аудиториями. Их приходилось вести в той же самой Марьиной роще.

Для меня абсолютно не было понятно тогда, тем паче в данный момент, как могут оставаться оборонцы в рядах революционных, социал-демократических и марксистских партий.

Февральская революция несколько изменила мои пораженческие настроения. Но я все-таки оставался на интернационалистских позициях, при чем принял довольно активное участие в восстановлении нашей партии и нашей организации. Пришлось для этой цели и выезжать и принимать участие во всех конференциях. Мы специально издавали орган, которым я руководил. В этом двухнедельнике я развивал интернационалистские идеи.

Каково было отношение мое к Октябрьской революции и как я ее воспринял? Это центральный вопрос и для политика и для всякого революционного деятеля. Дело, конечно, не только в том, была ли Октябрьская революция историческим эпизодом, или таким историческим переворотом, который определяет собой целую эпоху. Не в этом теперь вопрос, теперь это факт, и никто не может говорить о том, что Октябрьская революция была эпизодом, это было бы смешно. Но вопрос в том, как надо смотреть на Октябрьскую революцию — как на буржуазно-демократическую революцию или как на начало социальной революции? Потом, что представляет из себя Октябрьская революция, как одно из слагаемых всей мировой революции? Что представляет собой Октябрьская революция с точки зрения борьбы с мировым империализмом, с точки зрения ликвидации войны? Вот какие три позиции надо было для себя выяснить для того, чтобы вести правильную революционную политику в среде рабочего класса. Относительно борьбы с переворотом, относительно того, что практиковали эсеры при помощи юнкеров здесь в Москве, — вы помните эти перипетии, — я на них останавливаться не буду. Тогда, когда эсеры вели борьбу с большевиками, мы, конечно, были против эсеров, ибо мы видели, что эсеры ведут за собой всю буржуазную, всю реакционную военщину, осколки юнкерства, офицерства и даже к ним присоединились, как вы помните, остатки старого строя, старого монархизма — колакавщина и т. д. Для нас и для меня в частности ясно было, что это

требует решительного и полнейшего отпора и тут большевики должны быть полностью поддержаны.

Когда же большевистская власть укрепилась в таких центральных пунктах как Петроград и Москва, встал вопрос — каким образом относиться ко всем мероприятиям большевистской власти для укрепления этого грандиозного исторического переворота, который был совершен. Вопрос прежде всего стоял о том, как относиться к вопросу о войне и мире. Этот вопрос стоял и в большевистских рядах. Будучи пораженцем, я считал, что надо сделать все выводы из Октябрьского переворота, и как можно скорее заключить мир, ибо, как мне казалось, будет поставлена под угрозу революция. Мне казалось, что революция действительно в опасности, если не будет заключен мир, и если крестьянству, переодетому в солдатские шинели, придется продолжать эту войну. И потому я думал и отстаивал мысль о том, что надо как можно скорее заключить мир.

Теперь по вопросу социального содержания, по главному вопросу: что же представляет из себя Октябрьский переворот — начало ли полосы социальных революций, или же это есть закономерное классовое соотношение, создавшееся в результате поражения на войне, в результате именно того, как Каутский в то время говорил, что «в России весь народ революционный и пролетариат, и крестьянство». Я считал, что может быть мы имеем тут такую историческую вуаль, которая нам мешает, и поэтому мы не можем видеть действительное, настоящее социальное содержание революции, что она нам кажется социалистической в то время, когда она по своему содержанию является только последовательной буржуазно-демократической революцией, которой пролетариат, будучи авангардом, придал такого рода форму государственного устройства (тогда была установлена советская власть), которая дает основание считать, что мы здесь имеем дело с социалистическим содержанием, т.е. что это есть революция для ликвидации капиталистической системы, капиталистического строя и для введения социализма.

Надо сказать, что мы тогда же выдумали ту формулу, которая долго господствовала среди меньшевиков и которую Мартов в свое время специально обосновал. Формула была такая: что если в результате войны там (в Западной Европе), где отношения уже объективно созрели для социалистической революции, если там в результате войны вспыхнет мировая социалистическая революция, то мартовцы и все мы, интернационалисты, считали, что этот вариант является вполне реальным, что это вполне возможно, что это даст возможность не только в странах, потерпевших поражение, но и в

странах Антанты ввести социализм. Мы говорили так. Тут была несколько сложная политическая ткань, мало понятная и мало доступная широким пролетарским массам, но удовлетворяющая разного рода интеллигентские политические ухищрения, политические умозаключения. Была такая формула, что если даже вспыхнет социалистическая революция на Западе, то все же в России, в виду объективных условий, в виду того, что огромная масса населения занята сельским хозяйством, огромная масса представляет мелкую буржуазию, мелкособственническое крестьянство и отношения здесь не созрели, экономика отстающая, то предполагалось, что некоторый период, который продлится, может быть, несколько десятков лет, а может быть, и поколения, когда на Западе будет социалистическая революция и в отдельных крупных странах можно будет вводить социализм, в России социализм вводиться не будет, а потом, когда экономические отношения объективно созреют до возможности ввести социализм, то тогда и мы вступим в полную социалистическую революцию. Пока же наша революция по существу является буржуазно-демократической, но в виду того, что волей исторических судеб создалась такая ситуация (меньшевики во главе с Мартовым с большим мастерством оперировали и орудовали этими словами «революционная ситуация»), мы считали, что в результате ликвидации старого царского, помещичьего режима, в результате войны большевики ведут за собой большинство пролетариата, и что большевики заслуживают нашей полной поддержки. Весь тот старый спор и новые споры, которые возникали благодаря новым политическим отношениям между меньшевиками и большевиками, должны быть изжиты в пределах и рамках пролетариата, в рамках данного класса, не выходя из него. Это был спор как бы в единой семье, который ни в коем случае не должен быть вынесен за пределы пролетариата.

Я не говорю здесь, граждане судьи, об оборонцах. Я говорю о том, что было большое крыло и довольно влиятельное и видное крыло меньшевиков, которые тогда продолжали стоять на оборонческих позициях и принимали активное участие в борьбе через генеральские и контрреволюционные отряды вместе с Деникиным и Колчаком против советской власти. Об этом я не говорю, об этом отчасти говорил подсудимый Шер. У интернационалистического крыла было определенно отрицательное отношение к интервенции и против правых принимались партийные репрессии, т.е. они исключались из партии. Исключались из партии все те, которые принимали участие в интервенции, которые продолжали стоять на ярко выраженных оборонческих позициях.

Таким образом, позиция была такова, что Мартов, продолжая эту линию, углубляя ее в гораздо более революционной обстановке, модифицируя книжку Каутского «Терроризм и коммунизм» (когда он выступал против Ленина и Троцкого), говорил, что вся задача состоит в том, чтобы дать пролетариату возможность изжить революционные иллюзии. Он трактовал коммунизм как бланкизм, как пролетарское якобинство. Ленин в своей замечательной книжке, вышедшей накануне Октябрьской революции, в августе или сентябре 1917 года, «Государство и Революция» развивал мысль, которую бросил Энгельс, когда он сказал: «если вы хотите знать, что такое диктатура пролетариата, то посмотрите на Парижскую коммуну 1871 года».

Вот развивая эту мысль, Ленин в своей книге «Государство и Революция» развил все теоретические основы диктатуры пролетариата. Он в этой книге останавливался на государственном устройстве, которое должно явиться результатом фактической политической власти пролетариата после ликвидации войны и империализма.

Каутский тогда, — на нас это еще в то время не производило такого комичного впечатления, как сейчас, — пытался брать цитаты из Маркса и Энгельса о государственном устройстве, и пытался доказать Ленину, который вел борьбу при помощи пушек, при помощи штыков, что он неправильно понимает ту или иную страницу из Маркса и Энгельса. В частности Каутский говорил, что необходимо вспомнить урок Парижской коммуны, который должен дать возможность русскому пролетариату, большевикам и меньшевикам изжить якобинские, бланкистские иллюзии, состоявшие в том, что при помощи революционного меньшинства якобы можно водворить социализм, тогда как объективные условия не подсказывали этого.

Нам казалось, что это есть целая программа. Мартов, развивая эту идею, пришел к суждению, которое господствовало в 1920 году, т. е. демократическое преодоление внутренними силами революционных классов утопической диктатуры пролетариата.

Вот какова была формула, которая сложилась в результате общей формулы о том, что мы вступили в полосу войн и революций. Мартов даже употреблял термин социальных революций. А с другой стороны — идея, что мы сейчас не должны вести борьбу с большевиками потому, что это есть борьба с революцией, с диктатурой пролетариата, с рабочим классом. Этого мы делать не должны. И в результате вот этих двух встречных течений — оценки международной и оценки внутренней — сложилась вот эта формула, — формула о демократическом преодолении внутренни-

ми силами революционных моментов большевизма, диктатуры пролетариата. Эта формула продержалась довольно долго и тут, вплывая некоторые свои биографические черты, я должен сказать, что я, лично, настолько был увлечен этой формулой, настолько был уверен в ее реальности, настолько считал, что анализ, данный вначале Каутским, а потом углубленный Мартовым, — правилен, что когда уже в 1920 году огромное, подавляющее большинство нашей партии со всеми организациями, со всем штабом перешло вместе с коммунистическим Бундом в ряды коммунистов, то я и еще несколько человек старых еврейских рабочих в ряды коммунистов не перешли. Мое несогласие, главным образом, выражалось в политическом понимании диктатуры пролетариата, — это раз, и потом второе мое несогласие выражалось в том, что я был против террора и за отмену смертной казни. Вот на этом я могу закончить свою прошлую биографию и перейти уже к советской биографии, к описанию своей уже советской работы.

В 1919—20 г.г. я занимал различного рода места, более или менее ответственные в разных органах. В 1921 году, когда был введен нэп, я поступил на службу в ВСНХ в качестве экономиста, и тогда для меня, как и для многих меньшевиков, работавших и занимавших более или менее ответственные посты в общесоветских учреждениях, встал вопрос — как же быть? Во-первых, как надо понимать нэп? Новые меньшевики увлекались и считали, что вот, наконец, большевики предприняли такое глубокое стратегическое отступление, что создаются условия для торжества формулы мартовцев. Торжество в меньшевистской среде было большое, ибо они считали, что линия Мартова победила, а именно линия на мирное, органическое, эволюционное, постепенное переобразование большевистской диктатуры. Это — с одной стороны. С другой стороны встал вопрос: а как же быть с экономикой, до каких пределов должен быть распространен нэп, что представляет собою нэп? Представляет ли собою нэп действительно поворотный пункт, для того, чтобы дать толчок всей системе советского хозяйства в сторону капитализма, или же это есть действительно только передышка, более, может быть, длительная, чем даже об этом говорил Ленин, но во всяком случае только передышка? Я должен сказать, что среди тех меньшевиков, с которыми я встречался, как мне кажется, на этот счет существовали коренные разногласия. Были такие, которые усматривали в нэпе начало капиталистической эволюции всей хозяйственной системы, считали, что это есть крах, банкротство большевизма; считали провалившейся и идею о том, что при помощи диктатуры пролетариата

можно организовать хозяйство и можно поставить производительные силы страны в такие условия, чтобы они могли нормально развиваться; считали, что полная несостоятельность военного коммунизма или потребительского коммунизма, или, как его Богданов назвал чрезвычайно удачно, солдатского коммунизма, — доказала несостоятельность всей большевистской концепции, и поэтому эти меньшевики считали, что меньшевистские прогнозы, меньшевистские оценки, меньшевистское понимание природы Октябрьского переворота и русской революции как будто бы подтвердились. Другая часть меньшевиков, у которой политическая мысль была гораздо слабее, чем экономическая, считала, что дело обстоит не так и что едва ли можно допустить такое положение, когда пролетариат находится у власти, хотя такое допущение, как вам известно, среди меньшевиков еще до сих пор пользуется очень большой популярностью. В этой самой платформе, которую цитировал здесь гр-н прокурор, вся политическая часть построена таким образом, что большинство народа может представлять из себя пролетариат и, стало быть, в парламенте его может представлять социал-демократическая партия, учитывая то, что еще не настал момент для социалистического переворота и что эта партия проводит мероприятия по укреплению капитализма. Об этом писал Каутский еще в 1920 году. Осуществление этой теории в послевоенную эпоху мы видим на блестящем примере немецкой социал-демократии, которая действительно пошла на коалицию с буржуазией и имеет ту печальную заслугу, что в результате войны, когда налицо был полный крах и разрушение всего государственно-хозяйственного аппарата буржуазии, немецкой социал-демократии удалось восстановить и укрепить капиталистическую систему, и за это получить чечевичную похлебку в виде формально-демократического устройства германского государства. По своему содержанию надо прямо сказать, что немецкая социал-демократия является — и мне кажется, что я не преувеличиваю, — главным рычагом восстановления разрушенной капиталистической системы в Германии в результате войны и поражения.

Считали, что нэп может быть именно таким орудием восстановления буржуазно-капиталистических отношений, и история избрала этого большевиков. Ссылались на аналогию с французскими революциями. Многие считали, что большевики бессознательно являются орудием истории для восстановления всей системы буржуазных отношений. Но другая часть меньшевиков считала, что дело обстоит не так просто, и что едва ли пролетариат, ставший у власти, ут-

вердивший свое господство в одной шестой части земного шара, согласится на такую капитуляцию перед буржуазно-капиталистическими отношениями и едва ли можно допустить такую бессознательность, какую мы наблюдаем в других революциях. Большевики, мол, едва ли станут орудием или агентами того бессознательного исторического процесса, который якобы поведет всю страну на стезю капитализма. Я считал, что такая точка зрения является наивной и что действительно будет создана у нас такая хозяйственная система, которая, очевидно, даст возможность одновременному существованию нескольким общественным хозяйственным формациям, нескольким укладам, что фактически в годы нэпа и получилось. Ленин насчитывал пять укладов. Экономическая политика состояла в том, чтобы дать каждому укладу, конечно, при привилегиях социалистическому сектору, в известных пределах возможность развиваться. Я эти уклады перечислять не буду — о них вы все знаете.

В ВСНХ мне пришлось в первое время работать в области организации промышленности, что тогда представляло важнейшую область экономической политики. Ленин все время утверждал, что нам необходимо учиться у высоко капиталистически развитых стран и даже у империалистов организованному строительству промышленности, что невозможно укрепление производства, если оно не будет объединено в соответствующие крупные формы и организации в виде трестов и синдикатов. И мы приступили к объединению отдельных отраслей промышленности, ибо существовавшие до того времени организации с одной стороны в виде централизованных главков, а с другой — в виде разрозненных отдельных предприятий, препятствовали и мешали развитию промышленности, мешали тому обобществлению, которое тогда было предпринято ВСНХ. Принимая участие в этой работе, я стремился вместе с моими товарищами, насколько возможно, ускорить этот процесс объединения отдельных предприятий в более крупные единицы и стремился к ускорению процесса трестирования и синдицирования промышленности.

Тогда возник чрезвычайно интересный вопрос, который тут уже был предметом судебного разбирательства, вопрос о том, как относиться к сфере обмена, к сфере распределения товаров. Дело в том, что тогда было очень сильное течение, представленное и в рядах ВКП, что сфера обмена должна быть предоставлена стихии, что сфера обмена должна находиться в руках вольных организаций, не регулируемых и т. д. Я принадлежал к тем, которые доказывали, что если мы оставим в сфере обмена положение экономической анархии, то это несомненно

проявится сейчас же и в сфере производства и национализация нашей промышленности станет простой фикцией. Поэтому необходимо обобществление, попытки регулирования, попытки планового объединения, попытки государственного централизованного управления на социалистических началах. Эти самые попытки надо продолжать и в сфере обмена. Я сильно настаивал на объединении разных торговых организаций в такие крупные синдикаты, которые могли бы быть посредниками между широким вольным рынком и плано-организованной промышленностью.

В течение всех этих лет, пока шло восстановление промышленности, я и вся ВСНХ'овская группа, с которой я был и лично связан, — Гинзбург, потом Штерн и другие несомненно, добросовестно участвовали и помогали советской власти восстанавливать народное хозяйство. Политика цен, которая тогда проводилась, была признана боевым ударным пунктом экономической политики государства, ибо это была политика, где происходила смычка между сельских хозяйством и промышленностью, между пролетариатом и крестьянством. Был политический вопрос о том, как в условиях нэпа укрепить, продолжить и закрепить политический союз между пролетариатом и крестьянством, основанный большевиками в послевоенный период на основе ликвидации войны и аграрной революции. Когда интересы крестьянства как типичного мелкого товаропроизводителя в этом союзе ослабеют, стоял вопрос о том, каким путем организовать промышленность, чтобы закрепить этот политический союз, сделать его основой советской власти и краеугольным камнем фундамента сохранения советской власти. Это был вопрос очень сложный и в экономическом и в политическом отношениях. Я должен сказать, что в этом вопросе ни я, ни Гинзбург, ни Штерн с советской властью не расходились и считали необходимым закрепить этот союз. Надо сказать, что уже в платформе 1924 года, которую цитировал гражданин прокурор, и которая составлена заграничной делегацией в начале 1924 года, подтверждается та мысль, которую развивал Каутский. Каутский говорил, что в условиях диктатуры не удастся восстановить хозяйство даже до довоенного уровня. Значит спор шел о том, удастся ли большевикам при помощи диктатуры пролетариата, при помощи советской власти восстановить и не только организовать или поднять, или расширить хозяйство, но вопрос шел о том, удастся ли восстановить хозяйство до довоенного уровня. Платформа решает этот вопрос отрицательно. Она была написана в начале 1924 года, т. е. как раз в том году, когда восстановительный период вошел в полный расцвет, и тогда

меньшевики говорили в своей официальной платформе, что восстановить хозяйство до довоенного уровня в условиях такой политической системы, при помощи такой власти, когда господствует меньшинство, когда экономический утилитизм не встречает никаких препятствий, — не удастся. Все те товарищи, которые работали в ВСНХ, считали, что хозяйство восстанавливается и большевикам удастся восстановить хозяйство до довоенных размеров. В этом отношении, очевидно, в эти годы восстановительного периода и произошло расхождение между ЦК и заграничной делегацией и между русскими меньшевиками, которые, вовлечись и войдя всей головой в эту советскую организационную работу, под влиянием фактов, под влиянием больших успехов и под влиянием пролетарского творчества в отношении восстановления народного хозяйства вынуждены были в этом вопросе очень радикально и очень резко разойтись с заграничной делегацией и с ЦК, который стоял на своей официальной платформе, на той позиции, что никак не удастся восстановить хозяйство, что разрушения, причиненные военным коммунизмом, будут продолжать кровоточить и не дадут возможности подняться хозяйству до довоенного уровня. Это были годы расхождения между нами и ЦК, который уже тогда подпал под влияние коалиционной практики социалистических партий II Интернационала, особенно немецкой социал-демократии, с которой русский меньшевизм переплетен не только идейно и идеологически, но переплетен и лично, ибо, как тут уже говорили, ряд крупных правых меньшевиков, как Гарви, как Денике, являются главными инспираторами «Форвертса» и в газете «Гезельшафт» — передовиками по всем вопросам, касающимся Советского Союза. В то время (это и была линия расхождения), когда большевики использовали диктатуру пролетариата для восстановления промышленности в формах обобщественных, в формах социалистических, немецкая социал-демократия являлась главным рычагом, главным агентом, главным деятелем восстановления народного хозяйства в Германии на капиталистических началах. Вот это расхождение, которое, собственно говоря, и есть расхождение между II и III Интернационалами и которое продолжает оставаться той гранью, тем рубежом, который тогда обозначился настолько явственно, что между ЦК меньшевиков за границей и нами, практически работающими в аппарате, произошло полное отчуждение и расхождение. Что касается меня лично, то я никаких связей ни идейных, ни идеологических, ни организационных не поддерживал с меньшевиками. И я могу сказать, поскольку я был с Гинзбургом довольно близок, что и он в годы вос-

становительного периода, периода до 1926 года, ни идейной, ни органической связи с меньшевиками не поддерживал. Тут у них была такая позиция, что мы катимся в сторону капитализма, что нужно как можно быстрее разрушать утопический реформизм диктатуры, выражающийся в национализации предприятий и т. д. Они мотивировали это тем, что отдельные предприятия дают возможность очень большого накопления, являются очень прибыльными (они продолжали этот старый известный спор, вытекающий из буржуазного воззрения), но государственное хозяйство в целом является убыточным, тогда как частное хозяйство может существовать и давать прибыль и накопление и дальше толкать производительные силы.

В тот период произошло отчуждение, разрыв, и у меньшевиков здесь, в нашей стране, имелись, может быть, некоторые осколки партийных подпольных организаций, которые на широкую экономическую политику влиять не могли и не влияли, потому что ничего нельзя было противопоставить большевикам, особенно в период подъема, когда все хозяйство шло по восходящей кривой, нельзя ничего было противопоставить против экономической политики большевиков. В то время влияние на экономистов-большевиков, работающих в аппарате, оказывать было очень трудно, а может быть, даже невозможно.

Переход от восстановительного к реконструктивному периоду (об этом здесь говорили подробно и я долго останавливаться не буду) радикальным образом изменил всю эту ситуацию. С переходом в реконструктивный период начинается в среде меньшевиков очень большая растерянность, дезориентация, ибо в первые годы реконструктивного периода мы чувствовали, что речь идет о новом этапе решительного социалистического наступления, речь идет о быстрой, форсированной ликвидации капиталистических элементов, речь идет о том, чтобы не останавливаться в классовой борьбе перед так называемым нажимом сверху, ибо если действительно классовая борьба доводит экономические отношения до такого положения, что все назрело и нужен нажим сверху, то для того, чтобы это вскрыть, большевики правильно считали, что этот нажим надо произвести. Так, конечно, я рассуждаю теперь. Но тогда мы считали, что это нам готовит контрреволюцию. Как я уже говорил, мы находились под влиянием призрака бонапартизма, мы считали, что все будет сметено, что будут сметены завоевания и Октябрьского переворота, завоевания и Февральского переворота, что грядет контрреволюция в самой ужасной форме.

Вот как мы расценивали экономическую хозяйственную политику, при чем

многие из нас, в частности я, жили иллюзиями, что нам удастся при помощи убеждения, при помощи участия в плановой работе, в работе по проведению разного рода мероприятий, нам удастся переубедить большевиков, замедлить темпы этого социалистического наступления, изменить методы управления хозяйством, не применять методов принуждения, не вмешиваться в это путем бюрократических актов, а идти прямыми путями экономической политики.

Мы говорили, что надо дать социалистическому сектору экономически вытеснить нэп. Большевики и коммунисты считали, что они должны превратить нэповскую Россию, согласно словам Ленина, в Россию социалистическую. Вот мы давали им советы в разных формах. Я должен сказать, что в первые годы, до 1927 года, мы давали эти советы совершенно добросовестно, считая, что нам удастся переубедить большевиков замедлить взятые темпы и дать возможность реально развиваться экономическому ходу вещей.

Но я считаю, что вот примерно в этот период начал намечаться тот перелом в меньшевистской тактике, когда мы стали разуверяться в пассивном перерождении большевистской тактики, в мирном перерождении большевизма. Именно в 1926—1927 году был предпринят ряд крупных мероприятий (тут уже говорилось о крайних мерах в отношении хлебозаготовок). Каждое крупное наступление коммунистической партии приводило к тому, что ускоряло вот этот самый перелом в тактической линии меньшевиков, которые уже начали тогда отказываться от иллюзий и от надежд на мирное перерождение и больше прислушиваться к правым меньшевикам, связанным со II Интернационалом, и прислушиваться к немецкой социал-демократии.

Практика немецкой социал-демократии, которая являлась до 1927 года иллюстрацией той платформы, которую здесь оглашал гр-н прокурор, — полная коалиция с буржуазией и установление капиталистических отношений, — эта практика начала прельщать центристские элементы из ЦК, и вот тогда зародились первые элементы глубокого перелома, который произошел в отношении наших позиций к советской власти.

Я не согласен с теми товарищами, которые говорят, что меньшевикам была присуща линия, которую правильно квалифицировал гр-н прокурор более крепкими словами, и я вполне присоединяюсь к его квалификации: линия сначала на вредительство, а потом на интервенцию. Нет, эта линия не была присуща меньшевикам, но произошел перелом в их настроениях, произошел переход к новой тактике, который был вызван той директивой, которую Дан дал Петунину. Вот эту директиву я считаю датой, эрой того

перелома, который совершился, и здесь я ни в коем случае не могу приписать меньшевизму, что это было уже с первого момента после военного периода, что уже меньшевизм в себе носил все эти методы и всю эту позорную, гнуснейшую тактику вредительства, интервенции и т. д.

Эти встречные течения, с одной стороны, полное распыление, дезориентация тут, в России, в среде марксистской социалистической интеллигенции, занимавшей довольно часто ответственные посты и имеющей влияние и авторитет в хозяйственной работе, и, с другой стороны, эволюция ЦК, который очень удачно, как мне кажется, учел создавшееся положение, — они и положили начало той организации, в результате которой создается «Союзное бюро».

Как член «Союзного бюро», организовавшегося в 1928 году, я ни в коем случае не хочу отрицать моего участия в дезорганизаторской работе, ибо я отвечаю вместе с «Союзным бюро» за всю его деятельность целиком и полностью, отвечаю я, лично, за ту вредительскую работу, которую я проводил, отвечаю за то, что я принимал участие, правда, только один раз, в совещании вместе с представительством бюро — с «Промпартией», и тут, конечно, мы применяли фразу Бебеля о том, что для единых целей возможно блокироваться с чортом и с бабушкой. Я не знаю, что представляет собою «Промпартия» — чорта или его бабушку, но во всяком случае мне лично было ясно, что «слуги реакции не краснобаи», как говорит Лассаль, что «Промпартия» — это откровенная буржуазная контрреволюционная партия, лицо которой было нам известно, ибо Громан, делая нам на совещании доклад, безошибочно определил социальную физиономию этой организации, ее политический характер, ее политическую программу и тактику. И вот, если, несмотря на это, мы с нею пошли, то я понимал, что очевидно у них есть какая-то нужда в нас, иначе бы эти слуги реакции с нами не пошли ни на какие разговоры. Если же мы оказались тогда полезными «Промпартии», то еще более велико наше контрреволюционное преступление перед пролетариатом. Я говорю, что всех этих фактов моей личной деятельности и деятельности «Союзного бюро» я ни в коем случае ни на одну минуту не хотел уменьшать или прикрашивать; я бы только хотел сказать, чтобы суд имел в виду, что линия эта не выскочила сразу, как Минерва из головы Юпитера, какое впечатление может получиться у некоторых. Я должен сказать, что для суда, конечно, меньше всего представляют интерес те психологические страдания, которые были у того или у другого лица, ибо это не представляет интереса для политика — для политика важны

те действия и факты, которые проводились в жизнь. Чем они сопровождаются, это может иметь художественный, психологический, романтический интерес, но не политический. И вот я должен сказать, несмотря на все эти оговорки, что долгое время над нами господствовала мысль, что мы путем дезорганизаторской тактики, путем вредительства, в особенности в области планирования, в таких тонких, чувствительных нервах и областях всей хозяйственной системы желаем переубедить правительство, убедить руководящие хозяйственные советские органы, что политика пятилетки, проводимая в реконструктивный период и представляющая собой символ всего этапа социалистического наступления, — является нереальной. Как только возникает вопрос о крупных мероприятиях, то всегда меньшевики ждут больших потрясений, катастроф, кризисов. Политически у меньшевиков всегда был в силе образ бонапартизма 48 года, когда возникла трещина между пролетариатом, городскими революционными классами и между крестьянством, из этой трещины вышел бонапартизм. Эта трещина всегда стояла перед нашими глазами. В частности я тоже считал, что в 1928 году, когда пятилетка приняла такую форму, что ее стали муссировать, стали говорить о высоких темпах, то это неизбежно должно привести к расстройству, к подрыву фундамента, к подрыву союза между пролетариатом и крестьянством. Отсюда, как мне казалось, должен произойти бонапартизм в самой худшей исторической форме. Маркс говорил, что первый Бонапарт был трагедией, а второй — фарсом. Мне же казалось, что сейчас мы должны ожидать в этом бонапартизме самую величайшую историческую трагедию, какую только когда-нибудь видел мир. Вот в таких трафаретных образах нам представлялось это стремление к высоким темпам, это стремление к форсированному развитию социалистических отношений, это наступление на частнокапиталистические элементы, эта политика в деревне, одним словом, вся цепь мероприятий, которые связаны с реконструктивным периодом, с новым курсом социалистического наступления. Но я должен сказать, что, как и всегда бывает, оружие критики перешло в критику оружием. Оружие, которым меньшевики полностью обладали, единственное наше оружие — наш партийный политический багаж, при помощи которого мы оказывали некоторое влияние на хозяйственный и советский аппарат, некоторые наши экономические знания, некоторое наше умение экономически планировать, комбинировать разные элементы хозяйства — это самое оружие, которое тогда для нас было оружием критики, мы превратили в критику оружием. Но когда мы полностью восприняли и стали про-

водить директиву ЦК относительно дезорганизаторской вредительской работы, мы сознательно приступили к срыву реконструктивных социалистических планов, планов социалистической реконструкции народного хозяйства; тогда уже у нас не было оружия критики, т. к. весь арсенал буржуазных категорий, который мы применяли при планировании на узкие места, на слабый эквивалент, не мог нам помочь. Мы остановились в тупике перед периодом строительства, перед творчеством пролетарских масс. Ленин правильно выдвинул мысль, что нужно уметь выделить слабые звенья и сюда направить свои усилия. Нужно было из общей цели выделить противоположную линию понимания экономических отношений, нужно было выделить методы и приемы. Но все эти методы и приемы для нас сыграли роль тактическую. Наша беда в том, что мы только пост-фактум смогли разобратся во всем. Мы заражены были буржуазно-политической экономикой, мы не расценили всю экономическую действительность страны. Сколько времени ушло на то, чтобы доказать, что средние темпы роста промышленности в довоенное время были 5—6%! Наконец, добрались до американских данных, и там тоже не получили более высокого процента, чем 6 процентов. Правда, в период расцвета, в период составления первой пятилетки, когда работа велась под руководством А. М. Гинзбурга, выдвинули 13 процентов, которые были немедленно опрокинуты жизнью, потому что жизнь дала 22, 23, 24 процента. Даже в дальнейшем мы считали это величайшим социалистическим напряжением, зенитной точкой пролетарского творчества. Потом выдумали так называемую затухающую кривую темпов, что если в первом году мы имеем 15%, то обязательно во втором году будет уменьшение. Где тут была логика — логики не было никакой. Сейчас, когда мы ретроспективно разбираемся во всем этом, то мы видим, что не было никаких обоснований для подобной теории. Но мы под влиянием, под воздействием, под гипнозом всех этих традиций буржуазной политической экономики считали, что это действительно научно совершенно обосновано, что о не затухающих темпах может говорить только невежда, а что человек, марксистски мыслящий, должен принимать затухающую кривую. Так и вышло. Раз дана цифра 13, а 13—14 являлись не превзойденными цифрами, то значит требуется величайшее напряжение для осуществления этой цифры. Вы видите, что в нашей среде еще до преступного контрреволюционного проведения вредительской политики и ставки на интервенцию царил те буржуазные представления, которые не давали нам возможности оценить и понять, что же представляет собой плановое хозяй-

ство, каковы его возможности. Мы все время жили под влиянием блестящих анализов, которые дал Маркс капиталистической системе, и мы считали, что все законы о неорганизованном хозяйстве, или хозяйстве, которое борется стихийно, за спиной производителя, все эти законы нужно сюда перенести. Поэтому мы были слепы, глухи ко всем возможностям планового хозяйства. Мы не понимали ни двигающих сил этого хозяйства, ни его закономерности. Поэтому, когда некоторые из нас, в частности, когда я попытался проследить, каково влияние трудовой активности, трудового подъема, энтузиазма, подъема производства, активности господствующего класса на качественные показатели по снижению себестоимости, то в начале 1927 г. дал пленуму резолюцию, которую принял весь пленум и которую товарищ Куйбышев одобрил. Я написал, что для меня совершенно ясно, что кампания за снижение себестоимости требует обязательного участия всех профессиональных организаций пролетариата и самого пролетариата, ибо трудовая активность, энтузиазм, подъем в деле социалистического строительства может повлечь снижение себестоимости. А дальше что? Дальше я ни одной меры, ни одного моста, ни одной попытки учесть эту новую пружину, эту новую силу не дал. Ведь мы и теперь в порядке истории читаем, например, Зонберга, который до сих пор развивает теорию о господствующем восходящем классе буржуазии. Мы были настолько слепы, настолько глухи, настолько заражены буржуазными предубеждениями, настолько мы всеми корнями сидели в этих капиталистических представлениях о ходе нашей революции, что наша революция есть не социалистическая, а буржуазная, капиталистическая революция, что не видели, как же действует эта пружина, этот энтузиазм, этот размах, эта активность, подъем и т. д.

Я эти моменты рисую для того, чтобы вы увидели, что мы были подготовлены идеологически и психологически к тому, чтобы перейти на эту самую работу, на гнуснейшую, позорнейшую контрреволюционную работу по вредительству, а потом на ставку на интервенцию. Я не буду подробно говорить о «Союзном бюро» и о своей вредительской работе, я уже об этом говорил, я повторяюсь не стану, я только скажу, что раньше я бессознательно это принимал, наивно верил в это, но потом я уже сознательно в интересах и целях контрреволюционных, в интересах нашей меньшевистской линии проводил срыв конструктивных планов преобразования хозяйства на социалистический лад. Я противопоставлял это всем методам, всем пожеланиям и задачам, которые большевики и коммунистическая партия выставляли в отношении

пятилетки. С этой стороны я должен сказать, что вредительство было психологически подготовлено с одной стороны полным крушением всех наших надежд. Мы увидели, что советская система установилась, что ежегодные достижения имеются, что наши мрачные предсказания и прогнозы не сбываются. Всякий меньшевик, в том числе и я, мы все время ходили с готовыми катастрофами в кармане. Каждый раз то из этого, то из другого кармана мы вынимали по той или другой катастрофе, то катастрофа промышленности, то сельского хозяйства, то транспорта, но ни один наш прогноз не оправдался, ни одно хозяйственное затруднение не обратилось во всеобщий кризис. Мы увидели тогда, что вопрос об органическом перерождении большевизма — это наша наивная утопия и необходимо активизировать нашу деятельность в форме борьбы с большевиками, и первой формой этой активизации была дезорганизаторская работа или вредительство.

Еще хуже обстояло с интервенцией. Гражданин прокурор правильно доказывал, что был заключен блок, временное соглашение между нами и «Промпартией». Что же мы давали «Промпартией»? Какая гарантия была, что при интервенции нам удастся отстоять в какой бы то ни было степени, в какой бы то ни было мере интересы рабочего класса, интересы классовой борьбы пролетариата? Какие были к этому гарантии? На это надо ответить следующее. В. Г. Громан был статистиком и как статистик пытался дать ответ в цифрах, но политической статистики не существует и он, несмотря на всю свою статистическую опытность, мог ошибиться и сильно ошибся. Он говорил, что новые меньшевики оценивали гарантию революции и демократии и классовой борьбы при проведении империалистической реставраторской капиталистической интервенции, самого худшего вида интервенции, которую знала история, в 51%. Я, гражданин прокурор, должен сильно снизить этот процент, я снижаю его до 15—20%. Может быть, и этого не было. Вы можете спросить, из-за чего же вы пошли? Я должен ответить, что мы пошли оттого, что никакого демократического преодоления внутренними силами рабочего класса, никакой опоры в рабочем классе мы не имели. Наш багаж, с которым мы шли в эту борьбу, был смехотворным. Но в должен сказать, что уже к тому времени наше влияние очень сильно пало и в советских аппаратах, мы были настолько неприспособлены к реконструктивному периоду, что наши предложения перестали приниматься не потому, что они были так выпукло непригодны, но потому, что они не совпадали с теми тенденциями, с теми задачами, которые имело правительство, и уже такие това-

рищи, как Громан, Гинзбург, Штерн, я и другие, фактически были почти отстранены, хотя оставались формально на своих постах. Мы в это время уже не имели того влияния, какое мы имели раньше для проведения своих установок. И, несмотря на это, мы пошли на этот позорнейший блок с людьми реакции. Что же мы внесли туда? Наша ставка была вот на чем построена. II Интернационал в его правящих, руководящих сферах эволюционирует, для них тоже становилось ясным, что надежда на мирное перерождение большевизма, на мирное перерождение диктатуры терпит крушение. Там тоже всем политикам стало видно, что советская система устойчива, что достижения очень большие, и потому интервенционистские настроения усилились в правящих сферах. Правда, благодаря классовому инстинкту рабочего класса, нельзя было перенести эту агитацию даже в ту среду рабочих, которая идет за II Интернационалом. Кроме того надо учесть еще один очень важный момент — это логика борьбы между II Интернационалом и III Интернационалом особенно в Германии, ибо оплотом III Интернационала является Советский Союз, а оплотом II Интернационала является немецкая социал-демократия. Вот эта логика борьбы между II и III Интернационалами тоже толкала правящие сферы II Интернационала на мысль об интервенции. Наш ЦК, который превратился фактически в информационное экспертное бюро, обслуживающее своей информацией и необходимым агитационным материалом борьбу с III Интернационалом, наш ЦК, как я говорил, эволюционировал, и, таким образом, получалась некоторая надежда или ожидание того, что II Интернационал сумеет настроить рабочие массы пассивно в отношении интервенции и тем самым сломить дальнейшее препятствие, дальнейшее сопротивление против интервенции. Ибо Ленин правильно в первые годы после войны ставил ставку на то, что если рабочие массы не будут дезориентированы, то интервенция невозможна, потому что мировой рабочий класс воспротивится этому. Именно это антиинтервенционистское жало мы и хотели вынуть. Мы ожидали, что удастся повлиять на II Интернационал, что II Интернационал в лице правящих кругов удастся сломить сопротивление, создать пассивное настроение в рабочих массах и устранить дальнейшие препятствия для интервенции. Здесь буржуазия и представители мелкобуржуазных промышленных слоев, как Рамзин, Ларичев и др., которые, может быть, не являются мировыми политиками, но которые хорошо чувствовали, где, что плохо лежит, понимали, что сила не в нас, а сила в том, что мы представляем в этом вопросе II Интернационал, что мы являемся

отпрыском, ветвью, представителями II Интернационала, и им удастся, таким образом, завязывая с нами блок, обеспечить тыл там. И их расчет был на то, что мы своим блоком, своим соглашением поддержим их.

Мы были против военной диктатуры, против диверсионных актов и экономический террор не принимали. Я думаю, что у нас достаточно преступлений и достаточно грехов и достаточно великих преступлений против пролетариата, достаточно измены и предательства, чтобы не отказывать нам в этой маленькой позиции, которую мы занимали, — это воспоминание о том, что когда-то мы были социалистами-революционерами. Расчет этих групп был на то, что, с одной стороны, мы помогаем дезорганизовывать обороноспособность страны, а там обеспечиваем тыл интервентов. Получается такого рода смычка, и наше участие являлось для их интересов необходимым.

Я признаю, что наше суждение о том, что можно было рассчитывать на интервенцию, как на проводника и организатора хотя бы буржуазно-демократического устройства в нашем Союзе, является рекордом политической наивности. Но мы никаких других путей, других средств не имели. Вы видели, что наша социальная база была не только узка, она была чрезвычайно сужена. К рабочей массе мы не подходили не только потому, что не успели, а потому, что с чем было нам подходить, потому что мы отлично понимали, что если даже имеются маленькие группки недовольных шкурников среди рабочих масс, среди недовольных коммунистов, то и эту часть не удастся оторвать, если мы выйдем с открытым забралом. Эта самая двойственность, о которой я говорил, положения, когда II Интернационал в лице своих руководителей тайно пьет вино интервенции, а открыто проповедует розовую водичку пацифизма, это положение не давало возможности подходить открыто к рабочим массам, потому что мы тайно пили вино интервенции, а открыто должны были поддерживать традиции социал-демократии.

Вот это вам объяснит вопрос о том, почему я не пытался, почему не пробовал более широко поставить агитацию и пропаганду, как это делали раньше меньшевики среди рабочих масс.

Ни одного извинительного обстоятельства, которое в какой бы то ни было мере могло оправдать мое поведение, я не могу привести. Я не в состоянии спорить с той квалификацией, которую дал гр-н прокурор моей деятельности, — я ее считаю правильной. Я считаю также, что довольно длительный политический путь и зрелый возраст должны были бы меня удержать от тех преступлений, от той пропасти, в которую я скатился, от тех тяжких преступлений и предательства

против пролетариата и от того участия в контрреволюционной борьбе путем вооруженного вмешательства в дела Советской России, о которых я говорил.

Я этого не сделал, поэтому ничего оправдывающего я не могу привести. Но, быть может, вы мне поверите, что я попал в такое положение морально и психологически из-за отсутствия базы нашей работы, — я прямо должен сказать, что если «Союзное бюро», как целое, не имело социальной базы, то каждый из нас, в частности я, не имел моральной базы. Я должен только сказать, что тот перелом, который я пережил и переживаю, вызван не тем, что я попал в тюрьму, а тем, что я попал в нольный тупик, в меньшевистский тупик, из которого выхода нет. Либо действительно идти к «Промпартии», т.е. идти на открытую реставрацию капитализма, либо вступить на этот путь, на котором еще встречаются черносотенные, монархические элементы, либо стать в ряды той армии, которую ведет за собой коммунистическая партия, и участвовать добросовестно под ее руководством в советском строительстве.

Вы можете меня спросить, как меня спрашивал гр-н прокурор, где гарантия от меньшевистского рецидива? Мы видим, что я, например, с 1920 года до 1927 года политической деятельностью не занимался, а на крутом подъеме, на новом этапе попал, и попал в ужасающую трясину и болото. Где же гарантия от меньшевистских рецидивов?

Гр-н прокурор говорил, что меня нужно изолировать на максимально длительный срок, т.е. обеспечить общество от меня в том смысле, чтобы я никакого участия не мог принимать ни в строительстве, ни в саботаже этого строительства. Естественно, что такой вывод в высшей степени тяжел. Если суд найдет, что мои силы, мои некоторые знания, мой опыт могут принести хоть какую-нибудь пользу делу пролетариата, если вы поверите в то, что мое раскаяние искренне, — я не только обезоружен и не только могу быть обезоружен, но я и сам разоружился полностью, — если вы в это поверите, то я считаю, что вывод, который сделал гр-н прокурор, является тяжким.

И если вы найдете возможным и нужным, то я прошу дать мне возможность — я не говорю относительно того, чтобы заглаживать грехи, я не могу быть настолько полезным, насколько я оказался вредным, — но я все же прошу дать мне возможность продолжать работу и с удвоенной энергией участвовать в социалистическом строительстве, и, может быть, я хотя бы в малой степени заглажу те преступления и грехи, которые я совершил.

Председатель. Подсудимый Иков.

— Мои товарищи по скамье подсудимых чрезвычайно подробно, с разных сторон остановились на различных моментах политической и общественной области, связанных с деятельностью «Союзного бюро» и приведших всех нас на скамью подсудимых. Мне приходится остановиться поэтому прежде всего и главным образом только на том, что связало меня и привело сюда.

Я должен начать с упрека, высказанного государственным обвинителем. Он высказал подозрение, что мои показания—это есть вынужденная, неоткровенная диверсия, в целях смягчения своей участи, и что в моих словах чувствуются недоговоренность, умолчание, какого-то рода дипломатия. Это не так. Я дал свои показания совершенно добровольно и самостоятельно. Я знаю, что, независимо от этих показаний, я, как один из самых старых партийных работников в составе подсудимых, несу всю ответственность полностью, и ничто не заставляло бы меня дать показания, как это было раньше, если бы не было моего собственного желания. И вот я позволю себе, чтобы иллюстрировать доказательства и подтвердить свою мысль, очень сжато наметить основные этапы моей политической карьеры.

В ней нет ничего особенного для вас—старых подпольщиков, с которыми я был много лет связан, но мне нужно это сделать.

Вся моя работа протекала с 1901 года в рядах социал-демократов, с 1903 года—в рядах меньшевиков и всегда на его правом крыле. Этого я никогда не скрывал, это известно. Вплоть до 1917 года я прошел путь вместе с ним, через все его этапы, обслуживая партию всюду и везде, где это требовалось по обстоятельствам, в качестве ли публициста, в качестве ли подпольного работника или в качестве работника всех форм открытого рабочего движения. 6 лет нелегальной жизни, 8 лет тюрьмы и ссылки, этапы, эмиграция,—словом, все знакомо,—таков был итог этих 16—17 лет. Это—путь к пролетариату и с пролетариатом.

Затем начался второй период, после революции 1917 года, когда, вернувшись после амнистии в Петербург, я вошел в работу в петроградский совет, ЦИК первого созыва, в партийную организацию, в партийную прессу, в предпарламент, как я уже говорил, и так далее. С 1918 года—возвращение в Москву, и здесь работа в кооперации, которая тогда была одной из линий антисоветской общечеловеческой ответственности, и участие, даже не входя в официальную партийную организацию, в различного рода меньшевистских конспирациях. В итоге—ряд столкновений с соответствующими органами и, наконец, последняя—четвертая—ссылка моя в 1924 г. на Урал.

И вот раньше я показаний не давал и от своего пути не отходил, не отказывался, как бы ни были убедительны и вески улики. И не в том дело, что я приперт к стене материалами и что я добиваюсь смягчения участи,—это противоречило бы всем традициям, всем навыкам и всему характеру, как моему, так и всего поколения, с которым я вместе проходил этот путь. Я дал показание, что я прекратил борьбу. Борьбу прекратил потому, что прошел весь путь до конца вместе с партией и вместе с правыми зашел в тупик. Я не снимаю с себя ответственности, но я устанавливаю неразрывную связь свою, до дня ареста, с партией. Я считал тогда своей обязанностью, когда подводил итоги, с этим путем разорвать и объяснить почему. Гражданин обвинитель, как сам старый партиец, понимает, что значит на 50 году после 30 лет работы разорвать со всем прошлым, разорвать со старыми личными, партийными, политическими связями. Это не дипломатия, а это всерьез и навсегда. Я работал в контакте с «Союзным бюро», я это рассматривал, как показывал на предварительном следствии, как прямое следствие глубочайшей ложности всего предшествующего пути, проделанного мною. Я пытался переложить на практику все, что говорили правые, все то, что в скользких, двусмысленных резолюциях излагалось официальной партией. Будь в 1929 году позиция заграничной делегации иная, я, возвращаясь в партию и предлагая ей свои услуги, пошел бы по совершенно другой дороге. Что ставила в центре своего внимания социал-демократическая группировка за последние годы? Она поставила совершенно четко и ясно задачу ниспровержения советской власти и всемерной активизации воли всей страны, а в первую голову рабочего класса, в направлении ускорения этого шага. Правые отрицали возможность линияния, как они выражались, путем разложений, ставки на уклон и т. д. Правые давно открыто ставили задачу ниспровержения советской власти и общенационального возбуждения. Официальная партия делала то же самое, лишь умалчивая о пройденном пути и о средствах. Здесь как будто бы цитировалась прокламация ЦК от 1928 года. Всякому честному партийцу при переводе этой прокламации на понятный язык с двусмысленного станет ясно, о чем толкует эта прокламация—она говорит о призыве к ниспровержению советской власти, к расколу рабочего класса и о том, следует ли советскую власть ниспровергнуть. Ответ, у одних четкий, у других завуалированный, был один и тот же—да, следует. Опять-таки просмотрите все номера «Соц. Вестника», все издания социалистической печати, и вам совершенно станет ясно, что она целиком направлена на это дело.

Создавались ничтожные, нелегальные группировки — хотели сформировать тот авангард, который сумел бы повлечь за собой хотя бы часть рабочего класса по тому же пути. Здесь работали и правые, и левые, и центр. Рядом с этой ориентацией стояла ориентация на крестьянство и его восстания, на интеллигенцию и ее посильную помощь в разных формах. Отсюда соглашения, блоки, искания союзников. Мы ничего не видели вначале и не хотели видеть. Мы не понимали новое поколение, оно было нам чуждо, и уклонялись даже от ответа, почему же в конце концов ни одна часть рабочего класса не идет к нам.

А впереди неизбежно восстановление капитализма, так гласила платформа, неизбежно восстановление капитализма, подготавливаемое, как ставился вопрос, всей политикой советской власти. И вот правые, последовательно правые, давно ответили, «какой же выход». Интервенция, при всех ее тяжестях и ужасе, оскорбление национальных и суверенных прав, я беру такой выспренный язык, пробуждает энергию народа и, освобождая себя от оккупантов, он сметает советскую власть. Но эта самая нация, этот самый народ творит новые формы жизни и быта и ни в какой мере не отвечал нашим чаяниям. И тогда постановка вопроса об интервенции приняла ту форму, которую давало по директиве центра «Союзное бюро», и которая совпадала со статьями 1930 г., где говорилось, не всеми, но такая фраза была, что интервенция есть кратчайший, хотя и болезненный путь к разрешению национальной проблемы, т. е. к низвержению советской власти. Дан возражает на страницах «Социалистического Вестника», но вы видели, как вопрос стоял перед «Союзным бюро» и передо мной в разговоре с Брунштейном. Отсюда и постановка вопроса о так называемой национальной концентрации, т. е. о блоке с прогрессивной буржуазией, о котором говорили правые. Но в результате неуспеха попыток привлечь хотя бы часть рабочего класса, при крахе надежд на деревню, что же оставалось в качестве силы, способной подготовить внутри условия, благоприятные для интервенции, ныне молчаливо прикрытые и санкционированные II Интернационалом и важнейшими социал-демократическими партиями? Оставалось одно — задержка социалистического строительства, ибо оно по мере своего роста все более превращало планы на интервенцию и реставрацию в нелепую фантазию. Так родилась директива о дезорганизации народного хозяйства, производимой в плановом порядке руками служилой интеллигенции, о чем подробно сообщалось здесь, на заседании Специального присутствия. А на ряду с этим шла попрежнему всесторонняя посылная устная и печатная агитация

против всех участков советской работы, против самого ее существования.

Я не пытался восстановить «Союзное бюро». Это было мне не по силам, да и было совершенно ясно, что и это орудие умерло. Но я пытался прикрыть действия «Союзного бюро». Об этом говорит мое перехваченное обращение за границу. К счастью, пытался неудачно, но пытался и, значит, прошел до конца весь путь, был разбит на голову и тогда поставил перед собой вопрос, что же дальше? И вот я подвел итоги. Формы старой, подпольной, нелегальной партийной организации умерли, и попытка восстановления, с моей точки зрения, никаким успехом увенчаться не могла, она не могла оказать в какой-нибудь мере серьезное воздействие на ход русской жизни и ее развитие, лишь в отдельных случаях путаясь и мешая своим существованием.

Работа типа «Союзного бюро» неповторима, немислима и не только потому, что это путь к фашизму, разоблаченный и изобличенный нами самими, но потому, что он, вообще говоря, бессилен задерживать и остановить развитие жизни, как бессильна лучинка, брошенная в водопад, задержать его поток.

Метод нелегальной работы мертв, все не в силу репрессий или невозможностей найти кое-какие группы для воздействия, — это второстепенный момент, а прежде всего потому, что с платформой 1924 года идти нельзя. Можно создать несколько хороших гектографов, мы создавали в свое время и не один, и даже монограф можно поставить, но что на них печатать? Резолюции «Союзного бюро»? Но ведь этого нельзя, а уклончивые, лживые, парадные заявления II Интернационала — не стоит. И вот таков был мой первый вывод: дорога в массы для правых ли, левых ли социал-демократов закрыта. Мысль же о том, что мы, социалисты, блокировались с заклятыми врагами рабочего класса, вплотную привела к вопросу о прямой ему измене, и тогда я счел своим долгом помочь распутать клубок нитей и связь «Союзного бюро» с заграничной делегацией и II Интернационалом, в которой я сам был виновен. Только полный разрыв всей партии, правого крыла и меня лично с рабочим классом, только сдача позиций революционного социализма, только полная капитуляция перед трудностью, сложностью, своеобразностью путей революции могли привести меня, активного социалиста в течение 30 лет, к такому положению. Не все вставали на путь блока с «Союзным бюро», но тогда они были просто свидетелями, бессильными критиками, несущимися мимо жизни, или они пытались гальванизировать труп старого подполья.

О делах своих я сказал совершенно четко все то, что я знал, о пути своем и мотивах сдачи, и о мотивах того, что я

постарался и в известной мере помог осветить картину, я старался сказать возможно яснее. Есть нечто худшее, чем та длительная изоляция, которую предлагает государственный обвинитель, совершенно логически и политически правильно ставя вопрос, это—сознание того, что эта мера есть естественное следствие моего пути. Самое худшее это другое, это сознание того, что то социалистическое строительство, в котором, собственно говоря, мне, может быть, больше, чем кому-нибудь другому, надлежало бы принять участие по своему прошлому революционному стажу, шло и пойдет в дальнейшем без моего участия и что в борьбе рабочего класса за его полное освобождение я лишен возможности принять участие. Я, как-то в ссылке в последний раз на Урале, в день 1 мая вышел на улицу и как раз натолкнулся на небольшую, конечно, для маленького захолустного городишки, демонстрацию, в которой сливались рабочие кожевального завода, мельниц, школьники и т. д. Я остро ощутил,—я был там в ссылке,—остро ощутил свою смешную, нелепую ненужность в том празднике, за который я боролся перед тем столько лет. Вот сейчас, так сказать, до меня звуки 1 мая и то настроение, которое будет в дни 1 мая в последующие годы на улицах, смогут долетать только через тюремную решетку. И я скажу прямо, что это будет единственной радостью в моей тюремной жизни, что это будет весть о все новых и новых победах рабочего класса. Я думаю, что эта длительная изоляция, если суд найдет возможным учесть все то, что я говорил на суде, и все мои объяснения, может быть, если он сочтет возможным если не сократить изоляцию, то во всяком случае мне, как лицу, имеющему некоторые знания и известные способности, предоставить возможность эти знания и способности применить, и это естественно, о чем я сейчас хотел бы говорить.

Председатель. Подсудимый Петунин.

Петунин

— Нарыв или, точнее сказать, гнойник, каким представляется меньшевизм в лице 14 сидящих на скамье подсудимых, государственный обвинитель последовательно вскрыл до конца. Мне кажется, что ничего нового, что могло бы осветить дополнительно тени этого дела новым светом, сказать уже нельзя.

Подсудимый Громан дал суду картину исторического развития меньшевизма и того пути, которым меньшевизм в лице 14 подсудимых пришел на скамью подсудимых.

У меня в моем пути были некоторые индивидуальные оттенки моего шествия. Я скажу об этом, когда буду сообщать некоторые биографические данные, но в

целом характеристику, данную подсудимым Громаном, я принимаю и к ней присоединяюсь к характеристике пути меньшевизма, к его оценке и квалификации и оценке наших деяний, данной государственным обвинителем. Мне нечего прибавить к тому, что сказал государственный обвинитель, разве только повторить, что имя предателя рабочего класса нами более чем заслужено. В самом деле. Настоящий процесс еще и еще раз показал, что человеческое общество, человеческий мир разделен на два резко враждебных лагеря: в одном лагере—труд и стремление к социалистической революции, нашедшие свое выражение на одной шестой земного шара в диктатуре пролетариата, а в другом лагере—капитал с диктатурой буржуазии, стремящейся сохранить свое насилие для эксплуатации трудящихся. Между этими двумя лагерьями происходит непрерывная, ожесточенная борьба, все более и более обостряющаяся в нашу эпоху—эпоху революции. И в этот период обостряющейся борьбы мы оказались по ту сторону баррикад, в лагере наших врагов, в лагере врагов рабочего класса. Имя предателей рабочего класса заслужено нами.

И если замечания государственного обвинителя вызывают у меня некоторую потребность ответить, так это то, что вероятно не может быть положено на чашу весов правосудия, ибо государственный обвинитель не сделал его аргументом или положением, прямо направленным против подсудимых, это его замечание, касающееся мотивов наших действий, которое кладет такую тень, которая даже на нашем черном теле кажется особо страшной и черной. Это вопрос о нашем бескорыстии.

Государственный обвинитель выразил сомнение насчет того, что мы действовали бескорыстно. Я понимаю, что голос отрицания такого предположения с моей стороны и в моем положении ничего не даст, что для утверждения обратного нужны факты. Вот я и хочу привести суду факты, которые не имеют прямого отношения к данному делу, но которые проливают некоторый свет на меня с этой стороны. Этот простой факт состоит в том, что в моей семье выросло два беспризорника, ставших полезными членами советского общества. Полезными потому, что один из них находится в рядах пролетариата, в рядах металлистов, в коммунистической партии, а другой, или точнее другая (это была девочка, теперь женщина), работает в колхозе. Они выросли в моей семье, состоящей из нескольких человек и не имеющей избытка в бюджете. Мне кажется, этот маленький факт находится в прямом противоречии с предположением о возможном моем корыстолюбии.

Повторяю, имя нашим деяниям — предательство. И тот несомненно бесспорный факт, что наша работа инспирировалась, руководилась и финансировалась заграничной делегацией ЦК РСДРП, т.е. меньшевиками-эмигрантами и стоящим за их спиной II Интернационалом, ни в какой мере и ни в какой степени не делает наши преступления более легкими и менее позорными. Этот факт, мне кажется, мы, подсудимые, по крайней мере лично я так полагаю, должны воспринять особенно, а именно сделать вывод, что на нас, подсудимых, в случае, если нам будет предоставлена возможность искупить свою вину и работать, будет лежать долг вести с этими инспирированными беспощадную борьбу. Только такой вывод, в связи с нашим соприкосновением с этими кругами, делаю.

Я солидаризируюсь в оценке и в квалификации наших преступлений, которые сделал государственный обвинитель. Это значит, что у меня нет ни мотивов, ни аргументов сказать что-либо в свою защиту. И поэтому я перейду сейчас к сообщению тех немногих биографических сведений о себе, которые, может быть, вы учтете при решении вопроса о моей участи.

Я вышел из самых низов социальной лестницы. Мой отец — бедняк, деревенский портной, из безземельных крестьян, в прошлом крепостной помещика. Вследствие именно бедности этой семьи уже с 8-летнего возраста я должен был трудиться, чтобы заработать на хлеб, а с 13-летнего возраста живу уже совершенно самостоятельно, и непрерывно на протяжении 33 лет до ареста вел трудовую жизнь. По этой же причине я не получил никакого образования. Все, что я знаю, это — результат моих собственных усилий, это результат самообразования и практического опыта: я — самоучка. Во всех 33 годах трудовой жизни есть свыше 20 лет моей работы по прямому доверию трудящихся на выборных и общественных должностях — в профсоюзе и кооперации.

Проходя свой жизненный путь, я пытаюсь иногда найти в этом факте для себя некоторое утешение и смягчение, но перед судом должен сказать, что в этом факте содержится сугубая для меня ответственность: я нарушил это доверие, я злоупотребил этим доверием, я воспользовался прямым доверием, которое мне оказывали трудящиеся, во зло для трудящихся.

Мое участие в революционном движении относится к моему юношескому периоду, именно к 17-летнему возрасту. Первые года, 1901—1904 года, были периодом, собственно, формирования моих революционных настроений, хотя и в этот период, именно в 1902 году, на почве выявления этого своего революционного настроения я вошел в кон-

фликт с предпринимателем, у которого работал, и с полицейскими властями, и был вынужден переменить место работы и место жительства. Однако, в ряды партии социал-демократов я вступил лишь в 1905 году. Мои революционные настроения нашли свое революционное оформление лишь в этом году и уже в качестве социал-демократа я принял участие в революции 1905 года. Я был рядовым, достаточно зеленым еще политическим работником, и поэтому я участвовал так, как мог: участвовал в забастовке, вел пропаганду среди рабочих того предприятия, где сам работал, позднее, когда уже революция была на исходе, был участником и инициатором в организации нелегальных профсоюзов. Вот за все за это я оказался в ссылке.

Поражение революции 1905 года привело меня в состояние достаточной растерянности, как самым фактом поражения, так тем более тем, что я был весьма зеленым, был безграмотным экономически и именно поэтому не видел путей, по которым дальше нужно было идти. В ссылке те ссыльные, которые были вместе со мной, не были еще теми основными кадрами революционеров, которые подошли потом: там были, по преимуществу, ссыльные аграрники, да немногие ссыльные из сибирских городов самого разного социального оттенка, и они мне помочь не могли. И вот по этой причине и, главным образом, из побуждения пополнить свои знания, года 3 или 4 я активно не участвовал в политической жизни, занимаясь самообразованием.

Все мое участие в общественной жизни в этот период выразилось в участии в профдвижении в качестве члена правления союза торгово-промышленных служащих и в попытке организовать потребительское общество. Но уже в 1909—10 году в ссылку стали прибывать основные кадры революционеров. Я прихожу вновь в соприкосновение с ними и вместе с тем с интересами революции. А в 1912 году, когда революционная волна вновь начала подниматься, я по инициативе политических ссыльных и при их поддержке выступаю от имени местных профсоюзов на выборах 4-й государственной думы, как социал-демократ, с платформой социал-демократов. Это был не такой район, где можно было рассчитывать на получение мандата, но здесь также была демонстрация со стороны революционных сил, выражающих готовность к борьбе.

Войну 1914 года я встречал глазами интернационалиста. Но я не скрою того, что эти позиции под влиянием в особенности германских социал-демократов были поколеблены, хотя я сам лично позицию интернационалиста не менял. Но до 1916 года я на пораженческой позиции, как на способе осуществления ре-

волюции, не стоял, ожидая этой революции. Я был сторонником единства рабочего движения, но активно до 1916 года в этой позиции я не участвовал. Я стоял на вегетарианской позиции, свойственной меньшевикам. Тот район, в котором я жил, продовольствия не производит, и уже в 1915 году он стал испытывать продовольственные затруднения. На этой почве я вновь вместе с другими товарищами приступил к организации потребобщества, которое и было организовано. Я был выбран его председателем. Вокруг этого общества и союза торгово-промышленных служащих, активное руководящее участие в жизни которого я принимал, образовалась группа лиц, политических ссыльных всех оттенков, которая с течением времени создала как бы клуб, в котором на заседаниях профсоюзных или правления общества в конце происходили дискуссии, связанные со всеми текущими событиями, а главным образом с грядущей революцией. Таким образом я вместе с политическими ссыльными пришел к революции 1917 года, которую я ожидал, как революцию буржуазно-демократическую. В этом захолустье, где политические ссыльные насчитывались сотнями, если не тысячами, власть свернуть было очень легко. Она состояла из исправника с несколькими десятками полицейских и стражников и жандармского ротмистра с несколькими десятками жандармов. Во всех органах, которые создавались после революции, я избирался председателем. Я закончил свое участие в жизни этого района в должности городского головы, будучи избран как представитель социалистического блока, объединявшего все партии — большевиков, меньшевиков, эсеров и анархистов.

В период от февраля к октябрю, когда ставились самые острые вопросы, мое отношение ко многим вопросам расходилось с решениями по этому же вопросу той партии, в которой я состоял, так как я был сторонником мира, немедленного мира после революции, общего или сепаратного, я был всегда, можно сказать, фанатическим сторонником единого социалистического фронта и отсюда социалистического правительства, для того, чтобы оно могло осуществлять все то, чего требовала программа мира. Но в основном вопросе, в вопросе о социалистической революции, я был с меньшевиками, я рассматривал этот вопрос не иначе, как в связи с международной пролетарской революцией или, по крайней мере, европейской. Я считал возможным осуществление социалистической революции в России только как части, по крайней мере, европейской революции, отсюда в нее не верил. Основное и главное, почему я так считал, состояло в том, что я неправильно оценивал крестьянство, рассматривая его, как одну сплошную

массу и притом массу собственническую, склонную во имя этой собственности вступить в конфликт с пролетариатом. Поэтому, будучи на этой позиции, в меньшевистских рядах, на левом фланге, как интернационалист, я всегда был на левом фланге, я боролся, правда, идейно, т.е. выступал на митингах и собраниях. С осуществлением же Октября, не видя позиции меньшевизма, я самостоятельно оставался на всей той работе, которую до того вел, в полном контакте с органами советов и, принимая в них участие активное и непосредственное, включительно до того, что я был избран членом исполкома, участвовал в наложении взысканий контрибуции с буржуазии, работал в продовольственных организациях. Тем не менее, советскую власть, социалистическую революцию я все же считал ошибкой и ждал ее неизбежной гибели. Поэтому падение советской власти в Сибири первого периода я принял как естественный результат ошибки, совершенной в Октябре. Соответственно этому, никакой поддержки тому, чтобы советская власть держалась, не оказывал, вероятно, больше того, объективно даже содействуя ее падению, поскольку я занимал определенные посты. Хотя в нашем районе никакой открытой борьбы между советской властью и антисоветскими элементами не происходило, была мирная передача городским самоуправлением управления исполкому.

Но все эти события окончательно привели меня к такому выводу, что партия, в которой я состою, не является партией, могущей действительно разрешать проблемы, которые она сама же ставит в своей программе. Больше того, я не был согласен уже с некоторыми позициями, занятыми этой партией в ее большинстве. Однако, я упоминал уже, что и с большевиками в основном вопросе я согласен не был.

Поэтому, в 1918 году, в период, когда в Сибири советской власти не было, и за полтора года до восстановления ее я вышел из рядов меньшевиков, сложил с себя полномочия головы, полученные мною от социалистического блока, и решил полностью отдаться кооперации, не участвуя активно в политической жизни. Вскоре это осуществилось, когда я стал активным руководителем сибирской потребкооперации. Это была самая крупная к тому времени хозяйственная организация Сибири и в то же время самая массовая, объединявшая широкие слои крестьянства и рабочих городской кооперации. Между тем сибирская власть вела уже достаточно реакционную политику, уже виселицы в деревне, сплошные порки в деревне были фактом, и отсюда росло недовольство рабочих. Естественно, что в организации, которая объединяла широкие массы, все это находило и должно было находить свое отра-

жение. Это с одной стороны. С другой стороны, эта организация в недалеком прошлом, в период, предшествовавший моей работе, принимала очень активное участие в создании самой сибирской власти и в большинстве своих руководящих органов держалась того мнения, что нужно эту власть и дальше поддерживать.

Таким образом, между массами, которые объединялись этой организацией, и большинством руководящих органов был конфликт. Вот здесь моя попытка уйти от активной политической работы оказалась тщетной, и встал вопрос о выборе нового политического пути. Я этот выбор сделал. Выбор состоял в том, что я в недрах потребительской кооперации вместе с другими немногими товарищами занял позицию борьбы с господствовавшим в потребкооперации большинством, стоявшим за поддержку сибирской власти. Эта наша позиция в конце концов восторжествовала к началу 1919 года, в то время, как вошел я в работу этой организации во второй половине 1918 г. Эта позиция продолжала развиваться, принимая конкретные формы связи отдельных потребительских организаций с партизанским движением и снабжения партизанского движения, а позднее эта позиция вылилась в более открытые и более тесные формы борьбы уже непосредственно с сибирской властью. На этой почве и в связи с этой позицией, за которую я боролся, характерно, что со мною имел разговор советник Ллойд-Джорджа Перс, посетивший меня и в течение нескольких часов добивавшийся убедить меня бросить эти позиции. Позднее посетил меня генеральный консул Американских Соединенных штатов с целью убедить меня оставить борьбу с сибирской властью. Но, в конце концов, эта позиция привела к тому, что колчаковская контрразведка взяла меня к себе и в штабе последней на протяжении 24 часов мне трижды объявлялся смертный приговор. Но мои друзья, товарищи по работе сумели организовать хорошую взятку и я оказался за пределами действия штаба контрразведки, перейдя потом на полуполегалное положение. Недовольство, нараставшее в рядах самих масс, Колчаком, движение к Востоку — все это создало положение, при котором надо было решать. И вот, несколько лиц, в том числе и я, решили прекратить эту агонию борьбы, которая происходила, решено было прекратить эту борьбу путем восстания в тылу в Новониколаевске. Это восстание было организовано, я был председателем комитета, руководившего этим восстанием. К сожалению, оно было подавлено подошедшими с Алтая польскими legionами.

Но все равно фронт через очень короткое время, колчаковский фронт, был сломен и, таким образом, дело, которому хотели помочь, совершилось само собой.

С этого периода я перешел на нелегальное положение, вплоть до прихода советской власти. Мое отношение к советской власти может быть характеризовано тем, что мною, как руководителем сибирской кооперации, через фронт навстречу армии советской власти была послана делегация для того, чтобы заблаговременно договориться о той роли, которую должна будет вести в этих условиях потребительская кооперация в Сибири. Эта встреча, а засим вызов меня в Омск, где был советский центр Сибири, на следующий день по восстановлении советской власти в Новониколаевске содействовали тому, что необходимые точки соглашения были найдены в очень короткий период, и сибирская кооперация, благодаря этому соглашению, в очень короткий срок стала советской кооперацией. Сибирский союз кооперации был преобразован в объединение кооперативов, был создан, так сказать, Центросоюз, руководящий орган этого сибирского объединения, и, таким образом, сибирская кооперация в целом была организована, за исключением 10—15% работников, которые не приняли этого, отказавшись пойти на советскую работу, и смогла исполнить поручения советской власти не только по распределению товаров, но и по продажде, при чем это была работа, которая нигде, кроме Сибири, кооперацией не осуществлялась.

В 1922-году я был избран в состав правления Центросоюза. По приезде сюда я выяснил, что некоторая часть беспартийных работников руководящего органа потребкооперации образовала группировку старых кооператоров, возглавлявшуюся бывшим председателем правления, старым членом союза Корововым, который специально оказывал свое влияние на беспартийную часть членов правления, хотя сам и не участвовал непосредственно в работе потребительской кооперации. Такая тенденция мною и другими вошедшими в состав правления членами не была поддержана и на почве этой тенденции между нами, проникнутыми полностью советской позицией, в частности принципами советской кооперации, и той группировкой года два велась борьба. Эта борьба была не за меньшевистские позиции, потому что в той группировке, как и в группировке, стоявшей на советской платформе и возглавлявшейся мною, меньшевиков было не меньше, чем у нас. В этот период времени (а я продумывал свой жизненный путь в течение десятка и сотен раз и теперь говорю и тогда говорил), вплоть до вступления в ряды меньшевиков, я считал и считаю свою работу и свое участие в советской кооперации совершенно добросовестными. В этот период времени мои друзья коммунисты и не коммунисты окрестили меня и дали мне имя «кооператора-коммуниста» и это было правиль-

но. Я в подтверждение такой своей позиции мог бы привести много фактов из своей работы, крупных фактов, общеизвестных, так как я вел постоянно большую работу.

Я остановился только на одном факте, на факте перестройки организации товарооборота в системе потребительской кооперации. В известный период этот товарооборот совершался путем многозвенного посредничества, между отдельными звеньями системы потребкооперации с ростом складских операций. Позднее эта форма работы изменилась и это взаимное посредничество между звеньями кооперации перестало существовать. Возникли прямые отношения, почти прямые отношения между предприятием, производящим товар, и предприятием, непосредственно его распределяющим потребителю. Разница между тем и другим способом такова, что экономия, ныне полученная уже при завершеном виде строительства от различных методов работы, измеряется сотнями миллионов рублей.

Так вот эта идея, возникшая вначале в виде долевого закупок организаций потребкооперации, развившихся в форме генеральных договоров, эта идея впервые в потребкооперации и вообще в хозяйстве была выдвинута мною. Я не хочу сказать, что это есть продукт моего изобретения, нет, это — результат советской системы. Такая форма работы в организации товаропродвижения является именно результатом советской системы, но тот факт, что эту возможность отметил впервые именно я, непосредственно не участвовавший в работе по организации товарооборота, мне кажется, говорит о том, что я умел понимать советскую систему и, понимая ее, умел и хотел делать все то, что приносило пользу советской власти.

Таким образом, мне казалось, — я и сейчас того мнения, — что в этот период времени я был на некоторой революционной высоте и поэтому я свое вступление в ряды меньшевиков считаю глубочайшим падением, падением, которое только может совершить трудящийся.

Перейду к объяснению тех сдвигов, внутренних, психологических по преимуществу, которые сопровождали этот переход с непосредственно советских позиций на антисоветские, открыто контрреволюционные позиции. Это совершилось не сразу, а постепенно, со ступеньки на ступеньку. Мои сомнения, мои колебания в отношении своих прошлых позиций начались не вокруг основных вопросов, не на почве программы советской власти, не на почве вопроса о социалистической революции, не на почве диктатуры пролетариата и его формы в виде советской власти, а вокруг отдельных мероприятий советской власти. Именно, мне казалось, что направление, взятое на

быстрое свертывание нэпа, есть ошибочное направление, которое поведет к тому, что вновь, как в 1921 году, может произойти коллизия между стремлениями пролетариата и крестьянства, которая чревата последствиями. Мне казалось, что советская власть совершает круг от нэпа к военному коммунизму.

Я не замечал, что совершающиеся круги — это круги по спирали. Вот так я смотрел. Я не смотрел глазами теоретика, ибо я не был теоретиком, я смотрел на это глазами практика. Я видел и наблюдал явления жизни, как они преломлялись через мою практическую работу, и указывал себе это. Мне казалось, что и практическая жизнь такова. Я видел в своей работе, что огромное развитие потребительской кооперации, темпы, которыми она осуществляет свою работу, ведут к тому, что эта работа качества неудовлетворительного, что эта работа потребкооперации, в особенности по мере того, как она переходила от товаров массового спроса к товарам менее массовым и требовала внимания и знания, что эта работа качественно все падала и падала и, во всяком случае, не могла идти в уровень с работой частника.

Точно так же и в заготовках. В заготовках работа потребкооперации, не увязанная наукой в тот период, когда она переходила из частных рук в общественные руки, была неудовлетворительна. Тогда создавалось такое впечатление, — как бы факт вытеснения с рынка частника не сделал самого рынка товарного уже, как будто бы расстройство товарооборота, ведущегося этой организацией, ведет к тому, что товаропроизводитель, мелкий товаропроизводитель теряет возможность пользоваться рынком, а тем самым утрачивает стимул к развитию своего хозяйства.

Наблюдая отдельные явления жизни, я все более и более приходил к тому выводу, о котором я говорил сначала, — совершался порочный круг. А когда такие факты у меня собирались из повседневной жизни, факты, которые были достаточно обильны, то у меня возникла мысль о том, не есть ли это порок системы, которая производит и воспроизводит? Не надлежит ли подумать об этой системе? Как вы видите, мой вывих получился на том же самом месте, как получился и в Октябре, вокруг крестьянства, мои оценки и мышление, которые происходили вокруг хозяйственных явлений, они были типичными, и по существу все то, что я в этот период внутри себя продельвал, нельзя назвать иначе, как рецидивом меньшевизма, рецидивом меньшевистского влияния, и отсюда явления трудности оценивались мной, как общая система. Отсюда и выводы, которые я даю, — меньшевистские выводы.

Таким образом, я постепенно, шаг за шагом подходил к своей старой идеоло-

гии, и понятно почему. Потому что, в связи со свертыванием нэпа или в тот период, который можно назвать расширением обобщественного сектора, когда бралась известная среда и почва и мы отражали эту среду и колебались вместе с этой почвой, таким образом, здесь была органическая связь с тем социальным слоем, удар против которого был направлен. Остальное довершила логика борьбы. Моя встреча и разговор в Берлине с Даном, встреча с немецкими кооператорами на почве изучения их техники и организации ведения кооперативного хозяйства,—по существу встреча моя с немецкой социал-демократией. Так как немецкая политическая организация руководится и находится в руках социал-демократии, все это ближе и вплотную подвинуло меня ко II Интернационалу.

Эти разговоры и встречи показали II Интернационал, как какую-то организованную силу, могущую что-то совершить, силу, имеющую ясную программу. Мой перелом завершается и я вновь начинаю верить меньшевикам, перестаю верить большевикам. Затем, как следствие, я становлюсь на открытую контрреволюционную позицию, дальше идет борьба и законы ее вступают в свои права. На одной стороне находится лагерь меньшевиков, на другой противоположный—большевиков. Идет война, а на войне, как на войне, все цели хороши, ибо цель оправдывает средства. Отдельные члены «Союзного бюро» с большим трудом принимали ту или другую директиву. Здесь вопрос о мотивах—психологические переживания в сущности не играли роли. Важно все то, что прошло перед судом, а все остальное не нуждается в повторении. На протяжении 7 дней судебного разбирательства это достаточно подробно и выпукло прошло перед вами, перед вашими глазами. Я на этом останавливаться не буду, я лишь подтверждаю все эти деяния и, следовательно, я несу ответственность за все то, что совершалось «Союзным бюро».

Теперь несколько слов о моем разоружении. Мое разоружение произошло не в день ареста, не в процессе предварительного следствия, а тем более на суде. Оно произошло значительно раньше. Я, как и другие подсудимые, не мог не видеть, что мы одиноки, что мы собственно находимся на голом утесе. Вместо того, чтобы притти в обетованную страну, в цветущую долину, мы пришли на дно пропасти. Мы не могли не видеть того, что мы одиноки. Мы не могли не видеть, с другой стороны, что дело социалистического строительства движется вперед еще большими темпами. Но прямым толчком в моем резком повороте в моей позиции и в переоценке послужило мое соприкосновение с той работой, которая велась по коллективизации в деревне в этот период времени. В на-

чале февраля прошлого года я по поручению правления Центросоюза председательствовал на с'езде в потребкооперации в ЦЧО. На этом с'езде участвовали представители низовых потребобществ, т.-е. крестьяне. Я попал в кипящий котел, в котором кипела жизнь, связанная с коллективизацией. Там я понял, что в деревне происходит второй октябрь и что этот октябрь, как Октябрь 1917 года—будет победоносен, и все то, что в моей работе связано с позорной деятельностью, суть преступление, и что мне нужно идти по новому пути. С этого момента началась переоценка моей позиции. В сущности этот момент и есть начало разоружения. Я могу документально это установить, ибо в этот промежуток времени я сделал два доклада на одну и ту же тему, очень хорошо выявляющих мое политическое кредо. Один доклад до этого момента за месяц, другой доклад спустя полмесяца. Оба доклада застенографированы. Если бы посторонний человек просмотрел эти доклады, то он пришел бы к выводу, что эти доклады сделаны двумя разными лицами, стоящими прямо на противоположных позициях. И этим, только этим, нечем другим нельзя объяснить тот факт, что я дал свои показания на пятый или шестой день после своего ареста. Конечно, ни беседы во время следствия, ни тем более нелепое предположение о каком-то давлении со стороны следствия в течение этих пяти дней не могли меня привести к тому, чтобы я ради страха стал давать показания, которые не соответствовали бы моей совести. Не в этом суть, а суть в том, что у нас не стало идеи, не стало звезды. Вот в чем суть. Мы остались с опустошенной душой, если можно так выразиться. Другое дело, если бы у нас была идея, в правоту которой мы бы верили, и если бы эта идея находилась в противоречии с социально-политическим строем советской власти,—не в пять дней, а в пять лет мы бы не сдались. Я считаю, что многие из тех, кто находится сейчас на скамье подсудимых, имеют и достаточно мужества и выдержки и сумели бы,—я полагаю, что и я в том числе,—биологический инстинкт самосохранения подчинить социальному сознанию. В этом и только в этом причина того, что в частности я сразу же стал давать свои показания. В этом и кроется, очевидно, причина того, что все подсудимые и на предварительном следствии и здесь на судебном следствии дают свои показания с полнотой и откровенностью. Другим это не 'объяснишь для тех, у кого кое-что есть за плечами. Мы ведь прекрасно знаем, что идее можно служить не только жизнью, но и смертью. Мы знаем прекрасно, что жизненные идеи, которые отвечают стремлениям и интересам широких масс, что эти идеи в состоянии на смену гибнущим единицам

двинуть десятки, а на смену десяткам — сотни и тысячи. Зная это, мы нашли бы путь иной, чем в 5—6 дней давать показания и каяться, как напакостившие мальчишки. Не так обстояло дело.

Ваше дело, граждане судьи, судить, прав я или не прав. Я понимаю, что если мои действия, как и других членов «Союзного бюро», оценивать только, исходя из них и отправляясь только от этого периода, ни с чем не связывая, т. е. формально, то решение для нас готово, ибо и части того, что мы совершили, части наших преступлений совершенно достаточно для того, чтобы высшая мера социальной защиты была уместна. Но я знаю, пролетарский суд — не формальный суд. С этой целью я сообщая свои биографические данные, с этой целью я указывал на мотивы своего поведения как во время предварительного следствия, так и здесь на судебном следствии. Зная это, я надеюсь, что Специальное присутствие Верховного Суда рассмотрит дело, учтя не только наши деяния за определенный период времени, но и в целой совокупности оценок данных личностей. Если в результате рассмотрения всех моих деяний, совершенных на моем жизненном пути, суд не найдет ростков или следов здоровых ростков, то логический вывод простой — меня нужно уничтожить, и такое решение я приму, как должную заслугу. Если, наоборот, суд найдет такого рода ростки и на этом основании сочтет возможным рано или поздно вернуть меня к советской жизни, я считаю своим долгом все свои силы, а они у меня еще есть, все свои знания и опыт, их у меня не мало, отдать полностью, безоговорочно до конца в распоряжение пролетарской власти для использования в любом направлении, будь то мирное социалистическое строительство или открытая беспощадная борьба с врагами пролетарской власти и социалистической революции.

Я признаюсь, мне сейчас умереть не хочется, умереть преступником с клеймом предателя не хочется, но жизнь мне нужна для того, чтобы потом честным трудом на пользу революции, во имя ее, под руководством пролетарской диктатуры смыть позорное пятно предателя. Я прошу суд дать мне эту возможность!

Председатель. Объявляется перерыв на 15 мин.

Председатель. Заседание возобновляется. Слово имеет подсудимый Берлацкий.

Берлацкий

— У меня, граждане судьи, нет никаких фактов, которыми я мог бы опровергнуть те обвинения, которые мне предъявлены здесь гражданно прокурором. Я совершенно откровенно рассказал о своих преступных действиях на предва-

рительном следствии и с той же откровенностью рассказал здесь перед вами на судебном следствии. Поэтому позвольте мне в моей защитительной речи поведать коротенько историю моего падения, моих страданий, как я дошел до того ужасного состояния, в котором я, как меньшевик, оказался, рассказать о тех заключениях, которые появились у меня в последние месяцы перед арестом, и о тех заключениях, к которым пришел я после ареста.

Родился я в бедной семье служащего. Ни мои социальные корни, ни мое имущественное положение, ни мои личные стремления к накоплению не могли бы, казалось, сделать меня врагом рабочего класса. Между тем я им стал, я им фактически был последние годы.

Чем же это вызывалось, чем это объясняется? Я свою революционную работу начал в ранней юности. Мне было тогда около 15 лет. Но начал я ее в меньшевистских ученических кружках и под руководством старых меньшевиков, знавших хорошо тогда меньшевизм. Я вместе с меньшевизмом прошел всю школу меньшевизма, я получил меньшевистское воспитание и от него получил неверие в рабочий класс, неверие в его творческие возможности, неверие в его способность творить революцию, неверие в его способность на революционного значения действия, которые могли бы потом привести к Октябрю.

Я воспитывался в духе переоценки интеллигенции, в духе переоценки роли либеральной буржуазии, в духе переоценки блоков с ними и в духе недооценки возможностей, заложенных в рабочем классе. Я воспитывался в духе, что социализм может притти только в результате медленных сдвигов, а не больших революционных потрясений характера Октября. Я воспитывался в духе, что социализм может притти только с Запада, а не из России, что социализм может притти только на основе высоко развитого капиталистического хозяйства, а не на основе хозяйства старой России.

Все годы до 1917 я провел или работая по найму, или на ученических скамьях, или на службе в общественных организациях. С 1914 года я работал в комитетах помощи беженцам войны. Я был тогда интернационалистом, но я не видел противоречия между своей работой и интернационалистскими взглядами, тем паче, что я работал не в казенных комитетах, а в комитетах общественной структуры.

И вот с этими меньшевистскими настроениями я подошел к 1917 году. Вполне понятно поэтому, что революцию Февральскую я принял и оценил так, как меньшевики ее оценили. Я демократическую республику считал самым крупным достижением, какое только возможно для тогдашней России. Вполне понят-

но, что я искренне был тогда убежден, что без коалиционного правительства или без единства партий революция будет погублена.

Вместе с тем я с первых же дней 1917 года был членом бюро меньшевистского комитета первого Московского района Ленинграда. Я от него же был представителем в городской районной думе и по его же предложению вошел в районную городскую управу, где я занялся руководством и снабжением Московского района Ленинграда продовольствием.

Вскоре я был избран гласным городской думы Ленинграда, а затем и членом городской управы. Для того, чтобы судить о моей деятельности того периода, достаточно сказать, что я в управу прошел голосами коммунистической фракции, которая единогласно меня выбрала. Я не мог не видеть отхода рабочих от меньшевизма, я не мог не видеть, что меньшевики теряют последние корни в рабочем классе, и у меня образовалась трещина в моих взглядах, трещина расширялась, ибо почва была достаточно подготовлена. Но я не сделал, к моему несчастью, никаких организационных выводов для себя, я оставался организационно связанным с социал-демократией. Я находил для себя утешение в том, что моя работа на ответственных должностях в правительственных органах делает меня ценным и полезным не только для страны, но ценным и полезным и для рабочего класса. В силу этого я весь пыл своей тогдашней молодой энергии посвятил этой работе, работая одновременно в союзе печатников, ставя там статистику.

Октябрь был мною не понят. Конечно, ясно, что я, будучи социал-демократом, и не мог этого понять. Я не верил в успех Октября, но я и тактику саботажа тоже не принял: ни единого дня саботажа. Я оставался на работе в этих продовольственных органах.

В середине декабря 1917 года я вместе с группой лиц поехал в Сибирь просить у сибирских кооператоров хлеба для тогдашнего революционного Петрограда. В Сибири в результате переговоров был согласован вопрос об отправке нескольких эшелонов хлеба в Ленинград. Но как только в начале января было получено сообщение из Ленинграда, что «учредилка» разогнана, сибирское кулачье в лице кредитных союзов, державших хлеб в своем распоряжении, отказалось предоставить хлеб для Ленинграда, я вернулся без хлеба. Я сейчас же приступил к работе. По предложению покойного А. Д. Цюрупы, я вошел сначала в «Особое бюро», а затем в «Северную управу», которая снабжала северную потребляющую полосу хлебом. Сначала я вошел туда членом управы, а затем работал там в качестве заместителя председателя.

Там я проработал до середины 1918 года, когда по предложению А. Д. Цюрупы я был командирован в Сибирь для организации переговоров о снабжении Северной области продовольствием. В день отъезда я получил директивы лично от А. Д. Цюрупы в присутствии одного из подсудимых, в присутствии Владимира Густавовича Громена.

Сообщение о контрреволюционном восстании захватило меня под Свердловском, но никто из нас, пассажиров, не знал о характере и размерах этого восстания. Мы рассматривали это восстание, как локальное, как одно из таких восстаний, которые имели тогда место. И только доехав до Омска, только тут я увидел, что за восставшими эсерами стоят чешские войска. Я бросился исполнять возложенное на меня поручение. Это было наивно, но я попытался все-таки отправить несколько эшелонов хлеба в Ленинград. Конечно, я ничего, кроме отказа, не мог встретить от тогдашних сибирских органов. Я бросился тогда к иностранным державам, на дверях которых рядом с вывеской «Консульство» висела вывеска «Красный Крест». Я стал им доказывать, что они, как краснокрестовцы, обязаны помочь голодающим детям Ленинграда и потребляющей полосе. Я ходил во главе делегации таких же наивных политических фантазеров, как и я, а может быть, это была не наивность, а нечто худшее. В продолжение 3—4 недель меня водили за нос потому, что они сами не знали исхода восстания, а потом перестали принимать.

Я никакого участия в сибирской контрреволюции не принимал ни политически, ни практически. Больше того, я порвал тогда с сибирскими меньшевиками в виду того, что они тогда занимали двойственную позицию, не высказываясь за, но и не высказываясь категорически против. Вскоре мне пришлось перейти на полулегальное положение, а очень скоро и на нелегальное. Затем я заболел scarlatinой и попал в больницу. Из больницы я был увезен на нелегальную квартиру своими товарищами и нелегально же был увезен на Дальний Восток. Из Владивостока конторой Центросоюза я был отправлен для лечения в виду того, что у меня начался туберкулез, в Японию, а затем в начале 1920 г. я вернулся в Приморье, во Владивосток.

Пролетариату Приморья, под руководством коммунистической партии, удалось тогда, несмотря на интервенцию, которая уже тогда имела место, захватить Приморье. Был организован специальный орган по управлению Приморьем, и в этот орган я вскоре был включен. Этот орган назывался «Советом управляющих ведомствами». Я был членом этого совета. Активно в нем участвовал, а впоследствии я был заместителем председателя. Задачи, которые перед нами были

поставлены, сводились в основном к тому, чтобы отвоювать Приморье Советской России, чтобы сохранить возможно народное хозяйство в Приморье и чтобы бороться с интервенцией и белогвардейщиной. 15 месяцев продолжалась наша борьба с интервенцией и с частями белогвардейских банд.

Я был в составе той четверки, которая в последнее время ведала обороной Приморья от белогвардейщины и интервенции. В состав этой четверки входили: В. Г. Антонов, старый коммунист, до моего ареста он был в Москве, убитый коммунист Цейтлин, командарм Лепехин и я. Я был среди них в майские дни, когда капелевские банды и меркуловские банды формально без оружия, а фактически прекрасно вооруженные до зубов японцами, начали с нами открытые бои. На нашей стороне было очень мало сил. Интервенты нам не давали возможности вооружить рабочий класс. Исход был ясен. Бои начались 17 или 18 мая. Были захвачены Никольск-Уссурийск, Хабаровск и др. пункты, а 20—21 мая дошла очередь и до Владивостока. Открытыми боями на улицах Владивостока капелевским бандам удалось захватить Владивосток.

Я и Антонов скрылись нелегально. Скрылся и Цейтлин. Ушел с остатками войск Лепехин. Нелегально скрываясь во Владивостоке, нам удалось затем бежать в Читу. Чита была тогда столицей Дальневосточной республики, дружественной Советскому Союзу. Вот именно в этой республике я был министром финансов. Я был в Чите в составе правительства до последних его дней и как министр финансов провел там денежную реформу. Я не участвовал к этому времени, естественно, на фронте в борьбе с интервенцией, ибо я был только министр финансов. Но всем вам прекрасно известно, сколь велико значение финансов для армии. Я думаю, что ряд ответственных руководителей армии могли бы подтвердить мое участие в отношении помощи армии. Мое участие в этой помощи, когда велась борьба с интервенцией, было достаточно велико.

По ликвидации правительства я остался сначала одним из организаторов, а затем председателем Дальневосточного банка, который был призван к восстановлению, к содействию восстановлению народного хозяйства. Оторванный от советского Союза, окруженный специфической дальневосточной обстановкой, я понял нэп не как генеральный маневр, в результате которого начнется новое наступление, но, к моему несчастью, он был мною понят, как генеральное отступление. С этого началось дальнейшее. Я понял, что только путем привлечения значительных ресурсов, как извне, так и изнутри, возможно восстановление народного хозяйства.

С такими настроениями я тогда прие-

хал в Москву. Я искренно и честно работал в Москве несколько лет. В Москве я нашел те же настроения в той среде, в которой я жил, а я жил в среде интеллигенции, в среде служащих, оторванных от непосредственного общения с рабочим классом, не знающих его чаяний, не знающих его желаний, даже не понимающих его. Я встретил такие настроения, что расширение и углубление нэпа неизбежно в интересах восстановления народного хозяйства, в интересах рабочего класса. Трудно было начало. Политическая борьба имеет свою логику и логику жестоку. Начавши вначале с совершенно легальных выступлений по вопросам о привлечении капитала, по вопросам о сохранении нэпа, я неизбежно должен был вместе с меньшевиками докатиться до тех буржуазных контрреволюционных результатов, до которых мы все, и я в том числе, докатились действительно, инспирированные неверием в творческие возможности рабочего класса, неверием в близость значительного революционного сдвига в Западной Европе, неверием в возможность построить социализм в одной стране, инспирированные и руководимые вождями из заграничной делегации — Даном, Абрамовичем, Гарви и другими, руководимые и питаемые руководством основных социал-демократических партий Европы, которым мы, меньшевики, так привыкли верить, руководимые II Интернационалом. Всякое пустячное недовольство кулацких кругов, всякое пустячное недовольство отдельных деклассированных, не оставшихся на фабриках и заводах рабочих, всякое случайное недовольство отдельных незначительных мелких групп рабочих, не успевших провариться еще в котле фабрики, только что пришедших из деревни, нами, в том числе и мною, принималось за доподлинное выражение настроений рабочего класса. В результате я докатился до этого ужасного конца.

События последних месяцев до ареста и самый арест с неспровержимой ясностью, после произведенного мною анализа, доказали мне всю ошибочность, всю контрреволюционность, всю гибельность для рабочего класса того пути, по которому я шел. Те установки, те взгляды, которые я разделял, были мною затуманены процессом практического участия в политической борьбе. Это стало для меня совершенно очевидным, как только я отошел от этой практической борьбы и от участия в практической борьбе. Я сравнивал Россию с другими странами капиталистического мира, и как только наступало мое практическое участие в этой политической борьбе, как целый ряд исключительных явлений, которые раньше должны были быть мне понятны, но которые я раньше искривленно понимал, искривленно расценивал, стал мне в данном случае совершенно по иному понят-

ним. Я должен был со всей беспощадностью квалифицировать свою работу, как работу контрреволюционную, как работу, направленную не в интересах рабочего класса, а работу, направленную в интересах, чуждых рабочему классу, как работу, направленную к гибели рабочего класса, как измену и предательство рабочему классу.

Но так как у меня не было никаких других стимулов, как только неправильно понятые мною интересы рабочего класса, так как все мои стимулы борьбы исходили только из неверного понимания интересов рабочего класса, то только после анализа положения СССР для меня со всей очевидностью стало ясно, что единственно правильная линия в интересах рабочего класса—это линия советского правительства, линия советской власти, линия генеральная. Я по-настоящему понял, что, даже несмотря на наше вредительство и на вредительство других контрреволюционных организаций, с которыми мы находились в блоке, Советскому Союзу удалось все же довести процент социалистического сектора в общем народном хозяйстве еще в 1929/30 году до 70%, до неслыханно высокого процента, и в ближайшем году процент будет еще больше. Я искренне понял, что доподлинное отечество рабочих и трудящихся всего мира, это—только Советский Союз, только советская страна; я искренне и честно понял, что именно в Советском Союзе строится социализм, что советская страна—это страна действительно строящегося социализма. И это все на фоне того кризисного состояния народного хозяйства, которое имеет место во всем капиталистическом мире. Это все на фоне роста безработицы, которая имеет место в капиталистическом мире, на фоне нищания рабочих, которое имеет место в капиталистическом мире.

Вот это—та цепь переживаний, вот это—та цепь мыслей, которая привела меня в последние месяцы и до ареста и с момента ареста к признанию того, что я совершал совершенно недопустимые контрреволюционные действия, что я должен разоружиться. И я начал тогда разоружаться. И все то, что я знал о деятельности меньшевистской организации, все то, что я знал о своих действиях, я со всей открытностью рассказал, квалифицируя свои действия, граждане судьи, как действия, которые подлежат безусловно жестокому наказанию, как действия контрреволюционные, как действия изменнические по отношению к рабочему классу.

Вместе с тем я хотел бы, когда вы будете обсуждать вопрос о мере социальной защиты, чтобы вы меня не рассматривали как вредителя, который вредил и раньше и до последних лет. Уже установлено, что мы стали на этот путь

только с 1928 года, но я хочу подчеркнуть, что до 1928 г. я активно, со всей энергией, со всей своей работоспособностью работал на пользу восстановления советского хозяйства. И в тот период имеется не мало значительных дел, мною сделанных и мною внесенных в целях восстановления народного хозяйства. Я мог бы остановиться на некоторых деталях, но в этом необходимости нет. Я один из организаторов и руководителей реорганизации денежного обращения в двух странах, нам близких, нам родственных и связанных с нами, которым бескорыстно помогает Советский Союз по их просьбе. Я один из организаторов четырех банков—из них два советских и два в других странах, по их просьбе организованных. Я один из организаторов целого ряда мероприятий, которые, в свою очередь, принесли не мало ценностей советскому хозяйству.

Но это я привожу не для того, чтобы доказать, что последние действия за последние годы должны быть смягчены. Я привожу это для того, чтобы доказать, что моя прошлая деятельность была абсолютно безупречна, абсолютно активна и направлена на позицию Советского Союза.

Заканчивая, я должен снова заявить, что я пришел с абсолютно искренним и бесповоротным убеждением, что я и партия, к которой я принадлежал, является контрреволюционной организацией, служившей не интересам рабочего класса, а служившей интересам, чуждым рабочему классу, гибельным для рабочего класса. Я пришел к безусловно окончательному, бесповоротному убеждению, что и меньшевистская партия и руководство социал-демократической партией—двурушники и что они двурушничали все время перед рабочим классом, что я искренне раскаиваюсь во всех своих деяниях и ломаю и идеологическое и техническое оружие, которое было у нас, в руках меньшевиков, ломаю на мелкие куски, уничтожаю и обяуюсь: никогда, ни при каких обстоятельствах не поднимать против рабочего класса, против советской власти, против коммунистической партии какое бы то ни было оружие борьбы. Всех своих бывших соратников-меньшевиков я призываю к тому, чтобы они сломали, уничтожили оружие борьбы с советской властью и чтобы они, прося сохранить им жизнь, просили милости у советской власти, просили возможности хотя бы в малой мере, в той или иной форме, в том или ином месте загладить свое преступление.

Граждане судьи, у меня был перерыв между моим пребыванием в социал-демократической партии и новым вступлением в нее в Москве. Я был тогда интеллигент-одиночка. Таких интеллигентов-одиночек много еще имеется в советской стране, часто лояльных. Они часто попадают

в среду той или иной контрреволюционной организации. Не о тех речь идет, которые попадают по соображениям корыстным, их не исправишь, а о тех, которые попадают по соображениям идейным. И к ним я и прошу, в свою очередь, вас обратиться с призывом. Я на своем примере показал, к чему приводит оппортунизм, к чему приводит соглашательство и борьба. Я в прошлом левый социал-демократ, я в прошлом интернационалист, я активно боролся за интервенцию, участвуя непосредственно в борьбе; но я несколько лет честно работал, став же на путь борьбы, я здесь неизбежно должен был пройти все то ужасное, которое мы все прошли. И вот я призываю, чтобы они на мне учились и чтобы все свои силы они полно и бесповоротно отдали советской власти, советскому строительству, рабочему классу.

Наконец, последнее: я полностью разочужился, я никогда никакого оружия не подыму против рабочего класса, против советской власти, против коммунистической партии. Но я хотел бы сохранить себе жизнь, приговор я приму из ваших рук, как заслуженную кару рабочего класса, — но я прошу вас, оставить мне жизнь, чтобы мне дали, позже или раньше, в той или иной форме хоть малейшую возможность все свои специальные знания, весь свой опыт, всю энергию, всю работоспособность, — я достаточно еще молод, — чтобы вы мне дали эту возможность все это вместе взятое приложить к тому, чтобы в какой-нибудь мере загладить те преступления, которые я совершил, чтобы я мог надеяться, что в результате этих трудов я в конце концов когда-нибудь сумею войти в советское общество, в советскую страну с новым именем честного советского работника, а не предателя рабочего класса.

Председатель. Угодно ли государственному обвинению использовать право реплики?

Крыленко. В своих исторических диссертациях обвиняемые в достаточной мере вскрыли всю мелкобуржуазную природу меньшевизма и дали сами политическую оценку своей контрреволюционной работе. Поэтому остается лишь эту политическую оценку оформить в юридически судебные формы и термины уголовного кодекса. Я отказываюсь от права реплики.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМЫХ

Председатель. Подсудимые, кто из вас желает воспользоваться последним словом. (Встает подсудимый Суханов).

Подсудимый Суханов имеет последнее слово.

Суханов.

Прежде всего я считаю необходимым удостоверить перед судом следующий факт: ни во время предварительного дознания, ни во время судебного следствия мне не было предъявлено никаких обвинений во вредительстве в качестве работника того или иного учреждения, а также в качестве организатора вредительства в советских органах.

Я работал в качестве вредителя в штабе, я несу поэтому ответственность в качестве члена организации, и мое заявление не имеет никакого юридического значения, не имеет оно и фактического значения в смысле преуменьшения моей вины. Но оно имеет для меня известное моральное значение, и я, не комментируя моих слов дальше, хотел бы, чтобы это было принято во внимание.

Дальше мне предстоит произнести третью, недоконченную часть моей защитительной речи. Я дал вам уже мой тезис, мое отношение к меньшевикам. Я дал вам и антитезис. Я объяснил, каким образом, несмотря на это отношение, я все-таки стал меньшевиком и активным работником центральной организации. Мне предстоит сейчас сейчас синтез, мне предстоит сейчас изяснить, как я ныне отношусь к моим мыслям, к планам и деяниям. Это будет отрицанием отрицания, так, как полагается быть синтезу. Это будет не чем иным, как изяснением моей ошибки.

Если бы я вам сделал простую элементарную декларацию — я ошибался, я осознаю свои ошибки, я разоружаюсь, я раскаиваюсь, — вы мне не поверили бы и вы были бы правы. Вы сказали бы, несомненно: о чем же ты, седовласый политик, с 28-летним стажем, думал раньше? Вы мне сказали бы: почему же ты, взяв на себя ответственность за презренные деяния, не задумался о них как следует, не разоружился, не раскаялся хоть на 5 минут раньше, до того как тебя раскрыло ГПУ? Так вы сказали бы, и вы были бы правы. Я не буду вам говорить сейчас того в изяснение моих ошибок, что является голословным.

В мои несколько минут я сделаю попытку сказать вам то, что я мог бы доказать — доказать ли документально, доказать ли путем ссылок на длинный ряд свидетелей.

Концепции в человеческих головах вообще создаются разными, иногда неуловимыми путями. И сейчас в моей голове свиток моих заблуждений в естественном или, во всяком случае, в законном порядке развертывается хронологически в обратном направлении.

Арестован я был 20 июля. Я был арестован в те дни, когда в Москве исчезло серебро. Этот факт я, конечно, предвидел, этого я, конечно, ждал, конечно, к объяснению этого я привлекал самые умные теории политической экономии, и я

говорил: «вот они, теперь наступили последние времена. Сейчас мы будем считать деньги тысячами, потом десятками тысяч, потом сотнями, миллионами, — это проявление той самой разрухи, предвещающей катастрофу, о которой я говорил в течение полутора лет». Но этого не случилось. Это факт. Все умные теории, все мои умозаключения оказались ложными. Это — факт. Был бы я слепым, я бы тоже этот факт увидел. Это либо можно доказать, либо это, наконец, не требует доказательств. Это — факт.

Я был арестован 20 июля — это был момент проверки всех моих прогнозов, о которых я вам уже говорил. Это был критический момент. Ему предшествовала зима 1929/30 г., катастрофическая, на мой взгляд, зима. Я говорил и могу сослаться в этом на свидетелей — эта зима стоит народному хозяйству столько, сколько могла бы стоить добрая война. В результате катастрофа не только неизбежна, но и непосредственно близка, в результате голод неизбежен и в результате посевные площади, как я говорил об этом в своем кругу, должны сократиться, по крайней мере, на 30%. Что это значит? Это значит, что у нас не должно оказаться ни одного фунта товарного хлеба. Я это говорил, я могу это доказать. Это было моим глубокоим убеждением. Но это не так. Это — факт, что это не так. Достаточно посмотреть на мой пищевой тюремный режим для того, чтобы убедить меня, хотя я был бы слепым, что это не так. Эти прогнозы, созданные мною, причастным к науке человеком, и созданные моими коллегами, компетентнейшими в народном хозяйстве людьми, эти прогнозы не оправдались.

Что это значит? Это значит, что коллективная деревня уже сумела оправдать себя в первый же год.

Я говорил здесь, и даже неоднократно говорил, о моих взглядах на коллективизацию. Я рассказывал суду, что я считал коллективизацию функцией непосильных для деревни хлебозаготовок. Она, по моим убеждениям, была призвана стать фактором нашей дальнейшей разрухи. Оказалось это не так. На основании социалистической литературы, ссылаясь на Карла Маркса, я говорил: коллективизация возможна только на базе технического переворота. Переворот в средствах производства необходим для того, чтобы коллективизация была рациональной, была эффективной для народного хозяйства, была вместе с тем признаком действительной организации новых, социалистических форм. Оказалось это не так. Если деревня в первый же год могла себя оправдать, то это значит, что в этот мануфактурный период, о котором я говорил, мануфактурное сельское хозяйство оказалось возможным для коллективизации. Оказалось исторически законным в мануфактурный период на ману-

фактурных основаниях для советской деревни сделать свое дело. Этот факт можно было видеть и в тюрьме. Этот факт был достаточным для того, чтобы с одной наклонной плоскости, доведя меня до определенной точки, уже можно было поставить меня на другую. Дальше дело уже должно было идти здесь значительно легче.

Я говорил здесь, что Термидор я приурочивал к лету 1929 г. Я могу сослаться на свидетелей, я могу доказать, что я часто говорил о 20 июня. Это 20 июня, исходящее из моих уст, как предельный срок, когда должны были разразиться грандиозные политические события, это 20 июня было достаточно популярным. Однажды мне случилось слышать это 20 июня из уст человека, стоящего далеко за пределами от моего так называемого салона с его тремя стульями и с его чаем без сахара. Мне случилось это слышать и вспомнить в ПГУ. Но вот сейчас приближается благополучно 2-летний юбилей этого 20 июня. Этот факт, перед которым я стою, который может быть доказан и дальше, в клочки был разорван всей цепью моих умозаключений, которые я излагал вам в прошлый раз. Никакие политические потрясения, которые вызвали бы рабочие беспорядки, которые вызвали бы потрясения в промышленности, не имели места. Промышленные планы были перевыполнены. Но если бы они не были перевыполнены, если бы они были невыполнены, если бы они не были выполнены на 25%, если бы из этих планов была выполнена только половина, к какому заключению меня это обязывало бы? К тому, что все в порядке, к тому, что наши гигантские планы на будущее выполнимы и дают определенные основания для дальнейшей перестройки, и к тому, главным образом, что независимо от планов наши реальные успехи налицо, и мы движемся не к катастрофе, а к чему-то совершенно иному. Не было и гражданской войны в деревне в процессе хлебозаготовок 1929/30 года, не было ничего того, что казалось мне, старому политику, причастному к науке, несомненным. Все это были факты.

Но если такие были факты, то, стало быть, и оценки должны были быть иные. Эти факты, опрокидывающие не только мои прогнозы, но и все мои умозаключения, опрокидывали оценки, они опровергали предпосылки, из которых я исходил. И здесь я имел уже возможность ретроспективно обосновать не только факты текущей действительности, но и факты и оценки прошлого военного коммунизма, который был для меня страшным и пугалом, бросившим меня, от коммунизма спасаться и спасать революцию в стане врагов. Этот военный коммунизм имел при таких предпосылках все основания предстать передо мной в несколько ином свете. В самом деле, во

время войн многие буржуазные правительства проводили политику военного социализма. Это имело место в Германии и Австрии и это нарушало интересы огромного большинства населения, на которое опиралось правительство Германии и Франции, интересы мелкой и интересы крупной буржуазии. Я говорил вам: без военного коммунизма от крестьян и в те времена мы могли бы получить больше, чем получили при военном коммунизме. Очень хорошо было так рассуждать представителю безответственной оппозиции, но правительству, ответственному за революцию, нужны были гарантии. Были гарантии, что можно получить хлеба не меньше, а больше или столько же без этого? Гарантий таких не было, и ответственное правительство пошло, не могло не пойти на ту самую политику военного коммунизма, которая представлялась мне в таком страшном виде. Что это значит? Это значит, что, очевидно, я не понял и не понимал не только фактов, я не только давал неправильную оценку, но я не понял, очевидно, чего-то самого центрального, самого главного в революции.

В моем так называемом салоне и в других местах мы спорили — удастся или не удастся. Другие ставили вопрос — может удастся или не может? Я был представителем крайней точки зрения. Вы это поймете. Если бы я не был представителем этой крайней точки зрения, отсюда не было бы моих оргвыводов. Я был представителем той точки зрения, что не может удастся; если бы я думал, что может удастся, я бы сейчас не стоял перед вами. Я был представителем точки зрения, что не может удастся, и я был убежден, что никакому государству на свете не под силу справиться с океаном крестьянских хозяйств, мелких собственников, и заставить их дать городу ссуды, прокормить город, организовать крестьян, заставить их служить революции и ее авангарду — пролетариату — на определенный период времени. Но вот оказалось государство, которого не было еще в истории, которому это оказалось доступным. Этого главного я, очевидно, понять до этого времени не мог.

Вы понимаете, что нелегко мне в данной обстановке сейчас говорить эти признания. Нелегко, во-первых, потому, что из них были сделаны выводы, в результате которых меня судят за позорное преступление. Во-вторых, за моей спиной десятки лет сознательной жизни, за моей спиной огромный период, в течение которого я занимался наукой, я литератор, я всегда мыслил о революции, вся моя наука была для революции, и я самого главного, центрального и основного не понимал, не понимал того, что понимали миллионы. В этом нелегком моем положении, может быть, единственным светлым воспоминанием является следующее. Я опять-таки могу доказать ссылкой

на длинный ряд свидетелей. Я утверждал: именно эти годы, ближайшие годы, являются критическими и решающими годами. Я говорил так: социализм действительно уже виден и виден не на далеком расстоянии. Вот он, все его очертания ясны, но между нами и социализмом находится пока пропасть. Весь вопрос заключается в том, как нам перепрыгнуть через эту пропасть, которая является не чем иным, как двумя решающими критическими годами. Если мы их переживем, так говорил я и могу доказать рядом свидетельских показаний, если эти годы мы перейдем, то выберемся на берег социализма. Я в это не верил, ибо я центрального и главного не понимал. Но для меня было совершенно ясно, что кризис заключается именно в этом текущем моменте — в 1931 году, на втором году коллективизации. Деревня уже заведомо для меня — и тут не было для меня никаких сомнений — и в те времена должна была дать больше сама себе, и городу, и социалистическому строительству. Это я утверждал всегда. И к этому я прибавлял: если мы эти годы переживем, пройдем, тогда я уверую, пойму, и не будет более горячего сторонника именно этой формы диктатуры, именно этой власти, именно этого метода социалистического строительства.

Так я говорил, и это утверждение также не голословно.

Какой же нужно сделать вывод из сказанного? Чего же именно я не понимал, что же является тем центральным, что ускользало от меня в те времена? И я сказал, что в истории не было государства, которому были бы доступны такие задачи. Но оно появилось. Это было государство, где правит та самая враждебная мне якобинская диктатура. Путем наблюдаемых фактов, путем предположек, путем переоценок, если якобинская диктатура именно не превращается при таких условиях в моих глазах в ее собственную противоположность, я стал приходить к выводу: в истории не было таких задач и в истории не было государства, которое их осуществляло бы так, очевидно, это и есть единственное государство, это и есть единственная форма пролетарской диктатуры, которая призвана для того, чтобы эти невиданные задачи в истории осуществить.

Теперь совершенно ясно: критический момент, труднейший момент мы уже перешли. Я сижу скоро 8 месяцев, я от действительности оторван и сижу о ней только по отрывочным, хотя, я думаю, и совершенно достоверным признакам. Я еще наверное не знаю, но я уже верю, что ВКП(б) своим методом, своей организацией, своей политикой победила, и я не сомневаюсь, что могла бы победить только эта организация, только этим методом и только такой политикой. Эти методы тяжелы, сомнений здесь для меня

нет, они так тяжелы, что в описанную мною зиму 1929/30 года мне субъективно, лично становилось жить невыносимо. Я говорил тогда, — об этом говорят свидетельские показания, — я говорил тогда: мне больше выносить эти методы нельзя, я хочу попасть в тюрьму.

А между тем разве они были более тяжелы, чем те методы, которые применялись вообще в истории? Разве эта яковинская колесница оказывается более тяжелой, чем та, которая катилась и по феодальному, и по буржуазному миру? Нисколько нет. Они исторически отнюдь не более тяжелы, а с другой стороны, они очевидно исторически необходимы и оправданы.

Вот как было дело. Никаких деклараций я больше делать не могу. Принимая во внимание позицию, занятую государственным обвинителем, я считаю совершенно для себя неуместным говорить о каком бы то ни было моем будущем. Я знаю вполне достоверно, что до последней минуты, во всяком случае, мною будет владеть чрезвычайное презрение к тем преступлениям, за которые я был осужден, чувство жгучей ненависти к носителям и к самой идее интервенции, вредительства и буржуазной реставрации и полная уверенность в том, что наша революция непобедима.

Председатель. Подсудимый Волков.

Волков

— Я уже на одном из предыдущих моих объяснений суду говорил о причинах, которые послужили к тому, что я совершил те ошибки, в результате которых попал на скамью подсудимых. Эти же ошибки отчасти были упомянуты и моим защитником.

Я должен сказать, что я хотел бы подчеркнуть из них одну ошибку — это моя оторванность за последние 15 лет от фабрично-заводской жизни. Естественно, что уйдя с производства и попав не только в отчужденную среду, но и в иную обстановку, я, естественно, имея к тому же определенные традиции, влитанные за время революционной деятельности, тем самым покотился по наклонной плоскости.

Я не мог, как многие из моих предыдущих товарищей, притти к разоружению путем теоретического взвешивания за и против, путем достаточно глубокого анализа как социальной, так и политической жизни СССР. У меня, конечно, это было иначе. Я, можно сказать, прозрел, и когда я прозрел, то все мое прошлое и все события, которые я наблюдал за последние годы, были в моих глазах освещены иным светом и представляли для меня явление иного порядка, чем те, которые мне казались до этого прозрения.

За последнее время я вообще тяготился обстановкой, в которую я попал.

И не раз советовался я с женой относительно того, чтобы вообще уйти на производство. Этому помешало то обстоятельство, что в силу материальных условий я нуждался в несколько более высоком заработке, но тем не менее я за последнее время вел переговоры с тем, что если нельзя уйти за станок, то хотя бы уйти на какое-нибудь строительство.

Вот эти обстоятельства были результатом целого ряда переживаний, которые получились в результате одного и очень глубокого толчка, произведенного на меня. Этот толчок я получил, главным образом, во время процесса «Промпартии». Я знал, конечно, и принимал участие в переговорах с «Промпартией», но тем не менее вся та грязь, которая вокруг этого дела была, стала для меня как-то особенно ясной во время этого процесса «Промпартии», когда я еще был на свободе. Именно этот процесс явился тем толчком, от которого я прозрел, и отсюда началась моя переоценка ценностей, хотя я повторяю, что я не мог с такой тщательностью анализировать события, и скорее чутьем догадался, что я зашел туда, куда мне не нужно было идти.

И поэтому вполне понятно, как я и в прошлый раз указывал, что я уже в достаточной степени был внутренне подготовлен к признанию своих ошибок и своей вины и совершенно почти не отрицался и дал свои показания после ареста сразу. Я не буду повторять этих ошибок, чтобы не повторяться. Вообще я должен сказать, что всеми моими предыдущими товарищами в значительной степени использованы и слова и мысли, и сказать что-нибудь здесь для вас новое, чтобы не повториться, было бы чрезвычайно трудно. Поэтому естественно будет, если я употреблю те же слова о своем полном и окончательном разоружении, те же слова о том, что я готов стать на правильный путь строительства социализма под руководством коммунистической партии. Я это говорю с полной ответственностью и призываю тех товарищей из моих соратников в прошлом, которые еще продолжают заблуждаться, стать на этот же путь.

Тяжело наше преступление, но хотя и справедливо, но и тяжело будет наказание. Оно тяжело будет потому, что большинство из нас, подсудимых, привыкло жить и работать, вести активную энергичную деятельность. И для них бездейственное заключение в тюрьме, несомненно, явится тяжелым наказанием. Все почти или большинство из сидящих на скамье подсудимых не только занимали ответственные места в разных наркоматах, но, насколько я помню, они в своей работе отличались тем, что не походили на обычных чиновников и специалистов по своей кипучей и активной деятельности. Это объясняется всей предыдущей их

деятельностью, их темпераментом, воспитанным в предыдущей политической работе. Поэтому я считаю, что заключение в бездеятельности и в одиночестве будет для них и для меня очень тяжело. Но и психологически и морально эта тяжесть еще больше увеличивается. Мы все разоружились, все признали свои ошибки. Стало быть, мы сейчас чувствуем себя не врагами Советского Союза, не врагами советской власти, а ее друзьями, ее сторонниками. В тот момент, когда в нас кипит энергия, которую мы могли бы направить на поддержку Советского Союза, на строительство социализма, на то, чтобы заглядеть свою вину, свои преступления и смыть, как говорили товарищи, пятно этих преступлений, мы вынуждены будем мучиться совестью, что мы этого лишены. Если бы мы недостаточно искренне раскаялись, как это было в прошлой нашей деятельности, как это было при царском режиме, мы бы легко могли перенести всякого рода заключения, всякого рода наказания. Теперь это перенести чрезвычайно трудно. Моя просьба к суду смягчить участь товарищей в том числе и мою, а особенно некоторых товарищей, которым, по предложению прокурора, грозит более тяжкое наказание, чем мне, и дать нам возможность снова в ближайшее время,—я его понимаю исторически, а не как завтра, послезавтра,—дать нам возможность усилить, утроить свою энергию на строительство социализма в СССР.

Председатель. Подсудимый Финн-Енотаевский.

Финн-Енотаевский

— Граждане судьи, защитительную речь сказал мой защитник. Я буду краток. Я не хочу утомлять ваше внимание биографическими сведениями о себе. И я внес свою лепту в революционное рабочее движение, и на мою долю выпала царская тюрьма и ссылка. Важно то, что за 40 лет моей революционной, общественной, научной деятельности пятно на эту деятельность пало за последние годы, на закате моей жизни.

Я признал свою вину. Я эту вину признаю. Слово раскаяния—очень слабое слово. Меня преследует другое чувство—чувство стыда, чувство позора того, что я участник в этом деле.

Государственный обвинитель нашей возможной предложить для меня сравнительно недлительный срок меры социальной защиты, чтобы дать мне возможность продолжать свою теоретическую работу. Я обращаю внимание Верховного суда на то, что в последние 25 лет центр тяжести моей деятельности падал на теоретическую исследовательскую научную деятельность.

Сейчас я стар. Я самый старый из числа сидящих здесь на скамье подсудимых,

я больной человек и серьезно больной. Я прошу Верховный суд при определении меры социальной защиты дать мне возможность в те немногие годы, которые осталось мне жить, продолжать свою теоретическую работу на пользу СССР и мирового пролетариата.

Председатель. Подсудимый Тейтельбаум.

Тейтельбаум

— Я задержу внимание ваше, граждане судьи, всего на несколько минут. Я не хочу в своем последнем слове хотя бы одним словом обмолвиться и обратиться ваше внимание на те некоторые революционные заслуги, заслуги, может быть, и на других фронтах, которые я имел. Это было и былшем поросло. Остался факт, факт моего участия в преступной контрреволюционной организации, поставившей себе целью свержение советской власти. Мотивы, которые привели меня к этому, были до некоторой степени освещены в речи защитника. Если я хотел бы на чем-нибудь остановиться, то это на том, как я сейчас, в данный момент, расцениваю свою деятельность, свое участие. Пусть это участие выразилось только в моей попытке организовать некоторые ячейки в заграничных советских организациях, пусть это участие выразилось только в моих нелегальных сношениях с лидерами заграничной делегации, пусть это участие выразилось только в передаче директив, но я знал о контрреволюционной сущности этой организации и я вошел в нее.

Я хочу сказать, как я отношусь к ней сейчас. Я не буду мотивировать и не буду указывать на те условия, которые привели меня к тому, что здесь называют разоружением. Мне кажется, что все то, что я добросовестно и полно мог вскрыть в интересах судебного следствия, в интересах установления контрреволюционной сущности не только российской социал-демократии, но и международной социал-демократии, служил лучшим доказательством того, как я отношусь к этой организации, к этой преступной организации, членом которой я состоял. Я мог бы охарактеризовать свое отношение к этой организации, вернее, свое желание бороться с этой организацией словами, слышанными мною когда-то из уст Плеханова: «Есть,—сказал он,—организации, величайшее преступление которых перед историей состоит только в том, что они существуют». Величайшее преступление меньшевистской организации, т.-е. величайшее преступление международной социал-демократии, ее объединения рабочего, социалистического, как он называется, II Интернационала, при чем ни его социализм не является демократическим, как сказал тот же Плеханов, ни его демократизм не является социалистическим,—

величайшее преступление этой организации заключается в том, что она существует. И единственная задача моей, может быть, уже недолгой жизни заключается в том, чтобы весь остаток моих сил отдать не только на то, чтобы всесторонне и всемерно помогать и содействовать, и принимать активное участие в социалистическом строительстве, но и на беспощадную, безжалостную борьбу с теми, кого я искренне признаю самыми злейшими, самыми опасными врагами рабочего класса. У меня есть одно опасение, что болезнь, поразившая меня, может неожиданно ежеминутно порвать жизнь, и, может быть, заточение, в котором я буду находиться, не даст мне этой возможности. Я не прошу, граждане судьи, ни о каких сроках, я выражаю только надежду, что я, может быть, еще вновь вооруженный, вооруженный пролетарской революцией, вместе с нею, вместе с пролетариатом буду бороться на баррикадах против его врагов, как я борюсь когда-то.

Председатель. Подсудимый Громан.

Громан

— Граждане судьи, я и в течение судебного следствия, и в так называемой защитительной речи пытался объяснить и оценить совершенные мною преступные действия. Я сказал, что я признаю себя виновным в руководящем участии в контрреволюционной организации, направленной на ниспровержение советской власти, диктатуры пролетариата путем вредительства и интервенции. Я сказал, что единственной моей надеждой является предоставление мне возможности заглянуть хотя бы часть своей вины на пользу пролетарской революции, социалистического строительства под руководством коммунистической партии. Я думал и думаю, что мое личное прошлое может быть аргументом за то, что мои признания здесь сделаны добровольно и исходят из сознания ложности того мировоззрения, которое я разделял, из ложности меньшевистского мировоззрения, что они исходят из сознания, поздно меня посетившего, как я уже сказал в своей заключительной речи, сознания, начавшегося еще до моего заключения,—о том, что великий переворот Октября, великий замысел приступить к построению социализма путем организации рабочего государства, государства диктатуры пролетариата, путем объединения рабочего класса вокруг этого союза в Коминтерне, путем борьбы с буржуазией и теми, кто является ее агентами во II Интернационале, что этот путь — единственно правильный путь. Суд решит, можно ли при всей совокупности того, что он знает обо мне, при всей оценке моего поведения на суде, можно ли иметь веру к этому моему заявлению, или сделать то,

что предложил представитель государственного обвинения, т.е. применить ко мне высшую меру социальной защиты.

Председатель. Подсудимый Шер.

Шер

— Я все сказал, что мог, на судебном следствии и во время того слова, которое мне было предоставлено. Я не буду задерживать больше внимание суда.

Председатель. Подсудимый Гинзбург.

Гинзбург

— Я также считаю нужным ограничить только очень коротким заявлением.

Я подтверждаю полностью свое заявление о том, что я готов отдать все свои силы на социалистическое строительство, на борьбу за мировую революцию под знаменем и лозунгами коммунистической партии. Я не смею и не могу говорить о возможности включения меня в ряды коммунистической партии. Я думаю, что большевиком, вообще говоря, сделаться нельзя, большевиком нужно родиться. Но если вообще суд найдет нужным и возможным сохранить жизнь человеку и поставить меня в такие условия, где я мог бы проявлять хотя бы в маленькой мере какую-либо деятельность, я считаю, что эта деятельность будет целиком связана исключительно только с поддержкой коммунистической партии.

Председатель. Подсудимый Якубович.

Якубович

— В моей защитительной речи, которая по существу не была защитительной речью, а была изложением того, как я пришел к участию в контрреволюционной организации, за участие в которой меня судят, которая была изложением сущности той идеологии, с которой эта контрреволюционная организация выступала, и моего теперешнего отношения к ней, в этой речи я изложил все то, что я имел сказать Верховному суду.

Я отдаю свою жизнь в распоряжение Верховного суда.

Председатель. Подсудимый Залкинд.

Залкинд

— Я еще раз должен в своем последнем слове повторить то, что я сказал в конце своей защитительной речи. Я не только полностью разоружился в смысле абсолютной переоценки всех моих старых точек зрения и установок, но я чувствую, что я в настоящее время вооружен уже достаточно верой в творческие силы пролетариата и социалистическое строительство, чтобы принять активное участие в нем. Вот с этой точки зрения я должен повторить еще раз, что мне особенно тяжела та квалификация, которая

была дана государственным обвинением, когда оно предлагало меру социальной защиты по отношению ко мне.

Я еще раз хочу сказать суду, что при таких настроениях сохранить мне жизнь, при невозможности принять участие в социалистическом строительстве, будет для меня хуже смерти и тяжелее смерти.

Председатель. Подсудимый Рубин.

Рубин

— Я ограничусь несколькими словами. Для меня, как я думаю и для других подсудимых, жизнь без работы и деятельности не имеет цены. Я прошу Верховный суд дать мне возможность в близком или отдаленном будущем отдать все свои силы не только на лойяльную работу, но и на преданную, искреннюю, горячую работу, участие в том грандиозном строительстве новых, социалистических форм жизни, которое проводится советской властью и коммунистической партией.

Я прошу дать мне возможность вновь испытать чувство человека, который не борется упрямо и безнадежно против мощного потока всеобщего пролетарского труда и энтузиазма, а который идет вместе с этим потоком, вливая в него свои силы и знания, чувствуя себя хотя маленькой, но полезной частицей его.

Председатель. Подсудимый Соколовский.

Соколовский

— Я прошу суд учесть, что все меньшевистские мосты я сжег, как я уже говорил. Прошу также учесть суд мое заявление о том, что вне руководства коммунистической партии я для себя не мыслю

теперь никакой работы на пользу пролетариата и социалистического строительства.

Поэтому я прошу суд, если он найдет возможным, предоставить мне такую возможность, изменив, понизив то предложение, которое сделал гр-н прокурор.

Председатель. Подсудимый Иков.

Иков

— Я в своей защитительной речи постарался по возможности сказать все, что только мог, для объяснения своего поведения. Поэтому я не считаю возможным задерживать дальше внимание суда.

Председатель. Подсудимый Петунин.

Петунин

— Я сказал все, что считал своим долгом сказать. Отказываюсь от последнего слова.

Председатель. Подсудимый Берлацкий.

Берлацкий

— Я в свою очередь все сказал. Я прошу суд поверить в мою искреннюю преданность советской власти с того дня, когда я пришел к окончательному убеждению, что я должен разоружиться, что вся моя деятельность в составе меньшевистской организации была контрреволюционной. Я весь горю желанием всю свою энергию, все свои силы и знания отдать на пользу советскому государству, пролетариату под руководством коммунистической партии.

Председатель. Суд удаляется на совещание для вынесения приговора.

Приговор можно ожидать завтра к 10 часам утра.

П Р И Г О В О Р

ПРИГОВОР

Специального присутствия Верховного суда СССР по делу контр-революционной организации меньшевиков

Именем Союза Советских Социалистических Республик Специальное Судебное Присутствие Верховного Суда Союза СССР в составе: председательствующего— т. Н. М. Шверника и членов—т.т. М. К. Муранова и В. П. Антонов-Саратовского, при секретарях— т.т. Г. Р. Смолицком, Н. Д. Дубровском и М. Ф. Яковлеве, с участием государственных обвинителей — прокурора РСФСР—т. Н. В. Крыленко и пом. прокурора РСФСР—т. Г. К. Рогинского и защиты—членов московской коллегии защитников—т.т. Коммодова Н. В. и Брауде И. Д., рассмотрев в открытом судебном заседании с 1-го по 9-е марта 1931 г. дело контрреволюционной организации «Союзное Бюро» ЦК РСДРП (меньшевиков) по обвинению:

1) Громана, Владимира Густавовича, 56 лет, сына домашнего учителя, получившего высшее образование, несудимого, по специальности экономиста, бывшего члена президиума Госплана, члена РСДРП с момента ее образования до 1922 года с перерывами, с 1925 года по 1930 год снова члена РСДРП (меньшевиков);

2) Шера, Василия Владимировича, 47 лет, получившего высшее образование, несудимого, бывшего члена правления Государственного банка СССР с 1923 г. по 1930 г., члена РСДРП;

3) Суханова, Николая Николаевича, 48 лет, сына служащего, получившего высшее образование, несудимого, по профессии литератора, члена РСДРП (меньшевиков) с 1917 по 1920 г. (группа Мартова), с 1929 г. члена РСДРП (меньшевиков);

4) Гинзбурга, Абрама Моисеевича, 52 лет, сына купца, получившего высшее образование, несудимого, по профессии экономиста, члена РСДРП (меньшевиков) с 1897 г. по 1921 г., а затем с 1926 по 1930 г.;

5) Якубовича, Михаила Петровича, 39 лет, происходящего из дворян, несудимого, получившего среднее образование, бывш. зам. нач. сектора снабжения Наркомторга СССР, члена РСДРП (меньшевиков) с 1908 г. по 1921 г. и с 1927 г. по 1930 г.;

6) Соколовского, Арона Львовича, 47 лет, из мещан, несудимого, получившего высшее образование, по специальности экономиста, члена ЦК объединенной еврейской соц. партии с 1906 г. по 1920 г. и с конца 1927 г. по 1930 г. члена РСДРП (меньшевиков);

7) Залкинда, Лазаря Борисовича, 45 лет, сына служащего, несудимого, получившего высшее образование, по специальности экономиста, члена РСДРП (большевиков) с 1903 г. по 1907 г. и члена РСДРП (меньшевиков) с 1917 г. по 1921 г. и с 1924 г. по 1930 г.;

8) Волкова, Ивана Григорьевича, 47 лет, сына крестьянина, бывш. рабочего, несудимого, бывш. экономиста ВСНХ СССР, с 1902 г. по 1905 г. члена партии социалистов - революционеров, члена РСДРП (меньшевиков) с 1905 г. до 1920 г. и с 1928 г. до 1930 г.;

9) Петунина, Кирилла Гавриловича, 46 лет, сына деревенского портного, несудимого, по специальности бухгалтера, с 1922 г. быв. члена правления Центросоюза, члена РСДРП (меньшевиков) с 1905 г. по 1918 г. и с 1925 г. по 1930 г.

10) Финн-Енотаевского, Александра Юльевича, 58 лет, сына служащего, несудимого, получившего высшее образование, профессора политической экономии, члена РСДРП (большевиков) с 1903 г. по 1915 г. и члена РСДРП (меньшевиков) с 1923 г. по 1930 г.;

11) Берлацкого, Бориса Марковича, 41 года, из мещан, несудимого, получившего незаконченное высшее образование, бывш. члена правления Госбанка СССР,

члена РСДРП (меньшевиков) с 1904 г. по 1930 г. (с перерывами),—

всех перечисленных лиц—в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58¹¹, 58⁷ и 58⁴ Уголовного Кодекса РСФСР.

12) Иков а, Владимира Константиновича, 49 лет, из дворян, получившего незаконное высшее образование, по профессии литератора, члена РСДРП (меньшевиков) с 1901 г.;

13) Тейтельбаума, Моисея Исаевича, 54 лет, из мещан, получившего незаконное высшее юридическое образование, бывш. старшего директора по стандартизации экспортных товаров НКТорга СССР, члена РСДРП (большевиков) с 1900 г. по 1907 г., члена РСДРП (меньшевиков) с 1925 г. по 1930 год,—

обойн—в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58¹¹ и 58⁴ Уголовного Кодекса РСФСР.

14) Рубина, Исаака Ильича, 45 лет, профессора политэкономии, члена Бунда с 1905 г. по 1920 г., члена Бунда и РСДРП (меньшевиков) с 1920 г. по 1923 г., члена РСДРП (меньшевиков) с 1929 г. по 1930 г. —в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58¹¹, 58⁴ и 58¹⁰ Уголовного Кодекса РСФСР,

заслушав показания подсудимых и свидетелей, прения сторон и рассмотрев все имеющиеся по делу материалы, нашло установленным:

Во второй половине 1930 г. в Москве раскрыта вредительская организация, имевшая ответвления в различных частях государственного аппарата.

Во главе этой организации стояла группа, оказавшаяся «Союзным бюро» центрального комитета русских социал-демократов (меньшевиков), входящих во II Интернационал в качестве его секции.

Означенное бюро организовалось и утверждено своим центральным комитетом в начале 1928 г.

В бюро вошли наиболее видные в своей среде социал-демократы (меньшевики), занимавшие по большей части ответственные должности в центральных учреждениях советского государства, а именно: В. Г. Громан, В. В. Шер, А. М. Гинзбург, А. Л. Соколовский, Л. Б. Залкинд, М. П. Якубович, И. Г. Волков, К. Г. Петуниц, А. Ю. Финн-Енотаевский и с начала 1929 г. Н. Н. Суханов, при чем руководящими лицами из них были: Громан, Шер, Гинзбург и Суханов.

Для ведения вредительской и иной контрреволюционной работы бюро имело президиум, пленум и ряд комиссий: программную, организационную, военную и финансовую.

Хранение партийных документов было возложено на секретаря «Союзного бюро» Шера и Рубина; печатной техникой ведал Якубович.

Для увязки своей деятельности с деятельностью заграничного центра русских социал-демократов (меньшевиков), имеющего место пребывания в Берлине, «Союзное бюро» установило через членов своей организации В. К. Икова и А. Ю. Финн-Енотаевского регулярные письменные сношения, а через поездки членов бюро (Громана, Петунина, Гинзбурга и др.) за границу и членов заграничного центра русских социал-демократов (меньшевиков) (Абрамовича, Броунштейна и др.) в Москву—связь непосредственную.

В тесном взаимодействии между «Союзным бюро» и заграничным меньшевистским центром, за последние годы была выработана новая тактика борьбы русских социал-демократов (меньшевиков) с советской властью.

Являясь противниками пролетарской диктатуры и сторонниками восстановления капитализма в Союзе Советских Социалистических Республик, что явствует из их платформы, принятой в Берлине в 1924 г., политически обанкротившиеся в период революции, участники гражданской войны на стороне царских генералов, капиталистов и интервентов, потерявшие всякую почву в рабочем классе, русские социал-демократы (меньшевики) рассчитывали на перерождение советской власти и восстановление капитализма в результате новой экономической политики.

Так как эти расчеты не оправдались, а советская власть повела решительное наступление на капиталистические элементы, успешно строя социализм в своей стране, русские социал-демократы меньшевики перешли к новой тактике, направленной на свержение советской власти путем вредительства в социалистическом хозяйстве и вооруженной интервенции.

Судебное следствие установило, что вредительство производилось всеми членами «Союзного бюро» и членами особых вредительских ячеек, созданных социал-демократами (меньшевиками) в ряде советских учреждений.

Вредительство это сводилось к следующему:

А. По Государственной плановой комиссии:

Проведение в контрольных цифрах и конъюнктурных обзорах народного хозяйства заведомо враждебных политике советской власти плановых построений и заведомо искаженных конъюнктурных оценок; отставание по промышленности, сельскому хозяйству и др. отраслям народного хозяйства мероприятий, приводивших к торможению, заведомому сырву и дезорганизации этих отраслей народного хозяйства (Громан).

Б. По Высшему совету народного хозяйства:

Проектировка роста продукции по пятилетнему плану давалась, в целях срыва социалистического строительства, в минимальных размерах, в особенности по таким определяющим отраслям народного хозяйства, как металл, уголь, нефть, химия и электротехника, а также сельскохозяйственное машиностроение и искусственное удобрение (Гинзбург).

Разработка и представление таких конъюнктурных обзоров по промышленности, которые не только не действовали социалистическому строительству, но запугивали руководящие хозяйственные круги (Гинзбург); противодействие осуществлению взятых советской властью темпов развития металлургической, машиностроительной, металлообрабатывающей промышленности, путем задержки развития заводов этой промышленности и, в частности, — заводов-гигантов Магнитогорского и тракторного Сталинградского (Гинзбург); установление разрыва между темпами финансирования и темпами строительства в области машиностроения, в частности, недофинансирование Ленинградского машиностроительного треста, Сталинградского и Ростовского заводов сельскохозяйственных машин (Волков); построение и проведение минимальных темпов в сырьевой пятилетке, в особенности по хлопку (Соколовский).

В. По Государственному банку:

Проведение в целях расстройтва народного хозяйства и денежного обращения в стране заведомо неправильного распределения кредитов (Шер); в целях срыва кредитной реформы вредителями социал-демократами (меньшевиками) заведомо не принимались меры к подготовке кредитной реформы, своевременно не посылались циркуляры на места или содержали заведомую неясность директив, чем вносили расстройство в систему кредитования (Шер).

Заведомо расстраивали учет и статистику банка, что ослабляло наблюдение банка за задолженностью хозяйственных органов и лишало банк той маневренности, которая была необходима ему в борьбе с нарушителями плана (Берлацкий).

Г. По Народному комиссариату торговли и Центросоюзу:

Вредители социал-демократы (меньшевики) в целях создания недовольства среди трудящихся города и деревни, а также в целях срыва заготовительных операций, составляли такие планы завоза товаров в деревню, при которых получалось переснабжение одних районов и недоснабжение других, направляли товары

не по сезону или не соответствующий спросу ассортимент, при чем систематически производили недоснабжение товарами рабочих центров и районов (Залкинд, Якубович и Петунин); финансирование потребительской кооперации было поставлено так, что значительно замедлялся товароборот кооперации и вызывалась необходимость кредитования ее за счет Государственного банка (Шер).

Д. По Центросоюзу:

Повышение наценок, которые отражались на реальной заработной плате; сокращение средств кооперации, в частности, размеров текущего накопления; невыполнение постановления правительства по возвращению из кооперации средств, в свое время отпущенных ей правительством; свертывание темпов капитального кооперативного строительства, вследствие чего, в частности, произошел прорыв в строительстве нефтехранилищ и задержка в составлении строительных проектов; сопротивление включению потребительской кооперации в сферу действия кредитной реформы.

Субедное следствие установлено, что, имея никакой опоры в рабочем классе и бедняцко-средняцких массах в деревне, потерпев неудачу в попытках даже путем вредительства вызвать недовольство в массах и поднять их против советской власти, русские социал-демократы (меньшевики) пришли к признанию необходимости интервенции и к усилению вредительской работы в целях активной подготовки ее.

Эта установка на интервенцию возникла и у «Союзного бюро» и у заграничного центра русских социал-демократов (меньшевиков), при чем последний настойчиво выдвигал эту установку перед «Союзным бюро».

Уже в конце 1927 года Абрамович и Дан, руководящие лица заграничного центра русских социал-демократов (меньшевиков) поставили перед «Союзным бюро» этот вопрос.

Летом 1928 года Абрамович, нелегально приехавший в Москву, на совещании «Союзного бюро» русских социал-демократов (меньшевиков) настаивал на принятии интервенции как единственного выхода для русских социал-демократов (меньшевиков) в их борьбе против советской власти.

Так как «Союзное бюро» просило Абрамовича прислать из-за границы письменную директиву по этому вопросу, — такая директива была доставлена через Икюва.

Приехавший в 1929 году, так же как и Абрамович нелегально, уполномоченный того же заграничного центра русских социал-демократов (меньшевиков) Броунштейн еще раз подтвердил, что заграничный центр взял курс на интервенцию, и

требует от «Союзного бюро» самой активной работы в этом направлении.

Второй пленум «Союзного бюро» осенью 1929 года обсудил директиву об интервенции и принял постановление о том, что «интервенция является необходимым орудием борьбы с диктатурой пролетариата, советской властью», и с этого времени вся работа «Союзного бюро» была подчинена этому постановлению.

Судебное следствие установило, что принятие курса на интервенцию и на вредительство, как средство ее подготовки, привело русских социал-демократов (меньшевиков) к заключению тесного политического блока с кулацко-эсеровской контрреволюционной партией Кондратьева — Чайнова и с «Промышленной партией», являющейся интервенционистской, шпионско-вредительской организацией крупной буржуазии.

Все эти контрреволюционные организации на совместном совещании своих руководителей в начале 1929 года распределили между собой функции борьбы с советской властью, а именно: «Промышленная партия» взяла на себя, через посредство находящейся в Париже организации бежавших от пролетарской революции русских крупных капиталистов (Манташева, Денисова, Рябушинского, Гукасова, Коновалова, Нобеля и др.) и именуемой себя «Торгпромом», — переговоры с интервенционистскими правительствами и их генеральными штабами, организацию подрывных (диверсионных) групп, формирование контрреволюционных элементов среди инженерно-технической интеллигенции и вредительства по отраслям промышленности; кулацко-эсеровская партия Кондратьева — Чайнова взяла на себя организацию кулацких восстаний, снабжение повстанцев оружием и продовольствием, организационную контрреволюционную работу среди специалистов сельского хозяйства и вредительство в отраслях этого хозяйства; русские социал-демократы (меньшевики), с одобрения своего заграничного центра, приняли на себя вредительство в общем и специальном планировании народного хозяйства, конкретное вредительство в области заготовок хлеба и сырья для промышленности, распределения промышленных товаров, рабочего снабжения, а также в области финансирования и кредита; кроме того, они обязались при посредстве своего заграничного центра и II Интернационала принять меры к подготовке такого общественного мнения трудящихся, а в особенности мирового пролетариата, при котором интервенция в Стране Советов не встретила бы с их стороны сопротивления.

Судебное следствие установило, что для осуществления вредительской работы и оплаты непосредственного вредитель-

ства русские социал-демократы (меньшевики) договорились с контрреволюционной организацией крупной буржуазии — «Промышленной партией» — о получении от нее денежной помощи, направляемой из Парижа от «Торгпрома» и связанных с ним империалистических кругов, и через казначей центрального комитета «Промышленной партии» Ларичева получили в течение 1929 и 1930 года двести тысяч рублей.

Другим источником финансирования вредительской работы русских социал-демократов (меньшевиков) были германская социал-демократия и II Интернационал; деньги из этого источника направлялись «Союзному бюро» через заграничный центр русских социал-демократов (меньшевиков) и технически — через Финн-Енотаевского и Громана.

Из этого источника «Союзным бюро» центрального комитета русских социал-демократов (меньшевиков) было получено 280 тысяч рублей, кроме того, в начале вредительской деятельности были получены 20 тыс. руб. от Дана через Шурьгина — Петуниным и 15 тысяч рублей от «Промышленной партии» через Шейна — Залкиндо. А всего получено было пятьсот пятнадцать тысяч рублей.

На ряду с этим в судебном заседании выяснилось, что свою преступную контрреволюционную работу по подготовке интервенции и финансированию в этих целях вредительской работы «Союзного бюро» заграничный центр русских социал-демократов (меньшевиков) проводил с ведома и одобрения II Интернационала, прикрывавшего эту работу и оказывавшего через германскую социал-демократию им денежную помощь.

В то же время II Интернационал (Вельс, Гильфердинг, Блюм), двурушнически, лицемерно выступая против интервенции, развивал контрреволюционную деятельность против Союза Советских Социалистических Республик, подготавливая тем общественное мнение рабочих к намечаемой интервенции и помогая этим хищническим замыслам империалистов против Союза Советских Социалистических Республик.

На основании вышеизложенного и руководствуясь статьями 319 и 320 УПК РСФСР, Специальное присутствие Верховного суда Союза Советских Социалистических Республик установило:

1. Громан Владимир Густавович вошел в состав контрреволюционной организации русских социал-демократов (меньшевиков), деятельность которой направлена на прямое свержение советской власти путем военной интервенции и восстановление в Союзе ССР капиталистического строя. В этих целях, а также в целях непосредственной подготовки интервенции Громан:

а) организовал с другими лицами в начале 1928 г. в Москве «Союзное бюро»

центрального комитета вышеуказанной контрреволюционной организации русских социал-демократов (меньшевиков) и руководил его деятельностью;

б) вступил в связь с представителями контрреволюционной организации крупных капиталистов — «Промышленной партии» и представителями контрреволюционной кулацко-эсеровской партии Кондратьева—Чаянова;

в) осуществлял общее руководство вредительской деятельностью «Союзного бюро» и, будучи ответственным служащим правительственного аппарата советской власти, пользуясь своим служебным положением, осуществлял непосредственное вредительство проведением в контрольных цифрах и конъюнктурных обзорах народного хозяйства заведомо враждебных политике советской власти плановых построений и заведомо искаженных конъюнктурных оценок; отстаивал по промышленности, сельскому хозяйству и другим отраслям народного хозяйства мероприятия, приводившие к торговле, заведомому срыву и дезорганизации этих отраслей народного хозяйства;

г) получал денежные средства на осуществление вредительства и подготовку интервенции от «Торгпрома» и связанных с ним империалистических кругов, через «Промышленную партию», а равно и на те же цели — от германской социал-демократической партии и II Интернационала, через заграничный центр русских социал-демократов (меньшевиков), и руководил распределением этих средств, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58¹¹, 58⁴, 58⁷ Уголовного Кодекса РСФСР.

2. Шер Василий Владимирович вошел в состав той же контрреволюционной организации русских социал-демократов (меньшевиков), деятельность которой направлена на прямое свержение советской власти путем военной интервенции и восстановление в Союзе ССР капиталистического строя. В этих целях, а также в целях непосредственной подготовки интервенции Шер:

а) организовал с другими лицами в начале 1928 г. в Москве «Союзное бюро» центрального комитета вышеуказанной контрреволюционной организации русских социал-демократов (меньшевиков) и руководил его деятельностью;

б) вступил в связь с представителями контрреволюционной организации крупных капиталистов — «Промышленной партии» к представителями контрреволюционной кулацко-эсеровской партии Кондратьева—Чаянова;

в) осуществлял общее руководство вредительской деятельностью «Союзного бюро» и, будучи ответственным служащим правительственного аппарата советской власти, осуществлял непосредственное вредительство проведением заведомо неправильного распределения кредитов,

непринятием мер к подготовке кредитной реформы, уклонением от своевременной посылки циркуляров на места и запутыванием смысла банковских директив;

г) распределял между членами находившихся под его руководством вредительских социал-демократических (меньшевистских) ячеек получаемые от финансирующих «Союзное бюро» организаций денежные суммы;

д) руководил работой военной комиссии «Союзного бюро»;

е) устанавливал технические связи по сношению с заграничным центром русских социал-демократов (меньшевиков);

ж) хранил документы своей контрреволюционной организации, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58¹¹, 58⁴ и 58⁷ УК РСФСР.

3. Гинзбург Абрам Моисеевич вошел в состав контрреволюционной организации русских социал-демократов (меньшевиков), деятельность которой направлена на прямое свержение советской власти путем военной интервенции и восстановление в Союзе ССР капиталистического строя.

В этих целях, а также в целях непосредственной подготовки интервенции Гинзбург:

а) организовал с другими лицами в начале 1928 года в Москве «Союзное бюро» центрального комитета контрреволюционной организации русских социал-демократов (меньшевиков) и руководил его деятельностью;

б) вступил в связь с представителями контрреволюционной организации крупных капиталистов — «Промышленной партией» и представителями контрреволюционной кулацко-эсеровской партии Кондратьева—Чаянова;

в) осуществлял общее руководство вредительской деятельностью «Союзного бюро» и, будучи ответственным служащим правительственного аппарата советской власти, пользуясь своим служебным положением, осуществлял непосредственное вредительство, устанавливая минимальные размеры роста продукции в пятилетнем плане промышленности, по основному ее отраслям, представляя извращающие действительное положение конъюнктурные обзоры, вводящие в заблуждение руководящие хозяйственные круги, противодействуя темпам развития металлургической, машиностроительной, металлообрабатывающей промышленности путем задержки развития заводов этой промышленности и, в частности, заводов Магнитогорского и Сталинградского, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58¹¹, 58⁴ и 58⁷ УК РСФСР.

4. Суханов Николай Николаевич вошел в ту же контрреволюционную организацию, при чем в «Союзном бюро» центрального комитета русских социал-демократов (меньшевиков) вместе с Громаном, Шером и Гинзбургом занял

руководящее положение. В целях осуществления задач вышеуказанной контрреволюционной организации Суханов:

а) участвовал в пленумах и комиссиях «Союзного бюро»;

б) разрабатывал политические доклады и подготовлял проекты решений по ряду вопросов для «Союзного бюро»;

в) участвовал в разработке вредительских методов борьбы «Союзного бюро» с советской властью;

г) участвовал в составлении массовой контрреволюционной литературы, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 58⁴, 58^а и 58⁷ УК РСФСР.

5. Соколовский Арон Львович вошел в ту же контрреволюционную организацию и в состав «Союзного бюро» в качестве его члена. В целях осуществления задач этой контрреволюционной организации Соколовский:

а) участвовал в работе пленума и комиссий «Союзного бюро»;

б) содействовал установлению блока своей организации с «Промпартией» и партией Кондратьева—Чаянова;

в) участвовал в разработке методов вредительства «Союзного бюро» и, будучи ответственным служащим государственного аппарата советской власти, пользуясь своим служебным положением, осуществлял непосредственное вредительство построением и проведением минималистских темпов сырья пятилетки и в особенности по хлопку, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 58⁴, 58^а и 58⁷ УК РСФСР.

6. Якубович Михаил Петрович вошел в ту же контрреволюционную организацию и в состав «Союзного бюро» в качестве его члена.

В целях осуществления задач этой контрреволюционной организации Якубович:

а) участвовал в работе пленума, военной комиссии и руководил печатной техникой «Союзного бюро»;

б) участвовал в разработке методов вредительства «Союзного бюро» и, будучи ответственным служащим государственного аппарата советской власти, пользуясь своим служебным положением, осуществлял непосредственное вредительство в области завоза промышленных товаров и их распространения по районам, в результате чего получалось переснабжение товарами одних районов и недоснабжение других, при чем товары направлялись не по сезону и в ассортименте, не соответствующем спросу населения, а равно производилось систематическое недоснабжение товарами рабочих центров и районов, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 58⁴, 58^а и 58⁷ УК РСФСР.

7. Залкинд Лазарь Борисович вошел в ту же контрреволюционную организацию и в состав «Союзного бюро» в качестве его члена.

В целях осуществления задач этой контрреволюционной организации Залкинд:

а) участвовал в работе пленума и организационной комиссии «Союзного бюро»;

б) участвовал в разработке методов вредительской работы и, будучи ответственным служащим государственного аппарата советской власти, пользуясь своим служебным положением, осуществлял непосредственное вредительство в области планирования товарооборота в стране, вследствие чего получалось переснабжение товарами одних районов и недоснабжение других районов, а равно срыв заготовок и недоснабжение товарами рабочих центров и районов;

в) получил на вредительство от «Промышленной партии» через Шейна пятнадцать тысяч рублей, являющихся первым получением до блока с «Промпартией», т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 58⁴, 58^а и 58⁷ УК РСФСР.

8. Волков Иван Григорьевич вошел в ту же контрреволюционную организацию и в состав «Союзного бюро» в качестве его члена.

В целях осуществления задач этой контрреволюционной организации Волков:

а) участвовал в работе пленума и организационной комиссии «Союзного бюро», выполняя функции организатора по привлечению в организацию бывших рабочих-меньшевиков;

б) участвовал в разработке методов вредительства «Союзного бюро» и, будучи ответственным служащим государственного аппарата советской власти, пользуясь своим служебным положением, осуществлял разрыв между темпами финансирования и темпами строительства в области машиностроения, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 58⁴, 58^а и 58⁷ УК РСФСР.

9. Петунин Кирилл Гаврилович вошел в ту же контрреволюционную организацию и в состав «Союзного бюро» в качестве его члена.

В целях осуществления задач этой контрреволюционной организации Петунин:

а) участвовал в работе пленума и комиссий «Союзного бюро»;

б) участвовал в разработке методов вредительства «Союзного бюро» и, будучи членом правления Центросоюза, пользуясь своим служебным положением, осуществлял непосредственное вредительство, которое выразилось в неправильном завозе товаров в районы и рабочие центры, в отправлении по районам товаров, не соответствующих сезону и не отвечающих спросу населения, в повышении цен на промтовары, в сокрытии средств кооперации, в частности, размеров текущего накопления, в невыполнении постановления правительства по возвращению кооперацией средств, своевременно отпу-

ценных ей правительством, в свертывании кооперативного строительства и в сопротивлении включению потребкооперации в сферу действия кредитной реформы;

в) получил на вредительство первый заказ от Дана в сумме 20 тыс. рублей; т.е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 58^а, 58^б и 58^в УК РСФСР.

10. Финн-Енотаевский, Александр Юльевич, бывший ряд лет большевиком, вступил в контрреволюционную организацию русских социал-демократов (меньшевиков) и в их «Союзное бюро» в качестве его члена.

В целях осуществления задач этой контрреволюционной организации Финн-Енотаевский:

а) участвовал в теоретическом обосновании политико-экономических вопросов, прорабатывавшихся в «Союзном бюро» для проведения контрреволюционной работы;

б) служил связью между заграничным центром русских социал-демократов (меньшевиков) и их «Союзным бюро» по доставке денег на вредительство и по доставке документов и литературы контрреволюционного характера, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 58^а, 58^б и 58^в УК РСФСР.

11. Берлацкий, Борис Маркович вошел в ячейку контрреволюционной организации русских социал-демократов (меньшевиков), имевшуюся в Государственном банке Союза ССР, и под руководством «Союзного бюро»:

а) создал ряд вредительских ячеек в подведомственных ему учреждениях;

б) служил живой связью между заграничным центром русских социал-демократов (меньшевиков) и меньшевистской организацией внутри Союза ССР;

в) будучи ответственным служащим правительственного аппарата советской власти, пользуясь своим служебным положением, осуществлял вредительство путем дезорганизации работы в бухгалтерии и статистике Госбанка, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 58^а, 58^б и 58^в УК РСФСР.

12. Иков, Владимир Константинович, являясь активным членом вышеуказанной контрреволюционной организации, в целях осуществления ее задач:

а) вел активную контрреволюционную организационную работу, как уполномоченный заграничного центра русских социал-демократов (меньшевиков);

б) служил связью между «Союзным бюро» и московской группой социал-демократов (меньшевиков), а с другой стороны, между вышеуказанными организациями и заграничным центром русских социал-демократов (меньшевиков);

в) после ареста «Союзного бюро» принимал меры к его восстановлению, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 58^а и 58^б УК РСФСР.

13. Тейтельбаум, Моисей Исаевич вступил в вышеуказанную контрреволюционную организацию и для осуществления ее цели:

а) работал над организацией ячеек социал-демократов (меньшевиков) как в советских учреждениях за границей, так и внутри Союза ССР;

б) являлся связью между заграничным центром организации (меньшевиков) и «Союзным бюро», т.е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 58^а и 58^б УК РСФСР.

14. Рубин, Исаак Ильич вступил в вышеуказанную контрреволюционную организацию и для осуществления ее цели:

а) участвовал в работах программной комиссии «Союзного бюро»;

б) вел контрреволюционную организационную работу;

в) хранил наиболее важные документы «Союзного бюро» и заграничного центра русских социал-демократов (меньшевиков), т.е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 58^а, 58^б и 58^в УК РСФСР.

На основании статьи 326 ч. 3 УПК РСФСР Специальное Присутствие Верховного Суда Союза ССР

ПРИГОВОРИЛО:

Тейтельбаума, Моисея Исаевича—к пяти годам лишения свободы и с поражением в правах, согласно статьи 31 УК РСФСР предусмотренных лит. «а, б, в, г, е», на два года.

Рубина, Исаака Ильича—к пяти годам лишения свободы и с поражением в правах, согласно статьи 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. «а, б, в, г, е», сроком на два года.

Волкова, Ивана Григорьевича—к пяти годам лишения свободы и с поражением в правах, согласно статьи 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. «а, б, в, г, е», сроком на два года.

Соколовского, Арона Львовича—к восьми годам лишения свободы и с поражением в правах, согласно статьи 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. «а, б, в, г, е», сроком на три года.

Залкина, Лазаря Борисовича—к восьми годам лишения свободы и с поражением в правах, согласно статьи 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. «а, б, в, г, е», сроком на три года.

Берлацкого, Бориса Марковича—к восьми годам лишения свободы и с поражением в правах, согласно статьи 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. «а, б, в, г, е», сроком на три года.

Икова, Владимира Константиновича—к восьми годам лишения свободы и с поражением в правах, согласно статьи 31 УК РСФСР, предусмотренных литерами «а, б, в, г, е», сроком на три года.

Петунина, Кирилла Гавриловича—к десяти годам лишения свободы и с поражением в правах, согласно статьи 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. «а, б, в, г, е», сроком на пять лет.

Финн-Енотаевского, Александра Юльевича—к десяти годам лишения свободы и с поражением в правах, согласно статьи 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. «а, б, в, г, е», сроком на пять лет.

Якубовича, Михаила Петровича—к десяти годам лишения свободы и с поражением в правах, согласно ст. 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. «а, б, в, г, е», сроком на пять лет.

Гинзбурга, Абрама Моисеевича—к десяти годам лишения

свободы и с поражением в правах, согласно статьи 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. «а, б, в, г, е», сроком на пять лет.

Суханова, Николая Николаевича—к десяти годам лишения свободы и с поражением в правах, согласно статьи 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. «а, б, в, г, е», сроком на пять лет.

Шера, Василия Владимировича—к десяти годам лишения свободы и с поражением в правах, согласно статьи 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. «а, б, в, г, е», сроком на пять лет.

Громана, Владимира Густавовича—к десяти годам лишения свободы и с поражением в правах, согласно ст. 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. «а, б, в, г, е», сроком на пять лет.

Всем заключенным зачесть срок предварительного заключения.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Председатель Специального присутствия Верховного суда СССР

Н. ШВЕРНИК

Члены Специального присутствия Верховного суда СССР

МУРАНОВ, АНТОНОВ-САРАТОВСКИЙ

15183
Цена 1 р. 60 к.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ
КНИГОЦЕНТРА И КООПКНИГИ
ПОЧТОВЫЕ ЗАКАЗЫ—
„КНИГА ПОЧТОЙ“
ПРИ МАГАЗИНЕ № 54, МОСКВА, КУЗНЕЦКИЙ МОСТ